This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav
605
25

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE

OF BOSTON

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898

JAN 10 1902

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1871 г.

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.
1871.

~~SLaw 25.12~~
PSlaw 605.25

Harvard College Library
Jan. 16, 1902
PIERCE FUND.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. ІЮЛЬ. 1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Записки Гавріила Ивановича Добрынина**, 1752 — 1823 гг. Часть вторая, 1777—1778 гг. Сообщ. **А. П. Стороженко и Л. Н. Антроповъ** 1

II. Воспоминанія о М. И. Глинкѣ. 1825 — 1855 гг. П. С. . . 39

III. Фрейлины Русскаго двора въ XVIII-мъ столѣтіи. Біографическіе списки **П. О. Карабанова**. . 59

IV. Василій Назаровичъ Каразинъ: первое письмо его къ императору Александру Павловичу 22 марта 1801 г. Сообщ. **Ф. В. Каразинъ** 68

V. На рожденіе Я. Н. Бедряги. 1821. Стихотвореніе **К. Ѳ. Рылѣева**. Сообщ. **М. А. Веневитиновъ** 80

VI. Инструкція императора **Александра I-го** гр. П. А. Шувалову, при отправкѣ его съ порученіемъ во Францію, 1820 г. Сообщ. графъ **А. П. Шуваловъ** . . 81

VII. Листки изъ записной книжки: 1. Сенатскій указъ о публичномъ сожженіи книги: «Вадимъ Новгородскій, трагедія Княжнина». 1793 г. Сообщ. **А. Г. Пупаревъ**. (91) 2. Императоръ Александръ I-й въ Угорской Руси. 1821 г. Сообщ. Протоіер. **Кустодіевъ** (92) 3. Есаулъ Кательниковъ: его отреченіе отъ раскола. 1824 г. Сообщ. **А. А. Карасевъ** (95). Поправка. Библіогр. лист. о нов. книгахъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738-1794 гг. **томъ второй**, ч. XII: письма 119—124: Бытъ русскаго дворянства въ XVIII-мъ столѣтіи. 1765—1768 гг.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Портретъ **А. Л. Витберга**, рисунокъ проектированнаго имъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ въ память 1812 г., равно **портреты и снимки съ писемъ** проч. замѣчат. русскихъ дѣятелей будутъ помѣщаемы при послѣдующихъ книгахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.
1871

VII-я книга «Русской Старины» вышла 1-го іюля.

Общеславянская Азбука съ приложеніемъ образцовъ Славянскихъ нарѣчій, составилъ А. Гильфердингъ. Спб. 1871 г. 18 и CXXIX стр. Ц. 1 руб.

Книга эта есть замѣчательная попытка примѣнить русскую азбуку къ звукамъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Бо́льшую часть книги занимаютъ образцы: составитель взялъ три главы изъ Евангелія и представилъ ихъ въ переводѣ на всѣ нарѣчія. При полномъ отсутствіи у насъ пособій къ изученію славянскихъ нарѣчій, книга эта весьма полезна для начинающихъ, такъ какъ, представляя одно и тоже содержаніе на всѣхъ нарѣчіяхъ, она даетъ возможность сравнивать ихъ между собою. Жаль только, что составитель не приложилъ къ книгѣ краткой характеристики фонетическихъ и грамматическихъ особенностей каждаго нарѣчія въ его современномъ состояніи; при послѣдующихъ изданіяхъ хорошо бы обратить на это вниманіе. Мы не сомнѣваемся, что этой книгѣ суждено выдержать нѣсколько тисненій: при современныхъ отношеніяхъ Западныхъ и турецкихъ славянъ къ Россіи—трудъ А. Ѳ. Гильфердинга положительно необходимъ и его «общеслав. азбука» будетъ встрѣчена во всемъ славянскомъ мірѣ съ величайшимъ удовольствіемъ.

Исторія русской словесности. Составилъ И. Порфирьевъ. Часть I. Древній періодъ: Устная и книжная словесность до Петра В. Казань. 1870 г. 547 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ очень хорошо воспользовался всѣми трудами, какіе представляетъ современная наука по исторіи русской словесности, и его сочиненіе займетъ почетное мѣсто въ нашей литературѣ. І. Порфирьевъ, между прочимъ, приводитъ много отрывковъ изъ разбираемыхъ сочиненій, такъ что его Истор. слов. замѣняетъ и христоматію. — Цѣна весьма умѣренная; это очень важно въ книгѣ, которая должна имѣть значительное число читателей.

Очерки общественнаго движенія въ царствованіе Александра I-го. Соч. А. Пыпина. Спб. 1871 г. 487 стр. Ц. 3 р.

Это одинъ изъ самыхъ живыхъ и талантливыхъ трудовъ въ нашей исторической литературѣ, которая этими свойствами вообще не отличается (за исключеніемъ трудовъ Н. И. Костомарова и немногихъ другихъ). Г. Пыпинъ умѣлъ сдѣлать свой трудъ въ высшей степени интереснымъ, не смотря на то, что ему были недоступны архивные и вообще непечатные источники (за исключеніемъ, можетъ быть, весьма не многихъ записокъ декабристовъ). Въ талантливыхъ очеркахъ г. Пыпина передъ читателемъ проходятъ дѣтство и юность императора Александра, первые либеральные годы его царствованія; далѣе авторъ знакомитъ насъ съ ненапечатаннымъ на русскомъ языкѣ обширнымъ планомъ преобразованій — Сперанскаго, и воздаетъ должное этому замѣчательному человѣку; противопоставляетъ ему Карамзина съ его «запискою о древней и новой Россіи» (также доселѣ въ Россіи вполнѣ ненапечатанной) и подробно знакомитъ съ ея содержаніемъ; наконецъ, на сколько возможно подробно, очерчиваетъ постепенное развитіе у насъ тайныхъ обществъ, приведшихъ къ 14 Дек. 1825 г. Послѣднее, не менѣе всего остальнаго, интересно для нашего общества, которое досихъ поръ слышало о декабристахъ отзывы либо оффиціозныхъ лицъ, либо вообще, въ томъ или другомъ отношеніи, лицъ пристрастныхъ.

Для занимающихся исторіею, книга г. Пыпина имѣетъ еще то значеніе, что она наглядно показываетъ, что можетъ сдѣлать для новѣйшей Русской исторіи талантливый изслѣдователь и на основаніи уже изданныхъ матеріаловъ, не исчерпывая даже архивныхъ богатствъ. Въ настоящее время съ каждымъ днемъ появляются новые интересные матеріалы для исторіи XVIII и XIX вѣковъ и нельзя не пожелать, чтобы болѣе и болѣе являлись лица, которые съумѣли бы ими воспользоваться, готовыя посвятить себя на разработку этихъ данныхъ: кромѣ интереса историческаго, таковые труды были бы крайне важны для яснаго и всесторонняго понятія о настоящемъ положеніи нашего отечества.

Пожелаемъ, чтобы А. Н. Пыпинъ продолжалъ свои историческія изслѣдованія; царствованіе Александра I-го имъ еще далеко не исчерпано; не менѣе плодотворное поле для такихъ работъ представляетъ и время Екатерины II.

Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Часть I. Составилъ В. Водовозовъ. Спб. 1871 г., 287 и XI стр. Ц. 45 к.

Книга для учителей, XIV и 191 стр. Ц. 60 к.

Въ прошломъ году мы имѣли случай дважды говорить о почтенныхъ трудахъ г. Водовозова. Послѣ того имъ издано еще нѣсколько книгъ: «Дѣтскіе разсказы и стихотворенія» (ц. 75.) — одна изъ лучшихъ дѣтскихъ книгъ, — «По старой памяти, какъ по грамотѣ: очеркъ русской народной литературы» (ц. 40 к.), написанный совершенно простымъ, доступнымъ и необразованному человѣку языкомъ, и наконецъ теперь передъ нами двѣ новыя его книги, заглавія которыхъ мы выписали выше. Дѣятельность по истинѣ изумительная. — Уже многія изъ прежнихъ изданій В. И. Водовозова были или прямо предназначены для народныхъ школъ или, по крайней мѣрѣ, были пригодны для нихъ по своему содержанію;

(смотр. окончаніе на обверткѣ).

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1823.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

§ XXXI *).

Бѣлоруссія.

Перевалившись въ новоприобрѣтенный Бѣлорусскій край, мы удивились, увидя безконечную аллею, по которой ѣхали, усаженную съ обѣихъ сторонъ по два ряда березками, и спѣшили добѣжать ея конца; но къ большему нашему удивленію и путевой радости, узнали, что это была большая почтовая дорога, прорѣзанная правильно по распоряженію и повелѣнію бѣлорусскаго тогдашняго главнокомандующаго, а потомъ бѣлорусскаго государева намѣстника графа Захара Григорьевича Чернышева**).

Смотря на проѣзжаемый нами сосновой лѣсъ, на новопостроенные почтовые домы, на исправную почтовую упряжку и хорошихъ лошадей, которыхъ намъ вездѣ запрягали расторопно,

*) См. «Русскую Старину». Т. III, изд. 1871 г. стр. 119, 247, 395, 562 и 649. Ред.

**) Теперь извѣстны уже во всей имперіи бѣлорусскія большія дороги. И хотя они въ послѣдующія времяна довольно измѣнились, однако-жъ вида и основанія своего не потеряли. Сей, златыхъ для Россіи времянъ, вельможа и патріотъ, доказалъ: что, ему легче было созидать, нежели другимъ созданное поддерживать. А можетъ-быть это и потому, что онъ имѣя отъ государыни императрицы полную довѣренность, имѣлъ силу не допущать никого вмѣшиваться въ его распоряженія. Г. Д.

не говоря напередъ даже ни о прогонахъ, ни о подорожной; на обмундированныхъ въ куртки зеленаго сукна почталіоновъ, съ мѣдными на каскахъ со лба гербами, а съ затылка номерами *), на прочные, и даже красивые, во всю широту дороги, мосты, я столько былъ простъ, что даже и не помыслилъ, что все, видимое нами, есть плодъ дѣятельности и образованнаго вкуса главнокомандующаго россійскаго графа Чернышева. Напротивъ, я изъ сихъ видимыхъ предметовъ, заключалъ, что по пріѣздѣ въ первой бѣлорусской городъ Рогачевъ, мы увидимъ великолѣпныя зданія. Доказательство, что я ни малѣйшаго не имѣлъ свѣдѣнія о политическомъ состояніи польской республики; слѣдовательно и не зналъ, что я въѣхалъ въ край, бывшій недавно подъ владѣніемъ—какъ одинъ свѣту извѣстный писатель сказалъ—ста тысячь королей, кои просвѣщены монахами, укрѣплены союзами съ народомъ іудейскимъ, на счетъ своихъ подданныхъ, дикихъ евронейцовъ, непримиримыхъ враговъ труду и трезвости.

Приблизившись къ городу, мы увидѣли обыкновенную деревню, а въѣхавши въ него, нашли лутчее изъ всѣхъ, строеніе: новой почтовой домъ, выстроенной по новому общему плану. Но какъ обстоятельства дѣлъ нашихъ требовали здѣсь приостановиться, то мы едва нашли у одного изъ жидовъ квартиру, въ которой можно было укрыться отъ дождя, но не отъ смраду и не отъ таракановъ.

Я, неимѣя больше чѣмъ заняться, прошолъ и обошолъ раза три городъ, и всегда видѣлъ тѣже мужицкія хижины и жидовскія карчмы, погруженныя въ вѣчную грязь и навозъ. Въ пустомъ замкѣ, заросшемъ высокою травою, одна уніятская церковь, а среди города на песчаномъ бугру, другая; на возвышенномъ берегу Днѣпра, базиліанской деревянной, старой, бѣдной кляшторъ, и баталіонная малая церковь. Все сіе публичное зданіе, бѣдное и ветхое, кромѣ баталіонной церкви, построенной вновь

*) Съ 1797 года зеленыхъ куртокъ и касокъ съ гербами уже нѣтъ; а въ 1804-мъ году случилось мнѣ видѣть съ балкона нашего департамента, какъ бѣлорусскій военный губернаторъ Михельсонъ, возвращаясь изъ Могилева ѣхалъ по Витебску. Въ большую ево карету, множество нацѣплено было малыхъ мужичьихъ лошадей, какъ овецъ. Почталіоны въ крестьянскихъ запунахъ, безъ поясовъ, безъ шапокъ, босикомъ. — 1808 г. іюль. Г. Д.

сверою рувою, на подобіе анбара съ окнами, которая кромѣ новости ничего не имѣла. Храмы сіи дополняются прихожанами изъ деревень, а для жидовской синагоги, довольно и городскихъ іудеянъ *) одни только воды дають сему мѣсту преимущество предъ многими городами. Съ одной стороны Днѣпръ, а съ другой Друць слились вмѣстѣ, и при самомъ соединеніи, образовали изъ твердой земли острой клинъ, или по географически мысъ, по-русски носъ, по-бѣлорусски рогъ, отъ чего вѣроятно и городъ, поселившійся на сей много-имянитой земли, получилъ названіе Рогачева. Понеже время сіе было еще до открытія губерній, по образу учрежденія Екатерины Великія, то гражданское правительство состояло изъ провинціальной канцеляріи, въ которой чиновники: воевода, товарищъ, прокуроръ и два секретаря съ канцелярскими служительми. Въ особой канцеляріи уѣздной комиссаръ, отправляющій должность полицейскую въ городѣ и въ уѣздѣ, таможня съ чиновниками и служительми, и комендантъ съ семействомъ и малою командою, а баталіонъ по деревнямъ.

Узнавъ, что весь городъ состоитъ на казенномъ жалованьѣ, слѣдовало, по порядку, видѣть кого-нибудь изъ сихъ благородно-кочующихъ, а особливо упомянутаго мною въ первой части г-на Звягина. Мы пошли на другой день послѣ полудни, около 5-го часа, въ его квартиру, и Луцевинъ долженъ былъ принять на себя первенство. При началѣ свиданья со Звягинымъ, онъ напомнилъ о своемъ малолѣтствѣ, о своей фамиліи и знакомыхъ, потому что Звягинъ давно уже съ своей родины отлучился. Потомъ наименовалъ своего товарища. Звягинъ принялъ насъ довольно пріятно, и мы всѣ трое вступили въ рѣчь. Хозяинъ пожелалъ знать причину путешествія посѣтителей своихъ. Мы объявили, что ищемъ службы и проч. Онъ отвѣчалъ:

— «Вы благоразумно дѣлаете, вы еще люди молодые **), всего

*) Уже въ теченіе долголѣтной моей въ Бѣлоруссіи службы, узналъ я изъ опыта, что въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, пять только городовъ: Могилевъ, Полотскъ, Витебскъ, Невель, Велижъ; протчіе всѣ—довольно похуже Рогачева, кромѣ Орши и Мстиславля. Г. Д.

**) По моему разсудку: молодой человѣкъ, въ нашемъ климатѣ, лѣтъ отъ 17-ти до 24-хъ. Къ удивленію, меня даже и тогда называли молодымъ человѣкомъ, когда мнѣ было за 35 лѣтъ. Ежели это по моложавому лицу, то не худо. А ежели жаловали меня молодымъ изъ снизхожденія къ молодому разсудку, то неловко. Г. Д.

можете надѣяться и все еще передъ вами. Чего досѣдишься дома? Я, также какъ вы, пустился на волю божію. Благодарю Бога, случай нашолъ мнѣ знакомаго благодѣтеля Сергѣя Козмича Вязмитинова; онъ еще будучи въ пансіонѣ, зналъ меня, какъ я былъ повытчикомъ. Онъ, теперь будучи при главнокомандующемъ бѣлорусскими губерніями, генералъ-фельдмаршалѣ графѣ З. Г. Чернышевѣ, генер.-адъютантомъ, доставилъ мнѣ теперешнее мѣсто».

— Позвольте, перервалъ я, не изъ рыльскихъ ли онъ помѣщиковъ? Я тамъ знаю подпорутчика Ивана Козмича Вязмитинова, не свои ли они?

— «Это братъ его младшій, отвѣчалъ Звягинъ. Онъ теперь маіоромъ, и находится здѣсь въ Рогачевѣ уѣзднымъ коммиссаромъ», и потомъ продолжалъ, какъ-будто желая упредить наши вопросы: «Наши таможенныя должности, какъ всѣмъ извѣстно, могутъ подкрѣпить состояніе человѣка осторожнаго, знающаго долгъ службы, и важность присяги, человѣка имѣющаго честь; но, для жаждущаго набогатиться, наши должности скользки и пагубны. Благодарю Бога, я, держась моихъ правилъ, не былъ во всю службу ни подъ судомъ, ни подъ отвѣтомъ, да уповаю, что и никогда себя до того не допущу».

Мнѣ весьма понравилась мысль и бесѣда Звягина. Луцевинъ мой спросилъ: «полонъ ли при васъ положенной комплетъ»?

— «Полонъ», отвѣчалъ г. Звягинъ, «но будетъ ли онъ полонъ завтре? или будетъ ли онъ завтре тотъ же, или на мѣсто его другой? Не ручаюсь. Опредѣленіе въ таможню чиновниковъ и служителей зависитъ отъ губернатора. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ цолнеръ мой лишился мѣста; ему велѣно явиться въ Могилевъ, для опредѣленія его къ другой, неизвѣстно какой, должности. На мѣсто его присланъ вашъ одноземецъ, сѣвской уроженецъ г. Хамкинъ; а теперь говорятъ, что и на мѣсто его назначенъ уже другой».

— Отъ чего же такъ? спросилъ я.

— «Оттого» отвѣчалъ г. Звягинъ, «что губернаторъ, по новости края и разныхъ заведеній, отъ каковыхъ внутреннія губерніи свободны, обремененъ несказаннымъ множествомъ бумагъ. Ему едва стаетъ время на выслушаніе ихъ, и на подписаніе исполненій по своимъ приказаніямъ; а правитель его кан-

целяріи г. Алѣевцевъ въ этой мутной водѣ ловитъ рыбку. Подноситъ губернатору къ подписанію между бумагами что хочетъ, и носитъ подписанные ордера въ карманѣ, на секретарскіе чины и на таможенныя должности, которые, смотря по мѣрѣ пользы, употребляетъ въ дѣло, или уничтожаетъ».

— Не уже ли это не доходитъ до губернатора?

— «Жаловаться на него никому не полезно. Губернаторъ самъ говоритъ, что Алѣевцевъ огорчитъ его единожды, а десять разъ ему надобенъ. Случалось, что этотъ способной къ дѣлу гулякa посыланъ бывалъ на гауптвахтъ, для содержанія на хлѣбѣ и водѣ, но на другой день опять оттуда требовался къ должности, потому что губернаторъ не находитъ кѣмъ его замѣнить, хотя и много при немъ секретарей».

— Стоитъ ли онъ этова мнѣнія, какъ губернаторъ объ немъ изъясняется?

— «Стоитъ. Человѣкъ способной къ дѣлу, уменъ, и доброй человѣкъ, пока не загуляетъ *)».

Я спросилъ Звягина:—Кто таковъ изъ Сѣвска Хамкинъ? мнѣ давно случалось тамъ видѣть какого-то купца Хамкина, не молодого уже человѣка, которой охотникъ еще и пѣть въ церкви громкимъ голосомъ, теноро-басистымъ.

— «Да онъ-то и есть,— отвѣчалъ Звягинъ,— онъ и здѣсь не умолкаетъ. Теперь онъ губернскимъ секретаремъ, по милости Алѣевцева».

При семъ вошелъ человѣкъ, лѣтъ почти равныхъ директору, благообразенъ и пріятнаго себорота. Это былъ таможенной кассиръ г. Киселевскій. Звягинъ, показывая ему на насъ, сказалъ: «это наши одноземцы, одинъ изъ Сѣвска, другой изъ Рыльска, оба господа канцеляристы».

Кис. Радуюсь, хоть и не имѣю чести знать. Да какъ намъ другъ-друга знать? Они люди молодые, а я семнадцать уже лѣтъ какъ Сѣвскъ оставилъ. Слыхали-ль вы про воеводу Николая Юрьевича Ржевскаго?

Я. Я его видалъ, но очень слабо помню за моимъ малолѣтствомъ.

Кис. Я у него былъ камердинеромъ и дядькою при дѣтяхъ,

*) Зачеркнуто: «не запилъ». Ред.

потомъ, по милости его, получилъ вольность, и чрезъ императорской воспитательной домъ—шпагу. Теперь, какъ видите, я здѣсь при должности *).

Я. Хотя разстояніе времяни не позволило намъ знать васъ въ Сѣвскѣ, однако-жъ мы тѣмъ не меньше счастливы, что теперь, на чужой сторонѣ, находимъ себя между своими. Просимъ насъ полюбить, а мы это будемъ заслуживать.

Послѣ сихъ искреннихъ и для насъ очень нужныхъ изъясненій, мы всѣ трое перецѣловались — какъ водится въ мірѣ — и тотчасъ увидѣли человѣка входящаго въ двери, во фракѣ сѣросвѣтлаго камлота, волосы у него закачены въ пучокъ съ полъ-фунтомъ пудры, лѣтъ и росту среднихъ, хорошо раскормленнаго, лица бѣлокураго и не сухого, и собою красика. Онъ поклонился нѣсколько мѣховато, и съ нерадѣніемъ.

— «Милости просимъ князь, сказалъ хозяинъ. Гдѣ-жъ погуляли ваше сіятельство?»

— Во славномъ во городѣ Рогачевѣ, отвѣчалъ избалованнообразной человѣкъ.

— Что за дьявольщина — подумалъ я и взглянулъ на Луцевина — городъ похожъ на скотной дворъ, а въ немъ гнѣздятся князья.

— «Это мои земляки, сказалъ хозяинъ, указывая князю на насъ.

— Что не къ намъ-ли пріѣхали? вопросилъ князь.

— «Куда трафится», отвѣчалъ за насъ хозяинъ.

Между тѣмъ подали чай, и мы, выпивши по чашкѣ, откланялись.

Хорошая погода заохотила насъ пошататься еще нѣсколько времяни по берегу Днѣпра, и непримѣтно завернуться и проходить опять мимо квартиры Звягина. Тутъ намъ встрѣтился **) выходящій князь.

— «Что господа пріѣзжіе?— остановилъ онъ насъ вопросомъ — знаете-ль вы князя Алексѣя Ивановича Горчакова? Онъ здѣсь прокуроромъ и съ вами теперь говоритъ.

---

*) Этотъ Киселевской былъ человѣкъ очень хорошій, пріятной, скромной, вѣжливой; я для того не могъ обойтися безъ сей объ немъ ремарки, что познакомившись съ нимъ дружески и находясь уже при должности въ Могилевѣ, смерть его послѣдовавшую вскорѣ, не могъ я перенесть безъ чувствительной горести.

Г. Д.

**) «Встрѣтился» вмѣсто зачеркнутаго: «наткнулся въ встрѣчу».

— За честь почитаемъ, отвѣчалъ я.

Кн. «Я слышалъ, вы хотите опредѣлиться къ мѣстамъ. Да что вы тутъ сыщете въ провинціальной канцеляріи? тутъ, братъ, за чинки-та надобно кланяться воеводѣ, а въ Могилевѣ будешь ты дарить Алѣевцева. А ежели вы опредѣлитесь къ моимъ прокурорскимъ дѣламъ, такъ я прямо объ васъ напишу къ генералъ-прокурору, и вамъ сенатъ пришлетъ патенты на чины. Вы подлѣ моей квартиры остановились, я знаю, приходите завтре ко мнѣ обѣдать».

Послѣднія его слова похожи были на дѣло; мы поблагодарили его сіятельство, и разстались.

— Какъ ты думаешь объ увѣреніяхъ этова князя? спросилъ я Луцевина.

Луц. отвѣчалъ: «Мнѣ кажется онъ князь простой и на слова его полагаться нельзя».

— Такъ поэтому всего лучше — сказалъ я — что мы завтре будемъ у него обѣдать.

За симъ и вечеръ и ночь протекли.

По утру, вѣжливость требовала быть у князя съ почтеніемъ. Онъ повторилъ намъ приглашеніе къ обѣду. Отъ него разсудили пойтить къ колнеру Хамкину, единственно для того, что онъ одноземецъ. Хамкинъ, старикъ здоровой и крѣпкой, при первомъ взглядѣ вскричалъ:

— А! здорово молодцы! Я васъ вчера не много не засталъ у Петра Савича Звягина, вы только что передо мною ушли.

Мы рекомендовались ему какъ пришлось. Онъ жилъ съ семействомъ, и скоро спросилъ насъ: «вы канцеляристы? у насъ бывало въ Россіи канцеляристы люди умные, дѣловые, старики, а вы люди молодые».

Мы не знали, какъ думать объ этомъ неясномъ смыслѣ, хвалитъ ли онъ насъ, или бранитъ? Можетъ быть подъ другое мы, по справедливости, ближе бы подходили; но мы на ту пору не расположены были выслушивать ни лжи, ни правды, ни грубости, ни лести. Онъ объявилъ о себѣ, что онъ имѣетъ чинъ губернскаго секретаря и что сынъ его Егоръ, такъ же благородной человѣкъ, провинціальной секретарь. Потомъ протянулъ, онъ руку къ картинѣ, вытащилъ изъ-за рамы пакетъ и читаетъ: «Его благородію Ивану Семеновичу Хамкину».

— «Это отъ Василія Яковлевича Алѣевцева».

Потомъ вытянулъ тѣмъ же порядкомъ другой и тоже повторилъ. Намъ не разсудилось у него пробыть больше, откланялись и пошли.

Луцевинъ, по выходѣ, меня спросилъ: Какъ я думаю о цолнерѣ Хамкинѣ?

Я отвѣчалъ:—Онъ на эту пору счастливой скотъ; и мнѣ кажется, что онъ, съ теперешняго овса и сѣна, скоро сядетъ, по долгу службы и присяги, на ржаную солому.

Луцевинъ отвѣчалъ: «Да, ему надобно этава ожидать».

Пророчествуя такимъ бразомъ, о чужихъ судьбахъ, и не зная своей, добрались мы до квартиры уѣзднаго коммиссара, маіора Вязмитинова. Время было около 10-ти часовъ утра. Мы нашли его еще не причосанаго. Послѣ первыхъ нашихъ ему привѣтствій, онъ тотчасъ узналъ во мнѣ знакомое ему лицо, и припомнилъ бытность въ домѣ его отца Сѣвскаго преосвященнаго со всѣмъ штатомъ. Потомъ сказалъ: «да вы уже третій день здѣсь!» а къ Луцевину: «вы вѣдь самой меньшій изъ братьевъ. Кажется я васъ видалъ маленькаго еще, въ Рыльской канцеляріи,» проч. Потомъ онъ, видя что мы хотимъ откланяться, сказалъ: «вы здѣсь люди заѣзжіе, не отобѣдаете-ль у меня запросто, что Богъ послалъ?»

Я поблагодаря, отвѣчалъ, что «очень жалѣемъ, что принуждены лишиться на этотъ разъ нашего удовольствія; насъ пригласилъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.»—«Какъ вы такъ скоро познакомились?» спросилъ Вязмитиновъ съ перемѣною лица. А мы обращая все въ свою пользу, вышедши порадовались, что нами дорожатъ, если ревнуютъ.

Мы отсель пошли на квартиру, и соображая нашими разсужденіями все видѣнное нами въ Рогачевѣ, и такъ же слышанное отъ г-на Звягина, истребили на вѣчныя времена охоту къ должностямъ таможеннымъ.

Между тѣмъ, чѣмъ ближе приходило время къ обѣду, тѣмъ чаще мы посматривали въ окны и напослѣдокъ увидѣли князя, проходящаго изъ канцеляріи домой, и за нимъ выскочили вмѣстѣ съ поклонами.

Князь дома показался намъ еще лутчимъ, нежели вчера на улицѣ; можетъ быть и обѣдъ не мало въ этомъ участвовалъ. На столъ поставлено было только четыре кушанья, но въ найлут-

чемъ вкусѣ, въ изобильномъ количествѣ, и столовой приборъ вообще былъ самой чистой, за которой и бояре царя Владиміра не нашли бы причины къ упрекамъ*).

За столомъ сидѣло насъ четверо: хозяинъ съ нами и его любовница Параша, дѣвка чернобровка, нѣмецкой таліи, греческаго лица; вѣтренаго, слѣдственно и не грубаго свойства. Послѣ обѣда, княжой слуга Никашка заигралъ на гусли, а Параша принялася пѣть, и пѣла довольно хорошо. Пѣсни нѣкоторыя мнѣ были знакомы. Я не пропустилъ случая**) показать, что я по этой части человѣкъ не безъ дарованія. И мы подняли такой концертъ, что князь, Параша и насъ двое разшумѣлись словесно и пѣсненно, какъ будто уже давно были знакомы, или давнее знакомство возобновляли.

Спустя два часа послѣ обѣда, мы откланялись и пошли на квартиру. Луцевинъ, по молодости и по натурѣ, крѣпко заснулъ; а я, по моей натурѣ, пошолъ по городу, по окружавшему его лѣсу, по берегамъ Друци и Днѣпра, и возвращаясь около 6-го часа пополудни, зашелъ къ Вязмитинову. Онъ уже слышалъ отъ Звягина о причинѣ нашего странствованія, а теперь пожелавъ слышать отъ меня самого, былъ благосклоненъ сказать мнѣ:

—«Я охотно-бы вамъ помогъ, но при мнѣ нѣтъ мѣста выгоднаго по штату, кромѣ одного сто-рублеваго, которое, на прошедшей недѣлѣ, очистилось смертію бывшаго при мнѣ канцелярскаго служителя. Ежели-жъ вамъ нуженъ больше оберъ-офицерской чинъ, нежели жалованье, то я вамъ обѣщаю его выпросить. Ежели бы не здѣлали для меня, здѣлаютъ для брата, которой, какъ вы уже знаете, при графѣ генер.-адъютантомъ».

По всеобщему мнѣнію, первымъ счастіемъ браковать не надобно, потому что оно, мстя за себя, въ другой разъ не является; почему и отвѣтъ мой былъ: «извѣстно вашему высокоблагородію, что въ Россіи человѣкъ безъ чина, можно сказать, человѣкъ безъ званія; и ежели будетъ ваша ко мнѣ милость, то я другова мѣста и пособія не ищу».

---

*) Бояре великаго и потомъ равноапостольнаго князя Владиміра, подгулявши у него на пиру, и по образу нравовъ и политики тогдашнихъ временъ, упрекали его, что они ему завоевали много земель съ серебромъ и золотомъ, а онъ ихъ кормитъ на деревянныхъ ложкахъ. Г. Д.

**) Зачеркнуто: «окказіи». Ред.

Вязмитиновъ сказалъ: «Ну, такъ дѣло здѣлано! напиши просьбу по формѣ, завтре подадимъ ее въ провинціальную канцелярію. Она пашлетъ ко мнѣ указъ о опредѣленіи тебя на имѣющуюся при мнѣ ваканцію, а между тѣмъ, я упрежду о семъ воеводу».

— Позвольте намъ, сказалъ я Вязмитинову, съѣздить послѣ подачи просьбы въ Могилевъ.

— «Что тебѣ тамъ дѣлать»?

— Только, чтобы знать свой губернской городъ, и, если случится впередъ туда за чѣмъ, чтобъ онъ былъ знакомѣе; а къ тому же, мы съ товарищемъ хотя и намѣрены были служить при одномъ мѣстѣ, однако-жъ для него здѣсь, повидимому, ничего не случится; то надобно ему постараться о себѣ въ Могилевѣ.

— «Да что ты объ немъ суетишся? Знаешь ли ты его поближе? Я слыхалъ въ Рыльскѣ и въ Путивлѣ, что онъ о сю пору успѣлъ уже заниматься ябедническими дѣлами.»

— Я этова не слыхалъ, однако-жъ это можетъ быть и правда, и быть можетъ, что онъ имѣетъ своихъ недоброжелателей, впрочемъ, мы еще оба съ нимъ не устарѣли. Время научитъ, какъ съ людьми жить на свѣтѣ.

— «Да ты ему не говори — сказалъ мой благодѣтель съ благоразумною предосторожностью — можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ не все правда, что люди врутъ. Ну такъ ѣдешъ въ Могилевъ?..

— Надобно съѣздить.

— «Хорошо, привези же мнѣ оттуда ведро или два вишень; тамъ они нынѣшнее лѣто зародили, а у насъ ихъ никогда нѣтъ.»

Напившись вечерняго чаю, поблагодарилъ я чувствительно моего благодѣтеля, и пришедъ на квартиру, пересказалъ все моему сопутнику, что случилось со мною во время его сна,—исключая мнѣнія объ немъ Вязмитинова. Онъ все слушалъ съ довольнымъ равнодушіемъ, но предположенное путешествіе завтре въ Могилевъ, одобрилъ горячо.

На завтре я пошолъ къ Вязмитинову съ заготовленною просьбою. Онъ мнѣ сказалъ, что воевода упрежденъ отъ него вчерашняго же вечера. Итакъ, одѣвшись, взялъ онъ меня съ собою часу въ 10-мъ въ провинціальную канцелярію, гдѣ принялъ отъ меня воевода просьбу, сидя на своемъ мѣстѣ, и прочитавъ, сказалъ: «Очень хорошо! намъ добрые люди надобны».

Не тратя времени, мы взявши подорожную, сегодни-же выѣхали въ Могилевъ, и вездѣ по дорогѣ видѣли тѣже почтовые домы, упряжку, обмундированныхъ почталіоновъ и туже дорогу. Уже мы знали, что все это есть плодъ труда и вкуса графа Чернышева, а потому, изъ одной ошибки, впали въ другую. Намъ казалось, что, гдѣ графъ Чернышевъ, тамъ непремѣнно долженъ быть другой свѣтъ, имъ самимъ образованной, или по штату ему положенной.

Въ Могилевѣ насилу мы нашли квартиру, немногимъ чѣмъ почище рогачевской, потому что лутчія жилища заняты были графомъ со штатомъ, губернаторомъ, штатскими чиновниками, канцелярскими служительми, воинскими чинами, наѣзжими помѣщиками и просительми; въ отдаленныхъ же отъ центра города домахъ намъ останавливаться не хотѣлось.

Мы, по обыкновенію моему, предприняли обозрѣть мѣсто, чтобы знать, гдѣ мы находимся; однако-жъ одного утра для насъ, по причинѣ обширности селенія, было мало, и мы, не кончивши своего курса, почувствовали надобность возвратиться къ заказанному нашей хозяйкѣ обѣду, а послѣобѣденное время употреблено было на окончаніе нашего обозрѣнія. На другой день мы, одѣвшись, хозяйкѣ обѣда готовить уже не заказывали, потому что онъ показался намъ мѣщановатъ; но походивши, пошли въ трактиръ, гдѣ за супъ и за дурной соусъ изъ вчерашняго жаркова, и за жаренаго цыпленка, съ салатомъ, взяли съ насъ тридневное наше содержаніе. Ожогшись платою за обѣдъ дурной, мы уже не кидали мѣщанскаго обѣда.

Сей день послѣобѣденное время употреблено на размышленіе. Три задачи подлежали нашему рѣшенію, три точки были нашими предметами: 1-е) Луцевину нужно было въ настоящемъ времяни вступить въ службу*); 2-е) при открытіи намѣстничества попасть обоимъ въ росписаніе не на низкія въ губернскомъ городѣ канцелярскія мѣста; а, между тѣмъ, 3-е) стараться не упускать случаевъ къ приобрѣтенію чиновъ **). Слѣдующій за симъ былъ день воскресный. Мы одѣвшись, сколь можно, почище, приче-

*) Зачеркнуто: «въ должность». Ред.

**) Губернатору, для привлеченія въ новой край къ должностямъ людей, дана была власть жаловать въ штатскіе оберъ-офицерскіе чины до губернскаго—включительно—секретаря. Г. Д.

савшись и припудрившись во всю моду, направили путь свой къ квартирѣ вице-губернатора Воронина, куда, по вчерашнему еще нашему плану, Луцевинъ долженъ взойти съ протчими поклонниками, и дать себя примѣтить, а ежели трафится, то и представить себя и изъясниться *). Исполняя сіи намѣренья, Луцевинъ взошелъ во 2-й етажъ, а я пошолъ шататься по городскому валу, и ожидать его тамъ по здѣланному условію. Онъ вскорѣ появился.

— Я нетерпѣливо хочу знать, сказалъ я, есть ли что доброе?

Луц. Все хорошо случилось. Дѣло въ шляпѣ!

Я. По этому все сдѣлано?

Луц. Лишъ только я выступилъ и поклонился, то вице-губернаторъ взглянувъ на меня, спросилъ: вы не имѣете-ль во мнѣ дѣла?—Я ищу службы штатской, отвѣчалъ я.

Виц.-губ. Какъ вы по фамиліи?

Луц. Луцевинъ.

Виц.-губ. Луцевинъ? такъ—вы изъ Россіи? а не знаете-ль вы подполковника Луцевина, Петра Алексѣевича?

Луц. Это мой дядя родной.

Виц.-губ. Гдѣ-жъ онъ теперь? здравствуетъ ли онъ?

Луц. Въ Таганъ-Рогѣ, при должности, здравствуетъ.

Виц.-губ. Мы съ нимъ однополчане и пріятели. Да что-жъ онъ обо мнѣ **) позабылъ?

Луц. Я поѣхалъ сюда изъ Сѣвска***), которой отъ Таганъ-Рога въ дальнемъ разстояніи. Отъ сего времени, я надѣюсь, что онъ, по увѣдомленію моему, будетъ имѣть честь писать къ вашему высокородію ****).

Виц.-губ. Служилъ ли ты гдѣ? Имѣешь ли абшитъ отъ команды?

---

*) До открытія въ Бѣлоруссіи намѣстничествъ, вице-губернаторы имѣли 4-й классъ—хотя бы и за-урядъ. Присутствовали вмѣстѣ съ губернаторомъ, и имѣли подъ своею дирекціею и распоряженіемъ канцелярскихъ чиновъ. По сему и поискъ счастья надлежало начать съ вице-губернатора. Г. Д.

**) Зачеркнуто: «про меня». Ред.

***) Зачеркнуто: «изъ Рыльска». Ред.

****) Луцевина послѣ сего добрые люди остерегли, чтобъ онъ впередъ не говорилъ высокородіе, а превосходительство; ибо хотя Ворониинъ и бригадиръ, однакожъ «за-урядъ генералъ-маіоръ», почему онъ крайне не любитъ, если его кто величаетъ по чину, а не по мѣсту, и часто за это съ просительми бранится. Г. Д.

— Я канцелярист. Имѣю аттестат.

Виц.-губ. Хорошо! подай просьбу, будешь принятъ. А къ дядѣ напиши, что я для него взялся тебѣ помогать, при всякомъ по службѣ случаѣ.

Выслушавъ удачу, неожиданную такъ скоро, повторилъ и я съ восторгомъ: «дѣло въ шляпѣ!»

Между тѣмъ, прозвонили уже давно и мы пошли къ обѣднѣ, въ катедральную архіерейскую церковь. Отъ обѣдни прямо на квартиру, гдѣ отобѣдали тѣмъ съ бо́льшимъ вкусомъ, что одну задачу уже рѣшили. Послѣ обѣда опять по городу и по рядамъ ходить, и зашли въ губернскую канцелярію, посмотрѣть только ея расположенія, въ чаяніи, что тамъ въ праздничный день никого нѣтъ. Вмѣсто того, нашли тамъ множество приказныхъ, и большою частію новопожалованныхъ въ оберъ-офицеры. Секретарей различать было можно по позументамъ на камзолахъ, а протоколистовъ по пуговицамъ на обшлагахъ. Немногіе изъ нихъ писали, другіе сидѣли праздно, а большая часть шатались какъ на рынкѣ, шумѣли, хохотали, бросали другъ на друга пескомъ изъ песочницъ, другъ друга схватывали за воротникъ, за волосы, одинъ за другимъ гонялись, и вскакивали на скомейки. Оставя смотрѣть маневры штатской службы, надобно было на завтрешній день мнѣ возвратиться въ Рогачевъ, а Луцевину остаться въ Могилевѣ, и стараться, во свою пору, о рѣшеніи послѣднихъ двухъ предположеній нашихъ, дѣлая, между тѣмъ, при случаѣ надобности взаимныя сношенія. Я несомнѣвался, что онъ въ силахъ будетъ себя отличить. Онъ былъ малой съ способностью къ приказному дѣлу, зналъ хорошо канцелярской порядокъ, и много помнилъ узаконеній; зналъ часть счетную, но былъ впротчемъ безъ свѣденій и почти безъ нравственности. Любилъ опрятность, но былъ бѣденъ. Я ссудилъ его стомя рублями, пока разбогатѣетъ, и по возвратѣ въ Рогачевъ, отослалъ къ нему въ Могилевъ вещи, съ его человѣкомъ, на наемной повозкѣ.

Я въ Могилевѣ будучи, не позабылъ и о вишняхъ для Вязмитинова; насыпалъ боченокъ ведра въ два. Усердія было довольно, но искусства нашлось очень мало, бѣгучи почтою, я всѣхъ ихъ сколотилъ. Довольно было простоты въ человѣкѣ моего вѣка, если я не собрался этава предвидѣть; и не перело-

жилъ ихъ вишневымъ листомъ, даже недогадался налить французскою водкою, которая тогда въ Могилевѣ продавалась по 4 рубли ведро. Сама справедливость требовала, чтобъ я за мое невѣжество не получилъ спасибо.

§ XXXII.

Присяга на вѣрность службы и проч.

Уже изъ провинціальной канцеляріи получилъ мой благодѣтель указъ, о опредѣленіи меня къ нему, на вышесказанное праздное канцелярскаго служителя мѣсто. Въ слѣдствіе чего, іюля 20 д. 1777 г., присягнулъ я на вѣрность службы, въ баталіонной церкви.

Вязмитиновъ внушилъ обо мнѣ хорошую мысль начальникамъ, а самъ уѣхалъ вскорѣ въ Рыльскъ къ отцу и тестю погостить. Квартиру свою оставилъ мнѣ въ надзираніе, а для меня отведена коморка въ его канцеляріи, состоящей тутъ же чрезъ улицу. Но какъ канцелярія сія была въ избѣ тамошняго мужика, переименованнаго *) мѣщаниномъ въ одно время съ городомъ по забраніи уже края, то преизобиловала она чорными тараканами, въ которыхъ я хотя ни малѣйшей не имѣлъ надобности, однако-жъ они на ту пору связаны были съ моею службою. Замазавши и заклеивши всѣ отверстыя мѣста, ущелины и стремнины, и отбѣливши стѣны известью съ клеемъ, я лишилъ ихъ совершенно наслѣдственнаго достоянія, коего древнее начало покрыто неизвѣстностію, и зажилъ съ слугою и солдатомъ Юдинымъ, служившимъ за сторожа.

По отъѣздѣ моего благодѣтеля въ Рыльской уѣздъ къ роднымъ, я не зналъ и не находилъ за что приняться. Въ канцеляріи его былъ сундукъ съ бумагами, не связанными въ дѣла, слѣдственно и не внесенными въ опись, которыя остались отъ его и отъ моего предмѣстниковъ. Случавшіяся же при немъ дѣла, отправляемы были провинціальною канцеляріею, по дружбѣ къ нему воеводы Малѣева, старавшагося угождать брату для брата, дабы съ помочью другого, при открытіи намѣстничества, получить мѣсто, согласное желанію и силамъ. Родъ дѣлъ въ канцеляріи коммиссарской былъ почти тотъ же, какой послѣ откры-

*) «Переименованнаго» вмѣсто зачеркнутаго: «названнаго». Ред.

тія намѣстничествъ предписанъ городничему въ городѣ, а нижнему земскому суду въ уѣздѣ. Итакъ, дѣлать мнѣ было нечего! Праздность и скука, говорятъ, изобрѣтательница многова. Правда, что воевода Малѣевъ хотѣлъ и требовалъ, чтобы я, для прогнанія скуки, посѣщалъ провинціальную канцелярію съ прочими на ряду приказными, но онъ скоро узналъ, что я къ фрунтовой службѣ не задоренъ, не вѣдая еще, къ счастью моему, что я и лично не любилъ его за то, что онъ и секретарь его Судейкинъ, всякое дѣло писывали «съ прописаніемъ» и тѣмъ чрезъ чуръ увеличивая работу, мучили себя и всю канцелярію. Мнѣ, вмѣсто такихъ упражненій, понравилось лутче быть, и только что не жить, у князя Горчакова. Тамъ Параша хорошо пѣвала, гуслистъ хорошо игралъ, и я былъ межъ ними человѣкъ не лишній, котораго князь ласкалъ и хорошо кормилъ. У него еще бывалъ часто провинціальной канцеляріи второй секретарь, г. Шишневъ, ученикъ славнаго Ломоносова. Человѣкъ съ латынью, съ нѣмецкимъ языкомъ и съ стихотворствомъ. Я хотя не былъ знакомъ съ ученостью, однако-жъ различалъ ямбы съ хореями, хореи съ дактилями и проч., постигалъ педесы, или стопы, рифмы долгія, короткія, богатыя, полубогатыя, и проч. Къ сему можетъ быть недоставало миѳологіи и счастливой природы. Но меня сіи малости не заботили. Шишневъ имѣлъ все, но пилъ не меньше какъ самъ Ломоносовъ, а я былъ трезвъ—какъ Вольтеръ. Мы дали волю нашимъ талантамъ. Дѣлали въ домѣ князя, для пріятнаго препровожденія времяни, надписи въ немногихъ строкахъ, на квартиры нѣкоторыхъ обитающихъ въ городѣ, коихъ находили достойными нашего любомудраго пера, и производили въ нашемъ хозяинѣ смѣхъ и хохотъ тѣмъ легче, что онъ не очень ладилъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которымъ приписывали мы стихи. Я для понятія, какова была наша работа, положу здѣсь хоть двѣ строки, которыя могъ припомнить, и которыми услужилъ Шишневъ полнеру Хамкину:

Хозяинъ здѣсь живетъ пространныя гортани,
Во храмѣ Божьемъ что реветъ, безъ всякой дани.

Мы не больше имѣли осторожности, какъ и князь нашъ благоразумія; онъ иногда читывалъ наши стихи, одному или двумъ, посѣщавшимъ его, и всѣ равно хохотали, но не всѣ равно мыслили. Мнѣ иногда всходило на умъ, что это намъ добра

не принесетъ; но съ другой стороны, тихонько вѣщалъ мнѣ мой стихотворческой геній, и мой тогдашній разсудокъ: «Какая тебѣ нужда въ негодованіи чьемъ-бы-то-ни-было? Ежели чрезъ то обнаружатся твои таланты, и всѣ узнаютъ, что ты мастеръ стихи писать!» А за симъ уже:

Врагъ, ненавидящій добра и разрушающій спокойствіе неосторожныхъ человѣковъ, напустилъ на насъ перваго секретаря, г-на Судейкина. Онъ объявилъ о нашихъ трудахъ и подвигахъ воеводѣ Малѣеву, по долгу присяги. Вслѣдствіе чего, князь тѣмъ скорѣе и безпрепятственно признанъ пристанодержателемъ нашей шайки, что онъ съ воеводою часто ссорился за журналы и протоколы*), какъ деревенскіе попы за блины. А какъ Судейкинъ подозрѣвалъ, что и онъ безъ надписи не обошолся—хотя, въ самомъ дѣлѣ, мы и не вспомнили объ немъ—для того прибавилъ въ своемъ доносѣ, будто бы мы не пощадили въ своихъ епиграммахъ и самого воеводу. Воевода былъ человѣкъ неугомонной, а на сей разъ и невѣжливой; онъ прислалъ къ князю по меня вѣстового тотъ-часъ послѣ обѣда, и, поставя меня предъ собственное судилище, сильно меня бранилъ. Всего чувствительнѣе для меня было, когда онъ кричалъ: «ты обманулъ и Ив. К. Вязмитинова, которой тебя рекомендовалъ какъ честнаго человѣка; а ты у князя только стихи пишешь да поешь съ Парашею, а канцеляріи не знаешь».

Къ счастію моему поддержалъ мою сторону — имянованный уже неоднократно—Петръ С. Звягинъ, случившійся на ту пору у воеводы. Онъ умѣлъ смягчить гнѣвъ воеводской, представляя мое преступленіе не столь**) великимъ, а намѣренье еще меньшимъ. Онъ одобрялъ воеводу яко сокрушителя шалостей, но въ шалостяхъ ничего не находилъ, кромѣ однихъ шалостей, неразрывныхъ съ лѣтами и неопытностью. Онъ меньше оправдывалъ князя и Шпынева, но и для нихъ находилъ отговорку, говоря: что, первой, извѣстной вольной человѣкъ, чувствующій здѣсь свою независимость; а другой, съ привычкою къ университетскому или школьническому перу, равно какъ и къ нетрезвой жизни и проч...

Воевода, мало-по-малу вслушиваясь и уменьшая гнѣвъ, за-

*) Зачеркнуто: «резолюціи». Ред.

**) Зачеркнуто: «важнымъ». Ред.

ключилъ снисходительно, чтобъ я посѣщалъ каждодневно провинціальную канцелярію, съ непремѣннымъ наблюденіемъ часовъ, положенныхъ, по генеральному регламенту, и находился въ командѣ у Судейкина, донесшаго воеводѣ, что я охотникъ писать и припѣвать подъ гусли. Я къ нему явился въ канцелярію и засаженъ за столъ съ прочими на ряду исполнять долгъ службы и присяги, «кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, въ которые отъ публичныхъ работъ дается свобода». Всего несноснѣе мнѣ было, что запретили мнѣ посѣщать князя Горчакова. Я сильно былъ недоволенъ, что дѣло пошло не по-моему. «Какъ!»— разсуждалъ я безпристрастно—я хочу быть у князя, а мнѣ велятъ работать въ канцеляріи, чего я крайне не люблю! Гдѣ же та справедливость, о которой говорятъ, будто она въ присутственныхъ мѣстахъ? Это неправда! Она у однихъ только князей и прокуроровъ». Говоря теперь похожее на шутку, чуть ли я и въ правду не былъ тогда близокъ къ подобному разсужденію*)!

Князь, видя что меня обижаютъ и лишаясь концерта, предлагалъ дружески воеводѣ, что я такой человѣкъ, которой больше стоитъ, нежели работать надъ понежемъ. Упрямой воевода слушалъ больше себя и Судейкина, нежели Горчакова; но Горчаковъ, при всякой встрѣчѣ, не давалъ воеводѣ проходу, толкуя ему, что я такой малой, какого со свѣчкою поискать. Время все ослабляетъ. Прошла недѣля и другая, камень каплями пробивается. Прокуроръ воеводу скопытилъ, воевода здвоилъ.

Къ увѣнчанію моего счастія, случилось, когда я одинъ предъ вечеромъ, шелъ изъ города въ поле—въ табельной день — прогнать скуку, то вскликанъ былъ изъ окна княжой квартиры. Я нашелъ въ ней воеводу и первыхъ чиновниковъ нашего городка, въ томъ числѣ и Судейкина; прокуроръ угощалъ ихъ краснымъ

*) Позднѣе, образумился я и видѣлъ, что воевода былъ человѣкъ честной, порядочной, трудолюбивой, знающій службу, и, при всей своей чрезмѣрной вспыльчивости, благотворителенъ и добръ. И хотя онъ слишкомъ пространно писывалъ, но сей пространной недостатокъ, былъ ни что иное, какъ тогдашнее канцелярское обыкновеніе, и знакъ граматѣя тогдашнихъ временъ. Впротчемъ, ежели все къ чему-нибудь полезно, то долгое его въ канцеляріи сидѣнье удерживало нѣсколькихъ безпорядочныхъ канцелярскихъ служителей въ порядкѣ, которые обязаны были службою не выходить преждевременно *) изъ канцеляріи, когда начальники ихъ тамъ. Г. Д.

*) Зачеркнуто: «обще съ порядочными». Ред.

пуншомъ, мнѣ тотъ-часъ дали вхожій стаканъ; а примѣтя, что я изъ скромности совѣщусь за него приниматься, стали меня всѣ просить. Окураженъ привѣтливостями и стаканомъ, сталъ я поживѣе. Прокуроръ, повидимому, продолжая начатую еще до входа моего матерію, увѣрялъ воеводу, что я давно уже не дорожу и Шпыневымъ, съ которымъ также не желали, чтобъ я продолжалъ знакомство, какъ и стихотворство*). Въ доказательство чего, выхватилъ онъ изъ-за шпалеръ бумагу, полученную имъ отъ Шпынева, о которой я и не зналъ, что Шпыневъ ему жаловался на меня, яко общему нашему гостепріимцу**), за приписанныя ему отъ меня стихи***), которые приложилъ онъ тутъ же въ оригиналѣ. По требованію и по желанію всѣхъ, я долженъ былъ имъ прочитать:

Что чадна голова, глаза, лицо окисли,
Что брюхо на ноги, чело на носъ обвисли,
Въ смердячей хижинѣ гнилой свой трупъ скрываетъ,
Съ похмѣлья весь дрожитъ, свирѣпо ртомъ зѣваетъ,
То славной мужъ Шпыневъ, что всѣмъ чертитъ стихи,
Не зря на свой порокъ и пьяныя ****) грѣхи.

Всѣ захохотали. Не знаю было-ль чему! но я чувствовалъ удовольствіе, что былъ причиною смѣха. Отъ сихъ поръ участь моя рогачевская поправилась. Мнѣ возвратили мнѣніе и уваженіе. Судейкинъ мнѣ сказалъ: что я во всякую пору, когда только мнѣ заблагоразсудится, могу быть свободенъ отъ сидѣнья въ канцеляріи. Я, хотя воспользовался симъ позволеніемъ, однакожъ разсудилъ употреблять его съ умѣренностію. Мнѣ разрѣшено бывать у князя, но я у него рѣдко бывалъ, и ничего уже не писалъ и не пѣлъ, а потому и князь, видя у себя человѣка, которой степенничаетъ, не требовалъ отъ меня каждодневнаго посѣщенія. Всѣмъ то было въ примѣту, и всѣ меня хвалили, какъ будто всѣ они были моими дядьками.

По первому зимнему пути возвратился благодѣтель мой изъ Рыльска, и скоро отъѣхалъ въ Могилевъ. Предъ отъѣздомъ, я далъ ему идею, что мнѣ желательно бы было съѣздить въ Сѣвскъ, и возвратиться оттуда съ запасомъ, дабы поставить себя въ со-

---

*) Послѣднія двѣ строки въ подлинникѣ зачеркнуты. Ред.
**) Зачеркнуто: «хлѣбосолу». Ред.
***) Зачеркнуто: «приложенныя». Ред.
****) «Пьяныя» вмѣсто зачеркнутаго: «мерзкія». Ред.

стоящіе быть благодарнымъ моему благодѣтелю, за его ко мнѣ милости. Догадливой Вязмитиновъ отвѣчалъ мнѣ благосклонно: что, «еще будетъ лутче, если ты въ Сѣвскѣ покажешся съ оберъ-офицерскимъ чиномъ». Сказалъ и устоялъ. Онъ привезъ мнѣ изъ Могилева первой оберъ-офицерской чинъ провинціальнаго протоколиста, и я въ первой разъ, на 26-мъ году моего вѣка, въ декабрѣ мѣсяцѣ, «препоясалъ мечь по бедрѣ моей».

— «Ну, сказалъ онъ, теперь можно ѣхать въ Сѣвскъ. Свези же и письмы въ Рыльскъ, къ отцу моему и къ тестю. Ты обрадуешь моихъ стариковъ. — Многоли у тебя тамъ денегъ?»

— Съ тысячу рублей, отвѣчалъ я, но я не надѣюсь получить ихъ однимъ разомъ, потому что они розданы въ займы на проценты.

— Вязм.: «Я тебѣ совѣтую перевесть ихъ сюда, здѣсь жиды дадутъ тройные проценты».

Итакъ, отправясь изъ Рогачева до Сѣвска, и переѣхавши верстъ около четырехъ—сотъ, обрадовалъ мать мою въ мундирѣ при шпагѣ, видѣлся со всѣми знакомыми и произвелъ моею шпагою разныя у разныхъ движенія. Нѣкоторые меня поздравляли; старики—секретари въ полъ-голоса бурчали, что всѣ въ намѣстничествахъ чины за-урядъ; а отъ чистаго сердца радовалась одна мать. — Архіерей на ту пору былъ въ Орлѣ, о чемъ я и не тужилъ, будучи доброй племянникъ.

Отъѣхавши изъ Сѣвска въ Рыльскъ, для врученія писемъ отцу и тестю, нашелъ ихъ обоихъ по своимъ маленькимъ деревенькамъ. Старики, для писемъ, ради были и письмо-вручителю. Отецъ, старикъ крѣпкой въ здоровьѣ и въ разсудкѣ, принялъ меня—это было въ великой постъ—разными кашицами и сластьми, извинялся и вмѣстѣ пенялъ, для чего я не поспѣшилъ на масленицу.

Тесть, г-нъ Кусаковъ, мужъ чистосердечной. Онъ спрашивалъ меня: есть-ли зятю его отъ коммиссарской должности доходы? отвѣтъ мой его не повеселилъ. «Зачѣмъ-же и служить!» сказалъ лысой Кусаковъ.

Отъ нихъ я, получа отвѣтныя письмы, заѣхалъ въ Молчанскую Софроніеву пустынь, въ которой я когда ни бывалъ, всегда препроводилъ время съ пріятностію. Движеніе чувствъ моихъ требовало, чтобъ я теперешнимъ моимъ посѣщеніемъ при-

несъ ей мою благодарность, и возобновилъ въ памяти проведенное неоднократно въ нѣдрахъ ея время. А великій постъ подалъ мнѣ случай исполнить догматическія должности по закону, въ которомъ я родился. Изъ нея прямо въ Рыльскъ, гдѣ остановился въ домѣ матери и брата пріятеля моего и бывшаго спутника Луцевина. Мать и братъ были мнѣ рады, для сына и брата.

Въ Рыльскѣ у купца Выходцова купилъ я, за пять империаловъ, привезенныя изъ Москвы санки и возвратился въ Сѣвскъ; откуда, попрощавшись съ матерью и знакомыми, и наполнивши модныя мои санки бутылками англійскаго пива, пустился въ обратной путь. На пути заѣхалъ въ Серединой Будѣ къ сказанному мною въ 1-й части, отцу Іоанну Лузанову. Онъ принялъ меня ласково и вразумилъ, что я не мастеръ вещей беречь. «Вы умѣли купить—говорилъ онъ—санки модныя и дорогія *) и тащите ихъ привязанными назади вашей кибитки. Вы ихъ чрезъ дальній путь изломаете, или довезете вещь не въ цѣлости». Онъ велѣлъ сыскать въ домѣ простыя рабочія сани и приладить на нихъ мои лакированныя. Ежели мои санки не стоили занять мѣсто въ моемъ повѣствованіи, такъ они годятся для того, чтобъ я себѣ напомнилъ, сколько былъ я простоватъ, даже на 26-мъ году моего вѣка.

Поблагодаря почтеннаго священника, отправился я знакомымъ путемъ въ Рогачевъ, и представилъ себя милостивцу моему Ивану Козьмичу Вязмитинову. Онъ, по принятіи отъ меня писемъ и по первымъ вопросамъ о благосостояніи и здоровьѣ своихъ родныхъ, спросилъ меня: привезъ ли я свои деньги?

Я отвѣчалъ, что на силу могъ только получить отъ должника моего триста рублей, которой извинялся краткостью и незапностію времяни. «Въ награду этого для меня недостатка, примолвилъ я, привезъ я для васъ санки».

— «Ѣзди, братецъ, самъ», отвѣчалъ мнѣ Вязмитиновъ съ невеселымъ лицомъ.

---

*) Любящіе вѣрной счотъ скажутъ: 5 империаловъ составляютъ 50 рубл., такъ чтожъ это за дорогія были санки, если они ограничивались 50 рублями?— Сомнѣніе—первой шагъ къ премудрости, сказалъ одинъ изъ греческихъ систематиковъ. Пусть же сомнѣвающійся, или недоумѣвающій, посмотритъ на 1778 г. и на 1812 г. въ разсужденіи курса монетъ. Г. Д.

Я очень былъ увѣренъ, что онъ обманется въ своемъ мнѣніи, и просилъ его посмотрѣть ихъ.

— «Да гдѣ они?»

— Здѣсь въ большихъ сѣняхъ.

Онъ нашолъ, сверхъ чаянія, такія санки, на которыхъ можно свободно сидѣть двумъ, а третьему—на запяткахъ; и они такъ уютны, что кажутся очень малы, и столь легки, что въ пору для одного бѣгуна. По свѣтло-зеленой краскѣ покрыты лакомъ, и, по приличнымъ мѣстамъ, выложены бронзою. Выбивка, подушка, и на медвѣдяхъ покрывало, изъ лутчаго разноцвѣтнаго рытаго трипа. Мой Вязмитиновъ при первомъ взглядѣ, противъ воли вскричалъ: «Ахъ, какія богатыя!»

Ходя около ихъ и говоря мнѣ спасибо, открылъ онъ покрывало: «для чего-жъ они набиты сѣномъ?»

— Чтобъ не побились бутылки съ англійскимъ пивомъ.

— «Ну братъ, ты великой мастеръ ѣздить въ отпускъ!

А я не меньше былъ собою доволенъ, что лутче умѣлъ сберечь санки нежели — вишни *).

§ XXXIII.

Продолженіе исторіи.

Уже наступила весна 1778 года. Луцевинъ мой въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, спустя свѣтлой праздникъ, навѣстилъ меня изъ Могилева. Мнѣ очень примѣтно было, что онъ уже провинціальнымъ секретаремъ, а я еще провинціальнымъ протоколистомъ, и то, по особому старанію милостивца моего Вязмятинова. Съ открытіемъ весны, наступало открытіе могилевскаго намѣстничества, по законамъ Екатерины II, а мнѣ открылось, что объ участи моей никто столько не обязанъ заботиться, какъ я самъ. Ибо, когда я напомнилъ моему благодѣтелю, что если въ наступающее время онъ не пристроитъ меня къ прочной службѣ, то, можетъ быть, оно не возвратится никогда, или возвращать его достанется съ бо́льшею трудностью, не получилъ отъ него въ отвѣтъ ничего удовлетворительнаго; напротивъ съ чувствительностію примѣтилъ изъ его движеній, что ему представленіе мое

*) Послѣдняя строка первоначально изложена была такъ: «что ему угодилъ лутче, нежели могилевскими вишнями». Г. Д.

не было пріятно; а, можетъ быть, я такъ худо изъяснился, что лутчаго отвѣта и не стоилъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько я имѣлъ нужды, во всю мою жизнь, самъ о себѣ заботиться, столько не ловокъ былъ самъ за себя говорить. Моя чувствительность дѣлала меня застѣнчивымъ. Мнѣ живо представлялось, что я никого ничѣмъ не обязалъ, и ничѣмъ никому не услужилъ; такъ почему же я и осмѣливаюсь его просить? но безъ просьбы ничего не дѣлаютъ! При томъ — разсуждалъ я — говоря или прося за другого, можно смѣлѣе его одобрить, но нѣтъ ничего труднѣе, какъ самого себя одобрять. Итакъ, всякой приступъ къ просьбѣ производилъ во мнѣ душевную революцію. Я знаю и ощутилъ, что это свойство самое безпокойное; но не знаю, можно ли его было исправить наставленіемъ или просвѣщеніемъ *).

По повтореніи моей просьбы, получилъ я отъ г-на Вязмитинова согласіе, отпускъ и письмо просительное обо мнѣ въ Могилевъ, къ полковнику Василью Васильевичу Коховскому, брату могилевскаго губернатора. Отправясь туда поспѣшно, квартиру нашелъ у готоваго пріятеля Луцевина.

Снизходительной и скромной Коховскій принялъ отъ меня письмо ласково, и тотъчасъ адресовалъ меня къ г-ну Алѣевцеву, сказавъ: «бывайте у меня и увѣдомляйте, что съ вами происходить будетъ». Алѣевцева нашелъ я въ губернаторской канцеляріи, сѣдящаго въ особой отъ другихъ коморкѣ, на работѣ, за краснымъ столомъ, на которомъ лежало небольшое число книгъ и бумагъ. Наслышавшись, что онъ любитъ попить, я воображалъ найти въ немъ и лицо соотвѣтственное такому поведенію, но я удивился, найдя совсѣмъ тому противное. Онъ былъ лѣтъ 30-ти, роста средняго, по природѣ чистотѣлъ, бѣлокуръ, въ лицѣ нѣжной румянецъ, и живые лакированные голубые

*) По нынѣшнему — воспитаніемъ, хотя воспитаніе и пропитаніе неоспоримо, значитъ: воскормленіе и прокормленіе. Но, понеже вообще въ Европѣ, всякой вѣкъ имѣетъ свой языкъ, свои нравы и свои обыкновенія, для того, всякой настоящій европейской вѣкъ говоритъ о себѣ, что онъ умнѣе прошедшаго; почему и не легко отыскать, въ которомъ вѣкѣ въ Европѣ былъ умъ полутче другихъ вѣковъ? Чего надобно учиться? и какъ разумѣть слова своего языка, по старому или по новому? У китайцевъ нѣтъ другого ума, нѣтъ другого языка, нѣтъ другихъ обыкновеній; слѣдовательно, у нихъ только однихъ можно научиться и привыкнуть къ тому, что служитъ благополучіемъ на всю краткую нашу жизнь. Г. Д.

глаза. Круглолицъ, сложенія полнаго, и нѣсколько скудоволосъ, волосы бѣлорыжеватыя, или точно такого цвѣта, каково бываетъ малороссійское пшено. Придавши къ сему мундиръ зеленаго сукна съ краснымъ воротникомъ, это будетъ точной Алѣевцевъ, кригс-цалмейстеръ, Василій Яковлевичъ! Онъ прочитавши записку Коховскаго, спросилъ меня:—«что вамъ надобно?»

Я отвѣчалъ: «чинъ и при открытіи намѣстничества, мѣсто».

— «Очень хорошо! получишъ. Приходи чаще въ канцелярію».

Доволенъ будучи, что дѣло началось по желанію, сообщилъ я весь онаго успѣхъ пріятелю своему Луцевину, и получилъ отъ него на послѣднія Алѣевцева слова, мнѣніе, что, «на обнадеживаніе его полагаться нельзя».

Не выпущая изъ вида замѣчанія Луцевина и исполняя при томъ повелѣніе Алѣевцева, ходилъ я съ недѣлю въ канцелярію, одѣвался сколь можно почище, переписывалъ что мнѣ давали, и, поворачиваясь въ канцеляріи, видѣлъ, что Алѣевцевъ правилъ многотрудными и многочисленными по разнымъ частямъ дѣлами, которыя до открытія намѣстничества, а паче при новомъ забраніи края, были на собственномъ губернаторскомъ отчетѣ. Имѣя столь счастливой даръ природы, онъ, работая перомъ съ удивительнымъ успѣхомъ, не заботился, и почти не думалъ. Стиль его былъ краткословной, ясной, отрывчистой, съ свѣдѣніями гражданскихъ законовъ, и нимало не похожой на стиль воеводы Малѣева и секретаря Судейкина. Губернаторъ слушалъ его какъ оракула, чиновники, отъ вице-губернатора до послѣдняго класса, чтили его за теплаго во всѣхъ нуждахъ заступника и предстателя, а просители поклонялись ему какъ золотому тельцу, когда онъ не былъ пьянъ и не сѣдѣлъ подъ карауломъ для истрезвленія.

Прошла недѣля, а я, кромѣ перваго обнадеживанія, ничего не имѣю. Нужно было прибѣгнуть ко средству побудительному. Я далъ Алѣевцеву 50 руб. и тотчасъ помѣщенъ въ росписаніе, приготовляемое къ открытію намѣстничества, на регистраторскую ваканцію при губернаторѣ. И тотъ же часъ возстали противъ меня волненіе, мятежъ, крикъ, вопль. Всѣ находящіеся въ губернаторской канцеляріи, которые были большою частію секратари,требовали отъ Алѣевцева справедливости.

— «За что—кричали они—чортъ изъ болота помѣщенъ при

губернаторѣ? Онъ, безъ году недѣля, какъ показался въ канцеляріи, а мы день и ночь трудились, и размѣщаемся теперь подругимъ присутственнымъ мѣстамъ на меньшія ваканціи!»

Алѣевцевъ отвѣчалъ имъ командирски: «Молчите дураки! вѣдь мнѣ всѣхъ васъ не помѣстить при губернаторѣ на одно мѣсто; а етакой человѣкъ при немъ надобенъ. Посмотрите — показывая имъ переписанную мною бумагу — знаетъ ли хоть одинъ изъ васъ столько правописанія?»

Можетъ быть и въ подлинну мое правописаніе обѣщало больше, нежели я значилъ, почему и не знаю, обманывалъ ли ихъ Алѣевцевъ, или и самъ обманывался? всѣ однакожъ претенданты согласились на то, что при губернаторскомъ лицѣ надобно быть не дураку. Но это не конецъ; мнѣ нужнѣе былъ чинъ, нежели должность. Частыя мои объ немъ просьбы не имѣли успѣха. Я напослѣдокъ прибѣгнулъ къ повторенію 50 рублей,— ибо онъ сиживалъ всегда одинъ въ особой коморкѣ—а онъ въ туже минуту при мнѣ самъ написалъ отъ губернатора предложеніе рогачевской провинціальной канцеляріи, съ одобреніемъ въ немъ моихъ трудовъ, способностей и проч..., которые будтобы самимъ его превосходительствомъ замѣчены, и за которые произвелъ онъ меня губернскимъ секретаремъ—это значитъ чрезъ чинъ—и такое же другое въ могилевскую камерную экспедицію, о вычетѣ съ меня въ казну за повышеніе. Написавши, положилъ подъ сукно и мнѣ сказалъ: «надобно выбрать время поднесть губернатору къ подписанію».

Сказавъ сіе, на другой день запилъ, сказался больнымъ, и не велѣлъ къ себѣ въ домъ—по обыкновенію на такой случай — никого пущать. Я дня съ три съ ряду посѣщалъ запертыя вороты, давалъ привратнику, солдату Данилкѣ, рубль, два, три; но сей церберъ пребылъ неумолимъ. Меня увѣрили уже поздо, однакожъ благовремянно, что онъ за сей пропускъ получаетъ по 25 рублей. Къ этой бѣдѣ увѣдомленъ я, что находящійся между прочими въ губернаторской канцеляріи, малорослой, курносой провинціальной секретарь Теплынинъ, вычистилъ самъ собою изъ списка мое имя и написалъ свое, ибо списокъ не былъ еще подписанъ губернаторомъ—а меня вписалъ на свое мѣсто, на повытческую ваканцію въ будущемъ намѣстническомъ правленіи. Сіе дѣлало для меня разницы классомъ ниже, и шестьюдесятьми

рублями меньше жалованья. При такихъ обстоятельствахъ, не было ничего легче, и не было ничего тяжеле, какъ остаться мнѣ безъ повышенія чина, съ пониженіемъ должности и жалованья. Я иногда доносилъ обо всемъ по утрамъ, что со мною случалось, вышесказанному полковнику Вас. Вас. Коховскому и получалъ отъ него въ отвѣтъ: «очень хорошо». Но въ настоящихъ непріятныхъ стеченіяхъ, когда я всѣ оныя передъ нимъ изъяснилъ—кромѣ 50 рублей—сказалъ онъ мнѣ: «подойди часу въ 10-мъ въ канцелярію губернаторскую и скажи тамъ, отъ моего имяни, чтобъ о тебѣ доложили губернатору. Я тогда буду у него».

О! если бы непостижимое Провидѣніе вливало въ грудь благотворителей, въ воздаяніе имъ за ихъ благотворенія, столько радости, сколько я тогда ощутилъ отъ Коховскаго! Они бы никогда не переставали дѣлать добро. Но видно, что награда сія не дешева и на небѣ, если достоинство благодѣтеля очень рѣдко у насъ на земли.

Радость моя имѣла основаніемъ не мечту; ибо извѣстно было публикѣ, что братъ брата зная душевныя качества, всегда одинъ другому вѣрили, и одинъ другого слушали.

По выходѣ отъ Коховскаго, вспало мнѣ на умъ очень къ стати, пойти къ генер.-адъютанту Вязмитинову. Онъ прибылъ вчера отъ графа упредительно, изъ Полотска въ Могилевъ. Квартира его была близъ церкви дальняго Воскресенья *) у мѣщанина Зуба. Я вошелъ безъ доклада, потому что изъ сѣней другого покоя не было, кромѣ того, въ которомъ онъ квартировалъ. Онъ уже сидѣлъ за столомъ въ мундирѣ надъ бумагами. Я началъ представленіе себя, засвидѣтельствованіемъ отъ брата, его высокоблагородію поклона, дабы тѣмъ подать случай узнать отъ меня, кто я? Онъ вставъ съ мѣста, вышелъ ко мнѣ на средину горницы, вмѣстѣ съ движеніемъ спросилъ: «давно-ль ты его видѣлъ? Гдѣ ты служишь? зачѣмъ ты здѣсь?»

Я схвативши поскорѣе лаконической духъ сѣвскаго архіерея,

) Мѣсто, гдѣ нынѣ два каменные церковныя дома), выстроенные казеннымъ коштомъ противъ церкви св. Іосифа—чрезъ улицу—заложенной императрицею Екатериной II-й, вмѣстѣ съ императоромъ Іосифомъ II-мъ; о чемъ сказано будетъ ниже. Г. Д.

---

*) Зачеркнуто: «казенныя». Ред.

отвѣчалъ на послѣдній вопросъ: что, «я ищу чина и мѣста, больше по милости, нежели по заслугамъ. И, что не дальше еще успѣлъ, какъ только дошолъ до сомнѣнія получить то и другое».

Не успѣлъ еще я услышать, что мнѣ скажутъ въ отвѣтъ, какъ вошелъ Коховскій. Онъ, безъ сомнѣнія, счолъ, что по связи братней, интересуется во мнѣ и генералъ-адъютантъ; почему вмѣстѣ почти съ первымъ поклономъ Вязмитинову, сказалъ ко мнѣ: «въ 10-мъ часу подойдите, какъ я вамъ сказалъ». За Коховскимъ вошли еще три чиновника, изъ которыхъ одинъ, позади первыхъ двухъ, закричалъ еще въ сѣняхъ во весь ротъ продолжительнымъ тономъ: «Monseneieur!» Это былъ человѣкъ малорослой, съ большою головою, въ лицѣ цвѣта бѣлосѣроватаго и наклоннаго къ веснушкамъ, съ обширнымъ и высокимъ тупеемъ, по тогдашнему вкусу, на подобіе распущенаго паруса или буфетныхъ ширмовъ, и отчасти*), на подобіе крыльевъ вѣтреной мѣльницы; съ кошелькомъ между плечь, въ темно-вишневомъ кафтанѣ, съ золотыми петлицами, въ башмакахъ, и подъ лѣвымъ плечомъ шапо-ба. Онъ заговорилъ-было по-французски; но Вязмитиновъ спросилъ его по-русски: каковъ ему показался Могилевъ? и проч. Онъ былъ ново-опредѣленный въ намѣстническое правленіе совѣтникъ, по фамиліи Полянскій. Я для того здѣлалъ объ немъ отступленіе, что онъ будетъ въ Могилевѣ играть въ теченіе слишкомъ трехъ лѣтъ, довольно замѣчательную роль, о чемъ болѣ скажется ниже на своихъ мѣстахъ, а теперь довольно одного предисловія.

Я выскочилъ отъ генералсъ-адъютанта безъ обрядовъ отпускной аудіенціи, побѣжалъ въ замокъ, гдѣ было пребываніе губернатора съ его канцеляріею. Предъ замкомъ на площади, встрѣтился съ тремя секретарями—которые, такъ же какъ и я, осачивали участи, чтобы къ открытію намѣстничества не остаться безъ мѣстъ—и съ ними приостановился. Площадь была не мала. Къ намъ начали стекаться помаленьку люди нашего сорта, и ея наполнять. Матерія у всѣхъ была**) общая. Иной суетился, что не знаетъ куда будетъ помѣщенъ при открытіи намѣстничества; иной больше имѣлъ причины къ суетамъ, что не зналъ, или со-

---

*) Зачеркнуто: «или же». Ред.

**) Зачеркнуто: «почти». Ред.

мнѣвался, будетъ ли куда помѣщенъ? поелику списокъ помѣщаемыхъ хранится уже въ тайнѣ. Иной жалился, что Алѣевцевъ много взялъ... много выпилъ... много обѣщалъ... ничего не здѣлалъ... и проч...

Вдругъ увидѣли карету Коховскаго, стали въ позицію для поклона, а онъ, выглянувъ, махнулъ рукою и крикнулъ: «за мною въ замокъ». «Кому ето сказано?» спросили другъ друга мои товарищи. «Ето мнѣ», отвѣчалъ я, и пошолъ поспѣшно. А они во слѣдъ мнѣ прокричали: «Э! братъ! тебѣ видно не наше горе, ты съ дядюшками живешъ!»

Къ губернатору впущенъ я безъ обрядовъ стоянія въ передней. Онъ ходилъ тихимъ шагомъ по горницѣ, и нѣсколько разъ на меня взглянулъ. Полковникъ Коховскій далъ мнѣ знать, чтобъ я пошолъ въ канцелярію. Все ето значитъ, что я былъ на смотрѣ.

Въ канцеляріи спросилъ меня молодой губернскій секретарь г. Каменскій-Жилокъ: «Гдѣ же тѣ предложеніи въ рогачевскую провинціальную канцелярію, о которыхъ вы сказали Вас. Вас. Коховскому, что они написаны Алѣевцевымъ о произведеніи васъ серетаремъ?»

— Вотъ здѣсь на столѣ подъ сукномъ, отвѣчалъ я, указывая на коморку Алѣевцева.

Каменскій понесъ ихъ къ губернатору съ другими бумагами. Четверть часа, которую онъ тамъ пробылъ, показалась мнѣ цѣлымъ днемъ.

По выходѣ, Каменскій съ бумагами въ рукахъ провозгласилъ: «Поздравляю васъ губернскимъ секретаремъ». Поздравленіе, какого еще я во всю жизнь не слыхивалъ!.. Удовольствіе разлилось по мнѣ въ одну секунду, и произвело необъяснимое радостное сотрясеніе во всѣхъ моихъ членахъ. Онъ при томъ спросилъ меня: «Гдѣ вы помѣщаетесь при наступающемъ открытіи намѣстничества?»

Я отвѣчалъ, что «вѣрно знать не могу, а слышалъ отъ Вас. Яковлевича, что помѣщенъ буду при губернаторѣ. Но какъ я въ здѣшнемъ краѣ человѣкъ новой, то желалъ бы быть на такой же ваканціи въ намѣстническомъ правленіи, гдѣ, служа съ другими, могу избѣжать затрудненій, какія часто случиться могутъ при начальникѣ губерніи съ человѣкомъ, для котораго все еще

ново, и при томъ*) все на собственномъ его отчетѣ по канцеляріи».

«Вы очень хорошо судите, сказалъ Каменскій, я**) отвѣтъ вашъ доложу губернатору, а васъ предъувѣдомляю, что вы, по желанію вашему, будете въ намѣстническомъ правленіи, а я—при губернаторѣ; я въ этомъ васъ увѣряю смѣло потому, что мнѣ теперь велѣно спросить васъ о точномъ вашемъ желаніи. А того моису — секретаря Теплынина — которой имѣлъ глупую дерзость, вычистить ваше имя въ спискѣ, а себя вписать на ваше мѣсто, помѣстимъ къ вамъ же въ правленіе на канцеляристское мѣсто. Онъ намъ надѣлалъ работы, цѣлой листъ надобно перемѣнять въ переплетѣ».

Поблагодаря Каменскаго и разставшись, я нашолъ себя въ одно мгновеніе на ряду съ людьми благороднаго сорта, съ штабъ-офицерскимъ по камзолу позументомъ, по тогдашнему положенію. Послѣ сихъ первыхъ движеній опомнился, что полковникъ Коховскій еще не выходилъ отъ брата. Я сталъ въ большихъ сѣняхъ, гдѣ стоятъ часовые, и при выходѣ его упалъ ему сиротскимъ образомъ, почти къ самымъ ногамъ. Онъ отвѣчалъ: «благодарите господъ Вязмитиновыхъ». Однако-жъ, мои настоящія обстоятельства требовали, чтобъ я поскорѣе бѣжалъ къ Алѣевцеву для принесенія благодарности, не за то, что онъ предложеніи положилъ подъ сукно и самъ загулялъ, но за то, что написалъ меня въ нихъ черезъ чинъ. Всего же больше нужно было добыть отъ него, чтобъ онъ, по заведенному порядку, приказалъ вписать оба предложенія, отъ слова до слова, въ книгу, которая хранилась у Алѣевцева подъ замкомъ съ протчими важными бумагами, въ столовомъ ящикѣ. Но какъ къ нему дойти? Рѣшившись заплатить Данилкѣ***), установленную имъ****), пропускную 25 рублевую пошлину, разсудилъ исполнить рѣшеніе сіе тогда, когда уже не подѣйствуетъ никакая выдумка. Почему, написалъ цѣдулку, и съ нею пошолъ къ воротамъ; лишь только къ нимъ изъ за угла повернулъ, увидѣлъ вице-губернатора Воронина, стоящаго подлѣ нихъ, и бесѣдующаго сквозь щели воротъ съ

*) Зачеркнуто: «однакожъ». Ред.
**) Зачеркнуто: «объ этомъ». Ред.
***) Зачеркнуто: «положенную имъ портовую». Ред.
****) Зачеркнуто: «пограничную портовую». Ред.

Данилкою. Я не дѣлая вида, что и моя цѣль была сюда же, проходилъ прямо по улицѣ, и предъ вице-губернаторомъ, отвалившемъ уже отъ воротъ, сдѣлалъ подобающій поклонъ, а онъ провалилъ мимо меня не пошевеля ни головою ни рукою, и съ такимъ спѣсивымъ видомъ, какъ будто онъ удостоился говорить съ самимъ Алѣевцевымъ!—Мнѣ примѣтно было любочестіе сего начальника; однакожъ я имѣлъ снисхожденіе судить, что можетъ-быть онъ и не знаетъ, что я пожалованъ въ губернскіе секретари, и что я уже не тотъ человѣкъ, которой былъ за часъ предъ симъ. Но дѣло не о спѣсяхъ нашихъ съ вице-губернаторомъ! Что мнѣ дѣлать, думалъ я, когда уже и вице-губернаторъ у Алѣевцева въ такомъ уваженіи, въ какомъ я видѣлъ его бесѣдующаго съ Данилкою? Однако-жъ приступилъ къ воротамъ и ну челобитовать, почти такъ:

§ XXXIV.

Начинается Данилкою, а кончится уткою.

«О великій Данилка! сынъ слѣпого и мгновенно преходящаго случая. О вѣрный стражъ у вратъ великаго письмоводителя! о могущій церберъ! коего лаянія не смѣетъ пренебречь и самъ вице-губернаторъ Воронинъ! внемли: я присланъ съ запискою отъ полковника Василья Васильевича Коховскаго; вотъ отъ него записка, записка очень важная, какихъ еще не бывало отъ начала всѣхъ секретарскихъ воротъ и сторожей Данилокъ».

Я впустилъ записку*) межъ воротныхъ досокъ. А въ ней было написано отъ меня, а не отъ Коховскаго: «Милост. гос! мнѣ нужны только двѣ минуты. Позвольте мнѣ видѣть моего благодѣтеля, и поблагодарить его лично за милость, состоящую въ написаніи предложеній, по которымъ получилъ я севодни чинъ губернскаго секретаря». Между тѣмъ, какъ я дожидался резолюціи, и уже на случай неудачи держалъ на готовѣ 25-ти-рублевую для Данилки ассигнацію, показался изъ-за угла совѣтникъ камерной экспедиціи, назначенный, по росписанію**) въ намѣстническое правленіе, Петръ Ильичъ Сурминъ. Сей доброй по натурѣ человѣкъ, завидя меня еще изъ дали, усмѣхнулся и спро-

*) Зачеркнуто: «сквозь». Ред.
**) Зачеркнуто: «къ переведенію». Ред.

силъ: «что братъ? не впускаютъ! Да и я иду безъ надежды, вице-губернаторъ со мною повстрѣчался, и»... вдругъ загремѣла цѣпь, и ворота отворились. Данилка увидя нечаянно, вмѣсто одного, двухъ, возгласилъ въ торопяхъ Сурмину: «васъ сударь не велѣно пускать». Сурминъ ему отвѣчалъ: «что ты, Данилка, ты видно не знаешь, что назначенъ къ намъ сторожемъ въ намѣстническое правленіе? вѣдь я тебя тогда закатаю». Данилка, не*) постигая словъ человѣка незнающаго ни мстить, ни злобиться, ни браниться съ сторожами, палъ въ ноги командиру. А Сурминъ, сказавши съ Алѣевцевымъ слова два-три въ другомъ покоѣ, пошолъ домой.

Алѣевцевъ непритворно былъ радъ, что я, въ награду, его обо мнѣ нерадѣнія, самъ о себѣ пороторопничалъ. Онъ тотъчасъ велѣлъ позвать къ себѣ-секретаря отъ регистратуры, Пестова, и приказалъ ему вписать предложеніе въ книгу не 17 числомъ маія, котораго я произведенъ, но 30-мъ прошедшаго апрѣля, говоря съ усмѣшкою, что «по маій мѣсяцъ кончилась власть губернаторская и моя производить въ чины».

Но въ какое пришелъ я изумленіе! когда онъ, разговаривая, разодралъ одно изъ губернаторскихъ предложеній. Въ окаменѣломъ недоумѣніи, я дожидался такой же участи и другому. Въ остаткахъ памяти мечталось мнѣ: вотъ истинна словъ Звягина, что Алѣевцевъ предложенія губернаторскія деретъ или объявляетъ по своему произволенію.—Но онъ, продолжая равнодушно, говорилъ: «камерная експедиція недовольна губернаторомъ, что онъ не уважилъ ея представленій, коими просила она о произведеніи нѣкоторыхъ изъ ея канцелярскихъ должностныхъ въ оберъ-офицерскіе чины; теперь, еслибы она увидѣла изъ предложенія, что губернаторъ, по прошествіи уже данной ему власти, васъ произвелъ, то могла-бы, когда пріѣдетъ графъ, выставить передъ нимъ сей случай къ нарѣканію на губернатора. Положимъ, что етова не случится, однако-жъ, лучше, какъ поберечь Михайла Васильевича. Вы теперь получа предложеніе въ рогачевскую провинціальную канцелярію, скажите тамъ — если она сама не догадается — чтобы прибавили въ резолюціи: «представить рапортомъ въ камерную экспедицію, о вычетѣ съ васъ

*) Зачеркнуто: «понимая». Ред.

въ казну за чинъ». Это будутъ виды, какъ будто бумага объ васъ залежалась въ Рогачевѣ отъ того времяни, когда губернаторъ имѣлъ право производить въ чины. А между тѣмъ, и рапортъ вступитъ не въ камерную уже экспедицію, которая вскорѣ уничтожится, но въ казенную палату, которая откроется вмѣстѣ съ открытіемъ намѣстничества, и большою частію составлена будетъ изъ людей новыхъ».

Воспламеня испуганную радость, и поблагодаря Алѣевцева и свою выдумку, пошелъ я съ ассигнаціею и съ Пестовымъ въ канцелярію губернаторскую, гдѣ, по вписаніи имъ въ книгу заднимъ числомъ двумя недѣлями слишкомъ, моей жалованной грамоты, сирѣчь предложенія — получилъ ея обратно подъ открытою, по просьбѣ моей, печатью. Итакъ, и чинъ въ карманѣ, и мѣсто въ намѣстническомъ правленіи! Послѣ сего спѣшилъ раздѣлить или умножить мою радость съ другомъ Луцевинымъ. Я встрѣтился съ нимъ на большой улицѣ: «друзья — такъ я думалъ — всегда другъ-друга ищутъ». Въ самомъ дѣлѣ, онъ искалъ меня обѣдать, потому что за полдень было уже слишкомъ три часа.

— А угадай, вскричалъ я ему издали: что у меня въ карманѣ? вотъ будешъ великой чародѣй, если угадаешь!..

— «Не знаю, не угадаю»...

— Предложеніе губернаторское въ Рогачевъ.

— «О чемъ?»..

— О томъ, что я пожалованъ губернскимъ секретаремъ, и тотъ-часъ показалъ ему.

Онъ прочитавши, замолчалъ. Потомъ началъ бранить Алѣевцева, губернатора, полковника Коховскаго и маіора Вязмитинова, а потомъ выхвалять свои труды и таланты. Я, послѣ упоеннаго увѣренія себя въ томъ, что онъ мнѣ другъ, насилу могъ опомниться и повѣрить, что онъ браните и меня и всѣхъ моихъ благодѣтелей, за то, что я губернскимъ секретаремъ, а онъ степенью ниже меня.

Я напомнилъ ему, что «я его пріятель, и что по тому самому обязанъ онъ, хотя изъ благопристойности, скрыть свою досаду, которой однако-жъ я никогда не желалъ быть причиною». Потомъ спросилъ его: «что-бы онъ началъ тогда, когда бы вмѣсто меня, непріятель его произведенъ былъ въ чинъ»?

Онъ улыбнувшись принужденно, сказалъ: «правда твоя, я не буду досадовать». Мы обѣдали вмѣстѣ, и казались быть по прежнему пріятельми. — Однако-жъ мало-помалу, свѣтъ, время, и нужда научали меня познавать людей, и, по мѣрѣ познанія чужихъ нравовъ, терять собственную нравственную простоту, и тѣмъ подобиться большинству людскихъ качествъ.

Между тѣмъ, какъ я заботился въ Могилевѣ о чинѣ и о помѣщеніи себя при открытіи намѣстничества въ штатъ правленія, почитая сіе основаніемъ моей службы, и надеждою впредь къ полезному оной для меня продолженію, милостивецъ мой Иванъ К. Вязмитиновъ безперерывно тревожилъ меня изъ Рогачева письмами, кои всѣ были одного содержанія: «что онъ удивляется, для чего я не ѣду къ должности, и къ сдачѣ дѣлъ при уничтоженіи его коммиссарства, по случаю приближающагося открытія намѣстничества».

Я зналъ, что въ коммиссарской его канцеляріи бумагъ было мало, а дѣлъ совсѣмъ ничего, ежели-же какія случались нестоющія названія дѣлъ по своей маловажности и малочисленности, тѣ отрабатываемы были въ провинціальной тамошней канцеляріи по дружбѣ къ нему воеводы Малѣева. А коммиссаръ, находясь между братомъ и воеводою, занимался только переѣздами изъ Рогачева въ Рыльскъ, въ Розсохи—деревни, пожалованныя брату его въ Бѣлоруссіи—въ Могилевъ, и проч... Итакъ, хотя я зналъ, что мнѣ нечего сдавать, и напротивъ зналъ, что ежели бы я въ сію самую пору не постарался самъ о себѣ въ Могилевѣ, то можетъ быть вѣчно бы закоснѣлъ въ уѣздномъ городѣ приказнымъ служителемъ, при такомъ неважномъ мѣстѣ, къ которому отошли дѣла коммиссарскія; однакожъ*) порядокъ службы требовалъ, чтобъ я повиновался. Вслѣдствіе сего, не забывши напишть, по тогдашнему штату, на камзолъ секретарскихъ позументовъ, спѣшилъ по почтѣ къ начальнику рогачевской моей службы, для принесенія ему благодарности за одобреніе меня къ полковнику Коховскому; для врученія воеводѣ губернаторскаго о чинѣ моемъ предложенія, и для забранія вещей моихъ въ Могилевъ, не помышляя болѣ ни о чемъ. Утѣшаясь такими предположеніями, нечаянно нашелъ, что мои позументы не столько были

*) Зачеркнуто: «я не безъ долгу былъ повиноваться требованіямъ». Ред.

пріятны Вязмитинову, сколько мнѣ. Онъ сдѣлалъ мнѣ поздравленіе изъ повторенія тѣхъ же словъ, которыя читалъ я въ письмахъ.

Сколько я ни изъяснялся*), о причинахъ бытности моей въ Могилевѣ, и сколько ни признавалъ, что вѣчно обязанъ его милостію, однако-жъ онъ не пріемля ничего, твердилъ мнѣ, что я понапрасну въ Могилевѣ жилъ, и что долговремянная тамъ моя бытность его обидѣла. Симъ самымъ онъ**) напослѣдокъ, какъ кажется, небережно обнаружилъ мѣру желанія***) мнѣ добра, и сколько онъ дорожилъ всѣмъ моимъ счастіемъ. Не въ состояніи будучи увѣрить его о моей чувствительности, за его ко мнѣ первоначальныя благодѣянія, и не находя причинъ къ негодованію на меня, принужденъ былъ подумать и заключить, что мы, всѣ на свѣтѣ, люди.

На другой день онъ отъѣхалъ въ городъ Бѣлицу, куда опредѣленъ былъ городничимъ по новому росписанію. А я, лишь только хотѣлъ послѣдовать его образцу, отправиться также къ новоназначенной должности въ Могилевъ, и уже укалася въ мою колесницу, какъ рогачевскій комендантъ, полковникъ г. Плецъ прислалъ ко мнѣ ординарца съ объявленіемъ, что «ему велѣно принять дѣла рогачевской коммиссарской канцеляріи съ канцелярскими чинами. А какъ, по списку полученному отъ коммиссара Вязмитинова, находится при коммиссарской канцеляріи г. Добрынинъ, то и не безпокоился бы онъ выѣздомъ изъ города ****)».

Мнѣ очень было примѣтно, что я уже принадлежу къ такому въ губерніи главному мѣсту, которое коменданту насылаетъ указы, да и самъ уже не меньше какъ три раза офицеръ, а г. комендантъ смѣетъ такъ нескромно предо мною изъясняться. Имѣя на своей сторонѣ такого рода справедливость, я конечно бы отрекся отъ исполненія его требованій, но выѣздъ изъ города, противъ воли комендантской, былъ для меня дѣломъ сомнительнымъ. Итакъ, подхватя шляпу, явился въ рукахъ съ нею

*) Зачеркнуто: «что все получилъ съ его пособіемъ». Ред.

**) Зачеркнуто: «не при послѣднихъ часахъ». Ред.

***) Зачеркнуто: «своего». Ред.

****) Далѣе слѣдовали зачеркнутыя потомъ слова: «понеже г. комендантъ ему запрещаетъ». Ред.

въ качествѣ подчиненнаго къ полковнику, провозгласившему себя моимъ шефомъ. Объявилъ ему, что я помѣщенъ въ намѣстническое правленіе. А онъ мнѣ повторилъ тоже, что приказалъ чрезъ ординарца, и къ тому добавилъ: «пришлютъ мнѣ указъ, тогда и поѣдешь. Да и бывшій твой начальникъ, маіоръ Вязмитиновъ, ничего мнѣ о тебѣ не сказалъ».

А я напротивъ, сообразя все, имѣлъ причину помыслить, что маіоръ Вязмитиновъ ему больше сказалъ, нежели ничего. Что же мнѣ предпринять? Думалъ писать партикулярно въ Могилевъ, или послать формальную просьбу о насылкѣ къ коменданту указа. Но къ кому пошлю и то и другое? Тамъ, предъ открытіемъ намѣстничества, всякой при своихъ суетахъ, и сама губернская канцелярія въ послѣднихъ конвульсіяхъ.

Находясь въ такихъ тѣсныхъ со всѣхъ сторонъ положеніяхъ, какъ грекъ*) въ Термопилахъ, что надлежало мнѣ предпринять?— Говорятъ, что человѣкъ есть чудная смѣсь и нескладица заблужденій, ожесточеній, малодушія и упованія! Говорятъ, что сердце его имѣетъ собственную какую-то математику, которая также вѣрна, какъ и классическая. Я принявъ за основанія сіи мнѣнія, ну выть трехъ-тысяще-лѣтнее соло, которое послѣ Давида поютъ жиды и христіяне: «Отецъ мой и мати моя остависта мя, и проч!» и которое въ сокровенности души**) не въ первой уже разъ***) въ жизни случалось мнѣ возвывать! Таковъ для меня былъ остатокъ дня и ночь, а поутру кинулся я къ воеводѣ Малѣеву. Онъ тоже собирался въ Могилевъ къ предназначенной ему должности. Выслушавъ меня, сказалъ онъ: «что-жъ, масло что-ли хочетъ изъ тебя выжать Семенъ Карповичъ?» — такъ назывался мой шефъ.

Слово благодѣтельное и значущее много, слово сказанное при нуждѣ, чиновникомъ служившимъ, служащимъ и уважаемымъ отлично отъ начальства — оживотворило меня! Онъ написалъ чрезъ меня къ коменданту записку; комендантъ прочитавъ, сказалъ: «вотъ теперь я вижу достовѣрное свидѣтельство, что вы опредѣлены въ намѣстническое правленіе, извольте ѣхать». Я сему декрету не меньше обрадовался, какъ полученію чина и

*) Зачеркнуто: «римлянинъ». Ред.
**) Зачеркнуто: «не единожды». Ред.
***) Зачеркнуто: «въ жизни мнѣ». Ред.

мѣста. А комендантъ мой, взявъ меня дружески подъ плечо, походилъ со мною по горницѣ, поговорилъ, и просилъ, чтобъ я не оставлялъ его моими увѣдомленіями изъ Могилева, если бы что случилось достойное свѣдѣнія. И, во-первыхъ, увѣдомилъ-бы его тогда, когда пріѣдетъ графъ.

Не теряя времени, поблагодарилъ я г-на Малѣева и пустился подъ вечеръ въ Могилевъ на долгихъ, имѣя при себѣ вольнаго слугу *).

Майская пріятная вечерняя погода, при настоящемъ моемъ положеніи, удобна была произвести во мнѣ полное внутреннее удовольствіе, и заставить меня проходить мысленно важнѣйшія въ моей жизни мѣста, которыя, хотя и со мною вмѣстѣ, не слишкомъ громки на земномъ шарѣ, но меня они больше интересовали, нежели дѣйствія греческой и римской исторіи. Вслѣдствіе чего, покоясь въ коляскѣ, философствовалъ я тако:

«Осиротѣлъ я пяти лѣтъ. Дѣдъ открылъ мнѣ путь къ азбукѣ, другой—научилъ читать и писать. Горькая его судьба таскала его изъ монастыря въ монастырь. Но для меня монастыри: Сѣвской, Столбовской и Радогожской были, съ помочью его, моею колыбелью, ежели можно такъ называть мѣста, не имѣющія нянекъ. Вездѣ въ нихъ, хотя сопровождала меня непрерывная бѣдность, а наука хотя ограничивалась чтеніемъ церковныхъ книгъ и писаніемъ исповѣдныхъ росписей, но въ тотъ вѣкъ лутче и полезнѣе для моего сиротскаго состоянія, нигдѣ ничего не было. Счастливы дѣтскія лѣты, коимъ не дано чувствовать въ полной мѣрѣ всего! Потомъ, сѣвскій архіерейскій домъ былъ уже для меня нѣкоторымъ степенемъ образованія. Тогда же, нужда и бѣдность моя ощутительно уменьшились. Второй сѣвскій архіерей Кириллъ Флоринскій посланъ для меня судьбою изъ Барышевки, чрезъ Кіевъ, Петербургъ, Новгородъ, Парижъ, Тверь

*) Все сіе произшествіе, смотря со стороны, кажется, не стоитъ того, чтобъ описаніемъ его заниматься, но мнѣ оно доходило до сердца: ибо, если бы я не ускорилъ въ губернскій городъ, къ торжественному открытію намѣстничества, гдѣ всякой должностной долженъ быть при своемъ мѣстѣ, то нѣтъ ничего обыкновеннѣе, въ такихъ случаяхъ, какъ, подъ видомъ неявки моей къ должности, замѣстить ее другимъ. Послѣ чего я остался-бы съ чиномъ безъ патента и безъ службы, потому что патенты даются отъ сената, слѣдовательно къ полученію ихъ нужны были и время и служба; или бы—долженъ занимать при комендантѣ такое мѣсто, которое для меня хуже, нежели не имѣть никакого. Г. Д.

и Торжокъ, въ Сѣвскъ. Его даръ слова лаконической былъ первымъ въ мой слухъ удареніемъ. Онъ имѣлъ даръ*) въ короткихъ словахъ объяснять, просвѣщать, убѣждать, удивлять. Онъ познакомилъ меня съ Пиѳагоровою таблицею, которая открыла мнѣ таинство то**), что я не могъ бы познакомиться съ тройными, обратными, раздробленіями, товарищества, квадратами и кубиками, если бы не узналъ напередъ дважды два. Долговремянная же переписка проповѣдей, и партикулярныхъ его къ разнымъ особамъ писемъ, и чтеніе отъ нихъ получаемыхъ имъ, а, между тѣмъ, и собственныя по сей части упражненія, увѣряютъ меня, что я уже знаю больше, нежели тѣ, которые знаютъ меньше***). Классическія-же науки, преподанныя мнѣ моими дѣдами, каковы бы ни были, однакожъ тѣмъ не меньше благодарность моя къ нимъ, потому, что они отдали мнѣ все, что имѣли и проч. и проч. Потомъ, взглянувши нечаянно на 1752 годъ, въ которомъ я родился... увидѣлъ его мысленно, вздохнулъ, поболѣлъ, что мнѣ уже кончилось 26 лѣтъ, а я только что начинаю считаться въ обществѣ людей! Но мысль, что я уже офицеръ 12-го класса, и мѣсто въ царской службѣ, меня снова успокоили. Мнѣ теперь — размышлялъ я — остается только вести себя по службѣ и по нравственности такъ, какъ благородному, чтобы не дать причины подозрѣвать, что я вчера только сдѣлался благороднымъ ****),

*) Зачеркнуто: «объяснять». Ред.

**) Зачеркнуто: «познать». Ред.

***) Зачеркнуто: «и проч., и проч.». Ред.

****) Такъ я разсуждалъ въ тогдашній мой вѣкъ. Но въ дальнѣйшее теченіе жизни испыталъ, что, доказательства благородства суть: 1-е) Французской языкъ, съ худымъ выговоромъ, безъ знанія правилъ грамматики. 2-е) Карточная игра, съ хорошимъ, всякаго рода, обманомъ. 3-е) Танцы, съ объявленіемъ[1]) поединка за даму. 4-е) Стыдъ[2]), говорить по-русски, и обязанность, не умѣть правильно читать и писать на своемъ языкѣ. 5-е) Презирать каждаго кромѣ себя и молодыхъ женщинъ. 6-е) Быть невѣжливу предъ старшими, и дерзновенну предъ начальниками. 7-е) Забыть скромность; стяжать многословіе, а въ поступкахъ наглость. 8-е) Говорить всегда тономъ рѣшительнымъ, а хотя и повелительнымъ. — Такихъ благовоспитанныхъ людей не всякой любитъ; но они вездѣ все скорѣе для себя сыщутъ. Можетъ-быть — скажутъ — я въ моей ремаркѣ изобразилъ превратно благородное воспитаніе. Не спорю, потому что нѣтъ ничего безъ исключенія. Г. Д.

[1]) Зачеркнуто: «дуеля». Ред.

[2]) Зачеркнуто: «умѣть правильно чи». Ред.

одѣться по приличію я въ возможности больше, нежели*) другіе мои будущіе сослужители могилевскіе. Могилевъ мнѣ уже знакомъ. Я видѣлъ тамъ людей приготовленныхъ ко вступленію въ должности; они для меня неопасные соперники. А далѣ, служба сама собою потечетъ, и отдастъ каждому принадлежащее. Между тѣмъ, я уже офицеръ въ такомъ классѣ, до котораго въ Сѣвскѣ и старики еще не дослужились. Надобно мнѣ отпроситься въ Сѣвскъ, и тамъ вторично обрадовать мать мою. Ежели тщету людскую обморочиваетъ**) наружность, то***) положенные по камзолу позументы, которыхъ еще въ Сѣвскѣ не видали, будутъ****) свидѣтельми моего достоинства». Словомъ: мечта гоняся за мечтою, увѣрили меня, что я еще никогда не бывалъ благополучнѣе; и, въ семъ пріятномъ себя успокоеніи, я приказалъ ѣхать шагомъ и заснулъ.

Понеже я пишу мою исторію для собственнаго приведенія на память прошедшихъ лѣтъ моей жизни, и такихъ приключеній, которыя, сколь ни маловажны сами по себѣ, но сердцу или малодушію моему стоили много, то и долженъ сказать, по порядку повѣствованія, что пріятной мой сонъ прерванъ былъ самымъ лютѣйшимъ для меня ударомъ и не меньше смѣшнымъ для тѣхъ, которые могутъ убивать животныхъ. Меня разбудилъ, при восходѣ солнца, безперерывной крикъ дикой утки, но разбудилъ уже поздо. Слуга мой съ извощикомъ объявили мнѣ, что утка эта пробиралась съ маленькими утенятами чрезъ дорогу, а они побили утенятъ и поклали въ ящикъ. Сіе варварство меня поразило. Я растерзанъ былъ зрѣлищемъ, какъ она около моей коляски летала, и чуть объ нея не билась, испуская жалобной безперерывной крикъ. Мнѣ казалось, что она, въ горести своей, справедливо меня упрекаетъ и жалуется, что я заснулъ для ея несчастья. Мнѣ казалось, что она, на своемъ языкѣ, изъяснялась: «люди твои кровопивцы, лишили меня дѣтей! Раздираютъ на мелкія части мою утробу, и я, къ большому мученью, умереть не могу. Единое и наивеличайшее изъ утѣхъ, данное природою намъ бѣднымъ тварямъ, у меня уже отнято! Мнѣ не надобно ни

*) Зачеркнуто: «всѣ». Ред.
**) Зачеркнуто: «обольщаетъ надежда». Ред.
***) Зачеркнуто: «шпага и». Ред.
****) Вмѣсто зачеркнутаго: «обнаружитъ». Ред.

золото, ни чины. Тѣмъ ли я виновна предъ моими варварами, что не имѣю языка изъясниться, и не имѣю львиныхъ челюстей и когтей, чтобъ ихъ растерзать въ куски?»

Я столько пораженъ былъ жалостью, что не могъ людямъ моимъ ничего порядочнѣе сказать, кромѣ, что: «вы изверги, вы канальи; такихъ должно сѣчь кнутомъ, которые, противъ закона Петра Великаго, бьютъ дичину, прежде Петрова дни».

Сострадая наимучительнѣйше несчастной уткѣ, я почувствовалъ во внутренности*) ощутительную перемѣну, на подобіе колики или конвульсій; и позабылъ, что въ Виѳлеемѣ, при самомъ основаніи нашего блаженства, 14 тысячъ невиннаго и едва существующаго человѣчества разтерзано передъ глазами матерей, ежели это правда. Я позабылъ, какъ, во время побѣга изъ Россіи шестидесятъ тысячъ кибитокъ калмыковъ, конвоюющій маіоръ былъ ими заколотъ въ глазахъ жены; а жена, имѣя уже въ грудяхъ смертоносной кинжалъ, и забывая собственную мучительную смерть, простирала руки къ трилѣтнему своему сыну и кричала: «Иванюша! Иванюша!» видя въ послѣдній разъ, какъ его калмыки убивали объ колесо головою. Это самая истинна **). Я позабылъ даже и то славное дѣяніе, которымъ украсилъ свое царствованіе порфироносный христіянинъ Карлъ IX—въ XVI-мъ столѣтіи, въ ночь святаго Варѳоломея. Я позабылъ многія подобныя въ исторіи дѣянія, которыя обнаруживаютъ человѣка больше злымъ, нежели его участь на земномъ шарѣ. Несчастіе, въ настоящемъ времяни, при моей колескѣ, утки съ утенятами, было для меня чувствительнѣе, нежели паденіе градовъ и царствъ отдаленныхъ времянъ и мѣстъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Зачеркнуто: «нѣкоторую». Ред.

**) «Самая истинна» написано сверхъ зачеркнутаго «не требуетъ подтвержденія». Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ О М. И. ГЛИНКѢ.

I.

Въ первый разъ я встрѣтился съ М. И. Глинкою у общаго нашего дѣда Ф. С. Кашталинскаго, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ опредѣляться въ военную службу въ 1825 году. Глинка былъ уже чиновникъ*); былъ онъ маленькой, худенькой, блѣдный, но съ очень пріятною и выразительной физіономіею. Мы скоро сошлись, и нельзя было не полюбить его сразу: образованный умъ, увлекательный разговоръ, приправленный порядочною долею юмора, дѣлали бесѣду его желательною. Сначала мы видались рѣдко; разные круги знакомыхъ, разные интересы, насъ разводили; мы встрѣчались только у нѣкоторыхъ родныхъ и особенно въ домѣ кн. Е. А. Хованской, которой сынъ кн. Юрій былъ общимъ нашимъ другомъ. У княгини Хованской были двѣ прекрасныя дочери**), для которыхъ она, довольно часто, давала танцовальные вечера, гдѣ мы бывали постоянными кавалерами. Изъ числа молодыхъ людей, усердно подвизавшихся на паркетѣ кн. Хованской, остался на сценѣ свѣта одинъ только Н. И. Бахметевъ, начальникъ

*) Онъ ошибся въ своихъ запискахъ: мы познакомились не въ то время, когда онъ былъ въ пансіонѣ, а когда уже былъ на службѣ и жилъ съ Корсакомъ. П. С.

**) Старшая, Софія Сергѣевна, была замужемъ за С. А. Кокошкинымъ, бывшимъ оберъ-полицмейстеромъ; а младшая, Марія Сергѣевна, за Боговутомъ, сдѣлавшимся потомъ извѣстнымъ своими воинскими подвигами. П. С.

Для этой-то Маріи Сергѣевны — писаны Е. А. Хвостовой тѣ интересныя воспоминанія о Лермонтовѣ, которыя мы недавно издали отдѣльной книгой. Ред.

придворной капеллы. Я зналъ, что Глинка пьянистъ, но я не подозрѣвалъ, что онъ и композиторъ. Вечера кн. Хованской мнѣ это открыли. Ему пришла мысль написать французскую кадриль для этихъ вечеровъ. Скоро музыка была готова, и Глинка отдалъ ее разучить музыкантамъ, обыкновенно игравшимъ у кн. Хованской; когда она была разучена, то Глинка сдѣлалъ у себя въ квартирѣ пробу. Онъ жилъ тогда на Загородномъ проспектѣ въ деревянномъ домѣ, который и теперь еще цѣлъ. Всѣ мы, пріятели Глинки, собрались слушать и были въ восторгѣ. Въ первый, послѣ того, вечеръ у Хованскихъ мы поѣхали туда съ какимъ-то волненіемъ, музыка Глинки намъ казалась родною. Вотъ раздаются первые аккорды; пары устанавливаются; я предупреждаю мою даму, что будетъ новая отличная музыка контрданса, сочиненная молодымъ композиторомъ. «Да? сказала дама, надо послушать».— Музыка заиграла, пары задвигались, начались разговоры, и дамы слушали не музыку, а рѣчи своихъ кавалеровъ. Музыка прошла незамѣченною. Тѣмъ не менѣе Глинка былъ очень доволенъ: въ первый разъ онъ являлся передъ публикой, и мы имъ гордились.

Судьба не давала намъ сживаться надолго. Мои походы и отлучки изъ Петербурга по службѣ, поѣздка Глинки за границу разлучали насъ на многіе мѣсяцы и годы.

Послѣ турецкой кампаніи 1828 года я опять столкнулся съ Глинкой у Е. Ф. Кошелевой, дочери нашего общаго дѣда. Послѣ обѣда Глинка сѣлъ играть, и исполнивъ нѣсколько пьесъ и фантазій, сказалъ: «Хотите я вамъ спою мой романсъ»? и запѣлъ: «Не искушай меня безъ нужды». Съ того дня каждая нота этой пѣсни жива въ памяти моего слуха.

II.

Глинка уѣхалъ за границу. Уже въ 1834-мъ году, получаю вдругъ отъ него записку, въ которой онъ извѣщаетъ, что возвратился въ Петербургъ, нездоровъ и проситъ посѣтить его. Я поѣхалъ къ Стунѣеву, гдѣ онъ остановился; старыми друзьями мы обнялись и начались разсказы о томъ, что съ нами было въ теченіи разлуки многихъ лѣтъ. Мелькнула маленькая хорошенькая дѣвушка: «кто это»?

— Сестра Стунѣевой, правда что хороша?

— «Да, но она еще дѣвочка».

— Нѣтъ ей уже 17 лѣтъ.

— «Смотри, не женись».

— Вздоръ какой.

Часто сталъ я ѣздить къ Глинкѣ, и почти при каждомъ посѣщеніи являлось что-нибудь нежданное: то Глинка объявляетъ мнѣ, что пишетъ русскую оперу, и споетъ нѣкоторые мотивы изъ нея; то споетъ новый романсъ, между прочимъ: «Только узналъ я тебя»; то наконецъ объявляетъ, что женится на той, для кого написалъ этотъ романсъ, на Марьѣ Петровнѣ. Я припомнилъ Глинкѣ мое предсказаніе.

Въ 1835 году Глинка женился; вѣнчалъ его о. Маловъ и, по окончаніи обряда, сказалъ привѣтствіе. Между прочимъ онъ говорилъ: «Михаилъ Ивановичъ, ваша жена такъ молода; это едва распустившійся цвѣтокъ, берегите её; холодное дуновеніе или излишній жаръ могутъ погубить её».

Жаль, что онъ ничего не сказалъ въ родѣ этого Марьѣ Петровнѣ.

Глинка зажилъ семейною жизнію. Время дѣлилось между любовью къ женѣ и музыкальными занятіями; у него толпились артисты, которые пробовали и выпѣвали все, что онъ напишетъ новаго; всякой день почти являлся златовласый фебъ, либретистъ «Жизни за Царя», баронъ Розенъ, господинъ постоянно возбужденный, ненаучившійся говорить по-русски, но писавшій русскіе стихи, иногда недурные.

Разъ пріѣзжаю утромъ къ Глинкамъ, и застаю Марью Петровну въ слезахъ.

— Что это, о чемъ вы такъ плачете?

— «Я несчастная, Глинка меня не любитъ».

— Марья Петровна, что вы говорите? да васъ никогда никто такъ не любилъ и не будетъ любить, какъ онъ».

— «Нѣтъ, нѣтъ онъ мнѣ измѣнилъ».

— Для кого, скажите пожалуйста.

— «Для своей... этой ненавистной оперы, онъ ею только занятъ, а меня бросилъ, оставилъ одну».

Я расхохотался, и Марья Петровна скоро утѣшилась. Но бѣда въ супружеской жизни, когда жена начнетъ скучать...

Не помню по какому-то случаю былъ у Глинки обѣдъ: когда я

пріѣхалъ,—со мною познакомили одного человѣка очень маленькаго роста, котораго я прежде никогда не видалъ; плотный, вполнѣ развитый торсъ на очень короткихъ ножкахъ, завершался прекрасною головой, напоминающей Аполлона Бельведерскаго — это былъ Брюловъ. Насъ посадили рядомъ за столъ, и я не замѣтилъ какъ прошелъ обѣдъ; разговоръ не перерывался, переходя отъ одного предмета къ другому. Говоря о Римѣ, Брюловъ сказалъ: «вначалѣ Римъ покорилъ мечемъ весь извѣстный тогда міръ; потомъ—перевернулъ мечъ къ верху рукояткой, вышелъ крестъ, и крестомъ Римъ завладѣлъ всѣмъ католическимъ міромъ; придетъ время, и Римъ подчинитъ себѣ міръ умственно: политикой, науками, искусствами; не даромъ, по-русски анаграма Рима есть міръ».

Когда давали «Жизнь за Царя», я былъ въ Саратовѣ, но получилъ много писемъ, въ которыхъ мнѣ описывали полнѣйшій успѣхъ Глинки; какъ я жалѣлъ, что не былъ свидѣтелемъ его! Возвратясь, нашелъ Глинку уже капельмейстеромъ и на казенной квартирѣ у Пѣвческаго моста. Онъ былъ въ модѣ, но не охладѣлъ къ прежнимъ своимъ друзьямъ. Утромъ его рѣдко можно было найти дома, онъ былъ или въ капеллѣ, или въ разъѣздахъ; но почти всегда обѣдалъ дома, и въ первое время, часто проводилъ вечера семейно. По четвергамъ бывали у него рауты, на которыхъ постоянными посѣтителями бывали Стунѣевы, Петровъ, Воробьева, М. Л. Яковлевъ, Брюловъ, Кукольникъ, Ломакинъ; а затѣмъ одни—смѣнялись другими. Комнаты всегда были наполнены, и въ нихъ лица высшаго круга перемѣшивались съ артистами и прочими гостями. Не танцовали, въ карты не играли, но разговаривали и музыканили. Пѣли соло и morceaux d'ensemble. Часто послѣдніе составлялись внезапно, безъ подготовки. Глинка выбиралъ какую-нибудь пѣсню или подходящій романсъ, раздавалъ голоса: себѣ — тенора, Петрову — баса, сопрано — своей женѣ, или, если случится, лучшей пѣвицѣ, контральта—Воробьевой или Стунѣевой, и сразу пѣніе шло отлично. Такимъ образомъ спѣтъ былъ, безъ подготовки, въ два голоса романсъ «Прости меня, прости». Кажется Стунѣева спѣла его сперва одна, потомъ Глинка, a la prima, спѣлъ его съ нею держа второй голосъ. Впослѣдствіи онъ нотировалъ этотъ дуэтъ, который о сю пору поется. На этихъ же вечерахъ М. Л. Яков-

левъ въ первый разъ прекрасно спѣлъ свой романсъ: «Когда душа просилась ты», къ которому Глинка также подобралъ второй голосъ. Пьесы бывали исключительно русскія; помню одну цыганскую пѣсню, которую удачно пѣла Стунѣева: «Ахъ, когда-бъ я прежде знала». Изъ итальянскихъ пѣли только три: Петровъ — Vi ravviso; Глинка — Raggio d'amor и Una furtiva lagrima; французскихъ и нѣмецкихъ — никогда. Обворожительно было слушать, когда Петровъ и Воробьева своими свѣжими и великолѣпными голосами исполняли какіе-нибудь романсы Глинки. Никогда не могутъ забыться: «Только узналъ я тебя» и «Сто красавицъ свѣтлоокихъ» пропѣтое Воробьевою.

Глинку командировали для набора голосовъ; когда онъ возвратился съ своимъ пѣвческимъ грузомъ, тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобъ похвастать найденнымъ имъ Артемовскимъ. Онъ заставилъ его пѣть, и Артемовскій началъ съ тогдашняго своего конька: «Погасло дневное свѣтило»; голосъ былъ свѣжій и огромный; но ни малѣйшей манеры и слова выговаривалъ отчаянно. Онъ нерѣдко произносилъ вмѣсто свѣтило — свѣтрило. Досадно было, хотѣлось восхищаться, а смѣхъ пронималъ. Но голосъ его былъ такъ могучъ, что на другой день генералъ Моллеръ, жившій надъ моей квартирой, спросилъ у меня: «Какая это пушка у васъ вчера ревѣла?»

III.

Глинка зажилъ по прежнему, но уже прежнее счастіе миновало. Онъ сдержанно описываетъ свои домашнія дрязги; онѣ же были таковы, что домъ ему опротивѣлъ; онъ безпрестанно отлучался, иногда пропадалъ по цѣлымъ днямъ и наконецъ совсѣмъ переселился къ Кукольникамъ. Онъ описываетъ подробно, и даже, кажется, съ любовью вечера у братьевъ Кукольниковъ, но не говоритъ, что самъ оживилъ ихъ. Разъ въ недѣлю, кажется по средамъ, собиралось тутъ большое общество, такъ что стульевъ не хватало въ трехъ комнатахъ для всѣхъ посѣтителей, и густая толпа тѣснилась или медленно двигалась взадъ и впередъ. Сюда сходились редакторы журналовъ и газетъ, цѣховые литераторы и кандидаты на это званіе; професоры академіи и художники ищущіе извѣстности, актеры, книгопродавцы, издатели, типографщики, словомъ все, что принадлежало къ ли-

тературѣ и художествамъ. Составлялись кучки по два, по три и болѣе человѣка, всѣ разомъ говорили или громко или въ полголоса; тутъ составлялись сдѣлки, дѣлались заказы, подряды, заключались условія, наступательные и оборонительные союзы; затѣивались предпріятія; словомъ — настоящая литературная и художественная биржа. Одинъ разъ взглянуть на этотъ базаръ, было любопытно; но для непричастнаго къ подобнымъ дѣламъ, постоянное посѣщеніе этихъ вечеровъ было невыносимо скучно. Съ переселеніемъ Глинки, у Кукольниковыхъ стало пріятнѣе. Обыкновенно Глинка уходилъ въ угловую комнату и садился за фортепьяно, игралъ и пѣлъ. Людей дѣловыхъ не заманишъ никакой музыкой, и потому около Глинки составлялся небольшой кружокъ съ наслажденіемъ вслушивающихся въ его пѣніе. Въ это время голосъ Глинки уже погрубѣлъ, это былъ скорѣе теноръ и высокія ноты онъ выкрикивалъ; но—вѣрность, манера, умѣнье, чувство въ высшей степени, выраженіе потрясающее — все это дѣлало то, что къ нему можно примѣнить слова изъ его романса: «Все слушалъ-бы, слушалъ и слушалъ тебя.»

Какъ скучны были вечера Кукольниковъ, такъ напротивъ веселы были ужины; оставались не болѣе 8 или 9 человѣкъ. Усталые садились за столъ, кому было жарко, снималъ верхнюю одежду; подавали два самыхъ простыхъ блюда, и много хереса и краснаго вина. Тутъ сыпались остроты, насмѣшки, велись споры, раздавались смѣхъ и пѣсни. Несторъ Кукольникъ, на все кропавшій стихи, сочинялъ куплеты на присутствующихъ и отсутствующихъ: стишки были, большою частію, плохенькіе, но они смѣшили и охотно распѣвались. Помню два куплета:

Офицеръ Булгаковъ,
Ночью въ три часа,
При сниманьи фраковъ
Тянетъ хереса.

Яковъ Ѳедосѣичъ*)
Въ жаждѣ завсегда,
Тянетъ Ерофеичь
А ромъ иногда и проч.,

Надо правду сказать, что шутки тонкой, требующей вкуса и

*) Яненко.

остроумія, на этихъ вечерахъ бывало не услышишь; за то безпрестанно раздавались забавныя пошлости, заставлявшія хохотать до упаду.

Я былъ въ отсутствіи, когда Глинка въ первый разъ переѣхалъ на мою квартиру въ 1839 году. Возвратясь въ декабрѣ, я засталъ въ дружномъ кружкѣ брата Николая, Глинку, С. Муравьева и еще кого-то; они распивали чай, курили и весело бесѣдовали; но квартира моя была въ такомъ безпорядкѣ, что потребовалось нѣсколько дней, чтобъ ее отчистить и устроить. Глинка пишетъ, что не было у насъ инструмента, но онъ забылъ, что у меня разыгрывалъ Баха и сочинялъ; на чемъ-же? не на тарелкѣ же, съ помощію вилки. Вскорѣ по пріѣздѣ, разъ вижу, что Глинка, отпивши утренній чай, въ историческомъ своемъ тулупчикѣ подходитъ къ клавикордамъ и начинаетъ что-то играть по нотамъ. Вслушиваюсь: какіе-то гармоническіе аккорды, но очень однообразно. «Что ты игралъ?» спросилъ я у Глинки, когда онъ кончилъ. — «Фуги Баха». — «Аа!!» — На другой день тоже; слушаю съ большимъ вниманіемъ. На третій, четвертый, и всякій день одно и тоже; надоѣло до-нельзя.

— «Твой Бахъ прескучный господинъ», говорю я Глинкѣ.

— «Mon cher, c'est parce que Vous êtes un ignorant dans l'art musical».

— «Согласенъ, но и ты согласишься, что красоты Баховскихъ фугъ не натуральныя, но чисто условныя, искусственныя. Музыка естественная нравится всѣмъ; а музыка условная, только посвященнымъ въ ея таинства».

— «Что такое натуральность въ музыкѣ? звуки тогда естественны, когда они вѣрно выражаютъ идею или чувства композитора; высокія идеи Баха, самымъ отчетливымъ образомъ выразились въ простыхъ аккордахъ его фугъ. Тебѣ эти идеи недоступны — я въ этомъ не виноватъ».

Если не самыя слова, то сущность этого разговора вѣрно сохранилась въ моей памяти.

Въ короткое время пребыванія у меня Глинка написалъ два романса: «Ночной зефиръ струитъ эѳиръ», и «Въ крови горитъ огонь желанья». Романсы эти слушались съ наслажденіемъ пріятелями, которые у насъ нерѣдко бывали; чаще всѣхъ приходилъ Брюловъ съ вѣчнымъ своимъ спутникомъ Яненко; они

всегда оставались обѣдать, а иногда и ночевали; потомъ С. Муравьевъ, гр. Аркадій Кутузовъ, Ѳ. Іохимъ — живописецъ, и многіе другіе, которыхъ и не вспомнишь.

Одинъ разъ собралось довольно народу; между прочими—измайловскаго полка флигель-адъютантъ Копьевъ, самъ пѣвецъ и музыкантъ, и юный кн. Кастріото-Скандербекъ, юнкеръ егерскаго полка, страстный къ музыкѣ, впослѣдствіи самъ композиторъ, и въ первый разъ удостоившійся видѣть и слышать Глинку. Михаилъ Ивановичъ былъ въ ударѣ, онъ пѣлъ и съ другими и одинъ невыразимо хорошо. Не помню какой именно романсъ пѣлъ онъ; но когда кончилъ, мы увидѣли, что бѣдный мальчикъ Кастріотъ поблѣднѣлъ и былъ близокъ къ обмороку: его отпрыскали холодной водой. Не одинъ этотъ разъ, впослѣдствіи, мнѣ случалось бывать свидѣтелемъ потрясающаго дѣйствія, которое производило пѣніе Глинки на людей слабонервныхъ.

Онъ со мною былъ всегда очень откровененъ, повѣрялъ мнѣ свои душевныя тайны, и мнѣ въ подробности были извѣстны его отношенія къ Е. Е. К..нъ. Но я всегда былъ убѣжденъ, что эта привязанность исходила не отъ глубокаго чувства, а зародилась и воспитывалась воображеніемъ. Семейное свое несчастіе онъ искалъ заглушить какою-нибудь привязанностію, и я подозрѣваю, что сочуствіе къ блѣдной, интересной дѣвушкѣ, вмѣстѣ съ данью уваженія къ ея уму и образованности—онъ принялъ за любовь. Такъ мнѣ всегда казалось, и я не опасался за послѣдствія этой quasi-любви; подорванная обидчивостію и недоразумѣніемъ она легко рушилась и Глинка передалъ мнѣ все, что у него отъ этой любви оставалось.

Скоро пріѣхала мать Глинки и онъ переселился къ ней, оставя мнѣ на прощанье первыя идеи Руслана, записанныя въ тетрадкѣ *). Кромѣ личныхъ качествъ Глинки, этой теплой, дѣтски-доброй души, какъ выражается сестра его Людмила Ивановна, кромѣ геніальности Глинки — меня къ нему еще сильнѣе привязывали его родные. Какая прекрасная особа была его мать Евгенія Андреевна! Всякаго, кто только любилъ ея сына, она уже считала сво-

*) Благодаря обязательности уважаемаго автора настоящихъ «Воспоминаній», сущность завѣтной тетрадки передана въ «Русской Старинѣ», въ статьѣ В. В. Стасова: «Первоначальный планъ оперы «Русланъ и Людмила» (т. III, стр. 367 — 384). Ред.

имъ; какъ она насъ ласкала, баловала! въ ея домѣ было такъ отрадно, что забывались всѣ обыденные недочеты, и сердце отогрѣвалось отъ жизненныхъ морозовъ...

Я продолжалъ часто видаться съ Глинкою. Одинъ разъ поздно вечеромъ шелъ я по Невскому; вижу, на встрѣчу мнѣ идутъ два маленькіе человѣка; когда лучъ фонаря освѣтилъ ихъ лица, я узналъ Глинку и Брюлова.

— Куда вы?.

— «Къ Пастѣ, пойдемъ съ нами».

— Идемъ.

Пришелъ къ Пастѣ и Кукольникъ, и еще нѣсколько человѣкъ; Глинка и она пѣли попеременно и вмѣстѣ. Голосомъ уже отпѣтымъ, но вѣрнымъ и выработаннымъ, она все еще могла доставлять много наслажденія. Ужинъ былъ хорошій и вино отличное, изъ англійскаго магазина. Кукольникъ, которому вездѣ надо было вставить стишокъ, къ концу ужина произнесъ:

Да здравствуетъ Паста и Глинка,
Да здравствуетъ Никольсъ и Плинке *).

Припѣвъ этотъ долго сохранялся въ Кукольниковскомъ кружкѣ.

Глинка говоритъ, что я огорчился тѣмъ, что онъ поселился у Кукольниковъ, а не у насъ, и переманилъ его къ себѣ. Не помню, можетъ быть и такъ было; никакого нѣтъ сомнѣнія, что для меня отрадна была его ежедневная бесѣда; но я думаю также, что мнѣ не очень нравилось общество, въ которомъ онъ вращался. Несторъ Кукольникъ былъ, конечно, человѣкъ талантливый, съ артистическимъ чувствомъ и могъ Глинкѣ заявлять хорошія мысли въ художественномъ отношеніи: но остальные господа, несмотря на все ихъ благодушіе, не могли окружать его здоровою атмосферою.

Во второй разъ Глинка переѣхалъ ко мнѣ, еще не вполнѣ оправясь отъ болѣзни, въ 1841 году. Когда онъ прошелся по комнатамъ, то вдругъ остановился и сказалъ:

— «Mon cher, tu dois avoir du cinabre dans tes couleurs?»

— Разумѣется, отвѣчалъ я, не только киноварь, но и другія ядовитыя краски есть, а тебѣ зачѣмъ это?

— «Я лечусь гомеопатіей и всякія ядовитыя частицы очень дѣйствуютъ на мои нервы; пожалуйста, спрячь подальше».

*) Фирма англійскаго магазина.

Я исполнилъ его желаніе, завернулъ плотно въ бумагу несчастныхъ изгнанницъ и упряталъ ихъ въ другую комнату, поглубже, подальше. Глинка успокоился.

Мнѣ случается нѣсколько разъ употреблять французскія фразы, это отъ того, что Глинка очень любилъ говорить по-французски; я записываю слова такъ, какъ они врѣзались въ моей памяти. Вообще онъ очень хорошо говорилъ на многихъ языкахъ, впослѣдствіи даже на испанскомъ; но никакъ не могъ совершенно очистить своего русскаго языка отъ смоленскаго выговора; такъ, напримѣръ, онъ говорилъ: бушмакъ, самываръ, пумада и проч.

IV.

Съ первыхъ же дней переѣзда, Глинка усиленно занялся «Русланомъ». Обыкновенно въ 11-ть часовъ я уѣзжалъ со двора и возвращался въ два. Глинка, весь въ себѣ сосредоточенный, въ творческой работѣ, ходилъ по комнатамъ; я старался пройти не развлекая его, и потомъ всматривался: то онъ подойдетъ къ фортепьяно, возьметъ нѣсколько аккордовъ, спѣшитъ въ свою комнату и скоро пишетъ на большихъ нотныхъ листахъ, разложенныхъ по его столу; опять ходитъ, опять записываетъ, часто безъ пособія инструмента. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ стемнѣетъ, и тогда утомленный, онъ ложился и жаловался на боль и усталость. Обѣдъ возстановлялъ его силы, и вечеромъ онъ бывалъ, подчасъ, веселъ и разговорчивъ. Тѣже прежніе пріятели насъ посѣщали, особенно Брюловъ и Яненко.

Странныя были отношенія Глинки и Брюлова; повидимому они были очень дружны, нетолько не избѣгали, но искали другъ друга. Брюловъ восторгался музыкою Глинки; этотъ благоговѣлъ передъ живописью перваго; но въ душѣ они не любили другъ друга. Глинка, вообще нелюбившій злословить, иногда съ горечью отзывался о характерѣ и нравственныхъ недостаткахъ Брюлова; этотъ, въ свою очередь, не упускалъ случая зло подсмѣяться надъ Глинкой, конечно больше заглазно; но иногда, подъ веселый часъ, и въ глаза. Не была же это зависть, это невозможно, они шли разными путями, столкновеній между ними никакихъ не было; гдѣ же причина? полагаю, что въ психическомъ ихъ устройствѣ. У обоихъ горѣлъ огонь геніальности, но между ними была существенная разница: Брюловъ жилъ

воображеніемъ, умомъ и разсчетомъ; Глинка жилъ воображеніемъ и чувствомъ. Глинка весь высказывался, его думы и чувства не были затаенными для друзей; Брюловъ не всегда говорилъ то, что думалъ и чувствовалъ; Глинка былъ, какъ самъ онъ говорилъ, mimosa; Брюлова—трудно было расшевелить. Часто видалъ я у Глинки слезы на глазахъ, у Брюлова же, одинъ только разъ въ жизни, видѣлъ я какъ слеза покатилась изъ глазъ.

Хотя и отвлекусь отъ главнаго предмета, но не могу не разсказать, какъ это случилось. Брюлову понравилась старшая дочь Яненко. Онъ сталъ ходить къ нему ежедневно, и оставался по цѣлымъ днямъ, выискивая случая быть съ нею наединѣ. Яненко это замѣтилъ, и, какъ ни былъ привязанъ къ старому своему товарищу, но дочь любилъ больше. Зная, что Брюловъ неразборчивъ въ средствахъ къ достиженію цѣли, зная, что змѣемъискусителемъ онъ умѣетъ подползать къ женщинѣ—Яненко рѣшился отдѣлаться отъ Брюлова. Разъ засталъ онъ его одного въ комнатѣ съ дочерью, напѣвающаго ей любезности, накинулся на него и, послѣ горячаго разговора, выгналъ его изъ дома, съ тѣмъ, чтобъ онъ впредь глазъ не показывалъ. Не зная ни о чемъ, недѣлю спустя послѣ этого происшествія я поѣхалъ работать въ мастерскую Брюлова. Его не было, сказали что боленъ; на вопросъ мой можно ли видѣть? пошли спросить у него. Скоро онъ спустился съ антресолей, блѣдный, разстроенный, въ рабочей зеленой фланелевой куртке.

— Что съ вами, вы должны быть очень больны?

— «Не боленъ, а душевно страдаю».

— Что съ вами случилось?

— «Пойдемте, я вамъ разскажу».

Мы пошли въ другую комнату, и тутъ онъ мнѣ разсказалъ свой разрывъ съ Яненкой, конечно оправдывая себя и страшнымъ образомъ браня Яненко, до того, что осмѣлился гнусно оклеветать жену Яненко, всѣми уважаемую за ея высокія душевныя качества, осмѣлился мнѣ въ глаза сказать, что Бетси дочь моего отца.

Я остановилъ его и сказалъ ему, что онъ лжетъ; но онъ возразилъ: «Хорошо, можетъ быть это и неправда, но все-таки у такого отца не можетъ быть такой дочери».

— Отчего же вы не сказали, что хотите на ней жениться?

— «Жениться, чтобъ имѣть тестемъ такого отца»!

— Какое вамъ дѣло до отца; выходитъ, что вы недостаточно любите дѣвушку

— «Я не люблю! я! (обѣими руками онъ схватилъ мою руку), да вы понять не можете, какъ я ее люблю».

И тутъ я увидѣлъ глаза его полные слезъ. Онъ закрылъ лицо руками и отошелъ въ сторону. Это случилось въ то время, когда уже Глинка уѣхалъ за границу. Яненко и Брюловъ уже съ тѣхъ поръ никогда не сходились.

Мы продолжали жить спокойно. Глинка сильно работалъ. Мнѣ очень хотѣлось-бы описать его, какимъ онъ былъ въ то время, такъ, чтобъ никогда невидавшіе его могли бы составить себѣ о немъ ясное понятіе. Онъ былъ очень небольшого роста, худощавый; блѣдное овальное лицо окаймлялось круглыми черными бакенбардами; черные прямые волоса обрамляли прекрасный лобъ безъ малѣйшихъ морщинокъ; только между бровей шла небольшая морщинка—черта мысли. На правой сторонѣ лба торчалъ несокрушимый вихоръ; каріе глаза изъ-подъ нависшихъ вѣкъ смотрѣли привѣтливо и выразительно; выражали они постоянно доброту, иногда они сверкали веселостію и загорались вдохновеніемъ. Голову онъ держалъ немного назадъ, грудь выставлялъ впередъ; ходилъ приподымаясь слегка на носки; одѣвался просто, но опрятно; сюртукъ и фракъ застегивалъ на всѣ пуговицы. При встрѣчѣ съ незнакомымъ или непріятнымъ ему человѣкомъ, былъ холоденъ, щурилъ глаза и говорилъ неохотно. Съ людьми по сердцу—любилъ поговорить и посмѣяться, когда былъ въ духѣ; тутъ являлась незлобная насмѣшка, которой самъ отъ души смѣялся; какое-нибудь передразниванье, шуточныя фразы, которыя онъ очень любилъ; такъ, напримѣръ, ему понравилась гдѣ-то слышанная имъ фраза, которую онъ не рѣдко повторялъ при случаѣ: «богомерзкая и человѣкопротивная физіономія.» Это онъ выговаривалъ ударяя на о, окая. Онъ любилъ похвастать крѣпостію своихъ мускуловъ и часто напрягая плечевой, говорилъ: «ударь... покрѣпче... каково? это просто желѣзо!»—Правда, что мускулы его были крѣпки, но силы у него не было; и когда случалось ему похвастаться, въ шутку, какимъ-нибудь физическимъ удальствомъ, то говорилъ, что онъ

это сдѣлалъ: «не силою, а ухищреніемъ злобы», припоминая своего профессора Колмыкова.

Рѣдко пускался онъ въ разговоры политическіе и философскіе, но придерживался больше окружающей сферы, воспоминаніямъ и музыкѣ: тутъ говорилъ онъ съ одушевленіемъ и властію.

Несмотря на то, что Глинка былъ уже уволенъ въ отставку, его не забыли; разъ вечеромъ докладываютъ, что меня спрашиваетъ придворный лакей. Я вышелъ; камеръ-лакей спросилъ у меня-ли проживаетъ г-нъ Глинка?

— Да.

— «Я проискалъ его весь вечеръ. Ея величество приглашаетъ г-на Глинку сегодня на музыкальный вечеръ.»

Я сказалъ, что мнѣ неизвѣстно дома-ли онъ, и что я пойду и узнаю.

Глинка оказался въ крайне затруднительномъ положеніи. Якова, слуги его, не было дома, а у него весь гардеробъ Глинки, даже неизвѣстно, есть ли на лицо бѣлыя перчатки? Подумали, и Глинка рѣшилъ, что ему ѣхать безъ Якова невозможно. Я пошелъ сказать посланному, что Глинки нѣтъ дома и неизвѣстно, гдѣ находится.

V.

Надо сказать нѣсколько словъ и объ Яковѣ Ульянычѣ. Это былъ типъ стариннаго дядьки, лѣтъ около 50-ти, съ желтымъ лицомъ, волосами съ просѣдью, съ выставившеюся верхнею губою; держалъ спину немного согнутою, а голову выставлялъ впередъ. Обычно серьёзный, иногда онъ позволялъ себѣ сострить, и тогда лукаво ухмылялся подымая брови къ верху, что онъ всегда дѣлалъ при какихъ-нибудь особенныхъ ощущеніяхъ; говорилъ сиповатымъ баритономъ, отрывисто. Онъ былъ владыка матеріальной жизни Глинки; всѣ жизненныя потребности были на его рукахъ. Глинка ничего не зналъ о своемъ платьѣ, бѣльѣ, обуви. Яковъ только спрашивалъ, какое платье надѣнетъ баринъ, и надо отдать ему справедливость, все было въ порядкѣ и одежда тщательно вычищена. Деньги были также у него; уѣзжая со двора, Глинка бралъ у него или нѣсколько мелкой монеты или рублей. Записывалъ-ли Ульянычъ расходъ — этого я не знаю; да и вообще не знаю, велась-ли у нихъ отчетность и контроль. Знаю только, что иногда Яковъ приходилъ и говорилъ: «Михаилъ Ивановичъ,

надо къ матушкѣ писать, денегъ нѣтъ». Онъ такъ слилъ себя съ бариномъ, что иначе не говорилъ какъ: «наше Ново-Спасское, наша опера, наши сестры». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ большой сплетникъ: цѣлый день почти шатаясь по городу, онъ приносилъ и передавалъ Михаилу Ивановичу все, что слышалъ и что могло-бы его интересовать.

Разъ въ исходѣ дня, помнится на страстной недѣлѣ, сидѣли мы съ Глинкой дома, каждый въ своемъ углу, и помалчивали; вдругъ входитъ Яковъ и говоритъ:

— «Михаилъ Ивановичъ, честь имѣю поздравить!»

— «Съ чѣмъ, Ульянычъ, кажется еще рано».

— «Марья Петровна замужъ вышла».

Мы остолбенѣли. Комичная фигура Якова Ульяныча, въ сумеркахъ, произносящая эти страшныя слова, имѣла въ себѣ что-то Шекспировское. Мы-было не повѣрили, но Яковъ подробно разсказалъ, какъ Марья Петровна съ конно-гвардейскимъ офицеромъ Васильчиковымъ уѣхала въ Аполье и тамъ обвѣнчалась. Крайне смутило это бѣдного Глинку; онъ долго ходилъ въ раздумьи и наконецъ спросилъ у меня:

— «Имѣю ли я право держать солдата въ передней?»

— «Зачѣмъ это?»

— «Видишь-ли, Марья Петровна вступила въ незаконный бракъ, который дѣлается законнымъ, когда меня не будетъ; понялъ?»

— «Понимаю, но тебѣ нечего опасаться; трудно постороннему совершить злой умыселъ въ казармахъ, набитыхъ биткомъ военными обитателями; да и ко мнѣ въ квартиру трудно забраться: съ передняго входа неиначе, какъ черезъ посредство колокольчика, а съ чернаго, гдѣ всегда много людей, никого безъ доклада не пропустятъ».

На этотъ счетъ Глинка успокоился, но озабоченность не покинула его.

На другой день онъ отправился за совѣтами къ знакомымъ ему дѣльцамъ и возвратился съ рѣшеніемъ искать развода. Вслѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ къ своей матери просить ея совѣта и благословенія.

VI.

Когда давали «Руслана и Людмилу» я находился въ командировкѣ въ Петергофѣ, но, конечно, пріѣхалъ на первое предста-

вленіе. Не могу отчетливо выразить перваго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ театра. Когда я возвратился домой, я былъ въ какомъ-то туманѣ; мнѣ казалось, какъ будто я самъ участвовалъ во всей этой волшебной суматохѣ; звуки толпились въ головѣ, а въ воображеніи закрѣпились фантастическія картины. До такой степени музыка была вѣрна своей задачѣ. Въ послѣдующіе разы, я уже спокойнѣе всматривался, и пробовалъ отнестись къ оперѣ критически: нѣтъ почти ни одного человѣка, какъ-бы ни былъ мало свѣдущъ въ предметѣ, который не позволилъ-бы себѣ обсуживать этотъ предметъ съ своей точки зрѣнія. Я вынесъ то убѣжденіе, что, увы! Глинка былъ очень несчастливъ въ своихъ либретистахъ. Вмѣсто помощи они ему только портили; прекрасно задуманную драму, либретистъ Руслана искрошилъ на явленія, неимѣющія между собою никакой связи, никакого логическаго права существованія. Если-бы эта пьеса была выражена стихами, прозой или музыкой кѣмъ-нибудь другимъ, только не Глинкой, то она пала бы съ перваго представленія. Но музыка Глинки сильна всякой текстъ возвести до высшаго изящества.

За ужиномъ въ этотъ вечеръ кто-то шутя сказалъ, что Булгаринъ пишетъ статью, въ которой доказываетъ, что Глинкѣ въ его сочиненіяхъ очень помогаетъ его слуга Яковъ Ульяновъ, человѣкъ съ огромнымъ талантомъ. И это подтверждается тѣмъ, что Ульяновъ самъ проговаривается и называетъ оперы слывущія за Глинкины: «наша опера». Надо было видѣть бѣшенство Якова. Онъ объявилъ, что завтра же идетъ къ Булгарину и въ лицо назоветъ его «мошенникомъ и подлецомъ»; брови его безпрестанно хлопали къ верху, насилу его переувѣрили и успокоили.

Снятіе маски съ Глинки произошло такимъ образомъ: Яненко завелъ у себя фотографической аппаратъ, что было тогда новостью. Сходились къ нему сниматься. Кажется и Глинка позировалъ, но неудачно. Предложили Глинкѣ снять съ него маску, на что онъ и согласился. Ему намазали лицо и волосы масломъ, въ носъ вложили трубки и залили лицо жидкимъ гипсомъ. Черезъ нѣсколько минутъ гипсъ высохъ и маска отпечаталась совершенно удачно. Братъ Николай, который при этомъ участвовалъ, не преминулъ воспользоваться случаемъ для каррикатуры. Маску я взялъ себѣ и вылѣпилъ по ней бюстъ Глинки, плохо сработанный, потому что это былъ одинъ изъ первыхъ моихъ

опытовъ въ лѣпкѣ, но очень похожій, и къ тому единственный существующій бюстъ его и по настоящее время. Куда дѣвалась форма — не знаю; но возобновить бюстъ можно только отливкою новой формы съ моего бюста.

Послѣ этого вечера мы надолго разстались съ Глинкой, онъ уѣхалъ за границу, и уже въ 1847-мъ году я увидѣлъ его въ Киссингенѣ. Тамъ пилъ воды штабъ-офицеръ путей сообщенія Комаровъ, съ котораго мнѣ удалось сдѣлать очень удачный портретъ. Комаровъ былъ такъ имъ доволенъ, что рѣшился ѣхать, по окончаніи своего курса, въ Парижъ, чтобы тамъ его налитографировать. Передъ отъѣздомъ онъ спросилъ у меня, не дамъ ли я какого-нибудь порученія въ Парижъ? Я отвѣчалъ, что мнѣ ничего не нужно; «но, прибавилъ я шутя, еслибы вы въ Парижѣ нашли Глинку, который долженъ теперь быть тамъ, то пожалуйста привезите его сюда». — «Слушаю-съ». Я и забылъ объ этой шуткѣ; но вотъ одинъ разъ, въ глухую ночь, когда всѣ водопійцы и я съ ними крѣпко спали въ ожиданіи ранняго пробужденія, — слышу сильный стукъ въ наружную дверь моей квартиры. Слышу, голосъ служанки изъ окна верхняго этажа спрашиваетъ: Was wollen Sie? — «Русскаго полковника». — «Онъ спитъ». — «Очень нужно, отворите». — Щелкнулъ замокъ въ наружныхъ дверяхъ, потомъ отворилась дверь моей комнаты, и при свѣтѣ выставленной кѣмъ-то, впередъ, свѣчи, я увидѣлъ нѣсколько фигуръ; прежде всего узналъ Комарова, который произнесъ: «Я исполнилъ ваше приказаніе, привезъ Михаила Ивановича». — Я вскочилъ какъ былъ и бросился на шею Глинки; вслѣдъ за первымъ заявленіемъ радости, онъ мнѣ представилъ своего неразлучнаго спутника, донъ-Педро-Ноласко-Фернандецъ. Комаровъ ушелъ, а мы съ Глинкой просидѣли до разсвѣта въ разсказахъ о всемъ томъ, что съ нимъ было со дня разлуки.

Я отправился къ источнику, а Глинка и донъ-Педро пошли отъискивать квартиру, и нашли удачно. Отдохнувъ послѣ утренней водяной службы, я пошелъ къ нимъ; у нихъ было фортепьяно, донъ-Педро досталъ гитару и они начали музыкой вспоминать Испанію. Тутъ въ первый разъ слышалъ я Хоту. Глинка блистательно исполнилъ на фортепьяно, д. Педро ловко выбиралъ струны на гитарѣ, а въ иныхъ мѣстахъ подплясывалъ — музыка вышла очаровательная.

Глинка прожилъ дней пять въ Киссингенѣ и уѣхалъ въ Россію.

Въ 1848 году осенью я получилъ повѣстку отъ Глинки, что онъ пріѣхалъ, и тотчасъ-же я отправился къ сестрѣ его Е. И. Флёри, у которой онъ остановился. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ, Глинка пропѣлъ мнѣ новое свое произведеніе Пѣснь Маргариты. Сначала мнѣ она не очень понравилась, но потомъ я понялъ, какъ въ ней вѣрно музыка выражаетъ слова: Глинка предвкусилъ Вагнера; да, впрочемъ, и вообще во всѣхъ его произведеніяхъ музыка идетъ въ смыслѣ рѣчи, а не въ разладъ съ нею. Для Глинки, по моему, идея Вагнера не есть нововведеніе. Потомъ Глинка спѣлъ мнѣ: «Слышу-ли голосъ твой». Когда онъ пропѣлъ, я спросилъ: а дальше что?

— «Все».

— «Романсъ какъ будто незаконченъ».

— «Того-то я и хотѣлъ, чтобъ онъ не кончался; вѣдь тѣмъ не кончается, что на шею кинешься».

Романсъ кончается словами: «И такъ на шею къ тебѣ-бъ я кинулся».

Глинка вспоминаетъ, что 24-го ноября онъ праздновалъ именины Е. М. Коніаръ. Мы вмѣстѣ провели этотъ день у г-жи Палибиной, которая у себя угощала брата своего кн. Кастріота, родственниковъ жены его Коніаровъ и другихъ знакомыхъ.

Вечеръ прошелъ въ музыкѣ и Кастріото пригласилъ все общество на другой день, въ четвергъ, къ себѣ на вечеръ. И съ этого дня пошла у него цѣлая серія музыкальныхъ вечеровъ. Онъ, выйдя въ отставку изъ гвардіи, поселился въ деревнѣ, гдѣ исключительно занялся музыкой, ѣздилъ за границу, женился въ Варшавѣ, обзавелся дѣтьми и пріѣхалъ въ Петербургъ заявить себя въ музыкальномъ мірѣ; музыка его нравилась и особенно нѣкоторые изъ его романсовъ. На вечерахъ у Кастріото постоянно бывали Глинка, Даргомыжскій, Монюшко, тогда еще начинавшій, Рубинштейнъ, можно сказать еще мальчикъ, но и тогда уже съ огромнымъ талантомъ. Посѣтителями бывали всевозможные любители, между прочими, кн. Одоевскій, гр. Віелегурской, Дамке—музыкальный критикъ и др. Музыку исполняли сами сочинители, пѣвицы и пѣвцы любители, между прочими—Билибина; но совершеннѣе всѣхъ—Е. М. Коніаръ. Свѣдущіе люди гово-

рили, что голосъ ея насилованъ, что изъ естественнаго контръальта она вытянула мецо-сопрано, что это въ особенности замѣтно въ верхнихъ нотахъ. Но, такъ понимать исполняемое, такъ выражать то, что поняла — не могла ни одна слышанная мною пѣвица. Ея пѣніе приводило въ трепетъ, дрожь пробѣгала по жиламъ, въ жаръ бросало. Когда, аккомпанируемая Глинкою, она пѣла его: Ты скоро меня позабудешь, съ одной дамой сдѣлалось дурно; Дамке вышелъ въ другую комнату, чтобъ не видѣли его смущенія. Когда она кончила—не было аплодисментовъ и одобреній — глубокое сосредоточенное молчаніе. Глинка всталъ и сказалъ:

— «Après vous, je ne chanterai plus cette romance».

Кромѣ сочиненій наличныхъ композиторовъ пѣли Мендельсона: особенно удачно шли отрывки изъ Paulus.

Вечера Кастріото породили другіе вечера, на которые съѣзжались тѣ же художники, а изъ посѣтителей нѣкоторые прежніе выбывали, а новые являлись и, такимъ образомъ, одно и тоже общество сходилось нѣсколько разъ въ недѣлю. На одномъ изъ послѣднихъ вечеровъ Кастріото, очень многолюдномъ, дамы, восторженныя отъ Глинки, нарѣзали вѣтки съ лавровъ и миртъ, стоявшихъ въ комнатахъ, сплели вѣнокъ и въ то время, когда онъ пѣлъ: «Прощайте милые друзья», подошли къ нему толпой и надѣли на него вѣнокъ, въ которомъ онъ оставался и за ужиномъ.

Счастливое было время! именно счастливое, потому что врядъли когда еще сойдутся столько замѣчательныхъ русскихъ талантовъ по музыкѣ, и потому, что наслажденіе, доставляемое этими вечерами, было высоко-эстетическимъ наслажденіемъ. Внѣ атмосферы звуковъ, въ которой мы тогда жили, для насъ ничто не существовало: мы забыли жизнь городскую, свои житейскія дѣла, мы жили музыкой.

VII.

Скоро опять я надолго разстался съ Глинкой: я получилъ назначеніе внѣ Петербурга, и увидѣлся съ нимъ опять уже не задолго до послѣдняго его отъѣзда въ Берлинъ, въ 1855-мъ году. Когда я опять основался въ Петербургѣ, Глинка пріѣхалъ ко мнѣ и я былъ у него нѣсколько разъ. Онъ тогда жилъ съ Л. И. Шестаковой, въ Эртелевомъ переулкѣ. Я былъ пораженъ уви-

дѣвъ его послѣ многолѣтней разлуки. Онъ совершенно измѣнился въ физическомъ отношеніи. Прежде худощавый—теперь онъ не только пополнѣлъ, но сдѣлался даже толстъ; щеки надулись и лицо округлилось; волосы онъ отпустилъ и стригъ въ кружокъ; они на бородѣ и головѣ посѣдѣли; губы съузились и подбородокъ подался кверху, совсѣмъ не тотъ Глинка сталъ. Мнѣ казалось бы, что при исполненіи его памятника слѣдовало бы придержаться прежняго его лица, а не послѣдняго, тѣмъ болѣе, что послѣдняя его наружность была ему присуща только въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ; всѣ же его знакомые и публика знали его въ прежнемъ видѣ, да прежде онъ былъ и красивѣе, чѣмъ подъ конецъ. Хотя Глинка и измѣнился физически, но характеръ остался тотъ же добрый, веселый, и даже я нашелъ, что онъ сталъ спокойнѣе.

Одинъ разъ онъ пригласилъ меня съ женою къ себѣ на уху и рѣзники, особенный родъ пироговъ, исключительно принадлежащій смоленской кухнѣ. Мы очень пріятно провели этотъ день, послѣдній въ нашей дружеской жизни, чего тогда мнѣ и въ голову не приходило, видя его совершенно здоровымъ. Послѣ обѣда Глинка много пѣлъ; познакомилъ со многими номерами «Двумужницы», которые мнѣ понравились; по моей просьбѣ пропѣлъ онъ: «Какъ сладко съ тобою мнѣ быть», и пропѣлъ неохотно и очень вяло, потому что не любилъ этого романса. Къ концу вечера онъ мнѣ сказалъ, что очень скоро уѣзжаетъ въ Берлинъ и хочетъ исключительно посвятить себя духовной музыкѣ.

Заключу нѣсколькими мыслями, которыя невольно рождаются при названіи Глинки, Брюлова и пр. Когда вдумаешься въ Николаевской періодъ, то остаешься пораженнымъ тою плеядою великихъ, даже геніяльныхъ талантовъ, которые онъ породилъ, и во главѣ которыхъ дружно выступаютъ Пушкинъ, Глинка, Брюловъ—поэзія, музыка, живопись; замѣчательно, что они почти во всѣхъ отношеніяхъ какъ бы вылиты по одному лекалу, всѣ три слишкомъ рано исчезли, и работали въ одной формѣ—всѣ трое были лирики (послѣднее объясняется духомъ тогдашняго времени).

Пушкинъ написалъ стихами только двѣ крупныхъ пьесы: «Онѣгина» и «Бориса Годунова», остальныя его стихотворенія, большею частію, въ страстномъ или элегическомъ родѣ.

Глинка написалъ двѣ оперы и множество романсовъ и пѣсенъ въ страстномъ или унылomъ родѣ.

Брюловъ—написалъ двѣ большія картины: «Послѣдній день Помпеи» и «Осаду Пскова» (не кончилъ) и также много мелкихъ картинъ (de chevalet) и портретовъ, изъ которыхъ каждый составляетъ картину; но у Брюлова до половины его произведеній не кончены. Это объясняется техникой искусства: медленность живописи масляными красками задерживаетъ мысль художника. Онъ принимался горячо, но потомъ, когда необходимо было оставить холстъ для просушки, охладѣвалъ къ работѣ, уже не возобновляя ее, и принимался за другой сюжетъ.

Около этихъ трехъ свѣтилъ, первой величины, вращались спутники настолько талантливые, что въ иное время могли бы сами считаться первоклассными; а иные изъ нихъ сдѣлались такими по смерти ихъ. Можно бы даже провести параллель между самыми этими спутниками.

Далѣе духъ времени измѣняется: является школа естественная; но изъ дѣятелей ея становится высоко только Гоголь и Даргомыжскій, котораго послѣднее произведеніе «Каменной гость» публика еще не слышала; а въ живописи ни одинъ талантъ рѣзко не выдѣлился изъ числа жанристовъ.

Но время существованія этой троицы искусства едва-ли возвратится; она составляетъ эпоху въ исторіи искусства, и желательно было-бы, чтобъ кто-нибудь серьёзно занялся разработкою этой эпохи.

П. С.

ФРЕЙЛИНЫ РУССКАГО ДВОРА

ВЪ XVIII и XIX СТОЛѢТІЯХЪ.

біографическіе списки П. Ѳ. Карабанова *).

---

33) Марія Иродіоновна Кошелева, меньшая дочь ген.-поручика Иродіона Михайловича Кошелева (см. № 3) и второй его супруги, Маргареты Ивановны, дочери пастора Глюка. Екатерина I, сдѣлавшись императрицею, вспомнила о пасторѣ Глюкѣ, у котораго имѣла нѣкогда пристанище; она приказала какъ вышеупомянутую Маргарету, такъ и сестру ея, Дарію, себѣ представить, щедро наградила и выдала одну — за Кошелева, другую — за Шепелева, бывшаго при Елисаветѣ I оберъ-гофмаршаломъ. Марія Иродіоновна родилась 1 іюля 1725. Императрица Елисавета Петровна пожаловала ее фрейлиною своего дворца. Въ 1753 г. по болѣзни отпущена въ Москву для

---

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. II, стр. 468—498; 1871 г. т. III, стр. 38—48; 272—282; 457—473. Къ біографіи одной изъ статсъ-дамъ (№ 106, стр. 458) мы получили отъ гр. Э. К. Чапскаго дополнительную замѣтку, которую, съ полнѣйшею къ нему благодарностью, приводимъ здѣсь: «Покойная тетка моя, —пишетъ гр. Э. К.,—графиня Розалія Ржевусская — неоднократно разсказывала мнѣ, какъ ее мать гильотинировали въ 1793 году, въ Парижѣ. Теткѣ моей было въ то время пять лѣтъ отъ роду, и она живо помнила это время. Несчастный ребенокъ былъ спасенъ прачкой, стиравшей бѣлье арестантовъ въ тюрьмѣ Консіержери. Здѣсь дитя прожило два года. Въ 1795 г. княгиня Hohenlohe—другъ ея матери, съ нею, раздѣлившая заключеніе въ тюрьмѣ и освобожденная по настоянію прусскаго правительства, — взяла ребенка къ себѣ. Княгиня Розалія свято сохраняла письмо, въ которомъ ея злополучная мать ввѣряла судьбу и спасеніе сиротки своему другу».

Кстати, считаемъ необходимымъ исправить слѣдующія опечатки въ спискахъ Карабанова: Стр. 469. Въ выноскѣ, вмѣсто: Magazin, XI. Theil, Geite 489, 490 und 494, читать: Magasin, Theil XI, seite 489, 490 und 494.

Стр. 473. Въ статьѣ 31-й: вмѣсто: кафеенкомъ, чит.: кофешенкомъ.

Ред.

всегдашняго жительства*). Въ 1782, марта 26 скончалась и погребена у Спасса на Новомъ, въ монастырѣ подъ Знаменскою церковью. Сестра ея Маргарета Иродіоновна была въ супружествѣ за ген.-маіоромъ, княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Волконскимъ (сыномъ придворнаго шута императрицы Анны) и скончалась въ 1790 г.

34) Евдокія Даниловна Разумовская, дочь Данилы Григорьевича Разумовскаго, старшаго брата графовъ Алексѣя и Кириллы Разумовскихъ, умершаго до ихъ возвеличенія,—фрейлина Елисаветы Петровны. Въ 1746 г. дек. 18, въ торжество рожденія императрицы, на балѣ, въ присутствіи всего двора, обручена ею за камеръ-юнкера, графа Андрея Алексѣевича Бестужева-Рюмина (Спб. Вѣд. 1746, № 101, стр. 809); бракосочетаніе съ нимъ совершено 22 февр. 1747 г. въ 7-мъ часу вечера, въ большой придворной церкви, въ присутствіи императрицы и всего двора; столы для новобрачныхъ были приготовлены въ галлереѣ; императрица Елисавета, вел. княгиня Екатерина Алексѣевна и чужестранные министры кушали съ невѣстою за однимъ столомъ, а вел. князь Петръ Ѳедоровичъ съ женихомъ за другимъ; потомъ балъ, по окончаніи коего молодые съ свитою препровождены въ ихъ домъ. На другой день опять балъ и ужинъ во дворцѣ. На третій, балъ и ужинъ у канцлера, въ присутствіи императорской фамиліи (Спб. Вѣд., 1747, № 16, стр. 127). Евдокія Даниловна была первою супругою А. А. Бестужева-Рюмина. Въ дек. 1747 г. молодой графъ Бестужевъ-Рюминъ отправленъ съ порученіемъ отъ императрицы въ Вѣну, а супруга ему сопутствовала. По пріѣздѣ туда, въ маѣ 1748 онъ дважды былъ представленъ римскому императору и супругѣ его, а она особенно императрицѣ (Спб. Вѣдом. 1748, № 41, стр. 324). Былъ приглашенъ на обѣдъ и псовую охоту. Для канцлера римскій императоръ пожаловалъ свой портретъ съ бриллiантами. Самъ онъ получилъ отъ императора табакерку и перстень съ бриллiантами, а отъ императрицы—трость съ бриллiантами (Спб. Вѣдом. 1748, № 50, стр. 398). Умерла въ молодыхъ лѣтахъ. Онъ женился во 2-мъ бракѣ на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Долгоруковой.

35) Княжна Анна Алексѣевна Гагарина (см. въ оберъ-гофмейстер. № 6).

36) Княжна Дарія Алексѣевна Гагарина (см. въ ст.-дамахъ № 36).

37) Графиня Елисавета Осиповна Ефимовская. Родилась 15 апр. 1734. Была фрейлиною Елисаветы Петровны. Во время пребыванія двора въ Москвѣ, въ 1749, окт. 8 дня, въ придворной малой церкви

*) Императрица Екатерина II-я въ своихъ запискахъ (русск. переводъ, стр. 67) приводитъ другую причину удаленія Кошелевой.

обручена императрицею за камеръ-юнкера графа Ивана Григорьевича Чернышева, причемъ женихъ и невѣста удостоены обѣденнаго стола; въ тотъ же день послѣ полудня совершенъ въ придворной церкви бракъ камергера его высочества Александра Александровича Нарышкина съ Анною Никитичною Румянцевою (см. въ гофмейстер. № 3). Графиня Елисавета Осиповна скончалась 7 окт. 1755, 21 года съ половиною. (Рубанъ. Истор. опис. Спб. стр. 408). Была первою супругою графа Ив. Гр. Чернышова.

38) Княжна Прасковія Васильевна Рѣпнина, дочь генералъ-фельдцейхмейстера князя Василія Аникитича и супруги его княгини Маріи Ивановны, рожд. графини Головиной. 13 нояб. 1749 вступила въ супружество съ гвардіи-маіоромъ, Петромъ Петровичемъ Нарышкинымъ (род. 1726, ум. 10 іюня 1782). Скончалась 28 февр. 1793. (Сестра фельдмаршала князя Николая Васильевича Рѣпнина).

39) Баронесса Марѳа Исаевна Шафирова, старшая дочь стат. сов. барона Исая Петровича (сына вице-канцлера барона Петра Павловича Шафирова) и супруги его Авдотьи Андреевны Измайловой. Въ фрейлины пожалована въ 1756. Въ супружество вступила около 1760 г., съ камергеромъ, впослѣд. дѣйств. тайн. сов., Александромъ Петровичемъ Петрово-Соловово, и была первою его супругою. „Сухая, дурнолицая, съ журавлиной шеей", какъ выражалась императрица Елисавета. Тѣмъ не менѣе вел. князь Петръ Ѳедоровичъ былъ нѣкоторое время (1752) въ нее влюбленъ. (См. Записки Екатерины II, русск. перев., изданіе 1859 г., стр. 128, 149).

А. Г. Петрово-Соловово родился 28 авг. 1736, умеръ скоропостижно 5 февр. 1805 и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ.

40) Екатерина Васильевна Салтыкова, меньшая сестра Анны Васильевны (см. выше № 27). Родилась 15 янв. 1732. Въ супружествѣ была съ 1756 г. за полковникомъ, при императорѣ Павлѣ дѣйств. тайн. сов., св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеромъ, Петромъ Ивановичемъ Измайловымъ (род. 13 ноябр. 1724, ум. 14 марта 1807). Скончалась 19 янв. 1774, 42 лѣтъ.

41) Графиня Анна Михайловна Воронцова, дочь государственнаго канцлера, графа Михаила Иларіоновича и супруги его, графини Анны Карловны, рожд. графини Скавронской (см. въ обергофм. № 4). Родилась въ 1743. Крещена 15 апр. того года, при чемъ воспріемниками отъ купѣли были императрица Елисавета и наслѣдникъ (Спб. Вѣдом. 1743, № 32, стр. 265). Служила фрейлиною. Въ 1757 г. сент. 20, въ С.-Петербургѣ во время придворнаго бала, императрицею Елисаветою обручена, во внутреннихъ покояхъ деревяннаго Зимняго дворца, за барона Александра Сергѣевича Строганова, въ присутствіи

пословъ и знатныхъ особъ, и какъ самой, такъ и всѣмъ присутствовавшимъ поднесены были бокалы (Спб. Вѣдом. 1757, № 76). Бракъ совершился въ С.-Петербургѣ 18 февр. 1758. Она ссорилась съ супругомъ, который подавалъ государынѣ письмо о разводѣ (Порошинъ, 269). Скончалась скоропостижно 21 февр. 1769, на 26 году, бездѣтною и погребена въ Александро-Невск. монастырѣ. (Рубанъ. Истор. опис. С. Петербургъ, стр. 381).

42) Софія Осиповна Закревская, дочь генеральнаго бунчужнаго, Осипа Лукьяновича Закревскаго и супруги его Анны Григорьевны, родной сестры генер.-фельдмаршаловъ графовъ Алексѣя и Кириллы Григорьевичей Разумовскихъ. Служила фрейлиною при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны, а 1758 г. дек. 18, въ день рожденія императрицы, передъ обѣдомъ, обручена государынею за лейбъ-гв. коннаго полка поручика графа Николая Ѳедоровича Апраксина (Спб. Вѣдом. 1758, № 102). Свадьба совершена въ придворной церкви, въ слѣдующемъ, 1759 году.

43) Марія Александровна Нарышкина, дочь дѣйств. тайн. сов. Александра Львовича и супруги его, Елены Александровны, рожд. графини Апраксиной (см. въ гофмейстер. № 2). Родилась 24 марта 1730. Бывъ внучатною сестрою императрицы Елисаветы, опредѣлена была фрейлиною къ вел. княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (Екатеринѣ II); потомъ выдана за ея камергера (бывшаго дѣйств. тайн. сов., главнокомандующаго Москвы) Михаила Мих. Измайлова (род. 10 марта 1722, ум. въ маѣ 1800 г.) Скончалась 15 мая 1780, 50-ти лѣтъ, бездѣтною и погребена въ Донскомъ монастырѣ. Марія Александровна была очень оригинальна и чванилась своимъ происхожденіемъ отъ Нарышкиныхъ. Со временъ прежнихъ императрицъ, фрейлины въ будни придерживались стараго обычая повязывать головы цвѣтными шелковыми платками; сама императрица Анна запросто всегда повязывалась розовымъ платкомъ. Вел. княгиня Екатерина не любила этого; увидя издали Нарышкину въ розовомъ платкѣ, она послала сдѣлать ей выговоръ. Марія Александровна отвѣчала съ сердцемъ: „Я не виновата, что она всегда и все видитъ; не можно укрыться“. Въ 1775 г. она съ мужемъ своимъ жила въ Москвѣ, когда Екатерина II пріѣхала торжествовать турецкій миръ. На одномъ придворномъ балѣ императрица съ намѣреніемъ подозвала оберъ-полицмейстера Архарова и послала его сказать Маріи Александровнѣ, что удивляется, какъ она растолстѣла. Измайлова отвѣчала: „Вотъ нашла чему удивляться! Скажите ей, что сама толста какъ бочка“. Возвращавшемуся Архарову императрица сказала: „ожидаю выговора!“ — и много смѣялась. (Изустное преданіе Н. П. Архарова). — Родной пле-

мянникъ Михаила Михайловича, Павелъ Алексѣевичъ Измайловъ, женясь на Надеждѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, племянницѣ тогдашняго магната, князя Потемкина, привезъ рекомендовать новобрачную, которая была красноволоса. При первой встрѣчѣ Марія Александровна сказала, что рыжихъ не любитъ. (См. въ фрейлин. Екатер. II, № 42).

44) Графиня Марія Романовна Воронцова, старшая сестра камеръ-фрейлины графини Елисаветы Романовны (см. № 6). Въ 1750 г. назначена была вмѣстѣ съ сестрою фрейлиною императрицы Елисаветы и жила во дворцѣ. Въ супружество вступила съ графомъ Петромъ Александровичемъ Бутурлинымъ.

45) Графиня Елисавета Романовна Воронцова. (См. въ камеръ-фрейлинахъ № 6).

46) Графиня Елисавета Ивановна Гендрикова, старшая дочь ген.-аншефа, графа Ивана Симоновича и супруги его Екатерины Сергѣевны, рожд. Бутурлиной. Бывъ двоюродною племянницею императрицы Елисаветы Петровны, названа при крещеніи ея именемъ. Была фрейлиною императрицы Елисаветы. Въ началѣ 1760 г. вступила въ супружество съ Дмитріемъ Львовичемъ Измайловымъ (род. 15 авг. 1737, умеръ полковникомъ 15 марта 1779 и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ). Елисавета Ивановна умерла въ Малороссіи въ 1804 (или въ концѣ 1813). Старшая ихъ дочь, Екатерина Дмитріевна, бывшая за княземъ Куракинымъ, родилась въ 1761 году, за два мѣсяца до кончины Елисаветы Петровны и была ею окрещена, съ пожалованіемъ богатой табакерки.

47) Екатерина Васильевна Головина, третья дочь Василія Васильевича и Прасковіи Тимоѳеевны, рожд. Чириковой. Родилась 1 нояб. 1736. Воспитана въ домѣ тетки и крестной матери, ст.-дамы Агриппины Леонтьевны Апраксиной (см. № 33), по предстательству которой, въ концѣ 1756, пожалована въ фрейлины. Когда, послѣ внезапной кончины фельдмаршала (26 авг. 1760), супруга его принуждена была удалиться въ подмосковное село Ольгово, то за нею послѣдовала туда и Головина. Отъ сего обстоятельства Головина впала въ уныніе. По восшествіи Петра III на престолъ (1762) Апраксина возвратилась въ С.-Петербургъ, а Головина взята родителями и прожила около года въ болѣзненномъ состояніи. Она нѣкогда имѣла жениха, съ которымъ желала соединиться и носила кольцо; а въ послѣднія минуты жизни, снявъ его съ руки, сказала: „Теперь для меня ничего милаго нѣтъ на свѣтѣ!“ Кончина ея послѣдовала 20 іюля 1763 года на 27-мъ году отъ рожденія. Погребена въ селѣ Новоспаскомъ.

(Всѣ слѣдующія фрейлины, хотя и пожалованы еще императрицею

Елисаветою, получили впослѣдствіи шифръ, учрежденный императрицею Екатериною II).

48) Графиня Варвара Ивановна Гендрикова, вторая дочь ген.-аншефа, графа Ивана Симоновича и супруги его Екатерины Сергѣевны, рожд. Бутурлиной. Родилась 3 янв. 17... Фрейлина высочайш. двора. Въ супружествѣ была за Алексѣемъ Богдановичемъ Челищевымъ (впослѣд. тайн. сов., сенаторомъ и св. Анны кавалеромъ, — род. 1744, ум. 6 апр. 1806, похороненъ въ Алекс. Нев. монастырѣ). Скончалась 1817 г.

49) Графиня Екатерина Ивановна Гендрикова, третья дочь ген.-аншефа графа Ивана Симоновича и супруги его Екатерины Сергѣевны, рожд. Бутурлиной. Родилась 16 февр. 17... Фрейлина Екатерины II. Въ супружествѣ была за гвардіи поручикомъ, графомъ Матвѣемъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ (род. 19 дек. 1744, ум. 26 февр. 1803, погребенъ въ Александр. Нев. монастырѣ). Свадьба ихъ происходила при дворѣ, 29 сент. 1764; послѣ вѣнца былъ въ галлереѣ столъ для новобрачныхъ, гдѣ присутствовала императрица. (Порошинъ, стр. 13). Графиня Екатерина Ивановна была любимой комнатной фрейлиною вел. княгини (Екатерины II); передъ восшествіемъ ея на престолъ, была употреблена во многія секретныя сношенія; княгиня Дашкова говоритъ объ ней въ своихъ запискахъ. Графиня Екатерина Ивановна умерла въ С.-Петербургѣ 11 окт. 1814. Ея сынъ, прежде нея умершій: бригадиръ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, женатый на Елисаветѣ Алексѣевнѣ Безобразовой. Внукъ ея: ген.-адъютантъ, графъ Степанъ Ѳедоровичъ (ум. въ 186..).

50) Княжна Агриппина Александровна Куракина, дочь оберштальмейстера, полномочнаго министра при французскомъ дворѣ, князя Александра Борисовича и супруги его, княгини Александры Ивановны, рожд. Паниной. Родилась 27 мая 1734. Въ фрейлины пожалована ко двору императрицы Елисаветы, а при Екатеринѣ II считалась въ отпуску и имѣла всегдашнее пребываніе въ Москвѣ съ престарѣлой своей матерью. Скончалась скоропостижно 11 іюня 1791 и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ, подъ соборнымъ храмомъ.

51) Матрена Павловна Балкъ, фрейлина импер. Елисаветы. Была въ супружествѣ съ камергеромъ Сергѣемъ Васильевичемъ Салтыковымъ. Умерла 24 апр. 1813.

52) Анна Алексѣевна Хитрова, дочь ген.-лейтен. Алексѣя Андреевича и супруги его Наталіи Иванов., рожд. графини Шуваловой (сестры графовъ Александра и Петра Ивановичей). Императрица Елисавета Петровна пожаловала ее ко двору своему фрейлиною, въ какомъ званіи находилась она и при императрицѣ Екатеринѣ II и получила

вмѣстѣ съ другими установленный императрицею, по представленію князя Г. Г. Орлова, вскорѣ по восшествіи ея на престолъ, фрейлинскій знакъ отличія, — императрицынъ вензель. Анна Алексѣевна, за интригу съ однимъ изъ иностранныхъ пословъ, выслана изъ дворца, съ лишеніемъ фрейлинскаго достоинства; тутъ дѣйствовала злоба князя Г. Г. Орлова, который это обнаружилъ и посланъ Екатериною взять отъ нея вензель. Хитрова по самую смерть жила въ собственномъ домѣ въ Москвѣ; не стыдилась своего похожденія и въ публичныя собранія выѣзжала съ своею дочерью. Скончалась въ 1795 году, и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ со своею дочерью, которая умерла прежде нея. Она была умная и любезная женщина, изъ первѣйшихъ минуэтныхъ танцовщицъ своего времени; покуда находилась при дворѣ, отличалась на придворныхъ балахъ и была въ числѣ избранныхъ фрейлинъ.

53) Графиня Анна Петровна Шереметева, старшая дочь ген.-аншефа, графа Петра Борисовича и супруги его, ст.-дамы графини Варвары Алекс. (въ ст.-дам. № 22). Родилась 18 дек. 1744. Императрицею Елисаветою Петровною пожалована въ фрейлины, въ которомъ достоинствѣ находилась и при импер. Екатеринѣ II. При бывшемъ въ С.-Петербургѣ каруселѣ (11 іюля 1766) славно отличилася въ римской кадрилѣ, и награждена тремя золотыми медалями съ ея именемъ. Сговорена въ началѣ 1768 за обергофмейстера вел. князя Павла Петровича, графа Никиту Ивановича Панина, и 17 мая того года, невѣстою, скончалась отъ оспы. Погребена въ Невскомъ монастырѣ.

54) Софія Ефимовна Дараганъ, дочь полковника Кіевскаго полка (умершаго бригадиромъ) Ефима Ѳедоровича Дарагана и Вѣры Григорьевны Разумовской, родной сестры фельдмаршаловъ, графовъ Алексѣя и Кириллы Григорьевичей Разумовскихъ. Императрица Елисавета Петровна пожаловала ее въ фрейлины. Въ началѣ царствованія Екатерины II (въ 1764) она вышла за князя Петра Васильевича Хованскаго, дѣйств. камергера. Скончалась въ Кіевской губ. въ 1818 г.

55) Княжна Марія Ивановна Одоевская, дочь дѣйств. тайн. сов., сенатора, вотчинной коллегіи президента и ордена св. Александра Нев. кавалера, князя Ивана Васильевича Одоевскаго и супруги его, княгини Прасковіи Ивановны, рожд. гр. Толстой. Пожалована въ фрейлины императрицею Елисаветою. Въ супружество вступила съ дѣйст. ст. сов. Андреемъ Осиповичемъ Закревскимъ (род. 1742 г. ум. въ февр. 1804, похорон. въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ), по матери роднымъ племянникомъ фельдмаршаловъ, графовъ Разумовскихъ, въ исходѣ 1763; когда въ этомъ году Екатерина II возвратилась изъ Москвы въ С.-Петербургъ послѣ коронаціи, то она упоминается въ

церемоніальномъ въѣздѣ въ сѣверную столицу. Скончалась 5 февр. 1784 года и погреб. въ Александро-Нев. монастырѣ.

Фрейлины великой княгини Екатерины Алексѣевны.

56) Баронесса Анна Исаевна Шафирова, третья дочь ст. сов. барона Исая Петровича Шафирова (сына вице-канцлера) и супруги его Авдотьи Андреевны, рожд. Измайловой (сравни № 38).

Въ фрейлины пожалована въ 1756 году. Въ супружествѣ была за лейбъ-гвардіи капитаномъ, Петромъ Васильевичемъ Власовымъ, и была первою его супругою. Скончалась въ 1783 году, и погребена въ Москвѣ, въ Новоспасск. монаст. П. В. Власовъ (род. въ 1726, умер. 12 марта 1799) былъ вторично женатъ на Авдотьѣ Ивановнѣ Богдановой.

57) Баронесса Екатерина Исаевна Шафирова, пятая, т.-е. самая младшая дочь барона Исая Петровича (см. выше № 56). Всѣ четыре сестры (Анна, Екатерина, Марія и Марѳа, по смерти ихъ отца въ 1756, взысканы милостями императрицы Елисаветы Петровны за заслуги родного дѣда ихъ, вице-канцлера, барона Петра Павловича, и были фрейлинами высочайшаго двора. При вступленіи Екатерины II на престолъ, какъ Екатерина Исаевна, такъ и обѣ сестры ея, Анна и Марія, получили учрежденные тогда фрейлинскіе знаки Екатерины II. Эти три сестры не получили хорошаго образованія и не разумѣли иностранныхъ языковъ; а потому императрица, въ первое время царствованія, находясь безпрестанно въ выѣздахъ и прогулкахъ съ графомъ (впослѣд. княземъ) Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, всегда приказывала быть при ней Екатеринѣ Исаевнѣ, чтобы она не понимала ихъ разговора. Всѣ три сестры, не имѣя ни состоянія, ни привлекательной наружности, выданы съ двойнымъ фрейлинскимъ награжденіемъ, т.-е. по 24,000 р. на приданое,—тогда весьма значительнымъ, съ намѣреніемъ скорѣе доставить имъ женіховъ. Въ 1768 г. Екатерина Исаевна вступила въ супружество съ княземъ Михаиломъ Сергѣевичемъ Волконскимъ (род. 1745, скончъ. въ 1812 году во Владимірѣ, гдѣ и похороненъ). Екатерина Исаевна скончалась 13 апр. 1795 г. и погребена въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

58) Баронесса Марія Исаевна Шафирова, четвертая дочь барона Исая Петровича (см. № 56 и 57). Родилась въ 1739. Въ фрейлины пожалована въ 1756. Въ супружество вступила въ 1763 г. съ дѣйств. тайн. сов. и сенаторомъ, Николаемъ Ивановичемъ Ладыженскимъ (впослѣд. княземъ Ромодановскимъ-Ладыженскимъ). Скончалась 5 дек. 1799. и погребена въ Александро-Невск. монастырѣ.

Фрейлины императрицы Екатерины II.

1) Баронесса Анна Иродіоновна Ведель. (См. въ ст.-дамахъ № 39). Въ фрейлины пожалована при Петрѣ III.

2) Баронесса Марія Иродіоновна Ведель, сестра предыдущей, дочь ген.-маіора, барона Иродіона Кондратьевича фонъ-Ведель (ум. 1754) и супруги его, Настасіи Богдановны, рожденной Пассекъ. 2-я супруга графа Петра Ивановича Панина. (См. № 14).

3) Княжна Марія Васильевна Хованская, дочь шталмейстера и дѣйств. камергера князя Василія Петровича Хованскаго. Въ супружество вступила въ 1764 г. съ оберъ-гофмаршаломъ д. т. с. княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Барятинскимъ.

4) Княжна Екатерина Петровна Трубецкая, дочь дѣйств. тайн. сов., сенатора, князя Петра Никитича и супруги его, княгини Наталіи Васильевны, рожден. княжны Хованской (см. выше № 3). Родилась въ 1744 году. Была второю супругою оберъ-камергера *), президента академіи художествъ, графа Александра Сергѣевича Строганова (род. 3 янв. 1734, скончъ. 27 сент. 1811 и погребенъ въ Невскомъ монастырѣ). Отъ этого брака родился единственный сынъ графа Александра Сергѣевича, графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, любимецъ императора Александра I-го. И этотъ бракъ, какъ и первый, былъ несогласный. Графиня Екатерина Петровна скончалась 20 нояб. 1815, и погребена въ Спасо-Андроніевѣ монастырѣ.

5) Графиня Наталія Кирилловна Разумовская 1-я, дочь генер.-фельдмаршала графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго и супруги его, графини Екатерины Ивановны, рожденной Нарышкиной (въ ст.-дам. № 24). Родилась въ 1747. Была фрейлиною; во время переворота 1762 г. находилась въ числѣ лицъ, съ которыми Петръ III отправился на галерѣ изъ Петергофа въ Кронштадтъ, и любила въ старости вспоминать объ этомъ обстоятельствѣ. Въ супружество вступила съ оберъ-шенкомъ, Николаемъ Александровичемъ Загряжскимъ (ум 24 іюля 1821). Въ кавалерств. дамы ордена св. Екатерины пожалована 29 мая 1799. Скончалась въ С.-Петербургъ 19 марта 1837, на 90 году отъ рожденія. Съ умомъ оригинальнымъ соединяла рѣдкую доброту сердца и неограниченную привязанность къ своимъ родственникамъ. Не имѣя дѣтей, воспитывала у себя свою племянницу Марію Васильевну Васильчикову (впослѣд. княгиню Кочубей, см. въ ст.-дам. № 82). Четыре анекдота о князѣ Потемкинѣ, переданные ею Пушкину, напечатаны въ полномъ собраніи сочиненій этого писателя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) О первой супругѣ см. выше, № 41.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

р. 1773 † 1842 г.

Первое писаніе В. Н. Каразина къ императору Александру I-му.

22 марта 1801 года*).

Настоящій документъ, весьма обязательно сообщенный, вмѣстѣ съ прочими бумагами В. Н. Каразина—его сыномъ Филадельфомъ Васильевичемъ, печатаемъ съ копіи, списанной собственною рукою В. Н. для адмирала А. С. Шишкова, въ 1812 году. Всѣ подстрочныя замѣчанія сдѣланы имъ, В. Н., тогда же. На верху первой страницы этой копіи слѣдующая надпись, позднѣйшаго уже его почерка:

«Pia desideria,— такъ назвалъ блаженной памяти государю, въ 1806 г. покойный Николай Михайловичъ Карамзинъ сію бумагу». Ред.

Какимъ прекраснымъ днемъ началось твое царствованіе! Казалось намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣтила тебя...**) Александръ

---

*) См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. т. II, стр. 307 и 532; изд. 1871 г. т. III, стр. 16 и 326.

**) Случилось, что 11-го марта 1801 года въ Петербургѣ былъ самый непріятный зимній день; сквозь туманъ въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. 12-го, напротивъ, погода сдѣлалась тихая, теплая и ясная, какъ будто весна вдругъ наступила. (Всѣ обманулись!... Авторъ на ряду со всѣми...). Примѣч. 1812 г. В. К.

любимецъ сердецъ нашихъ! десятый день уже освѣщаетъ весеннее солнце твоихъ, надеждами исполненныхъ подданныхъ, и день ото дня, часъ отъ часу ты болѣе оправдываешь сіи надежды. Какая лестная будущность ожидаетъ насъ!...

Въ сіе время всеобщаго восторга, кто пощадилъ бы жизнь свою на защищеніе твое? Но ты въ немъ не имѣешь нужды... Прости-жъ, если, искавъ принести тебѣ дань, я дерзновенною рукою начертаю нѣкоторыя истины, я, удаленный отъ двора твоего и упованія наградъ, одинъ изъ безвѣстнѣйшихъ россіянъ. Прости, прости меня за неважную сію жертву, но жертву сердечную; пріими ея засвидѣтельствованіемъ довѣренности къ твоимъ добродѣтелямъ, знакомъ истинной подданнической любви. Безъ сомнѣнія все, что̀ я ни скажу тебѣ, болѣе или менѣе впечатлѣно уже въ твоей благородной душѣ, или извѣстно въ сонмѣ мужей мудрыхъ, которыми ты окружаешь себя. Но эта мысль не могла меня удержать повергнуть лепту вдовы въ сокровищницу, такъ точно какъ самое блистательное понятіе о славѣ твоей никогда не удержитъ меня отъ рвенія распространять ее, во всякомъ для меня приступномъ кругу, моею хвалою...

Государь! Ты царствуешь надъ сорокью милліонами человѣкъ искони пріобыкшихъ безпредѣльно чтить власть, внѣ которой они не могутъ представить себѣ блаженства. Одного взора ихъ царей часто довольно, чтобъ разлить повсемѣстную радость, и, конечно, одного велѣнія, чтобъ устроить счастіе, какимъ только можетъ человѣкъ наслаждаться на землѣ...

Имперія, которая своимъ называть тебя будетъ, — не обыкновенное государство. Ей нѣтъ подобной не только въ нынѣшнемъ состояніи Европы и прочихъ частей свѣта, но, можетъ быть, и въ лѣтописяхъ вѣковъ прошедшихъ. Она заключаетъ въ себѣ десять климатовъ, обитаемыхъ народомъ большею частію единаго языка и единой вѣры. Она отъ сѣвера до юга и отъ запада къ востоку изобилуетъ въ количествѣ и родѣ безчисленными благами, замѣняющими себя взаимно, которыя даютъ возможность поставить всѣ ея сношенія съ чужими странами въ совершенной независимости. Она имѣетъ

и пространнѣйшія земли для воздѣлыванія *) большею частію ей одной свойственныхъ произведеній, и надежныя руки сыновъ своихъ для искуственнаго ихъ обработыванія **). Посему, богатства ея, не на случайныхъ причинахъ, но на природѣ основанныя, должны возрастать съ самимъ временемъ. Она предоставляетъ, такъ сказать, подобіе рудника, открытаго при поверхности земли, котораго изобиліе постепенно обнаруживается по мѣрѣ его углубленія. Она изобилуетъ рѣками, которыя изъ средины ея изливаясь въ пять морей, ожидаютъ только попечительной руки правительства, чтобъ соединить ихъ всѣхъ, чтобы сообщать рукодѣлія Европы — Азіи, и азіатскія богатства Европѣ кратчайшими путями. Она граничитъ въ наибольшей части съ Ледовитымъ Океаномъ, или странами столько же неприступными какъ и онъ; въ остальной же части имѣетъ сосѣдей привыкшихъ почитать русское могущество***). Что могу сказать тебѣ, государь, новаго о гражданскихъ добродѣтеляхъ твоего народа, который среди временъ грубѣйшаго невѣжества обращалъ уже на себя вниманіе? народа, въ нынѣшнемъ состояніи нравственнаго міра, едвалъ не менѣе всѣхъ прочихъ народовъ поврежденнаго?... Напомню только одну изъ этихъ добродѣтелей, обезпечивающую незыблемость отечества. Пожертвованіе жизни за него, всегда и вездѣ почитаемо было достойнымъ вѣчныхъ похвалъ; но сіе пожертвованіе, безъ всякихъ видовъ славы, утѣшительницы умирающихъ героевъ, сіе великое самоотреченіе, свойственно рѣдкимъ лишь душамъ; и россійскіе ратники способны къ нему болѣе всѣхъ древнихъ и новыхъ воиновъ. Рѣшительный военачальникъ идетъ на смерть: я почитаю его; но вижу, что слава, которая изъ-за предѣловъ гроба простираетъ къ нему свой лавръ, наполняетъ его воображеніе удивленіемъ соотечественниковъ и потомства, — что сія слава смягчаетъ ужасы смерти. Честолюбіе,

---

*) Воздѣлыванія — лѣтомъ. Примѣч. 1812 г. В. К.

**) Обработыванія — зимою. Мысль якобы въ Россіи не должно быть мануфактуръ, несправедлива по причинѣ долготы зимъ нашихъ. Впрочемъ, все имѣетъ свои границы, какъ ниже и сказано. Примѣч. 1812 г. В. К.

***) Увы! Это было въ 1801 году! Примѣч. 1812 г. В. К.

желаніе пріобрѣсть блестящее отличіе упоеть его. Самая необходимость дѣйствовать соотвѣтственно званію, къ которому онъ принадлежитъ, влечетъ его впередъ. Но простой солдатъ, который не мечтаетъ о лаврахъ, не имѣетъ предразсудковъ благородства, заставляющихъ отличаться, не ожидаетъ наградъ; солдатъ, котораго участь не перемѣняется послѣ двадцати выигранныхъ сраженій, и который, не думая о свидѣтеляхъ, о потомствѣ, объ исторіи, умираетъ весь, у котораго священный долгъ есть единое побужденіе,— для меня прямо великій герой! Таковъ россійскій солдатъ, и такихъ имѣешь ты сотни тысячъ!...*).

Время образовало человѣческую премудрость; время, усовершая все, предуготовляетъ законодателю способъ быть благотворителемъ человѣчества. Еслибъ Екатерина, еслибъ Маркъ-Аврелій самъ жили въ желѣзномъ вѣкѣ царствованія Ивана Васильевича, когда вся Европа покрыта еще была тьмою суевѣрія, подавляема своеволіемъ феодализма, — много-ли бы они могли сдѣлать въ пользу своихъ подданныхъ? Предположивъ, что они изъ собственнаго сердца, созданнаго для блага человѣковъ, изъ собственнаго всеобъемлющаго разума извлекли бы законы; предположивъ, что они нашли бы возможность въ одно время и сильно дѣйствовать и глубоко размышлять, проникать,

---

*) Я желаю, чтобъ меня уличили, если тутъ сказано что-нибудь несправедливое, или натянутое. Не касаясь до нынѣшняго времени, я небомъ свидѣтельствуюсь, что точно таковы были солдаты Екатерины, Румянцова, Суворова. Я умышленно говорилъ со многими изъ нихъ, и удостовѣрился, что начала ими управлявшія, совсѣмъ иныя, нежели страхъ наказаній, жадность къ корысти, или изувѣрство, какъ сіе, по словамъ чужестранцевъ, подозрѣвать бы можно! Прилично здѣсь вспомнить анекдотъ — единственный: «Не мы въ отвѣтѣ!» Voilà du sublime, s'il en fut jamais!... 1812 г. В. К.

Авторъ намекаетъ на анекдотъ, случившійся во время Бородинскаго сраженія: одинъ молодой солдатъ, въ полку, который подвергался сильному непріятельскому огню, сказалъ унтеръ-офицеру: «чтожъ мы стоимъ, вѣдь всѣхъ перебьютъ, пойдемъ впередъ!» унтеръ-офицеръ, зная что они поставлены по распоряженію старшихъ, съ тѣмъ чтобъ не трогаться съ мѣста, отвѣчалъ: «молчи! стой! когда велѣно стоять; перебьютъ, такъ перебьютъ, не мы въ отвѣтѣ!» Ред.

безъ всѣхъ предварительныхъ познаній, въ составъ обществъ, въ сердца людей; — гдѣ взяли бы они достойныхъ исполнителей своего плана? Ни люди, ни средства для образованія общественнаго не были еще произведены. Въ наши дни, государь, наука законодательства вмѣстѣ съ прочими науками, вмѣстѣ съ общими успѣхами разума необходимо усовершенная, представитъ тебѣ въ твореніяхъ величайшихъ умовъ тысячу новыхъ идей, которыя, объяты бывъ благодѣтельнымъ твоимъ духомъ, искушены, подобно какъ злато искушается огнемъ, религіозностію твоихъ чувствованій, могутъ положиться въ основаніе счастія россіянъ. Велика заслуга мудреца многотрудно открывающаго истину; но тотъ кто силу, данную ему отъ небесъ, обратитъ на дѣйствительныя приложенія сей истины, — достоинъ алтарей! Онъ Богъ, собирающій носимые безполезно по воздуху пары въ благотворный дождь, который даетъ плодоносіе долинамъ и воды рѣкамъ орошающимъ ихъ. Ежели земные владыки могутъ назваться подобіемъ великаго, непостижимаго Существа, создавшаго милліоны міровъ, то конечно тогда только, когда они подражаютъ его благодѣтельности...

Воззри напослѣдокъ на нынѣшнее состояніе Европы. Могло-ль быть когда-либо время способнѣе для возведенія твоей „Россіи на верхъ славы и блаженства“, всходство обѣщанія твоего? Притязанія и виды всѣхъ державъ такъ разнообразны, такъ противуположены другъ другу, что ты никогда не можешь быть въ необходимости поднять оружіе, если самъ будешь имѣть миролюбивыя намѣренія; если суетныя хвалы умовъ праздныхъ (такъ-называемая слава завоевателей) никогда отъ тебя не удостоятся быть взвѣшиваемы на ряду съ благословеніями тысячей и темъ человѣковъ, которыхъ судьба отъ тебя зависитъ. Французскій переворотъ, столь гибельный самъ по себѣ, поколебавшій толико правленій, не только не сдѣлалъ вреда Россіи, въ которую его начала не могли и вѣчно уже не могутъ *) проникнуть, но принесъ ей еще ощутительную выгоду отвративши, во-первыхъ, завистливое вниманіе державъ въ самое критическое для нея время; и потомъ, новымъ расположеніемъ связей ихъ, уволивши нашъ дворъ отъ не-

*) По крайней мѣрѣ это по нынѣ еще совершенно зависитъ отъ нашего правительства. Примѣч. 1812 г. В. К.

обходимости пристать къ той или другой сторонѣ, которыя обѣ теперь, почитая соучастіе наше рѣшительнымъ, должны наперерывъ искать нашего благорасположенія. Россія вышла, чрезъ неожиданное это стеченіе обстоятельствъ изъ всегдашней (со времени Петра Великаго) скрытой войны со всѣми европейскими державами. Самую молодость ея, которая еще чрезъ цѣлое столѣтіе не могла-бъ быть забыта, революція навсегда изгладила изъ памяти.

Въ семъ состояніи дѣлъ, внутренніе и внѣшніе долги государства твоего не важны, судя по великости источниковъ твоихъ доходовъ, кои не расточены еще столько, чтобъ простымъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ предположенныхъ издержекъ, не можно было вывести казну въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ всякаго затрудненія*).

Таковы средства, государь, которыя ты имѣешь быть великимъ, счастливѣйшимъ монархомъ, среди счастливѣйшаго народа на земли...

Нощію, проходя мимо чертоговъ твоихъ, я представлялъ себѣ сію картину благословеннаго твоего политическаго положенія, и размышлялъ, каковы будутъ пути твои?

. . . . . **).

Безъ сомнѣнія нашъ Александръ, другъ людей, вѣдаетъ, что довѣренность къ правительству, утверждаемая извѣстностію непремѣнныхъ его началъ, одна рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою; что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей, и источникъ благоденствія.

Съ довѣренностію къ правительству на одной степени поставитъ онъ вѣру къ правосудію. Безъ нихъ обѣихъ почтенныя слова: гражданинъ, отечество — суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ!

Онъ презритъ новыхъ лжеполитиковъ, утверждающихъ, яко бы частныя неправды не обращаются обществу во вредъ; яко бы для государства „все равно, какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ

---

*) Все это было въ 1801 году. Примѣч. 1812 г. В. К.

**) Здѣсь пропускъ въ 54 строки. Ред.

въ руки" *). Предоставивъ весь судъ избраннымъ изъ народа, онъ удалитъ ихъ отъ соблазновъ, не законами, безгласными по необходимости, но доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, содержанія соразмѣрнаго ихъ безкорыстію и поревнованію объ общей пользѣ**). На сей же конецъ подчинитъ онъ судей общественному мнѣнію***). Оно всегда было болѣе безпристрастно, болѣе неумолимо, нежели высшія инстанціи, не рѣдко движимыя одинаковыми же началами на вящшее посрамленіе законовъ!...

Онъ положитъ единожды навсегда твердое основаніе государственному достоянію; изочтетъ богатства своихъ обширныхъ владѣній; опредѣлитъ возможности и повинности подданныхъ по неподвижному размѣру, измѣненіямъ отъ прилива и отлива изобразительныхъ знаковъ богатства неподверженному****), и скажетъ: „симъ обязаны вы взаимно состояніе къ состоянію, симъ обязаны относительно къ государственной сокровищницѣ; симъ напослѣдокъ располагаетъ лице государя". Тогда однѣ чрезвычайныя всею мудростію человѣческою непредвидимыя нужды государства останутся неопредѣленными: но на удовлетвореніе ихъ готовы коренныя, такъ сказать утробныя его силы, которыя съ покоемъ неопредѣленно же возрастаютъ*****).

---

*) Увы! я лично слышалъ таковыя заключенія въ послѣдствіи времени (именно отъ Н. и С. (отъ Новосильцева и Сперанскаго) Примѣч. 1812 г. В. К.

**) Самое простое средство для сего было бы, я думалъ, учрежденіе сбора съ отыскиваемаго имѣнія. Разумѣется, что оно предварительно должно быть оцѣнено истцомъ съ посредствомъ правительства. Сборъ сей, напримѣръ, десятая часть цѣны, поступитъ въ одну кассу со всѣхъ губерній. И изъ сей кассы судьи могли бы получать не только достаточное жалованье, но и награжденія, которыя ежегодно, по приговору обществъ губернскихъ, могли-бъ быть опредѣляемы и т. д. Примѣч. 1812 г. В. К.

***) Судъ при дверяхъ открытыхъ, право тяжущимся публиковать опредѣленія, было бы однимъ изъ надежнѣйшихъ ограждений правосудія. У насъ всѣ неправды совершаются такъ, что публика о нихъ не вѣдаетъ.

Примѣч. въ іюнѣ 1812 г. В. К.

****) Мысль эта, о неподвижномъ размѣрѣ повинностей, пояснена авторомъ въ письмѣ къ губернатору И. И. Бахтину 1810 г., помѣщенномъ нами въ «Русской Старинѣ» т. III, изд. 1871 г. стр. 342. Ред.

*****) Здѣсь и далѣе нѣсколькими строками излагаю я, въ сокращеніи, систему о государственныхъ финансахъ, которую предполагалъ обработать въ

Не поводы къ новымъ налогамъ велитъ онъ изобрѣтать для безконечнаго умноженія мнимыхъ доходовъ *); но съ благоволеніемъ приметъ тѣ мѣры, кои клониться будутъ къ уменьшенію издержекъ. И симъ вѣрнѣйшимъ путемъ, сопровождаемый благословеніями гражданъ трудящихся въ потѣ лица, достигнетъ онъ до постояннаго избытка государственнаго**), которымъ ни одна держава похвалиться еще не могла.

Онъ ограничитъ особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ имперіи и не возвышаютъ на самомъ дѣлѣ блеска вѣнца его; уменьшитъ дворъ свой; изженетъ изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе имперіи имъ принадлежитъ и что они преимущественное имѣютъ право на милости государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы.

Онъ ограничитъ суетную любоздательность: сіе желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство представляетъ еще безкровныя хижины. Не художества призоветъ онъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ; но въ премудрости своихъ учрежденій и въ любви народной найдетъ ихъ: онѣ несокрушаемы временемъ и не одно удивленіе празднаго любопытства возбуждаютъ, но почтеніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Самыя художества не будетъ онъ покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертоговъ своихъ, съ условіемъ, чтобъ они платили ему лестію; но дѣйствительно ободритъ ихъ, умноживъ общее благосостояніе и разрѣшивъ узы ума и талантовъ.

Вообще онъ будетъ дорожить произведеніемъ кроваваго пота подданныхъ, посвященнымъ на пользу общую; и моральное изящество будетъ первѣйшимъ его предметомъ ***).

Не удостоитъ онъ занять себя подробностями, и ждивать на мелочи драгоцѣнное время, въ которое едва-едва вмѣститься могутъ всеобщія попеченія владѣтеля пространнѣйшей имперіи въ свѣтѣ. Онъ взоромъ будетъ обнимать цѣлыя массы, дастъ правильное движеніе главнѣйшимъ колесамъ государственнаго состава, — и всѣ прочія потекутъ правильно!

Какъ наисовершеннѣйшіе законы останутся безполезными въ на-

началахъ новыхъ, Россіи свойственныхъ. Вообще эта бумага есть какъ бы извлеченіе цѣлой книги, которую можно бы написать... еслибъ того потребовали. Примѣч. 1812 г. В. К.

*) Что эти доходы мнимые только, удобно доказать. Примѣч. 1812 г. В. К.

**) Balance permanente en faveur de la trésorerie de l'Etat. Примѣч. 1812 г. В. К.

***) Не физическое! Примѣч. 1812 г. В. К.

родѣ развращенномъ, и чуждыми смысла въ народѣ невѣждъ; то, безъ сомнѣнія, обратитъ онъ всю свою внимательность на воспитаніе своихъ подданныхъ, соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго. Верховное попеченіе объ этомъ предоставитъ онъ сословію блюстителю законовъ, а оно будетъ дѣйствовать посредствомъ людей, имѣющихъ надъ народомъ наиболѣе нравственной силы. Духовенство употребится на просвѣщеніе народа, и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія предоставятся не тѣмъ изъ проповѣдниковъ слова Божія, которые съ поэтическимъ восторгомъ станутъ величать государя въ городскихъ храмахъ; но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ; тѣмъ, которые, учредивъ училища, нелѣностно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ человѣка и гражданина.

Такимъ образомъ, не жезлъ денно-нощно властію подъятый заставитъ исполнять законы; но, гораздо дѣйствительнѣе, собственное удостовѣреніе каждаго въ ихъ пользѣ. Такимъ образомъ законы будутъ охраняемы нравами, и нравы — законами.

Съ другой стороны еще подѣйствуетъ онъ на нравственность состояній называемыхъ послѣдними. Онъ обезпечитъ права человѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ: введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости. И сіе не закономъ, могущимъ опасно поколебать нынѣшнія общественныя связи, но постепенностію обычая, который бы укрѣпилъ оныя болѣе*). Простѣйшимъ поселянамъ предоставитъ онъ средства вкушать иногда, въ воздаяніе трудовъ своихъ, сладость жизни не прибѣгая къ своеволію, питьямъ чувства оглушающимъ и другимъ побужденіямъ разврата, иногда отчаянія и неключимаго рабства.

Земледѣліе распространится подъ кроткимъ его скипетромъ. Онъ заселитъ мало по малу пространныя степи Россіи, не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ и переселяя скоропостижно за цѣлыя тысячи верстъ, въ страны по одной своей безвѣстности уже страшныя для нихъ, и дѣйствительно смертоносныя по чрезвычайному различію климатовъ; но изъ сосѣдственныхъ, населеннѣйшихъ мѣстъ вызывая и ободряя наградами и льготою.

---

*) Это для опыта ввелъ я въ имѣніи моемъ съ давняго времени и до сихъ поръ, какъ хозяинъ, не имѣю причинъ раскаяваться. Система моя весьма отлична отъ извѣстной графа Стройновскаго. Примѣч. 1812 в. к.

Безводные, но впрочемъ тучные кряжи благословенныхъ климатовъ, будетъ онъ умѣть содѣлать обитаемыми, и превратитъ въ цвѣтущіе сады, проводя каналы изъ сосѣдственныхъ рѣкъ, обращая въ пользу пространныя озера, или одѣвая исподоволь отлогости горъ лѣсомъ. Неужели однѣ только пресыщенныя столицы имѣютъ право на подобныя симъ издержки правительства? Неужели не обязано оно готовить жилища будущимъ родамъ, и.... убѣжища тѣмъ, которые отъ Запада, вѣроятно, придутъ нѣкогда искать у насъ отечества*)?

Не толпы алчущихъ чиновниковъ поставитъ онъ на стражѣ у лѣсовъ, сего украшенія земли и сокровищницы водъ; но благоразумнымъ распредѣленіемъ въ собственность, сохранитъ ихъ для государства. Дикія только степи и непроходимые лѣса могутъ быть помѣстьемъ казны; но должны содѣлаться собственностію частныхъ людей, какъ скоро они досягаемы для трудолюбія. Горе правительствамъ, которыхъ учрежденія служатъ только къ соблазну, не искореняя зла въ самыхъ его основаніяхъ...

Онъ назначитъ торжественныя награды для поселянъ, кои отличаются или рѣдкими примѣрами благонравія, или трудолюбіемъ, изобрѣтеніемъ, или введеніемъ новыхъ предметовъ земледѣлія, или промышленности. О семъ и подобномъ тому предоставитъ онъ судить не мѣстнымъ начальникамъ, удобно развлекаемымъ пристрастіемъ, или скуднымъ государственными соображеніями: но устроитъ временныя путешествія по имперіи особъ, исполненныхъ познаніями въ обозрѣваемой части, и достойныхъ представлять собственное его око. Самъ онъ нерѣдко оставитъ единообразіе дворской жизни, чтобы на дѣлѣ видѣть и слышать: и управленіе Богомъ ввѣреннаго ему, прекраснаго пространнѣйшаго царства, не заключитъ въ тѣсные предѣлы работъ надъ подносимыми ему бумагами.

Рукодѣлія возбуждать онъ станетъ не самовластнымъ внезапнымъ запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній (можно согласить отечественную пользу съ миролюбіемъ къ чужимъ народамъ!); но привилегіями, данными мануфактурамъ и фабрикамъ, и въ особенности снятіемъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя. Впрочемъ Россія можетъ, безъ малѣйшей для себя невыгоды, великодушно уступить многія вѣтви промышленности и рукодѣлій народамъ скуднымъ землею. Ей ли, изобилующей существенными богатствами, присвоять ненасытимо всѣ источники существованія?.. желать самой все обработывать, когда она несравненно дешевле можетъ

*) Эта мысль основана на понятіи о Россіи въ 1801 году, на очевидныхъ послѣдствіяхъ французскаго переворота въ Европѣ и на предположеніи, что Россія не станетъ вмѣшиваться въ европейскія дѣла. Увы!

Примѣч. Іюнь 1812 г. В. К.

имѣть наемниковъ себѣ внѣ предѣловъ своихъ? Доколѣ мы измѣрять себя будемъ мѣрилами чуждыми и подражать младенчески!..

Внутренняя торговля, усилясь отъ успѣховъ хлѣбопашества и рукодѣлій, въ теченіе немногихъ лѣтъ, сама собою, безъ всякихъ насильственныхъ пріемовъ возвысить внѣшнюю въ нашу пользу. Великими примѣрами распространяемые благонравіе и любовь ко всему отечественному послужатъ также къ уменьшенію надобностей въ заграничныхъ произведеніяхъ. Цѣна россійскихъ существенныхъ богатствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣна изобразительныхъ,—возрастетъ неминуемо.

Для внутренней и внѣшней торговли, для совершенія великаго подвига законодательства, онъ, конечно, потщится сохранить миръ съ державами. Онъ употребитъ на сіе счастливыя средства, представляемыя ему теперь Провидѣніемъ, которое явно простираетъ къ Россіи милующую десницу. Ему, безъ сомнѣнія, предоставлено начертать смѣлый планъ постоянной политики, свойственный россійской министеріи и одной ей принадлежащій. — Не имѣетъ-ли онъ надежнѣйшихъ способовъ содержать всѣ дворы въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находитъ-ли по нынѣшнему положенію своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины, или выгоды входить въ раздоры ихъ? Населеніе Россіи, въ цвѣтѣ еще находящейся, таково-ли чтобъ жертвовать людьми безъ крайнѣйшей необходимости?.. О, какая участь! обращать на себя признательные взоры любви и уваженія всѣхъ народовъ; быть извѣстнымъ со стороны безпредѣльнаго могущества, — и благотворить!... Если Всевышній мерзитъ человѣкоубійствомъ и другими гнусными слѣдствіями войны; если ему угодно, чтобы когда-либо существовала истинно-христіанская держава, то сей предметъ удобнѣе всего въ Россіи, и въ царствованіе Александрово.

Въ счастливое сіе время, вооруженная сила не останется безполезною. Напротивъ, тогда-то будетъ она выполнять истинный свой предметъ: охраненіе общаго спокойствія. Въ ожиданіи, пока безумный какой-либо врагъ дѣйствительно покусился бы на него, найдутся средства занять милліонъ здоровыхъ, сильныхъ рукъ, ежегодно стоющихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ, не заставляя ихъ литъ кровь въ странахъ и дѣлахъ чужихъ... Прежде всего оградитъ онъ западные предѣлы имперіи своей удвоеннымъ забраломъ крѣпостей: да кажутся онѣ сосѣдямъ страшными рядами зубовъ покоющагося льва. Потомъ, по примѣру римлянъ, которые выше всего ставя воинское ремесло, не сомнѣвались однакожъ производить воинами общественныя работы, строить славные свои водоводы и свои дороги; по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государей, кои въ но-

вѣйшія времена предпринимали такіе же опыты, и въ числѣ ихъ самаго основателя сей столицы, обезпечившаго продовольствіе ея Ладожскимъ каналомъ, станетъ онъ употреблять, по очереди, часть мощныхъ нашихъ ратниковъ, съ младенчества пріобыкшихъ къ повиновенію и трудамъ, на государственныя работы. Нѣкоторая прибавка къ обыкновенному ихъ жалованью возбудитъ ихъ дѣятельность; и какъ много существенно полезнаго окажется въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ! откроются повсюду водяныя и сухопутныя сообщенія, рѣки сдѣлаются судоходными, болота превратятся въ плодоносныя долины... Между тѣмъ и границы имперіи не останутся безъ защищенія, и росская сила будетъ всегда въ виду и въ понятіи у непріятелей.

Онъ соединитъ воина съ поселяниномъ, и поселянина съ прочими состояніями союзомъ взаимной пользы *), ощущеніе которой, братолюбіе и подданническая обязанность, будутъ одно и тоже чувство подъ тремя различными только видами.

Онъ... но могу ли я обнять высокое предназначеніе Всевышняго; могу ли представить себѣ, исчислить всѣ дѣянія, которыхъ сѣмя лежитъ въ его человѣколюбивомъ сердцѣ?...

Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительствамъ чтобъ они были: царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ, съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ: онъ имѣлъ ихъ. Петръ желалъ видѣть насъ подражателями иностранцамъ: къ несчастію мы съ излишествомъ такими стали. Премудрая Екатерина начала образовать россіянъ. Александръ довершитъ великое сіе дѣло. Наслаждаяся нѣкогда плодами своей юности, онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ; и слава его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ!...

Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзіи, которая безстыдно приналравливаетъ ихъ ко всѣмъ царямъ, увѣряя каждаго, что онъ лучше своего предшественника: я смѣлъ начертать сіи мысли.

О ты, котораго обожаетъ мое сердце! не отвергни сію дань его, въ простотѣ и съ безкорыстнѣйшими чувствованіями тебѣ приносимую. Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей, вѣчной преданности. Геній-благотворитель любезнаго моего отечества!

*) Въ нынѣшней европейской системѣ это совершенно на изворотъ.
Примѣч. 1812 г. В. К.

Примѣчаніе В. Н. Каразина 1812 г. «Бумага сія была безъ подписанія. Государю угодно было немедленно, по прочтеніи ея, поручить графу Палену и Дмитрію Пр. Трощинскому отыскать виновника. 11-го апрѣля (1801 г.) послѣдній, по нѣкоторымъ догадкамъ, призвавъ меня къ себѣ, требовалъ, чтобъ я открылъ ему истину. Я признался: и вотъ источникъ личнаго благоволенія ко мнѣ его величества, которое я разстроилъ моими неосторожностями, съ помощію, можетъ быть, моихъ недоброжелателей. Можетъ быть, я теперь присовокупляю, ибо стою уже на сороковомъ году жизни. Тогда я обвинялъ интригу.

Я потому только препровождаю къ вашему превосходительству сіе для васъ неважное сочиненіе, что оно въ себѣ содержитъ все почти мое политическое вѣроисповѣданіе, отъ котораго я нисколько не отступилъ по нынѣ; какъ то вы изъ послѣдующаго, послѣдняго моего письма къ Е. В. увидите *). Впрочемъ очевидна крайняя поспѣшность, съ которою я писалъ. И дѣло идетъ отнюдь не о слогѣ».

На рожденье Якова Николаевича Бедряги.

13 іюля 1821 г.

Да будешь, малютка, какъ папа безстрашенъ,
Пусть пламень гусара пылаетъ въ крови;
Какъ маменька—доброй душою украшенъ
И общей достоинъ любви.
Но что я желаю—любезность, отвага
И пылкость души молодой
Уже въ колыбели, малютка, съ тобой,
Безъ нихъ—не родится Бедряга.

К. Рылѣевъ.

Примѣчаніе. Стихотвореніе написано Рылѣевымъ на рожденіе сына его друга Бедряги, славнаго ветерана 1812 г.,—въ имѣніи послѣдняго, селѣ Подгорномъ, Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи. Записаны стихи со словъ самаго Я. Н. Бедряги,—М. А. Веневитиновымъ, которому мы весьма признательны за сообщеніе ихъ, вмѣстѣ съ другими, весьма интересными матеріалами. **Ред.**

---

*) Съ боку приписано позже, рукою В. Н. К.: «было послано А. С. Шишкову изъ Харькова, 14-го іюня 1812; но не дошло по тогдашнимъ обстоятельствамъ, а возвратилось уже въ январѣ 1813-го». **Ред.**

ЗАПИСКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I,

данная гр. П. А. Шувалову при отправленіи его во Францію въ 1820 году.

Печатаемая ниже инструкція дана императоромъ Александромъ Павловичемъ генералъ-лейтенанту графу Павлу Андреевичу Шувалову (р. 21 мая 1777 г. † въ декабрѣ 1823 г.). Шуваловъ былъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ и любимыхъ генералъ-адъютантовъ Александра I-го. Онъ былъ посланъ имъ въ Вѣнѣ и въ 1814 году сопровождалъ Наполеона изъ Фонтенсбло до Средиземнаго моря. Подлинники печатаемыхъ документовъ,—за сообщеніе которыхъ свидѣтельствуемъ глубочайшую признательность графу Андрею Павловичу Шувалову,— налитографированы, причемъ первое письмо собственноручно подписано императоромъ Александромъ Павловичемъ. **Ред.**

I.

(Переводъ). Господинъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ Какъ скоро до меня дошла печальная вѣсть о смерти герцога Берійскаго, я счелъ своимъ долгомъ выразить французскому королю то участіе, которое я принимаю въ его горѣ *).

Самъ король сообщаетъ мнѣ это плачевное событіе и я спѣшу отвѣтить на его письмо, тѣмъ письмомъ, съ котораго копію прилагаю при семъ.

Вы будете подателемъ сего письма; вручая оное его христіаннѣйшему величеству, вы повторите ему изустно выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя я испыталъ узнавши о преступленіи, покрывшемъ Францію трауромъ и поразившемъ ужасомъ всю Европу.

Вотъ, генералъ, главная цѣль того порученія, которое я на васъ возлагаю. Вы можете его считать оконченнымъ, какъ скоро полу-

*) Charles-Ferdinand de Bourbon, duc de Berri род. въ 1778 г., былъ второй сынъ графа d'Artois; заколотъ Лувелемъ 13 февраля н. ст., 1820 г., въ Парижѣ, при выходѣ изъ оперы. **Ред.**

чите отъ короля аудіенцію, на которой вы подадите ему мое письмо и получите на него отвѣтъ его величества.

Но, чтобы достигнуть мѣста вашего назначенія, вамъ придется проѣзжать по большой части Европы, а именно по той части, на которой свѣтъ съ ужасомъ, и по сію пору, останавливаетъ внимательный, но безпокойный взглядъ.

Тамъ представится вамъ безграничное поле для наблюденій.

Сверхъ того Франціи и Германіи не безъизвѣстно, что, исполняя часто и успѣшно дипломатическія порученія, вы съумѣли заслужить мое довѣріе. Поэтому, весьма вѣроятно, что къ вамъ неоднократно будутъ обращаться съ вопросами о томъ, какъ ваше правительство судитъ о событіяхъ, которыя занимаютъ въ настоящее время не только государей, но, можно сказать, всю вселенную.

Я изложу вамъ мое мнѣніе относительно этого важнаго предмета, ибо вамъ существенно необходимо знать мой взглядъ,—съ одной стороны для того, чтобы ваши замѣчанія были полнѣе и полезнѣе; съ другой, чтобы предупредить то заблужденіе, которому вы можете подать поводъ вашими умолчаніями или неясными объясненіями, если на тѣ вопросы, которые вамъ будутъ предлагать, вы противупоставите лишь загадочное молчаніе или рѣчь неясную и неоткровенную. То, что вы будете говорить, должно согласоваться съ мнѣніемъ моего кабинета, и съ тѣмъ взглядомъ, который я постоянно высказывалъ моимъ союзникамъ, и къ которому я всегда обращался, дабы объяснить какъ себѣ самому, такъ и повѣреннымъ при иностран-

---

I.

(Подлинникъ за подписью императора Александра I-го):

Monsieur l'Aide-de-Camp Général Comte de Schouwaloff.

Aussitôt que la triste nouvelle de la mort du Duc de Berry m'est parvenue, je me suis fait un devoir de témoigner au Roi de France, la part que je prenois à Sa douleur.

Le Roi vient de me notifier Lui-même ce déplorable évènement, et je m'empresse de répondre à Sa lettre, par celle, dont Vous trouverez ci-joint une copie.

Vous en serez porteur; et en la remettant entre les mains de Sa Majesté Très-Chrétienne, Vous Lui réitérerez de vive voix, l'expression des sentimens que m'a fait éprouver le crime qui a couvert la France de deuil, et frappé d'horreur l'Europe toute entière.

Tel est, Général, l'objet de la mission que je Vous confie. Vous la regarderez comme terminée, dès que Vous aurez obtenu du Roi l'audience où Vous Lui présenterez ma lettre, et reçu la réponse de Sa Majesté.

Mais, pour arriver au lieu de votre destination, Vous avez à traverser une grande partie de l'Europe, et nommément la partie, sur laquelle le monde fixe encore avec effroi des regards inquiéts et attentifs.

ныхъ дворахъ, въ чемъ заключается сущность обязательствъ Россіи и ея права.

При взглядѣ на настоящее положеніе Европы, глубокое чувство скорби овладѣваетъ всякимъ человѣкомъ, воодушевленнымъ любовью къ ближнимъ. И если отъ дѣйствій обратиться къ причинамъ, если отъ изученія зла перейти къ разсмотрѣнію средствъ къ исправленію онаго — то это чувство пріобрѣтаетъ новую силу. Европа страдаетъ: ее, увлеченную попеременно побужденіемъ двухъ противуположныхъ движеній, все какъ бы толкаетъ къ неизбѣжной катастрофѣ.

Въ 1815 году общее недовольство было печальнымъ результатомъ двадцатилѣтней войны и бѣдствій. Между тѣмъ, когда эта война была окончена, тѣ, которые остановили эти опустошенія, основательно могли вѣрить въ лучшую будущность.

Прошлое столѣтіе завѣщало великіе и поучительные примѣры какъ народамъ, такъ и правительствамъ. Какъ тѣ, такъ и другіе чувствовали необходимость извлечь изъ нихъ пользу, а чтобы извлечь пользу изъ примѣровъ несчастія необходимо было время, т.-е. продолжительный и общій миръ.

Этотъ миръ, предметъ всѣхъ желаній и надеждъ, былъ имъ дарованъ.

Правительства соединились охранительнымъ договоромъ братскаго союза. Онѣ обезпечили неприкосновенность взаимныхъ правъ, и увѣренныя въ полной внѣшней безопасности, онѣ могли посвятить себя, какъ было рѣшено съ общаго согласія, улучшеніямъ, требуемымъ со-

---

Là s'offre un champ presque sans bornes à vos observations. La France et l'Allemagne n'ignorent point d'ailleurs, qu'ayant rempli souvent et avèc succès des missions diplomatiques, vous avez sû mériter ma confiance. Il est donc probable que vous serez plus d'une fois interpellé sur la manière dont votre cabinet juge les évènemens qui occupent aujourd'hui, non seulement les Conseils des Princes, mais, on peut le dire, la pensée de l'Univers.

Je vais vous énoncer mon opinion sur ce grave sujet, car il vous importe de connoitre le point de vue sous lequel je l'envisage, d'un côté, pour rendre vos remarques plus fécondes et plus utiles, de l'autre, pour prévenir les erreurs qu'accréditeroient vos réticences ou le vague de vos explications, si, aux questions qui vous seront adressées, vous n'opposiez qu'un silence énigmatique ou un langage sans précision et sans franchise. Celui que vous parlerez, doit être le langage de mon Cabinet, le langage que j'ai constamment tenu à mes Alliés et que j'emploie toujours pour m'expliquer à moi-même, ainsi qu'à mes Agens auprès des Cours étrangères, la nature des obligations et celle des droits de la Russie.

A l'aspect de l'état actuel de l'Europe, un sentiment profond de peine, s'empare de tout homme qu'anime l'amour de ses semblables. Et, si des effets on remonte aux causes, si de l'étude du mal, on passe à l'investigation des remèdes,

стояніемъ странъ, счастіе которыхъ было имъ ввѣрено Провидѣніемъ.

Такимъ образомъ, при помощи счастливаго спокойствія, опыта и правилъ христіанской религіи, должно было постепенно совершиться возстановленіе общественнаго порядка въ обоихъ частяхъ свѣта.

Геній революцій, испуганный такимъ послѣдствіемъ, употребляетъ всѣ усилія, и употребляетъ ихъ еще и теперь, чтобы сдѣлать его невозможнымъ. Съ одной стороны, онъ раздражаетъ раны, еще не закрывшіяся послѣ долгихъ несчастій въ жизненныхъ частяхъ государствъ, съ другой — отравляетъ средства, которыми благотворная умѣренность силиться смягчить и закрыть эти глубокія язвы.

Вотъ въ чемъ, кажется, заключается причина всего, что происходило горестнаго во всѣхъ частяхъ Европы съ 1815 года, какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ административномъ.

Эта причина, двойственная по своему дѣйствію, но единственная по послѣдствіямъ, открыто и прямо вліяетъ на народы, а втайнѣ косвенно дѣйствуетъ на правительства. Но результаты ея тѣже самые: она вводитъ въ заблужденіе народы, уничтожаетъ значеніе правительства, и выполняетъ такимъ образомъ первую цѣль всѣхъ революцій.

Къ этимъ двумъ категоріямъ можно отнести событія, свидѣтелями которыхъ мы были въ нашемъ столѣтіи. Къ первой принадлежатъ крайнія мнѣнія партій во Франціи: преступленіе, которое еще

---

ce sentiment acquiert une force nouvelle.—l'Europe est en souffrance. Entraînée tour à tour, par l'impulsion de deux mouvemens contraires, tout semble la précipiter vers une catastrophe inévitable. En 1815 un malaise général avoit succédé à vingt années de guerre et de désastres; il en étoit, il en devoit être le triste résultat; cependant lorsque cette guerre fut terminée, ceux qui avoient arrêté ses ravages, purent avec raison croire à un meilleur avenir.

Le siècle dernier avoit légué de grands et instructifs exemples aux peuples comme aux Gouvernemens. Les uns et les autres sentoient le besoin d'en profiter, et pour utiliser les leçons du malheur, ils réclamoient d'un commun accord le bénéfice du temps, c'est-à-dire, celui d'une longue paix générale.

Cette paix, objet de tous les voeux et de toutes les espérances, fut donnée au monde.

Les Gouvernemens s'unirent par le pacte conservateur d'une association fraternelle. Ils se garantirent mutuellement l'inviolabilité de leurs droits respectifs et assurés au dehors d'une sécurité complette, ils purent se vouer, comme ils l'avoient unanimement résolu, aux améliorations qu'exigeoit l'état des pays, dont la Providence leur avoit confié le bonheur.

C'était ainsi, qu'à l'aide d'une heureuse tranquillité, de l'expérience et des principes de la morale Chrétienne, devoit s'opérer graduellement la restauration de l'ordre social dans les deux hémisphères.

разъ обагрило кровью ступени престола Бурбоновъ; заговоры, которые готовятся въ Англіи; испанская катастрофа; предумышленные происки въ Нидерландахъ; первые признаки анархіи, которые обнаружились въ Германіи, однимъ словомъ, вся запутанность, которая ослабляетъ могущество правителей предъ управляемыми.

Ко второй категоріи можно отнести: первыя неудачныя дѣйствія по возстановленіи династіи во Франціи;—100 дней;—ложное предположеніе, которое породило трактатъ 3-го января 1815 года;—система не менѣе ложная, которая повела къ тому, что союзныя государства допустили короля испанскаго установить безпрепятственно тѣ правила, объявленныя имъ при возвращеніи на полуостровъ, и которыя впослѣдствіи помѣшали двору испанскому тѣснѣе соединиться съ великими европейскими державами; важныя ошибки, вслѣдствіе которыхъ посредничество въ Парижѣ оставалось безплоднымъ; тѣ, которыя продлили переговоры о территоріи въ Германіи, до закрытія конференціи въ Ахенѣ; внезапный отказъ министровъ во Франціи, въ концѣ 1818 года; опасная перемѣна, которую этотъ отказъ произвелъ во французскомъ правительствѣ и въ положеніи союзныхъ державъ, по отношенію къ нему; необходимая поспѣшность мѣръ, предназначенныхъ для успокоенія грозы, которая собиралась на горизонтѣ Германіи; послѣдствіе этихъ мѣръ, и вообще насильственное смѣшеніе старой и новой политики.

Въ прежнія времена, дѣйствительно, управляли силою привычки

Effrayé de la perspective d'une semblable conséquence, le Génie des révolutions s'est efforcé et s'efforce encore de la rendre impossible. D'un côté, il irrite les plaies que de longues calamités ont laissées ouvertes dans les parties vitales des Etats, de l'autre, il empoisonne les remèdes qu'une modération bienveillante cherche pour adoucir et fermer ces profondes blessures.

Voilà quelle paroit être la cause de tout ce qui s'est passé d'affligeant dans les divers pays de l'Europe depuis l'année 1815, tant sous le rapport politique, que sous le rapport administratif.

Cette cause est double par son action, et une par ses effets. Elle exerce ouvertement une influence directe sur les peuples, et en secret, une influence indirecte sur les conseils des Souverains. Mais ses résultats sont toujours les mêmes: elle égare les peuples, elle déconsidère les Gouvernemens, et remplit ainsi le premier but de toutes les Révolutions.

C'est donc sous ces deux catégories, que semblent pouvoir être rangés les évènemens dont notre siècle nous a rendus témoins.

A la première paroissent appartenir les exagérations des partis en France: Le crime qui vient d'ensanglanter encore une fois, les marches du trône des Bourbons:—Les conspirations qui se trament en Angleterre:—La catastrophe de l'Espagne:—Les menées ourdies dans les Pays Bas:—Les premiers symptômes d'Anarchie qui se sont manifestés en Allemagne:—En un mot, toutes les com-

и авторитета. Въ настоящее же время можно управлять не иначе, какъ принявъ за основаніе нравственныя правила. Прежде придумывали средства для достиженія равновѣсія, спокойствія и безопасности.— Въ настоящее время безопасность, спокойствіе и равновѣсіе могутъ существовать только при союзахъ. Прежде мысль кабинетовъ была, и могла быть тайною. Въ настоящее время тайна невозможна. Все ясно настоящему поколѣнію, потому что все основано на взаимной бдительности.

Связь между этими противуположными системами будетъ всегда опасна, потому что она всегда будетъ ниспровергнута силою настоящихъ событій. Эта, тѣмъ не менѣе, комбинація столь же пагубна, какъ и та, которую представляетъ недоброжелательство, готовое всегда вредить даже благотворному единству правительствъ; оно одно можетъ противупоставить успѣхамъ безнравственности вліяніе религіозныхъ правилъ; необузданному желанію все разрушать—благоразумное намѣреніе соглашенія настоящаго съ прошедшимъ; преступнымъ намѣреніямъ виновниковъ раздора—братство, основанное и на клятвѣ мира, и на желаніи поправить всѣ несчастія, принимая за правило въ будущемъ—великодушное благоволеніе, искреннюю вѣру и твердое намѣреніе осуществить, безъ потрясеній, законныя требованія.

Я не колеблюсь сказать, что самое печальное для меня предпо-

---

plications qui affaiblissent la puissance des Gouvernans aux yeux des Gouvernés.

A la seconde peuvent se rapporter:—Les premières opérations manquées de la restauration en France:—Les cent jours:—La fausse hypothèse qui donna naissance au traité du 3 janvier 1815:—Le système non moins faux, qui porta d'abord les Puissances Alliées à laisser adopter sans opposition au Roi d'Espagne les principes qu'il avoit annoncés dès son retour dans la péninsule, et qui empêcha plus tard la cour de Madrid de s'unir plus étroitement aux grands états de l'Europe:—Les erreurs graves qui ont frappé de stérilité la Médiation de Paris:—Celles qui prolongèrent les négociations territoriales en Allemagne, jusqu' à la clôture des Conférences d'Aix-la-Chapelle:—Le renvoi inopiné des ministres en France à la fin de 1818:—Le dangereux changement qu'il a produit dans la marche du Gouvernement français et dans l'attitude des Puissances Alliées, à son égard:—La précipitation nécessaire des mesures destinées à conjurer l'orage qui se formoit sur l'horison de l'Allemagne:—Les suites de ces mesures, et en général l'amalgame forcé de la vieille politique avec la politique nouvelle.

Autrefois, en effet, on gouvernoit par la puissance de l'habitude et des prestiges. Aujourd'hui on ne gouverne plus que par celle des principes. Autrefois on divisoit, pour trouver dans les contre-poids un équilibre, du repos et de la sécurité.—Aujourd'hui il n'y a plus de sécurité, de repos, d'équilibre, que dans l'union. Autrefois la pensée des Cabinets étoit et pouvoit être un mys-

ложеніе было-бы знать, что зловѣщіе слухи имѣютъ какое-либо основаніе, и если во взаимныхъ сообщеніяхъ между кабинетами, послѣ 1815-го года, возможно замѣтить самое слабое стремленіе къ эгоизму, къ возврату къ правиламъ состарившейся политики, тогда основательно можно будетъ обвинить и это стремленіе въ тѣхъ переворотахъ, которые грозятъ будущимъ своимъ осуществленіемъ, и во всѣхъ несчастіяхъ, которыя вслѣдъ за ними наводнятъ несчастную Европу.

Впрочемъ, благоразуміе моихъ союзниковъ и братьевъ по оружію не допуститъ меня до такого предположенія, и я увѣренъ, что они думаютъ какъ и я, что укрѣпить систему, скрѣпленную существующими сношеніями, сдѣлать ее неприкосновенною, оградить ее самыми прочными гарантіями—вотъ въ чемъ состоитъ самая святая обязанность всѣхъ правительствъ.

Таковы соображенія, которыми вы должны проникнуться, генералъ, и которыя я приглашаю васъ никогда не терять изъ виду.

Они послужатъ вамъ путеводителемъ какъ въ вашихъ замѣчаніяхъ, такъ и въ вашихъ рѣчахъ. Это будетъ вѣрнымъ способомъ для васъ сдѣлать ваши рѣчи сообразными съ правилами, принятыми при русскомъ дворѣ.

Эти правила могутъ слиться въ одно: уважать и заставить уважать вѣру въ трактаты и авторитетъ правилъ ими освященныхъ.

Это, слѣдовательно, поддержаніе ненарушимымъ настоящаго поло-

---

tère. Aujourd'hui le mystère est impossible, parceque tout parle aux yeux de la génération présente; parceque maintenant tout est surveillance mutuelle dans le monde.

Une association entre ces deux systèmes contraires sera donc toujours périlleuse, car elle sera toujours repoussée par la force des choses. C'est néanmoins une combinaison aussi funeste, que la malveillance représente sans cesse comme prête à altérer même cette salutaire union des Gouvernemens, qui seule peut opposer aux progrès de l'immoralité, l'influence des doctrines religieuses; au désir effréné de tout subvertir, un plan sage de conciliation entre le présent et le passé; aux desseins coupables des artisans de discorde, une fraternité fondée, et sur le serment de la paix, et sur le voeu de réparer tous les maux, en prenant désormais pour règles une généreuse bienveillance, une bonne foi sincère, et la ferme détermination de réaliser sans secousses, les voeux légitimes.

Je ne balance pas à le dire, la plus triste des suppositions seroit, pour moi celle qui donneroit quelque crédit à ces bruits sinistres. Et si, dans les communications échangées entre les Cabinets depuis l'année 1815, il étoit possible d'entrevoir la plus faible tendance à l'isolement, à l'égoisme, à un retour vers les principes d'une politique surannée, ce seroit cette tendance aussi, que l'on pourroit avec raison accuser des bouleversemens qui menacent de s'opérer encore, et de tous les fléaux qui viendroient à leur suite, inonder la malheureuse Europe.

женія владѣній, которое составляетъ для насъ сущность обязательствъ, равно какъ и сущность правъ въ политическомъ порядкѣ. И религіозное примѣненіе догматовъ, объявленныхъ актомъ отъ 14 (26) сентября 1815-го года, должно непремѣнно руководить нами въ нравственномъ порядкѣ.

Всякій разъ, когда вы увидите себя въ необходимости высказать мнѣніе касательно вопросовъ, относящихся къ внутреннимъ отношеніямъ различныхъ государствъ, вашей единственной заботой будетъ показать мнѣ, не скрывая, какое впечатлѣніе производятъ дѣйствія моего правительства.

Я долженъ одобрить у другихъ то, что я счелъ необходимымъ ввести у себя, и чтобы высказать мое мнѣніе, вамъ не представится необходимости развивать ученіе, но вы предоставите фактамъ говорить за себя. Вы приведете въ примѣръ народную организацію, введенную въ вел. княжествѣ Финляндскомъ, Бессарабіи и царствѣ Польскомъ, и вы это приведете не какъ примѣръ, которому надо слѣдовать, но какъ неоспоримое доказательство возможности соединить родъ правительства, котораго требуетъ настоящее время, съ правилами порядка и дисциплины, которыя одни могутъ обезпечить прочность учрежденій.

Исходя съ этой точки зрѣнія, вамъ будетъ легко доказать, что я не придерживаюсь крайнимъ мнѣніямъ, и во всемъ что я дѣлалъ, я

Au reste, la sagesse de mes Alliés et Frères d'armes, ne me permettra jamais de concevoir une semblable appréhension, et ils pensent comme moi, j'en suis certain, qu'affermir le système cimenté par les transactions existantes, le préserver de toute atteinte, l'environner des plus solides garanties, est pour tous les Gouvernemens le plus sacré de tous les devoirs.

Telles sont les considérations, dont Vous Vous pénétrerez, Général, et que je Vous invite à ne jamais perdre de vue.

Elles Vous serviront de guides dans Vos observations comme dans Votre langage. Ce sera une manière sûre pour Vous, de rendre celui que Vous tiendrez, conforme aux maximes professées par la Cour de Russie.

Ces maximes se réduisent à une seule: Respecter et faire respecter la foi des traités et l'autorité des principes qu' ils consacrent.

C'est par conséquent le maintien inviolable de l'état de possession actuel, qui constitue pour nous l'essence des obligations, ainsi que celle des droits, dans l'ordre politique.

Et c'est l'application religieuse des préceptes proclamés par l'acte du $\frac{14}{26}$ septembre 1815, qui dirige invariablement notre conduite dans l'ordre moral.

Toutes les fois donc, que Vous Vous verrez dans la nécessité d'émettre un avis sur les questions qui ont trait aux rapports intérieurs des différens Etats, Votre unique soin sera, de me montrer sans déguisement, tel que les actes de mon administration me présentent.

Je dois approuver chez les autres, ce que j'ai crû devoir faire chez moi, et

прилагалъ одинаковыя старанія оставаться чуждымъ, какъ теоріямъ этой притворной либеральности, которая порождаетъ лишь анархію и мятежи, такъ и догматамъ неограниченной и произвольной власти, которая ведетъ другимъ путемъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ. .

Я объяснился съ вами, генералъ, откровенно, и такъ какъ я увѣренъ, что вы вполнѣ оправдаете мое довѣріе, то и всецѣло выразилъ мою мысль.

Пользуйтесь этими инструкціями, когда того потребуютъ обстоятельства; но не ищите и не вызывайте случая, въ которомъ бы вамъ могли служить объясненія, въ которыя я вдался.

Исполняя мои приказанія съ свойственнымъ вамъ умѣньемъ, вы окажете дѣйствительную услугу Россіи, и пріобрѣтете новыя права на мое уваженіе. За симъ я молю Бога, господинъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, чтобъ Онъ имѣлъ васъ подъ своимъ покровительствомъ.

С.-Петербургъ 10 апрѣля 1820 г. Александръ.

II.

Письмо императора Александра I къ французскому королю.

Государь мой братъ. Я чувствовалъ потребность заявить вашему

---

pour énoncer mon opinion, Vous n'aurez pas besoin de développer une doctrine, mais Vous laisserez parler les faits. Vous citerez l'organisation nationale donnée au Grand-Duché de Finlande, à la Bessarabie, au Royaume de Pologne, et Vous ne la citerez point comme exemple à suivre, mais comme preuve incontestable de la possibilité d'unir le mode de Gouvernement voulu par le siècle, aux principes d'ordre et de discipline qui seuls assurent la durée des institutions.

Partant de là, il Vous sera facile de prouver, que les opinions extrêmes ne sont jamais celles que j'adopte, et que, dans ce que j'ai fait, je me suis appliqué avec un soin égal, à rester étranger et aux théories de cette prétendue libérálité qui n'enfante que l'anarchie et les troubles, et aux dogmes du pouvoir absolu et arbitraire qui mène par une autre voie aux même conséquences.

Je viens, Général, de m'expliquer avec Vous, sans réserve; et comme je suis sûr que Vous justifierez ma confiance, je Vous ai exprimé ma pensée toute entière.

Faites usage de ces instructions lorsque Vous y serez appelé par les circonstances; mais sans rechercher ni provoquer les occasions, où les développemens dans lesquels je suis entré, pourront Vous servir.

En exécutant mes ordres avec la sagacité qui Vous distingue, Vous aurez rendu un service réel à la Russie et acquis de nouveaux titres à mon estime.

Sur ce je prie Dieu, Monsier l'Aide-de-Camp Général Comte de Schouwaloff, qu'il Vous ait en sa sainte garde. Alexandre.

St: Petersbourg le 10 Avril 1820.

величеству то участіе, которое я принялъ въ вашей законной печали и при первомъ извѣстіи ужаснаго покушенія, которое погрузило въ трауръ августѣйшее семейство вашего величества, я вамъ выразилъ мое глубокое сочувствіе; ваше письмо, государь, застаетъ меня тѣмъ, какимъ я былъ тогда: исполненный той горести, въ которую повергло васъ это роковое событіе.

Провидѣніе посылаетъ намъ часто жестокія испытанія. Да пошлетъ оно вамъ свое божественное милосердіе, государь, и силу перенести несчастіе, которое я оплакиваю съ вами, и да загладитъ оно его обильными благословеніями. Прошу васъ, ваше величество, вѣрить въ искренность этого желанія. Мой генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, которому поручаю это письмо, повторитъ его вашему величеству и передастъ вамъ чувства глубокаго уваженія и неизмѣнной дружбы, съ которыми пребываю.

С.-Петербургъ, 6 апрѣля 1820 года.

Примѣчаніе. На конвертѣ, запечатанномъ императорскою печатью,— адресъ: „à Monsieur l'Aide de Camp Général Comte de Schouwaloff"; а другою рукою: «Гр. Павлу Андреевичу Шувалову». Ред.

II.

Copie d'une lettre de Cabinet au Roi de France.

St: Petersbourg le 6 Avril 1820.

Monsieur mon frère. Témoigner à Votre Majesté la part que j'ai prise à Sa trop légitime affliction étoit un besoin pour moi, et, à la première nouvelle de l'horrible attentat qui a couvert de deuil l'Auguste famille de Votre Majesté, je Lui ai offert l'expression de mes regrêts profondément sentis; Votre lettre, Sire, me retrouve tel que j'étois alors, plein de la douleur que ce funeste événement Vous a inspirée.

La Providence nous réserve souvent à des épreuves cruelles. Puisse Sa divine bonté Vous donner, Sire, la force de supporter le malheur que je déplore avec Vous, et puisse-t-Elle le réparer par d'abondantes bénédictions. Je prie Votre Majesté de croire à la sincérité de ce voeu; mon Aide de-Camp général de Schouwaloff que je charge de la présente, le répétera à Votre Majesté et sera l'interprête des sentimens de haute estime et d'amitié invariable avec lesquels je suis.

Сообщ. графъ А. П. Шуваловъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Сенатскій указъ о сожженіи книги: „Вадимъ", трагедія Княжнина.

1793 г.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ Казанскаго намѣстническаго правленія — Царевококшайскому городничему господину секундъ маіору Булычеву.

Въ указѣ ея императорскаго величества изъ правительствующаго сената въ сіе намѣстническое правленіе напечатано: „правительствующему-де сенату господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ и кавалеръ Александръ Николаевичъ Самойловъ предложилъ, что въ публику вышла книга, напечатанная въ 1793 году подъ названіемъ: Трагедія Вадимъ Новгородскій, сочиненія покойнаго надворнаго совѣтника Якова Княжнина. Въ сей трагедіи помѣщены нѣкоторыя слова, не токмо соблазнъ подающія и къ нарушенію благосостоянія общества, но даже есть израженія противу цѣлости законной власти царей, что усмотритъ правительствующій сенатъ изъ самой той трагедіи. Таковыя дерзкія изрѣченія противны въ началѣ божественнымъ, а потомъ и гражданскимъ законамъ. Священное писаніе глаголетъ: „нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущія власти отъ Бога учинены суть; тѣмъ же противляяйся власти — Божію повелѣнію противляется". Гражданскія законоположенія на тотъ конецъ расположены, чтобъ каждому видѣти все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія и охраняется ими какъ общая, такъ и личная каждаго безопасность. Пекущаяся о семъ всемилостивѣйшая наша государыня и матерь отечества доказываетъ ежедневными опытами, воздая всегда заслугѣ должное, отвращая всякое и малѣйшее отъ вѣрноподданныхъ ея утѣсненія и соединяя праведный свой судъ съ милостію. Правительствующій сенатъ, яко хранилище законовъ и исполняющій велѣ-

нія ея императорскаго величества, болѣе другихъ о томъ извѣстенъ и какъ, по тѣмъ же самымъ спасительнымъ ея величества законамъ, постановлено всякое поползновеніе, клонящееся къ нарушенію безопасности общей и частной удалять и истреблять, посему во основаніе принятому истинному правилу, неблагоугодно-ли будетъ правительствующему сенату сію вышедшую, столь съ дерзкими словами, трагедію разсмотрѣть и сдѣлать объ ней надлежащее рѣшеніе“.

И ея императорскаго величества правительствующій сенатъ приказали:“ оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями, а потому въ обществѣ Россійской имперіи не терпимую — сжечь въ здѣшнемъ столичномъ городѣ публично, чего для и отослать ее въ С.-Петербургское губернское правленіе при указѣ и чтобъ отъ управы благочинія обывателямъ объявить, дабы они, кто бы у себя означенную книгу ни имѣлъ, тотчасъ представили оную въ губернское правленіе, съ таковымъ подтвержденіемъ, что если кто утаитъ и не представитъ оную, тотъ подвергаетъ себя сужденію по законамъ; а какъ быть можетъ, что оная книга нетокмо въ Москвѣ, но и въ прочихъ губерніяхъ уже распространилась, то московскому губернскому и намѣстническимъ правленіямъ предписать, дабы и они, равнымъ образомъ, отъ таковыхъ, кто оныя имѣетъ, отобравъ доставили бы немедленно въ сенатъ, для истребленія оныхъ“.

Для того казанское намѣстническое правленіе приказали: о полученіи указа правительствующему сенату донесть рапортомъ, губерніи-жъ Казанской городничимъ и въ нижніе земскіе суды съ прописаніемъ онаго указа къ надлежащему исполненію послать указы, предписавъ въ оныхъ...

Примѣчаніе. Конецъ указа оторванъ; вся бумага очень ветхая, писана на полулистѣ крупнымъ почеркомъ, писцомъ весьма безграмотнымъ. Правописаніе мы возстановили нынѣшнее. Въ верху помѣта: «10 февраля. По секрету. 320». сбоку; «14». Этотъ документъ сообщенъ намъ въ подлинникѣ А. Г. Пупаревымъ; копія съ него была имъ-же доставлена акад. Я. К. Гроту который напечаталъ этотъ документъ въ одной изъ своихъ статей. Перепечатавъ съ изд. 1793 г. всю трагедію «Вадимъ», мы считаемъ не лишнимъ напомнить и указъ ее уничтожившій Ред.

Императоръ Александръ Павловичъ въ Угорской Руси.

1821.

На сѣверѣ Венгріи, по южному склону Карпатскихъ горъ живетъ до полмилліона русскихъ, которыхъ называютъ русняками, какъ русскихъ Галиціи русинами, но которые сами себя называютъ просто русскими. Мы тѣмъ болѣе должны оставить имъ послѣднее названіе, что они сами считаютъ себя единокровнымъ и даже единовѣрнымъ народомъ съ русскими нашего великаго отечества. Я сказалъ, что

угорскіе русскіе считаютъ себя единовѣрцами русскихъ Великой Россіи: это пожалуй такъ, а пожалуй и не такъ. Угорскіе русскіе имѣютъ богослуженіе по восточному обряду на славянскомъ языкѣ, даже по тѣмъ книгамъ, которые печатаются у насъ въ Кіевѣ, а между тѣмъ состоятъ въ уніи съ римскою церковью. Это не странно, но странно то, что этой уніи они никогда не заключали: эта унія жила и даже доселѣ живетъ безъ вѣдома цѣлаго народа, который никакъ не соглашается называть себя католическимъ, но зоветъ себя православнымъ; который ни за что не пойдетъ въ латинскую церковь, но всегда въ свою, а при недостаткѣ своей въ греческую, румынскую или сербскую; который никакъ недозволитъ, чтобы его новорожденнаго крестилъ, а умершаго похоронилъ латинскій священникъ, но онъ безъ всякаго сомнѣнія то и другое довѣритъ сербскому, румынскому, греческому православному священнику.

И этотъ народъ теперь мадьяры, преслѣдуя свои цѣли мадьяризаціи, хотятъ заставить войти въ фактическую унію съ латинскою церковью, заставить его забыть свое богослуженіе и, безъ этой опоры языка, заставить забыть и свой языкъ и свое родство съ русскимъ народомъ!

И увы! что русскіе угорщины теперь въ такомъ стѣсненномъ положеніи—въ этомъ не безъ вины и мы, русскіе Великой Россіи. Австрія записала угорскихъ русскихъ окончательно въ число унитовъ только со времени вѣнскаго трактата, 1815 года. До этого времени народъ русскій самъ выбиралъ своихъ епископовъ, а потому бывало, что онъ выбиралъ такихъ, которые вовсе не хотѣли, чтобы ихъ посвящалъ какой-нибудь латинскій архіепископъ, а ихъ посвящали или румынскіе православные митрополиты, или даже православные епископы Подоліи; только нѣкоторымъ удавалось проскользать такимъ, которые вступали въ открытую связь съ папой. Но со временъ священнаго союза угорскій русскій народъ потерялъ право выбирать своихъ епископовъ, и получалъ ихъ уже готовыми изъ рукъ австрійскаго императора. Отселѣ угорскіе русскіе явились уже записанными унитами, хотя и не называютъ и не хотятъ называть себя сами такими.

Я счелъ не лишнимъ предпослать эти замѣчанія, чтобы передать здѣсь одно воспоминаніе о посѣщеніи Угорской Руси императоромъ Александромъ I, записанное мадьярскимъ писателемъ Францемъ Казинци въ одномъ изъ его писемъ, изданныхъ Павломъ Семере подъ заглавіемъ: Kazinczy Ferencz levelei, Közli Szemere Pál *).

*) Воспоминаніе это мною заимствовано изъ угорской газеты Свѣтъ № 1, 1871. Н. К.

„1821 года 18 мая царь Александръ прибылъ въ Ягры; архіепископъ ожидалъ его у лѣстницы своего дома. Царь былъ утомленъ и не говоря ни съ кѣмъ, отправился прямо въ спальню. Архіепископа не пустили къ нему. За ужиномъ архіепископъ говорилъ: "сожалѣю, что царь не можетъ отвѣдать болотенской рыбы„. Князь Волконскій вскочилъ и сказалъ: „отложите для меня! съѣмъ на дорогѣ„, Въ Мишколцахъ съѣлъ.

„На другой день утромъ вошелъ къ царю архіепископъ.

— "Вселяйте благочестіе въ сердца вашихъ прихожанъ, сказалъ ему царь по-нѣмецки; увѣряю васъ, никакая власть не въ силахъ удалить зло, которое угрожаетъ Европѣ, если вы со всѣмъ усердіемъ не постараетесь о обученіи паствы катехизису. Съ того времени, какъ Вольтеръ и Руссо подняли свои головы, всѣ питаются духомъ Людовика (sic), всѣ толкуютъ о свободѣ, не имѣя понятія о свободѣ". Больше ничего не могли мнѣ сказать объ этомъ разговорѣ.

19 мая царь остановился въ Городнѣ—село между городами Мишколцы и Кошицы, и пошелъ чрезъ русскій приходъ къ церкви. Извѣстили о томъ священника, бывшаго въ то время въ домѣ лѣсничаго, откуда онъ хотѣлъ видѣть проѣзжавшихъ. Священникъ скоро побѣжалъ къ церкви.

— Кто вы? спросилъ царь, потому что священникъ предсталъ предъ нимъ въ бѣломъ камзолѣ и сюртукѣ.

— Я приходскій священникъ.

Одежда священника привела царя въ сомнѣніе.

— Священникъ?

— Да.

— Православный?

Тутъ священникъ задумался и по короткомъ размышленіи заблагоразсудилъ назвать себя православнымъ, ибо suo senso и былъ такимъ.

Тогда царь руку священника, которую все держалъ въ своихъ рукахъ, скоро поднесъ и, сказавъ: благослови отче! поцѣловалъ ее.

— Какъ живутъ здѣсь русскіе? спросилъ царь по-нѣмецки.

Священникъ по-русски отвѣчалъ:

— Изъ Азіи пришедшій народъ (мадьяры) напалъ здѣсь на русскихъ (славянъ) съ остатками Рима; мы впрочемъ сохранили свой языкъ и вѣру, но умѣемъ и по-мадьярски.

— И на какомъ языкѣ отправляется тутъ богослуженіе?

Царь говорилъ больше по-нѣмецки, священникъ же, Антоній Балаши, по-русски, хотя онъ зналъ и по-нѣмецки.

— И разумѣетъ народъ богослужебный языкъ?

— Разумѣетъ, ибо съ дѣтства молится по-русски.

— Имѣете книги?

Книги были изодраныя, потому что народъ здѣсь убогій; но священникъ съ удовольствіемъ показывалъ на заглавномъ листѣ книгъ имена Кіева и царевой бабки; а царь съ наслажденіемъ разсматривалъ это.

Наконецъ царь сдѣлалъ поклонъ предъ престоломъ и выходя изъ церкви увидѣлъ толпу собравшихся мужчинъ и женщинъ. Царь началъ говорить съ женщинами, предлагая имъ вопросы:

— Когда создана церковь? Почему нѣтъ колокольни?

— Не имѣемъ денегъ, былъ отвѣтъ.

— Богъ дастъ!

Съ этимъ онъ сѣлъ въ повозку, открылъ сундучекъ и взявъ оттуда 100 червонцевъ, передалъ ихъ въ пользу церкви.

— Пошолъ! сказалъ кучеру. А такъ какъ кучеръ не могъ скоро двинуться, то священникъ, пользуясь временемъ, наизусть прочиталъ благодарственную молитву требника.

Сейпгаломъ, 27 января 1822 года. Что́ слышалъ изъ устъ городнянскаго священника, то и передаю. Францъ Казинци.

Пестъ. 31 января 1871. Протоіерей К. Кустодіевъ.

Есаулъ Евлампій Кательниковъ *).

I.

Войска донскаго войсковому атаману господину генералъ-лейтенанту Иловайскому 1-му. Извѣстный вашему превосходительству есаулъ Евлампій Кательниковъ, которой писалъ противно истинно православной христіанской религіи, во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ убѣдясь въ своемъ заблужденіи раскаялся и во удостовѣреніе сего далъ въ томъ подписку, въ подлинникѣ при семъ къ вамъ препровождаемую.

Въ слѣдствіе сего, по высочайшему соизволенію, онъ, Кательниковъ отправляется обратно на Донъ и явится къ вашему превосходительству.

Его императорскому величеству угодно, чтобы вы предоставили ему Кательникову свободное съ его семействомъ жительство и при-

*) Есаулъ Евлампій Кательниковъ былъ основатель секты духоносцевъ на Дону. Послѣ бесѣдъ съ Аракчеевымъ и юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ онъ обратился въ православіе, но затѣмъ опять впалъ въ расколъ; умеръ въ Соловкахъ около 1854 года. Ред.

томъ наблюдали, дабы не было ему оказываемо посмѣянія или какого либо притесненія.

Сію монаршую волю объявляю вашему превосходительству для надлежащаго исполненія.

Генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ.

№ 1715-й. Село Грузино 28 декабря 1824 года.

II.

„Азъ, есаулъ Евлампій Никифоровъ Кательниковъ, вижду и исповѣдаюсь отъ всея души и отъ всего сердца, что запятъ былъ зміемъ древнимъ діаволомъ льстецомъ и убійцею рода человѣческаго, и подъ видомъ добра, впалъ въ прелесть діавола; отъ сего не избѣжали многіе изъ св. великихъ угодниковъ божіихъ и опослѣ покаялися и съ бо́льшею ревностію на врага своего діавола вооружились и на всю его силу вражію. Тако и азъ недостойный рабъ Іисуса Христа, Евлампій познавъ мое заблужденіе и прегрѣшеніе нынѣ, каюся и жалѣю о томъ и все свое написаніе книгу „Начатки съ богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ“ съ записками при оной приложенными отвергаю и всѣ мнѣнія въ ней, ложныя толкованія, мудрованія, восхищенія, видѣнія, вдохновенія и духовъ явленія, противныя сей православной церкви, по моему же понятію мнѣ случившіяся, отвергаю и проклинаю и всѣ книги противныя правой вѣрѣ для прелести изданныя какъ то: книгу воззванія и проч. съ ихъ ложнымъ ученіемъ отвергаю и проклинаю. Предъ Богомъ же и св. церковію исповѣдаю, что азъ теперь есть и буду сынъ св. и православныя церкви и вѣрѣ истинной и послушной; вѣрую же и исповѣдаю все такъ, какъ учитъ мать наша св. восточная церковь и содержу и буду содержать, якоже она предала и научила и ея ученіе содержится во святой церквѣ, въ чемъ мнѣ быть и пребыть вовѣки. Молю у Господа, да пошлетъ мнѣ свою благодать и силу. Аминь. И сіе мое исповѣданіе и обѣщаніе на выпискѣ изъ книги „Остраго серпа“ моею рукою написалъ и подписалъ есаулъ Евлампій Никифоровъ Кательниковъ. 1824 года, декабря 19 дня.

Сообщ. А. А. Карасевъ.

Поправка: О столѣтнемъ юбилеѣ гр. М. А. Милорадовича. Въ замѣткѣ по этому поводу, на стр. 794-й, III-го тома «Русской Старины», вкралась грубая опечатка: напечатано 1770 г. и 1870 г. читай: рожденіе графа М. А. Милорадовича—1 октября 1771 г., столѣтній юбилей дня его рожденія—1-го октября 1871 г. Ред.

настоящая же книга принесетъ огромную пользу народу. Нельзя не быть благодарнымъ нашему талантливому педагогу за его труды, въ высшей степени полезные для дѣла народнаго образованія.

«Книга для чтенія въ народныхъ школахъ» содержитъ въ себѣ резсказы для первоначальнаго ознакомленія съ окружающимъ міромъ: элементарные очерки изъ естественной исторіи, изъ географіи и этнографіи Россіи; разсказы о важнѣйшихъ промыслахъ, о нѣкоторыхъ лицахъ, обычаяхъ и событіяхъ древней русской жизни, также повѣсти, сказки, стихотворенія, собраніе пословицъ, загадокъ и пр. Изъ естественной исторіи мы находимъ тутъ разсказы о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ и болѣе легкія статейки по физикѣ. Въ расположеніи какъ этихъ, такъ и другихъ статей видна строгая постепенность и система. Тѣ, кто желаютъ, чтобы въ народной школѣ преподавались лишь чтенье и письмо, будутъ недовольны такою широкою программою, но истинные друзья народа могутъ только радоваться этому, тѣмъ болѣе, что все изложеніе В. И. Водовозова въ высшей степени просто и доступно.

«Книга для учителей» (она продается отдѣльно) содержитъ: Объясненія на каждую изъ статей «Книги для чтенія», касающіяся пріемовъ наглядного обученія, содержанія, языка и слога. Упражненія въ правописаніи и элементарный курсъ русской грамматики. Упражненія въ составленіи плана сочиненія и элементарныя объясненія главнѣйшихъ формъ его. Упражненія въ черченіи и проч. Кромѣ того учитель найдетъ тутъ множество практическихъ указаній о приготовленіи простѣйшимъ образомъ самыхъ элементарныхъ наглядныхъ пособій.

Книга эта весьма поможетъ трудному дѣлу народнаго учителя.

Желаемъ отъ всей души наибольшаго распространенія книгъ г. Водовозова: результатомъ этого будетъ распространеніе необходимыхъ научныхъ свѣденій въ народѣ и здравыхъ педагогическихъ понятій въ средѣ народныхъ учителей.

О первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго братства. Посвящается Кіевской Духовной Академіи. 28 Сентября 1869 года. Кіевъ. 1869. стр. 40.

Брошюра принадлежитъ перу почтеннаго быв. проф. Максимовича; написана имъ ко дню 50-лѣтняго юбилея Кіевской духовной академіи 28 Сентября 1869 года, и, подобно всѣмъ историческимъ изысканіямъ бывшаго перваго и славнаго ректора Кіевскаго Университета Св. Владиміра, отличается тщательною разработкою матеріаловъ, доселѣ неизвѣстныхъ. Статья эта вомногомъ дополняетъ, разъясняетъ и исправляетъ прежде изданныя свѣдѣнія о Кіевской духовной Академіи, въ трудахъ о. Макарія Булгакова (нынѣ Архіепископъ Литовскій): Исторіи Кіевской Академіи, изд. 1843 г. и въ соч. Аскоченскаго: «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею». К. 1856 г.

Историческій Очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи составилъ А. И. Хаменко. Черниговъ. 1870. 126 стр.

Это оттискъ изъ отчета Межевой Палаты за 1869 годъ. Историческій очеркъ обнимаетъ всю исторію межевыхъ учрежденій, до настоящаго времени, но преимущественно останавливается на межеваніи въ Малороссіи по статуту Литовскому, изъ котораго 22 стр. занимаютъ выписки изъ артикуловъ. Не смотря на свою спеціальность, сочиненіе г. Хаменко имѣетъ интересъ для занимающихся исторіею южной Руси.

Бесѣды въ обществѣ любителей Россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Вып. 3-й М. 1871.

Здѣсь впервые вполнѣ напечатано извѣстное письмо Ломоносова къ И. П. Шувалову: «О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа»; до сихъ поръ мы знали его съ значительными пропусками.

Въ числѣ прочихъ матерьяловъ, мы имѣли очень хорошій списокъ съ этого замѣчательнаго произведенія геніальнаго Ломоносова и если не напечатали его на страницахъ «Русской Старины», то только потому, что своевременно узнали о приготовленіи его къ печати почтенною редакціею «Бесѣды въ общ. люб. Рос. Слов».

Весьма также интересны, помѣщенные въ томъ же выпускѣ, «Матеріалы для истор. русской цензуры» (въ царствованіе имп. Александра I), сообщенные **П. К. Щебальскимъ**. Особенно любопытны тутъ, борьба съ цензурою періодическаго изданія «**Духа Журналовъ**» (1815—1820 г.); отказъ цензуры Александру Бестужеву на просьбу издавать въ 1819 г. журналъ; замѣчанія цензора Красовскаго на стихотвореніе Олина (1823 г). — Что касается до любопытнаго письма Шишкова, гдѣ онъ сообщаетъ о рѣшеніи принятомъ Россійскою Академіею по поводу рецензіи Греча на Академическую грамматику, то перепечатывать его едва ли было нужно, такъ какъ письмо уже напечатано г. Сухомлиновымъ въ его статьяхъ «Матерьялы для исторіи просвѣщенія въ царствованіе Александра I-го» (въ Ж. М. Н. Пр. 1865 — 1866 гг).

Любопытны также: «Случай изъ цензурной практики» (1825 г). и дѣло о запрещеніи Синодомъ, по требованію Митр. Филарета, свящ. Краснацвѣтова: «Библейская исторія въ пользу дѣтей» (1838 г). Вообще «Бесѣды въ Обществѣ любителей Россійской словесности», съ каждымъ выпускомъ дѣлаются интереснѣе и мы не можемъ не обратить вниманія любителей исторіи отечественной литературы на это изданіе: въ немъ, какъ видно изъ этого уже выпуска, читатель найдетъ много любопытнаго.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1871 г., второй годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктпетербургѣ и Москвѣ**, — **семь рублей** за весь годъ, т.-е. за 12 книгъ.

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30)**; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и въ д. Трута.**

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому**: въ **С.-Петербургѣ, Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 13.**

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. **записокъ Болотова, Добрынина, Лагарпа, М. А. Бестужева**, и архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова**, кн. **Щербатова**, кн. **Куракиныхъ**, гр. **Стакельбергова**, свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина**, — записки: гр. **Г. П. Чернышова**, адмир. **Колзакова**, зап. **И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго** (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго**, кн. **Барклай-де-Толли**, кн. **А. А. Шаховскаго**, парниз. **Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева; В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); поч. дейбъ-хирур. **Д. К. Тарасова**, ак. жив. **А. В. Ступина** (1776—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича**; зап. **Н. И. Греча** (біографія **Ѳ. В. Булгарина**); зап. **А. В. Никитенко, И. И. Свѣзева**; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; біографія А. Н. Сѣрова, состав. **В. В. Стасовымъ**; записки **А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); **Н. В. Берга**: воспомин. о Гоголѣ; и др. Письма **А. П. Волынскаго** (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачёвщинѣ—**А. Г. Пупарева**; письма гр. **Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II**; письма императоровъ: **Павла I, Александра I**, цесар. **Константина**; императр. **Елизаветы Алексѣевны; Кулибина**; гр. **Аракчеева**, кн. **Васильчикова**, гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова**, мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**, письма графа **Толя** (1831 г.); 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховит.**; неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Козлова, Рылѣева, Пушкина**, архит. **Витберга**; проекты и статьи **В. Н. Каразина**; сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина. П. К. Щебальскаго**; статьи: профес. **И. Д. Бѣляева** и **Н. С. Тихонравова. Г. Н. Геннади**, кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, П. А. Степанова, Н. П. Дурова, А. Н. Неустроева.** Сообщ. **П. А. Муханова**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе**, гр. **Э. К. Ламскаго**, кн. **Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича**, бар. **Ѳ. А. Бюллера, М. Ѳ. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ** и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго **князя Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, **генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.**

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. АВГУСТЪ. 1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Гавріила Ивановича Добрынина, 1752 — 1823 гг. Часть вторая, 1777—1778 гг. Сообщ. А. П. Стороженко и Л. Н. Антроповъ 1

II. Моя боевая жизнь. Записки войска донскаго генералъ-лейтенанта Якова Петрова Василанова: 1863—1866 гг.: пребываніе въ Сѣверозападной Россіи во время польскаго мятежа . . 154

III. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Кто былъ Гедиминъ? замѣтка А. И. Никитскаго (162). 2. Народное преданіе о Брюсѣ, разсказъ М. В. Чистякова (167) 3. Кохъ, дипломатъ русскаго двора въ XVIII-мъ столѣтіи, замѣтка Н. Варышникова (171).

IV. О мѣстѣ сооруженія памятника А. С. Пушкину. Письмо въ редакцію «Русской Старины» Ф. Шатова 173

V. Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ второй, ч. XII: письма 119—124: Бытъ русскаго дворянства въ XVIII-мъ столѣтіи. 1768—1769 гг.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Портретъ **А. Л. Витберга**, рисунокъ проектированнаго имъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ въ память 1812 г., равно **портреты и снимки съ писемъ** проч. замѣчат. русскихъ дѣятелей будутъ помѣщаемы при послѣдующихъ книгахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1871.

VIII-я книга «Русской Старины» вышла 1-го августа.

О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода. (988—1738 гг.). Изъ опытовъ изслѣдованія въ исторіи русскаго права, свящ. М. Горчакова, Спб. 1871 г. 558 и 251 стр. Ц. 3 р.

Г. Горчаковъ избралъ задачею своей докторской диссертаціи часть обширнаго вопроса о земельныхъ владѣніяхъ россійскаго духовенства, который до него разработывалъ уже Владиміръ Милютинъ (см Ч. О. И. Д. Р. 1859—1861 г.). Трудъ свой авторъ довелъ лишь до 1738 г., т. е. до передачи синодальныхъ вотчинъ въ вѣдомство Коллегіи Экономіи. Несмотря на то, что так. обр. авторъ довольно тѣсными границами обвелъ область своего изслѣдованія, его диссертація значительно выдается изъ ряда столь многочисленныхъ у насъ сухихъ трудовъ по различнымъ мелкимъ вопросамъ нашей исторіи. Значительный интересъ этому труду придаетъ какъ большое количество новыхъ матеріаловъ, на которыхъ онъ основанъ и которыхъ очень много напечатано въ обширномъ приложеніи, такъ и довольно большія отступленія автора для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ по исторіи русской церкви, права и финансовъ. Какъ на одно изъ интереснѣйшихъ отступленій, укажемъ на подробный разборъ сложившейся въ древней Руси теоріи о неподвижности или неотчуждаемости церковныхъ имуществъ. Авторъ доказываетъ, что «въ законодательствѣ вселенской церкви нѣтъ твердыхъ и прямыхъ основаній для защиты неотчуждаемости церковныхъ земель.» (стр. 157). Далѣе авторъ говоритъ: «Эта теорія имѣла вліяніе на перемѣну отношеній государства къ церковнымъ землямъ, установленіямъ, властямъ и къ самой церкви. Государство до XVI в. не только не считало противнымъ интересамъ государства и общества увеличеніе церковныхъ земель, но и содѣйствовало ему; теперь же государство убѣдилось, что переходъ многихъ земель въ неотчуждаемую собственность церковныхъ установленій лишаетъ общество—имѣть эти земли въ обращеніи и слѣдов. ослабляетъ развитіе гражданской власти и отношеній; потому оно приняло мѣры къ прекращенію увеличенія духовныхъ земель какимъ бы то ни было способомъ. Иначе стало относиться государство и къ наличнымъ церковнымъ землямъ. Повидимому, теорія неотчуждаемости ограничила вліяніе государства на распоряженіе имуществами церквей; но на самомъ дѣлѣ она открыла возможность государству усилить свое вліяніе не только на управленіе имуществами церковныхъ установленій, но чрезъ нихъ на самое духовное управленіе и на представителей его». (стр. 167). Особенно интересны также всѣ тѣ части книги, гдѣ авторъ говоритъ о положеніи крестьянъ, бывшихъ на земляхъ митрополичьихъ (затѣмъ патріаршихъ и синодальныхъ). Интересны также разсужденія автора о значеніи круговой поруки въ XVII в. (стр. 486—487) и измѣненіи этого значенія въ XVIII в. (547—548 стр).—и многія другія мѣста книги. Въ введеніи авторъ дѣлаетъ обстоятельный разборъ источниковъ и отчасти пособій, а затѣмъ въ каждомъ отдѣлѣ труда указана обширная литература предмета, едва ли не исчерпывающая всѣ труды по исторіи русской церкви, права, финансовъ и т. п. Это дѣлаетъ книгу весьма полезною и не для тѣхъ только, кто будетъ заниматься вопросомъ о земельныхъ владѣніяхъ нашего духовенства.

Военно-статистическій Сборникъ. Выпускъ IV: Россія. Составленъ офицерами Генеральнаго Штаба подъ общею редакціею Н. Н. Обручева. Спб. 1871 г. XXX, 922 и 235. съ прилож. 36 картъ. Ц. 2 р.

Этотъ превосходный трудъ даетъ гораздо болѣе, чѣмъ можно ожидать по его заглавію: военная статистика занимаетъ въ немъ лишь 2-й отдѣлъ въ 235 стр., первый же отдѣлъ въ 922 стр. весь занятъ общею статистикою Россіи. Свѣдѣнія въ этомъ сборникѣ самыя новыя; источниками для составителей послужили не только всѣ предшествовавшіе статистическіе труды, но въ огромномъ количествѣ и неизданные еще оффиціальные отчеты и труды частныхъ лицъ. Такимъ образомъ это трудъ вполнѣ самостоятельный; въ возможно сжатой формѣ онъ представляетъ огромный матеріалъ свѣдѣній о государственномъ устройствѣ, народонаселеніи, землевладѣніи, сельскомъ хозяйствѣ, горномъ промыслѣ, мануфактурной промышленности, путяхъ сообщенія, торговлѣ, финансахъ, кредитѣ, народномъ образованіи, нравственности и наконецъ свѣдѣнія о нашей арміи, флотѣ, крѣпостяхъ и военномъ управленіи. Изъ предисловія составителей видно, съ какими трудностями приходилось имъ бороться при приведеніи въ порядокъ огромнаго количества матеріала.

Прекраснымъ пособіемъ служитъ приложеніе изъ 36 картъ, въ которыхъ графически изображено: Относительно населенія: населенность, отношеніе половъ, рождаемость, число незаконнорожденныхъ, смертность, браки, приращенія населенія, распредѣленіе по исповѣданіямъ и племенамъ и т. д. Относительно землевладѣнія: распредѣленіе крупнаго землевладѣнія, размѣръ душевыхъ надѣловъ. По сельскому хозяйству: количество пахатной и луговой земли, лѣсовъ, средніе урожаи и т. д. Еще есть статистическіе выводы по скотоводству, промышленности, торговлѣ, распредѣленію преступленій, рекрутскимъ наборамъ и проч.

(смотр. окончаніе на оберткѣ).

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1823.

---

§ XXXV*).

Въѣздъ въ Могилевъ, открытіе намѣстничества и вступленіе въ должность.

Тако мнѣ шествующу, въ спокойствіи и тревогѣ, чрезъ разстояніе ста верстъ, напослѣдокъ показались возвышенныя мѣста и зданія града Могилева. Уже великія каменныя новоздѣланныя врата, называемыя Быховскія, предстали, при концѣ почтовой аллеи и при началѣ города, моему взору; уже вмѣстили они въ свои стѣны проѣзжавшую мою колесницу, произвели съ нею глухой стукъ и открыли улицу. Уже я почти забылъ горестное приключеніе утки, и начиналъ мечтать, что я древній римлянинъ, которому, при въѣздѣ въ Римъ, позволенъ, по крайней мѣрѣ, «малой тріумфъ», хотя, въ досадѣ мнѣ, ни одинъ изъ проходящихъ по улицамъ не интересовался знать, существую-ли я на свѣтѣ.

Я достигъ квартиры Луцевина. Онъ принялъ меня по-дру-

*) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что какъ изъ настоящей главы, такъ XXXI, XXXVI—XXXVIII главъ отрывки были напечатаны въ «Виленскомъ орникѣ» 1869 г. Приведенные впрочемъ тамъ отрывки весьма не велики, большими перерывами и мѣстами даже съ подновленнымъ слогомъ. Само бою разумѣется, что мы печатаемъ безъ малѣйшихъ пропусковъ и отнюдь не зволяемъ себѣ измѣнять ни единаго слова въ подлинной рукописи, съ которой печатаемъ «Истинное повѣствованіе» Добрынина. **Ред.**

жески; и мы вселились въ одну коморку, и составили одинъ столъ изъ двухъ половинъ.

Къ открытію намѣстничества собрано уже было въ городъ со всей губерніи шляхетство*). Уже вышелъ отъ государева намѣстника графа Чернышева церемоніалъ. Вездѣ его читали, и каждой день ожидали открытія намѣстничества, но не знали: когда?

Поелику и Луцевинъ былъ назначенъ по росписанію на протоколистскую ваканцію, въ намѣстническое же правленіе, то и ежедневной нашъ путь туда и оттуда былъ совмѣстенъ**). Наша опрятность — ежели не больше что — привлекала намъ знакомство со многими, и мы старались показаться того достойными. Все въ городѣ шумѣло, многіе суетились и никто ничего не дѣлалъ, выключивъ немногихъ, напримѣръ:

Графъ Чернышевъ занимался трудомъ достойнымъ цѣли великія государыни.

Генеральсъ-адъютантъ Вязмитиновъ старался неусыпно, и по службѣ и безъ службы, угождать вспыльчивости графа и самонравію графини. И за этотъ трудъ и терпѣніе, никого они столько не гоняли какъ его; ни къ кому столько не имѣли довѣренности, какъ къ нему; и ни въ кого столько влюблены не были, какъ въ него.

Г. Гамалѣя, правитель канцеляріи по части гражданской, сѣдѣлъ непрерывно надъ бумагами и, будучи латинской грамматикъ, старался не пропустить ни коммы, ни точки, ни запятой.

Секретарь Ключаревъ занимался усовершенствованіемъ наклонность свою къ театральному таланту, и часто являлся къ Вязмитинову на пробу.

Г. Нагаткинъ, генералъ-аудиторъ-лейтенантъ, не боялся крика и гнѣва ни графа, ни графини; вездѣ гдѣ хотѣлъ шатался. У себя съ другими и самъ у другихъ обѣдывалъ, ужиналъ, а

*) Графъ уже пріѣхалъ, и я увѣдомилъ, по условію, рогачевскаго коменданта. Но любезной Плецъ не продолжилъ со мною своихъ переписокъ. Онъ вскорѣ умеръ, не старѣ лѣтъ 38-ми. Г. Д.

**) Хотя присутствіе намѣстническаго правленія не было еще открыто, однако-жъ чиновники и канцелярія переведены уже были въ новой корпусъ строенія; и тамъ отправляли дѣла по старому еще обряду губернской канцеляріи, а во ожиданіи новаго, все уже уставлено было на своихъ мѣстахъ. Г. Д.

больше того пивалъ, и отрабатывалъ въ мигъ письменныя, по части воинской, дѣла, разговаривая и балагуря со всѣми приходящими къ нему.

Дворянство же, исключая магнатовъ, разсыпавшись по корчмамъ, трактирамъ, ѣло, пило, гуляло и въ карты играло.

А прежней эпохи правитель канцеляріи Алѣевцевъ пилъ сидя дома.

Не будетъ лишнимъ, если я приведу себѣ на память шалости сего не глупаго шалуна, бывшія во время управленія его губернаторскою канцеляріею. Онъ былъ охотникъ гулять, но пилъ мало, потому-что скоро обезсиливалъ отъ вина. Его, въ такихъ случаяхъ, сопровождало общество секретарей и другихъ, находившихся при канцеляріи, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Проситель, на счетъ котораго желало сіе братство попировать, обыкновенно привѣтствовалъ: «здѣлайте меня счастливымъ». Алѣевцевъ другого вина на ту пору не пивалъ, кромѣ шампанскаго, тогда оно дешево было въ Могилевѣ — 1 р. 60 к. бутылка.

Гости не требовали меньше на столъ, какъ дюжинами бутылокъ, а смотря по важности дѣла и достатку просителя, особливо же просящагося въ таможню, ставился на столъ и цѣлой ящикъ. Употребленіе пробочника запрещалось; вмѣсто того щеголяли искусствомъ отбивать горло отъ бутылки объ край стола, или объ столовую ножку; будеже бы отъ которой оно не ровно отбилось, или бутылка трескнула ниже горла, та выбрасывалась за окно и съ виномъ. Алѣевцевъ видѣлъ, что онъ для сего имѣетъ въ секретаряхъ своихъ хорошихъ сотрудниковъ, а по службѣ худыхъ помощниковъ... (въ семъ мѣстѣ надобно взять терпѣніе и ожидать развязки).

Могилевскій архіерей Георгій Конисскій*), мужъ—ему тогда

*) Поправлено изъ «Ковецкій». Кстати напомнимъ главнѣйшіе факты изъ жизни этого замѣчательнаго іерарха русской церкви: Георгій Конисскій р. 1717 г., обучался въ Кіевской академіи, гдѣ потомъ исправлялъ должность ректора и профессора богословія, будучи притомъ архимандритомъ Кіево-братскаго училищнаго монастыря. Въ 1755 г. посвященъ въ бѣлорусскіе епископы. Въ 1757 г. онъ учредилъ въ Могилевѣ семинарію и тогда же завелъ при архіерейскомъ домѣ типографію. Мужество и неутомимая энергія въ оборонѣ православія противъ латинской и уніатской церквей—стяжали Георгію Конисскому славное имя въ лѣтописяхъ Западной Россіи. Къ числу многихъ сочиненій, оставленныхъ послѣ себя Конисскимъ, относятъ и «Исторію Русовъ», которая однако, по новѣйшимъ розысканіямъ по сему предмету, оказывается не его пера.—Съ

было за 60 лѣтъ—извѣстной по своимъ достоинствамъ престолу и государству, приѣзжаетъ къ губернатору Мих. Вас. Коховскому и говоритъ: «мой долгъ и самая совѣсть побудили меня пріѣхать къ вашему превосходительству. Алѣевцевъ заводитъ, пачеже и завелъ, масонію и продолжаетъ въ собраніи сей злокозненной секты цѣлыя ночи. Сіе не только соблазнительно для истинныхъ паствы моея христіянъ, но и для Алѣевцева, съ его послѣдователями, душепагубно. «Ни кто же, вжегъ свѣтильникъ, поставляетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да входящіи видятъ свѣтъ». Аще убо дѣла масоновъ непорочны, паче же и полезны, не подобаетъ крытися. Аще же укрываются нощію, убо являютъ, яко дѣла ихъ лукави суть. Сія вашему превосходительству открывая, прошу истребить зло въ самомъ его корнѣ. Аще ли же ни? я обовьязанъ буду донесть святѣйшему сѵноду».

Губернаторъ отвѣчалъ: «Я никогда бы и не подумалъ, чтобы Алѣевцевъ способенъ былъ къ заведенію какой-либо секты. Мнѣ кажется, это не его дѣло. Мы это сейчасъ рѣшимъ».—Позвоня въ колокольчикъ:—«Пошли Алѣевцева».

Алѣевцевъ является.

Губернат.: Какую ты заводишь масонію?

Архіерей: Я доноситель о вашихъ злокозненныхъ дѣяніяхъ; но я вашъ и пастырь, сего ради не устыдитеся, ниже убойтеся, говорите правду.

Алѣевц. Да чего тутъ стыдиться? мнѣ нѣтъ ничего легче, какъ говорить правду. Ваше преосвященство имѣете въ монастырѣ пьяницъ? у меня ихъ въ канцеляріи хотя нѣтъ, однако-жъ шалуновъ и самовольниковъ не меньше, которыхъ, иногда, и трудно*) различить и съ пьяницами. Ваше превосходительство—къ губернатору—по своему добродушію, ничьему свидѣтельству и просьбѣ не охотники отказывать**), и надѣлали столько секретарей и протоколистовъ, что у насъ ихъ полна канцелярія, а къ дѣлу живой души нѣтъ. Многіе изъ нихъ были-бы дѣловыми людьми,

---

Георгіемъ Конискимъ мы еще не разъ встрѣтимся въ «истинномъ повѣствованіи» Добрынина, такъ какъ архіепископъ бѣлорусскій Георгій. до самой смерти своей, въ 1795 г. продолжалъ пользоваться большимъ значеніемъ и почетомъ среди современныхъ ему дѣятелей. **Ред.**

*) Вмѣсто зачеркнутаго «на случай нельзя». **Ред.**

) Вмѣсто зачеркнутаго «никогда не отказывали». **Ред.

еслибъ не были такъ легко офицерами. Ваше превосход. часто гнѣваетесь, что канцелярія не успѣваетъ исполнять вашихъ приказаній, и что часто въ ней разстроивается общій канцелярскій порядокъ. Я былъ-бы дурной человѣкъ и худой правитель канцеляріи, если-бы не видалъ того же. Да что же мнѣ прикажете съ ними дѣлать? Они слушаютъ меня только тогда, и подражаютъ мнѣ исправно, когда бываютъ со мною въ гостяхъ на пирушкахъ. А трудиться по должности и быть благодарными за полученные не по заслугамъ чины, дѣло для нихъ совсѣмъ постороннее. Они увѣрены, что офицеръ тѣлесно не наказывается; а имъ больше ничего и не надобно. Посадить его въ караульню? у него и квартира не лучше. На хлѣбъ да на воду? у него еще желудокъ не исправился, какъ уже пора его выпустить къ работѣ».

Архіер.: Вы жалуетесь на канцелярію, а васъ не о томъ спрашиваютъ.

Алѣевц.: Меня спрашиваютъ: какую я завожу масонію?— такую, чтобъ исправить шалуновъ. Когда они увяжутся за мною въ гости—къ чему никогда ихъ приглашать не нужно и отъучить нельзя—то я, заваливши имъ по нѣскольку стакановъ вина, провозглашу: что «мы здѣсь всѣ братья масоны, и всѣ равны». Тѣ, которые поумнѣе и знаютъ уже къ чему дѣло идетъ, закричатъ: «любезной братъ! прими отъ насъ лобзаніе», и шалуны то-же кричатъ, не зная къ чему дѣло идетъ, и всѣ другъ-друга цѣлуютъ. Между тѣмъ, какъ продолжаютъ безперерывно во всю мочь: «любезный братъ, прими отъ насъ лобзаніе» шалуна уже раздѣли, и ему нашептываютъ: что по правиламъ масонства, надобно испытать его твердость духа, и кладутъ на скамейку: тѣмъ для него хуже, если онъ не желаетъ. — Приготовленные два или четыре добрыхъ пука ельника, съ иглами, на подобіе банныхъ вѣниковъ, только вдвое подольше*), гуляютъ по немъ, безъ препятствія рубашки, отъ плечь до поясницы, или и до подвязокъ, смотря по мѣрѣ его благородныхъ поступокъ. Кричи благородной, сколько и какъ ему угодно, его никто не слышитъ, потому что всѣ безпрерывно кричатъ: «любезный братъ: пріими отъ насъ лобзаніе». А другіе, сидя спокойно по мѣстамъ, воспѣваютъ: «ельникъ, мой

*) Послѣдняя строка зачеркнута. Ред.

ельникъ, частой мой березникъ!» и проч.—простонародная пѣсня.— По испытаніи такимъ образомъ твердости духа, братъ, путеводитель и наставникъ, нашептываетъ ему: что,—это есть масонской обрядъ исправленія нравовъ, и что послѣ этаго надобно всегда быть опрятну, и заниматься такимъ трудомъ, за которой жалуютъ насъ въ оберъ-офицеры, и проч. Потомъ пьютъ всѣ, за здоровье новопринятаго въ порядокъ брата, шампанскимъ виномъ, и онъ долженъ благодарить. Извольте ваше превосходительство переступить въ канцелярію, вы увидите сѣдящихъ сряду трехъ молодыхъ людей, въ позументахъ, въ бѣльѣ, причосанныхъ и подъ пудрою. Они съ недѣлю не ходили въ канцелярію, а только показывались тамъ, куда меня попросятъ въ гости. Съ позавчерашняго вечера масонское просвѣщеніе поставило ихъ въ настоящій порядокъ. Теперь они какъ макъ цвѣтутъ. На будущую ночь, снова мнѣ приниматься за трудъ. Двухъ благородныхъ шалуновъ давно уже пора озарить свѣтомъ масонства. Кстати и окказія готова: торопецкой купецъ Хабаровъ, который, получа по наслѣдству 5000 руб., почти всѣхъ ихъ просадилъ, добиваясь по разнымъ губерніямъ таможенныхъ мѣстъ, и который, стоя у воротъ своей квартиры, проходу мнѣ не даетъ, прося здѣлать его счастливымъ. Пойдемъ къ нему, поможемъ ему добивать пять тысячь руб. Шампанское польется, и мы будемъ имѣть тамъ трехъ счастливыхъ. А ваше преосвященство, если сомнѣваетесь, извольте — хоть инкогнито — сами быть свидѣтелемъ. И вы увидите, что я вамъ не солгалъ».

Архіерей и губернаторъ во все время такого объясненія другъ на друга посматривали, потомъ потеряли важность, и ну хохотать. Потомъ архіерей, подавая руку Алѣевцеву, спрашиваетъ: «а чи не можно и мнѣ отправить къ вамъ съ пару моихъ монаховъ?»

Однакожъ губернаторъ, насмѣявшись довольно, сказалъ: «Я ничего не знаю и знать не хочу. Ты самъ долженъ будешь отвѣчать, не вмѣшивая меня, ежели-бы что случилось съ тобою непріятное въ этихъ сумазбродныхъ дѣйствіяхъ».

Сію сказку слыхалъ я отъ многихъ по открытіи уже намѣстничества; обстоятельнѣе-же и вѣрнѣе, отъ порядочныхъ секретарей и другихъ чиновниковъ, которымъ и самимъ случалось пѣть, но неиспытывать «ельникъ мой ельникъ» и проч. — Бѣдной

Алѣевцевъ помѣщенъ былъ въ казенную палату ассессоромъ. Его всѣ почитали и желали имѣть въ немъ надобность; но онъ, будучи обезкураженъ незавидною для него ваканціею и находясь на свободѣ, не могъ самъ собою управлять, пустился пить, отолстѣлъ и вскорѣ умеръ.

Четвертаго числа іюня, 1778 года, былъ день открытія намѣстничества. Но никто этаго не предузнавалъ, даже до тѣхъ поръ, пока въ назначенный по церемоніалу осьмой предъ полуднемъ часъ, на всѣхъ колокольняхъ зазвонили, по улицамъ забарабанили, на башнѣ магистратской затрубили, и все пришло въ движеніе.

Всѣ чиновники приготовленныхъ къ открытію присутственныхъ мѣстъ, со своими канцеляріями, и все знаменитѣйшее дворянство собрались къ государеву намѣстнику въ большую залу, сколько ихъ могло вмѣститься. Протчіе по многочисленности были по другимъ комнатамъ, и даже на крыльцѣ и на площади остановились, къ чему содѣйствовала и прекрасная лѣтняя погода.

Оттуда, въ предшествіи государева намѣстника, со штатомъ по достоинству генералъ-фельдмаршала, шли въ церковь, по отдѣленіямъ каждое присутственное мѣсто и каждой уѣздъ, а по обѣимъ сторонамъ шествія стояли полки въ ружьѣ.

Я не пощадилъ бы себя описаніемъ послѣдовавшихъ за церемоніаломъ баловъ и маскарадовъ. Но церемоніалъ можно читать въ подлинникѣ подъ дѣлами въ архивахъ генералъ-губернатора и губернатора того года, а на балахъ и маскерадахъ, каждому извѣстно чѣмъ занимаются. Развѣ то только припомнить, что графъ самъ игралъ въ вистъ по десяти копѣекъ партію.

По прошествіи уже лѣтъ около 12-ти отъ открытія намѣстничества, случилось мнѣ видѣть и читать въ канцеляріи генералъ-губернатора Пассека книгу именныхъ въ копіи повелѣній императрицы Екатерины Великія, къ бѣлорусскому государеву намѣстнику графу З. Г. Чернышеву, насыланныхъ съ самаго забранія Бѣлоруссіи, по окончаніе бытности его бѣлорусскимъ государевымъ намѣстникомъ. Книга сія дошла къ Пассеку слѣдующимъ порядкомъ: Пассекъ, по наѣздѣ своемъ на генералъ-губернаторство Бѣлорусское, требовалъ отъ графа Чернышева — ко-

торый былъ уже главнокомандующимъ въ Москвѣ — чрезъ нарочно-посланнаго всѣхъ имянныхъ повелѣній, дабы изъ оныхъ видѣть и знать, по сему новоприобрѣтенному краю, волю монаршую. Графъ ему отвѣчалъ: что, «онъ, по всѣмъ имяннымъ повелѣніямъ давалъ свои предписанія бѣлорусскимъ губернаторамъ, въ томъ числѣ отчасти и ему Пассеку, слѣдовательно, и можетъ онъ найти таковые въ канцеляріяхъ Могилевскаго и Полотскаго губернаторовъ; однакожъ, между тѣмъ, сообщаетъ къ его превосходительству книгу въ переплетѣ, съ копіями всѣхъ имянныхъ повелѣній». Сія книга есть наилюбопытнѣйшимъ памятникомъ и практическимъ образцомъ, для повелѣвающихъ и исполняющихъ, и не меньше историческою истиною на бѣлорусской край тогдашнихъ временъ. Но съ нею случилось такъ, какъ иногда и съ людьми, которые не живутъ дома. По соединеніи 1797 г. Павломъ I-мъ Могилевской и Полотской губерніи, въ одну Бѣлорусскую, то-есть въ одну Витебскую, истребована она губернаторомъ Жегулинымъ отъ Пассека въ Витебскъ, по совѣту витебскаго главнаго суда 1-го департамента совѣтника Путимцова, которой прежде былъ, при Пассекѣ, секретаремъ. Жегулинъ ее получилъ; но куда она послѣ того дѣвалась, неизвѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что сего великаго патріота графа З. Г. Чернышева собственной домовой архивъ наполненъ подобными бумагами, изъ которыхъ можно бы воспользоваться и собственною его исторіею, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что она должна имѣть связь со внутренними и внѣшними государственными дѣлами, а можетъ быть и съ семилѣтнею въ Европѣ войною, во время которой графъ былъ взятъ въ полонъ Фридрихомъ Великимъ. Но сей полезной архивъ, ежели не пожертвуетъ собою, по общему порядку вещей, огню или моли, то, можетъ быть, родитъ книгу въ такую пору, когда настоящія наши времяна, содѣлавшись глухою и темною стариною, не столько будутъ интересовать нашихъ потомковъ, сколько бы книга сія интересна была для насъ, которые счастливы были его знать, или служить подъ его начальствомъ.

Послѣ первыхъ въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ засѣданій, назначены графомъ и командированы отъ намѣстническаго правленія во всѣ уѣздные города чиновники, для открытія и въ

оныхъ присутственныхъ мѣстъ, по новому учрежденію о губерніяхъ.

Мнѣ досталось ѣхать, при совѣтникѣ намѣстническаго правленія Полянскомъ, въ города: Мстиславль и Климовичи.

По пріѣздѣ въ оные, открыты нами присутственныя мѣста, съ наблюденіемъ при томъ церковныхъ, воинскихъ и гражданскихъ обрядовъ *). Во Мстивлавлѣ угощаемы были мы и вся — какая была изъ дворянъ — публика, знатнѣйшимъ тамошнимъ помѣщикомъ, войскимъ Иваномъ Голынскимъ. Онъ съ братомъ имѣлъ тогда около 4,000 душъ. У него видѣлъ я въ покояхъ никогда немытой полъ, невытираныя стекла, которыхъ время и нечистота столько закоптили, что на нихъ множество было разныхъ фигуръ, написанныхъ въ разныя времяна, по изволенію, пальцами, ногтями, спичками; иныя изъ сихъ фигуръ похожи были на китайскія литеры, на египетскіе іероглифы. Ежели въ самомъ дѣлѣ были это они, то вѣроятно писаны учеными іезуитами. Вмѣсто стульевъ были скомеечки, съ дирками по срединѣ, одного колибра съ тѣми, какія въ его корчмахъ и мужичьихъ избахъ. Протчая мебель или утварь соотвѣтствовала окнамъ, полу и скомейкамъ. Между множествомъ блюдъ кушанья, были и хорошія; но неопрятность вездѣ играла героическое лицо. При такомъ изобиліи и непорядкѣ, ласковость хозяйская къ шляхетству того уѣзда подбита была гордою благосклонностью и снисхожденіемъ. А губернаторъ или генералъ-губернаторъ, — примѣтно было изъ мимоходныхъ его словъ — должны зависѣть отъ его повелѣній. Совѣтника же Полянскаго почиталъ онъ всеуниженнѣйше, кланялся ему и искалъ его дружбы. У мстиславльскаго мѣщанина Карциловича приняты были чище.

Въ городѣ Климовичахъ угощены были тѣмъ же Голынскимъ и тѣмъ же порядкомъ, понеже онъ былъ и климовицкій помѣщикъ.

Вездѣ, въ проѣздъ нашъ, ничего я не видалъ лутчаго, какъ дороги, мосты, почтовые домы, обмундированные почталіоны, лошади сытыя, упряжка прочная, и проч. Мой Полянскій часто повторялъ: «это прекрасно, и въ иностранныхъ государствахъ не лутче».

*) 1. Всенощная, обѣдня, молебенъ. 2. Штатныя команды при городничихъ. 3. Цехи городскіе и проч. Г. Д.

Онъ, проѣзжая дорогою, не пропущалъ ни одного вида, никакой земли, лѣса, деревни, дома, горы, болота, корчмы, и проч., о которыхъ бы не спросилъ у проходящихъ, проѣзжающихъ, живущихъ, работающихъ: «Какъ сіи виды называются? Кому они принадлежатъ? Гдѣ помѣщикъ?» и проч. Мнѣ непонятно было, для чего онъ себя столько озабочиваетъ. По пріѣздѣ же въ какой-нибудь помѣщичей домъ, въ которой бывалъ запрашиванъ, или въ городъ, или же при случайномъ свиданьи на почтѣ съ какимъ-либо бѣлорусскимъ помѣщикомъ, онъ вступалъ въ разговоръ съ такимъ свѣдѣніемъ о качествѣ бѣлорусскаго грунта земли, о хорошихъ видахъ и о самыхъ помѣщикахъ, именуя ихъ по фамиліямъ, какъ будто онъ родился въ тѣхъ мѣстахъ, которыя проѣзжалъ. Тутъ уже и мнѣ понятно стало, для чего онъ ничего того не пропускалъ безъ вопросовъ и замѣчанія, что съ нимъ встрѣчалось. Я началъ понимать, что онъ все то прочиталъ, что видѣлъ.

Въ Кричевѣ, мѣстечкѣ, пожалованномъ съ деревнями отъ императрицы князю Потемкину, осмотрѣлъ вновь заведенные симъ княземъ заводы парусинные, канатные, винокуренные, кожевенные, и прочіе, бывшіе тогда подъ смотрѣніемъ и управленіемъ полковника Нефедьева.

Возвратясь въ Могилевъ, нашли въ намѣстническомъ правленіи и другихъ посыланныхъ чиновниковъ донесенія, объ открытіи ими въ уѣздныхъ городахъ присутственныхъ мѣстъ, по образу учрежденія государыни императрицы. — Такимъ образомъ вся губернія воспріяла, въ шесть дней, новой видъ правленія премудраго, подъ которымъ обѣ бѣлорусскія губерніи, такъ какъ и вся имперія, благоденствовали, покоились, торжествовали чрезъ всѣ счастливые годы ея царствованія, исключая только частныхъ какихъ-нибудь непорядковъ, коими иногда отличались начальники губерній по недовѣдѣнію, или по употребленію во зло данной имъ власти; отчего, однакожъ, вѣроятно нигдѣ и никакое правленіе свободно быть не можетъ. — Твердой любитель отечества и пѣвецъ Екатерины II, кстати, сказалъ въ одномъ извѣстномъ изъ своихъ сочиненій:

А только иногда вельможи,
И такъ и сякъ нахмуря рожи,
Тузятъ иного.....

Впротчемъ, я такъ говорю, будучи чиновникъ подчиненной. Начальникъ же губерніи, можетъ-статься, съ бо̀льшимъ-бы основаніемъ заговорилъ: что, подчиненныхъ его можно-бы раздѣлить на десять частей, а именно: въ первыхъ восьми частяхъ: плуты, невѣжи, нерадивы, моты, слабы, несвѣдущи, подлы, буяны; девятая часть—терпима, десятая—годится. Можетъ-быть, счетъ сей и не вѣренъ; но то вѣрно, что я въ первыхъ девяти частяхъ не хотѣлъ бы себя полагать *).

Итакъ, губернія окрыта. Каждой занялъ свое мѣсто. Вновь выстроенныя каменныя присутственныя мѣста, чистотою своею и выгоднымъ расположеніемъ, облегчали должность трудящагося въ нихъ; по крайней мѣрѣ, я такъ чувствовалъ. Каждой день, съ половины 12-го часа до половины 1-го по полудни — кромѣ субботы и воскресенья — на магистратской башнѣ, по заведенію и повелѣнію графскому, на счетъ городскихъ доходовъ, играли на трубахъ и валторнахъ; а въ торжественные дни, и на другихъ при томъ инструментахъ **), что было знакомъ приближенія часовъ отдохновенія.

Графъ часто самъ присутствовалъ въ намѣстническомъ правленіи. Онъ, въ хорошую лѣтнюю погоду, прихаживалъ пѣшой, предшествуемъ штатомъ, по достоинству генералъ-фельдмаршала, и сопровождаемъ военными чиновниками и знатнѣйшимъ шляхетствомъ губерніи, такожъ молодыми благородными людьми, какихъ каждому генералъ-губернатору и учрежденіемъ позволено имѣть при себѣ по два съ каждаго уѣзда.

Въ небольшомъ разстояніи, предъ крыльцомъ правленія, ожидали его придверники или швейцары: отъ намѣстническаго правленія, отъ трехъ палатъ, отъ совѣстнаго суда, отъ приказа общественнаго призрѣнія, и отъ обоихъ департаментовъ верхняго земскаго суда по одному. Они были въ перевѣсяхъ малиноваго цвѣта, по мундиру синяго цвѣта, и, держа предъ собою мѣдныя булавы, предходили штату государева намѣстника до дверей намѣстническаго правленія, гдѣ графъ входилъ въ присутствіе, а протчіе всѣ оставалися въ залѣ и другихъ покояхъ. Равномѣрно всѣ швейцары обязаны были, въ небытность въ губерніи гене-

*) Начиная со словъ: «исключая частныхъ какихъ-нибудь непорядковъ» все это зачеркнуто въ рукописи. Ред.

**) Строка эта зачеркнута. Ред.

ралъ-губернатора, дѣлать такую же почесть и губернатору. Предъ прочими же судьями шелъ только одинъ швейцаръ того мѣста, котораго былъ судья. И для того всѣ швейцары обязаны были быть на большомъ нижнемъ крыльцѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ судьи, каждой во свое мѣсто, соберутся, и такимъ же образомъ предходить при выходѣ судей изъ присутствія. — Таковъ былъ заведенъ графомъ порядокъ, которой, сверхъ пристойнаго вида, внушалъ каждому зрителю: что, «это идетъ членъ присутственнаго мѣста» *).

Вмѣстѣ съ открытіемъ намѣстничества, открылось и несогласіе между генералъ-губернаторомъ графомъ Чернышевымъ и губернаторомъ Коховскимъ. Графъ былъ хотя человѣкъ искренной и охочь дѣлать добро, но былъ горячаго свойства и непобѣдимой слуга и любитель своего отечества; а изъ сего драгоцѣннаго источника изливалось иногда то, что онъ, подъ образомъ службы, скажетъ и губернатору, какъ деньщику. Губернаторъ былъ скроменъ и чувствителенъ. Уже онъ пересталъ присутствовать, и послалъ къ императрицѣ просьбу о возвращеніи его къ воинской службѣ.

Помню, какъ графъ, единожды, во время присутствія, послалъ изъ судейской камеры протоколиста Луцевина въ домъ къ губернатору, не уважая его болѣзни, спросить его о какихъ-то бумагахъ; но медицинскіе чины, сидѣвшіе у дверей губернаторской спальни, посланнаго не допустили, говоря ему: что они имѣютъ долгъ донесть, чрезъ него, его сіятельству, что больной губернаторъ, не спавши цѣлую ночь, теперь только приуснулъ.

Графъ отъѣхалъ во свое подмосковное владѣніе, Яропольчь, а на мѣсто Коховскаго, отправившагося въ члены въ военную коллегію, опредѣленъ въ губернаторы дѣйствительный камеръ-геръ, генералъ-порутчикъ и кавалеръ Пассекъ. Мы скоро его увидѣли. Онъ былъ бояроватъ, представлялъ вельможу, но былъ въ долгахъ неоплатныхъ, въ разсужденіи своихъ доходовъ, и былъ такой же вояжиръ, какъ и совѣтникъ Полянскій. Они скоро

*) Съ 1797 года швейцары и булавы не во употребленіи. Мнѣ, будучи уже совѣтникомъ, часто случалось всходить на лѣстницу въ присутствіе, смѣшавшися вмѣстѣ съ заслуженными инвалидами, съ криминальными преступниками, сопровождаемыми блестящими тесаками. Меня эта пестрота и равенство всегда забавляла: но порядокъ всегда оскорбляется тамъ, гдѣ шутки не кстати.

Г. Д.

свели дружбу. Связь ихъ тѣмъ была крѣпче, что Полянскій имѣлъ способность и не меньше того горѣлъ честолюбіемъ управлять, ежели не всѣмъ свѣтомъ, по крайней мѣрѣ Могилевскою губерніею. А Пассекъ ничѣмъ не хотѣлъ заниматься, кромѣ картъ, лошадей, любовницы, побочнаго сына и титула губернаторскаго. И чѣмъ болѣ они каждой своимъ склонностямъ угождали, тѣмъ болѣ другъ-другу нравились, потому что одинъ въ другомъ имѣли нужду. Итакъ, Пассекъ, желая пользоваться перемѣною воздуха, разъѣзжалъ, а Полянскій схватилъ въ руки весло правленія. Вице-губернаторъ Воронинъ, сколько ни былъ неграмотѣй, почувствовалъ оскорбленіе спѣси тѣмъ, что вице-губернаторство его значило меньше совѣтничества. Онъ, не заводя ссоры съ губернаторомъ, попросился благоразумно въ отставку; а Полянскій, почитая его благоразуміе, помогъ ему, чрезъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго — у котораго онъ былъ прежде секретаремъ — получить пенсіонъ по смерть.

На мѣсто Воронина, присланъ, съ предсѣдательскаго въ полотской гражданской палатѣ мѣста, статской совѣтникъ Николай Енгельгардтъ; мужъ ростомъ высокородный, собою видной, здоровой, брюнетъ; любящій до безумія собственную пользу; труду и должности, въ которую опредѣленъ, непримиримой врагъ. На повѣрку выходитъ, что Полянскій въ губерніи самой большой человѣкъ, хотя ростомъ не выше двухъ аршинъ и 2-хъ вершковъ, съ коблуками и съ тогдашнимъ высокимъ тупеемъ, представляющимъ парусъ, или буфетныя ширмы *).

§ XXXVI.

1779 годъ.

1779 годъ прошолъ въ полной Полянскаго славѣ, или, лутче сказать, въ полномъ его желаніи. Италіанской и французской языкъ, которые онъ зналъ какъ природной свой, литтература, танцы, карты, свѣдѣніе о вещахъ, даръ слова, скорая мысль, счастливая память, ловкость отдѣлывать по бумагамъ все скоро, неограниченное его любочестіе, или честолюбіе, и недѣятельность губернатора Пассека давали ему право поступать самовластно**). Онъ сажалъ дерзкихъ и глупыхъ дворянъ въ караульню,

*) Послѣдняя строка зачеркнута. Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «самодержавно». Ред.

неисправныхъ секретарей и канцелярскихъ служителей посылалъ туда же, а съ невѣжами мѣщанами не хотѣлъ и словъ терять, повелѣвая имъ исполнять безмолвно*) всѣ ихъ обязанности; многіе отвѣдывали**) съ нимъ поспорить, но всегда оставалися въ дуракахъ. Ибо на сей случай шутливыя его, и вмѣстѣ язвительныя, критическія и дѣльныя приказанія — безъ потери важности — тѣмъ несноснѣе были тому, къ кому они касались, что всѣ сторонніе, кто бы тутъ ни случился, со смѣха животы надрывали. Почему, всѣ его боялись и почитали. И, къ чести его сказать: порядокъ не нарушался, какъ въ намѣстническомъ правленіи, такъ въ губернскомъ городѣ и во всей губерніи. И за сей порядокъ никто его не любилъ. Его злословили, проклинали, ему желали зла. Его досужество находило для себя праздное время, которое нужно было дополнять упражненіемъ.

Найдено за нужное установить ложу братства вольнаго каменьсчичества, но совсѣмъ не такого, какое было при Алѣевцевѣ. Всему тогдашнему, а можетъ быть, и теперешнему свѣту извѣстно существованіе ордена масоновъ, но ничто столько и не темно, какъ сія извѣстность, почему и я, сказавъ, по порядку моей исторіи, о сей закрытой ясности и не распространяясь дальше, обязанъ умолкнуть.

Въ 1780-мъ году, въ маіѣ мѣсяцѣ, государыня императрица Екатерина II-я и, подъ именемъ графа Фалкенштейна, императоръ нѣмецкій — или римскій — Іосифъ II-й посѣтили Могилевъ.

Мнѣ надлежало бы начать сіе мѣсто подробнымъ описаніемъ приуготовленій, къ принятію вѣнценосныхъ***) посѣтителей. Но, какъ нѣтъ сомнѣнія, что мѣсто сіе написано будетъ историческимъ перомъ вѣка Великія Екатерины, то разсудилъ я коснуться ихъ столько, сколько придутъ они мнѣ въ мысль, по моей исторической матеріи.

Императоръ прибылъ за день прежде императрицы. Извѣстно уже, что онъ имѣлъ обыкновеніе всѣ свои путешествія продолжать инкогнито. Въ Могилевѣ уже это знали, и всякой заботился узнавать время пріѣзда императора и его особу; однако-жъ никто не могъ примѣтить ни время его пріѣзда, ни мѣ-

*) Это слово зачеркнуто. Ред.
**) Вмѣсто зачеркнутаго «пытался». Ред.
***) Вмѣсто зачеркнутаго: «толь знаменитыхъ». Ред.

ста его проѣзда, или входа въ городъ; и каждой, видя между народомъ офицера въ зеленомъ гарнизонномъ мундирѣ, безъ компаніона и слуги, росту средняго, лица нѣмецкаго, больше темно-красноватаго, нежели бѣлаго, причосаного въ одну пуклю съ косою, никто не могъ догадываться, чтобъ это былъ императоръ. Почему и никто не былъ любопытенъ его разсматривать. Нечаянной случай открылъ его публикѣ. Онъ взошелъ на башню магистратскую, которая выше всѣхъ въ городѣ строеній, и, скоро съ нея сошедши, шелъ къ замку, гдѣ квартира нашего губернатора. Многіе изъ насъ*), бывшихъ тогда въ намѣстническомъ правленіи при должностяхъ, въ первую половину дня, смотрѣли въ окна со втораго этажа на народъ, ходящій во множествѣ по площади, на пирамиды, фестоны, или прiборы изъ ельника, и на прозрачныя символическія картины и проч., и завидя губернатора Пассека, выходящаго изъ замка съ нѣсколькими чиновниками, ожидали его въ присутствіе; но мы, противъ чаянія, увидѣли, что онъ вдругъ сдѣлалъ, на своемъ пути, скорое и необыкновенное движеніе въ сторону; и вдругъ, идущему противъ его офицеру, поклонился очень низко. (Пассекъ зналъ лично императора). Офицеръ здѣлалъ знакъ рукою, приподнялъ свою шляпу, и, пріостановясь съ губернаторомъ на одну секунду, пошелъ въ свой путь. Сіе явленіе открыло всѣмъ императора, а губернаторъ, пришедши въ правленіе сказалъ, что онъ «здѣлалъ ошибку, произшедшую отъ нечаянности. Не надобно было кланяться императору, поелику не угодно его величеству, чтобы кто его узнавалъ, а надлежало-бы, вмѣсто сего, пойти на квартиру, и то одному». (Квартира отведена была въ каменномъ дву-этажномъ домѣ, гражданина Оно́ско).

Императоръ хозяину (дома), у котораго квартировалъ, подарилъ портреты: свой и своей родительницы, императрицы Маріи Терезіи.

Я присмотрѣлся къ императору очень близко, какъ онъ, того же дни, послѣ полудни, болѣе часа съ княземъ Потемкинымъ, стоя одинъ противъ другого на одномъ мѣстѣ и держа въ рукахъ шляпы, разговаривалъ въ саду могилевскаго архіерея, при углу архіерейскихъ келій, въ которыхъ квартировалъ князь По-

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «Мы всѣ». Ред.

темкинъ. Тогда я съ другими лавировалъ по городскому валу, съ котораго въ садъ все было видно чрезъ низкую деревянную ограду, и не болѣ отъ вала до нихъ было разстоянія, какъ саженей восемь.

Не разсуждая полнымъ смысломъ о качествахъ и жребіи царей, разсуждалъ я тогда по-своему: возможно ли, думалъ я, чтобы, встрѣтяся съ нимъ, можно было замѣтить, что онъ глава 26-ти милліоновъ знатнѣйшаго на земномъ шарѣ нѣмецкаго народа? и почему природа осмѣливается такъ шутить, что онъ похожъ на нашего могилевскаго столяра Стемлера? Но потомъ, въ теченіе моей жизни, читая вошедшія въ печать его письма къ императрицѣ его родительницѣ, къ Фридриху Великому и другимъ важнымъ особамъ, видѣлъ, что всесильная непостижимость опредѣлила ему высочайшій между смертными степень по достоинству, и достоинства даровала по степени.

Я не вытерплю, чтобъ не написать здѣсь нѣкоторыхъ мѣстъ изъ одного его письма, писаннаго имъ при уничтоженіи монастырей, къ одному кардиналу и читаннаго мною въ переводѣ, между другими пьесами.

«Съ того времени, какъ я взошелъ на престолъ и получилъ первую въ свѣтѣ корону, сдѣлалъ я философію законодательницею моего государства. Мнѣ весьма нужно удалить нѣкоторыя вещи изъ царства вѣры, которыя къ ней никогда не принадлежали. Такимъ образомъ, монахамъ дамъ я отпускную, монастыри оныхъ уничтожу, и проч... Въ Римѣ растолкуютъ сіе оскорбленіемъ правъ божескихъ. Знаю я, тамъ будутъ громогласно кричать: «слава израилева пала! что я отъемлю у народа его защитниковъ и что хочу положить пограничную черту между понятіями о догматахъ вѣры и философіи». А еще болѣе озлобятся, когда я предприму сіе безъ соизволенія его папскаго святѣйшества. Сіи вещи бытіемъ своимъ обязаны паденію человѣческаго разума. Никогда служитель олтаря не согласится, чтобъ правительство поставило его на то мѣсто, куда онъ дѣйствительно принадлежитъ, и чтобъ онъ, кромѣ евангелія, ничѣмъ другимъ не занимался, хотя запрещается даже законами чадамъ левитовъ производить монополію человѣческимъ разумомъ. Правила монашества, начиная отъ Пахомія до нашихъ временъ, были всегда противуположны свѣту разума. Они про-

стираютъ высокопочитаніе къ своимъ установителямъ до безпредѣльнаго благоговѣнія и боготворенія, такъ что мы видимъ въ нихъ воскресшихъ израильтянъ, приходившихъ въ Веѳилію, для поклоненія златому тельцу. Сіи ложныя понятія о вѣрѣ распространяются наипаче на чернь, которая, позабывъ Бога, во всемъ надѣялась на Его намѣстниковъ*) и проч... Такимъ образомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, а не вѣковъ, возстанутъ истинные христіяне. Такимъ образомъ, когда я совершу планъ мой, народы моего государства узнаютъ точныя свои должности, коими они обязаны Богу, отечеству и ближнему. Такимъ образомъ, даже и потомки благословлять насъ будутъ, что мы освободили ихъ отъ властолюбиваго Рима, что показали духовнымъ предѣлы ихъ званія и будущую ихъ жизнь посвятили Богу, а настоящее бытіе—отечеству».

Вотъ образъ мыслей, какого ни одинъ изъ высокихъ предшественниковъ или современниковъ его не имѣлъ или не обнаруживалъ, кромѣ Фридриха Великаго и Екатерины Великой, которая реформою монастырей и монастырскихъ недвижимыхъ имѣній явила свѣту, что мысль ея была единообразна съ сими великими монархами; единообразна, но не подражающа, а подражаема.

Государыня императрица Екатерина II, на другой день прибытія императора Іосифа II, часу въ 12, въ полдень, изволила прибыть въ Могилевъ.

Въѣздъ ея въ городъ былъ съ конвоемъ эскадрона кирасирскаго — не помню, какого полку. Предъ городомъ, за полверсты, на тріумфальныхъ деревянныхъ выкрашенныхъ воротахъ, сдѣланы были золотыми литерами приличныя надписи, съ пріѣзда: Felici Adventui, а на другой сторонѣ: Patent superis, съ означеніемъ время пріѣзда, римскимъ счетомъ: MDICCLXXX**).

Шествіе было мимо присутственныхъ мѣстъ,—при которыхъ

*) А развѣ-жъ бы чернь лутчаго изобрѣла бога, если-бъ не внушала ей вѣра того, что духовные ихъ учители суть не меньше, какъ намѣстники Божіи? Кошки, собаки, лукъ, чеснокъ, быкъ, корова, змѣй-гадина-ужака, крокодилъ, развѣ не были жребіемъ заблужденія цѣлыхъ государствъ и народовъ? Государствъ и народовъ, которые были, право, не хуже насъ и всегда ѣли апельсины и ананасы. Мнѣніе мое. Г. Д.

**) Сіи ворота могли-бы служить памятникомъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 90; но по смерти императрицы въ первой годъ сломаны. Г. Д.

стояли всѣ мы должностные, отъ губернатора и судьи до канцелярскаго служителя, придверника и сторожа, отдѣльно каждое присутственное мѣсто,—прямо въ соборную церковь, гдѣ преосвященный могилевскій, Георгій Конискій, встрѣтивъ монархиню, съ духовенствомъ и клиромъ, по чиноположенію грековосточной церкви, и ставъ на проповѣдническомъ мѣстѣ, провозгласилъ приличную сему случаю рѣчь. Изъ церкви — въ казенной генералъ-губернаторской домъ.

Ихъ величества пробыли въ городѣ седьмъ дней—включительно пріѣздный и выѣздный — въ продолженіе которыхъ было нѣсколько театральныхъ представленій, воинскихъ внѣ города маневровъ, каждо-ночныя освѣщенія. А евреи воздвигнули, среди площади, между фестонами изъ ельника и пирамидами, оркестръ, съ надписью со входа: «торжествуемъ, яко-же во время Соломона», гдѣ и играли на разныхъ инструментахъ, попеременно, почти денно-ночно.

Государыня-императрица посѣтила первыя четыре присутственныя мѣста: намѣстническое правленіе и три палаты. Ея окружали: министръ императора—при россійскомъ дворѣ—графъ Кобенцель, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Румянцевъ-Задунайскій, графъ З. Г. Чернышевъ, князь Потемкинъ, князь С. Ѳед. Голицинъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, губернаторъ Пассекъ, и прочіе. А въ праздникъ Вознесенія и въ день воскресный, слушала обѣдню въ соборной церкви при отправленіи священнослуженія могилевскимъ епископомъ Георгіемъ Коницкимъ.

Извѣстно, что государыня императрица рождена и воспитана въ законѣ евангелическомъ, а грекороссійскій приняла уже предъ бракосочетаніемъ. Но, съ какимъ достойнымъ зрѣнія благочестіемъ и нравственною простотою, предстала она тогда священному олтарю, и, при важнѣйшихъ дѣйствіяхъ, заключающихъ въ себѣ таинство греко-восточной церкви, изображала на себѣ полной крестъ, и поклонялась столь низко, сколь позволялъ сложеніе человѣческаго корпуса! Сіе примѣтно было всѣмъ тогда, и сдиновѣрцамъ, и католикамъ.

Во всю бытность императрицы въ Могилевѣ царствовала, въ ея дворцѣ и въ квартирѣ императора, тишина; видно, что двое на земномъ шарѣ владыкъ имѣли чѣмъ заниматься, кромѣ

народныхъ шумныхъ забавъ. «Великимъ особамъ,—сказалъ нѣгдѣ великій духъ,—потребны великіе замыслы», дѣйствіе которыхъ открылось противъ падышага*) турецкаго. Россія взяла отъ него Крымъ, за которой потомъ возгорѣлась война, и миръ увѣнчалъ Россію приобрѣтеніемъ Очакова съ землями, въ 1788-мъ году. Ихъ величества заложили въ Могилевѣ церковь св. Іосифа. При заложеніи, видѣлъ я, подъ однимъ шатромъ, двухъ коронованныхъ главъ и всѣхъ вышесказанныхъ лицъ. По окончаніи заложенія, епископъ могилевскій Георгій Конисній, сказалъ предъ императрицею краткую рѣчь, безъ сомнѣнія, приготовившись, а императрица отвѣтствовала ему еще короче, безъ сомнѣнія, не готовившись; ибо, не слыхавши вопроса, нельзя приготовиться съ отвѣтомъ. Мнѣ, въ тѣснотѣ воинской и губернской благородной знати, хотя очень близко досталось стоять, однако-жъ не слыхалъ я ни одного слова ни царскаго, ни пастырскаго. По несмысленному распоряженію зазвонили во всѣ колокола тогда, когда надлежало умолкнуть всему, что мѣшаетъ слуху. Но ежели неизвѣстныя мѣста можно дополнять догадкою, то матерія, безъ сомнѣнія, состояла съ одной стороны въ священныхъ, или церковныхъ, а съ другой, въ царскихъ словахъ, приличныхъ случаю заложенія храма, назначеннаго пѣть имяна создателей своихъ до неизвѣстныхъ временъ.

А Іосифъ, взаимно у себя, заложилъ и сдѣлалъ церковь во имя св. Екатерины. Въ два года отъ заложенія — какъ говорили — отправлялось уже въ ней богослуженіе; а въ нашей могилевской — чрезъ 18 лѣтъ. Не потому, чтобы огромность ея требовала такого времени; но потому, что таково было послѣ графа могилевское правительство. Губернаторъ Пассекъ, вступившій потомъ, изъ сенаторовъ, на мѣсто графа Чернышева генералъ-губернаторомъ, подрядчика строенія церкви купца Чирьева почтилъ отличнымъ своимъ покровительствомъ, для того, что онъ, тѣмъ же матеріаломъ и работниками, отдѣлывалъ ему мызу Пипинъ-бергъ, названную такъ по имени Пипинки, побочнаго его сына. Сей союзъ вскорѣ разрушился. Чирьевъ сдѣлался на генералъ-губернатора жалобщикомъ и доносителемъ, а генералъ-губернаторъ, его мстителемъ и гонителемъ, о чемъ обстоятель-

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «императора». Ред.

нѣе скажется ниже на своемъ мѣстѣ. Въ такомъ замѣшательствѣ церковь оставалась вчернѣ лѣтъ 15-ть, да отдѣлывалась начисто года три, и освящена, уже по смерти императрицы и по отставкѣ Павломъ I-мъ Пассека. Таково было во всѣхъ частяхъ правленіе генералъ-губернатора Пассека, которой, будучи по природѣ тяжелъ, поддерживалъ себя угожденіемъ сильному князю Потемкину и князю Вяземскому, сильному тогда генералъ-прокурору. Впрочемъ, Пассекъ былъ мужъ не слабомысленной и не злой, хотя и не слишкомъ строгихъ добродѣтелей.

Кромѣ сего мѣста, императора нигдѣ не видно было, совмѣстно съ императрицею, и на маневрахъ онъ былъ одинъ.

Государыня-императрица приказала главнокомандующему Бѣлоруссіею, графу Чернышеву, подать къ себѣ списокъ всѣхъ служащихъ по выбору отъ дворянства, новыхъ своихъ подданныхъ, и пожаловала ихъ чинами тѣхъ степеней, какія они, по выбору, заурядъ занимали. Такимъ образомъ, не одному хоронжему, или простому шляхтичу досталось въ рангъ подполковника, то-есть въ надворные совѣтники.

Забавно было слышать, какъ многіе изъ пожалованныхъ, непривыкшіе къ чинамъ россійскимъ, приходя въ намѣстническое правленіе, спрашивали насъ, служащихъ: «что такое титулярной совѣтникъ? что такое надворной совѣтникъ?» Я былъ — одинъ говоритъ — подстолій», другой: «мостовничій»... «коморникъ ржечицкій».... «мечникъ стародубовскій».... «реентъ ошмянскій»... и проч. «За что у насъ вычитаютъ изъ жалованья, ежели насъ подарили чинами?» и проч.; а предсѣдатель верхней расправы г. Курчь предлагалъ на разрѣшеніе каждому, кто хотѣлъ его слушать: «говорятъ, что я въ рангѣ подполковника. Гдѣ-жъ мой полкъ?»

Природные россіяне, служащіе отъ короны, не имѣли причины дѣлать подобныхъ вопросовъ. Имъ ничего не дано; а причиною тому архіерейской крестъ, или игра случая. Предъ выѣздомъ, императрица пожаловала брилліантовой крестъ могилевскому епископу Георгію Конискому, и поручила его князю Потемкину, а князь, вынесши въ залу, вручилъ его графу Чернышеву, яко бѣлорусскому генералъ-губернатору, для доставленія къ преосвященному; но графъ, не отступая ни на волосъ отъ службы, въ которой состарѣлся, спросилъ князя: по какимъ ар-

тикуламъ осмѣливается онъ, будучи генералъ, приказывать фельдмаршалу? Князь хотя отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ это не по долгу генерала, но, по долгу генералъ-адъютанта, исполняетъ повелѣніе императорское; однако-жъ графъ, между тѣмъ, такъ небережно положилъ на столъ крестъ, что онъ отъ одного края добѣжалъ до другого.

Нѣтъ сомнѣнія, что ревнивость къ милостямъ императорскимъ давно уже сдѣлала изъ взаимными непріятелями; но какъ бы то ни было, крестъ пролежалъ на столѣ до тѣхъ поръ, пока графъ, бросивши *) нѣсколько своихъ зарядовъ на князя, вспомнилъ приказать своему генеральсъ-адъютанту Вязмитинову отнесть его къ преосвященному, гдѣ онъ принятъ былъ безпрекословно и, безъ сомнѣнія, съ лутчимъ уваженіемъ, нежели какое оказали къ нему генералы, незнающіе богословіи.

За симъ, графъ остался въ претензіяхъ. Князь его не уважилъ. Государыня, узнавши, была недовольна графомъ, безъ сомнѣнія не за вопросъ, или поступокъ, но что не-въ-пору захотѣлъ поддерживать порядокъ службы.

Все сдѣлалося скучно! все уныло! и списокъ, поднесенной отъ графа о наградѣ служащихъ отъ короны, утонулъ въ волнахъ, воздвигнутыхъ сердитыми богами вѣтровъ.

Всѣ историографы, хронографы, моралело-графы, и все то, что кончится на графы, согласно увѣряютъ, что многія великія въ мірѣ произшествія или перемѣны **) случились не отъ важнѣйшихъ причинъ.

Выѣздъ государыни-императрицы изъ Могилева былъ предъ полуднемъ, при колокольномъ звонѣ, при пушечной пальбѣ и при вяломъ стеченіи городского народа, ибо не долженъ я пропустить, что бѣлорусскіе жители, почти всѣхъ состояній, — исключая любопытныхъ жидовъ, когда у нихъ не саббасъ, — смотрятъ на великой и малой предметъ, на печальной и радостной, съ кошечьимъ равнодушіемъ и совсѣмъ не имѣютъ той пріятной наружности, которая раждается отъ внутреннихъ движеній, при случаѣ отличныхъ предметовъ.

Съ государынею въ каретѣ сѣли: императоръ, министръ его

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «выстрѣливши». Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «самыя важнѣйшія въ мірѣ моральныя и политическія перемѣны». Ред.

графъ Кобенцель, придворная дама, ежели не ошибаюсь, графиня Браницкая, сестра князя Потемкина, — Александръ Дм. Ланской и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Очень понятно, что карета была не меньше моего кабинета, въ которомъ я теперь пишу. А графъ Чернышевъ, яко хозяинъ губерніи, скакалъ передъ окномъ верхомъ. По выѣздѣ же за ворота — ахъ нѣтъ! за шлафъ-баумъ!—государыня позволила ему сѣсть въ его карету.

Мнѣ хотя нельзя было пѣшему догонять экипажей, чтобъ быть очевидцемъ, когда графъ садился въ карету, однако-жъ, сказали тѣ, которые тамъ были; и имъ можно вѣрить.

30 верстъ отъ Могилева, въ извѣстномъ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Шкловѣ, владѣлецъ онаго, генералъ-маіоръ Зоричъ, готовъ уже былъ давно принять вѣнценосныхъ гостей торжественно. Ублагодѣтельствованный и получившій все, что имѣетъ, отъ щедрыя императрицы, не щадилъ онъ ничего. Обѣдъ, ужинъ, маскерадъ, театръ, фейерверкъ, кадетской корпусъ, основанный и содержанный его иждивеніемъ, многочисленной съѣздъ*) во всемъ Шкловѣ дворянства, словомъ: все было у хозяина одушевлено. Государыня имѣла у него ночлегъ; а графъ Чернышевъ неучаствовалъ въ зрѣлищахъ. Онъ тотчасъ выѣхалъ впередъ, въ городъ Копысь, къ чему должность хозяина губерній была для него предлогомъ; въ самомъ же дѣлѣ, ссора съ Потемкинымъ мѣшала его удовольствіямъ.

По смерти императрицы, Зоричъ былъ потребованъ въ службу, пожалованъ генералъ-лейтенантомъ, возвращенъ въ Шкловъ. По возвращеніи, театръ его велѣно разломать. Зоричъ разбитъ, Зоричъ боленъ и вскорѣ умеръ, имѣя лѣтъ около 60 своего вѣка, не бывъ никогда ни дряхлымъ, ни скучнымъ. Кадетской корпусъ его велѣно перевести изъ Шклова въ Гродно, изъ Гродно—въ Смоленскъ, изъ Смоленска—въ Кострому. И имя Зорича, достойное вѣчной памяти, изгладилось на вѣки! Имя Зорича, надъ могилою котораго въ Шкловѣ надлежало-бы поставить мраморной монументъ, съ приличными, учрежденному и содержанному имъ на собственномъ иждивеніи кадетскому корпусу, симболами; корпусъ наименовать Зоричевскимъ и, по до-

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «собраніе». Ред.

стохвальному патріотическому намѣренію покойнаго, насажденія его содержать вѣчно изъ доходовъ шкловскихъ, ограничивъ кадетовъ тѣмъ самымъ количествомъ, которое нашлось при смерти его. Но люди людей не всегда награждаютъ математически. Какъ бы то ни было, чувствительные люди говорятъ, что сердце имѣетъ свою математику, которая такъ же вѣрна, какъ и классическая. Сія-то сердечная математика сдѣлала Зоричу, давно уже покоившемуся въ землѣ, приличное погребеніе. Ибо, лишь только извѣстно стало, что корпусъ переводится изъ Шклова въ Гродно, родители и сродники воспитывающихся въ немъ, изъ разныхъ губерній*), наводнили пріѣздомъ своимъ цѣлой Шкловъ.

Насталъ день выхода. Всѣхъ кадетовъ было болѣе двухъсотъ, которымъ надлежало выйтить въ церемоніальномъ маршѣ. Пошли прежде въ церковь. Каждой сродникъ, сродница, родители, пріятели родителей и родственниковъ туда же тѣснились, не желая спускать съ глазъ толь близкаго ихъ сердцу. Всѣ растроганы и приготовлены уже были къ слезамъ. Въ такомъ расплохѣ, нападаетъ на нихъ ученой протоіерей Александръ Старинкевичъ; онъ восходитъ на каѳедру, говоритъ приличное сему случаю слово, и возглашаетъ: «Возстани, Зоричъ! воззри на виноградъ, тобою насажденный! Ты въ жизни своей говаривалъ, что не имѣешь кому оставить дѣтей твоихъ! Се, монархъ пріемлетъ ихъ подъ свой покровъ и ввѣряетъ ихъ руководству избраннаго имъ мужа — указывая на генералъ-маіора Кетлера». Тутъ природа явила себя въ собственномъ видѣ, безъ прибавокъ и безъ украшеній театральныхъ. Родители, сродники, друзья ихъ, схватили юныхъ за головы, и всѣ до единой души мущины, женщины, малолѣтные, молодые, зарыдали въ голосъ. Много стоило труда кончить проповѣдь, останавливающемуся по сей причинѣ проповѣднику, а больше того выттить всѣмъ изъ церкви. Маршъ съ музыкою и съ барабаномъ всѣ слышали, но никто не исполнялъ, и г. Кетлеръ имѣлъ благоразуміе уступить, на долгое время, движенію сердецъ. Потомъ, во весь остатокъ дня и цѣлую лѣтнюю ночь слышанъ только былъ непрерывной громъ экипажей, по большой дорогѣ въ оба пути,

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «изъ пяти ближайшихъ губерній». Ред.

подобно какъ въ столичномъ городѣ, по улицамъ, чрезъ шесть верстъ отъ Шклова до деревни Каменки — Мурованка — гдѣ остановился корпусъ на кантониръ квартирахъ*). Чрезъ все сіе время и разстояніе, имя Зорича переносилось громогласно отъ одного къ другому, сопровождаемо выраженіемъ нѣжныхъ чувствованій и благодарности».

Все сіе написалъ я по словамъ одного самовидца сего произшествія, который имѣлъ въ корпусѣ двухъ племянниковъ.

Вѣчная тебѣ память, благодѣтель Зоричъ! долженъ и я отрыгнуть сердцемъ. Прими слезы чувствительной благодарности, пролитыя невольно надъ моими строками. Быть можетъ, что въ чувствительности сей участвуетъ и собственной мой интересъ. Но что же въ родѣ смертныхъ есть безъ интереса? Да не онъто ли и есть, подъ различными именами и видами, душа и связь всего міра? — міра моральнаго, натуральнаго и политическаго**). Зоричъ, и изъ моихъ четырехъ питомцевъ, одного воспиталъ на своемъ иждивеніи, которой теперь служитъ съ похвалою отъ начальниковъ и получаетъ отъ государя императора благоволеніе, и которой мнѣ собственной работы — занимающей его иногда, по охотѣ, сверхъ службы — прислалъ картину, съ такими символами, которыхъ достоинъ Зоричъ отъ многихъ губерній россійской имперіи; ибо, хотя Голицынъ, Шереметевъ, Разумовскій и другіе многіе даже превосходятъ его въ благотвореніяхъ человѣческому роду, но при немъ преимущество то, что онъ почти всѣхъ ихъ упредилъ. Миръ твоему праху, благодѣтель бѣдныхъ и сиротъ, Зоричъ! Миръ твоему праху! а въ символѣ колода картъ, отъ которыхъ Шкловъ и понынѣ еще не выплатился***).

Уже, по препровожденіи государыни-императрицы изъ Бѣлоруссіи въ Смоленскую губернію, графъ, возвратясь и будучи на обѣдѣ у могилевскаго преосвященнаго Георгія Конискаго съ губернскими чиновниками, и подтянувши съ ними несчадно у всещедраго владыки шампанскаго вина, сказалъ съ искреннимъ вздохомъ: «Друзья мои! за мною однимъ, и вы всѣ несчастливы».

*) Далѣе зачеркнуто: «или въ кампаментѣ». Ред.

**) Далѣе зачеркнуто: «и какъ кому пришлось». Ред.

***) Мѣсто это подвергалось авторомъ передѣлкѣ; оно находится въ рукописи въ концѣ страницы и отъ него нѣсколько словъ при переплетѣ отрѣзано. Ред.

§ XXXVII.

Продолженіе.

По семъ, вскорѣ, графъ выѣхалъ въ бѣлорусское свое имѣніе, Чечерскъ, а оттуда въ подмосковное, Ярополчь. Пассекъ, губернаторъ, пожалованъ и взятъ въ сенаторы; на мѣсто его поступилъ вышесказанный мною вице-губернаторъ Енгельгардтъ, а на мѣсто его сѣлъ директоръ экономіи Черемисиновъ; въ директоры же совѣтникъ Веревкинъ, а на мѣсто его братъ его, Веревкинъ же, отставной флота капитанъ-лейтенантъ. Тако изволися Пассеку, который самъ для себя нацѣлилъ въ бѣлорусскіе генералъ-губернаторы, что вскорѣ и получилъ; о чемъ скажется на своемъ мѣстѣ, во свою пору.

Между тѣмъ, какъ все въ нашемъ могилевскомъ мірѣ перемѣняется, дни, недѣли, мѣсяцы протекаютъ и каждой отправляетъ свою должность, мы съ Луцевиднымъ пользовалися счастьемъ быть у всего начальства и чиновниковъ въ отличномъ и выгодномъ для насъ замѣчаніи. А дѣятельный Полянскій, наполняя праздное время и будучи 38-ми лѣтъ, влюбился въ дѣвицу фонъ-Бринкъ, и она въ него. Она была лѣтъ 24-хъ, слѣдовательно имѣла уже понятіе, для чего человѣкъ на свѣтъ родится, и забавлялась иногда представленіемъ на вольномъ благородномъ театрѣ лица несчастной любовницы. Потомъ, какъ будто согласно ея роли, бракосочеталась, по принужденію матери, не съ Полянскимъ, но съ генералъ-маіоромъ фонъ-Бринкомъ-же.

Сей генералъ былъ лѣтъ около пятидесяти и, по природѣ, такъ простъ и неопрятенъ, какого не бывало еще отъ начала въ Россіи генералъ-маіорскаго чина, хотя многіе мнѣ въ этомъ противорѣчили и называли легковѣрнымъ. Горячій и предпріимчивый Полянскій, лишась любовницы, ощутилъ всю жестокость рока и истину Сумарокова стиха:

Любовь препятствіемъ и страхомъ возрастаетъ,
И въ крайность ввержена, на все, что есть, дерзаетъ.

Вслѣдствіе сего, составилось двѣ противныя партіи: съ одной стороны Полянскій, замужняя его любовница, и прочіе. Съ другой—фонъ-Бринкъ, порутчикъ баронъ Феличъ и прочіе. Завѣса поднялась: въ первомъ дѣйствіи, несчастная любовница и несчастная жена, во мракѣ горести, печали, утомленная тоскою,

влитою въ грудь ея отъ матери родной, отчаянная, терзаемая всѣми лютостьми, сколько ихъ на ту пору во всемъ мірѣ случилось, сдѣлала балетной скачекъ, прыгнула антраша!... и очутилась въ другой половинѣ дому пастора своего.

Г-нъ фонъ-Бринкъ проснулся. Проснулся натурально или морально, естественно или нравственно; историки и дикціонаристы, повѣствователи и словаристы на все соглашаются и ничему не противорѣчатъ. Они согласно удостовѣряютъ и о томъ, что онъ, проснувшись съ восходомъ солнца, охватилъ постель, кровать... обозрѣлъ спальню... идетъ въ переднюю, въ лакейскую, въ кухню. Пробуждаетъ одного за другимъ своихъ людей, спрашиваетъ: «Гдѣ генеральша?» и получаетъ единогласной отвѣтъ: «Не знаю». Онъ продолжаетъ шествіе въ садъ, въ бесѣдку, въ каретной сарай, отпираетъ дверцы у кареты, засматриваетъ въ повозки и возвращается въ спальню, гдѣ находитъ тоже, что оставилъ, а генеральши нѣтъ.

Ежели можно вѣрить всему, что тогдашніе повѣствователи гласятъ, то сей простой генералъ, будто бы, въ семъ мѣстѣ воскликнулъ: «Какая контра! Какая контро-дикція! Какая контрарія! Какая контро-позита! Какой контр-астъ! Какая противоположность! Я читалъ, что гдѣ-то, какой-то Тезей оставилъ какую-то Аріадну. Но, чтобы Аріадна оставила Тезея, этого нигдѣ не написано».

Домъ его отъ дома пасторскаго отдѣляла одна только широта узкаго переулка; но ворота пасторскія отъ воротъ его подальше, на заворотѣ, на большую улицу, называемую Вѣтреная. Въ домѣ происходитъ соматоха, часъ, два, три; наконецъ, какимъ-то способомъ узнали, и ему донесли, что ея превосходительство у пастора.

— Какъ такъ рано? и почему такъ поздо? спросилъ равнодушно генералъ. Да что за моленье? скажите, чтобъ она шла въ бесѣдку пить чай, кофе, шеколадъ.

Ему изъяснили, что она уже подъ безопаснымъ, при дверяхъ ея, конвоемъ, приставленнымъ отъ намѣстническаго правленія.

— «Да гдѣ ея двери?» спрашиваетъ Бринкъ.

Въ другой половинѣ пасторскихъ покоевъ, отвѣчаютъ ему.

— «Это неправда,—говоритъ недовѣрчивой Бринкъ. Я знаю

эту половину покоевъ; она пустая, запущенная, забросанная посудою, пасторскими горшками и съ мукою мѣшками».

Ему отвѣчаютъ: Она уже чисто меблирована, полъ потянутъ сукномъ, и соблюдена во всемъ семитрія.

Еще Бринкъ не переставалъ сомнѣваться, какъ вошли къ нему: штабъ-лекарь, Аврамъ Васильевичъ Бычковъ, со своимъ причетомъ и съ полицейскими. Они объявили, что имѣютъ отъ намѣстническаго правленія повелѣніе, съ прописаніемъ въ немъ просьбы молодой генеральши фонъ-Бринкъ, урожденной фонъ-Бринкъ, въ которой нетаитъ*) она, что мужъ ея лишенъ того небеснаго огня, по которому одному человѣкъ называется безсмертнымъ, и проч. Они кончили свое объявленіе трѣбованіемъ, чтобъ г-нъ генералъ-маіоръ и кавалеръ святаго Георгія, позволилъ себя освидѣтельствовать.

— «Да какъ такъ сошлось въ одинъ зарядъ? спрашиваетъ генералъ, что и жена моя у пастора, и покои для нея меблированы, и просьба для нея написана, и намѣстническому правленію подана, и резолюція готова, и вамъ данъ указъ, и вы пришли меня свидѣтельствовать? И все это поспѣло отъ тѣхъ поръ, какъ я проснулся! Да у насъ, и въ полкахъ, такъ скоро не поворачиваются».

— Разрѣшеніе на всѣ вопросы—отвѣчаетъ Бычковъ—зависитъ отъ поспѣшнаго освидѣтельствованія, послѣ котораго, или генеральша останется въ правѣ защищаться законами въ домѣ непорочности, или вы получите обратно супругу въ свои объятія.

Генер.: Да нельзя-ли безъ свидѣтельства?

Штабъ-лекарь: Ни подъ какимъ видомъ нельзя, ваше превосходительство. Вы сами знаете, что мы имѣемъ указъ.

Между тѣмъ, генералъ сближалъ уже руку къ штанному поясу; но вдругъ вскричалъ, какъ бы опомнившись, нечаянно: «Да, нѣтъ! можно и не свидѣтельствовать! такъ! точно такъ! можно, можно! — Я передъ свадьбою моею выдалъ мою дѣвку за парикмахера Гейслера. Подите къ нему и спросите: сколько его молодая жена привела къ нему дѣтей? Вы увидите тамъ троихъ, почти каждолѣтковъ. Подите-жъ, подите! а не то я васъ всѣхъ

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «пишетъ она причины, препятствующія ей сожитіе съ мужемъ». Ред.

перековеркою вотъ этимъ прикладомъ» — указывая на карабинъ, которой на стѣнѣ.

Весь свѣтъ вѣритъ: чѣмъ человѣкъ простѣе, тѣмъ слова его вѣрнѣе. Испытатели естества Бринкова не разсудили дожидаться опыта сей вѣрности.

Итакъ, когда генеральша у пастора, когда дѣло ея въ намѣстническомъ правленіи, когда старая мать ея проклинаетъ Полянскаго, и когда Полянскій съ Бычковымъ и другими, а больше того одинъ, посѣщаетъ превосходительную затворницу, Бринкъ, со втораго этажа своего дома, видитъ всегда чрезъ пасторской заборъ, какъ Полянскій проходитъ чрезъ пасторской дворъ къ генеральшѣ, въ прибранные имъ для нея покои. Видитъ, и собирается самъ туда же иттить, отломать Полянскому ребры, дабы здѣлать его неспособнымъ къ продолженію посѣщеній и къ производству по бумагамъ начатаго генеральшею дѣла. Но баронъ Феличъ его недопущаетъ.

Порутчикъ баронъ Феличъ былъ лѣтъ Полянскаго, свойства бѣшенаго, и былъ всегда готовъ бить и рубить всѣхъ тѣхъ, кто ему не понравится. Полянскій давно уже подпалъ подъ гнѣвъ сего правосуднаго человѣка въ карточной игрѣ. И Феличъ тогда же объявилъ ему непримиримую войну. — Онъ служилъ гусаромъ, бывалъ подъ судомъ, былъ разжалованъ, снова дослужился, и вышелъ въ отставку. Не покидая гусарскаго своего мундира, жилъ онъ по связи прежней службы, у Бринка, какъ пріятель, имѣющій нужду въ кускѣ хлѣба, и командовалъ генераломъ.

«Побойся Бога» — говоритъ онъ ему — «ты надѣлаешь въ городѣ шуму, навлечешь на себя бѣду. Слушай меня; я знаю, какъ удовлетворить справедливости твоего дѣла».

Воинъ воина слушаетъ и отлагаютъ сраженіе; а Полянскій, не находя причины отлагать посѣщеній, обратилъ все свое годовое содержаніе на содержаніе особы, жертвующей ему всѣмъ безъ исключенія.

Порядокъ времяни, котораго я держусь, требуетъ прервать повѣсть Полянскаго, и сказать о себѣ:

Я, въ іюнѣ мѣсяцѣ, взялъ отпускъ на 30 дней. Отъѣхалъ на свою родину и пріѣхалъ туда благополучно. Уже съ годъ, какъ дяди моего епископа Кирилла тамъ не было. Разныя въ жизни обуреванія, неразлучные спутники свойства невоздерж-

наго, нрава крутаго и безпокойнаго, увлекли его въ отставку. Ему позволено имѣть, по желанію его, пребыванія въ Кіевомихайловскомъ монастырѣ, гдѣ онъ, можетъ быть, желалъ найти то спокойствіе, которое ощущалъ, провождая тамъ юношескіе свои лѣты. Но время ничего уже для него не оставило! и въ правленіе монастыря ему не дано; а пенсіи опредѣлено только по 300 р. на годъ.

Я хотя обрадовался, найдя мать мою въ добромъ здоровьѣ и въ тишинѣ монастырской жизни, однакожъ, думаю, что больше ее обрадовалъ. Разпознаватели человѣческихъ сердецъ, бывшіе хорошими дѣтьми и хорошими родительми, удостовѣряютъ, что любовь родительская къ дѣтямъ имѣетъ большой перевѣсъ, въ разсужденіи дѣтской любви къ родителямъ.

Я почелъ за приличное побывать съ почтеніемъ у преемника моего дяди, епископа Амвросія*). Онъ благосклонно меня принялъ, и я видѣлъ въ немъ особу достойную своего сана**). Онъ пожелалъ отъ меня узнать о обрядахъ принятія***), бывшихъ въ Могилевѣ, при случаѣ бытности государыни императрицы и императора Іосифа II и проч..... И я удовлетворилъ его преосвященство, сколько чего могъ припомнить.

Потомъ, настояла надобность выхлопотать отъ должника Москвитинова деньги, дабы не имѣть необходимости каждогодно къ нему пріѣзжать.

Мать моя, смотря единожды на меня и на всѣ мои заботливости прискорбнымъ лицомъ, сказала мнѣ: «уже ты ко мнѣ не пріѣдешь, и я тебя уже не увижу!»

— «Почему же матушка?»

— «Я вижу это по твоимъ приготовленіямъ». Сказавъ сіе, она зарыдала; и мгновенная перемѣна лица ея обнаружила, сколь глубока была внутренняя печаль ея, отъ воображенія не видать никогда сына.

Я долженъ былъ утѣшать ее увѣреніемъ, что я такимъ же образомъ буду къ ней пріѣзжать изъ Бѣлоруссіи, какъ уже и

---

*) Епископъ Амвросій былъ потомъ крутицкимъ, а потомъ казанскимъ; а наконецъ митрополитомъ новгородскимъ и санктпетербургскимъ. Г. Д.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «со нравственностію простого». Ред.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «и наружныхъ пріемахъ». Ред.

пріѣзжалъ два раза. Но увы! матернія предчувствія не ошибаются. Она предвѣщала правду, а я обманывался.

Напослѣдокъ, походя по тѣмъ рощамъ, окружающимъ домъ архіерейскій, кои долговременно веселили мою юность, и простяся съ родительницею, отъѣхалъ въ Бѣлоруссію въ третій разъ, аки Колумбъ въ Америку, съ тѣмъ только различіемъ, что я не дорось до Колумба, а Бѣлоруссія до Америки, исключая простой бѣлорусской народъ, которой очень похожъ на американцовъ колумбовыхъ времянъ.

Умѣренное, или, лутче сказать, недостаточное состояніе мое отвлекало меня отъ времяни до времяни отпроситься еще въ отпускъ для свиданія съ матерью. — Я согласенъ съ людьми просвѣщенными, а еще больше самъ съ собою, не вѣрить снамъ. Но замѣчать все, всякому позволяется. Уже въ 1788 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вижу во снѣ: будто я вхожу въ келью матери моей и вижу ея при задней стѣнѣ кельи, на кровати лежащую, больную, и говорящую мнѣ слабымъ голосомъ: «для чего ты прежде ко мнѣ не пріѣхалъ?» Печальное сновидѣніе занимало чувствительность мою и возбуждало къ снисканію удобнаго времяни и способовъ побывать у матери. Но чрезъ нѣсколько дней получаю изъ Сѣвска письмо о смерти ея.

NB. Катихизисъ запрещаетъ вѣрить снамъ; но священное писаніе говоритъ: «Ангелъ Господень во снѣ явился Іосифу глаголя»; и проч....

Продолженіе приключеній Полянскаго.

Возвратяся въ Могилевъ, видѣлъ я дѣла Полянскаго въ такомъ положеніи, что дѣло жены съ мужемъ пошло уже правомъ и порядкомъ консисторскимъ, о формальномъ разводѣ.

Полянскій и генеральша не желали бы ни на часъ, ни на минуту разлучаться; но служба Полянскаго требовала пробыть ему нѣсколько часовъ утра при должности въ намѣстническомъ правленіи, которое время казалось обоимъ черезъ-чуръ долго, а разстояніе полуверсты казалось безконечнымъ. Для сокращенія того и другого, настояла нужда учредить курьера, которой бы въ эту пору, отъ одной особы къ другой, переносилъ взаимные билетцы, или раппортиціи о благополучномъ состояніи, и проч.... Пасторской тринадцати-лѣтній сынъ признанъ достойнымъ сей

довѣренности. Ему обѣщано доставить вскорости оберъ-офицерскій чинъ. На сей конецъ, принятъ онъ и въ число канцелярскихъ намѣстническаго правленія служителей. — Слушайте, слушайте! такъ кричатъ въ парламентахъ англійскихъ.

Въ одно изъ многихъ утро, маленькой Меркурій не доставилъ депешки. Любовникамъ не трудно было догадаться, кто имѣлъ нужду перехватить ихъ естафету. Сомнительно по сей день, въ самомъ ли дѣлѣ баронъ Феличъ уговорилъ, обольстилъ, согласилъ пасторскаго сына, или отнялъ у него насильно карточку, посланную отъ генеральши къ Полянскому — или же самъ пасторъ, наскучивши представлять въ семъ критическомъ дѣйствіи неприличное званію его лицо, приказалъ своему сыну отдать ее Бринку? Но для Полянскаго все равно, какимъ бы образомъ она къ Бринку ни попалась. Полянскій, тотъ-же часъ, велѣлъ пасторскаго сына задержать въ канцеляріи намѣстническаго правленія подъ карауломъ, яко подчиненнаго себѣ канцелярскаго служителя.

Сіе мѣсто и другія нѣкоторыя не дѣлаютъ чести уму Полянскаго; но ежели на всякаго мудреца довольно простоты, то почему же и любовникамъ не впадать въ дурачество?

Вслѣдствіе сего, я былъ самовидецъ, какъ пасторъ съ пасторшею, сцѣпившись рука объ руку, бѣжали послѣ полудни изъ улицы въ улицу, какъ испуганные, къ губернатору Енгельгардту, просить правосудія противъ Полянскаго. Но губернаторъ не рѣшился освободить сына ихъ изъ-подъ караула, опасаясь Полянскаго, какъ такого бойчака, противъ котораго ни сговорить, ни здѣлать ничего нельзя, никакому рядовому губернатору.

Что же осталось дѣлать родителямъ? Они, безъ сомнѣнія, спросилися съ собственными сердцами и вбѣжали въ канцелярію намѣстническаго правленія, гдѣ сынъ ихъ былъ подъ присмотромъ сторожа — это уже было предъ захожденіемъ солнца — схватили его подъ оба плечи, и потащили такъ, что нельзя было отгадать, повели-ль они его, или понесли? сопровождая все сіе дѣйствіе безперерывнымъ крикомъ по-нѣмецки, по-французски и по-русски.

Они кричали: «геръ Полански, ле каналь Полански, а мадамъ Демида, рука сѣчь Полански, женераль-полицмейстеръ Чичеринъ, а Петерсбургъ, а сенатъ».— Это значитъ: что Полянскій, въ Петербургѣ, увезъ отъ г-на Демидова жену, и за дерзновенные по

сему дѣлу отвѣты, на данные ему генералъ-полицмейстеромъ Чичериным вопросы, сенатъ присудилъ отрубить ему руку. О чемъ яснѣе скажется на своемъ мѣстѣ.

И крикъ ихъ былъ смѣшанъ съ неистовствомъ дикихъ, которые полонили своего непріятеля и ведутъ его изжарить и сьѣсть.

Итакъ, любовники, будучи встревожены неполученіемъ билета, передачею его въ руки непріятеля, сдѣлали еще вдобавокъ для себя врагами тѣхъ, въ домѣ которыхъ надобно жить. Обстоятельство, которое для нихъ ничего добраго не обѣщало; и шибкой на изобрѣтенія и на промахи Полянскаго духъ не успѣлъ еще ни на что рѣшиться, какъ получаетъ онъ изъ Петербурга извѣстіе, что дѣло о разводѣ генерала съ женою идетъ, по желанію Полянскаго, счастливо и что скоро его поздравятъ съ благополучнымъ окончаніемъ. — Что, и въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ воспослѣдовало. Какая перемѣна съ тревоги на спокойствіе! съ печали на радость.

Уже любовница начала изрѣдка выѣзжать въ надежнѣйшіе домы, и у нея появились посѣтители, посѣтительницы, и вечернія бесѣды. Не имѣя ни съ какой стороны опасности, не имѣли уже нужды и въ страхѣ, тѣмъ болѣ, что, по законномъ рѣшеніи дѣла, и пасторъ могъ безнаказательно продолжать свое покровительство.

А Бринкъ остался съ перехваченымъ въ рукахъ билетомъ, котораго не умѣлъ, или не успѣлъ употребить въ свою пользу противъ жалобы, принесенной на него генеральшею въ томъ, что онъ плохъ.

Въ такомъ пріятномъ положеніи дѣлъ, Полянскій не опасаясь ничего, отъѣхалъ почтою съ однимъ слугою, во Мстиславльской или Черековской уѣздъ, не помню къ кому и для чего. На третій или четвертый по выѣздѣ его день — слушайте-слушайте! — послѣ полудни часа около пятаго, роздался по всему городу слухъ, что Полянскаго привезли избитаго и едва живаго, а нѣкоторые говорили: мертваго. Мы съ Луцевинымъ спѣшили уже туда, гдѣ бы узнать о вѣрности слуха, какъ встрѣтилъ насъ посланной отъ Полянскаго по Луцевина; ибо Луцевинъ, въ бумагахъ штатскихъ, Полянскимъ былъ употребляемъ, такъ какъ я — въ партикулярныхъ.

Луцевинъ нашелъ у него штабъ-лѣкаря Бычкова и другихъ.

Полянскій лежалъ безъ движенія въ постелѣ, и едва слышимымъ голосомъ сказалъ ему: «другъ мой, напиши отъ меня челобитную по формѣ въ намѣстническое правленіе, что я сегодни измученъ на дорогѣ злодѣемъ Феличемъ и его сообщниками, посланными отъ Бринка. Ежели я и не останусь живъ, такъ—по крайней мѣрѣ—здѣлаю злодѣяніе гласнымъ».

Послѣ сего—говорилъ Луцевинъ—здѣлался онъ столько похожъ на умирающаго, что штабъ-лекарь Бычковъ, которой къ нему имѣлъ дружескую привязанность, не зналъ что думать, однако-жъ, по совѣту подошедшаго туда же дивизіоннаго доктора Кебеке, отворили ему кровь.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, медики объявили, что надежда къ жизни несомнительна; но на выздоровленіе потребно неизвѣстное время.

Нѣкоторые изъ пріязни, а нѣкоторые изъ любопытства, сошлись его видѣть, въ числѣ которыхъ случилось и мнѣ быть. Архіепископъ могилевскій Георгій Конискій, также его посѣтилъ. Онъ, какъ человѣкъ учоной, почиталъ всегда его дарованіи. Больной, кромѣ зрѣнія и языка, почти ничѣмъ еще не владѣлъ; онъ разсказалъ слабымъ голосомъ слѣдующее:

«Лишь только я въѣхалъ въ большой лѣсъ, то появился передъ моею коляскою Феличъ, самъ-третей верхами. Они были всѣ вооружены. Онъ заградилъ мнѣ дорогу, и закричалъ: «ну герой могилевскій! теперь ты въ моихъ рукахъ. Берите его». Я держался сидѣть въ колескѣ и отвѣчалъ ему: «баронъ! ты будешь несчастливъ, а если хочешь быть правъ, то раздѣлайся со мною такъ, какъ принято въ Европѣ между людьми благородными; ты имѣешь пистолеты, дай мнѣ одинъ». Они, не слушая ничего, прискочили къ колескѣ, и двое изъ нихъ соскочили съ лошадей, чтобъ меня вытащить. Я схватилъ мой штуцеръ и приподнялся, чтобъ выстрѣлить на злодѣя. Но я того не вѣдалъ, что за коляскою моею, по сторонамъ, стояли еще два злодѣя, одинъ изъ нихъ хватилъ меня прикладомъ по рукѣ и по штуцеру, и однимъ ударомъ руку мнѣ прибилъ и штуцеръ вышибъ; а другой, въ одинъ почти замахъ съ первымъ, далъ такой же ударъ по затылку. Въ сіе мгновеніе показалось мнѣ, что я стою выше лѣса, тутъ уже стоило имъ только поднять меня, ибо я противиться не могъ. Злодѣи потащили меня въ лѣсъ, и тамъ

отбили мнѣ плечи, руки, спину, а особливо бедры и ноги, толстыми плетьми, какими калмыки усмиряютъ своихъ лошадей. Непонятно — окончалъ Полянскій, — какъ человѣкъ можетъ не умереть, перенося столько неизвѣстнаго мученія».

Штабъ-лекарь взялъ его за пульсъ, и преосвященный, очень ко времяни, принялся утѣшать его елеемъ духовнаго врачеванія.

Ему поднесли челобитную; его приподняли, и онъ съ помочью другихъ, поддерживавшихъ кисть его руки, могъ только написать свое имя: «Василій Полянскій», которое на себя было не похожо и не было бы достойно вѣры, еслибы не было при томъ свидѣтелей.

Нужда настояла, въ намѣстническое правленіе, на мѣсто Полянскаго, командировать предсѣдателя верхней расправы Ахшарумова, потому болѣ, что и первой совѣтникъ правленія г. Сурминъ давно уже лежалъ въ параличѣ.

Полянскій, чрезъ нѣсколько недѣль, вспомнилъ о своей челобитной. Ему принесли ее съ надписью, въ которой сказано: что, онъ употребилъ въ ней бранныя слова, называя злодѣями тѣхъ, которые его на дорогѣ измучали и изувѣчили, и что онъ, Полянскій, «не долженъ выступать изъ предѣловъ права челобитчика». Ахшарумовъ и губернаторъ Енгельгардтъ злобились на Полянскаго за то, что его боялись. Они, при настоящемъ случаѣ, имѣя въ рукахъ весло правленія, заблагоразсудили онымъ его добивать.

Полянскій, получа обратно челобитную, послалъ ее въ сенатъ. Сенатъ прислалъ, въ указѣ, намѣстническому правленію строгой выговоръ за то, что оно, говоря о несоблюденіи формы челобитенъ, позабыло о важности злодѣянія. Бринкъ тѣмъ же указомъ исключенъ изъ службы, и велѣно его и Фелича отослать въ Ригу, гдѣ наряжена для нихъ коммиссія военнаго суда. Бринкъ со всѣми сообщниками отправленъ, а Феличъ скрылся, но, по произведеніи публикъ, пойманъ и отправленъ туда же за карауломъ.

Судъ производился очень долго, а между тѣмъ, помню я, какъ, Бринкъ присылывалъ въ Могилевъ съ довѣренностями продавать разныя изъ дому своего вещи; а наконецъ продалъ и домъ. Проживши все, дожилъ онъ до послѣдняго сертука съ продранными локтями. Въ такомъ видѣ — какъ всѣ знавшіе и видавшіе

его говорили—ходя по ригскимъ переулкамъ, совѣстясь показаться въ домы и едва имѣя пропитаніе для поддержанія жизни, умеръ въ печали и въ совершенной нищетѣ. Не помню, что послѣдовало съ Феличемъ; безъ сомнѣнія, всѣ они съ соглашенными къ злодѣянію сообщниками, или погибли подобною Бринку участью, или подвержены были дѣйствію правосудія,—но челобитчику Полянскому какая польза отъ ихъ погибели?... Его ударилъ параличъ! Для помочи нужно было искусство, трудъ, время. Помогли, облегчили, но не излѣчили. Больной остался съ параличемъ.

§ XXXVIII.

1781 годъ.

Сей параграфъ начинаю я съ мѣста смѣхоплачевнаго, котораго былъ я зритель:

Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ удара, и когда подали Полянскому облегченіе, проѣзжался онъ въ каретѣ по совѣту врачей и захотѣлъ видѣть товарища своего совѣтника Сурмина, которой уже съ годъ, какъ пораженъ былъ такимъ же ударомъ, и котораго Полянскій не видалъ со времяни своихъ приключеній.

Надобно знать, что они другъ друга любили. Оба знали иностранные языки; но Полянскій, при остромъ умѣ и познаніяхъ, былъ свойства горячаго и неуступчиваго. Онъ, когда начиналъ кого осмѣивать, то плѣнялъ собою всю бесѣду, и самые друзья осмѣиваемаго не могли удерживаться отъ громкаго смѣха, потому что острота ума и самая истина были основаніемъ его насмѣшекъ. А такіе люди, извѣстно, ежели бываютъ почитаемы, то еще болѣ ненавидимы. Напротивъ, Сурминъ былъ человѣкъ важной, кроткой, мирной, терпѣливой, и за то былъ всѣми почитаемъ. Но былъ семьянистъ и бѣденъ. Сіе послѣднее, совокупно съ чувствительностью и тяжелымъ его тѣломъ, можетъ быть, и причиною было его удара. Онъ умеръ лѣтъ около 45-ти отъ рожденія.

Сурмину сказали: карета Полянскаго взъѣхала на дворъ. Хозяинъ радъ гостю, выступилъ въ халатѣ въ большую залу, опираясь на толстую подпорку, а гость противъ его выступалъ изъ другихъ дверей съ подобною подпоркой и съ помочью служителя, одинъ и другой чуть двигались,—и оба хромали. Въ та-

кой позиціи, завидѣвши одинъ другого, ну хохотать со всѣхъ слабыхъ силъ; потомъ сѣли на софу, ихъ обложили подушками, и—смѣхъ ихъ обратился на горчайшія слезы! Насмѣявшись и наплакавшись, они начали разсматривать и дѣлить свои горькія участи.

Полянскій сказалъ: Я самъ всѣмъ моимъ бѣдамъ причиной, и прочее.

Совѣтница Сурмина, къ Полянскому: Что такое Василій Ипатичъ, я этой ночи видѣла во снѣ, будто я у васъ заклеиваю на зиму окны?

Полянскій: Ахъ сударыня! Я можетъ быть избѣжалъ бы многихъ золъ, еслибы вы мнѣ ротъ заклеили.

Поговоря много подобнаго сему, разстались.

Иной, слушая эту исторію, можетъ быть давно уже готовъ закричать: «Да любовница-та по сю пору что? Что она дѣлаетъ?» Она горюетъ, плачетъ, терзается, сокрушается, проклинаетъ часъ своего рожденія, и не хочетъ умереть, чтобъ не потерять любовника, которой чуть дышетъ. Впротчемъ, они жили почти уже совокупно; ибо разводъ сдѣланъ, и простой мужъ, за непростое злодѣяніе, былъ уже—какъ выше сказано—съ сообщниками въ Ригѣ подъ судомъ.

Въ такомъ положеніи Полянскій, поживъ еще нѣсколько мѣсяцовъ, видѣлъ, что безъ силъ, безъ здоровья, служить нельзя, а безъ службы, въ чужой для него губерніи, жить невыгодно.

Онъ взялъ отставку, и выѣхалъ съ любовницею въ казанскую свою отчину *). Изъ Казани ѣздилъ онъ съ нею, обвѣнчавшись, къ минеральнымъ водамъ. Возвратясь, похотѣлъ еще служить, и былъ совѣтникомъ въ казанскомъ намѣстническомъ правленіи, такъ онъ писалъ къ другу своему штабъ-лекарю Бычкову.

Уже, въ 1798 году, въ бытность мою по службѣ изъ Витебска въ Чериковскомъ уѣздѣ, случилось мнѣ заѣхать на ярманку того же уѣзда въ мѣстечко Костюковичи въ зимнюю пору. Тамъ, увидясь съ незнакомымъ офицеромъ, которой, такъ же какъ и я, покупалъ для себя въ лавкахъ нѣкоторыя мелочи и узнавъ

*) Деревни его, какъ онъ самъ говорилъ, приносили ему денежнаго годоваго дохода 2,400 р., да сверхъ того, онъ имѣлъ мельницу въ самомъ городѣ Казанѣ. Г. Д.

нечаянно, что онъ казанскій помѣщикъ, спросилъ я его: «не знаетъ ли онъ тамъ помѣщика Полянскаго?»

— «Василія Ипатича? отвѣчалъ онъ вопросомъ. Какъ не знать, онъ у насъ былъ совѣтникомъ, а вы почему его знаете?

«И у насъ онъ былъ совѣтникомъ въ Могилевѣ. Здоровъ ли онъ? живъ ли онъ? жена его?»...

— «Я уже нѣсколько лѣтъ, какъ оставилъ Казань по долгу военной службы. Не думаю, чтобъ онъ по сю пору былъ живъ. Я видѣлъ уже и тогда его въ крайней слабости здоровья; хотя онъ и ходилъ иногда безъ помочи служителя, однако-жъ и часто имѣлъ въ немъ нужду.

Офицеръ, видя что я желаю знать больше, отошелъ со мною въ ближнюю карчму и продолжалъ:

— «Полянскій имѣлъ уже двоихъ дѣтей, которымъ тогда было лѣтъ каждому, напр., отъ 7-до до 8-ми. Онъ, послужа у насъ совѣтникомъ одинъ годъ, сказалъ: «нѣтъ, видно уже я не слуга!» Получилъ отставку и жилъ въ деревнѣ. Тамъ онъ построилъ — не припомню въ домѣ или въ лѣсу — часовню. Поставилъ въ ней крестъ и гробъ, и часто въ нее хаживалъ, или одинъ, или водилъ съ собою малолѣтныхъ своихъ дѣтей. Тамъ онъ становился на колѣни, проговаривалъ нѣсколько молитвъ, которыя повторяли за нимъ его дѣти. Потомъ, приклонялся къ гробу, и въ семъ положеніи проводилъ нѣсколько минутъ, иногда въ глубокомъ молчаніи, а иногда въ слезахъ, и всегда оканчивалъ указывая на гробъ и говоря: «вотъ, дѣти, предметъ, для котораго человѣкъ на свѣтъ родится! Учитеся умирать, и будьте благоразумнѣе и счастливѣе вашего отца».

Такъ мнѣ разсказалъ казанскій дворянинъ, которой слышалъ это отъ жены Полянскаго, и котораго я, по непростительной оплошности моей, не затвердилъ ни имяни, ни фамиліи.

Можетъ быть кто вопроситъ: «На какой конецъ заниматься столько повѣстью неважною, о неважномъ человѣкѣ, которой, кажется, ничего важнаго, или достойнаго объ немъ свѣдѣнія не сдѣлалъ? мало ли людей, которые даже и за добродѣтели страдаютъ? мало ли людей, которые одарены будучи соединенными силами природы и науки, дѣлаютъ иногда непростительныя ошибки?» и проч..

Отвѣчаю: Согласенъ. Но и то правда, что героическихъ

и привлекательныхъ чудесъ больше въ романахъ, а я пишу исторію. И мой герой былъ-бы великой человѣкъ, еслибы имѣлъ столько счастья, сколько ума, или столько осторожности и терпѣливости, сколько откровенности и смѣлости *). Французское образованіе его обезобразило. Оно хотя очищаетъ и возвышаетъ умъ, но портитъ сердце и воротитъ съ корня добродѣтель, поселяя на мѣсто ея пороки, которые тѣмъ пріятнѣе принимаются, что преподаются отъ учителей, служащихъ не даромъ. Прибавимъ къ сему, что онъ былъ человѣкъ.

Онъ когда предпринималъ произвести въ дѣйство что-нибудь такое, что коснется его сердца, то рождалась въ немъ тогда же непобѣдимая своеобычливость, съ примѣсомъ безразсудности; безъ чего однако-жъ, говорятъ, человѣкъ неспособенъ къ произведенію и совершенію великихъ дѣлъ. Итакъ, натура и наука снабдили его нужными для великихъ дѣлъ запасами, но судьба не поставила его на своемъ мѣстѣ. Онъ говаривалъ: «Когда я въ какомъ дѣлѣ руководствуюсь собственнымъ разсудкомъ, то всегда оканчиваю начатое съ успѣхомъ (повидимому онъ, понадѣясь на руководство собственнаго разсудка, отнялъ жену у Бринка, и проѣзжалъ чрезъ роковой для него лѣсъ). Когда же послушаюсь совѣтовъ другого, то всегда или проиграю, или сдѣлаю слабо. Я никогда себѣ не прощу,—говорилъ онъ, единожды шутя самъ надъ собою—что послушалъ любовницы, которая присовѣтовала увезти себя въ каретѣ въ ту пору, когда я уже готовъ былъ ускакать съ нею въ кибиткѣ».

Здѣсь примкнулось то самое мѣсто, которое разсказать обѣщалъ я въ прежней ремаркѣ. Полянскій, возвратясь изъ чужихъ краевъ въ Петербургъ, и будучи уже секретаремъ академіи, былъ и у сочиненія законовъ, подъ начальствомъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго. Изъ сочиненій его суть: статьи «о совѣстномъ судѣ и его должности», которыя составляютъ XXVI-ю главу учрежденія о губерніяхъ. Въ сіе время, какъ писалъ онъ о совѣсти, влюбился въ Петербургѣ въ жену г. Демидова, и увезъ ее уже изъ города. Но когда полицейскіе на него настигали**), онъ выскочилъ изъ кареты на запятки, велѣлъ гнать лошадей, а самъ, обнажа шпагу, защищалъ двери кареты отъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго «уступчивости». Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго «наскакали». Ред.

полицейскихъ чиновниковъ и служителей, призывая въ помочь духа Карла XII, подвизавшагося въ Бендерахъ, не съ меньшимъ или не съ бо́льшимъ основаніемъ разсудка.

Въ награду за храбрость, ему отвели квартиру въ караульнѣ при сенатѣ. Князь Вяземскій пожалѣлъ его: велѣлъ тамъ прибрать для него комнату. Но генералъ-полицмейстеръ Чичеринъ, сдѣлавши ему честь личнымъ посѣщеніемъ, далъ ему по формѣ вопросные пункты. Полянскій, не уважая почестей, написалъ въ отвѣтныхъ пунктахъ столь пространно, что дописался до вершины горъ, на которыхъ сами боги обитаютъ, творя подобная всѣмъ человѣкамъ. Сенатъ за это витійство наградилъ его приговоромъ: «отрубить ему руку». Но велика душа Великой Екатерины сильно смѣялась храбрости, оказанной со шпагою и съ перомъ. Въ тѣ поры открывались во всей имперіи повремянно намѣстничествы, по законамъ ея. Бѣлорусскій государевъ намѣстникъ, графъ З. Г. Чернышевъ, выпросилъ у государыни Полянскаго на свой отчотъ, и помѣстилъ совѣтникомъ въ могилевское намѣстническое правленіе, при открытіи онаго. Императрица тѣмъ охотнѣе ввѣрила графу героя, что желала сберечь ему руку. А старой графъ увѣрялъ императрицу, что онъ и самъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ былъ похожъ на Полянскаго *).

Сіе повѣдалъ товарищъ его господинъ Сурминъ, которой, во время сего дѣйствія, служилъ въ штатской службѣ по сенату.

Вотъ потому-то и пасторъ съ пасторшею, оскорбленные за сына кричали — какъ выше сказано: — «геръ Полански, ле каналь Полански, рука сѣчь Полански, а мадамъ Демида» и проч.

Уже въ 1802-мъ году начиталъ я о Полянскомъ въ печатныхъ перепискахъ Волтера съ Екатериною Великою. Въ первомъ письмѣ, отъ 25-го дня мая 1771 г. пишетъ г. Волтеръ къ императрицѣ:

«Въ пустынѣ моей теперь находится вашъ подданный г. Полянскій, уроженецъ Казанскаго вашего царства. Не могу я его довольно выхвалить за его вѣжливость, благоразуміе и признательность къ милостямъ вашего императорскаго величества» и проч.

Во 2-мъ письмѣ, отъ 3-го декабря: «Г-нъ Полянскій дѣлаетъ

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «былъ таковъ-же какъ Полянскій». Ред.

мнѣ иногда честь своими посѣщеніями. Онъ приводитъ насъ въ восхищеніе дѣлаемымъ имъ описаніемъ о великолѣпіи двора вашего, о вашей снисходительности, о непрерывныхъ вашихъ трудахъ и о множествѣ великихъ дѣлъ вашихъ, кои вы, такъ сказать, шутя производите. Словомъ: онъ приводитъ меня въ отчаяніе, что мнѣ отъ роду безъ малаго девяносто лѣтъ, и что я потому не могу быть очевиднымъ всего того свидѣтелемъ. Г. Полянскій имѣетъ чрезмѣрное желаніе увидѣть Италію, гдѣ онъ могъ бы болѣе научиться служить вашему императорскому величеству, нежели въ сосѣдствѣ къ Швейцаріи и къ Женевѣ. Онъ сколько очень умный, столько и очень добрый человѣкъ, коего сердце съ истиннымъ усердіемъ привержено къ вашему величеству» и проч.

На сіе императрица отписала: «Господину Полянскому, принятому вами подъ ваше защищеніе, приказала я доставить деньги, потребныя для его путешествія въ Италію, и думаю, что онъ ихъ въ самый сей часъ получилъ» и проч.

Въ 3-мъ, отъ 11 декабря 1772 г.: «Я получилъ печальное извѣстіе, что тотъ Полянскій, который, по воли вашей, путешествовалъ, и котораго я столько любилъ и почиталъ, возвратившись въ Петербургъ, утонулъ въ Невѣ. Если это правда, то я чрезмѣрно сожалѣю. Частныя несчастія всегда будутъ случаться, но общее благополучіе вы устроеваете» и проч.

Въ 4-мъ, отъ 3 дня января 1773 г.: «Г-нъ Полянскій увѣдомляетъ меня, что онъ не утонулъ, какъ мнѣ о томъ сказывали, но что онъ, напротивъ, въ тихомъ пристанищѣ, и что ваше величество пожаловали его секретаремъ академіи» и проч...

Вотъ кто былъ Полянскій! Его знали, знаемый цѣлымъ свѣтомъ знаменитый Волтеръ и Великая Екатерина! Знали не случайно, но по его достоинствамъ. А я за честь себѣ почитаю, что онъ меня и моего Луцевина отличалъ. И сей-то былъ Полянскій, который, при первомъ моемъ его узнаніи, кричалъ еще въ сѣняхъ — когда шелъ съ визитомъ къ Вязмитинову — Monsenieur!

Прошлаго еще 1781 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я, по представленію намѣстническаго правленія, опредѣленъ сенатомъ въ верхнюю расправу стряпчимъ, а Луцевинъ въ намѣстническое правленіе—секретаремъ. Графъ Чернышевъ, какъ будто дожидался

нашей перемѣны, переведенъ, по именному повелѣнію, въ Москву главнокомандующимъ; а сенаторъ Пассекъ, бывшій нашъ губернаторъ, получилъ, по преднамѣренію своему, бѣлорусское генералъ-губернаторство, съ пособіемъ князя Потемкина.

Удивительно, какъ умы и сердца человѣческія соединяются въ одну точку, ежели гдѣ зрится неоспоримая истина. Въ продолженіе начальства графа Чернышева, всякой съ любочестіемъ, при надобномъ случаѣ, говаривалъ: «у насъ государевъ намѣстникъ графъ Чернышевъ». При перемѣнѣ же его, всякое состояніе единодушно заговорило унылымъ тономъ: «уже у насъ не будетъ второго графа Чернышева». Помню я, какъ одинъ старой служивой подполковникъ, которой былъ тогда совѣтникомъ въ гражданской палатѣ, г. Квасниковскій, сказалъ: «слава-жъ Богу, что къ намъ Петръ Богдановичъ Пассекъ; еще мы не все теряемъ». Но не было никого, кто бы сказалъ, что мы ничего не теряемъ. Время показало, что общенародный голосъ и предчувствіе не ошибались **). Но возвратимся къ порядку повѣствованія.

Пассекъ, еще до приѣзда въ губернію, далъ знать намѣстническому правленію, чтобъ оно нашло для себя въ секретари другого и представило бы къ нему, для представленія сенату; а Луцевина онъ беретъ къ себѣ въ секретари.

По прибытіи въ Могилевъ, около начала 1782 года, потребовалъ онъ къ себѣ Луцевина и сказалъ ему: «я тебя обрекъ давно на это мѣсто, зная, что ты хорошо отправлялъ свою должность, когда я былъ здѣсь губернаторомъ; Полянскій не однажды мнѣ хвалилъ тебя».

Луцевинъ, возвратясь отъ него, пересказалъ мнѣ это, и сильно огорчался честью, которою удостоивали его, не посовѣтовавшись съ нимъ. Онъ не напрасно признавался, что не ловокъ былъ угождать великимъ особамъ, которыхъ велѣнія должно исполнять какъ божескія, и которыя иногда за неумышленное неисполненіе одного ихъ велѣнія *), уничтожаютъ въ одну минуту всѣ употребленные труды и заслуги.

«Напрасно ты такъ думаешь, — говорилъ я ему — ты изображаешь самаго дурного вельможу и самаго плохого секретаря.

*) Вмѣсто зачеркнутаго «прихоти». Ред.

**) Отсюда до конца второй части впервые появляется въ печати. Ред.

Вы оба не таковы. А ежели-бы ты и принужденъ былъ переносить сколько-нибудь иго самонравія, то противоположи ему то важное преимущество, что во всей имперіи ты будешь имѣть одного только начальника, которой при томъ силенъ составить твое счастье, и которой считается не дальше отъ государя, какъ между вторыми лицами».

Онъ согласенъ былъ съ моимъ мнѣніемъ, но горести вдругъ преодолѣть не могъ, и наконецъ сказалъ: «такъ и быть! надобно съ горя приняться за работу; авось-либо, второе отъ государя лицо сильно будетъ составить мое счастье!»

Раздѣливши съ нимъ, по обыкновенію, и смѣхъ и горе, разстались.

Пассекъ, принявши первыя поздравленія, первыя посѣщенія, осмотрѣвшись дома и заглянувши въ должность, первымъ долгомъ поставилъ удовлетворить требованію природы, по сердечной экспедиціи. Онъ сыскалъ свою любовницу Марью Сергѣевну Салтыкову *) и малолѣтнаго сынка — которой назывался, по отцовскому и по своему имяни, Петромъ, а по нѣжности Пипинкомъ и Панушкомъ — и нѣсколько манежныхъ лошадей, съ конюшни смоленскихъ его деревень. Сіи суть три струны, которыя были пріятнѣйшею въ жизни для его сердца музыкою, и безъ нихъ онъ жить не могъ.

Я, не давая закоснѣть времяни, выпросилъ отъ намѣстническаго правленія представленіе, съ помощью друга моего Дмитрія Романовича Чугаевича,**) къ генералъ-губернатору Пассеку,

*) Марья Сергѣевна Салтыкова была дочь иностранной коллегіи секретаря Волчкова, жена маіора Александра Салтыкова. Она, въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, разладила съ мужемъ, и, въ такомъ горькомъ случаѣ, искала пособія и защиты по Петербургу. Пассекъ тогда былъ при дворѣ камеръ-геромъ. Онъ ей предложилъ свое покровительство, которое показалось для нея тѣмъ надежнѣе, что и онъ, разладя съ женою — изъ фамиліи Шафировыхъ — не меньше имѣлъ нужду въ покровительствѣ себя молодыми и пригожими женщинами. Сей случай двухъ горевавшихъ половинъ, сочеталъ ихъ на всю жизнь. Г. Д.

**) Дмитрій Романовичъ Чугаевичъ былъ учителемъ могилевской семинаріи, а по присоединеніи Бѣлорусскаго края къ Россіи, вступилъ въ статскую службу. При открытіи намѣстничества, помѣщенъ стряпчимъ въ верхнюю расправу; потомъ въ верхній земскій судъ, а меня помѣстилъ — долженъ сказать — онъ стараніемъ своимъ на свое мѣсто, въ такую самую пору, когда пріятель мой Луцевинъ, будучи еще секретаремъ намѣстническаго правленія, цѣлилъ чтобъ я остался при прежней должности, единственно для того, чтобъ я у

со испрошеніемъ въ оном представленія отъ него сенату, о повышеніи меня чиномъ титулярнаго совѣтника. Я предварилъ о семъ Луцевина. «Это будетъ случаемъ — говорилъ я ему — что вы, при докладѣ по бумагѣ обо мнѣ, напомните *) и о себѣ. И хотя вы однимъ чиномъ ниже, однако-жъ можете примолвить, что вы должность въ намѣстническомъ правленіи отправляли степенемъ выше меня. Итакъ, мы будемъ оба титулярными совѣтниками!» Луцевинъ все это умѣлъ употребить въ пользу. Мы оба представлены сенату, но въ разныхъ бумагахъ. Онъ о себѣ выпросилъ письмо отъ генералъ-губернатора къ герольдмейстеру, а обо мнѣ ничего. Онъ произведенъ титулярнымъ совѣтникомъ изъ провинціальныхъ секретарей; а я, изъ губернскихъ, коллежскимъ секретаремъ.

Пассекъ любилъ пользоваться пріятностью годоваго времяни, какая бываетъ подъ 53-мъ степенемъ сѣверн. шир., и любилъ всякаго рода удовольствія. Весеннее и лѣтнее время пробылъ онъ въ Могилевѣ, наполненномъ садами, окруженномъ лѣсами, кустарниками, полями. Часто, по вечерамъ, бывали у него собранія съ музыкою, дабы вкусить пріятность жизни Марьѣ Сергѣевнѣ и Панушкѣ. Карточная въ банкъ игра не была забыта. Столы нарядно-освѣщенные; при каждомъ служитель, дабы каждой игрокъ имѣлъ безъ затрудненія удобность: приказывать, требовать и довольствоваться всѣмъ тѣмъ, что ему угодно, кромѣ птичьего молока. Вообще, всякой игрокъ былъ хорошо принятъ, а особливо тѣ, которые имѣли честь быть съ хозяиномъ въ мотіѣ, отлично были уважаемы; и если кто счастливъ былъ приобрѣсть ихъ благосклонность, за того слово ихъ предъ генералъ-губернаторомъ имѣло полной вѣсъ.

По такимъ рекомендаціямъ, мало по малу, штатъ присут-

него былъ въ командѣ. Эта несчастная черта была ему природна и для него злополучна. Она не разъ еще встрѣтится въ моей исторіи.

Чугаевичъ былъ мнѣ равнолѣтенъ, зналъ хорошо латинской языкъ и латинскихъ авторовъ, имѣлъ смыслъ чистой и рѣчь порядочную. Начальство и чиновники почитали въ немъ его достоинствы, и его уважали. Онъ принялъ меня во свою дружбу. Во многихъ случаяхъ былъ мнѣ весьма полезенъ, до самой его смерти. Но и самая смерть его—въ 1788 году—была для меня полезна тѣмъ, что я помѣщенъ на его мѣсто въ верхній земскій судъ, какъ будто въ награду моей объ немъ печали. О чемъ скажется ниже на своемъ мѣстѣ. Г. Д.

*) Исправлено вмѣсто «будете имѣть поводъ» Ред.

ственныхъ мѣстъ началъ замѣщаться, или игроками, или надобными для нихъ людьми. Первые были самые дурные по службѣ работники и самые лутчіе компаніоны. Вторые хотя могли знать свою должность, но были пролазы и подлецы, подставленные людьми, незнающими штатской службы. Таковъ былъ плодъ вечернихъ собраній!

А въ продолженіе дня, приказывалъ онъ подводить къ окнамъ своихъ лошадей, показывая ихъ каждому, кто хотѣлъ ихъ видѣть, а особливо гостямъ проѣзжающимъ. При семъ случаѣ, стоило только кому на кого угодно сказать: что, вотъ тотъ-то имѣетъ лошадку.... вятскую сѣренькую.... нагайскую кобылку... парочку соловенькихъ, и проч. и тотчасъ владѣтель лошади получалъ дружеское требованіе: «покажи-ка, братецъ, покажи-ка». И, въ короткую пору, предъ окнами на улицѣ, являлась нечаянно маленькая лошадиная ярманка.

Пассекъ, препроводя такимъ образомъ весеннюю и лѣтнюю пору въ губерніи, отправился по первому зимнему пути въ Петербургъ, для перемѣны воздуха и для осмотрѣнія, не требуетъ ли укрѣпленія то мѣсто, на которомъ онъ сидитъ.

При выѣздѣ его, пошелъ я пройтиться съ пріятелемъ моимъ Луцевинымъ. Онъ меня спросилъ: «что-жъ вы думаете съ недожалованнымъ чинкомъ?»

— «Что думать? — отвѣчалъ я — надобно износить чинокъ.

«Попросите вы, по выѣздѣ нашемъ, Павла Артемьевича, чтобъ онъ написалъ объ васъ къ генералъ-губернатору въ Петербургъ, а я до выѣзда такъ же излучу объ этомъ попросить. Онъ теперь у генералъ-губернатора» *).

Я сдѣлалъ по совѣту Луцевина, и былъ произведенъ титулярнымъ совѣтникомъ, 1783 г. въ февралѣ, а Луцевинъ, изъ Петербурга, услужилъ мнѣ безъ просьбы и присылкою патента на сей чинъ, въ мартѣ мѣсяцѣ.

---

*) Павелъ Артемьевичъ Левашевъ былъ предъ первою, при Екатеринѣ Великой, противъ турковъ войною, при резидентѣ въ Константинополѣ Обрѣсковѣ, совѣтникомъ посольства. Потомъ вышелъ въ отставку дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и жилъ въ пожалованныхъ ему въ рогачевскомъ уѣздѣ деревняхъ. Онъ былъ великой мастеръ шутить на русскомъ и на французскомъ языкѣ—хотя и былъ уже въ то время лѣтъ за 50 своего вѣка. Память его была неизчерпаемой кладязь всего того, что съ нимъ встрѣчалося въ жизни. А наиболѣе ловокъ былъ изъяснять любовныя повѣсти, безъ кото-

Между тѣмъ, пока Пассекъ возвратится изъ Петербурга, разскажу я одно дѣйствіе, произшедшее предъ прибытіемъ еще его на генералъ-губернаторство, слѣдственно, по порядку времяни, надлежало бы мнѣ написать его прежде.

Въ семъ дѣйствіи случилось и мнѣ съиграть свою роль. И хотя оно ничего въ себѣ отличнаго не заключаетъ, кромѣ легкомыслія, истекшаго отъ корыстолюбія, но поелику оно справедливѣе, нежели какъ кто видѣлъ воскресеніе мертвыхъ, то и опишу я его точно такъ, какъ оно происходило.

§ XXXIX.

Кладорытіе.

Во единъ отъ дней, утру сущу, въ августѣ или въ сентябрѣ, пріиде ко мнѣ другъ мой, Дм. Р. Чугаевичъ, глаголя сице: «внимай любезной братъ! Счастье насъ ищетъ».

— Добро пожаловать.

«Клянись мнѣ: никому объ немъ не говорить, ни писать, ни изображать гіероглифами».

— Клянусь, что я это счастье схвачу въ охапку и не выпущу его, какъ-бы оно ни было склизко.

Посмѣявшись оба на счетъ счастья, о которомъ я еще не слыхалъ, сказалъ онъ мнѣ: «губернаторъ Ник. Богдан. Енгельгардтъ, не находя никого лутче, хотѣлъ поручить мнѣ теперешнюю коммиссію. Я увѣрилъ его: что есть еще и лутче меня. Это вы. Онъ хотя не вдругъ *) повѣрилъ, однакожъ напослѣдокъ **) подтвердилъ мой выборъ. Вотъ же вамъ и секретной губернаторской ордеръ», выхватывая изъ-подъ груднаго кармана.

Въ ордерѣ начиталъ я: «могилевскаго губернскаго магистрата прокуроръ г. Полтавцевъ, удостовѣрясь отъ шляхтича Нор-

---

рыхъ никакая штука не играется. Онъ, пріѣзжая часто въ губернской городъ, препровождалъ время у Пассека и талантомъ своимъ для него не скупился; а люди сихъ свойствъ—прибавя къ тому вѣкъ и заслуги отечеству—во всѣ времяна и во всѣхъ народахъ, скорѣе выигрываютъ все, нежели тѣ важные философы, которые хотятъ, чтобъ ихъ почитали за древнихъ египетскихъ боговъ—что и въ самомъ дѣлѣ иногда съ ними случается.— Я сему космополиту такъ-же былъ не неизвѣстенъ, по нѣкоторой цѣпи, связующей воедино добрыхъ людей, а иногда шалуновъ и легкомысленныхъ. Sat. Sap. Г. Д.

*) Вмѣсто «безъ труда?» Ред.

**) Вмѣсто «и самъ». Ред.

кевича, донесъ мнѣ секретно, о немалой и немаловажной поклажѣ, сокрытой въ извѣстномъ ему мѣстѣ. Я предписываю вашему благородію, отправясь съ ними, вынуть оную поклажу изъ того мѣста, гдѣ они покажутъ, и меня объ ней предварительно и секретно увѣдомить чрезъ нарочнаго; о чемъ дано отъ отъ меня и г-ну прокурору Полтавцеву обстоятельное секретное предписаніе», *) и проч. Николай Энгельгардтъ.

Во исполненіе повелѣнія, спѣшилъ я предъ полуднемъ въ квартиру Полтавцева, и горѣлъ любопытствомъ: гдѣ, и какими судьбами посылаетъ намъ Богъ кладъ, положенной неизвѣстно когда, неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно гдѣ?

Я нашелъ его при остаткѣ уже такого завтрека, предъ которымъ съ водкою и за которымъ съ виномъ поступлено было безъ всякаго послабленія. Съ шестеро ѣдуновъ были уже въ пол-пьяна.

Прокуроръ, завидя меня, подбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми руками, и обнимая кричалъ: «вотъ нашъ сотрудникъ! вотъ нашъ другъ! достойный секретныхъ препорученій!» Всѣ протчіе сдернулись изъ-за стола, и подходя ко мнѣ, въ такомъ положеніи какъ нашлись, иной съ ножемъ, иной съ вилкою, съ стаканомъ, съ салфеткою въ рукахъ, повторяли почти то же, чѣмъ привѣтствовалъ меня Полтавцевъ. Въ такой соматохѣ, говорить съ Полтавцевымъ о дѣлѣ было-бы напрасно. Я принялся добирать завтрекъ, осматриваясь, чтобы, сверхъ завтрека, не сравняться во всемъ съ ними, поелику каждой изъ нихъ всесильно старался исполнять добродѣтель гостепріимства.

Отработавшись на тарелкахъ, не вытерпѣлъ я, чтобъ не спросить Полтавцева тихонько: «мы имѣемъ секретное повелѣніе: за чѣмъ-же здѣсь другіе люди, кромѣ Норкевича»?

Отвѣтъ получилъ громогласной: «отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ».

И всѣ воскрикнули почти тоже, и всѣ принялись за стаканы горячего на дорогу пуншу.

Я, желая сколько-нибудь себя просвѣтить, спросилъ еще потише: «гдѣ нашъ кладъ? далеко ли намъ ѣхать? Норкевичъ какое имѣетъ основаніе своему донесенію?» и проч.

Полтавцевъ на всѣ вопросы со всѣхъ силъ закричалъ: «это

*) Вмѣсто «повелѣніе». Ред.

все наши пріятели. Отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ». Я уже былъ во искушеніи, бѣжать къ г-ну Чугаевичу и изъяснить ему, что губернаторъ завлеченъ въ обманъ людьми сумазбродными и легкомысленными, которые на пунктѣ корыстолюбія съ ума сошли. Но вспомня, что я еще не вошолъ въ довѣріе остерегать губернатора, и что вся должность моя заключалась въ исполненіи его повелѣнія; къ тому-жъ, погода была хороша, а берлинъ о четырехъ полахъ и кибитка были уже заложены, рѣшился прогуливаться на чужой счетъ. Мы съ Полтавцевымъ и Норкевичемъ сѣли въ берлинъ, а два шляхтича въ кибитку, и отправились изъ города секретно, среди бѣла дня, на большую дорогу, лежащую къ городу Чаусамъ.

Отъѣхавши верстъ съ 15, когда уже спутники мои поосвѣжились, спросилъ я Норкевича: «откуда онъ знаетъ о кладѣ, по которой мы ѣдемъ?»

— «Всѣ старые люди знаютъ, и увѣряютъ», отвѣчалъ онъ.

— «Изъ чего онъ состоитъ?»

Тутъ мой Норкевичъ замялся; онъ силился изъяснить важность клада, но не зналъ какъ наимяновать.

— «Если старые люди знаютъ, спросилъ я, такъ для чего-жъ они сами не выняли?»

Тутъ Норкевичъ еще больше напоролъ дичи.

— «Далеко ли еще намъ ѣхать?»

— «Верстъ съ двадцать, отвѣчалъ Полтавцевъ. Мы отъ Петровичь *) повернемъ съ большой дороги въ деревню Смолки, а въ Петровичахъ истребуемъ, по силѣ губернаторскаго ордера, отъ управителя Вейделя лопатниковъ, и отправимъ ихъ чрезъ ночь въ Смолки, а сами у него переночуемъ».

По сему распоряженію прибыли мы на другой день въ Смолки, часу въ 9-мъ предъ полуднемъ. Остановились при дорогѣ, между церковью и карчмою, и при самомъ кладбищѣ.

Тутъ нашли мы нашихъ лопатниковъ, стоящихъ въ шеренгу съ заступами и лопатами, которыхъ, къ удивленію моему, насчиталъ я 40 человѣкъ; изъ чего уже не сомнѣвался, что секретное наше дѣло должно быть очень обширно, если обрабо-

*) Казенное селеніе, лежащее при большой дорогѣ, гдѣ и домъ почтовой. Послѣ оно подарено генералъ-маіору Ермолову, а отъ него продано г-ну Яншину. Г. Д.

тывать его будутъ сорокъ секретарей. Я, ставши у берлина, разсудилъ ожидать, что будетъ? а Полтавцевъ и Норкевичъ пошли по полю... далѣ къ кустарнику.... ходятъ.... останавливаются, говорятъ между собою и ничего не показываютъ.

Скучивши ожиданіемъ, пошолъ и я къ нимъ. Они такъ-же повернули ко мнѣ на встрѣчу, и Полтавцевъ издали ко мнѣ заговорилъ: «скоро будетъ пора обѣдать, а у насъ еще ничего не готовлено».

— «Надобно объ этомъ позаботиться, отвѣчалъ я: да кладъта нашъ что?»

Норкевичъ отвѣчалъ: «треба шукаць».

— «Поэтому вы не можете показать гдѣ онъ?»

«Отъ туцось подъ упадло», указывая рукою на одно мѣсто.

— «Если по упалымъ и бугристымъ мѣстамъ заключать о кладахъ—сказалъ я—то можно взрыть цѣлой Чаусовской уѣздъ; а намъ, во избѣжаніе такихъ трудовъ, надобно знать точное мѣсто нашего клада, о которомъ знаютъ всѣ старые люди».

«Треба шукаць», былъ послѣдній отвѣтъ Норкевичевъ.

Полтавцевъ отправился въ корчму, обнадеживъ насъ добрымъ обѣдомъ, а мы, походя нѣсколько времяни тщетно, пошли туда же, и нашли его предъ пылающимъ каминомъ за разною огородною зеленью, мясами, птицами, съ ножемъ, съ кострюльками и горшками, препоясаннаго платкомъ вмѣсто фартука и требующаго наступательно отъ жида, корчмаря, всего того, что онъ имѣетъ самое лутчее. Жидъ извинялся, что у него не трактиръ, а обыкновенная корчма, однако-жъ, обнадеженъ будучи щедрою платою, исполнялъ усердно требованія. Мы съ Норкевичемъ хотѣли-было приняться, изъ вѣжливости, помогать нашему метрдотелю; но онъ не шуточно изъяснился, «чтобъ мы не вмѣшивались въ такое дѣло, котораго не разумѣемъ». Между тѣмъ, я принялся еще вопрошать Норкевича, не скажетъ ли онъ чего-нибудь хоть правдоподобнаго; но всѣ его отвѣты похожи были на прежніе, и коммиссія наша, столько для насъ самихъ была секретна, сколько всѣмъ была извѣстна, такъ что даже никто изъ насъ не вѣдалъ, зачѣмъ мы сюда пріѣхали*).

Обѣдъ нашъ стоилъ лутчей коммиссіи; три или четыре блюда,

*) Слова начиная съ слова «такъ» зачеркнуты. Ред.

приготовленныя изъ туземныхъ*) припасовъ, во вкусѣ малороссійскомъ, нельзя было промѣнять на супъ, макароны, кампотъ, спаржу, устрицы, биръ-супъ и супъ-вассеръ. Но Полтавцевъ, когда я хвалилъ его искусство, не былъ еще доволенъ своею стряпнею; онъ на каждое кушанье указалъ, изъясняя, чего къ которому недостаетъ; «но въ томъ, примолвилъ онъ, не его вина. Въ Смолкахъ надобно довольствоваться тѣмъ, что можно было найти у жида арендаря».

Послѣ обѣда Норкевичъ пошолъ на сѣно спать, а я началъ у Полтавцева допрашиваться: за что намъ приниматься? Для чего столь великое число истребовано работниковъ? за чѣмъ мы сюда пріѣхали? и проч. Норкевичъ, говорилъ я, увѣряетъ, что старые люди его увѣряли. Черезъ сѣни противъ насъ, полна корчма мужиковъ разныхъ лѣтъ; спросите ихъ, о чемъ хотите.

Полтавцевъ подошедъ къ одному старику:—«что старинушка? давно ли на свѣтѣ живешь?»

— «А! ужу лѣтъ сотцо съ горою**).

Я спросилъ его: «что-жъ ты на свѣтѣ помнишь? и что знаешь?».

— «Помню, якъ шовъ Піотръ Алексѣевичъ и Репнинъ».

— «Какихъ ты лѣтъ тогда былъ?»

— «Ужу сидѣвъ на печцѣ, и чувъ якъ казали: царъ-каже Піотръ Алексѣевичъ».

Я, смѣкнувши времяна россійскихъ и шведскихъ въ Польшу походовъ, въ началѣ XVIII столѣтія, нашелъ, что старику нашему болѣ 70 лѣтъ, однако-жъ не сто слишкомъ.

Полтавц.: Скажи намъ что добринькое***).

Старикъ: Атъ, хвала пану Богу, коли панъ дастъ шаговку, подинькую****).

Полтавц.: А! его надобно покуражить.

Старикъ нашъ выпилъ, ему повторили. Онъ сѣлъ на лавку,

---

*) Прошу не взыскивать за наше родовое слово. Ежели мы знаемъ: иностранецъ или пришлецъ, то должны знать и туземецъ. Такъ называли и писали наши праотцы славяне. (Библ.). Г. Д.

**) Діалектъ бѣлорусскихъ мужиковъ. Значитъ: «лѣтъ со сто слишкомъ». Г. Д.

***) Точныя слова Полтавцева, которыя отъ сего случая и времяни, вошли въ Могилевѣ въ пословицу и жили долго. Г. Д.

****) Когда баринъ покажетъ двукопѣечную мѣру вина, поблагодарю. Г. Д.

запѣлъ слабымъ и дряхлымъ голосомъ мужичью пѣсню, повалился и заснулъ!—Это было открытіе намъ клада. Между тѣмъ, проснулся и Норкевичъ.

— Показывайте-жъ мѣсто, гдѣ кладъ? спросилъ я Норкевича.

— «Тутъ на кладбищѣ надобно его искать», отвѣтствовали они оба съ прокуроромъ.

Я совершенно былъ увѣренъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ всегда роютъ для умершихъ, невозможно быть кладу, однакожъ, чтобъ чѣмъ-нибудь кончить наше секретное препорученіе, принялъ команду надъ лопатниками, велѣлъ имъ стать попарно одному противъ другого, и рыть посаженно по всему кладбищу, кому гдѣ угодно, и гдѣ только можно.

Земля на кладбищѣ была рыхлая, слѣдственно для копки самая легкая. Въ остатокъ дня до вечера и на завтра въ цѣлый день, надѣлали мы громады шанцовъ, апрошей, цитаделей, крѣпостей, гласисовъ, въ такомъ совершенствѣ, какого не производили ни медвѣди, ни кроты. Мы нарыли костры костей, и даже коснулись мертвыхъ, недавно зарытыхъ, такъ что всѣхъ живущихъ въ окрестныхъ селеніяхъ привели въ ужасъ. Проѣзжающіе, останавливаясь при нечаянной сей встрѣчи, вопрошали съ трепетомъ: «Ахъ! что это такое?»

На третій день, по утру, предложено было мною въ общемъ совѣтѣ на разсужденіе: что кладбище все взрыто, что мы уже болѣе не найдемъ, сколько нашли; что надлежитъ теперь опасаться чумы, особливо, если откроется сырая и мокрая погода, что мы все то здѣлали, что надлежало здѣлать чиновникамъ, удостоеннымъ секретной довѣренности и желавшимъ найти кладъ; что счастіе не зависило отъ насъ; ибо извѣстно всѣмъ старымъ людямъ, что «кладъ не всякому дается», и что, во уваженіи всего того, не благоугодно ли будетъ секретной экспедиціи, дабы оная благоволила приказать: все тѣмъ же порядкомъ зарыть, которымъ отрывали, а самимъ отъѣхать домой, тѣмъ же путемъ, которымъ пріѣхали, и донести его превосходительству г-ну губернатору, что, по общему мнѣнію всѣхъ старыхъ корыстолюбивыхъ, легкомысленныхъ и суевѣрныхъ невѣжъ, кладъ нашъ внизъ загремѣлъ.

Предложеніе одобрено общими голосами безъ всякой оппо-

зиціи. Вслѣдствіе чего лопатникамъ дано приказаніе, отрытое зарывать и возвращаться по домамъ, а Полтавцевъ принялся за свое дѣло около камина и печи. Экспедиція наша имѣла заключеніемъ обѣдъ превкусной, и безъ нея не зналъ бы я о искусствѣ поваренномъ, которымъ обладалъ прокуроръ Полтавцевъ, не уступая славному греческому Аристиппу.

Въ Могилевѣ, любопытные насмѣшники и балагуры, узнавъ обо всемъ секретѣ, долгое время, при свиданьѣ съ нами, вмѣсто вопроса о здоровьѣ, вопрошали, а особливо Полтавцева: «Скажи намъ что добринькое», Норкевичу припоминали: «треба шукаць». Мнѣ совѣтовали пріятельски, заслугу мою помѣстить въ формулярный списокъ, а къ губернатору Енгельгардту вице-губернаторъ и директоръ экономіи приступали съ требованіемъ, чтобъ онъ казеннымъ работникамъ, четыредесятимъ человѣкамъ, заплатилъ за три дни законную на каждой день поденьщину.

§ XL.

Около сего времени я купилъ на краю города, при оврагѣ называемомъ Ребръ, противъ горы, называемой Мышьяковка, землю съ садомъ. Построилъ маленькой деревянной на каменномъ фундаментѣ, саженяхъ на $4^1/_2$ въ каждой стѣнѣ, домикъ о 4-хъ покояхъ, пятой на верху*); а кабинетное окно далъ въ садъ. Домовыя принадлежности, какъ-то: баня, ледникъ и проч. соотвѣтствовали главному корпусу, котораго четыре покоя не меньше были 4-хъ вороньихъ гнѣздъ. Всѣ, кто хотѣлъ, хвалили мой вкусъ, мое расположеніе и выборъ мѣста, которое, съ лицевой стѣны, имѣло возвышенное положеніе, и представляя зрѣнію внизу часть города, представляло за тѣмъ луга, пески и лѣсъ. А равнина окружающая домъ съ трехъ сторонъ, осѣнялася моимъ и сосѣдними садами. Угодно-ль знать мѣру земли?— 26 саженей въ длину и 9 въ ширину; это здѣлаетъ квадратныхъ 286 саж., изъ коихъ 88 пошло подъ домъ и подворье**), а протчія остались подъ садомъ.

Возвратившемуся изъ Петербурга генер.-губернатору Пассеку понадобился человѣкъ, которой бы снялъ счетъ съ управляющаго смоленскими его деревнями, адъютанта Крюкова, и сдѣлавъ

*) Зачеркнуто «подъ крышею». Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго «дворъ». Ред.

описаніе всему, что надлежитъ описывать, сдалъ бы все въ вѣдомство и управленіе другому, его-же адъютанту Томашевскому. Луцевинъ, желая меня приблизить къ генералъ-губернатору, доложилъ ему, что Добрынинъ человѣкъ способный къ исполненію препорученій, не исключая и кладорытія.

Вслѣдствіе чего, явясь къ его высокопревосходительству, получилъ отъ него письменное и словесное наставленіе, и отправился съ Томашевскимъ, на коштѣ его высокопревосходительства, въ смоленскую его вотчину, называемую Яковлевичи.

По пріѣздѣ нашемъ туда, истребовали къ себѣ тотъ-часъ домовыхъ должностныхъ: старосту, земскаго, ключника и проч. Объявили имъ господскую волю, что Яковлевичи имѣютъ новаго управителя; а прежнему поручили пакетъ, по силѣ котораго долженъ онъ дать отчетъ, о чемъ его ни спросятъ, и потомъ явиться въ Могилевъ, къ настоящей своей должности адъютанта.

Въ теченіе недѣль двухъ, все здѣлано со всѣми подробностьми, и къ генералъ-губернатору бумаги отправлены. Ожидаемо было дальнѣйшей резолюціи, но Пассекъ, получа бумаги, позабылъ, что я въ Яковлевичахъ. А я, пользуясь случаемъ забвенія, бывалъ съ Томашевскимъ на обѣдахъ и прогулкахъ у сосѣднихъ дворянъ, и у его брата Ѳедора Богдановича Пассека, въ деревнѣ Беззаботахъ. У него бѣгивали по саду; и его любовница, Марья Ивановна, урожденная Ушакова, имѣя тогда цвѣтущій вѣкъ, имѣла привлекательную вѣжливость указывать намъ дорогу по садовому лабиринту, точно такъ, какъ Аріадна указывала Тезею. Самъ же Ѳедоръ Богдановичъ Пассекъ, будучи еще хотя лѣтъ не старыхъ, но тронутъ ударомъ, продолжающимся около десяти лѣтъ, дожидался насъ всегда, сидя на одномъ мѣстѣ въ бесѣдкѣ, или на открытомъ канапе. Онъ не могъ дозгибать въ колѣнахъ ногъ и ходя передвигалъ ихъ почти прямо; почему садился и вставалъ съ помочью человѣка, хотя ѣлъ и пилъ со вкусомъ, и цвѣтъ въ лицѣ имѣлъ человѣка довольно свѣжаго.— Сія болѣсть обратила его отъ жизни свѣтской на постоянную и набожную. Онъ показалъ мнѣ свой кабинетъ мольбы, или храмъ опредѣленной для молитвы. Въ немъ стоялъ на стѣнѣ образъ Богоматери, называемой Смоленской, въ ризѣ позолоченой, за стекломъ, въ кивотѣ, мѣрою, сколько помню, около аршина и съ кивотомъ. По его словамъ, чрезъ поклоненіе тому образу, съ

котораго сей списанъ, онъ избавленъ чудесно, помощію Богоматери, отъ болѣзни, отъ которой слѣды, какъ-бы для всегдашняго воспоминовенія, остались только въ ногахъ. Онъ читалъ мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ канона благодарнаго Богоматери, сочиненнаго имъ самимъ послѣ болѣзни, для каждодневнаго чтенія утромъ и вечеромъ, предъ образомъ. Гдѣ приходилось именовать Творца вселенныя, тамъ онъ говорилъ: «Создатель міровъ». «У насъ—говорилъ онъ мнѣ—учатъ: что земля обитаемая нами, есть одна въ поднебесной; но это не правда. У непостижимаго Создателя, въ неизмѣримомъ пространствѣ воздуха безчисленное множество міровъ».

Мнѣніе его не было для меня новизною; но я дивился, что человѣкъ пожилой и тронутой ударомъ соглашается съ истиной, и вмѣстѣ вѣритъ, что онъ исцѣленъ чудесно, и изъясняетъ подробно, какъ это съ нимъ случилось. Дочь его, барышня умная и бойкая, лѣтъ 22-хъ, не горячо вѣря повѣсти отеческой, сказала: «развѣ не можетъ все это присниться?»

Возвратясь въ Могилевъ,—не дождавшись резолюціи—явился я къ своему генералъ-губернатору, повторилъ словесно то, о чемъ уже зналъ онъ изъ писменныхъ донесеній. Отвѣчалъ на то, о чемъ былъ спрошенъ, и наконецъ, получилъ отличную привилегію, чтобъ я «приходилъ всегда къ обѣду, когда вздумаю, не дожидаясь повѣстки зову».

Я водворился въ мой новой домикъ. Между тѣмъ безкрылое время пролетѣло уже шестилѣтнее поприще отъ открытія намѣстничества, или лутче сказать: оно ни пошевелилось, но жизнь наша мгновенно по немъ скользнула. Многое въ губерніи измѣнилось; многое возникло, многое уничтожилось. Секретаря Судейкина,—который послѣ Рогачева былъ въ гражданской палатѣ секретаремъ,—и Малѣева, которой былъ уже въ уголовной палатѣ предсѣдателемъ, ударилъ въ разныя времяна смертельной параличъ. Сотрудникъ мой по стихотворству, секретарь Шпыневъ умеръ въ водяной болѣзни, и проч. и проч. Уничтожилась и рогачевская таможня, и одноземецъ нашъ, г. Хамкинъ давно уже живетъ въ губернскомъ городѣ безъ должности и службы, питаясь оставшимися отъ таможенныхъ приобрѣтеній крохами; онъ еще столько былъ гордъ, что отвергалъ съ презрѣніемъ предлагаемыя ему мѣста и должности, если они были меньше, или

не столько прибыльны, какъ полнерскія въ таможнѣ. Мы съ Луцевинымъ занимаемъ штатныя мѣста, и видимъ, что Хамкинъ, человѣкъ нѣкогда значившій и достаточной, остался позади насъ, и напослѣдокъ принужденъ былъ горемъ принять то мѣсто стряпчего верхней расправы, съ котораго я поступилъ на большее. Сынъ его, молодой 24-лѣтній, изнѣженный, избалованный, опредѣленъ въ расправу протоколистомъ. Старикъ, не видя въ немъ пути, упросилъ меня, чтобы чадо любезное имѣло въ домѣ моемъ квартиру, авось-либо, говорилъ отецъ, сынъ мой поправится, видя благіе примѣры хозяина дома. «Благодѣтель мой!» говорилъ мнѣ сей искренной старикъ: «порадѣй въ пользу моего сына; ты жилъ въ Сѣвскѣ при особѣ важной; твоя тамъ слава по нынѣ не исчезла, ты и здѣсь ведешь жизнь приличную честнымъ и добропорядочнымъ людямъ» и проч.

Рѣчь старца, хотя покрытаго сѣдиною, но крѣпкаго — какъ казалось — столько же и въ разсудкѣ, сколько въ здоровьѣ, привела меня въ жалость; я не подозрѣвалъ, чтобъ мое самолюбіе тутъ участвовало, и молодой Егоръ Хамкинъ перебрался ко мнѣ тѣмъ охотнѣе, что надѣялся избѣжать отцовскихъ упрековъ.

Отецъ снабдилъ его столовымъ, чайнымъ и кофейнымъ серебренымъ и фарфоровымъ приборомъ, персонъ на шесть, и всякаго сорта бѣльемъ и платьемъ, а сынъ нашолъ *) къ себѣ во услуженіе вольнаго гусара. Столъ нашъ, по условію, долженъ былъ быть вмѣстной или очередной. Народъ, по штату въ губернскомъ городѣ положенный, заговорилъ: какъ можетъ мѣститься вода съ огнемъ? «Такъ точно—отвѣчалъ остроумно молодой Хамкинъ при одномъ случаѣ—какъ мѣстится въ одномъ горшкѣ кушанье, которое не бываетъ сварено безъ огня и воды». Иные говорили, что старикъ Хамкинъ лучшаго мѣста и способа для исправленія сына своего желать не долженъ, и тѣмъ его поздравляли! Но увы! вездѣ праведнику чортъ мѣшаетъ, и вездѣ грѣшнику соблазнитель сатана помогаетъ! Тогда было въ губерніи генеральное межеванье, и моего Егора испортился порядокъ прежде, нежели солнце протекло Стрѣльца, Козерога и Водолѣя. Онъ сперва началъ отваливать отъ обѣда, или отъ ужина, а потомъ, и цѣлые сутки его нѣтъ. Гдѣ-жъ онъ и чѣмъ занимается? Кар-

*) Вмѣсто зачеркнутаго «нанялъ». Ред.

точною игрою съ землемѣрскою партіею, которая въ деньгахъ никогда скудости не имѣетъ.

Единожды мой Егоръ, въ сіе долгонощное время года, приходитъ за полночь, шумитъ, говоритъ, пробуждаетъ меня; гремитъ деньгами золотыми и сребреными, въ шляпѣ и по карманамъ, всего этого добра составляло рублей съ небольшимъ на двѣстѣ, однако-жъ онъ столько былъ кураженъ, какъ будто-бы получилъ счастье на цѣлую жизнь, изъяснялъ мнѣ свою радость, и былъ въ надеждѣ всегда выигрывать. Я совѣтовалъ ему умѣрить радость. «Игра, говорилъ я, потому и называется игрою, что она непостоянна; а непостоянство, ни въ какомъ случаѣ, не заслуживаетъ нашей радости. Если-же, по мнѣнію древнихъ, нѣтъ ничего безъ исключенія, то игра есть достоинство однихъ только бриліянтовъ, которыхъ мы съ тобою не имѣемъ», и проч.

Мое нравоученіе сильно подѣйствовало. Чрезъ нѣсколько дней слышу, что столовыя ложки въ закладѣ у землемѣровъ.

— «Правда ли это?» спросилъ я моего игрока.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: я только заложилъ роздачную ложку, да и за ту обѣщалъ мнѣ пріятель заплатить хорошую цѣну, если она у него останется. Онъ мой другъ, и я ему вѣрю».

«Надобно, чтобы дружба была безъ залоговъ роздачныхъ ложекъ?»

— «Однако-жъ вы сами, какъ умной человѣкъ, согласны будете, что дружба укрѣпляется пособіями во взаимныхъ нуждахъ».

Видя, что мой Телемакъ и самъ разсуждать и меня хвалить мастеръ, не разсудилъ я больше что ему сказать, какъ: «пусть по твоему».

Въ одинъ вечеръ, приходитъ къ намъ старой Хамкинъ, находитъ меня и сына піющихъ чай, садится на мою постелю и, выпивъ чашку чаю, возглашаетъ: «Сынъ мой! Знаю я непорядочное твое поведеніе... Я пожилъ на свѣтѣ много, былъ на кони и подъ конемъ. Знаю горе, испыталъ счастіе. Можетъ быть худо научился, не могу хвастать. Но для тебя, сынъ мой! я все исполнилъ то, чего требовалъ отъ меня долгъ отца. Я отдавалъ тебя учиться нѣмецкому языку, одѣвалъ тебя прилично воспитанія и моего достатка, опредѣлилъ тебя въ службу, отпустилъ тебя, снабдивши всѣми принадлежностьми. Ты имѣешь оберъ-офицерской чинъ, а поступки твои не хороши; знаю я, не время

тогда гать гатить—плотину починять—когда ее рветъ стремленіе воды. Не запрещаю я тебѣ веселиться, но ты выходишь изъ границъ веселья, ты проигрался, да говорятъ, что съ землемѣрами и подпиваешь. Отстань, покайся, послушай отца! Если не послушаешь, Богъ тебя покараетъ».

Симъ простымъ и искреннимъ наставленіемъ, — которое написалъ я почти точными его словами — онъ произвелъ во мнѣ къ себѣ жалость и почтеніе; но сынъ засыпалъ отца многорѣчивымъ себя оправданіемъ, и чуть не принудилъ старика признаться, что онъ сына обидѣлъ непростительно своимъ наставленіемъ. Между протчимъ, была со стороны сына и часть правды; онъ говорилъ: «Не сами-ль вы, батюшка, меня такъ воспитали? Не вы ли мнѣ говаривали: играй Егоръ въ карты, это дѣло благородное?» и проч.

Такимъ образомъ, зимнее время протекало. У молодого Хамкина явилась гарнитуромъ покрытая шуба небеснаго цвѣта, съ воротникомъ чернобурыхъ лисицъ. Онъ является въ ней по праздникамъ въ соборную церковь и на зрѣлища. За нимъ его гусаръ, порядочно одѣтой. Землемѣры къ нему одинъ по одному подходятъ, съ нимъ говорятъ, его окружаютъ, и, мало-по-малу, дѣлается землемѣрская партія, и вмѣстѣ партія игроковъ. Молодой Хамкинъ, румяной, живой, играетъ въ ней героическое лицо; говоритъ, вопрошаетъ, отвѣчаетъ по-нѣмецки, и заставляетъ о себѣ думать, что ему небезъизвѣстна вся Германія. Низкихъ привычекъ: скромности, осторожности въ словахъ и поступкахъ и уваженія къ старшимъ лѣтами, познаніями и заслугами, онъ не имѣлъ отъ натуры. Отецъ, радуясь цвѣтущему состоянію сына, перемѣнилъ тонъ своего наставленія ему и началъ, при всякомъ случаѣ, гласить: «сынъ мой Егоръ—точныя его слова—ты благородной человѣкъ, благороднаго отца сынъ. Играй въ карты, это дѣло благородное».

Уже прошло нѣсколько мѣсяцовъ, и благородной Егоръ не платитъ ни за столъ, ни за квартиру, однако-жъ когда возвращается—хотя и рѣдко—съ благороднаго упражненія, пользуется тѣмъ и другимъ. Уже гусаръ давно мнѣ доноситъ, что въ сундукѣ господина его очень просторно...

— «Почему ты это знаешь?...»

— «Потому, что у меня нѣтъ ни рубашки, ни сапоговъ, а сундукъ не запертъ».

Въ самомъ дѣлѣ нашли мы въ немъ съ гусаромъ, изъ всего столоваго и чайнаго прибора, одну только ложку да солонку серебреныя, даже бѣлья и платья уже не было.

Вѣрной гусаръ вскорѣ пошолъ туда, гдѣ даютъ рубашки и сапоги; а господинъ его, приходя и выходя безъ поры, и не находя ни обѣда, ни ужина, подхватилъ свою кровать — на которой постеля была еще въ цѣлости — и порожній сундукъ, и сталъ на квартирѣ вмѣстѣ съ однимъ изъ землемѣровъ, равныхъ съ нимъ лѣтъ, которому отецъ изъ Смоленска часто подсылалъ содержаніе. Напослѣдокъ, партія землемѣрская переѣхала въ другую губернію, и съ нею ловля, торговля и промышленность для Егора благороднаго упали.

Старой Хамкинъ проживши все, что нажито въ таможнѣ, провождалъ жизнь самую бѣдную съ женою, дочерью и съ меньшимъ сыномъ. А старшій, благородный наслѣдникъ, шатаясь съ квартиры на квартиру, и не имѣя пропитанія, возвратился на квартиру къ отцу, и помогалъ съ успѣхомъ умноженію общей бѣдности. Для докончанія повѣсти, нужно нарушить порядокъ лѣточисленія *). Бѣдность старика Хамкина кончилась смертію около 1797 года. А старшій сынъ перебѣжалъ въ Витебскъ, когда, по повелѣнію Павла I-го, Могилевская и Полотская губерніи соединены въ одну Витебскую, гдѣ, послужа площаднымъ писцомъ, попивши гдѣ случилось, и ободравшись, растолстѣлъ, оскорбутѣлъ. Въ такомъ положеніи, отправился въ Петербургъ, для поиска счастія, думая, что въ столицѣ на такихъ людей недостатокъ. Но на одной изъ почтовыхъ станцій — помнится въ Лугѣ—кончилъ тридцатилѣтнюю съ небольшимъ жизнь свою.

На какой же конецъ разсказана эта истинная повѣсть? На тотъ, что это не сказка, а я лутче люблю быль, нежели выдумку; впротчемъ, читатель съ разсудкомъ, и не имѣя чѣмъ лутчимъ заняться, найдетъ что-нибудь вездѣ и во всемъ, какъ Сумарокова пчела:

И посѣщающа благоуханну розу,
Беретъ въ свои соты частицы и съ навозу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Послѣдняя строка въ подлинникѣ зачеркнута. Ред.

МОЯ БОЕВАЯ ЖИЗНЬ.

Записки Войска Донскаго генералъ-лейтенанта Якова Петровича Бакланова*).

V.

Въ 1863 году въ маѣ мѣсяцѣ изъ должности окружнаго генерала въ землѣ Войска Донскаго, по высочайшему повелѣнію, командированъ я въ Вильну въ распоряженіе генералъ-отъ-инфантеріи Муравьева. По прибытіи получилъ назначеніе завѣдывать всѣми донскими полками въ округѣ состоящими. Я принялъ новое назначеніе тѣмъ съ бо́льшею радостью, что надъ дорогимъ отечествомъ висѣла грозная туча: всѣ ждали, что западная Европа двинетъ на насъ свои полчища...

Въ концѣ 1863 г. Августовская губернія подчинена Муравьеву. Для принятія и управленія ею онъ командировалъ меня, съ правомъ судить участвовавшихъ въ мятежѣ, приговаривать виновныхъ къ смертной казни, къ ссылкѣ въ каторжныя работы, и въ Сибирь на поселеніе, и не ожидая его конфирмацій, приводить приговоры въ исполненіе; при этомъ я долженъ былъ обо всемъ доносить Муравьеву подробно.

Наканунѣ выѣзда моего явясь вечеромъ къ Муравьеву, для полученія личныхъ приказаній, я счелъ долгомъ объяснить ему, что вся Августовская губернія оставлена беззащитною; находящіяся тамъ войска стянуты въ города и мѣстечки. Повстанцы хозяйничаютъ въ селеніяхъ, какъ у себя дома, и, по моему соображенію, беззащитный людъ, по требованію ихъ, даетъ все,

*) Смотр. «Русскую Старину» 1871 г., т III-й, ст. 1—15.

что имъ нужно; то какъ онъ прикажетъ мнѣ смотрѣть на уступчивость повстанцамъ со стороны жителей?

Муравьевъ, перебивъ мой докладъ, спросилъ: «а отъ кого вы имѣете такія свѣдѣнія, не бывши въ той губерніи?»

Я отвѣчалъ, что эти свѣдѣнія переданы мнѣ многими донскими офицерами, которые, преслѣдуя повстанцовъ, вдавались далеко въ глубь губерніи, и всюду слышали ропотъ отъ жителей, что они оставлены безъ защиты со стороны мѣстныхъ войскъ.

— «Такъ или иначе, сказалъ Муравьевъ, а должны отвѣчать, по всей строгости закона, всѣ тѣ лица, кто позволилъ себѣ снабжать повстанцовъ чѣмъ-бы то ни было. Вы напрасно трудитесь дѣлать мнѣ подобные вопросы; у васъ есть въ рукахъ полнѣйшія мои инструкціи, по которымъ прошу дѣйствовать безъ всякихъ разсужденій».

На это я ему сказалъ слѣдующее: — «Позвольте мнѣ ваше превосходительство сдѣлать вамъ нескромный вопросъ объ одномъ предметѣ, который въ инструкціяхъ вашихъ не предусмотрѣнъ».

— «Говорите, я слушаю васъ».

— «Поставьте себя на мѣсто поселянина Августовской губерніи; еслибъ къ вамъ, беззащитному, явились повстанцы съ требованіемъ имъ нужнаго, и, въ случаѣ вашего отказа, вамъ угрожала-бы смерть, то рѣшились-бы вы на послѣднее?»

Муравьевъ, подумавши немного, сказалъ: — «Жизнь для каждаго дорога, вы правы вашимъ докладомъ. Прошу васъ смотрѣть на сдѣланныя жителями послабки мятежникамъ сквозь пальцы; но если при васъ кто позволитъ себѣ снабжать повстанцовъ, нещадить!»

18 сентября, съ войсками, состоящими изъ 22-хъ ротъ пѣхоты, полковъ: преображенскаго, измайловскаго и семеновскаго, съ полками драгунскимъ и донскимъ казачьимъ, двинулся я изъ Вильны слѣдующимъ порядкомъ: генералъ-маіоровъ Дубельта и князя Барятинскаго, съ частями войскъ, направилъ по желѣзной дорогѣ чрезъ Ковно. Первый, по прибытіи въ Вилковишки, долженъ былъ идти къ городу Кальварія; второй, высадившись въ Коцловой Руди, перейдя Нѣманъ, слѣдуетъ чрезъ мѣстечко Серію въ Сейны. Обоимъ приказано тщательно осмотрѣть всѣ прилегающія къ ихъ пути боковыя мѣста; дойдя до назначен-

ныхъ мѣстъ, если не встрѣтятъ мятежниковъ, остановиться, и ожидать дальнѣйшихъ моихъ распоряженій; я же съ моими войсками по желѣзной дорогѣ прибылъ въ городъ Гродно, при чемъ отдѣливъ часть войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дена, направилъ ихъ, чрезъ дамбовый шлюзъ (на Августовскомъ каналѣ), на мѣстечко Граево, съ тѣмъ, чтобъ дойдя до него, повернуть круто лѣвымъ плечомъ, раскинувъ на далекое разстояніе боковые конные разъѣзды; затѣмъ двинуться къ Райграду, на пути осмотрѣть всѣ лѣса; по прибытіи въ Райградъ, остановиться и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Съ остальными частями войскъ, чрезъ мѣстечко Липскъ, я двинулся къ городу Августову; отъ него прошолъ по Августовскому каналу, по направленію къ Нѣману въ мѣстечко Сапочкинъ; чрезъ м. Сейны прибылъ въ городъ Сувалки, оставивъ въ Липскѣ и Сапочкинѣ самостоятельные отряды; цѣль такого раздробленія моихъ войскъ была та, чтобы разомъ, со всѣхъ сторонъ охватить всю губернію и очистить отъ бандъ.

Генералъ Дубельтъ, на пути слѣдованія въ Кальварію, открывъ незначительную партію, всю ее уничтожилъ. Князь Барятинскій, между Серію и Сейнами, настигъ значительную партію: изъ нея никто не спасся, а легли костьми.

Со вступленіемъ моимъ въ управленіе Августовской губерніей, всѣ, бывшія до моего прихода, войска, принадлежавшія къ варшавскому округу, двинулись въ распоряженіе графа Берга. Изъ Суваловъ ко всѣмъ начальникамъ частей моихъ войскъ, стоявшихъ въ Кальваріи, Сейнахъ, Сапочкинѣ и Райградѣ, послана мною дислокація, съ указаніемъ каждому раіона, съ строгимъ обязательствомъ осматривать ежедневно, посредствомъ сильныхъ конныхъ разъѣздовъ, всѣ входящія въ раіонъ мѣстности, а ежели укажетъ надобность, откомандировывать отдѣльныя части пѣхоты, для занятія болѣе важныхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено всѣмъ жителямъ разрѣшеніе мое, въ случаяхъ появленія мятежниковъ, при требованіи ими продовольствія, не подвергая себя разнымъ истязаніямъ за отказы, давать все, и за это отвѣтственности никто не подвергнется, но только при соблюденіи слѣдующихъ условій: по выходѣ мятежниковъ, въ туже минуту сообщать о томъ ближайшимъ войскамъ, или разъѣзду, съ указаніемъ куда мятежники направились. Если-жъ кто-либо не исполнитъ моего распоряженія и не дастъ знать своевременно, какъ это не

рѣдко бывало до моего прихода, то все имущество виновныхъ будетъ разграблено, жилище сожжено; а сами, отъ мала до велика, поплатятся жизнію. Сознаю самъ, что мѣра эта слишкомъ жестока; многіе вправѣ назвать ее варварскою, но, благодаря Бога, не пришлось такой угрозы приводить въ исполненіе, а чрезъ двѣ недѣли о бандахъ не было слуху: совершенное спокойствіе водворилось по всей губерніи.

До моего прибытія въ Августовскую губернію, никто не могъ въ ней пускаться безъ конвоя, а почты изъ Сувалокъ въ м. Ломжу отправлялись подъ прикрытіемъ роты пѣхоты.

Вотъ случай. Чрезъ 15 дней по вступленіи моемъ въ управленіе отдѣломъ, является сувалкскій почтмейстеръ съ докладомъ. Начинается между нами слѣдующій разговоръ:

— Ваше превосходительство, почта готова къ отправленію.

— Ну, такъ чтожъ, за чѣмъ у васъ остановка; съ Богомъ, въ путь.

— Ваше превосходительство, нуженъ конвой.

— Это зачѣмъ?

— Ваше превосходительство, предмѣстниками вашими почта отправлялась подъ сильнымъ конвоемъ.

— А при мнѣ — безъ единаго человѣка, кромѣ ямщика, да вашего, господинъ почтмейстеръ, почталіона.

— Да помилуйте, ваше превосходительство, если ее разграбятъ?

— А, понимаю, вы хотите сказать на кого тогда падетъ отвѣтственность? Я ее беру на себя, и посмотрю какъ оборванцы воспользуются ею. Вамъ же приказываю сейчасъ отправить почту съ однимъ почталіономъ.

Почта до Ломжы прошла благополучно, равно и послѣдующія за ней. Въ объясненіе моей увѣренности, что никто не нападетъ на почту, долженъ указать на очень простую причину: всѣмъ владѣльцамъ земель было отъ меня объявлено, ежели, сверхъ чаянія, случится на ихъ землѣ какое-либо происшествіе, они отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ и головами. Этою мѣрою я заставилъ ихъ оберегать свои владѣнія и жизнь; они были увѣрены, что приговоръ мой будетъ исполненъ въ точности, ибо общее ихъ обо мнѣ убѣжденіе было то, что я чело-

вѣкъ дикій и варваръ, какъ гуннъ, и что я не питаюсь мясомъ животныхъ, а пожираю дѣтей.

Таковое обо мнѣ мнѣніе мѣстныхъ польскихъ жителей случайно открылъ мой адъютантъ, на мызѣ Ятршебно, когда остановился здѣсь съ войсками на дневку, и для осмотра окрестныхъ лѣсовъ. Жена арендатора, блѣдная какъ смерть, обращается къ адъютанту съ вопросомъ на польскомъ языкѣ:

«Повѣдзь мнѣ, коханый адъютантъ, ктурыхъ панъ янаралъ уважа дѣти, тлустыхъ альбо мизерныхъ?»

Адъютантъ, посмотрѣвши на нее, отвѣчалъ: «ни того, ни другого, моя пани».

Когда онъ передалъ мнѣ объ этомъ, я строго запретилъ опровергать такіе толки, а напротивъ поддерживать, потому что подобное настроеніе умовъ много поможетъ къ водворенію спокойствія въ губерніи.

По справкамъ оказалось, когда арендаторъ узналъ, что я иду на его мызу, дѣтей своихъ, отъ мала до велика, отправилъ за пять миль къ родственникамъ. Впослѣдствіи я видѣлъ арендаторшу и шутливо вспоминалъ объ ея страхѣ; она, бѣдная, краснѣла какъ вареный ракъ.

12 октября 1863 г. я получилъ предписаніе отъ Муравьева: заарестовавъ поименованныхъ въ присланномъ ко мнѣ спискѣ лицъ, доставить ихъ въ Вильну, для отправленія въ отдаленныя губерніи на житье. Такое распоряженіе сильно возмутило меня: не обнаруживъ слѣдственнымъ путемъ виновность, схватывать и ссылать; я счелъ это произволомъ, чего не должно быть допускаемо никѣмъ. Я вознамѣрился не исполнять полученнаго распоряженія, но обсудивши, что ни къ чему не поведетъ мой протестъ, остановился до удобнаго случая. Изъ числа заарестованныхъ и отосланныхъ въ Вильну чрезъ нѣсколько дней возвращены на свободу, совѣтникъ губернскаго правленія Любинскій и секретарь магистрата Любанскій, а президентъ города Сувалокъ Ростишевскій сосланъ въ Уфу. По выѣздѣ его, жена слегла въ постель и чрезъ мѣсяцъ сошла въ могилу, — остались дѣти круглыми сиротами: дочь 16 лѣтъ, два сына 9-ти и 6-ти лѣтъ, безъ крова и насущнаго хлѣба. Отецъ, какъ послѣ я узналъ, былъ человѣкъ честный, при занимаемой должности избѣгалъ взятокъ, довольствовался получаемымъ содержаніемъ, и

былъ чуждъ мятежу. По смерти матери, дѣти съ воплемъ обратились ко мнѣ, прося спасти ихъ отъ нищеты, возвративъ имъ отца. Я не былъ въ силахъ удовлетворить ихъ просьбы; но не дѣлая явнаго отказа, утѣшалъ, что со временемъ отецъ будетъ имъ возвращенъ.

По принятіи мною отдѣла, я первымъ долгомъ счелъ осмотрѣть тюрьмы. Въ нихъ я нашелъ столько заключенныхъ моими предмѣстниками, что, какъ говорится, они сидѣли тамъ, какъ въ бочкахъ сельдей набиваютъ. По наведеннымъ справкамъ въ военно-слѣдственной и судной коммиссіяхъ, о многихъ изъ арестованныхъ не только не было вовсе письменныхъ уликъ въ какихъ-либо преступленіяхъ, но даже неизвѣстно, кѣмъ они были заарестованы и когда. Я приказалъ составить таковымъ списки, и затѣмъ выпустилъ ихъ на свободу въ два періода: въ первый день новаго года, и въ день пасхи по 60 человѣкъ. Съ восходомъ солнца, въ назначенный день эта толпа освобожденныхъ ринулась бѣжать по всѣмъ улицамъ; многіе падали на землю и въ слезахъ цѣловали ее. Виновные-жъ остались въ заключеніи, судились военнымъ судомъ, нѣкоторые приговаривались къ смертной казни, но моею конфирмаціею замѣнялась она ссылкою въ каторжныя работы. Казненныхъ было семь человѣкъ, вполнѣ заслужившихъ такое возмездіе. Имѣнія сосланныхъ въ Сибирь мною не были конфискованы, хотя въ данныхъ мнѣ инструкціяхъ строго это требовалось, а оставались неприкосновенными во владѣніи наслѣдниковъ.

Нашлись доброжелатели предстать предъ Муравьева съ увѣреніями, что такое смягчительное мое рѣшеніе надъ подсудимыми, не что иное, какъ употребленіе съ моей стороны во зло его довѣренности.

Муравьевъ поколебался.

Изъ получаемыхъ мною отъ него колкихъ бумагъ я понялъ, что противъ меня образовалась интрига.

Я рѣшился ѣхать въ Вильну и объясниться лично. По прибытіи въ Вильну вечеромъ, прямо съ вокзала желѣзной дороги, явился къ Муравьеву; былъ очень холодно имъ принятъ, но послѣ жаркихъ объясненій относительно неприкосновенности имѣній, принадлежащихъ сосланнымъ въ Сибирь лицамъ, онъ видимо началъ смягчаться, а когда дѣло дошло до объясненій причинъ,

заставившихъ меня замѣнять смертную казнь ссылкою въ Сибирь, въ каторжныя работы, то вотъ, слово въ слово, что я сказалъ Муравьеву:

— «Ваше превосходительство! теперь не начало возмущенія 1863 года, а окончаніе; въ моментъ разгара бунта, попадались подъ ножъ и веревку виноватые и правые, послѣднихъ тогда никто не замѣчалъ; въ 1863 году мы казнили за преступленія, а въ настоящемъ году казнимъ изъ мщенія; по моему мнѣнію крутыя мѣры, какъ-бы ни были жестоки, должны приводиться надъ противникомъ своевременно, а не тогда, когда онъ уничтоженъ и безсиленъ. Мои понятія не могутъ сходиться съ вашими, а поэтому позвольте мнѣ не возвращаться въ Сувалки, а уѣхать на Донъ; пошлите на мѣсто меня другого генерала, которому я обязуюсь передать отдѣлъ въ 24 часа. Разставаясь съ вами, я хочу до конца говорить вамъ правду въ глаза. Управляя отдѣломъ не именемъ моимъ, а вашимъ, я старался не наложить на имя ваше чорнаго пятна. На Литвѣ имя ваше злословятъ, но могу васъ увѣрить, что въ Августовской губерніи его благословляютъ».

Выслушавши мое горячее слово, Муравьевъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: «Счастливъ былъ-бы я, еслибъ имѣлъ всѣхъ такихъ правдивыхъ помощниковъ, какъ вы, но увы!..... Поѣзжайте обратно въ Сувалки, поступайте такъ же добросовѣстно, какъ вы это дѣлали до настоящей минуты».

Поклонившись ему, я началъ просить возвратить президента Ростишевскаго къ осиротѣвшимъ дѣтямъ

Онъ съ запальчивостью мнѣ отвѣчалъ: «Теперь не время намъ разсуждать объ участи дѣтей. На возвратъ — не могу согласиться потому, что я просилъ Государя, ни въ какомъ случаѣ всѣхъ сосланныхъ не возвращать на родину, и они должны тамъ перемереть».

Я видѣлъ, что дальнѣйшее мое домогательство будетъ безполезно; тѣмъ не менѣе попросилъ его выслушать, что тяготитъ мою совѣсть. Онъ согласился.

— «Ваше превосходительство, не позволяю себѣ болѣе утруждать васъ моею просьбою о возвратѣ Ростишевскаго, и не стану говорить, какая будущность ожидаетъ его сыновей, но скажу о дочери: при нищетѣ её ожидаетъ стыдъ, срамъ, позоръ, и б.....

Выяснивъ моему начальнику все то, что можетъ случиться съ этою несчастною сиротою, этимъ я очистилъ свою совѣсть; но будетъ ли легко для вашей души, вы сами будете знать, какъ отецъ семейства».

Сказавъ это, я поклонился и, повернувшись, хотѣлъ выйти, но Муравьевъ остановилъ меня:

— «Яковъ Петровичъ, всякое возвращеніе сосланныхъ на родину немыслимо; но этому горю можно помочь. Я попрошу васъ написать мнѣ рапортъ, въ такомъ родѣ, что Ростишевскій вамъ необходимъ при производимыхъ дѣлахъ. По этому рапорту изъ Уфы онъ будетъ съ жандармомъ прямо доставленъ къ вамъ, и располагайте имъ, какъ вы сами знаете».

Рапортъ былъ поданъ. Чрезъ мѣсяцъ Ростишевскій доставленъ ко мнѣ въ Сувалки. Водворивъ его на мѣсто жительства, я донесъ Муравьеву, что Ростишевскій оказался совершенно правымъ и къ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи не подлежитъ.

Муравьевъ въ общественномъ мнѣніи считается варваромъ, а вмѣстѣ съ нимъ и азъ многогрѣшный. Дѣйствія Муравьева подлежатъ суду исторіи — и она произнесетъ свой приговоръ, безъ сомнѣнія, вчужѣ отъ пристрастія и увлеченій современниковъ; что же касается до меня, то я не произнесу въ свое оправданіе ни одного слова, а попрошу всѣхъ и каждаго, кто только желаетъ, спросить перваго встрѣчнаго поляка или польку изъ губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Августовской; до какой степени я былъ для нихъ варваромъ? и какой получится на мой счетъ отвѣтъ, прошу вѣрить слѣпо.

Этимъ я закончу настоящій отрывокъ изъ моихъ записокъ.

1871 г. Спб. **Яковъ Бакланокъ.**

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Кто такой былъ Гедиминъ?

Наглядным примѣромъ сильныхъ противорѣчій, которыми наполнены источники литовской исторіи, могутъ служить свидѣтельства о происхожденіи Гедимина. Какъ всѣмъ извѣстно, источники литовской исторіи распадаются по этому вопросу на двѣ противуположныя серіи, колеблются между двумя противуположными показаніями: одни, какъ Annales Olivienses, Dlugosz, Miechowita, Bielski, Kromer, утверждаютъ, что Гедиминъ былъ конюшимъ великаго князя Витенеса, убилъ своего государя въ заговорѣ съ молодою женою послѣдняго и овладѣлъ престоломъ; другіе-же, какъ Kronika rękopisna Litewska Bychowca, Stryjkowski, сообщаютъ, что Гедиминъ былъ сынъ Витенеса и получилъ литовскій престолъ по смерти отца, пораженнаго громомъ.

Такія противорѣчивыя показанія источниковъ, уничтожающія взаимно другъ друга, невольно заставляли историковъ прибѣгать къ разнаго рода догадкамъ и предположеніямъ, съ помощію которыхъ можно-бы было примирить свидѣтельства источниковъ и этимъ примирительнымъ путемъ дойти до истины. На этомъ поприщѣ Нарбутъ встрѣчается съ г. Соловьевымъ, но только для того, чтобы тотчасъ-же снова разойтись, такъ какъ первый при примиреніи отдалъ предпочтеніе источникамъ, признающимъ Гедимина за сына Витенеса, тогда какъ второй склонился на сторону источниковъ, считавшихъ Гедимина просто конюшимъ. При развитіи своего мнѣнія, Нарбутъ пытается прежде всего ослабить впечатлѣніе, производимое свидѣтельствомъ первой серіи источниковъ, старается подорвать авторитетъ Annales Olivienses, древнѣйшаго въ разсматриваемомъ отношеніи источника, послужившаго прототипомъ для всѣхъ лѣтописцевъ. По словамъ Нарбута, Оливскій лѣтописецъ писалъ подъ вліяніемъ нѣмецкаго ордена, сохранялся въ его архивахъ, а потому, въ каче-

ствѣ сторонника нѣмцевъ, естественно склоненъ былъ къ распространенію на счетъ Литвы неблагопріятныхъ басенъ, къ числу которыхъ долженъ быть отнесенъ и разсказъ объ умерщвленіи Витена Гедиминомъ. Но оливскій анналистъ не чуждъ однако и нѣкоторыхъ справедливыхъ показаній, только эти показанія ничуть не противорѣчатъ свидѣтельствамъ второй серіи источниковъ: анналистъ считаетъ, напр., Гедимина конюшимъ Витена, но Гедиминъ могъ носить это званіе, будучи даже сыномъ великаго князя *). Иллюзію, полученную примирительнымъ путемъ, Нарбутъ подкрѣпляетъ письмомъ Гедимина къ папѣ Іоанну XXII, заключающимъ между прочимъ фразу: Ista enim, pater reverende, vobis scripsimus, ut sciatis, quare progenitores nostri in errore infedelitatis et incredulitatis decesserunt, въ которой выраженіе progenitores nostri онъ толкуетъ въ частномъ, личномъ смыслѣ, въ progenitores видитъ не болѣе, какъ только предковъ самого Гедимина **).

Однако иллюзія, на которой такъ рѣшительно остановился Нарбутъ, совсѣмъ не удовлетворила г. Соловьева вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній, вызванныхъ чтеніемъ посланія къ папѣ. Г. Соловьеву справедливо казалось, что выраженіе письма Гедиминова progenitores nostri имѣетъ не частный, личный смыслъ, а общій, народный; что Гедиминъ говоритъ тутъ о своихъ отцахъ, предкахъ, не просто отъ себя, а отъ лица всѣхъ литовцевъ. Кромѣ того г. Соловьевъ находилъ въ этомъ-же самомъ письмѣ явное доказательство (извѣстное впрочемъ и Нарбуту) противнаго защищаемому Нарбутомъ мнѣнію въ томъ, что Гедиминъ называетъ Витенеса только своимъ предшественникомъ (praedecessor), а не отцемъ и предшественникомъ (pater et praedecessor), какъ слѣдовало-бы ожидать, когда бы онъ былъ дѣйствительно сыномъ послѣдняго. Поэтому г. Соловьевъ склонился къ предпочтенію свидѣтельства первой серіи источниковъ, по которому Гедиминъ былъ не сыномъ, а только конюшимъ Витенеса; тѣмъ болѣе, что съ этой точки зрѣнія открывался совершенно новый путь къ примиренію противорѣчія, существовавшаго между двумя серіями источниковъ. С. М. Соловьевъ выступилъ на этотъ путь съ помощію обыкновеннаго, но тѣмъ не менѣе не лишеннаго значительной доли вѣроятности, соображенія, съ помощію принятія свидѣтельства второй серіи источниковъ за позднѣйшее явленіе, возникшее тогда, когда домъ Гедимина уже утвердился на литовскомъ престолѣ, когда слѣдовательно преданіе о насильственномъ захватѣ княжеской власти могло

*) Narbutt, Dzieje Narodu Litewskiego, IV, 456. А. Н.
**) Тамъ-же, IV, dodatki, p. 51. А. Н.

колоть глаза Гедимину и его сильнымъ потомкамъ, а потому не недоставало повода замѣнить его какимъ-либо другимъ мнѣніемъ, напримѣръ мыслью о полученіи власти по наслѣдству *). Заручившись такими небезосновательными соображеніями въ пользу некняжескаго происхожденія Гедимина, г. Соловьевъ въ текстѣ своей исторіи уже рѣшительно говоритъ о перемѣнѣ въ династіи литовскихъ князей, произведенной знаменитымъ Гедиминомъ въ 1315 году **). Такимъ образомъ, къ двумъ противорѣчивымъ показаніямъ источниковъ, въ настоящее время присоединились въ наукѣ двѣ противорѣчивыя попытки примирить источники, изъ которыхъ ни одна ни въ чемъ не уступаетъ другой, такъ какъ обѣ совершенно одинаково отвѣчаютъ своей цѣли — примиренію.

Если свидѣтельства о Гедиминѣ могутъ служить наглядными примѣромъ тѣхъ страшныхъ противорѣчій, которыми исполнены источники литовской исторіи, то попытки добыть изъ этихъ свидѣтельствъ сколько-нибудь цѣнные научные результаты, попытки, предпринятыя въ своихъ трудахъ двумя почтенными историками, въ свою очередь могутъ служить поучительнымъ примѣромъ того, какъ опасно полагаться на противорѣчивые источники, представляющіе по самому характеру своему мало ручательствъ въ достовѣрности, какъ трудно переходить отъ ихъ гадательныхъ намековъ къ опредѣленнымъ научнымъ представленіямъ, какъ безплоденъ вообще примирительный методъ. Въ похвальномъ стремленіи своемъ избавиться отъ противорѣчія, замѣченнаго въ показаніяхъ источниковъ о Гедиминѣ, оба историка, и Нарбутъ и г. Соловьевъ, исходили изъ того положенія, что которое-же-нибудь изъ показаній источниковъ да справедливо: или Гедиминъ былъ дѣйствительно сыномъ Витена, или же онъ необходимо былъ конюшимъ послѣдняго, котораго и погубилъ въ союзѣ съ его молодой женой. При извѣстномъ состояніи историческаго матеріала изслѣдователямъ дѣйствительно трудно было не опустить изъ виду, что возможно еще третье явленіе, что не только то или другое свидѣтельство источниковъ есть сознательная, современная или позднѣйшая, выдумка, какъ думали Нарбутъ и г. Соловьевъ, но что показанія обѣихъ серій источниковъ суть не что иное, какъ безсознательныя догадки, гипотезы, бродившія въ позднѣйшее время въ обществѣ о происхожденіи Гедимина. Это третье мнѣніе о значеніи литовскихъ источниковъ по разсматриваемому вопросу, къ сожалѣнію, и есть самое вѣроятное: такое признаніе, очевидно, совсѣмъ лишаетъ историковъ права говорить о происхожденіи Гедимина на основаніи противо-

*) Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. 2, III, примѣч. 422. А. Н.
**) Тамъ-же, III, 306. А. Н.

рѣчивыхъ показаній литовскихъ источниковъ; но нисколько не препятствуетъ, даже ставитъ въ обязанность искать иного пути къ опредѣленію отношеній Гедимина къ его предшественнику Витену, добиваться болѣе надежныхъ, болѣе современныхъ извѣстій объ этомъ вопросѣ. Къ счастію, есть вполнѣ опредѣленныя указанія на отношенія Гедимина къ Витену, притомъ совершенно чуждыя гадательнаго характера, которымъ отличаются источники литовской исторіи.

Въ грамотѣ рижскаго совѣта къ Гедимину отъ 24 ноября 1322 года, имѣющей цѣлью побудить послѣдняго къ заключенію мира съ Тевтонскимъ орденомъ не иначе, какъ при участіи архіепископа и города Риги, говорится слѣдующее: Illustri principi, domino Gedemynde, Dei gratia Lethwinorum Ruthenorumque regi, consules civitatis Rigensis salutem in Domino. Noveritis, nos litteram vestram breviter destinatam recepisse, in qua percepimus, quod pacem et treugas nobiscum contrahere essetis parati, sicut Vithene, bonae memoriae frater vester et antecessor, nobiscum habuit, et quod super eo nuntios nostros ad vos secure mitteremus, sed pro fratribus (Theutonicis) hoc facere non possumus; nam ipsi mittunt nuntios suos ad vos, quando volunt, quod nos facere non poterimus; et quicquid ipsi ordinant, penitus ignoramus, nichil ipsi nobis revelant *). Было-бы излишне много распространяться о значеніи этого нѣмецкаго извѣстія сравнительно съ показаніями литовскихъ лѣтописцевъ; достаточно замѣтить, что свидѣтельства литовскихъ источниковъ совершенно сказочнаго характера, основаны по всей вѣроятности на какихъ-либо неясныхъ преданіяхъ, если еще не хуже, не на какихъ-либо позднѣйшихъ предположеніяхъ о минувшемъ времени; тогда какъ рижская грамота представляетъ первое собственно историческое свидѣтельство, она есть не что иное, какъ современный Гедимину оффиціальный актъ, который отдѣлялся отъ времени вокняженія Гедимина меньше чѣмъ десяткомъ лѣтъ, которому потому хорошо могли быть извѣстны отношенія Гедимина къ его предшественнику Витену. Поэтому, свидѣтельство рижской грамоты о происхожденіи Гедимина должно быть безусловно предпочтено противорѣчивымъ показаніямъ источниковъ литовскихъ. А изъ этой грамоты оказывается, что почти одинаково заблуждались какъ одна, такъ и другая серія источниковъ, какъ одинъ, такъ и другой толкователь послѣднихъ, какъ Нарбутъ, такъ и г. Соловьевъ: по грамотѣ Гедиминъ является не сыномъ великаго князя Витенеса, равно какъ и не конюшимъ своего предшественника, а напротивъ братомъ и преемникомъ. Самое выраженіе, въ которое вложена эта мысль, настолько опредѣленно и ясно, что

*) Bunge, Liv,—Esth—und Curländisches Urkundenbuh, B. VI, S. 466—467; «Русс. Лив. Акты», № 53. А. Н.

отнюдь не позволяетъ думать о такомъ-же или подобномъ общемъ смыслѣ, какой придалъ г. Соловьевъ выраженію progenitores nostri изъ письма Гедиминова: нельзя произносить однимъ духомъ: bonae memoriae frater vester et antecessor и думать при этомъ: вашъ братъ литвинъ *).

Въ нѣсколькихъ словахъ, представляемыхъ рижской грамотой 1322 года, заключается безвозвратное осужденіе иллюзій какъ Нарбута, такъ въ особенности С. М. Соловьева. Какъ ни естественно для историка ожидать перемѣны въ династіи литовскихъ князей .въ соотвѣтствіи новому взмаху, который получила литовская жизнь въ періодъ Гедимина и его потомковъ, тѣмъ не менѣе переворотъ, который, по словамъ С. М. Соловьева, будто-бы былъ произведенъ въ княжескомъ домѣ знаменитымъ Гедиминомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи все-таки долженъ быть отнесенъ къ разряду не оправдавшихся догадокъ, которыми такъ богата историческая наука: предполагаемый переворотъ въ династіи оказывается ничѣмъ инымъ, какъ только попыткой изъ противорѣчія въ источникахъ сдѣлать революцію въ дѣйствительной жизни. Раскрываемыя рижской грамотой отношенія Гедимина къ Витену придаютъ болѣе опредѣленный смыслъ самому письму Гедимина къ папѣ, въ которомъ Витенъ названъ только предшественникомъ, а не отцемъ и предшественникомъ Гедимина: будучи только братомъ Витену, Гедиминъ не побуждался никакою особенною pietas говорить непремѣнно о своихъ родственныхъ отношеніяхъ къ первому и легко могъ ограничиться указаніемъ на Витена, какъ на своего только предшественника. Такимъ образомъ, съ помощію этого нѣмецкаго свидѣтельства удается наконецъ загладить одну изъ прорѣхъ въ династіи литовскихъ князей, ясное представленіе о которыхъ не безынтересно и для полнаго пониманія княжескихъ отношеній, господствовавшихъ въ древней Руси.

А. И. Никитскій.

---

*) Замѣтимъ кстати, что выраженіе progenitores встрѣчается и въ другихъ, кромѣ приведенной Нарбутомъ, грамотахъ, только въ болѣе опредѣленномъ смыслѣ. Такъ, напр., въ грамотѣ конца 1324 года (Bunge, U. B., VI, 479) говорится: misit (summus pontifex) reverendos in Christo patres... qui... missi sunt pro expeditione conversionis vestrae, pro qua vos et progenitores vestri multo tempore laborarunt, qui cum magno desiderio cupiunt vos videre, quia missi sunt pro vestra salute et exaltatione vestri regni. Postea quaesivit rex, si scriremus, quid continebabur in litteris, quas domino apostolico, domino archiepiscopo et toti mundo destinasset. Respondimus, quod intentio litterarum fuit, quod vellet recipere fidem Christi et baptizari. Tunc iste respondebat, quod non jussisset hoc scribere, sed si frater Bartoldus scripsisset, in caput suum redundaret. Sed si unquam habui in proposito, diabolus me haptizaret. Ср. Narbutt, Drieje Nar. Litew., IV, dodatki, p. 51—52, 1323. **А. Н.**

Народное преданіе о Брюсѣ *).

(Изъ воспоминаній моего товарища).

Этотъ разсказъ я слышалъ въ Калужской губерніи, въ Жиздринскомъ уѣздѣ, близъ деревни Тешевичъ, на берегу рѣчки Неруча.

Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ: мы съ братомъ пріѣхали изъ университета домой на каникулы. Мерзляковъ совѣтовалъ намъ, т.-е., всѣмъ студентамъ, прислушиваться къ народнымъ пѣснямъ и записывать ихъ: „въ нихъ вы услышите много народнаго горя“ — говорилъ благородный профессоръ. Каченовскій убѣждалъ насъ записывать названія разныхъ урочищъ и особенно обращать вниманіе на курганы и городища. Но мы и не думали слѣдовать совѣтамъ и убѣжденіямъ профессоровъ, а захотѣли побродить нѣсколько десятковъ верстъ, такъ, безъ всякой цѣли, куда глаза глядятъ. Такое лѣнивое, праздное шатанье намъ казалось очень поэтическимъ.

Бродя такимъ образомъ, въ полной нѣгѣ юношеской безпечности, разъ мы запоздали далеко отъ всякаго жилья; дѣло ужъ подходило къ осени; ночевать на открытомъ воздухѣ, sub dio, намъ незахотѣлось. Сообразивъ довольно знакомыя намъ мѣста, мы рѣшились пробраться къ деревнѣ, черезъ большой сосновый боръ. Грунтъ, покрытый иглами, былъ гладкій, какъ мощеный полъ; мы иногда скользили по немъ какъ по льду. Этакъ черезъ полчаса ходьбы, мы увидѣли огромное зарево; пламя высоко било вверхъ снопами, и искры огненною, трескучей метелью осыпали лѣсъ. Мы подумали, что это горитъ деревня и бросились туда, гдѣ горѣло. Но это былъ костеръ, разложенный крестьянами, пріѣхавшими на ночную, стеречь лошадей. Собственно они ихъ не стерегли, а пускали на волю Божію, сами-жъ тѣшились ночною, краденой ѣдой, всякаго рода балясами и розсказнями. Дѣтей между ними не было, а были все молодые парни, и только одинъ старикъ отставной солдатъ: его звали Безконнымъ, потому что у него не было ни одного коня. Впрочемъ, у него не было и ни коровы, ни овцы, ни собаки: онъ стерегъ чужихъ лошадей.

Мы поздоровались и шутя сказали: „что, вы пустите насъ переночевать у вашего костра?“ — Милости просимъ, сказалъ кто-то; „ложитесь; изба просторная: сколько ни-на-есть скотины, вся уляжется“. Всякаго, кто одѣвался по-нѣмецки, у насъ крестьяне считали или бариномъ, или холопомъ. Насъ приняли за холопей, ктому-же чужихъ, и поэтому появленіе наше ихъ нисколько не стѣсняло: они попрежнему громко разговаривали, то съ ласковой, то съ сердитой ругней, напоминающей разговоръ героевъ, боговъ и богинь Гомера.

*) Біографическую замѣтку о Брюсѣ см. въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. 1-й, изд. первое, стр. 7; изд. второе, стр. 394. Ред

Разговоръ шелъ все о домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ, о барыняхъ, попадьяхъ, — и поповскихъ дочеряхъ, съ убѣдительностью, недопускавшей ни малѣйшаго сомнѣнія, всегда съ грубѣйшею, но ѣдкою насмѣшкой, иногда исполненной глубокой вражды и презрѣнія. Бесѣда иногда прерывалась то тутъ, то тамъ вопросомъ: „гдѣ-жъ этотъ дьяволъ застрялъ? Что-жъ этотъ пострѣлъ нейдетъ? Куда этотъ лѣшій провалился?“

Оказалось, что это былъ общій, картофельный вопросъ: извѣстно, что когда наши крестьяне отправляются въ ночную, то берутъ съ собою только хлѣба, да соли, а остальное продовольствіе у нихъ все краденое. Наши знакомцы послали одного проворнаго малаго красть картофель. Нетерпѣніе ихъ возрастало каждую минуту; одинъ и тотъ же вопросъ сталъ повторяться безпрестанно. Наконецъ мокрый попоясъ — въ грязи по колѣно, лѣшій и пострѣлъ явился. Онъ притащилъ цѣлый мѣшокъ картофелю.

— Ай, да молодецъ Митюха! закричали всѣ въ одинъ голосъ. Вотъ парень, такъ парень! У кого ты это накопалъ?

— „Извѣстно у кого: у попа“.

— Ну, это ты, братъ, напрасно, сказалъ Безконный, у нашего попа — грѣхъ красть.

— „Вотъ еще что выдумалъ! заговорили другіе: грѣхъ! отчего грѣхъ? У мужика — грѣхъ; а у попа, да у барина, да у цѣловальника и Богъ повелѣлъ!“

— А оттого грѣхъ, отвѣчалъ сердитымъ тономъ Безконный: развѣ ты не знаешь, какова матушка. Добрая, ласковая, привѣтливая, разумница, никого никогда словомъ не обидитъ; приди къ ней мужикъ въ праздникъ, безпремѣнно чарку тебѣ поднесетъ, конецъ пирога дастъ, а когда подъ обѣдъ поспѣешь, за столъ посадитъ-какъ родного, угоститъ тебя, и другого тебѣ отъ нея слова нѣтъ, а все „батюшка, голубчикъ, сударикъ“. Какъ же не грѣхъ!

Мужики примолкли. — „Ну, теперь дѣлать нечего; не назадъ же нести!“ заговорили нѣкоторые.

— Вѣстимо, не назадъ! подхватили другіе. Митюха, вали въ золу. Да не туда — дьяволъ! Въ золу вали; а онъ валитъ прямо въ уголья. Лѣшій!

— „А нутка, спросилъ Безконный, скажите сколько тутъ картофелинъ будетъ? А?

— Цѣлый мѣшокъ! отвѣчалъ одинъ парень смѣючись.

— „Мѣшокъ, мѣшокъ! отвѣчалъ, нѣсколько смѣшавшись, Безконный. Этакъ всякая лошадь отвѣтитъ. А ты скажи, какъ слѣдуетъ,

колько, то-есть, будетъ картофелинъ въ мѣшкѣ? А? Не считавши, скажи. Вотъ оно — что!"

— Да этакаго человѣка на всемъ свѣтѣ нѣтъ, дядя Безконный, отвѣчали мужики.

— „Да, теперь, можетъ, и вправду, такого человѣка нѣтъ; теперь человѣкъ сталъ дрянь; а прежде бывали".

— Ктожъ это такой человѣкъ, дядя Безконный, что безъ счету сосчитать можетъ? Это, должно быть, ужъ очень мудреный человѣкъ!

— „Да, не простой, вѣстимо; не нашему брату чета".

— Да кто-жъ, кто?

Дядя Безконный молча взялъ обгорѣлый сукъ и началъ копать имъ уголья, какъ будто намѣревался въ огнѣ откопать такого человѣка. Всѣ слушали съ какимъ-то суевѣрнымъ безпокойствомъ.

— „Такой человѣкъ, сказалъ Безконный, понизивъ голосъ,—арихметчикъ".

— Арихметчикъ?

— „Да, арихметчикъ. Ты вотъ возьми, примѣромъ, насыпь на столъ гороху и спроси его, сколько тутъ, молъ, горошинъ? а онъ только взглянетъ и скажетъ: вотъ сколько, и не обочтется ни одной горошиной. А то спроси его, сколько молъ разъ колесо повернется, когда доѣдешь отсюда, отъ Тешевичъ, до Кіева, онъ тебѣ и это скажетъ. Вотъ онъ каковъ, арихметчикъ-то. Да, что! Онъ только взглянетъ, и скажетъ, сколько есть звѣздъ на небеси!"

— Ктожъ былъ, примѣромъ, такой какъ ты сказалъ . . . . . .

— „А такой арихметчикъ былъ Брюсъ, министеръ царскій, при батюшкѣ Петрѣ Великомъ. Да мало-ль еще что зналъ этотъ Брюсъ: онъ зналъ всѣ травы этакія тайныя, и камни чудные, составы разные изъ нихъ дѣлалъ, воду даже живую произвелъ, то-есть, такую воду, что мертваго, совсѣмъ мертваго человѣка живымъ и молодымъ дѣлаетъ".

— Это ту живую воду, которую змѣй Горынычъ стережетъ?

— „Какой вашъ тутъ змѣй Горынычъ? То въ басняхъ бабы разсказываютъ. А это былъ Брюсъ, министеръ, арихметчикъ при царѣ — государѣ Петрѣ. Онъ-то этакую воду живую и произвелъ . . . . . должно быть, не своею силою произвелъ!"

— А что-жъ, дядюшка Безконный, онъ пробовалъ надъ кѣмъ-нибудь эту воду?

— „Гм! пробовалъ? Да пробы-то этакой никто отвѣдать не хотѣлъ; вѣдь тутъ надо было сперва человѣка живого разрубить на части; и всякій думалъ:" ну какъ онъ разрубить-то разрубитъ, а сложить, да жизнь дать опять не съумѣетъ? „Ужъ сколько онъ тамъ ни обѣщалъ сребра и злата, никто не взялъ, всѣ боялись".

— А онъ бы самъ надъ собой попробовалъ.

— „Да такъ и было: онъ надъ собой попробовалъ“.

— Попробовалъ? и опять живъ сталъ? Ахъ, окаянный!

— „Погоди, не спѣши и не ругайся. Окаянный онъ былъ, или нѣтъ, про это одинъ Господь вѣдаетъ. Только вотъ что было: думалъ онъ, думалъ, и очень грустенъ сталъ, не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ; чтожъ это, говоритъ, я воду этакую чудную произвелъ, и всякъ ею пользоваться боится. Я-жъ имъ, дуракамъ, покажу что тутъ бояться нечего.

„И призвалъ онъ къ себѣ своего слугу вѣрнаго, турецкаго раба плѣннаго, и говоритъ: „слуга мой вѣрный, рабъ безсловесный, сослужи ты мнѣ важную службу; я тебя награжу по заслугѣ твоей. Возьми ты вотъ мой мечъ острый и пойдемъ со мной въ зеленый садъ; разруби ты меня этимъ мечемъ острымъ, сперва вдоль, а потомъ впоперекъ; положи ты меня на землю, зарой навозомъ и поливай вотъ изъ этой скляночки три дня и три ночи сряду, а на четвертый день откопай меня: увидишь, что будетъ. Да, смотри, никому объ этомъ ничего не говори“.

„Пошли они въ садъ; рабъ турецкій все сдѣлалъ, какъ ему было велѣно.

„Вотъ проходитъ день, проходитъ другой; рабъ поливаетъ Брюса живою водой; вотъ наступаетъ и третій день; воды ужъ немного осталось. Страшно отчего-то стало рабу; а онъ все поливаетъ.

„Только понадобись для чего-то государю-царю министеръ Брюсъ. Позвать его. Ищутъ, бѣгаютъ, ѣздятъ, спрашиваютъ, гдѣ Брюсъ, гдѣ Брюсъ—царь требуетъ. Никто не знаетъ, гдѣ онъ. Царь пріѣзжаетъ за нимъ самъ прямо въ домъ его; спрашиваетъ холопей, гдѣ баринъ? Никто не знаетъ.

— Позовите, говоритъ, ко мнѣ раба турецкаго: онъ долженъ знать.

Позвали.

— Гдѣ баринъ твой, мой вѣрный министеръ, грозно спрашиваетъ царь. Говори, а не то сію минуту голову тебѣ снесу.

Рабъ затрясся, заметался, бухъ царю въ ноги. „Такъ и такъ“. И повелъ онъ царя въ садъ и раскопалъ навозъ. Глядятъ: тѣло Брюсово ужъ совсѣмъ срослось и ранъ не видно; онъ раскинулъ руки, какъ сонный, ужъ дышетъ, и румянецъ играетъ въ лицѣ.

„Это нечистое дѣло“, сказалъ гнѣвно царь, велѣлъ снова разрубить Брюса и закопать въ землю.

„Вотъ онъ каковъ былъ Брюсъ-то!“ *). Сообщ. М. В. Чистяковъ.

*) Напечатанное нами преданіе «о колдунѣ Брюсѣ» мы слышали также и изъ другихъ источниковъ. Такъ, напр., намъ разсказывала Вѣра Ивановна Опо-

Кохъ — дипломатъ русскаго двора въ XVIII столѣтіи.

Въ интересной статьѣ П. К. Щебальскаго: „Екатерина II, какъ писательница", напечатанной въ журналѣ „Заря", 1870 года, въ книгѣ 3-й, за мартъ, говорится о брошюрѣ: „Примѣчанія и историческія объясненія, на объявленіе его величества, короля шведскаго, изданное въ Гельсингфорсѣ, въ 21-й день іюля 1788 года, съ приложеніями". П. К. Щебальскій, дѣлая выписку изъ записокъ Храповицкаго, содержанія чиселъ 1-го и 9-го августа и 20-го сентября 1788 года, излагающую, что „она (императрица) послала за мной, чтобы, для извѣстнаго возраженія, сыскать Коха и подать обѣ шведскія ноты", замѣчаетъ: „кто былъ этотъ Кохъ? — мнѣ неизвѣстно; но кажется, что на него было возложено перевести на французскій языкъ и декларацію и возраженіе на нее, которое начала писать сама Екатерина"; далѣе авторъ продолжаетъ: „работа Коха оказалось неудовлетворительной; императрица начала-было поправлять ее, а наконецъ и вовсе передѣлала"

Въ виду разъясненія вопроса о личности Коха, считаемъ нужнымъ замѣтить: въ „Mémoires secrets sur la Russie", въ парижскомъ изданіи, 1859 года, въ отдѣлѣ „Appendice", стр. 425-я, находится замѣтка, которую мы перевели съ возможною точностью и которая, по нашему мнѣнію, разрѣшаетъ вопросъ: кто былъ Кохъ? Вотъ она:

„Главный редакторъ (французскаго торговаго трактата) былъ со стороны Россіи статскій совѣтникъ Кохъ, — одинъ изъ ученѣйшихъ публицистовъ санктпетербургскаго кабинета. Онъ съ отличіемъ прошелъ всѣ дипломатическія степени и ему давались различныя важныя порученія. Онъ часто призывался къ императрицѣ, для обсужденія политическихъ вопросовъ. Прежде нежели Зубовъ, Марковъ и Альтести исключительно завладѣли иностранными дѣлами и прежде нежели революція отдалила отъ нихъ французовъ, вліяніе Коха оказывалось на многихъ рѣшеніяхъ. Онъ былъ родомъ изъ Страсбурга; газеты часто упоминаютъ о его братѣ, игравшемъ важную роль въ законодательномъ собраніи, и который извѣстенъ какъ человѣкъ ученый и философъ. Петербургскій Кохъ уволенъ отъ долж-

---

чинина, что еще въ концѣ 1830-хъ годовъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ селѣ Чернышинѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Брюсу, и черезъ Мусина-Пушкина, перешедшее, продажею, въ родъ Скобелевыхъ, жилъ столѣтній камердинеръ прежнихъ владѣльцевъ имѣнія. Мѣстные жители, передавая другъ другу легенду о живой водѣ, выдуманной Брюсомъ и о его пробахъ надъ самимъ собой, указывали на старика-камердинера, какъ на того именно человѣка, который вспрыскивалъ изрубленнаго имъ же Брюса. Село Чернышино принадлежитъ нынѣ княгинѣ Н. Д. Бѣлосельской-Бѣлозерской, рожденной Скобелевой. Ред.

ности, занимаемой имъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и можетъ быть обязанъ своимъ существованіемъ лишь преслѣдованію, которому подвергся профессоръ во время террора. Странное дѣйствіе несчастья одного брата на удачу другого! Императоръ Павелъ, при восшествіи на престолъ, оказалъ ему знаки своего неблаговоленія; но почувствовавъ впослѣдствіи недостатокъ въ опытномъ и знакомомъ съ германскими дѣлами посредникѣ, возвелъ его въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и сдѣлалъ кавалеромъ своего ордена (т.-е. вѣроятно Мальтійскаго), чтобы отправить его на имперскій сеймъ. Кохъ умеръ скоропостижно, приготовляясь къ отъѣзду въ Регенсбургъ“.

Независимо отъ этой выписки, сдѣланной изъ „Mémoires secrets“, мы находимъ „въ спискѣ состоящимъ въ гражданской службѣ чинамъ первыхъ пяти классовъ, на 1798 годъ“, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коха. Въ отмѣткахъ „списка“ значится противъ его фамиліи, 1-е) что онъ состоитъ въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и 2-е) что онъ находится въ этомъ чинѣ съ 1794 года. Надо полагать, что авторъ „Mémoires secrets“ ошибается, говоря, что императоръ Павелъ повысилъ Коха въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, тогда какъ по „списку“ онъ его уже имѣлъ въ 1794 году, слѣдовательно, когда еще царствовала императрица Екатерина.

О другомъ братѣ той же фамиліи, намъ извѣстно слѣдующее:

„Кохъ (Koch, Christophe-Guillaume de) историкъ и французскій публицистъ, род. въ Бувиле (Bouxwiller), въ Эльзасѣ, умеръ въ 1813 году, слушалъ право въ протестантскомъ страсбургскомъ университетѣ; въ 1766 г. назначенъ библіотекаремъ въ этотъ городъ, въ 1780-мъ професоромъ публичнаго права, въ 1791-мъ депутатомъ въ законодательное собраніе, гдѣ онъ возсталъ противъ излишествъ революціонеровъ; выдержалъ заключеніе въ тюрьмѣ, послѣ 10 августа, — дня его несчастья и противъ происшествій котораго онъ возставалъ; 9 термидора получилъ свободу и въ 1795 году опять получилъ каѳедру профессора въ Страсбургѣ. Назначенный членомъ Трибунала въ 1802 г., онъ въ 1808 г. получилъ отставку съ пенсіей въ 3 т. франковъ, а въ 1810 году получилъ дипломъ почетнаго ректора страсбургской академіи. Главнѣйшія его сочиненія слѣдующія: Tableau des révolutions de l'Europe, depuis le bouleversement de l'empire romain jusqu'à nos jours“. 1813—1814. Paris, 4 vol, in 8°; „Tables générales des maisons souveraines de l'Europe“. 1782, in 4°. „Sanctio-pragmatica Germanorum illustrata“. 1789. „Histoire abrégée des traités de paix depuis la paix de Vestphalie, jusqu'à nos jours“. Bâle 1802, 2. vol. in 8°. Кохъ — историкъ безпристрастный, разсудительный и ученый. Всѣ его сочиненія полезны и составлены съ большимъ знаніемъ и

ясностью. Его сочиненіе „Tableau des révolutions de l'Europe", изданное въ 1807 году, въ 3-хъ частяхъ, послужило важнѣйшимъ руководствомъ для уясненія исторіи среднихъ вѣковъ. Въ этомъ сочиненіи онъ, въ узкой рамкѣ, съумѣлъ заключить оживленное повѣствованіе всѣхъ важныхъ происшествій новой исторіи *).

Гор. Болховъ, Орловской губерніи.

Н. Варышниковъ.

О МѢСТѢ ДЛЯ ПАМЯТНИКА А. С. ПУШКИНУ.

(письмо въ редакцію «Русской Старины»).

Въ приглашеніи отъ имени комитета для сооруженія памятника Пушкину, помѣщенномъ въ III-мъ томѣ „Русской Старины", стр. 649, между прочимъ, говорится, что памятникъ предполагается, съ высочайшаго разрѣшенія, поставить въ Москвѣ, но „что касается до выбора въ Москвѣ самаго мѣста, гдѣ поставить памятникъ, то желательно, чтобъ вопросъ о томъ подвергся гласному обсужденію въ нашей печати". По нашему мнѣнію, тѣмъ болѣе желательно было бы подвергнуть гласному обсужденію въ печати, въ какомъ именно городѣ слѣдовало бы поставить памятникъ Пушкину. Въ пользу постановки памятника въ Москвѣ „приглашеніе" приводитъ слѣдующіе доводы: во 1) что будто бы тамъ, въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія Пушкина, гдѣ этотъ памятникъ получитъ вполнѣ національное значеніе, по выраженію самого поэта, „къ нему незаростетъ народная тропа".

Пушкинъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи „Я памятникъ себѣ воздвигъ..." вовсе не имѣлъ въ виду одной только Москвы, да и не могъ имѣть, потому что онъ говоритъ о памятникѣ нерукотворномъ, т.-е. о своихъ литературныхъ произведеніяхъ, разсчитывая на поклоненіе этому памятнику не только одной Москвы, или не только одной чистой, Святой-Московской-Руси, но и всѣхъ инородныхъ племенъ, которыя, подъ общимъ кровомъ Россіи и просвѣщенія, сольются въ одинъ народъ: „Слухъ обо мнѣ—говоритъ Пушкинъ въ томъ же стихотвореніи—пройдетъ по всей Руси великой....

И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ."

А вопросъ, кому болѣе принадлежитъ и предстоитъ въ будущемъ честь объединенія „великой Руси" съ ея инородцами однимъ общимъ строемъ цивилизаціи: московскому ли періоду нашей исторіи или пе-

---

*) Смотр. Dictionnaire général de biographie et d'histoire par Ch. Dezobry et Th. Bechet, 1866. Н. В.

тербургскому, другими словами — Москвѣ или Петербургу,— едва ли можетъ быть рѣшенъ въ пользу Москвы.

И почему именно въ Москвѣ памятникъ получитъ вполнѣ національное значеніе? Развѣ Петербургъ не есть наша національная столица, не въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а въ обширномъ, въ какомъ и Пушкинъ былъ нашимъ національнымъ поэтомъ? Развѣ въ Петербургѣ не сосредоточивались всѣ умственныя силы русскаго народа въ продолженіи болѣе полутора столѣтія? Гдѣ же — спрашивается — шире и просторнѣе будетъ тропа къ памятнику Пушкина, въ Москвѣ или Петербургѣ?

Что же касается до мѣсторожденія Пушкина въ Москвѣ, то это обстоятельство, по нашему крайнему разумѣнію, не должно имѣть никакого вѣса, какъ обстоятельство чисто случайное и неимѣющее за собою никакой внутренней исторической связи между Москвою и рожденіемъ въ ней Пушкина, какая, напр., существуетъ между Пушкинымъ и Петербургомъ, съ которымъ связаны и воспитаніе, и первое литературное развитіе, и поэзія, и даже смерть нашего поэта. Придавши же какую-нибудь силу обстоятельству мѣсторожденія мы должны, разсуждая послѣдовательно, желать также, чтобъ и памятникъ, напр., Ломоносову былъ поставленъ въ Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда, Жуковскому — въ селѣ Мишенскомъ, Крылову — въ Уральскѣ (бывшей Яицк. крѣпости), и т. д. Однако же никто не находитъ неудобнымъ мѣсто сооруженія памятника въ Петербургѣ „дѣдушкѣ Крылову“, поэту болѣе національному въ смыслѣ чистой русской народности, чѣмъ самъ Пушкинъ. Нельзя указать даже мѣстныхъ причинъ, по которымъ слѣдовало бы поставить памятникъ Пушкину въ Москвѣ, которой онъ не принадлежалъ ни по своему воспитанію, ни по своимъ симпатіямъ, ни по своимъ литературнымъ идеямъ.

Въ пользу постановки памятника въ Москвѣ „приглашеніе“—далѣе—приводитъ сочувствіе къ ней „пѣвца Онѣгина“, выразившееся будто-бы въ извѣстномъ отрывкѣ изъ романа „Евгеній Онѣгинъ“:

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ.
Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!

Правда, этими словами Пушкинъ выразилъ чувство каждаго русскаго человѣка, у котораго съ Москвою связано столько историческихъ воспоминаній, начиная отъ Ивана Калиты вплоть до 1703 года; но тотъ же поэтъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфирородная вдова.

Произнесъ ли эти слова Пушкинъ съ горестью, придавши имъ только смыслъ непобѣдимой силы историческихъ обстоятельствъ,— или поэтъ самъ былъ на сторонѣ „младшей столицы", отвѣтомъ на это могутъ служить слѣдующія затѣмъ строки: „Люблю тебя, Петра творенье", и т. д., заключающіяся слѣдующими высоко-поэтическими и глубоко-прочувствованными словами:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія.
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія.
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра.

Когда Пушкину былъ воспрещенъ въѣздъ въ обѣ столицы, онъ, какъ извѣстно, прожилъ два года въ своемъ родовомъ имѣніи Михайловскомъ, гдѣ, по выраженію его самого, часто сиживалъ надъ озеромъ и глядѣлъ.

Воспоминая съ грустью
Иныя берега, иныя волны.

Неужели еще можно сомнѣваться, какіе именно берега и волны вспоминалъ Пушкинъ: берега ли Москвы рѣки или берега Невы и волны Финскаго залива?

Чтобы приведенныя слова „пѣвца Онѣгина" о Москвѣ не вводили насъ далѣе въ заблужденіе объ отношеніяхъ нашего поэта къ древней столицѣ, припомнимъ, что пѣвецъ Онѣгина самъ назвалъ своего героя „Москвичомъ въ Гарольдовомъ плащѣ", и этими словами какъ нельзя болѣе удачно выразилъ всю неуклюжесть, нелѣпость, всю невозможность органическаго сочетанія добродушной, хлѣбосольной матушки-Москвы съ чертами и свойствами байроновскаго типа, вліяніе котораго между тѣмъ отражалось и на личности, и на произведеніяхъ самого Пушкина въ періодъ времени, начиная съ такъ-наз. лицейскихъ его стихотвореній до послѣднихъ главъ Евг. Онѣгина. Слѣдовательно, на вышеупомянутый отрывокъ о Москвѣ мы не должны смотрѣть иначе, какъ только на эпически-художественное воспроизведеніе чувствъ каждаго русскаго патріота, но ничуть какъ на личныя симпатіи самого поэта, которыя были на сторонѣ Петербурга. Соображая всѣ изложенныя нами обстоятельства, невольно приходитъ въ голову,—не относится ли выборъ города для памятника Пушкину къ

„затѣямъ матушки-Москвы“, о которыхъ съ такою игривою ироніей отзывался нашъ безсмертный поэтъ?

Мы бы могли привести множество еще другихъ основаній, но полагаемъ, что достаточно и приведенныхъ, въ доказательство симпатій Пушкина къ Петербургу.

Но не одними только личными симпатіями можно и должно руководствоваться при выборѣ города для постановки памятника литературному дѣятелю. Гораздо убѣдительнѣе въ этомъ случаѣ говоритъ самый характеръ его литературной дѣятельности. Развѣ Пушкинъ не былъ—посредствомъ Карамзина—прямымъ преемникомъ Ломоносова, который и самъ былъ произведеніемъ тѣхъ же историческихъ судебъ, какія воздвигли и Петербургъ, т.-е. преобразованій Петра Великаго? Ломоносовъ первый началъ сближеніе нашей литературы съ европейскою; онъ первый положилъ камень зданію. Пушкинъ докончилъ его. Произведенія Пушкина сдѣлали современную ему западно-европейскую литературу вполнѣ достояніемъ нашей собственной, и въ свою очередь сдѣлались достояніемъ европейской. Слѣдовательно, въ лицѣ Пушкина мы, русскіе, если не стали въ уровень, то по крайней мѣрѣ догнали западную цивилизацію, предоставляя будущему слѣдовать далѣе и даже стать съ нею въ уровень. Спрашивается, въ какомъ же городѣ приличнѣе поставить памятникъ великому русскому поэту, какъ не въ томъ, который съ этою именно цѣлью былъ заложенъ великимъ русскимъ Преобразователемъ?

Высказавъ наше мнѣніе въ пользу сооруженія памятника Пушкину въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ, мы съ своей стороны отъ всей души желали бы видѣть въ печати вполнѣ и окончательно высказанными всѣ тѣ доводы и основанія, которыми, помимо уже заявленныхъ, руководствуется комитетъ, избирая мѣстомъ для памятника Москву, а не Петербургъ.

Симферополь, 1871 г. Ф. Шатовъ.

P. S. Когда настоящее письмо было уже написано, мы прочли въ „Петерб. Вѣдом.“ статью господина де-Пуле о памятникѣ Пушкину, въ которой высказаны и развиты въ сущности тѣ же самыя мысли; но мы не остановились отсылкою этого письма: пусть оно будетъ еще голосомъ—и, вѣрьте, голосомъ не одного только лица, а довольно многочисленнаго кружка—одного изъ угловъ Россіи, кружка, который весьма близко принимаетъ къ сердцу такое обще-русское дѣло, какъ сооруженіе памятника Пушкину. Ф. Ш.

Это самый лучшій и даже единственный въ настоящее время сборникъ современныхъ статистическихъ свѣдѣній. Необходимо также замѣтить, что при своей неимовѣрной дешевизнѣ, онъ дѣлается доступнымъ каждому. И дѣйствительно, наша публика оцѣнила трудъ по достоинству: не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ изданія, какъ его уже нѣтъ въ продажѣ.—Съ нетерпѣніемъ ждемъ 2-го изданія: оно дастъ возможность тѣмъ, кто не успѣлъ купить первое изданіе, запастись этою необходимою для каждаго русскаго настольною книгою.

Сочиненія С. В. Ешевскаго. Изданіе К. Солдатенкова. 3 т. М. 1870 — 1871 г. ч. 1-я LXXXVII и 576 стр.; ч. 2-я 613 стр.; ч. 3-я 712 стр. Ц. за 3 т. 6 р.

Большая часть трудовъ покойнаго С. В. Ешевскаго составляютъ лекціи, читанныя имъ въ Казанскомъ и Московскомъ Университетахъ; многія изъ нихъ впервые появляются въ печати въ этомъ изданіи и нельзя не поблагодарить за это изданіе г. Трачевскаго, приложившаго всѣ старанія, чтобы собрать эти лекціи. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., курсъ русской исторіографіи, не могъ быть помѣщенъ, такъ какъ онъ дошелъ всего въ одномъ экземплярѣ записокъ, составленныхъ студентомъ, безъ участія профессора и рукопись эта представляетъ большія неполноты и неточности. Нѣкоторые изъ мелкихъ печатныхъ трудовъ Ешевскаго также не вошли въ это собраніе.

Изъ трудовъ покойнаго профессора по русской исторіи самый обширный: «Очеркъ царствованія имп. Елизаветы Петровны» (курсъ, читанный въ Казани въ 1856 г). Вотъ какъ отзывается объ этомъ трудѣ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «Этотъ курсъ еще не потерялъ значенія лучшаго обозрѣнія этого царствованія, которое мы до сихъ поръ имѣемъ»..... «Главнымъ источникомъ для него служило «Полное Собраніе Законовъ», которымъ обыкновенно такъ мало пользуются наши историки и которое однако должно быть положено въ основу изученія. Только тамъ можно найти свѣдѣнія, касающіяся внутренняго быта. Въ своемъ изложеніи Ешевскій далъ сравнительно меньше мѣсто фактамъ внѣшнимъ, придворной и военной исторіи, и обратилъ вниманіе на колонизацію, ландмиллиціонные полки, Малороссію, просвѣщеніе. Это обстоятельство и придало курсу особую важность, хотя Ешевскій былъ лишенъ возможности внести въ свое преподаваніе свѣдѣнія архивныя, что тогда и было почти совершенно недоступно». Весьма важны по затрогиваемымъ имъ вопросамъ, къ сожалѣнію, неоконченные труды: «Русская колонизація сѣверовосточнаго Края» и «Миссіонерство въ Россіи». Къ русской исторіи относятся еще двѣ статьи: О масонствѣ и характеристика труда кн. М. М. Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Изъ трудовъ по всеобщей исторіи наиболѣе обширна и обработана диссертація Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка». Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ у насъ самостоятельныхъ трудовъ по всеобщей исторіи. Затѣмъ издатели помѣстили университетскія лекціи Ешевскаго: «О значеніи расъ въ исторіи», «Успѣхъ римскаго міра и его провинціи», «Очерки язычества и христіанства», «Эпоха переселенія народовъ и Каролинги». При крайнемъ недостаткѣ у насъ даже переводныхъ трудовъ по древней и средней исторіи, эти лекціи будутъ въ высшей степени полезны для нашей публики.

Изъ приведеннаго перечня видно, какъ разнообразны были труды покойнаго ученаго. Онъ явился достойнымъ продолжателемъ славныхъ его предшественниковъ на каѳедрѣ всеобщей исторіи Московскаго Университета—Грановскаго и Кудрявцева. Преждевременная потеря такихъ дѣятелей, какъ Ешевскій тѣмъ чувствительнѣе, что многіе изъ современныхъ профессоровъ всеобщей исторіи не обладаютъ ни такимъ талантомъ, ни такимъ широкимъ кругозоромъ, какъ вышеупомянутые дѣятели, и довольствуются кропотливыми изысканіями о мельчайшихъ фактахъ изъ области своего предмета. Конечно, что ихъ лекціи не будутъ имѣть на молодежь того благодѣтельнаго вліянія, какое имѣли Грановскій, Кудрявцевъ и Ешевскій.

Къ собранію соч. приложена біографія покойнаго, прекрасно написанная его товарищемъ по гимназіи и университету К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Особенно интересны въ этомъ біографич. очеркѣ тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ объ Московкомъ Университетѣ въ порѣ 40-хъ годовъ, въ лучшіе годы его существованія, составляющіе такую рѣзкую противоположность съ его современнымъ состояніемъ.....

О томъ какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Соч. И. Слѣпушкина. Кіевъ. 50 стр.

Брошюра о Богданѣ Хмельницкомъ, напечатанная въ Кіевѣ весьма опрятно, и продающ. за 12 коп., представляетъ довольно интересный разсказъ, написанный простымъ, понятнымъ народу языкомъ. Въ ней описывается весьма знаменательная эпоха въ исторіи Россіи: освобожденіе Украины отъ польскаго владычества и присоединеніе Малой Россіи Богданомъ Хмельницкимъ къ единой и съ тѣхъ поръ недѣлимой Россіи.

Воспоминаніе объ И. П. Котляревскомъ (изъ записокъ старожила) Полтава. 32 стр.

Брошюра С. Стеблинъ-Каменскаго даетъ новыя свѣдѣнія о жизни талантливаго переводчика Энеиды, перелицованной на малороссійскій языкъ, и объ авторѣ до сихъ поръ любимой въ Малой Россіи — хотя и устарѣвшей — Наталки-Полтавки.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1871 г., второй годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ **каждый** не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктпетербургѣ и Москвѣ**, — **семь рублей** за весь годъ, т.-е. за 12 книгъ.

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ** «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30)**; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и въ д. Трута.**

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому**: въ **С.-Петербургѣ, Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 13.**

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. **записокъ Болотова, Добрынина, Лагарпа, М. А. Бестужева**, и архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова**, кн. **Щербатова**, кн. **Куракиныхъ**, гр. **Стакельбергова**, свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина**, — записки: гр. **Г. П. Чернышова**, адмир. **Колзакова**, зап. **И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго** (1812 – 1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго**, кн. **Барклай-де-Толли**, кн. **А. А. Шаховскаго**, партиз. **Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева**; **В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); поч. лейбъ-хирург. **Д. К. Тарасова**, ак. жив. **А. В. Ступина** (1776—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича**; зап. **Н. И. Греча** (біографія **Ѳ. В. Булгарина**); зап. **А. В. Никитенко, И. И. Свѣшзева**; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; біографія А. П. Сѣрова, состав. **В. В. Стасовымъ**; записки **А. И. Красовскаго**; **С. Н. Глинки**; **К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); **Н. В. Берга**: воспомин. о Гоголѣ; записки **Н. В. Веригина** и др. Письма **Волынскаго** и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ—**А. Г. Пупарева**; письма гр. **Бестужева-Рюмина**, гр. **Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II**; письма императоровъ: **Павла I, Александра I**, цесар. **Константина**; императр. **Елизаветы Алексѣевны; Куликина**; гр. **Аракчеева**, кн. **Васильчикова**, гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова**, мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**, письма графа **Толя** (1831 г.); 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховит.**; неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенькова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Козлова, Рылѣева, Пушкина**, архит. **Витберга**; проекты и статьи **В. Н. Каразина**; сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина. П. К. Щебальскаго**; статьи: профес. **И. Д. Бѣляева** и **Н. С. Тихонравова. Г. Н. Геннади**, кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, П. А. Степанова, Н. П Дурова, А Н. Неустроева.** Сообщ. **П. А. Муханова**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе**, гр. **Э. К. Чапскаго**, кн. **Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича**, бар. **Ѳ. А. Бюллера, М. Ѳ. Бороздина, Н. Д** и **Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ** и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго **князя Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, **генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.**

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. СЕНТЯБРЬ. 1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Записки Гавріила Ивановича Добрынина**, 1752—1823 гг. Часть вторая. 1784—1792 гг. Сообщ. **А. П. Сторожeнко и Л. Н. Антроповъ** 177

II. **Воспоминанія моей жизни. Записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова.** 1792—1822 гг. Сообщ. **А. Д. Тарасовъ.** . 223

III. **Убійство любовницы гр. Аракчеева Настасьи Ѳедоровой Шумской** 1825 г. Разсказъ **А. Г. Пупарева**, по подлинному дѣлу, сообщ. **А. Н. Неустроевымъ** . . 262

IV. **Листки изъ записной книжки «Русской Старины»:** 1. **Письмо Радищева** объ открытіи памятника Петру Великому. Сообщ. **П. А. Ефремовъ** (295). 2. **Ода Платону Зубову вышитая на атласѣ** 1791 г. Сообщ. **В. М. Федоровъ** (299). 3. Разсказъ изъ временъ императора Павла. Сообщ. **В. М. Федоровъ** (300). 4. Афиша о концертѣ 1812—1824 гг. Сообщ. **П. А. Ефремовъ** (301). 5. Посланіе къ Галламъ 1852 г. **П. Каратыгина** (304).

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. **томъ второй**, ч. XIII: письма 131—138: Бытъ русскаго дворянства въ XVIII-мъ столѣтіи. 1769—1770 гг.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Портретъ А. Л. Витберга, равно **портреты и снимки съ писемъ** проч. **замѣчат. русскихъ дѣятелей** будутъ помѣщаемы при послѣдующихъ книгахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1871.

IX-я книга «Русской Старины» вышла 1-го сентября.

Библіографическій листокъ русско-историч. и друг. книгъ.

Нѣсколько словъ о первоначальной русской лѣтописи Соч. кн. М. А. Оболенскаго. М. 1870 г. 4 д., 96 стр.

Въ своемъ изслѣдованіи, предпринятомъ въ виду приготовляемаго Археографическою Комиссіею новаго изданія полнаго собранія русскихъ лѣтописей, авторъ останавливается на подробномъ разборѣ двухъ мѣстъ первоначальной русской лѣтописи: сказаній о походѣ Олега на Царьградъ и о крещеніи Ольги. Въ основаніе своего изслѣдованія авторъ беретъ «Лѣтописецъ русскихъ царей по списку Переяславля Суздальскаго», изданный имъ въ 1851 г., и сравниваетъ его съ другими списками. Разбирая сказаніе о походѣ Олега, авторъ даетъ совершенно новое, едвали ни болѣе вѣрное, объясненіе этого мѣста, чѣмъ это дѣлали до сихъ поръ. Независимо отъ сего авторъ превосходно объясняетъ сказаніе о крещеніи Ольги. При этомъ онъ для объясненія сопоставляетъ это событіе съ событіями въ другихъ славянскихъ земляхъ (время Симеона въ Болгаріи), говоритъ о греческихъ придворныхъ обычаяхъ и т. д. и, съ помощію всѣхъ этихъ изслѣдованій, приходитъ къ совершенно новому объясненію этого важнаго мѣста. Эта часть почтеннаго труда князя Оболенскаго положительно образцовая; если бы у насъ было поболѣе такихъ объясненій различныхъ мѣстъ нашихъ лѣтописей, то наша древняя исторія явилась бы въ совершенно новомъ свѣтѣ и она изучалась бы неизолированно, а въ связи съ исторіею остальныхъ славянскихъ государствъ и исторіею Византіи.

Авторъ считаетъ списокъ Ипатовскій и списокъ «Лѣтописца Русскихъ Царей Переяславля Суздальскаго» — наиболѣе древними. Онъ высказываетъ также предположеніе, что первымъ нашимъ лѣтописателемъ былъ мнихъ Григорій Болгарскій, сотрудникъ по просвѣщенію Болгарскаго царя Симеона.

При этомъ, съ своей стороны, замѣтимъ, что сѣтованія автора на то, что наша наука, не смотря на изданіе еще въ 1851 г. «Лѣтописца русскихъ царей», не замѣтила «великой просвѣтительной дѣятельности и трудовъ на благо и пользу русскаго народа Григорія пресвитера мниха», то это сѣтованіе едва ли основательно, такъ какъ изъ его трудовъ вполнѣ несомнѣненъ лишь переводъ хроники Малалы. Князь Оболенскій, въ предисловіи къ изданію Переяславскаго Лѣтописца, предполагаетъ, что тотъ же Григорій переложилъ Амартола и Книгу Царствъ, а въ нынѣшнемъ изслѣдованіи полагаетъ уже, что Григорій былъ первымъ русскимъ лѣтописцемъ—но это еще только предположенія. Предполагать же у нашихъ ученыхъ, какъ дѣлаетъ авторъ на стр. 91.: «стараніе изгладить изъ древнихъ рукописей это дорогое для всѣхъ Славянъ имя» (Григорія Мниха) едва ли есть основаніе; вопросъ этотъ вовсе не такой животрепещущій, чтобы тутъ была какая нибудь умышленная утайка.

Кіевопечерскій Патерикъ, по древнимъ рукописямъ, въ переложеніи на современный русскій языкъ Маріи Викторовой. Кіевъ. 1870 XIV и 165 стр.

Мы находимъ здѣсь переводы сказанія о Печерскомъ монастырѣ вошедшаго въ составъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и посланій Симона къ Поликарпу и Поликарпа къ Анкудину. Пространное житіе Ѳеодосія Печерскаго, написанное преп. Несторомъ, которое составляетъ неотъемлемую часть почти всѣхъ древнихъ рукописей Кіево-Печерскаго Патерика, не вошло въ составъ настоящаго изданія, потому что оно было уже напечатано два раза,—сначала въ русскомъ переводѣ, изданномъ покойнымъ высокопреос. Филаретомъ, архіеп. Черниговскимъ (въ зап. 2-го отд. Акад. Наукъ, кн. II вып. 2. Спб. 1856), а потомъ и въ славянскомъ подлинникѣ, напечатанномъ проф. О. М. Бодянскимъ (Ч. И. О. И. Д. Р. 1858 г. кн. 3). Изданіе перевода г-жи Викторовой весьма изящное. Къ нему приложенъ снимокъ съ Румянц. списка Кіево-Печерскаго Патерика XV в., съ котораго и былъ сдѣланъ переводъ; тутъ же помѣщено фантастическое изображеніе Нестора.

Въ предисловіи издатель А. В. разсказываетъ весьма любопытную біографію покойной переводчицы (умершей 19 лѣтъ отъ роду); жаль однако, что разсмотрѣнію самаго патерика, почтенный издатель посвятилъ только 3 страницы; при чемъ отсылаетъ за болѣе подробными свѣденіями къ спеціальнымъ о немъ трудамъ. Имѣя въ виду, что настоящее изданіе предпринято А. В. не для спеціалистовъ, а для публики, нужно было бы дать болѣе подробныя свѣденія о патерикѣ, хотя бы на основаніи тѣхъ же спеціальныхъ работъ.

Памятники новой русской исторіи. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, изданный В. Кашпиревымъ. т. I. Спб. 1871 г. 89 и 424 стр. Ц. 3 р.

Изъ матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ этого сборника, укажемъ на слѣдующіе: документы о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны; дѣло Гурьевыхъ и Хрущевыхъ; картина Европы въ началѣ XIX стол. и отношеніе къ ней Россіи (записка графа Ѳ. В. Ростопчина); рѣчь Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова къ помѣщикамъ Кіевской губерніи 8 мая 1851 г.; дѣло о политическомъ подметномъ письмѣ 1771 г.; судьба князей Долгорукова-

(смотр. окончаніе на оборотѣ)

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1823.

---

§ XLI. *)

Описаніе 1784 и 1785 года.

Вотъ еще исторія, а кто не вѣритъ, пусть выправится въ архивахъ губернскаго города Могилева, — исключая такихъ въ ней мѣстъ, которыя въ приказныхъ бумагахъ невмѣстны, а потому и въ архивахъ ихъ нѣтъ.

Выше сказано въ одной ремаркѣ, что подрядившійся выстроить церковь святаго Іосифа, онъ же и откупщикъ питейныхъ въ Могилевѣ сборовъ, с.-петербургской купецъ Петръ Чирьевъ разладилъ съ покровителемъ своимъ, генералъ-губернаторомъ Пассекомъ; а теперь течетъ тотъ годъ, въ которой дѣйствіе сіе начинается.

Народъ въ городѣ, во время свободной продажи напитковъ, привыкши къ нимъ, возропталъ на Чирьева, что у него нѣтъ хорошихъ ни водокъ, ни пива, ни меду. Пассекъ сначала защищалъ зло. Мнѣ случилось слышать и видѣть, какъ старой совѣтникъ г. Квасниковскій, за столомъ у Пассека къ разгору сказалъ спроста: «Бывало, у насъ въ Могилевѣ водятся хорошія пива, а нынѣ, по милости г. Чирьева, мы его не имѣемъ». Пассекъ приказалъ дворецкому тотчасъ взять изъ кабака бутылку пива и подать на столъ. Бутылка подана. Пассекъ, на-

*) Смотр. «Русскую Старину», т. III, изд. 1871 г., стр. 119, 247, 395, 562, 749. Т. IV, стр. 1 и 97. Ред.

ливъ стаканъ и подавая совѣтнику: «Отвѣдай-ка — сказалъ — каково пивцо-то, Иванъ Андреевичъ?»

— «Очень хорошо, отвѣчалъ старикъ, да къ намъ этакое не доходитъ, это видно изъ первыхъ рукъ».

— «Не ужъ-ли ты думаешь, что это изъ моего ледника? сказалъ Пассекъ. Откуда это пиво?» спросилъ онъ у дворецкаго.

— Изъ кабака, отвѣчалъ дворецкой.

Каждой, видя сильную защиту, каждой видя, что казенной палаты совѣтникъ Пестовъ, осмѣлившійся прочитать въ судейской каморѣ газеты, — въ которыхъ публиковано было, что Чирьевъ неисправной подрядчикъ въ Петербургѣ въ постройкѣ какого-то моста — лишился совѣтническаго мѣста; а секретарь казенной палаты Цѣликовскій, переносившій Чирьеву вѣсти, пожалованъ коллежскимъ ассессоромъ. Каждой видя сіи и симъ подобныя явленія, не осмѣливался не воздавать отличнаго почтенія Петру Никифоровичу Чирьеву.

Но когда Чирьевъ, по извѣстнымъ никому больше какъ ему причинамъ, началъ вездѣ открывать противъ Пассека свое неудовольствіе, и грозить явно жалобами на него, и на проживающую — по его словамъ — праздно въ Могилевѣ, маіоршу Салтыкову *), то правительство губернское, вступя во свои правы, взялось возстановить порядокъ; оно осмѣлилось принуждать откупщика, по силѣ контракта, ко взносу въ казенную палату недоимокъ, которыхъ накопилось до 20,000 рублей. Но Чирьевъ, вмѣсто исполненія требованій по контракту, потребовалъ долговъ своихъ отъ генералъ-губернатора и другихъ. За требованіе, произведенное не въ пору, приставили къ нему безъ требованія двухъ солдатъ. Чирьевъ не лишенъ свободы, но солдаты вездѣ за нимъ слѣдовали по пятамъ, а недоимка оставалась недоимкою. Разсудили судить его за ложное показаніе уплаты партикулярныхъ на немъ долговъ; а винной откупъ, отобравъ отъ него, отдали поручителю, надворному совѣтнику Шипневскому **); достройку

*) Чирьевъ былъ злоязыченъ, невѣренъ, дерзокъ, но на словахъ не дуракъ и рѣзокъ, безхарактеренъ и плутъ; слѣдственно рожденъ на несчастіе. Г. Д.

**) Шипневскій былъ въ Тольчинской пограничной таможнѣ директоромъ. Нажилъ великое имѣніе, и былъ за противозаконный пропускъ товаровъ или за кражу пошлинъ, подъ судомъ въ уголовной палатѣ. По сей причинѣ, не трудно было Пассеку уговорить его къ поручительству по Чирьевѣ, а потомъ и къ принятію на себя всего откупа. Шипневскій долженъ былъ повиноваться въ той надеждѣ, что дѣло его въ палатѣ рѣшится въ его пользу. Г. Д.

же церкви—поручителю, коллежскому совѣтнику Маковецкому, по контракту *).

Чирьевъ не проронилъ времяни. Онъ послалъ жалобу въ сенатъ. Сенатъ указомъ потребовалъ объясненія. Пошла потѣха! Стой бѣда, не лежи!

Забавно было читать приложенныя при сенатскомъ указѣ регистры, письма, записки, карточки,—начиная съ генералъ-губернатора до послѣдняго должника **),—которые велѣно возвратить при объясненіи въ сенатъ.

Напримѣръ: генералъ-губернаторъ препоручаетъ Чирьеву выписать изъ Петербурга, имянно какихъ вещей для новостроющейся его мызы Пипинберга, для Марьи Сергѣевны Салтыковой, и проч.***). Губернаторъ Енгельгардтъ—для Аннушки своей. Другіе чиновники, наприм. для себя и для женъ: суконъ, шолковыхъ матерій, пудры, помады, тросточекъ, какія во употребленіи въ Петербургѣ, у первыхъ щоголей и щеголихъ; иные: корюхи, ряпухи, нармазановъ, лимбургскихъ, жупановъ, сквозныхъ, ханскихъ, чорныхъ, зеленыхъ, и проч.

Поручителю церковному Маковецкому — карету, директору экономіи, — карету, вице-губернатору — карету.

Городничій Воропановъ въ запискѣ къ Чирьеву, пишетъ: «Не брани, братъ, своихъ людей, за то, что я взялъ изъ твоихъ сѣней обновить твои петербургскія сани, послѣ сочтемся. А водка-то, которую ты заарестовалъ, уѣхала за городъ****)».

Ассессоръ казенной палаты Колбасовъ, прося Чирьева о доставленіи ему изъ Петербурга надобныхъ для него вещей, заключаетъ записку свою сими словами: «А я твою жену въ .....*****)

*) Предсѣдатель верхняго земскаго суда 2-го департамента, по выбору, и помѣщикъ, которой положилъ въ залогъ за Чирьева недвижимое свое имѣніе, за выписанную ему Чирьевымъ изъ Петербурга карету. Г. Д.

**) Помѣщенное между чертами въ подлинникѣ зачеркнуто. Ред.

***) «И проч.» вмѣсто зачерк.: «для его панушки и для конюшни». Ред.

****) Водка провозима была на ту пору на нѣсколькихъ подводахъ чрезъ городъ. Она принадлежала какому-то помѣщику или жиду. Чирьевъ, по праву откупщика, далъ знать городничему, дабы онъ изслѣдовалъ: не корчемная-ли она? Городничій остановилъ ее, и потомъ выпустилъ безъ изслѣдованія. Чирьевъ, въ просьбѣ своей сенату, изъясняя, что она была корчемная, доказывалъ: что его въ Могилевѣ всякой разорялъ. Г. Д.

*****) Въ манускриптѣ послѣднія литеры такъ затерлись, что никакъ прочитать было нельзя, какъ будто для того, что каждому безъ труда догадаться можно по первоначальной литерѣ..... Г. Д.

поцѣлую». Сенатъ въ своемъ указѣ сказалъ: чтобъ въ требуемомъ, по просьбѣ Чирьева, изъясненіи показано было: «изъ какихъ чиновъ или состоянія ассессоръ Колбасовъ?»

Вопросъ, котораго безъ отвѣта оставить было нельзя, а балагуры догадывались, что сенатъ подозрѣвалъ, не отъ собакъ ли происходитъ Колбасовъ *).

Все сіе дѣлало людямъ, не замѣшаннымъ въ эту невкусную кашу, смѣхъ; а отвѣтчикамъ говорила пословица: «хоть волкомъ вой». Но ничто такъ не огорчило генералъ-губернатора, какъ изреченіе Чирьева въ поданной въ сенатъ просьбѣ: «проживающая въ Могилевѣ праздно, маіорша Салтыкова». Досада, мщеніе, любовь, оскорбленіе, важность сана, все это совокупясь, слило противъ Чирьева такую пулю, отъ которой бы ему не воскреснуть, еслибы она въ него попала. Но, въ человѣческихъ дѣлопроизводствахъ, НО производитъ великія чудеса, которыхъ описаніе слѣдуетъ ниже:

Пока что сдѣлается въ сенатѣ по посланному объясненію, Чирьева содержатъ въ Могилевѣ въ тюрьмѣ за долги. Судятъ за ложныя показанія о уплатѣ долговъ и проч. и присуждаютъ подъ казнь кнутомъ. Уже домъ его окруженъ многочисленнымъ карауломъ; время назначало ему черезъ два или три дни площадь и палача. Губернскій стряпчій Герасимовъ, который и служилъ и жилъ у Пассека и Салтыковой, принялъ на себя изъ усердія обязанность начальствовать надъ карауломъ, окружавшимъ домъ Чирьева. Никто столько не былъ увѣренъ въ его неусыпности, какъ онъ самъ и благодѣтель его Пассекъ. Но увы! въ послѣдній вечеръ передъ страшнымъ для Чирьева утромъ, нужно было Герасимову потанцовать на вечеринкѣ у Салтыковой. Ночь была лѣтняя, самая коротенькая, и окончаніе вечера почти примыкалося къ началу утра. Возсіявшу солнцу, онъ приспѣшилъ *) на мѣсто вѣрной и многочисленной стражи; нашелъ ея въ надлежащемъ порядкѣ. Съ Герасимовымъ былъ городничій Алексѣй Кралевскій, которой, въ преданности и усердіи къ особѣ и къ дому Пассека, не уступалъ Герасимову, потому что, въ малолѣтствѣ и юношествѣ, былъ при сестрѣ Пассека

*) Весь эпизодъ о Колбасовѣ, съ сноской къ нему, въ подлинникѣ зачеркнутъ. Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго «явился». Ред.

слугою, подъ природнымъ прозваніемъ: Лобурёнко. Онъ учился, и былъ великой мастеръ кожевенныхъ дѣлъ, на манеръ англійскій, почему и сдѣланы были, подъ особеннымъ его присмотромъ, новые кнутье. Надлежало узника взять и вести въ судебное мѣсто къ выслушанію приговора, а потомъ на мѣсто казни *). Они входятъ въ первую комнату, находятъ жену въ слезахъ, а двухъ малолѣтныхъ дѣтей еще спящихъ; входятъ въ другую и третью, изъ которыхъ выхода никуда нѣтъ, но Чирьева не находятъ. Они остолбенѣли. Опомнившись, приступили къ женѣ. Она отвѣчала: «Я жена несчастнаго мужа, а не караульщица». Многочисленная стража отвѣчала, что колодникъ никуда не выходилъ; но проломанная подлѣ трубы въ потолокѣ твердь, куда они почти нечаянно взглянули, разрѣшила все ихъ сомнѣніе; а побѣгъ караульнаго солдата, находившагося при немъ въ одной горницѣ, открылъ ясно, что Чирьевъ ушелъ не безъ товарища.

Пассекъ, получа отъ нихъ неожиданной рапортъ, не собралъ силъ подняться съ дивана, на которомъ тогда лежалъ. Салтыкова, прибѣжавъ туда же, объявила въ полномъ безпамятствѣ, что она опредѣлила непремѣнно, у Герасимова и Кралевскаго отгрыть великодушно собственными зубами носы и уши.

Пассекъ измученной какъ внутреннею гангреною, имѣлъ еще твердость духа и разсудка, отвлечь ее своимъ совѣтомъ отъ исполненія ея намѣреній. «Неблагопристойно, сударыня, говорилъ онъ, женщинѣ кушать носы и уши мущинъ. Студень такого рода не принадлежитъ ко вкусу благородныхъ. Посудите, что оба виноватые оба же наши и друзья, и что грѣхъ да бѣда на кого не живетъ?» Хотя изъ такой нравоучительной рѣчи не послѣдовалъ плодъ поимки Чирьева, однако-жъ краснорѣчіе, начавши отъ грековъ до римлянъ и англійскихъ парламентовъ, укрощало почти не меньшіе бури и вихри. Городничій и губернскій стряпчій остались по прежнему съ носами и ушми. Не было ничего благоразумнѣе какъ то, что внѣшная стража не истязывана.

Вскорѣ полученъ отъ сената указъ, чтобы по всѣмъ Чирьева

*) Въ канцеляріяхъ обыкновенно пишутъ: «наказать кнутомъ». Но наказаніе есть слово славянское, и значитъ: наученіе. Сенатъ—въ одномъ только указѣ—сказалъ: что, «публичное тѣлесное наказаніе, не есть уже наказаніе, но сущая казнь». Г. Д.

дѣламъ, какого бы они рода ни были, не дѣлать исполненія, но присылать ихъ въ сенатъ на благоразсмотрѣніе, а запущенную до 20-ти тысячъ рублей по винному откупу недоимку взыскать съ членовъ казенной палаты. Послѣ чего, вскорѣ явился и Чирьевъ изъ Петербурга въ Могилевъ, съ вѣрою и надеждою, что его кнутомъ сѣчь не будутъ. Онъ, въ дополненіе своей исторіи, разсказывалъ всякому, кто хотѣлъ его слушать, почти слѣдующимъ образомъ:

«Многочисленный — говорилъ онъ — караулъ при моемъ домѣ и свобода жены моей открыли мнѣ, чему завтре надлежало со мною послѣдовать. Никто не можетъ вообразить, какое непреодолимое отвращеніе чувствовалъ я отъ кнута и палача. Не было еще въ свѣтѣ ни оратора, ни физика, которые могли бы мнѣ доказать и увѣрить, что это зло очень полезно, въ порядкѣ вещей естественныхъ. Я скорѣе согласился бы на то, чтобъ они свои доказательства оправдали сами на себѣ практически *). Воображеніе о балахъ и маскерадахъ, на которыхъ я танцовывалъ у генералъ-губернатора, не похожее ни мало на кнутъ и на палача, подало мнѣ счастливую мысль, проломать дыру въ потолокѣ подлѣ трубы, гдѣ небольшія штуки достокъ имѣли главнымъ укрѣпленіемъ только насыпку земли. Мнѣ были помочью руки солдата, приставленнаго ко мнѣ въ комнату для стражи. Данные ему сто рублей ассигнаціями и обѣщаніе взять съ собою обратили его въ мою пользу. Жена нарядила меня въ сѣрой извощичей кафтанъ и пестрединную рубашку съ косымъ воротникомъ и съ пуговицею съ нашего кучера, безъ маски. Я взялъ съ собою, сколько могъ, денегъ ассигнаціями, поцѣловалъ спящихъ моихъ дѣтей. Сіе послѣднее дѣйствіе чуть-было не лишило меня побѣга. Я оцѣпенѣлъ, и ноги мои мнѣ измѣнили; но воображеніе кнута пробудило мой разсудокъ и возвратило силы. Я полѣзъ въ дыру, а оттуда, сквозь крышу, въ подобную, которая, какъ будто къ моему спасенію, случаемъ была предъуготована; изъ нея на заборъ и съ забора на землю; тѣлохранитель мой вышелъ, по обыкновенію, дверьми и, сошедшись со мною, тотчасъ меня увѣдомилъ, что все спокойно спитъ. Мы

*) Можетъ-быть Чирьевъ и не говорилъ такъ точно, какъ я пишу. Но возможно ли вѣрному исторіографу припомнить отъ слова до слова все то, что кто говоритъ? Г. Д.

прошли благополучно, позирая на спящихъ на дворѣ и на завалинахъ, въ такую предъзорную пору, когда бываетъ самой пріятной сонъ. Выбравшись изъ города, шли мы, то по днямъ, то по ночамъ, смотря по обстоятельствамъ проходимыхъ мѣстъ. На пути разсудилъ я переодѣть и солдата; и такимъ образомъ достигли Петербурга, не бывъ никѣмъ преслѣдованы, или остановлены.

Явясь въ сенатъ съ прошеніемъ и видя что дѣло пошло по моему, началъ я партикулярно просить и о солдатѣ, говоря: что безъ его помочи Чирьеву не видать бы никогда Петербурга. Солдату велѣно остаться при сенатской ротѣ, а могилевскому губернскому правленію въ указѣ сказано: «что, если онъ точно бѣглой изъ могилевской штатной роты, то прислать въ сенатъ послужной его списокъ и надлежащій аттестатъ».

Такимъ образомъ, Чирьевъ, хотя избѣжалъ крайней бѣды, однако-жъ лишился откупа виннаго и окончанія церкви. Здѣлался отвѣтчикомъ въ магистратѣ по долгамъ и посаженъ въ смирительной домъ, гдѣ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ съ ряду безъ выпуска, до того времяни, какъ Павелъ I, вступя на престолъ, отставилъ Пассека отъ службы, а Чирьевъ, хотя выпущенъ, но будучи безъ подряда, безъ откупа, безъ торговли, безъ кредита, безъ ремесла, даже безъ семейства, которое его оставило и уѣхало въ Петербургъ, влачилъ горестную жизнь, и умеръ чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ крайней бѣдности.

Я читалъ славнаго Корнелія Тацита. Онъ также писалъ всякую всячину, какъ и я, разница только та, что онъ писалъ стилемъ латинскимъ, а я перомъ россійскимъ. Онъ описывалъ дѣянія происходившія въ славномъ Римѣ, а я, находясь въ Бѣлоруссіи, присовокупляю къ собственной исторіи встрѣтившіяся произшествія въ моемъ мѣстопребываніи, и, ежели можно сдѣлать нѣкоторое сравненіе? то мой П. Б. Пассекъ и Марья Сергѣевна ничѣмъ не меньше значили въ Могилевѣ, какъ тацитовъ Германикъ и Агриппина въ Римѣ.

Въ сіе время благодѣтельный мой другъ Д. Р. Чугаевичъ предложилъ мнѣ свое дружеское мнѣніе: «Я — говорилъ онъ — при случаѣ открывшагося теперь въ уголовной палатѣ ассессорскаго мѣста, хочу туда перемѣститься. Ты видишь, продолжалъ онъ, что для меня тутъ пользы нѣтъ, потому, что жалованье и

классъ ассессора равны настоящему моему мѣсту; но мнѣ на сей разъ не обидно быть ассессоромъ, потому, что я ничего не теряю; а впередъ, съ мѣста ассессорскаго, надѣюсь быть ближе къ совѣтническому, нежели съ стряпческаго; а всего болѣ пріятно для меня будетъ, если мое теперешнее мѣсто достанется тебѣ, которое жалованьемъ и классомъ выше твоего настоящаго. Станемъ стараться, ну работать».

Мы разсудили прибѣгнуть къ помочи поручителя по Чирьевѣ, надворнаго совѣтника Шипневскаго, который и откупъ уже на себя снялъ, а посему и въ большемъ сталъ уваженіи и довѣріи у генералъ-губернатора. Онъ охотно взялся попросить объ насъ генералъ-губернатора, и напередъ насъ увѣрилъ о несомнительномъ успѣхѣ. Мы сообщили о семъ и Луцевину, какъ секретарю генералъ-губернатора и какъ нашему пріятелю, дабы и онъ, при докладѣ, былъ съ нашей стороны.

Вскорѣ мы оба съ Чугаевичемъ потребованы къ генералъ-губернатору, и не сомнѣвались, что намъ хотятъ объявить желанную милость. Мы не простояли предъ кабинетомъ и часа, какъ вышелъ отъ Пассека Шипневскій и, поднявъ руки къ верху, сказалъ намъ дружескимъ тономъ: «Луцевинъ ассессоромъ будетъ. Не пеняйте, я не виноватъ. Самъ генералъ-губернаторъ такъ захотѣлъ». Намъ очень было жаль, что мы не имѣли за что благодарить, и, сказавши: что, «для генералъ-губернаторскаго секретаря ассессорское мѣсто не награда» вышли съ полученіемъ исполненія такой надежды, какова она всегда бываетъ для людей предающихся ей слѣпо, слабыхъ душею и тѣломъ, памятью и разсудкомъ.

Мы во весь путь другъ-друга вопрошали: что это значитъ? Время уже разрѣшило нашъ вопросъ вотъ какъ: Шипневскій — какъ я выше сказалъ — былъ подъ судомъ въ уголовной палатѣ, по дѣлу таможенному; а Луцевинъ не любилъ своей должности. Онъ, безъ сомнѣнія, не достигалъ, что власть и начальство вельможъ связано съ величайшими выгодами для подчиненнаго, умѣющаго терпѣть, переносить, повиноваться, исполнять.

Луцевинъ, по увѣренію Шипневскимъ, мечталъ, что онъ, и будучи въ палатѣ ассессоромъ, будетъ имѣть, при интересныхъ бумагахъ, вліяніе на канцелярію генералъ-губернатора; а Шипневскій былъ взаимно обезпеченъ цѣлымъ въ пользу его голо-

сомъ, по дѣлу въ уголовной палатѣ. Итакъ, двѣ наши подпоры, при взаимныхъ надобностяхъ, заключили союзъ быть другъ-другу полезными, на счетъ нашей стойки передъ кабинетомъ у генералъ-губернатора. Но бездѣльникъ дьяволъ часто мѣшается въ дѣла человѣческія и ихъ разрушаетъ. Надобно дослушать конца.

Луцевинъ сталъ ассессоромъ, двѣ комнаты въ моемъ домѣ для него квартирою, пока неконченной еще имъ домъ его поспѣетъ. Мы зажили опять вмѣстѣ. Шипневскій, богатой, въ долгахъ, жаждущій приобрѣтать, случайный, подсудимый, уважаемый, не рѣдко насъ посѣщалъ пріятельски, не сомнѣваясь самъ о себѣ, что пріязнь его приемлется за благосклонность, несмотря на то, что онъ меня и Чугаевича обманулъ, а отъ Луцевина ожидалъ. Къ человѣку такихъ качествъ не въ силахъ я былъ имѣть истинной привязанности; но порядокъ гражданскаго обращенія требовалъ, чтобъ я не давалъ ему этого замѣтить. Любитель суетъ, затѣвъ, онъ здѣлался тайнымъ доносчикомъ. Вслѣдствіе чего генералъ-губернаторъ призываетъ Луцевина, и спрашиваетъ его наединѣ:

«Правда-ли, что ты, будучи у меня секретаремъ, взялъ тысячу рублей съ купца Королкевича, котораго я формальнымъ порядкомъ вывелъ въ дворянство?»

— «Правда» — отвѣчалъ Луцевинъ.

«Хорошо, что ты мнѣ признался откровенно, а то бы Шипневскій и Королкевичъ тебя изобличили, и тогда я не въ силахъ былъ бы тебя защитить противъ силы закона. Гдѣ же ты дѣвалъ деньги? Промоталъ, я чаю?»

— «За перстень и табакерку заплатилъ 400 руб. будучи въ Петербургѣ съ вашимъ выс. превосход., а 600 р. употребилъ въ число постройки дома».

«Ну — добро — хотя ты и трудился надъ дѣломъ о выводѣ купца въ дворянство, однако-жъ отъ меня зависѣло поручить этотъ трудъ и другому. Итакъ, справедливость требуетъ, чтобъ ты подѣлился съ моею канцеляріею. Дай ей 400 р.»

Луцевинъ, въ самомъ дѣлѣ не имѣя денегъ, удовлетворилъ канцелярію перстнемъ и табакеркою.

Вскорѣ за симъ дѣло Шипневскаго о пропускѣ имъ безпошлинно чрезъ таможню товаровъ, рѣшено въ уголовной палатѣ въ пользу его большинствомъ голосовъ; а Луцевинъ далъ свое

противное мнѣніе. Чѣмъ пристрастнѣе были всѣ судьи, тѣмъ основательнѣе былъ голосъ одного Луцевина.

Пассекъ, призвавъ къ себѣ Луцевина, напалъ на него, при всей бывшей у него публикѣ, такъ неосторожно за разногласіе въ дѣлѣ Шипневскаго, что многіе стали подозрѣвать о участіи его въ безпошлинномъ пропускѣ товаровъ. Онъ кончилъ свой гнѣвъ тѣмъ, что далъ честное слово, при всемъ бывшемъ тогда у него въ залѣ собраніи, выгнать Луцевина изъ службы. — И такъ, Шипневскій выпросилъ Луцевина въ ассессоры, на свою бѣду; а Луцевинъ вышелъ изъ секретарей къ своему огорченію. и тревогѣ. (Вотъ что дѣлаетъ НО!) *), съ обидою Чугаевича и меня

На другой день предсѣдатель палаты Енгельгардтъ, братъ губернатора, увѣрялъ Луцевина, что «генералъ-губернатору пріятно будетъ, если Луцевинъ приметъ обратно свой голосъ». Луцевинъ отвѣчалъ: «не будетъ пользы, ни для генералъ-губернатора, ни для Шипневскаго, ни для меня, ни для палаты, потому что вся уже публика узнала отъ самого генералъ-губернатора о моемъ, противъ палатскаго опредѣленія, несогласіи. Притомъ сундукъ, препровожденной съ таможенными приобрѣтеніями къ М. С....»

Нельзя кратко сказать, какое изъ сего отвѣта и изъ предобнаруженнаго генералъ-губернаторскаго гнѣва возникло повсемѣстно празднословіе. Каждой наперерывъ старался умножать, раздѣлять, раздроблять, соединять, извлекать, какъ будто они за это получали жалованье и присягали на вѣрность. А между тѣмъ, понеже въ мірѣ, большею частію, пріятели пріятелей несутъ общую участь, то по сему закону и я съ помочью Шипневскаго,— особливо по поводу совмѣстнаго въ одномъ домѣ съ Луцевинымъ обитанія — подоспѣлъ подъ подозрѣніе и подъ худое мнѣніе у генералъ-губернатора, которое и продолжалось до 1787 года, и кончилось такъ, какъ скажется на своемъ мѣстѣ; а теперь надлежитъ приняться за обстоятельство, которое лежитъ на отчотѣ моей памяти и моей чувствительности.

Шипневскій, предложа выстроить для себя въ Могилевѣ домъ, купилъ подлѣ моего обширную огородную землю съ садами. Земля моя, подъ моимъ домомъ и садомъ, не допускала его здѣ-

*) Восклицаніе это въ подлинникѣ зачеркнуто. Ред.

лать изъ своей покупки правильной квадратъ. Онъ объявилъ желаніе купить мое жилище, однакожъ всегда удерживался объявить цѣну, а только единожды промолвилъ, какъ говорится, сквозь зубы, что онъ возвратитъ мнѣ издержанное количество съ процентами. Сила его у генералъ-губернатора была для меня опасна; а привычка, приобрѣтать все способомъ таможеннымъ, на лицѣ его была написана. Самъ гласъ природы внушалъ мнѣ, что нѣтъ ничего хуже, какъ попасться между благосклоннымъ приказаніемъ и непобѣдимою алчностью.

Кстати случилось, что маіоръ Веревкинъ *) подоспѣлъ ко мнѣ съ выигранными деньгами, почти нечаянно, и сыпнулъ въ одну минуту почти тройную цѣну. — Дѣло сдѣлано. Шипневскій обидѣлся. Но онъ торжествовалъ; ибо, когда я предпринялъ сдѣлать другой, подобной первому, домикъ и уже на сей конецъ купилъ землю, срубы, лѣсъ, заготовилъ столярную работу, стекла, двери, замки, печи и проч... и взялъ билетъ и планъ за подписаніемъ городничего и архитектора на постройку, и когда оставалось только приготовленное сложить мастерамъ, то Шипневскій выпросилъ у Пассека повелѣніе, по которому билетъ и планъ у меня отобраны, и строиться запрещено. А Шипневскій, съ дозволенія губернатора Енгельгардта, забралъ мои срубы, говоря, что онъ ихъ, прежде еще меня, приторговалъ на Днѣпрѣ для себя. Вслѣдствіе чего матеріалы или вещи, приготовленные, принужденъ я былъ продать за безцѣнокъ, не полагая въ сіе число огорченія, неразлучнаго съ чувствительностью **). Итакъ, сдѣ-

*) Маіоръ Веревкинъ, Степанъ Ивановичъ, котораго братъ, директоръ экономіи, вызвалъ изъ воинской службы съ надеждою доставленія ему выгоднаго мѣста въ штатской службѣ чрезъ дядю своего, генералъ-губернатора П. В. Пассека.—Пассекъ, въ самомъ дѣлѣ, сперва принялъ его хорошо, и обѣщалъ «все что можетъ сдѣлать». Но потомъ увидя, что онъ, кромѣ карточной игры, ничего не знаетъ и знать не хочетъ, а требуетъ много, принялъ его въ мотіе и тѣмъ кончилъ «все что могъ сдѣлать.» Г. Д.

**) Шипневскій никогда уже не имѣлъ счастія; отецъ навелъ ему много суетъ, а пользы никакой. Съ Пассекомъ онъ разладилъ, а особливо вотъ за что: Шипневскій имѣлъ въ закладѣ отъ князя Огинскаго за 18 тысячъ руб. мѣстечко Микулинъ и къ нему 1,200 мужеск. пол. душъ. Срокъ закладной прошелъ; но адвокаты считали по закону срокъ часами и минутами, до захожденія или по захожденіи солнца. Пассекъ, властію своею, велѣлъ солнцу зайти поскорѣе и Шипневскому овладѣть закладомъ; а потомъ предложилъ, чтобы Шипневскій уступилъ ему, для Панушки, все завладѣнное за сходную цѣну, почти такъ, какъ Шипневскій хотѣлъ уступить моего дома. Шипневскій давалъ

лавшись бобылемъ, безъ дома, не безъ денегъ за домъ, съ убыткомъ, съ огорченіемъ, нанялъ я квартиру; а Луцевинъ, которой давно уже перешелъ въ свой нововыстроенной домъ, не предвидя ничего для себя полезнаго, подалъ просьбу объ отставкѣ.

Въ началѣ 1785 г. случай позволилъ быть мнѣ въ первой разъ въ Москвѣ. Еще прошедшаго лѣта, главнокомандующій Москвою, бывшій нашъ бѣлорусскій государевъ намѣстникъ, графъ Чернышевъ, скончался. Вдова графиня, и посредствомъ теченія времяни, не уменьшила горести.

Простой московской народъ, но не съ простымъ патріотизмомъ, говорилъ купеческимъ простымъ тономъ: «хоть бы онъ, нашъ батюшка, два годочка еще пожилъ; мы бы Москву-та всю такову-та увидѣли, какъ онъ отстроилъ наши торговыя лавки и другія публичныя зданія».

Проживши тамъ недѣли съ три на чужомъ столѣ и въ беззаплатной квартирѣ, возвратился въ Могилевъ, довольствуясь иногда воспоминаніемъ видѣнныхъ тамъ предметовъ, которыхъ смѣшенія нельзя было не видѣть, то-есть: обилія и бѣдности, мотовства и скупости; огромнѣйшихъ каменныхъ домовъ и вбившихся въ землю по окны бѣдныхъ деревянныхъ хижинъ; священныхъ храмовъ и при нихъ торговли и кабаковъ; воспитанія и разврата, просвѣщенія и невѣжества; получившихъ богатое наслѣдство видѣлъ бѣдными, гордыми и подлыми. Тамъ подпора отечества занимается съ вечера до утра важными пустяками, названными игрою, и за игру вызываетъ на поединокъ, а отъ восхожденія до захожденія солнца спятъ.

Говорятъ, что есть въ Москвѣ домы препорядочные, якобы составленные изъ чести, добродѣтели и просвѣщенія. Очень вѣроятно. Сіе самое бывало и въ сѣдой древности, когда самъ Богъ съ однимъ праотцемъ искали въ великомъ градѣ Ниневіи десяти праведниковъ.

Лѣтомъ сего года, по имянному императорскому повелѣнію, изъ числа командированныхъ по всѣмъ россійскимъ губерніямъ

200 душъ безъ денегъ, но Пассекъ, оскорбяся, что помогалъ человѣку, которой не хочетъ отдать всего—не принялъ ничего. Шипневскій, разстроенный, задолжавшійся, огорченный, принужденъ былъ недостроенный еще домъ свой продать городской думѣ. А деревни продавать по частямъ, кромѣ самаго Микулина. Выѣхалъ въ Петербургъ, и тамъ скончался. Послѣдняя надежда къ счастью, кто ищетъ его въ столицахъ, потерявши молодость! Г. Д.

сенаторовъ, прибыли и къ намъ двое въ Могилевъ: графъ Александръ Ром. Воронцовъ и Алексѣй Вас. Нарышкинъ, для обозрѣнія, все ли исполняется по законамъ, или все по беззаконіямъ, или же по тому и по другому, и проч...

Они обозрѣли главныя присутственныя мѣста; отобѣдали нѣсколько обѣдовъ у генералъ-губернатора, у архіепископовъ грекороссійскаго и римско-католицкаго, и у другихъ. Иные думали спроста, что имъ больше и дѣла нѣтъ; однако-жъ, всякой терпящій приносилъ имъ свою жалобу безпрепятственно. Ихъ важность, и императорская къ нимъ довѣренность сильны были или удовлетворять, или ласкать его надеждою, что онъ получитъ изъ Петербурга, какъ съ неба, полную благодать. А между тѣмъ, губернское начальство и чиновники живѣе почувствовали, что «есть еще и надъ ними надзоръ, которой можетъ и впредь повторяться».

Сенаторы дали записку, чтобы имѣніе, принадлежащее въ Бѣлоруссіи монастырямъ и церквамъ всѣхъ религій, защищаемо было казенныхъ дѣлъ стряпчими, безъ наблюденія формальныхъ польскихъ обрядовъ и безъ употребленія адвокатовъ, кои высасываютъ изъ вѣрителей своихъ часто не меньше того, чего стоитъ искъ. Сенатъ подтвердилъ сію записку повсемѣстными указами, которые исполняются къ пользѣ и выгодѣ духовныхъ, «даже до сего дне».

Предъ выѣздомъ изъ Могилева, сенаторъ графъ Воронцовъ потребовалъ къ себѣ Луцевина. «Я знаю причину—сказалъ онъ—по которой ты идешь въ отставку. При тебѣ ли твой голосъ?»

— «Нѣтъ ваше с.....»

— «Принеси же».

Луцевинъ сбѣгалъ на квартиру.

— «Читай».

Луцевинъ прочиталъ.

«Согласенъ ли твой голосъ съ истиною дѣла?»

— «Согласенъ ваше с., отвѣчалъ Луцевинъ, безъ того на какой же бы конецъ и мнѣніе писать?»

— «Очень хорошо. Что ты съ собою думаешь сдѣлать по полученіи отставки?»

— «Хочу ѣхать въ Петербургъ».

— «Очень хорошо; по пріѣздѣ покажись ко мнѣ, я тебѣ помогу».

Мой Луцевинъ, пересказывая мнѣ сіе, не дрожалъ отъ радости, но въ глазахъ его сверкало удовольствіе.

Пассекъ, узнавъ о семъ, не пропустилъ сказать графу при отъѣздѣ его: «у вашего сіятельства былъ ассесоръ Луцевинъ, которой.....»

Графъ перебилъ: — «онъ, по полученіи отставки, намѣренъ искать службы въ Петербургѣ, просилъ моего пособія. Я велѣлъ ему явиться ко мнѣ, когда пріѣдетъ въ Петербургъ».

По отъѣздѣ сенаторовъ, Луцевину скоро пришла отставка, съ награжденіемъ чина. Онъ продалъ свой домикъ и всѣ мелочи; сбилъ изъ нихъ въ одно мѣсто небольшую свою казну, снарядилъ добрую кибитку. Мы условились другъ къ другу писать, увѣдомлять, и проч... Я проводилъ его за городскія ворота, версты съ двѣ; но ни я, ни онъ не знали, что мы прощались на вѣки!

Графъ Воронцовъ устоялъ на словѣ. Онъ Луцевина одобрилъ олонецкому и архангельскому генералъ-губернатору Тутолмину. Тутолминъ помѣстилъ его въ намѣстническое правленіе совѣтникомъ; и Луцевинъ, доволенъ будучи своею участью, и списываясь со мною пріятельски, хвалился и крупнымъ и мелочнымъ, наприм.: и милостью генералъ-губернатора, и выстроеннымъ въ Петрозаводскѣ домомъ, съ балюстратами, и проч., и достоинствомъ старшины въ благородномъ клубѣ. Все, какъ казалося, шло своимъ чередомъ. И мы желали и надѣялись когда-нибудь послужить въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ служили и какъ выѣхали вмѣстѣ изъ отечественныхъ предѣловъ въ Бѣлоруссію. Но, въ продолженіи сего паутиннаго въ мысляхъ сплетенія, которое слабые люди называютъ надеждою, получилъ я 1789 г. отъ пріятеля, бывшаго на ту пору изъ Могилева въ Петербургѣ, въ копіи письмо, писанное отъ Тутолмина къ графу Воронцову, слѣдующаго содержанія: «Къ крайнему моему прискорбію, я потерялъ сотрудника и пріятеля. Одобренной мнѣ вашимъ сіятельствомъ олонецкаго намѣстническаго правленія совѣтникъ Луцевинъ, бывъ долговремянно, но, по мнѣнію здѣшнихъ несмысленныхъ медиковъ, не опасно боленъ, на сихъ дняхъ скончался».

1786-й годъ въ моей жизни незавиденъ. Текущія дѣла по должности, препорученія отъ начальства сверхъ должности — безъ награды и безъ замѣчанія,—чувствительный недостатокъ, от-

крывшійся при возвышеніи на все дороговизны, необходимые съ квартиры на квартиру переходы *), простудныя ревматическія болѣзни и тому подобныя душевныя и тѣлесныя скорби не веселятъ воспоминаніемъ объ нихъ и нестоютъ того, чтобъ заниматься подробнымъ ихъ описаніемъ, хотя они и очень дорого стоютъ моей чувствительности.

1787-й годъ, въ зимнюю пору, ознаменованъ былъ проѣздомъ государыни императрицы чрезъ Могилевскую губернію въ Тавриду. Главное мѣсто проѣзда былъ уѣздной городъ Мстиславль. Туда собралась вся губернская знать: генералъ-губернаторъ, губернаторъ, три архіепископа трехъ христіянскихъ религій, и проч...

Тогда-то грекороссійской религіи архіепископъ Георгій Конисвій, будучи въ глубокой **) старости, сказалъ предъ императрицею молодецкую рѣчь, и получилъ тысячу рублей. Я не многимъ ошибусь, если напишу ее здѣсь не въ самой точности.

Рѣчь:

«Оставимъ астрономамъ судить, солнце ли около насъ ходитъ, или мы съ землею около его обращаемся. — Наше солнце около насъ ходитъ. Исходиши премудрая монархиня, яко женихъ, исходяй отъ чертога своего. Отъ края моря Балтійскаго, до края моря Евксинскаго шествіе твое, да тако ни единъ укрыется благодѣтельныя теплоты твоея. Тецы убо, о солнце наше, спѣшно! Тецы исполинскими стопами; къ западу только жизни твоея не спѣши***), а въ противномъ случаѣ, мы уцѣпимся за тебя и потребуемъ, какъ Іисусъ Навинъ: стой солнце и не движися, дондеже вся противная намѣреньямъ твоимъ побѣдиши».

Отъ Мстиславля шествіе государыни императрицы было на Чечерскъ, знатное мѣстечко, принадлежащее вдовствующей графинѣ Чернышевой, пожалованное отъ императрицы за услуги мужу ея графу З. Гр. Чернышеву. Графиня, въ теченіе сутокъ, угостила свою государыню и благодѣтельницу соотвѣт-

*) Строка эта въ подлинникѣ зачеркнута. Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «премаститой». Ред.

***) Слова подчерченныя—мои. Но мысль точно та, которая въ подлинникѣ и которой литеральнаго выраженія не могъ я припомнить. Г. Д.

ственно знаменитости и вкуса дому графовъ Чернышевыхъ; а по отъѣздѣ монархини отправилась и сама къ сосѣдкѣ своей помѣщицѣ, вдовствующей генеральшѣ Фабриціянъ, дабы, сообщивъ ей разговоръ о высочайшемъ посѣщеніи, раздѣлить съ нею удовольствіе и время, какъ съ госпожею благовоспитанною, и успокоить себя отъ прошедшихъ трудовъ.

Хозяйка имѣла превеликой длинной, одно-этажной деревянной новой домъ. Для каждаго гостя, или для нѣсколькихъ, былъ особой покой съ надлежащими выгодами и нѣсколькимъ числомъ книгъ на разныхъ языкахъ, и проч. При такомъ порядкѣ, которому все въ домѣ соотвѣтствовало, оставалось только покоиться. Но среди самаго покоя и сна, въ ночную пору, загорѣлся домъ. Страшной трескъ не прежде во всемъ домѣ услышали, какъ уже большая часть дома обнята была пламенемъ. Усиліемъ многихъ рукъ хозяйскихъ и гостиныхъ слугъ, ускорили разрубить запертые, но свободные еще отъ огня окончины покоевъ той части, въ которой почивали гостья и хозяйка. Онѣ начинали уже душиться дымомъ и терять силы и память. Ихъ успѣли выхватить чрезъ окны, не заботясь о башмакахъ и шубахъ въ трескучій морозъ *).

Уже домъ сгорѣлъ до основанія, дымились только остатки, и малое пламя проскакивало по мѣстамъ. Уже малой день сближался къ полудню, какъ лежащая отъ испуга графиня опомнясь, потребовала къ себѣ всѣхъ своихъ служащихъ. Ей сказали, что управителя ея—маіора Луксa, землемѣра—Дольнера и еще бывшаго съ ними одного молодого офицера не могли отъискать.— Она упала въ обморокъ.

Напослѣдокъ, остатки тѣлъ сихъ несчастныхъ найдены въ горячемъ пеплѣ, собраны въ одинъ мѣхъ, положены въ одинъ гробъ и преданы землѣ.

Графиня оставшейся бездѣтной вдовѣ, майоршѣ Луксъ, опредѣлила по смерть денежную пенсію и деревню.

Послѣ сей тревоги, графиня чрезъ долгое время всѣмъ тѣмъ, кто желалъ чести имѣть ее у себя въ гостяхъ, отвѣчала едино-

*) Физики не упоминаютъ, во сколько онъ былъ тогда градусовъ. А тѣ термометры и барометры, которые имѣла хозяйка, всѣ погорѣли. Г. Д.

словно: «не желайте вы видѣть въ своемъ домѣ несчастную. Я, куда ни приѣду—всюду бѣдствіе и смерть съ собою привезу» *).

Пассекъ, при проѣздѣ императрицы, получилъ отъ щедротъ ея шкатулку съ табакерками, часами, перстнями, для роздачи ихъ служащимъ въ штатской службѣ, коихъ, по его благоразсмотрѣнію, найдетъ онъ достойными сихъ знаковъ монаршаго благоволенія. Благоразсмотрѣніе его нашло человѣкъ съ четырехъ въ городѣ и по губерніи, которыхъ онъ обязанъ былъ наградить изъ собственнаго кармана за услуги, оказанныя и продолжаемыя ему; протчія изъ вещей, $^{5}/_{6}$, по всѣмъ правамъ и прерогативамъ, найдены приличными для М. С. **).

«И кто изъ насъ, друзья! въ желаньяхъ не таковъ?» Волт. ***).

§ XLII.

Москва.—Тамбовъ.

Въ прошедшемъ еще году достались двѣ деревни по наслѣдству, или лучше сказать, по мирному третейскому раздѣлу дѣ-

*) Когда благородное въ Москвѣ собраніе предположило поставить въ память Екатеринѣ II статую бронзовую и когда, на просьбу свою о томъ, получило уже отъ государя императора Александра I позволеніе, графиня Чернышева, узнавъ о семъ намѣреньи благороднаго собранія, писала къ старшинамъ онаго 1810 г. письмо, изъ котораго я нѣкоторыя мѣста, выписавъ, сообщаю подъ симъ: «Счастіемъ поставляю, что Провидѣніе продолжило мое бытіе до сей эпохи, въ которую и я, преисполненная благодарности къ сей великой государынѣ, могу быть удостоена принесть ей малую лепту отъ ея же щедротъ..... Стыжусь не умѣть излить моихъ чувствованій, коими сердце мое преисполнено..... Съ семилѣтняго моего возраста въ сиротствѣ, принята я и воспитана въ чертогахъ царскихъ Елисаветою I, пожалована во фрейлины Петромъ III, въ статсъ-дамы—Екатериною II, и, въ старости и во вдовствѣ, на одрѣ болѣзненномъ, не забыта Павломъ I, получивъ орденъ св. Екатерины 1-й степени..... Я обливалась слезами, читая описаніе всѣхъ милостей монаршихъ—Александра I, къ древней столицѣ, гдѣ нѣкогда мужъ мой начальствовалъ, котораго духъ еще пребываетъ въ Москвѣ, желая ей славы, коей нынѣ удостоена. Я его лишилась, но его чувства обитаютъ во мнѣ. Я мысленно слѣдовала вездѣ за государемъ и учавствовала въ восторгѣ всѣхъ жителей Москвы. Мнѣ казалось, что графъ мой живъ, и я съ нимъ угощаю толико любимаго государя, котораго удостоилась видѣть въ пеленахъ и на тронѣ. Спасибо жителямъ Москвы, что приняли его сердечно; но жаль, что мало имъ наслаждались..... Пока есть во мнѣ дыханіе, каждой годъ буду вносить охотно, на все должное и полезное, по десяти тысячъ рублей. Сія малость есть искра того пламяни, которымъ пылаетъ душа моя къ отечеству» и проч... Сѣверн. Почта, № 40, 1810 г. марта 19 дня. Г. Д. Ред.

**) Маріи Салтыковой.

***) Цитата эта въ подлинникѣ зачеркнута.

тямъ Марьи Сергѣевны отъ законнаго брака, въ Танбовской и Пензенской губерніяхъ, куда и посланъ былъ секретарь генералъ-губернатора Счетневъ, для отказа и принятія ихъ законнымъ порядкомъ. Но, будучи на свободѣ, перепился и въ умѣ помѣшался. На мѣсто его понадобился человѣкъ, которой бы не перепивался и въ умѣ не мѣшался. Сіе доброе мнѣніе пало на меня. Вслѣдствіе чего, секретарь генералъ-губернатора Путимцовъ объявилъ мнѣ, что его высокопревосходительство, оставя свое ко мнѣ неудовольствіе, родившееся по причинѣ связи моей съ Луцевинымъ, дѣлаетъ мнѣ честь препорученія, чтобъ я исправилъ въ Москвѣ и въ деревняхъ Пензенской и Танбовской губерній все то, что испорчено, или не кончено Счетневымъ.

Въ 1-мъ часу по полудни генералъ-губернаторъ, принявъ меня благосклонно, сказалъ сими точно словами: «Я на тебя поворчалъ, ты это знаешь. Теперь это дѣло уже прошлое. Здѣлай одолженіе для Марьи Сергѣевны. — Путимцовъ дастъ тебѣ цѣлое дѣло о деревняхъ, доставшихся дѣтямъ ея по наслѣдству. Прочитавши его, скажи мнѣ, что ты въ немъ найдешь».

Въ дѣлѣ нашелъ я: 1-е, копію съ формальнаго раздѣла господъ Салтыковыхъ, въ числѣ которыхъ достались и дѣтямъ Марьи Сергѣевны двѣ деревни, Бѣляевка и Шелдаисъ, состоящія невступно изъ 500 душъ, въ Танбовской и Пензенской губерніяхъ; 2-е, принятіе на себя опекунства двомя сенаторами, Обрѣсковымъ и Масловымъ и 3-е, партикулярныя по сей матеріи переписки, предписанія къ Счетневу и отписки отъ Счетнева, и прочія мелочи, какими обыкновенно всякія дѣла наполняются.

Пассекъ, выслушавъ на завтре мой докладъ и не сомнѣваясь изъ него, что я прочиталъ дѣло, взялъ меня за руку, говоря: поди же, я представлю тебя къ Марьи Сергѣевнѣ». Лишь только мы изъ кабинета въ залъ, Марья Сергѣевна туда же изъ гостиной противъ насъ — какъ будто по сигналу — явилась, съ бумагою въ рукѣ. Пассекъ, представляя меня, сказалъ: «Вотъ матушка, господинъ Д., о которомъ я тебя уже предварилъ; на него можно понадѣяться, что онъ все то исправитъ, что нашъ несчастной Счетневъ привелъ въ замѣшательство».

Марья Сергѣевна, вручая мнѣ формальную довѣренность, сказала мнѣ благосклонно: «Я поручаю вамъ мои дѣла, старайтесь хорошенько, я буду помнить».

Въ слѣдующіе за симъ дни, Пассекъ снабдилъ меня письмами въ Москву: къ опекуну, сенатору Маслову, — а Обрѣсковъ умеръ — къ танбовскому губернатору Державину, и къ племяннику своему, бригадиру Полтеву, имѣющему въ Москвѣ свой домъ и пребываніе, дабы онъ позволилъ дать мнѣ въ своемъ домѣ квартиру, гдѣ и другіе, посылаемые отъ дяди, всегда останавливались. Тако-жъ далъ письменную инструкцію и 200 рублей на прогоны и издержки и штатной роты солдата, котораго нужно было выпросить для дороги.

Отправясь, въ іюнѣ мѣсяцѣ, чрезъ Мстиславль, Гжатскъ и Можайскъ въ Москву и подъѣзжая къ ней, я уже смотрѣлъ на столицу, мнѣ не незнакомую. Но прежде нежели искать улицы, въ которой живетъ Полтевъ, заѣхалъ къ г-ну Ключареву *), у котораго квартировалъ въ зиму 1785 года. Онъ велѣлъ провожатому показать мнѣ домъ Полтева, между тѣмъ, былъ радъ, спрашивалъ о состояніи Могилева, могилевскихъ, о препорученной мнѣ коммиссіи; просилъ, чтобъ я приходилъ къ нему обѣдать, чего я и не забылъ повторять чрезъ нѣсколько дней.

Подходя съ моимъ проводникомъ къ дому Полтева, увидѣлъ туда же идущаго человѣка, маленькаго, толстенькаго, молодого, краснолицаго, круглолицаго, въ сертукѣ песочнаго цвѣта; онъ взглянувъ на меня остановился и вскричалъ: «А!... мы могилевскіе». Это былъ Счетневъ, возвратившійся изъ деревень въ Москву. Я не могъ его знать, потому что онъ въ штатъ генералъ-губернатора поступилъ изъ Полотска, а въ Могилевѣ былъ на короткую пору, единственно для отправленія его въ деревни; а онъ меня узналъ можетъ быть потому, что случилось ему видѣть меня въ Могилевѣ.

Вошедши въ его комнаты, мы другъ-друга о чемъ надобно

*) Ключаревъ, Ѳед. Петровичъ, при графѣ Чернышевѣ былъ секретаремъ по Могилевской губерніи, потомъ прокуроромъ въ московскомъ губернскомъ магистратѣ, а оттуда, по обыкновеннымъ съ служивыми превратностямъ, передвинутъ прокуроромъ же въ Вятку; откуда взявъ отставку, жилъ въ Москвѣ и пользуясь покровительствомъ и снабденіемъ вдовствующей графини Чернышевой, считался секретаремъ въ штатѣ деверя ея графа Ив. Григ. Чернышева, президента коллегіи адмиралтейства. По вступленіи же Павла I на престолъ, сей Ключаревъ возведенъ въ достоинство дѣйствительнаго статскаго совѣтника, обвѣшенъ орденами и сдѣланъ прежде въ Астрахань, а потомъ въ Москву, главнымъ почтъ-директоромъ.—Нынѣ онъ сенаторъ въ Москвѣ. Г. Д

спросили, что надобно разсказали. А на первой почтѣ писали каждой отъ себя къ генералъ-губернатору о дѣлахъ Марьи Сергѣевны, о которыхъ онъ во всякомъ случаѣ заботился больше, нежели о самомъ себѣ. Онъ былъ наинѣжнѣйшій и наилутчій изъ смертныхъ любовникъ и отецъ.

Хозяинъ, Сергѣй Андреевичъ Полтевъ, получа отъ меня письмо, спросилъ о здоровьѣ дяди и обѣщалъ мнѣ поруководствовать, если бы въ чемъ по Москвѣ коснулась мнѣ надобность.

Бригадиръ Сергѣй Андреевичъ Полтевъ жилъ не женатой, велъ жизнь скромную, и почти уединенную; въ ту пору, какъ я его видѣлъ, былъ онъ лѣтъ подъ 40, а отъ сего времяни года чрезъ два услышали мы въ Могилевѣ, отъ П. Б. Пассека, слѣдующую объ немъ повѣсть: «Мой племянникъ — говорилъ онъ — С. А. Полтевъ пошолъ въ монастырь; онъ сперва сдѣлалъ завѣщаніе и прочія на бумагахъ сдѣлки, велѣлъ заложить коляску; взялъ съ собою лучшихъ своихъ слугъ, на вѣрность которыхъ могъ онъ понадѣяться, и поѣхалъ. Подъѣзжая къ монастырю, за нѣсколько верстъ остановился; и указывая людямъ на монастырь, сказалъ: «вонъ гдѣ мое жилище! вы теперь свободны, вотъ вамъ — отдавая имъ запечатанной конвертъ — и законное по формѣ увольненіе. Когда вы его покажете тетушкѣ, то получите отъ ней написанную здѣсь награду; увѣряю васъ, что вы всѣ будете мною довольны. Съ сего мѣста возвращайтеся назадъ въ Москву». Люди облились слезами и просили позволенія слѣдовать за нимъ въ монастырь; но онъ, простясь и разставшись съ ними, пошолъ пѣшой къ монастырю».

Мнѣ очень жаль, что я не могу припомнить названія монастыря, ни губерніи, ни уѣзда, въ которыхъ онъ находится *), однакожъ безъ сомнѣнія, въ Москвѣ и въ другихъ россійскихъ губерніяхъ долженъ быть извѣстенъ такой монастырь, въ которомъ все дворяне, удалившіеся туда или по склонности природы, или имѣя чувствительное сердце, не могли, будучи въ службѣ, перенести самонравія счастія. И такъ же не умѣю сказать: монахи ли тамъ обитаютъ? или свѣтскіе? или только монахи суть тѣ, которые захотятъ вступить въ монашество? Могу только о томъ увѣрить,—что мнѣ самому случилося слышать, — что сослужа-

*) Слова эти въ подлинникѣ зачеркнуты. Ред.

щіе Полтеву получили ордена, а онъ, будучи старшимъ по службѣ и достойнѣйшимъ по заслугамъ, обойденъ.

Въ другой разъ, П. Б. Пассекъ разсказалъ объ немъ слѣдующее: «Когда я въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ, докладываетъ мнѣ камердинеръ: что послушникъ какого-то монастыря проситъ видѣться со мною. Мнѣ странно показалось: какую бы могъ имѣть ко мнѣ надобность монастырской послушникъ? и, что за тонъ? видиться со мною! Мое недоумѣніе тотчасъ разрѣшилъ человѣкъ, которой входитъ ко мнѣ въ бородѣ, одѣтъ по-монастырски, однакожъ, не монахъ. Я скоро его узналъ, это былъ родной племянникъ мой Сергѣй Андреевичъ Полтевъ. По первыхъ и родственныхъ дружескихъ разговорахъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что посланъ въ Петербургъ по монастырскимъ надобностямъ, въ качествѣ повѣреннаго отъ монастыря. «Я—говорилъ П. Богдановичъ—заѣхалъ послѣ къ нему на квартиру. Онъ встрѣтилъ и принялъ меня непринужденно и не совѣстясь перемѣною своего одѣянія. На кровати его постланъ войлокъ; одна коженая подушка, набитая шерстью *), а въ ногахъ лежалъ свернутой непокрытой ничѣмъ **) овчинной тулупъ. «Не стѣсняетъ ли васъ — спросилъ я его — недостатокъ или строгая жизнь, къ которой, какъ кажется, по воспитанію вашему привыкнуть почти невозможно».—«Ни мало нѣтъ невозможнаго — отвѣчалъ Полтевъ, — въ мірѣ больше заботъ, которыя ни къ чему полезному не служатъ и которыя несноснѣе всякихъ недостатковъ. Здѣсь, печку для себя затопить, и воды принесть, дѣло сколь необходимое, столь и самое простое. Амбиція, потребная въ мірѣ и въ службѣ, здѣсь невмѣстна и была бы смѣшна. Въ пищѣ мы не нуждаемся, два, три кушанья, чисто изготовленныя, довольны къ насыщенію человѣка; мы всѣ здѣсь дворяне и служившіе государю и отечеству, слѣдственно не много между нами разницы въ воспитаніи, а во образѣ жизни и мыслей и того меньше». «Ну что же—говоритъ Петръ Богдановичъ—хоть бы игумномъ што-ли? Стоитъ только сказать митрополиту; вы сегодни-же получите это назначеніе».—«Мнѣ и въ монастырѣ это говорятъ; но быть игумномъ почти тѣ же суеты, что и въ свѣтскомъ состояніи. А мѣнять суеты на суеты, не было бы согласно съ

*) Послѣднія два слова въ подлинникѣ зачеркнуты. Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «нагольной». Ред.

исполненіемъ принятыхъ единожды намѣреній». Я оставилъ его— кончилъ Пассекъ—и отчасти позавидовалъ».

Можетъ быть такъ, какъ Александръ—Діогену.

Изъ простыхъ и скорыхъ разговоровъ Счетнева, изъ порядочнаго и скораго изъясненія на письмѣ, я видѣлъ въ немъ человѣка не дурака и во нравственности больше чистосердечнаго, нежели скрытнаго. Я дивился, какимъ образомъ могло это статься, что Счетневъ перепился и въ умѣ помѣшался? Но въ продолженіи дней 12-ти, въ которые нужно было прожить въ Москвѣ, и въ которые мы съ нимъ поспѣвали быть въ театрахъ, въ греческихъ кофейныхъ домахъ, за Москвою на Воробьевыхъ горахъ, на такъ-называемыхъ Трехъ-горахъ, въ Марьиной рощи и проч. открыли мнѣ, что онъ сумазброденъ, разсѣянъ и когда выпьетъ рюмку крѣпкаго напитка, бываетъ похожъ на сумасшедшаго и начинаетъ говорить тономъ бреда, что его въ деревняхъ крестьяне предпринимали убить, отравить, зарѣзать и проч.; чѣмъ болѣ онъ выпьетъ, тѣмъ чаще повторяетъ объ этомъ подробности. Показываетъ ногу, которую будто бы они обожгли, въ намѣреніи его сжечь, и на которой однако-жъ нѣтъ никакого признака. Уже не трудно было видѣть, что онъ поретъ небылицу, что и въ самомъ дѣлѣ открылось *).

Узнавъ, что танбовской губернаторъ Державинъ былъ на ту пору въ Москвѣ—по случаю возвратнаго отъ Крыма шествія чрезъ Москву государыни императрицы,—явился я къ нему съ письмомъ моего генералъ-губернатора. Онъ, прочитавъ, спросилъ:

— «Почему вы узнали, что я здѣсь?

— «Вся Москва знаетъ о бытности въ ней вашего превосходительства, отвѣчалъ я увѣренъ будучи, что стихотворцамъ лесть не противна».

— «Что вамъ надобно?..»

— «Письмо отъ вашего превосходительства къ уѣздному судьѣ того уѣзда, въ которомъ деревни, слѣдующія къ отказу за малолѣтныхъ Салтыковыхъ».

— «Очень хорошо (записавъ въ книжку дѣло), приходите ко мнѣ въ субботу часу въ 9-мъ поутру».

---

*) По прошествіи отъ сего времяни нѣсколькихъ лѣтъ, онъ, пьяной, въ сумашествіи, чуть-было не отхватилъ себѣ ножемъ тѣхъ частей, безъ которыхъ человѣкъ—ни мущина, ни женщина. Г. Д.

Отъ него былъ я у сенатора Маслова. Онъ, принявъ меня ласково, позволилъ, яко опекунъ, чтобъ я, отъ имяни его, написалъ для себя довѣренность объ отказѣ деревень, которую онъ, тогда же подписавъ, велѣлъ мнѣ засвидѣтельствовать ее въ московской гражданской палатѣ. «Господа члены палаты — приговорилъ онъ — любя меня и зная лично, надѣюсь, не потребуютъ законной точности, чтобъ я лично въ палатѣ признавалъ мое подписаніе». Однако-жъ, со всею его на нихъ надеждою или увѣреніемъ меня, члены палаты согласились только на засвидѣтельствованіе собственноимяннымъ подписаніемъ, а не формальнымъ отъ палаты и то съ помочью для меня секретаря палаты *), чѣмъ я и долженъ былъ довольствоваться, а въ субботу, по назначенію, получилъ письмо отъ губернатора Державина.

Мнѣ, больше нежели изъ Могилева въ Москву, не хотѣлось выѣзжать въ другую сторону изъ Москвы, то-есть въ Танбовъ и Пензу. Причина нехотѣнію была та, что, по словамъ московскихъ жителей, я поѣду въ дорогу **) преслѣдуемую ворами и разбойниками. Я вѣрилъ этому тѣмъ больше, что пустословіе ихъ согласно было съ моею трусостью. Къ сему подоспѣло одно произшествіе: за день предъ моимъ выѣздомъ, одинъ богатой поселянинъ — позабылъ кому принадлежащій — хозяинъ и содержатель извощиковъ и городовыхъ экипажей, собственно ему принадлежащихъ, имѣлъ обыкновеніе носить опоясанной около себя подъ платьемъ, такъ-называемой черезъ, съ деньгами въ монетѣ и въ ассигнаціяхъ. Въ такомъ убранствѣ легъ онъ спать, видно уже не въ первой разъ, между своими каретами и колясками, которыя обыкновенно ставятся въ Москвѣ внѣ двора, предъ воротами на улицѣ, дабы каждый, желающій нанять, скорѣе ихъ видѣлъ. По утру онъ найденъ убитъ и обобранъ. Мнѣ казалось это худымъ для меня предвѣщаніемъ. Я не суевѣръ, но ощущаю, что человѣкъ есть непостижимая нескладица и смѣсь всего.

Не отвергая, ни утверждая ничего, не долженъ я пропустить въ молчаніи слѣдующаго обстоятельства, которое случилось

---

*) Секретарь Андр. Дмитр. Прожека, знакомой и пріятель мнѣ, еще въ бытность его при должности въ Могилевѣ, во время генералъ-губернаторства графа Чернышева. Г. Д.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «въ сторону». Ред.

хотя уже 10 лѣтъ спустя послѣ сего, однако-жъ, по матеріи о предвѣщаніяхъ или предчувствованіяхъ сердца, прилично помѣстить его здѣсь.

Въ 1796-мъ году, осенью, Пассекъ, обвѣнчавшись напослѣдокъ съ Марьею Сергѣевною въ селѣ своемъ — Смоленской губерніи — Яковлевичахъ, возвращался оттуда чрезъ Мстиславль и Могилевъ въ Петербургъ. Нужно знать, что Пассекъ, отъ вступленія на престолъ государыни императрицы, и жилъ и дышалъ какъ воздухомъ милостями царскими, и былъ приверженъ къ императрицѣ и чувствителенъ къ ея милостямъ безпредѣльно. Въ проѣздъ свой, о которомъ говоримъ, остановившись во Мстиславлѣ во дворцѣ казенномъ, уготованномъ для проѣзда еще въ Тавриду государыни императрицы, онъ вдругъ подвечеръ занемогъ. Собраны и собрались всѣ ближайшіе врачи, и даже за другими въ Могилевъ посланъ былъ нарочной. Больной метался по дивану. Медики, которые скорѣе могли собраться, спрашивали: что? и въ какомъ мѣстѣ чувствуетъ больной? Онъ отвѣчаетъ: что не чувствуетъ никакой боли, ни жара, ни озноба, но желаетъ лутче умереть, нежели жить. Врачи удивились странности болѣзни; одинъ говоритъ: «это пройдетъ! успокойтесь ваше высокопревосходительство», другой говоритъ: «это бываетъ отъ сгущенія крови. Это родъ истерическаго или гипохондрическаго припадка, надобно имѣть движеніе», и проч. Но Пассекъ, метавшись и страдая цѣлую ноябрскую ночь, по утру могъ одѣться, и отъѣхалъ въ жестокой скукѣ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Когда-жъ это съ нимъ случилось?

6-го числа ноября 1796 г., въ тотъ самой вечеръ, когда преставилась государыня императрица Екатерина II.

Я тревожился и тревогу признавалъ предвѣщаніемъ сердца. Многіе найдутся, даже въ кругу называемыхъ просвѣщенныхъ, и возьмутся доказывать метафизически, что сердце предвѣщаетъ; но я, въ теченіи моего вѣка, часто испыталъ грусть, скуку, задумчивость, растворенную какою-то неизъяснимою непріятностью; однако же все это проходило безъ послѣдствій, что и теперь случилось. Я выѣхалъ благополучно изъ Москвы на долгихъ. Ѣхалъ чрезъ Кусково, Коломну, Владиміръ, Рязань, Козловъ, и пріѣхалъ благополучно, Танбовской губерніи въ городъ Спасскъ *),

*) Городъ сей переименованъ изъ села; для описанія такихъ городовъ довольно одного наименованія. Г. Д.

въ уѣздѣ котораго деревня одна изъ двухъ, порученныхъ мнѣ для отказа и проч.

Не теряя времяни, пошелъ я къ уѣздному судьѣ. Нашелъ его дома, сказалъ о себѣ и о надобности, и вручилъ ему письмо губернатора Державина. Я нашелъ въ немъ человѣка честныхъ правилъ, благородныхъ мыслей, вѣжливаго безъ принужденія. Онъ недопустилъ меня до дальнихъ изъясненій, сказавъ: «Я знаю собственнымъ опытомъ, сколь тягостно человѣку благородному, имѣя необходимость, просить канцелярскихъ чиновъ, секретарей, судей, у вельможъ постоять въ передней, не рѣдко для того, что такъ угодно камердинеру. Изъ сего посудите, могу ли я допустить васъ, чтобъ вы меня просили, или огорчать васъ медленностью нашего уѣзднаго суда? Притомъ пишетъ ко мнѣ мой губернаторъ; дайте только просьбу, и дѣло сдѣлано».

Это былъ Ларіонъ Семеновичъ Жуковъ. Отъ него былъ я у засѣдателя, забылъ какъ его зовутъ. Человѣкъ пожилой, очень доброй, ласковой и гостепріимной; счастье послужило, что и земскаго исправника нашелъ дома. Итакъ, предваря ихъ въ самую короткую пору о существѣ дѣла и о довѣренностяхъ, отъѣхалъ въ деревни Салтыковыхъ, лежащія межъ собою въ десяти верстахъ, по обѣимъ сторонамъ границы, раздѣляющей Пензенскую губернію съ Танбовскою.

Въ обѣихъ деревняхъ нашелъ я крестьянъ зажиточныхъ, порядочныхъ. Они приняли меня на свое содержаніе, и распорядили къ тому всѣ принадлежности весьма проворно. Къ квартирѣ приставили посмѣнную стражу. Квартира мнѣ отведена въ ветхомъ господскомъ домикѣ, состоящемъ изъ одного бѣлаго покоя съ перегородкою и сѣней, доказательство, что господа Салтыковы никогда здѣсь не живали. Мнѣ однако-жъ, особливо въ разсужденіи лѣтняго времяни, было не тѣсно.

Въ теченіе мѣсяца, которой я здѣсь прожилъ, бывалъ я въ маленькихъ уѣздныхъ городкахъ обѣихъ губерній, Спаскѣ и Керенскѣ, въ домахъ тамошнихъ мѣстныхъ чиновниковъ, служащихъ по трилѣтнимъ выборамъ. Сдѣлалъ формальной отказъ деревень за г-жу Салтыкову—такъ мнѣ предписано было, чтобъ отказъ учинить за мать, а не за дѣтей—разбиралъ и рѣшилъ частныя между крестьянами поземельныя ссоры и сосѣдственныя несогласія,—ибо привилегія, данная человѣку всякаго состоя-

нія, ссориться и драться сколько онъ хочетъ, распространена и на крестьянъ. Собралъ съ нихъ годовой оброкъ. Купилъ нѣкоторымъ, за ихъ деньги, собственно для нихъ, отъ желавшихъ продать, пашенныя земли, на имя госпожи ихъ. Написалъ, разсмотря обстоятельства деревень, наставленіе для бурмистровъ, земскаго и крестьянъ. Наставленіе или законъ, не меньше премудрой *), какой Солонъ написалъ Аѳинянамъ; слѣдственно, совсѣмъ не такой, какой извергъ человѣчества Ликургъ далъ Спартѣ—и, отправился домой съ мечтою законодателя **), чрезъ губернской городъ Танбовъ. Изъ Танбова послалъ, по почтѣ, при письмѣ, оброчныя деньги и копію съ моего наставленія къ моей вѣрительницѣ и къ моему генералъ-губернатору, а самъ, вслѣдъ за симъ, отправился на долгихъ обратно на Владиміръ и Москву.

Еще на первомъ моемъ пути желалъ я изъ Владиміра свернуть въ сторону и побывать въ Суздалѣ, чтобъ видѣть тамъ того преосвященнаго епископа Тихона Якубовскаго, которой, будучи еще Сѣвскимъ епископомъ, воззвалъ дѣтской мой возрастъ въ домъ архіерейской, о чемъ прежде мною сказано, въ 1766-мъ году. Но сего іерарха, сказали мнѣ, уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ. Я, однако-жъ, на семъ возвратномъ пути не вытерпѣлъ, завернулъ въ Суздаль. Непреоборимое желаніе влекло меня видѣть третій и послѣдній ***) его епархіальный городъ, его катедральный домъ и обитанныя имъ комнаты. Остановившись въ городѣ на квартирѣ, полюбопытствовалъ я походить по сему старинному городу. Церквей въ немъ множество, въ разсужденіи малости города, очень часты, и всѣ каменныя, въ чистотѣ и вкусѣ просто-греко-старо-россійскомъ. Смотря на городъ издали, рождается воображеніе, что это часть земли, отвалившаяся со всѣми зданіями отъ Москвы, столь онъ похожъ на нея своими церквами; но въѣхавши въ него, найдешь по улицамъ почти такую же неопрятность, какая въ Константинополѣ. Соборъ достопочтенныя древности просторенъ и богатъ, и похожъ, какъ родной братъ, на соборы московскіе: Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій, которые служатъ доказатель-

*) Вмѣсто зачеркнутаго «точь въ точь такой же». Ред.

**) Въ подлинникѣ слова: «съ мечтою законодателя»—зачеркнуты. Ред.

***) Онъ архіерействовалъ въ Сѣвскѣ, въ Воронежѣ и напослѣдокъ—въ Суздалѣ. Г. Д.

ствомъ, что греки, сообщившіе намъ планъ и фасадъ истины евангельскія, были въ архитектурѣ публичныхъ зданій великіе невѣжи *). Я трафилъ въ соборъ подъ конецъ вечерни, и наткнулся на стараго мужа, соборнаго протопопа. Онъ, по просьбѣ моей, показалъ въ соборѣ мѣсто, гдѣ погребенъ покойный преосвященный Тихонъ. Оно къ лѣвой сторонѣ олтаря, закрыто тѣмъ же чугуннымъ поломъ, какимъ и вся церковь, и никакого признака не оставлено. Изъ собора былъ въ домѣ архіерейскомъ, который хоть не обширенъ, но весь каменной и со всѣхъ равныхъ четырехъ сторонъ возвышенъ въ два безперерывныя жилья; внутри сего четвероугольника, посреди площадки, садъ четвероугольникомъ же, обнесенный рѣшеткою, а между ею и сказаннымъ каменнымъ зданіемъ оставлены, порожжія со всѣхъ четырехъ сторонъ, мѣста для ходу, сажени на 3 въ ширину.

Мнѣ показали внутренность всѣхъ покоевъ, кои занималъ покойный преосвященный; удобность была видѣть все, потому что домъ, съ епархіею, присоединенъ уже былъ къ катедрѣ владимірской, почему и оставался необитаемымъ. Осмотрѣвши, въ сродной мнѣ задумчивости, мѣсто, гдѣ обиталъ напослѣдокъ первоначальный виновникъ благъ моихъ, продолжилъ путь въ Москву. На семъ разстояніи видѣлъ въ Коломнѣ архіерейской домъ, которой, такъ же какъ и суздальской, былъ уже упраздненъ и присоединенъ къ вѣдомству — сколько помню — московскаго митрополита, и которой стоитъ того, чтобъ его видѣть. Внутреннее церквей украшеніе богато и со вкусомъ; огромность колоколовъ являютъ богатство мѣста, усердіе къ церкви и тщаніе бывшихъ здѣсь владыкъ. Стѣны и башни возвышенныя, съ крѣпостными зубцами или городками, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ построенныя въ два ряда, одни выше другихъ, подтверждаютъ истину, что сіе зданіе есть произведенія древнихъ россійскихъ удѣльныхъ князей, кои въ семъ замкѣ обитали, а потомъ, съ измѣненіемъ времянъ, досталось оно въ казну духовную, на часть іерарховъ, титуловавшихся коломенскими и коширскими.

Въ Москвѣ остановился я въ новоотстроивавшемся домѣ княгини Дашковой, по знакомству мнѣ управителя ея маіора Щербакова.

*) Извѣстно, что, по введеніи въ Россію христіанскаго закона, при построеніи лутчихъ церквей всегда руководствовали греки. Г. Д.

Ежели празднословіе грѣхъ не слишкомъ смертной, то позабавлюся я имъ нѣсколько: княгиня Дашкова, по ея дарованіямъ и заслугамъ престолу императорскому, почтена достоинствомъ «директора россійской академіи наукъ». Домъ, въ которомъ я остановился, по знакомству мнѣ ея управителя, завистники подозрѣвали, что онъ выстроенъ изъ суммы академической. Неизвѣстный какой-то насмѣшникъ, безъсомнѣнія, не любящій злоупотребленія, если съ нимъ не дѣлятся, написалъ слѣдующіе стишки:

Французской лексиконъ два тома составляетъ,
И сорокъ человѣкъ трудилися полвѣка.
Россійской лексиконъ въ два года поспѣваетъ,
И трудятся надъ нимъ два только человѣка.
Россіянка одна и польской жидовинъ,
Два тома *) каменны создали въ годъ одинъ.
Теперь стараются ихъ только переплесть,
Чтобъ пользу тѣмъ себѣ сугубу приобрѣсть.

Нѣсколько дней имѣлъ я удовольствіе зѣвать по Москвѣ, и напослѣдокъ отъѣхалъ въ Могилевъ.

По пріѣздѣ, первымъ моимъ дѣломъ было узнать на почтѣ, получены-ль мои бумаги и оброчныя деньги? Узнавши, что оныя получены и уже доставлены къ генералъ-губернатору, явился я къ нему и къ его Марьѣ Сергѣевнѣ, и былъ принятъ не съ меньшимъ благоволеніемъ и уваженіемъ, какъ Колумбъ отъ Фердинанда и Изабеллы, по первомъ его возвращеніи изъ Америки. Вскорѣ за симъ пошло представленіе сенату, о награжденіи меня чиномъ коллегскаго ассессора, съ таковымъ еще мнѣ, чрезъ того же секретаря Путимцова, объявленіемъ, отъ лица генералъ-губернатора, что это мнѣ не вся награда. Сбылось, о чемъ скажется послѣ, а теперь, въ соблюденіе порядка времяни, скажу: что сего 1788 года, августа 14-го, пришелъ я въ катедральной архіерейской соборъ ко всенощной. Тамъ ассессоръ казенной палаты Бояриновъ, знавшій нѣсколько мою исторію, подошедъ ко мнѣ, сказалъ тихонько:

— «Кириллъ Сѣвскій здѣсь».

— «Гдѣ здѣсь?...»

— «Мы видѣли, какъ они съ нашимъ архіереемъ вошли въ олтарь».

Вдругъ отворяются главныя въ олтарѣ двери — называемыя

*) Вмѣсто зачеркнутаго «дома». Ред.

царскія — и я вижу дядю выходящаго изъ олтаря на средину церкви, въ маломъ облаченіи съ пастырскимъ жезломъ, на литію. Это значитъ: онъ принялъ на себя трудъ отслужить всенощную. Видно было по всему, что онъ силился шагъ свой сдѣлать твердымъ, осанку горделивою; въ самомъ же дѣлѣ, на зло бодрости, волочилъ ноги, хотя и не очень былъ сѣдъ; а когда зачиталъ молитву, то еще больше далъ примѣтить, что шестьдесятъ третій годъ его жизни *) требуетъ принадлежащей себѣ дани. Увы! помыслилъ я — сравнивая настоящее состояніе его съ прошедшимъ — куда дѣвались его живость и проворство, какъ онъ, бывало, громогласно во всю церковь бранитъ, свѣчами бороды палитъ и по зубамъ кулакомъ даетъ! Вотъ чего стоютъ подъ старость двѣнатцать лѣтъ, въ которые я его не видалъ! теперь онъ другой человѣкъ!—такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ.

Послѣ литіи, я вошелъ къ нему въ олтарь. Онъ поднялся съ каѳедры, далъ мнѣ благословеніе, и спросилъ:

— «Скажи правду, радъ ли ты мнѣ?»

— «Какъ мнѣ не радоваться, видя ваше преосвященство? да еще и въ благополучномъ состояніи здоровья».

— «Здоровье-то мое не очень въ благополучномъ состояніи. Я для того и ѣду въ Москву, чтобы тамъ полечиться, а въ Могилевъ заѣхалъ для того, чтобъ видѣть вашего преосвященнаго. Онъ былъ въ Кіевѣ мой учитель **), и — видѣть тебя. Въ Москвѣ увижусь съ преосвященнымъ московскимъ Платономъ, ты знаешь, что онъ не имѣетъ причины быть мною довольнымъ***). Всѣмъ надобно умирать, и намъ тоже. Изъ Москвы проѣду чрезъ Орелъ и Сѣвскъ въ Кіевъ. Вотъ кругъ моего путешествія».

— «Это движеніе укрѣпитъ больше здоровье вашего преосвященства...»

— «Дай Богъ».

— «Каковы бѣлорусскія дороги показались вашему преосвященству?»

— «Дороги больше похожи на садовыя аллеи; я думаю, они стоютъ труда и пота здѣшнимъ поселянамъ!»

*) По-академически: его возраста. Но дядя мой, не уважая академическаго смысла, давно уже понижался, а не возрасталъ. Г. Д.

**) Синтактическаго класса. Г. Д.

***) Онъ, по натурѣ и по привычкѣ своей, всегда и вездѣ Платона злословилъ, и Платонъ объ этомъ зналъ. Г. Д.

— «За то и польза для проѣзжающихъ несравненна; да и поселянамъ, сдѣлавши единожды, осталось уже на предбудущее время легче починять, нежели вновь сдѣлать».

Между тѣмъ, какъ мы говорили, преосвященный могилевскій читалъ по книжкѣ, со свѣчкою, молитвы, коихъ обыкновенно въ эту пору читаютъ готовящіеся къ завтрешнему дню на служеніе, и коихъ онъ, читавши не одну тысячу разъ, зналъ безъ сомнѣнія наизустъ. Но читавши безъ книги и безъ свѣчи, никто бы не замѣтилъ, что онъ читаетъ.

Я откланялся до завтрешняго свиданья; а завтре по утру, когда я къ нему пришелъ, свиданье началось вопросомъ:

— «Что вы не женитесь?»

— «Здѣсь невѣстъ нѣтъ, полки безъ приданаго».

— «Приданое вы сами можете нажить»...

— «Тогда и женюсь когда наживу».

Нашему странному разговору помѣшали поздравители съ праздникомъ, секретарь консисторскій и другіе. По краткомъ словѣ, архіерей-дядя спросилъ секретаря:

— «Не занятъ-ли преосвященный? можно-ли у него быть?»

«Можно, ваше преосвященство, теперь только отъ него іезуиты вышли».

— «Іезуиты? а зачѣмъ они здѣсь были? Я ихъ мошенниковъ на порогъ бы не пустилъ».—Потомъ, схватя меня за руку: «пойдемъ къ преосвященному, сказалъ, я тебя зарекомендую».

«Преосвященный меня знаетъ...»

— «Пойдемъ.»

И не выпущая меня изъ рукъ, потащилъ за собою—вошедши: «вотъ, сказалъ, представляю вашему преосвященству, это былъ нашъ».

— Я довольно знаю, и отличаю; онъ былъ вашъ, а теперь нашъ»...

— «Я слышалъ, у вашего преосвященства іезуиты были?»

— Были, съ праздникомъ меня поздравили.

— «Я этихъ поздравителей дубиною бы проводилъ съ крыльца».

Могилевскій архіепископъ не нашелся, или лучше сказать, не хотѣлъ найтися, что отвѣчать ему на эту странность. А я, видя истину пословицы: «Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку», не разсудилъ уже быть у него въ продолженіи двухъ дней, прожитыхъ имъ въ Могилевѣ, а только прицѣлилъ къ

тому времяни, когда у него лошади заложены были къ выѣзду. На претенсію его, что я у него не былъ, извинился я недосугомъ по должности; онъ, безъ сомнѣнія, понялъ мою ложь, но нечего было дѣлать; ему надобно было садиться въ рыдванъ, надобно было проститься, и—мы простились на вѣки! Я, получая каждогодно новой адресъ-календарь, всегда имѣлъ влекущее меня обыкновеніе, посмотрѣть поскорѣе, здравствуетъ ли мой Кириллъ епископъ. Такимъ образомъ, и въ 1795 году кинулся посмотрѣть, но уже его не нашелъ. Я не сомнѣвался, что онъ скончалъ свое теченіе жизни, а вскорѣ потомъ получилъ и увѣдомленіе. Непонятное, но свойственное мнѣ внутреннее движеніе встревожило мою природу. Я долго былъ въ печальной задумчивости, внушавшей мнѣ симъ, хотя обыкновеннымъ, но свѣжимъ событіемъ, что все на свѣтѣ подвержено смерти!

Теперь надобно возвратиться опять къ тому пункту, съ котораго я сошолъ, а имянно, что генералъ-губернаторъ Пассекъ приказалъ своему секретарю увѣрить меня, что представленіе меня въ чинъ не вся награда. Онъ исполнилъ свое слово вотъ при какомъ случаѣ: въ сентябрѣ сего 1788 г. умеръ другъ мой—о которомъ я выше неоднократно упоминалъ — Дмитрій Романовичъ Чугаевичъ, надворный совѣтникъ, верхняго земскаго суда уголовныхъ дѣлъ стряпчій. Генералъ-губернаторъ вспомнилъ обо мнѣ. И хотя многіе за многихъ ходатайствовали, въ томъ числѣ и преосвященный нашъ за своего консисторскаго секретаря, однако-жъ генералъ-губернаторъ, минуя всѣхъ ихъ, представилъ сенату обо мнѣ. Эта милость удовлетворяла тѣмъ болѣе моей суетности, что я получилъ ее какъ будто съ бою, забывшись по обыкновенію людей, что я имѣлъ добраго секунданта, то-есть самого генералъ-губернатора.

При окончаніи сего года, открылась еще надобность генералъ-губернатору въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ. Я назначенъ и туда; а чтобы могъ я изъяснить поручаемое мнѣ дѣло обстоятельнѣе, и тѣмъ сдѣлать его полюбопытнѣе, то надобно начать *) его повыше, съ того самаго мѣста, о которомъ я и самъ не зналъ при порученіи мнѣ сей коммиссіи. Оно для меня было закрыто.

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «взять». Ред.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Потемкинъ, будучи генералъ-губернаторомъ Екатеринославскимъ, Таврическимъ, Саратовскимъ и другихъ на югѣ губерній, управлялъ всѣми сими пространныхъ степей областьми самовластно, не давая отчота правительству, и, ежели кто зналъ его особу, тотъ легко повѣритъ, что онъ не давалъ отчету ни самому себѣ. Такъ угодно было жребію, чтобъ онъ родился въ рубашкѣ и чтобы никто столько не приобрѣлъ у императрицы довѣрія и вмѣстѣ съ довѣріемъ могущества, сколько онъ. Сказано мною прежде, что Пассекъ старался и успѣлъ приобрѣсть покровительство сего высокаго и толстаго столпа имперіи и другого, князя Вяземскаго, которой былъ и генералъ-прокуроръ, и государственный казначей, и управлялъ многими изъ тѣхъ частей, которыя послѣ раздѣлены на многихъ министровъ. Но, съ такими сильными подпорами, Пассекъ почти ничего для себя не получалъ отъ щедротъ монаршихъ, какъ между тѣмъ другіе получали немалыя награды деньгами иль деревнями, хотя и ему сильно хотѣлось и того и другого; во-первыхъ, потому хотѣлось, что промотался, поддерживая санъ генералъ-губернатора и угождая прихотямъ Марьи Сергѣевны, во-вторыхъ, потому, что желалъ ей и любезному отъ ней своему плоду увѣковѣчить что-нибудь вѣрное. Иные говорили, что сія самая его съ г-жею Салтыковою связь и была причиною, что онъ не награждался; другіе, будучи охотники отгадывать загадки и разрѣшать задачи, съ неменьшимъ основаніемъ говорили, что и князь Потемкинъ желалъ услужливаго пріятеля своего держать на уздѣ, и, для какихъ-то политическихъ тонкостей, дарить его иногда отъ себя, а не отъ короны. Вслѣдствіе сего, князь Потемкинъ подарилъ своему Пассеку,— не имѣя самъ формальнаго права, и не давая таковаго Пассеку, кромѣ партикулярнаго письма — казенной дубовой лѣсъ, на разстояніе *) около 2000 десятинъ, называемый — по близлежащему тамъ селенію Маяки **) — Маяцкая засѣка, между Бахмутомъ и Таганъ-рогомъ, гдѣ кромѣ сего лѣса, въ окрестностяхъ, болѣ какъ на двухъ стахъ верстахъ нѣтъ ни дерева. Жители тамошніе по преданію знаютъ, что государь императоръ Петръ Великій приказалъ заклеймить въ сей засѣкѣ болѣе тысячи дубовъ,

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «мѣрою». Ред.

**) Слова эти въ подлинникѣ зачеркнуты: Ред.

тогда уже избранныхъ на корабельное строеніе. Вѣроятно, это было въ то время, когда сей великій монархъ заводилъ на Воронежѣ верфь, для флотовъ на Азовское и Черное моря, но потомъ намѣренье свое обратилъ на Балтійское море, гдѣ нынѣ Петербургъ.

Князь Вяземскій узналъ о подаркѣ и, будучи чиноначальникъ штатской, блюститель закона и государственной пользы, зналъ, что казеннымъ добромъ не дарятъ; но съ одной стороны, не желая раздражить всемогущаго Потемкина, а съ другой, не желая огорчить и Пассека, старающагося всѣми возможными силами приобрѣтать милость его, разсудилъ за благо, присосѣдиться къ нимъ въ часть, на счетъ Маяцкой засѣки. Онъ повидимому зналъ исторію римскую и тріумвиратъ почиталъ дѣломъ добрымъ.

Тогда на Черномъ морѣ заводился корабельной коронной флотъ, а подрядчикъ на поставку корабельныхъ лѣсовъ былъ орловской купецъ Фурсовъ. Вяземскій рекомендуетъ его письмомъ Пассеку, какъ особѣ имѣющей корабельной лѣсъ, какъ особу, имѣющую нужду въ корабельномъ лѣсѣ. Можетъ быть намекнулъ, что доставшійся такимъ образомъ Пассеку лѣсъ не можетъ быть и проченъ для наслѣдниковъ.

Пассекъ давно уже назначилъ и предувѣдомилъ меня о сей коммиссіи, но не открылъ того, что я выше сказалъ. А напослѣдокъ, въ началѣ декабря 1788 г. призываетъ и ввѣряетъ мнѣ законтрактовать лѣсъ Фурсову, доставя къ нему, генералъ-губернатору, напередъ взаимныя условія, или, по его слову, прелиминары. Даетъ формальную на сіе довѣренность; говоритъ, что трактъ мой лежитъ чрезъ Черниговъ, Нѣжинъ, Харьковъ, изъ Харькова въ Кременчугъ *), потомъ, чрезъ Полтаву и Бахмутъ, въ Таганрогъ, гдѣ живетъ Фурсовъ. Снарядя меня совсѣмъ, даетъ напослѣдокъ на замѣчаніе, чтобъ я съ Фурсовымъ—которой былъ уже изъ купца прапорщикомъ—обошолся, какъ можно, поучтивѣе. Я, не подозрѣвая на себя, чтобы былъ предъ кѣмъ неучтивъ, не имѣлъ равномѣрно понятія и о способѣ приобрѣтенія Пассекомъ лѣса, а узналъ уже такъ поздо, что знаніе мое для меня было безполезно, а для кредитора моего—убыточно. Почему и предосто-

*) Тогдашній временный губернскій городъ Екатеринославской губерніи, въ которой и Маяцкая засѣка. Г. Д.

рожность о вѣжливости передъ подрядчикомъ послужила для меня только загадкою. Доказательство, что кого удостоиваютъ довѣрія, отъ того — кромѣ шпіоновъ — скрывать ничего не надобно; о чемъ развязка будетъ на своемъ мѣстѣ.

Отъѣхавъ по вышесказанному маршруту, пріѣхалъ въ Харьковъ и потомъ въ деревню, гдѣ вручилъ управителю Рязанову предписаніе о принятіи меня, о содержаніи, и о дачѣ денегъ на прогоны, куда будетъ надобно. Пробывъ нѣсколько дней въ деревнѣ, отправился въ Кременчугъ, для врученія отъ Пассека письма тамошнему губернатору, Василью Васильевичу Коховскому. Это тотъ Коховскій, по ходатайству котораго получилъ я чинъ губернскаго секретаря, отъ брата его, бывшаго въ Могилевѣ губернаторомъ. Письмо сіе содержало: чтобъ его превосходительство далъ мнѣ свою помочь, если я буду въ чемъ имѣть нужду, поелику порученныя мнѣ дѣла находятся во ввѣренной ему Екатеринославской губерніи.

По прибытіи въ Кременчугъ и по врученіи письма, вѣжливой Коховскій спросилъ:

— «Научите вы меня, чѣмъ я Петру Богдановичу могу служить?»

«Теперь дѣла еще не начаты, а по начатіи, если что откроется, тогда позвольте мнѣ потрудить ваше превосходительство».

— «Очень хорошо! Пишите ко мнѣ какъ къ другу и повѣренному Петра Богдановича».

Я угадывалъ напередъ, что къ нему не случится никакого дѣла, но заѣхалъ для того, чтобъ побывать въ небываломъ городѣ Кременчугѣ и видѣть почтеннаго моего благодѣтеля, почему и не пропустилъ я припомнить ему: «вашему превосходительству нельзя меня замѣтить, потому что я не одинъ былъ, которой вами облагодѣтельстованъ; я, однако-жъ, никогда не долженъ забыть, что, по милости вашего превосходительства, получилъ отъ Михайла Васильевича чинъ губернскаго секретаря».

Онъ былъ нездоровъ, и сидѣлъ за столикомъ на канапе, въ халатѣ и колпакѣ. Выслушавъ меня, онъ снялъ колпакъ и спросилъ: «въ какомъ вы теперь чинѣ?»

— «Титулярный совѣтникъ».

«Препорученія вамъ отъ генералъ-губернатора и повышеніе чиномъ свидѣтельствуютъ, что я услужилъ человѣку достойному.

Не отзываю васъ отъ вашего мѣста, но ежели вамъ заблагоразсудится перейти *) къ намъ въ Кременчугъ, будьте увѣрены, что забыты мною не останетесь».

Поблагодаря «за благосклонное обнадеживаніе, которое—сказалъ я—останется навсегда вѣрнымъ залогомъ моего счастія», отправился чрезъ Полтаву и Бахмутъ въ Таганъ-Рогъ.

Необозримая степь, совокупяся съ горизонтомъ, окружала меня бездною снѣжной бѣлизны. Въ Полтавѣ былъ я только переѣздомъ, и ничего не замѣтилъ, кромѣ громкаго имяни Полтавы и кирпичнаго памятника на побѣду, одержанную Петромъ Великимъ надъ Карломъ XII; впротчемъ плетни да мазанки. Зима въ тотъ годъ такъ была люта, что, подъ тамошнимъ довольно-южнымъ поясомъ широты, все замерзло; почему и мнѣ случилось ѣхать чрезъ 30 верстъ саньми, по заливу Азовскаго моря, надъ которымъ стоитъ Таганъ-Рогъ.

Въ Таганъ-Рогѣ Фурсова я не нашелъ. Онъ, по словамъ жены его, отъѣхалъ въ казанскіе и другіе какіе-то лѣса, для закупки ихъ на корабельныя потребности. Жена его, узнавъ отъ меня всю причину моего пріѣзда, увѣряла меня, что онъ по пріѣздѣ, конечно, поспѣшитъ со мною видѣться или въ Бахмутѣ, или въ Харьковѣ. Притомъ называетъ меня въ разговорѣ моимъ имянемъ. Я удивился, тѣмъ болѣ, что узнать ей было не отъ кого, не спрося меня самого. Она замѣтила, и тотчасъ сказала:

— «Когда вы меня не помните, такъ я васъ не забыла».

«Скажите, сударыня, передъ кѣмъ я виноватъ?».

— «Нѣтъ никакой вины; я тогда была лѣтъ 15-ти, а теперь мнѣ 30-ть, вотъ ужъ сыну 7-й годъ, да Богъ насъ наказалъ: оспа дишила его глазъ».

Въ самомъ дѣлѣ, увидѣлъ я лицо мальчика испорченное, и глазъ ничего нѣтъ. «Ахъ, какое несчастье!» сказалъ я. Но желая поскорѣе узнать почему меня знаютъ.

Она продолжаетъ: «Въ послѣдній разъ бытности вашей въ Орлѣ—1775 г.—при Сѣвскомъ архіереѣ Кириллѣ, вы нашему дому были пріятель; батюшка намъ всегда васъ хвалилъ, и былъ доволенъ вашею къ нему милостью. Я дочь отца Ивана Введенскаго».

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «перебраться». Ред.

— «Ахъ сударыня! вы одна изъ трехъ сестеръ?»

«Точно такъ».

— «Такъ-мы съ вами-та въ жмурки и въ городки карточные игрывали?»

«Точно такъ».

Тутъ мы вступили въ разговоръ, какъ давніе пріятели. Спрашивали взаимно о знакомыхъ, сотовариществовавшихъ, и проч. Я пробылъ здѣсь дни четыре, какъ сыръ въ маслѣ и какъ почки въ салѣ, помня однакожъ десятую заповѣдь: «не пожелай ничего ближняго твоего: ни жены его, ни отроковицы его».

Надобно-ли сказать что о Таганъ-Рогѣ? Скажу *): Дровъ нѣтъ, топятъ тростникомъ. Икры и рыбы много, и очень дешева. Въ безлѣсномъ мѣстѣ нельзя требовать хорошаго строенія. Фортецію можно было видѣть и изъ-подъ снѣга, что отработана по наукѣ **). Портовая таможня была закрыта въ разсужденіи продолжавшейся съ турками войны;—закрыта не для того, чтобъ ихъ опасались, но чтобъ съ товарами не подослали чумы. Тамъ обитаютъ, сверхъ россіянъ, греки и армяне; былъ я въ греческой церкви, которая хотя деревянная, однако-жъ прибрана чисто. Богослуженіе отправляется на греческомъ языкѣ. Но ничто такъ мнѣ не понравилось, какъ постоянное отъ древнихъ временъ и во всемъ единообразное вещей расположеніе греческой церкви съ россійскою, кромѣ разности языка.

Я не забылъ будучи въ Таганъ-Рогѣ, что тамъ должно искать подполковника Петра Алексѣевича Луцевина, дяди моего пріятеля Луцевина. Мнѣ указали его жилище. Я его въ домѣ не нашелъ. Однако-жъ, прежде нежели успѣлъ выйтить изъ дома, онъ возвратился. Это было въ вечеру. Я далъ ему о себѣ знать, увѣдомилъ о племянникѣ, которой тогда уже былъ, какъ я выше сказалъ, подъ покровительствомъ графа Воронцова. Старикъ, лѣтъ за 60, но еще крѣпкой въ здоровьѣ, и съ тридцати-пяти-

*) Слово это зачеркнуто. Ред.

**) Построилъ ее генералъ-инженеръ де-Жедрасъ.—Въ теченіи времяни, когда уже былъ я въ службѣ по Витебской губерніи, случилось мнѣ быть съ другими въ домѣ вдовствующей г-жи де-Жедрасъ въ деревенкѣ Дягилевѣ, при Двинѣ, отъ Витебска верстахъ въ 20-ти, гдѣ она провела остатки дней своихъ, и тамъ скончалась, лѣтъ безъ мала девяноста отъ рожденія, потерявъ напередъ въ одинъ разъ двухъ и послѣднихъ сыновей, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ ихъ, въ войну противъ турковъ. Г. Д.

лѣтнимъ *) — Владимірскимъ — крестомъ, принялъ меня довольно, въ разсужденіи старика, привѣтливо и угощалъ цимлянскими винами, краснымъ и бѣлымъ, которыя вмѣстѣ съ приходомъ нашимъ привезены къ нему въ двухъ анкеркахъ; и намъ было забавно, что я къ нему, а онъ изъ гостей, поспѣшили какъ-будто на пробу вина. Жена его, лѣтъ съ небольшимъ 30-ти, сухощавая, черноволосая, смугловатая, похожая на армянку, очень было примѣтно, что имъ была любима, и что ее повелительной тонъ былъ старику пріятенъ. Да, можетъ быть, эта самая и была причина, что онъ знать о сродникахъ не слишкомъ горячился. На вопросъ мой, говорилъ онъ, что «въ Таганъ-Рогѣ жить можно безбѣдно человѣку каждаго состоянія, потому что городъ портовой, земля плодородная, на рыбу, на икру изобиліе и дешевизна **), скотоводство превосходное, дичи множество. Посмотрѣли-бъ вы — продолжалъ онъ — какой вчера былъ свадебной ужинъ у нашего баталіоннаго прапорщика: за столомъ сидѣло персонъ до 40 и кушанья было столько — хоть бы и у коменданта» ***)!

— «Да не въ долгъ ли это на радостяхъ?»

«Никакъ! Это отъ того, что у насъ съѣстное дешево, да и все, слава Богу, не дорого».

Напослѣдокъ, повидавшись съ добрымъ служивымъ и простившись съ нимъ и съ госпожею Фурсовую, возвращался въ надеждѣ, что г-нъ Фурсовъ со мною увидится.

Въ Бахмутѣ остановившись, спросилъ я, по наставленію г-жи Фурсовой, у моего хозяина: здѣсь ли Фурсовъ? «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ; его уже давно здѣсь видѣли». Итакъ, предоставя свиданье съ нимъ, по словамъ г-жи Фурсовой, къ Харькову, пошелъ я въ церковь къ обѣднѣ. Тогда былъ день воскресный. Доброй мой шагъ не остался безъ награды: тамъ я Фурсова нашелъ, пріѣхавшаго того же утра.

Теперь то самое мѣсто, на которомъ надобно сказать, каковъ Фурсовъ. — Старикъ, лѣтъ подъ 60, сѣдъ, въ здоровьѣ свѣжъ и

---

*) Слова эти зачеркнуты. Ред.

**) Я тогда купилъ пудъ икры для посылки въ Могилевъ. Заплатилъ 2 р. 40 к. и мнѣ въ Таганъ-Рогѣ говорили, что я купилъ дорого, потому что она сѣровата, а не черна. Г. Д.

***) Тогда въ Таганъ-Рогѣ комендантомъ былъ Иванъ Петровичъ Каспе-ровъ. Г. Д.

крѣпокъ. Ознакомившись и поговоря съ нимъ о взаимныхъ нашихъ надобностяхъ, я показалъ ему довѣренность, вслѣдствіе которой сдѣлали мы съ нимъ прелиминарные пункты, изъ которыхъ главнѣшія были: Фурсову на пять мореходныхъ суденъ *) извѣстной величины или колибра—вырубить деревъ, а генералъ-губернатору получить за это 25 тысячъ рублей, въ число которыхъ, при заключеніи контракта 5,000 р., а прочіе при начатіи рубки лѣса. При вырубкѣ лѣсовъ, быть съ обѣихъ сторонъ смотрителямъ, дабы ни лишки, ни недостатка деревъ по контракту быть не могло, и проч. Сіи пункты обѣими сторонами подписаны и посланы, при моемъ донесеніи, на аппробацію въ Могилевъ къ моему кредитору, генералъ-губернатору Пассеку.

Я разстался съ Фурсовымъ дожидаться въ Харьковѣ рѣшительнаго приказанія, и получилъ его весною 1789 г., а предъ тѣмъ, для прогнанія скуки заохотился прокататься, по послѣднему зимнему пути, въ Бѣлгородъ, къ тамошнему преосвященному Ѳеоктисту Мачульскому.

Онъ тотъ самой, которой, будучи въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ архимандритомъ, угощалъ нѣсколько дней моего сѣвскаго архіерея Кирилла и весь его штатъ, въ 1769 г., а потомъ уже самъ былъ сѣвскимъ архіереемъ, и наконецъ бѣлоградскимъ. Мнѣ же онъ столько знакомъ, сколько бываютъ знакомы почтныя духовныя особы обращающимся въ ихъ сферѣ молодымъ подрослямъ, которымъ они иногда ласковое слово скажутъ, а иногда благословятъ, или яблоко дадутъ. И хотя, соглашаяся съ чувствами благодарности, должно истину сказать, что въ то время такое почтенныхъ и благоумныхъ мужей обращеніе юность куражило; однако-жъ въ настоящее время, когда уже былъ я въ рангѣ царскаго капитана, то, не оскорбляя благодарности, долженъ признаться въ томъ самолюбіи, что я уже и самъ былъ къ тому близокъ, чтобы говорить съ нимъ ласково, и дать ему яблоко, оставя ему только право благословенія.

Отъ деревни Пассека до Бѣлгорода ѣзды на одинъ весенній день, на посредственныхъ лошадяхъ, а не на волахъ. Я пріѣхалъ туда предъ полуднемъ; остановился на постояломъ дворѣ, походилъ по городу, былъ въ большомъ архіерейскомъ пространномъ и

*) На петербургскомъ языкѣ: судовъ. Г. Д.

зѣло благолѣпномъ соборѣ; но во всемъ вообще городѣ не нашелъ ни слѣда, чтобы въ немъ было что похожее на губернской городъ, изъ какого онъ обращенъ въ уѣздной, при реформѣ городовъ по учрежденію Екатерины II, и присоединенъ къ Курской губерніи. Узнавъ, что преосвященный дома, возвратился на квартиру, позавтракалъ часу въ первомъ пополудни, одѣлся по формѣ и пошелъ прямо въ домъ архіерейской. Домъ каменной, построенъ по старинѣ. Кирпича положено величайшія громады. Выгодъ, для состоянія духовныхъ властей, больше нежели надобно. Внутренность расположена по-монастырски, а наружность — безъ вида и вкуса. Ежели нравственность, скромность, своеобычливость и критика имѣютъ свое внитіе *) во все, какъ воздухъ и вода, то на семъ мѣстѣ можно сказать: что «древніе наши блюстители вѣры и закона старались не о произведеніи наружныхъ блесковъ, но о внутреннемъ украшеніи: покоевъ чистотою, а души—добродѣтельми». Но архитектура и вкусъ настоящаго времяни, на другой сторонѣ медали моего мнѣнія, дерзновенно напишутъ: что «безобразное строеніе есть произведеніе достойное невѣжества своихъ времянъ».

Знавъ придворныя архіерейскія обыкновенія, и не меньше того помышляя о моемъ красномъ мундирѣ, данномъ на среднюю полосу **) Россіи, вошелъ я храбрымъ шагомъ—какъ будто никогда, не бывалъ монастырскимъ питомцемъ — въ залу молитвы и благоговѣнія, и у встрѣтившагося со мною служителя спросилъ: можно ли видѣть преосвященнаго? Онъ мнѣ указалъ на боковой, въ той же залѣ, незатворенной покоецъ, на лѣвую сторону со входа, гдѣ увидѣлъ я преосвященнаго, сидящаго и бесѣдующаго съ однимъ духовнымъ монашествующимъ чиновникомъ. Я подошелъ, а онъ, приподнявшись и подавая мнѣ благословеніе, сказалъ: «намъ, кажется, знакомиться не надобно; однакожъ, я васъ сперва не узналъ. Я слышалъ отъ преосвященнаго Кирилла, что вы служите въ Могилевской губерніи. Какія судьбы завели васъ въ Бѣлгородъ?...

*) Внитіе, по силѣ новаго слога, значитъ: «Вліяніе». Г. Д.

**) Тогда Россійская имперія раздѣлена была на три полосы: на сѣверную среднюю и южную: на сѣверную положенъ мундиръ синій, на среднюю—красный, на южную — желтовишневой, по-петербургски, фіолетовой; каждая же во всѣхъ трехъ полосахъ губерніи различалась цвѣтами воротниковъ, лацкеновъ, камзоловъ, пуговицъ, подкладокъ, и проч. и проч. Г. Д.

«Мнѣ поручены отъ нашего генералъ-губернатора исполненіи его надобностей, по Екатеринославской и Харковской губерніямъ. Близость Харькова отъ Бѣлгорода умножила мое желаніе видѣть особу вашего преосвященства и возобновить лично мое уваженіе».

— «Очень жалѣю, что мы ускорили отобѣдать, однако.....

«И я обѣдалъ, ваше преосвященство!»

— «Вашъ экипажъ здѣсь?»

«На квартирѣ, ваше преосвященство!»

— «А для чего-жъ вы не прямо ко мнѣ взъѣхали?.....»

Онъ пригласилъ меня переѣхать. И когда, по взаимномъ краткомъ разговорѣ, мы поумолкли, то незнакомой духовной сказалъ:

— «А меня Гавріилъ Ивановичъ *) и узнать не хочетъ».

Нечаянной голосъ дернулъ меня въ его сторону какъ электризаціею; но, сколько я ни узнавалъ, принужденъ былъ сказать: «виноватъ, не знаю батюшка, гдѣ мы знакомы».

— «Скажите лучше, говоритъ онъ, что не я, а монахъ и его борода вамъ незнакомы. Вы теперь видите того, котораго прежде звали: панъ-инспекторъ Иванъ Григорьевичъ Трипольскій»**).

— «Ахъ! мнѣ казалось, вы во псковской или петербургской епархіи».

— «Я и былъ и въ той и другой, а теперь здѣсь».

Преосвященный спросилъ: «сколько этому лѣтъ какъ вы разстались?...»

— «Съ 1772 года,» отвѣчалъ я.

— «Восемнадцатой годъ отвѣчалъ патеръ Трипольскій.

Разсуждая, чтобъ не обременить преосвященнаго въ часы отдохновенія, отъѣхали мы, съ отцемъ игумномъ Трипольскимъ въ его Николаевской городской монастырь, съ дозволенія преосвященнаго, гдѣ весь остатокъ дня мы пробесѣдовали про прошедшее, про знакомыхъ, гдѣ кто находится, кто куда дѣвался, что съ нимъ и со мною во время нашей разлуки случилось; между тѣмъ, угощалъ онъ меня чаемъ и закусками. А при свѣчахъ возвратился я къ своему знаменитому хозяину. Онъ уже

*) Здѣсь только впервые читатель узнаетъ, что Добрынина звали Гавріилъ Ивановичъ. Ред.

**) Инспекторъ брата сѣвскаго архіерея Кирилла. Зри 1771 г. Г. Д.

ожидалъ меня. Разговоръ нашъ начался почти тѣмъ же, какъ и у Трипольскаго. Говорено о епископѣ, бывшемъ сѣвскомъ, Кириллѣ. Я увѣдомилъ, что онъ прошлаго года проѣхалъ чрезъ Могилевъ въ Москву и проч.; а преосвященный наконецъ удостоилъ мене выслушать нѣкоторую часть и его исторіи, изъ которой видѣлъ я въ немъ смертнаго, удалявшагося многократно, отъ предлагаемыхъ ему графомъ Безбородько, бывшимъ тогда въ величайшей довѣренности и силѣ у императрицы, суетныхъ первосвященническихъ блесковъ въ обѣихъ столицахъ и въ Кіевѣ, и предпочетшаго всему спокойствіе въ обитаемомъ имъ уѣздномъ бѣлгородскомъ уголкѣ. Бесѣду кончилъ преосвященный тѣмъ, что онъ, уже много сряду лѣтъ, не ужинаетъ, «а вамъ, сказалъ онъ мнѣ, еще рано переставать.» Послѣ сего предисловія я уже во искушеніи былъ подозрѣвать, что онъ хочетъ меня отбаярить такъ же, какъ елецкаго монастыря архимандритъ Іероѳей; однако-жъ, возвратясь въ мой покой, нашелъ я столикъ, набранной чисто; и тотчасъ подали вкусное кушанье, вино и столовой медъ. Все это мнѣ, послѣ дороги, было непротивно, почему и сонъ мой былъ спокоенъ; а по утру, одѣвшись, хотѣлъ лишь пойти къ преосвященному, какъ вдругъ увидѣлъ, что духовный штатъ, съ пѣвчими въ стихаряхъ, и со знаками, принадлежащими архіерейскому достоинству, вошли въ залу. А вскорѣ изъ внутреннихъ покоевъ вошелъ и самъ преосвященный. На него возложили мантію, и онъ, принявъ пастырской жезлъ, пошелъ въ церковь на служеніе, въ предшествіи поющаго хора пѣвчихъ и въ послѣдованіи знатнѣйшими священнослужительми, за которыми слѣдовалъ и я въ церковь. Это былъ день воскресный.

Послѣ служенія, скоро сѣли за обѣденной столъ. Къ обѣду приглашены были трое свѣтскихъ учителей изъ его семинаріи, вчерашній игуменъ, и я. Послѣ обѣда откланялся я доброму пастырю, простился съ Трипольскимъ, и простился на безконечные вѣки.

Имѣя обыкновеніе пересматривать въ каждомъ новомъ календарѣ моихъ знакомыхъ, и не нашедъ его въ одномъ году въ Бѣлгородѣ, нашелъ его уже архимандритомъ въ воронежскомъ Акатовѣ монастырѣ и ректоромъ семинаріи. Но, въ 1808 году не нашелъ его уже нигдѣ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ скончался,

по счету моему на 60-мъ году своего вѣка, или—по-академически: своего возраста *).

Возвратясь въ деревню, мы съ Рязановымъ имѣли причину пить за здоровье бѣлогородскаго преосвященнаго, потому что данныя мнѣ отъ него на дорогу двѣ бутылки вина довезены въ цѣлости; а по первому весеннему пути отправился я паки въ Бахмутъ, по силѣ полученнаго на наши преліминары отъ генералъ-губернатора предписанія; гдѣ и заключилъ съ Фурсовымъ контрактъ, получилъ въ задатокъ 5,000 руб. и возвращался въ деревню съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться къ генералъ-губернатору, и узнать: кому онъ изволитъ приказать исполнять заключенной контрактъ, съ положеннаго въ немъ срока. Но не доѣхавъ еще до деревни, встрѣчаю на пути вѣстника съ письмомъ отъ генералъ-губернатора, въ которомъ сказано: «Я послалъ г. маіора Чаплица продать Фурсову Маяцкую засѣку за 30,000 руб. или за 35,000 руб. и сверхъ того вырубить изъ нея единожды нѣсколько саженъ дровъ и 700 возовъ форосту, для моихъ крестьянъ. Предпочитая столь выгодную продажу законтрактованію, прошу васъ съѣздить съ г. Чаплицемъ въ Кременчугъ, для совершенія крѣпости, а контрактъ, ежели онъ вами заключенъ, уничтожить».

Не было ничего легче какъ исполнить то, что мнѣ приказываетъ акторъ и вельможа; но съ другой стороны судя, — я имѣлъ причину почувствовать обиду, какъ обыкновенно бываетъ, гдѣ два повѣренныхъ, или два главнокомандующихъ, или двѣ невѣстки въ одной избѣ, иль—хоть два кота въ одномъ мѣшку. «Какъ! размышлялъ я: Маяцкая засѣка, которая могла бы три раза быть законтрактована по 25 тыс. руб. и послѣ остаться, съ дровянымъ лѣсомъ и частію строеваго, въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи Пассека; это составило бы до ста тысячъ р., а теперь продается за 35 тысячъ! Развѣ не могъ дождаться, или спросить меня объ этомъ **) мой генералъ-губернаторъ? развѣ онъ не зналъ, что еще Петромъ Великимъ заклеймено въ ней съ тысячу деревъ, о которыхъ знаютъ здѣшніе жители? развѣ нельзя бы продать ее, спроса напередъ моего мнѣнія? Какая

*) Послѣднія слова въ подлинникѣ зачеркнуты. Ред.

**) Послѣдняя фраза въ подлинникѣ зачеркнута. Ред.

ошибка! какой ощутительной убытокъ! болѣе какъ двѣ трети проиграно въ этой продажѣ!»

Такъ я думалъ и сокрушался о чужомъ добрѣ; и, забывая собственную обиду, не сомнѣвался, что мой Пассекъ кѣмъ-нибудь обманутъ; вслѣдствіе чего, по пріѣздѣ въ деревню, предпринялъ донесть ему обо всемъ въ Могилевъ. Управитель Рязановъ, которому я прочиталъ мое донесеніе, подтвердилъ мою мысль и своимъ письмомъ къ Пассеку, удостовѣряя его доказательно, что такая продажа не находка. Но Рязановъ, такъ же какъ и я, не больше зналъ, какъ только, что Пассекъ имѣетъ засѣку, подаренную отъ князя Потемкина-Таврическаго, и болѣ ничего.

Мы отправили съ бумагами, для поспѣшности, нарочнаго, бывшаго при мнѣ могилевской штатной роты солдата; все это здѣлано скорѣе нежели было надобно. По отправленіи, на другой день увидѣлся я съ Чаплицемъ, которой, во ожиданіи меня, отъѣзжалъ въ Харьковъ поглазѣть, и оттуда возвратился. Я не скрылъ отъ него моего мнѣнія о убыточной продажѣ. Не скрылъ, напослѣдокъ и того, что я послалъ нарочнаго съ донесеніемъ обо всемъ. Политикъ-полякъ похвалилъ мою ревность; «но—промолвилъ онъ—она тогда была бы полезна, когда бы нашъ Петръ Богдановичъ продавалъ собственность, а то, вѣдь — засѣка казенная».

«Какъ такъ?»

— «А такъ, что онъ ни грамоты, ни имянного повелѣнія на пожалованіе не имѣетъ, а только одно письмо князя Потемкина; такъ ему надобно стараться, сбыть ее съ рукъ поскорѣе, за что̀ бы то ни было».

«Ежели такъ, то вѣдь и крѣпости не совершатъ!»

— «Кто поспоритъ, когда въ довѣренности сказано: что засѣка продается, подаренная отъ его свѣтлости князя Потемкина? Къ тому же и самъ Пассекъ, не меньше какъ генералъ-губернаторъ. Впротчемъ, знаетъ про то купецъ да продавецъ. Наше дѣло исполнить по довѣренности, а казна получитъ пошлину».

«За собственной лѣсъ? да будетъ ли это прочно для купца и продавца?»

— «Ну! я ужъ этаго не знаю. Можетъ быть и Фурсовъ по-

можетъ поплатиться, а можетъ быть и все заплатитъ, а можетъ быть и никто платить не будетъ!»

Услыша новое обстоятельство и причину продажи, жалѣлъ я, что послалъ нарочнаго съ донесеніемъ къ генералъ-губернатору. Однако-жъ, надобно было дожидать отвѣта. Между тѣмъ, винилъ я актора своего уже не за продажу, но за неоткровенность, чрезъ которую онъ потерялъ очень много; съ другой же стороны судя, легче дешевле продать, нежели признаться въ способѣ приобрѣтенія предъ человѣкомъ, выбраннымъ для исполненія препорученій, а не для сообщенія ему секретовъ. Всего же благоразумнѣе было бы не употреблять такого человѣка въ дѣло, которому недоговариваютъ, или сомнѣваются сказать все.

Чаплицъ, получа отъ меня задаточныя 5,000 р., отправился въ Кременчугъ, къ Фурсову, по сдѣланному сношенію, для совершенія крѣпости, а изъ Кременчуга въ Могилевъ; а между тѣмъ, мы, съ управителемъ Рязановымъ, узнали, что посланной отъ насъ солдатъ запился, деньги прогонныя растерялъ, и едва пѣшой кое-какъ дотащился въ Могилевъ; однако-жъ бумаги доставилъ, и я на мое донесеніе получилъ уже въ іюнѣ письмо слѣдующаго содержанія: «Я далъ довѣренность господину Чаплицу на продажу Маяцкой засѣки; да хотя бы я далъ только и слово, то и того отмѣнить бы не могъ». Очень ясно, что мнѣ надобно было убираться поскорѣе домой.

Я пріѣхалъ въ Могилевъ и явился въ мызу Пипинъ-бергъ, отстоящую отъ города верстъ на пять, гдѣ тогда находился нашъ губернской дворъ, то-есть Пассекъ съ Салтыковою. Уже утро сближалось къ полудню, а генералъ-губернаторъ изъ внутреннихъ покоевъ не выходитъ и меня къ себѣ не требуетъ. Я, шатаясь долго по переднимъ комнатамъ, хотя могъ думать, что обо мнѣ уже знаютъ во внутреннихъ, однако-жъ сказалъ пробѣгавшему неоднократно туда и сюда мальчику, камердинеру Спирькѣ: «Доложи, мой пріятель, обо мнѣ Петру Богдановичу».

— «Я уже давно доложилъ, да самъ не знаю за что выбранили меня какъ собаку».

«Жаль мнѣ, мой пріятель, если я этому причиною».

— «Мы уже къ этому привыкли».

На эту пору входитъ предсѣдатель Маковецкій и, поклонявшись со мною мимоходомъ, пошелъ прямо въ двери къ Пас-

секу, а я, чтобъ не растворять двухъ разъ дверей тамъ, гдѣ можно войти за однимъ растворомъ, вошелъ за Маковецкимъ.

Пассекъ, мимо Маковецкаго, возгласилъ ко мнѣ: «Ну што вы съ Рязановымъ сулите мнѣ за засѣку золотыя горы, когда уже я ее продалъ; объ этомъ было прежде мнѣ говорить».

«Я съ тѣмъ и возвращался, чтобы донесть вашему высокопревосходительству».

— «Ну—да—во сколько бы я лѣтъ могъ по вашимъ проэктамъ получить? а мнѣ сколько на свѣтѣ жить»?

«Это еще никому неизвѣстно; однако-жъ, мнѣ казалось, что можно еще жить и въ Петрѣ Петровичѣ *).»

Онъ повелъ на меня медленной взглядъ, привздохнулъ, и вдругъ остерегся, заговорилъ съ Маковецкимъ; а я принялъ это сигналомъ отправиться на свою квартиру и явиться въ команду, для отправленія должности стряпчаго уголовныхъ дѣлъ въ верхнемъ земскомъ судѣ. Тѣмъ кончилась посылка меня, которая конечно выгоднѣе бы для моего кредитора исполнена **) мною была, если-бы мнѣ благовременно открыты были причины къ скорой продажи.

Года чрезъ два отъ времени продажи, услышалъ я отъ сына управителя Рязанова, пріѣзжавшаго отъ отца къ Пассеку, что Фурсовъ вырубилъ сколько нужно было по подряду въ казну корабельныхъ лѣсовъ, выбралъ за нихъ вдвое свои деньги, и засѣка осталась по прежнему густа.

По восшествіи же Павла I на престолъ, Маяцкая засѣка, по именному повелѣнію, возвращена въ казну. Не знаю, однако-жъ, подробностей, кому сіе возвращеніе было чувствительнѣе: Пассеку ли? или Фурсову***)? или обоимъ равномѣрно; ибо я тогда уже былъ въ Витебскѣ при должности. А Пассекъ, отставленной отъ службы, находился въ своей смоленской вотчинѣ Яковлевичахъ, хотя не подъ арестомъ, однако-жъ выѣздъ ему изъ ней былъ запрещенъ ****).

*) Сынъ его отъ Салтыковой, тогда лѣтъ 14-ти, котораго отецъ любилъ безпримѣрно. Отдавая всему справедливость, не должно умолчать, что онъ былъ нанлучтій отецъ, нанлучтій любовникъ и мужъ, доброй и чувствительной другъ. Г. Д.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «отправлена». Ред.

***) Князь Потемкинъ скончался еще при жизни императрицы Екатерины II. Онъ счастливо жилъ, и благовремянно умеръ. Г. Д.

****) Павелъ I имѣлъ къ Пассеку неблаговоленіе отъ самыхъ юныхъ своихъ лѣтъ, или лучше сказать, отъ смерти отца своего Петра III и отъ восшествія на престолъ матери своей Екатерины II. Г. Д.

1790, 1791 и 1792 годы протекли безъ значительныхъ для меня произшествій, кромѣ того, что я иногда, сверхъ настоящей моей должности, отправлялъ по губерніи въ разныхъ уѣздахъ, по предписаніямъ губернатора, губернскаго правленія, палаты уголовной, разныя коммиссіи; но сіи коммисіи были ничто какъ дѣла штатскія, требовавшія изслѣдованій, переслѣдованій, дополненій, поправокъ, развязокъ, поспѣшности и проч., слѣдовательно, больше въ обществѣ надобны и необходимы, нежели стоятъ любопытства. Заботъ съ ними довольно, а блеска ничего. Многія изъ нихъ связаны были съ величайшимъ для меня трудомъ *). Но какая кому о томъ нужда!... Начальство службу безъ посторонніхъ помочей или собственныхъ интересовъ **) не всегда награждаетъ, а ближній въ горестяхъ ближняго не всегда принимаетъ участіе; слѣдственно размножать мою исторію напоминаніемъ непріятностей перенесенныхъ уже мною, было бы похоже на то, какъ сочинять особой протоколъ, по которому исполненіе давно уже учинено. Итакъ, оставимъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «огорченіями». Ред.

**) Послѣднія три слова въ подлинникѣ зачеркнуты. Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ,

Записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова.

1792—1866.

Подлинныя записки почетнаго лейбъ-хирурга Дмитрія Клементьевича Тарасова († 1866 г.) весьма обязательно сообщены намъ сыномъ покойнаго, Александромъ Дмитріевичемъ Тарасовымъ, которому мы свидѣтельствуемъ глубочайшую нашу признательность. Онѣ занимаютъ объемистую тетрадь, въ листъ, въ 356 страницъ мелкаго, весьма четкаго и убористаго письма, руки самаго Д. К.

Не предназначая „признанія“ своей жизни для печати, составитель записокъ далъ въ нихъ много мѣста подробностямъ чисто личнымъ, интереснымъ для него самого и для его близкихъ, а при воспоминаніяхъ о многочисленныхъ своихъ путешествіяхъ, въ свитѣ императора Александра Павловича, Д. К. Тарасовъ очень часто вдается въ описанія видѣнныхъ городовъ и мѣстностей; все это не имѣетъ общаго интереса, а потому почтеннымъ сыномъ покойнаго составителя записокъ всѣ таковыя подробности, по возможности, оставлены лишь въ рукописи; въ настоящее же изданіе введены только тѣ мѣста „Воспоминаній“ Тарасова, которыя имѣютъ либо историческое значеніе, либо знакомятъ съ нравами и бытомъ общества, гдѣ довелось вращаться автору, которому собственные умъ, трудъ и энергія проложили путь изъ дома бѣднаго священника къ общественному положенію весьма почетному и вполнѣ обезпеченному.

Изложеніе записокъ — ясно, просто, безъ всякихъ вычурностей и претензій; что же касается до содержанія, то вначалѣ оно нѣсколько сухо, блѣдно и отрывочно, но чѣмъ далѣе, тѣмъ интересъ возрастаетъ. Императоръ Александръ Павловичъ и многіе изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ, съ которыми Д. К. Тарасову доводилось бывать въ безпрерывныхъ и многолѣтнихъ сношеніяхъ, довольно выпукло выдѣляются въ его „Воспоминаніяхъ“. Но особенно типично обрисованъ

имъ баронетъ Виллiе. Эта личность—весьма крупная въ исторіи русскаго медицинскаго міра—во многомъ отношеніи весьма интересная. Русское общество знаетъ громадныя матеріальныя пожертвованія, сдѣланныя баронетомъ Виллiе на преуспѣяніе медицины въ предѣлахъ его новаго отечества—Россіи; извѣстенъ памятникъ, воздвигнутый Виллiе въ послѣднее десятилѣтіе предъ с.-петербургскою медико-хирургическою академіею; при всемъ томъ мы совершенно незнаемъ Виллiе, какъ человѣка. Записки Д. К. Тарасова въ простомъ безъискусственномъ разсказѣ особенно ярко освѣщаютъ этаго замѣчательнаго дѣятеля....Вообще эти записки въ небогатой литературѣ русскихъ мемуаровъ займутъ надлежащее имъ мѣсто. Въ заключеніе мы должны сказать, что сдѣлавъ, согласно желанію А. Д. Тарасова, значительные пропуски мѣстъ чисто семейнаго характера, мы, затѣмъ, не дозволили себѣ никакихъ измѣненій въ слогѣ записокъ его отца и лишь, для удобства чтенія, раздѣлили ихъ на главы. **Ред.**

Жизнь всякаго человѣка обусловливается отношеніями двоякаго рода: отношеніями частной его жизни и общественной. Оба эти рода отношеній имѣютъ свои особенности, на которыя, при закатѣ жизни, весьма поучительно и полезно каждому изъ насъ обращать вниманіе, и, при созрѣвшемъ уже разсудкѣ и покоѣ страстей, подвергать ихъ строгой цензурѣ благоразумія и чистой совѣсти.

Переступивъ за полвѣка моей жизни, въ спокойныя минуты и въ уединеніи, я считалъ наилучшимъ для себя упражненіемъ—погружаться, такъ сказать, въ самаго себя,—и, при довольно счастливой памяти своей, критически разсматривать всѣ обстоятельства и факты, сопровождавшіе всѣ возрасты и замѣчательныя эпохи моей жизни. Такая бесѣда съ самимъ собою всегда оканчивалась самымъ возвышеннымъ чувствомъ благоговѣнія и глубокой благодарности къ Промыслу Всевышняго. Чувство это всегда было для меня краеугольнымъ камнемъ, на которомъ я основывалъ лучшія надежды мои, и укрѣплялся духомъ и вѣрою, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ и самыхъ несчастіяхъ и лишеніяхъ, сильно потрясавшихъ духъ мой.

Оставляю признанія жизни моей дѣтямъ моимъ съ тою цѣлью, чтобъ они могли, въ свое время, почерпать изъ нихъ полезное и поучительное для ихъ собственной жизни. Да будутъ они для нихъ существеннымъ наслѣдіемъ отъ отца, который для

воспитанія и благосостоянія ихъ не щадилъ ничего, — полагая въ томъ все свое счастіе!

I.

Родился я въ 1792 году съ 25-го на 26-е октября въ ночи. Родитель мой былъ священникомъ при бѣдной церкви въ селѣ Тарасовѣ, Рязанской губерніи, а мать моя была изъ дворянскаго дому. По крайней ограниченности средствъ, пріобрѣтаемыхъ должностію при церкви, для содержанія семейства, отецъ мой занимался самъ земледѣліемъ и тѣмъ съ бо̀льшею охотою, что особенно любилъ сельское хозяйство. Это составляло единственный способъ къ возможному содержанію большого его семейства. Какъ вѣрный служитель церкви, при его строгой и трудолюбивой жизни, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и довѣренностію. Не имѣя ни способовъ, ни времени заниматься воспитаніемъ дѣтей, онъ вынужденъ былъ очень рано отдать меня (на 8-мъ году) въ рязанскую духовную семинарію. По недосугу отца, жившаго отъ Рязани въ 52 верстахъ, для поступленія въ семинарію я представленъ былъ роднымъ моимъ дядею, жившимъ въ самой Рязани. Ректоръ семинаріи архимандритъ Антоній, удрученный временемъ и сѣдой какъ лунь, заставивъ меня прочитать нѣсколько строкъ изъ церковной книги, лежавшей въ то время у него въ кельи на столѣ, произнесъ мой приговоръ на вступленіе на учебное поприще, — и благословя меня, сказалъ, что я также сѣдъ какъ и онъ. Въ то время у меня, послѣ болѣзни, выросли новые волосы замѣчательной бѣлизны.

По вступленіи въ школу овладѣли мною самыя мрачныя мысли: — отчужденіе отъ родительскаго дома, лишеніе материнскаго попеченія и нѣжности, и особенно непріязненность школьныхъ товарищей повергали меня въ большое уныніе. Но къ счастію учитель скоро замѣтилъ меня, какъ кроткаго и исправнаго ученика, и ободрялъ меня своимъ вниманіемъ, которое возбудило во мнѣ чувство соревнованія, такъ что я началъ пріобрѣтать охоту къ ученію. Наконецъ, мало по малу, я ознакомился съ школьною жизнію; товарищи сдѣлались ко мнѣ благосклоннѣе и въ 3-мъ классѣ сдѣлавшись однимъ изъ лучшихъ учениковъ, во всѣхъ слѣдующихъ классахъ, до самаго окончанія курса, я постоянно былъ въ числѣ первыхъ. Не могу не сожалѣть о томъ, что при

довольно счастливомъ развитіи способностей, я почти вовсе не имѣлъ никакого руководителя, кромѣ общаго преподавателя въ классѣ. Въ курсѣ я былъ лѣтами моложе всѣхъ моихъ товарищей, такъ что на 18-мъ году я окончилъ полный семинарскій курсъ.

Но прежде окончанія курса, на первомъ году богословскаго класса, начальство поручило мнѣ преподаваніе въ начальномъ классѣ семинаріи (инфимѣ) съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ я доканчивалъ богословскій курсъ наравнѣ съ товарищами. Такое назначеніе сдѣлано было мнѣ за отличные успѣхи въ наукахъ и поведеніи. Я ревностно принялся за учительскую должность, и, между тѣмъ, нимало не упускалъ и собственныхъ занятій по богословскому классу, такъ что на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи епархіальнаго архіепископа Ѳеофилакта, члена св. сѵнода, я оказался однимъ изъ первыхъ студентовъ богословія. Это былъ первый тріумфъ мой на учебномъ поприщѣ.

Въ это время я удостоился особеннаго вниманія архіепископа, знаменитаго въ тогдашнее время изъ епархіальныхъ архіереевъ, а равно и ближайшихъ начальниковъ семинаріи. Здѣсь представилось мнѣ новое обстоятельство въ жизни моей.

Профессоръ, у коего я слушалъ курсъ философіи и греческій языкъ, предложилъ мнѣ руку единственной своей дочери и притомъ свое мѣсто священника при каѳедральномъ успенскомъ соборѣ. Съ позволенія отца моего, которой очень былъ этимъ обрадованъ, и по совѣту нѣкоторыхъ моихъ доброжелателей, я согласился на такое предложеніе, которое для духовнаго званія было довольно лестно. Доложено было объ этомъ архіепископу, которой однакожъ принялъ это только къ соображенію, не давъ никакого разрѣшенія. Дней чрезъ 10 послѣ того, вдругъ нечаянно архіерей потребовалъ меня къ себѣ, и обласкавъ (меня) сказалъ:

«Тебя хотятъ женить и сдѣлать священникомъ; но ты такъ молодъ, что я на это не смѣю рѣшиться дать моего согласія. Жениться не опоздаешь еще и чрезъ пять лѣтъ; — а теперь для тебя нужны занятія. Я для тебя приготовилъ новыя должности: 1-е, ты будешь правителемъ дѣлъ семинарскаго правленія и коммиссіи о построеніи новаго семинарскаго корпуса *), и 2-е, пре-

*) Въ это время, въ 1811-мъ году, по ходатайству преосвящ. Ѳеофилакта, разрѣшено выстроить для рязанской семинаріи новый каменный корпусъ, за-

подавателемъ латинскаго и греческаго языковъ при семинаріи. Поди и скажи объ этомъ нареченному твоему тестю».

Такой нечаянный переворотъ не только не опечалилъ меня, но я съ полною ревностію принялся за новыя свои должности, особенно по письменной части, такъ что я пріобрѣлъ вниманіе и довѣренность архіерея, которому впослѣдствіи лично докладывалъ дѣла по семинаріи и строительной коммиссіи.

Казалось, все благопріятствовало моей новой карьерѣ, которая въ виду всѣхъ была самая выгодная для меня. Между тѣмъ открылась отечественная война, Москва уже была занята французскими войсками и чувство патріотизма господствовало между всѣми. Архіепископъ Ѳеофилактъ, какъ членъ сунода, по обстоятельствамъ, едвали отъ него зависѣвшимъ, вдругъ потерялъ свой вѣсъ въ Петербургѣ, — а съ тѣмъ вмѣстѣ и мои надежды на его покровительство ощутительно поколебались. Въ это самое время изъ дѣйствующей арміи прибылъ въ Рязань докторъ Воскресенскій, съ которымъ я имѣлъ случай коротко познакомиться. Мундиръ военный, владимірскій орденъ, а особенно образованіе доктора Воскресенскаго меня очень заинтересовали. Онъ полюбилъ меня, а равно и моего товарища и друга, также учителя, Василія Власовича Маркова, съ которымъ мы жили вмѣстѣ. Какъ опытный и дальновидный въ дѣлахъ жизни, докторъ Воскресенскій ясно и убѣдительно доказалъ намъ, что если мы не имѣемъ намѣренія поступить въ духовное званіе, то мы невозвратно теряемъ время оставаясь въ Рязани при нашихъ должностяхъ, которыя не могутъ намъ доставить существенныхъ выгодъ.—«А что же намъ дѣлать», спросили мы его?—«Вы еще такъ молоды, отвѣчалъ онъ: надобно ѣхать въ столицу учиться, и — въ вашемъ положеніи— всего бы лучше было учиться медицинѣ, если только вы не потеряли охоту учиться и не боитесь трудностей, неразлучныхъ съ этимъ почетнымъ званіемъ».

Товарищъ мой Марковъ въ тоже время увлекся этимъ совѣтомъ, а я колебался; ибо мое положеніе относительно было лучше его. Любя Маркова, какъ родного брата, за его основательный умъ и неизмѣнную дружбу, принялъ наконецъ и я совѣтъ доктора Воскресенскаго. Рѣшено и положено — идти учиться медицинѣ въ Москвѣ,

мѣчательный по размѣру и великолѣпію, для чего назначена архіереемъ особенная строительная коммиссія. Д Т.

или въ Петербургѣ. Въ маѣ 1814 года архіепископъ Ѳеофилактъ не согласился уволить насъ изъ духовнаго вѣдомства, что впрочемъ нимало не измѣнило нашего твердаго намѣренія. Архіепископъ Ѳеофилактъ, представлявшій намъ разныя выгоды при семинаріи, при отказѣ на первую просьбу нашу, въ ноябрѣ того-же года, на вторичную нашу просьбу, согласился, и благословивъ насъ архипастырски, сказалъ:

«Нынѣ я соглашаюсь на ваше желаніе и не могу неодобрить вашего намѣренія. Совѣтую вамъ посвятить себя медицинѣ; — этотъ путь болѣе вѣрный для васъ, и вѣрнѣе можетъ обезпечить вашу будущность».

Отецъ мой не могъ вѣрить, чтобъ я тогдашнее свое положеніе, которое онъ считалъ блистательнымъ, рѣшился перемѣнить на другое. Поэтому, когда мы съ Марковымъ пріѣхали къ нему проститься и принять его благословеніе, — онъ былъ сраженъ нашею рѣшительностію перемѣнить наше положеніе на неизвѣстное. Наступило время прощанія. Отецъ мой, прочитавъ приличную къ тому молитву, благословилъ меня его родительскимъ образомъ, далъ мнѣ 10 р. ассигнаціею и рыдая, сказалъ:

«Прощай, мой любезный сынъ, да благословитъ Богъ твое намѣреніе; я остаюсь теперь одинъ съ прочими дѣтьми моими, и вѣрно уже не увижу тебя болѣе».

Эта трогательная сцена произвела на меня самое глубокое впечатлѣніе. Я вполнѣ почувствовалъ, что я, удаляясь съ родины въ неизвѣстный путь, оставляю отца, склоняющагося уже къ преклонности, осиротѣлымъ, — ибо онъ давно былъ вдовъ. Я, старшій изъ дѣтей, остался отъ матери 12-ти лѣтъ. При отцѣ, послѣ меня, оставались сестра и двое братьевъ. Внутренно я упрекалъ себя; — но рѣшительность Маркова и дружба его не дозволяли мнѣ измѣнять однажды принятаго намѣренія. Итакъ, я окончательно простился съ родиною и родительскимъ домомъ!...

II.

Оставивъ Рязань 1814 года, декабря 31 дня, ровно въ 12 часовъ ночи,—1-го января 1815 года пріѣхали мы поутру въ дорожномъ нашемъ экипажѣ въ гор. Зарайскъ къ отцу Маркова, который насъ ожидалъ. Почтенный старикъ очень былъ обрадованъ нашимъ пріѣздомъ, и нимало не сожалѣлъ о нашемъ рѣшеніи—

оставить родину. Напротивъ, сообщилъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Петербургѣ, заимствованныя имъ изъ разсказовъ нѣкоторыхъ купцовъ зарайскихъ, которые въ то время вели большую торговлю украинскимъ и черкасскимъ скотомъ въ столицахъ. Товарищъ и другъ мой Марковъ, нетолько не унывалъ оставляя Рязань и родину, но еще радовался, воодушевляясь лучшими надеждами; но я скучалъ и по временамъ погружался въ уныніе, не будучи увѣренъ въ лучшей для себя будущности, — а притомъ мнѣ очень жаль было отца, сосредоточивавшаго всѣ свои надежды во мнѣ одномъ; ибо сестра и братья мои было еще малы.

Мрачнаго моего расположенія духа не могъ не замѣтить отецъ Маркова, а особенно самъ Марковъ. — Мы пробыли въ въ Зарайскѣ нѣсколько дней; отецъ Маркова старался доставить намъ всевозможныя развлеченія. Всякой день собирались родные и знакомые въ домъ отца Маркова; одни изъ нихъ одобряли наше предпріятіе, другіе удивлялись нашей рѣшительности — пуститься въ такой отдаленный край, гдѣ нѣтъ у насъ даже и знакомыхъ, не только покровителей. Такія толкованія для меня были скучны, такъ что я просилъ Маркова, скорѣе оставить Зарайскъ и пуститься въ дальній нашъ путь.

Изъ Зарайска мы пріѣхали ночевать въ Коломну, въ домъ протоіерея тамошняго собора, отца знаменитаго нынѣшняго московскаго митрополита Филарета, которой въ то время былъ архимандритомъ и ректоромъ духовной академіи въ Александро-Невской лаврѣ. Насъ приняли очень ласково; украшенный уже сѣдинами, почтенный и образованный протоіерей былъ родственникъ отцу Маркова. Сверхъ ласковаго пріема, всѣ члены семейства старались намъ объяснить наше намѣреніе съ наилучшей и выгодной стороны; продержали насъ двое сутокъ, предупреждая всѣ наши желанія, и при прощаніи о. протоіерей далъ намъ рекомендательное письмо къ сыну своему въ Петербургъ.

Изъ Коломны мы выѣхали поутру, и прибыли въ Москву въ тотъ же день вечеромъ. Не зная вовсе Москвы, мы предоставили извощику нашему привезти насъ въ гостинницу, которая была бы недалеко отъ Кузнецкаго моста. Намъ извѣстно было, что близъ этого моста находится императорская медико-хирургическая академія, въ коей воспитывались и служили нѣкоторые изъ нашихъ земляковъ, — которыхъ мы знали еще въ Рязани и

отъ которыхъ мы могли получить вѣрныя свѣдѣнія о положеніи академіи и объ условіяхъ, на основаніи коихъ могли-бы вступить въ это заведеніе. Мы не замедлили отправиться въ академію, гдѣ дѣйствительно нашли рязанскихъ уроженцевъ до 8 человѣкъ;—замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были окончившіе уже курсъ и назначенные репетиторами при профессорахъ—Дядьковскій и Ловецкій, съ которыми мы, какъ земляки, очень скоро познакомились. Порядокъ въ академіи, содержаніе студентовъ, образъ ихъ обращенія и самыя занятія намъ довольно понравились. Земляки пригласили насъ въ академическій ихъ спектакль, гдѣ мы имѣли случай видѣть все академическое начальство и полное собраніе студентовъ всѣхъ классовъ. Оркестръ былъ изъ студентовъ—любителей музыки, и вполнѣ удовлетворилъ ожиданіямъ публики, а равно и самая пьеса шла довольно хорошо,—нѣкоторые изъ актеровъ были съ замѣчательнымъ талантомъ. Мы колебались въ рѣшительности, не лучше-ли намъ, не пускаясь въ дальній, болѣе неизвѣстный путь, поступить въ московскую академію;—но одно обстоятельство, неожиданно встрѣченное, сильно подѣйствовало, особенно на меня и рѣшило, что для насъ лучше отправиться въ Петербургъ. Обстоятельство это заключалось въ слѣдующемъ: изъ рязанцевъ г. Ловецкій скоро пріобрѣлъ мою довѣренность своею откровенностію. Разсуждая однажды со мною о разныхъ ученыхъ предметахъ, онъ предложилъ мнѣ нѣкоторые вопросы, до религіи относящіеся, и на отвѣты мои, сдѣланные мною по вѣрѣ и убѣжденію, онъ представилъ такія опроверженія, которыя возбудили во мнѣ столь сильное негодованіе, что я, сообщивъ о томъ своему другу Маркову, рѣшительно сказалъ ему, что я внутренно убѣжденъ въ томъ, что мы должны ѣхать въ Петербургъ и отнюдь не оставаться въ такомъ товариществѣ, противъ котораго я имѣю самое непріятное предубѣжденіе. Марковъ вполнѣ раздѣлилъ со мною такое мнѣніе.

Итакъ, простясь съ рязанцами и съ Москвою, мы отправились въ Петербургъ. Рѣшимость наша ѣхать въ сѣверную столицу для образованія въ медико-хирургической академіи, подкрѣплялась, между прочимъ, еще и тѣмъ, что тамошняя академія есть древнее и главное заведеніе, коего московская составляетъ только отдѣленіе; всѣ потребности учебныя богаче и полнѣе,

а притомъ тамъ постоянное присутствіе императорской фамиліи, высшихъ властей и гвардіи.

Мы ѣхали очень скоро, и 16-го января 1815 года, въ 8 часу утра, мы въѣхали въ столь желанную нами столицу, и не рѣшаясь пускаться внутрь города, мы остановились въ Ямской, въ квартирѣ бѣдной вдовы, которая согласилась намъ уступить небольшую комнату отъ своего помѣщенія.

Вотъ мы и въ Петербургѣ, гдѣ у насъ рѣшительно нѣтъ ни знакомыхъ, ни покровителей, кромѣ нѣсколькихъ земляковъ, воспитывавшихся въ медико-хирургической академіи, изъ коихъ ни съ однимъ мы незнакомы. Благополучное прибытіе въ столицу съ одной стороны для насъ было пріятно, ибо мы этого очень желали, а съ другой—повергало насъ въ унынie, по причинѣ неизвѣстности, удастся ли намъ достигнуть своей цѣли. На другой же день по пріѣздѣ, мы отправились въ академію и отыскали своихъ земляковъ.

Г. Петровъ былъ изъ нихъ, какъ мы замѣтили, основательнѣе прочихъ и довольно знакомъ со всѣмъ ходомъ дѣлъ въ академіи. По его совѣту, мы въ тоже время явились къ инспектору академіи, доктору статскому сов. Энегольму, коему предъявили свое желаніе поступить въ число казенныхъ воспитанниковъ и представили свои аттестаты, выданные намъ рязанскимъ духовнымъ начальствомъ.

Г. Энегольмъ принялъ насъ съ видомъ важнымъ, выражающимъ начальника значительнаго учебнаго заведенія, прочиталъ наши бумаги и довольно благосклонно объявилъ, что согласенъ бы былъ на принятіе насъ, если бы были вакансіи для казенныхъ воспитанниковъ,—но, въ настоящее время, онъ ни одной въ виду не имѣетъ. Наконецъ, прощаясь съ нами, предложилъ, не хотимъ ли мы поступить волонтерами на нашъ счетъ, или дождаться до начала слѣдующаго курса, т.-е. до 1-го сентября. Такой отзывъ насъ крайне опечалилъ, тѣмъ болѣе, что содержаться собственнымъ коштомъ, по неимѣнію способовъ, мы рѣшительно не могли.

Это обстоятельство повергло насъ въ большое унынie. Положеніе наше дѣйствительно было очень затруднительно. Заѣхать въ отдаленный край безъ знакомства, покровительства и безъ способовъ къ существованію,— дѣлало положеніе наше самымъ

затруднительнымъ. Но взаимная дружба наша и твердая надежда на Провидѣніе—ободряли насъ. Чтобъ разсѣять грусть, мы всякій день выѣзжали въ городъ или выходили пѣшкомъ, чтобъ любоваться великолѣпіемъ и обширностію столицы; вечерами-же всегда оставались въ квартирѣ, читали медицинскія книги, коими насъ снабдилъ землякъ г. Петровъ, или разсуждали о разныхъ предметахъ, а особенно о средствахъ, чтобъ поступить въ академію. Такъ провели мы нѣсколько дней.

Въ одинъ день, когда погода была благопріятна, мы пошли послѣ обѣда прогуляться, зашли довольно далеко и возвращались по Знаменской улицѣ, на которой тогда были, вмѣсто нынѣшнихъ тротуаровъ, деревянные мостки. На встрѣчу намъ шелъ чиновникъ въ военной формѣ, очень пріятной наружности; — мы сошли съ мостковъ, чтобъ дать ему дорогу; поровнявшись съ нами, онъ взглянулъ на насъ благосклонно и съ любопытствомъ:

— Вы вѣрно пріѣзжіе? спросилъ онъ насъ.

Мы отвѣчали ему утвердительно.

— Откуда вы и за чѣмъ пріѣхали?

Такое участіе для насъ было весьма лестно. Марковъ объяснилъ ему, что мы изъ Рязани, гдѣ были учителями семинаріи, и сюда пріѣхали съ намѣреніемъ поступить въ медико-хирургическую академію въ число казенныхъ воспитанниковъ,— но намъ въ этомъ отказали за неимѣніемъ вакансіи.

— Мнѣ пріятно, сказалъ военный чиновникъ, видѣть васъ, потому что я самъ долго квартировалъ въ Рязани съ Куринскимъ пѣхотнымъ полкомъ, въ коемъ я тогда былъ полковымъ врачемъ.

Онъ спросилъ наши фамиліи, потомъ онъ разспрашивалъ о своихъ рязанскихъ знакомыхъ, на что мы могли дать ему удовлетворительные отвѣты; наконецъ, прощаясь съ нами очень ласково, онъ сказалъ:

— Завтра по утру въ 7 часовъ прошу васъ побывать у меня, мы посовѣтуемся вмѣстѣ о вашемъ дѣлѣ—я живу подлѣ самаго госпиталя лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и управляю этимъ госпиталемъ.

Это былъ главный врачъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, надворный совѣтникъ А. П. Владимирскій.

Такое вниманіе къ намъ, участіе въ нашемъ положеніи и

ласки г. Владимирскаго были для нашей душевной болѣзни наилучшимъ живительнымъ бальзамомъ! Проходя мимо знаменской церкви, мы вошли въ этотъ великолѣпный храмъ и съ благоговѣніемъ принесли благодареніе Всевышнему за посланіе намъ такого доброхотнаго совѣтника.

На другой день ровно въ 7 часовъ утра, мы нашли г. Владимирскаго уже одѣтымъ въ вицъ-мундирѣ за чаемъ съ трубкою въ рукахъ. Онъ уже собирался въ госпиталь. Обласкавъ насъ еще болѣе, онъ спросилъ наши бумаги. Прочитавъ ихъ, онъ сказалъ:

— «Надѣюсь, ваше дѣло можно поправить; вотъ вамъ письмо къ ученому секретарю конференціи г. Кайданову,—доставьте его ему лично и скажите, что я его усердно прошу объ васъ и не замедлю видѣться съ нимъ».

Г. Кайдановъ, прочитавъ письмо г. Владимирскаго, совѣтовалъ намъ, не теряя времени, подать просьбу г. министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому, о принятіи насъ въ академію, чрезъ правителя его канцеляріи г. Мартынова,— что мы и сдѣлали на другой же день.

Г. Мартыновъ намъ объявилъ, что мы получимъ рѣшеніе на просьбу чрезъ конференцію академіи.

Чрезъ нѣсколько дней, явясь въ академію, мы узнали, что министръ разрѣшилъ принять насъ казенными воспитанниками, сдѣлавъ намъ предварительно установленное испытаніе. Въ слѣдующее засѣданіе конференціи насъ экзаменовали и въ тоже время зачислили въ академію казенными воспитанниками.

Такимъ образомъ, чрезъ случайное покровительство, мы поступили наконецъ въ академію 2 марта 1815 года.

III.

На первой половинѣ въ № 15 назначили намъ помѣщеніе вмѣстѣ съ Марковымъ, гдѣ кромѣ насъ расположены были еще три студента разныхъ курсовъ, которые насъ приняли очень дружелюбно.

Перемѣщеніе наше изъ Ямской въ Академію—на Выборскую сторону столицы, совершилось очень легко и поспѣшно, ибо все наше имущество заключалось въ одномъ общемъ нашемъ чемоданѣ со всѣми учебными принадлежностями и гардеробомъ. У

меня было нѣсколько денегъ въ запасѣ, а у Маркова оставалось ихъ уже очень мало;—но мы съ нимъ никогда не считались—все у насъ было общее. Дружба наша такъ была упрочена временемъ, постояннымъ согласіемъ и взаимною предупредительностію, что товарищи признавали насъ за родныхъ братьевъ. Въ академическую жизнь я вполнѣ узналъ всю цѣну нашей дружбы, которая имѣла самое благопріятное вліяніе на наши успѣхи и особенно на отличное предъ прочими поведеніе. Это вскорѣ замѣтили не только товарищи, но и самые начальники Академіи, которые обходились съ нами очень благосклонно и отдавали справедливость нашему усиленному прилежанію и успѣхамъ. Мы оба одѣвались совершенно одинаково,—и такъ какъ наши наружности нѣсколько были сходны, то нерѣдко одного изъ насъ принимали за другого.

На другой день нашего поступленія въ Академію, мы должны были отправиться на лекцію профессора Петрова, академика, который на этой лекціи начиналъ читать геометрію. Помѣстясь рядомъ съ Марковымъ, на средней скамейкѣ амфитеатра, противъ самой каѳедры, мы приготовились со всѣмъ вниманіемъ слушать ученость заслуженнаго и сѣдинами уже украшеннаго академическаго преподавателя. Великолѣпіе амфитеатра, который, впрочемъ совсѣмъ холодный, и большое общество слушателей поселяло въ насъ глубокое чувство уваженія къ этому учебному заведенію. Наконецъ въ классѣ водворилось молчаніе, и изъ смежнаго кабинета выходитъ г. профессоръ, который, осмотрѣвъ слушателей, сѣлъ на свое мѣсто и положилъ на каѳедру небольшую раскрытую книжку. Онъ былъ въ енотовой, зеленымъ бархатомъ крытой шубѣ, которая, какъ онъ впослѣдствіи самъ объявилъ, перешла къ нему отъ извѣстнаго литератора Сумарокова. Разложенная книжка была геометрія, изданная министерствомъ народнаго просвѣщенія для преподаванія въ гимназіяхъ. Профессоръ прямо, безъ малѣйшаго предварительнаго объясненія, началъ читать по книжкѣ введеніе оной, и останавливаясь на разныхъ мѣстахъ, заставлялъ слушателей поправлять типографическія ошибки. Большая половина лекціи употреблена была на это,—а о самомъ предметѣ онъ говорилъ очень мало. Въ теченіи лекціи мы съ Марковымъ неоднократно переглянулись другъ на друга, а вышедши изъ амфитеатра, съ

изумленіемъ разсуждали,—неужели мы пріѣхали за 1,000 верстъ слушать такое преподаваніе?!—По нѣкоторомъ разсужденіи я сказалъ Маркову: «о, если уже мы рѣшились однажды посвятить себя изученію врачебной науки, то необходимо все слушать и ничѣмъ не пренебрегать; быть можетъ, что такое преподаваніе ведетъ къ уразумѣнію высокихъ истинъ науки!»—Мы однакожъ, при всемъ нашемъ прилежаніи, впослѣдствіи убѣдились, что преподаваніе этого профессора намъ принесло немного существенной пользы.

На прочіе предметы перваго курса мы много опоздали, ибо уже много было прочитано отъ 1-го прошлаго сентября по день нашего поступленія въ академію. Мы однако-жъ рѣшились, во что-бъ то ни стало, перейти во 2-й курсъ, чтобъ не терять цѣлыхъ полтора года до окончанія всего академическаго курса. Для этого мы должны были частнымъ образомъ, кромѣ лекцій обыкновенныхъ, текущихъ, заниматься изъ анатоміи—остеологіею и миологіею, изъ естественной исторіи—зоологіею и минералогіею. Это потребовало отъ насъ самыхъ усиленныхъ трудовъ, которые однако-жъ, къ великому нашему удовольствію, увѣнчались самымъ лучшимъ успѣхомъ;—мы удачно выдержали, наравнѣ съ товарищами, экзаменъ и перешли во 2-й классъ оба въ 1-мъ отдѣленіи.

Удачный переходъ во 2-й классъ ободрилъ насъ самымъ благопріятнымъ образомъ, такъ что занятія наши пошли правильно и мы во всѣхъ прочихъ классахъ оба шли постоянно эминентами;—а по выдержаніи публичнаго экзамена на званіе лекаря, изъ числа 72 товарищей я получилъ въ награду золотую, а Марковъ первую серебреную медаль. Сверхъ медицинскихъ, мы посѣщали и ветеринарныя лекціи, которыя читали весьма ученые профессоры Кайдановъ и Яновскій. Мы выслушали полный курсъ и скотоврачебныхъ наукъ, и по выдержаніи публичнаго экзамена, оба получили званіе ветеринарнаго лекаря 1-го отдѣленія.

По вступленіи въ академію, вначалѣ я чувствовалъ непреодолимое отвращеніе отъ анатомическихъ занятій и никакъ не могъ переносить трупнаго запаха. Были минуты, когда я даже рѣшался оставить вовсе академію. Но твердый характеръ Маркова и совѣты опытныхъ студентовъ Академіи удержали меня.

Марковъ внутренно также былъ очень неравнодушенъ при практическихъ занятіяхъ анатоміею; — но употреблялъ всѣ усилія преодолѣть это отвращеніе и всегда показывалъ при мнѣ, что весьма охотно занимается и уже начинаетъ пріобрѣтать привычку къ этимъ занятіямъ, которыя ему кажутся постепенно болѣе и болѣе интересными. Мнѣ было стыдно передъ нимъ показывать себя малодушнымъ, а особенно передъ студентомъ г. Савенко, который занимаясь, вмѣстѣ съ прозекторомъ Буялъскимъ, анатомическими препаратами, охотно вызвался быть нашимъ руководителемъ при занятіяхъ анатоміею. Онъ совѣтовалъ мнѣ нюхать табакъ, когда трупный смрадъ дѣйствовалъ на меня сильно, и увѣрялъ, что я очень легко могу преодолѣть свое чувство и скоро полюблю эти занятія, такъ что буду ихъ предпочитать всѣмъ прочимъ. Увѣренія его вполнѣ оправдались. Впослѣдствіи я проводилъ цѣлыя ночи, съ однимъ только служителемъ, въ анатомическомъ театрѣ, и анатомія сдѣлалась наконецъ моимъ любимымъ предметомъ. И дѣйствительно, ничто не можетъ намъ такъ убѣдительно показать на дѣлѣ премудрость и благость Всевышняго Творца, какъ внимательное и подробное изученіе строенія всего человѣческаго тѣла! — Это поистинѣ есть малый міръ.

Весьма много способствовало успѣхамъ нашимъ съ Марковымъ то, что мы приняли за правило всегда заниматься вмѣстѣ, и на прогулкахъ, дѣлаемыхъ нами ежедневно, экзаменовать другъ друга и взаимно поправлять ошибки.

Предъ послѣднимъ годомъ курса, я назначенъ былъ ординаторомъ при профессорѣ терапевтической клиники, а Марковъ сдѣланъ дежурнымъ, или старшимъ въ отдѣленіи. Это однакожъ не препятствовало намъ заниматься всегда вмѣстѣ. Пріобрѣвъ вниманіе и довѣренность профессора клиники, въ коей я жилъ постоянно, я неусыпно занимался при кроватяхъ больныхъ, внимательно слѣдовалъ за ходомъ болѣзней, часто самъ раздавалъ лекарства, писалъ исторіи болѣзней и замѣчалъ всѣ ординаціи. Всему этому кругу своихъ занятій я велъ акуратный журналъ; вообще клиническія занятія для меня принесли чрезвычайную пользу, при производствѣ практики въ послѣдующее время.

Въ хирургической клиникѣ, въ теченіи курса, я сдѣлалъ на живыхъ двѣ хирургическія операціи съ полнымъ успѣхомъ. Это

возбудило во мнѣ охоту къ практической хирургіи, коею на службѣ я занимался съ довольною ловкостію, и на первомъ году службы я собралъ до 8-ми хирургическихъ наблюденій, которыя я описалъ систематически и представилъ въ конференцію академіи,—за что и былъ удостоенъ званія медико-хирурга.

Приготовленіе къ публичному экзамену требовало отъ насъ самыхъ усильныхъ занятій. Предлежало оправдать ожиданія начальства Академіи въ присутствіи многихъ посторонныхъ знатныхъ ученыхъ, а чрезъ то поддержать пріобрѣтенное дотолѣ хорошее мнѣніе всѣхъ профессоровъ Академіи. Надобно было выдержать изъ 27 предметовъ по медицинскому и ветеринарному отдѣленіямъ.

Предъ началомъ экзамена я нѣсколько ослабѣлъ въ силахъ отъ безсонницы,—это меня немного обезкуражило; но когда мои рѣшенія вопросовъ вполнѣ удовлетворяли присутствовавшихъ, я ободрился духомъ и окончилъ экзаменъ съ наилучшимъ успѣхомъ. Мнѣ предлагали остаться при Академіи преподавателемъ и со временемъ отправиться для дальнѣйшаго образованія за границу;—но желаніе скорѣе поступить въ военную службу и нерасположеніе къ преподаванію рѣшили меня отказаться отъ этого предложенія.

На торжественномъ актѣ Академіи, по окончаніи нашего курса, мнѣ назначено было прочитать латинскую рѣчь, которую я составилъ не безъ особеннаго труда,—и прочиталъ ее предъ г. министрѣ*) и весьма важныхъ другихъ посѣтителяхъ, съ особливымъ одушевленіемъ и энергіею, и заслужилъ всеобщее одобреніе. Г. министръ просвѣщенія, подавая мнѣ на серебряномъ блюдѣ золотую медаль, милостиво изволилъ сказать:

— «Благодарю васъ за успѣхи, которые дѣлаютъ честь вашимъ профессорамъ и академіи, и желаю вамъ съ такими-же успѣхами продолжать вашу службу».

Общія поздравленія, объятія и признательность всѣхъ профессоровъ произвели во мнѣ какой-то особенный умилительный восторгъ!—Мы оба съ Марковымъ были на верху блаженства.

Послѣ столь благополучно пройденнаго академическаго поприща, мы единодушно съ Васильемъ Власьевичемъ Марковымъ

*) Въ то время, въ 1818 году, министромъ народнаго просвѣщенія былъ князь А. Н. Голицынъ. Д. Т.

сочли долгомъ, прежде всего, принести благодареніе Всевышнему—пошли въ церковь и съ умиленіемъ молились.

На торжественномъ актѣ, кромѣ медалей, изъ рукъ президента Академіи мы получили дипломы: a) на званіе лекаря по части медицинской 1-го отдѣленія съ отличіемъ, b) на званіе лекаря ветеринарнаго 1-го отдѣленія и c) и на полученныя медали; сверхъ сего карманные хирургическіе инструменты медицинскіе и ветеринарные.

IV.

Августа 2-го дня 1818 года мы назначены на службу по военно-медицинскому вѣдомству, и въ церкви св. мученика Пантелеймона приведены, вмѣстѣ съ товарищами, къ присягѣ на вѣрность службы.

Я назначенъ баталіоннымъ лекаремъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій, а Марковъ—въ Измайловскій полкъ. По приличію гвардейскихъ медиковъ, мы обмундировались довольно хорошо. Для этого намъ было выдано впередъ жалованья за треть года изъ 400-рублеваго ассигнац. оклада. Весьма утѣшительно для насъ было то, что мы могли не разлучаясь жить вмѣстѣ и на службѣ. Василій Власовичъ былъ, при самомъ назначеніи, прикомандированъ къ артиллерійскому госпиталю, расположенному подлѣ самыхъ казармъ Преображенскаго полка. Мы довольно удобно помѣстились въ одной моей квартирѣ, мнѣ дали казеннаго деньщика, которой для насъ обоихъ былъ factotum.

1-го сентября, въ полковомъ госпиталѣ мнѣ дали въ завѣдываніе 4 палаты въ нижнемъ этажѣ, и назначили дежурнымъ по госпиталю. Полковой врачъ, надворный совѣтникъ Целерицкій принялъ меня хорошо, и представилъ полковому командиру генералъ-адъютанту Григорью Владимировичу Розену.

Штабъ-докторомъ гвардейскаго корпуса былъ статскій совѣтникъ Мильчевскій. Въ первый день моей службы и дежурства, онъ пріѣхалъ ревизовать госпиталь, и нашедъ въ одной палатѣ чесоточнаго больного неотдѣленнымъ отъ прочихъ, сдѣлалъ мнѣ самое строгое замѣчаніе и приказалъ-было посадить меня подъ арестъ, но отмѣнилъ этотъ штрафъ единственно потому, что я первый день только вступилъ въ службу. Это обстоятельство меня крайне огорчило. Вотъ каково, думалъ я, начало моей службы!

Доселѣ все мнѣ благопріятствовало, а первый шагъ на службѣ, совсѣмъ невинно, подвергъ меня такой строгой отвѣтственности!

Скоро затѣмъ я узналъ причину такого обращенія со мною г. Мильчевскаго. Онъ былъ недоволенъ полковымъ вра чемъ Целерицкимъ, который, какъ я скоро замѣтилъ, былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ. При ограниченныхъ способностяхъ, онъ не имѣлъ надлежащаго образованія ни въ наукѣ, ни въ общежитіи Онъ былъ весьма слабый практикъ и больные къ нему не имѣли. довѣренности.

Ободрясь, послѣ первой неудачи, отъ меня впрочемъ независѣвшей, я принялся за свое дѣло со всею ревностію, и о ввѣренныхъ мнѣ больныхъ заботился со всевозможнымъ усердіемъ;— посѣщая по нѣсколько разъ въ день больныхъ, особенно трудныхъ, я прихаживалъ къ нимъ ночью наблюдать ходъ и перемѣны болѣзней, и велъ всѣ исторіи въ палатахъ своихъ совершенно клиническимъ образомъ. Солдаты возымѣли ко мнѣ въ короткое время особенную довѣренность. Являясь изъ госпиталя къ ротнымъ начальникамъ, они доносили имъ, какъ объ нихъ стараются въ госпиталѣ. Старые и женатые солдаты всегда обращались ко мнѣ при болѣзняхъ своихъ женъ и дѣтей, и многіе просили меня быть у нихъ кумомъ при рожденіи у нихъ дѣтей. Чрезъ такія усильныя занятія при больныхъ, въ короткое время меня узнали офицеры полка и искали моего пособія и совѣтовъ при своихъ болѣзняхъ; а наконецъ я сдѣлался врачемъ и у полкового командира и его семейства. Нѣкоторые изъ офицеровъ старались пріобрѣсти даже мою дружбу; въ числѣ такихъ былъ первый Д. П. Зыковъ — умный и любознательный офицеръ, который занимался, подъ моимъ руководствомъ, латинскимъ и греческимъ языкомъ.

Г. штабъ-докторъ Мильчевскій, находя меня впослѣдствіи неоднократно на службѣ совершенно исправнымъ, началъ обходиться со мною очень благосклонно, такъ что познакомилъ меня съ своимъ семействомъ и приглашалъ часто къ обѣду. Онъ былъ женатъ на весьма образованной вдовѣ и съ ними вмѣстѣ жили ея сестра, также вдова — обѣ высокаго образованія. Изъ посѣщеній этого семейства я много извлекъ пользы относительно общественнаго образованія. Такимъ образомъ дѣла мои, по службѣ и по практикѣ, пошли самымъ благопріятнымъ образомъ. Г. Миль-

ческій нерѣдко рекомендовалъ меня для практики въ частные дома. А между тѣмъ и хозяйственныя наши съ Марковымъ дѣла приняли лучшее устройство и порядокъ. Оба мы начали уже пріобрѣтать практикою порядочное пособіе.

Нужно упомянуть здѣсь, что, будучи еще студентомъ, я извѣстенъ былъ лично президенту Академіи и главному по арміи медицинскому инспектору баронету Вилліе, какъ по успѣхамъ, такъ и по участію въ составленіи его военной фармакопеи, для коей я обработывалъ нѣкоторыя статьи по назначенію доктора Орлая, составлявшаго второе изданіе этого сочиненія.

Въ концѣ ноября 1819 года вдругъ я получилъ приказъ отъ г. Мильчевскаго: на другой день въ 7 часовъ утра явиться во дворецъ къ Вилліе. Я поспѣшилъ предварительно видѣть самого г. Мильчевскаго и узнать отъ него причину требованія меня къ главному начальнику. Принявъ меня холодно, но съ какимъ-то скрытнымъ участіемъ, г. Мильчевскій объявилъ мнѣ, что г. Вилліе, какъ ему кажется, предполагаетъ сдѣлать мнѣ особенное какое-то назначеніе. Это поставило меня въ непріятное недоумѣніе.

Въ назначенный часъ явился я въ канцелярію Вилліе, въ зимній дворецъ, а вскорѣ за мною прибылъ въ оную состоящій при немъ секретаремъ по Академіи г. Костогоровъ. На холодный вопросъ его — что мнѣ нужно? я отвѣчалъ учтиво — «мнѣ приказано явиться къ его превосходительству». Кивнувъ мнѣ головой, онъ пошелъ къ Вилліе, — которой чрезъ нѣсколько минутъ потребовалъ меня къ себѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ въ шлафрокѣ. Обратясь къ Костогорову, Вилліе спросилъ:

— «Ты его знаешь?».

— Какъ-же, ваше превосходительство, отвѣчалъ Костогоровъ.

Потомъ, съ видомъ положительнаго начальника, спросилъ меня:

— «Умѣешь ли ты писать бумаги?»

— Неважныя служебныя бумаги писать мнѣ случалось — я отвѣчалъ.

— «Какіе знаешь ты языки?»

— Датинскій, французскій и отчасти греческій — почтительно сказалъ я.

— «Мнѣ хотѣлось-бы взять тебя въ канцелярію на мѣсто док-

тора Рихтера, котораго, по причинѣ болѣзни, я увольняю» — продолжалъ Вилліе.

Я поклонился и не сказалъ на это ничего.

Потомъ взялъ латинскую книгу и перелистовавъ немного, подозвалъ меня и сказалъ: «Поди въ библіотеку и переведи мнѣ эту статью, пока я возвращусь».

Взявъ книгу и поклонясь, я пошелъ въ назначенное мѣсто.

Прочитавъ статью, которая была довольно проста и заключала много техническихъ словъ, я крайне былъ смущенъ такимъ школьнымъ экзаменомъ! Мнѣ представилась моя будущность въ самомъ мрачномъ видѣ. Вилліе скоро куда-то уѣхалъ. Я перевелъ скоро статью, безъ особеннаго старанія и переписалъ ее набѣло довольно чистенько. Часа черезъ два Вилліе возвратился и видимо былъ не въ духѣ. Меня позвали въ кабинетъ, и я подалъ свою школьную задачу.

Прочитавъ ее, Вилліе сказалъ мнѣ: — «Кажется ты годишься — ступай внизъ въ канцелярію и занимайся тамъ».

Г. Костогоровъ, указавъ мнѣ мѣсто, сказалъ: — «Вотъ тутъ сидѣлъ и занимался докторъ Рихтеръ, — дѣло нетрудное, будемъ заниматься вмѣстѣ».

Я поблагодарилъ его въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, и съ глубокою грустію сѣлъ на показанное мѣсто. Оставшись одинъ я едва удержался отъ слезъ при размышленіи о столь нечаянной и скоропостижной перемѣнѣ моего поприща, съ которымъ я уже довольно-было свыкся и занятія мои начали приносить мнѣ существенную пользу.

Командиръ полка генералъ-адъютантъ Розенъ, узнавъ о моемъ новомъ назначеніи, позвалъ меня немедленно къ себѣ. Встрѣтивъ меня съ встревоженнымъ видомъ, сказалъ:

— «Какимъ образомъ г. Вилліе взялъ изъ высочайше ввѣреннаго мнѣ полка медика, весьма необходимаго для всего полка?»

— Мнѣ это совершенно неизвѣстно, отвѣчалъ я; — только я уже получилъ отъ него лично приказаніе — заниматься дѣлами въ его канцеляріи.

— «Быть этого не можетъ, я завтра же буду просить государя, чтобъ мнѣ оставили васъ по прежнему въ полку!»

— Мнѣ остается усерднѣйше благодарить ваше превосходи-

тельство за столь милостивое ко мнѣ вниманіе, сказалъ я; — но я обязанъ доложить вамъ, что и въ случаѣ успѣха вашего ходатайства, объ оставленіи меня въ вашемъ полку, — участь службы моей будетъ также состоять во власти г. Вилліе, которому вѣрно не будетъ пріятно, что я уклонился отъ его назначенія.

— «Да развѣ вы сами не желаете оставаться въ полку?» сказалъ генералъ Розенъ.

— Совсѣмъ напротивъ, но въ настоящемъ положеніи моемъ, я совсѣмъ не въ правѣ располагать собою, отвѣчалъ я, — а быть подъ неблагопріятнымъ замѣчаніемъ главнаго моего начальника, это можетъ имѣть худыя послѣдствія на мою будущность, которой главное основаніе есть служба, ибо я образовался на казенный счетъ.

— «Нечего дѣлать, сказалъ онъ наконецъ: вѣрно эта ваша судьба; но я крайне сожалѣю, что не могу удержать васъ въ моемъ полку, которой теряетъ въ васъ лучшаго врача».

Итакъ, я окончательно поступилъ въ канцелярію баронета Вилліе.

V.

Прежде всего я счелъ нужнымъ познакомиться съ своимъ предмѣстникомъ, чтобъ отъ него узнать, по крайней мѣрѣ, главныя обязанности моей новой службы. Докторъ Рихтеръ принялъ меня весьма хорошо и съ участіемъ товарища.

— «Я самъ желалъ съ вами познакомиться, сказалъ онъ, и какъ почтенному преемнику сообщить нѣкоторыя особенности новой вашей должности». Передавъ мнѣ обстоятельно всѣ предметы моихъ занятій по канцеляріи, при первомъ свиданіи, онъ просилъ меня бывать у него почаще.

Я воспользовался столь полезною для меня его готовностію.

Изъ неоднократныхъ бесѣдъ съ г. Рихтеромъ, я съ прискорбіемъ убѣдился, что я вступилъ на самое трудное поприще службы.

Призвавъ на помощь Промыслъ Всевышняго, я принялся за дѣло. Назначеніе мое послѣдовало 28 ноября 1819 года: — мѣсто въ преображенскомъ полку оставалось за мною, а къ г. Вилліе я былъ прикомандированъ для исправленія должности правителя дѣлъ его канцеляріи по военно-медицинской части. Въ 7 часовъ утра я долженъ былъ ежедневно являться въ канцелярію, а въ 4-мъ оставлять ее.

Штабъ-докторъ Мильчевскій, когда я къ нему явился, откровенно сказалъ: «Ну, любезный, дѣло кончено,— но я васъ не поздравляю!... Много приведется вамъ испить горькаго и перенести труднаго!....»

Въ теченіи полугода я довольно ознакомился съ ходомъ дѣлъ и пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ исполнять ихъ правильно. Бар. Вилліе вскорѣ замѣтилъ это и даже показывалъ мнѣ въ своихъ отзывахъ, что я могу вполнѣ замѣнить при немъ д-ра Рихтера. Между тѣмъ вдругъ стало извѣстно, что государь императоръ изволитъ скоро отправиться въ путешествіе по Россіи, и въ Варшаву, а можетъ быть и заграницу на конгрессъ.

Съ одной стороны это извѣстіе для меня было пріятно, ибо весьма лестно было находиться въ свитѣ его величества во время путешествія, — а съ другой трудность занятій, ибо и обязанность г. Костогорова (онъ былъ секретаремъ при президентѣ академіи), на время высочайшихъ путешествій, переходила ко мнѣ,—а при томъ, во время путешествія, я долженъ быть докторомъ свиты его величества, и неопытность въ путешествіяхъ, поставляли меня въ затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что при мнѣ назначался одинъ придворный лекарскій ученикъ, для медицинскихъ при свитѣ занятій;—но самую канцелярію при бар. Вилліе я составлялъ одинъ,—она вся сосредоточивалась во мнѣ одномъ— не было даже и писаря.

Въ концѣ мая 1820 года высочайше повелѣно сдѣлать всѣ приготовленія къ путешествію.

Бар. Вилліе объявилъ мнѣ приказаніе, чтобъ я приготовилъ все нужное къ путешествію, продолженіе коего ему было неизвѣстно.

Выѣздъ въ вояжъ государь изволилъ назначить 8-го іюня изъ Царскаго Села. Мнѣ назначена была коляска вмѣстѣ съ маіоромъ фельдъегерскаго корпуса Михайловымъ.

Однажды, возвратясь въ квартиру,—это было наканунѣ нашего выѣзда,—я нашелъ у себя на столѣ пакетъ съ надписью на мое имя—въ собственныя руки. Вскрывши его, я нашелъ въ немъ 2,000 р. асс. и листокъ бумаги, на которомъ написано: «отъ благодарныхъ больныхъ за успѣшное и усердное о нихъ попеченіе». Вскорѣ я узналъ, что это приношеніе было отъ гг. офицеровъ преображенскаго полка. Это было для меня чрезвычайно

пріятно, потому въ особенности, что было лучшимъ доказательствомъ вниманія ко мнѣ всего общества офицеровъ полка.

7-го іюня 1820 г. въ ночь мы выѣхали съ маіоромъ Михайловымъ въ Царское Село. При мнѣ назначенъ придворный лекарскій ученикъ Николай Щедринъ, которой былъ единственный мой помощникъ въ путешествіи.

VI.

8 іюня (1820 г.) въ 7 часовъ утра, государь изволилъ выдти изъ дворца на подъѣздъ подлѣ церкви, и перекрестясь сѣлъ въ коляску съ княземъ Волконскимъ. По маршруту назначалось въ гор. Осташковѣ, Тверской губерніи, пробыть два дня. Государь изволилъ прибыть туда 10-го іюня вечеромъ, и остановился въ домѣ купца Саввина. На другой день по утру, принявъ представленія отъ дворянства, служащихъ и гражданъ, государь изволилъ отправиться водою черезъ озеро въ Нилову пустынь, гдѣ слушалъ обѣдню и прикладывался къ св. мощамъ преподобнаго Нила. Во время возвращенія его величества въ городъ изъ пустыни, собралась надъ городомъ темная туча;—однакожъ государь еще до дождя успѣлъ доѣхать до дома купца Саввина, и вскорѣ вышелъ къ обѣденному столу, къ коему были приглашены, кромѣ свитскихъ, гражданскіе начальники и предводители дворянства.

Едва успѣли сѣсть за столъ, вдругъ надъ городомъ разразилась туча весьма сильнымъ громовымъ ударомъ, такъ что государь изволилъ, перекрестясь, сказать:

— «Это ужъ вѣрно не безъ несчастія гдѣ-либо!»

Я обѣдалъ за гофмаршальскимъ столомъ въ домѣ же Саввина, но въ другой комнатѣ.

Вдругъ вбѣжалъ городничій къ намъ въ комнату, съ тревожнымъ видомъ, и донесъ, что чрезъ два дома отъ дома Саввина, въ каменномъ домѣ громъ убилъ г-жу Болговскую, пріѣхавшую изъ своего помѣстья въ Осташковъ, чтобъ видѣть государя.

Бар. Вилліе вышелъ изъ зала, гдѣ государь изволилъ кушать, и приказалъ мнѣ ѣхать туда тотчасъ съ городничимъ.

Я нашелъ г-жу Болговскую лежащею въ креслахъ въ ея кабинетѣ, съ повисшими головою и правою рукою, близъ печи, у коей труба на это время не была закрыта. Она была жива, но не могла мнѣ сказать ни слова. Приказавъ ея дѣвушкѣ раздѣть

ее, я нашелъ, что, начиная отъ верхняго праваго плеча, весь правой бокъ, рука и нога были обожжены молніею и покрыты обширными багровыми пятнами, или полосами. Вслѣдъ почти за мною пріѣхалъ и бар. Вилліе по приказанію государя.

Приличными средствами мы привели ее въ чувство и положили въ кровать. При выѣздѣ государя изъ Осташкова, ей было уже лучше.

Замѣчательно, что домъ, занимаемый г-жею Болговскою, предназначался губернаторомъ, какъ лучшій, для помѣщенія государя; — но купецъ Саввинъ упросилъ, чтобъ онъ осчастливилъ его домъ своимъ помѣщеніемъ. Комната, гдѣ Болговская была поражена громомъ, предназначалась также для кабинета его величества!...

Изъ Осташкова государь изволилъ отправиться прямо въ Тверь, гдѣ былъ назначенъ большой смотръ кавалеріи и конной артиллеріи. Онъ остановился во дворцѣ, принадлежавшемъ покойной великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, гдѣ помѣстилась и вся свита его величества.

На другой день назначенъ былъ парадъ всѣмъ собраннымъ тамъ войскамъ. Я получилъ отъ бар. Вилліе приказаніе быть при немъ верхомъ, имѣть при себѣ хирургическіе инструменты и все нужное для поданія перваго пособія, въ случаѣ какого-либо приключенія. Это былъ первый опытъ моей воянной службы, которой былъ не совсѣмъ удаченъ; ибо на маневрахъ, во время атаки кавалеріи, поспѣшая на помощь упавшему съ лошади офицеру, я самъ упалъ съ лошади и порядочно ушибъ себѣ лѣвый бокъ. Это было въ виду государя. Бар. Вилліе поспѣшилъ прискакать на мѣсто моего паденія, и разругалъ меня въ пухъ за то, что я не умѣю ѣздить. Хотя здѣсь гнѣвъ совсѣмъ былъ не у мѣста, но я этимъ не обидился, ибо совершенно было справедливо замѣчаніе его, на счетъ моей верховой ѣзды. Маневры были на другой день парада, и я не успѣлъ взять хотя первоначальнаго урока верховой манежной ѣзды у государева берейтора Исакова, которой, по пріязни, самъ вызвался научить меня ѣздѣ съ мундштукомъ.

Послѣ маневровъ, которыми государь изволилъ быть доволенъ, среди самаго поля подъ палатками былъ обѣденный столъ, гдѣ всѣ обѣдали, начиная отъ государя, до послѣдняго рядоваго,

бывшаго въ строю. Это представляло великолѣпнѣйшую картину. Государь самъ изволилъ предложить первый тостъ: «за здравіе россійскаго побѣдоноснаго воинства»! Раздалось отовсюду оглушающее ура! Затѣмъ, командовавшій тогда гвардейскимъ корпусомъ Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ предложилъ тостъ: «за здравіе государя императора!» При всеобщемъ оглушающемъ ура! раздались пушечные выстрѣлы, которые то залпомъ, то батальнымъ огнемъ продолжались, по крайней мѣрѣ, четверть часа.

Изъ Твери государь изволилъ отправиться въ Москву, гдѣ пробылъ цѣлую недѣлю, занимаясь смотромъ собранныхъ тамъ войскъ, а равно и всѣхъ учебныхъ и богоугодныхъ заведеній.

Въ Москвѣ я познакомился съ докторомъ Пикулинымъ, занимавшимъ мое мѣсто при бар. Виллié, во время кампаніи 1812 года до Вѣнскаго конгресса въ 1815 году. Онъ меня очень обласкалъ и былъ мнѣ не менѣе полезенъ, какъ и предмѣстникъ мой д-ръ Рихтеръ. Пикулинъ былъ тогда профессоромъ при М. Х. Академіи въ Москвѣ и читалъ анатомію и физіологію.

Къ бар. Виллié онъ являлся всякой день и оказывалъ ему большое уваженіе и усердіе, которыя, впрочемъ, были совсѣмъ не искренни. Впослѣдствіи я узналъ отъ него основательную причину такого поведенія въ отношеніи къ его начальнику. Д-ръ Пикулинъ разсказалъ мнѣ все прохожденіе своей службы въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, и особливо при бар. Виллié, которое очень замѣчательно. Нѣкоторое время онъ пользовался особеннымъ личнымъ вниманіемъ императора Александра, — но на этомъ моментѣ его жизни остановился его военно-медицинскій карьеръ. А между тѣмъ, къ его несчастію, его постигла болѣзнь, требовавшая продолжительнаго леченія заграницею.

Изъ Москвы государю благоугодно было отправиться черезъ Рязань въ гор. Козловъ, Тамбовской губерніи, гдѣ собранъ былъ кавалерійскій корпусъ, подъ командою генерала Дука.

Не видавъ 6 лѣтъ слишкомъ ни родины, ни родныхъ, я испросилъ себѣ позволеніе, за два дня до выѣзда изъ Москвы государя, напередъ отправиться въ Рязань, съ тѣмъ, чтобы тамъ присоединиться къ свитѣ его величества. Мнѣ, по приказанію генералъ-адъютанта князя Меньшикова, управлявшаго канцеляріею начальника главнаго штаба его величества, выдана курьерская подорожная, и я стрѣлою пустился на родину.

Отца моего я нашелъ въ Рязани, который въ то время былъ священникомъ при церкви Дома Трудолюбія. Неожиданному моему пріѣзду онъ до того обрадовался, что увидавъ меня и благословивъ, прижалъ къ своей груди, не бывъ въ состояніи произнести ни одного слова. Наконецъ, поцаловавъ меня, сказалъ: «благодарю Тебя, Творецъ Всевышній, что Ты ниспослалъ мнѣ счастіе, еще разъ въ жизни видѣть моего добраго сына». Не менѣе того и я былъ тронутъ этою сценою. Старикъ, узнавъ отъ меня, что я служу при дворѣ и нахожусь въ вояжѣ при свитѣ императора, былъ чрезвычайно доволенъ и радъ отъ всей души. Повидавшись съ нѣкоторыми родными и посѣтивъ всѣхъ прежнихъ моихъ въ семинаріи наставниковъ, 19-го іюля я присоединился снова къ свитѣ.

Во всѣхъ мѣстахъ бар. Вилліе имѣлъ высочайшее повелѣніе осматривать военные и гражданскіе госпитали и лазареты. Для этого онъ всегда бралъ меня съ собою. Это было его любимымъ предметомъ въ путешествіяхъ; я писалъ всегда его ординаціи при постеляхъ больныхъ и выполнялъ нѣкоторыя другія его порученія. Нерѣдко случалось, особенно когда онъ былъ не въ духѣ, что дѣлалъ самыя жестокія замѣчанія медикамъ и самимъ старшимъ врачамъ, если встрѣчалъ какую-либо неисправность, или неправильность въ леченіи*). Нельзя впрочемъ не отдать ему справедливости въ мастерствѣ этого дѣла.

Въ Воронежѣ къ бар. Вилліе явился дивизіонный докторъ Мартини во фракѣ. Онъ, безъ позволенія медицинскаго начальства, изъ гор. Орла, гдѣ была расположена его дивизія, съ семействомъ корпуснаго командира барона Корфа, прибылъ къ Липецкимъ минеральнымъ водамъ. Бар. Вилліе, увидавъ г. Мартини не въ формѣ и узнавъ отъ него о причинѣ прибытія въ Липецкъ, безъ позволенія медицинскаго начальства, до того разсердился, что въ ту-жъ минуту пошелъ къ князю Волконскому, донесъ ему оффиціально о поступкѣ Мартини, и выпросивъ у него фельдъегеря, въ то-же время просилъ на тележкѣ съ нимъ отправить его, Мартини, въ Орелъ къ мѣсту его служ-

*) О жестокости и грубости замѣчаній, какія дозволялъ себѣ обыкновенно Вилліе, мы встрѣтимъ еще указанія въ любопытныхъ запискахъ Николая Викторовича Веригина. Онѣ будутъ напечатаны на страницахъ «Русской Старины». Ред.

бы. Это обстоятельство потому наиболѣе было замѣчательно, что отправленіе г. Мартини на тележкѣ съ фельдъегеремъ происходило въ виду всей липецкой публики!

23-го іюля, въ ночи, государь изволилъ прибыть въ Воронежъ, гдѣ былъ встрѣченъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Балашевымъ, управлявшимъ тогда 5-ю центральными губерніями на особенныхъ правахъ. Его величество остановился въ домѣ г. Тулинова.

При Курскѣ собраны были двѣ кирасирскихъ дивизіи, съ артиллеріею, коимъ государь изволилъ дѣлать смотръ и маневры, коими остался совершенно доволенъ. Здѣсь замѣчателенъ былъ обѣдъ, которой давали граждане Курска государю императору и всему войску, среди военнаго поля, за городомъ. Праздникъ этотъ походилъ отчасти на данный государю, также въ полѣ, подъ Тверью, но былъ несравненно великолѣпнѣе и расположенъ въ лучшемъ порядкѣ и съ бо́льшею изысканностію. Государь изволилъ остаться чрезвычайно довольнымъ преданностію и усердіемъ курскихъ гражданъ.

Изъ Курска государь изволилъ отправиться въ Украинское военное поселеніе — въ гор. Чугуевъ, куда 29-го іюля прибылъ на ночлегъ,— гдѣ встрѣченъ былъ графомъ Аракчеевымъ.

Въ это время военныя поселенія начали только устраиваться, и гор. Чугуевъ былъ обращенъ въ военный городъ, гдѣ сосредоточилось главное управленіе Украинскаго военнаго поселенія. Мѣстнымъ военнымъ начальникомъ былъ генералъ Саловъ, извѣстный своими жестокими мѣрами въ Чугуевѣ при водвореніи военнаго поселенія, на которое мирные жители Украйны очень неохотно соглашались. При видѣ, какъ въ самое короткое время совершено преобразованіе края въ военное положеніе и жители приняли военную форму, нельзя не удивляться твердости воли главнаго учредителя военныхъ поселеній. Но съ другой стороны нельзя не ужасаться, слышавъ отъ очевидцевъ, какія жертвы принесены жителями, при обращеніи ихъ въ военные поселяне!!!...

Государь изволилъ остаться вполнѣ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что ему представлялъ графъ Аракчеевъ.

Въ Полтавѣ встрѣтился со мною землякъ мой Добротворскій, который познакомилъ меня съ проживавшимъ тамъ въ от-

ставкѣ полковникомъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка Муравьевымъ-Апостоломъ. Это тотъ самый, который чрезъ 6 лѣтъ послѣ того былъ во главѣ заговора и погибъ на эшафотѣ, по приговору верховнаго суда, въ крон-веркѣ подлѣ Петропавловской крѣпости.

5-го августа государь изволилъ прибыть въ Херсонскія военныя поселенія на рѣкѣ Бугѣ, въ гор. Вознесенскъ, гдѣ его встрѣтили графъ Аракчеевъ и графъ Виттъ, начальникъ Новороссійскаго военнаго поселенія. Вознесенскъ—небольшой военный городъ, недавно возникшій изъ незначительнаго мѣстечка, населеннаго болгарами, народомъ зажиточнымъ и торгующимъ скотомъ и хлѣбомъ. Введеніе здѣсь военнаго поселенія сопряжено было съ большими затрудненіями. Въ это время городъ Вознесенскъ только началъ населяться частными жителями;—но всѣ принадлежности военнаго поселеннаго города уже отстраивались. Государь изволилъ остановиться въ домѣ, занимаемомъ графомъ Виттомъ, и выстроенномъ на возвышенномъ и самомъ лучшемъ положеніи.

Въ это время изъ Одессы въ Вознесенскъ прибылъ отставной генералъ Кобле, бывшій нѣкоторое время градоначальникомъ гор. Одессы. Онъ посѣтилъ бар. Виллié, какъ землякъ и старинный знакомый. Съ нимъ была дочь его—дѣвица лѣтъ 20-ти, брюнетка, живая и довольно пріятной наружности. Изъ очень частыхъ посѣщеній Кобле я заключилъ, что между имъ и бар. Виллié должно быть какое-нибудь особенной важности дѣло. Догадка моя была не безъ основанія.

Однажды бар. Виллié, взявъ меня подъ руку, повелъ въ садъ и до того былъ откровененъ, что раскрылъ мнѣ все свое сердце. Получивъ отъ меня благопріятный отзывъ на счетъ дѣвицы Кобле, которую я нѣсколько разъ видѣлъ, спросилъ меня: «Хорошо ли будетъ, если я женюсь»? Вслѣдъ за вопросомъ онъ прибавилъ, что ему 54 года (въ 1820 году). Я, нимало не затрудняясь, отвѣчалъ ему утвердительно, присовокупивъ къ тому, что только этого, т.-е. семейнаго счастія недостаетъ ему въ жизни. По всему видно было, что онъ былъ очень близокъ къ рѣшимости сдѣлать предложеніе дѣвицѣ Кобле,—и едвали уже не сдѣлалъ его,—ибо онъ тутъ же сдѣлалъ ей подарокъ въ 3 т. р. асс. Это былъ довольно богатый брилліантовый перстень, пожалован-

ный ему незадолго предъ тѣмъ императрицею Маріею Ѳедоровною, кажется, за консультацію во время болѣзни императрицы Александры Ѳедоровны. Но это сватовство тѣмъ и окончилось;— ибо когда мы уѣхали на конгрессъ заграницу, бар. Вилліе совершенно забылъ о своей невѣстѣ, которая впослѣдствіи вышла за маркиза Паулуччи, бывшаго потомъ военнымъ губернаторомъ Ост-зейскихъ губерній, котораго она однако-жъ скоро совсѣмъ оставила.

8 августа, послѣ обѣда, оставивъ Вознесенскъ, государь изволилъ отправиться въ гор. Уманъ, Кіевской губерніи, куда прибылъ 10 августа. Уманъ составлялъ центръ обширнѣйшаго имѣнія графа Потоцкаго, близъ котораго этотъ вельможа, въ честь и память своей жены, устроилъ превосходный садъ и паркъ, называемый Софіевкою. Въ этомъ превосходномъ мѣстѣ, къ пріѣзду государя приготовленъ былъ праздникъ и иллюминація. Освѣщеніе аллей, огромныхъ каскадовъ и высокихъ фонтановъ, и прелестное мѣстоположеніе дѣлало этотъ праздникъ самымъ замѣчательнымъ. Всѣ въ Софіевкѣ построенія отдѣланы самою роскошною рукою. Мнѣ сказывалъ докторъ Абрагамсонъ, состоявшій при этомъ имѣніи, что устройство этого мѣста графу Потоцкому стоитъ 6 милліоновъ рублей ассигнаціями. Нынѣ Софіевка поступила въ казну и носитъ названіе Царицына Сада.

Здѣсь къ бар. Вилліе явился докторъ И. Семеновичъ Орлай, носившій званіе придворнаго медика, и бывшій ученымъ секретаремъ конференціи императорской медико-хирургической академіи. Вилліе принялъ его страннымъ образомъ; вмѣсто приличнаго обращенія съ этимъ ученымъ и замѣчательнымъ мужемъ, онъ осыпалъ его сарказмами, которые даже и для меня показались очень обидными! Бар. Вилліе скоро долженъ былъ слѣдовать за государемъ, а я имѣлъ нѣкоторое время пробыть съ докторомъ Орлаемъ, коему я уже былъ извѣстенъ, по моему участію въ составленіи полевой военной фармакопеи, когда я еще былъ студентомъ академіи. Докторъ Орлай былъ примѣрной нравственности и очень религіозенъ. Оставшись со мною наединѣ, въ теченіи цѣлаго часу, онъ сообщилъ мнѣ самое подробное описаніе качествъ моего начальника. Это произвело во мнѣ самое печальное впечатлѣніе насчетъ моего настоящаго

положенія. Это замѣтилъ и самъ докторъ Орлай, и какъ умный и нравственный человѣкъ, не хотѣлъ оставить меня безъ наставленія и совѣта, которые были для меня весьма назидательны. Онъ, между прочимъ, сказалъ: «для васъ—молодаго и только что начавшаго поприще врача—тѣмъ болѣе чести и заслугъ, если вы успѣете оправдать свое назначеніе при такомъ начальникѣ точнымъ выполненіемъ своихъ обязанностей и похвальнымъ поведеніемъ. Надѣюсь, что вамъ Богъ поможетъ успѣть въ этомъ, имѣйте на него полную надежду!»

Государь изволилъ прибыть въ Варшаву 15 августа ввечеру. Въ Пулавѣ, 14 августа, на ночлегѣ выѣхалъ къ нему на встрѣчу его императорское высочество цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Съ нимъ государь въ одной коляскѣ въѣхалъ въ Варшаву и остановился въ королевскомъ дворцѣ, называемомъ Бургомъ, расположенномъ однимъ фасомъ на площадь Сигизмунда, а другимъ—на Вислу противъ Праги.

Комнаты бар. Вилліе были въ верхнемъ этажѣ дворца, окнами на Вислу;—подлѣ его помѣщенія о стѣну было мое помѣщеніе съ канцеляріею, состоящею изъ одной, довольно обширной комнаты, которую я большими ширмами раздѣлилъ на двѣ. Такое близкое сосѣдство съ начальникомъ вскорѣ мнѣ очень непонравилось;—часто случалось, что ежечасные призывы его, или вовсе безъ надобности, или за дѣломъ, совсѣмъ ничтожнымъ, лишали меня возможности заняться дѣломъ серьезнымъ по службѣ, или принять къ себѣ кого-либо изъ товарищей или знакомыхъ. На мою бѣду бар. Вилліе въ это время занимался аглицкою газетою, въ коей помѣщался обширнѣйшій и сложный процессъ развода аглицкой королевы съ царствовавшимъ тогда королемъ. Всякой разъ, какъ онъ окончитъ номеръ газеты, приглашалъ меня выслушать отъ него все прочитанное, что для меня особенно было скучно.

Въ Варшавѣ пребываніе государя было довольно продолжительно. До открытія сейма, его величество осматривалъ войска русскія и польскія, дѣлалъ маневры отдѣльно каждому и обоимъ войскамъ вмѣстѣ. Бар. Вилліе повелѣно было осмотрѣть военные госпитали русскій и польскій, которые оба помѣщались въ бывшемъ Уяздовскомъ дворцѣ. Дворецъ этотъ составляетъ обширное зданіе, которое очень удобно впослѣдствіи принаров-

лено къ помѣщенію обоихъ госпиталей высшаго класса. Устройство ихъ не оставляетъ ничего желать, такъ что при подробнѣйшемъ и строгомъ осмотрѣ, они найдены въ отличномъ положеніи, какъ по медицинской, такъ и хозяйственной части.

Здѣсь мнѣ въ первый разъ представились всѣ трудности моей обязанности по управленію канцеляріею главнаго по арміи медицинскаго инспектора и президента академіи (бар. Виллié вмѣстѣ былъ и президентъ императорской медико-хирургической академіи). Дѣлъ стеклось множество, нѣкоторыя изъ нихъ были сложны и особенной важности, требующей большой опытности и соображеній; — ни помощниковъ, ни совѣтниковъ нѣтъ. Не было даже писаря для переписки бумагъ набѣло и для веденія журналовъ по канцеляріи..... Ко всему этому представилась еще особенная трудность: начальникъ мой имѣлъ горькую для меня страсть—рѣшенія свои на нѣкоторыя бумаги диктовать или писать по-французски, и всегда поручалъ переводить это по-русски, для составленія исполнительныхъ бумагъ, особенно высшему начальству, и даже для доклада его императорскому величеству.....

Я былъ не довольно силенъ во французскомъ языкѣ, хотя французскія сочиненія я читалъ безъ затрудненія. Но французскій языкъ, на какомъ бар. Виллié передавалъ мнѣ свои рѣшенія на служебныя бумаги и распоряженія на службѣ,—едва былъ доступенъ моему понятію, особенно въ самомъ началѣ, такъ что я часто вынужденъ былъ прибѣгать къ догадкамъ, соображаясь съ сущностію дѣла. Но это не всегда было достаточно; ибо бар. Виллié иногда желалъ, чтобъ въ бумагахъ была изложена его собственная мысль любимыми для него выраженіями. Это послѣднее обстоятельство, въ теченіе нѣкотораго времени, составляло для меня камень преткновенія дотолѣ, пока я могъ ознакомиться короче съ служебнымъ характеромъ и нѣкоторыми отношеніями моего начальника. Между тѣмъ, пока я успѣлъ достигнуть этого, нерѣдко случалось, что, при неутомимыхъ постоянныхъ трудахъ, я упадалъ духомъ, не находя ни отъ кого ни совѣта, ни помощи.

Сеймъ въ Варшавѣ продолжался до октября; несогласія въ сужденіяхъ представителей и депутатовъ, доходившія нерѣдко на сеймѣ до раздора, крайне были непріятны императору. Для

соглашенія противныхъ сторонъ и для принятія вѣрнѣйшихъ мѣръ къ упроченію благосостоянія Царства Польскаго, его величество изволилъ употреблять съ своей стороны г. Новосильцова и статсъ-секретаря Царства Польскаго графа Соболевскаго. Наконецъ государь изволилъ повелѣть сеймъ закрыть. Назначенъ былъ день для торжественнаго и окончательнаго собранія сейма, на которое въ назначенный часъ его величество, въ полномъ польскомъ мундирѣ, изволилъ присутствовать. Когда государь императоръ изволилъ взойти на тронъ, повсюду водворилась тишина и какое-то особенное чувство благоговѣнія къ его августѣйшей особѣ. Поистинѣ, нельзя было безъ особеннаго чувства умиленія въ то время видѣть его величество. Въ лицѣ его выражалось величіе неземное, мудрость, правда и милость!

На тронѣ государь изволилъ стоять въ обычной своей, ему исключительно одному принадлежащей позѣ. Онъ былъ великъ!! Съ трона онъ произнесъ ту знаменитую рѣчь къ представителямъ царства, которая въ исторіи должна занять почетное мѣсто между великими дѣяніями, коими ознаменовано его царствованіе. Рѣчь эта, на французскомъ языкѣ, хранится между моими бумагами. Она была произнесена на французскомъ языкѣ; а по прочтеніи статсъ-секретарь Царства Польскаго прочелъ ее на польскомъ языкѣ. Я замѣтилъ, что рѣчь эта произвела во всѣхъ присутствовавшихъ живѣйшее впечатлѣніе, а бывшія на хорахъ дамы до такой степени были тронуты, что всѣ плакали отъ умиленія. Подобной торжественности и величія государя я болѣе не имѣлъ счастія видѣть во всю жизнь мою!!!...

Съ закрытіемъ сейма, въ Варшавѣ, вдругъ разнесся слухъ о конгрессѣ, для коего назначено мѣсто въ Богеміи, въ городѣ Троппау, которой расположенъ вблизи границъ — польской, прусской и австрійской. Поводомъ къ этому конгрессу были смуты въ Италіи, производимыя партіями карбонаріевъ. Смуты эти имѣли важное политическое значеніе, и для подавленія ихъ требовались энергическія мѣры со стороны государствъ, составлявшихъ священный союзъ (sainte alliance).

Въ октябрѣ 17-го дня 1820 г. государь изволилъ оставить Варшаву, и отправился въ Троппау со всею своею свитою и дипломатическимъ корпусомъ. Путешествіе продолжалось благополучно и

недолго; на третій день государь и вся свита прибыли въ этотъ уединенный, но довольно значительный городъ, расположенный въ долинѣ между Богемскими горами. Городъ по себѣ не заключаетъ ничего особеннаго, но окрестности его очаровательны. Вблизи Троппау много помѣстій и превосходно устроенныхъ мызъ, принадлежащихъ аристократическимъ древнимъ австрійскимъ фамиліямъ. Наилучшая и замѣчательнѣйшая изъ нихъ была мыза графа Лихніовскаго, куда направлялись почти ежедневныя прогулки всѣхъ, составляющихъ свиту его величества, и дипломатическій корпусъ. Вскорѣ по прибытіи государя, пріѣхали для свиданія съ его величествомъ великая княгиня Марія Павловна и великій князь Николай Павловичъ.

Государь любилъ прогуливаться съ августѣйшею своею сестрою и братомъ. А какъ въ городѣ не было тротуаровъ и мостовыя очень негладки, то, по особенному распоряженію австрійскаго правительства, городское начальство нарочито устроило за городомъ, на довольно значительномъ пространствѣ, досчатый тротуаръ или помостъ, для прогулокъ государя. Его величество всегда изволилъ гулять, ведя подъ руку Марію Павловну, а Николай Павловичъ всегда слѣдовалъ за ними одинъ.

Во время конгресса въ Троппау, охота въ окрестныхъ мызахъ до того сдѣлалась общею, что даже я, небывши никогда охотникомъ, и несмотря на трудныя занятія по службѣ, многократно участвовалъ въ охотѣ. Бар. Вилліе, не знаю почему, открылъ во мнѣ особенную къ охотѣ способность, и чтобы довести оную до настоящаго развитія, обѣщалъ подарить мнѣ одно изъ своихъ ружей. Разумѣется, способность эта осталась во мнѣ неразвитою.....

Въ Троппау мнѣ назначена была квартира у городоваго доктора, помѣщавшагося въ зданіи городской больницы. Я скоро съ нимъ познакомился и часто посѣщалъ съ нимъ больничныя палаты, гдѣ нерѣдко случались довольно важныя и занимательныя болѣзни. Въ то время (1820 г.) только что начиналъ входить во врачебное употребленіе іодъ; — мнѣ случалось неоднократно наблюдать успѣшное его дѣйствіе противу зоба, у молодыхъ субъектовъ и неслишкомъ застарѣвшаго.

Въ Троппау насъ застигла зима и морозы доходили до 10° по Р. У меня не было совсѣмъ теплаго платья, да и денегъ было

очень немного. Таковое мое положеніе доведено было до высочайшаго свѣдѣнія, и его величество изволилъ повелѣть, купить для меня хорошую енотовую шубу, которая, какъ памятникъ монаршей милости, сохранялась мною слишкомъ 30-ть лѣтъ.

Въ самомъ началѣ декабря 1820 г. изъ Петербурга курьеръ привезъ печальную вѣсть о безпорядкахъ, происшедшихъ лейбъ-гвардіи въ семеновскомъ полку. Вѣсть эта хранилась въ самой строгой тайнѣ. Государь два дня неизволилъ выходить на прогулку; въ канцеляріи начальника главнаго штаба работали день и ночь; и чрезъ два дня того же курьера отправилъ князь Волконскій обратно въ Петербургъ.

Около половины декабря объявлено намъ было, что его величество изволитъ скоро отправиться въ Вѣну, а оттуда на конгрессъ въ Штирію, въ гор. Лайбахъ. Ихъ высочества, Марія Павловна и Николай Павловичъ выѣхали изъ Троппау прежде, — а на другой день и государь отправиться изволилъ въ Вѣну. Зима была не хуже русской; въ дорогѣ насъ сопровождали морозы и вьюга, и дорога чрезъ Богемскія горы, по этой причинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была не безопасна.

Мы пріѣхали въ Вѣну при 17° морозу. Государь императоръ изволилъ остановиться въ Бургѣ, т.-е. императорскомъ дворцѣ, а для насъ отведены были квартиры вблизи Бурга. Парадной встрѣчи для нашего государя не было. Въ Вѣнѣ мы пробыли всего трое сутокъ. Мнѣ однакожъ удалось быть въ императорскомъ театрѣ и слышать знаменитую уже и въ то время (1820 году) пѣвицу Пасту. Къ бар. Вилліе въ то время явился путешествовавшій за границею руской докторъ Гаммель, которой мнѣ доставилъ случай осмотрѣть всѣ вѣнскіе госпитали, терапевтическую, хирургическую и окулистическую клиники, университетъ и іозефинскую академію и ея знаменитый анатомическій кабинетъ, состоящій изъ превосходныхъ восковыхъ препаратовъ. При этомъ я познакомился съ профессорами: Кернеромъ, завѣдывавшимъ хирургическою клиникою, Егеромъ, управлявшимъ, по смерти Бери, окулистическою клиникою; — у него я въ первый разъ видѣлъ египетское воспаленіе глазъ въ полномъ его развитіи, — и при мнѣ произведена была операція катаракты Сверхъ того докторъ Гаммель познакомилъ меня съ профессоромъ физіологіи Лешеекомъ, и акушерства Гартманомъ.

Изъ Вѣны государь императоръ изволилъ отправиться прямо въ гор. Лайбахъ, въ Штиріи, куда прибыла и вся свита его величества 27 декабря 1820 года.

Въ городѣ два монастыря, женскій и мужской, гражданскій и военный госпиталь, главная гимназія, духовная семинарія и бискупскій домъ. Послѣдній составляетъ наилучшее строеніе въ городѣ, а потому и назначенъ былъ для резиденціи нашего императора; въ томъ же домѣ помѣщались князь Волконскій, баронетъ Вилліе, князь Меньшиковъ съ канцеляріею начальника главнаго штаба его императорскаго величества и всѣ придворныя службы. Въ лучшемъ залѣ этого дома была расположена военно-походная церковь. Для служенія въ церкви вытребованъ былъ изъ Венгріи іеромонахъ Геннадій съ 4-мя пѣвчими, коими управлялъ придворный пѣвчій Берлинскій.

Вслѣдъ за нашимъ императоромъ, прибылъ въ Лайбахъ и австрійскій императоръ Францъ I, съ своею фамиліею, свитою и дипломатическимъ корпусомъ. Вскорѣ прибыли дипломаты и прочихъ европейскихъ дворовъ.

Во время конгресса гарнизонъ Лайбаха составлялъ пѣхотный полкъ, состоящій весь изъ однихъ кроатовъ, которые были православнаго исповѣданія, — кромѣ офицеровъ. Сіи послѣдніе были австрійцы и католики.

Вскорѣ по открытіи конференцій дипломатовъ, императоръ съ особеннымъ важнымъ порученіемъ послалъ генералъ-адъютанта Чернышева въ Мюнхенъ. На обратномъ оттуда пути, въ горахъ близъ гор. Сентъ-Мишель, опрокинулась его коляска и при этомъ паденіи онъ получилъ сильный ушибъ въ грудь съ переломомъ лѣвой ключицы — на плечевой ея половинѣ. По полученіи о семъ извѣстія, я чрезъ князя Волконскаго получилъ высочайшее повелѣніе, немедленно отправиться на встрѣчу къ А. И. Чернышеву; — но когда пріѣхалъ отъ генералъ-адъютанта Чернышева курьеръ, то государю благоугодно было повелѣть, ѣхать немедленно бар. Вилліе, для поданія ему первоначальной помощи и безопаснаго доставленія его въ Лайбахъ. Чрезъ два дни бар. Вилліе возвратился съ генер. Чернышевымъ, коему мы съ бар. Вилліе дѣлали первую перевязку переломленной ключицы.

При наложеніи повязки, я чрезвычайно былъ встревоженъ, увидѣвъ мѣсто перелома и около лежащія части, которыя покрыты

были опухолью синебагроваго цвѣта. Самое мѣсто перелома обозначалось ссадиною, изъ коей просачивалась сукровица; а разъединенные концы ключицы явственно ощущались подъ пальцемъ на мѣстѣ ссадины. Вообще поврежденіе представлялось весьма важнымъ и почти не обѣщало благопріятнаго исхода.

Обмывши тщательно мѣсто перелома и сдѣлавъ со всею осторожностію соединеніе концовъ ключицы, покрыли его компрессомъ, смоченнымъ fomento minerali acido и наложили повязку Дезольта съ измѣненіями, каковыхъ требовала важность поврежденія.

Таковой необыкновенный видъ переломъ этотъ получилъ отъ слѣдующаго обстоятельства. Въ городѣ С. Мишель къ генеральъ-адъютанту Чернышеву призваны были два медика, которые, принявъ это поврежденіе за вывихъ лѣваго плеча, производили вытягиваніе лѣвой руки самымъ грубымъ образомъ. Чрезъ повторенные пріемы таковаго вытягиванія, концы переломленной ключицы, расходясь многократно въ разныхъ направленіяхъ, произвели столь важное разстройство въ покрывающихъ ключицу мягкихъ частяхъ.

На другой день вечеру оказалось у больнаго сильное воспаленіе подреберной плевы на лѣвой сторонѣ груди. Это неблагопріятное осложненіе столь важнаго поврежденія потребовало обильнаго кровопусканія и измѣненія въ повязочномъ аппаратѣ, стѣснявшемъ свободное дыханіе. Больной находился нѣсколько дней въ опасномъ положеніи; — я при немъ находился почти неотходно слишкомъ мѣсяцъ, и несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, генералъ-адъютантъ Чернышевъ совершенно выздоровѣлъ и переломъ ключицы сросся, только неровно, такъ что грудной конецъ перелома нѣсколько выстоитъ кнаружи. Эту неровность сращенія ключицы, для отвращенія давленія отъ помочей, я присовѣтовалъ постоянно покрывать мягкою подушечкою изъ ваты.

Государь императоръ въ положеніи ген.-адъют. Чернышева изволилъ принимать живѣйшее участіе, посѣщалъ его очень часто и по выздоровленіи его изволилъ оказать полное свое благоволеніе бар. Вилліе и мнѣ.

На этомъ конгрессѣ, въ числѣ нашихъ дипломатовъ былъ графъ Каподистріа. Съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ я имѣлъ случай близко познакомиться, по случаю его болѣзни.

Онъ со мною всегда говорилъ по-латыни, и столько былъ ко мнѣ благосклоненъ, что ознакомилъ меня отчасти съ своею біографіею. Онъ былъ грекъ, уроженецъ изъ Корфу, выслушалъ полный курсъ медицины и получилъ степень доктора. Въ Россію онъ прибылъ съ адмираломъ Сенявинымъ (какъ мнѣ помнится) и вступилъ на дипломатическое поприще. Я всегда съ особливымъ наслажденіемъ слушалъ глубокомысленныя сужденія его о разныхъ предметахъ. Доселѣ я твердо удержалъ въ памяти разговоръ его съ княземъ Лубецкимъ-Друцкимъ, о весьма остроумномъ примѣненіи или сравненіи государственнаго правленія съ процессомъ жизни въ человѣческомъ организмѣ. Разговоръ этотъ имѣлъ соотношеніе съ возникавшими въ то время политическими переворотами.

Въ это время получено въ Лайбахѣ извѣстіе о возстаніи Греціи противъ турецкаго правительства, начатомъ княземъ Ипсилантіемъ, который немедленно былъ исключенъ изъ россійской службы.

Графъ Каподистріа во время Лайбахскаго конгресса получилъ увольненіе и, какъ было слышно, отправился въ Швейцарію.

Въ продолженіи дипломатическихъ конференцій, вдругъ разнесся слухъ объ итальянской войнѣ,—въ коей должна участвовать и россійская армія. Въ канцеляріи начальника главнаго штаба его императорскаго величества началась необыкновенная дѣятельность. Бар. Вилліе, какъ главный по арміи медицинскій инспекторъ, по ввѣренной ему части получилъ высочайшее повелѣніе, о сдѣланіи скорѣйшихъ распоряженій по части медицинской, по случаю движенія арміи. Занимаясь со мною непрерывно, въ продолженіи 24 часовъ, онъ выполнилъ высочайшее повелѣніе, и о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ донесъ князю Волконскому для доклада государю, которой изволилъ остаться ими доволенъ.

Вскорѣ за симъ начали проходить черезъ Лайбахъ полки австрійской арміи;—главнокомандующимъ россійскою дѣйствующею арміею назначенъ былъ генералъ Ермоловъ, которой не замедлилъ прибыть въ Лайбахъ, потомъ прибыли: баронъ Дибичъ, генералъ Нейдгардтъ, генералъ-интендантъ Канкринъ

и нѣсколько штабъ-офицеровъ, долженствующихъ войти въ составъ главнаго штаба дѣйствующей арміи.

По крайнему недостатку чиновниковъ въ канцеляріи начальника главнаго штаба его императорскаго величества, князь А. С. Меньшиковъ, съ согласія бар. Вилліе, пригласилъ меня заниматься при немъ военно-походными дѣлами, которыя требовали усиленныхъ трудовъ.

Около половины апрѣля (1821 г.), вопросъ объ объявленной войнѣ, чрезъ ежедневныя дипломатическія конференціи, былъ разрѣшенъ благопріятно, и государь императоръ изволилъ повелѣть, остановить дальнѣйшее движеніе авангарда нашей арміи, которой въ то время уже приближался къ границамъ Галиціи.

Такимъ образомъ, Лайбахскій конгрессъ окончился, и 1 мая 1821 г. государь императоръ изволилъ оставить Лайбахъ и отправиться въ Венгрію, минуя Вѣну.

Кроаты, составлявшіе во время конгресса гарнизонъ въ Лайбахѣ, всѣ были православнаго исповѣданія, кромѣ нѣсколькихъ офицеровъ. Передъ самымъ праздникомъ пасхи, чрезъ свое начальство, гарнизонъ этотъ просилъ позволенія, чрезъ князя Волконскаго, отпраздновать пасху въ походной церкви вмѣстѣ съ нами. По докладѣ о семъ императору, его величество изволилъ изъявить на это свое соизволеніе и повелѣлъ, чтобъ къ дню пасхи походная церковь расположена была въ другомъ, обширнѣйшемъ залѣ. Въ великую субботу въ ночи, за часъ до начала службы, значительная часть гарнизона введена была въ залъ, занимаемый церковью и въ другой, прилежащій оному. Ровно въ 12 часовъ ночи императоръ со свитою изволилъ выдти парадно въ церковь и занялъ мѣсто подлѣ праваго клироса. Такъ онъ обыкновенно всегда становился въ церкви, ибо любилъ пѣть церковное служеніе вмѣстѣ съ пѣвчими — своимъ весьма пріятнымъ баритономъ.

Когда іеромонахъ Геннадій провозгласилъ Христосъ Воскресе и проч., — то вмѣстѣ съ пѣвчими начали пѣть и всѣ бывшіе въ церкви кроаты различными своими голосами, впрочемъ довольно согласно съ нашими пѣвчими. Только въ началѣ это всеобщее, совсѣмъ неожиданное пѣніе всѣхъ насъ очень удивило и даже обратило вниманіе нашего государя. Напѣвъ и произно-

шеніе совершенно были одинаковы съ нашими, и даже самый канонъ пасхи пѣли почти всѣ кроаты. Нельзя было не замѣтить ихъ всеобщаго и единодушнаго восторга отъ соединенія съ нами, а особенно съ нашимъ императоромъ, въ православной церкви нашей!!...

По окончаніи заутрени государь изволилъ христосоваться со всею своею свитою, а равно и со всѣми кроатами; — а послѣ обѣдни, по повелѣнію императора, всѣ кроаты разгавливались во дворцѣ вмѣстѣ съ нашими русскими. Это произвело неописанной энтузіасмъ и особенную любовь и преданность къ нашему великому императору во всемъ гарнизонѣ, такъ что австрійскіе военные начальники замѣчали это очень неравнодушно.

Былъ слухъ, что и самому австрійскому правительству несовсѣмъ было пріятно, что нашему императору благоугодно было предпринять обратное свое путешествіе не чрезъ Вѣну, а чрезъ славянскія народонаселенія въ гор. Офенъ, въ Венгріи. *)

По выѣздѣ изъ Лайбаха, 1-го мая, въ четвертой день, т.-е. 4-го мая, государь прибылъ ввечеру въ Буду, прямо въ дворецъ палатинуса, который встрѣтилъ его величество съ военною церемоніею.

Проѣзжая славянскими племенами, мы могли кое-какъ объясняться съ жителями, говорящими на близкомъ къ нашему языкѣ; но когда въѣхали въ Венгрію, на первой станціи встрѣтилось большое затрудненіе въ объясненіяхъ. По-венгерски у насъ въ свитѣ никто непонималъ ни слова. Полковникъ Михайловъ, платившій прогоны, на первой станціи сталъ въ тупикъ. Къ счастію, мы узнали, что служащіе чиновники въ Венгріи всѣ говорятъ полатыни; здѣсь всѣхъ выручило мое знаніе латинскаго языка. Я немедленно обратился съ латинскимъ комплиментомъ къ смотрителю почтъ, съ коимъ и предстояло имѣть сношеніе. Не менѣе меня и онъ былъ обрадованъ, что встрѣтилъ лицо, могущее съ нимъ свободно объясняться. Такимъ образомъ, втеченіи всего путешествія по Венгріи, до самыхъ границъ Галиціи, во всей свитѣ я былъ общимъ переводчикомъ при сношеніяхъ съ жителями.

Народъ венгерскій отличается отъ племенъ славянскихъ сво-

*) О пребываніи императора Александра Павловича въ Угорской Руси въ 1821 г. смотр. въ «Русской Старинѣ» т. IV, стр. 92—95. Ред.

ею наружностію и характеромъ. Это есть особенное племя, отчасти похожее на нашихъ малороссовъ, но превосходитъ сихъ послѣднихъ крѣпостію физическихъ силъ и дѣятельностію. Замѣчательна наружность поселянъ; они носятъ длинные волосы, которые они смазываютъ очень роскошно простымъ саломъ, такъ что отъ этого замѣчается большая неопрятность въ наружномъ ихъ платьѣ, состоящемъ изъ короткой блузы и очень широкихъ шараваровъ. Поля у нихъ вообще обработываются хорошо; но проѣзжая бо́льшею частію проселочными дорогами, мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчали бѣдность жителей чрезвычайную. Женщины одѣваются, подобно нашимъ малороссіянкамъ, но только не такъ опрятно.

Въ Оффенѣ государь изволилъ пробыть два дня и отправлялся съ палатинусомъ на гробъ августѣйшей своей сестры, надъ которымъ построена греко-россійская церковь, и постоянно находятся для служенія іеромонахъ и четверо пѣвчихъ. Въ Оффенѣ я имѣлъ благопріятный случай осмотрѣть: военный и гражданскій госпитали, обсерваторію и университетъ. Послѣдній особенно для меня былъ замѣчателенъ по своему, весьма удобному въ Пестѣ устройству, богатымъ кабинетомъ и музеуму, и обмундировкѣ професоровъ, которые принимали высокаго посѣтителя — нашего государя, всѣ въ богатыхъ гусарскихъ мундирахъ. Въ Оффенѣ Дунай уже дѣлается большою рѣкою и составляетъ превосходное украшеніе города.

Здѣсь въ первый разъ я ознакомился съ настоящимъ венгерскимъ токайскимъ виномъ. Оно и въ самой Венгріи цѣнится весьма высоко, и вовсе не походитъ на продаваемое у насъ, подъ этимъ названіемъ, вино. Оно цвѣта золотисто-соломеннаго, очень густо, весьма ароматно и удивительно пріятнаго вкусу. Каждому изъ насъ, свитскихъ, каждое утро, на цѣлые сутки, отпускалась порція этого вина, не болѣе трехъ среднихъ рюмокъ, независимо отъ винъ прочихъ сортовъ. 23-го мая 1821 г. императоръ изволилъ прибыть на ночлегъ въ Царское Село.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УБІЙСТВО ЛЮБОВНИЦЫ ГРАФА АРАКЧЕЕВА
НАСТАСЬИ ШУМСКОЙ.

10 сентября 1825 года.

(Разсказъ по подлинному сенатскому дѣлу).

Александръ Николаевичъ Неустроевъ передалъ въ распоряженіе редакціи «Русской Старины» записку изъ дѣла о бывшемъ новгородскомъ гражданскомъ губернаторѣ, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Жеребцовѣ, преданномъ суду, по высочайшему повелѣнію, за безпорядки и неправильности по дѣлу «объ убійствѣ домоправительницы графа Аракчеева, Шумской». Записка эта печатная, въ листъ, и заключаетъ въ себѣ 85 страницъ, изъ которыхъ, начиная съ 69 до конца ея, заняты выпискою подлежащихъ къ дѣлу законовъ; составлена она была для членовъ общаго собранія сената при сужденіи о дѣлѣ Жеребцова.

Сообразно цѣли, для которой составлена, записка содержитъ: поводъ послужившій преданію суду Жеребцова, развитіе этихъ основаній по пунктамъ обвиненія, подкрѣпленное извлеченіемъ изъ дѣла, отвѣты Жеребцова, а также справки изъ дѣла объ убійствѣ Шумской и другихъ производствъ, изложеніе нѣкоторыхъ документовъ, на которые ссылался подсудимый, и мнѣнія сенаторовъ о винѣ Жеребцова.

Изъ этой массы свѣдѣній, съ неизбѣжными повтореніями мѣстами одного и того же, расположенныхъ въ такомъ порядкѣ, который казался составителю доклада наиболѣе удобнымъ для обозрѣнія вины Жеребцова, необходимо было составить насколько возможно полное и точное изложеніе дѣла объ убійствѣ Шумской, со всѣми его послѣдствіями. Трудъ этотъ, по нашей просьбѣ, исполненъ сотрудникомъ «Русской Старины» Аркадіемъ Гавриловичемъ Пупаревымъ.

Строго придерживаясь только тѣхъ данныхъ, которыя заключаются въ запискѣ, г. Пупаревъ, при изложеніи настоящаго дѣла, нигдѣ не уклонился отъ оффиціальнаго источника. Онъ дополнилъ его лишь нѣкоторыми выдержками изъ писемъ Аракчеева къ Александру I, помѣщенныхъ въ прил. къ VI т. «Исторіи царств. Александра I и Россіи въ его время», соч. Богдановича, двумя письмами государя отъ 3 октября 1825 года, изъ которыхъ копія съ посланнаго къ Аракчееву, свѣренная имъ самимъ, была передана Аракчеевымъ генералу Маевскому, и сыномъ его сообщена намъ, а копія съ адресованнаго къ архимандриту Фотію доставлена въ редакцію «Русской Старины» Николаемъ Петровичемъ Степановымъ,—и пояснительными свѣдѣніями изъ оффиціальныхъ архивовъ. Г. Пупаревъ въ настоящемъ разсказѣ нигдѣ не впалъ въ

изложеніе собственныхъ, или постороннихъ взглядовъ. Такой пріемъ въ передачѣ подробностей этого весьма характеристичнаго эпизода изъ эпохи всемогущества Аракчеева, тѣмъ болѣе необходимъ, что въ нашей литературѣ существуетъ нѣсколько разсказовъ о томъ же событіи, но такихъ, въ которыхъ истина совершенно затемнена выдумками досужихъ авторовъ.

Такимъ образомъ кровавое дѣло суда и казней виновныхъ въ убійствѣ «знаменитой» въ свое время «Настасьи» впервые является въ печати безъ малѣйшихъ отступленій отъ исторической истины, въ той, впрочемъ, мѣрѣ, въ какой вѣренъ оффиціальный источникъ. Ред.

I.

Въ 6-мъ часу утра, 10 сентября 1825 года, въ вотчинѣ генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева, въ селѣ Грузинѣ, въ сѣняхъ маленькаго и низенькаго деревяннаго флигеля, въ которомъ помѣщалась домоправительница графа, Шумская,— комнатная ея дѣвушка Прасковья Антонова объявляла всѣмъ приходящимъ, что она убила Шумскую.

Входившіе во флигель нашли Шумскую съ перерѣзаннымъ горломъ, мертвою, лежащею на полу. Видно было, что совершеніе преступленія застало ее на канапе, гдѣ она спала и что она сопротивлялась убійцѣ. Въ комнатѣ убитой нашли окровавленный кухонный ножъ.

Скоро разнеслась вѣсть объ этомъ между дворовыми, жившими въ флигеляхъ же подлѣ того, который занимала Шумская, и напротивъ его, чрезъ пятисаженную дорогу. И сначала, не всѣ вѣрили, чтобъ 21-лѣтняя Прасковья могла одна совершить убійство. Кухмистеръ Иванъ Аникіевъ, считая участницею въ томъ старшую дѣвушку при Шумской, Аксинью Семенову, жестоко избилъ ее тогда же.

Немедленно донесли объ убійствѣ графу Аракчееву, находившемуся тогда въ военномъ поселеніи, и графъ, пораженный извѣстіемъ, воротился домой.

Убитую стали приготовлять къ погребенію. Одинъ изъ поваровъ, родной братъ Прасковьи, 20-ти-лѣтній Василій Антоновъ приготовилъ кутью, поставилъ ее предъ умершею и удалился со всѣми признаками набожности.

Графъ приказалъ произвести слѣдствіе, и, въ отчаяніи „о потерѣ вѣрнаго друга, жившаго у него въ домѣ 25 лѣтъ“ *), писалъ импе-

*) Такъ Аракчеевъ называетъ Шумскую въ письмѣ своемъ къ государю. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что жена Аракчеева, графиня Наталья Ѳедоровна пережила мужа. Въ 1838 году, она домогалась получить свидѣтельство на залогъ имѣнія своего, Новоладожскаго уѣзда въ деревняхъ Выставкѣ и Бору, всего 61 душ. муж. пола, полученнаго ею въ наслѣдство отъ матери, полковницы Елизаветы Ивановны Хомутовой. На этомъ имѣніи, а также по имѣ-

ратору „...я одной смерти себѣ желаю и ищу, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься..... .....Друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю куда еще осиротѣвшую свою голову преклоню; но отсюда уѣду..."

Быстро производилось это первое слѣдствіе, и мы ограничимся пока короткимъ изложеніемъ добытыхъ имъ результатовъ.

Орудіе убійства — кухонный ножъ оказался принадлежащимъ Василью Антонову. Осмотрѣли Антонова; все платье и руки его были въ крови. Улика на лицо и запираться нельзя.

II.

Оказалось, что Шумская жестоко наказывала Прасковью Антонову и прочихъ дѣвокъ, что, недѣли за три до совершенія преступленія, составился заговоръ на жизнь Шумской, въ которомъ участвовали, кромѣ убійцы Василья Антонова и содѣйствовавшей ему въ преступленіи сестры его Прасковьи, комнатныя дѣвушки Ивановы: Татьяна, 17 лѣтъ, и Ѳедосья, 19 лѣтъ, дворовая женщина Дарья Константинова, 30 лѣтъ, кантонистъ Илья Протопоповъ, и что про заговоръ знали: несовершеннолѣтній братъ Антоновыхъ, Николай да дворовая же Елена Фомина, 48 л. Василій Антоновъ съ сестрою и Ивановы добровольно сознались, и изъ нихъ трое оговорили Дарью Константинову, что она была согласна на убійство и обѣщала за то Василью Антонову 500 руб. Впрочемъ, Константинова созналась тогда только въ знаніи о намѣреніяхъ преступниковъ и въ передачѣ о томъ Еленѣ Фоминой. Елена же утверждала, что хотя и слышала отъ Константиновой о намѣреніи прочихъ убить Шумскую, но не объявила с слышанномъ, не надѣясь, что преступленіе совершится.

Кантонистъ Протопоповъ преданъ военному суду, несовершеннолѣтній Николай Антоновъ отосланъ въ совѣстный судъ, а о прочихъ шести подсудимыхъ дѣло поступило въ новгородскій уѣздный судъ. Оттуда перешло въ новгородскую уголовную палату и здѣсь, 5 октября, состоялся приговоръ о шести подсудимыхъ. Приговоръ утвержденъ согласіемъ губернатора Жеребцова и, 8 октября того года, обращенъ къ исполненію въ губернское правленіе.

Вскорѣ, однакожъ, исполненіе приговора палаты было пріостановлено губернаторомъ. 9 октября, новгородскій земскій исправникъ Лялинъ объявилъ Жеребцову, что замѣтилъ по виду беременность пре-

---

нію въ Винной Рѣчкѣ, оказались запрещенія изъ 55 на 32 душахъ, по принятію, въ 1829 году, графинею долговъ своей матери по нѣсколькимъ займамъ, всего на 3,224 р. 50 к., и выдача свидѣтельства не состоялась. (Изъ арх. 1 деп. СПБургской гражд. пал.). А. П.

ступницы Дарьи Константиновой, которая это отрицаетъ, что тоже замѣтилъ и засѣдатель уголовной палаты Мусинъ-Пушкинъ. Потому, въ виду того, что она осуждена къ наказанію кнутомъ, исправникъ счелъ себя обязаннымъ, по должности, предостеречь губернатора, чтобъ впослѣдствіи не подпасть подъ отвѣтственность.

Между тѣмъ, графъ Аракчеевъ получилъ, 1 октября, высочайшій рескриптъ, посланный изъ Таганрога 22 сентября 1825 г. Государь писалъ къ Аракчееву*):

„Любезный другъ!

„Нѣсколько часовъ, какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе о ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя. Сердце мое чувствуетъ все то, что твое должно ощущать. Но, другъ мой! отчаяніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Предайся слѣпо его святой волѣ. Вотъ единая отрада, одно успокоеніе, которое въ подобномъ несчастіи я могу тебѣ указать. Другихъ не существуетъ, по моему убѣжденію. Искренно раздѣляю я печаль твою, я живо воображаю себѣ все, что въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойдти. Твое положеніе. твоя печаль, крайне меня поразила. Даже мое собственное здоровье сильно оное почувствовало. Но, еще разъ, тебѣ повторяю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ, отчаяніе есть грѣхъ, и сильный грѣхъ. Покорность совершенная волѣ Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе должны мы преклонить главы наши, съ умиленіемъ и повиновеніемъ его святой волѣ. Покорись ей, и Богъ самъ тебя поддержитъ, тебя подкрѣпитъ. Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь куда ѣхать? Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искренно любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь ты жить, какъ самъ расположишь. Бесѣда съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько тебя смягчитъ. Но, заклинаю тебя всѣмъ, что есть свято, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далекъ отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все нужное время, на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ своихъ силъ. Вспомни, сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оное довершенія. Я Бога усердно прошу, чтобы онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье и вселилъ бы въ тебя необходимую твердость, съ повиновеніемъ его святой волѣ. Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показаніе преступниковъ и твое по всему оному предположеніе. Объяви губер-

*) Письмо это напечатано въ сенатской запискѣ—на стр. 49 и 50.

натору мою волю, чтобы старался дойдти всѣми мѣрами: не было ли какихъ тайныхъ направленій или подущеній. Любезный другъ, жаль мнѣ, выше всякаго изреченія, твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ, что оно должно чувствовать, и скорблю съ нимъ искренно! Прощай любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга, и вѣрнаго тебѣ друга".

Аракчеевъ, въ день полученія письма, отвѣчалъ государю: „...Приношу за оное сыновнюю мою благодарность и цѣлую ваши ручки.... Біеніе сердца, ежедневная лихорадка и три недѣли не имѣю ни одной ночи покою, а единая тоска, унынie и отчаянie, все оное привело меня въ такую слабость, что я потерялъ совсѣмъ память...

„Прилагаемое письмо преосвященнаго митрополита покажетъ вамъ болѣе мое положеніе ...

„Преступники семь человѣкъ отосланы къ законному суду; легко можетъ быть, батюшка, сдѣлано сіе происшествіе и отъ посторонняго вліянія, дабы сдѣлать меня неспособнымъ служить вамъ и исполнять свято вашу, батюшка, волю, а при томъ, по стеченью обстоятельствъ, можно еще кажется заключать, что смертоубійца имѣлъ помышленіе и обо мнѣ. Но Богу угодно было видно за грѣхи мои меня оставить на мученіе"...

Вслѣдъ за тѣмъ, императоръ Александръ Павловичъ отправилъ изъ Таганрога къ Аракчееву начальника штаба отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, генералъ-майора Клейнмихеля, съ новымъ рескриптомъ отъ 3 октября.

Государь писалъ:

„Твое здоровье, любезный другъ, душевное и тѣлесное, послѣ таковаго несчастія, крайне меня безпокоитъ. Я нарочно вызвалъ сюда Петра Андреевича Клейнмихеля, человѣка тебѣ преданнаго, дабы съ нимъ посовѣтоваться на счетъ твоего положенія, и, по довольномъ разсужденіи, положили мы, чтобы ему отложить, до другаго времени, осмотръ войскъ, находящихся подъ начальствомъ гр. Витта, дабы могъ онъ возвратиться немедленно къ тебѣ.

„А я буду имѣть возможность, получать подробное свѣдѣніе какъ о твоемъ здоровьѣ, такъ и о подробностяхъ всего несчастнаго приключенія. Признаюсь тебѣ, мнѣ крайне прискорбно, что Даллеръ ни одной строки о тебѣ не пишетъ, когда прежде, онъ всякой разъ исправно извѣщалъ о твоемъ здоровьѣ.

„Неужели тебѣ не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ находиться о тебя, въ такую важную минуту твоей жизни? Грѣшно тебѣ забыть друга любящаго тебя столь ис-

кренно и такъ давно! и еще грѣшнѣе усумниться въ его участіи въ твоей печали.

„Убѣдительно тебя прошу, любезный другъ, если самъ не въ силахъ, то прикажи меня подробно извѣщать на свой счетъ, я въ сильномъ безпокойствѣ, — на вѣкъ искренно тебя любящій Александръ".

Въ тоже время императоръ Александръ отправилъ къ архимандриту Фотію слѣдующее письмо:

„Отецъ архимандритъ Фотій! По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ, графъ Алексѣй Андреевичъ, послѣ несчастія, его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянія. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ добродѣтелямъ вашимъ, я увѣренъ, что вы, съ помощію Всевышняго, много можете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпя ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ; ибо служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества *).

„Христіянинъ обязанъ съ покорностію переносить удары, рукою господнею ему наносимыя.

„Мы всѣ въ волѣ его.

„Испрашивая благословенія вашего, поручаю себя молитвамъ вашимъ. Александръ".

„Письмо сіе хранить въ тайнѣ".

Въ Новгородѣ, Клейнмихель, сначала словесно, а потомъ и письменно, предъявилъ губернатору о данномъ ему высочайшемъ повелѣніи, доводить до свѣдѣнія его величества, какъ объ успѣхѣ слѣдствія, производимаго объ убійствѣ Шумской, такъ и о подробностяхъ его и о наблюденіи, чтобы дѣло изслѣдовано было со всею строгостію. Клейнмихель прибылъ къ Аракчееву 13 октября, а на другой день графъ препроводилъ къ Жеребцову копію съ рескрипта 22 сентября и писалъ:

„Сего мѣсяца 1 числа получилъ я изъ Таганрога собственноручный его императорскаго величества рескриптъ, 22 прошедшаго сентября писанный, въ коемъ государю императору благоугодно было возложить на меня объявленіе высочайшей воли, въ оном рескриптѣ означенной, по поводу случившагося въ Грузинѣ истекшаго 10 сентября смертоубійства. Слабое состояніе моего здоровья препятствовало мнѣ по сіе время оное исполнить; по прибытіи же начальника штаба Клейнмихеля, нарочно ко мнѣ государемъ императоромъ отправленнаго, узналъ я отъ него лично, что неизмѣнная воля всемилостивѣйшаго государя императора есть, дабы дѣло сіе было изслѣдовано со

*) Въ доставленномъ Н. П. Степановымъ спискѣ съ письма, слова, напечатанныя разрядкой, подчеркнуты.

всею строгостію, что самое начальникъ штаба Клейнмихель въ проѣздъ свой вамъ лично объявилъ. Вслѣдствіе чего, спѣшу предроводить къ вамъ копію съ вышеупомянутаго высочайшаго рескрипта, дабы онъ имѣлъ уже полное право наблюдать за ходомъ сего дѣла, сходно съ высочайшею волею, въ рескриптѣ упоминаемою".

Второй рескриптъ не былъ оффиціально сообщенъ Жеребцову, но, также какъ и письмо къ Фотію, не оставался для него тайной. На спискахъ съ этихъ писемъ, доставленныхъ Н. П. Степановымъ, находятся надписи „вѣрно: графъ Аракчеевъ. Съ копіи взялъ дѣйств. ст. сов. Жеребцовъ."

На второй рескриптъ Аракчеевъ отвѣчалъ 14 октября: „...Я, благодѣтель и отецъ мой, виноватъ передъ тобою, грѣшилъ и думалъ, что въ царскомъ званіи не можно такъ отечески заняться своимъ подданнымъ. О моемъ положеніи донесетъ вамъ добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель"...

III.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію дальнѣйшаго хода дѣла приведемъ нѣсколько свѣдѣній о Жеребцовѣ изъ его формулярнаго списка. Они дадутъ намъ достаточное понятіе о томъ, чего можно было ожидать отъ человѣка, котораго дѣятельность, во время бытности его губернаторомъ, почти вся обращена была на занятія по устройству военнаго поселенія. Угождая тѣмъ Аракчееву, Жеребцовъ получалъ награды, а губерніею управлялъ самовластно.

Дмитрій Сергѣевичъ Жеребцовъ опредѣленъ былъ новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ 26 августа 1818 года, съ производствомъ въ статскіе совѣтники; 26 апрѣля 1820 года объявлена была ему, чрезъ графа Аракчеева, совершенная благодарность государя за справедливыя дѣйствія по производству слѣдствія, о претензіяхъ старорусскихъ крестьянъ на квартировавшіе у нихъ нѣкоторые изъ батальоновъ 2-ой и 3-ей гренадерскихъ дивизій, и за усердіе къ пользамъ службы.

Въ томъ же году, за ревностную службу пожалованъ дѣйств. статск. сов. Въ 1822 году, порученъ былъ собственному его распоряженію сплавъ бревенъ и дровъ въ округи военнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи. Въ 1823 году, назначенъ предсѣдателемъ комитета, которому поручена была покупка и наемъ пожень одному изъ полковъ округа военнаго поселенія. За усердное исполненіе порученій по военному поселенію и труды по званію губернатора, получилъ, въ 1823 году, орденъ Владиміра 2 степени и, въ 1824 году, Анны 1 степени.

Изъ произведенной же, въ 1827 году, сенаторомъ Барановымъ ревизіи Новгородской губерніи видно, что дѣла, въ теченіи 8-лѣтняго управленія Жеребцова губерніею, доведены были имъ до крайняго раз-

стройства. Такъ, онъ отдѣлилъ часть управленія губерніею въ собственную канцелярію, а тѣмъ ослабилъ власть губернскаго правленія и обременилъ свою канцелярію множествомъ дѣлъ, такъ что бумаги, по нѣскольку лѣтъ, оставались безъ отвѣта, а просьбы лежали, во множествѣ, безъ всякаго дѣйствія. Преемнику своему онъ оставилъ нерѣшенными по канцеляріи 2,700 дѣлъ, въ томъ числѣ до тысячи дѣлъ, полученныхъ Жеребцовымъ отъ предмѣстниковъ. Хотя по журналамъ правленія его показывали ежедневно присутствующимъ, но послѣдній изъ бывшихъ при немъ прокуроровъ удостовѣрилъ, что, въ теченіи 10 мѣсяцовъ, Жеребцовъ былъ въ правленіи одинъ только разъ. Не приводя другихъ безпорядковъ, замѣченныхъ при ревизіи, упомянемъ еще, что, удвоивая чрезъ каждое трехлѣтіе смѣтныя суммы по земскимъ повинностямъ, онъ скопилъ остатки, будто-бы отъ экономіи, и исходатайствовалъ, чрезъ графа Аракчеева, высочайшее повелѣніе объ обращеніи части суммы на казенныя постройки въ Новгородѣ, но, вмѣсто того, 223,041 р. 64 к. передалъ въ приказъ общественнаго призрѣнія.

IV.

Жеребцовъ передалъ Клейнмихелю, этому „преданному графу человѣку“ *), содержаніе рѣшенія палаты о первыхъ приговоренныхъ 6-ти преступникахъ, а также о докладѣ исправника Лялина относительно беременности Дарьи Константиновой. О всемъ этомъ было донесено государю, при чемъ заявленіе Лялина истолковано было, какъ ходатайство со стороны его и засѣдателя Мусина-Пушкина за преступницу.

Тогда же, Жеребцовъ самъ пріѣзжалъ въ Грузино развѣдывать подробности происшествія и пришелъ къ убѣжденію, что не строгость обращенія съ дворовыми людьми села Грузина влекла ихъ въ преступленіе, потому что многіе, и даже главные возмутители, получали богатое жалованье и хорошее содержаніе, пользовались разными выгодами отъ господина и особенною благосклонностію Шумской. Жеребцовъ полагалъ, что заговоръ дворовыхъ людей на жизнь Шумской возбужденъ былъ отъ сторонннихъ лицъ тайнымъ внушеніемъ, за вѣрность ея въ управленіи домомъ и неусыпное попеченіе къ охраненію здоровья графа, занимавшаго тогда важнѣйшія въ государствѣ должности. Взысканная милостію Шумской, Дарья Константинова, по взгляду губернатора, главная виновница преступленія, такъ какъ склоняла на это другихъ; слѣдовательно, при отсутствіи причинъ для личной злобы на Шумскую, она была орудіемъ замысловъ дру-

*) Такъ Жеребцовъ, повидимому, со словъ государя въ письмѣ къ Аракчееву отъ 3 октября, называетъ Клейнмихеля въ объясненіи сенату. А. П.

гихъ лицъ, по дѣлу еще необнаруженныхъ, которыя и ходатайствуютъ объ избавленіи ея отъ наказанія, или, по крайней мѣрѣ, объ отсрочкѣ его, подъ предлогомъ беременности.

Сверхъ того, Жеребцовъ находилъ, что, кромѣ открытыхъ убійцъ, остались необнаруженными еще многіе изъ соучастниковъ преступленія, и, 15 октября, далъ совѣтнику Псковитинову предписаніе объ изслѣдованіи вновь дѣла слѣдственною комиссіею. Наблюдать за дѣйствіями ея было предоставлено Клейнмихелю.

„...Здоровье мое, батюшка, плохо, о чемъ изволите узнать изъ Даллерова письма..... хочу переѣхать въ Новгородъ, дабы тамъ пожить въ уединеніи ближе къ Фотію....

„Добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель живетъ въ Новгородѣ и занимается слѣдствіемъ дѣла, забравъ отъ меня почти всѣхъ дворовыхъ людей, а именно 22 человѣка„, писалъ 27 октября Аракчеевъ Александру I, посылая „подробное описаніе бывшаго въ Грузинскомъ домѣ злодѣянія“. Описаніе написано Шумскимъ, подъ диктовку его мнимаго отца Аракчева.

Общее обозрѣніе дѣла, въ связи обоихъ слѣдствій, представляетъ слѣдующіе результаты.

V.

Тяжела была расправа Шумской съ дворовыми въ селѣ Грузинѣ. Водили ихъ, даже дворовыхъ дѣвушекъ, наказывать розгами и батогами раза по два въ день; сажали, для смиренія, въ особое строеніе на дворѣ, что-то въ родѣ домашней тюрьмы, извѣстное подъ названіемъ едикуль; а иногда, недовольствуясь зависившими отъ нея исправительными мѣрами, Шумская докладывала о провинившихся графу, и тогда прогнѣвившій Настасью Ѳедоровну уже не ждалъ для себя никакого снисхожденія.

Было средство заслужить расположеніе Шумской. Это—наговаривать ей на другихъ дворовыхъ, и тѣмъ подводить ихъ подъ наказаніе. Иногда прибѣгалъ къ такому средству кухмистеръ Иванъ Аникіевъ. По жалобѣ его, наказанъ былъ поваренокъ Василій Антоновъ. Впрочемъ, Аникіевъ освобожденъ былъ отъ истязаній только лично. Дочь его Татьяна не пользовалась такимъ исключеніемъ.

Татьяна съ Прасковьей Антоновой и Ѳедосьей Ивановой имѣли несчастіе быть комнатными дѣвушками Шумской. То ли, что гнѣвъ Шумской, по преимуществу, обрушивался на находящихся при ней, или онѣ, по молодости своей, не были настолько выносливы какъ другія, довело ихъ до того, что онѣ, изъ первыхъ, потеряли всякое терпѣніе. Еще въ 1821 году, онѣ уже покушались на убійство Шумской. У этихъ почти дѣтей,—не забудемъ, что старшей изъ нихъ, Прасковьѣ, было

тогда 17, а младшей, Татьянѣ, 13 лѣтъ,—нашлось и подручное средство и 16-ти-лѣтній сообщникъ. Отыскали въ кладовой мышьякъ и передали брату Прасковьи—Василью; а онъ—приготовляя соусъ для Шумской, положилъ туда отраву.

Ничего не зная объ этомъ, кухмистеръ Аникіевъ подалъ кушанье. Шумская почувствовала тошноту и нѣсколько дней была больна, но вылечилась.

Были и еще такія же покушенія, оставшіяся безъ успѣха, и съ тѣхъ поръ Шумская, подозрѣвая, что ее хотятъ отравить, сдѣлалась весьма осторожна въ принятіи пищи. Это было для нея весьма кстати. Ѳедосьѣ сочувствовала крестьянка села Грузина, Прасковья Семенова, а у ней былъ любовникъ, фельдшеръ госпиталя военнаго поселенія Ивановъ. Отъ него Семенова получала ядовитыя вещества и передавала ихъ Ѳедосьѣ.

Видя неудачу, обратились къ колдунамъ и ворожбѣ. Мать Семеновой, Василиса Родіонова завела сношенія съ деревенскими колдунами. Они тоже давали какія-то средства, которыя Родіонова, черезъ дочь, отсылала Ѳедосьѣ.

Также старалась и мать дѣвушки Прасковьи—Наталья Кононова. Дала она дочери корешки „плакучей травы“; зашили ихъ въ тюфякъ Шумской, авось трава умягчитъ строгость ея. И это средство не помогло! Съ горестью смотрѣлъ кухмистеръ Иванъ Аникіевъ, какъ водили наказывать комнатныхъ дѣвушекъ, а въ числѣ ихъ и Татьяну, дочь его. У него невольно вырывалось:

— „Какъ онѣ терпятъ; если бы меня наказывали, я бы утопился, или что-нибудь сдѣлалъ надъ собою“.

Сочувствовала дѣвушкамъ и старшая надъ ними Аксинья Семенова. Она говаривала имъ:

— „Какъ бы избавиться отъ Шумской, хоть бы кто убилъ ее!“.

Много перенесъ отъ Шумской исправляющій должность полиціймейстера, дворовой человѣкъ Синицынъ и кончилъ тѣмъ, что утопился, въ 1824 году.

Лѣтомъ того же года дворовой Василій Соцкій бранилъ разъ Шумскую передъ дворней:

„Чтобы собраться всѣмъ и отодрать ее розгами!“ говорилъ Соцкій.

— Если это сдѣлаемъ, то графъ всѣхъ высѣчетъ—отозвался ему слесарь Ѳедоръ Горлановъ!

Хорошо, казалось бы, жить дворовому Семену Алексѣеву и женѣ его Дарьѣ Константиновой. Семенъ, управляющій мірскимъ банкомъ села Грузина, получаетъ болѣе тысячи рублей жалованья и отличное

содержаніе, пользуется особенными милостями отъ графа; жена смотритъ за прачками. Сама Шумская крестила у нихъ дѣтей, и жили они въ особой комнатѣ, во флигелѣ напротивъ того, въ которомъ помѣщалась Шумская. Но, въ іюлѣ 1824 года, Настасья прогнѣвалась за что-то на Дарью. Отослали ее въ Петербургъ и отдали, беременную, въ прачки военно-сиротскаго дома. Дарья захворала и изъ сиротскаго дома была перемѣщена въ госпиталь. Родился у Дарьи ребенокъ; его отобрали и отослали къ мужу въ Грузино. Выздоровѣвшую Дарью Шумская удержала въ петербургскомъ домѣ графа до апрѣля 1825 года. Тамъ находилась тогда и Шумская съ своимъ штатомъ.

Горе взяло бѣдную Дарью, сошлась она съ горемыкой же Прасковьей Антоновой, и обѣ стали подговаривать поваровъ: брата Прасковьи — Василья и „обучавшагося въ домѣ Аракчеева поваренному искуству“ кантониста Протопопова, какъ бы убить Шумскую.

„Въ Петербургѣ нельзя, а въ Грузинѣ точно выполню“, отозвался Протопоповъ.

Шумская воротилась въ Грузино, и тѣже три ея дѣвушки вмѣстѣ съ Дарьей, которая прятала у себя въ комнатѣ ядъ, опять покушались отравить Настасью. Снова неудача, и дѣвушки стали упрашивать Василья Антонова исполнить обѣщаніе, жалуясь на строгости Шумской. Василій слышалъ и отъ прочихъ дворовыхъ ропотъ на жестокости Шумской, а также желаніе ихъ, чтобъ ее убилъ кто-нибудь, и самъ не скрывалъ, что не прочь былъ ее зарѣзать.

Весной же того года дворовые Никифоръ Савельевъ, Козьма Степановъ, Василій Соцкій, Николай Николаевъ, Матвѣй Яковлевъ и садовникъ Матвѣй Константиновъ часто сходились между собою; предметъ разговора былъ все одинъ и тотъ же: „терпѣнья недостаетъ отъ Шумской, крѣпко наказываетъ, хотя бы кто-нибудь убилъ ее“.

Въ маѣ или іюнѣ 1825 г., управляющій банкомъ Семенъ Алексѣевъ бранилъ помощника казначея Петра Ухватова, за то, что тотъ не успѣлъ приготовить писемъ для Шумской. Ухватовъ сказалъ на это:

„Какъ бы избавиться ея!“

Да и не одинъ Василій былъ готовъ убить Шумскую. Слесарь Ѳедоръ Горлановъ, весною 1825 года, разговаривалъ разъ съ теткою Прасковьей Родіоновой о строгости Шумской. Тетка сказала ему:

„Что долго Шумскую не изведутъ? хоть бы кто ее зарѣзалъ“.

Понравилась Горланову эта мысль. 15 августа разговорился онъ съ садовникомъ Савельевымъ и кузнецомъ Филимоновымъ о Шумской, и пообѣщалъ застрѣлить ее изъ ружья.

Вздумалось Шумской осмотрѣть у дворецкаго Стромилова погребъ; отправилась туда съ Стромиловымъ и нашла безпорядки. Дважды былъ наказанъ за это дворецкій, да еще пригрозила ему Шумская, что представитъ его графу, также, для наказанія. Но неудалось исполнить свою угрозу домоправительницѣ: Стромиловъ зарѣзался. Это было 17 августа 1825 года.

Случай съ дворецкимъ произвелъ сильное впечатлѣніе почти на всѣхъ служащихъ при домѣ Аракчеева. На другой день, рощущая дворня собралась на господской кухнѣ. Были тутъ: управляющій банкомъ Семенъ Алексѣевъ, дворецкій Иванъ Малышъ, казначей Иванъ Пупта, кухмистеръ Иванъ Аникіевъ, поваръ Тимоѳей Лупаловъ, кандитеръ Николай Николаевъ, поваренки Василій Антоновъ и кантонистъ Протопоповъ. По поводу происшествія много было разговоровъ, и Семенъ Алексѣевъ сказалъ:

„Стромиловъ самъ себя погубилъ; онъ бы лучше убилъ Шумскую, когда она была съ нимъ въ погребѣ, а потомъ бы и самъ зарѣзался и заставилъ бы за себя вѣчно Бога молить."

Съ этимъ согласились и прочіе.

Въ другомъ собравшемся кружкѣ, гдѣ находились слесарь Горлановъ, садовникъ Константиновъ, хлѣбникъ Горынинъ, помощникъ казначея Ухватовъ и еще 9 человѣкъ, разговоры покончились такимъ же выводомъ. Такіе же толки шли потомъ часто между дворовыми въ парадныхъ сѣняхъ дома Аракчеева.

Встрѣтился садовникъ Константиновъ съ Васильемъ Антоновымъ и передалъ ему нерадостную вѣсть, что Шумская бранила брата Василья, Николая, за шалости и хочетъ выписать отца ихъ, чтобы поучить.

— Если отца выпишутъ и будутъ наказывать, то непремѣнно убью Шумскую, сказалъ Василій.

— Стоитъ того, и приходитъ къ тому время,—отвѣтилъ ему садовникъ, сильно озлобленный на гонительницу дворовыхъ.

О томъ, что хочетъ убить Шумскую, Василій передавалъ хлѣбнику Горынину, и тотъ, потомъ, не разъ спрашивалъ Василья: скоро ли онъ исполнитъ свое обѣщаніе? Зналъ и одобрялъ это намѣреніе Антонова также слесарь Горлановъ.

— Что-нибудь надо сдѣлать съ Шумскою, задушить ее— говаривалъ Антоновъ повару Тимоѳею Лупалову.

Поваръ подтверждалъ ему тоже.

Между тѣмъ, Шумская продолжала по прежнему мучить своихъ дѣвокъ. Прасковью жестоко сѣкли по два раза въ день. Доста-

лось ей тутъ и за связь съ 23-лѣтнимъ дворецкимъ Иваномъ Малышемъ.

— Нѣтъ терпѣнія, утоплюсь или удавлюсь, — говаривала послѣ наказанья Прасковья.

— Когда бы избавиться отъ Шумской, хоть бы кто убилъ ее, — твердила на это, по прежнему, старшая дѣвушка Аксинья.

— Что за мука такая!—восклицала она же, передавая Николаю Антонову о томъ, какъ наказываютъ ея подначальныхъ.

— Нынѣшняго лѣта случится не такихъ хлопотъ, а еще лучше— сказала однажды Аксинья Василью, послѣ смерти Стромилова, разумѣя подъ этимъ обѣщаніе сестры его утопиться или зарѣзаться.

Прасковья продолжала жаловаться брату Василью на свои терзанія.

— Зарѣжу Шумскую, только ты прими это на себя, а на меня не показывай,—наконецъ отвѣтилъ ей братъ.

Прасковья согласилась.

Намѣреніе Василья не было тайной для многихъ. Знали о немъ братъ Николай, Протопоповъ, Татьяна и Ѳедосья Ивановы, Дарья Константинова..... Дарья сказывала это крестьянкѣ Еленѣ Ѳоминой, но та не повѣрила ей, считая исполненіе предпріятія невозможнымъ. Тоже Дарья говорила и кандитеру Николаю Николаеву. Когда и самъ Василій передалъ ему о своемъ намѣреніи, Николаевъ совѣтовалъ Василью исполнить задуманное, а сестрѣ его Прасковьѣ, которая, также, вызывалась зарѣзать Шумскую, обѣщалъ третное свое жалованье.

Антоновъ показалъ при слѣдствіи, что Дарья обѣщала ему дать за убійство 500 рублей; но Константинова созналась въ томъ только, что сестра его, Прасковья, предлагала ей украсть для брата 200 р. изъ денегъ, находящихся въ рукахъ у мужа. Константинова хотя этого и не обѣщала, однакожъ и не отказала рѣшительно, чтобы не отвлечь Антонова отъ принятаго имъ намѣренія.

Какъ на знавшаго о заговорѣ на убійство, есть указаніе и на дворецкаго Малыша. Василій Антоновъ утверждалъ, что Малышъ говорилъ также:

„Кто бы убилъ Шумскую, тому послѣднюю рубашку бы отдалъ".

Малышъ въ этомъ не сознался.

По ранѣе данному кантонистомъ Протопоповымъ обѣщанію, Антоновъ подговаривалъ и его участвовать въ убійствѣ. Условились, по совершеніи преступленія, бѣжать, подъ видомъ отпущенныхъ солдатскихъ дѣтей, на родину Протопопова, въ Оренбургскую губернію, и спрашивали помощника казначея Ухватова, какъ даютъ билеты воен-

нымъ кантонистамъ, по указу ли его императорскаго величества, или Аракчеевъ выдаетъ ихъ отъ своего имени?

Ухватовъ отвѣтилъ, что билеты графъ даетъ отъ себя и спрашивалъ, не хотятъ ли они бѣжать? Антоновъ и Протопоповъ ничего на это не сказали.

Была въ селѣ Грузинѣ крестьянка Акулина Ануфріева. Не разъ она уже находилась въ бѣгахъ и хорошо знала тракты для бѣглыхъ. Къ ней-то Антоновъ обратился съ вопросомъ, какъ пробраться въ Оренбургскую губернію и разсказалъ о всѣхъ своихъ намѣреніяхъ.

— Если ты это сдѣлаешь, то много оставишь по себѣ богомольцевъ—отозвалась Ануфріева и показала ему трактъ къ побѣгу.

Оставалось выждать, чтобъ графъ уѣхалъ изъ Грузина.

6 сентября 1825 г. Аракчеевъ отправился въ военное поселеніе, а на другой день Прасковья Антонова, по приказанію Шумской, наказана была сначала розгами, а потомъ батогами; Татьяна же и Ѳедосья Ивановы посажены въ едикуль подъ стражу.

Сожалѣніе о сестрѣ еще болѣе возбудило рѣшимость Василья Антонова. Онъ понуждалъ ее сказать, когда будетъ удобно придти къ Шумской для убійства. Въ пособіи товарища своего по кухнѣ, Протопопова, онъ уже не нуждался.

10 сентября 1825 г., въ 6-мъ часу утра, Прасковья, придя въ комнаты Шумской, увидала, что она еще спитъ и тотчасъ извѣстила о томъ брата. Василій взялъ большой поварской ножъ и приготовился идти на задуманное дѣло. Прасковья побѣжала впередъ и выслала изъ комнатъ старшую дѣвку Аксинью Семенову, обманомъ сказавъ ей, будто Шумская велѣла узнать, собрались ли въ садъ садовники, Василій вошелъ въ спальню чрезъ отпертую Прасковьею дверь, нашелъ Шумскую спящею на канапе, схватилъ одною рукою за голову а другою ударилъ ножомъ по шеѣ. Очнувшись, Шумская долго сопротивлялась, удерживала ножъ, громко и пронзительно кричала, свалившись на полъ. Крику ея никто, какъ будто, и не слыхалъ, хотя рамы въ окнахъ были еще одинокія, а люди всѣ уже встали и занимались должностями. Залаяла-было собака Шумской, но Прасковья вынесла собаку въ другую комнату. Покончивъ съ Шумскою, Василій, уходя изъ ея комнатъ, второпяхъ оставилъ свой ножъ.

VI.

Одновременно съ дополнительнымъ производствомъ о виновныхъ въ убійствѣ, велось, по распоряженію губернатора, слѣдственною комиссіею дѣло по обвиненію исправника, штабсъ-капитана Василья Ля-

лина, и засѣдателя уголовной палаты, 9 класса Алексѣя Мусина-Пушкина, въ умышленномъ ходатайствѣ за преступницу Константинову.

Оба они удалены были отъ должностей при началѣ слѣдствія и, для предупрежденія между ними стачки, взяты особо подъ стражу. Лялинъ содержался болѣе двухъ мѣсяцевъ въ арестантской за желѣзной рѣшоткой, подъ строгимъ военнымъ карауломъ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній, относительно его пребыванія подъ арестомъ, мы не имѣемъ. Что-же касается Мусина-Пушкина, то онъ, въ отвѣтахъ своихъ, писалъ уголовной палатѣ и, потомъ, жаловался сенату, что послѣ допроса въ слѣдственной коммиссіи отведенъ былъ въ новгородскую полицію. Тамъ полиціймейстеръ Сиверсъ посадилъ его подъ строгій караулъ, не выпускалъ никуда въ теченіи двухъ недѣль, не оказывалъ никакого снисхожденія даже къ болѣзненному его состоянію. Содержался онъ „какъ самый злобный и осужденный преступникъ". Затѣмъ, Сиверсъ отвезъ Мусина-Пушкина подъ унтеръ-офицерскій караулъ, находившійся подъ командою полковника Кариѣева и зависившій отъ графа Аракчеева. Тутъ же содержались подъ карауломъ, почти вмѣстѣ съ Мусинымъ-Пушкинымъ, закованные люди Аракчеева. Ни обвиненія противъ Мусина, ни предписанія объ арестѣ ему не было объявлено. Содержали его, по приказанію Карнѣева, какъ и прочихъ арестантовъ; выпускали только по своей надобности и то за строгимъ карауломъ. Не разъ Пушкинъ спрашивалъ Карнѣева, за что его такъ наказываютъ, но получалъ въ отвѣтъ, что Карнѣеву все равно: что онъ, что другіе арестанты графа. Такъ содержали его девять недѣль, а потомъ, 23 декабря 1825 года, Сиверсъ отпустилъ его на квартиру, къ которой однакоже поставленъ былъ полиціею караулъ, чтобъ никуда не выпускать Пушкина изъ города. Новгородская полиція почти подтвердила, что̀ писалъ Пушкинъ. Изъ отзыва ея уголовной палатѣ видно, что Пушкинъ содержался съ 22 октября, по предписанію губернатора, въ теченіи не болѣе двухъ недѣль, при канцеляріи полиціи, а не въ арестантской; потомъ, по распоряженію слѣдственной коммисіи, по 23 декабря въ отдѣльной комнатѣ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ ранѣе было присутствіе земскаго суда. Тутъ, кромѣ его, никого арестантовъ не было, а нѣкоторые изъ людей графа содержались отдѣльно въ особенныхъ комнатахъ того же земскаго суда, за присмотромъ военнаго караула. Во все время содержанія своего, Пушкинъ имѣлъ при себѣ свою кровать, постель; къ нему безпрепятственно приносили съ квартиры пищу и онъ не терпѣлъ ни отъ кого угнетенія. Когда Пушкинъ, по распоряженію коммисіи, выпущенъ былъ изъ-подъ ареста въ свою квартиру, то полиція, по распоряженію же коммисіи, имѣла за нимъ надзоръ, чтобъ онъ не выѣхалъ самовольно

изъ города; но, при всемъ томъ, Мусинъ-Пушкинъ свободно выѣзжалъ въ свою усадьбу.

Много было употреблено стараній со стороны слѣдственной коммисіи, чтобъ открыть виновность этихъ чиновниковъ; у нихъ производились даже внезапные обыски въ домахъ, и у Мусина-Пушкина отобраны были собственныя его деньги. Коммисія имѣла, потомъ, въ виду высочайшее повелѣніе, сообщенное Клейнмихелемъ губернатору 2 ноября 1825 года:

„Имѣя высочайшее повелѣніе доводить до свѣдѣнія государя императора, какъ объ успѣхѣ слѣдствія, производимаго объ убійствѣ въ селѣ Грузинѣ Шумской, такъ и о подробностяхъ онаго—писалъ Клейнмихель Жеребцову—я доносилъ его императорскому величеству, объ извѣстномъ вашему прев-ву ходатайствѣ уголовной палаты дворянскаго засѣдателя Мусина-Пушкина и новгородскаго уѣзда исправника Лялина за преступницу женку Дарью Константинову, и получилъ монаршее повелѣніе, объявить вамъ, что государь императоръ повелѣваетъ вамъ, въ особенности, внимательно заняться розыскомъ сего дѣла и открыть: причины таковаго ходатайства и всѣхъ дѣйствующихъ въ ономъ лицъ".

Изслѣдованіе показало, что исправникъ, при производствѣ слѣдствія, не замѣтилъ, чтобъ которая-либо изъ преступницъ была беременна. Когда же переданъ былъ къ исполненію приговоръ палаты и исправнику предстояло исполненіе экзекуціи, пришелъ къ нему на домъ засѣдатель Мусинъ-Пушкинъ. Онъ передалъ, что, представляя въ палату для допросовъ Дарью Константинову, замѣтилъ, что она едва ли не беременна, и требовалъ чтобъ исправникъ тотчасъ шелъ и передалъ о томъ губернатору. Поводомъ къ этому поступку Мусинъ-Пушкинъ выказалъ желаніе предостеречь, по знакомству, исправника; самъ же не доложилъ присутствію палаты о замѣченномъ имъ за Константиновой, такъ какъ не былъ увѣренъ въ ея беременности.

Исправникъ, наканунѣ доклада губернатору, былъ въ тюрьмѣ и справлялся у Константиновой, дѣйствительно ли она беременна, чтобъ не подпасть, потомъ, отвѣтственности за несоблюденіе узаконенныхъ на такой случай правилъ. Константинова отозвалась, что не беременна, и исправникъ, недовѣряя ея показанію, сказалъ ей, что онъ замѣтилъ беременность ея по виду, а потому приведетъ ее къ присягѣ и для осмотра пришлетъ ученую повивальную бабку. По забывчивости, Лялинъ и Мусинъ-Пушкинъ, сначала, не объяснили въ точности время, когда засѣдатель приходилъ къ исправнику, а послѣдній былъ въ тюрьмѣ, и сказали это уже на очныхъ ставкахъ. Уголовная палата считала возможнымъ сдѣлать по этому дѣлу только строгое за-

мѣчаніе Лялину за неосновательное донесеніе Жеребцову, но какъ Лялинъ, сверхъ отрѣшенія отъ должности, болѣе двухъ мѣсяцевъ содержался подъ арестомъ, то и это обвиненіе на него оставила безъ заключенія. Губернаторъ не согласился съ такимъ рѣшеніемъ и заявилъ, что Лялинъ и Мусинъ-Пушкинъ, какъ недостойные довѣрія правительства, должны быть отрѣшены и не опредѣляемы ни къ какимъ должностямъ; но сенатъ нашелъ такое требованіе неосновательнымъ.

Къ дѣлу привлечены были коммисіею секретарь новгородскаго земскаго суда Лѣсковъ и смотритель острога коллежскій секретарь Михаилъ Татариновъ. Лѣсковъ по обвиненію въ дачѣ исправнику совѣта доложить губернатору о мнимой беременности Константиновой,— но для этого не оказалось по слѣдствію никакихъ данныхъ; а въ чемъ обвинялся Татариновъ, умершій до окончанія дѣла, не видно.

Передопросъ осужденныхъ преступниковъ и стремленіе слѣдственной коммисіи отыскать въ дѣлѣ объ убійствѣ Шумской не ту причину совершенія преступленія, какая дѣйствительно существовала, дало поводъ привлечь къ дѣлу еще трехъ лицъ.

Четыре преступницы показали, что къ нимъ приходили въ тюрьму двѣ вдовы: штабсъ-капитанша Марѳа Полозова и бывшая въ замужествѣ за дворовымъ человѣкомъ графа Аракчеева, дочь пономаря Анна Кочегарова. Полозова, сожалѣя о преступницахъ, по словамъ однихъ, сказала имъ:

„Какія вы молодыя! Молитесь Богу, васъ графъ проститъ“.

По словамъ другихъ, Полозова выразилась:

„Молитесь Богу, я буду стараться за васъ“.

Кочегарова, по прежнему знакомству, приносила преступницамъ булки и пироги. Сожалѣя объ ихъ участи, она плакала и говорила:

„Какъ вы такъ, бѣдныя, сдѣлали“.

Показалъ еще Семенъ Алексѣевъ, что, до взятія его подъ стражу, онъ просилъ ѣхавшихъ въ Новгородъ двоихъ крестьянъ села Грузина справиться объ участи его жены. Они справлялись у служившаго въ земскомъ судѣ мѣщанина Василья Сумина, который велѣлъ передать Алексѣеву, что жена его въ острогѣ, здорова, и дѣло объ ней и прочихъ участвующихъ поступитъ въ сенатъ.

Всѣ эти люди, по предписанію губернатора, были взяты подъ стражу, по обвиненію въ мнимомъ ходатайствѣ о преступникахъ.

При слѣдствіи, къ усиленію подозрѣнія на Полозову и Сумина получены были показанія и другихъ лицъ, спрошенныхъ безъ присяги;

сверхъ того, Полозова давала неосновательныя показанія о своемъ паспортѣ.

Палата оставила свободными отъ дѣла Сумина и Кочегарову и нашла, что Полозова, только за неосновательность въ отвѣтахъ, относительно письменнаго вида о себѣ, могла бы подвергнуться взысканію; но какъ она, во время производства дѣла, содержалась подъ стражею и тѣмъ наказана, то и это обстоятельство признала нужнымъ оставить безъ заключенія и освободить ее отъ суда, такъ какъ настоящее званіе ея нѣкоторымъ образомъ доказывается. Ей поставлено въ обязанность исходатайствовать себѣ паспортъ. Губернаторъ на рѣшеніе не возражалъ, и сенатъ призналъ его правильнымъ.

Итакъ, и дополнительными изслѣдованіями и запрещеннымъ закономъ передопросомъ осужденныхъ преступниковъ, не подтвердилась догадка Жеребцова, будто злоба убійцъ противъ Шумской была дѣйствіемъ секретныхъ происковъ стороннихъ лицъ, которыхъ цѣль состояла въ разстройствѣ порядка и общественнаго спокойствія.

„Невозможно предположить, какъ впослѣдствіи призналъ сенатъ, чтобы, изъ такого множества подсудимыхъ и при такой откровенности признаній, какая значится въ ихъ показаніяхъ, ни одинъ не рѣшился обнаружить наущеніе стороннихъ лицъ, если бы подлинно оно существовало, тѣмъ болѣе, что сего требовала собственная ихъ польза, дабы уменьшить степень вины своей и облегчить наказаніе.

„Возбужденіе этихъ изслѣдованій, замѣтилъ сенатъ, не имѣло тогда очевидныхъ основаній и послужило не столько къ обнаруженію настоящихъ, сколько къ увеличенію числа мнимыхъ преступниковъ, вовсе не стремившихся произвести какія-либо злобныя дѣйствія, но токмо нескромностію выраженій обнаруживавшихъ негодованіе, невольно возбужденное въ нихъ жестокимъ обращеніемъ Шумской, и потому, отнюдь, не заслуживавшее строгаго преслѣдованія“.

VII.

Какъ при слѣдствіи, такъ и при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла былъ нарушенъ законный порядокъ. Слѣдственная коммисія, за дѣйствіями которой слѣдилъ или, вѣрнѣе, которою руководилъ Клейнмихель, уполномоченный доносить государю, раздѣлила свое производство на части, заключающія не болѣе 6 подсудимыхъ. Части эти коммисія, съ своими обвиненіями, представляла къ губернатору, а онъ, подтверждая обвиненія, передавалъ дѣла по частямъ, чрезъ губернское правленіе, на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ, и тѣ рѣшали дѣло по частямъ же, хотя имѣли въ виду сообщеніе губернатора, что о прочихъ обвиняемыхъ слѣдствіе еще не кончено. Затѣмъ, губернаторъ утверждалъ рѣшеніе и

обращалъ его къ исполненію. Такихъ производствъ было семь. Этимъ обойденъ былъ законъ, требующій, чтобъ дѣла болѣе чѣмъ о 9 подсудимыхъ, подлежащихъ наказанію, были представляемы чрезъ сенатъ и комитетъ министровъ на высочайшее утвержденіе. Что же касается до закона о представленіи судебными мѣстами въ сенатъ дѣлъ, по которымъ состоялись высочайшія повелѣнія,—то, въ отстраненіе его, губернаторъ не сообщилъ уголовной палатѣ именныхъ повелѣній. Кромѣ того, замѣтилъ сенатъ, при множествѣ оговоренныхъ подсудимыми въ общемъ съ ними ропотѣ на Шумскую и заявленіи желанія, чтобъ она была убита, спрошены при слѣдствіи, подвергнуты суду и наказанію только нѣкоторые изъ дворовыхъ и, большею частію, тѣ, о которыхъ графъ Аракчеевъ писалъ къ Жеребцову, что имѣть ихъ не желаетъ.

Первою поступила къ судебному разсмотрѣнію часть дѣла объ управлявшемъ мірскимъ банкомъ Семенѣ Алексѣевѣ, бухмистерѣ Иванѣ Аникіевѣ, дворецкомъ Иванѣ Малышѣ, казначеѣ Иванѣ Пуптѣ, кандитерѣ Николаѣ Николаевѣ и поварѣ Тимоѳеѣ Лупаловѣ.

Въ рѣшеніи 8 декабря 1825 года, уголовная палата приняла въ основаніе во всемъ пространствѣ обвиненія слѣдственной коммисіи, подтвержденныя въ предложеніяхъ губернатора губернскому правленію.

Семенъ Алексѣевъ, 34 лѣтъ, былъ обвиненъ въ томъ, что онъ, пользуясь особенными милостями графа и Шумской, а также большимъ содержаніемъ, не только не имѣлъ за прочими людьми, вообще уважавшими его, должнаго надзора, не предотвращалъ и не доносилъ о происходившей между ними, такъ сказать, готовности на убійство Шумской, но даже самъ отваживался изъявлять желаніе, чтобъ она была умерщвлена. Говорилъ объ этомъ, *какъ замѣтно**), съ умысломъ, при неоднократныхъ сходбищахъ людей, и тѣмъ возбуждалъ имѣвшихъ намѣреніе убить. Слыша это отъ такого человѣка, который считался за перваго надъ ними во дворѣ, они уже не опасались исполнить свое намѣреніе. Преступныя ихъ дѣйствія наводятъ большое подозрѣніе и въ томъ, что Алексѣевъ *могъ знать* даже и о рѣшительномъ намѣреніи на убійство, потому что въ этомъ злодѣйствѣ участвовала жена его Дарья Константинова, принимавшая къ себѣ и прежде того отъ Прасковьи Антоновой и Ѳедосьи Ивановой ядъ, которымъ была отравляема Шумская, о чемъ Алексѣевъ *будто бы* и не зналъ. Жена, безъ согласія его, *едва ли бы* согласилась обѣщать Антонову за убійство Шумской 500 руб. и *если бы* онъ не участвовалъ во всемъ этомъ, то, *конечно бы*, донесъ о томъ

*) Здѣсь и въ слѣдующихъ далѣе строкахъ напечатанныя разрядкой слова въ рѣшеніи сената напечатаны курсивомъ.

графу Аракчееву. Напротивъ того, злодѣйство было попущаемо имъ, и единственно для скорѣйшаго приведенія намѣренія въ исполненіе, съ тѣмъ, по видимому, чтобъ оно было совершено помимо его. За все это, дабы и другимъ не было повадно такъ поступать и попущать на убійство, палата приговорила наказать его кнутомъ, 90 ударами, и, потомъ, отослать скованнаго въ Тобольскъ на разсмотрѣніе тамошняго начальства, съ тѣмъ чтобы онъ содержанъ былъ строжайшимъ образомъ, какъ за непосредственное подущеніе убійцъ къ исполненію злодѣйства, такъ и потому, что онъ слѣдственной комисіею обнаруженъ въ вольнодумствѣ.

Впослѣдствіи, сенатъ призналъ, что все преступленіе Алексѣева состояло только въ томъ, что онъ, хотя и видѣлъ собрата своего Стромилова зарѣзавшагося отъ жестокости Шумской, но долженъ былъ воздержаться отъ явнаго на нея негодованія и отнюдь не ослабѣвать въ терпѣливомъ ей повиновеніи, которое требуется отъ подвластныхъ. Оно заставило бы Ухватова опасаться произносить при немъ слова, обозначавшія злобу противъ Шумской, а жену Дарью говорить мужу, что она недовольна Шумской, за опредѣленіе ее въ Петербургѣ въ прачечную работу. Рѣшеніе же палаты, чтобъ Алексѣева, по наказаніи, отослать въ Тобольскъ на разсмотрѣніе тамошняго начальства, съ тѣмъ чтобы его и тамъ содержать строжайшимъ образомъ, заключало такую неопредѣлительность и, съ тѣмъ вмѣстѣ, особую для него мѣру наказанія, на которую не только нѣтъ закона, но даже и примѣра.

Кухмистеръ Аникіевъ, 48 лѣтъ, обвиненъ въ томъ, что онъ не только въ виду своемъ попущалъ производить въ кухнѣ всѣ совѣщанія и предположенія на убійство Шумской, но и самъ дѣйствовалъ явно къ возбужденію убійцъ на исполненіе ихъ намѣренія, а пользуясь несправедливыми на поваровъ доносами, нарочно подвергалъ ихъ наказанію. Этимъ озлоблялъ ихъ противъ Шумской, оставаясь самъ ненаказываемымъ. Когда же Шумская взыскивала съ его дочери Татьяны и прочихъ дѣвокъ, то говорилъ имъ: „какъ они это терпятъ и что онъ, на ихъ мѣстѣ, утопился бы, или что-нибудь надъ собою сдѣлалъ“. Это, повидимому, еще болѣе усилило въ намѣревавшихся злость, и потому невѣроятно, чтобы онъ и не участвовалъ въ заговорѣ, или не зналъ о томъ отъ дочери. При томъ же, Аникіевъ подавалъ Шумской такое кушанье, въ которомъ былъ положенъ Антоновымъ ядъ, и сомнительно, чтобы онъ не могъ того замѣтить. Палата приговорила Аникіева наказать кнутомъ, 70 ударами, и отослать въ Тобольскъ, на распоряженіе тамошняго начальства.

Сенатъ обвинилъ Аникіева только въ томъ, что онъ, также какъ

и прочіе, неудержался отъ явнаго негодованія на жестокости Шумской, а между тѣмъ, пользовался этою ея наклонностью и, наговаривая ей на прочихъ дворовыхъ, пріобрѣталъ тѣмъ ея благосклонность, „что хотя и не совсѣмъ извинительно, но весьма свойственно какъ отцу, сожалѣющему о дочери, и по обыкновенному коварству дворовыхъ людей въ подобномъ положеніи". Потому Аникіевъ наказанъ свыше мѣры преступленія, а отосланъ въ Тобольскъ въ распоряженіе тамошняго начальства неправильно; такъ какъ по закону преступники ссылаются, или въ Сибирь, или на поселеніе, или въ каторжную работу.

Дворецкій Малышъ, 23 лѣтъ, обвиненъ въ томъ, что пользуясь довѣренностію графа, вмѣсто того, чтобы стараться о предотвращеніи и малѣйшаго злоумышленія на кого-либо, войдя въ преступную связь съ дѣвками-убійцами, самъ еще возбуждалъ готовыхъ на убійство и неоднократно участвовалъ въ сходбищахъ для онаго. При томъ, есть показаніе, что онъ даже зналъ о заговорѣ на убійство Шумской и Василій Антоновъ показываетъ, что Малышъ говорилъ „кто бы убилъ Шумскую, тому бы послѣднюю рубашку отдалъ", что, можетъ быть, и ускорило самое исполненіе злодѣйства.

По взгляду сената, Малышъ, какъ и всѣ прочіе, виновенъ въ одномъ негодованіи на Шумскую и, притомъ, въ блудной жизни, потому палата, единственно по произволу, приговорила его наказать кнутомъ, 50 ударами, и потомъ, скованнаго, отослать въ Тобольскъ въ распоряженіе тамошняго правительства.

Казначей Пуптя, 27 лѣтъ, виновенъ, какъ признано сенатомъ, въ томъ только, что и онъ участвовалъ въ разговорѣ: „лучше бы Стромиловъ прежде зарѣзалъ Шумскую, а потомъ самъ себя". Палата добавила, что будто бы нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ въ числѣ главнѣйшихъ возмутителей на злодѣйство; но такого оговора въ прочихъ показаніяхъ вовсе нѣтъ, а вывела это сама слѣдственная коммисія, по собственному умозаключенію. Вслѣдствіе такого увеличеннаго обвиненія, палата приговорила Пуптю наказать кнутомъ, 45 ударами, и отослать, скованнаго, въ Тобольскъ, на распоряженіе тамошняго правительства.

Кандитеръ Николаевъ, 20 лѣтъ, самъ признался, что, кромѣ участія въ разговорѣ о томъ, что „лучше бы Стромиловъ зарѣзалъ Шумскую, а потомъ себя", когда узналъ, что Антоновъ намѣренъ зарѣзать Шумскую, совѣтовалъ ему это исполнить, а сестрѣ его Прасковьѣ, которая также вызывалась зарѣзать Шумскую, обѣщалъ за то дать третное свое жалованье. Сенатъ нашелъ, что палата правильно приговорила его къ наказанію кнутомъ, съ поставленіемъ на лицѣ

знаковъ, и къ ссылкѣ въ каторжную работу; но число ударовъ назначила 80 неумѣренно, какъ и вообще по этому дѣлу. Палата не обратила вниманіе ни на весьма молодыя лѣта подсудимаго, ни на добровольное признаніе, ни на то, что онъ только совѣтомъ, а не дѣйствіемъ участвовалъ въ убійствѣ.

Поваръ Лупаловъ, 32 лѣтъ, признался также, что говорилъ съ прочими: „Стромиловъ лучше бы зарѣзалъ напередъ Шумскую, а потомъ самъ себя“ и подтверждалъ слова Василья Антонова, „надобно что-нибудь съ Шумскою сдѣлать“, т.-е. задушить ее. Палата приговорила наказать его кнутомъ, 45 ударами, и сослать, скованнаго, въ Тобольскъ, въ распоряженіе тамошняго начальства.

Губернаторъ, утвердивъ приговоръ, далъ палатѣ, 11 декабря, предложеніе привести его въ исполненіе. 17 декабря состоялось распоряженіе губернскаго правленія о ссылкѣ.

Слѣдующее затѣмъ производство заключало обвиненіе на дворовыхъ: Ѳедора Горланова, Максима Константинова, Игнатія Горынина, Петра Ухватова, крестьянку Акулину Ануфріеву и дворовую дѣвку Аксинью Семенову.

Горлановъ, 31 года, Константиновъ, 44 лѣтъ, и Ануфріева, 34 лѣтъ, сами сознались, что не только выражали въ разговорахъ своихъ съ Васильемъ Антоновымъ негодованіе на жестокость Шумской, но и знали о намѣреніи его на убійство и одобряли оное; а Горлановъ, и въ томъ, что, незадолго предъ убійствомъ, заявлялъ готовность застрѣлить Шумскую. Поэтому, сенатъ призналъ, что палата правильно приговорила ихъ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ ихъ въ каторжную работу, съ поставленіемъ первымъ двумъ указныхъ знаковъ, но замѣтилъ, что число ударовъ, по принятой палатою въ этомъ дѣлѣ увеличенной пропорціи, назначено Горланову 90, Константинову 75 и Ануфріевой 50.

Подобному же наказанію кнутомъ, 75 ударами, и ссылкѣ въ каторжную работу, съ поставленіемъ на лицѣ указныхъ знаковъ, подвергнутъ и Ухватовъ, 25 лѣтъ, о которомъ въ рѣшеніи палаты, по принятымъ ею изъ заключенія слѣдственной коммисіи и предложенія Жеребцова основаніямъ, написано, что, будто бы, и онъ признался, какъ и первые трое, въ подущеніи убійцу и прочихъ лишить жизни Шумскую, въ согласіи на то и знаніи о рѣшительномъ заговорѣ. Сенатъ призналъ только, что Ухватовъ не долженъ былъ, также какъ и прочіе, изъявлять своего негодованія на Шумскую въ злобныхъ выраженіяхъ и открывать Антонову, какъ даются билеты военнымъ кантонистамъ, недознавшись отъ него совершенно, для чего ему это нужно; потому,

и навлекаетъ на себя подозрѣніе въ знаніи о рѣшительномъ намѣреніи Антонова къ убійству Шумской и необъявленіи.

Затѣмъ, палата о Горынинѣ, 36 лѣтъ, и Семеновой, 43 лѣтъ, написала въ приговорѣ, что хотя они въ заговорѣ на убійство Шумской и не признались, но какъ сами же говорятъ, что слышали объ этомъ разговоры и не только не доносили о нихъ, но еще говорили, что хорошо, если бы кто убилъ Шумскую; что также доказываетъ желаніе на убійство ея и возбужденіе прочихъ на совершеніе этого злодѣйства, а особливо уже готовыхъ на то, а потому, ихъ также наказать кнутомъ: Горынина 50, а Семенову 40 ударами, и потомъ, какъ вредныхъ, отослать въ Тобольскъ на распоряженіе тамошняго начальства.

Сенатъ призналъ, что палата, въ рѣшеніи, соединила двухъ подсудимыхъ, совершенно по винамъ своимъ различныхъ. Горынинъ, по собственному его признанію, не только участвовалъ съ прочими въ разговорѣ, что Стромиловъ лучше бы прежде зарѣзалъ Шумскую, а потомъ самъ себя, но слышалъ отъ Антонова о намѣреніи его убить Шумскую и напоминалъ о скорѣйшемъ исполненіи; Семенову же нельзя ни въ чемъ обвинить болѣе, какъ въ явномъ негодованіи на Шумскую, подобно прочимъ, и въ употребленіи выраженій, изъявляющихъ желаніе, чтобъ она была убита. Потому, уѣздный судъ правильно полагалъ: наказать ее плетьми и, потомъ, такъ какъ владѣлецъ имѣть ее у себя не желаетъ, сослать въ Сибирь на поселеніе.

О двухъ еще производствахъ коммисіи, рѣшенныхъ послѣдовательно палатою, а также о лицахъ, которыя обвинялись въ тѣхъ производствахъ, мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Въ запискѣ изъ дѣла о Жеребцовѣ они не изложены, такъ какъ сенатъ не нашолъ въ нихъ неправильныхъ дѣйствій со стороны уголовной палаты и губернатора.

Обратимся къ приговору палаты надъ главными и первыми осужденными 5 октября 1825 года. Въ приговорѣ своемъ, палата не дала вѣры показаніямъ подсудимыхъ о несправедливыхъ взысканіяхъ Шумской и непомѣрныхъ наказаніяхъ потому только, что обвиняемые не жаловались на нее графу; распространилась о Шумской съ похвалами, упоминая, что она, „истинно усердная къ соблюденію пользы и спокойствія графа, старалась имѣть за каждымъ изъ людей надлежащій присмотръ и тѣмъ обуздывала ихъ своевольство“. Подсудимыхъ палата назвала „распутными и укоренившимися въ преступныхъ дѣйствіяхъ“, хотя поведеніе ихъ за прежнее время не было опорочено; не обратила вниманія ни на лѣта ихъ, ни на степень участія въ преступленіи. Усиля значеніе вины подсудимыхъ, палата опредѣлила

наказать Василья Антонова 175, сестру его Прасковью 125, Дарью Константинову 95, Ѳедосью и Татьяну Ивановыхъ, каждую по 70, а Елену Фомину, только знавшую и недонесшую объ умыслѣ на убійство, 50 ударами кнута, и потомъ, поставя Антонову на лицѣ указные знаки и заклепавъ въ кандалы, сослать всѣхъ въ каторжную работу вѣчно, хотя, по существовавшему тогда закону, срокъ каторги не зависилъ отъ приговоровъ судебныхъ мѣстъ и былъ вообще 20-тилѣтній.

Для преступленій, которыя влекли за собою тѣлесное наказаніе, хотя бы даже и кнутомъ, въ упоминаемое нами время, не было опредѣлено въ законѣ количества ударовъ ни въ высшей, ни въ нисшей мѣрѣ. Тѣмъ не менѣе, въ практикѣ уголовныхъ судовъ, существовали по этому предмету извѣстныя правила. Потому, для выясненія вопроса, насколько, по современнымъ событію взглядамъ, было непомѣрно по числу ударовъ наказаніе кнутомъ обвиняемыхъ въ убійствѣ Шумской, мы приводимъ нѣсколько случаевъ наказанія кнутомъ, взятыхъ изъ дѣятельности бывшей санктпетербургской уголовной палаты:

Въ 1790 году, дворовые люди капитана Ивана Маслова, задушившіе помѣщика своего, съ цѣлію избавиться отъ его жестокости, и совершившіе, притомъ, грабежъ, наказаны по 150 ударовъ. Преступники были совершеннолѣтніе.

Такому же наказанію подвергнулся, въ 1806 году, кучеръ графа Яблонскаго—Терентій Кондратьевъ, совершеннолѣтній, за умышленное убійство графа и грабежъ.

Затѣмъ, когда законъ 10 сентября 1807 года воспретилъ употреблять въ приговорахъ о наказаніи, нещадно и жестоко, мы уже не встрѣчаемъ такого количества ударовъ кнутомъ. Такъ, въ 1807 году, шлиссельбургскій мѣщанинъ Осипъ Самойловъ, за убійство дѣвки Варвары Андреевой, отказавшейся отъ любодѣянія съ нимъ, наказанъ 25 ударами.

Въ томъ же году, убійцамъ неизвѣстнаго бѣглаго, съ которымъ участвовали въ кражахъ, крестьянамъ деревни Кобриной: Степану Давыдову, Ивану Григорьеву и Никитѣ Ефимову назначено по 50 ударовъ.

Въ 1814 году, купецъ Иванъ Некрасовъ, признанный умышленно столкнувшимъ съ моста въ Неву жену свою, наказанъ 35 ударами.

Въ 1815 году, инвалидъ Дмитрій Николенковъ, за умышленное убійство своей любовницы, наказанъ 40 ударами.

Въ 1821 году, дворовый Минаевъ, за умышленное убійство подканцеляриста Тимоѳеева — 35 ударами.

Всѣ эти случаи относятся къ совершеннолѣтнимъ; но слѣдующія

два показываютъ, насколько смягчилась мѣра наказанія и для недостигшихъ совершеннолѣтія.

Въ 1824 году, крестьянка графовъ Шуваловыхъ деревни Стройнова Марья Петрова, 18 лѣтъ, за умышленное убійство своей свекрови, останавливавшей отъ распутства, наказана 30 ударами.

Въ томъ же году, крестьянинъ Степ ъ Семеновъ, за святотатство сосудовъ съ жертвенника въ олтарѣ, по молодости лѣтъ, наказанъ 15 ударами.

Обращаемся къ разсказу. Неумѣренное, или несоразмѣрное сложенію лицъ обвиненныхъ по дѣлу Шумской назначеніе числа, ударовъ кнутомъ имѣло потомъ гибельное для нѣкоторыхъ изъ нихъ послѣдствіе.

Исполненіемъ надъ ними приговора губернаторъ распорядился, когда уже двѣ части слѣдствія комиссіею были кончены, по дѣлу оказалось еще 12 обвиненныхъ и было въ виду общее число преступниковъ до 24.

Василій и Прасковья Антоновы умерли на самомъ мѣстѣ наказанія, чрезъ нѣсколько времени послѣ того умерла Фомина; въ какомъ состояніи сосланы Ивановы и Константинова, по дѣлу не видно.

VIII.

Выводя изъ того, что палата и Жеребцовъ, назначеніемъ несоразмѣрнаго числа ударовъ, произвели смертную казнь гораздо мучительнѣе отмѣненной закономъ 1754 года, не обративъ вниманія на сохраненіе жизни преступниковъ, сенатъ нашелъ, что, въ этомъ случаѣ, исполненіе противозаконнаго, по чрезмѣрной жестокости своей приговора, тѣмъ болѣе для губернатора было непростительно, что оно послѣдовало по его предложенію, когда эти преступники откровенными признаніями своими, сдѣланными при передопросахъ послѣ осужденія, раскрыли еще болѣе тѣ обстоятельства, которыми они, можно сказать, вовлечены были въ содѣянное ими преступленіе; какъ-то: жестокость Шумской и всеобщее негодованіе на нея дворовыхъ людей. Имѣя въ виду эти обстоятельства, ослабляющія вину преступниковъ, и не въ правѣ будучи уменьшить самъ собою приговоренное палатою наказаніе, Жеребцовъ долженъ былъ непремѣнно представить о всемъ этомъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе высшаго судилища. Примѣненіе къ дѣлу такого порядка, указаннаго въ законѣ, по мнѣнію сената, было противно цѣли Жеребцова предать мучительнѣйшей смертной казни главныхъ преступниковъ и подвергнуть, почти также, жестокому наказанію всѣхъ тѣхъ дворовыхъ людей, которые не имѣли столько твердости и благоразумія, чтобы, въ кругу своемъ, не роптать на жестокость Шумской и, по преимуществу, на тѣхъ, ко-

торые указаны были самимъ графомъ. Впрочемъ, и Аракчеевъ, какъ бы, признавалъ поводъ къ ненависти и ропоту дворовыхъ на Шумскую. Несмотря на значительное число подвергнутыхъ за это наказанію, еще большее число оговоренныхъ въ томъ же осталось безъ преслѣдованія со стороны графа.

Жеребцовъ, потомъ, объяснялъ, что мѣра наказанія главнымъ преступникамъ назначена была не съ тѣмъ, чтобъ могла превзойти силы ихъ, но сообразно съ важностію преступленія, въ которомъ онъ видѣлъ убійство, сопряженное съ заговоромъ противу установленной власти, такъ какъ оно было весьма гласно, по совершенію его въ домѣ Аракчеева. Но сенатъ не нашелъ заговора противъ правительственной власти и происшествіе въ домѣ графа не отличилъ отъ убійства, которое могло бы случиться въ другомъ какомъ-нибудь частномъ домѣ.

Жеребцовъ объяснялъ, что, смотря по роду преступленія, число ударовъ полагается и гораздо болѣе, чѣмъ назначено было по этому дѣлу, но не выставилъ ни одного примѣра; что смерть преступниковъ могла произойти не отъ числа ударовъ, а отъ слабаго ихъ сложенія, или отъ причинъ непредвидимыхъ; но слабость сложенія двухъ преступниковъ, умершихъ во время наказанія, Жеребцовъ долженъ былъ видѣть изъ дѣла, соображаясь съ годами осужденныхъ — замѣтилъ сенатъ. Оправдывался также Жеребцовъ, что приговоръ палаты сообщенъ былъ Клейнмихелю, для донесенія государю, но отъ его величества никакого замѣчанія о несоразмѣрности наказанія не сдѣлано. На это замѣтилъ сенатъ, что по дѣлу вовсе не видно, чтобы рѣшеніе палаты было удостоено высочайшаго утвержденія. Замѣтилъ также сенатъ, что высочайшее повелѣніе, данное Клейнмихелю, доносить о ходѣ дѣла государю, не могло быть даже приводимо въ исполненіе, со дня полученія извѣстія о кончинѣ Александра I по день обнародованія манифеста о восшествіи на престолъ Николая Павловича, а въ это время, 8 декабря, рѣшена палатою вторая часть дѣла, о наказаніи и ссылкѣ еще 6-ти человѣкъ, и Жеребцовъ, 11 декабря, предложилъ о приведеніи рѣшенія въ исполненіе.

Жеребцовъ высказалъ также, что, въ дѣлѣ этомъ, онъ принималъ въ уваженіе настоянія Клейнмихеля, потому что они были сообразны съ высочайшею волею, высказанною въ рескриптахъ, и потому что Жеребцовъ считалъ въ этомъ дѣлѣ генерала Клейнмихеля не частнымъ человѣкомъ, но довѣренною отъ государя особою, посланною для надзора за дѣломъ. Но сенатъ призналъ, что выраженія высочайшей воли не освобождали Жеребцова отъ обязанности блюстителя законнаго порядка въ уголовномъ дѣлѣ, гдѣ лицо истца, въ отноше-

ніи личнаго возмездія за преступленіе, представляетъ по законамъ само правительство, вліяніе же владѣльца на преступныхъ людей его, со времени отдачи ихъ въ руки правосудія, совершенно прекращается. Потому, и нельзя предположить, чтобъ Жеребцовъ клонящіяся къ изъятію изъ этихъ правилъ настоянія Клейнмихеля, если такія и дѣйствительно были, считалъ сообразными съ высочайшею волею, ему объявленною, несмотря на то, что эти настоянія вели къ исполненію надъ преступниками наказаній, опредѣленныхъ безъ соблюденія установленнаго порядка.

О нарушеніяхъ уголовною палатою и губернаторомъ установленнаго закономъ порядка судопроизводства донесено было мѣстнымъ губернскимъ прокуроромъ министру юстиціи. Къ-сожалѣнію, мы не знаемъ, были ли своевременно даны прокуроромъ протесты и остались неуваженными палатою и губернаторомъ, или прокуроръ послалъ свои донесенія министру, при измѣнившихся уже обстоятельствахъ, когда графъ Аракчеевъ потерялъ прежнее свое значеніе.

Министръ сносился съ губернаторомъ и отвѣтъ Жеребцова, съ донесеніями губернатора, предложилъ на разсмотрѣніе сената. Замѣтивъ, что раздѣленіемъ дѣла на части и приведеніемъ рѣшеній палаты въ исполненіе, безъ внесенія дѣла въ сенатъ, нарушенъ узаконенный порядокъ, правительствующій сенатъ, 1 апрѣля 1826 года, потребовалъ изъ уголовной палаты дѣло, куда оное и было представлено, а новгородскому губернскому правленію предписалъ остановиться исполненіемъ рѣшеній палаты, если они надъ кѣмъ еще не исполнены.

Между тѣмъ, губернское правленіе, 3 апрѣля, освидѣтельствовало на преступникѣ Иванѣ Малышѣ одежду и обувь, которою онъ былъ снабженъ, и обратила его въ полицію для ссылки, не записавъ этого дѣйствія и распоряженія своего въ журналъ. Когда же, 5 апрѣля, полученъ былъ указъ сената, то правленіе не почло нужнымъ дать знать о содержаніи указа полиціи, для пріостановленія исполненія рѣшенія. Полиція, 6 апрѣля, отослала Малыша къ командиру гарнизоннаго батальона, а 10-го Малышъ отправленъ въ путь.

Сенату губернское правленіе донесло о высочайшемъ разрѣшеніи, объявленномъ Жеребцову Аракчеевымъ, чтобы Семена Алексѣева и Илью Протопопова отправить въ Тобольскъ съ нарочнымъ, и просило разрѣшенія, чтобы и прочія неисполненныя рѣшенія палаты привести въ исполненіе. На это сенатъ далъ знать правленію, что, имѣя предписаніе объ удержаніи исполненія и не видя высочайшаго повелѣнія объ отмѣнѣ этого предписанія, не было никакого повода испрашивать отъ сената указа на указъ.

Между тѣмъ, губернскій прокуроръ донесъ министру юстиціи о ссылкѣ, послѣ предписанія сената и безъ вѣдома прокурора, преступника Малыша, а палата донесла сенату, что, также по полученіи указа сената, представлена была, 9 апрѣля, въ палату изъ новогородской градской полиціи крестьянка Прасковья Родіонова, для объявленія рѣшенія палаты по этому дѣлу, но отослана въ полицію.

Сенатъ потребовалъ, 29 апрѣля 1826 г., объясненій отъ губернскаго правленія и губернатора; при чемъ, въ особенности Жеребцову предписано было, чтобы онъ, если дѣйствительно Иванъ Малышъ отправленъ въ ссылку, немедленно распорядился остановить Малыша на пути, съ тѣмъ чтобы преступникъ этотъ тамъ, гдѣ будетъ остановленъ, содержался подъ крѣпкою стражею, впредь до разсмотрѣнія о немъ дѣла въ сенатѣ.

Губернаторъ получилъ указъ 3 мая, и 6 того же мѣсяца донесъ сенату, что о времени отправленія въ Сибирь Ивана Малыша и о сдѣланномъ со стороны губернскаго правленія распоряженіи, относительно удержанія исполненія по рѣшеніямъ палаты, потребовалъ надлежащія свѣдѣнія отъ губернскаго правленія, по полученіи коихъ не умедлитъ представить требуемое объясненіе и сдѣлать должное распоряженіе, если нужно будетъ, объ остановленіи въ пути преступника Малыша. Отправляя это донесеніе, Жеребцовъ умолчалъ, что, съ тѣмъ вмѣстѣ, отправляется въ Тихвинъ, для производства, по высочайшему повелѣнію, слѣдствія, и мѣсто его заступилъ предсѣдатель гражданской палаты Строевъ, который 12 мая, т.-е. чрезъ 9 дней по полученіи указа сената, распорядился пріостановленіемъ въ пути Малыша.

Послѣдствіемъ разсмотрѣнія дѣла въ сенатѣ было, между прочимъ*), заключеніе его о преданіи суду членовъ и секретаря новгородской уголовной палаты, а также губернатора Жеребцова, за противозаконныя ихъ дѣянія. Съ мнѣніемъ этимъ согласился и государственный совѣтъ, но императору угодно было, 23 октября 1827 года, написать, между прочимъ, на мнѣнія совѣта:

„Губернатора Жеребцова, какъ виновнаго во всѣхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ подчиненныхъ ему присутственныхъ мѣстъ, предать суду; прочихъ же, яко подходящихъ подъ манифестъ (22 августа 1826 года), отъ суда освободить".

*) Какія распоряженія послѣдовали относительно осужденныхъ палатою, изъ записки, не видно. А. П.

IX.

По разсмотрѣніи дѣла, въ 1 отдѣленіи 5 департамента сената, 17 апрѣля 1828 года, сенаторы Уваровъ, графъ Толстой, Мартенсъ и Баратынскій поставили въ вину Жеребцову:

1) Составленіе слѣдственной коммиссіи, для передопроса осужденныхъ преступниковъ.

2) Раздѣленіе дѣла объ убійствѣ Шумской на части.

3) Неправильность утвержденныхъ Жеребцовымъ рѣшеній палаты.

4) Назначеніе несоразмѣрнаго числа ударовъ первымъ двумъ преступникамъ, умершимъ на мѣстѣ наказанія.

5) Помѣщеніе уголовною палатою въ приговорѣ о ссылкѣ въ каторжную работу слова „вѣчно".

6) Взятіе подъ стражу и преданіе суду лицъ, подозрѣваемыхъ въ ходатайствѣ за преступниковъ по дѣлу объ убійствѣ Шумской, но въ томъ нисколько неизобличенныхъ.

7) Ослушаніе противъ предписаній сената.

Признавая Жеребцова совершенно виновнымъ и что виновность эту нельзя отнести къ ошибкѣ, недоразумѣнію, или упущенію, сенаторы находили во всѣхъ дѣйствіяхъ прямое намѣреніе къ отягощенію подсудимыхъ сверхъ мѣры содѣянныхъ ими преступленій, къ выведенію дѣла изъ установленнаго порядка, и, что̀ всего важнѣе, въ совершеніи двумъ изъ преступниковъ, вопреки законовъ, мучительной смертной казни, утвержденіемъ несоразмѣрнаго числа ударовъ, и, затѣмъ, къ неисполненію указовъ сената,—

Сенаторы полагали: „лиша Жеребцова всѣхъ чиновъ, дворянства и орденовъ, сослать въ Сибирь на поселеніе, передавая, впрочемъ, мнѣніе сіе высокомонаршему его императорскаго величества благоизволенію".

Сенаторъ П. А. Мансуровъ, прочитавъ заготовленные по этой резолюціи опредѣленіе и всеподданнѣйшій докладъ, объявилъ особое мнѣніе. Сущность этого мнѣнія состоитъ въ томъ, что „онъ не можетъ съ рѣшительностію заключить, что дѣйствія Жеребцова, въ которыхъ онъ обвиняется, произошли отъ прямого намѣренія къ неправосудію. Составленіе слѣдственной коммиссіи для передопроса осужденныхъ преступниковъ, лишенныхъ уже законами всякой вѣры, могло произойти по ошибочному пониманію словъ рескрипта Александра I къ графу Аракчееву и въ надеждѣ достигнуть исполненія высочайшей воли передопросомъ преступниковъ, за неимѣніемъ иныхъ къ тому средствъ и при невозможности почему-либо указать тѣхъ людей, отъ коихъ онъ почерпнулъ замѣчанія о возбужденіи заговора отъ посто-

роннихъ лицъ. Раздѣленіе дѣла на части и уклоненіе его, такимъ образомъ, отъ разсмотрѣнія высшаго правительства, могло послѣдовать не по собственному намѣренію Жеребцова, но по состоянію его тогда въ видимой зависимости отъ лицъ, объявлявшихъ ему высочайшія повелѣнія. Несообразное съ закономъ и существомъ преступленія назначеніе мѣры наказанія нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ могло послѣдовать отъ неточнаго понятія существа дѣла, или отъ того, какъ сказано въ 153 ст. нак. коммис. о соч. улож., что всякій человѣкъ имѣетъ свой собственный отъ всѣхъ отличный способъ смотрѣть на вещи, его мыслямъ представляющіяся. За послѣдствія, происшедшія отъ назначенія несоразмѣрнаго числа ударовъ преступникамъ, губернаторъ не можетъ подвергаться особой отвѣтственности, хотя приговоръ имъ утвержденъ, такъ какъ палата оставлена безъ взысканія. Помѣщеніе въ приговорѣ о ссылкѣ въ каторжную работу слова вѣчно есть ошибка палаты, неусмотрѣнная губернаторомъ. Неправильность заключенія объ отсылкѣ подсудимыхъ въ распоряженіе тобольскаго начальства, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ и тамъ содержимъ былъ строжайшимъ образомъ, оставленіе неспрошенными и неосужденными оговоренныхъ дворовыхъ, Жеребцовъ хотя и проходитъ въ отвѣтахъ своихъ молчаніемъ, но оно ближе открываетъ сознаніе, что онъ лишенъ былъ той твердости духа, съ которою надлежало ему соблюдать обязанность своего званія. Строгое содержаніе подъ стражею лицъ, подозрѣвавшихся въ ходатайствѣ за преступниковъ, можно отнести къ ревностному исполненію Жеребцовымъ объявленной ему высочайшей воли. Въ уклоненіи отъ исполненія указа сената нельзя обвинить Жеребцова, неизслѣдовавъ его объясненія о командированіи, по высочайшему повелѣнію, въ городъ Тихвинъ".

Принимая въ соображеніе, что дѣйствія палаты признаны подходящими подъ манифестъ, что Жеребцовъ уволенъ отъ должности и находится подъ судомъ, и руководствуясь 220 ст. нак. комм. нов. улож., повелѣвающею опредѣлять наказанія сходственно съ преступленіемъ, сенаторъ Мансуровъ полагалъ: „Жеребцова, какъ отъ службы уже уволеннаго, впредь ни къ какимъ должностямъ не опредѣлять и повсемѣстно публиковать".

Соглашеніе между сенаторами не состоялось и дѣло было внесено въ общее собраніе сената.

Чѣмъ окончилось это дѣло для Жеребцова, намъ пока неизвѣстно.

X.

Въ заключеніе нашего изложенія, небезполезно указать на тѣ выдумки въ передачѣ подробностей убійства Шумской, какія находятся

въ „Разсказахъ о быломъ“ соч. Словскаго. (Спб. 1862). Въ статьяхъ своихъ „Шумскій“ и „Экономка“, г. Словскій упоминаетъ, что жестокости Шумской, по преимуществу, относились къ Прасковьѣ, изъ боязни, чтобъ она, при красотѣ своей, не замѣнила мѣста Настасьи въ сердцѣ Аракчеева. Мы знаемъ теперь, что эта дѣвица, не безукоризненной нравственности, терпѣла отъ Шумской одинакую долю съ прочими. Жгла ли Прасковью Настасья каленными щипцами, какъ о томъ велерѣчиво разсказываетъ г. Словскій, изъ дѣла не видно; но если слѣдователи, при всей своей наклонности сдѣлать угодное Аракчееву, заносили въ показанія обвиняемыхъ о жестокостяхъ Шумской, то, кажется, нѣтъ основанія полагать, чтобъ они отказали Прасковьѣ записать и объ этомъ способѣ истязанія, еслибы только она о немъ говорила. А если такъ поступала съ ней Шумская, то еще труднѣе допустить, чтобъ Прасковья умолчала объ этомъ при слѣдствіи. Не видимъ мы по дѣлу и покушенія на самоубійство со стороны Прасковьи, о чемъ также разсказываетъ г. Словскій. Между обѣщаніемъ утопиться или зарѣзаться и покушеніемъ привести въ исполненіе это обѣщаніе, большая разница. Но за то, посмотрите, какая вышла у г. Словскаго эффектная картина: братъ силою останавливаетъ бѣгущую топиться сестру, осматриваетъ истерзанную щипцами грудь и вызывается убить Шумскую, а сестра, только послѣ долгихъ убѣжденій, соглашается на вызовъ брата!

Въ дѣйствительности было не такъ. Много и долго нужно было уговаривать Василья Антонова, чтобъ онъ, наконецъ, рѣшился исполнить давнишнюю мечту Прасковьи — убить Шумскую, и что не подъ однимъ вліяніемъ сестры изъ него выработался убійца. Василій и согласился-то на убійство только подъ условіемъ, чтобъ сестра объ немъ не сказывала, а приняла преступленіе на себя. Предъ совершеніемъ убійства, не всѣхъ услала изъ дому Прасковья, какъ сказано у г. Словскаго, услала только Аксинью, прочія, должно быть, еще сидѣли въ едикулѣ, для смиренія.

Не видно также ни откуда, чтобъ Прасковья—какъ о томъ повѣствуетъ г. Словскій: заперла брата въ комнатѣ Шумской, проведя его для убійства. Она была тутъ же при братѣ и вынесла собаку, которая было-залаяла.

Не самъ объявилъ о совершеніи имъ убійства поваренокъ Василій, какъ разсказываетъ г. Словскій, рисуя опять сцены съ поваромъ, а потомъ съ дворней и сестрой. Въ день убійства, на Василья никто не доказывалъ и онъ представилъ изъ себя лицо, непричастное къ дѣлу: изготовилъ кутью и, съ обычными поклонами, поставилъ предъ умершей. Пусть-де сестра будетъ одна въ отвѣтѣ. Его уличили, при слѣдствіи,

забытый имъ въ комнатѣ ножъ и оказавшіеся на немъ самомъ слѣды совершенія преступленія.

Казначей Иванъ Пуття, въ числѣ прочихъ, былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. У г. Словскаго сначала Пуття, а потомъ Пухтя, графскій лакей, на котораго заглядывалась безуспѣшно сама Настасья, несчастный любовникъ. Онъ попадаетъ въ солдаты и, только чрезъ нѣсколько лѣтъ, узнаетъ объ убійствѣ Шумской.

Есть еще у г. Словскаго барскій камердинеръ Ясняга; онъ, будто бы, завѣдуетъ деньгами Аракчеева и даетъ Шумской изъ кассы тысячу рублей, чтобъ послать любовнику. Побоялась Шумская, чтобъ Ясняга не выдалъ ее графу, да тайно зарѣзала его бритвой, сонnаго и пьянаго; а слухъ, потомъ, пошолъ въ народѣ, что Ясняга самъ зарѣзался.

Мы видѣли, что изъ дворовыхъ зарѣзался дворецкій Стромиловъ, котораго, по приказу Шумской, дважды наказали въ одинъ день и, сверхъ того, Шумская пригрозила, что пожалуется на него графу.

Въ злобѣ своей Шумская, повидимому, дѣйствовала открыто, и всегда находила возможность удовлетворять свое мщеніе. Къ чему было навязывать на Шумскую еще тайное убійство?

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Неимѣя пока подъ рукою свѣдѣнія объ окончательномъ рѣшеніи дѣла о губернаторѣ Жеребцовѣ, мы, однакожъ, имѣемъ полное основаніе полагать, что участь Жеребцова была смягчена и онъ въ Сибирь сосланъ не былъ. 19 іюля 1831 года былъ разосланъ изъ сената по присутственнымъ мѣстамъ печатный указъ, въ которомъ Жеребцовъ съ членами новгородской уголовной палаты подвергнутъ отвѣтственности по другому дѣлу.

Для бо́льшаго еще ознакомленія съ тѣмъ, насколько были основательны обвинительные приговоры уголовной палаты, утверждавшіеся Жеребцовымъ, мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь и обстоятельства дѣла, за которое Жеребцовъ съ палатою подверглись опубликованію.

3 октября 1825 года, въ деревнѣ Харлушинѣ, гдѣ находился Никольскій удѣльный приказъ, праздновался храмовой праздникъ. По этому случаю, у волостного головы Николая Никитина, который жилъ въ домѣ приказа, были въ гостяхъ крестьяне: удѣльный, деревни Руси, Иванъ Боярскій и экономическій, деревни Рябова, Семенъ Подгорный. Ушли они отъ Никитина вмѣстѣ, оба хмѣльные, и, по выходѣ ихъ, Никитинъ услыхалъ въ сѣняхъ стукъ. Выбѣжавъ изъ избы еще съ однимъ гостемъ, онъ увидалъ, что Боярскій лежитъ на мосту съ разбитымъ лицомъ. Боярскаго подняли и увели въ избу. Тамъ онъ и ночевалъ, а на другой день пьянствовалъ въ кабакѣ и поилъ другихъ; затѣмъ, 5-го октября захворалъ, а 10-го померъ. Больной Боярскій разсказывалъ священнику, его напутствовавшему, женѣ своей и 9 человѣкамъ, что Подгорный, при выходѣ изъ дома Никитина, столкнулъ его съ лѣстницы,—

а она была вышиною въ 3½ аршина, — но не объявилъ, чтобъ между ними была драка, или ссора, да этого по дѣлу и не обнаружено.

Подгорный объяснилъ, что, при выходѣ отъ Никитина, они оба были пьяны, такъ что не помнитъ, пошатнулся ли на Боярскаго, и отъ него ли, или самъ собою Боярскій упалъ съ крыльца и разбилъ лицо, и какъ они между собой разстались.

Врачъ, по освидѣтельствованіи, 19-го октября, трупа Боярскаго удостовѣрилъ, что у него грудь, легкое и печенка, отъ бывшей издавна чахотки, повреждены и обратились въ гнилость, и что смерть послѣдовала отъ паденія съ чего-нибудь высокаго и стрясшутія болѣзненныхъ внутренностей.

Новгородская уголовная палата признала Подгорнаго виновнымъ въ столкнутіи Боярскаго съ крыльца; хотя это и сдѣлано имъ не съ намѣренія на убійство, но какъ отъ того, при болѣзни Боярскаго, онъ былъ причиною смерти, то, 18 мая 1826 года, приговорила Подгорнаго, наказать плетьми, 50 ударами, а потомъ, для очищенія совѣсти, предать его церковному покаянію; въ удовлетвореніе же за Боярскаго взыскать съ экономической Кожевской вотчины, въ пользу удѣльнаго никольскаго приказа, 2000 рублей.

Губернаторъ Жеребцовъ утвердилъ приговоръ и Подгорный вытерпѣлъ наказаніе плетьми, а потомъ жаловался сенату на неправильность осужденія высказывая, что, для удовлетворенія удѣла за умершаго Боярскаго, осеквестровано имѣніе его и семьи.

Сенатъ не нашелъ въ дѣлѣ законныхъ доказательствъ къ уликѣ Подгорнаго, такъ какъ никто не видалъ лично происходившаго между Боярскимъ и Подгорнымъ, и принялъ на видъ, что между Подгорнымъ и Боярскимъ не было ни вражды, ни драки, что чахоточной Боярскій, притомъ хмѣльной, самъ могъ упасть съ лѣстницы, и умеръ въ 7-й день послѣ этого случая. Поэтому, сенатъ призналъ Подгорнаго безвинно потерпѣвшимъ наказаніе и полагалъ, не ставя его въ порокъ Подгорному, возвратить ему честное имя; въ вознагражденіе же потерпѣннаго Подгорнымъ наказанія взыскать въ его пользу съ членовъ новгородской уголовной палаты, подписавшихъ о немъ приговоръ, и бывшаго гражданскаго губернатора Жеребцова, за каждый ударъ по пяти рублей, всего 250 рублей. Заключеніе уголовной палаты о взысканіи съ вотчины за Боярскаго 2000 рублей, какъ неправильное, отмѣнить.

Опредѣленіе сената было высочайше утверждено.

А. Г. Пупаревъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАДИЩЕВЪ.

р. 1749 † 1802.

Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ, по долгу званія своего*).

С.-Петербургъ, 8 августа 1782 года.

Вчера происходило здѣсь съ великолѣпіемъ посвященіе монумента, Петру Первому въ честь воздвигнутаго, то есть, открытіе его статуи, работы г. Фальконета. Любезный другъ, побесѣдуемъ о семъ въ отсутствіи. Пребывая въ отдаленномъ отечества нашего краю, отлученный отъ твоихъ ближнихъ, среди людей, неизвѣстныхъ тебѣ ни со стороны качествъ разума и сердца, не нашедъ еще можетъ быть въ краткое время твоего пребыванія не токмо друга, но ниже пріятеля, съ коимъ-бы ты могъ сѣтовать во дни печали и скорби и радоваться въ часы веселія и утѣхъ, ибо печаль и скорбь исчисляются днями и годами, веселіе часами, утѣхи же мгновеніемъ. Ты охотно, думаю, употребишь часъ хотя единый отдохновенія твоего на бесѣдованіе съ дѣлившимъ нѣкогда съ тобою горесть и радовавшимся о твоей радости, съ кѣмъ ты юношескіе провелъ дни свои.

Вокругъ мѣста, гдѣ сооружался сокровенно чрезъ 15-ть лѣтъ образъ изваянный императора Петра, воздвигнута была рисованная на полотнѣ заслона; а хоромина, бывшая надъ нимъ, непримѣтно сломана и мѣсто вокругъ все очищено.

Въ день назначенный для торжества, во второмъ уже часу попо-

*) Письмо это издано Радищевымъ въ 1789-мъ году особою брошюрою, въ маленькую осьмушку, стр. 8. Книжечка отпечатана въ Спб., какъ пробный оттискъ въ типографіи, заведенной Радищевымъ, и составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость. Она имѣется въ библіотекѣ нашего сотрудника, извѣстнаго библіографа П. А. Ефремова, которому мы и обязаны сообщеніемъ ея на страницахъ «Русской Старины». Ред.

лудни, толпы народа стекалися къ тому мѣсту, гдѣ зрѣть желали лице обновителя своего и просвѣтителя. Полки гвардіи преображенскій и семеновскій, бывшіе нѣкогда сотоварищи опасностей Петровыхъ и его побѣдъ, также и другіе полки гвардіи, тутъ бывшіе подъ предводительствомъ начальниковъ своихъ, окружили мѣста позорища, артиллерія, кирасирскій новотроицкій полкъ и кіевской пѣхотной заняли мѣста на близъ лежащихъ улицахъ. Все было готово; тысящи зрителей на сдѣланныхъ для того возвышеніяхъ и толпа народа, разсѣяннаго по всѣмъ близъ лежащимъ мѣстамъ и кровлямъ, ожидали съ нетерпѣніемъ зрѣти образъ того, котораго предки ихъ въ живыхъ ненавидѣли, а по смерти оплакивали. Истинно-бо есть и непреложно: достоинство заслуги и добродѣтель привлекаютъ ненависть нерѣдко и самихъ тѣхъ, кои причины не имѣютъ ихъ ненавидѣть; когда же вина и предлогъ ненависти исчезаетъ, то и она не отрицаетъ имъ должнаго и слава великаго мужа утверждается по смерти. Сооружившая монументъ славы Петра, императрица Екатерина, сѣвъ на суда у лѣтняго своего дома, прибыла къ пристани; вышедъ на берегъ, шествовала на уготованное при сенатѣ ей мѣсто, между строя воевъ своихъ. Едва вступить она успѣла на оное, какъ бывшая вокругъ статун заслона, помалу и непримѣтно какъ, опустилася. И се явился паки взорамъ нашимъ сѣдящъ на конѣ борзомъ, въ древней отцовъ своихъ одеждѣ, мужъ, основаніе града сего положившій и первый, который на невскихъ и финскихъ водахъ воздвигъ россійскій флагъ, доселѣ не существовавшій. Явился онъ взорамъ любезныхъ чадъ своихъ сто лѣтъ спустя, когда впервые трепещущая его рука, младенцу ему сущу, пріяла скипетръ обширныя Россіи, предѣлы коея онъ расширилъ столь славно.

Благословенно да будетъ явленіе твое, речетъ преемница престола его и дѣлъ и преклоняетъ главу. Всѣ слѣдуютъ ея примѣру. И се, слезы радости орошаютъ ланиты. О, Петръ! — Когда громкія дѣла твои возбуждали удивленіе и почтеніе къ тебѣ, изъ тысящи удивлявшихся великости твоего духа и разума, былъ ли хотя единъ кто отъ чистоты сердца тебя возносилъ. Половина была ласкателей, кои во внутренности своей тебя ненавидѣли и дѣла твои порицали; другіе, объемлемые ужасомъ безпредѣльно самодержавныя власти, раболѣпно предъ блескомъ твоея славы, опускали зеницы своихъ очей. Тогда былъ ты живъ, царь всесиленъ. Но днесь, когда ты ни казнить, ни миловать не можешь, когда ты бездыханенъ, когда ты меньше силенъ, нежели послѣдній изъ твоихъ воиновъ, шестдесятъ лѣтъ по смерти, хвалы твои суть истинны, благодарность нелестна. Но колико кратъ болѣе признаніе наше было живѣе и тебя достой-

нѣе, когда бы оно не слѣдовало примѣру твоея преемницы, достойному хотя примѣру, но примѣру того, кто смерть и жизнь милліоновъ себѣ подобныхъ въ рукѣ своей имѣетъ. Признаніе наше было бы свободнѣе и чинъ открытія изваяннаго твоего образа превратился бы въ чинъ благодарственнаго молебствія, каковое въ радости своей народъ возсылаетъ къ предвѣчному Отцу.

Изъ тысящей бывшихъ тутъ зрителей, извѣстныхъ было три человѣка, кои Петра I видѣли. Но неприметно было, ощутили ли они при явленіи его образа то благоговѣніе, которое ощущаемъ, увидѣвъ мужа славна, намъ извѣстнаго. — Дѣйствіе продолжалося. Пушечная пальба со стоящихъ на рѣкѣ судовъ, съ крѣпости и адмиралтейства и троекратной бѣглой огонь—возвѣщали отсутственнымъ явленіе образа приведшаго силы пространныя Россіи въ дѣйствіе. — Стоявшіе въ строю полки ударили походъ, отдавая честь и съ преклонными знаменами шли мимо подавшаго имъ первый примѣръ слѣпаго повиновенія воинской подчиненности, показывая учредителю своему плоды его трудовъ, при продолжающейся военныхъ судовъ пальбѣ, которые сардамскому плотнику въ честь, украсилися многочисленными флагами. Сей день ознаменованъ прощеніемъ разныхъ преступниковъ и медалію, сдѣланною въ честь обновителя Россіи.

Статуя представляетъ мощнаго всадника, на конѣ борзомъ, стремящемся на гору крутую, коея вершины онъ уже достигъ, раздавивъ змѣю, въ пути лежащую и жаломъ своимъ быстрое ристаніе коня и всадника остановить покусившуюся. Узда простая, звѣриная кожа вмѣсто сѣдла, подпругою придерживаемая, суть вся конская сбруя. Всадникъ безъ стремянъ, въ полукафтаньѣ, кушакомъ препоясанъ, облеченной багряницею, имѣющъ главу лаврами вѣнчанную и десницу простертую. Изъ сего довольно можешь усмотрѣть мысли изваятеля. Еслибъ ты здѣсь былъ, любезной другъ, если бы ты самъ видѣлъ сей образъ, ты зная и правила искуства, ты упражняяся самъ въ искуствѣ сему собратномъ, ты лучше бы могъ судить о немъ. Но позволь отгадать мнѣ мысли творца образа Петрова. Крутизна горы суть препятствія, кои Петръ имѣлъ, производя въ дѣйство свои намѣренія; змѣя, въ пути лежащая, коварство и злоба, искавшіе кончины его за введеніе новыхъ нравовъ; древняя одежда, звѣриная кожа и весь простой уборъ коня и всадника суть простые и грубые нравы и непросвѣщеніе, кои Петръ нашелъ въ народѣ, которой онъ преобразовать вознамѣрился; глава, лаврами вѣнчанная, побѣдитель-бо былъ прежде, нежели законодатель; видъ мужественной и мощной и крѣпость преобразователя; простертая рука, покровительствующая, какъ ее называетъ Дидеро и взоръ веселый суть внутренное увѣре-

ніе достигшія цѣли, и руна простертая являетъ, что крѣпкій мужъ, преодолѣвъ всѣ стремленію его противившіеся пороки, покровъ свой даетъ всѣмъ, чадами его называющимся. Вотъ, любезный другъ, слабое изображеніе того, что, взирая на образъ Петровъ, я чувствую. Прости, буде я ошибаюся въ моихъ сужденіяхъ о искуствѣ, коего правила мнѣ малоизвѣстны. Надпись сдѣлана на камнѣ самая простая:

Петру Первому Екатерина Вторая, Лѣта 1782-го.

Петръ по общему признанію нареченъ Великимъ, а сенатомъ—отцемъ отечества. Но за что онъ можетъ великимъ назваться? Александръ раззоритель полусвѣта названъ великимъ; Константинъ, омывыйся въ крови сыновней, названъ великимъ; Карлъ первой, возобновитель Римской Имперіи, названъ великимъ; Левъ папа римскій, покровитель наукъ и художествъ, названъ великимъ; Козма Медицисъ герцогъ тосканскій названъ великимъ; Генрихъ, доброй Генрихъ IV, король французскій названъ великимъ; Людвигъ XIV, тщеславный и кичливый Людвигъ, король французскій названъ великимъ; Фридрихъ II король прусскій еще при жизни своей названъ великимъ. Всѣ сіи владѣтели, о множествѣ другихъ не упоминая, коихъ ласкательство великими называетъ, получили сіе названіе для того, что изступили изъ числа людей обыкновенныхъ услугами къ отечеству, хотя великіе имѣли пороки. Частной человѣкъ гораздо скорѣе можетъ получить названіе великаго, отличаяся какой либо добродѣтелію или качествомъ, но правителю народовъ мало, для пріобрѣтенія сего лестнаго названія, имѣть добродѣтели или качества частныхъ людей. Предметы надъ коими разумъ и духъ его обращается суть многочисленны. Посредственной царь исполненіемъ одной изъ должностей своего сана, былъ-бы можетъ быть великій мужъ въ частномъ положеніи; но онъ будетъ худой государь, если для одной пренебрежетъ многія добродѣтели. Итакъ, вопреки женевскому гражданину, познаемъ въ Петрѣ мужа необыкновеннаго, названіе великаго заслужившаго правильно.

И хотя бы Петръ не отличился различными учрежденіями, къ народной пользѣ относящимися, хотя-бы онъ не былъ побѣдитель Карла XII, то могъ бы и для того великимъ назваться, что далъ первый стремленіе столь обширной громадѣ, которая яко первенственное вещество была безъ дѣйствія.—Да не уничижуся въ мысли твоей, любезной другъ, превознося хвалами столь властнаго самодержавца, которой истребилъ послѣдніе признаки дикой вольности своего отечества. Онъ мертвъ, а мертвому льстити неможно! И я скажу, что могъ бы Петръ славнѣя быть, возносяся самъ и возноса отечество свое, утверждая вольность частную; но если имѣемъ примѣры что

цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что происходило не отъ великодушія, но отъ сытости своего сана, то нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, что бы царь упустилъ добровольно что ли(бо) изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ*).

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Ода Платону Зубову вышитая дѣвицами Смольнаго монастыря.

1791 г.

Въ числѣ рѣдкостей, случайно мнѣ попадавшихся, я приобрѣлъ вышитое шелками на бѣломъ атласѣ воспитанницами „Общества благородныхъ дѣвицъ“ (Смольнаго монастыря) привѣтствіе ихъ въ новый годъ, на французскомъ языкѣ, Платону Александровичу Зубову, подъ заглавіемъ:

Ode

A son Excellence
Monseigneur
Platon de Soubow
Le 1 du Janvier 1790.

Вышиты шелками связанныя лентою гвоздика и почка розы.—За симъ слѣдуютъ двѣнадцать стиховъ, которыхъ куплеты отдѣлены искусно вышитыми незабудками.

Présent de la divine Destinée
Espoir de nos souhaits, nouvelle année,
Repends tes dons les plus précieux,
Sois soulageur du pauvre, l'appui du malheureux

Monseigneur! Joye de la patrie,
Pour Vos prospérités notre coeur est attendrie;
Votre clémence nous en est garant,
Quand on pense si bien, on doit vivre long tems!

De vos bienfaits, si chers à notre mémoire
Les siécles d'avenir contempleront la gloire.
Regardez, d'un oeil gracieux
Cet hommage seigneur! de nos ardantes voeux!**)

Сообщ. В. М. Федоровъ.

*) Если бы сіе было писано въ 1790 году, то примѣръ Лудвига XVI далъ бы сочинителю другія мысли. Примѣчаніе А. Н. Радищева.

**) Переводъ: «Даръ божественной судьбы, надежда нашихъ желаній новый годъ! разсыпь твои драгоцѣнные дары, будь утѣшитель бѣднаго, опорою страдальцу.

Радость отечества, твое счастіе умиляетъ сердце наше, твое благодушіе завѣряетъ насъ, что тотъ, кто такъ хорошо думаетъ, долженъ и жить долго.

Будущіе вѣка созерцатели славы твоихъ благодѣяній, любезныхъ для нашей памяти, взгляните благосклоннымъ взоромъ на это приношеніе нашихъ пламенныхъ желаній!» В. Ф.

Подлинный экземпляръ этой оды на большомъ кускѣ атласа, весьма хорошо сохранившійся, мы видѣли у Б. М. Федорова. Ред.

Разсказъ изъ временъ императора Павла.

Бабушка покойной жены моей В. Ф. (рожденной княжны Масальской) Ирина Логиновна Богаевская, супруга бывшаго оберъ-секретаря правительствующаго сената и извѣстнаго въ свое время литератора, Ивана Ивановича Богаевскаго, въ самой старости своей (въ 1830 году) сохраняла еще слѣды необыкновенной красоты, а въ первые годы замужества, по отзыву ея современниковъ, могла считаться одною изъ первыхъ красавицъ въ столицѣ.

Однажды, въ царствованіе императора Павла она ѣхала въ каретѣ извѣстить свою опасно больную пріятельницу, Полуектову, и на дорогѣ неожиданно встрѣтила государя, ѣхавшаго въ сопровожденіи Кутайсова.—По установленному въ то время обычаю, ѣдущіе въ каретахъ должны были останавливаться при встрѣчѣ императора. Слуга, стоящій позади кареты, долженъ былъ немедленно соскочить съ запятокъ и отпереть дверцу кареты, и кто бы ни ѣхалъ въ ней, и какое бы ни было время, долженъ былъ выдти изъ кареты и, сбросивъ съ себя верхнюю одежду, спуститься на подножку для поклона его величеству. Дамы не были освобождены отъ этого, и молодая Богаевская должна была подчиниться уставу. Государь остановился, внимательно посмотрѣлъ на нее, и съ особенною благосклонностію отвѣчалъ на поклонъ ея.—Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ послалъ Кутайсова освѣдомиться о фамиліи повстрѣчавшейся дамы и о мѣстѣ ея жительства. Кутайсовъ стремительно подскакалъ къ стеклу кареты, снова остановилъ ее, и испуганная Богаевская, въ замѣшательствѣ, на вопросъ его промолвила фамилію пріятельницы, къ которой она ѣхала, а на вопросъ о жительствѣ назвавшись ея именемъ, указала и домъ ея. Замѣтивъ испугъ молодой дамы, Кутайсовъ доложилъ и объ этомъ государю, а Богаевская, отложивъ посѣщеніе больной пріятельницы, отправилась прямо домой и разсказала о всемъ мужу.

На другой же день, по повелѣнію государя, Кутайсовъ отправленъ былъ узнать о здоровьи Полуектовой. Каково же было удивленіе его, когда ему отвѣчали, что она скончалась. Это извѣстіе еще болѣе изумило и огорчило государя и Кутайсовъ долженъ былъ нѣсколько разъ повторять ему, что онъ самъ видѣлъ въ домѣ печальныя приготовленія, и что покойная неузнаваема. Это навело императора на размышленія о превратности человѣческой жизни и странной игрѣ случая. Къ счастію, что торопливый Кутайсовъ при освѣдомленіи не пускался въ дальніе расспросы, которые легко бы привели къ разгадкѣ неожиданнаго случая. Между тѣмъ Богаевскіе, узнавъ о смерти ихъ пріятельницы и встревоженные отвѣтомъ на освѣдомленіе государя, распорядились закрыть

ставни свего дома и рѣшились немедленно отправиться въ свою деревню, гдѣ прожили два лѣтніе мѣсяца, а возвратясь въ городъ Богаевская еще три мѣсяца никуда не выѣзжала изъ дома, опасаясь послѣдствій своей встрѣчи и остерегалась встрѣтиться снова съ высокимъ цѣнителемъ красоты.

Сообщ. В. М. Федоровъ.

АФИША О КОНЦЕРТѢ.

(1812—1825 гг.)

ЧАСТЬ I.

Большая увертюра, пѣтая членами государственнаго совѣта:

«Съ тѣмъ-ли насъ хозяинъ звалъ,
Чтобы мы молчали!»

Князь Салтыковъ . . . . . „Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много".

Дмитріевъ . . . . . „Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ".

Гурьевъ . . . . . „Голова ты моя головушка".

Козодавлевъ . . . . . „То теряю, что люблю".

Князь Лопухинъ . . . . . „Вотъ и я въ князья попался".

Князь Горчаковъ . . . . . „Ахъ талантъ-ли мой талантъ".

Кн. Голицынъ . . . . . „Доволенъ я судьбою".

Балашовъ . . . . . „Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду!"

Молчановъ . . . . . „Я золото хороню, чисто серебро хороню".

Кн. Барклай-де-Толли . . . „Винятъ меня въ народѣ".

Г. Толстой . . . . . „Вспомни, вспомни, мой любезной, мою прежнюю любовь!"

Пестель . . . . . „Попаду-ли я въ Сибирь?"

Г. Витгенштейнъ . . . . . „Исполненъ свѣтъ о мнѣ хвалой".

Кн. Куракинъ . . . . . „Я въ печали пребываю".

Кн. Лобановъ . . . . . „Перестань болтать пустое".

Г. Платовъ . . . . . „Ѣхалъ казакъ за Дунай".

Г. Ливенъ . . . . . „Счастье строитъ все на свѣтѣ".

Обрѣсковъ . . . . . „Ахъ! рано бы, морщины на лбу вамъ быть моемъ".

Трощинскій . . . . . „Новый видъ возьметъ Россія — и узритъ труды мои".

Хоръ челобитчиковъ . . . . . „Деньги все превозмогаютъ!"

Хоръ мартинистовъ . . . . . „Желанья наши совершились".

Хоръ купцовъ . . . . . „Кто умѣетъ жить обманомъ".

ЧАСТЬ II.

Увертюра, пѣтая хоромъ комитета министровъ:
«О свидѣтели безгласны!»

Г. Румянцовъ. . . . . „За что меня браните“.
Г. Аракчеевъ . . . . . „Несчастная наша доля —
Никто насъ не любитъ“.
Сперанскій. . . . . „Измѣнилъ — и признаюся“.
Магницкій . . . . . „Ахъ гдѣ, ахъ гдѣ укрыться“.
Пукаловъ . . . . . „Ахъ ты душенька, жена моя“.
Чикаловъ (Чичаговъ?). . . . „Все на свѣтѣ презираю“.
Г. Растопчинъ . . . . . „Мнѣ нельзя быть равнодушнымъ“.
Нарышкинъ . . . . . „Ну, попался я несчастной“.
Кн. Кутузовъ . . . . . „Хоть Москва въ рукахъ французовъ“.
Новосильцовъ. . . . . „Что за чортъ, куда я переселился“.
Гр. Панинъ . . . . . „Проходи несносно время“.
Державинъ . . . . . „Пусть кто хочетъ пишетъ оды“.
Кикинъ . . . . . „Въ кошелекъ я твой влюбился, а по
немъ люблю тебя“.
Гр. Морковъ. . . . . „Перестань напрасно льститься“.
Бирамъ. . . . . „Ты, батюшка, царевъ кабакъ“.

Сообщ. **П. А. Ефремовъ**.

Примѣчаніе. Приведенная «афиша» взята изъ рукописнаго сборника, писаннаго на толстой синей бумагѣ въ 4 д. и заключающаго въ себѣ изрядное число разныхъ шутливыхъ посланій, также одъ, разговоровъ, эпиграммъ и проч. мелкихъ произведеній—Державина, Батюшкова, Мерзлякова, Воейкова, Измайловыхъ и разныхъ неизвѣстныхъ авторовъ. Большая часть вошедшихъ въ сборникъ произведеній давно уже напечатана, но всѣ они, въ свое время, ходили во множествѣ списковъ, судя по тому, что зачастую попадаются въ разныхъ сборникахъ первыхъ двухъ десятковъ лѣтъ текущаго столѣтія. «Афиша о концертѣ» также достаточно извѣстна; объ этой невинной, но нелишенной остроумія и занимательности шутки—есть, между прочимъ, упоминаніе въ запискахъ М. А. Дмитріева: «Мелочи изъ запаса моей памяти» (изд. 1869 г. Москва, стр. 144). Авторъ «Мелочей» приводитъ нѣсколько строкъ изъ «Концерта», но по другому противу нашего списку. Такъ, напр., гр. Аракчеевъ поетъ:

Вы раздайтесь, разступитесь,
Добрые люди!»

Министръ финансовъ Гурьевъ:

«Ахъ ты батюшка, царевъ кабакъ!»

Статсъ-секретарь Шишковъ:

«Ахъ тошно мнѣ
На чужой сторонѣ!»

Приведя эти строки и тѣже пѣсни—про государственный совѣтъ, Дмитріева и Балашова, какія приведены и въ нашемъ спискѣ «афиши», авторъ «Мело-

чей» замѣчаетъ: «Другихъ не помню, но всѣ пѣсни были прибраны очень кстати и очень забавно. Тогда это было ничего, одна шутка и сами осмѣянные смѣялись».

Обращаясь къ приведенному нами, какъ можно думать, совершенно полному списку по рукописи П. А. Ефремова, необходимо замѣтить, что время сочиненія «афиши о концертѣ», по крайней мѣрѣ первой ея редакціи, безошибочно можно отнести къ концу 1812 года; затѣмъ, ходя по рукамъ, «афиша» дополнялась и измѣнялась до двадцатыхъ годовъ.

Вотъ справка о нѣкоторыхъ «участникахъ» въ «концертѣ» въ томъ порядкѣ, какъ они названы въ афишѣ: Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ—предсѣдатель государственнаго совѣта съ 29 марта 1812 г., † 1816 г.—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, членъ госуд. сов. 1810 г., уволенъ въ 1814 году, † 1837 г.—Гурьевъ, гр. Дмитрій Александровичъ † 1825 г.—Лопухинъ, кн. Петръ Васильевичъ † 1827 г.—Горчаковъ, кн. Алексѣй Ивановичъ, членъ госуд. совѣта 1815 г., † 1817 г.—Голицынъ, кн. Александръ Николаевичъ, членъ госуд. сов. 1810 † 1844 г.—Балашовъ, Александръ Дмитріевичъ, членъ гос. сов. съ 1810 г., былъ министромъ полиціи, † 1837 г.—Барклай-де-Толли, князь Михаилъ Богдановичъ, † 1818 г.—Толстой, графъ Петръ Александровичъ † 1844 г.—Пестель, Иванъ Борисовичъ, членъ госуд. сов. съ февраля 1816 г., извѣстный генералъ-губернаторъ Сибири.—Витгенштейнъ, Петръ Христіановичъ, членъ госуд. совѣта 1818 г., † 1843 г.—Лобановъ-Ростовскій, кн. Яковъ Ивановичъ, членъ госуд. сов. съ февраля 1816 г. † 1831 г.—Куракинъ, кн. Александръ Борисовичъ † 1818 г.—Ливенъ, графъ, потомъ князь Карлъ Андреевичъ, членъ госуд. сов. 1826 г. † 1844 г.—Трощинскій, Дмитрій Прокофьевичъ, членъ госуд. совѣта съ 1814 г., уволенъ 1817 г., † 1829 г.—Румянцовъ, гр. Николай Петровичъ, бывшій первымъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, † 1826 г.—Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ † 1839 г.—Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ, статсъ-секретарь д-та законовъ 1810 г., уволенъ 1812 г., извѣстный впослѣдствіи обскурантъ и изувѣръ.—Пукаловъ, мужъ Варвары Петровны Пукаловой, любовницы гр. Аракчеева.—Растопчинъ, гр. Ѳедоръ Васильевичъ, членъ госуд. сов. 1814 г., увол. 1823 г. † 1826 г.—Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Михаилъ Илларіоновичъ † 1813 г.—Новосильцовъ, Николай Николаевичъ † 1838 г.—Морковъ, гр. Аркадій Ивановичъ, членъ госуд. сов. 1821 г. † 1827 г. Большинство «участниковъ въ концертѣ»—члены государственнаго совѣта; нѣкоторые, впрочемъ, лица во время сочиненія «афиши» не были еще въ совѣтѣ, но либо занимали министерскіе посты, либо вообще играли почему-либо видную роль въ общественной жизни того времени, почему и попали въ программу концерта съ аріей, заключающей намекъ на характеръ, умъ, способности, либо на дѣятельность помянутаго солиста.

Не лишнее замѣтить, что списки напечатанной нами «афиши» настолько распространены, что даже вызвали въ концѣ 1850 и въ началѣ 1860 гг. подражанія, при чемъ, разумѣется, участниками «концерта» явились дѣятели уже нашего времени. Ред.

Посланіе къ галламъ, по случаю восшествія на тронъ Наполеона III

(1852)

Народъ, смѣявшійся надъ всѣмъ, безъ исключенья,
Какъ ты, въ нашъ вѣкъ, смѣшно упалъ.
Къ чему вели тебя всѣ бунты и волненья?
Ты изъ огня, да въ полымя попалъ!
Гдѣ-жъ эта спорная, несчастная свобода?
Изъ-за чего свою вы проливали кровь?
Гдѣ братство, равенство, права народа,
Гдѣ ваша къ вольности любовь?
Теперь вы новому властителю такъ рады...
Вы головы предъ нимъ рѣшились преклонить...
За чѣмъ же строили вы ваши баррикады?
За чѣмъ же огородъ вамъ было городить?...
Снимайте-жъ колпаки!... долой игрушки эти...
Да, правду-матку говоря:
Вы не сыны отечества, а дѣти;
Лягушки вы, просящія царя!
Король Филиппъ чурбаномъ вамъ казался,
Прогнали вы его, не въ добрый часъ,
Теперь, на оборотъ, такой вамъ гусь попался.
Что цаплей сдѣлался для васъ...
А вы всѣ съежились, свои хвосты поджали;
Склеили для него опять разбитый тронъ;
И раболѣпно закричали:
«Да здравствуетъ Наполеонъ!»
Кричите громче.... Бѣсноваться,
Не въ первый разъ французамъ безъ пути...
Наполеона вамъ втораго не дождаться,
А съ третьимъ вамъ недалеко уйдти!

1852. П. А. Каратыгинъ.

Примѣчаніе. Помѣщенное выше «Посланіе» принадлежитъ перу—извѣстнаго артиста Петра Андреевича Каратыгина. Обойдя въ 1852 году всю Россію, оно нѣсколько лѣтъ спустя, изъ массы рукописной запретной литературы вынырнуло въ печать въ одномъ изъ заграничныхъ сборниковъ. Печатаемъ стихотвореніе съ подлинника сообщеннаго самимъ авторомъ. Въ 1852 году оно съ одобреніемъ было прочитано императоромъ Николаемъ Павловичемъ, а въ 1871 году, это же стихотвореніе любопытно какъ предвѣдѣніе русскаго человѣка о судьбѣ, какую уготовила себѣ Франція сплотивши тронъ Наполеону III. Ред.

вых при имп. Аннѣ; сношенія князя А. А. Черкасскаго съ Гольштинскимъ дворомъ при имп. Аннѣ и нѣкоторыя данныя по дѣлу Мировича.

Матеріалы эти помѣщались въ приложеніяхъ къ журналу «Заря» и нынѣ вышли отдѣльнымъ оттискомъ.

Catalogue de la collection des medailles et monnaies polonaises du comte Emeric Hutten-Czapski. Vol. I. Спб. 1871 г. въ 4 д. 406 стр. Цѣна 12 рубл.

Нашъ почтенный сотрудникъ графъ Э. К. Гуттенъ-Чапскій предпринялъ изданіе каталога своей въ высшей степени замѣчательной нумизматической коллекціи. Пока напечатанъ первый томъ. На 400 слишкомъ страницахъ этого тома помѣщено описаніе 2585-ти медалей и монетъ, идущихъ изъ весьма отдаленнаго времени вплоть до XVIII в. Весьма многіе изъ этихъ экземпляровъ переданы въ книгѣ въ весьма отчетливо выполненныхъ снимкахъ. Независимо отъ сего, къ концу книги приложено нѣсколько таблицъ съ гербами коронованныхъ польскихъ особъ, родовъ и проч.

Не смотря на то, что графъ Чапскій имѣетъ въ польской литературѣ весьма солидныхъ предшественниковъ, потрудившихся надъ объясненіемъ отечественной нумизматики, тѣмъ не менѣе его изданіе есть весьма пріятное явленіе, какъ по полнотѣ коллекціи, такъ и по изяществу типографскаго исполненія. Нельзя однако не пожалѣть, что въ такой разнообразной и богатой коллекціи не встрѣчается литовско-русскихъ рублей и гривенъ, имѣющихся наприм. въ Виленскомъ музеѣ.

Вотъ не большое предисловіе гр. Чапскаго къ почтенному его труду. Помѣщаемъ его въ извлеченіи:

«Я поставилъ себѣ задачею, при составленіи этаго каталога, не ограничиваться простымъ перечнемъ монетъ моей коллекціи, но тщательно описывать каждую монету и медаль съ обозначеніемъ знаковъ, монограммъ и заглавныхъ буквъ, чтобы этимъ облегчить дальнѣйшія изслѣдованія нумизматовъ».

«Предоставляя заботу о составленіи гипотезъ лицамъ болѣе меня свѣдущимъ, я по совѣсти не выходилъ за предѣлы положительнаго».

«Но въ виду огромнаго количества фальшивыхъ монетъ, пріобрѣтенія которыхъ такъ трудно избѣгнуть, мнѣ казалось необходимымъ описать также и фальшивыя монеты, которыя попадались мнѣ подъ руку».

«Гербы королевскихъ фамилій Польши окружаютъ заглавный листъ; тѣ изъ нихъ, которые не приведены въ четырехъ наиболѣе распространенныхъ сочиненіяхъ о нумизматикѣ, а именно: Строичинскаго Ванденаго, Загорскаго и Рачинскаго изображены въ точности на заглавномъ листѣ и на XIX литографированныхъ таблицахъ въ концѣ 2-ой части; относительно же тѣхъ, которые извѣстны, я ограничился описаніемъ съ ссылкою на № тѣхъ сочиненій, въ которыхъ они появлялись».

«Я нашелъ необходимымъ прибавить къ первой части: а) пояснительную таблицу сокращеній и знаковъ употребленныхъ въ текстѣ. в) пять таблицъ съ поясненіями мнѣ наиболѣе извѣстныхъ: 1) Гербовъ и монограммъ королей; 2) гербовъ городовъ; 3) гербовъ и монограммъ казначеевъ Польши и Великаго Княжества Литовскаго; 4) знаковъ монетныхъ дворовъ и монетчиковъ и 5) Сокращеній и монограммъ находящихся на описанныхъ монетахъ;

c) таблицу съ гербами королевскихъ фамилій Польши;

d) и e) двѣ таблицы гербовъ провинцій и городовъ, которыхъ можно встрѣтить на Польскихъ монетахъ и медаляхъ.

f) таблицу гербовъ казначеевъ Польскаго королевства и Великаго Княжества Литовскаго, которые встрѣчаются на нѣсколькихъ монетахъ; описанныхъ мною;

g) наглядный указатель размѣровъ въ милиметрахъ.

«Въ приложеніяхъ ко второму тому помѣщены:

a) таблица сокращеній и знаковъ употребленныхъ въ текстѣ;

b) таблица сокращеній и монограммъ находящихся на монетахъ описанныхъ въ этой части;

c) списокъ сочиненій, которыми руководствовался я при составленіи каталога;

d) таблица съ различными ребрами монетъ моей коллекціи, чтобы можно было обозначить въ текстѣ лишь номеръ ребра;

e) наглядный указатель размѣровъ въ миллиметрахъ.

«Въ прибавленіи, находящимся въ концѣ каталога, описываются различныя монеты и медали: Эльбинга, Данцига, Риги, Ливоніи, Ревеля, Швеціи, Франціи, Пруссіи, Галиціи, Саксоніи и Италіи, которые имѣли какое нибудь отношеніе къ исторіи Польши.

«Вѣсъ обозначенъ гранами, размѣръ миллиметрами»....

Въ заключеніе гр. Чапскій говоритъ: «Я съ благодарностью приму замѣчанія нумизматовъ, которые будутъ такъ добры указать мнѣ на ошибки, неизбѣжныя при составленіи трудовъ подобнаго рода. Я бы желалъ имѣть сознаніе, что я содѣйствовалъ, хотя бы только и отчасти, къ точному опредѣленію чиселъ и фактовъ исторіи, которая, не смотря на весь свой интересъ, такъ еще мало извѣстна».

Все роскошное изданіе гр. Чапскаго обошлось ему свыше 10 т. рублей; оно напечатано въ количествѣ 500 экземпляровъ. Всѣ экземпляры пронумерованы.

Мы имѣемъ основаніе надѣяться, что ученый нумизматъ не остановится на каталогѣ польскихъ монетъ и медалей и издастъ столь же полное, роскошное и отчетливо составленное описаніе русскихъ монетъ и медалей.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1871 г., второй годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктпетербургѣ** и **Москвѣ**, — **семь рублей** за весь годъ, т.-е. за 12 книгъ.

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ** «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова** (**Невскій проспектъ, 30**); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ **Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, **д. Алексѣева.**

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **неключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и въ д. Трута.**

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому**: въ **С.-Петербургъ, Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 13.**

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. **записокъ Болотова, Добрынина, Лагарпа, М. А. Бестужева,** и архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова**, кн. **Щербатова**, кн. **Куракиныхъ**, гр. **Ставельбергова**, свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина**, — записки: гр. **Г. П. Чернышова**, адмир. **Колзакова**, зап. **И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго** (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго**, кн. **Барклай-де-Толли**, кн. **А. А. Шаховскаго**, партиз. **Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); поч. лейбъ-хирург. **Д. К. Тарасова**, ак. жив. **А. В. Ступина** (1776—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича**; зап. **Н. И. Греча** (біографія **Ѳ. В. Булгарина**); зап. **А. В. Никитенко, И. И. Свѣзева**; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; біографія А. Н. Сѣрова, состав. **В. В. Стасовымъ**; записки **А. И. Красовскаго**; **С. Н. Глинки**; **К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); **Н. В. Берга**: воспомин. о Гоголѣ; записки **Н. В. Веригина** и др. Письма **Волынскаго** и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ—**А. Г. Пупарева**; письма гр. **Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II**; письма императоровъ: **Павла I, Александра I**, цесар. **Константина**; императр. **Елизаветы Алексѣевны; Куликина**; гр. **Аракчеева**, кн. **Васильчикова**, гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова**, мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**, письма графа **Толя** (1831 г.); 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховит.**; неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Тумапскаго, Языкова, Козлова, Рылѣева, Пушкина**, архит. **Витберга**; проекты и статьи **В. Н. Каразина**; сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. К. Щебальскаго**; статьи: профес. **И. Д. Бѣляева** и **Н. С. Тихонравова. Г. Н. Геннади**, кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, П. А. Степанова, Н. П. Дурова, А. Н. Неустроева.** Сообщ. **П. А. Муханова**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе**, гр. **Э. К. Ламбскаго**, кн. **Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича**, бар. **Ѳ. А. Бюллера, М. Ѳ. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ** и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго **князя Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, **генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.**

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. ОКТЯБРЬ. 1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Записки Гавріила Ивановича Добрынина**, 1752—1823 гг. Часть вторая и третья (окончаніе). 1793—1823 гг. Сообщ. **А. П. Стороженко** 305

II. **Русскій дворъ въ XVIII столѣтіи: Фрейлины**, біографическія замѣтки **П. Ѳ. Карабанова** (окончаніе) 379

III. **Александръ Фомичъ Вельтманъ**, біографическій очеркъ **М. П. Погодина** 405

IV. **Листки изъ записной книжки «Русской Старины»**: 1. Адвокатъ въ царствованіе императора **Павла**. Сообщ. **А. Г. Пупаревъ**. (411). 2. Разсказы изъ жизни **Павла 1-го**. Сообщ. **Оси**. (414). 3. Эпитафія **Суворову** 1800 г. (415). 4. Расправа съ дворовымъ человѣкомъ. 1818 г. Сообщ. **А. Г. Пупаревъ**. (416). 5. Возмущеніе Семеновскаго полка 1820 г. Сообщ. **А. Н. Афанасьевъ**. (419) 6. Три стихотворенія **К. Ѳ. Рылѣева**. Сообщ. **П. А. Ефремовъ**. (435). 7. Подвижничество цензора **Красовскаго** въ русской поэзіи (440). 8. Указъ объ одеждѣ лицъ духовныхъ. Сообщ. **А. Н. Неустроевъ**. 9. Донская артилерія, разсказъ **В. И. Даля**. (445). 10. Замѣтка о родѣ Авраама Веселовскаго. Сообщ. **С. Д. Безобразовъ**. (447).

V. Заявленіе **В. И. Межова** . . 449

VI. Пѣвецъ былинъ въ Петербургѣ. Сообщ. **А. Ѳ. Гильфердингъ**. 451

VII. О столѣтнемъ юбилеѣ дня рожденія гр. Милорадовича . . . 459

VIII. Некрологъ **М. А. Бестужева** † 21 Іюня 1871 г. 460

Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ). Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ второй, ч. XIII и XIV, письма 138—141: Бытъ русскаго дворянства въ XVIII-мъ столѣтіи. 1770 г.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Принимается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ», изд. **1872 г.** Цѣна безъ доставки **7** руб.; съ доставкой въ Петербургѣ и Москвѣ и съ пересылкой въ прочіе города—**восемь** руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1871

X-я книга «Русской Старины» вышла 1-го октября.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1870 г.

Повременное изданіе 1870 г., четыре книги. Москва въ 8 д. цѣна семь руб. съ полтиною, (подписка принимается: въ магазинахъ Соловьева въ Москвѣ и Базунова въ Спб.).

Мы уже имѣли случай говорить о важности и интересѣ этого изданія для отечественной исторіи (см. библ. листокъ при III книгѣ «Русской Старины» 1870 г.). Теперь, по поводу четырехъ книгъ 1870 г., намъ остается повторить, что «Чтенія» продолжаютъ редактироваться О. М. Бодянскимъ, а слѣдовательно и достоинства этого прекраснаго изданія остаются прежнія. Вотъ перечень главнѣйшихъ матеріаловъ, вошедшихъ въ „Чтенія“ 1870 г.

Мнѣнія о разности между восточною и западною церковію, съ исторіею раздѣленія ихъ, представленныя императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ — оберъ-прокурорамъ св. сунода, княземъ А. Н. Голицынымъ, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго; здѣсь помѣщено мнѣніе Филарета, митрополита Московскаго, тогда еще архимандрита, до сихъ поръ неизданное и извѣстное лишь за границею изъ сочиненія Пинкертона: Russia, London. 1833. Изложеніе законоположеній, заключающихся въ армянскомъ судебникѣ—Константина Арсеньева. — Княжеская и до-княжеская Русь, соч. Пассека; о соборномъ управленіи въ Христіанской церкви, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго; сочиненья блаженнаго Θеофилакта болгарскаго, архіепископа первой Юстиніаны, ст. арх. Леонида. — Послѣдній патріархъ болгарскаго царства, блаженный Евеимій и его сочиненія, статья арх. Леонида.

Во II-мъ отдѣлѣ — метеріалы отечесгвенные помѣщены: окончаніе обширнаго сборника русскихъ народныхъ пѣсней П. В. Шейна, сборника весьма замѣчательнаго въ этнографическомъ отношеніи. Журналъ путешествія изъ Москвы въ Нижній 1813 года и путешествіе въ Кіевъ въ 1817 году, два неизданныхъ сочиненія поэта князя Ивана Михайловича Долгорукаго. Путешествія эти весьма интересны по наблюдательности автора; онъ весьма подробно и мѣстами остроумно описываетъ бытъ русскаго провинціальнаго общества того времени, сообщ. много данныхъ для знакомства съ исторіею, промышленностью и вообще съ состояніемъ многихъ русскихъ городовъ. Сужденія и взгляды автора обличаютъ въ немъ—одного изъ гуманнѣйшихъ и просвѣщенныхъ людей своего времени. — Журналъ пребыванія короля польскаго Станислава Августа въ Гроднѣ, 1795—1796 гг. веденый приставомъ при немъ, генералъ-поручикомъ графомъ Ильей Андреевичемъ Безбородко, извлеченъ изъ архива виленскаго генералъ-губернатора М. Θ. Де-Пуле; Олонецкій монастырь Клименцы, съ приписными къ нему пустынями, царскими и іераршими грамотами ст. Е. В. Барсова.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ славянскихъ помѣщено: житіе св. Бориса и Глѣба, по двумъ спискамъ XII и XIV в.; Очеркъ исторіи Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія Клеванова; продолженіе сборника народныхъ пѣсней Галицкой и Угорской Руси, Я. Θ. Головацкаго.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ иностранныхъ помѣщено: окончаніе перевода съ нѣмецкаго подробнаго описанія путешествія голштинскаго посольства соч. Олеарія, переведенное Барсовымъ. За изданіе этого обширнаго историческаго памятника любители отечественной исторіи должны быть премного благодарны О. М. Бодянскому. Вообще, благодаря «Чтеніямъ», мы имѣемъ теперь полные, безъ малѣйшихъ пропусковъ, переводы самыхъ интересныхъ сказаній иностранцевъ о Россіи до XVII столѣтія включительно. Матеріалы для исторіи Россіи, извлеченные изъ рукописей британскаго музея въ Лондонѣ Н. И. Стороженко, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. «Латыши, особливо въ Ливоніи, въ исходѣ философскаго столѣтія», сочиненіе Гарлиба Меркеля, переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. Въ предисловіи, между прочимъ, весьма справедливо замѣчено, что читатель самъ оцѣнитъ важность этого сочиненія для тогдашняго времени, не утратившаго и теперь еще своего значенія для прибалтійскаго края. Разумѣется, сочиненіе это не безъ недостатковъ; но если, съ одной стороны и представляется оно не вполнѣ удовлетворительнымъ, какъ справедливо замѣтилъ это Д. Ф. Самаринъ, за то, по политическому своему характеру, по благонамѣренности, и наконецъ по живому изображенію того ужаснаго положенія, въ которомъ находилось, да и теперь еще находится сельское населеніе Ливоніи; трудъ этотъ чрезвычайно замѣчателенъ. Сочиненіе Меркеля написано съ полнѣйшимъ увлеченіемъ и производитъ на читателя потрясающее впечатлѣніе. Греческія книгохранилища Востока и ихъ рукописи, осмотрѣнныя однимъ англійскимъ путешественникомъ въ 1858 году, сообщ. арх. Леонидомъ.

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ
или
ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.
1752—1823.

---

§ XLIII*).

1793 годъ.

Претерпѣвая много въ перемѣнѣ и невыгодѣ квартиръ, купилъ я съ публичнаго торгу — въ 1793 году — мѣщанской небольшой домикъ на Борисоглѣбской улицѣ. Но мнѣ никогда ничего неудавалося здѣлать безъ препятствія. Уголовной палаты совѣтникъ Варопановъ, фигурка по виду и понятію своему очень мало значущая, но нигдѣ ничего не пропущающая въ свою пользу, услужилъ мнѣ, подъ образомъ переторжки, надбавкою третей части цѣны, увѣренъ будучи, что мнѣ и домъ надобенъ, и что я заплатить въ силахъ. Онъ и не ошибся; ибо возвышенную имъ и заплаченную мною цѣну раздѣлилъ съ тѣмъ несчастнымъ плутомъ, чей продавался домъ.

Я напередъ уже размѣтилъ, что домикъ, въ разсужденіи недавной постройки и положенія мѣста, удобно было образовать; в немъ было четыре небольшихъ разной мѣры покоевъ, пятыя и шестыя сѣни. И я обдѣлалъ его сколь можно поопрятнѣе. Двери, окны далъ ему новые, пропорціональныя. Печи, полы, и толки, не мѣщанскіе, обшилъ снаружи досками, по угламъ

*) См. «Русскую Старину», т. III, изд. 1871 г., стр. 119, 247, 395, 562, 649 и IV, стр. 1, 97 и 177. Ред.

положилъ рюстики и, гдѣ надобно, пиластры; крыльцо сотворилъ нарядное. Баню здѣлалъ новую; людской флигель и сарай, хотя изъ того же стараго строенія перестроены, но поставлены на приличныхъ мѣстахъ. Вокругъ дома, не на высокомъ заборѣ, штакетъ. Садъ, большою частію вишневой, по положенію своему на горѣ, къ сѣверу; а гора, на разстояніе съ небольшимъ саженью, не домыкалась до главнаго корпуса, такъ что прямо изъ сада можно было, по покрытому досками между домомъ и горою промежутку, всходить на крышу дома*). Въ садъ восходъ былъ горою, по широкой покрашеной лѣстницѣ. Восходящему по ней открывался, по мѣрѣ восхода, или, можно сказать, выросталъ, по мѣрѣ восхода, прямо противъ его, видъ крѣпостцы, и казался сквозь деревье какъ будто въ далекѣ, потому что былъ здѣланъ въ маломъ видѣ. Это была стѣнка или заборъ изъ стоячихъ достокъ, вырѣзанныхъ черезъ одну, на верхнихъ концахъ, на подобіе крѣпостныхъ зубцовъ, и подбѣленыхъ мѣломъ на клею. Въ саду, на возвышенномъ надъ улицею мѣстѣ, бесѣдка изъ желузи, кои вставлены между столбами, поставленными осьмиугольникомъ, и на ней куполообразной, рѣшетчатый верхъ, оканчивающійся поставленнымъ на немъ шаромъ. Много еще было кое-какихъ ребячествъ, представляющихъ разныя возвышенія въ готическомъ вкусѣ и одну башню съ флюгеромъ. А все сіе было ничто иное, какъ стоячіе ряды вырѣзанныхъ вверху достокъ, за которыми скрыты, или повѣть для дровъ, или что того нужнѣе. Площадку всего подворья раздѣлялъ низенькой штакетъ на три отдѣленія: 1-е, на чистой дворъ, усаженной въ приличныхъ мѣстахъ деревьемъ; 2-е, на дворъ, при людскомъ жильѣ и при сараѣ, и 3-е, на огородъ. Начиная отъ главнаго корпуса до послѣдняго строенія и забора, все было покрашено: стѣны бѣлою и сѣрою краскою на клею, а крыши обыкновенно красною муміею на маслѣ, штакетъ — чорною, а бесѣдка — подъ виды бѣло-сѣроватаго жилчатаго мрамора. Всего вообще владѣнія моего, подъ строеніемъ, садомъ, подворьемъ и огородомъ, едва ли было 450 квадратныхъ саженей земли; но тѣмъ лутче все изображалось, что, будучи въ тѣсномъ мѣстѣ, одно другого держалось, и могло быть объемлемо, такъ ска-

*) Всходить не для голубей, но для трубы, при надобныхъ случаяхъ. Г. Д.

зать, однимъ взглядомъ. Вся эта мелочь, или склеенная изъ лоскутковъ картинка, стоила мнѣ, по тогдашнему времени, около полуторы тысячи рублей *).

Никто изъ новоприѣзжихъ въ городъ, если ему случалось проѣзжать мимо моего жилища, необходился безъ того, чтобы не спросить скоропостижно: «это чей такой домикъ?» не зная того, что и самъ иногда хозяинъ, въ лѣтнюю пору, слышитъ сей вопросъ, ходя въ густотѣ деревъ по горѣ надъ улицею.

1793, 1794, 1795 — и почти весь 1796—годы прожиты въ немъ. А отъ ноября мѣсяца 1796-го года по іюнь 1797-го года, хотя и жилъ я въ немъ, но долженъ сказать, что уже ни домъ ко мнѣ, ни я къ дому и къ Могилеву не принадлежали, по всеобщему въ Россіи «измѣненію десницею Вышняго» на престолѣ всероссійской имперіи, о чемъ скажется ниже на своемъ мѣстѣ, а теперь заговорю о томъ, что случилось въ продолженіе сказанныхъ 4-хъ лѣтъ.

По второмъ присоединеніи отъ Польши края, раздѣленъ онъ на губерніи: Минскую, Изяславскую, Брацлавскую и Вознесенскую **). Многіе тамъ уніяты захотѣли, или заохочены, или побуждены обратиться къ церкви грекороссійской. Вслѣдствіе сего, состоялось имянное повелѣніе государыни императрицы, чтобы и въ нашихъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, присоединять желающихъ уніятовъ къ грекороссійской церкви, а буде бы кто изъ помѣщиковъ оказался препятствующимъ, того имѣніе брать въ секвестръ. Тогда былъ въ Могилевѣ губернаторомъ г. Черемисиновъ, человѣкъ ***) молчаливой до безсловесности, упрямой до безконечности. А епископомъ былъ Аѳанасій Вольховскій, которой по натурѣ такъ былъ несчастливъ, что знакомое ему евангеліе не могъ читать безъ ошибокъ и частыхъ медленныхъ остановокъ. Къ нему такъ же было предписаніе отъ си-

*) Тогда серебряныя и ассигнаціонныя деньги были почти въ одной цѣнѣ. Четверть ржи—4 р., овса—2 р., по сему и прочая разумѣвай.

Съ 1812 года все учетверилось слишкомъ, въ монетѣ, товарахъ, продуктахъ и проч. 1818 г. Г. Д.

**) Впослѣдствіи времени Павелъ I перемѣнилъ сіи названія, какъ и другія нѣкоторыя. Г. Д.

***) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуты слова: «ни въ чемъ не свѣдущій». Ред.

нода, чтобъ они общими силами и согласіемъ нарядили *) въ разные уѣзды разныхъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ и мнѣ достался Сѣннинской уѣздъ, для присоединенія уніятовъ къ церкви грекороссійской. Всѣмъ намъ повѣщено отъ губернатора, явиться въ соборную архіерейскую церковь; гдѣ, послѣ литургіи, сказано намъ было, съ проповѣдническаго мѣста, протопопомъ Михаиломъ Богуславскимъ поученіе — за неумѣніемъ архіерейскимъ — въ такомъ смыслѣ: что мы предъопредѣлены, избраны, воззваны въ достоинство апостольское, и чтобы мы были мудри—яко змія, и цѣли—яко голубіе. Аминь.

Тутъ раждается вопросъ: «какъ это могло статься, чтобы въ царствованіе Екатерины Великія былъ архіерей безграмотной?» Вотъ какъ: государыня императрица, будучи на 7-мъ десяткѣ лѣтъ и уже при истеченіи своего вѣка и царствованія, естественно, не всегда уже видѣла все тамъ, гдѣ прежде умственной и вещественной ея глазъ досязалъ. А графъ Безбородько, будучи при ней и канцлеръ, и министръ, и правитель всѣхъ дѣлъ, хотя былъ достоинъ сихъ почестей и царскаго довѣрія, но онъ имѣлъ мать, лѣтъ 80-ти слишкомъ. Она не давала сыну покоя своими изъ Малороссіи письмами, требуя, чтобы александроневскій намѣстникъ, архимандритъ Вольховскій, непремѣнно былъ здѣланъ архіереемъ. Инако же?—сыну проклятіе. Ну кому же захочется быть прокляту отъ матери? Вотъ и вся сказка, по крайней мѣрѣ, такъ говорили всѣ, ибо каждой любопытенъ былъ знать, почему на такую важную степень возведенъ человѣкъ неграмотной, и посланъ въ такую губернію, гдѣ всякой ксіонъ говоритъ латинскимъ языкомъ, а многіе и другими иностранными, не включая россійскаго и польскаго. Павелъ I, введя въ обычай жаловать орденами духовенство, пожаловалъ и Вольховскому аннинскую ленту; но, любя порядокъ, лишилъ его, чрезъ годъ мѣста, и велѣлъ послать въ одинъ изъ малороссійскихъ монастырей, помнится въ Лубенскій, гдѣ онъ и скончался. А губернаторъ Черемисиновъ былъ мужъ избранной по сердцу генералъ-губернатора Пассека; впрочемъ, былъ онъ и человѣкъ хорошій, въ силу принятаго во святыхъ обителяхъ правила: «молчаніе и

*) Послѣдняя фраза въ подлинникѣ передѣлана изъ слѣдующей: «почему, оба они общими силами и согласіемъ, или, можно справедливѣе сказать, общимъ недоумѣемъ нарядили». Ред.

невѣдѣніе—грѣха не творятъ», и въ силу латинскаго мнѣнія: «кто молчитъ, тотъ согласенъ» *).

Послѣ поученія нужны были прогоны, и когда губернаторъ, на словесное мое требованіе, мнѣ отказалъ, то я потребовалъ письменно; изъясняясь, между прочимъ, что, въ разсужденіи немаловажности препорученія, нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, двухъ рядовыхъ штатной команды солдатъ, дабы по нимъ видно было, куда я пріѣду, что я чиновникъ отъ короны, отправленный по казенному дѣлу. Мнѣ во всемъ письменно отказано съ угрозами. Итакъ, нечего было дѣлать, надобно было ѣхать на собственномъ коштѣ, какъ будто въ гости. Но прежде, нежели выѣхалъ, разсудилъ послать безтолковое губернаторское повелѣніе и распоряженіе, съ моими замѣчаніями, въ Петербургъ на руки секретарей генералъ-губернаторскихъ, которые были мнѣ не лиходѣи, изъясняясь имъ, что я отправленъ не на шутку по-апостольски, и прося ихъ, ежели придется кстати, доложить генералъ-губернатору.

Отправясь въ городъ Сѣнно и зная изъ имяннаго императорскаго повелѣнія, что велѣно спросить: «не желаютъ ли?» и что желающихъ запрещено удерживать отъ ихъ желаній, старался я не отступить отъ точнаго смысла сего предписанія.

По пріѣздѣ въ Сѣнно, взялъ я съ собою земскаго исправника и съ духовной грекороссійской стороны депутата, по силѣ даннаго ему отъ команды предписанія.

Всѣхъ церквей уніятскихъ во всемъ сѣннинскомъ уѣздѣ тридцать три, которыхъ всѣхъ мы посѣтили. Ко всякой церкви собирали прихожанъ — упредительно чрезъ земскаго исправника, дабы по пріѣздѣ не тратить времени; при каждой церкви читали имъ повелѣнія, предписанія, спрашивали о свободномъ расположеніи ихъ къ перемѣнѣ вѣры, или, лутче сказать, одного только переименованія вѣры. Увѣщавали ихъ чрезъ духовнаго депутата и не обрѣли ни единой души, желающей отстать отъ уніятской и пристать къ грекороссійской церкви.

Когда въ Витебскѣ преосвященный Іосафатъ Кунцевичъ — чему прошло уже лѣтъ около 180, то-есть, въ самыя смутныя для Россіи времена — проповѣдывалъ вѣру уніятскую, тогда державшіеся

*) Послѣдняя строка въ подлинникѣ зачеркнута. Ред.

всѣ греческой вѣры, витебскіе жители убили его и бросили внизъ горы, къ рѣкѣ Двинѣ. А теперь, потомки ихъ, обращенные во время польскаго правленія въ уніяты, почитаютъ его за святого священномученика, каждогодно празднуютъ день его убіенія, и клянутъ, въ своихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ тѣхъ, которые его убили. То-есть: они клянутъ своихъ праотцевъ, отъ которыхъ получили жизнь и наслѣдство имѣнія, и клянутъ настоящихъ грекороссіянъ, подъ управленіемъ которыхъ благоденствуютъ..... Да—помилуй Богъ—не всѣ-ли человѣки суть жертва заблужденія, по словеси священной древности: «непознаша, ниже уразумѣша, во тьмѣ ходятъ!»

Въ три недѣли съ проѣздомъ, возвратился я въ Могилевъ, и былъ вездѣ отъ губернатора и отъ архіерея провозглашенъ безбожникомъ и ослушникомъ. Всѣ тѣ, которые у губернатора и у архіерея каждодневно обѣдывали, охотно тому вѣрили и соглашались; а послѣ нихъ, весь классъ легкомысленныхъ повторялъ тоже, такъ что сѣнницкій уѣздъ, уніяты и Добрынинъ здѣлались общею въ городѣ молвою, даже до тѣхъ поръ, пока она для себя нашла камень преткновенія, а именно: губернаторъ вскорѣ получастъ изъ Петербурга отъ генералъ-губернатора предложеніе, слѣдующаго содержанія:

«Я читалъ донесеніе вашего превосходительства, на которое увѣряю васъ, что Добрынинъ мнѣ не жаловался, а изъ вашихъ бумагъ, о распоряженіи по дѣламъ уніятскимъ, нахожу: что Добрынину, равно и другимъ не дано ни прогоновъ, ни требованныхъ ими солдатъ. Такъ почему-же, ваше превосходительство, назвали его нерадивымъ, когда, напротивъ, исправность его и мнѣ, и вамъ уже извѣстны? Если распоряженіи ваши по сей части не приведены, или не всѣ еще приведены въ исполненіе, поспѣшите ихъ поправить. Для единообразнаго же дѣйствія, прилагаю вамъ копію съ распоряженія полотскаго г-на губернатора, изъ которой ваше превосходительство усмотрите, между протчаго, что посланные по дѣламъ уніятскимъ снабдены прогонами и каждой—тремя солдатами».

Копія съ сего ордера прислана ко мнѣ на той же почтѣ изъ канцеляріи генералъ-губернатора; а въ дополненіе, все сіе пересказывали мнѣ поочередно всѣ тѣ, которые у губернатора обѣдывали, и перемѣня прежнее свое о мнѣ мнѣніе

и голоса, единословно говорили: что губернаторъ, прочитавъ ордеръ генералъ-губернатора, сидя за столикомъ, ударилъ объ него кулаками и заплакалъ; а губернаторша начала проклинать всѣхъ, кого находила достойными праведнаго ея гнѣва. Первое для ней лицо былъ я; второе—канцелярія генералъ-губернаторская, а третье—самъ генералъ-губернаторъ. Слушая сіи вѣсти, я ощутилъ въ себѣ чувствительную жалость къ губернатору и губернаторшѣ. Но, опомнившися, взвѣсилъ и видѣлъ, до какого степени простиралось рвеніе ихъ повредить мнѣ, если неудача была имъ столько чувствительна. Почему и вкушалъ я изъ-подътиха злостную радость.

Уже проходитъ обращенію уніятовъ 5 и 6 мѣсяцовъ, уже оканчивается годъ, уже наступилъ и другой, а посланные изъ уѣздовъ не возвращаются; какъ, между тѣмъ, настоящія ихъ должности терпятъ остановку. Иной доноситъ: обратилъ церковь, двѣ, три. И, лишь только губернское правленіе получитъ такое донесеніе, какъ вдругъ съ противной стороны получаетъ другія—отъ уніятскаго духовенства, отъ прихожанъ, а побочными дорогами и отъ помѣщиковъ—что уніяты принуждены побоями, что церковь отбита насильно, и проч. и проч. Пошли новыя изслѣдованія, секвестры, жалобы въ правленіе, жалобы прямо въ сенатъ, отъ сената строгія требованія отъ намѣстническаго правленія объясненій. И въ намѣстническомъ правленіи здѣлалось цѣлое наводненіе уніятскихъ дѣлъ. Тогда всѣ заговорили, не исключая и губернатора: какой дальновидной человѣкъ Добрынинъ! изъ того уѣзда, гдѣ онъ былъ, нѣтъ ни одного дѣла!

Слѣдующее дѣйствіе также нечаянно послужило въ мою пользу: директоръ экономіи, будучи по должности въ одномъ изъ казенныхъ имѣній въ Быховскомъ уѣздѣ, получилъ тамъ отъ губернатора препорученіе о присоединеніи къ церкви грекороссійской уніятовъ, обитающихъ въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ онъ находится. Вслѣдствіе чего, директоръ собралъ ихъ къ церкви, читалъ, уговаривалъ, соглашалъ; но, недобившись согласія, разсудилъ принудить ихъ силою, какъ начальникъ казенныхъ имѣній, а они, противъ силы здѣлали крикъ, шумъ, изъ чего директоръ экономіи прозрѣлъ, что они сердиты. Нѣсколько изъ нихъ взбѣжали на колокольню и ударили въ на-

батъ. На тревогу сбѣгаются прятавшіеся въ лѣсу и по авинамъ. Толпа увеличивалась. Директоръ экономіи удаляется, доноситъ губернатору, что казенные уніяты взбунтовались, и проситъ усмирить ихъ вооруженною рукою.

Тогда въ Могилевѣ квартировала артиллерія. Начальникъ оной маіоръ Амбразановъ, по требованію губернатора, даетъ ему пушку и канонеровъ. Канонеры съ пушкою двинулись чрезъ городъ на дорогу быховскую. Запѣли пѣсню; а чрезъ нѣсколько часовъ поднялся за ними, послѣ обѣденнаго стола, и самъ губернаторъ Черемисиновъ, препровожденъ изъ покоевъ застольными друзьями и всею фамиліею, которая вся желала ему, въ слезахъ, счастливой побѣды на бунтовщиковъ и благополучнаго возвращенія.

Дѣйствіе и послѣдствіе похода, котораго весь маршъ состоялъ верстъ слишкомъ на двадцать — были таковы:

По прибытіи предъ селеніе, гдѣ церковь уніятовъ, Черемисиновъ велѣлъ выпалить изъ пушки. Мужики, узнавъ причину неслыханнаго еще ими грома, спрятались*) въ страхѣ и трепетѣ, всѣ до единой души, въ лѣса и авины. Губернаторъ, нашедъ пустое селеніе, не находитъ съ кѣмъ имѣть дѣло. Проходитъ вторая половина дня, наступаетъ и проходитъ ночь. Уже солнце на другой день оканчиваетъ первую половину дневнаго пути, а селеніе пусто.

— «Что намъ дѣлать — говоритъ Черемисиновъ — рано мы, братцы, выстрѣлили! Ну, съ кѣмъ буду я говорить? Кого усмирять? И кого обращать? Бѣжите повсюду въ разныя стороны, и всякаго, съ кѣмъ ни встрѣтитесь, кого ни найдете, и кого ни поймаете, увѣряйте его: что я никого не застрѣлю, только бы они не били въ набатъ и въ меня».

Сильная и любомудрая **) рѣчь имѣла счастливой успѣхъ. Мало по малу, поселяне начали стекаться и собрались къ церкви по назначенію. Губернаторъ вопросилъ:

— Для чего вы бунтуете?

Одинъ выбранной ими старикъ, выступя впередъ, отвѣчалъ: «Ваше великое величество самъ теперь видишь, какъ мы бунтуемъ. Ты выстрѣлилъ, мы и испугались; ты велѣлъ намъ сказать,

*) Вмѣсто зачеркнутаго «ушли». Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго «и благоразумная». Ред.

чтобъ мы не боялись и пришли къ твоему здоровью; мы не боимся, и мы теперь передъ твоею милостью».

Губернаторъ: Для чего вы били тревогу?

Мужикъ: Нѣтъ, мы звонили на нешпаръ *). Тогда былъ вечеръ съ субботы на воскресенье, въ чемъ поставляемъ свидѣтельми своего священника и нѣсколько шляхты, которые тогда пришли въ церковь, Богу молиться.

Губернаторъ: Для чего вы не послушали директора экономіи? Вѣдь вѣра все одна, та же христіанская. Онъ васъ не жидами хотѣлъ здѣлать.

Мужикъ: Добре ваше кажешь, что вѣра все одна, та же христіянская. А-ти, ваше, похваливъ бы тое, капъ я взялъ одинъ крестъ въ руки, а другій бы кинувъ подъ ноги?

Губернаторъ: Да для чего же вамъ не быть со мною одной вѣры?

Мужикъ: Ты, самъ здоровъ, знаешь, уже человѣкъ не молодый! — указывая на губернаторскія сѣдины — капъ тебѣ приказывали принять нашу вѣру, а-ти захотѣвъ бы ты быть уніятомъ?

Черемисиновъ велѣлъ поворотить пушку, и тѣмъ же путемъ и порядкомъ, возвратился домой, доволенъ будучи, что онъ силенъ былъ и разогнать и собрать. Вскорѣ и за сей подвигъ получилъ онъ выговоръ изъ Петербурга отъ генералъ-губернатора. Отъ тѣхъ поръ, когда гдѣ въ гостяхъ заходили жаркіе споры о дѣлахъ уніятскихъ, то, чтобы прервать матерію, стоило только, чтобъ я сказалъ: «я съ пушкою не ѣздилъ», и все умолкнетъ изъ почтенія къ губернатору. Очень ясно, что всѣ были вѣжливы, скромны, благоразумны, подлы и трусы; а я, былъ правдивъ безъ дерзости и своебычливъ какъ квакеръ.

§ XLIV.

Грѣхи.

Славной, но больше того извѣстной, Жанъ-Жакъ Руссо, въ книгѣ исповѣди своей, показалъ свою откровенность, даже до такихъ своихъ дѣйствій, которыя ни ему, ни читателямъ ни къ чему не служатъ, кромѣ соблазна; а нашъ почтеннѣйшій Фонъ-

*) Вечерня. Г. Д.

Визинъ, по видимому изъ подражанія Жанъ-Жаку, назвавъ одно изъ своихъ сочиненій «исповѣдью», исповѣдывается, что «онъ сочинилъ оперу, и для прочтенія оной представленъ былъ къ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II»; какъ будто это такой грѣхъ, которой стоитъ больше исповѣди, нежели фастовства. Для чего же и мнѣ не подражать симъ славнымъ людямъ? Стану и я исповѣдываться, съ тѣмъ только отъ нихъ различіемъ. что моя исповѣдь дѣйствительно во грѣхѣ, а не въ празднословіи соблазнительномъ Жанъ-Жакъ Руссо и не въ фастовствѣ — Фонъ-Визина.

По опредѣленіи меня изъ стряпчаго верхняго земскаго суда въ губернскіе стряпчіе, первымъ къ моей заботѣ было предметомъ, какъ бы мнѣ попасть въ слѣды монхъ предмѣстниковъ, изъ которыхъ одинъ набогатился, и вышелъ въ губернское правленіе совѣтникомъ, положа въ сохранную судную казну витебскимъ езуитамъ 50,000 р., а другой преемникъ его, хотя не успѣлъ набогатиться за скорою кончиною, однако-жъ и въ краткое время примѣтно было, что мѣсто губернскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ было для него полезно. Но я, вступя въ новую для меня должность, искалъ и не находилъ, чѣмъ? и что начать? и за что приниматься? Давно говорятъ и пишутъ, что случай всегда тому встрѣчается, если кто его ищетъ.

Бывшій въ деревняхъ государственнаго казначея управителемъ г. З *), первый мой въ Бѣлоруссіи знакомецъ и пріятель, открылъ мнѣ желанной случай. Онъ, поздравя меня въ новой должности, спросилъ:

Знаю ли я, гдѣ теперь экономіи директора секретарь Б**)?

— «Не знаю»...

— Онъ торгуетъ мачтами, вырубленными изъ казенныхъ лѣсовъ...

— «Это любопытно, скажите яснѣе».

— Въ казенныхъ имѣніяхъ есть мачтовые лѣса; ими часто пользовались арендаторы казенныхъ имѣній и другіе, по милости секретарей директора экономіи: яснѣе вамъ сказать: лѣса сплавливали въ Ригу, подъ именемъ помѣщичьихъ, казенными крестьянами, и получали за то немалыя суммы денегъ, а директоры

*) Вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ «Захар». Ред.

**) Изъ дальнѣйшаго разсказа читатель узнаетъ, что подъ буквою Б. скрыта фамилія Быховецъ. Ред.

этого не видали, или видѣть не хотѣли, или имѣли причину не хотѣть. До этого мнѣ дѣла нѣтъ. Случилось и мнѣ нѣсколько попользоваться, когда я жилъ по сосѣдству съ казенными имѣніями, управляя деревнями государственнаго казначея, однако-жъ промыслъ сей бросилъ, во-первыхъ потому, что онъ, при случаѣ обнаруженія, больше принесетъ несчастія, нежели при удачныхъ случаяхъ прибыли; во-вторыхъ потому, что я уже теперь, слава Богу, доволенъ, ничѣмъ не нуждаюсь; а въ третьихъ потому, что секретарь Б. меня обманулъ. Онъ слишкомъ много воспользовался, а я только былъ на него работникъ. Теперь онъ самъ работаетъ въ казенномъ старостве N. N., а тамошній казенный экономъ Ольшевскій погонитъ Двиною казенныя мачты, казенными поселянами, въ Ригу, подъ имянемъ помѣщичьихъ. Они вырученныя за продажу деньги раздѣлятъ, а вы теперь губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій. Вотъ вамъ и яснѣе, заключилъ г. З.

— «Понимаю, сказалъ я, всю силу ясности и всю обиду моего званія. Повѣрьте, что я не дамъ имъ воспользоваться казеннымъ добромъ и моею слабостью, а вамъ благодаренъ за открытіе мнѣ казеннаго воровства».

Вскорѣ Б. возвратился и меня посѣтилъ. Я встрѣтилъ его привѣтствіемъ:

— Что братъ? ѣздилъ торговать казенными мачтами, подъ названіемъ мачтъ Ольшевскаго!..

— «А что? развѣ объ этомъ кто знаетъ?»...

— По крайней мѣрѣ, мнѣ это извѣстно.

— «Ну! эта бѣда не бѣда, когда она извѣстна только одному; а сколько вамъ за это надобно? вотъ задатокъ на пять сотъ рублей, двадцать червонцовъ — и тотчасъ высыпалъ изъ кошелька на столъ — а остальные, какими прикажешь? серебромъ, золотомъ, ассигнаціями? чрезъ двѣ недѣли, получите».

Дѣло здѣлано! и имѣвшій ревность открыть похищеніе съ похитителями поладилъ. Честь, нравственность уступили мѣсто пороку, но уступивши, не оставили меня безъ наказанія, котораго я и былъ достоинъ, ежели это достоинство.

Я долженъ сказать, что не корыстолюбіемъ побужденъ былъ къ нарушенію моей должности, но стыдомъ — можетъ быть ложнымъ—что губернскій стряпчій не въ силахъ имѣть ни стола, ни дрожекъ, а только едва можетъ собраться во что одѣться по

приличію своего званія, какъ, между, тѣмъ нѣкоторые чиновники и секретари щеголяютъ и изобилуютъ; и по сей наружности, начальство цѣнитъ ихъ достоинствы.

Проходятъ вмѣсто двухъ 4 недѣли, проходятъ и два мѣсяца, а уплаты нѣтъ; напоминанiи мои о взаимномъ соблюденiи нашего трактата были тщетны, и я увидѣлъ, что я далъ себя обмануть. Но нечего было дѣлать, какъ только терпѣть, оставаясь въ нѣкоторой надеждѣ, потому что Б. обѣщаетъ. Наконецъ, онъ отъѣзжаетъ на подобной промыслъ, и соглашаетъ меня получить съ секретаря казенной палаты Ш., который ему долженъ, а Б. мнѣ. Всѣ трое согласны; но по выѣздѣ Б., Ш. даетъ мнѣ, вмѣсто 4-хъ сотъ слишкомъ, только 75 р. ассигнацiями. Тутъ мнѣ открылось, что два пріятеля согласились пошутить на счетъ моей слабости, заманя въ свои сѣти, въ которыя я, первоначально, самъ себя позволилъ вести. Я почувствовалъ, въ полной мѣрѣ, сколь тяжело быть дважды обмануту, потому что другой разъ доказываетъ уже непростительную простоту обманутаго. Почувствовалъ—къ несчастью на собственномъ опытѣ—и справедливость мнѣнiя: что, когда чорту позволишь себя за волосокъ потянуть, то онъ вцѣпится обѣими руками за всѣ волосы. Но, съ помочью поздаго благоразумiя и еще позднѣйшаго наблюденiя чести и присяги, я скрѣпился, скрылъ мою предъ Ш. досаду, и сказалъ ему, что я получу мой долгъ отъ самого Б. Уже я пересталъ мыслить и желать о исполненiи нашихъ условiй, а пылалъ только мщенiемъ за ту обиду, что я одураченъ, мое честолюбiе оскорблено больше, нежели неудовлетворено корыстолюбiе. Почему, принялъ я упрямое намѣренье, заставить почувствовать и Б., по крайней мѣрѣ столько-же, сколько я огорченъ. Дѣло, по мнѣнiю моему, было не маловажно. Цезарь, Антоній, Лепидъ въ Римѣ, Пизарро, Альмагръ и нечестивой попъ Люкъ въ Америкѣ — думалъ я — ни больше, ни меньше имѣли причинъ къ своимъ связямъ и разрывамъ. Разсуждая такъ высокообразно, могъ ли я не заниматься на всякомъ шагу, на всякую минуту приуготовленiями къ пораженiю непрiятеля?

Но — чудное и непостижимое сплетенiе вещей! и, ежели взять въ замѣчанiе нѣкоторыя прошедшiя въ нашей жизни мѣста, которыя насъ интересовали, или заботили, то найдемъ, что дѣйствовала ими какая-то невидимая пружина, которая двигала и распо-

ряжала все по своимъ законамъ съ намѣреніемъ, наприм.: я, замѣшавшись въ шайку людей, неимѣющихъ слабости руководствоваться нравственностью и самою честію, расхорахорился и самъ поправить себя порокомъ мщенія, подъ образомъ должности, и не зналъ съ чего начать; а нечаянной случай указалъ мнѣ путь:

Въ одинъ день, когда я шелъ въ присутствіе, встрѣчается мнѣ на улицѣ куча мужиковъ, человѣкъ 12.—Я отъ роду моего никакого мужика, встрѣчающагося со мною въ городѣ, не спрашивалъ, кто онъ? откуда? куда? а теперь безъ малѣйшаго намѣренья, по непонятному инстинкту, спросилъ.

Они отвѣчали: «изъ казеннаго староства NN».

— Кто у васъ экономъ? гдѣ онъ теперь?

— «Ольшевскій; онъ поѣхалъ въ Ригу, а мы, теперь, туда мачты сплавливаемъ, и зашли съ берега въ городъ купить харчей на путь».

Мачты Днѣпромъ сплавливаются до нѣкотораго разстоянія; а оттуда сухимъ путемъ до рѣки Лучосы, впадающей при Витебскѣ г- Двину, а по Двинѣ весною сплавливаются они въ Ригу.

- Въ чьемъ лѣсу вырублены мачты?

— «Въ казенномъ».

— Кто были работники?

— «Мы, и рубили всею волостью, по приказанію экономa Ольшевскаго».

Я велѣлъ имъ итти за собою въ наше прокурорское присутствіе; тамъ написалъ все ихъ показаніе въ моемъ намѣстническому правленію представленіи, — при которомъ представилъ и поселянъ—требуя, яко губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ, допросить ихъ и дѣло изслѣдовать по законному порядку. Намѣстническое правленіе отослало все въ полицію, а полиція, тотъ же часъ допрося, представила въ правленіе при рапортѣ допросы ихъ, которые оказались во всемъ согласны съ моимъ представленіемъ.

Правленіе, разсуждая изъ допросовъ, что многія мачты уже въ пути, а нѣкоторыя и въ Ригѣ, не остановило хода торговли, отослало допрошенныхъ на мачты, для продолженія сплавки; а ригскому намѣстническому правленію сообщило о наложеніи ареста на всѣ тѣ мачты, о числѣ которыхъ показали казенные поселяне во взятыхъ съ нихъ въ могилевской полиціи, по указу

намѣстническаго правленія, послѣдовавшему на представленіе губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, допросахъ. Нижнему земскому суду того уѣзда, въ которомъ вырублены мачты, строжайше велѣно изслѣдовать о количествѣ похищенія, и въ скорости отослать изслѣдованіе въ уѣздный судъ, для законнаго теченія и приговора—какъ будто нижній земскій судъ не вѣдалъ о публичномъ въ его уѣздѣ воровствѣ.

Б., узнавъ бѣду, прискакалъ въ Могилевъ, но отвращать ее было уже поздо. Ольшевскій изъ Риги успѣлъ уже ему услужить увѣдомленіемъ, что «арестованныхъ мачтъ нельзя ни продать, ни заложить, а совѣтуютъ ему, Ольшевскому, употребить крайній способъ, потопить ихъ въ Двину, дабы не допустить до гнилости». Вотъ совѣтъ — продолжаетъ Ольшевскій — изъ котораго прибыли ни на копейку, а бѣда еще впереди.» Быховецъ сообщилъ мнѣ это письмо въ намѣреніи упрека. Я ему отвѣчалъ: «кто изъ насъ прежде солгалъ и обманулъ, тотъ и самъ обманулся».

Исповѣдавшись такимъ образомъ, надлежитъ признаться, что по закону, по чести, по нравственности, я не меньше грѣшникъ, какъ и Б., ежели не больше. Но, съ другой стороны судя, надобно взглянуть на тѣхъ грѣховодниковъ, которые крадутъ всегда и не раскаяваются никогда. При всемъ томъ, они, на ряду съ праведниками, а не рѣдко скорѣе и важнѣе, награждаются, нежели праведники. — Какъ можно совмѣстить такую нескладицу? Служба есть имя священное; но она же вмѣстѣ и навуходоносоровъ исполинъ, составленный изъ золота, сребра, чугуна и глины.

Исповѣдь кончилась, но чѣмъ кончилось дѣло о мачтахъ — вѣрно сказать не могу, потому что вскорѣ послѣдовала перемѣна престола, а съ нею губерніи Могилевская и Полоцкая соединены въ одну Витебскую, куда и намъ, съ Б. и другими, палъ жребій службы переѣхать къ должностямъ—о чемъ обстоятельнѣе скажется въ 1796-мъ году.

Въ сей соматохѣ и мачтовое дѣло могло уничтожиться, или, можетъ-быть, одинъ только Ольшевскій воспользовался — если сохранилъ свою добычу, по наставленію, отъ согнитія—а Б. ничего не досталось. Если же сіе дѣло въ Могилевѣ и въ Ригѣ попало въ реестръ нерѣшенныхъ, то вѣроятно, что оно съ другими подобными, по заведенному въ нѣкоторыхъ присутствен-

ныхъ мѣстахъ славному порядку, вѣчно будетъ считаться въ числѣ нерѣшенныхъ, по силѣ всеобщаго для смертныхъ нравоучительнаго мнѣнія: «мы никогда не оканчиваемъ своихъ дѣлъ».

Сей Б. былъ съ счастливымъ умомъ, лѣтъ былъ подъ 30-ть, хорошо отправлялъ свою должность, а лутче того писалъ. Въ кампаніяхъ былъ забавенъ безъ многословія, уступчивъ, терпѣливъ, въ обращеніи гражданскомъ вѣжливъ, смѣтливъ, и вообще пріятенъ. Радъ былъ и умѣющъ каждаго у себя принять и угостить во всякое время. Можно сказать, что онъ, въ продолженіе службы, по достоинству получилъ мѣсто предсѣдателя уголовныхъ и вмѣстѣ гражданскихъ дѣлъ въ Астраханѣ. Но, при всѣхъ сихъ превосходныхъ качествахъ, былъ непостояненъ, невѣренъ, лживъ; чему, кажется, основаніемъ была карточная игра, которая сколько остритъ разумъ, столько глушитъ сердце. Государь императоръ Александръ I, въ имянномъ своемъ повелѣніи, героевъ карточныхъ имянуетъ: «скопищемъ разврата, толпою безчестныхъ хищниковъ» (Зри рескриптъ 1801 г. іюля 1 дня).

Хотя, по разсужденію логиковъ, «въ томъ мало надежды къ исправленію, кто часто исповѣдывается», однако-жъ еще одна исповѣдь лежитъ на моей совѣсти, а именно: по законамъ, состоявшимся около сихъ временъ, позволено было дѣлать водки на вкусъ, или, какъ въ законѣ сказано: — на манеръ французскихъ, съ тѣмъ, чтобъ оныя были непремѣнно изъ виноградnаго вина, или изъ виноградныхъ фруктовъ. Заводчики таковой водки обязаны были доставлять ее казеннымъ палатамъ, для испытанія чрезъ медиковъ химически, а палата имѣла обязанность запечатать каждой штофъ, особо здѣланною для сего печатью, и получить въ казну предписанныя пошлины. За всѣми же подробностьми, изъясненными по сей части въ указахъ, обязаны были смотрѣть губернскіе казенныхъ дѣлъ стряпчіе.

Таковымъ позволеніемъ желая воспользоваться, является графъ Аугсбергъ, уроженецъ италійскій, націи германской, житель бѣлорусскій, въ деревняхъ помѣщика Чудовскаго. Явясь, представляетъ казенной палатѣ въ бутылкахъ пробы водокъ, сладкихъ и пуншевыхъ; потомъ, возами ящики, наполненныя водкою въ штофахъ. Палата принимаетъ, печатаетъ и отпускаетъ такъ проворно, что губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ не только ею не увѣдомляется, но лишь только услышитъ, то фабрикантъ

графъ Аугспергъ уѣхалъ уже съ водкою изъ города. Послѣ чего я къ которому ни войду въ домъ чиновнику, положенному по штату въ казенной палатѣ и въ намѣстническомъ правленіи, вездѣ имѣю честь и вкусъ видѣть и пить водки красныя, желтыя, зеленыя, бѣлыя, сладкія, ликерованныя, пуншевыя, и—всѣ они, по словамъ закона, «на манеръ французскихъ». Доволенъ будучи гостепріимствомъ, чувствую и обижаюсь, что не могу самъ такъ же принять, какъ меня принимаютъ. Говорятъ, что зависть есть первородной грѣхъ человѣка. Не отвергая сей истины, смѣю думать, что человѣкъ безъ сего первороднаго грѣха былъ бы на нашемъ земномъ шарѣ тоже, что часы безъ пружины. Къ сему мнѣнію, вспала мнѣ на умъ критическая картинка, здѣланная около 1778 года, когда нѣмецкой императоръ Іосифъ II придвинулъ свои войска къ Голландіи, увѣренъ будучи, что она въ золотѣ не нуждается, и что ему голландскіе червонцы непротивны. Онъ на сей картинкѣ представленъ разрѣзывающимъ на столѣ голландской сыръ *) на части. Наслѣдникъ престола его сметаетъ со стола крохи, одною горстью въ другую. А Фридрихъ Великій, смотря изъ-заплеча Іосифа II-го, говоритъ—въ надписи—«и я люблю ѣсть сыръ голландскій!»

Изреченіе и позиція сего великаго монарха, представленныя на картинкѣ, столь мнѣ полюбились, что я, какъ-будто, сталъ на мѣстѣ его, а графъ Аугспергъ, съ водкою, на мѣстѣ голландца съ сыромъ. Лишь только я думаю, гадаю, съ котораго бы конца приняться за дѣло—homo proponit, Deus disponit, является ко мнѣ, около 5-го часа по полудни, мой товарищъ, уголовныхъ дѣлъ стряпчій Цѣликовскій, человѣкъ рыжій, слѣдственно по физикѣ скорой, предпріимчивой, рѣшительной. Онъ мнѣ все то предлагаетъ, изъясняетъ, разрѣшаетъ, о чемъ я думалъ прежде, но еще не добирался конца.

— «Что же теперь?—вопрошаю я его,—вѣдь водка уже выпущена?»

— «Да, выпущена! А другая впущена, и уже печатается за городскими воротами, въ пустомъ домѣ г-на Голынскаго».

— «А для чего же не при казенной палатѣ? Здѣлана ли предписанная закономъ новая печать? взяты ли опредѣленныя

*) Зачеркнуто: «пополамъ, на двѣ равныя». Ред.

въ казну съ каждаго штофа пошлины? Сколько имянно печатается штофовъ? И не свободно ли за городомъ вмѣсто одной тысячи штофовъ, запечатать пять тысячъ?»

— «Обо всемъ этомъ—отвѣчаетъ наставникъ Цѣликовскій— и еще о многомъ узнаемъ мы изъ бумагъ въ казенной палатѣ сегодни или завтре пораньше, а теперь пойдемъ за вороты».

— «Пойдемъ».

За воротами городскими нашли мы въ необитаемомъ большомъ домѣ множество во многихъ комнатахъ ящиковъ, съ наполненною въ штофахъ водкою, которые печаталъ казенной палаты одинъ приказной, съ работниками графа Аугсберга. Вскорѣ явился къ намъ и ассессоръ палаты г. Буровъ.

— «Что вы печатаете за городомъ?» спросили мы его.

— «А вамъ что за дѣло? отвѣчалъ онъ; знаетъ объ этомъ палата казенная».

Послѣ невѣжливаго отвѣта, взялъ я отъ печатавшаго приказнаго служителя печать, и Бурову сказалъ: — «Эту печать должно, по силѣ закона, заклепать, а новую здѣлать съ повелѣнною надписью».

— «Мы имѣемъ честь вамъ сказать — если вы не знали, что мы губернскіе стряпчіе, которые, по словамъ закона: смотрятъ вездѣ; теперь вы, не спрашивая насъ, можете знать, что намъ за дѣло».

Съ печатью пошли мы къ губернскому прокурору, а онъ, узнавъ отъ насъ существо и обстоятельства дѣла, пошелъ вмѣстѣ съ нами къ губернатору, котораго нашли мы играющаго въ карты, въ домѣ зятя своего соляного пристава Познякова. Губернаторъ выслушалъ отъ прокурора все и не сказалъ ничего. Мы, вышедъ отъ него, толкнулись въ палату, дабы прочитать водочныя бумаги, но палату нашли замкнутою. Оттуда шествовали къ городничему, котораго понудили отправить, при себѣ, къ водкѣ конвой, и потомъ — разошлись спать.

По утру сошлись раньше обыкновеннаго въ палату, и не нашли журнала о водкѣ; изъ палаты—въ уѣздное казначейство, гдѣ нашли, что казначей не только не получилъ въ казну пошлинъ, положенныхъ съ каждаго штофа по 10-ти копѣекъ, но и повелѣнія на то отъ палаты не имѣлъ.

Прокуроръ, съ прописаніемъ всего, сообщилъ казенной па-

латѣ, и требовалъ, чтобы отобранная вчера печать была уничтожена, а на мѣсто ея здѣлана новая съ надписью, въ законѣ предписанною, и чтобы водка печатаема была при казенной палатѣ, а не за городомъ. А отъ намѣстническаго правленія, и особо отъ губернатора, требовалъ письменно же, чтобы водка пропущена была въ городъ, гдѣ онъ, прокуроръ, предоставляетъ себѣ открытіе свойства и качества оной. НО

Не буйные вѣтры зашумѣли, не мутная лужа всколебалась, палатные члены всхарахорились. — Натурально! Кому пріятно быть пойману на преступленіи должности!—

Они бросились къ губернатору,
Къ губернатору Черемисину,
И поютъ ему громогласную:
— Какъ матросы встарь на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ —
«Охъ ты, гой, еси, ты нашъ батюшка!
Насъ поймали-то за воротами,
На печатаньѣ водки хлѣбныя,
Прокуроръ Семенъ и со стряпчими,
Какъ со стряпчими со губернскими.
Ты-вѣдь самъ намъ далъ повелѣніе,
Чтобъ печатали за воротами.
Ты, отвѣдавши водки графскія,
Рекъ по книжному: «въ снѣдь добра зѣло».
А теперь они насъ крутятъ вертятъ».
Что возговоритъ Черемисиновъ:
«Охъ вы, гой, еси, вы друзья мои,
Вы друзья мои, два зятья мои,
Позняковъ Захаръ и Наркизъ Вонъ-ляръ,
А за ними ужъ и [redacted]ояриновъ.
Мы по всякой день за столомъ однимъ,
За столомъ однимъ хлѣбъ и соль ядимъ.
Не робейте вы и не думайте.
Малорослаго прокурора я,
Кулакомъ однимъ, какъ въ мѣшкѣ, сомну,
Цѣликовскаго рыжевласаго
Толкачомъ столку на блины въ муку.
Философа-та я Добрынина
Не пущу къ себѣ и въ переднюю.
Ой, жена моя Анна Ивановна!
Губернаторша расторопная,
Научи меня какъ судить рядить.
Мнѣ не въ первой разъ тебя слушати,
Твой совѣтъ всегда мнѣ какъ новой чинъ.

Ахъ какъ тягостно быть при должности,
Когда чувствуешь, что и тупъ и глупъ *)».
Что возго́воритъ жена добрая,
Губернаторша расторопная:
«Охъ, ты, гой, еси, удалой нашъ зять,
Удалой нашъ зять, ты Наркисъ Вонляръ,
Ты бери скорѣй перо острое,
Что очинено тобой въ корпусѣ,
Пиши грамотку во Санктъ-Петербургъ.
При дворѣ сидитъ благодѣтель нашъ,
Что намѣстникомъ въ Бѣлоруссіи,
Родной дядя твой Петръ Богдановичъ».
Не кавылушка-трава бѣлая
Во чистомъ полѣ забѣлѣлася,
Загорѣлися ретивы сердца;
Прокуроръ Семьонъ и со стряпчими,
Въ свою очередь, ну туда-жъ писать.

Надобно знать, что въ царствованіе Екатерины Великія, государевы намѣстники въ губерніяхъ были сильны, потому что были въ довѣріи; а довѣріе царское, для особъ «природою почтенныхъ, разумныхъ и честныхъ, искусствомъ укрѣпленныхъ» **), есть основаніемъ къ тому, чтобъ они говорили языкомъ истины; почему и сужду: полученное изъ Петербурга въ могилевскомъ намѣстническомъ правленіи отъ генералъ-губернатора Петра Богдановича Пассека, на посланныя къ нему отъ всѣхъ насъ бумаги, предложеніе, копія съ котораго по нынѣ у меня уцѣлѣла, помѣстить здѣсь отъ слова до слова, дабы, во-первыхъ, не здѣлать сокращеніемъ недостатка въ ясности дѣла; во-вторыхъ, чтобы припомнить и повторить себѣ, какой имѣли тонъ главнокомандующіе губерніями въ благополучное царствованіе Екатерины Великой:

«Могилевскому намѣстническому правленію

Предложеніе.

«Разсматривая вступившія ко мнѣ бумаги: 1-е, рапортъ правителя могилевскаго намѣстничества, г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Черемисинова, и при оном, 2-е, могилевской казенной палаты донесеніе, 3-е, могилевскаго губернскаго прокурора Герасимова рапортъ а въ оригиналѣ, поданные ему правителю намѣстничества, 4-е, рапортъ же, помянутаго Гераси-

*) Два послѣднихъ стиха въ подлинной рукописи зачеркнуты. Ред.
**) Сумароковъ въ трагедіи Синавъ и Труворъ. Г. Д.

мова, на имя мое отправленной, съ приложеніями подаваемыхъ имъ въ казенную палату и г-ну правителю намѣстничества и прочихъ бумагъ, въ копіи, относительно обрѣтенной господами губернскими стряпчими за городовыми воротами, въ необитаемомъ домѣ, водки, печатаемой казенной палаты печатью копіистомъ Тимоѳеевымъ, безъ бытности отъ стороны казенной палаты члена, нахожу сказать слѣдующее:

«Какъ указами правительствующаго сената предписано: 1) отъ 9-го октября 1788 г. составляемую заводчиками изъ виноградная вина водку, чтобъ продавали ящиками, запечатавъ въ казенной палатѣ каждой штофъ, равномѣрно и содержащимъ погреба объявить, дабы отъ заводчиковъ незапечатанныхъ въ казенной палатѣ штофовъ съ водкою не покупали, подъ опасеніемъ поступленія по законамъ; при чемъ и стряпчимъ казенныхъ дѣлъ отъ намѣстническихъ правленіевъ учинить строгое подтвержденіе, чтобъ они, по силѣ своей должности, начертанной въ высочайшихъ учрежденіяхъ, всемѣрно старались недопускать до подобныхъ злоупотребленій, производя въ таковомъ случаѣ заблаговремянно жалобу, какъ истцы со стороны казенной; 2) отъ 1-го д. августа сего 1795 г. въ 8-мъ пунктѣ изображено: въ привилегіяхъ, данныхъ до изданія высочайшаго устава о винѣ, на заведеніе водочныхъ заводовъ, имянно включалося, чтобъ водки на нихъ дѣлать виноградныя; равномѣрно и онаго устава статьею 59-ю дозволено всякому только дѣланіе виноградная вина и виноградной водки, о исполненіи чего и указами сената, отъ 9-го дня октября 1788 г. и отъ 17-го дня ноября 1794 г. подтверждено. Почему и имѣть строжайшее за водочными заводами смотреніе, чтобъ на нихъ водки, по силѣ помянутыхъ предписаній, дѣланы были единственно изъ виноградная вина и виноградныхъ фруктовъ. Въ продажу же производить дѣлаемыя на тѣхъ заводахъ вейновыя водки, по указу 1788 г. ящиками, съ казенною на каждомъ штофѣ печатью, съ платежемъ положенной указомъ 1773 г. августа 8-го дня пошлины, а для запечатанія представлять въ казенныя палаты. Въ 9-мъ пунктѣ сказано: для печатанія всѣхъ водокъ, дѣлаемыхъ въ Россіи, имѣть особую печать, съ надписью: «печать для россійскихъ водокъ», для иностранныхъ же водокъ тѣмъ указомъ

велѣно здѣлать особую печать и, по учиненіи нынѣ осмотровъ, оными печатьми всѣ водки запечатывать.

«Слѣдуя выполненію толь ясныхъ предписаній, не нахожу я ничего такого, какъ казенная палата пишетъ, чтобъ поступлено было со стороны губернскихъ стряпчихъ и прокурора противу ихъ должности, но, вмѣсто того, одобряя ихъ дѣятельность, не могу похвалить распоряженія казенной палаты на сей случай здѣланнаго, ибо, изо всего ею пространнаго и обиднаго для прокурора и стряпчихъ объясненія, нисколько не можетъ укрыться содѣланное ею упущеніе: 1) что здѣлавъ журналъ, о принятіи за печатаніе водки въ казну акциза, прежде еще исполненія сего, печатаема уже была водка однемъ копеистомъ въ необитаемомъ за городскими воротами домѣ; что здѣлано такъ же и противъ вышесказанныхъ предписаніевъ, и противу журнала, поелику ассессоръ Буровъ, чтобъ точно находился всегда на мѣстѣ печатанія, того изъ объясненія палаты не видно. А доказательство ею на сіе учиненное, подобно какъ и о сторожѣ казенной палаты, котораго губернской прокуроръ съ стряпчими не нашелъ въ палатѣ, есть странно и непристойно, что одинъ выходилъ для законной своей, а послѣдній, по естественной надобности, на дворъ, и стряпчіе, будто, сего времяни нарочно выжидали; 2) когда и въ какое время казенная палата располагалась печатать водку, надобно было объявить о семъ губернскому казенныхъ дѣлъ стряпчему, а по небытности его и уголовному, поелику они по своей части одинъ другого мѣста занимаютъ; 3) печатаніе производимо было за городомъ, а не при казенной палатѣ, и 4) имѣвши уже доносъ губернскаго прокурора, что водка печатается непозволенная, а здѣланная изъ хлѣба; но и тутъ палата, не уважа доноса губернскаго прокурора, принуждала стряпчего быть при допечатаніи, который больше осторожности здѣлалъ, что къ исполненію сего не приступилъ, не будучи при ея пробѣ, нежели палата, что осмѣлилась за симъ, въ угодность хозяина водки, оную допечатать. Итакъ, симъ объяснивъ содѣланныя по сей части упущенія, рекомендую намѣстническому правленію, доносъ губернскаго прокурора и стряпчихъ обнаружа посредствомъ медицинскихъ чиновъ, находящихся въ Могилевѣ, поступить по предписанію законовъ, а впредь печатаніе оной производить при казенной па-

латѣ; а чтобъ избѣгнуть тѣсноты и траты штофовъ, то ежедневно назначать къ печатанію оной водки штофовъ отъ ста до пятисотъ, приставляя къ оной воинскую стражу, доколѣ будетъ производиться запечатаніе оныхъ, и на тотъ разъ извѣщать о бытіи при семъ случаѣ казенныхъ дѣлъ стряпчего и медицинскихъ всѣхъ чиновъ, находящихся въ городѣ, и наконецъ, нужнымъ почитаю строго подтвердить, имѣть и за водочными сего рода заводами смотрѣніе, чтобъ на нихъ водки, по силѣ помянутыхъ предписаній, дѣлаемы были единственно изъ виноградnаго вина и виноградныхъ фруктовъ.

Петръ Пассекъ».

Сентября 17-го дня, 1795 г. С.-Петербургъ.

Послѣ сего, графъ Аугсбергъ удостоивалъ всегда факультета прокурорскаго поднесеніемъ, въ ящикахъ или полуящикахъ, своихъ водокъ, для пробы, когда привозилъ ихъ печатать. А мы въ семъ случаѣ поступили какъ полу-честные служивые; ибо хотя графъ не въ силахъ былъ представлять всегда водку, дѣлаемую изъ виноградnаго вина и виноградныхъ фруктовъ, однако-жъ и хлѣбной представлять не осмѣливался, а дополнялъ иногда часть доставки водкою, дѣланною изъ туземныхъ садовыхъ фруктовъ.

Теперь очень ясно, что подражаніе Фридриху Великому, который говорилъ: «и я люблю ѣсть сыръ голландскій», не оставило всѣхъ насъ троихъ безъ награды; а мнѣ, сверхъ того, опредѣлено было отъ графа на каждой годъ 360 р., то-есть, повтореніе моего жалованья. Симъ кончилась вторая исповѣдь; но грѣхомъ моимъ не долго я пользовался, такъ что едва успѣлъ получить дважды годовой мой окладъ. Причина сей краткости всеобщее въ Россіи несчастіе для кающихся грѣшниковъ, для закоснѣлыхъ во грѣхахъ и для самыхъ праведниковъ. Несчастіе, которое стихотворцы стали бы изъяснять: взошла мрачная туча и среди-дневной свѣтъ покрыла ночною темнотою. Страшные жерлы ея разродилися въ горизонтѣ, произвели хладное и ужасное во всей имперіи наводненіе. Молнія безперерывно разсѣкала горизонтъ, смертельные громовые удары разили, и проч. Но всѣ таковыя изъясненіи были бы не что иное, какъ тѣнь вмѣсто тѣла, слѣдственно, нѣтъ тутъ нужды ни въ буряхъ, ни въ тучахъ, ни въ молніяхъ, ни въ громахъ, а довольно сказать:

умерла государыня императрица Екатерина II, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 г. по тридцати-четыре-лѣтнемъ царствованіи. Вступившій по ней на престолъ государь императоръ.

§ XLV.

Павелъ I — скончался 1801 г. въ мартѣ мѣсяцѣ *).

§ XLVI.

Въ началѣ 1797 года отправленъ я былъ принявшимъ правленіе губернатора обѣими бѣлорусскими губерніями, могилевскимъ вице-губернаторомъ Захаровымъ, по секретной коммиссіи, назначенной по именному высочайшему повелѣнію, въ городъ Климовичи и во весь уѣздъ. Будучи тамъ, получилъ отъ г-на вице-губернатора письмо слѣдующаго содержанія: «Должности ваши уничтожаются **), но способности при васъ. Я желаю опредѣлить васъ, но вашего желанія не знаю. Есть мѣста: городническія, земскихъ исправниковъ, казначеевъ, и два совѣтника въ главный судъ. Скажите мнѣ съ первою почтою рѣшительно, кромѣ, однако, совѣтничьего мѣста, ибо оно подлежитъ затрудненію, въ которое желаете? Марта 18 д. 1797 г.».

Я выбралъ мѣсто земскаго исправника или, по тогдашнему новому наименованію, земскаго коммиссара въ Могилевѣ, потому что имѣю тамъ свое гнѣздо, о чемъ и вице-губернатору отписалъ съ благодарностью; но возвратясь въ Могилевъ,—уже послѣ свѣтлаго праздника — услышалъ, что помѣщенъ я въ земскіе коммиссары не въ Могилевъ, а въ Витебскъ; и росписаніе послано уже въ сенатъ, для представленія на высочайшее благоразсмотрѣніе. Въ Могилевѣ же помѣщенъ на сіе мѣсто товарищъ мой, губернскій стряпчій Цѣликовскій, который, также какъ и я, имѣлъ въ Могилевѣ домъ, и сверхъ того жену и дѣтей, которыхъ я не имѣлъ. Казалось бы, и справедливо! Но, въ самомъ дѣлѣ, не то.

Цѣликовскій просился на такое-жъ мѣсто въ Оршу, потому

---

*) Да не подумаетъ читатель, что мы въ этомъ оригинальномъ § что-либо выпустили: онъ изложенъ точно такъ въ подлинной рукописи Добрынина.

Ред.

**) Со вступленія на престолъ Павла I, во многомъ произошла реформа.

Г. Д.

что тесть его тамъ городскимъ головою. Но почти вся казенная палата приступила къ своему вице-губернатору, прося его исторгнуть меня изъ моего гнѣзда, а Цѣликовскому, равномѣрно, не здѣлать по его желанію, дабы дать намъ почувствовать мщеніе, за вышесказанное печатаніе ею за городомъ хлѣбной водки, въ которой, однакожъ, тогда неучаствовалъ вице-губернаторъ, потому что, во время водочной нашей соматохи, былъ онъ въ Бѣлицкомъ уѣздѣ, при строеніи на Днѣпрѣ баркасовъ, для сплавки ихъ къ Черному морю, по именному повелѣнію государыни императрицы.

Горько мнѣ было сіе преселеніе, съ большаго класса сступить на меньшій; съ домомъ, въ которой погрузилъ почти все, что имѣлъ, долженъ былъ разстаться. Но то и другое было неизбѣжно. Уже всѣ чиновники и вицъ-губернаторъ отправились къ 1-му числу мая въ Витебскъ, а, я на нѣкоторое время, остался еще въ Могилевѣ, за болѣзнію, больше душевною нежели, тѣлесною *).

Напослѣдокъ — предопредѣленный судьбою; не имѣть ни сродниковъ, ни покровителей, ни пособія пріятелей, кромѣ самого себя и всеобщаго Промысла,—собрался, оставилъ мой домикъ въ присмотръ людямъ, какіе трафились, и выѣхалъ, 1797 г. мая 31-го дня, изъ Могилева въ Витебскъ къ назначенной мнѣ должности.

По выѣздѣ на третій день, въѣхалъ я въ Витебскъ. Первою для меня были встрѣчею: грязь, топь, повсемѣстная нечистота, кривыя узкія улицы, съ долгими отъ кровлей дурныхъ домовъ навѣсами; а внутри сихъ хижинъ — несказанное множество таракановъ, называемыхъ: прусаки.

Въ теченіе лѣтъ 10-ти, Витебскъ отстроился большою частію каменнымъ строеніемъ, такъ что весьма немногіе въ имперіи губернскіе города могутъ съ нимъ сравниться, и прусаковъ уменьшилось, можетъ быть, по причинѣ извести. Внутри же домовъ, образъ жизни хозяевъ — исключая очень немногихъ — не перемѣнился. Если домъ жидовскій, то въ нижнемъ этажѣ— корова; а если христіянскій—то свинья.

---

*) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: «разсудилъ попросить письмомъ пріѣхавшаго уже изъ Крыма въ Витебскъ витебскаго губернатора С. С. Жегулина, чтобъ онъ перемѣнилъ...». Фраза не кончена. Ред.

На первой случай остановился я на квартирѣ у Б., а на другой день явился къ губернатору, прибывшему недавно изъ Крыма. Безъ сомнѣнія, новость правленія была причиною, что я нашелъ у него набиту полну комнату людей, штатскихъ дворянъ, помѣщиковъ, и другихъ. Онъ лежалъ въ нишѣ на одрѣ— которой былъ родъ дивана—въ бѣломъ халатѣ, лѣвая нога свѣшена, а правая съ нимъ на диванѣ, курилъ трубку табаку и диктовалъ письмо своему писарю, сѣдящему при столикѣ при его диванѣ, въ темнозеленой курточкѣ, съ маленькими, чорными, подрѣзаными усиками. Онъ узнавъ, что предъ него явился витебскій земскій коммиссаръ, сказалъ: — отнявши трубку — «вы не поспѣшно пріѣхали къ вашей должности». Я выставилъ въ мое оправданіе болѣзнь, о которой, примолвилъ я, доносилъ его превосходительству. А онъ мнѣ отвѣчалъ приказаніемъ, вступить поскорѣе въ должность, и примолвилъ: «я удостовѣренъ, что вы вашею исправностью наградите пропущенное время».

Лишь только я показался въ мой нижній земскій судъ, то нашло и ко мнѣ народу, почти третья часть противъ губернаторскаго. Жиды, ксензы, помѣщики; всѣ поздравляли, всѣ оказывали, какъ-будто, радость, что пріѣхалъ — по ихъ словамъ— хозяинъ уѣзда *).

Признаюсь, для меня было странно, что когда былъ я на высшемъ степени, тогда меня никто не поздравлялъ, а когда сдвинутъ ниже, тогда явилось много поздравителей. Они принудили меня взять позицію, приличную поздравленій. Но я не могъ себя внутренно пересилить, будучи единожды тронутъ чувствительностью, въ томъ, что перемѣщеніе съ 7-го класса на 9-й столько дѣлаетъ чести въ службѣ, какъ разжалованіе изъ подполковниковъ въ капитаны. Разсужденіе, что я горюю не одинъ, а многіе по всѣмъ губерніямъ, и что я пониженъ не за преступленіе, но по волѣ и распоряженію государя, пекущагося о благѣ своихъ подданныхъ, мало грусть мою облегчало.

Обѣдъ мой былъ у Б. Онъ, казалось, не помнилъ уязвленія, причиненнаго ему мною за обманъ меня по дѣлу мачтовому.

*) Земскій капитанъ, или исправникъ названъ въ высочайшемъ учрежденіи о губерніяхъ и хозяиномъ уѣзда. Къ правленію покойной государыни императрицы и новоприобрѣтенной народъ столько привыкъ, что, даже по смерти ея, съ удовольствіемъ повторялъ слова ея: «хозяинъ уѣзда». Г. Д.

Но вообще, для каждаго, сталъ онъ спѣсивѣе, потому что, будучи перемѣщенъ изъ секретарей въ ассесоры казенной палаты, управлялъ онъ и губернаторскою канцеляріею. Я спросилъ его: что удерживаетъ губернатора въ такой позиціи, въ какой я его видѣлъ? «Онъ боленъ ногами», отвѣчалъ мнѣ Б.

Въ продолженіе дня видѣлся я почти со всѣми служащими, начиная съ вице-губернатора, и видѣлъ каждаго въ такомъ положеніи, какъ будто и они помѣщены, съ верхней степени на нижнюю, и какъ будто никто еще не зналъ, за что ему приниматься, хотя и всѣ они мѣсяцомъ раньше меня пріѣхали.

Между тѣмъ, нужно было искать квартиры, и я опытомъ удостовѣрился, что, изъ двухъ тысячъ слишкомъ домовъ и лачужекъ, едва ли находилось во всемъ городѣ десятокъ, въ которые бы можно было войти безъ отвращенія, по ихъ нечистотѣ. Однакожъ вездѣ есть люди скорые къ услугамъ, изъ какого-бы источника ни происходила сія добродѣтель. Еврей Давыдъ Шлёмовичъ, узнавъ мою надобность, искалъ со мною видѣться и, встрѣтясь, предложилъ мнѣ квартиру въ своемъ домѣ. Два покоя пригодились для меня тѣмъ лутче, что были на другомъ етажѣ и при самой большой улицѣ. Я нанялъ ихъ за сходную цѣну.

Въ одинъ день предъ вечеромъ, шелъ я по улицѣ и нечаянно узналъ, по входящему въ одинъ домъ народу, что тамъ будетъ играна комедія на польскомъ языкѣ пріѣзжими актерами. Взявши билетъ, вошелъ и я туда, въ такую пору, когда уже публика собралась и театръ ожидалъ только одного губернатора; ибо въ тѣхъ мѣстахъ или городахъ, гдѣ театральной порядокъ не устроенъ, или гдѣ наѣзжіе бываютъ актеры, всегда, для открытія зрѣлищъ, служитъ вмѣсто положенныхъ часовъ самъ начальникъ. Ожидая его, я воображалъ, что онъ нянчитъ свои больныя ноги и что явится въ театръ въ бархатныхъ сапогахъ, опираясь на толстую трость, поддерживаемъ слугою. Но я удивился, увидя какъ его превосходительство вступилъ туда хвацкимъ молодецкимъ шагомъ, расчосанъ, распудренъ, въ башмакахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, лишь только икры мелькаютъ.

Въ теченіе времени узнано, что онъ былъ великой мастеръ жить на свѣтѣ. Онъ, видя скользкой путь тогдашней службы, не пропущалъ, при всякомъ случаѣ, писать къ знающимъ его въ Петербургѣ, что онъ человѣкъ больной, что онъ, изъ единаго вѣрноподданничес-

каго долга и неограниченнаго усердія къ государю императору, держится при должности; что, по слабости его здоровья и по крѣпости его припадковъ, радъ онъ, на всякое время, оставить службу. Отъѣзжающимъ же изъ Витебска, или переѣзжающимъ чрезъ Витебскъ въ Петербургъ, говаривалъ, лежа на диванѣ и свѣся одну ногу: «вотъ, братъ, каково положеніе управляющаго губерніею! Куда я гожусь? Еслибъ государь императоръ, по милости своей, уволилъ меня съ кускомъ хлѣба—а о томъ смалчивалъ, что отъ покойной государыни императрицы получилъ хорошія деревни — я былъ бы очень доволенъ». А между тѣмъ ѣдалъ, пивалъ, сыпалъ по-богатырски. Если кто его о чемъ просилъ, никому ни въ чемъ не отказывалъ, всякаго отпущалъ довольнымъ и благонадежнымъ, и никому ничего не дѣлалъ. Кто первой сказалъ: что «надежда есть пища дураковъ», тотъ видно зналъ С. С. Жегулина. Въ замѣну того, онъ былъ терпѣливъ, переносилъ все и не былъ мстителенъ, въ противность мнѣнія Гомера, которой говоритъ: «мщеніе есть удовольствіе боговъ». По прошествіи лѣтъ двухъ былъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ, уволенъ, по прошенію съ полною пенсіею, какая милость, въ тѣ поры, очень рѣдко была употребительна.

Отправляя новую должность, привыкалъ я къ ней по возможности. Но, понеже она была такого сорта, что имѣла связь не только съ уѣздными, но и съ городскими иногда жителями всякаго состоянія*), то и нельзя столько быть и дѣятельну и добродѣтельну, чтобы всякой былъ мною доволенъ. Было иногда не безъ жалобъ на меня губернатору; но онъ, сколько мнѣ извѣстно, имѣя въ виду мою дѣятельность, требовалъ только отъ меня объясненій, и тѣмъ оканчивалъ. Напослѣдокъ и люди неугомонные, узнавъ, что я исполнитель больше повелѣній, нежели самовластной дѣлъ рѣшитель, образумились и полюбили, такъ что во всю мою въ сей должности бытность,—съ 1797-го по 1800-й годъ — меня одобряли за скорой разборъ и удовлетвореніе случавшихся между ими, по сосѣдству и общежитію, ссоръ, а отъ начальства — котораго надо мною было довольное число **), не

*) По присоединеніи къ Витебскому уѣзду частей отъ другихъ уѣздовъ, всего числомъ жителей, положенныхъ въ ревизію, состояло въ Витебскомъ уѣздѣ болѣе 45-ти тысячъ душъ, и болѣе 50-ти дворянскихъ домовъ, не полагая въ сіе число околичной шляхты. Г. Д.

**) Нижній земскій судъ и земскій коммиссаръ подъ повелѣніемъ состоятъ

только я, но и тотъ судъ, въ которымъ былъ я первымъ, при мнѣ ни штрафованъ, ни подъ выговоромъ не былъ.

Въ исходѣ 1798 г., на мѣсто Жегулина присланъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлокопытовъ; человѣкъ очень доброй, и доброй фрунтовой служивой, но, для начальника губерніи, старъ и слишкомъ добросердеченъ и искрененъ. Онъ пробылъ губернаторомъ около полугода, уволенъ съ половиннымъ пансіономъ. На его мѣсто присланъ изъ Петербурга г-нъ Сѣверинъ, тайный совѣтникъ, служившій по артиллерійской части, по гвардіи, членомъ въ военной коллегіи, слѣдственно по службѣ огненъ, а по натурѣ молодъ; скоръ безъ расторопности, рѣшителенъ безъ основательности. Былъ влюбчивъ, и всѣ дѣла шли по страсти. Хорошо зналъ курсъ монеты, ловокъ былъ ея пріобрѣтать, и всегда ему ея недоставало. Часто давалъ на себя подозрѣніе, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ въ замѣшательствѣ. При всемъ этомъ, столько былъ скрытенъ, что никому не далъ себя понять, въ какихъ соотношеніяхъ былъ онъ со нравственностью. Вслѣдствіе сего, вспало ему на умъ очистить мое мѣсто и дать его полезнѣйшему. Я, узнавъ ковы, просилъ его превосходительство, чтобъ онъ мнѣ далъ такое же мѣсто въ Могилевѣ — которое очистилось смертію бывшаго моего въ Могилевѣ по губернскому стряпчеству товарища Цѣликовскаго — но и то занято человѣкомъ полезнѣйшимъ, а мнѣ отказъ. Оба сіи полезнѣйшіе были, при мнѣ, засѣдательми въ нижнемъ земскомъ судѣ, и оба возжелали сдѣлаться мнѣ непріятельми, съ помочью своихъ деревень и родни и губернаторской алчности. А я, въ защиту мою, ничего не имѣлъ кромѣ службы. Посему, будучи въ скукѣ, печали, никѣмъ ни подкрѣпленъ, всегда оставленъ, будучи пришлецъ въ землю чуждую,—я заболѣлъ, въ зиму съ начала 1800 г. епидемическою, тогда, болѣзнію и, болѣе 6-ти недѣль, не могъ выходить изъ горницы. Все сіе было подкрѣпленіемъ къ исполненію Сѣверину своихъ намѣреній.

Тогда, по имянному повелѣнію, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Витебской, ревизовалъ присутственныя мѣста сенаторъ графъ Илинскій. По выѣздѣ его изъ Витебска, при-

губернатора, подъ указами: губернскаго правленія, казенной палаты, двухъ департаментовъ: уголовнаго и гражданскаго, и повѣтоваго земскаго суда.

Г. Д.

слалъ ко мнѣ Сѣверинъ ордеръ слѣдующаго содержанія: «По повелѣнію его сіятельства, графа А. И. Илинскаго, усмотрѣвшаго неисправность вашу по должности, удалены вы отъ мѣста».

Болѣзнь къ болѣзни!—Камень въ воду брошенъ, таскать его трудно! — Болѣзнь къ болѣзни! я заболѣлъ ногами и, еще, продолжалъ сидѣнье дома. Но мало по малу оздаравливая, сталъ, съ помочью очистившагося посредствомъ болѣзни разсудка, помышлять: что мнѣ дѣлать? имѣнія, куда бы уклониться, не было; кланяться обидѣвшему,—человѣку разсѣянному, вельможею или бариномъ не родившемуся (онъ былъ сынъ придворнаго портного мастера или закройщика), замѣшанному на интересѣ, обогащенному пустословіемъ, бѣдному чистымъ смысломъ,—кланяться и просить у него царской службы, я не могъ собраться съ духомъ. Прося же въ сенатѣ, нельзя было скрыть, что губернаторъ меня отрѣшилъ, какъ своего камердинера *), самодержавно. Слѣдственно, прося мѣста, надлежало быть и просителемъ на губернатора, или — что еще хуже — доносителемъ на него, чего мнѣ очень не хотѣлось, не для того, чтобъ я его робѣлъ, но для того, чтобъ какой-нибудь сенаторъ, бывши самъ губернаторомъ не лутче Сѣверина, не закричалъ въ сенатѣ, что проситель человѣкъ заносчивой, если смѣетъ жаловаться на губернатора. Такова есть участь человѣка чувствительнаго и размышляющаго. Онъ мучитъ самъ себя, и никогда не согласится оставить своего мученья на тотъ конецъ, чтобъ имѣть мѣдной лобъ и чугунное сердце. Какъ-бы то ни было, я былъ хуже, нежели въ отставкѣ, потому что былъ безъ аттестата, безъ должности, съ поклепомъ неисправности.

Разсуждая и заботясь какъ-бы себѣ помочь, умѣлъ уже я знать, что чужое горе никого не трогаетъ, и жалоба моя не произведетъ ни въ комъ жалости. Итакъ, положилъ я, къ поправленію моей участи, вотъ какое основаніе: я росписалъ всю причиненную мнѣ обиду самымъ историческимъ и, по возможности моей, короткимъ стилемъ, изъ котораго самъ по себѣ выходилъ смѣшной и забавной тонъ, какимъ я и цѣлилъ его выставить, наименовалъ мое росписаніе реляціею. Сію реляцію послалъ въ Петербургъ къ пріятелю, которой былъ мнѣ знакомъ

*) Сравненіе въ подлинникѣ это зачеркнуто. Ред.

еще по могилевской службѣ и о которомъ я зналъ, что онъ имѣетъ талантъ вкрадываться въ кабинеты вельможъ. Я не позабылъ туда же всунуть и четырехъ-сотъ рублей ассигнаціями *), дабы возбудить справедливость, которая, безъ денегъ, всегда спитъ.

Въ скоромъ времяни получилъ отвѣтъ, что реляція моя читана генералъ-прокурору П. Х. Обольянинову и возъимѣла свое дѣйствіе. Но какъ въ семъ отвѣтѣ не много было яснаго, а еще меньше удовлетворительнаго, то бросился я съ письмомъ, чрезъ посланнаго, къ генералъ-лейтенанту Петру Ивановичу Боборыкину, обвѣшенному орденами и почтенному лѣтами и службою.

Сей старой генералъ не говорилъ иностранными языками, а службу хорошо зналъ, служа по гвардіи съ самыхъ нижнихъ чиновъ. Онъ не танцовалъ, а имѣлъ инструментальную музыку, охочь былъ принимать у себя гостей, и у него плясали. У него не было иностраннаго повара, а столъ былъ хорошъ. Для него-же онъ тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ больше гостей. Онъ былъ вдовъ, а сына одного и послѣдняго потерялъ, сражавшагося противъ шведа. Не должно пропустить одного его дѣйствія, знаменующаго черту его характера и патріотизьма, о чемъ, въ его время, зналъ весь Петербургъ:

Онъ, будучи гвардіи майоромъ и армейскимъ генералъ-майоромъ, когда узналъ, что сынъ его убитъ на сраженіи, потребовалъ полковую музыку, собралъ гостей, и ну пировать цѣлые сутки. Государыня императрица, замѣтя безперерывной звукъ бубновъ, литавръ, барабановъ, съ пѣсенниками, спросила: «что это за торжество? у кого оно?» Ей донесли, что Боборыкинъ торжествуетъ потерю сына. «Видно старику припалъ сердечной смѣхъ», сказала монархиня съ жалостію. Нѣтъ, отвѣтствовали ей, онъ здоровъ и, въ полномъ присутствіи духа, каждому въ слезахъ говоритъ: что, для благороднаго человѣка, нѣтъ славнѣе мѣста умереть, какъ сражаясь за отечество. Государыня императрица послала, тотчасъ, увѣрить его, что она, хотя не можетъ возвратить ему сына, котораго вмѣстѣ съ нимъ оплакиваетъ, однакожъ пріемлетъ на себя попеченіе, помнить и награждать его потерю во всѣ остатки дней своихъ.

*) Тогда рубль серебряной былъ въ рубль десять копѣекъ ассигнаціонныхъ. Г. Д.

Я, знавши эту исторію, когда напомнилъ ему объ ней, онъ мнѣ отвѣчалъ: «Да! потеря сына чуть-ли бы не вогнала меня во гробъ, еслибы не оживила меня своею милостью покойная императрица. А какъ, послѣ того, умерла моя жена, то я два года въ церковь не ходилъ, и не хотѣлъ ничего признавать за святое. Богъ, однакожъ, милостивъ, не далъ мнѣ погибнуть въ отчаяніи; а если ты хочешь знать, я тебѣ скажу случай, когда я чуть не былъ задушонъ радостью и удовольствіемъ; могу побожиться — продолжаетъ старой воинъ, — что ни одинъ генералъ россійскій не былъ столько счастливъ какъ я. Ты, я думаю, и самъ знаешь, что никогда столько, по гвардіи, не пережаловано россійскаго благороднаго юношества въ унтеръ-офицеры и сержанты, какъ за бытность мою въ гвардіи майоромъ. Изъ унтеръ-офицеровъ и сержантовъ, обыкновенно, выпускались въ полевые полки порутчиками и капитанами. Я дѣлалъ это не изъ корыстолюбія, хотя и могъ набогатиться такъ же, какъ другіе, въ другихъ полкахъ, набогащались. Я дѣлалъ это изъ охоты неотказывать, когда меня просятъ; сама государыня императрица знала, что я не корыстуюсь. Преемникъ мой по гвардіи, Александръ Михайловичъ Римскій-Корсакъ удивился, когда я сдалъ ему съ рукъ на руки огромное количество полковой экономической денежной суммы, которую я могъ бы себѣ присвоить, не боясь никого. И когда одинъ изъ добрыхъ генераловъ сказалъ Корсаку предъ государынею императрицею, что вамъ дескать Боборыкинъ оставилъ не полное число въ полку лошадей; тогда Корсакъ отвѣчалъ: «лошадей купить не мудрено, когда Боборыкинъ накопилъ и мнѣ отдалъ огромную экономическую сумму».

— Ваше превосходительство — сказалъ я — хотѣли сказать, какую вы чувствовали радость и удовольствіе, какихъ ни одинъ россійскій генералъ.

— «Да; случилось мнѣ быть въ Москвѣ. Я вошолъ въ театръ и сѣлъ въ партерѣ. Черезъ минуту по всему театру пошолъ гулъ, далѣ-больше, далѣ-больше и вдругъ, во всѣхъ ложахъ и въ партерѣ, ударили въ ладоши, и закричали повторяя: «Петръ Ивановичъ Боборыкинъ! Петръ Ивановичъ Боборыкинъ!» а г-жи княгини, графини, и другихъ знаменитыхъ фамилій, будучи бабушки, тетушки, матушки, сестрицы, во всю мочь кричатъ со всѣхъ мѣстъ: «дайте намъ Боборыкина! покажите намъ благодѣтеля нашихъ дѣтей!

нашихъ внуковъ! нашихъ братьевъ! племянниковъ!» Иныя вскакиваютъ на стулье, на парапетъ, и кричатъ: на руки его! на руки его! Въ жизни моей, я ни прежде ни послѣ не былъ пораженъ такою радостію и удовольствіемъ, какъ тогда».

Напослѣдокъ оказалось, что еслибы я не бросился къ Боборыкину, то сей (смотри выше) пріятель чисто бы меня обманулъ. Онъ успѣлъ высосать отъ меня 700 р. и успѣлъ чрезъ письма стакнуться съ Сѣвериным, не сомнѣваясь, что отъ него получитъ больше какъ отъ меня; однакожъ не удалось. Письмо Боборыкина помѣшало. Вотъ каково на свѣтѣ!

Онъ жилъ въ разстояніи отъ города версты на двѣ, въ пожалованномъ ему имѣніи. Близость разстоянія требовала изъясниться лично; но я изъяснился письмомъ, извиняясь, что послѣ болѣзни не могу еще выходить, и проч. Онъ отвѣчалъ: что давно искалъ случая быть мнѣ полезнымъ, и даже сердитъ былъ на меня за то, что будучи я въ моемъ несчастіи не употребилъ его до сихъ поръ въ мою пользу, и что онъ теперь все то для меня радъ здѣлать, къ чему я подамъ ему свою мысль.

Будучи безъ помочи, оживился я отвѣтомъ сего благодѣтельнаго мужа. Когда я къ нему явился, онъ повторилъ лично свои слова, сказанныя мнѣ чрезъ посланнаго.

Послѣ сего, приступили къ дѣлу. Я предложилъ ему мою мысль вопросомъ: «угодно-ли будетъ вашему превосходительству письмо мое, адресованное къ особѣ вашей третьяго дни, вложить въ свой пакетъ при своемъ письмѣ къ генералъ-прокурору Обольянинову? Мы тѣмъ избѣжали бы многихъ изъясненій, которыя уже тамъ помѣщены».

— «Да вѣдь онъ мнѣ внучатной братъ — вскричалъ мой заступникъ — я вѣдь его зналъ, какъ онъ былъ еще ассессоромъ въ № казенной палатѣ, а я и тогда уже былъ тотъ же, какъ ты теперь меня видишь, кромѣ александровскаго ордена. Напиши къ нему отъ меня письмо объ себѣ; вотъ тебѣ — указывая на бюро — и всѣ тутъ потребности». Показавши, самъ пошолъ въ баню, которая тутъ же была въ покояхъ, и въ которой онъ, по причинѣ величайшаго гиморойдальнаго припадка, обыкновенно леживалъ на полку, безъ одѣянія.

Написавши, понесъ ему въ баню и прочиталъ. Онъ, взявъ письмо, прочиталъ его самъ и сказалъ: «оно хорошо! да только

ты не изъяснилъ, что Сѣверинъ человѣкъ дурной и безсовѣстной». Дважды я выправлялъ, перебѣливалъ, и ни одно не годилось, для того, что я Сѣверина мало бранилъ. Я употребилъ всю возможность на соглашеніе его, чтобы онъ не писалъ, что Сѣверинъ человѣкъ безсовѣстной, и проч. «Довольно и того — говорилъ я — если мы, объясняя его чудотворенія, выставимъ его человѣкомъ не меньше дурнымъ, какъ и смѣшнымъ, не говоря ни слова хорошъ ли онъ или худъ, честенъ или безсовѣстенъ». И хотя онъ во многомъ меня послушалъ, однако-жъ напослѣдокъ требовалъ, чтобъ я непремѣнно вмѣстилъ собственныя его къ генералъ-прокурору слѣдующія слова:

«Если ваше высокопревосходительство неудовлетворите Добрынина возвращеніемъ ему службы, то я радъ пасть передъ моимъ монархомъ, во удостовѣреніе, что Добрынинъ человѣкъ честной, благородной и исправной по должности, а Сѣверинъ человѣкъ дурной, безсовѣстной, которой Добрынина не терпитъ для того, чтобъ ему съ нимъ не пришлося сѣдеть въ губернскомъ правленіи за однимъ столомъ». Между тѣмъ, каково мнѣ было въ банѣ-то быть одѣтому, если ему въ пору только было лежать раздѣтому? Однако-жъ тогдашній большой жаръ мнѣ ни малѣйшаго не причинялъ безпокойства, потому что было для чего потѣть.

Окончивъ наше письмо, приложили къ нему въ одинъ пакетъ и мое съ распечатаннымъ пакетомъ, писанное къ Боборыкину, и запечатавъ, отправили на почту къ генералъ-прокурору въ Петербургъ.

Въ скоромъ времяни извѣщенъ я отъ того же пріятеля, что «и Боборыкина письмо получено. Оно послужило къ лутчему. Генералъ-прокуроръ приказалъ подать къ себѣ изъ сената донесеніе обозрѣвавшаго Витебскую губернію сенатора графа Илинскаго, дабы согласить оное съ письмомъ Боборыкина и съ приложеннымъ при ономъ въ подлинникѣ вашимъ письмомъ».

Вскорѣ послѣ сего получилъ я — однако-жъ не отъ того пріятеля, а изъ канцеляріи генералъ-прокурора — и копію съ письма генералъ-прокурора Обольянинова, писаннаго къ губернатору Сѣверину, которую здѣсь вмѣщаю:

«Отъ вашего превосходительства поступило въ правительствующій сенатъ представленіе, объ отрѣшеніи витебскаго земскаго комисара Добр... отъ должности за найденную осмат-

ривавшимъ Бѣлорусскую губернію сенаторомъ, графомъ Илинскимъ, неисправность, которой однако-жъ не объяснено, почему онъ подвергается изключенію изъ службы безъ доказательства и обличенія поступка. Кромѣ того, что сей чиновникъ, извѣстный мнѣ съ весьма хорошей стороны, какъ отличный въ немаловременной своей службѣ, въ усердіи и исправности; въ присланномъ нынѣ въ правительствующій сенатъ, отъ упомянутаго, свидѣтельствовавшаго присутственныя мѣста въ Бѣлорусской губерніи сенатора, графа Илинскаго донесеніи, не показана неисправность витебскаго земскаго коммиссара; а, напротивъ, показано медленное и безпорядочное производство дѣлъ, между прочими мѣстами, въ полотскомъ нижнемъ судѣ, котораго коммиссаръ Коссовъ, какъ замѣченный вами исправнымъ, способнымъ и дѣятельнымъ, представленъ къ перемѣщенію въ витебскій нижній земскій судъ, для лутчаго успѣха въ отправленіи въ ономъ дѣлъ. По таковой несогласности въ представленіяхъ, и не видя точно противнаго поступка витебскаго земскаго коммиссара Добрынина, по которому бы подвергался онъ отрѣшенію отъ мѣста и безъ предварительнаго сужденія, долгомъ почитаю, поставя въ виду вашемъ противорѣчущія обстоятельства, просить покорно ваше превосходительство объяснить мнѣ оныя, и въ чемъ состоятъ упущеніи и неисправность его? и обнаружены-ли они? Какъ же по представленію вашему объ немъ въ правительствующемъ сенатѣ еще никакого рѣшенія не сдѣлано, то, въ случаѣ необнаруженнаго проступка его, обратить на него справедливое вниманіе ваше. На что ожидаю увѣдомленія вашего».

23-го дня марта, 1800 г.

Сію копію, получа отъ меня милостивецъ мой, почтеннѣйшій мужъ Боборынинъ, умножилъ мою радость своею, и раздѣлилъ ее со мною. Итакъ, будучи я въ благонадежномъ ожиданіи конца дѣлу, вздумалъ, для препнанія скуки, при концѣ апрѣля, съѣздить въ Могилевъ. Я туда пріѣхалъ въ тихую лунную весеннюю ночь. Въ городскихъ воротахъ защитился я отвѣтомъ: что «имѣю здѣсь собственной мой домъ»; безъ того бы меня, въ тогдашнюю строгую пору, не впустили въ городъ безъ паспорта, котораго мнѣ взять было неоткуда, потому что глава губерніи былъ мой врагъ.

Лишь только я подъѣхалъ къ воротамъ моего дома, то прежде всѣхъ услышалъ мой Дельфинъ, мой непритворной и неизмѣнной другъ, моя собака. Онъ былъ смѣсь легавыхъ съ туземными большими собаками. Онъ, почувствовавши меня обоняніемъ, началъ драть лапами по воротамъ, лаять и визжать. Лишь только я кликнулъ: Дельфинъ! онъ бросился отъ воротъ, вскочилъ по лѣстницѣ въ садъ, добѣжалъ, по ровной горѣ, до забора и спрыгнулъ на улицу съ такой высоты, съ какой никогда непрыгивалъ, перебѣжалъ по улицѣ ко мнѣ прежде нежели отперли мнѣ ворота, прыгнулъ мнѣ на самую шею и началъ снова повторять свою радость лаемъ и визгомъ. Я обнималъ его драгоцѣнную чувствительность, повторяя его имя, и тотчасъ, при въѣздѣ на дворъ, вынялъ отъ столоваго моего запаса хлѣбъ и большой кусокъ жаркова, но его не могъ этимъ занять. Онъ бросился бѣгать по садовымъ тропинкамъ и, возвращаясь многократно ко мнѣ, прыгать на груди, пока наконецъ радость его пришла въ умѣренность, и онъ принялся за свою порцію. Я, неотходя отъ него и почти не выпущая его изъ рукъ, плакалъ по моему малодушію, и въ горести мыслилъ: непостижимое Провидѣніе! Ежели безъ воли твоей ничто не бываетъ и не движится, то на какой конецъ даешь ты мнѣ чувствовать безмѣрное разстояніе между Сѣвериномъ и Дельфиномъ!

Я пробылъ въ моемъ домикѣ три дни, ходя то по саду, то по покоямъ и питая скуку. Въ одну пору, послѣ полудни, выдернулъ я изъ комода ящикъ, почти безъ намѣренья, ибо зналъ, что въ немъ ничего нѣтъ; но, противъ чаянія, нашелъ тамъ прежнюю мою шпагу, обтянутую по ефесу чернымъ флеромъ, на кончину императрицы, и нѣсколько обрѣзковъ тѣхъ же печальныхъ видовъ. Я сѣлъ при нихъ и пробылъ безъ движенія нѣсколько минутъ, приводя на память и пробѣгая мысленно время, прожитое въ Могилевѣ съ начала открытія намѣстничества и конченное горькою для россіянина смертію матери отечества, Екатерины Вторыя.

Въ семъ, можно сказать, изступленіи, я прилегъ на канапѣ и прикорнулъ. Мнѣ приснилось, что я тоскую и пою самымъ унывнымъ тономъ:

Куда ты дѣвалась Екатерина?
Унесла ты съ собою наше благополучіе!

Проснувшись, ощутилъ въ груди моей сильное біеніе. Тонъ, которымъ я пѣлъ во снѣ, такъ сильно въ меня врѣзался, что я не только, проснувшись, повторилъ его въ мысляхъ, но даже и теперь могъ бы положить его на ноту.

Возвратяся въ Витебскъ, получилъ я и съ другаго письма копію, писаннаго отъ генералъ-прокурора къ Сѣверину, слѣдующаго содержанія:

«Изъ отзывовъ вашего превосходительства о витебскомъ земскомъ коммиссарѣ Добрынинѣ, усматривая ваше благосклонное къ нему расположеніе, потому что соглашаетесь доставить ему другое мѣсто, и убѣждаясь я съ хорошей стороны объ немъ, обязанностію поставляю, просить васъ совершить милостивое ваше объ немъ предположеніе, чтобъ, въ самомъ перемѣщеніи, позволить ему воспользоваться собственнымъ выборомъ. Вслѣдствіе сего, здѣланное вами объ немъ и о перемѣщеніи другихъ чиновниковъ, въ правительствующій сенатъ, представленіе, при семъ возвращая, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ».

Сѣверинъ, зная, что меня покровительствуетъ Боборыкинъ, прислалъ къ нему нарочнаго, съ письмомъ, въ которомъ спрашивалъ: «Куда г. Добрынинъ желаетъ? земскимъ-ли коммиссаромъ? или во 2-й департаментъ главнаго суда совѣтникомъ?» Боборыкинъ далъ мнѣ объ этомъ знать; а я, прискакавъ къ нему съ благодарностью, объявилъ желаніе быть совѣтникомъ. Такимъ образомъ, пошло обо мнѣ представленіе отъ губернатора въ сенатъ, противное совсѣмъ первому его представленію.

Между тѣмъ, разсуждая, что я до полученія обо мнѣ изъ сената указа свободенъ, взялъ — во время отъѣзда губернатора по губерніи — отъ вице-губернатора подорожную, въ намѣреніи поѣхать въ Россію, единственно чтобы видѣть обитанныя мною въ малолѣтствѣ и юношествѣ мѣста, съ ними поздороваться, и — проститься! Но не успѣлъ еще прибраться въ дорогу, какъ получилъ отъ вице-губернатора Енгельгардта записку, съ поздравленіемъ меня, по полученному отъ сената указу, совѣтникомъ во 2-мъ департаментѣ, и съ требованіемъ: чтобъ я возвратилъ ему подорожную. Итакъ, съ іюня мѣсяца 1800 года я совѣтникъ.

Сѣверинъ съ полгода еще пробылъ губернаторомъ, и, во все это время, ни однажды не пригласилъ меня къ своему столу.

даже и въ торжественные дни: доказательство, сколь ему чувствительно было помѣщеніе совѣтникомъ человѣка, котораго онъ не желалъ видѣть и на меньшемъ степени. Любящіе всякую повѣсть съ концомъ, можетъ-быть, пожелали бы знать: за что гнѣвъ и немилость губернатора на земскаго коммиссара простирались даже до лишенія службы? На сіе отвѣтствую: знаетъ о томъ купецъ да продавецъ и каждаго уѣзда земскій коммиссаръ Бѣлорусской тогдашней губерніи.

Вдругъ неожиданно получается указъ изъ сената, съ прописаніемъ имяннаго высочайшаго повелѣнія: что «бѣлорусскій губернаторъ Сѣверинъ, за многія смертноубивства, случившіяся въ его губерніи, отставляется отъ службы».

Онъ выѣхалъ въ деревню, приобрѣтенную трудами губернаторскими, состоящую душъ изъ 400 мужескихъ, и отстоящую отъ Витебска верстъ на 25 *).

На мѣсто его вступилъ генералъ-майоръ Тарбѣевъ, лѣтъ ему было подъ 60. Онъ изъ плацъ-майоровъ — забылъ какой на Балтійскомъ морѣ крѣпости **),—пожалованъ почти вдругъ генералъ-майоромъ, кавалеромъ и витебскимъ губернаторомъ. Человѣкъ былъ хорошій, зналъ службу. Много читалъ, много помнилъ и охотникъ былъ разсказывать о дѣйствіяхъ и поведеніяхъ знаменитыхъ особъ, служившихъ, особливо въ Россіи, которыхъ онъ или зналъ или объ нихъ читалъ. Столовъ и баловъ у него никогда не бывало; но для малаго количества лицъ былъ онъ каждодневно гостепріимчивъ, нескупъ и ласковъ. Жена его, нѣмка, сама присматривала въ кухнѣ, а иногда и занималась; почему каждое на столѣ блюдо было въ наилутчемъ вкусѣ и опрятности. Онъ уже былъ старъ для безпокойной губернаторской должности. Отставленъ съ половинною пенсіею, и умеръ въ деревняхъ, пожалованныхъ ему на 12 лѣтъ.

На его мѣсто присланъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шишкинъ. Онъ былъ лѣтъ подъ 40, служилъ по гвардіи и потомъ, въ штатской службѣ; былъ вице-губернаторомъ въ Смо-

---

*) Когда, въ 1807-мъ году, избираемы были по баламъ милиціонные губернскіе начальники, тогда дворянство Витебской губерніи положило на сторону Сѣверина только три шара избирательныхъ—изъ трехъсотъ. Г. Д.

**) Аренсбургъ. Позднѣйшая приписка. Г. Д.

Сноска эта сдѣлана авторомъ сбоку рукописи другими чернилами. Ред.

ленскѣ, совѣтникомъ въ государственномъ ассигнаціонномъ банкѣ и, напослѣдокъ, витебскимъ губернаторомъ. Человѣкъ счастливой памяти, зналъ два языка, знакомъ съ литературою и ничего не писалъ. Разсуждая объ людяхъ, умѣлъ ихъ теорически узнавать и различать, но дѣятельно не отличалъ умнаго отъ дурака, ребенка отъ старика. Ловокъ и вѣжливъ въ порядкѣ разговора, и былъ наипріятнѣйшій человѣкъ въ гражданскомъ обращеніи. Физіогномію имѣлъ благородную; нравственность, подкрѣпленная воспитаніемъ, не позволила ему пользоваться отъ должности противозаконными прибытками; но послѣ вышли непріятныя обстоятельства, — которыхъ и ожидать надлежало, — что онъ радъ бы былъ своему горю помочь, откуда-бы то ни было; но никто ему ничего не давалъ, потому что губерніею управлялъ секретарь его, а губернскимъ городомъ — полицемейстеръ. Будучи таковымъ, онъ вѣрилъ отъ всего сердца, что цѣлая губернія, по любви своей къ нему, готова носить его на рукахъ.

Онъ отставленъ въ исходѣ 1807 года, съ полнымъ пансіономъ, какъ человѣкъ хорошій.

Съ 1808 года, на мѣсто его вступилъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Сумароковъ, человѣкъ съ французскимъ языкомъ, съ стихотворствомъ и способностью писать. Два тома сочиненій его съ естампами, подъ названіемъ: «Досуги крымскаго судьи» дѣлаютъ ему честь и обнаруживаютъ его дарованія. Его комическія сочиненія довольно веселы и нравоучительны. Но онъ самъ ни на своихъ, ни на чужихъ никогда не смѣялся и не свисталъ. И для того, нѣкоторые сочинители, которыхъ сочиненія гораздо пониже его сочиненій, его не хвалили *). Во всю бытность губернаторства его — видѣли, что онъ радѣтеленъ, скоръ, взыскателенъ, справедливъ, безкорыстенъ, своеобычливъ, упрямъ, забывчивъ, не всегда вѣренъ, не злопамятливъ, не скупъ; чуждъ непозволительныхъ приобрѣтеній съ просителей, и не самой хорошій плательщикъ долговъ. Былъ любочестивъ и мастеръ принимать у себя большія собранія гостей; но его немногіе любили, потому-ли что немногіе охочи узнавать въ начальникѣ хорошую сторону, или потому, что онъ не сотворенъ при-

*) Вмѣсто зачеркнутаго «не любили». Ред.

ласкать пріятнымъ словомъ и улыбкою. Ежели должно сказать, что онъ во все входилъ и все хотѣлъ знать, то можно сказать, что онъ не меньше хотѣлъ ко всему и ко всякому придираться. При полученіи имъ бумагъ на утвержденіе по части провіантской, подписавшій оныя провіянтскій чиновникъ, на его громкомъ языкѣ, былъ воръ, котораго мало повѣсить. Очень понятно, что онъ доискивался быть пріятелемъ тому только, кто держится чести по нравоученію, и вступаетъ въ службу съ чистымъ намѣреніемъ служить. Діогенъ тоже упалъ, когда бѣгалъ со свѣчкою, и его не меньше одобряютъ, какъ и порочатъ; учись же — кто ретивъ — изъ примѣровъ древнихъ и новыхъ *).

Прежде нежели кончу мою исторію, возвращусь ко временамъ губернатора Тарбѣева и Шишкина. Во время губернаторства Тарбѣева, былъ военнымъ губернаторомъ въ обѣихъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ А. М. Римскій-Корсаковъ. Человѣкъ правосудный, не корыстолюбной, умный, самонравный, неуступчивый, взыскательный; онъ не любилъ ни отъ кого заимствовать мнѣнія, и слушалъ больше самъ себя. Любилъ хорошихъ женщинъ, и мастеръ былъ ихъ выбирать. Онъ личнымъ своимъ государю императору докладомъ удержалъ Витебскъ губернскимъ городомъ, и тѣмъ величайшую сдѣлалъ пользу гражданамъ и поддержалъ водяную и сухопутную комерцію, противъ сенатскаго мнѣнія, которымъ сенатъ полагалъ быть губернскимъ городомъ Полотеку. Для пребыванія же своего выбралъ Могилевъ, для того, что деревни генералъ-майора и кав. Ив. Никол. Римскаго-Корсакова состоятъ при Могилевѣ, въ которыя водворился и военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ. Но едва побылъ онъ съ небольшимъ годъ въ Бѣлоруссіи, переведенъ въ Вильно военнымъ же губернаторомъ.

Мѣсто его заступилъ И. И. Михельсонъ, человѣкъ вспыльчивой, сердитой, любостяжательной, гостепріимной, любящій вкусъ и изобиліе на столѣ, и порядокъ вездѣ. При этомъ, имѣлъ онъ двѣ души: былъ очень добръ, и былъ очень золъ. Онъ выбралъ мѣстопребываніе въ Витебскѣ, потому что деревни его были въ Витебской губерніи. Онъ губернатору Шишкину исходатайствовалъ аннинскую ленту, а меня представилъ къ полученію ордена

*) Послѣднія двѣ строки въ подлинникѣ зачеркнуты. Ред.

владимірскаго. Шишкинъ, изъ благодарности, съ нимъ не поладилъ, а я не получилъ ордена, потому что, во всю жизнь и службу, не былъ ни подъ судомъ, ни подъ штрафомъ, ни подъ выговоромъ. Напослѣдокъ Михельсону высочайше повелѣно командовать арміею противъ турка, гдѣ онъ, оказавъ удачно свои воинскіе подвиги, скончался; а по смерти возвратился чрезъ Витебскъ во свое имѣніе Иваново, въ закупареномъ гробѣ, для вѣчнаго себя успокоенія, въ построенной имъ тамъ каменной церкви.

Окончаніе.

Безсмертное! . . . . непрерывно-умирающее.
Животворящее! . . умерщвляющее.
Безначальное! . . . безконечное.
Некупленное! . . . дражайшее.
Непостижимое! . . . всѣмъ извѣстное.
Неосязаемое! . . . . всѣми ощущаемое.
Неудобозримое! . . . всѣми видимое.
Недвижущееся! . . . скоробѣгущее.

Всегда всесильное!

ВРЕМЯ!

Пора уже мнѣ кончить мою исторію. 1810-й годъ есть тотъ, въ которой вѣка моего оканчивается 59-й годъ, въ томъ числѣ, со вступленія въ службу 36-й. Вся моя протекшая жизнь и служба—похожа на участь того пловца, которой, лишь только приближается къ желаемому пристанищу, и — бурная погода отбиваетъ его паки въ море, волнами обуреваемое. Я уже сказалъ, что всеобщая реформа содвинула меня съ седьмаго степени на девятый *); теперь, проходя десятолѣтіе совѣтникомъ, теряю дав-

*) Ученой скажетъ: 9 больше, какъ 7. Но въ службѣ, чѣмъ больше—тѣмъ меньше, а чѣмъ меньше—тѣмъ больше. Онъ вѣрно вопроситъ: «доказана-ли истина сія закономъ физическимъ, математическимъ, механическимъ?» Доказана табелью о рангахъ. По сему случаю, не могу пропустить одного забавнаго случая, гдѣ штатская служба противъ учености за себя постояла: одинъ учитель народнаго училища написалъ въ прошеніи: «прошу ваше императорское величество, на сіе мое прошеніе рѣшеніе учинить». Полотское намѣстническое правленіе обратило ему просьбу съ надписью, въ которой сказало:

но, по числу лѣтъ службы, мѣсто предсѣдательское. Теряю, потому что предсѣдатели, вмѣсто прежнихъ опредѣлянныхъ отъ короны, избираются отъ дворянства, изъ помѣщиковъ своей губерніи; слѣдовательно, чтобъ быть предсѣдателемъ, не довольно уже стало одной службы безъ деревень! Но довольно ли однихъ деревень безъ постепеннаго прехожденія службы? Объ этомъ разсуждать не наше дѣло.

Въ настоящемъ времяни, предсѣдательское мѣсто для меня уже не награда, когда многіе, съ равныхъ моему мѣстъ, поступили въ вице-губернаторы. Поступили, ежели по достоинству, то не меньше и потому, что они просили. А по слову бывшаго нашего губернатора Шишкина: «просятъ нищіе, а благородный человѣкъ служитъ». По сему мнѣнію есть надежда, что я вѣкъ мой доживу въ качествѣ благороднаго человѣка.

Оставалось два года, по закону государя императора, подождать до чина статскаго совѣтника; но, въ прошедшемъ 1809-мъ году, состоялся законъ, запрещающій производить въ статскіе совѣтники тѣхъ, которые служили, не зная двухъ языковъ иностранныхъ и наукъ; а знающій языки и науки долженъ доказать свое знаніе свидѣтельствомъ отъ университета.

Итакъ, служба кончена, и жизнь скончавается, хотя еще я и живу и въ службѣ нахожуся. Я старѣ многихъ въ моемъ отечествѣ университетовъ и вѣкомъ *) и службою. Долговременная опытность не обманываетъ меня, что я, для ищущихъ правосудія — пока въ мірѣ семъ продолжится неправда, а для соблюденія по другимъ **) въ государствѣ частямъ порядка, пока въ нихъ продолжаться будутъ замѣшательство и самая монополія, — могу быть полезенъ больше, — кромѣ двухъ моихъ исповѣдей — нежели профессоръ всѣхъ наукъ, который никуда не посылаетъ ни мѣсячныхъ, ни третныхъ, ни полугодовыхъ, ни го-

---

«что онъ ошибся въ титулѣ, и чтобъ онъ впредь писалъ: прошу вашего императорскаго величества, о семъ моемъ прошеніи» и проч.... Учитель во вторичной просьбѣ сослался на правила грамматики, доказывалъ падежами, склоненіями, спряженіями, частьми рѣчи и проч., а правленіе въ другой разъ подтвердило ему чрезъ полицію, «чтобъ онъ, въ челобитныхъ, держался предписанной закономъ формы, а не правилъ грамматическихъ». Г. Д.

*) По ученому: возрастомъ, но мнѣ уже безъ мала 40 лѣтъ, какъ я выросъ, и болѣ не росту. Г. Д.

**) Вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ: «по многимъ». Ред.

довыхъ вѣдомостей о томъ: какую онъ кому здѣлалъ пользу, кромѣ годовыхъ задачъ, праздностію порожденныхъ *).

Но воля царя земного, какъ воля царя небеснаго, есть благая и совершенная и творенію нижнихъ созданій непостижимая; убо, я долженъ принимать съ благоговѣніемъ и тотъ насущный хлѣбъ, который отпускается въ жалованьѣ на 365 дней. «Всякое даяніе благо», особливо въ такую пору лѣтъ, когда участь смертнаго не подвержена никакому сомнѣнію въ томъ, что рано или поздо, завтре или севодни, «вечеръ или утро, или въ пѣтоглашеніе» ударитъ послѣдній мой часъ и затылокъ мой стукнетъ о гробовую доску! а ежели не стукнетъ, то **)

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Еще части ***).

Кончен. 1810 г., въ Витебскѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ И ПОСЛѢДНЯЯ ****).

(Въ Витебскѣ).

§ XXXXVI *****).

Отъ 1810-го до 1823 г.

Счастье и бѣдствіе.

Всеблагому Провидѣнію угодно было продолжить жизнь мою до 71 года отъ моего рожденія, на которомъ я снова принимаюсь за перо — 1822 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ — для продолженія моихъ предположенныхъ записокъ и съ ними вмѣстѣ исторіи моей жизни.

---

*) Послѣдняя строка зачеркнута. Ред.

**) Послѣднія слова въ подлинникѣ зачеркнуты. Ред.

***) Эти два слова написаны рукою автора посреди страницы и имъ же зачеркнуты. Ред.

****) Считаемъ необходимымъ замѣтить, что третья часть «Истиннаго Повѣствованія» Добрынина была помѣщена, съ нѣкоторыми сокращеніями и подновленіемъ слога, въ «Виленскомъ Сборникѣ» изд. 1869 г. стр. 39—63. Мы и эту часть, какъ и предъидущія дословно печатаемъ съ подлинной рукописи автора, съ сохраненіемъ при этомъ не только текста, но и всѣхъ нерѣдко мелкихъ особенностей правописанія Добрынина. Ред.

*****) Въ нумераціи главъ авторъ пишетъ однимъ нумеромъ меньше, такъ какъ, вѣроятно, по ошибкѣ, у него № § XLIII повторенъ два раза. Ред.

Въ 1810-мъ году, по всевысочайшему именному повелѣнію, прибылъ въ Витебскъ, для управленія обѣими бѣлорусскими губерніями, въ достоинствѣ бѣлорусскаго военнаго губернатора, его королевское высочество герцогъ Александръ виртембергскій.

Губернаторъ Сумароковъ далъ для его высочества гостепріимной, обѣденной великолѣпной столъ, и пригласилъ всѣхъ губернскихъ чиновниковъ. Мнѣ случилось сѣсть подлѣ адъютанта герцога, г-на Тургенева.

Благородная фамилія Тургеневыхъ извѣстна мнѣ была еще отъ времянъ мѣстопребыванія моего въ Сѣвскѣ, при дядѣ моемъ тамошнемъ епископѣ Кириллѣ Фіоринскомъ, по стеченію иногда къ нему, по сану его, дворянства съ визитомъ, такожъ и по времянной потомъ моей бытности въ Москвѣ, въ 1785 году. Онъ занялъ меня краткимъ разговоромъ, и порадовалъ, что его высочество предваренъ обо мнѣ съ хорошей стороны въ Петербургѣ, особенно же отъ статскаго совѣтника Паглиновскаго. Паглиновскій, Дмитрій Моисеевичъ, знакомъ мнѣ отъ самаго вступленія моего 1777 г. по штатской службѣ, въ пограничный съ Россіею бѣлорусскій городъ Рогачевъ, гдѣ обучался онъ въ партикулярномъ пансіонѣ, а потомъ въ Могилевѣ, въ которомъ я служилъ 20 лѣтъ.

Правитель канцелярія герцога, г-нъ Старинкевичъ, знакомъ мнѣ еще отъ Могилева, и бывалъ у меня съ дѣтства при любомудромъ своемъ отцѣ, шкловскомъ протопопѣ, занявшемъ витійство отъ кіевской академіи, и остроумномъ по натурѣ. Качества отца удачно перелились и въ сына, которой, сверхъ домашняго и кадетскаго въ шкловскомъ корпусѣ воспитанія, былъ летучаго ума, а потомъ, изъ Петербурга, достался уже къ герцогу въ теперешнюю должность отъ знаменитаго князя Лопухина.

Тургеневъ имѣлъ счастливый смыслъ со нравственностію; послѣ уже я узналъ, что онъ почерпнулъ много для себя полезнаго въ Виттингенскомъ, извѣстномъ въ Европѣ университетѣ. Онъ былъ нѣсколькими годами постарше двадцати-осьми-лѣтняго Старинкевича. Сіи два мудреца не были мнѣ лиходѣями. Они, при избраніи иногда, кому? что? гдѣ? препоручить, вы-

ставляли меня первымъ его высочеству на шковскомъ и эттингенскомъ языкѣ.

Его высочество возлагалъ на меня многія коммиссіи по Витебску и уѣздамъ, за исполненіе которыхъ былъ мною доволенъ.

Въ началѣ 1812 года, былъ я счастливъ получить, по представленію его высочества, орденъ св. Анны второй степени, при всевысочайшемъ, собственноручно подписанномъ рескрибтѣ. Тогда ордена жалованы были очень рѣдко, и я, съ горяча, писалъ къ одному пріятелю, въ Петербургъ, что «теперь уже меня непостигнетъ никакое зло». Въ самомъ дѣлѣ я тогда такъ думалъ и вѣрилъ, забывшись, что никто прежде смерти счастливымъ назваться не можетъ.

Въ одну пору, изъ моихъ домашнихъ рукописей показалъ я Старинкевичу записку. Она была трактатъ или разсужденіе о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ витебской квартирной коммиссіи, которая бѣдныхъ и посредственныхъ гражданъ отягощала постоемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ, и даже прокормленіемъ постояльцевъ; подводами подъ проходящихъ, по требованіямъ городовой полиціи. На имущихъ же и значительныхъ гражданъ, хотя положенъ былъ денежный годовой окладъ, но сборъ онаго зависѣлъ отъ произвола, и коммиссія никому вѣрнаго отчота не давала, хотя и велѣно ей давать отчетъ губернатору.

Я, въ перемѣнѣ сего непорядка на порядокъ, сдѣлалъ такое математическое годовое разчисленіе, такое равновѣсіе, что всѣ обитатели города были бы довольны, еслибы оно состоялось. Евклидъ во своихъ выкладкахъ, Невтонъ во своихъ небесныхъ разрядахъ и Неккеръ въ статистикѣ и финансахъ—не могли быть вѣрнѣе; и это такая неоспоримая правда, которую я самъ пишу!

Старинкевичъ, прочитавши мою записку, заложилъ ее подъ паху, и не сказавъ мнѣ ни слова, улетѣлъ, а чрезъ нѣсколько дней получилъ я отъ его высочества предписаніе, привести ее въ исполненіе. Такимъ образомъ, попался я въ лабетъ; ибо видѣлъ, что скорѣе можно было на досугѣ обдумать и написать, нежели написанное привести во всѣхъ подробностяхъ въ исполненіе, въ такомъ городѣ, въ которомъ слишкомъ двѣ тысячи домовъ не столько достаточныхъ, сколько посредственныхъ, и не столько посредственныхъ, сколько бѣднѣйшихъ; однако-жъ ми-

лость и довѣріе его высочества меня облегчали, и трудъ мой дѣлали удобовозможнымъ. Уже я истребовалъ отъ квартирной коммиссіи и отъ другихъ мѣстъ, къ предлежащему мнѣ предмету, матеріялы, но неумолимое и непобѣдимое время съ нами не согласилось.

Уроженецъ изъ Корсики—по имяни Наполеонъ Бонапарте, по счастію и дѣятельности—императоръ французовъ, по проворному властолюбію—покоритель Германіи, Италіи, Польши, Голландіи, по стеченію обстоятельствъ—увѣнчанный честію и славою быть зятемъ императора нѣмецкаго—приближался уже къ границамъ Бѣлоруссіи, слѣдственно и Россіи.

Недосугъ было думать о нашихъ гражданскихъ занятіяхъ, а надлежало скорѣе схватить на плечи котомку по примѣру троянца Энея, который въ подобномъ случаѣ вынесъ изъ Трои на плечахъ отца своего.

Слѣдующее подъ симъ письмо, писанное отъ меня по изгнаніи уже непріятеля, къ одному пріятелю въ Петербургъ, и напечатанное имъ, безъ воли моей, въ Вѣстникѣ Европы или въ Сынѣ Отечества, съ нѣкоторыми исключеніями, подъ названіемъ: «Отрывокъ изъ записокъ витебскаго жителя», принадлежитъ къ симъ же временамъ и къ моему повѣствованію.

Письмо.

«Слухъ о приближеніи французовъ къ Витебску навелъ страхъ и ужасъ на всѣхъ мирныхъ жителей. Національные россіяне начали прежде всѣхъ высылать свое имѣніе изъ домовъ и изъ лавокъ, куда кто могъ, а потомъ и сами удалились. Чиновники, находившіеся въ штатской службѣ, имъ послѣдовали, а нѣкоторые и упредили. Въ короткія средилѣтнія ночи, скрыпъ и стукъ по улицамъ повозокъ, заколачиваніе въ домахъ ящиковъ, вопли и гулы рабочихъ и хозяевъ, наводили на мой томной духъ уныніе, когда я—не имѣя ни сна, ни аппетита—ходилъ по дорожкамъ въ моемъ саду, не зная что думать и что начать, разсуждая, самъ не знаю, кстати или нѣтъ, говорилъ я самъ себѣ и каждому: «Я человѣкъ устарѣвшій въ статской службѣ; сражаться мнѣ ни съ кѣмъ не придется, останусь въ Витебскѣ. Здѣсь у меня домикъ съ садомъ, а за городомъ садъ и огородъ съ постоялымъ домикомъ. Все это совокупно приноситъ мнѣ

нажитаго въ мой вѣкъ годоваго дохода до 500 р., ктожъ для меня, въ замѣну этого, что гдѣ приготовилъ? Лучше остаться здѣсь, нежели бѣжать неизвѣстно куда, неизвѣстно для чего. 35 лѣтъ уже какъ я въ Бѣлоруссіи и проч. Останусь, и буду смѣяться тѣмъ, которые, удалясь изъ Витебска, ко мнѣ возвратятся; ибо, быть не можетъ, чтобы достояніе Россіи досталось языку чуждому, дѣтищу мгновенно-преходящаго случая».

Въ ночи противъ 7-го іюля, стучатся ко мнѣ въ двери.

— «Кто тамъ?»

— «Бумага отъ губернатора».

Читаю: «Въ 10-ть часовъ съ полученія сего, выбраться совѣтнику Д. и слѣдовать въ городъ Невель, съ дѣлами и архивою своего присутственнаго мѣста».

На разсвѣтѣ, прихожу въ свой департаментъ, и нахожу почти уже все готовымъ и все разрушеннымъ. На столахъ нѣтъ ни суконъ, ни зерцала. На стѣнахъ — ни партрета, ни часовъ, ни зеркала. Внезапное зрѣлище и отъѣздъ поразили меня. Я уже давно страдалъ ревматическимъ въ ногахъ припадкомъ, а въ семъ случаѣ, онъ меня тронулъ на подобіе паралича. Какъ-бы то-ни-было, онъ тронулъ меня не въ пору, потому что я уже имѣлъ предписаніе. Когда никто изъ канцелярскихъ служащихъ не хотѣлъ со мною для помочи ѣхать, питомецъ мой, г. Кунцевичъ объявилъ желаніе неотставать отъ меня и беречь архивъ.

Собравшись наскоро, поѣхалъ и повезъ на 14-ти подводахъ дѣла. По дорогѣ и потомъ въ Невлѣ, нашелъ я весь Витебскъ съ подобными транспортами; такъ же: гимназію, семинарію, бѣлое и черное духовенство; а нѣкоторые, выѣхавшіе съ женами и съ грудными дѣтьми, едва имѣли насущные сухари, приправленные горькою судьбою. Все это составило такой унылой маскерадъ, на которомъ танцовать никто не охотился.

По прошествіи 4-хъ дней, которые пробылъ я въ Невлѣ, получено изъ Витебска губернаторское предписаніе, чтобы приказъ общ. призрѣнія возвратился въ Витебскъ со всѣми бумагами. Изъ сего не трудно было разсчесть, что и мнѣ можно еще съѣздить въ Витебскъ, и возвратиться въ Невель при случаѣ нужды.

Я, оставя при архивѣ вышеупомянутаго мною Кунцеви-

ча, спѣшилъ забрать послѣднія изъ Витебска вещи, и видѣть оставленнаго при смерти въ домѣ моемъ друга моего, или уже обнять его могилу. Но, не доѣзжая до Витебска 10-ти верстъ, захватили меня, въ домѣ помѣщика Эньки, человѣкъ съ 30 конныхъ французовъ, часу въ 11-мъ предъ полуднемъ. Прежде всего потребовали они отъ хозяина вина, водки. Насандаливши носы, бросились разбивать, въ глазахъ его, сундуки, шкафы, комоды, бюро; потомъ въ амбары, въ конюшню, въ каретной сарай; взяли лошадей, коляску, которую запрягли и нагрузили всѣмъ что легче и дороже, съ помочью нашихъ людей, побуждая ихъ къ тому по плечамъ; и мой кучеръ, Малаховъ никогда такъ проворно не работалъ. Взяли моихъ лошадей съ упряжью, изъ чемодана побрали бѣлье, бритвы съ приборомъ, столовой на одну персону серебреной приборъ и 1500 р. ассигнаціями.

Прочее все, что было въ чемоданѣ, оставили.

Одинъ изъ побѣдоносцевъ, посмотря на мой орденъ, снялъ его съ шеи и уже ладился спрятать. Тогда у меня потемнѣло въ глазахъ; но начальникъ ихъ, взявъ отъ него, возвратилъ мнѣ. Я, перешедши мгновенно отъ удара въ радость, чуть не палъ, изъ благодарности, на колѣни предъ великодушнымъ начальникомъ грабительства.

Въ тотъ день случились у хозяина въ гостяхъ сосѣди съ женами и съ малолѣтними дочерьми; у нихъ такъ же отобраны лошади и дрожки, а со всѣхъ насъ сняты сапоги.

Я предполагалъ уйти изъ дому, но они, поперемѣнно, вездѣ разбѣгались верхами, слѣдственно, вездѣ бы я къ нимъ попался въ руки.

Находившійся при мнѣ одиннадцатилѣтній друга моего сынъ, учившись въ гимназіи и наслышавшись отъ разговоровъ, что Франція произвела многихъ великихъ людей, и что она упредила насъ въ наукахъ, слѣдственно и во нравственности, смотрѣть на все безбоязненно; но, одинъ изъ великихъ во нравственности треснулъ его кулакомъ въ високъ, такъ что онъ ударился другимъ о край дверного замка, и пробилъ голову. Малолѣтный, ощутивъ кровь, сказалъ мнѣ:

«Не тревожтесь, мнѣ не больно, только что кровь течетъ».

Я удалилъ его, а самъ скрылся въ темный уголъ каретнаго

сарая, и тамъ, въ полуразломанной каретѣ, просѣдѣлъ до самой ночи, пока они уѣхали.

Всѣ ограбленные и устрашенные, когда я къ нимъ показался, сказали мнѣ, что герои обо мнѣ спрашивали разъ 30. «Гдѣ тотъ баронъ, которой съ крестомъ? Отданъ ли ему крестъ *)?»

Нѣтъ сомнѣнія, что они въ другой разъ хотѣли его отъ меня взять, и что начальника бы ихъ на ту пору уже не случилось.

Несчастной хозяинъ и помѣщикъ отъ насъ скрылся, а мы, въ числѣ человѣкъ 12-ти съ служителями, препровождали ночь въ овинѣ.

На разсвѣтѣ, по общему совѣту, положено пробраться къ одному изъ сонесчастныхъ, витебскому гражданину Симоновичу, версты чрезъ три. За неимѣніемъ нигдѣ лошадей, едва я могъ найти въ мою брику быка; а сами всѣ, босикомъ, достигли, при восходѣ солнца, пристанища, состоящаго изъ одной горнички съ анбаромъ и сарая предъ овиномъ, въ которомъ я скрылся съ брикою моею.

Въ тотъ же еще день посѣтили насъ другіе воины. Мы удалились въ кустарники, въ лѣса и — куда кто умѣлъ; а они забрали у хозяина весь хлѣбъ печеной, одежду, сколько нашли, лошадей, большой и мелкой скотъ, домашнихъ птицъ, взрыли вездѣ полы и сожгли нѣсколько ульевъ пчелъ. Изъ брики моей взяли, на сей разъ, съ половину оставшихся вещей, состоявшихъ въ одеждѣ; прочее все разломали, разодрали, разбросали и удалились.

По удаленіи ихъ, сказали мнѣ многіе единогласно, что хозяинъ Симоновичъ самъ французамъ указалъ мою брику**). Какъ-бы-то ни-было, Симоновичъ, желая спасти себя, совѣтовалъ мнѣ отъ него удалиться, говоря, что брика моя была причиною и его несчастья.

Я, самъ-третей съ моими людьми, перетащилъ облегченную уже брику чрезъ версту, потому что лошадей ни у кого уже не осталось, и водворился въ стоящую близъ перелѣсковъ повѣть,

*) Они всякаго благороднаго или помѣщика называли барономъ; грабя и разоряя все и каждаго, они пропасть надѣлали босыхъ барономъ. Г. Д.

**) Уже спустя три мѣсяца, видалъ я Симоновича, шедшаго въ Витебскѣ въ шинелѣ моего слуги. Г. Д.

принадлежащую крестьянину г-на Энки. Здѣсь дали мнѣ крестьяне, по просьбѣ моей, въ ведрѣ воды, а вмѣсто ковша большую фарфоровую буіонную верхнюю чашку, и ободранные уже краснаго дерева кресла, похищенныя изъ господскихъ домовъ. И здѣсь также, не прерывая заведеннаго въ арміи порядка, посѣщали бриву мою чрезъ пять дней солдаты, иногда пѣшіе, иногда конные, но, не находя въ ней ничего, напослѣдокъ, ободрали сукно и часть кожи и, выбросивъ изъ пуховика и подушки пухъ, наволоки обратили въ казну; а я, въ продолженіи сего, съ присовокупившимися ко мнѣ по сему же несчастному жребію нѣсколькими канцелярскими служительми, при каждомъ приближеніи къ намъ просвѣщеннаго народа, бѣгалъ по лѣсамъ и по болотамъ, и тамъ ночевалъ съ ними. Мой малолѣтной телемакъ, раздѣляя со мною горькую чашу, сказалъ единожды:

«Вотъ попались, къ больному батюшкѣ не доѣхали, а въ Невель возвратиться нельзя».

Не имѣя уже что сберегать, пересталъ я скрываться; но одинъ изъ новонаступившихъ героевъ доказалъ мнѣ практически, что я думалъ погрѣшительно; онъ замахнулся на меня саблею и, показывая мнѣ прусскую сребреную монету, требовалъ таковыхъ же; но видя, что я указываю ему на босыя мои ноги, снялъ съ меня шляпу, панталоны и рубашку.

Не трудно примѣтить, что воинъ сей былъ человѣкъ съ разсчетомъ. Онъ, тотчасъ, смѣтилъ, что ему нужнѣе рубашка и панталоны нежели халатъ; мнѣ же, въ моемъ положеніи, халатъ былъ нужнѣе нежели рубашка и панталоны. На семъ благоразумномъ разсужденіи основалъ онъ свое рѣшительное опредѣленіе, и его исполнилъ.

Оставшись въ одномъ халатѣ, получилъ я отъ моихъ слугъ манишку и холстинные панталоны, а одинъ изъ канцелярскихъ служителей снабдилъ меня шляпою. При семъ случаѣ, вспомнилъ я жребій несчастнаго мексиканскаго государя Монтезумы, къ ногамъ котораго бросились, въ слезахъ, его служители, перекладывать хлопчатую бумагу между его тѣломъ и желѣзомъ, когда безчеловѣчные гишпанцы положили на него оковы. Это меня облегчило; а прекраснѣйшее и наиплодоноснѣйшее во всѣхъ прозябеніяхъ — изъ всѣхъ прожитыхъ мною въ Бѣлоруссіи 35-ти — лѣто подкрѣпляло и сохранило жизнь мою.

Въ продолженіи 6-ти или 7-ми дней, видѣли мы изъ лѣсовъ и кустарниковъ, какъ отряды арміи, разсыпаясь, грабили каждодневно все то, что могли найти въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ домахъ, и разоряли, съ удивительнымъ мужествомъ и храбростію, все то, что съ ними никогда не сражалось.

Подобные герои напали на деревню витебскаго помѣщика Лукомскаго, вскочили въ домъ его, начали ломать, разбивать, грабить, схватили его самого. Юный сынъ бросился защищать несчастнаго отца, отецъ схватилъ сына въ объятія, но выпустилъ изъ объятій уже застрѣленнаго. Такимъ образомъ, убитыхъ въ разныхъ мѣстахъ начали-было привозить въ Витебскъ и ставить на площади подлѣ воскресенской церкви, противъ бернардинскаго кляштора; но начальство французское запретило ввозъ военнымъ тарифомъ. Ему легче было позволить убивство и грабежъ, нежели видѣть исполненіе позволенія.

Самъ князь N, квартируя въ Витебскѣ въ домѣ доктора Сварацкаго, обнадеживалъ несчастныхъ на польскомъ языкѣ сими словами: «Вы будете разорены, вы будете бѣдны, но будете имѣть свое отечество». Къ сему спасительному увѣщанію надлежало бы дополнить: вы умрете съ голоду, или будете разстрѣлены, но будете имѣть свое отечество.

Какое имя ты, лесть груба, злу дала!
Убивство и грабежъ геройствомъ назвала.

Сумароковъ.

Нужно ли знать чѣмъ я питался?... Мы ходили самъ-другъ или самъ-третей въ ближайшія деревни, доставали за деньги хлѣбъ, крупу, молоко, и въ лѣсу варили кашицу, имѣя на 6 человѣкъ двѣ деревянныя ложки, ножикъ, горшокъ и болѣ ничего. На семъ мѣстѣ вспомнилъ я аѳинскаго Аристида, и онъ меня утѣшилъ.

Въ артелѣ нашей былъ выше-сказанный одиннадцатилѣтній друга моего сынъ. Онъ, чувствуя зрѣніемъ и вкусомъ недостатокъ пищи, иногда мнѣ повторялъ: «Я ѣсть не хочу, вы только не безпокойтесь». Понимая источникъ его рѣчи, кровь въ жилахъ моихъ останавливалась, и, къ бо́льшему въ моихъ горестяхъ несчастію, не могъ я плакать, подобно больному, которой спать не можетъ.

Въ одинъ день пошолъ я, самъ-третей, добывать пищи. На-

хожу въ деревнѣ, принадлежащей нашему губернскому прокурору, полну улицу мужиковъ и женщинъ пьяныхъ, торжествующихъ день расхищенія господскаго съ напитками погреба.

Когда мы вошли къ одному мужику въ сѣни, прося у него и у хозяйки продать намъ хлѣба и молока — женщина поднесла мнѣ стараго венгерскаго вина въ замараной рюмкѣ изъ неполной уже бутылки, при которой былъ изъ бересты ярлычокъ съ надписью 5 ≠ — знакъ ≠ значитъ червонецъ. Мужики требовали, чтобъ я имъ сказалъ, какъ оно называется. Мнѣ разсудилось назвать его имъ дрей-мадера; и они начали повторять, чтобъ не забыть. Добывши отъ женщинъ кувшинъ молока и нѣсколько ломтей хлѣба, испеченаго изъ господской расхищенной муки, лишь только хотѣлъ имъ дать серебреную полтину, какъ одинъ изъ моихъ сопутниковъ, вбѣжавши съ улицы въ сѣни, шепнулъ скоропостижно: «Уйдемъ поскорѣе». И только что я показался на улицу, вдругъ закричали мужики: «Это шпіоны; намъ надобны хлѣбъ и молоко для французовъ». Одинъ изъ нихъ бросился ко мнѣ съ веревкою, вязать, и схватилъ меня за конецъ рукава моего халата, а другіе бросились ломать изъ плетня колье.

Я, вырвавшись, кинулъ имъ пятирублевую ассигнацію, а самъ пустился въ ретираду форсированнымъ маршемъ; сопутники мои здѣлали тоже. Пьяные мужики не могли долго гнаться, можетъ-быть, участвовала въ томъ и пятирублевая ассигнація. Мы скоро вбѣжали въ лѣсъ. Голодъ нашъ былъ больше страха; мы не кинули молока и хлѣба.

Послѣ уже мнѣ сказали, что у нихъ тогда находился французскій офицеръ, и бранилъ ихъ за то, что они бросились меня вязать, и что кричали: намъ надобенъ хлѣбъ и молоко для французовъ. Вѣроятно это былъ полякъ: они, при многихъ случаяхъ, мягкосердечнѣе другихъ народовъ *). Другой же націи не могъ бы съ нашими мужиками объясняться.

Въ послѣдніе два дни такой жизни, мы услышали, что Наполеонъ уже въ Витебскѣ и что, въ почесть ему, грабежъ уменьшается. Но это была мечта бѣдствующихъ; ибо грабежъ шелъ своимъ чередомъ.

*) Любопытно, что въ изданіи «Виленскаго Сборника» слова: «они, при многихъ случаяхъ мягкосердечнѣе другихъ народовъ» — пропущены и пропускъ не обозначенъ. Ред.

Напослѣдокъ, мы, для перемѣны воздуха и образа жизни, согласились иттить въ Витебскъ большою дорогою. Собралось насъ, изъ окрестностей лѣсныхъ и болотныхъ, обоего пола, человѣкъ болѣ тридцати. Женщины, иныя съ дѣтьми при грудяхъ, иныя вели ихъ въ рукахъ; мущины старые, средніе, юные имъ предшествовали или послѣдовали, кто какъ попалъ, и почти всѣ были босикомъ.

Когда пробирались мы на большую дорогу, атаковали насъ еще пѣшіе герои въ сѣрыхъ шинеляхъ. Вдругъ является изъза кустовъ конный офицеръ и приказываетъ великодушно пропустить насъ, какъ такихъ неподозрительныхъ людей, у которыхъ взять уже нечего.

Мы, проходя по пути чрезъ домъ г-на Енки, видѣли тамъ множество квартирующихъ и фуражирующихъ, между навоза и собственной нечистоты, какъ жуковъ, французскихъ воиновъ, которые насъ не затрогали. Но въ домѣ уже не видно было ни стеколъ въ окнахъ, ни дверей, ни цѣлой огорожи.

При самомъ входѣ въ Витебскъ разночинцы мои разсѣялись, кому куда Богъ послалъ, а мнѣ встрѣтилась маневрирующая конная гвардія. По всѣмъ улицамъ, которыми я проходилъ, видѣлъ, во всякомъ окнѣ дома, набитыхъ французовъ, и каждой домъ, сараи, повѣти, анбары наполнены были ими же. Никого изъ гражданъ по улицамъ не было видно, кромѣ бѣднѣйшихъ и евреевъ. Лавки и винные погреба пусты; двери вездѣ отперты, разломаны, стеклы побиты, затворы оконъ порасколоны, иные висятъ на одномъ крюку въ діоганаль по окну. Церкви, косціолы, кляшторы, наполнены были больными, ранеными и всѣми принадлежностьми, для нихъ и для лошадей. И Витебскъ казался мнѣ совсѣмъ уже не тотъ, въ которомъ я жилъ и служилъ 15 лѣтъ.

Въ три мѣсяца съ лишкомъ бытности ихъ въ Витебскѣ, не слышно было ни колокола, ни пѣтуха. Первой былъ запрещенъ, а второй былъ съѣденъ.

Бываютъ въ жизни мѣста или пункты, которыхъ забыть чувствительность никогда не допуститъ. На Подвинской улицѣ бросился ко мнѣ почти на шею молодой шляхтичъ, вскричавъ на польскомъ языкѣ:

— «Боже? что я вижу? Это нашъ г-нъ совѣтникъ!»

Не кстати мнѣ было спрашивать его кто онъ; но, сколько я ни силился отвѣчать ему знакомствомъ, не больше успѣлъ, какъ только примѣтилъ, что онъ бывалъ иногда въ нашемъ департаментѣ новѣреннымъ отъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ витебской губерніи помѣщиковъ. Мы обнялись и пролили слезы.

«Вамъ нужно теперь, сказалъ онъ, выпить рюмку вина; вотъ моя квартира у гражданина Лопаты».

Вошедши и поблагодаря за доброхотство при нуждѣ, спросилъ я его: «Вы же о чемъ безпокоитесь?» — «А вотъ моя жена— указывая на прекрасную женщину, лѣтъ 20-ти, лежащую въ постелѣ — она скинула мертваго ребенка, испугавшись отъ набѣжавшихъ въ мою комнату съ саблями побѣдителей».

Онъ далъ мнѣ, по желанію моему, рюмку водки, которая, при діетѣ, разлилась по внутренности моей, вмѣстѣ съ незабвеннымъ и достопочтеннымъ для меня имянемъ, г-на Зборовскаго.

Онъ продалъ мнѣ свою новую шинель, которая и была единымъ мнѣ покровомъ, во всю бытность въ Витебскѣ непріятелей. Прокурорша наша приказала сшить для меня рубашку. Миръ ея праху!

Тогда у насъ продавался фунтъ печенаго хлѣба на мѣдь 1 р. 50 к., ведро хлѣбнаго вина 10 р. сер., а рубль былъ сребреной въ 450 копѣекъ мѣдныхъ.

Домой пришелъ я не на радость. Въ немъ квартировалъ генералъ, министръ военной полиціи.

Непростительно мнѣ, что я не припомню его фамиліи; но простительно, потому что я и самъ себя тогда не помнилъ. Впослѣдствіе времяни, видѣлъ я, что физіономія его и обращеніе согласны были со внутреньними достоинствами налучшаго въ немъ человѣка.

Рѣшетки, отдѣляющія садъ отъ подворья, поломаны и разбросаны. вездѣ вокругъ дома и сада проломы. Вездѣ праздношатающіеся служители и солдаты. Садъ обращенъ въ конюшню и пастбище, вездѣ настой и смрадъ. Моя склонная природа къ чистотѣ, порядку и тишинѣ, въ другую бы пору воскипѣла; но, претерпѣвши и потерявши много, я смотрѣлъ уже на все почти равнодушно. Лутче сказать: отъ самой чувствительности я обезчувственѣлъ, окаменѣлъ; особливо тогда, когда друга моего нашелъ я лежащаго въ башнѣ, отчаянно больнымъ, но при здравой

памяти и разсудкѣ. Я утѣшалъ его тѣмъ, что ежели бы я и все потерялъ, ни мало не огорчусь, только бы онъ выздоровѣлъ— хотя и видѣлъ, къ неизобразимому моему несчастію, что ему не выздоровѣть. Онъ также мнѣ обрадовался, сколько болѣзнь ему позволяла, и сказалъ: что мы еще не совсѣмъ несчастны, когда я васъ вижу. Жена его разсказала, что она, предъ первымъ набѣгомъ на домъ партіи непріятельской, схватила въ замѣшательствѣ и почти въ безпамятствѣ нѣсколько паръ чайныхъ чашекъ, банку липцу и другихъ мелочей, и тысячу рублей ассигнаціями, и зарыла на грядахъ. Но солдаты разсыпавшись, тотчасъ примѣтили копаное свѣжее мѣсто; чашки, банку и другія мелочи разбили, а ассигнаціи унесли съ собою.

На другой день прибытія моего, переводчикъ штата генеральскаго служителю моему сказалъ: «Здѣсь квартира для генерала, а въ нея теперь пришолъ человѣкъ неизвѣстной; онъ долженъ явиться къ генералу, а не то, у насъ судъ короткой, его разстрѣляютъ». Романъ мой умѣлъ ему отвѣчать, что господинъ его пришелъ домой въ халатѣ, босой, что ему надобно одѣться и обуться, и что за это его разстрѣлять не слѣдуетъ.

Сюртукъ друга моего и сапоги ко мнѣ пришлись; я явился къ генералу въ орденѣ.

Орденъ, часы, табакерка и 180 руб. ассигнаціями, спрятаны были въ землѣ, подъ дикимъ камнемъ, при той деревнѣ, гдѣ я скрывался и бѣгалъ. Вѣрной мой Романъ, бывшій со мною въ дорогѣ, въ самой еще день прибытія моего въ Витебскъ, убѣждалъ меня послать его за сими вещьми. Сколько я съ нимъ ни спорилъ, что надобно повремянить, потому что теперь на дорогѣ его ограбятъ; однако-жъ онъ одержалъ верхъ, нашелъ гдѣ-то лошаденку и, на другой день на разсвѣтѣ поѣхавши, привезъ подъ вечеръ все, какъ-будто для того, чтобъ я въ нечистой силѣ явился не безъ креста. Чтобъ почувствовать въ полной мѣрѣ, сколь драгоцѣнна въ такомъ случаѣ вѣрность и расторопность въ слугѣ, надобно быть на моемъ мѣстѣ. Я уже лишился сего вѣрнаго человѣка. Онъ умеръ. Горе къ горю!

Генералъ принялъ меня не грубо; подставилъ самъ стулъ и говорилъ со мною чрезъ персводчика. Я, чтобъ его и себя не затруднить, далъ ему о себѣ краткую записку, кто я? и что со мною при окончаніи пути случилось? и откланялся.

Послѣ сего, на третій день, онъ потребовалъ меня къ себѣ ввечеру, и принялъ съ прежнею вѣжливостію; спрашивалъ: какъ называется мой орденъ, какой я имѣю чинъ, какъ давно служу. Переводчикъ не пропустилъ спросить, чего стоитъ мой орденъ? Мой отвѣтъ былъ: «39-ти-лѣтней службы». И, тотчасъ обратясь къ генералу, сказалъ ему, что «я имѣлъ счастіе на мой орденъ получить, отъ моего государя, рескрибтъ».

Онъ угощалъ меня французскимъ виномъ изъ стакановъ моего буфета, и сказалъ:—«Нашъ государь вашему государю другъ; вы, какъ служили одному государю, такъ можете служить и другому; Наполеонъ самъ это подпишетъ на общей бумагѣ, такъ какъ онъ подписалъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ».

Я нашелся бы что ему на это отвѣчать; но какъ участь моя похожа была на Лесажева Жилблаза въ подземельномъ жилищѣ у разбойниковъ, или на волтерова Гурона подъ тремя засовами въ темницѣ, то я, вставъ со стула, благодарилъ его нѣмымъ поклономъ, и при томъ сказалъ: «желалъ бы я, чтобъ записка моя, данная позавчера его превосходительству, была переведена». Онъ отвѣчалъ, что она прочитана, и я въ другой разъ ему поклонился и вышелъ.

Онъ простоялъ въ моемъ домѣ отъ прибытія моего дней 13 и всегда, когда я къ нему ни показывался съ визитомъ, просилъ меня или французскимъ виномъ, или французскою водкою. Но, кромѣ визита, входить мнѣ въ мои покои непозволяли. А служители, штатъ его, солдаты, каждодневныя производили въ домѣ требованіи, грабежи; таскали мелочные остатки и сложенныя у меня господъ Коссова, Старинкевича и Зеленки вещи; обдирали стулье, ломали въ саду деревье. Мои экипажи выброшены были въ садъ, и тамъ, на дождѣ, мокли ободраные, а ихъ поставлены на мѣсто моихъ.

Въ одинъ день, генералъ, позвавъ меня спрашивалъ: «Чьи это вещи?» указывая на сложеную мебель и ящики. По отвѣтѣ моемъ, онъ велѣлъ записать имяна и чины сложившихъ. Потомъ спросилъ: «для чего они сложили у васъ, а не у другого кого?»

— «Они были мои пріятели».

— «Что въ этихъ ящикахъ?»

— «Не знаю».

Онъ приказалъ ихъ отвупарить, говоря, что имъ, кромѣ на-

питковъ и сахару, ничто не надобно. Адъютантъ запустилъ руку въ сѣно, коимъ перекладены были въ ящикахъ вещи, и не нашедъ напитковъ и сахару, сказалъ, чтобъ люди мои заколотили ящики по прежнему. Но когда я, вышедъ, возвратился посмотрѣть скоро ли мои люди управятся, нашелъ г-на адъютанта занимающагося вновь испытаніемъ ящиковъ. Нѣсколько мелочной столовой фаянсовой посуды выставлено было уже на столъ. Онъ, увидѣвъ меня, казалось посовѣстился, и указавъ на посуду сказалъ: что это имъ не надобно, однако-жъ ящики остались откупаренными; а ключи отъ всего отобраны ими были при самомъ еще въѣздѣ въ домъ, и отъ всего хлѣбнаго и другаго столоваго запаса, отъ столовой, чайной, поваренной и буфетной посуды, не осталось въ домѣ ничего.

Наполеонъ каждодневно, и почти всегда въ 7-мъ часу по полудни, выѣзжалъ за городъ въ разныя стороны верхомъ. За нимъ слѣдовало всегда конницы до 700 человѣкъ разныхъ націй. Шествіе замыкали поляки съ значками, трепещущими отъ слабаго дуновенія вѣтра. Я, смотря на это, разсуждалъ самъ съ собою, ибо съ другими разсуждать было опасно: «ежели ему такое количество потребно для показанія величія и славы, то для Витебска слишкомъ много чести, потому что въ немъ знатнѣе меня и доктора Сварацкаго никого нѣтъ; ежели-жъ оно нужно для охраненія его жизни, то участь его незавидна».

Мнѣ очень хотѣлось прочитать его физіогномію; но какъ я по природѣ близоокъ, и въ 6-ти шагахъ не могу съ перваго взгляда узнавать безъ ошибки человѣка въ лицо, а лорнеты мои съ другими вещми французами похищены, то не грѣхъ побожиться, что я его не видалъ.

По выѣздѣ генерала съ Наполеономъ въ походъ, я поспѣшилъ, сколько можно, очистить мои покои и друга моего съ башни перенести въ мой кабинетъ. Вдругъ набѣжала партія солдатъ, разсыпалась по всему дому, и требовала занять всѣ покои. Мнѣ много стоило труда удержать больного въ кабинетѣ, чтобъ его не выбросили. Потомъ выбѣжали изъ дому; явилась другая партія, потомъ третья, и всѣ производили, одна за другою, единообразные свои маневры, разбѣгаясь по покоямъ, по саду, и повсюду. Примѣтно было по ихъ хищнымъ лицамъ и движе-

нѣмъ, что имъ хотѣлось серебра и золота *); но бѣдные сіи люди не знали, что у насъ не Гишпанія и не Голландія, не Англія, не Перу и не Мексика.

Я, тотчасъ, пошолъ просить коменданта о соблюденіи порядка. Онъ отвѣчалъ чрезъ переводчика, что пришлетъ ко мнѣ жандарма для квартированія, дабы онъ охранялъ меня и мой домъ отъ набѣговъ и опасностей; однако-жъ это не исполнилось, а между тѣмъ, наскочила еще партія, увела моего человѣка, и я считалъ его уже пропащимъ; но онъ имѣлъ больше вѣрности и привязанности ко мнѣ, нежели похитившіе его расторопности или охоты, чтобъ его удержать. Онъ возвратился ко мнѣ часа черезъ два; а между тѣмъ, лѣкарь и больной капитанъ, со слугами самъ-шостъ и съ пятью лошадьми, остановились у меня сами собою, заняли весь домъ и поддержали нечистоту въ совершенномъ и самомъ отвратительномъ степени. На стѣнахъ, между естампами, развѣшивали сырое мясо, отъ долговремянности котораго смрадъ наполнялъ покои. На фортепіянѣ ставили кострюлки; отъ утра до утра топили печи, трубы не закрывались, двери и окны не затворялись. Имѣя предъ глазами дрова, разбирали заборы, доламывали штакетъ, и въ покояхъ рубили на топленіе печей, въ самую лутчую теплую погоду; а вокругъ покоевъ, чрезъ отверстыя всегда окны, извергалась всякая нечистота и, вмѣстѣ съ воздухомъ возвращаясь, служила питаніемъ больному капитану.

Не лишнимъ почитаю, хоть для примѣра, сказать: какихъ качествъ и познаній людьми, или какою сволочью обогащена была армія великой націи. Въ одинъ день, слышу я трескъ металлической въ томъ покоѣ, въ которомъ лежалъ больной капитанъ. Сквозь досчатую рѣшетку, раздѣлявшую меня съ нимъ, увидѣлъ я, что онъ вывинтилъ изъ стѣны одинъ изъ бронзовыхъ наличниковъ, на которыхъ прежде стояло стѣнное зеркало, и ломаетъ его. На ту пору входитъ къ нему деньщикъ. Капитанъ, показавъ ему свой трудъ, говоритъ: «Это золото». Рыжій деньщикъ, осердясь, что капитанъ его не мастеръ находить золото, схватываетъ изломокъ, бросаетъ его съ размаха на полъ, схва-

*) Передѣлано изъ слѣдующей фразы: «Примѣтно было, что они и сами не знали, что имъ надобно. Вѣрнѣе сказать, что они искали серебра и золота». Ред.

тываетъ скоропостижно со стѣны эстампъ и, въ доказательство капитанской ошибки, показывая ему мѣдныя при рамахъ колечки, удостовѣряетъ его, сердясь, что «и это такое же золото». Бывшій тогда при мнѣ малолѣтный питомецъ, г. Томашевскій перевелъ мнѣ жаркой ихъ споръ, которой довольно показываетъ жадность ихъ и глупость.

Каждый день приносилъ съ собою мнѣ и служащимъ новыя тревоги. Описывать подробно всѣ ихъ злодѣянія потребна была бы цѣлая книга. Многіе изъ разоряемыхъ гражданъ просили, искали удовлетворенія у французскихъ начальниковъ; но правосудіе было оказываемо таково, каково бываетъ для притѣсненныхъ, содержащихъ своихъ притѣснителей на развалинахъ собственнаго иждивенія. Вѣроятно, что начальники и не въ силахъ были удовлетворять, потому что приказаній ихъ никто не слушалъ; похожо, какъ будто они, или всѣ были начальники, или всѣ подчиненные.

Между тѣмъ, какъ сіи общія и частныя горести неуменшаются, августа 11-го посѣтилъ меня рокъ такимъ ударомъ, какого со мною, во всѣ прожитыя мною 60 лѣтъ, еще не случалось. Другъ мой скончался на 33-мъ году жизни, оставя жену и малолѣтныхъ дѣтей. Каждодневное ожиданіе смерти его безсильно было ослабить во мнѣ мученье. Ужаснаго во мнѣ дѣйствія скорби, печали, или малодушія, изъяснить перо мое не въ силахъ. Я вижу прекраснѣйшіе нынѣшніе дни, но ими не наслаждаюсь, и, по чувствамъ моимъ, долженъ сказать: что солнце свѣтитъ уже не для меня. Прошелъ мѣсяцъ послѣ его смерти, а лютая болѣзнь моего сердца все еще на томъ же степени, на какомъ была и въ день смерти его. Можетъ быть, это — по мнѣнію нѣкоторыхъ — и отъ того, что я мало имѣю связи съ обществомъ, въ кругу котораго можно бы разсѣять или уменьшить несносную грусть мою; но это для меня дѣло невозможное; во-первыхъ, потому что у насъ теперь общества нѣтъ; во-вторыхъ, потому что, ежели всякой рожденъ съ собственнымъ темпераментомъ, то и я долженъ сказать, что всякую въ моей жизни горесть общество мнѣ всегда умножаетъ. Мнѣ пріятно въ немъ быть тогда, когда сердце растворено удовольствіемъ.

Душевныя друга моего качествы и способности ко всякому добру, его предусмотрительность во всякомъ дѣлѣ, экономія, ко-

мерція, садоводство, прививаніе оспы, кухня, столярное, фельдшерское, парикмахерское ремесло, сапожничество для меня и его, и проч., чему онъ приучалъ и другихъ моихъ людей; порядокъ и чистота въ домѣ и въ горницѣ; вездѣ достигающій его глазъ, дѣятельная рука и драгоцѣнная его ко мнѣ, въ продолженіи 18-ти лѣтъ, дружеская вѣрность и приверженность составляли — могу сказать — сотвореннаго мною друга моего Михайла Яковлевича Двинскаго. Онъ принадлежалъ мнѣ по крѣпости, но душу имѣлъ благородную, и за достоинства мною увольненъ, а магистратомъ принятъ въ гильдію.

Люди нѣжнаго вкуса, называющіе и собачку «мон-керъ, монъ-ами», имѣютъ свои причины сказать: «какъ это низко, назвать другомъ человѣка, которой былъ его крѣпостной!» Напротивъ сего, я также имѣю свою причину сказать, что онъ самъ съ себя достоинъ былъ начать свое званіе; многіе, получа опое по наслѣдству, сами на себѣ оканчиваютъ.

Давно уже я укрѣпилъ за него городской мой домъ, а за городомъ землю съ постоялымъ домомъ, и пространнымъ, имъ же самимъ геометрически разбитымъ и садовнически разработаннымъ, садомъ и огородомъ, приносившими, почти вначалѣ своемъ, годоваго дохода до 500 рублей и достаточное для дому годовое земляными плодами продовольствіе. Война все опустошила; а остатки растощили, растощенные витебскіе жители.

Такимъ образомъ, возложа все на его честность, способность и преданность, ни о чемъ не заботился, какъ только о должности; а послѣ полудни, оставалось время ходить по саду, поджидая, иногда, небольшого кружка избранныхъ пріятелей, когда табельные дни и годовое время позволяли; и ничѣмъ столько не веселился, какъ каждоминутною и на всякомъ шагу сопровождавшею меня мыслію, что я упрочилъ мою маленькую принадлежность достойному и наилутчему человѣку, которой погребетъ мои кости. Рановремянная его смерть показала мнѣ, что слабый смертный, родившійся въ сей горькой міръ, не властенъ распоряжать своимъ жребіемъ. Скоро наступитъ зима, не знаю, переживу-ль я ее. Когда я воображаю о собственной смерти, смерть друга моего облегчаетъ ее; но малолѣтные его сироты удерживаютъ меня при жизни. Отецъ, потерявшій одного и послѣдняго 12-ти-лѣтняго сына, былъ, повидимому, въ подобномъ

моему сокрушенiи; изреченiе его, вложенное въ его уста счастливымъ пiитомъ, или имъ самимъ написанное, прилично и мнѣ:

«Паду какъ бѣдная обитель,
«На столбъ опершая чело,
«На коего, всего рушитель,
«Съ косою время налегло!»

§ XXXXVII.

1812 года. октябрь.

Изгнанiе непрiятеля.

Рицари, коихъ въ сiе время въ Витебскѣ оставалось около тысячи человѣкъ, угрожали, что они, въ наступающую зиму, одѣнутся въ женскiе салопы, которыхъ, по ихъ словамъ, осталось еще на ихъ долю. Однакожъ, они ожидали уже своей участи; и, въ теченiе послѣднихъ трехъ недѣль, трикратно нагружали свои повозки и трикратно выгружали. Часто взлѣзали на крыши домовъ и смотрѣли во всѣ стороны.

26-е число, по утру рано, былъ спасительный день изгнанiя ихъ изъ Витебска; грекороссiйская здѣсь церковь празднуетъ день сей каждогоднымъ Господу Богу молебствiемъ.

Непрiятель въ Витебскѣ раздѣлился на три неравныя произвольныя части; одна выпалила изъ двухъ пушекъ и изъ мелкаго ружья по нѣскольку зарядовъ, съ лѣвой на правую сторону Двины, противъ наступившихъ нашихъ. Другая, разсыпавшись по городу, докапывала спокойно на огородахъ картофель и бураки. Въ тотъ годъ и октябрь былъ столько же хорошъ, какъ августъ. Отъ непрiятелей запрещено было хозяевамъ собирать плоды садовые и огородные. Отъ рановременнаго употребленiя первыхъ, множество ихъ погибло кровавымъ поносомъ. Свидѣтельствуютъ о томъ каски, оставшiяся отъ нихъ по оврагамъ, а тѣла растощены звѣрьми и собаками.

Третья (часть) тотъ же часъ бросилась въ бѣгство изъ города во всѣ стороны; всѣ они взяты въ полонъ, комендантъ ихъ не далеко отъ города отбѣжалъ. При взятiи его, одинъ изъ нашихъ воиновъ зацѣпилъ за его карманные часы, но столь неповоротливо, что комендантъ успѣлъ обнажить саблю и дать ему смертельную рану, отъ которой непроворной солдатъ черезъ сутки умеръ, какъ будто въ наказанiе за то, что прежде принялся за часы, нежели за комендантскую саблю.

Извѣстно уже и безъ моей повѣсти, что изъ всѣхъ мѣстъ Россіи, начиная отъ Москвы до Германіи, прыгали непріятели балетъ съ променадомъ и, гдѣ прилично было, аплодированы русскими пулями и штыками. Самъ Наполеонъ поспѣшилъ сыграть на свою долю два бенефиса на островахъ Ельбы и св. Елены.

Изъ полмиліона, или — какъ тогдашнее время гласило—изъ милліона регулярной саранчи, Наполеонъ успѣлъ увести съ собою только 40,000. Прочіе всѣ: иные остались въ плѣну, иные потомъ замерзли на снѣгахъ, въ лютую тогдашнюю, какъ будто для нихъ принаровленную и вдругъ наступившую зиму, иные погибли *) отъ голода. Въ семъ послѣднемъ случаѣ—по увѣренію самовидцевъ—подмосковной простой народъ, незнающій тактики и стратагемы, запрашивалъ ихъ въ пространныя избы, снабденныя хлѣбомъ и молокомъ, и, вмѣстѣ съ избами, сожигалъ ихъ скоропостижно. Такое вѣроломное гостепріимство, въ другомъ случаѣ, раздирало бы нравственную и чувствительную душу; но мнѣ, въ тогдашнемъ моемъ положеніи, оставалось только удивляться и благоговѣть къ постоянному порядку, существующему непрерывно отъ язычества до христіянства, отъ христіянства до Америки, отъ Адама до сего дня; въ чемъ не дадутъ солгать ассиріяне, персы, греки, римляне, мавры, моголы, чингисъ-ханы, аттилы, магомеды, пизарры, кортецы, римскіе понтификаты и самъ Каинъ съ Авелемъ; не говорю уже о народѣ возлюбленномъ, который въ царствованіе Тиверія Кесаря и управленіе Іудеею Пилата, торжественно отозвался: «кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ». Московскій же простой народъ въ правѣ былъ думать, что не онъ начинщикъ драки: «На починающаго Богъ» сказано предъ войною въ высочайшемъ манифестѣ. Сказано и исполнилось.

Фридрихъ Великій, въ собственноручной «Исторіи своего времяни», сказалъ, какъ-будто для нашего времяни, что «непріятели вступили какъ римляне, а выступили какъ татаре».

Губернаторъ Сумароковъ, за нѣсколько времяни предъ войною, переведенъ на такую же должность въ Великій Новъ-Градъ.

Вскорѣ возвратился въ Витебскъ и г. гражданскій нашъ губернаторъ Лешернъ. Я встрѣтилъ его въ его квартирѣ. Онъ меня сперва не узналъ, потому что парика уже на мнѣ не было.

*) Зачеркнуто: «отъ угара въ бѣлорусскихъ карчмахъ». Ред.

Зимою онъ препоручилъ мнѣ сожженіе и зарытіе мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ въ Невлѣ и въ Велижѣ. Въ сихъ двухъ городахъ, въ домахъ и окрестностяхъ, найдено ихъ болѣе тысячи, въ военныхъ мундирахъ. Они, по предписанію, сожжены и зарыты въ пространныя ямы. Народъ оживился упованіемъ и даже почувствовалъ, что онъ весною свободенъ будетъ отъ моровой язвы.

Не долго мы видѣли нашего добраго начальника Лешерна, онъ переведенъ въ Гродно, а должность его, по случаю смерти вице-губернатора г-на Сушки, заступилъ губернскій прокуроръ Маньковскій. Я не долженъ пропустить въ молчаніи того, что онъ въ сіе, хотя краткое, но еще смутное и отчетистое время, показалъ себя неусыпнымъ и взыскательнымъ, съ благоразуміемъ, котораго ему по натурѣ не недоставало. Къ нему прислана изъ Петербурга складочная отъ сердобольныхъ сердецъ денежная сумма въ пользу разоренныхъ, собранная подъ особеннымъ попеченіемъ и съ пособіемъ всевысочайшей фамиліи, съ поименнымъ росписаніемъ, кому сколько вручить. Я получилъ на мою долю 1500 р. ассигнаціями. Состояніе мое поправилось; и въ тоже время прибылъ въ Витебскъ губернаторомъ Петръ Петровичъ Тормасовъ, человѣкъ свѣтской, обходительной и снисходительной. Столъ его для всякаго, по приличію, былъ открытъ, и каждой принятъ былъ отверстымъ сердцемъ, а особливо тотъ, кто игралъ въ карты.

Вскорѣ за симъ, былъ я счастливъ получить изъ Петербурга, отъ его королевскаго высочества, герцога Александра Виртембергскаго, благосклонное письмо, извѣщающее о перемѣщеніи меня изъ совѣтниковъ въ прокуроры. Хотя же постъ сей не возвысилъ меня ни жалованьемъ, ни классомъ, но отличное благоволеніе особы, которая по крови не чужая всѣмъ почти европейскимъ престоламъ, радовало меня. Все, казалось, пошло своимъ чередомъ, и мнѣ оставалось только оправдывать милости и не терять, или паче возвысить всеобщее о себѣ хорошее мнѣніе.

Но, не вступивъ еще въ мою должность, я заболѣлъ и, съ октября мѣсяца до новаго 1815 г. не могъ выходить изъ комнаты. Я чахнулъ, слабѣлъ, обезсиливалъ со дня на день, не могъ ни ѣсть, ни спать, и кашлялъ отъ сверботы въ грудяхъ. Многіе полагали, что у меня послѣдній степень чахотки, да я и

самъ былъ бы къ этому мнѣнію близокъ, но у меня грудь и внутренность ни мало не болѣли. Нѣкоторые въ мысль мою вѣрнѣе попадали, что это былъ остатокъ, или послѣдствіе претерпѣнныхъ горестей. Я не принималъ лѣкарствъ и ни жилею; вода, чай, бульонъ, кашицы и иногда кофій были моимъ безвкуснымъ почти питаніемъ. Я изрѣдка принималъ исландской мохъ и конской щавель. Единожды только г. Тизингаузенъ, полотскій полицемейстеръ, случившійся на ту пору въ Витебскѣ, убѣдилъ меня принять лѣкарство отъ проѣзжавшаго изъ Вильны чрезъ Витебскъ въ Москву знакомаго ему доктора, г. Лебошица, увѣривъ меня, «что докторъ сей и отецъ его извѣстные академики и превосходные врачи. Сей гипократъ — говорилъ онъ — не будетъ томить васъ химическими смѣсями, а дастъ единожды такое лѣкарство, отъ котораго вамъ сдѣлается легче. Я къ вамъ его сглашу, и самъ съ вами пополамъ приму его лѣкарство».

Кто тонетъ, тотъ за бритву хватается; а дружеское отъ сердца предложеніе не есть бритва; оно для меня было небесною музыкою, которой я не слыхивалъ.

Г. Лебошицъ осмотрѣлъ меня и далъ лѣкарство. Я часа съ четыре заснулъ спокойно и безъ кашля, чего со мною съ два мѣсяца не бывало. Чрезъ недѣлю, я уже могъ выттить; однакожъ кашель и чрезмѣрная слабость не совсѣмъ меня покинули.

Отъ сего времяни, я, на 63-мъ году отъ моего рожденія, началъ чувствовать старость.

Въ сіе время возвратился и его высочество, послѣ военной противъ французовъ экспедиціи, изъ Петербурга въ Витебскъ. Я не въ силахъ еще былъ явиться; вскорѣ пришелъ ко мнѣ адъютантъ его высочества, г. Шулепниковъ спросить о здоровьѣ. Его высочество милостивъ былъ сказать чрезъ него, чтобъ я не спѣшилъ выходить.

Надобно-же, по порядку, сказать, кто былъ сей г. Шулепниковъ. Мнѣ не рѣдко такіе попадаются, о которыхъ ежели бы я умолчалъ, то лишилъ бы себя наилутчихъ мѣстъ въ моей исторіи. Онъ, по натурѣ, скромной философъ, образованной европейскими языками. Онъ, съ настоящею своею должностью, притащилъ въ Витебскъ и часть своей библіотеки, изъ которой я — потомъ — узналъ, въ первой разъ, что и Англія на своемъ языкѣ имѣетъ энциклопедію. О французской же я внушенъ еще въ младолѣт-

ствѣ моемъ, и могъ тогда же постигать, что она расположена по алфавитному порядку дватцати четырехъ литеръ, и составлена вся — или продолжается — изъ тѣхъ же самыхъ литеръ, безъ которыхъ она не могла бы существовать. Имѣя столь достаточное объ ней понятіе, я остаюсь по нынѣ въ забавномъ на себя подозрѣніи, что она мнѣ какъ-будто столько же знакома, сколько всѣмъ академикамъ, которые ее непереводятъ на нашъ отечественный языкъ.

Я не забылъ, какъ славнаго нашего Сумарокова племянникъ, Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, бывши у насъ въ Витебскѣ губернаторомъ и будучи самъ литераторъ и любитель отечественаго слова, сказалъ единожды: «Отечество наше просвѣщается и имѣетъ къ тому всѣ пособія отъ самодержавной власти, а всего на свой отечественной языкъ не переводитъ».

На вопросъ мой: «Развѣ-же можно все перевести на нашъ отечественной языкъ?»

Онъ отвѣчалъ: «Это одна энциклопедія, за покупку которой издерживаемъ мы немалую сумму денегъ за границу, а сами не переводимъ. Сословіе учености, можетъ-быть, скажетъ: что, энциклопедію надобно читать въ оригиналѣ, а не въ переводѣ; жалѣю. Нельзя лутче, или слабѣе выдумать отговорки отъ занятія себя полезнымъ трудомъ».

Отбившись отъ настоящей матеріи Шулепниковымъ и его энциклопедіею, возвращаюсь къ моему дѣлу.

Предъ новымъ, 1815-мъ годомъ, могъ я явиться къ его высочеству, милостиво былъ принятъ и вопрошенъ: «кто былъ мой лѣкарь?»

Я отвѣчалъ: «Лебошицъ».

— «А! знаю».

Изъ сего могъ я замѣтить, что посланной ко мнѣ Провидѣніемъ Тизингаузенъ, не напрасно мнѣ славилъ сего медика. Его высочество, замѣтя мою слабость, милостиво мнѣ повторилъ, чтобъ я не спѣшилъ выходить; однакожъ, вскорѣ послѣ сего, я часто приглашаемъ былъ къ обѣденному столу, который, вмѣстѣ съ куражемъ, былъ мнѣ послѣ болѣзни непротивенъ, и я уже надѣялся скоро сказать о себѣ такъ же, какъ, въ подобномъ случаѣ, сказалъ о себѣ въ Лесажевомъ романсѣ Жилблазъ, что онъ

«съ рожи сталъ похожъ на бернардинскаго монаха». Но надежда — цыганка.

Въ одинъ день, когда я шелъ къ обѣду отъ моего жилища, которое разстояніемъ не болѣе ста шаговъ отъ обитанія герцога, вдругъ заревѣлъ преужасной бурной вѣтеръ, или сухопутной ураганъ, и понесъ меня какъ перо. Человѣкъ, бывшій за мною, не могъ мнѣ дать помочи. Я старался упасть на землю, но жестокая буря, шпага и гололедица не допускали меня. Я цѣлился попасть на какой-нибудь опоръ, но площадь и потомъ улица не имѣли поперечныхъ для меня преградъ; и послѣдняя оканчивалась низкою пропастью или оврагомъ къ рѣкѣ Видьбѣ, куда меня несла буря. Къ счастію моему встрѣтился полотскій еврей, находившійся въ Витебскѣ по своимъ дѣламъ, именно Куклинскій. Онъ подхватилъ меня, взвалилъ на свои санишки и привезъ ко мнѣ домой. Некогда было думать о обѣдѣ. Отъ испуга и движенія, открылась у меня горломъ кровь. Все къ лучшему; послѣ крови, мнѣ здѣлалось легче. Я раздѣлся. Ко мнѣ вошелъ адъютантъ его высочества Александръ Ивановичъ Козминъ, по дошедшей полицейской рапортиціи, что губернскаго прокурора чуть-было не вздернуло живого на небо, какъ праотца Еноха, или не сбросило съ утесистой горы, какъ съ Тарпейскаго камня, на Витьбу. И хотя я въ силахъ уже былъ посмѣяться съ Козминымъ на счетъ моего приключенія, однакожъ, за всѣмъ тѣмъ, имѣлъ необходимость посидѣть еще съ недѣлю дома.

Благосклонность и довѣренность ко мнѣ герцога продолжались постоянно; а въ 1817 году, нашлись при герцогѣ люди, которыхъ зависть давно уже обижалась. Я почувствовалъ неблаговоленіе, и лишенъ довѣрія и столовъ. Тургенева и Старинкевича тогда уже не было, да и неутральной по натурѣ Шулепниковъ скоро отдѣлился въ Петербургъ. Я остался съ однимъ моимъ языкомъ, на которомъ изъясниться не могъ, да и не зналъ въ чемъ изъясняться. Нечего было дѣлать. Надлежало повиноваться времяни. Я принялъ жизнь уединенную, и нигдѣ уже не показывался, кромѣ присутственныхъ по должности мѣстъ, къ чему согласенъ былъ и мой *) седьмой десятокъ лѣтъ.

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «чего отъ меня требовали не меньше политика какъ и». Ред.

По 1822 годъ, положеніе мое было единообразно. Тихая, но терзающая меня жизнь была для меня не лестна. Въ теченіе сего времени находившійся при его высочествѣ армейской полковникъ, г. Шубинъ, ознаменованный орденами, знакомой съ иностранными языками, съ горною наукою, рожденный съ добрымъ сердцемъ и съ твердостію духа, слѣдственно не простой фрунтовой **) воинъ, принялъ меня прежде въ свое знакомство, а потомъ даже во уваженіе, котораго, однакожъ, я по сю пору, по всей справедливости принять на себя не смѣю. Я нерѣдко у него бывалъ и—какъ водится—обѣдывалъ. Новобрачная его супруга, изъ знатнаго россійскаго дворянскаго рода, принимала меня привѣтливо. Они, замѣтя во мнѣ, что я человѣкъ не безъ способности отгрызаться, давали иногда мнѣ счолчки на счетъ моей молодости. Мало-по-малу, связь сдѣлалась дружескою, а отсутствіе его высочества со всею фамиліею, по высочайшему дозволенію, изъ Витебска въ Германію, давало къ тому свободу.

По возвратѣ въ Витебскъ изъ вышесказаннаго путешествія, его высочество не проронилъ сказать г-ну Шубину: «а я знаю вашихъ пріятелей». И наименовалъ меня.

— «Да знаете-ль вы его?» отвѣчалъ г. Шубинъ, скорымъ вопросомъ, съ вольностью французскаго языка.

— «Какъ же! знаю».

— «Нѣтъ».

— «Что-жъ вы въ немъ находите?»

— «Я въ немъ нахожу человѣка съ хорошимъ и чувствительнымъ сердцемъ, со смысломъ и изъясненіемъ лаконическимъ и критическимъ. Нѣтъ, ужъ воля ваша—заключилъ г. Шубинъ—я этого человѣка не кину».

Самъ г. В. остался бы въ нерѣшимости, кому изъ нихъ ближе принадлежитъ, опредѣленной въ одномъ его сочиненіи въ награду за героическія достоинства, золотой кубокъ: тому ли, кто осмѣлился одобрять впадшаго въ немилость, или тому, кто смѣлаго одобренія не почелъ за оскорбительную дерзость?

Для меня они оба хороши. Пусть только не погнѣваются на золотой кубокъ, у меня его нѣтъ.

Диверсія полковника похожа была на нападеніе въ расплохъ. Неблаговоленіе уничтожилось.

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «храбрый». Ред.

Вскорѣ, изъ того же путешествія возвратилась въ Витебскъ и ея королевское высочество герцогиня. Малая наша публика явилась въ дозволенную пору съ поклономъ. Это было уже при свѣчахъ. Я сталъ позади нѣсколькихъ, для того, чтобъ не быть напереди. Дщерь ихъ высочествъ, принцесса Антонета Фридерика, проходя по комнатѣ тихимъ шагомъ, подходила къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ; всѣ посторонились, и я здѣлалъ движеніе въ сторону; но ея высочество, приостановясь, изволила мнѣ на россійскомъ языкѣ сказать: «я васъ узнала».

— «Счастіемъ почитаю».

— «Каково ваше здоровье?»

— «Пора умирать, мнѣ уже семидесятой годъ».

— «Лицо ваше не показываетъ этого. Будьте здоровы, я васъ узнала», повторила ея высочество.

Всѣмъ примѣтна была сія отличность; а питомецъ Марса и Минервы, г. Шубинъ, въ полголоса, на французскомъ, дополнилъ: «ваше высочество старца-та оживили».

Я въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ оживленіе; жалѣлъ только, что не собрался съ отвѣтомъ; а можетъ быть это и къ лучшему. Не рѣдко бываетъ, что желающіе дать хорошій видъ своему дѣлу сами его портятъ, ежели слишкомъ заврутся.

Стихотворцы, въ подобномъ моему восторгѣ, сдернули бы съ Парнасса и Олимпа всѣхъ боговъ, богинь и всѣхъ музъ, заняли бы ими цѣлыя страницы, и отдали бы въ типографію г. Греча; но я довольствуюсь только тѣмъ ощущеніемъ, что во весь мой вѣкъ ничего драгоцѣннѣе не слыхивалъ.

Вскорѣ ея высочество герцогиня изволила отъѣхать въ Петербургъ; а за симъ и самъ герцогъ, по высочайшему именному повелѣнію, отправился туда же, для принятія главнаго управленія по водяной коммуникаціи, съ увольненіемъ отъ управленія бѣлорусскими губерніями.

Не задолго предъ отъѣздомъ своимъ, его высочество за обѣденнымъ — партикулярнымъ уже — столомъ, изволилъ спросить: «знаетъ ли прокуроръ, что я представилъ его къ награжденію бриліянтовымъ орденомъ?»

— Знаетъ, отвѣчалъ нашъ вице-губернаторъ, которой тогда-же еще отъ меня о семъ узналъ, когда правитель канце-

ляріи герцогской, г. Борейша сообщилъ мнѣ, въ подлинникѣ, для прочтенія, подписанное уже отношеніе къ министру юстиціи.

А при самомъ выѣздѣ въ Петербургъ, его высочество, подозвавъ меня изъ среды пришедшихъ на отъѣздной поклонъ, далъ мнѣ руку и сказалъ: «будьте спокойны, берегите свое здоровье, а я, по новой моей обязанности, надѣюсь и еще посѣтить Витебскъ». Благодарность моя была въ краткомъ словѣ, и поклонѣ, и въ глубочайшихъ сердца чувствованіяхъ.

Теперь его высочество находится въ своей сферѣ, а мнѣ 28-е число марта рѣшило, чтобъ я былъ обрадованъ полученіемъ, при высочайшей граматѣ, бриліянтоваго ордена св. Анны второй степени.

Слѣдственно, мнѣ теперь остается ожидать одного только деревяннаго креста на могилу, которую я завѣщалъ загладить такъ, чтобъ видовъ ея не оставалось.

Апрѣля 28 д. 1823 г.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Окончивъ печатаніе «Истиннаго повѣствованія» Гавріила Добрынина мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о рукописяхъ, съ которыхъ исполнено наше изданіе.

Года два тому назадъ Иванъ Петровичъ Корниловъ указалъ намъ на значеніе и интересъ записокъ Добрынина и посовѣтовалъ озаботиться ихъ пріобрѣтеніемъ для «Русской Старины». До тѣхъ поръ мы были знакомы съ «Истиннымъ повѣствованіемъ» по небольшимъ и довольно блѣднымъ отрывкамъ, сдѣланнымъ изъ нихъ въ «Виленскомъ Сборникѣ» 1869 года. Мы поспѣшили, розыскать рукопись записокъ: то была однако, къ величайшему сожалѣнію копія, которую мы и пріобрѣли отъ Л. Н. Антропова.

Войдя, затѣмъ, въ сношенія съ Алексѣемъ Петровичемъ Стороженко, владѣльцемъ подлинника записокъ, мы узнали, что автографъ «Повѣствованія» Добрынина ходитъ по рукамъ въ Вильнѣ; но гдѣ и у кого? — предоставлено было намъ самимъ розыскать, причемъ, въ случаѣ успѣха — А. П. далъ намъ право воспользоваться находкой.

Долго наши поиски были безуспѣшны. Потерявъ наконецъ надежду получить подлинникъ, мы нашлись вынужденными приступить къ изданію «Истиннаго повѣствованія»—съ копіи и уже напечатали изъ нея безъ малаго XXII §§ («Русская Старина» т. III, стр. 121—160; 247—271; 395—409). Между тѣмъ, поиски продолжались и наконецъ, при весьма обязательномъ посредствѣ П. А. Муханова и нынѣ покойной Екатерины Васильевны Потаповой, подлинная рукопись Добрынина поступила въ распоряженіе «Русской Старины».

Само собой разумѣется, что печатаніе съ копіи, тотчасъ, было остановлено, а продолжалось до самаго конца (§§ XXII по XLVIII включительно) непосредственно съ подлинника. При сличеніи, затѣмъ, напечатаннаго уже до присылки подлинника съ симъ послѣднимъ въ копіи оказались, слѣдующія разности:

Томъ III-й, стр. 122, строка 6 снизу, напеч. «Сыновъ (?)»... чит. «Лыковъ»...

Стр. 123, строка 14 сверху, напеч. § II. «Переселеніе къ дѣду»... чит. «Вступленіе въ науку».

Стр. 124, строка 8 сверху, напеч: «отжить»... чит: «ощутить»... 3 снизу, напеч. «противосльственнымъ»... чит. «противоестественнымъ».

Стр. 125, строка 18 сверху, напеч. «жилья»... чит. «кельи»... строка 20 сверху, напеч. «эту»... чит. «ему»...

Стр. 126, строка 16 снизу, напеч. «Высокой»... чит. «Высоцкой»...

— 127, — 10 сверху, напеч. «Варѳоломея»... чит. «ключника Варѳоломея»...

Стр. 128, строка 19, снизу, напеч. «заговоры, въ которыхъ»... чит. «заговоры, съ которыми они, по моему дѣтству, отъ меня не скрывались»...

Стр. 132, строка 6 снизу, напеч. «непремѣнно»... чит. «непримѣтно»...

— 133, — 7 сверху, напеч. «Яковъ»... чит. «Яновъ»...

— 134, — 11 снизу, напеч. «мы не знаемъ»... чит. «ты не знаешь»... строка 9 снизу, напеч. «партесу нотѣ»... чит. «партесу-нота»...

Стр. 135, строка 3 сверху, въ подлинникѣ съ боку позднѣйшая приписка автора: «Андрей Михайловичъ Любовичъ изъ Лихачева, въ Нѣжин. повѣтѣ»; строка 12 сверху, напеч. «прозвали меня»... чит. «прозвали меня въ насмѣшку»...

Стр. 137, строка 7 сверху, напеч. «поощренію»... чит. «изощренію»..: строка 2 снизу, напеч. «пріютъ»... чит. «пріятное убѣжище»...

Стр. 138, строка 15 снизу, послѣ словъ: «раздается по церкви вой»... читай; «Мое — рожденное къ живѣйшимъ чувствованіямъ — сердце, въ неизобразимой какой-то унылости, пѣло мнѣ точно такъ: «дѣла-дѣла человѣческія! На что вы похожи? Ежели созданіе подобныхъ храмовъ есть жертва благоугодна Всевышнему,—то для чего же сей храмъ не конченъ? Если же не благоугодна, то для чего же онъ и начатъ? И какое различіе въ дѣяніяхъ человѣческихъ съ дѣяніями муравья, паука, пчелы, коп также—какъ и человѣческія—подвержены недокончаніямъ и разрушеніямъ»?—Философствуя тако, обращался паки къ моему предмету и вопрошалъ: «гдѣ ты»... и проч.

Стр. 138, строки 13 и 1 снизу, напеч. «князь Тимоѳей»... чит. «князь Матвѣй»...; строка 8 снизу, послѣ словъ: «помянетъ Господь Богъ»... въ подлин. примѣчаніе: «Такъ размышлялъ я въ 15-ть лѣтъ; такъ чувствовалъ и размышлялъ—въ 10-ть лѣтъ. Видно, что чувствительность во мнѣ, съ наклоннымъ къ меланхоліи нравомъ, открылись рано».

Стр. 139, строка 18 снизу, напеч. «такой добрый»... чит. «малой доброй»...;

строка 10 снизу, напеч. «грамотъ»... чит. «печатныхъ грамотъ»...; строка 8 снизу, напеч. «моего званія»... чит. «того званія»... Въ концѣ § VII-го въ подлинникѣ находятся слѣдующія строки: «Симъ отличіемъ имѣлъ я причину быть довольнымъ; къ тому же цвѣтущій вѣкъ, при свободѣ и вольности, натурально многаго не желалъ, и никакими дальновидностьми или предвѣдѣніями,—часто пустыми, однако-жъ свойственными людямъ вошедшимъ въ зрѣлый возрастъ,—меня не безпокоилъ»...

Стр. 142, строка 20 снизу, напеч. «не постигали»... чит. «не достигали»...

Стр. 143, строка 12 сверху, напеч. «разсужденіе»... чит. «рожденіе»...

Стр. 144, строка 12 снизу, напеч. «погоды»... чит. «пріятной среди-лѣтней погоды»...; строк. 1 снизу, напеч. «о проклятіи»... чит. «о проклятіи Мазепы, пріостановился при церкви и съ печальнымъ видомъ» и проч.

Стр. 147, строка 14 снизу, напеч. «цѣлительныхъ плетей» вмѣсто зачеркн. въ подлинникѣ: «чудотворныхъ плетей»...

Стр. 148, строка 12 снизу, послѣ словъ «мое тогдашнее понятіе»... въ подлинникѣ зачеркнуто: «чуждо было любопытства, отвергаемаго вѣрою и одобряемаго чистымъ смысломъ»...

Стр. 153, строка 18 сверху, къ слову «сунода» въ подлинникѣ примѣчаніе: «Писиломъ безъ хвоста въ «сунодѣ» значитъ и или нашу старинную ѵ, дабы чрезъ нея дать знать что «сунодъ» есть слово греческое»...; строка 7 снизу, напеч. «и раскольникамъ не покровительствовать»... чит. «и раскольниковъ не покровительствовать»; далѣе въ подл. зачеркн: «и бороду обрить, которую онъ, по силѣ правилъ старой вѣры, выростилъ не меньше архіерейской».

Стр. 157, строка 6 снизу, напеч. «періодъ имянинъ»... чит. «плодъ имянинъ»....

Стр. 159, строка 11 сверху, напеч. «облирукціи»... чит. «обстирукціи»...; строка 5 снизу, напеч. «возвѣщеніе»... чит. «возвращеніе»...

Стр. 250, строка 2 сверху, напеч. «такой надежной»... чит. «малой надежной»...; строка 11 сверху, напеч. «какъ дозволенію»... чит. «какъ моимъ пуклямъ и дозволенію»...; строка 17 сверху, напеч. «въ проходной»... чит. «въ походной»...

Стр. 251, строка 1 сверху, «двадцатилѣтній»... вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ: «восемнадцатилѣтній»...

Стр. 252, строка 25 сверху, «мужествомъ», вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ: «съ такою бодростью»...

Стр. 255, прим. строка 3 сверху, нап. «епископомъ»... чит. «епископомъ смоленскимъ»...

Стр. 257, строка 9 сверху, «эпоха»... вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ: «перемѣна»... напеч. «начать»... чит. «начать параграфомъ»...

Стр. 259, строка 3 снизу, напеч. «работъ»... чит. «работъ: каналы рить, землю планировать»...

Стр. 260, строки 3 и 4 сверху, нап. «такъ какъ я оставался дома, то мнѣ одному»... чит. «оставаясь, мнѣ одному»...; строка 8 сверху, «видя»... вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ: «примѣтя»...; строка 14 снизу, нап. «увѣряютъ насъ»... чит. «говорятъ тѣ»...; строка 8 снизу, «поставить меня на педесталъ»... вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ: «избавить меня отъ должности»...

Стр. 261, строка 4 сверху, напеч. «жаловалъ»... чит. «хаживалъ»...; строка 5 сверху, напеч. «ярому»... чит. «яркому»...

Стр. 263, строка 6 сверху, напеч. «плавающихъ»... чит. «плежущихъ»...; строка 20 сверху, послѣ слова: «пастырю»... въ подлинникѣ зачеркнуто: «сумасшедшему»...

Стр. 264, стр. 2 сверху, «и служительницъ» вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ «и другого рода служительницъ»...; строка 6 сверху «ни пылинки»... вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ «ниже искры»...

Стр. 265, строка 10 снизу, прим. напеч. «Г. Д.» чит. «Ред.»; строка 8 снизу, напеч. «Трипольскій,»... чит. «Трипольскій. Учитель»,...Тамъ же напеч. «учитель семинаріи Сидорскій» чит. «семинаріи Садорскій»; строка 7 снизу напеч. «Рудаковскій» чит. «Рудановскій».

Стр. 266, строка 17 сверху, послѣ слова «заразы», въ подлинникѣ зачеркнуто: «оставя паствѣ своей умереть безъ него въ заразѣ и»...

Стр. 267, строка 3 сверху, напеч. «пѣвцы» чит. «пѣвицы»...; строка 11 сверху, напеч. «сіе было»... чит. «сіе—по академически картина—было»...

Стр. 268, строка 8 сверху, напеч. «росситъ»... чит. «россамъ»...; строка 16 снизу, напеч. «благоты тако»: чит. «благаты»; строка 17 снизу, напеч. «забываты»... читай: «забуваты»!

Стр. 269, строка 1 сверху, напеч. «благословенія и посѣщенія».. чит. «посѣщенія»; строка 4 сверху, напеч. «вѣдомой» чит. «видалой»; строка 17 сверху, напеч. «словесности»; чит. «словеснымъ наукамъ»; строка 10 снизу, напеч. «поименовалъ», чит. «поименовалъ намъ»; строка 1 снизу, напеч. «лишнимъ у меня»... чит. «лишкомъ у меня изъ рукъ».

Стр. 270, строка 1 сверху, напеч. «подносъ изъ рукъ»... чит. «подносъ»..; строка 19 сверху, послѣ слова: «свѣдущъ»... въ подлинникѣ зачеркнуто: «Таковъ онъ былъ и тогда, когда ему было шестьдесятъ лѣтъ. Мы съ сожалѣніемъ соглашались съ Левицкимъ въ томъ, что нельзя ему исправиться, будучи на степени великаго начальства, если онъ, въ молодости, въ бѣдности и въ подчиненности былъ таковъ же»...; строка 20 сверху, напеч. «пополнилъ», чит. «наполнилъ»; строка 23 сверху, напеч... «метафизику», чит. «метафизику, астрологію»..; строка 1 снизу, напеч. «духовенство могло бы произвести»... чит. «духовенство произвело бы»...

Стр. 271, строка 1 сверху, напеч. «козни», чит. «казни»; строка 14 сверху, послѣ словъ, «удержать ее», въ подлинникѣ зачеркнуто: «Ежели все къ чему-нибудь годится, то сей куплетъ хорошъ для образца, какъ должно соединять исторію съ навигаціею и землетрясеніемъ»; строка 16 сверху, напеч. «не кстати»... вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ: «не понятна загадка»; строка 11 снизу, напеч. «томъ»... чит. «тонъ»...

Стр. 395, строка 7 снизу, напеч. «сихъ должно было»... чит. «симъ дошло»; строка 4 снизу, напеч. «снова»... чит. «повторилъ снова»; строка 1 снизу прим. напеч. «было 18 лѣтъ»... чит. «тогда былъ 16-й годъ»...

Стр. 396, строка 18 сверху, напеч. «сноснѣе»... чит. «союзнѣе»...; строка 23, напеч. «имѣлъ»... чит. «имѣю»; строка 1 снизу, напеч. «позволяютъ»... чит. «присвоиваютъ»...

Стр. 397, строка 1 сверху, напеч. «худо чувствовалъ»... чит. «худо, мнѣ эта политическая логика тогда была незнакома; напротивъ чувствовалъ»...

Стр. 398, строка 13 сверху, напеч. «чихая»... чит. «чмыхая»...

Стр. 399, стр. 5 снизу, напеч. «благородный»... чит. «благодарной»...; строка 1 снизу, напеч. «а до»... чит. «Садорскаго, съ»...

Стр. 400, строка 9 снизу, напеч. «прежней»... чит. «присяжной»..

Стр. 401, строка 18 сверху, послѣ слова: «простодушія» въ подлинникѣ зачеркнуто: «на счетъ погубленія меня. Но для чего онъ опасался и самаго, подобно какъ тѣ воры, которые, воруя вмѣстѣ, истребляютъ слабѣйшаго, для полученія по немъ наслѣдства или для сокрытія своего злодѣянія».

Стр. 402, строка 6 снизу, напеч: «всякой»... чит. «вялой»...

Стр. 405, строка 13 снизу, напеч. «Морбаху»... чит. «Модраху».

Стр. 406, строка 13 сверху, напеч. «архіерейскіе»... чит. «аллигорическіе»...

Стр. 407, строка 8 снизу, напеч. «Написанные на вратахъ твоихъ лики»..., чит. «Написанныя на вратахъ твоей ограды лицы»; строка 5 снизу, напеч. «ключевую»... чит. «крыничную»...

Стр. 408, строка 3 снизу, напеч. «постриженіями»... чит. «постриженцами».

— 412, — 20 сверху, напеч. «по усугубленіи»... чит. «Къ усугубленію»...

Стр. 414, строка 7 сверху, напеч. «по эту»... чит. «на эту»...; строка 9 и 10 сверху, напеч. «въ кушаньяхъ»... чит. «кушаньемъ»...; строка 18 сверху, послѣ словъ: «На завтрѣ увѣдомилъ я преосвященнаго обо всемъ», чит. «какъ надлежитъ исторіографу»...

Стр. 415, строки 1 и 2 сверху, напеч. «только многочисленные въ разныхъ углахъ дома похвальные о себѣ разговоры»... чит. «многочисленныхъ о себѣ во всѣхъ углахъ разговоровъ»...; строка 15 сверху, напеч. «лѣтъ 30-ти» чит. «лѣтъ съ небольшимъ 30-ти»; строка 18 сверху, напеч. «паричокъ» чит. «кущый паричокъ»; строки 1 и 2 снизу напеч. «... а дворянами», а до сихъ поръ ихъ называли»... чит. «и россійскими дворянами, а до тѣхъ поръ называли ихъ»...

Стр. 416, строка 10 сверху, напеч. «имѣлъ»... чит. «тѣмъ»...; строка 18 сверху, напеч. «пуншу»... чит. «вина, пуншу»...

Стр. 417, съ 13-й строки сверху, до новой строки слѣдуетъ чит. такъ: «Лишь только я показался въ дверь, какъ поразилъ меня непріятный запахъ. Со всевозможною скоростію, сказалъ онъ мнѣ, сидя въ постели: «не впускай никого». О проклятое англійское пиво, — подумалъ я въ сердцахъ,—надѣлало ты намъ хлопотъ полонъ носъ! По счастію преосвященный не сдѣлалъ штановъ. Но что я говорю: по счастью! Какое тутъ счастье, если они всѣ были непорожни? Вслѣдствіе чего я разставилъ караульныхъ съ такою поспѣшностью, какой требовала важность приключенія, съ запрещеніемъ впущенія въ нашу комнату какого бы то чина и званія кто ни былъ. А между тѣмъ съ перемѣною штановъ и съ помочью таза, воды, утиральниковъ, душистаго спирта и куренія, кончили все съ желаемымъ успѣхомъ».

Стр. 418, строка 14 сверху, напеч. «огромный»... чит. «надгробный»...

— 420, строки 4 и 5 сверху, напеч. «въ такомъ забавномъ и непринужденномъ видѣ, какъ нельзя лучше»... чит. «въ такомъ смѣшномъ и непринужденномъ видѣ, что ни архіепископъ Платонъ — на каѳедрѣ, ни господинъ Дмитревскій — на театрѣ — не могли лутче отправить своихъ должностей»... Въ строкѣ 19 слова «штатскихъ дворянъ», слѣдуетъ исключить...; строка 7, снизу, напеч. «апплодировалъ» чит. «захохоталъ, апплодировалъ»...

II.

Подлинная рукопись записокъ Добрынина, съ которой печатались они начиная съ § XXIII до конца, т.-е. до § XLVIII включительно (*«Русская Старина»* т. III стр. 416—420; 562—604; 651—672; т. IV стр. 1—39; 97—153; 177—

222; 305 — 346, состоитъ изъ двухъ переплетенныхъ тетрадей, въ листъ. Писаны записки крупнымъ, четкимъ, весьма своеобразнымъ почеркомъ Добрынина. Бумага синяя, но нѣкоторые листы сѣрые и видно, что эти послѣдніе явились взамѣнъ прежде написанныхъ и уничтоженныхъ самимъ авторомъ. Дѣло въ томъ, что Добрынинъ принялся за начертаніе своей автобіографіи, какъ онъ самъ говоритъ («Русская Старина» т. III, стр. 123) въ 1787 году, на 35-мъ году отъ рожденія, т.-е. въ первый періодъ пребыванія на службѣ въ Бѣлоруссіи; третью же часть написалъ—на восьмомъ десяткѣ. Это обстоятельство важно для того, чтобы понять, какъ явились тѣ помарки, которыя довольно часто пестрятъ страницы «Истиннаго повѣствованія». Конечно, авторъ, тщательно отдѣлывая свой разсказъ, мѣстами исправлялъ слогъ, но большая часть его поправокъ составляютъ нечто иное, какъ смягченія тѣхъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ подробностей, которыя тридцать лѣтъ по первоначальномъ ихъ написаніи, показались Добрынину рѣзкими. Есть основаніе думать, что помарки въ первыхъ двухъ частяхъ сдѣланы авторомъ въ 1818 г. Вообще же всѣ таковыя исправленія оговорены въ нашемъ изданіи, причемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ возстановленъ и первоначальный текстъ подлинника.

Независимо отъ этого мы во многихъ словахъ придерживались правописанія подлинника. Какъ человѣкъ остроумный, начитанный и по своему времени довольно образованный, Добрынинъ не писалъ зря; онъ, какъ видно изъ его же труда,—во все вдумывался, во всемъ старался дать себѣ отчетъ и поэтому уклоненія его отъ общепринятыхъ грамматическихъ правилъ—составляютъ не незнаніе этихъ правилъ, а нѣкоторую своеобразность причудливаго писателя. Другая особенность изложенія Добрынина состоитъ въ томъ, что онъ часто пестритъ свой разсказъ примѣчаніями, которыя и помѣщаетъ въ выноскахъ. Такъ какъ эти примѣчанія иногда весьма длинны, притомъ же интересны и вполнѣ вяжутся съ общимъ ходомъ разсказа, то мы нашли удобнѣйшимъ большую ихъ часть помѣстить въ текстъ.

Первый томъ рукописи занимаетъ 253 страницы: здѣсь помѣщена первая часть. На заглавномъ листѣ уже позднѣйшимъ почеркомъ автора написано слѣдующее заглавіе:

«Истинное повѣствованіе или жизнь Г. Д. имъ самимъ писанная. Часть первая. Въ Могилевѣ и въ Витебскѣ».

Второй томъ рукописи 328 стр., заключаетъ вторую и третью части «Повѣствованія». Сбоку, въ кружку — неизвѣстною рукою, противъ буквъ «Г. Д.» написано: «пожившаго 72—2—20». То-есть: 72 года, 2 мѣсяца, 20 дней; а такъ какъ авторъ родился въ 1752 году 20 марта, то время кончины его воспослѣдовало 10 іюня 1824 года.

Чтобъ имѣть о Добрынинѣ свѣдѣнія внѣ тѣхъ, какія находятся въ запискахъ, мы обратились въ мѣсто послѣдняго его служенія — въ Витебскъ. Николай Романовичъ Щулепниковъ съ полнѣйшею обязательностью сообщилъ намъ изъ архива Губернскаго Правленія слѣдующую копію съ формулярнаго о службѣ Добрынина списка:

«Губернскій прокуроръ, коллежскій совѣтникъ Гавріилъ Ивановъ сынъ Добрынинъ, 69 лѣтъ, орденовъ св. Анны 2 класса съ алмазными украшеніями и св. Владиміра 4 степени кавалеръ.

Изъ Малороссійскихъ дворянъ.

Имѣетъ дворовыхъ 4 мужскаго пола души.

Канцеляристомъ въ Сѣвскую духовную консисторію 1773 г. въ октябрѣ.

Продолжая службу въ бывшемъ Могилевскомъ намѣстничествѣ, произведенъ провинціальнымъ протоколистомъ 1777 г. въ декабрѣ.

Губернскимъ секретаремъ 1778 г. въ апрѣлѣ.

Опредѣленъ въ могилевскую верхнюю расправу стряпчимъ 1782 году въ сентябрѣ.

Награжденъ чиномъ коллежскаго секретаря.

Титулярнаго совѣтника 1783 г. въ февралѣ.

Опредѣленъ стряпчимъ въ могилевскій верхній земскій судъ 1778 г. въ декабрѣ.

Награжденъ чиномъ коллежскаго ассесора 1788 г. 31 декабря.

Опредѣленъ могилевскимъ губернскимъ стряпчимъ 1795 г.

По соединеніи обѣихъ бѣлорусскихъ губерній въ одну Витебскую въ витебскій нижній земскій судъ коммиссаромъ 1797 г. 1 мая.

Главнаго суда во 2 департаментѣ совѣтникомъ 1800 г. 7 іюня.

Награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника 31 декабря.

Коллежскаго совѣтника 1807 г.

По представленію бѣлорусскаго военнаго губернатора, герцога Александра Виртембергскаго пожалованъ орденомъ св. Анны 2 класса 1812 г.

Опредѣленъ губернскимъ прокуроромъ 1814 г. 10 сентября.

За 35-ти-лѣтнюю службу въ классныхъ чинахъ всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 4 степени 1817 г. 12 ноября.

Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 2 класса съ алмазными украшеніями 1823 г. 13 февраля».

Вмѣстѣ съ симъ Н. Р. Шулепниковъ увѣдомилъ, что въ 1824 году Добрынинъ уже значится умершимъ и на его мѣсто назначенъ новый прокуроръ. Такимъ образомъ желаніе Гавріила Ивановича, выраженное въ послѣднихъ строкахъ записокъ, о томъ, чтобы скорѣе умереть, исполнилось очень скоро: еще въ апрѣлѣ 1823 года онъ оканчивалъ свое «Повѣствованіе», а уже въ іюнѣ 1824 года его не было на свѣтѣ.

Сообщенная изъ Витебска справка любопытна, между прочимъ, тѣмъ, что Добрынинъ значится въ ней «изъ малороссійскихъ дворянъ». Очевидно, что таковая отмѣтка могла явиться въ формулярѣ лишь со словъ Добрынина, между тѣмъ, какъ изъ его-же «Истиннаго повѣствованія» мы очень хорошо видѣли, что онъ былъ изъ духовнаго сословія... **Ред.**

ФРЕЙЛИНЫ РУССКАГО ДВОРА

въ XVIII и XIX столѣтіяхъ,

біографическіе списки П. Ѳ. Карабанова *).

(окончаніе).

6) Графиня Елисавета Кирилловна Разумовская 2-я, родная сестра графини Натальи Кирилловны, 2-я дочь ген.-фельдмаршала, графа Кириллы Григорьевича и супруги его, графини Екатерины Ивановны. Слѣпая привязанность къ ген.-поручику и св. Анны кавалеру, графу Петру Ѳедоровичу Апраксину (род. 6 авг. 1728 † 5 февр. 1811), имѣвшему въ живыхъ супругу Анну Павловну, рожд. графиню Ягужинскую, рѣшила Елисавету Кирилловну, не взирая ни на что, съ нимъ тайно уѣхать и, вопреки церковному постановленію, обвѣнчаться. Раздраженный отецъ, пришедъ къ Екатеринѣ II и поднеся на колѣняхъ фрейлинскій знакъ несчастной дочери, сказалъ: „она недостойна носить пожалованное вами отличіе". Въ первыя минуты повелѣно преслѣдовать ихъ со всею строгостью, а потомъ, подъ рукою, сказано брошенной супругѣ Апраксина, чтобы она шла въ монастырь, что согласовалось съ ея намѣреніемъ; въ скоромъ времени она постриглась въ Кіево-Вознесенскомъ Фроловскомъ монастырѣ, подъ именемъ Августы; въ 1790 произведена въ игуменьи, и тамъ скончалась въ 1802.

7) Анна Васильевна Панина, дочь кол. сов. Василія Алексѣевича и супруги его Надежды Андреевны, дочери кол. ассес. Андрея Юрьевича Ладыженскаго.

Надежда Андреевна, уже будучи вдовою, ласковымъ своимъ обращеніемъ толпами привлекала молодыхъ людей въ свой домъ. Братья Орловы, какъ до возвышенія, такъ и послѣ онаго, всегда оставались ей преданными, особливо Алексѣй Григорьевичъ, котораго она всегда

---

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. II, стр. 468—498; 1871 г. т. III, стр. 38—48; 272—282; 457—473; т. IV, стр. 59—67. Ред.

называла Алеханушкой. Многимъ извѣстно, что Екатерина II, вступая на престолъ, дала подписку, что ей царствовать только до совершеннолѣтія ея сына, цесаревича Павла Петровича, и эта подписка хранилась въ сенатѣ; когда же императрица утвердилась на тронѣ и короновалась, то, помощію Орловыхъ, эта бумага ей возвращена... Послѣдовало негодованіе даже отъ нѣкоторыхъ участниковъ бывшаго заговора, именно: Николая Ивановича Рославлева, Михаила Ефимовича Ласунскаго, Ѳедора Александровича Хитрова, и другихъ. Вдова Панина не замедлила пересказать это графу Алексѣю Григорьевичу. Въ ту же ночь всѣ поименованныя лица (см. № 8) и многія другія взяты къ допросу и разосланы по деревнямъ. Рославлевъ и Ласунскій впослѣдствіи прощены, а Хитровъ умеръ въ изгнаніи, не доживши до помилованія. Послѣдовало награжденіе, и дочь Паниной взята въ фрейлины къ императрицѣ.

Императрица Екатерина II очень любила Анну Васильевну; такъ, напр., 11 февр. 1765, въ маскарадѣ ходила ухватясь съ нею за руку (Порошинъ, 277).— На маленькіе танцовальные вечера къ вел. кн. Павлу Петровичу приглашались по выбору придворныя особы, а иногда и офицеры гвардіи. Фрейлина Панина рѣдко удостоивалась этой почести, и однажды по этому поводу подверглась какому-то колкому изреченію. Это доведено было до свѣдѣнія императрицы, которая, при свиданіи съ цесаревичемъ, дала ему почувствовать это оскорбленіе: „Monseigneur, vous devez savoir que le respect ne se commande pas“.

Панина была, впрочемъ, очень молодая и прелестная дѣвица. Князь Орловъ, прельстился ею. . . . . .; потомъ сосваталъ съ дѣйств. камергеромъ Степаномъ Степановичемъ Лопухинымъ (который род. въ 1732 году, ум. 16 мая 1784 и погреб. въ Спасо-Андроніевѣ монастырѣ). Уже будучи Лопухиною, она, въ 1766 году, участвовала въ славномъ каруселѣ въ С. Петербургѣ и получила третій призъ.

8) Екатерина Николаевна Чоглокова, 1-я дочь Николая Наумовича и Маріи Симоновны. Родилась 7 марта 1745. Фрейлина; была за генер.-поручикомъ, лейбъ-гв. измайловскаго полка преміеръ-маіоромъ, Николаемъ Ивановичемъ Рославлевымъ (который умеръ 10 апр. 1785). Сама скончалась въ 1794 г.

9) Елисавета Николаевна Чоглокова, 2-я дочь дѣйств. камергера Николая Наумовича Чоглокова и его супруги Маріи Симоновны, рожденной графини Гендриковой. (См. въ обергофмейстер. № 3). Родилась 25 февр. 1750. По кончинѣ матери, взята вмѣстѣ съ меньшою сестрою, Вѣрою Николаевною (см. ниже № 10), въ Петергофъ и

обѣ воспитывались во дворцѣ; потомъ, 1764, пожалованы фрейлинскимъ достоинствомъ. Елисавета Николаевна въ 1767 вступила въ супружество съ л.-гв. измайловскаго полка капитанъ-поручикомъ (впослѣд. ген.-маіоръ) Борисомъ Александровичемъ Загряжскимъ. Скончалась 21 года, 11 мая 1771 и погребена въ Невскомъ монастырѣ. (См. объ ней въ соч. Щербатова: „О поврежденіи нравовъ", 77).

10) Вѣра Николаевна Чоглокова, 3-я дочь дѣйств. тайн. сов. Николая Наумовича и супруги его Маріи Симоновны, сестра предыдущей. Родилась 12 окт. 1752. Послѣ матери (19 марта 1756) оставшись трехъ лѣтъ, привезена, 11 іюня 1756, съ старшею сестрою своею Елисаветою Николаевною въ Петергофъ къ императрицѣ и оставлены во дворцѣ. По окончаніи воспитанія, обѣ пожалованы въ 1764 въ фрейлины императрицею Екатериною II. По волѣ императрицы, Вѣра Николаевна, на 17-мъ году, выдана замужъ, чтобы тѣмъ уничтожить склонность вел. князя Павла Петровича, оказавшуюся къ ней съ 10-лѣтняго возраста (т.-е. съ 1764 года); 8 іюня 1769 она была обвѣнчана въ придворной церкви съ графомъ Антономъ Сергѣевичемъ Минихомъ*).

11) Авдотья Андреевна Полянская, дочь адмирала, главнаго командира ревельскаго порта и ордена св. Александра Невск. кавалера, Андрея Ивановича Полянскаго. Родилась 18 февр. 1744. Въ фрейлины пожалована 17 дек. 1764. Была въ числѣ первыхъ любимицъ императрицы Екатерины II. Она, графиня Екатерина Андреевна Ефимовская, Анна Степановна Протасова и княжна Анна Михайловна Волконская наименованы „каменными фрейлинами", оттого, что когда переѣзжалъ дворъ въ Петергофъ, только онѣ четыре, какъ старшія по списку, имѣли пребываніе въ нижнемъ этажѣ дворца подъ комнатами императрицы, а прочія помѣщались въ особомъ корпусѣ. Екатерина любила дѣлать сюрпризы своимъ избраннымъ: въ день именинъ Авдотьи Андреевны, 1 марта, приказала подать ей серебряный вызолоченный рукомойникъ, изъ котораго неожиданно выпалъ брилліантовый перстень. (Черты Екатер. II, стр. 107). Въ 1775, послѣ

*) Въ «Росс. родосл. книгѣ» Долгорукова (IV, 213), сестры Чоглокова показаны слѣдующимъ образомъ.

1. Екатерина Николаевна Чоглокова род. 7 марта 1746, ум. 1794, за ген.-поручикомъ Николаемъ Ивановичемъ Рославлевымъ (ум. 10 апр. 1785 г.)

2. Елисавета Николаевна Чоглокова, род. 2 февр. 1748 г., ум. 11 мая 1771, за гвардіи капитанъ-поручикомъ Раевскимъ.

3. Софія Николаевна Чоглокова, род. 25 февр. 1750, ум. 21 мая 1775. за ген.-маіоромъ Борисомъ Алексѣевичемъ Загряжскимъ.

4. Вѣра Николаевна Чоглокова, род. 12 окт. 1752, ум. 177., за графомъ Антономъ Сергѣевичемъ Минихомъ.

мирнаго торжества, Екатерина посѣтила графа Захара Григорьевича Чернышова въ знаменитомъ Яропольѣ (120 верстъ отъ Москвы) и пробыла тамъ съ 15 по 17 сентября: свиту ея составляли двѣ любимыя фрейлины, Екатерина Алексѣевна Сенявина и Авдотья Андреевна Полянская (Спб. Вѣд., 1775, № 86). Авдотья Андреевна скончалась 17 мая 1781, 37-ми лѣтъ и погребена въ Невскомъ монастырѣ.

12) Елисавета Ивановна Штакельбергъ, изъ древней лифляндской фамиліи. (Отецъ ея, Фабіянъ Адамовичъ, былъ статгальтеромъ въ Дерптѣ, потомъ директоромъ эконом. въ Ригѣ. Мать ея, рожд. Арнандеръ и умершая около 1770 года, была гофмейстериною при вел. княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ [Екатерина II], (Спб. Вѣдом., 1770, № 76). Родилась въ 1741. Въ фрейлины пожалована 1765. Въ супружество вступила 24 авг. 1768, съ президентомъ академіи наукъ, ген.-поручикомъ и дѣйств. камергеромъ, графомъ Владиміромъ Григорьевымъ Орловымъ, и обвѣнчана въ Царскомъ Селѣ въ придворной церкви. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины 2-го кл. пожалована 22 іюля 1804 года. Сконч. 7 сент. 1817, 76-ти лѣтъ и погребена въ селѣ Семеновскомъ, Отрада тожъ. (Въ надгробной надписи годъ рожденія показанъ невѣрно).

Графъ Владиміръ Григорьевичъ род 8 іюля 1743, сконч. 28 февр. 1831, 87-ми лѣтъ отъ роду.

13) Графиня Анна Андреевна Ефимовская 1-я, дочь ген.-аншефа, гофмаршала вел. князя Петра Ѳедоровича, орденовъ св. Александра Невск. и св. Анны кавалера, графа Андрея Михайловича Ефимовскаго (двоюроднаго брата императрицы Елисаветы Петровны) и первой его супруги, графини Маріи Павловны, рожд. Ягужинской. Родилась 1 авг. 1751. Въ фрейлины пожалована Екатериною II вмѣстѣ съ меньшою сестрою своею, графинею Екатериною Андреевною (№ 14). Въ супружествѣ была за дѣйств. тайн. сов. Христофоромъ Сергѣевичемъ Минихомъ. Скончалась въ С.-Петербургѣ 22 мая 1824; погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ

14) Графиня Екатерина Андреевна Ефимовская 2-я, дочь ген.-аншефа, графа Андрея Михайловича и первой его супруги,—родная сестра предыдущей (№ 13). Родилась 2 марта 1754. На 2-мъ году отъ рожденія лишась матери (скон. 11 нояб. 1755), обще съ старшею сестрою, графинею Анною Андреевною, взяты были во дворецъ и призрѣны по родству съ императрицею Елисаветою Петровною. Графиня Екатерина уже на 5-мъ году (т.-е. въ янв. 1759) назначена въ фрейлины, но дѣйствительно пожалована Екатериною II. Скончалась 12 янв. 1780, 25-ти лѣтъ и погребена въ Невскомъ монастырѣ.

15) Анна (Anna Wilhelmine Barbara) Павловна Зассъ, дочь рус-

ской службы бригадира, Павла фонъ-Зассъ (род. 12 января 1703). Родилась въ 1745. Была фрейлиною. Вышла за тайн. сов. и сенатора Тимоѳея ..... (Dietrich Christian) Остервальда. Умерла бездѣтною.

16) Екатерина Сергѣевна Нарышкина, дочь ген.-маіора Сергія Михайловича (род. 1706, ум. 10 авг. 1756) и первой его супруги Александры Владиміровны, рожд. Нарбековой (род. 1713 † 17 мая 1752) Родилась 30 ноября 1739. Была фрейлиною Екатерины II. Умерла въ дѣвицахъ 30 окт. 1767, 28-ми лѣтъ отъ роду и погребена въ Невскомъ монастырѣ.

17) Княжна Елисавета Михайловна Бѣлосельская, старшая дочь князя Михаила Андреевича (генералъ-кригскоммиссара отъ флота и адмиралтейства въ рангѣ вице-адмирала, орденовъ св. Александра Нев. и св. Анны кавалера), и супруги его княгини Наталіи Григорьевны, рожденной графини Чернышевой. Родилась 1742. Въ супружествѣ была за вице-адмираломъ, отъ флота генералъ-кригскоммиссаромъ, бароном Иваномъ Ивановичемъ Черкасовымъ (род. 1732, ум. въ 1811, и погребенъ въ Невскомъ монастырѣ). Умерла бездѣтною.

18) Княжна Наталія Михайловна Бѣлосельская, вторая дочь князя Михайла Андреевича и супруги его, княгини Наталіи Григорьевны, рожд. гр. Чернышевой. Родилась 1743. Въ замужествѣ была за бригадиромъ, бароном Сергіемъ Николаевичемъ Строгановымъ (род. 16 апр. 1738, ум. 29 авг. 1777). Скончалась 4 февр. 1819. Единственный ихъ сынъ, баронъ Александръ Сергѣевичъ (род. 1771), гофмаршалъ, женатый на княжнѣ Софіи Александровнѣ Урусовой, ум. въ 1815 г. бездѣтнымъ.

19) Княжна Екатерина Александровна Меншикова, дочь ген.-аншефа, московскаго градоначальника, л.-гв. преображенскаго полка премiеръ-маіора и св. Александра Нев. и св. Анны кавалера, князя Александра Александровича и супруги его, княгини Елисаветы Петровны, рожд. Голицыной. Родилась 4 окт. 1748. По случаю кончины отца и матери въ 1764 г. взята во дворецъ. Въ фрейлины пожалована въ 1765. Въ супружество вступила 10 мая 1768 съ камеръ-юнкеромъ (впослѣдствіи тайн. сов., дѣйств. камергеромъ, полномочнымъ министромъ при испанскомъ дворѣ и св. Анны кавалеромъ) Степаномъ Степановичемъ Зиновьевымъ, и жила съ нимъ въ Мадритѣ. Скончалась 32 лѣтъ, 26 янв. 1781 и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

Степанъ Степановичъ Зиновьевъ, ген.-поручикъ, полномочный министръ при Испанскомъ дворѣ, былъ сынъ Степана Степановича же, маіора, совѣтника въ судномъ приказѣ, а потомъ ген.-маіора и

президента въ магистратѣ, весьма отдаленнаго родственника тѣхъ Зиновьевыхъ, которые были въ родствѣ съ Орловымъ.

20) Анна Степановна Протасова (см. въ камеръ-фрейл. № 9).

21) Екатерина Ивановна Штакельбергъ 2-я, родная сестра Елисаветы Ивановны (см. выше № 12). Фрейлина Екатерины II. Въ 1773 вступила въ супружество съ гр. Иваномъ Андреевичемъ (Генрихомъ) Тизенгаузеномъ (тайн. сов., гофмаршалъ, дѣйств. камергеръ). 1799, мая 29 пожалована въ кавалер. дамы орд. св. Екатерины.—Въ 1767, бывши фрейлиною, въ Царскомъ-Селѣ, за утреннимъ туалетомъ, при фрейлинѣ графинѣ Елисаветѣ Кирилловнѣ Разумовской, взглянувъ въ окно и повторяя сіе нѣсколько разъ, увидѣла отца своего и вскрикнувъ: „Батюшка пріѣхалъ!“ побѣжала въ садъ, но его тамъ не было. За обѣдомъ это дошло до свѣдѣнія императрицы, которая сказала, что онъ безъ ея позволенія пріѣхать не можетъ. Вскорѣ получено извѣстіе, что Штакельбергъ умеръ въ тотъ самый день и часъ, когда явился дочери.

22) Княжна Анна Михайловна Волконская. (См. въ ст.-дамахъ № 68 и сравни въ фрейлин. Екатер. II № 11).

23) Екатерина Андреевна Зиновьева, дочь полковника Андрея Николаевича (родственника Орловыхъ и родного брата Василія Николаевича (см. далѣе № 50). Родилась 1751. Въ супружество вступила въ 1767 г. съ ген.-поручикомъ, дѣйств. камергеромъ Сергіемъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ. Скончалась въ С.-Петербургѣ 16 іюля 1836, 85-ти лѣтъ.

24) Елисавета Степановна Протасова, 2-я дочь дѣйств. ст. сов. и сенатора Степана Ѳедоровича и супруги его Анны Никитичны, рожд. Орловой. Родная сестра Анны Степановны (см. въ камеръ-фрейлин. № 9). Скончалась въ сумасшествіи 20 марта 1840 г. и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

25) Екатерина Николаевна Зиновьева (смот. въ стат.-дамахъ № 42).

26) Екатерина Алексѣевна Сенявина 1-я, дочь адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина. Одна изъ любимыхъ фрейлинъ Екатерины II. Въ замужествѣ была за графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ (род. 15 іюня 1744, ум. въ Лондонѣ въ іюнѣ 1832).

27) Княжна Елисавета Семеновна Мещерская, дочь полковника князя Семена Борисовича, по прозванію „недорѣзъ“ (отъ любви и ревности недорѣзающагося) и супруги его, княгини Анны Павловны, рожд. Ситиной, камеръ-юнферы вел. княгини (Екатерины II). Родилась 4 іюля 1752. По смерти матери (1765) оставшись на 14 году, была взята во дворецъ, во вниманіе къ важнымъ заслугамъ, оказаннымъ ея матерью Екатеринѣ II. 1768 пожалована въ фрейлины. 1773,

сент. 29, находилась въ церемоніи при бракосочетаніи вел. князя Павла Петровича съ вел. княг. Наталіею Алексѣевною. По дружеству съ фрейлиною Екатериною Алексѣевною Сенявиною, любимицею Екатерины II (см. выше № 23) она склонялась вступить въ замужество съ ея родственникомъ, л.-гв. измайловскаго полка капитаномъ Сенявинымъ. Сенявинъ былъ человѣкъ образованный, но пьяный и вспыльчивый. Елисавета Алексѣевна, уже въ невѣстахъ, ссорилась со своимъ женихомъ и даже хотѣла отказать ему. Но, когда доложили объ этомъ императрицѣ, государыня сказала: „Для чего же заставили меня публично обручить ихъ? Это не шутка!“ и 26 окт. 1775, во время пребыванія двора въ Москвѣ, они были обвѣнчаны со всѣми почестями и обрядами прежнихъ временъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, Елисавета Семеновна оставила своего мужа и вела жизнь свѣтскую; незаконнымъ дѣтямъ ея, рожденнымъ отъ офицера конной гвардіи Петра Васильевича Боборыкина (ум. 13 нояб. 1796) присвоена фамилія Бещерскихъ. Она была умна, ловка и хороша. Скончалась въ С.-Петербургѣ 16 апр. 1843.

Камеръ-юнгфера Сытина, бывши уже замужемъ за княз. Мещерскимъ, не пожелала быть отдаленною отъ вел. княгини (Екатерины II) и находилась при ней неотлучно, особливо въ послѣднее время предъ восшествіемъ, когда великая княгиня оставлена была всѣми придворными.

28) Анна-Христина-Каролина Наульсъ (Knowles), дочь корабельнаго флота адмирала бѣлаго флага, Карла Наульсъ, который по желанію принятъ 11 марта 1771 г. въ россійскую службу. (Спб. Вѣдом. 1771, № 23) и былъ главнымъ начальникомъ интендантской части росс. флотовъ (списокъ росс. адмираламъ въ Сѣв. Архивѣ. XVII, стр. 54). Въ слѣдующемъ 1772, Екатерина II, по вниманію къ отцу, удостоила дѣвицу Наульсъ пожалованіемъ въ фрейлины. При брачной церемоніи вел. князя Павла Петровича съ вел. кн. Наталіею Алексѣевною упоминается (стр. 20). 1774, мая 31, высочайшимъ указомъ этотъ адмиралъ, за престарѣлыми лѣтами и изнеможеніемъ силъ, по прошенію уволенъ отъ службы, съ жалованьемъ по смерть, и дозволено ему со всѣмъ семействомъ возвратиться въ свое отечество (Спб. Вѣд. 1774, № 46). Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1775 онъ съ супругою и дочерью выѣхалъ изъ Россіи.

29) Графиня Анна Кирилловна Разумовская, 3-я дочь ген.-фельдмаршала гр. Кириллы Григор. и супруги его, ст.-дамы, Екатерины Ивановны, рожд. Нарышкиной, сестра Наталіи Кирилловны (см. выше № 5). Въ супружествѣ была за дѣйств. камергеромъ Василіемъ Семеновичемъ Васильчиковымъ (ум. 31 дек. 1808 и погребенъ въ ро-

довомъ подмосковномъ селѣ Лопаснѣ), родным братомъ Александра Семеновича. Ея дочь: княгиня Марія Васильевна Кочубей. (См. въ ст.-дам. № 82).

30) Софія Андреевна Бемъ.

31) Марія Семеновна Озерова † 1786.

32) Марія Васильевна Шкурина, первая дочь дѣйств. камергера Василія Григорьевича и супруги его Анны Григорьевны.

В. Г. Шкуринъ былъ гардеробмейстеромъ вел. княгини (Екатерины II, которая говоритъ объ немъ въ своихъ запискахъ), и былъ изъ числа главныхъ участниковъ заговора о возведеніи ея на престолъ, за что получилъ въ награду дворянское достоинство, чинъ дѣйств. камергера и обще съ женою 1000 душъ крестьянъ.

Марія Васильевна родилась 24 февр. 1755. Въ фрейлины пожалована въ 1769, на 15-лѣтнемъ возрастѣ. Въ 1789 вмѣшалась въ интригу фаворита графа Дмитріева-Мамонова съ фрейлиною княжною Щербатовою, болѣе потому, что онъ для свиданій ходилъ чрезъ ея комнаты. За это, при свадьбѣ Мамоновыхъ, въ Царскомъ Селѣ, Шкурина была выслана изъ дворца, и принуждена была ѣхать съ ними въ Москву. Но тамъ не ужилась и возвратилась въ Петербургъ. Тутъ она нашла убѣжище у дѣйств. ст. совѣтницы Александры Николаевны Хитровой. Тогда Екатерина, изъ сожалѣнія, сперва предложила ей комнаты во дворцѣ, потомъ назначила купить особенный домъ, — но Шкурина отвергла и то и другое, сказавши, что идетъ въ монастырь. Въ 1796 году она дѣйствительно водворилась въ с.-петербургскій Смольный Воскресенскій, гдѣ вскорѣ подружилась съ Назаретою Васильевною Шванвичевою и когда сія переведена была игуменьею въ тверской Рожественскій, то и Шкурина послѣдовала за нею и неоднократно просила дозволенія на постриженіе. Павелъ I, благодѣтельствуя ей, увеличилъ получаемое ею фрейлинское жалованье, но никакъ не соглашался на ея просьбу. Уже по кончинѣ его, 24 окт. 1801, она, съ нареченіемъ „Павлы“, пострижена въ семъ монастырѣ, въ которомъ привѣсила къ чудотворной иконѣ Богородицы фрейлинскій знакъ умершей сестры своей, Натальи Васильевны, а на свой — испросила позволеніе носить и въ монашескомъ одѣяніи. Въ 1807, когда игуменья Назарета переведена въ первоклассный казанскій Богородицынъ монастырь, то и монахиня Павла туда перешла, и приняла казначейскую должность. Въ 1814 году посвящена въ игуменьи и опредѣлена настоятельницею свіяжскаго Троицкаго Предтечева монастыря. Въ 1818 г. уволена на покой въ московскій Алексѣевскій монастырь при переведенной туда игуменьи Назаретѣ. Скончалась 10 іюня 1824 на 71-мъ году и погребена въ Москвѣ въ ново-

дѣвичьемъ монастырѣ. По самую смерть получала фрейлинское жалованье *).

33) Графиня Елисавета Петровна Бутурлина, дочь тайн. сов. графа Петра Александровича (род. 8 іюня 1734, ум. 10 іюня 1787) и супруги его, графини Маріи Романовны, рожд. графини Воронцовой (род. 29 марта 1738, ум. 17..) старшей сестры Елисаветы Романовны Полянской и княгини Дашковой. Въ супружествѣ была за тайн. сов., сенаторомъ Адріаномъ Ивановичемъ Дивовымъ (ум. 8 мая 1814).

34) Княжна Ирина Михайловна Щербатова, дочь тайн. сов. князя Михаила Михаиловича (писателя россійск. исторіи) и супруги его, княгини Наталіи Ивановны, рожденной княжны Щербатовой же. Родилась въ 1757 году. Въ фрейлины пожалована въ 1774. Въ супружество вступила въ 1775 г., съ дѣйств. тайн. сов., дѣйств. камерге-

---

*) Объ отцѣ Назареты Васильевны Шванвичъ—въ лондонскомъ изданіи соч. кн. Щербатова: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» (изд. 1858 г. стр. 80) есть примѣчаніе, которое только потому опущено въ нашемъ изданіи этого сочиненія («Русск. Старина» т. II стр. 13—99 и т. III стр. 673—688), что его нѣтъ въ подлинной рукописи, съ которой мы печатали эту записку. Очевидно, что примѣчаніе принадлежитъ лицу, списокъ котораго изданъ А. И. Герценомъ въ 1858 году. Вотъ оно: «Алексѣй и Ѳедоръ Григорьевичи Орловы славились своею силою. Въ Петербургѣ только одинъ человѣкъ кичился сильнѣе ихъ: это былъ Шванвичъ, отецъ того Шванвича, который пристalъ къ Пугачеву и сочинялъ для него нѣмецкіе указы. Онъ могъ сладить съ каждымъ изъ нихъ порознь—но вдвоемъ Орловы брали надъ нимъ верхъ. Разумѣется они часто сталкивались другъ съ другомъ; когда случалось, что Шванвичу попадалъ одинъ изъ Орловыхъ, то онъ билъ Орлова, когда попадались оба брата,—то они били Шванвича. Чтобъ избѣжать такихъ напрасныхъ дракъ они заключили между собой условіе, по которому одинъ Орловъ долженъ былъ уступать Шванвичу и гдѣ бы ни попался ему, повиноваться безпрекословно; двое же Орловыхъ берутъ верхъ надъ Шванвичемъ и онъ долженъ покоряться имъ такъ же безпрекословно. Шванвичъ встрѣтилъ однажды Ѳедора Орлова въ трактирѣ и въ силу условія овладѣлъ бильярдомъ, виномъ и бывшими съ Орловымъ женщинами. Онъ однакожъ недолго пользовался своей добычей; вскорѣ пришелъ въ трактиръ къ брату Алексѣй Орловъ и Шванвичъ долженъ былъ въ свою очередъ уступить бильярдъ, вино и женщинъ. Опьянѣлый Шванвичъ хотѣлъ-было противиться, но Орловы вытолкали его изъ трактира. Взбѣшенный этимъ онъ спрятался за воротами и сталъ ждать своихъ противниковъ. Когда Алексѣй Орловъ вышелъ, Шванвичъ разрубилъ ему палашемъ щеку и ушелъ. Орловъ упалъ;—ударъ нанесенный не твердой рукой не былъ смертеленъ,—и Орловъ отдѣлался продолжительною болѣзнью и шрамомъ на щекѣ. Это было незадолго до 1762 г. Орловы возвысились и могли бы погубить Шванвича,—но они не захотѣли мстить ему; онъ былъ назначенъ кронштадтскимъ комендантомъ и стараніями Орлова смягченъ былъ приговоръ надъ его сыномъ, судившемся за участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ». Ред.

ромъ, св. Анны 1-й ст. и св. Владиміра 3-й ст. кав. Матвѣемъ Григорьевичемъ Спиридовымъ. Скончалась 70-ти лѣтъ, въ 1827 году. Оба супруга похоронены въ Николаевской Солбинской пустыни, Владим. епархіи, въ Переяславскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Солбѣ.

35) Аграфена Александровна Бибикова, дочь ген.-аншефа Александра Ильича Бибикова и супруги его, Настасіи Степановны, рожд. княжны Козловской. Родилась 17 февр. 1755. Пожалована въ фрейлины къ имп. двору при полученіи извѣстія о кончинѣ ея родителя (послѣдовавшей 9 апр. 1774), а вмѣстѣ съ тѣмъ и все семейство его было щедро награждено императрицею: вдова получила 2,500 душъ въ Бѣлоруссіи, старшій сынъ произведенъ въ полковники и флигель-адъютанты, а младшій въ офицеры гвардіи (Зап. о жизни и службѣ А. И. Бибикова, стр. 321). Аграфена Александровна, влюбившись въ одного француза . . . . . ., по имени Ивана Рибопьера, вывезеннаго въ Россію Степ. Степ. Апраксинымъ и находившагося въ услугахъ у знатныхъ особъ въ Петербургѣ, рѣшилась, въ 1778 г., съ нимъ обвѣнчаться. Впослѣдствіи сей Рибопьеръ дослужился до бригадирскаго чина и убитъ на штурмѣ при взятіи Измаила (1790). Скончал. 57-мъ лѣтъ, 23 іюня 1812, и погреб. въ Невскомъ монастырѣ.

36) Наталія Львовна Нарышкина, старшая дочь оберъ-шталмейстера Льва Александровича и супруги его Марины Осиповны, рожд. Закревской (см. въ ст.-дамахъ № 57). Въ фрейлины пожалована 11 іюля 1775, въ самый день мирнаго торжества съ турками, въ Москвѣ. 1780, ноября 24, въ день тезоименитства Екатерины II, въ большой галлереѣ, предъ начатіемъ бала, императрица обручила ее съ польскимъ графомъ Иваномъ Антоновичемъ Соллогубомъ, бывшимъ въ русской службѣ ген.-маіоромъ и обоихъ польскихъ орденовъ кавалеромъ; пили ихъ здоровье, а по окончаніи придворнаго бала государыня съ ихъ императорскими высочествами удостоила посѣщеніемъ балъ и ужинъ въ домѣ Нарышкиныхъ. Бракосочетаніе совершено въ 1781 году. Скончалась 2 авг. 1819, и погребена въ Нев. монастырѣ.

37) Александра Васильевна Энгельгардтъ. (См. въ оберъ-гофмейстеринахъ № 7).

38) Княжна Авдотья Михайловна Бѣлосельская, 3-я дочь князя Михаила Андреевича (генералъ-кригскоммиссара отъ флота и адмиралтейства, въ рангѣ вице-адмирала, орд. св. Александра Нев. и св. Анны кавалера) и супруги его, княгини Наталіи Григор., рожд. гр. Чернышевой. Родилась 1748. 5 окт. 1773, взята ко двору обрученной невѣсты вел. князя Павла Петровича, вел. кн. Наталіи Алексѣевны, во

фрейлины, и вскорѣ снискала ея любовь съ довѣренностью до дружества; при бракосочетаніи вел. князя значится въ церемоніи (Описаніе торжества, стр. 21). По кончинѣ вел. княгини (16 апр. 1776) переименована въ фрейлины высоч. двора и получила шифръ. Въ супружествѣ была за дѣйств. тайн. сов., сенаторомъ, дѣйств. камергеромъ Василіемъ Петровичемъ Салтыковымъ. Умерла на 76-мъ году, 31 авг. 1824, и погреб. въ Невскомъ монастырѣ.

39) Прасковья Ивановна Леонтьева † 1831.

40) Варвара Васильевна Энгельгардтъ, 2-я дочь подполковника Василія Андреевича и супруги его Маѳы Александровны, сестры свѣтл. кн. Потемкина. Родилась 12 марта 1757. Во фрейлины къ императрицѣ Екатеринѣ II взята въ 1771. Въ янв. 1779 вступила въ супружество съ княземъ Сергіемъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ (род. 5 нояб. 1749, ум. 20 янв. 1810), ген. отъ инфантеріи, главнокомандующимъ россійск. арміею на западѣ, госуд. совѣта членомъ, главнокомандовавш. III областію временного ополченія, кавалеромъ св. Андрея. Въ день коронаціи императора Александра I, 15 сент. 1801, княгиня пожалована въ кавалерств. дамы св. Екатерины. Скончалась 2 мая 1815. Оба супруга похоронены Тамбовской губ., въ селѣ Зубриловкѣ, сооруженнаго ими храма Преображенія Господня, въ придѣлѣ воскресенія праведнаго Лазаря.

41) Екатерина Васильевна Энгельгардтъ, 4-я дочь Василія Андреевича. (См. въ гофмейстер. № 4).

42) Наталія Васильевна Шкурина, 2-я дочь дѣйств. камергера, Василія Григорьевича и супруги его Анны Григорьевны. (См. № 32).

43) Александра Петровна Левшина, дочь премiеръ-маіора и Елецкой провинціи воеводскаго товарища, Петра Ивановича Левшина и супруги его Татьяны Ивановны, рожд. княжны Кольцовой-Мосальской. Родилась 1 янв. 1757. Принята, при первомъ пріемѣ, въ 1765 году въ новоучрежденное Екатериною II Общество благородныхъ дѣвицъ въ Смольномъ монастырѣ. Тутъ она была замѣчена императрицею, понравилась ей и удостоилась войти въ отмѣнную милость, ибо государыня вела съ нею забавную переписку, обыкновенно называя ее „моя черномазая Левушка“ (см. Истор. сказанія о родѣ Левшиныхъ, Москва, 1812, стр. 48). Эта переписка показываетъ, сколь велика была привязанность Екатерины и что Александра Петровна еще съ дѣтскихъ лѣтъ предназначалась ко двору. 19 сент. 1775 получила она въ награду за успѣхи императрицынъ золотой вензель на бѣлой лентѣ съ двумя золотыми полосками, имѣвъ уже (съ 11 мая 1774) таковой же съ одною полоскою. Когда опредѣленный срокъ ея воспитанія оконченъ, то Левшина, въ 1778 г., дѣйствительно посту-

пила во фрейлины. 29 апр. 1780, сочеталась бракомъ съ л.-гв. измайловскаго полка капитаномъ, княземъ Петромъ Александровичемъ Черкасскимъ. Скончалась 26 авг. 1782, на 26-мъ году отъ рожденія и похоронена въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ.

44) Надежда Васильевна Энгельгардтъ, 3-я дочь подполковника Василія Андреевича и супруги его, Маріи Александровны, родной сестры свѣтл. кн. Потемкина-Таврическаго. Родилась 15 авг. 1759. Въ фрейлины пожалована въ 1777 г. Въ супружество вступила, въ 1779, съ Павломъ Алексѣевичемъ Измайловымъ (см. выше). Овдовѣла въ 1781. Вторично вышла въ 1783 за дѣйств. тайн. сов., сенатора, св. Анны и св. Георгія 4-го кл. кавалера, Петра Ампліевича Шепелева (род. 29 іюня 1737, ум. 8 ноябр. 1828, на 92-мъ году и погребенъ въ Невскомъ монастырѣ). Принужденный этотъ бракъ совершился противъ желанія невѣсты по волѣ князя Потемкина *), и былъ несогласный. Хотя Надежда Васильевна почти съ первыхъ дней всегда жила отдѣльно въ собственномъ домѣ, но огромное состояніе ея мужа, императрицею въ 1783 г. утвержденное за нею по духовному завѣщанію, по смерти Петра Ампліевича дошло къ ней въ полное распоряженіе. Умерла 12 іюня 1834, и погребена на Міускомъ кладбищѣ, при входѣ въ церковь, у лѣстницы.

По дурнотѣ лица, князь Потемкинъ въ шутку называлъ ее: „Надежда-безнадежная“

45) Прасковія Андреевна Закревская, дочь дѣйств. статск. сов. Андрея Осиповича Закревскаго (родного племянника фельдмаршаловъ графовъ Разумовскихъ), и супруги его, Маріи Ивановны, рожд. княжны Одоевской. (См. въ фрейлинахъ № 55). Родилась въ 1764. Фрейлинскій знакъ получила при помолвкѣ съ ген.-аншефомъ, кавказскимъ ген.-губернаторомъ, Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ (ум. 29 марта 1796). Скончалась въ 1816 году, и погребена въ Невскомъ монастырѣ.

46) Графиня Вѣра Николаевна Апраксина, дочь секундъ-ротмистра л.-гв. коннаго полка графа Николая Ѳедоровича и супруги его, графини Софіи Осиповны, рожд. Закревской. (См. въ фрейлин. № 42). Фрейлинскій знакъ получила при сговорѣ съ дѣйств. тайн. сов., графомъ Петромъ Васильевичемъ Завадовскимъ (род. 1738, ум. 16 янв. 1812 и погребенъ въ Невскомъ монастырѣ), съ которымъ вступила въ супружество въ 1787. Въ кавалерств. дамы св. Екатерины пожалована 18 ноябр. 1806. Умерла въ 1845 г.

---

*) Князь Потемкинъ покровительствовалъ Шепелеву по случаю смертоносной дуели съ кн. Петромъ Михайловичемъ Голицынымъ, имъ затѣянной.

П. К.

47) Графиня Екатерина Ивановна Чернышева 1-я, дочь графа Ивана Григорьевича и супруги его, графини Анны Александровны, рожд. Исленьевой. Въ супружество вступила 2 сент. 1789 съ дѣйств. тайн. сов. Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Вадковскимъ (род. 21 дек. 1756, ум. 27 авг. 1806 и погреб. въ Невскомъ монастырѣ).

48) Екатерина Львовна Нарышкина, 2-я дочь обериталмейстера Льва Александровича и супруги его Марины Осиповны (см. въ ст.-дам. № 57), фрейлина Екатерины II. Въ супружествѣ была за дѣйств. тайн. сов., сенаторомъ, чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при австрійскомъ дворѣ, попечителемъ харьковскаго учебнаго округа, графомъ Юріемъ Александровичемъ Головкинымъ (род. 1749, ум. въ Харьковѣ 19 янв. 1846, 96-ти лѣтъ). Она скончалась 5 ноябр. 1820 и похоронена въ церкви Сош. св. Духа въ Невскомъ монастырѣ.

49) Варвара Петровна Пассекъ, дочь ген.-аншефа, бѣлорусскаго ген.-губернатора, Петра Богдановича и супруга его, Наталіи Исаевны, рожд. баронессы Шафировой. Родилась 27 февр. 1761. Въ 1765, по именному указу, препоручена въ новоучрежденное общество благородн. дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ и была 1-го пріема; за недостиженіемъ же указныхъ лѣтъ, состояла сверхъ комплекта. Скончалась 10 мая 1787, 26-ти лѣтъ и погребена въ Невскомъ монастырѣ.

50) Варвара Михайловна Дубянская, дочь унтеръ-егермейстера бригадирскаго ранга Михаила Ѳедоровича и супруги его Наталіи Ѳедоровны. Родилась 23 окт. 1763. Принята въ фрейлины и взыскана милостями императрицы, потому что родной дѣдъ ея, протопресвитеръ, Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій,—коего дѣти въ 1761 возведены Елисаветою Петровною въ дворянское достоинство,—былъ духовникомъ Екатерины по прибытіи ея въ Россію. Въ супружество вступила 17 февр. 1790, съ дѣйств. камергеромъ (впослѣдствіи тайн. сов. и секретаремъ) Василіемъ Николаевичемъ Зиновьевымъ; вѣнчаніе происходило въ большой придворной церкви въ присутствіи вел. князя Павла Петровича и вел. княгини Маріи Ѳеодоровны. Скончалась 17 іюля 1803 г. и погребена между ближними родственниками Дубянскими въ Невскомъ монастырѣ.

Василій Николаевичъ Зиновьевъ былъ вторично женатъ на Іустинѣ Ѳедоровнѣ, дочери г-жи Брейткопфъ, и въ третій разъ на Екатеринѣ Петровнѣ Розановой. Отъ этихъ трехъ женъ у него было 18 дѣтей.

51) Варвара Дмитріевна Ланская, 3-я дочь армейскаго капитана Дмитрія Артемьевича, сестра фаворита Екатерины II, Александра Дмитріевича Ланскаго. Родилась 4 дек. 1759 (такъ, по крайней мѣрѣ, значится на надгробномъ памятникѣ; но невѣроятно, чтобы, не имѣя еще

особенныхъ протекцій, она поступила въ Смольный монастырь 5-ти лѣтъ, и должно полагать, что, какъ и прочія монастырки 1-го пріема, она родилась въ 1757 году). Принята 24 янв. 1765 въ воспитательное общество благор. дѣвицъ при Смольн. монастырѣ (Спб. Вѣд. 1765, № 14). Въ супружествѣ была за ст. сов. Николаемъ Михайловымъ Мацневымъ. Скончалась 31 марта 1817 и погребена подлѣ брата, Александра Дмитріевича на Софійскомъ кладбищѣ за Царскимъ Селомъ, подъ церковью казанской Богородицы, сооруженной надъ гробомъ его императрицею Екатериною II.

52) Елисавета Дмитріевна Ланская, 2-я дочь Дмитрія Артемьевича, сестра предыдущей (№ 51),—была изъ числа любимыхъ фрейлинъ императрицы Екатерины. Вышла за Ивана Ив. Кушелева (впослѣдствіи дѣйств. тайн. сов.) Въ 1787 году, императрица изъ таврическаго похода вела съ нею переписку. По самую кончину государыни была допущена въ избранное ея общество. Скончалась въ 1822 г.

53) Авдотья Дмитріевна Ланская, первая, старшая сестра двухъ предыдущихъ (№ 51 и 52). Могла быть рождена въ 1757 году. Въ супружествѣ была за генералъ-поручикомъ, сенаторомъ и св. Анны кавалеромъ, Иваномъ Львовичемъ Чернышевымъ (род. 22 окт. 1736, ум. 3 февр. 1793 и погреб. въ Донскомъ мон.). Авдотья Дмитріевна скончалась въ 1816, 59-ти лѣтъ, и погребена подлѣ брата своего, Александра Дмитріевича, на Софійскомъ кладбищѣ за Царскимъ Селомъ, подъ храмомъ казанской Богоматери, сооруженнымъ надъ гробомъ его импер. Екатериною II (надписи не имѣется).

54) Татьяна Васильевна Энгельгардтъ, пятая и послѣдняя дочь подполковника Василія Андреевича и супруги его Маріы Александровны, рожденной Потемкиной, сестры князя Потемкина. Родилась въ 1767. Въ фрейлины пожалована 11 дек. 1781. Въ первомъ супружествѣ была за внучатнымъ дядею по матери, ген.-поручикомъ, ген.-кригскоммиссаромъ, дѣйств. камергеромъ, орденовъ св. Александра Невск. и св. Владиміра 1-й ст. кавалеромъ, Михаиломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ (ум. 14 дек. 1791); во второмъ супружествѣ за дѣйств. тайн. сов. княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ (род. 1751, ум. въ Москвѣ отъ холеры, 15 іюня 1831). Скончалась 27 мая 1841, и погребена въ Благовѣщ. церкви за алтаремъ въ ризничной палаткѣ Невской лавры.

55) Екатерина Андреевна Полянская, вторая дочь адмирала Андрея Ивановича, сестра Авдотьи Андреевны (см. № 11).

56) Екатерина Петровна Нарышкина, дочь гвардіи маіора Петра Петровича и супруги его Прасковіи Васильевны, рожд. княжны Репниной (см. № 38). Родилась 3 іюля 1757. Въ супружествѣ была

за княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ Хованскимъ. Скончалась 22 окт. 1795.

57) Марія Алексѣевна Сенявина 2-я, (См. въ ст.-дам. № 74).

58) Княжна Прасковья Николаевна Репнина, 2-я дочь генер.-фельдмаршала князя Николая Васильевича и супруги его ст.-дамы княгини Наталіи Александровны, рожд. княжны Куракиной (см. въ ст.-дам. №№ 49 и 73). Въ фрейлины пожалована 11 дек. 1781. Въ супружество вступила въ 1782, съ камергеромъ (впослѣдствіи тайн. сов.) княземъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Скончалась бездѣтною, въ 1784.

Князь Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ (р. 7 апр. 1751, умеръ въ Москвѣ 5 дек. 1827, и погребенъ въ подмосковномъ селѣ Петровскомъ) былъ вторично женатъ на вдовѣ княгинѣ Варварѣ Ивановнѣ Волконской, рожд. Шиповой, воспитанной въ обществѣ благород. дѣв. въ С. Петербургѣ и умершей въ Парижѣ (погребена въ Монмартрѣ).

59) Баронесса Софія Ивановна Эльмптъ, дочь ген.-аншефа, барона (впослѣдствіи графа Ивана Карловича (род. 1725, ум. 10 мая 1802). Въ замужествѣ была за Турчаниновымъ. Въ фрейлины пожалована 11 дек. 1781.

60) Елисавета Семеновна Мордвинова, дочь адмирала, орденовъ св. Андрея и св. Александра Невск. кавалера, Семена Ивановича и супруги его Наталіи Ивановны, — сестра графа Николая Семеновича Мордвинова. Въ 1781 году, дек. 11 взята фрейлиной ко двору по случаю того, что родная сестра фаворита Ланского, Анна Дмитріевна, вдова Рогозинская, находилась въ связи съ Александромъ Семеновичемъ, братомъ Мордвиновой. Рогозинская имѣла только одного сына, Дмитрія, помѣщеннаго въ гвардію. Чрезъ нѣкоторое время, молодой Рогозинскій, пылкій красавецъ, влюбился въ фрейлину Мордвинову, превосходившую его лѣтами, и бракъ совершился въ 1790 году. По прошествіи немногихъ лѣтъ, Дмитрій Рогозинскій (съ 1793 г. отставленный бригадиромъ изъ гвардіи семеновскаго полка), вслѣдствіе семейнаго несогласія, застрѣлился въ присутствіи жены и матери. Елисавета Семеновна вторично вышла замужъ за кол. сов. Николая Аѳанасьевича Перскаго, который умеръ въ сумасшествіи. Она скончалась въ С. Петербургѣ 4 апр. 1842.

61) Марія Ивановна Кошелева, дочь тайнаго сов., воронежскаго губернатора и св. Анны кавалера, Ивана Иродіоновича и супруги его Наталіи Васильевны, рожд. Арсеньевой (по матери родная сестра Костюринымъ). Родилась 9 іюня 1761. Фрейлинскій знакъ получила передъ свадьбою, въ концѣ 1781, чрезъ жениха своего генералъ-маіора,

флигель-адъютанта императрицы, польскаго ордена св. Станислава и голштин. св. Анны кавалера, Николая Петровича Высоцкаго (род. 12 окт. 1751, ум. въ 1827), племянника князя Потемкина. Скончалась 2 іюня 1820, и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ близъ колокольни.

Мать Высоцкаго, Пелагея Александровна, была 3-ею изъ пяти сестеръ кн. Потемкина.

62) Княжна Варвара Борисовна Голицына, дочь секундъ-маіора князя Бориса Сергѣевича и супруги его княгини Наталіи Александровны, рожд. княжны Долгоруковой.

Родилась 28 авг. 1757. Воспитывалась въ общ. благ. дѣвицъ при Смольн. монастырѣ, въ которое принята 11 февр. 1765 (Спб. Вѣд. 1765, № 14), 1-го пріема. Въ фрейлины пожалована 1782. Умерла 26-ти лѣтъ, 14 февр. 1784 и погребена въ Невскомъ монастырѣ.

63) Анна Александровна Полянская, дочь ст. сов. Александра Ивановича и супруги его, бывшей камеръ-фрейлины Петра III, графини Елисаветы Романовны Воронцовой.

Родилась въ 1766. Въ 1781 году дек. 11, 16-ти лѣтъ отъ роду, пожалована въ фрейлины, — черта великодушія Екатерины II, предавшей забвенію всѣ оскорбленія, причиненныя ей матерью Анны Александровны, готовившей себя въ супруги императору Петру III. Въ замужествѣ была за дѣйств. ст. сов. (бывшимъ голландскимъ посланникомъ) барономъ Василіемъ Даниловичемъ Гоггеръ (Hogguer); свадьба совершена при дворѣ 11 нояб. 1800 года. (Баронъ Гоггеръ, бывшій голланд. послан., одинъ изъ первыхъ открылъ въ Одессѣ торговый домъ, 1795 — 1797).

Ея дочери: 1) Александра Васильевна за Иваномъ Григорьевичемъ Сенявинымъ, и 2) Елисавета Васильевна за барономъ Александромъ Казимировичемъ Мейендорфомъ.

64) Княжна Екатерина Сергѣевна Трубецкая, старшая дочь полковника князя Сергѣя Алексѣевича и княгини Елены Васильевны, рожд. княжны Несвицкой.

Родилась 22 окт. 1763. Въ фрейлины пожалована въ 1782 году Была сговорена за голландскаго посланника..... Въ супружествѣ была за дѣйств. тайн. сов., ген.-прокуроромъ, графомъ Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ. Скончалась 24 февр. 1830, въ С. Петербургѣ, 66 лѣтъ, и погребена въ церкви Сошествія св. Духа въ Невскомъ монастырѣ.

65) Графиня Прасковія Андреевна Шувалова, 1-я дочь дѣйств. тайн. сов., сенатора, дѣйств. камергера и орденовъ св. Андрея, св. Александра Невск. и св. Владим. 1-й ст. кавалера, графа Андрея

Петровича и супруги его графини Екатерины Петровны (см. въ ст.-дам. № 45).

Родилась 19 дек. 1767. Въ фрейлины пожалована 1784. Въ супружество вступила въ 1788 съ тайн. сов., дѣйств. камергеромъ, княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Голицынымъ (ум. 31 авг. 1812). Была прекрасная и лучшая танцовщица. Скончалась 11 дек. 1828 и похоронена обще съ супругомъ въ Невскомъ монастырѣ, близъ церкви св. Лазаря.

66) Княжна Варвара Николаевна Голицына, дочь ген.-поручика, князя Николая Ѳеодоровича и супруги его княгини Прасковіи Ивановны, рожд. Шуваловой. Родилась 12 февр. 1766. Въ супружествѣ была съ дѣйств. тайн. сов., оберъ-шенкомъ, предсѣдателемъ коммиссіи о перестройкѣ Исакіевскаго собора, присутствующаго въ совѣтѣ, учрежденномъ при воспит. обществѣ благор. дѣвицъ въ Смольномъ монастырѣ, сенаторомъ, членомъ госуд. совѣта, орденовъ св. Александра Невск., св. Анны и св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста кавалеромъ, графомъ Николаемъ Николаевичемъ Головинымъ. Вмѣстѣ съ дочерью перешла въ католическій законъ (см. въ ст.-дамахъ № 62). Пожалована 9 апр. 1816 въ кавалерствен. дамы ордена св. Екатерины. Скончалась 1821.

67) Княжна Екатерина Ѳедоровна Барятинская. (См. въ ст.-дамахъ № 81.

68) Княжна Анна Сергѣевна Трубецкая, 2-я дочь полковника, князя Сергія Алексѣевича и супруги его, княгини Елены Васильевны, рожденной княжны Несвицкой (ср. выше № 64).

Родилась 8 мая 1765. Фрейлина Екатерины II. Въ супружество вступила 16 февр. 1791, съ дѣйст. камергеромъ (впослѣдствіи дѣйств. ст. сов., полномочнымъ министромъ въ Мадритѣ и Константинополѣ) бароном (впослѣдствіи графомъ) Григоріемъ Александровичемъ Строгановымъ.

69) Графиня Екатерина Яковлевна Брюсъ, дочь генер.-аншефа, графа Якова Александровича и супруги его, графини Прасковіи Александровны, рожд. гр. Румянцовой (см. въ ст.-дам. № 40).

70) Анна Львовна Нарышкина, 3-я дочь оберъ-шталмейстера Льва Александровича и супруги его Марины Осиповны, рожд. Закревской (см. въ ст.-дамахъ № 57). Была въ супружествѣ за княземъ Пониньскимъ.

71) Княжна Дарія Ѳедоровна Щербатова, дочь ген.-поручика, св. Георгія 3-й ст. кавалера, князя Ѳедора Ѳедоровича и 1-й супруги его, княгини Маріи Александровны, рожд. кн. Черкасской.

Родилась 29 апр. 1762. Оставшись въ малолѣтствѣ послѣ матери,

взята во дворецъ, гдѣ и воспитана. Пожалована въ фрейлины 1 янв. 1787. Въ концѣ іюня 1789 открыта Екатериною II интрига ея съ графомъ Александромъ Матвѣевичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ (род. 19 сент. 1758, ум. 29 сент. 1803), и въ тотъ же день государыня саморучно обручила ихъ пребогатымъ перстнемъ; но свадьба ихъ, по причинѣ поста, отложена была до слѣдующаго 1-го іюля, въ которое и обвѣнчаны въ придворной церкви въ Царскомъ Селѣ. Скончалась 9 нояб. 1801, на 40-мъ году и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

Мамоновы, послѣ свадьбы, жили въ Москвѣ. Богатство было огромное: сынъ ихъ, графъ Матвѣй Александровичъ (род. 1789), въ 1812 г. снарядилъ на свой счетъ цѣлый полкъ. Извѣстны его жестокость и переписка съ московскимъ ген.-губернаторомъ, княземъ Д. В. Голицынымъ; сумасшедшій Мамоновъ умеръ въ Москвѣ не такъ давно. Была еще дочь, графиня Марія Александровна Мамонова, уродливая дѣвица, жившая въ Царскомъ Селѣ въ 1830-хъ годахъ съ обезьянами и китайцами.

72) Екатерина Михайловна Азанчевская, дочь бѣднаго дворянина. Родилась 1767. Осталась сиротою въ малолѣтствѣ. Неизвѣстно почему принята была на воспитаніе во дворецъ, и когда, въ концѣ 1786, Потемкинъ просилъ императрицу уважить ходатайство княжны Даріи Александровны Черкасской и оставить, въ качествѣ фрейлины, во дворцѣ на житье ея родную племянницу, княжну Дарію Ѳедоровну Щербатову (№ 71), потому что ей непригодно жить у распутнаго ея отца, — Екатерина согласилась, но въ тотъ же день, 1 янв. 1787, пожаловала въ фрейлины и Екатерину Михайловну Азанчевскую, сказавъ ей: „Ты безъ протекціи, за то мой голосъ въ твою пользу!“ Екатерина Михайловна вышла замужъ въ окт. 1789 за гвардіи офицера Ѳедора Никитича Спечинскаго, и умерла 1 ноября 1792.

73) Прасковія Матвѣевна Дмитріева-Мамонова (сестра фаворита), старшая дочь дѣйст. тайн. сов., сенатора, главнаго директора вотчиннаго департамента и архива, кавалера орденовъ св. Андрея, св. Александра Невскаго и св. Владиміра 2-й степ., Матвѣя Васильевича и супруги его Анны Ивановны, рожд. Бобарыкиной.

Родилась 1750, скончалась 19 фев. 1823 въ С.-Петербургѣ. Тѣло ея перевезено въ Москву для погребенія въ Донскомъ монастырѣ.

74) Анастасія Матвѣевна Дмитріева-Мамонова (сестра фаворита), 2-я дочь Матвѣя Васильевича (см. выше, № 73). Родилась 10 окт. 1759, скончалась 29 авг. 1803, и погребена въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

75) Графиня Софія Дмитріевна Матюшкина, дочь тайн. сов., дѣйств. камергера, гр. Дмитрія Михайловича и супруги его, графини Анны Алексѣевны, рожд. княжны Гагариной (см. въ обергофмейстер. № 6). Родилась 2 нояб. 1755. Фрейлина Екатерины II. Въ супружество вступила 9 января 1788 съ графомъ Юріемъ Михайловичемъ Вielьгорскимъ (впослѣдствіи тайн. совѣт., гофмаршалъ, сенаторъ, дѣйств. камергеръ, орденовъ св. Александра Невскаго и св. Іоанна Іерус. кавалеръ). Скончалась 28 марта 1796 и погребена въ Невскомъ монастырѣ.

76) Графиня Екатерина Владиміровна Орлова, 1-я дочь графа Владиміра Григорьевича Орлова и супруги его графини Елисаветы Ивановны, рожд. Штакельбергъ (см. выше № 12).

Родилась 7 нояб. 1770. Въ супружествѣ была за бригадиромъ Дмитріемъ Александровичемъ Новосильцевымъ. Имѣла единственнаго сына, флигель-адъютанта, Владиміра Дмитріевича (р. 1801), убитаго въ 1825 на дуели Черновымъ. Скончалась 31 окт. 1849.

77) Графиня Софія Владиміровна Орлова, 2-я дочь гр. Владиміра Григорьевича, и супруги его графини Елисаветы Ивановны, рожд. Штакельбергъ, — родная сестра предыдущей (№ 76).

Родилась 6 ноября 1774. Въ супружествѣ была съ дѣйст. тайн. сов. графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ. Скончалась 7 янв. 1844, въ Москвѣ и похоронена съ тремя дочерьми въ Донскомъ монастырѣ. Съ необыкновенною твердостію духа переносила опальное положеніе своего мужа и дѣлала много добра.

78) Графиня Анастасія Валентиновна Мусина-Пушкина, дочь ген.-фельдмаршала, графа Валентина Платоновича и супруги его, графини Прасковіи Васильевны, рожд. княжны Долгоруковой. (См. въ ст.-дамахъ № 52). Родилась въ 1774. Фрейлина Екатерины II. Въ супружествѣ была съ дѣйст. тайн. сов., камергеромъ, орд. св. Александра Невскаго, св. Анны кавалеромъ, св. Іоанна Іерусалимскаго командоромъ, княземъ Павломъ Петровичемъ Щербатовымъ (род. 9 фев. 1762, ум. 21 мая 1831 и погребенъ въ церкви Сошествія св. Духа въ Невскомъ монастырѣ). Пожалована въ кавалерств. дамы орд. св. Екатерины 18 апр. 1816. Скончалась 6 марта 1841 года.

79) Княжна Прасковія Александровна Вяземская, дочь ген.-прокурора, князя Александра Алексѣевича, и супруги его, княгини Елены Никитичны, рожд. княжны Трубецкой. Получила фрейлинскій знакъ 10 нояб. 1789, при помолвкѣ съ ген.-маіоромъ, графомъ Дмитріемъ Александровичемъ Зубовымъ (ум. въ 1835 году), роднымъ братомъ князя Зубова; самая свадьба совершена 25 янв. 1790. Скончалась въ 1830 году.

80) Александра Петровна Протасова 1-я, старшая дочь ген.-прокурора, сенатора и св. Владиміра 2-й ст. кавалера, Петра Степановича и супруги его Александры Ивановны, рожденной Протасовой-же.

Родилась въ 1774. Воспитана родной теткою своею, камерфрейлиною, Анною Степановною (см. въ камерфрейлин. № 9), и жила вмѣстѣ съ сестрами во дворцѣ. Потомъ пожалована въ фрейлины. Въ супружествѣ была за тайн. сов., сенаторомъ, шталмейстеромъ, дѣйств. камергеромъ и св. Анны 1-й ст. кавалеромъ, княземъ Алексѣемъ Андреевичемъ Голицынымъ (внукомъ полтавскаго героя, фельдмаршала, князя Михайла Михайловича Голицына [старшаго] ум. 1799). Въ царствованіе Александра I перешла въ католическую вѣру. Скончалась въ С. Петербургѣ 28 окт. 1842.

81) Екатерина Петровна Протасова, 2-я дочь Петра Степановича и супруги его, Александры Ивановны (см. выше, № 80).

Родилась 30 нояб. 1775. Воспитана родной теткою, Анною Степановною, и жила при ней, вмѣстѣ съ сестрами своими, во дворцѣ. Потомъ пожалована въ фрейлины. Въ супружествѣ была съ извѣстнымъ графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Ростопчинымъ (р. 12 марта 1765, ум. въ Москвѣ 18 янв. 1826). Какъ сестра ея, княгиня Голицына (№ 80), графиня Ростопчина перешла въ католическую вѣру.

82) Княжна Наталія Александровна Италійская, графиня Суворова-Рымникская, дочь генералиссимуса, князя Александра Васильевича и супруги его, княгини Варвары Ивановны, рожд. княжны Прозоровской (см. въ ст.-дамахъ № 66).

Родилась 1 авг. 1775. Поступила въ Смольный монастырь въ 6-мъ пріемѣ, и оттуда выпущена 15 февр. 1791. 3 марта 1791 г. подписанъ указъ о пожалованіи ея въ фрейлины („Записки Храповицкаго“, въ Отеч. Записк. янв. 1825, № 57, стр. 36); 9 нояб. 1792, по соизволенію Екатерины II, фаворитъ ея Платонъ Александровичъ Зубовъ препроводилъ къ графу А. В. Суворову-Рымникскому пожалованный дочери его вензель. (Побѣды Суворова, ч. VII, стр. 20). Въ 1795 выдана за Николая Александровича Зубова (род. 24 апр. 1763, ум. 9 авг. 1805), брата фаворита. 21 ноября 1831 пожалована орденомъ св. Екатерины меньшаго креста. Скончалась 30 марта 1844, и похоронена вмѣстѣ съ мужемъ въ фамильномъ кладбищѣ Зубовыхъ, въ Сергіевской лаврѣ, близъ Петербурга. Знаменитый Суворовъ называлъ ее „Суворочка“.

Н. А. Зубовъ былъ графомъ, оберштальмейстеромъ, президентомъ придворной конюшенной конторы, кав. орденовъ: св. Андрея, св. Алек-

сандра Невскаго, св. Георгія 3-й ст., св. Владиміра 2-й ст. и прусскихъ Чернаго Орла и Краснаго Орла.

83) Графиня Анна Ивановна Чернышова, дочь графа Ивана Григорьевича и супруги его, графини Анны Александровны, рожд. Исленьевой.

Фрейлина Екатерины II. Въ супружествѣ была за камергеромъ Александромъ Алексѣевичемъ Нлещеевымъ. Скончалась въ 1817, въ лѣтнее время.

84) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. (См. въ камеръ-фрейлин. № 12).

85) Княжна Софія Алексѣевна Голицына, 2-я дочь ген.-маіора, князя Алексѣя Борисовича, и супруги его, княгини Анны Георгіевны, дочери Грузинскаго царевича Георгія Вахтангѣевича.

Родилась 23 нояб. 1777. Предъ брачнымъ сочетаніемъ вел. князя Александра Павловича съ вел. кн. Елисаветою Алексѣевною, въ 1793, принята, съ двумя сестрами, фрейлинами ко двору. Вышла за пера франціи, росс. дѣйст. ст. сов. графа Карла Францовича де-Сенъ-При. Умерла 23 іюля 1814, и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

86) Княжна Марія Алексѣевна Голицына, старшая сестра предыдущей. (См. въ ст.-дамахъ № 86).

87) Княжна Елисавета Алексѣевна Голицына, 3-я дочь ген.-маіора кн. Алексѣя Борисовича и княгини Анны Георгіевны, дочери Грузинскаго царевича Георгія Вахтангѣевича.

Родилась въ 1779. Пожалована въ фрейлины, вмѣстѣ съ двумя сестрами, въ 1793, предъ бракосочетаніемъ в. к. Александра Павловича. Вышла за ген. отъ инфантеріи, графа Александра Ивановича Остерманъ-Толстаго. Умерла бездѣтною 24 апр. 1835.

88) Варвара Петровна Протасова, 3-я дочь Петра Степановича и супруги его, Александры Ивановны (см. выше № 80 и 81). Умерла въ дѣвицахъ.

89) Вѣра Петровна Протасова, 4-я дочь Петра Степановича и супруги его Александры Ивановны (см. выше № 80, 81 и 88).

Была первою супругою Иларіона Васильевича Васильчикова (впослѣдствіи князя). 30 авг. 1814 получила орд. св. Екатерины меньшаго креста. Въ ноябрѣ того же (1814) года умерла.

И. В. Васильчиковъ (род. 1776, ум. 1847) женатъ былъ во второмъ бракѣ на Татьянѣ Васильевнѣ Пашковой. (См. въ ст.-дамахъ № 102).

5-я сестра, Анна Петровна Протасова была за камергеромъ, графомъ Варѳоломеемъ Васильевичемъ Толстымъ.

90) Графиня Александра Андреевна Шувалова, дочь дѣйств. тайн.

сов., графа Александра Петровича и супруги его, Екатерины Петровны (см. въ ст.-дамахъ № 45 и въ фрейлинахъ Екатерины II № 66).

Родилась 10 дек. 1775. 15 іюля 1797 вѣнчана за австрійскаго посланника, князя Франца Іосифовича Дитрихштейна, въ придворной церкви въ Петергофѣ, въ присутствіи императорской фамиліи. Получила австрійскій крестъ (звѣзду), и званіе австрійской dame de palais. Князь Дитрихштейнъ родился 28 апр. 1767.

91) Графиня Прасковія Ивановна Салтыкова (см. въ ст.-дам. № 110).

92) Княжна Екатерина Владиміровна Голицына (см. въ ст.-дам. № 89).

93) Графиня Екатерина Ксаверіевна Браницкая, дочь ген.-аншефа, графа Ксаверія Петровича и супруги его, графини Александры Васильевны, рожд. Энгельгардтъ (см. въ обергофмейстерин. № 7).

Въ фрейлины пожалована 2 сент. 1793, въ день торжества о мирѣ съ турками (Моск. Вѣд. № 74, стр. 1,188). Въ 1-мъ супружествѣ была за княземъ Сангушкой, во 2-мъ за обер-церемоніймейстеромъ, графомъ Станиславомъ Станиславовичемъ Потоцкимъ (ум. отъ холеры въ С. Петербургѣ 2 іюня 1831).

94) Графиня Викторія Феликсовна Потоцкая, дочь бывшаго польскаго ген.-фельдцейхмейстера, а потомъ росс. ген.-аншефа, графа Феликса Потоцкаго и 1-й его супруги графини Іозефины Георгіевны, рожд. Мнишекъ (см. въ ст.-дам. № 46).

Родилась въ 1780 г. Въ фрейлины пожалована 2 янв. 1793, въ день мирнаго торжества съ турками (Москов. Вѣдом. № 74, стр. 1,188). Въ 1-мъ супружествѣ была за графомъ Октава (Antoine-Louis-Octave) Шуазёль-Гуффьѐ (р. 13 дек. 1773, перъ Франціи съ 1817, ум. 4 нояб. 1840; супруги не долго жили вмѣстѣ; графъ Шуазёль женился, при жизни жены, на дѣвицѣ Тизенгаузенъ *) (изъ польской фамиліи), а графиня Викторія вступила во 2-й бракъ съ Алексѣемъ Николаевичемъ Бахметевымъ (ум. въ 1841 г.). Скончалась въ Москвѣ, въ іюнѣ 1827 года.

95) Княжна Варвара Юрьевна Долгорукова, дочь ген.-аншефа, князя Юрія Владиміровича и супруги его, княгини Екатерины Александровны, рожд. графини Бутурлиной (см. въ статсъ-дамахъ № 59).

Родилась 22 янв. 1774 (на надгробной доскѣ годъ ея рожденія показанъ съ большою утайкою), задолго до противузаконнаго брака, совершеннаго вопреки правиламъ церковнымъ, такъ какъ два родные брата на двухъ родныхъ сестрахъ не могли жениться; братъ же князя

*) Издавшей записки объ императорѣ Александрѣ I.

Юрія Владиміровича, князь Василій Владиміровичъ уже былъ женатъ на сестрѣ княгини Екатерины Александровны, княгинѣ Варварѣ Александровнѣ, рожд. Бутурлиной. Княжна Варвара Юрьевна, по рожденіи, почиталась княжною Козловскою, потому что родная сестра ея отца, княгиня Александра Владиміровна Козловская, рожденная княжна Долгорукова, согласилась объявить себя матерью новорожденной, и не только показывала видъ женщины беременной, но даже, послѣ мнимыхъ родовъ, лежала въ постелѣ и принимала червонцы на зубокъ. По смерти же своего брата и своей невѣстки, кн. Юрій Владиміровичъ, желая умилостивить Екатерину II, сталъ предъ нею на колѣни. Императрица сказала: „къ чему это?"—Я женатъ, отвѣчалъ князь!—„Не мнѣ рѣшать, а св. синоду", отвѣчала Екатерина. Тѣмъ не менѣе, по волѣ Екатерины, бракъ Долгорукова съ Бутурлиною въ 1785 году утвержденъ св. синодомъ, и тогда только княжна Варвара Юрьевна объявлена настоящею ихъ дочерью. Всего болѣе домогались, чтобы императрица наименовала ее княжною Долгоруковою, и это послѣдовало при назначеніи ея въ фрейлины къ высочайшему двору, 2 сент. 1793, по случаю торжествованія мира съ Турціею (Моск. Вѣд. 1793, № 74, стр. 1,188). Въ замужествѣ она была за генер. отъ инфант., военнымъ министромъ, Алексѣемъ Ивановичемъ Горчаковымъ (р. 20 мая 1769, ум. въ Спб. 12 нояб. 1817 и погреб. въ Невскомъ мон.), племянникомъ генералиссимуса кн. Суворова. Пожалована въ кавалерств. дамы орд. св. Екатерины 18 апр. 1809. По смерти князя А. И. Горчакова намѣревалась вступить во 2-й бракъ, и была помолвлена за графа Григорія Владиміровича Орлова, сенатора; гр. Орловъ до свадьбы скоропостижно умеръ въ сенатѣ 23 іюня 1826. Сама скончалась 10 мая 1828, въ Москвѣ и похоронена, вмѣстѣ съ дочерью, графинею Бобринской, въ селѣ Бобрикахъ, Тульской губерніи. Эта дочь, княжна Лидія Алексѣевна, вышедшая за графа Василія Алексѣевича Бобринскаго и умершая въ Венеціи въ 1826 году, была единственною дочерью Горчаковыхъ.

96) Екатерина Осиповна Хорватова, доч. ген.-лейтен. и кавалера орденовъ св. Александра Невск., св. Владим. 2-й степ. и св. Анны, Осипа Ивановича и супруги его Анны Александровны, рожд. Зубовой, сестры фаворита, князя Зубова. (Хорватовъ сперва воронежскій, потомъ екатеринославскій [1794] губернаторъ. Въ фрейлины пожалована въ 1795. Въ супружествѣ была за княземъ Петромъ Ивановичемъ Тюфяковымъ (род. 1769, ум. въ Парижѣ 20 февр. 1845), св. Анны 1-й степ. кавалеромъ. Скончалась 25-ти лѣтъ, 6 марта 1802, и погребена въ фамильномъ кладбищѣ графовъ Зубовыхъ въ Троицко-Сергіевской пустыни, на петергофской дорогѣ.

97) Княжна Марія Антоновна Четвертинская 1-я, дочь каштеляна перемышлинскаго, князя Антонія-Станислава Четвертинскаго и 1-й его супруги N. N. Копенгаузъ. За оберъ-егермейстеромъ Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ (р. 30 мая 1764, умеръ въ апрѣлѣ 1838). Умерла въ 1854. (Отецъ ея былъ убитъ въ Варшавѣ въ апрѣлѣ 1794).

98) Княжна Жанета Антоновна Четвертинская, 2-я дочь каштеляна перемышлинскаго, князя Антонія-Станислава и 1-й его супруги. Въ супружествѣ была за Вышковскимъ. Умерла въ 1854.

99) Графиня Екатерина Павловна Скавронская, дочь тайн. сов., графа Павла Мартыновича и супруги его, графини Екатерины Васильевны, рожд. Энгельгардтъ (см. въ гофмейстер. № 4).

Фрейлина Екатерины II. Въ супружество вступила 2 сент. 1800, съ ген.-маіоромъ, княземъ Петромъ Ивановичемъ Багратіономъ (род. 1765, ум. 12 сент. 1812, черезъ 17 дней послѣ полученной имъ на Бородинскомъ полѣ раны, въ селѣ Симахъ, Владим. губ., гдѣ и похороненъ *); вѣнчаніе происходило при дворѣ, въ Гатчинѣ. Постоянно жила за границею, гдѣ сдѣлалась извѣстною своими похожденіями. Въ 1815 г. въ Вѣнѣ, во время конгресса привлекала много поклонниковъ. Вышла замужъ за лорда Гаудена (lord Howden); но и съ нимъ жила не долго. Снова приняла фамилію Багратіонъ, поселилась окончательно въ Парижѣ, гдѣ купила домъ въ Champs-Elysés, (нынѣ принадлежащій княгинѣ Бутера). Скончалась въ глубокой старости въ 1850-хъ годахъ. До самой смерти одѣвалась какъ молодая женщина. Была ума посредственнаго, довольно циническая въ своихъ выраженіяхъ, но гостепріимна и славилась въ Парижѣ своими обѣдами.

100) Графиня Екатерина Ивановна Салтыкова, 2-я дочь ген.-фельдмаршала, графа Ивана Петровича, и супруги его, графини Даріи Петровны, рожд. графини Чернышевой (см. въ ст.-дамахъ № 47). Скончалась въ 1815 году.

101) Графиня Анна Ивановна Салтыкова, 3-я дочь ген.-фельдмаршала, гр. Ивана Петровича и супруги его графини Даріи Петровны, рожд. гр. Чернышевой (см. въ ст.-дамахъ № 47).

Родилась 1777. Въ супружествѣ была за графомъ Григоріемъ Владиміровичемъ Орловымъ. Въ теченіи 14-лѣтней жестокой болѣзни, она поперемѣнно жила въ Германіи Англіи, Италіи и Франціи, и наконецъ скончалась въ Парижѣ 5 дек. 1824, бездѣтною. Тѣло ея привезено въ Россію и погребено Серпуховскаго уѣзда, въ подмосковномъ селѣ Отрада, Семеновское тожъ.

*) Въ 1839 г. тѣло его перевезено на Бородинское поле.

102) Елисавета Петровна Квашнина-Самарина, 1-я дочь дѣйст. тайн. сов. Петра Ѳедоровича и супруги его Настасіи Петровны, рожд. графини Салтыковой (род. 26 нояб. 1731, ум. 24 марта 1830, на 99-мъ году отъ рожд. и похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ). Родилась 29 марта 1773. Пожалована въ фрейлины ко двору Екатерины II въ 1795. Въ супружествѣ была за дѣйст. тайн. сов., обершенкомъ, дѣйст. камергеромъ, св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеромъ, графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ (р. въ 1762, ум. въ Орлѣ 2 янв. 1831). Въ кавалерствен. дамы св. Екатерины пожалована въ 1813 г. Скончалась 16 февр. 1828, и погребена въ Невскомъ монастырѣ.

103) Анна Петровна Кваш̀нина-Самарина, 2-я дочь дѣйств. тайн. сов. Петра Ѳедоровича и супруги его Настасіи Петровны (см. № 102).

Фрейлина Екатерины II.—27 окт. 1829 уволена вовсе отъ службы при дворѣ.

104) Княжна Христина . . . . . Радзивилъ.

Фрейлины императрицы Маріи Ѳедоровны.

1) Екатерина Николаевна Арсеньева, дочь генер.-маіора Николая Дмитріевича (ум. 1796) и супруги его, Вѣры Ивановны, рожд. Ушаковой. Пожалована въ фрейлины 23 нояб. 1796. Въ супружествѣ была за дѣйст. ст. сов. Павломъ Ѳедоровичемъ Козловымъ; свадьба ихъ совершена въ придворной церкви, 4 нояб. 1800 г.

2) Марія Алексѣевна Измайлова, дочь отставного капитана гвардіи, Алексѣя Михайловича и супруги его Маріи Васильевны, рожд. кн. Гагариной. Родилась 30 февр. 1763. Въ фрейлины пожалована 5 апр. 1797, въ коронацію Павла. Въ 1800, по желанію, получила отставку съ выдачею фрейлинскаго награжденія. Въ маѣ 1803, вышла за дѣйст. тайн. сов. (съ 12 дек. 1807), сенатора и кавалера орденовъ св. Александра Невскаго, св. Анны, св. Владиміра 2-й ст. и командора ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, Николая Ефимовича Мясоѣдова (р. 30 нояб. 1750, умер. 5 авг. 1825), и была второю его супругою. Скончалась 24 нояб. 1812, и погребена въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, гдѣ похороненъ и ея мужъ.

3) Княжна Софія Павловна Гагарина, дочь ген.-поручика, московскаго оберкоменданта, св. Георгія 4 кл. и св. Анны кавалера, князя Павла Сергѣевича и супруги его Татьяны Ивановны, рожд. Плещеевой. Родилась 5 сент. 1785. Въ супружество вступила 31 іюля 1804, съ тайн. сов., св. Анны 1-го кл. кавалеромъ, княземъ Андреемъ Петровичемъ Оболенскимъ (род. 1 авг. 1769).

Примѣчаніе къ № 50: Тайн. совѣт. Василій Николаевичъ Зиновьевъ былъ родной братъ княгини Екатерины Николаевны Орловой, жены князя Григорія Григорьевича. Онъ былъ женатъ три раза: 1) на Варварѣ Михайловнѣ Дубянской (2 сына и 3 дочери), 2) на Устиніи Ѳедоровнѣ Брейткопфъ (4 сына и 6 дочерей) и 3) на Екатеринѣ Петровнѣ Розановой (2 сына и 1 дочь). Отъ этихъ трехъ браковъ онъ имѣлъ 18 человѣкъ дѣтей:

Отъ 1-го брака.

1) Иванъ Васильевичъ, умершій холостымъ въ 1816.
2) Николай Васильевичъ, род. 8 сент. 1801 (генер.-адъютантъ, ген. отъ инф., состоящій при в. кн. Наслѣдникѣ). Женатъ на Юліи Николаевнѣ Батюшковой.
3) Наталія Васильевна, за подполковникомъ Павломъ Сергѣевичемъ Щулепниковымъ.
4) Марія Васильевна, за полковникомъ Александромъ Александровичемъ Левашевымъ.
5) Ульяна Васильевна, ум. въ 1828, за Александромъ Николаевичемъ Новицкимъ.

Отъ 2-го брака.

6) Степанъ Васильевичъ, кол. сов., жен. на баронессѣ Аделаидѣ Генриховнѣ Жомини. У нихъ дѣти: а) Степанъ, б) Павелъ, в) Александръ, г) Ольга д) Аделаида, е) Марія.
7) Петръ Васильевичъ, жен. на Вѣрѣ Ивановны Ельчаниновой.
8) Василій Васильевичъ, жен. на Прасковіи Александровнѣ Гверреро, рожд. Сверчковой.
9) Павелъ Васильевичъ, дѣйст. ст. сов., жен. на княжнѣ Маріи Петровнѣ Трубецкой. У нихъ дѣти: а) Петръ и б) Николай.
10) Устинія Васильевна, за ген.-лейт. Александромъ Павловичемъ Козловымъ.
11) Анна Васильевна, за Готгардомъ Карловичемъ Липгартомъ.
12) Авдотья Васильевна, за Владиміромъ Антоновичемъ Томичъ.
13) Екатерина Васильевна.
14) Павла Васильевна, за кам.-юнкеромъ Ѳедоромъ Александровичемъ Веймарнъ.
15) Вѣра Васильевна, за тайн. сов. Николаемъ Ивановичемъ Желѣзновымъ.

Отъ 3 брака.

16) Дмитрій Васильевичъ, ротмистръ, жен. на Софіи Александровнѣ Веймарнъ. У нихъ: а) Василій, б) Александръ и в) Дмитрій.
17) Андрей Васильевичъ, ротмистръ.
18) Софія Васильевна, за княземъ Александромъ Степановичемъ Урусовымъ.

Здѣсь оканчиваются біографическіе списки П. Ѳ. Карабанова и дополнительныя къ нимъ замѣтки того любителя и знатока отечественной старины, которому мы обязаны сообщеніемъ «списковъ». Ред.

АЛЕКСАНДРЪ ѲОМИЧЪ ВЕЛЬТМАНЪ.

I.

11 января 1870 года, въ 6½ часовъ утра, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался, на 70-мъ году отъ роду, одинъ изъ достойныхъ русскихъ литераторовъ, преданный наукѣ, какъ наукѣ, и искусству, какъ искусству, Александръ Ѳомичъ Вельтманъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ московскихъ типическихъ тружениковъ, которые работаютъ съ утра до вечера, въ своемъ кабинетѣ, никуда и никогда почти не выходятъ изъ дому, кромѣ случайныхъ необходимостей, не знаютъ никакихъ въ свѣтѣ удовольствій, и всецѣло преданы своему дѣлу. Подражателей имъ желать безполезно, ибо могутъ-ли найтиться охотники корпѣть надъ письменнымъ столомъ или за книгами, часовъ по 15-ти въ день, но нельзя не воздать имъ должной дани уваженія, даже мимо содержанія ихъ дѣятельности.

Съ живымъ, пылкимъ, часто необузданнымъ воображеніемъ, которое не знало никакихъ преградъ, и съ равною легкостію уносилось въ облака, даже и за облака, или опускалось въ глубь земли, переплывало моря, и прыгало черезъ горы, Вельтманъ страстно былъ преданъ историческимъ розысканіямъ въ самомъ темномъ періодѣ исторіи. Тамъ романическое воображеніе его гуляло на просторѣ съ полнымъ удовольствіемъ; онъ былъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ, и колонновожатый въ молодости, указывавшій полкамъ ихъ позиціи передъ сраженіемъ и квартиры послѣ сраженій, онъ остался тѣмъ-же колонновожатымъ и въ старости. Гуннами, Визиготами и Остроготами, Вандалами, Лонгобардами, Маркоманнами, Герулами, Аварами помыкалъ онъ еще гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ Бородинскимъ или Тарутинскимъ полками. Направо, налѣво, маршъ! Лонгобарды, что стали на дорогѣ, посторонитесь, уступите мѣсто Вандаламъ, вотъ такъ! Герулы назадъ, Маркоманны впередъ! Авары

торопитесь,— и дикіе варвары, повинуясь волшебному жезлу неду-маннаго, негаданнаго предводителя, напавшаго на нихъ какъ снѣгъ на голову, спѣшатъ исполнять его приказанія, снимаются съ своихъ становищъ, поджимаютъ хвостъ и бѣгутъ на указанныя мѣста, впередъ до новой дислокаціи, боясь только какъ бы не опоздать. Въ Европѣ, наконецъ, Вельтману стало тѣсно, и онъ захватилъ Азію, перемѣнилъ совершенно пути Монголовъ, и помѣстивъ ихъ гдѣ-то на границахъ Грузіи, заставилъ оттуда уже распространяться по Европѣ и Азіи, черезъ Кавказъ, а не черезъ Уралъ. Кончивъ какое-нибудь изъ своихъ изслѣдованій, сіяющій отъ удовольствія, онъ начнетъ, бывало, съ улыбкою объяснять свою систему и ожидать отъ слушателей согласія на его объясненія, такъ вѣрныя, по его мнѣнію, какъ $2\times2=4$.

Жалко было сказать ему что-нибудь вопреки и разрушать его дѣтское, милое, искреннее очарованіе, и я предъ посѣщеніемъ его всегда приготовлялъ отвѣтъ на его сообщенія, которыя любилъ онъ дѣлать мнѣ, желая услышать мое мнѣніе: „Все это такъ, Александръ Ѳомичъ и, можетъ быть, вы будете вполнѣ оправданы современемъ, но теперь трудно слушателю или читателю принимать безусловно ваши совершенно новыя положенія, которыя, вѣдь, ни много ни мало, переворачиваютъ вверхъ дномъ всѣ настоящія понятія объ исторіи. Для васъ онѣ, положимъ, ясны; но мы не видимъ тѣхъ среднихъ путей, тѣхъ станцій, чрезъ которыя вы дошли до своихъ результатовъ. Въ изслѣдованіяхъ вашихъ нѣтъ строгой послѣдовательности, требуемой критикою. Вездѣ скачки, отчего и зарождается сомнѣніе. По свойству вашего воображенія, вы не можете считать: разъ, два, три, четыре, а спѣша къ концу восклицаете: разъ, два, пять, семь, двадцать, сто! ну, вотъ мы, ошеломленные, и не можемъ никакъ опознаться. Разумѣется, еслибъ я могъ пересмотрѣть подъ вашимъ руководствомъ всѣ свидѣтельства древнихъ писателей, въ ихъ послѣдовательности, и выслушать ваши объясненія и соображенія, я, можетъ быть, и согласился бы съ вами; но судите сами, могу ли я сдѣлать это: у меня столько возни съ моими Мстиславами и Ярополками, столько задуманныхъ и начатыхъ работъ, что вашимъ любезнымъ остротамъ не могу удѣлить ни минуты. Дожидайтесь такого же труженика какъ вы, который взялся бы провѣрить добытыя вами положенія“. Тѣмъ бесѣда о переселеніи народовъ у насъ обыкновенно оканчивалась и обращалась къ настоящему времени: въ настоящемъ Вельтманъ скорбѣлъ отъ души, но безъ всякой злости, о петербургскомъ направленіи и расположеніи отдавать преимущество сапожному мастерству передъ идеалами поэзіи, живописи, музыки,—направленіи,

которое сбиваетъ съ толку нашу несчастную, неопытную молодежь.

Точно также, по временамъ, онъ горько улыбался, или пожималъ плечами, услышавъ о какихъ-нибудь правительственныхъ распоряженіяхъ или постановленіяхъ, которыя почему-нибудь казались ему нецѣлесообразными или вредными.

Это былъ человѣкъ добрый, честный, благородный, умѣренный, спокойный; ни въ какихъ сплетняхъ или дрязгахъ не принималъ онъ никогда никакого участія. Покойный Загоскинъ сдѣлалъ ему большое добро, доставивъ мѣсто своего помощника въ оружейной палатѣ, съ казенной квартирой, отопленіемъ и освѣщеніемъ. По кончинѣ Загоскина, онъ занялъ его мѣсто, и сдѣлался, слѣдовательно, еще довольнѣе и независимѣе. Безъ этого мѣста, ниспосланнаго ему какъбудто свыше, мудрено сказать, что̀ сталъ бы онъ дѣлать и какъ жить, ибо литературные труды, которые, впрочемъ, онъ умѣлъ какъ-то пристроивать, не могли обезпечивать его содержаніе. Въ 1849 году, онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Москвитянина“, гдѣ помѣстилъ, кромѣ „Чудодѣя“, много мелкихъ статей, занимательныхъ, веселыхъ, своеобразныхъ.

Къ какому бы предмету ни прикасался Вельтманъ, вездѣ онъ, съ неистощимымъ своимъ воображеніемъ, умѣлъ находить стороны новыя, любопытныя и живо, талантливо показать ихъ читателямъ.

Женатъ онъ былъ два раза, и очень счастливо. Первая жена его, урожденная Вейдель, оставила ему одну дочь, бывшую его утѣшеніемъ и вмѣстѣ предметомъ сердечныхъ заботъ. Во второмъ бракѣ, имѣлъ онъ даровитую писательницу, достойнѣйшую женщину, Елену Ивановну, урожденную Кубе, преданную ему отъ всей души. Она ходила за нимъ, какъ за дитятей, и изъ-за ея попеченій онъ уже не имѣлъ нужды думать ни о чемъ, и могъ спокойно распоряжаться движеніемъ письменъ кельтическихъ, финскихъ и нѣмецкихъ, по Европѣ и Азіи.

По четвергамъ собирались у него вѣрные друзья и товарищи, между которыми первое мѣсто занималъ долго Владиміръ Петровичъ Горчаковъ, помѣстившій воспоминанія о Пушкинѣ въ „Москвитянинѣ“ и проч. Иногда читалъ Вельтманъ на этихъ вечерахъ свои приключенія изъ моря житейскаго, иногда Елена Ивановна, авторъ „Лидіи“, „Виктора“ и „Густава принца шведскаго“, что-нибудь изъ своихъ повѣстей. Надо сознаться однако, что онъ вредилъ ей своими совѣтами, потому что у нея былъ собственный, замѣчательный талантъ, и слушаться его, какъ она дѣлала, было ей въ литературномъ отношеніи накладно.

У нихъ родились сынъ и дочь, для воспитанія которыхъ Елена Ивановна написала нѣсколько полезныхъ сочиненій.

Жизнь ихъ текла мирно и спокойно, среди трудовъ литературныхъ, чистыхъ, благородныхъ, въ обществѣ добрыхъ друзей. Смерть Горчакова, неизмѣннаго товарища и друга со времени первой молодости, была первымъ несчастіемъ Вельтмана, и тронула до глубины сердца. Потомъ обнаружилась мучительная болѣзнь у Елены Ивановны.

Она страдала года два—и счастіе семейное помутилось. Она скончалась, и кончина ея сдѣлалась уже ударомъ рѣшительнымъ для несчастнаго мужа. Онъ не перенесъ этой потери, и хотя не показывалъ горести, но внутри страдалъ, страдалъ тяжко, и скончался самъ года черезъ два, также послѣ болѣзни продолжительной и тяжкой. Погребенъ Вельтманъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ подлѣ своей любимой подруги и попечительницы.

Прилагаю письмо ко мнѣ стараго моего университетскаго товарища, А. З. Зиновьева, письмо, въ которомъ сохранены нѣкоторыя черты изъ жизни покойнаго, и потомъ краткое обозрѣніе его жизни, написанное, кажется имъ самимъ, для какого-то біографическаго изданія, вмѣстѣ со списками его сочиненій.

Апрѣля 17, 1871 г. М. П. Погодинъ.

II.

Письмо А. З. Зиновьева къ М. П. Погодину.

Кажется въ 1816 или 1815 году я въ первый разъ встрѣтился съ Вельтманомъ, въ бывшемъ пансіонѣ кандидатовъ московскаго университета, Ивана и Алексѣя Петровичей Терликовыхъ, гдѣ я начиналъ, а онъ оканчивалъ тогдашній тѣсный курсъ пансіонскаго образованія. Товарищи Александра Ѳомича смотрѣли на него съ уваженіемъ, какъ на отличнаго воспитанника, даровитаго поэта и музыканта. Отецъ его, заслуженный офицеръ, былъ смотрителемъ такъ-называемой ямы, что у Иверскихъ воротъ. Александръ Ѳомичъ часто посѣщалъ нашъ пансіонъ, и если не ошибаюсь, училъ въ немъ играть на скрипкѣ. Въ началѣ слѣдующаго академическаго года, съ другими двумя старшими учениками, Хрущевыми, онъ уже не являлся, и чрезъ нѣсколько времени, нежданный, изумилъ насъ своимъ посѣщеніемъ: онъ пріѣхалъ въ свитскомъ мундирѣ, при саблѣ и шпорахъ, но обошелся со своими прежними товарищами также привѣтливо, также дружелюбно и простодушно, какъ и прежде. Онъ заслужилъ своими отличными успѣхами въ наукахъ въ бывшемъ корпусѣ колонновожатыхъ, учрежденномъ Н. Н. Муравьевымъ. Затѣмъ я уже

его не встрѣчалъ около 30-ти лѣтъ, слѣдя впрочемъ за его успѣхами по службѣ, его литературными трудами,—и крайне былъ изумленъ и обрадованъ, когда въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву государя императора на торжественномъ выходѣ его величества во дворцѣ, подошелъ ко мнѣ заслуженный генералъ въ Анненской лентѣ, и дружески подалъ мнѣ руку. Это былъ узнавшій меня черезъ столько лѣтъ достопочтенный Александръ Ѳомичъ, уже отличившійся многими заслугами. Я бывалъ у него послѣ въ его квартирѣ, и былъ свидѣтелемъ, что покойный не различалъ своихъ посѣтителей по ихъ званію и состоянію. Рядомъ съ полнымъ генераломъ сажалъ бѣдняка, приходившаго къ нему за пособіемъ.

Мнѣ не удалось воспользоваться его всегдашнею готовностію оказать услугу ближнему; но лѣтъ за 5 передъ симъ, я имѣлъ случай убѣдиться, съ какою благодарностію онъ вспоминалъ о давнишнихъ своихъ товарищахъ. Одному изъ нихъ, господину Х* въ службѣ не посчастливилось, онъ подвергался въ ней большимъ непріятностямъ, лишился своего состоянія, и находился въ самомъ безотрадномъ положеніи; но лишь только онъ обратился къ Александру Ѳомичу, какъ этотъ добрый человѣкъ отправился съ нимъ прямо къ бывшему начальнику столицы генералу Тучкову (кажется также воспитаннику Муравьевскаго заведенія), и недѣли черезъ двѣ, г. Х. былъ опредѣленъ въ измайловскую богадѣльню.

III.

Біографическое извѣстіе.

А. Ѳ. Вельтманъ родился 8 іюля 1800 г. въ С.-Петербургѣ, гдѣ отецъ его, уроженецъ Ревеля, служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку въ царствованіе императора Павла. Въ 1811 и 1812 годахъ, началъ онъ свое образованіе въ Москвѣ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Прибытіе французовъ прервало это начало. Въ 1814 году, поступилъ въ партикулярный пансіонъ Терликова и оттуда, въ 1816 году, вступилъ въ корпусъ колонновожатыхъ, подъ начальствомъ свиты его императорскаго величества генералъ-маіора Николая Николаевича Муравьева, и въ 1817 г., по экзамену, произведенъ въ офицеры свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части *), гдѣ и продолжалъ свою службу во 2-й дѣйствующей арміи. Въ 1828 и 1829 годахъ, во время турецкой кампаніи, находился при главной квартирѣ старшимъ адъютантомъ генеральнаго штаба и на-

*) Въ бытность колонновожатымъ, составленъ имъ былъ курсъ чистой математики по методѣ преподаванія въ корпусѣ; изъ этого курса напечатана, въ 1816 году, «Ариѳметика».

чальникомъ историческаго отдѣленія армія. Послѣ войны, по болѣзни, вышелъ въ отставку и посвятилъ себя отечественной исторіи и литературѣ, избранъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго и одесскаго обществъ исторіи и древностей россійскихъ и членомъ московскаго общества любителей словесности. Въ 1842 году, вступилъ снова въ службу помощникомъ директора московской оружейной палаты. Въ 1845 году, по высочайшему повелѣнію назначенъ членомъ комитета изданія древностей россійскаго государства. При завѣдываніи художественной и административной частію изданія, составленъ имъ текстъ 2, 3 и 5 отдѣленій. Въ 1852 году, назначенъ директоромъ оружейной палаты.

Изданные имъ въ свѣтъ историческіе и литературные труды слѣдующіе:

Первоначальные опыты: Бѣглецъ, повѣсть въ стихахъ.—Муромскіе лѣса, повѣсть въ стихахъ.—Странникъ, 3 части, въ стихахъ и прозѣ.

Повѣствованія въ прозѣ: Кощей безсмертный, 3 части.—Святославичъ, 2 части.—Лунатикъ, 2 части.—Сердце и думка, 4 части.—Новый Емеля, 4 части—Александръ Филипповичъ Македонскій (продолженіе Странника), 2 части.—Мартинъ Задека, 2 части.—Виргинія, или поѣздка въ Россію, 2 части.—Генералъ Каломеросъ, 2 части.—Раина, царевна болгарская (переведена на болгарскій языкъ и издана въ свѣтъ Е. С. Мутьевой въ гор. Одессѣ).—Приключенія почерпнутыя изъ моря житейскаго, Саломея 12 частей.—Продолженіе приключеній, почерпнутыхъ изъ моря житейскаго: Чудодѣй, напечатано 5 частей; остальныя 7 частей написаны, но еще не изданы въ свѣтъ.

Повѣсти: Урсулъ.—Неистовый Роландъ.—Эротида.—Аленушка.—Пріѣзжій изъ уѣзда, или суматоха въ столицѣ.—Радой.—Путевыя впечатлѣнія и, между прочимъ, горшокъ ерани.—Костеистскія скалы.—Іоланда.—Ольга.—Карьеръ.—Дочь Гиппократа.—Не домъ, а игрушка.—Два маіора.—Илья Ларинъ.

Драматическія сочиненія: Колумбъ, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.—Ратиборъ Холмоградскій, въ 4 дѣйств., въ стихахъ.—Амалатъ-бекъ, въ 4 дѣйств. (содержаніе изъ повѣсти Марлинскаго).—Ночь на Ивановъ день (содержаніе изъ Шекспира).

Сказки въ стихахъ: Троянъ и Ангелина—изъ сербскихъ преданій.—Златой и Бѣлла—изъ чешскихъ преданій.—Маги и Мидійскіе каганы XIII столѣтія.

Переводъ: Наль и Дамаянти, 6 главъ.

Историческіе труды: Первобытное вѣрованіе и буддизмъ, 1864 г.—Донъ, 1. Мѣсто ссылки Овидія. 2. Митрополія великія и малыя Руси на Дону съ IV до IX вѣка.- Аттила и Русь IV и V вѣка, и проч.—Очеркъ исторіи Бессарабіи.—Достопамятности Московскаго Кремля (съ рисунками).—Описаніе оружейной палаты (съ рисунками).—II, III и V отдѣленіе текста къ изданію рисунковъ древностей россійскаго государства.—Древнія славянскія собственныя имена.—Слово о полку Игоревѣ (размѣромъ).

Статьи: Очерки русской словесности: Изустная литература.—О сохраненіи утварей царскаго чина, во время пребыванія поляковъ въ Москвѣ.

Кромѣ того изданы имъ: Портфель Ломоносова.—Начальное чтеніе для образующагося юношества, 2 части.—Картины свѣта, альманахъ съ политипажами.

Послѣ Вельтмана остался большой романъ, въ которомъ онъ хотѣлъ описать жизнь русскаго западника и эмигранта, кажется совсѣмъ конченный. Также нѣсколько историческихъ изслѣдованій, которымъ посвящены были преимущественно послѣдніе дни его жизни.

Сообщ. М. П. Погодинъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Адвокатъ въ царствованіе императора Павла.

(Извлечено изъ оффиціальныхъ документовъ).

1800—1801 г.

Въ царствованіе императора Павла, коллежскій ассесоръ Сладковскій пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Малороссіи, причислился къ герольдіи и, ожидая опредѣленія къ должности, ходатайствовалъ о внесеніи рода своего въ дворянскій гербовникъ, а также въ присутственныхъ мѣстахъ о взысканіи денегъ по векселямъ, дошедшимъ къ нему по надписямъ отъ двухъ лицъ. Жилъ онъ въ собственномъ домѣ, съ котораго имѣлъ и доходъ.

Для полученія мѣста, Сладковскій обращался съ просьбою къ с.-петербургскому военному губернатору графу фонъ-деръ-Палену. Получивъ отъ графа обѣщаніе, онъ ходилъ навѣдываться въ его канцелярію, не открылось ли соотвѣтственной званію его ваканціи, но безуспѣшно.

24 іюля 1800 года онъ пришелъ въ канцелярію графа за полученіемъ представленныхъ имъ при просьбѣ своихъ аттестатовъ и встрѣтился съ секретаремъ Розлачемъ.

— Зачѣмъ вы пришли въ канцелярію и почему хвалитесь, что можете много дѣлать? грубо спросилъ его Розлачъ.

Сладковскій отвѣчалъ, что пришелъ по надобности къ секретарю Покоеву, а похвальбы никакой не произносилъ, и если Розлачъ объ ней отъ кого-нибудь слышалъ, то передалъ бы ему.

— Объ этомъ будетъ знать графъ фонъ-деръ-Паленъ, — сказалъ Розлачъ, а когда Сладковскій представлялъ, что такія угрозы для него обидны и что онъ самъ также имѣетъ право объясняться съ графомъ, Розлачъ выслалъ его изъ канцеляріи.

Обиженный Сладковскій отправился жаловаться къ графу на Роз-

лача. Замѣтя въ комнатахъ графа Сладковскаго, полиціймейстеръ Зильбергарнишъ сначала выговаривалъ адъютанту за впускъ этого просителя, а потомъ совѣтовалъ Сладковскому выдти вонъ и не просить на Розлача. Вскорѣ пришелъ туда же и Розлачъ. Сладковскій передалъ, при немъ, Зильбергарнишу подробности жалобы и выразился при этомъ: „если бы Розлачъ поступилъ со мною такъ въ другомъ мѣстѣ, то, можетъ быть, и я заплатилъ бы ему подобною грубостію".

Зильбергарнишъ продолжалъ держать сторону Розлача и упрекалъ Сладковскаго въ похвальствѣ; а Розлачъ, между тѣмъ, отправился въ кабинетъ къ фонъ-деръ-Палену и выпросилъ у графа письменное приказаніе: посадить Сладковскаго въ смирительный цухтъ-гаузъ и потомъ выслать изъ столицы.

Недопуская до свиданія съ графомъ Сладковскаго, полиціймейстеръ тутъ же взялъ его и препроводилъ къ оберъ-полиціймейстеру; а отъ него, „безъ отвѣта и суда", Сладковскій посланъ былъ въ смирительный цухтъ-гаузъ. Тамъ выдержали его недѣлю на работѣ съ прочими, въ желѣзахъ, казенномъ платьѣ и въ лаптяхъ. Потомъ онъ былъ высланъ за городъ, безъ денегъ и пищи, и пришелъ въ Гатчино, гдѣ и принесъ письменную жалобу генералъ-прокурору о сдѣланныхъ ему притѣсненіяхъ. Жалоба была написана на высочайшее имя.

Противъ этой жалобы фонъ-деръ-Паленъ всеподданнѣйше донесъ, „что Сладковскій стряпчій, долго жилъ здѣсь безъ всякой должности, ухищреніями своими заводилъ людей только въ тяжбы, писалъ ябедническія бумаги и таскался по судебнымъ мѣстамъ повѣреннымъ. Разглашалъ, что онъ вездѣ вхожъ и уваженъ, и симъ самымъ, сдѣлавъ подобнымъ ему стряпчимъ у себя пристанище, упражнялся лишь въ корыстолюбивыхъ оборотахъ. Все это извѣдавъ, графъ узналъ также, что Сладковскій приходитъ, безъ всякаго дѣла, въ канцелярію его и, отзываясь особливою его, графа, къ нему довѣренностію, старается вывѣдывать только тайну канцелярскую, отчего хотя и былъ благороднымъ образомъ отвращаемъ, но, по невоздержанію своему, довелъ секретарей до того, что они принуждены были отказать ему, дабы онъ безъ дѣла къ нимъ входа не имѣлъ. Тутъ Сладковскій произвелъ шумъ и грубости, и наконецъ, неудовольствуясь тѣмъ, пришелъ къ нему въ комнаты и сдѣлалъ предъ полиціймейстеромъ Зильбергарнишомъ дерзкія и укоризненныя изреченія. При каковыхъ его дѣйствіяхъ, приказалъ онъ его, Сладковскаго, посадить въ цухтъ-гаузъ на недѣлю и послѣ, какъ человѣка безпокойнаго и вреднаго, выслать узаконеннымъ порядкомъ на прежнее его жилище, въ Малороссійскую губернію".

По высочайшему повелѣнію, жалоба Сладковскаго была возвращена

къ нему „съ надраніемъ", а самъ онъ „преданъ суду гражданскихъ правительствъ по законамъ" и 7 августа 1800 года отосланъ въ городскую тюрьму.

Оказалось, что Сладковскій взыскиваетъ, по довѣренности купца Коренева, съ венеціанскаго посланника, по векселю, 1,050 рублей и ходатайствуетъ о взысканіи съ бригадира князя Долгорукова по векселю ростовскому купцу Малышеву, отъ котораго, по условію, долженъ получить повѣренныхъ денегъ 135 рублей.

С.-Петербургскій уѣздный судъ (по 1-му департаменту, т.-е. уголовному) нашелъ, что Сладковскій изобличился въ ябедничествѣ собственнымъ его выраженіемъ, якобы донесеніе военнаго губернатора послѣдовало на него по одной только клеветѣ отъ секретаря Розлача, и въ хожденіи за чуждыми дѣлами, а именно, купцовъ Коренева и Малышева — вынесенными справками. Поэтому судъ полагалъ: „за грубость и дерзость, за ябедничество и обыкновенныя при ономъ другіе, въ донесеніи военнаго губернатора прописанные поступки, сверхъ понесеннаго уже Сладковскимъ содержаніемъ въ цухтъ-гаузѣ взысканія, движимое и недвижимое имѣніе его описать въ казну, впредь ни къ какимъ дѣламъ его не опредѣлять и за дѣлами въ присутственныхъ мѣстахъ въ повѣренные не допускать, кромѣ только тѣхъ, которыя относиться будутъ къ персональной его обидѣ, такожъ и по векселямъ, собственно отъ него и ему даннымъ, а не по надписямъ къ нему дошедшимъ, удаливъ его при томъ отсюдана прежнее жилище, въ Малороссію.

Дѣло поступило въ 1 департаментъ палаты суда и расправы, которая дополнила производство свѣдѣніемъ отъ надзирателя цухтъ-гауза, что Сладковскій, во время содержанія тамъ, употребленъ былъ въ работу внутри дома и въ оковахъ не находился. Затѣмъ, 6 сентября, палата заключила, „что показаніе Сладковскаго, будто бы онъ невиненъ въ описанныхъ графомъ фонъ-деръ-Паленомъ поступкахъ и что это послѣдовало единственно по происканъ секретаря Розлача, — вниманія не заслуживаетъ и для того, за неосновательное утружденіе имъ, Сладковскимъ, его императорское величество просьбою, взыскать съ него по чину за треть годовое жалованье и сіи деньги отослать куда слѣдуетъ, а потомъ, хотя онъ за свои поступки содержаніемъ въ цухтъ-гаузѣ уже потерпѣлъ, но, дабы онъ не могъ, проживая въ Петербургѣ, и еще заводить какихъ подобныхъ нынѣшнимъ дѣяній, согласно резолюціи военнаго губернатора фонъ-деръ-Палена: выслать его изъ всей здѣшней губерніи, обязавъ притомъ подпискою, чтобъ онъ не осмѣливался обременять высочайшую его

императорскаго величества особу таковыми недѣльными прошеніями подъ опасеніемъ строгаго взысканія по законамъ".

Сенатъ первоначально не нашелъ явныхъ доказательствъ: „дѣйствительно ли Сладковскій заводилъ кого ухищреніями своими въ тяжбы, также писалъ ли кому ябедническія бумаги; въ какихъ присутственныхъ мѣстахъ, когда и отъ кого былъ оговореннымъ; кому разглашалъ, что онъ вездѣ вхожъ и уваженъ, давалъ ли какимъ стряпчимъ у себя пристанище и упражнялся ли въ корыстолюбивыхъ оборотахъ",—и предписалъ палатѣ сдѣлать по этому предмету точное изысканіе, а потомъ уже рѣшить дѣло на основаніи законовъ.

Въ возложенномъ на палату изысканіи она ограничилась отзывомъ фонъ-деръ-Палена, что онъ дѣйствительно нашелъ въ Сладковскомъ тѣ свойства и качества, за которыя, равно и за дѣянія его, по всей справедливости, заслуживалъ онъ не только содержанія недѣлю въ цухтъ-гаузѣ, но еще болѣе.

Тогда сенатъ это удостовѣреніе военнаго губернатора „во всѣхъ вышеизъясненныхъ, непристойныхъ званію благороднаго поступкахъ" признался точнымъ и согласился съ опредѣленіемъ палаты, вмѣнивъ Сладковскому въ наказаніе содержаніе его въ тюрьмѣ съ 7 августа 1800 года.

При докладѣ генералъ-прокуроромъ, государь, „апробовавъ опредѣленіе сената, высочайше повелѣть соизволилъ: выслать его Сладковскаго и изъ Московской губерніи, съ тѣмъ чтобы и во оной не имѣлъ онъ пребыванія".

Указъ объ исполненіи посланъ отъ сената въ палату 11 февраля 1801 года.

По вступленіи на престолъ Александра I, Сладковскій обращался къ нему съ всеподданнѣйшею просьбою, и государь, по разсмотрѣніи обстоятельствъ бывшаго о Сладковскомъ доклада сената 11 апрѣля 1801 г. повелѣлъ: „Сладковскому остаться здѣсь на пребываніи и дать судъ ему, по законамъ, съ коллежскимъ совѣтникомъ Розлачемъ, бывшимъ въ должности секретаря у военнаго губернатора".

А. Г. Пупаревъ.

Разсказы изъ временъ императора Павла I.

I.

Павелъ I часто прогуливался верхомъ по Петербургу, одинъ, или сопровождаемой свитою. Такъ въ одну изъ своихъ прогулокъ по Петербургу, сопровождаемый свитою, ѣхалъ онъ по адмиралтейской площади, мимо гауптвахты, которая была у входа въ адмиралтейство;

послѣднее было окружено каналомъ, на мѣстѣ котораго въ настоящее время разведенъ бульваръ, чрезъ каналъ былъ перекинутъ мостъ. Дежурный офицеръ на гауптвахтѣ, въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ сильно пьянъ; замѣтивъ приближающагося государя ударилъ тревогу, солдаты отдали честь, а офицеръ шатался и махалъ саблей.

Павелъ, подъѣхавъ къ гауптвахтѣ, послалъ адъютанта и велѣлъ арестовать офицера; адъютантъ передалъ слова государя офицеру, на что тотъ, не смущаясь, отвѣчалъ: „убирайтесь вонъ, иначе я васъ арестую". Адъютантъ вернулся, но не рѣшился передать слова офицера государю; Павелъ, въ сильномъ гнѣвѣ на него, послалъ его вторично и повторилъ приказъ. Но пьяный офицеръ ему отвѣчалъ тѣмъ же и еще прибавилъ: „развѣ вы не знаете, что прежде, чѣмъ арестовать, вы должны смѣнить меня".

Адъютантъ, вернувшись, передалъ слова офицера государю; на что Павелъ отвѣчалъ, „что онъ, пьяный (указывая на штабсъ-капитана) лучше насъ, трезвыхъ, знаетъ свое дѣло", и наградилъ офицера чиномъ капитана.

II.

Утромъ, въ извѣстный часъ, Павелъ сидѣлъ предъ зеркаломъ, ему расчесывали голову и пудрили парикъ. Въ это время одинъ изъ молодыхъ адъютантовъ, донося ему о состояніи карауловъ, читалъ рапортъ и когда прочиталъ до мѣста „подъ арестомъ" остановился и смутился, увидавъ, что подъ арестомъ никого не было. Павелъ, замѣтивъ смущеніе адъютанта, сердито спросилъ его: „кто подъ арестомъ, ... ?"

Адъютантъ упалъ на колѣни и молвилъ: „я, ваше величество". На это Павелъ ему сказалъ: „встань капитанъ".

Сообщ. **Осса**...

Эпитафія Суворову.

1800 г.

Остановись прохожій!!
Здѣсь человѣкъ лежитъ на смертныхъ не похожій:
Въ глуши, на крыльцѣ съ дьячкомъ онъ басомъ пѣлъ
И славою какъ Петръ, или Александръ гремѣлъ;
Ушатомъ на себя колодезну лилъ воду.
И пламень храбрости вливалъ въ сердца народу.
Въ рубахѣ, въ каскѣ онъ предъ войсками верхомъ,
Какъ молнія сверкалъ и поражалъ какъ громъ;
Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летаютъ птицы,
Жилъ въ малой хижинѣ, а отнималъ столицы.
Не въ латахъ на конѣ, какъ греческій герой,
Съ нагайкою въ рукѣ съ полдюжины онъ Трой,

Не со щитомъ златымъ устрашены, онъ паче
Въ едино лѣто взялъ и на казачьей клячѣ.
По пѣтухамъ вставалъ, сражался на штыкахъ.
Чуждой народъ носилъ его на головахъ;
Одною пищею съ солдатами питался;
Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался,
Былъ двухъ имперій вождь, Европу удивлялъ,
Сажалъ царей на тронъ,--самъ на соломѣ спалъ.

Примѣчаніе, Эпитафія эта заимствована изъ собранія бумагъ купеческаго сына Гусева. Написана она на полулистѣ синей бумаги, тѣмъ же почеркомъ, какимъ написана также одна тетрадка. съ помѣтою на ней: «1796 годъ.»

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

Расправа съ дворовымъ человѣкомъ.

(Составлено по оффиціальнымъ документамъ).

1818 — 1819 г.

У находившагося въ Петербургѣ поручика лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, Александра Дмитріевича Тулубьева былъ въ услуженіи дворовый человѣкъ изъ имѣнія его отца, Андронъ Степановъ.

Въ ноябрѣ 1818 г.. Степановъ сказалъ своему барину, что онъ плохо его содержитъ. Тулубьевъ хотѣлъ за такія дерзкія слова наказать дома Степанова, но тотъ не дался и сказалъ господину, что. если хочетъ наказывать, отправилъ бы для этого въ полицію.

Тулубьевъ не захотѣлъ, при посредствѣ полиціи, наказывать своего слугу и „за разныя его несносныя дерзости и прочіе безпорядки“ отправилъ, при запискѣ, въ работу на монетный дворъ, въ петербургской крѣпости.

На Степановѣ не было ни сапогъ, ни достаточной одежды. Онъ обратился съ просьбой къ лаборанту монетнаго двора, берггауптману 6 класса Веніамину Хоппе, чтобъ послалъ за этимъ къ барину; но Хоппе выгналъ его изъ своей конторы и приказалъ надѣть ему двѣ на ноги и третью на шею тяжелыя желѣзныя рогатки.

Въ такомъ видѣ Степановъ работалъ три дня, ѣсть давали ему мало. Онъ вышелъ изъ терпѣнія, и, когда, утромъ 16 ноября, рабочіе собрались на перекличку, то, при входѣ къ нимъ Хоппе, кинулся на него, ударилъ Хоппе въ лицо, отчего Хоппе упалъ и изъ уха пошла кровь: затѣмъ еще нанесъ ударъ по плечу. Степанова тотчасъ схватили: Хоппе отправилъ его, при частной запискѣ, въ съѣзжій домъ петербургской части, съ объясненіемъ только, что отсылаетъ за буйный поступокъ противъ себя.

Въ части отказались содержать Степанова. такъ какъ онъ прис-

ланъ былъ не по командѣ. Хоппе отправлялъ его потомъ къ коменданту крѣпости, но и тотъ его не принялъ. Тогда Хоппе приказалъ снять съ Степанова рогатки и надѣть ему большую цѣпь отъ вѣсовъ и приковать къ стѣнѣ въ сѣняхъ. Недѣли черезъ три Степановъ переведенъ былъ въ караульню; тамъ онъ сидѣлъ тоже на цѣпи, прикованный къ стѣнѣ, мѣсяца съ полтора; отъ тяжелаго воздуха въ караульнѣ сдѣлался боленъ и переведенъ въ контору, гдѣ также держали его на цѣпи.

Такъ просидѣлъ Степановъ два мѣсяца и 12 дней, и сталъ просить пощады у Хоппе. Лаборантъ приказалъ наказать его палками и посадить въ стулъ, съ которымъ тотъ ходилъ на работу.

Въ февралѣ 1819 года, Хоппе описалъ Тулубьеву поступокъ Степанова и, находя, что опасно держать его вездѣ, просилъ поскорѣе взять Степанова и отослать куда слѣдуетъ, для полученія заслуженнаго наказанія.

Тулубьевъ обратился къ управѣ благочинія съ требованіемъ о поступленіи съ Степановымъ по законамъ. Началось слѣдствіе и Степановъ взятъ былъ съ монетнаго двора въ Петербургскую часть 25 февраля, а съ тѣмъ вмѣстѣ освободился отъ стула.

Отвѣчая на запросъ, Хоппе писалъ въ часть, что Степановъ былъ не въ трехъ, а въ двухъ рогаткахъ, и притомъ не болѣе трехъ сутокъ; „рогатки ему не дѣлали никакого безпокойства и совершенно ему ни въ чемъ не мѣшали“; послѣ буйственнаго поступка со мною, Степановъ сидѣлъ прикованный къ стѣнѣ около двухъ мѣсяцовъ, безъ рогатокъ на ногахъ, „и сіе также не мѣшало ложиться ему отдыхать“; Степановъ испросилъ прощенія „и при выпускѣ отъ стѣны былъ наказанъ, въ страхъ другимъ, до 30-ти ударовъ палками“. Хоппе заявилъ, что не только не имѣлъ претензіи на Степанова, но что и г. Тулубьевъ не вправѣ преслѣдовать человѣка, который не принадлежитъ лично ему.

Выставленные самимъ же Хоппе свидѣтели разсказали объ обращеніи его съ Степановымъ такъ, какъ оно выше описано; осталось лишь неразъясненнымъ 30, или не болѣе 50, какъ показалъ Степановъ, дано было ему палочныхъ ударовъ.

Управа благочинія признала, что Степановъ долженъ судиться за оскорбленіе начальника того мѣста, гдѣ содержался. Степановъ былъ отосланъ въ тюрьму.

Въ апрѣлѣ 1819-го года уголовная палата приговорила:

„Поелику Степановъ былъ наказанъ палками 30 ударами, также былъ прикованъ къ стѣнѣ на цѣпь и посаженъ въ стулъ, то, вмѣня ему все то за причиненный дерзкій поступокъ въ наказаніе, строжайше подтвердить, чтобъ подобныхъ дерзостей чинить не осмѣливался и былъ

бы у помѣщика своего въ должномъ повиновеніи, въ противномъ случаѣ подвергнетъ себя неминуемому на тѣлѣ наказанію".

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о стулѣ, упоминаемомъ въ нашемъ разсказѣ. Стуломъ въ подобныхъ случаяхъ назывался отрубокъ дерева, къ которому приковывали наказываемаго, или того, чьего побѣга опасались. Стулья были неподвижные и подвижные. На стулѣ второго рода осужденный могъ сидѣть и носилъ вездѣ съ собою эту ношу, вѣсомъ около полутора пуда. Стулъ составлялъ необходимую принадлежность воеводскихъ канцелярій XVIII вѣка и вмѣстѣ съ цѣпями и тому подобнымъ упоминается въ актахъ о сдачѣ казеннаго имущества смѣняемымъ воеводою поступающему на его мѣсто. Впрочемъ, распоряженіе объ уничтоженіи стула послѣдовало только 31 марта 1826 года, въ слѣдующемъ печатномъ циркулярѣ бывшаго тогда министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго къ губернскимъ прокурорамъ:

„Его императорское величество, удостоивъ высочайшаго утвержденія мнѣніе государственнаго совѣта о поступкѣ ярославскаго частнаго пристава Болотова въ содержаніи рядоваго Сраменки въ съѣзжемъ дворѣ на цѣпи, прикованной къ стулу и надѣтой на шею, — съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣть соизволилъ *), чтобы я предписалъ наистрожайше всѣмъ прокурорамъ: „осмотрѣть, есть-ли подобныя стулья и прочее съ цѣпями, и истребить, съ строжайшимъ повелѣніемъ не изобрѣтать ничего подобнаго".

„Въ слѣдствіе чего, я рекомендую вамъ, исполнивъ тотчасъ таковое высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, о томъ, что окажется, донести мнѣ съ первою почтою; да и на будущее время имѣть неослабное наблюденіе, дабы отнюдь не было допускаемо подобныхъ стульевъ и прочаго съ цѣпями, подъ собственною вашею за противное тому строжайшею отвѣтственностію".

Въ слѣдующемъ, 1827 году, содержаніе служилымъ сотникомъ войска донскаго Левицкимъ, малороссіянина Климова въ неподвижной колодѣ, отчего Климовъ умеръ, признано было государственнымъ совѣтомъ за пытку и 9 февраля послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобъ „подъ предлогомъ удержанія, отдаваемыхъ подъ стражу лицъ, отъ побѣговъ не было изобрѣтаемо и употребляемо иныхъ способовъ наказанія или содержанія, кромѣ опредѣленныхъ законами" **).

Впрочемъ и это повелѣніе не вездѣ принято было къ исполненію.

---

*) 20 марта 1826 года. По этому дѣлу мнѣніе государственнаго совѣта, высочайше утвержденное, помѣщено во 2-мъ Пол. Соб. Зак. № 198.

**) Въ 2-мъ Пол. Соб. № 894.

Даже въ Новоладожскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, въ вотчинѣ графини Лаваль такой стулъ былъ въ употребленіи въ 1830 году.

Такой стулъ съ цѣпью намъ пришлось видѣть еще въ 1860 году, въ селѣ Старошешминскѣ, Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи, въ сборной избѣ государственныхъ крестьянъ.

А. Г. Пупаревъ.

„Разсказъ о бунтѣ Семеновскаго полка“ 1820 г. и три стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева, обозначенныя въ оглавленіи на оберткѣ, будутъ напечатаны въ слѣдующихъ книгахъ „Русской Старины“.

Къ замѣткѣ о родѣ перваго русскаго эмигранта Абраама Веселовскаго.

Ниже на стр. 447 помѣщена замѣтка объ Абраамѣ Веселовскомъ. Приводимъ его родословную весьма обязательно сообщенную намъ однимъ изслѣдователемъ отечественной старины.

„Родословная Абраама Веселовскаго интересна между прочимъ тѣмъ, что изъ нея видно, что жена извѣстнаго англійскаго писателя Диксонъ (Fames Dixon, авторъ весьма замѣчательнаго, недавно напечатаннаго путешествія по Россіи) приходится праправнучкою Веселовскому.

I.

1. Павелъ Веселовскій, женатъ: 1) Марія Никол. Аршеневская. 2) N. N.

III.

Отъ 1-го брака.

2. Абраамъ Павл., р. 1685 † 1782, резидентъ Петра I въ Вѣнѣ съ 1715; въ 1719 отозванъ въ Россію; скрылся въ Швейцаріи, гдѣ женился и умеръ, жен. Маріанна Фабри (Fabri), изъ Женевы.
3. Исаакъ Павл., т. с., кав. св: Ал. Нев. † въ сент. 1754.
4. Ѳеодоръ Павл., т. с., уволенъ 21 сент. 1762.

2-го бр.

. . . . . Павловна, за Дурновымъ.
. . . . . Павловна, за Щепотьевымъ.

III.

Екатерина Абрам., за Филибутомъ Крамеромъ, Женевскимъ гражданиномъ.

Renée Абрам. за англійскимъ пасторомъ Симпкинсономъ (F.

Simpkinson). Ихъ родная внучка, Марія-Луиза Симпкинсонъ, въ замужствѣ за англійскимъ писателемъ Диксономъ (Fames Dixon).

Марія Абрам., за Класономъ.

. . . . Абрам., за Якомъ (Jaek).

Въ семействѣ Симпкинсонъ до сихъ поръ хранятся разныя вещи, принадлежащія Абрааму Павловичу, какъ-то: великолѣпный портретъ (чей?), нѣсколько серебряныхъ вещей, золотая табакерка съ бриллiантами, подаренная Петромъ I—Абр. Павловичу послѣ Полтавской битвы.

Гербъ на печати, которую обыкновенно употреблялъ Абраамъ Весе́ловскій слѣдующій: половина двуглаваго орла, полумѣсяцъ, надъ нимъ звѣзда, внизу цвѣтокъ. Гербъ поддерживаютъ два льва. На лѣвой сторонѣ гербъ Женевской фамиліи Фабри.

ДВѢ ЭПИГРАММЫ, ПРИПИСЫВАЕМЫЯ Д. В. ДАВЫДОВУ.

I.

На князя П. И. Шаликова.

Грузинскій князь, газетчикъ русской,
Героя трусомъ называлъ,
Но оплеушиной съ закуской
Ему герой нашъ отвѣчалъ.
Онъ ѣдетъ къ боевому куру,
Спасаетъ родину князка,
А князикъ держитъ корректуру
Литературнаго листка.

II.

Крючковъ изъ кабачка Совы
Богъ вѣдаетъ куда по стѣнкѣ пробирался;
Шелъ, шелъ и рухнулся; народъ расхохотался!
Чему бы, кажется? Да люди таковы!
Однако нѣкто изъ толпы,
Почтенный человѣкъ помогъ ему подняться
И говоритъ:—«Дружокъ, чтобъ впредь не спотыкаться,
Тебѣ не надо пить!»
— Эхъ братецъ, все не то: не надо мнѣ ходить!

Сообщ. **Л. Н. Майковъ.**

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНСУРЫ.

Приводимъ два стихотворенія 1823 года, замѣчательныя по тѣмъ помаркамъ, которымъ подвергнулъ ихъ печальной памяти цензоръ Александръ Ивановичъ Красовскій. Крайняя ограниченность этого человѣка, стоявшаго весьма долго на стражѣ русской литературы, почти вошла въ свое время въ пословицу. Въ литературныхъ кружкахъ до сихъ поръ ходитъ множество пресмѣшныхъ анекдотовъ изъ долголѣтняго періода цензорской дѣятельности Красовскаго. Впослѣдствіи мы надѣемся привести въ отдѣлѣ „Записной книжки“ „Русской Старины“ кое-что о Красовскомъ, а пока подѣлимся

его замѣтками на два стихотворенія. Оба онѣ имѣются у насъ въ подлинникѣ:

Паденіе листьевъ.

Съ деревъ на поздній злакъ полей
Листы побѣклые опали,
Дубравы безъ тѣней стояли,
Молчалъ пустынный соловей.
Недугомъ и тоской томимый,
Тѣхъ мѣстъ страдалецъ молодой
Въ послѣдній разъ странѣ родимой
Ввѣралъ печальный голосъ свой.
«Простите холмы и долины,
Прости любезная рѣка!
Я слышу вѣсть моей кончины
Въ паденьѣ каждаго листка.
О роковое прорицанье!
Я не забылъ твой страшный гласъ:
«Узришь ты рощей увяданье,
«Но ихъ узришь въ послѣдній разъ.
«Трепещетъ кипарисъ священный!
«Уже надъ головой твоей
«Суровой смерти обреченный
«Склонилъ онъ сѣнь своихъ вѣтвей.
«Твой краткій вѣкъ—былъ сонъ лукавый,
«Увянешь ты во цвѣтѣ дней,
«Скорѣй чѣмъ листъ твоей дубравы,
«Скорѣй чѣмъ злакъ твоихъ полей.»
Сбылось! своимъ дыханьемъ хладнымъ
Болѣзнь подула на меня,
И сномъ неяснымъ, безотраднымъ
Промчалась молодость моя.
Шуми, валися листъ минутный,
Шуми, вались съ родныхъ вѣтвей,
Засыпь, сокрой мой холмъ пріютный
Отъ взоровъ матери моей.
Но если дѣва, мнѣ драгая,
Подъ покрываломъ, въ тишинѣ,
Какъ призракъ изъ-за древъ мелькая
На грустный холмъ придетъ ко мнѣ,
И плакать простодушно будетъ
И робко вымолвитъ: люблю!
Пусть легкій шорохъ твой пробудитъ
Тѣнь умиленную мою.
Сказалъ — и тихо удалился;
На утро — юноша погасъ!
Но холмъ завѣтный, въ тихій часъ
Отъ нѣжной матери не скрылся:
Напрасенъ былъ страдальца гласъ.

И часто зрѣлась тамъ у древа
Мать безутѣшная въ слезахъ,
А съ милой лаской на устахъ
Туда не приходила дѣва.

Марта 9, 1823. Туманскій.

Стихотвореніе это предназначалось Гречемъ для „Сына Отечества". Строки, набранныя разрядкой, цензоръ А. И. Красовскій зачеркнулъ чернилами. Противъ первыхъ зачеркнутыхъ стиховъ Красовскій подписалъ карандашомъ „какая дѣва?" Четвертый и третій стихи съ конца, служащіе окончаніемъ пьесы въ томъ видѣ, какъ она допущена цензурою, Красовскій отмѣтилъ карандашомъ въ большихъ скобкахъ и затѣмъ подписалъ чернилами свою фамилію. Надъ помѣтою автора „марта 9" стоитъ карандашемъ NB и ниже, послѣ такого же знака, Красовскій написалъ:

„9 марта 1823, т. е. въ одинъ изъ первыхъ дней великаго поста, весьма неприлично писать о любви дѣвы, неизвѣстно какой, когда говорятъ о материнской любви и о смерти. При томъ NB „Сынъ Отечества" читаютъ люди степенные и даже духовные."

Гречъ написалъ тутъ-же чернилами карандашныя замѣтки Красовскаго. Въ началѣ полулиста, на которомъ написаны стихи, сдѣлана чернилами помѣта: „Къ 17 кн. С. О."

Ред.

II.

Романсъ съ французскаго.

Въ Провансѣ, подъ прекраснымъ небомъ,
Родяся — рыцарь и пѣвецъ,
Я не богатъ: котомка съ хлѣбомъ,
Цѣвница, вѣрный кладенецъ,
Вотъ весь мой скарбъ неприхотливой!
Но я безъ злата не тужилъ
И, чуждъ заботы хлопотливой,
Счастливымъ трубадуромъ былъ!
Тогда еще любви мученья,
Тоски — безпечный, я не зналъ;
Кипѣлъ отвагой средь сраженья;
Лавръ на турнирахъ пожиналъ;
Вездѣ за пѣсенки гость званый,
Въ награду — уносилъ съ собой:
Привѣтъ хозяина желанный
И вздохъ хозяйки молодой.
Но, ахъ! — дорогой утомленный
Разъ, въ Аквитанѣ, вечеркомъ
Я вижу замокъ возвышенный
И въ дверь стучуся посошкомъ...

Вдругъ дивное въ глазахъ явленье!
Владѣтель сихъ пріютныхъ стѣнъ...
Красавица-обвороженье!
И сердцѣ кинулося въ плѣнъ...
Прости свобода съ той минуты;
Дышу лишь милою мечтой;
Въ крови огонь пылаетъ лютый...
Прости и радость, и покой!
Цѣвница, пѣсни — все забыто!
Отвагу страхомъ я сковалъ
И, жертва страсти неоткрытой,
Несчастнымъ трубадуромъ сталъ!

А. Кистяковъ.

Стихотвореніе это предназначалось Гречемъ для № 11 „Сына Отечества“ 1823 года, какъ видно изъ карандашной помѣты на немъ рукою Греча. Просматривая стихи, цензоръ Красовскій поставилъ карандашемъ NB противъ тѣхъ изъ нихъ, которые напечатаны здѣсь разрядкой и, сверхъ того, написалъ:

„Сіи стихи приличнѣе будетъ напечатать въ № 18-мъ или 19-мъ С. О. Теперь сыны и дщери церкви молятъ Бога, съ земными поклонами, чтобы Онъ далъ имъ духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви (совсѣмъ другой, нежели какова, побѣдившая французаря царя). Надѣюсь, что и почтенный сочинитель прекрасныхъ стиховъ неосудитъ Ц. за совѣтъ, который дается отъ простоты и чистаго усердія къ нему и его читателямъ.“

Надъ помѣтою Греча „къ № 11 С. О.“ Красовскій поставилъ „18 или 19.“ **Ред.**

Проектъ указа Александра I-го объ одеждѣ лицъ духовнаго сословія.

1825.

I.

Дошло до нашего свѣдѣнія, что нѣкоторые причетники церковные въ видѣ и одеждѣ отъ древнихъ обычаевъ нашей церкви, равномѣрно и ученики духовные, предназначенные для служенія алтарю Господню, не соблюдаютъ свойственное имъ смиреніе въ одѣяніи, по духовному званію столь приличное; а жены и дочери священно-церковныхъ служителей, неуступая въ мірскихъ нарядахъ, водворяютъ между собою раззорительную роскошь и непостоянство.

Желая положить преграду дальнѣйшимъ отступленіямъ отъ древнѣйшихъ обычаевъ, повелѣваемъ Святѣйшему Синоду, на основаніи слова Божія и церковныхъ постановленій, составить правила о благоприличномъ духовнымъ лицамъ одѣяніи, которое отличая ихъ отъ

мірскихъ, въ тоже время напоминало имъ приличные ихъ званію и обязанности, и сіи правила представить намъ на утвержденіе.

Тако быть посему Александръ.

31 августа 1825. Каменный островъ.

II.

Приведенный проектъ указа „о благоприличномъ духовнымъ лицамъ одѣяніи“ приписывали вліянію Фотія. Какъ плодъ внушеній этого изувѣра, странное распоряженіе встрѣчено было неудовольствіемъ и, какъ можно полагать, однимъ изъ духовныхъ тогда же было написано слѣдующее сатирическое стихотвореніе:

Бѣда вамъ попадьи, поповичи, поповны,
Попались вы подъ судъ и причетъ весь церковный!
За чтожъ? за чепчики, за блонды, кружева,
За то, что и у васъ завита голова,
За то, что ходите не въ шубахъ, а въ салопахъ,
Не въ длинныхъ сарафанахъ, — въ нынѣшнихъ капотахъ,
За то, что носите, съ мірскими на ряду,
Одежды свѣтскія—себѣ лишь на бѣду;
А ваши дочери отъ барынь не отстали:
Въ корсетахъ стянуты, турецки носятъ шали!
Вы стали ихъ учить искуству танцовать,
Знакомить съ музыкой, французской вздоръ болтать.
Къ чему отличное давать имъ воспитанье?
Внушали-бъ имъ любить свое духовно званье!
Къ чему ихъ возите на балы и пиры?
Учили-бъ ихъ варить кутью, печь просвиры.
Коль правду вамъ сказать—вы матери не правы,
Что глупой модою лишь портите ихъ нравы.
Что пользы?—вотъ онѣ пустились въ шумный міръ,
Глядятъ ужъ болѣе на фракъ или мундиръ,
Не отъ того-ль, что ихъ по модѣ воспитали,
А грамотѣ учить славянской перестали?
Бывало знали-ль вы, что значитъ модной вкусъ?
А нынѣ шьетъ на васъ, иль нѣмецъ, иль французъ.
Бывало въ простотѣ, въ безмолвіи вы жили,
А нынѣ стали знать мазурку и кадрили.—
Ну право тяжкій грѣхъ—оставьте этотъ вздоръ,
Смотрите—вотъ на васъ составленъ ужъ соборъ,
Вотъ скоро Фотій самъ съ васъ нову мѣрку сыметъ,
Нарядитъ въ кофты всѣхъ, а лишнее поскинетъ.
Вотъ скоро... дайте лишь собрать владыкамъ умъ,
Они вамъ выстроютъ уродливой костюмъ:
Задача имъ дана, зарылись всѣ въ архивы,
Въ пыли отцы, въ поту — они трудолюбивы:
Одинъ забрался вдаль, подъ Авраамовъ вѣкъ,

Совѣта требовать отъ бабушекъ Ревекъ;
Другой—перечиталъ обряды Назареевъ,
Прочелъ записки всѣ о древностяхъ евреевъ;
Иной всѣ гречески костюмы перебралъ!
Другой славянскіе уборы отыскалъ...
Собрали образцы... открыли засѣданье:
Какое дать поповнамъ прилично одѣянье,
Какое попадьямъ, какое дѣтямъ ихъ?
Рѣшите же отцы! но споръ одинъ у нихъ:
Столь важное для всѣхъ, столь чрезвычайно дѣло!
Безъ споровъ обойтись отцамъ нельзя никакъ,
Иначе попадутъ въ грѣхъ тяжкій и просакъ!
О чемъ же этотъ споръ?—предметъ его преважный:
Ходить-ли попадьямъ въ матеріи бумажной,
Имѣть-ли шелковы на головахъ платки,
Носить ли на ногахъ козловы башмаки?
Чтобъ роскошь прекратить столь чуждую ихъ лицамъ
Нельзя ли обратить ихъ къ древнимъ къ славяницамъ?
А чтобъ не тратились по лавкамъ, но швеямъ,
Не дать ли имъ покрой пустыни сродной намъ?
Нѣтъ нужды, что онѣ въ нихъ будутъ какъ шутихи.
За то узнаетъ всякъ, что это не купчихи,
Не модны барыни, а лишь церковна тѣнь.
Бѣда вамъ, матушки! дождались перемѣнъ!
Но успокойтесь, страхъ великъ лишь издали бываетъ.
Вотъ Шаликовъ своей улыбкой ободряетъ:
«Молчите, говоритъ, я самъ войду въ Синодъ,
Представлю свой журналъ и вѣрно въ новый годъ
Какъ кроить на васъ уборъ святымъ отцамъ,
Не быть портными имъ, коль мысли я не дамъ» *).

Сообщ. **А. Н. Неустроевъ.**

Донская конная артиллерія.

Мы скучали въ карантинѣ, возвращаясь въ 1829 году изъ турецкаго похода, не то на Прутъ, не то на Днѣстръ и потѣшались, отъ нечего дѣлать, ученьемъ донской конной артиллеріи подъ начальствомъ Кирпичева. Ученье это, въ самой вещи, было дѣломъ потѣшнымъ. Начиналось всегда тѣмъ, что дикіе, застоявшіеся кони кое-какъ еще сносно выѣзжали на позицію и строились; но затѣмъ, едва выждавъ первую команду, прядя ушами, несли врозь, во всѣ стороны: мчались

*) Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (1768—1852) извѣстный своими крайне сентиментальными литературными произведеніями, въ которыхъ онъ подражаніе Карамзину довелъ до уродства. Съ 1823 по 1833 г. Шаликовъ издавалъ «Дамскій журналъ», послужившій въ свое время предметомъ многихъ шутокъ и остротъ надъ его издателемъ. **Ред.**

неудержно пушки шестерней, зарядные ящики тройками, мчались по широкому полю на кругахъ, во весь духъ, и только уходившись и упарившись порядкомъ, исподволь смирялись и наконецъ снова выстраивались. Стукъ и грохотъ заглушалъ все, командныхъ словъ не было слышно, да и никто не былъ въ силахъ исполнять ихъ. По окончаніи этого вступленія, все приходило въ порядокъ, снова раздавалась команда „смирно“ и начиналось ученье.

Сидя ночью за костромъ, мы шутили надъ этимъ, когда подошелъ къ огню и самъ Кирпичевъ. „Да, господа, смѣйтесь“, сказалъ онъ, „а съ этими людьми и лошадьми не пропадешь, только надо быть о двухъ головахъ. Въ прошломъ 1828-мъ году, государь императоръ отправился изъ арміи на два перехода, выславъ впередъ на привалъ дивизіонъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка и пол-роты нашей конной артиллеріи, тогда какъ въ конвой съ его величествомъ пошелъ другой дивизіонъ того же полка и другая половина моей конной роты. Выступили на зарѣ при тихой, прекрасной погодѣ. Государь былъ веселъ; кромѣ штаба и полковаго командира, я также присоединился къ конвою. Мѣсто было безопасное; государь приказалъ вызвать пѣсенниковъ, сперва конныхъ егерей, а потомъ, на смѣну имъ, казаковъ. Прошли уже половину перехода; тогда государь сказалъ:

— „Тутъ кажется дойдемъ и безъ конвоя, до привала должно быть не далеко“, и, оборотясь, сказалъ „спасибо“, и конныхъ егерямъ и намъ, и приказалъ отпустить конвой.

Услыша за собою топотъ, государь оглянулся, и, увидавъ меня, спросилъ: „Куда-жъ вы?“

Я отвѣчалъ, что моя полурота впереди, на привалѣ, и потому прошу его величество дозволить мнѣ остаться.

Прошло нѣсколько минутъ или болѣе, какъ вдругъ впереди послышался выстрѣлъ. Государь остановился и, оборотясь, глядѣлъ на насъ. Изъ авангарда прискакалъ фланкеръ, подтвердивши, что впереди былъ слышенъ выстрѣлъ. Государь, простоявъ молча нѣсколько секундъ въ нерѣшимости, сказалъ: „Воротить конвой“.

Полковой командиръ пустился во всѣ лопатки! Обратясь ко мнѣ, государь прибавилъ: „Кирпичевъ, приведи мнѣ свою полуроту!“ Подъ полковникомъ былъ конь лихой, но манежный, не нашъ степной; я чухнулъ, обскакалъ товарища и догнавъ полкъ, пролетая мимо, закричалъ дивизіонному: „Воротитесь, государь въ опасности!“ А настигнувъ артиллерію, которая шла напереди, гаркнулъ безъ команды во весь голосъ: „Ребята! государь въ опасности! На лѣво кругомъ, маршъ-маршъ! подхватывай на лямки!“

Вотъ и загрохотали мои пушки и ящики, ровно здѣсь на ученьи,

въ чистомъ полѣ, а казаки, подскакивая подъ орудія, захлестывали лямки и неслись во весь духъ. Такъ мы обогнали конныхъ егерей безъ оглядки, по сказочному: сталъ передо мной, какъ листъ передъ травой! И полурота моя неудержно пронеслась мимо царя, насилу справившись, чтобы остановиться. Я подскакалъ къ государю, онъ вынулъ часы и взглянувъ на меня, сказалъ: „Молодцы!“ Потомъ подъѣхалъ къ полуротѣ, сказалъ спасибо, выслушалъ: „рады стараться“, и увидавъ пыль изъ-подъ конныхъ егерей, опять вынулъ часы, выждалъ приближеніе дивизіона и сказалъ мнѣ: „Кирпичевъ, ты на́ семь минутъ опередилъ конныхъ егерей!“

Тревога оказалась пустою, но наши дикіе кони, какъ видите, свое сдѣлали!“

В. И. Даль.

Замѣтка объ Авраамѣ Веселовскомъ, уроженцѣ московскомъ, прародителѣ семейства Крамеръ, въ Женевѣ *).

Помѣщаемая ниже замѣтка написана гражданиномъ города Женевы г. Крамеромъ, потомкомъ, по женской линіи, одного изъ первыхъ по времени русскихъ эмигрантовъ Авраама Павловича Веселовскаго, и сообщена намъ С. Д. Безобразовымъ. Г. Крамеръ ошибочно именуетъ своего прадѣда Веселовскаго — Веселовымъ. **Ред.**

Бабка моя, Екатерина Веселова, жена Филиберта Крамеръ, была благороднаго происхожденія, дочь московскаго дворянина. Исторія этого дворянина слѣдующая:

Однажды Петръ Великій увидѣлъ у вице-канцлера, барона Шафирова, внука сего (?) послѣдняго, Авраама Веселова, которому въ то

---

*) Подлинникъ замѣтки г-на Крамера о А. П. Веселовскомъ:

«Notice abrégée sur Abraham Wesselow de Moscou Aïeul de la famille Cramer à Génève. Ma grand'mère Catherine Wesselow, femme de Philibert Cramer, était d'une naissance relevée, fille d'un noble Russe de Moscou dont voici l'histoire: Pierre le Grand ayant vu chez le Baron Schaffirew, vice-chancelier d'Etat, son petit fils Abraham Wesselow, alors agé de quinze ans; ce jeune homme lui plût et il se chargea de sa fortune. Il l'employa d'abord comme sécrétaire privé et lui témoignait la plus grande confiance. Il s'en servit aussi comme aide-de camp; notamment à la bataille de Pultawa, où il se conduisit d'une manière brillante et il fut choisi par le Czar pour en porter la nouvelle au Roi de Danemarck. Abraham Wesselow fut ensuite employé comme plénipotentiaire du Czar auprès de l'Empereur d'Allemagne à Vienne Charles VI, et la manière distinguée dont il remplit cette mission est consignée dans une attestation au Czar en langue latine de la propre main de ce monarque, dont la famille Cramer est en possession. Mais Abraham Wesselow fut enveloppé dans la disgrace du czarévitsch Alexis, qui conspira contre son Père, dit l'histoire, ou qui plutôt inspira des inquiétudes à l'ombrageux Czar. Forcé de quitter précipitamment la Russie Wesselow se

время было пятнадцать лѣтъ. Государю понравился молодой человѣкъ, и онъ далъ слово обезпечить его будущность. Авраамъ Веселовъ началъ свое поприще въ качествѣ частнаго секретаря при царѣ, который ему оказывалъ большое довѣріе. Царь возлагалъ на него и должность адъютанта при полтавской битвѣ, гдѣ онъ отличился, почему былъ избранъ царемъ для сообщенія датскому королю (Фридриху IV) извѣстія о побѣдѣ.

Впослѣдствіи (1715 г.) Авраамъ Веселовъ былъ резидентомъ царя въ Вѣнѣ при императорѣ германскомъ Карлѣ VI. Онъ отлично исполнилъ порученіе царя, о чемъ свидѣтельствуетъ грамота, написанная для царя самимъ монархомъ по-латыни. Грамота эта и понынѣ хранится въ семействѣ Крамера. Въ дѣлѣ царевича Алексѣя, Авраамъ Веселовъ заслужилъ гнѣвъ царя. Царевичъ Алексѣй, какъ говоритъ исторія, былъ въ заговорѣ противъ царя, или, что вѣроятнѣе, внушалъ недовѣріе мрачному характеру отца. Принужденный внезапно выѣхать изъ Россіи, Авраамъ Веселовъ отправился къ своему брату Ѳедору, который былъ въ то время посланникомъ въ Англіи *). Изъ Англіи онъ поѣхалъ въ Женеву, гдѣ онъ, нѣсколько лѣтъ спустя, когда

rendit en Angleterre auprès de son frère Frédéric, qui y résidait comme ambassadeur du Czar. Il se retira ensuite à Génève où il épousa plusieurs années après Marianne Fabri à l'âge de passé 60 ans, fille du 1-er Syndic et de la plus ancienne famille connue de cette ville, qui comptait parmi ses ancêtres Adhémar Fabri Evêque Souverain de Génève dans le XII siècle, auteur des franchises auxquelles elle a du plus tard son indépendance entière. De ce mariage sont nées quatre filles, dont l'ainée Catherine Wesselow mariée à Philibert Cramer, conseiller d'Etat de la République de Génève a été ma grand' mère. Ses 3 autres soeurs se sont mariées et établies en Angleterre avec des gentlemens, Clason, Simpkinson et Jäck et où elles ont eu des descendans. Abraham Wesselow est parvenu à l'âge de 97 ans et est mort à Génève en 1780 environ; ses facultés étaient baissés vers la fin de sa vie. L'ainé de mes frères a conservé son portrait avec quelques papiers de famille. Mon bisaïeul avait deux frères, Frédéric qui fut ambassadeur en Angleterre et à son retour en Russie, directeur Supérieur du Corps de cadets, chevalier de St. Alexandre Newsky, et Isaak Wesselow qui est mort, Introducteur des ambassadeurs sous l'Impératrice Elisabeth. Il eut aussi deux soeurs d'un second mariage de son Père, l'une fut mariée à M-r Dournoff, et l'autre à M-r Chapotieff. Il est né à Moscou. Nous croyons qu'il n'existe plus à présent de descendans mâles de la famille Wesselow, mais ses services et ses titres n'ont pas été oubliés en Russie, car dans le commencement de ce siècle le chargé d'affaires de Russie en Suisse fit demander à ma grand'mère Cramer une copie du portrait de son Père pour l'envoyer à St. Pétersbourg et l'Empereur Alexandre 1-er lui accorda en 1803, sur la cassette Impériale une pension de cent ducats de Hollande, dont elle a joui jusqu'à sa mort en 1813.

*) Веселовскій скрылся не изъ Россіи, а изъ Берлина — 13 апрѣля 1719 г. Въ Берлинѣ Авраамъ Павловичъ получилъ повелѣніе царя—чрезъ Петра Андреевича Толстаго—отѣхать въ Россію. Устрашенный гибелью многихъ вельможъ

ему было болѣе 60-ти лѣтъ, женился на Маріаннѣ Фабри, дочери 1-го синдика, потомка древняго рода, считавшаго въ числѣ предковъ Адгемора Фабри, главнаго женевскаго епископа XII вѣка, творца тѣхъ установленій, которымъ Женева обязана своею независимостью.

Отъ брака Авраама Веселова родились четыре дочери; старшая изъ нихъ, Екатерина, моя бабка, была замужемъ за Филибертомъ Крамеромъ, государственнымъ совѣтникомъ женевской республики. Другія три сестры вышли замужъ и поселились въ Англіи, гдѣ имѣли потомство. Мужья ихъ были джентльмены: Класонъ, Симкинсонъ, Джекъ. Авраамъ Веселовъ дожилъ до 97-ти лѣтъ, и скончался въ Женевѣ въ 1780 году. Къ концу жизни способности его притупились.

Старшій изъ моихъ братьевъ сохраняетъ портретъ Авраама Петровича съ нѣкоторыми семейными документами. Мой прадѣдъ имѣлъ двухъ братьевъ—Ѳедора, который былъ посланникомъ въ Англіи, а по возвращеніи въ Россію занималъ мѣсто главнаго директора кадетскихъ корпусовъ, и былъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго,—и Исаака, который состоялъ гофмейстеромъ при императрицѣ Елисаветѣ.

У него были двѣ сестры отъ второго брака отца. Одна изъ нихъ была замужемъ за Дурновымъ, другая за Щепотьевымъ. Авраамъ Павловичъ родился въ Москвѣ.

Мы полагаемъ, что въ настоящее время нѣтъ потомства мужского изъ семейства Веселовыхъ, но заслуги его не забыты въ Россіи, ибо, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, русскій уполномоченный въ Швейцаріи присылалъ просить у моей бабки копію съ портрета ея отца для того, чтобы отослать въ Петербургъ, а императоръ Александръ I назначилъ ей, въ 1803 году, пенсію изъ императорскихъ суммъ въ сто голландскихъ дукатовъ; она пользовалась ею до смерти, послѣдовавшей въ 1813 году.

Сообщ. С. Д. Безобразовъ.

О составленіи общаго библіографическаго указателя русской повременной литературы.

Въ нашей литературѣ и въ той части нашего общества, которое серьезно занимается науками, слышатся, по временамъ, голоса о необходимости такого библіографическаго труда, который заключалъ бы въ себѣ указанія статей всей русской повременной литературы, на-

---

въ дѣло царевича Алексѣя не поѣхалъ на родину, а скрылся за границей. Петръ I сильно желалъ добыть бѣглеца и отправивъ въ 1720 г. Ягужинскаго, за границу, повелѣлъ не жалѣть денегъ, чтобы только привезти въ Россію Веселовскаго. Его скрылъ ландграфъ Гессенъ-Кассельскій Карлъ Леоп. Ред.

чиная отъ появленія у насъ первой газеты и журнала. Потребность такого труда даетъ себя чувствовать съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе. Всякая серьезная работа требуетъ много подготовительныхъ занятій, справокъ, отысканій статей и т. п., на что уходитъ не мало времени у почтенныхъ тружениковъ науки. Часто эти справки и отысканія статей, кромѣ потери драгоцѣннаго времени, въ результатѣ не даютъ ничего. Съ цѣлью, насколько то возможно, пособить горю, съ начала прошедшаго (1870 года) я предпринялъ составленіе подробнаго библіографическаго указателя всей массы чисто научныхъ и литературныхъ статей, заключающихся въ нашей повременной литературѣ съ самаго начала ея зарожденія въ Россіи.

На первый разъ я составляю свой указатель въ строго азбучномъ порядкѣ, съ ссылками на авторовъ и на предметы, встрѣчающіеся какъ въ заглавіяхъ статей, такъ и въ краткихъ выпискахъ содержанія, дѣлаемыхъ мною при нѣкоторыхъ статьяхъ. Такимъ образомъ, по моему указателю, и въ настоящее время, всякая справка можетъ быть сдѣлана въ самое короткое время.

Громадный трудъ этотъ, въ который войдетъ, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько десятковъ тысячъ заглавій, надѣюсь окончить я въ теченіи 10-ти лѣтъ. Кромѣ журналовъ и газетъ будутъ библіографизированы, если позволено такъ выразиться, всѣ губернскія вѣдомости, сборники, памятныя книжки, альманахи, и т. п.

Указатель свой я думаю довести до 1855 года, т.-е., до того времени, съ котораго сначала П. П. и Б. П. Ламбины, а потомъ я, начали составлять подробные указатели всѣхъ журнальныхъ статей. Въ настоящее время у меня уже библіографизированы около 75 журналовъ начала восьмисотыхъ годовъ и всѣ изданія Общества исторіи и древностей россійскихъ.

Единственному исключенію изъ предпринятаго мною труда подвергнутся стихотворенія, мелкія повѣсти и разсказы. Количество ихъ такъ велико, что онѣ удвоили бы, безъ всякой пользы для науки и литературы, и число лѣтъ нотребныхъ для составленія указателя, и объемъ самаго изданія, еслибъ мнѣ пришлось когда-либо приступить къ его печатанію. Я сказалъ: безъ всякой пользы для науки и литературы, имѣя въ виду то обстоятельство, что лучшіе наши поэты и даже второстепенные уже имѣютъ полныя собранія своихъ сочиненій. Впрочемъ изъ числа произведеній нашей поэзіи я сдѣлалъ исключенія въ пользу стихотвореній, переведенныхъ изъ иностранныхъ языковъ, принадлежащихъ лучшимъ поэтамъ, какъ древняго міра (классиковъ), такъ и новаго. Также, само собой разумѣется, не будутъ помѣщены мелкія статейки, помѣщаемыя обыкновенно въ от-

дѣлѣ „смѣсь“ если только онѣ не будутъ заключать въ себѣ чего-либо интереснаго для науки и литературы.

Цѣль настоящаго заявленія заключается въ томъ, чтобы обратить вниманіе людей науки и библіографовъ на этотъ трудъ и испросить у ихъ опытности, знаній и ума, совѣтовъ, какъ бы лучше, толковѣе и обстоятельнѣе привести къ концу свой многолѣтній трудъ. Чему отдать преимущество: строго-научной системѣ, или общему азбучному указателю? На что болѣе обращать вниманіе при выпискѣ статей? Не сдѣлать-ли какого-либо другого исключенія въ пользу стихотвореній, а также и мелкихъ статей? какія ввести въ заглавія сокращенія, съ цѣлью уменьшить издержки при изданіи труда? и т. п.

Въ настоящее время всѣхъ вопросовъ не переберешь, а между тѣмъ разрѣшеніе ихъ теперь весьма важно, ибо, накопляясь мало по малу и не будучи въ свое время разрѣшены, они въ результатѣ дадутъ такую большую работу, которой хватитъ на долгое время. Кромѣ того, заявляя о своемъ новомъ библіографическомъ трудѣ, я имѣлъ въ виду заранѣе найти на него издателя. Время на составленіе указателя въ такомъ случаѣ значительно сократилось бы.

Вслѣдствіе этого, я обращаюсь ко всѣмъ, кого только можетъ интересовать настоящее мое заявленіе, съ просьбою неоставить меня своими совѣтами и замѣчаніями, которыя я приму съ чувствомъ живѣйшей признательности.

Было бы весьма полезно для дѣла, еслибъ настоящее мое заявленіе было перепечатано другими періодическими изданіями.

В. И. Межовъ.

ПѢВЕЦЪ БЫЛИНЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Съѣздивши нынѣшнимъ лѣтомъ въ „подсиверную сторону,“ въ Олонецкую и Вологодскую губерніи, чтобы послушать нашихъ народныхъ рапсодовъ, я тамъ только, совершенно случайно, узналъ, что этихъ рапсодовъ можно находить и гораздо ближе, почти подъ самымъ Петербургомъ. Въ отдаленномъ Вельскѣ одинъ изъ служащихъ тамъ чиновниковъ сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ былины въ Гдовскомъ уѣздѣ здѣшней губерніи. И дѣйствительно, поиски, въ эту сторону направленные, весьма скоро навели на слѣдъ народнаго рапсода если не въ Гдовскомъ, то въ еще болѣе близкомъ къ столицѣ Новоладожскомъ уѣздѣ. Это оказался старикъ-крестьянинъ (изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ) Усанской волости, деревни Конецъ, Иванъ Яковлевичъ Гусевъ, который, по приглашенію

своего сына, живущаго здѣсь въ разнощикахъ, весьма охотно пріѣхалъ ко мнѣ въ гости. Деревня, въ которой у него свой домъ, находится въ 30 верстахъ отъ Ладоги, въ 15 верстахъ отъ Ладожскаго канала. Я увидѣлъ передъ собою старика на видъ еще довольно бодраго, хотя нѣсколько сгорбленнаго, небольшого роста, худого, съ густыми сѣдыми волосами и бородой, съ орлинымъ носомъ и маленькими голубыми глазами. Онъ сказалъ мнѣ, что ему „девяносто лѣтъ безъ двухъ годовъ." Отецъ его умеръ, когда ему было только 12 лѣтъ, но онъ помнитъ, что отецъ пѣвалъ старины и онъ отъ него научился имъ. Я подумалъ, не переселенецъ ли онъ изъ какой-нибудь болѣе поэтической мѣстности, чѣмъ Петербургская губернія; но нѣтъ, старикъ увѣрялъ, что и отецъ и дѣдъ жили въ той же деревнѣ, гдѣ онъ. Впрочемъ, странствующая жизнь помогла Ивану Яковлеву обогатить свою память былинами, къ пѣнью которыхъ онъ, судя по его словамъ, наслѣдовалъ склонность отъ родителя. Выучившись коновальному дѣлу, онъ, 70 лѣтъ тому назадъ, пошелъ въ Сибирь, гдѣ обилье лошадей у крестьянъ обѣщало ему хорошіе заработки. Онъ помнитъ, что въ то время четверикъ овса стоилъ въ Сибири семь коп. ассигнаціями. Вернувшись изъ Сибири и побывавъ дома, онъ отправился въ Вологду, побывалъ въ Соловкахъ, ходилъ потомъ на Волгу и въ Оренбургъ, былъ и въ другой разъ въ Сибири. Потомъ промышлялъ болѣе въ окрестностяхъ Петербурга и наконецъ, въ послѣдніе годы сталъ жить постоянно дома.

Къ сожалѣнію, слишкомъ преклонная старость Ивана Яковлева ослабила его память. Голосъ отказывается служить ему, такъ что онъ уже нѣсколько лѣтъ пересталъ пѣть былины; онъ перезабылъ большую часть того, что зналъ, съ трудомъ могъ пропѣть нѣкоторые отрывки, безпрестанно сбивался съ пѣсеннаго склада въ простую передачу содержанія былины. По его словамъ, онъ въ прежніе годы пѣвалъ много про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Чурилу Пленковича, про какого-то Мирошку-богатыря, который побѣдилъ Бабу-Ягу, про Анику воина и т. д. Теперь удалось, и то съ трудомъ, записать съ его голоса четыре отрывка, здѣсь помѣщаемые.

Было бы желательно, чтобы люди, которыхъ интересуетъ русская народная поэзія и старина, обратили вниманіе на этотъ случай. Если бы, лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ, кто-нибудь догадался поискать остатковъ русской эпической поэзіи въ Петербургской губерніи, то знакомство съ Иваномъ Яковлевичемъ Гусевымъ было бы находкою. Отрывки, какіе и теперь спѣлъ 88-тилѣтній старецъ, показываютъ, что былины, которыя онъ зналъ, были хороши, а одинъ изъ этихъ отрывковъ, гдѣ выводится какой-то богатырь Ярюкъ, по-

бивающій Алешу Поповича, свидѣтельствуетъ, что отъ него можно бы было услышать и нѣчто совершенно новое.

14 сентября 1871 г. А. Гильфердингъ.

I.

Алеша Поповичъ и Ярюкъ богатырь.

(отрывокъ).

Говорилъ Алёша Поповичевъ:
«Молодой Ярюкъ сынъ Ивановичъ,
«Отсѣку тебѣ да буйну голову,
«Твою молоду жену да себѣ замужъ возьму».
Говорилъ молодой Ярюкъ да сынъ Ивановичъ:
«Не хвались, Алёша Поповичевъ,
«Отъ двора ли идучи,
«Похвались, Алёша Поповичевъ,
«Ко двору пріѣзжаючи».
Разъѣзжались добры молодцы на три поприща,
Ударились саблямъ вострыимъ;
Молодой Ярюкъ ударилъ Алёшу Поповича,
Какъ убилъ Алёшу Поповича.
То-то Алёша на моей женѣ женатъ бывалъ!

II.

Илья Муромецъ и царище Кудріянище.

(отрывокъ).

Какъ ѣхалъ-то дороденъ добрый молодецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Копали окопы глыбокіи,
А гдѣ поймать дородня добра молодца.
Первыи окопи десять саженъ печатныихъ,
А другіи окопы двадцать саженъ печатныихъ,
Третьи окопы тридцать саженъ печатныихъ,
Четверты окопы сорокъ саженъ печатныихъ.
Съ десяти саженъ печатныихъ повыскочилъ,
Съ двадцати саженъ повыскочилъ,
Съ тридцати саженъ онъ повыскочилъ,
Съ сорока саженъ не могъ выскочить,
И хотя зарыть дородня добра молодца
Въ томъ окопѣ глубокоёмъ.
Говоритъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы поганыи татаревя!
«Не честь хвала ваша великая,
«Что зарыть дородня добра молодца,
«А то честь хвала великая,
«Свяжите мнѣ бѣлы рученьки,
«Скуйте мнѣ скоры ноженки

«А ведите къ царищу Кудріянищу».
Привели его къ поганому татарищу.
Какъ зачалъ татаринъ его спрашивать:
— Станешь ли мнѣ служить вѣрой правдою?
«Не сладилось у мня сабли вострыи,
«Не сладилось у мня палочки боёвыи,
«Послужилъ бы тебѣ вѣрой правдою,
«Сейчасъ отсикъ бы буйну голову!»
Тутъ татарище разсе́рдился
На дородня добра молодца:
— Ай вы поганы татаревя!
— Ведите вы дородня добра молодца
— На то на болото кули́ково,
— Ко той ко плашкѣ ко липовой
— Отсеките ему да буйну голову!
Повели дородня добра молодца
Къ тому болотцу куликову,
Ко той ко плашкѣ ко липовой
Отсѣчь ему буйну голову.
Выѣзжаютъ поганыи татаревя,
Выѣзжаютъ да на чисто́ поле.
Говорилъ дородній добрый молодецъ:
«Ай же вы поганыи татаревя,
«У котораго есть отецъ да мать?
«У котораго есть да молода жена?
«У котораго есть да малы дѣтушки?»
Отступились отъ дородня добра молодца.
Не сладилось палицы боёвыи,
Не сладилось сабли острыи,
Ухватилъ одного татарина за ноги.
«Исполать ти поганое татарище!
«Вдоль погибаешьси, а самъ не ломишьси!»
Перебилъ поганыихъ татаревей всихъ дочиста,
Не оставилъ на симена.
Только одному отсѣкъ да буйну голову,
Потбрнулъ эту голову на рога́тыню
И несетъ къ идолищу поганому.
Увидалъ идолище поганое,
Увидалъ въ косивчато окошечко,
Такъ испугался поганое татарище:
— Ай же ты дороденъ добрый молодецъ,
— Оставь ты меня во живности,
— Вотъ ти государство здись.
«Не надо твоего государства мнѣ,
«Выходи-ко ты на улицу,
«Я теперь съ тобой да попытаюси».
Не выхо́ди поганое татарище.
Ухватилъ дороденъ добрый молодецъ
Въ томъ въ косивчатомъ окошечкѣ,

Бралъ его да за желты́ кудри,
Вытащилъ его да во чисто́ поле,
Розсѣкъ его да на мелки́ части,
Роскидалъ его онъ по чисту полю
Ворона́мъ да на съѣденьице,
Дорожнымъ на́ поршни *).

III.

Василій Богуславевичъ.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Завелъ пиръ про князей про бояръ,
Про сильныхъ могучіихъ бога́тырей,
Про всю поляницу удалую.
Тутъ на пиру да напивалисе,
Тутъ на пиру да наѣдалисе,
Тутъ на пиру да порасхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей вострою,
Еще кто-то хвалится палицей боёвою,
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой.
Какъ возго́ворилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Еще кто-то изъ васъ идетъ на мою силу на войскую»?
Какъ тутъ князья бояре,
Сильніи могучіи богатыри
Еще большей за ме́ньшово хоронится,
А меньшей за бо́льшово хоронится,
А середней-то не знае отвиту дать.
Какъ зъ-за тѣхъ столовъ да зъ-за дубовыихъ
Становился тутъ дороденъ добрый молодецъ
Василій Богуславевичъ,
Ему отъ роду семнадцать лѣтъ.
— Ужъ какъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Ужъ какъ я иду на всю силу на войскую,
— Только прикажите мнѣ со пиру со кумпаньицы
— Себѣ выбрать двухъ товарищей.
Говорилъ Василій Богуславевичъ:
— Еще кто со пиру да со кумпаньицы
— А ко мни во товарищи?
Какъ выскакивалъ Поташенька сутулъ-горбатъ,
На одну ноженку припадывалъ.
— Еще кто второй да во товарищи?
Еще выскакивалъ Васька Бѣлозе́рянинъ:
«Какъ Василью Богуславевичу
«Я иду да во товарищи».

*) Т.-е. что дорожные могли сдѣлать себѣ обувь изъ его кожи. А. Г.

— Ступайте же ко мни въ полаты бѣлокаменны,
— Ступайте же къ моей матушки
— Къ Мамельфы Тимофеевны,
— Садитесь за столы дубовыи,
— За скатерти за браныи,
— За ѣствы за сахарныи,
— А за питья за медвяныи.
Тутъ Василій Богуслаевичъ
Съ грознымъ царёмъ Иваномъ Васильевичемъ
Сдѣлали они заговоръ *) великій,
Ужъ какъ записи они записывали,
Ужъ какъ заклики закликивали:
Ежели побьетъ да силу войскую,
Чтобы владѣть да всимъ Новы́мъ-градомъ;
Ежели побьеть да сила войская,
Такъ нѣтъ ни сыску ни отыску.
Какъ пошелъ Василій Богуслаевичъ къ своей матушкѣ,
Садился за столы за дубовыи,
За скатерти за браныи,
А за ѣствы за сахарныи,
А за питья за медвяныи,
Сидитъ буйну голову повѣсивши,
Очи ясны въ зень потупивши.
Говоритъ его матушка:
«Что сидишь, мило мое дитятко,
«Что сидишь буйну голову повѣсивши,
«Очи ясны въ зень потупивши?
«Аль тебя обезчестилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
«Чарой зелена вина?»
— Не обезчестилъ меня грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Чарой зелена вина,
— А только я похвалился итти на силу войскую.
— Ежели побью силу войскую,
— Дакъ чтобъ мнѣ владѣть да всимъ Новы́мъ-градомъ;
— Если побьетъ сила войская,
— Такъ нѣтъ ни сыску ни отыску.
Его матушка ро́дная
Напоила напиткамъ пьянымъ,
Двѣнадцати дверямъ затворила,
Двѣнадцати замкамъ замнула все личиннымъ.
Какъ спитъ ёнъ не про́снется,
Народу къ нему на дворъ вало́мъ-вали'
А палокъ къ нему на дворъ возамъ везу'.
Дакъ выскакивалъ Поташенька суту́лъ-горбатъ,
На одну ноженку припадывалъ,
То сразу семьсотъ убилъ.
Дакъ народу не убавляется,

*) Т.-е. условіе.

А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу'.
Какъ выскакивалъ Васька Бѣлозёрянинъ,
А то сразу восемьсотъ убилъ.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу'.
Выходила дивка служаночка,
Брала коромыселёкъ желизненькой,
Ведёрочка дубовыи,
Видитъ что его товарищамъ
Головушки да переломаны,
А платочикамъ да перевязаны.
Какъ брала коромыселёкъ,
Стала коромысельком помахивать.
Куды махнетъ — туды улица,
А розмахнетъ — переулочекъ.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу'.
Какъ тутъ дивка уполóхалась,
Бросилась да на широкій дворъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
«Что же ты, Василій Богуслаевичъ,
«Что ты спишь не прóснешься,
«А твоимъ товарищамъ
«Головушки да переломаны,
«Платочикамъ да перевязаны»!
Какъ услыхалъ Василій Богуслаевичъ
Голосъ да богатырскіи,
Безъ людей двери отворялисе,
Безъ ключей замки да отмыкалисе.
Какъ выскакивалъ Василій Богуслаевичъ,
Какъ выскакивалъ да на широкой дворъ,—
Не сладилось палочки боёвыи,
Не сладилось да сабли острыи,
Ухватилъ да ось телѣжную,
Телѣжную да желизную.
Да куды размахнетъ, лежитъ сила войская.
Народу то убавляется,
Не оставляе' народу на симена.
Ево дядюшка родныи
Жилъ въ намастырй во Юрьевѣ,
И пришолъ ево да уговаривать:
«Ой же ты племянничекъ,
«Не оставляешь себѣ народу на симена.
«Я тебя досюль на борьбы побаривалъ,
«Я тебя на кулачки поколачивалъ.
— Это дѣло было, дядюшка, да за робячества,

— Это тебѣ спущается, что ты дядюшка родныи.
Да ужъ какъ сталъ Василій Богуслаевичъ
Владѣть да всимъ Новы́мъ-градомъ.

IV.

Взятіе Азова.

Какъ у насъ-то было, братцы, на святой Руси,
Во той-ли во полаты государевой
Почестенъ пиръ идётъ на вечери,
Бесѣдушка идётъ на весели.
Тутъ на пиру да напивалисе,
Тутъ на пиру да наѣдалисе,
Тутъ на пиру да поросхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей острою,
Еще кто-то хвалится да палицей боёвою,
Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой,
Еще кто-то хвалится да платьемъ цвѣтнымъ.
Какъ зго́ворилъ тутъ надёжа благовѣрный царь
А царь Петръ и Алексіевичъ:
«Ой же вы князья бо́яре,
«Сильніи могучіи бога́тыри!
«Еще кто-то изъ васъ съѣздитъ ко славному Азову,
«Ко славному Азову крипку городу?
«Еще я того буду много жаловать».
Ужъ какъ бо́льшей за меньшово хоронится,
А ме́ньшей за бо́льшово хоронится,
А середней не знае' отвиту дать.
Какъ зъ-за тѣхъ столовъ да сыродубыихъ
Становился собака воръ донской казакъ:
— Ужъ какъ съѣзжу съ сплушкой подъ тотъ Азовъ,
— Подъ тотъ Азовъ ли подъ славно́й городъ:
— Сострой мнѣ телѣжекъ двоеколыихъ,
— Телѣжекъ двоеколыхъ сорокъ тысячей,
— И обивай телѣжки суконцемъ багрецовымъ,
— Сажай въ кажную телѣжку живой товаръ,
— По семи человѣкъ, по во́сьмому провожатому,
— По девятому да сторожатому,
— По десятому да по извощику.
Отправляется тутъ собака воръ донской казакъ
Ко славному Азову крипку городу,
А быдто ѣдетъ купчинушка заморская
Торговать онъ атласомъ и бархатомъ.
Стрѣчаютъ гости азовскіе,
А всѣ мужики да деревенскіе,
Что ѣдетъ къ намъ съ товаромъ атласомъ и бархатомъ.

Говоритъ собака воръ донской казакъ:
— Ай же вы гости азовскіе,
— А всѣ мужики да деревенскіе,
— Отведите-ко мнѣ мѣстечко порожнее.
Отводили мѣстечко порожнее,
Посерёдъ Азова крипка города
Торговать атласомъ и бархатомъ.
Какъ пришла тутъ тёмна ночь,
Какъ сталъ собака воръ донской казакъ.
Сталъ по обозику похаживать,
Сталъ ребятушекъ побуживать:
— Вамъ полно спать, пора́ вставать
— Берите-тко оружейка булатніи,
— Палите по Азову крипку городу.
Какъ стали ребятушки поступывать,
Какъ стали ребятушки погримывать,
Не оставляютъ народу на сѝмена.
Ужъ за это надёжа благовѣрный царь
А много каза́ченка да жаловалъ.

(Записано въ Петербургѣ 12 и 13 сентября 1871 г.).

Сообщ. А. Ѳ. Гильфердингъ.

1-го сего октября, 1871 года, исполнился столѣтній юбилей дня рожденія графа Михаила Андреевича Милорадовича, какъ о томъ было сообщено въ „Русской Старинѣ“, т. IV, стр. 794 и т. V, стр. 96.

Полковникъ Григорій Александровичъ Милорадовичъ, старшій въ фамиліи Милорадовичъ, напоминая объ этомъ всѣмъ представителямъ военнаго сословія, которые дорожатъ преданіями славной нашей арміи, долгомъ считаетъ сообщить, что предназначавшаяся въ этотъ день соборная панихида, въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ покоятся останки героя,—будетъ отслужена, 14 декабря 1871 года, въ день смерти графа Милорадовича, о чемъ, въ свое время, будутъ разосланы приглашенія, а равно напечатаны объявленія въ газетахъ.

Некрологъ: Михаилъ Александровичъ Бестужевъ.

21 іюня 1871 г. на семьдесятъ первомъ году отъ роду скончался въ Москвѣ одинъ изъ сотрудниковъ «Русской Старины» Михаилъ Александровичъ Бестужевъ. Это былъ одинъ изъ пяти братьевъ Бестужевыхъ, которые по своему образованію, способностямъ и благородству убѣжденій, въ эпоху двадцатыхъ годовъ, были украшеніемъ лучшей части Петербургскаго общества. Политическія заблужденія рано сгубивъ Бестужевыхъ, подкосили и тѣ блестящія надежды, которыя возлагали на нихъ всѣ, кто только ихъ зналъ.

Отецъ Бестужевыхъ — статскій совѣтникъ Александръ Ѳедосьевичъ (род. 1762 † 1810 г.), былъ лично извѣстенъ императору Александру I-му, какъ человѣкъ весьма умный и образованный. Ему принадлежатъ замѣчательное по мыслямъ, опередившимъ свое время, сочиненіе: «Опытъ военнаго воспитанія». Въ 1798 г. А. Ѳ. былъ негласнымъ редакторомъ «С.-Петербургскаго журнала».

Третій сынъ его Михаилъ род. 22 сентября 1800 г. На десятомъ году онъ потерялъ отца, но нашелъ другаго въ девятнадцатилѣтнемъ старшемъ своемъ братѣ Николаѣ. Михаилъ былъ опредѣленъ въ 1812 году въ Морской кадетскій корпусъ. Это время было одною изъ лучшихъ эпохъ въ исторіи Морскаго корпуса—какъ по выбору воспитателей, такъ и по направленію воспитанія. Въ мартѣ 1817 г. Михаилъ Бестужевъ выпущенъ мичманомъ. Подъ руководствомъ старшаго брата своего и его друга морскаго офицера Торсона, юный мичманъ занялся иностранными языками, въ которыхъ сдѣлалъ блестящіе успѣхи, читалъ историческія сочиненія, морскія путешествія, развивалъ свои познанія въ физикѣ, механикѣ и прочихъ спеціальныхъ сочиненіяхъ.

Въ 1822 году Михаилъ Бестужевъ вмѣстѣ съ Торсономъ съ пыломъ молодости предаются одному дѣлу, въ ихъ спеціальности весьма важному: именно осуществленію проекта относительно полнѣйшей реформы, крайне до того неудовлетворительнаго, внутренняго устройства, снабженія и вооруженія корабля. Предоставленный въ ихъ распоряженіе корабль «Эмгейтенъ» явился своего рода чудомъ. Императоръ Александръ пришелъ въ восторгъ. Но истинные виновники этого восторга, эти молодые, талантливые офицеры не были представлены государю; адмиралъ Моллеръ съумѣлъ затереть молодыхъ людей, выдавъ ихъ трудъ, плодомъ собственныхъ измышленій.

Поступокъ Моллера, стоявшаго тогда во главѣ морскаго дѣла, глубоко оскорбилъ Михаила Бестужева и его друга Торсона, и далъ сильный нравственный толчокъ ихъ мыслямъ. А въ ту эпоху, когда съ одной стороны аракчеевщина во всевозможныхъ своихъ проявленіяхъ душила все живое, свободное, даровитое, а съ другой — потокъ либеральныхъ идей широкою струей вливался изъ западной Европы, не мудрено было даровитымъ молодымъ людямъ съ глубокоуязвленнымъ самолюбіемъ не увлечься и не стать на ту сторону, на которой, по ихъ понятіямъ, была правда и вся надежда крѣпко любимаго ихъ отечества. И вотъ Михаилъ Бестужевъ съ своими братьями примыкаетъ къ «Союзу благоденствія». Въ 1825 году онъ переходитъ изъ флота въ лейбъ-гвардію Московскій полкъ въ чинѣ штабсъ-капитана и въ день 14 декабря мы его видимъ во главѣ той группы людей, политическія заблужденія которыхъ довели до открытаго мятежа...

1826 — 1827 гг. проведены въ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостяхъ. Въ концѣ 1827 года Михаилъ Бестужевъ съ своимъ братомъ Николаемъ дѣлятъ съ многими товарищами тоску заточенія сначала въ Четинскомъ, потомъ въ Петровскомъ острогахъ. Въ заточеніи Михаилъ Александровичъ удивляетъ соузниковъ даровитостью своей натуры. Онъ свободно читаетъ на нѣсколькихъ языкахъ; отлично шьетъ башмаки, прекрасно слесарничаетъ; вмѣстѣ съ братомъ — чинитъ часы и проч. Съ 1840 года Бестужевъ—Селенгинскій поселенецъ. Проходитъ годъ, другой—и братья—замѣчательные хозяева. Михаилъ Александровичъ изобрѣлъ, между прочимъ, особаго устройства телѣжку; она слыветъ подъ именемъ бестужевки и на ней ѣздитъ вся Сибирь. Деньги выработанные литературными трудами Марлинскаго и сбереженные ангелами хранителями Бестужева — ихъ сестрами пошли въ прокъ. Хозяйство Бестужевыхъ сдѣлалось обширно...

Въ 1855 году колонія (къ нимъ задолго до того, присоединились три сестры) теряетъ главу свою: Николай Александровичъ скончался. Михаилъ Александровичъ женится, и около 1865 года вслѣдъ за сестрами переѣхалъ въ Москву. Въ іюнѣ 1868 году Михаилъ Александровичъ посѣтилъ Петербургъ, въ первый разъ послѣ того, какъ былъ увезенъ изъ него въ 1826 году, на фельдъегерской тележкѣ.

Мы встрѣтили въ М. А. бодраго, словоохотливаго старика; память сохранилась свѣтлою, рѣчь необыкновенна оживлена; подобно юношѣ, онъ всѣмъ интересовался въ новомъ для него Петербургѣ.

Еще 30 мая 1871 г. Михаилъ Александровичъ писалъ къ намъ... 21 іюня утромъ почтенная сестра его, Елена Александровна, начала къ намъ письмо, ни мало не предчувствуя, что окончить его придется извѣстіемъ о смерти своего послѣдняго брата. Сильный припадокъ холеры сломилъ его въ теченіи немногихъ часовъ.

Послѣ М. А. Бестужева, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ статей, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны («Селингинскъ» въ газетѣ «Вѣкъ»; «Дѣтство и юность А. А. Бестужева» въ «Русскомъ Словѣ») остались: большое сочиненіе о Буддизмѣ и обширные записки, изъ которыхъ пока лишь два небольшіе отрывка были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1870 г.

Драгоцѣнный манускриптъ записокъ покойнаго М. А. Бестужева и обширное собраніе его бумагъ предоставлены имъ, за долго предъ кончиною, въ наше полное распоряженіе. Редакція «Русской Старины» надѣется представить ихъ на страницахъ своего изданія.

Подписка на сооруженіе памятника А. С. Пушкину: Отъ Владимірскаго благороднаго собранія — 20 руб.; всего съ прежде поступившими — 96 руб.

ВЪ РЕДАКЦІИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»

продаются слѣдующія ея изданія:

I. **Записки М. И. Глинки** 1804—1854 гг., въ четырехъ частяхъ. Спб. 1871 г., въ 8 д. съ рисункомъ памятника Глинки, съ апоѳеозомъ въ честь Глинки, рисункъ академика **М. О. Микѣшина** и со снимкомъ предсмертнаго письма Глинки. **Цѣна 2 руб.**

II. **Записки** Екатерины Александровны **Хвостовой**, рожд. Сушковой 1812—1841 гг. Эти записки заключаютъ въ себѣ очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб. 1871 г. 8 д. 260 стр. Цѣна **1** руб. **25** коп.

III. **Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г.** Разсказы и воспоминанія очевидцевъ. **Цѣна 1 р. 25 к.** Спб. 1870 г. 8 д. (15 экз.).

IV. **Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія.** 1809—1831 гг. Новые разсказы очевидцевъ о бунтѣ поселянъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта военныхъ поселянъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб. Цѣна **1** руб. **50** коп.

V. **Записки князя Якова Петровича Шаховскаго,** 1705—1772 г. С.-Петербургскаго полиціймейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора Синода и генералъ-прокурора Сената при императрицѣ Елисаветѣ. Спб. 1871 г. Цѣна **1р. 50 к.**

VI. **Записки Гаврінла Ивановича Добрынина,** 1752—1823 гг. три части. Изданіе второе значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб. 1871 г. 8 д. 350 стр. Цѣна **2 р. 50 к.**

VII. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, сочиненіе капитана **Джона Перри,** переводъ съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ **М. И. Семевскаго.** Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей Россійской при Московскомъ Университетѣ. Москва 1871 г. въ 8 д. стр. 200. Цѣна **2 р.**

Это полный, безъ пропусковъ переводъ, сочиненія извѣстнаго инженера Перри, выписаннаго изъ Англіи Петромъ Великимъ въ 1698 г. и пробывшаго въ Московскомъ государствѣ до 1715 г. Въ книгѣ заключается весьма много подробностей о состояніи Россіи съ 1698—1715 гг. Переводъ исполненъ съ весьма рѣдкаго Лондонскаго изданія 1716 г.

Примѣчаніе. Въ виду продолжающихся требованій на высылку книги: «Дневникъ Корба о пребываніи его въ Москвѣ въ 1698—1699 гг. и о стрѣлецкихъ казняхъ» изданія подъ редакціей **М. И. Семевскаго,** считаемъ необходимымъ объявить, что книга эта давно разошлась вся до послѣдняго экземпляра.

Печатается изданіе «Русской Старины»: «Сборникъ снимковъ съ подлинныхъ писемъ замѣчательныхъ Русскихъ дѣятелей» 1801—1825 гг., роскошный фотолитографир. альбомъ въ листъ, цѣна 3 рубля съ перес.

продаются слѣдующія книги,

изданія «РУССКОЙ СТАРИНЫ»:

I. **Записки М. И. Глинки** 1804—1854 гг., въ четырехъ частяхъ. Спб. 1871 г., въ 8 д..съ рисункомъ памятника Глинки, съ апоѳеозомъ въ честь Глинки, рисунокъ академика **М. О. Микѣшина** и со снимкомъ предсмертнаго письма Глинки. Цѣна **2** руб.

II. **Записки** Екатерины Александровны **Хвостовой,** рожд. Сушковой 1812—1841 гг. Эти записки заключаютъ въ себѣ очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб. 1871 г. 8 д. 260 стр. Цѣна **1** руб. **25** коп.

III. **Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г.** Разсказы и воспоминанія очевидцевъ. Цѣна **1** руб. **25** коп. Спб. 1870 г. 8 д. (15 экз.)

IV. **Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія.** 1809—1831 гг. Новые разсказы очевидцевъ о бунтѣ поселянъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта военныхъ поселянъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб. Цѣна **1** руб. **50** коп.

V. **Записки князя Якова Петровича Шаховскаго,** 1705—1772 г. С.-Петербургскаго полиціймейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора Синода и генералъ-прокурора Сената при императрицѣ Елисаветѣ. Спб. 1871 г. Цѣна **1** руб. **50** коп.

VI. **Записки Гавріила Ивановича Добрынина,** 1752—1823 гг. три части. Изданіе второе значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб. 1871 г. 8 д. 350 стр. Цѣна **2 руб. 50 коп.**

VII. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, сочиненіе капитана **Джона Перри,** переводъ съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ **М. И. Семевскаго.** Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва 1871 г. въ 8 д. стр. 200. Цѣна **2 руб.**

Это полный, безъ пропусковъ переводъ, сочиненія извѣстнаго инженера Перри, выписаннаго изъ Англіи Петромъ Великимъ въ 1698 г. и пробывшаго въ Московскомъ государствѣ до 1715 г. Въ книгѣ заключается весьма много подробностей о состояніи Россіи съ 1698—1715 гг. Переводъ исполненъ съ весьма рѣдкаго Лондонскаго изданія 1716 г.

Примѣчаніе: Въ виду продолжающихся требованій на высылку книги: «Дневникъ Корба о пребываніи его въ Москвѣ въ 1698 — 1699 гг. и о стрѣлецкихъ казняхъ», изданіе подъ редакціей **М. И. Семевскаго,** считаемъ необходимымъ объявить, что книга эта давно разошлась вся до послѣдняго экземпляра.

Печатается изданіе «Русской Старины»: «Сборникъ снимковъ съ подлинныхъ писемъ замѣчательныхъ Русскихъ дѣятелей» 1801 — 1825 гг., роскошный фотолитограф. альбомъ въ листъ, цѣна **3** рубля съ перес.

О ПОДПИСКѢ
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г., третій годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктпетербургѣ и Москвѣ, — восемь рублей** за весь годъ, т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается для **городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ **книжномъ магазинѣ Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30)**; въ Москвѣ — въ **книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и въ д. Трута.**

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому**: въ **С.-Петербургѣ, Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 12.**

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. **записокъ Болотова, Тарасова, Лагарпа, М. А. Бестужева,** и архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова**, кн. **Щербатова, кн. Куракиныхъ**, гр. **Стакельберговъ**, свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина**, — записки: гр. **Г. П. Чернышова**, адмир. **Колзакова**, зап. **И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго** (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго**, кп. **Барклай-де-Толли**, кн. **А. А. Шаховскаго**, партиз. **Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); генерала **Фельнинера**, ак. жив. **А. В. Ступина** (1776—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича**; зап. **Н. И. Греча** (біографія **Ѳ. В. Булгарина**); зап. **А. В. Никитенко, И. И. Свѣшева**; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; біографія А. Н. Сѣрова, состав. **В. В. Стасовымъ**; записки **А. И. Красовскаго**; **С. Н. Глинки**; **К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); **Н. В. Берга**: воспомин. о Гоголѣ; записки **Н. В. Веригина** и др. Письма **Волынскаго** и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ—**А. Г. Пупарева**; письма гр. **Бестужева-Рюмина**, гр. **Паниныхъ**, Сальдерна, Пикара (1782 г.); письма **Екатерины II**; письма императоровъ: **Павла I, Александра I**, цесар. **Константина**; императр. **Елизаветы Алексѣевны; Кулибина**; гр. **Аракчеева**, кн. **Васильчикова**, гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова**, мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**, письма графа **Толя** (1831 г.); 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховит.**; неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Козлова, Рылѣева, Пушкина**, архит. **Витберга**; проекты и статьи **В. Н. Каразина**; сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. К. Щебальскаго**; статьи: профес. **И. Д. Бѣляева** и **Н. С. Тихонравова. Г. Н. Геннади**, кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова**, проф. **Брикнера, Н. П. Дурова, А. Н. Неустроева.** Сообщ. **П. А. Муханова**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кп. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кп. **Д. А. Оболенскаго, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе**, гр. **Э. К. Чапскаго**, кн. **Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича**, бар. **Ѳ. А. Бюллера, М. Ѳ. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ** и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя **Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, **генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.**

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. НОЯБРЬ. 1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Дѣдушка русскаго флота 1688—1872. Статья Ѳ. Ѳ. Веселаго. 463
II. Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ 1789—1859 гг. біографическій очеркъ Н. И. Греча: Очеркъ первый 1860 г. Сообщ. Е. И. Гречъ. (483) 2. Очеркъ второй 1833 г. (514) 3. Цензура и Булгаринъ 1848—1851 гг. (520). . . . 483
III. Умъ хорошо, а два лучше. Статья 1846 г. посвященная Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому. . . 524
IV. Возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. 1820 г. Сообщ. А. Н. Афанасьевъ. 533
V. Воспоминанія И. И. Свѣзева 1825—1826 гг. 548
VI. Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева: 1. Гражданское мужество. 2. Державинъ. 3. На смерть сына. 4. Предсмертное посланіе къ сосѣднику. Сообщ. съ примѣчаніями П. А. Ефремовъ . . 562
VII. Русскіе писатели XVIII вѣка: Кузминъ, Павелъ Фонъ-Визинъ и Павелъ Потемкинъ. Сообщ. М. Н. Лонгиновъ . . . 571
VIII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Письма къ Петру I-му отъ матери и сестры. Сообщ. И. Д. Бѣляевъ (578) 2. Разсказы и анекдоты, записанные П. Ѳ. Карабановымъ (583) 3. Указъ импер. Елисаветы о высылкѣ ко двору мартышки (587). 4. Примѣчанія къ надгробію соч. А. С. Шишковымъ. (588). 5. Донесеніе Суворова о взятіи Туртукая, замѣтка А. Н. Петрова (590). 6. Исправленіе нравственности слѣпыхъ въ Спб. 1823 г. (593). 7. Цѣна на людей въ 1853 г. (595).
IX. Поправки (595). Подп. на памятникъ Пушкина. Листокъ о нов. книгахъ (на обер.)—Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ второй, ч. XIV, письма 142—145: Бытъ русскаго дворянства въ XVIII-мъ столѣтіи. 1770 г. (съ рисункомъ въ текстѣ).

Къ этой же книгѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» приложены: снимокъ съ собственноруч. резолюціи Петра Великаго объ исправленіи ботика и рисунокъ: «дѣдушка русскаго флота».

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Принимается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ», изд. **1872 г.** Цѣна безъ доставки **7** руб.; съ доставкой въ Петербургѣ и Москвѣ и съ пересылкой въ прочіе города—**восемь** руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1871.

XI-я книга «Русской Старины» вышла 1-го ноября.

Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ. Изданныя Павломъ Алексан. Мухановымъ. Второе изданіе. Спб. Тип. Э. Праца, 1871 8° XII, 130 стр., 306 столбцовъ и 1 неп. стр. Ц. 2 р. 50 к.

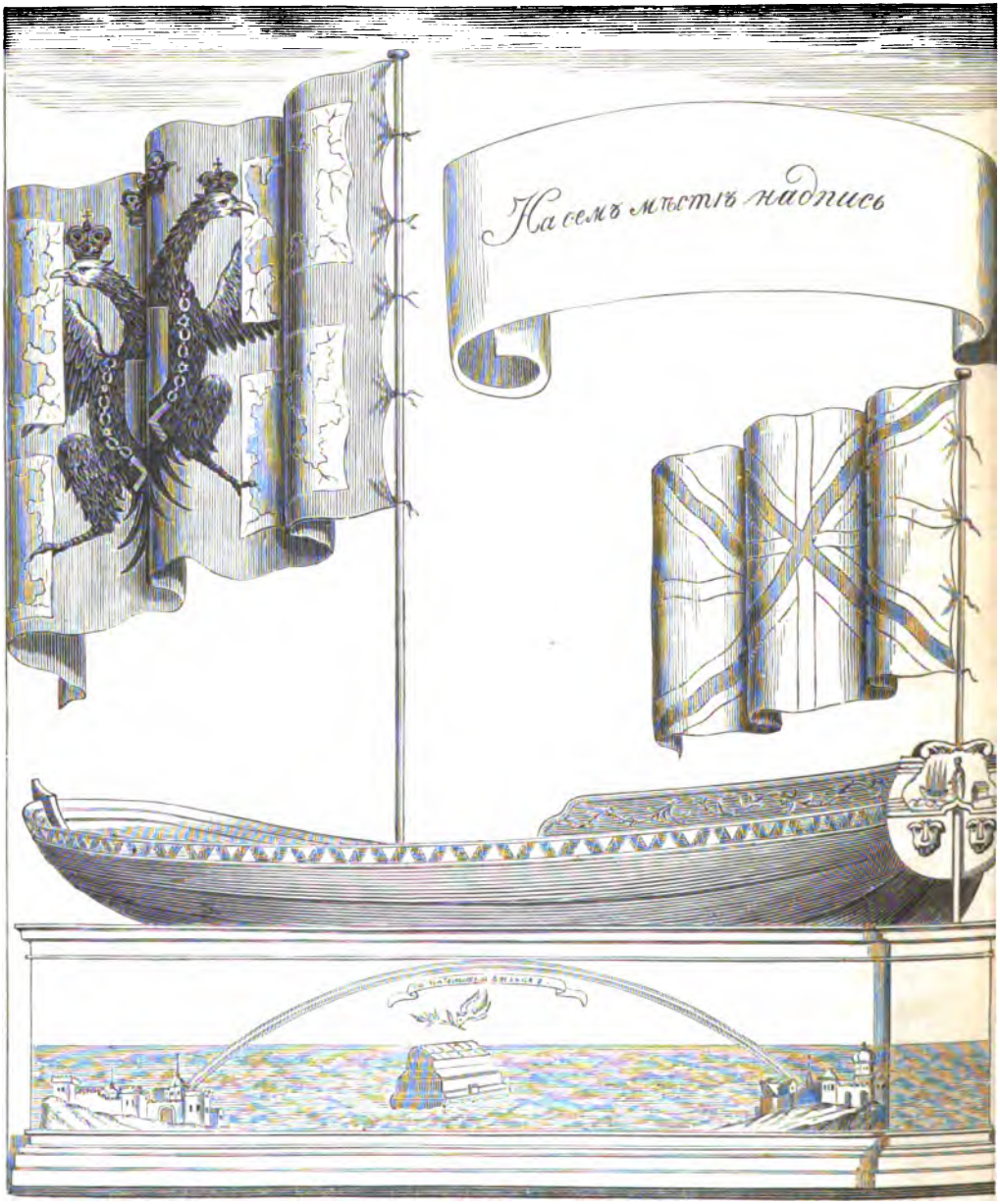
П. А. Мухановъ, издавна занимаясь изслѣдованіями въ области отечественной исторіи, еще въ 1831 г. нашелъ въ Варшавѣ нѣсколько историческихъ памятниковъ, относящихся къ Россіи, между которыми важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для археографіи были Записки Жолкевскаго о Московской войнѣ. Эта драгоцѣнная находка дала матеріалъ на два превосходныя изданія, совершенныя П. А. Мухановымъ, именно: „Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши» (Москва, 1834) и «Записки Жолкевскаго» (ib. 1835). Первое изданіе «Записокъ» давно уже разошлось, почему и приступлено было ко второму, нынѣ вышедшему въ свѣтъ. Главныя отличія втораго изданія отъ перваго заключаются въ слѣдующемъ: къ переводу не приложено польскаго текста «Записокъ», но взамѣнъ этого, количество приложеній значительно увеличено, съ 7 на 45; подъ послѣднимъ № помѣщена крайне любопытная біографія автора «Записокъ»; въ концѣ весьма обстоятельный указатель. Проложенія открываются извѣстіемъ о подлинности Записокъ Жолкевскаго и о времени ихъ сочиненія (1611 г.); извѣстіе это хотя кратко, но весьма точно.

Не говоря уже о важности содержанія, «Записки Жолкевскаго» имѣютъ особенное значеніе—какъ документъ историческій частный, а не оффіціальный. За документами частными (мемуары, письма и пр.) всегда останутся исключительно имъ принадлежащія свойства: интимность, болѣе или менѣе подробное, нерѣдко замѣчательно наглядное изложеніе событій съ личнымъ къ нимъ отношеніемъ автора-современника (что особенно важно для историка), — словомъ, отсутствіе всякой формальности, оффиціальности. Кромѣ этой общей черты, «Записки Жолкевскаго» особенно замѣчательны по своему безпристрастію: Юрій Мнишекъ выставленъ корыстнымъ честолюбцемъ, вовлекшимъ Сигизмунда III въ несправедливую войну съ Русскими; Димитрій — самозванцемъ; Шеинъ, знаменитый защитникъ Смоленска, — доблестнымъ воиномъ; насилія и грабежи Польскихъ войскъ указаны и не похвалены, и пр. и пр. Наконецъ, «Записки Жолкевскаго» даютъ не одно только описаніе военныхъ дѣйствій въ смутное время, но и объясненіе всѣхъ тогдашнихъ интригъ, сдѣланное талантливымъ, знающимъ и весьма, въ свое время, значущимъ очевидцемъ: Личности Сигизмунда III, Годунова, Филарета Никитича, князей Мстиславскаго и Шуйскаго и др. описаны чрезвычайно удачно. Нѣкоторое пополненіе и поясненіе фактовъ, сообщаемыхъ Жолкевскимъ, можно найдти въ весьма любопытныхъ «Актахъ Московской конфедераціи», напечатанныхъ въ IV и V томахъ «Археографическаго Сборника», предпринятаго въ Вильнѣ б. попечителемъ И. П. Корниловымъ. Вообще въ нашихъ глазахъ подлинные мемуары, каковы напр. зап. Жолкевскаго—представляютъ несравненно болѣе интересный матеріалъ для чтенія, нежели составленныя по нимъ позднѣйшія монографіи...

Что касается личности Жолкевскаго, то необходимо замѣтить, что, начиная съ XVI вѣка и вплоть до 1853 года, года изданія доминиканиномъ Барончемъ его книги «Pamiątki miasta Zolkwi», всѣ польскіе геральдисты и генеалоги утверждали, что фамилія Жолкевскихъ вышла изъ Мазовіи, и слѣдов. она—происхожденія польскаго. Въ противность этой выдумкѣ, ксендзъ Баронч представилъ рядъ неопровержимыхъ документовъ, а Ю. Бартошевичъ, на основаніи ихъ, убѣдительно доказалъ, что Жолкевскіе вовсе не были изъ дворянъ древней Польши, а чисто русскаго происхожденія, изъ галицкихъ дворянъ. «Легенда о происхожденіи Жолкевскихъ изъ Мазовіи, говоритъ Ю. Бартошевичъ, придумана, между прочимъ, для того, чтобы придать болѣе блеска ихъ роду. Нужно сказать, что многія, чисто польскія, фамиліи имѣли слабость выводить родъ изъ Франціи, Венгріи и изъ другихъ дальнихъ и чуждыхъ имъ странъ и племенъ. Это обыкновеніе имѣло двойную цѣль: прикрыть нѣкоторою таинственностью свое настоящее происхожденіе, и во вторыхъ, возвысить себя этимъ (по тогдашнимъ понятіямъ) въ глазахъ прочихъ и служить несомнѣннымъ доказательствомъ древности и благородства происхожденія». Авторъ «Записокъ» Станиславъ Жолкевскій былъ сынъ нѣкогда-православнаго отца. Отецъ его, потерявъ первую жену, помышлялъ уже о монашествѣ; но, прельщенный сенаторствомъ, вступилъ въ польскую службу, живо переродился въ поляка, сдѣлался католикомъ и умеръ кальвинистомъ. Сынъ его Станиславъ, родившійся въ 1547 году, былъ воспитанъ въ чисто польскомъ духѣ; образованіе получилъ отличное и усовершилъ его путешествіемъ и занятіями въ чужихъ краяхъ. Карьера его была исключительно военная: онъ былъ гетманомъ. Убитъ въ гибельномъ для Поляковъ сраженіи съ Турками подъ Цецорою въ 1620 году.

Позволимъ себѣ сдѣлать маленькія замѣчанія по поводу настоящей книги: 1) въ

См. продолж. на слѣд. страницѣ обертки.



ДѢДУШКА РУССКАГО ФЛОТА.

1688—1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 октября 1871 г.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, 1

ДѢДУШКА РУССКАГО ФЛОТА.

1688 — 1832.

Старинный петровскій ботикъ, носящій почетное названіе Дѣдушка русскаго флота, представляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ русскихъ историческихъ памятниковъ. Его уважаютъ какъ святыню, и оказываютъ почести какъ живому существу. Начало такого благоговѣйнаго почитанія ботика положено самимъ великимъ царемъ, который чтилъ въ немъ предметъ, бывшій ближайшимъ поводомъ къ созданію русскаго флота.

Потѣшныя плаванія Петра, начавшіяся на Яузѣ, на ботикѣ «Дѣдушкѣ», постепенно принимая болѣе и болѣе серьезное направленіе, быстро отъ Яузы перешагнули къ океану; а потомство ботика, разросшееся въ сильные флоты, пріобрѣло для Россіи на сѣверѣ и на югѣ значительныя пространства морскихъ береговъ и своими боевыми подвигами успѣло заслужить уваженіе лучшихъ тогдашнихъ флотовъ.

Петръ чествовалъ свой ботикъ, какъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ; въ немъ онъ какъ бы олицетворялъ великую идею созданія флота и, съ другой стороны, почестями, отдаваемыми ботику «дѣду» выражалъ свою признательность заслугамъ славныхъ внуковъ.

Преемники великаго царя относились къ ботику съ такимъ же уваженіемъ, и если по какому-нибудь важному случаю ему приходилось показываться предъ народомъ, то явленіе это всегда было торжественно и сопровождалось почти царственными почестями.

Императоръ Николай Павловичъ, которому нашъ флотъ обязанъ своимъ возрожденіемъ, въ послѣдній разъ выводилъ «дѣ-

душку» на кронштадтскій рейдъ, гдѣ для встрѣчи его собранъ былъ почти весь балтійскій флотъ. Чтобы дать понятіе, съ какимъ уваженіемъ отнесся въ этомъ случаѣ къ Петровскому ботику покойный государь, довольно сказать, что онъ самъ трудился надъ составленіемъ церемоніала и общій планъ торжества былъ написанъ собственною его рукою.

Въ будущемъ 1872 году, въ двухсотлѣтнюю годовщину рожденія Петра Великаго, дѣдушкѣ русскаго флота предстоитъ посѣтить Москву, которая не видала его полтора столѣтія. По ходатайству его императорскаго высочества генералъ-адмирала флота, 12-го прошедшаго апрѣля, высочайше повелѣно перевезти Петровскій ботикъ въ Москву, для помѣщенія въ морскомъ отдѣлѣ политехнической выставки.

Такимъ образомъ, старый ботикъ — «дѣдушка», послѣ долгаго отсутствія вновь явится въ первопрестольную Москву, которая, несмотря на свое удаленіе отъ морей, была истинною колыбелью русскаго флота: на Яузѣ происходили первыя плаванія Петра; на Сухаревой башнѣ помѣщалось первое морское училище или школа математическихъ и навигацкихъ наукъ; первыя галеры, бывшія подъ Азовомъ, строились подъ Москвою въ селѣ Преображенскомъ, и въ 1688 году, также близъ Москвы, совершенно случайно попался на глаза юному царю знаменитый впослѣдствіи «дѣдушка» русскаго флота.

О находкѣ ботика и важныхъ ея слѣдствіяхъ, самъ Петръ пишетъ слѣдующее*):

«Случилось намъ быть въ Измайловѣ, на льняномъ дворѣ и гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова (двоюроднаго брата царя Михаила Ѳедоровича), между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ Франца (Тимермана) что то за судно? онъ сказалъ, что то ботъ англійскій. Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? онъ сказалъ, что при корабляхъ, для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ передъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостію лучше нашихъ)? Онъ мнѣ и сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру; которое слово меня въ великое удив-

*) Собственноручная записка Петра Великаго: «О началѣ судостроенія въ Россіи», хранящаяся въ государ. архивѣ.

леніе привело и якобы неимовѣрно»..... Этотъ «ботъ англійскій» и сдѣлался дѣдушкою русскаго флота.

При взглядѣ на него душа страстнаго моряка сказалась въ Петрѣ и охота къ водянымъ потѣхамъ стала быстро возростать. Немедленно по указанію Тимермана, учителя Петра, отысканъ былъ старикъ голландецъ Карштенъ-Брантъ, служившій на кораблѣ Орлѣ*) товарищемъ корабельнаго пушкаря, а теперь заработывавшій себѣ хлѣбъ столярнымъ мастерствомъ. Онъ исправилъ ботикъ, сдѣлалъ къ нему мачту и парусъ, и сталъ съ Петромъ кататься на Яузѣ. Но какъ рѣка для лавировки была тѣсна, то ботъ перенесли въ Просяной прудъ. «Но и тамъ немного авантажу сыскалъ, пишетъ Петръ, а охота стала отъ часу быть болѣе». Съ того времени ботикъ оставался въ Москвѣ до послѣднихъ годовъ царствованія Петра Великаго.

Въ началѣ 1722 года, царь посѣтилъ Москву и, празднуя заключеніе Ништадтскаго мира, открывавшаго для Россіи Балтійское море, собирался въ новый походъ для завоеванія Каспійскаго. Въ это время Петръ оканчивалъ книгу морского регламента, напоминалъ москвичамъ о флотѣ, катаясь въ маскарадной процессіи по улицамъ, на особо устроенныхъ судахъ, и вспомнивъ о родоначальникѣ флота, старомъ ботикѣ, задумалъ перевезти его въ Петербургъ, поближе къ морю.

Корабельному подмастерью Пальчикову поручено было исправить ботикъ и, на докладѣ его, самимъ государемъ сдѣланы резолюціи:

Мемориалъ:	**Собственноручныя резолюціи царя:** (буквально).
1) Ботикъ когда запаяется, прикрыть-ли по мѣди бѣлилами?	Бѣлит.
2) Поправлять-ли старыя краски?	Поправълят, кромѣ шпигеля і гакаборта.
3) Рѣзьба гдѣ пообилась, поправить-ли красками?	Не замат до меня.
4) Маштъ старой-ли будетъ или новой; ибо и новой дѣлаютъ, для того (что) старой толстоватъ въ верху?	Новой готов, а быт старому какоѣ есть.

*) Сожженномъ въ Астрахани Стенькою Разинымъ.

5) Бушпритъ надобно-ль?	Здѣлат в запас привязной.
6) Флагъ новый дѣлать-ли, и какой?	Наверху штандартъ, а на зади кеізеръ-флагъ дѣлать.
7) Гюйсъ на бушпритъ дѣлать-ли? А старыхъ одинъ штандартъ, одинъ гюйсъ?	Дѣлат.
8) Руръ (руль) старой узокъ, не надѣюсь, чтобъ дѣйствителенъ былъ. Къ старому-ль сдѣлать наддѣлку, или новой сдѣлать?	Здѣлат новой, а к старому надѣлку приготовит, а не прибиват і старова не трогат до меня.
	Ісправя все ѣхат вам сюды *).

26 января (1722 г.) живописцу Ивану Петрову Зарудному были отданы надписи на «тумбу», приготовляемую для постановки ботика. Тумба эта была четыреугольное подножіе, украшенное картинами, сдѣланными, вѣроятно, по мысли Петра, тѣмъ же художникомъ. На сторонѣ, соотвѣтствующей кормѣ, было нарисовано море и надъ нимъ надпись дѣцкая утѣха; а на сторонѣ носа, также надъ моремъ, надпись: принесла мужескі тріумфъ.

Съ одного бока подножія нарисованъ былъ корабль, идущій подъ парусами, и галера подъ веслами и надъ ними надпись: отъ Бога симъ токмо полученъ.

На другомъ боку: Ноевъ ковчегъ и надъ нимъ радуга, соединяющая два укрѣпленные приморскіе города. Къ ковчегу летитъ голубь съ вѣтвію и надъ нимъ надпись: сей вожделенный вѣстникъ **).

Не совсѣмъ понятный смыслъ картины объясняется сходнымъ съ нею изображеніемъ на медали, выбитой въ память заключенія Ништадтскаго мира. Представленные на ней, соединенные радугою, города были: Петербургъ и Стокгольмъ, надъ которыми находилась надпись: соединены узами мира. Присутствіе же Ноева ковчега объяснилось другою надписью, служащею продолженіемъ первой: «Въ Нейштадтѣ послѣ потопа сѣверной войны 1721 г.». Картины и надписи подножія сохранились на одномъ совре-

*) Подлинный докладъ бомбардиръ-лейтенанта Филипа Пальчикова сообщенъ «Русской Старинѣ» его правнукомъ А. В, Пальчиковымъ.

Ред.

**) Госуд. Арх. Кабинет. дѣлъ отд. 1, № 39.

менномъ рисункѣ, гравированномъ Иваномъ Зубовымъ и, конечно, разсмотрѣнномъ самимъ царемъ. Рисунокъ состоитъ изъ двухъ половинъ: на одной видна корма и одинъ бокъ ботика съ соотвѣтствующими частями подножія, а на другой половинѣ носъ ботика и другой бокъ. На этой части рисунка, на карнизѣ подножія у самаго пола, находится слѣдующая надпись: «Въ семъ же 1722 году, ботикъ сей первѣе народу выставленъ и презентованъ того ради, понеже Богоданнымъ нынѣ міромъ, плоды его паче извѣстны и крѣпко утверждены стали и миръ сей плодомъ его не ложно нарещися можетъ». Кромѣ того сверху ботика, на каждой половинѣ рисунка находятся надписи, относящіяся къ исторіи ботика. На лѣвой половинѣ рисунка: «Судно сіе водное, хотя мѣрою малое, и только къ потѣшному на малыхъ водахъ играніе построенное, но потомъ явилося аки плодоносное семя великаго въ Россіи корабельнаго флота, и вину подало слѣдовавшимъ преславнымъ дѣламъ, таковымъ случаемъ, или паче Божіимъ смотрѣніемъ: державнѣйшій государь Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, еще въ началѣ царствованія своего, пришедъ въ нѣкоторое время въ Измайловъ, и гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда его Никиты Ивановича Романова,. увидѣлъ между оными судно сіе: и понеже было иностранное, и въ Россіи невидаемое, спросилъ о употребленіи и дѣйствіи его, у искуснаго нѣкоего при себѣ иноземца. Отъ отвѣта же онаго увидѣвъ, какъ дивно на парусахъ ходитъ, великую возъимѣлъ охоту употребить онаго къ плаванію. И такъ первѣе самаго судна сего ходу на рѣкѣ Лузѣ отвѣдавъ, скоро на озерѣ Переяславскомъ сдѣланными повелѣніемъ его величества большими судами любопытство свое лучше исполнилъ. Тоей же охоты и на другомъ ширшемъ озерѣ Кубінскомъ, а потомъ и на морѣ Бѣломъ или Архангельскомъ съ радостію употребилъ. Отъ таковыхъ же водоплавныхъ утѣхъ, двигнулся всеприлежнымъ попеченіемъ и къ преполезнѣйшему».

Въ надписи на правой половинѣ рисунка продолжается тотъ же разсказъ: «И къ преполезнѣйшему а до толь въ Россіи незнанному дѣлу, самаго себѣ, и другихъ при себѣ въ Голландіи и Англіи, какъ къ строенію, такъ и къ плаванію корабельному обучилъ, и великій россійскій флотъ сдѣлалъ, каковый зрится

нынѣ, и умножатися непрестаетъ; отъ чего Россія усугубленную силу возымѣвши, многія преславныя получила викторіи, расширила предѣлы своя, врата себѣ къ сообщенію честныхъ народовъ отверзла, и благополучіе свое благословеннымъ миромъ укрѣпила, сильна и славна отъселѣ, и врагомъ страшна. Такое сіе малое судно яко доброе сѣмя было премногой намъ пользы; и того ради достойно сущи и вѣдомо и видимо быти на хартіи сей изображено показуется».

«Нарицается же судно сіе Ботъ Англійской. Ботъ по виду своему между суднами, англійской же по дѣлу и мѣрѣ англійской архитектуры: на желаніе бо вышеупомянутаго дѣда императорскаго величества, мужа въ Россіи, къ честнымъ искуствамъ, надъ тогдашный обычай, быстро охотнаго, судно сіе въ Англіи сдѣлано, и оттуда въ Москву привезено».

Въ 1722 г. доставленіе ботика изъ Москвы въ Петербургъ поручено было гвардіи сержанту Кореневу, который 29 января получилъ слѣдующій высочайшій указъ:

«Ѣхать тебѣ съ ботикомъ и весть до Шлиссельбурга на ямскихъ подводахъ и будучи въ дорогѣ смотрѣть прилежно, чтобъ его не испортить, понеже судно старое, того ради ѣхать днемъ, а ночью стоять, и гдѣ есть выбоены спускать по тихоньку».

«Такожъ нигдѣ по городамъ и по деревнямъ во дворы и улицахъ его не ставить для опасенія отъ пожаровъ, а гдѣ позоветъ случай съ онымъ остановиться, то ставить его внѣ городовъ и деревень на поляхъ далѣе отъ строеніевъ и ставить къ нему часовыхъ, для чего дается тебѣ капралъ и 12 человѣкъ солдатъ. А пріѣхавъ въ Шлиссельбургъ, объявить оный коменданту, чтобъ его поставить въ городѣ на площади противъ церкви и велѣлъ бы его накрыть и ему сержанту съ капраломъ и съ солдатами остаться до указу въ Шлиссельбургѣ при томъ ботикѣ и беречь отъ всякихъ случаевъ» *).

Подорожная Кореневу, данная вмѣстѣ съ указомъ, заключала слѣдующее:

«Отправленъ отъ насъ гвардіи нашей сержантъ Кореневъ съ ботикомъ въ Шлиссельбургъ, и при томъ ботикѣ капралъ съ

*) Слова напечатанныя разрядкой вписаны рукою самого государя. Государственные Арх. кабин. дѣла, отд. I, № 39, стр. 529.

12 человѣкъ солдатъ и 2 матроса. Того для отъ Москвы до Твери, до Новгорода и до Шлиссельбурга вездѣ по городамъ и по ямамъ, подъ помянутый ботикъ и обрѣтающимся при немъ людямъ, давать по 16 подводъ безъ всякаго задержанія, имая на оныя прогонныя деньги по указу, а ежели въ пути потребны будутъ какія путевыя припасы, или гдѣ мостъ сдѣлать и то все управителямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ что потребно будетъ, исправлять безъ всякаго медленія и отговорки» *).

Отъ того же числа шлиссельбургскому коменданту полковнику Бухольцу данъ высочайшій указъ:

«Посланъ отъ насъ отъ гвардіи сержантъ Кореневъ въ Шлиссельбургъ съ ботикомъ старинным и когда онъ тотъ ботикъ въ Шлиссельбургъ привезетъ, тогда поставивъ его въ городѣ на площади противъ церкви какъ возможно далеко отъ деревянныхъ строеній, дабы отъ пожару безопасно было, и вели оный накрыть, и смотри прилежно, чтобы тотъ ботикъ чѣмъ не былъ поврежденъ**).

Всѣ эти предосторожности показывали только особенную заботливость государя о сохраненіи ботика, на самомъ же дѣлѣ перевозъ его не могъ представить большихъ затрудненій.

Дѣдушка русскаго флота величиною не превосходитъ небольшую шлюпку и вѣситъ менѣе 80-ти пудовъ. Длина его 19 футъ 9 дюймовъ, ширина 6 футъ 5 дюймовъ, высота отъ киля до верха 2 фута 8 дюймовъ. Высота мачты 21 футъ и флагштока 8 футъ 9 дюймовъ. Онъ выкрашенъ красною краскою и по борту его идетъ полоса состоящая изъ треугольниковъ, бѣлаго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ. Надъ этою полосою въ кормовой половинѣ, на нѣсколько возвышенной части борта, по черному полю нарисована желтою краскою гирлянда.

На кормѣ съ наружной стороны представленъ старецъ съ посохомъ, въ бѣлой одеждѣ и красной шапкѣ съ крестомъ. Съ лѣвой стороны старца домъ, а съ правой судно, идущее подъ парусами. Все это рѣзное изъ дерева, также какъ и двѣ головы, въ родѣ львиныхъ, находящіяся подъ первою картиною. Съ внутренней стороны кормы, въ черномъ полѣ на бѣломъ щитѣ нари-

*) Арх. кабин. дѣлъ, отд. I, № 39, стр. 530.
**) Госуд. Арх. кабин. дѣлъ, отд. I, № 39, стр. 531.

сованъ русскій гербъ. Артиллерія ботика состояла изъ четырехъ маленькихъ чугунныхъ орудій.

Въ маѣ 1723 г., ботикъ былъ торжественно встрѣченъ въ Петербургѣ. 27 мая государь самъ отправился за нимъ въ Шлиссельбургъ, и 29 императрица съ министрами и «генералитетомъ» прибыла въ Невской монастырь, къ которому пошли также всѣ суда, принадлежащія частнымъ лицамъ и составлявшія, такъ-называемый, Невскій флотъ. По поводу этой встрѣчи, тѣхъ изъ жителей Петербурга, которые не явились со своими судами къ торжеству, государь жестоко оштрафовалъ. На представленномъ спискѣ неявившихся, онъ собственною рукою написалъ: взять за такую знатную вину по 15 рублей за каждое судно — сумму, для того времени, весьма значительную.

Въ 7 часовъ вечера прибылъ государь на «ботикѣ» къ Невскому монастырю. Съ нимъ находился басъ Иванъ Михайловичъ Головинъ и капитанъ-командоръ Иванъ Акимовичъ Сенявинъ. Ботикъ сопровождали яхта, на которой царь ѣздилъ въ Шлиссельбургъ, и 9 галеръ.

Суда, находившіяся у монастыря, привѣтствовали ботикъ приспущеніемъ флаговъ, звуками трубъ и литавръ и пушечными выстрѣлами, которые сопровождались салютомъ изъ орудій со стѣнъ монастыря. Ботикъ отвѣчалъ тремя выстрѣлами изъ своихъ пушечекъ, на галерахъ также стрѣляли и били въ барабаны. Къ ботику поставленъ былъ почетный караулъ отъ Преображенскаго полка *).

Въ день рожденія государя, 30 мая, ихъ величества и бывшія съ ними знатныя особы, отслушали заутреню въ Невскомъ монастырѣ и въ 9-мъ часу утра, въ сопровожденіи судовъ Невскаго флота, отправились съ ботикомъ къ Троицкой площади.

При появленіи ботика «отданъ былъ ему комплементъ пушечною стрѣльбою со всего города (Петропавловской крѣпости) одинъ залпъ, а потомъ лейбъ-гвардія (построенная у троицкой пристани) бѣглымъ огнемъ одинъ же залпъ, и потомъ съ адмиралтейства».

«А какъ его величество изволилъ прибыть на помянутомъ ботикѣ къ Троицкой пристани, тогда палили съ города паки

*) Дневникъ Берхгольца, за 29-е мая 1723 года.

второй разъ изо всѣхъ же пушекъ, а какъ изволилъ выдти послѣ литургіи изъ церкви Святыя Троицы, палили третій разъ изъ пушекъ со всего-жъ города, на городу поднятъ былъ штандартъ, и потомъ кушали всѣ знатныя персоны въ сенатскихъ палатахъ и веселились довольно, гдѣ изволилъ присутствовать его величество своею особою; къ вечеру учиненъ былъ на водѣ фейверкъ близъ Троицкой пристани, пусканы ракеты верховыя и водяныя, и заженъ былъ фейверкъ, и потомъ, по-полуночи, разъѣхались *).

Въ этотъ день за обѣдомъ, въ присутствіи государя, предложено было только четыре тоста, которые сопровождались салютами царской яхты или, какъ ее тогда называли, «Транспорта», стоявшей на Невѣ и разцвѣченной флагами. Первый, обычный въ началѣ всякаго подобнаго пира, былъ тостъ — во славу Божію, второй — въ честь августѣйшаго новорожденнаго; третій — въ честь дѣдушки русскаго флота, и четвертый — за здоровье семейства Ивана Михайловича (Головина), то-есть, за благоденствіе русскаго флота, потому что Головинъ, былъ главное лицо по части кораблестроенія **).

Послѣ этого торжества, ботикъ былъ поставленъ въ адмиралтейство и о томъ, какія принимать предосторожности для сохраненія его, въ случаѣ опасности, капитанъ-командоромъ Синявинымъ объявленъ былъ слѣдующій царскій указъ:

«Сего іюня, 2 дня, его императорское величество изволилъ приказать мнѣ, чтобъ во время грому и молніи всѣ люди, ночующіе въ адмиралтействѣ на обѣихъ вахтахъ, морской и сухопутной, были въ осторожности и съ пожарными инструментами въ готовности, а когда какое несчастіе отъ грому или отъ огня (отъ чего Богъ да сохранитъ) случится, тогда б о т ъ, который, по имянному его императорскаго величества указу, поставленъ на верфи сего же іюня 2 числа, оставляя другія нужды, спускать на воду, чтобъ оному никакого поврежденія не было ***)».

Въ августѣ мѣсяцѣ государь пожелалъ сдѣлать почетный пріемъ дѣдушкѣ русскаго флота среди его взрослыхъ много-

*) «Повседневныя» записки, веденныя въ санктпетербургской комендантской канцеляріи.

**) Дневникъ Берхгольца, за 30-е мая 1723 года.

***) «Главн. Мор. Арх. Дѣл. Адм. Кол.», 1723 г., № 20, стр. 560.

численныхъ внуковъ. По этому случаю къ Котлину собранъ былъ флотъ изъ 20-ти линейныхъ кораблей и одного фрегата*), не считая мелкихъ судовъ. Три изъ кораблей имѣли 90 и болѣе орудій, четыре 88; меньшее число орудій на кораблѣ было 54; а общее число на корабляхъ и фрегатѣ около полуторыхъ тысячъ.

Флотъ состоялъ подъ начальствомъ генералъ-адмирала, графа Ѳ. М. Апраксина, авангардіею командовалъ адмиралъ Крюйсъ а арріергардіею государь, подъ именемъ адмирала Петра Михайлова**). Вице-адмиралъ князь Меншиковъ имѣлъ свой флагъ на одномъ изъ кораблей кордебаталіи.

7-го августа, генералъ-адмиралъ далъ слѣдующій «ордеръ, какимъ образомъ для встрѣчи ботика каждому кораблю чинить пушечную пальбу».

«1) Когда генералъ-адмиралъ съ корабля своего будетъ стрѣлять изъ пушекъ, и когда 7 выстрѣловъ пройдетъ, тогда всѣмъ кораблямъ зачать вдругъ и выстрѣлить изо всѣхъ пушекъ и потомъ немедленно заряжать пушки».

«2) Когда ботикъ противъ котораго корабля проходить станетъ, а еще не поровняется, тогда тому кораблю спустить свой командующій флагъ или вымпель до дека и зачать стрѣлять изо всѣхъ пушекъ, пушка за пушкою, а для поспѣшенія поставить у всякой пушки съ фитилемъ и какъ возможно скорѣе стрѣлять, дабы въ то время выстрѣлить, пока ботъ его проходитъ и дать время другому кораблю за нимъ стоящему стрѣлять, а когда выстрѣлитъ, тогда командующій флагъ или вымпелъ паки поднять и тотчасъ всѣ флаги и вымпелы распустить, сколько у кого на кораблѣ есть».

«3) Для береженья у пушекъ нижняго дека клинья вынять, и сколько возможно, задъ ниже у пушекъ опустить, дабы вреды тѣмъ не учинить, которые въ боту и при немъ мимо флота пойдутъ».

«4) Когда ботъ пойдетъ въ гавань и съ корабля генералъ-адмирала стрѣлено будетъ изъ пушекъ, какъ и первый разъ, и

*) Оригинальное письмо и повелѣніе Петра I, хранящіяся въ «Ковч. Адмиралт. Совѣт.», стр. 70.

**) Главн. морс. арх. «Сборникъ инструкцій, 1704—1726 гг.»

когда седьмая пушка выстрѣлится, тогда всѣмъ зачать и стрѣлять изо всѣхъ, пушка за пушкою *)».

Въ день встрѣчи, ботика разрѣшалось господамъ флагманамъ, на свою волю, при какомъ здоровьѣ, палить изъ пушекъ столько, сколько на кораблѣ есть, а не больше. Капитанъ-командирамъ и капитанамъ вполы (въ половину) сколько на кораблѣ имѣется **).

Для предосторожности, словесно приказывалось: «Во время салюта, орудія на сторонѣ, обращенной къ ботику, заряжать безъ пыжей».

Днемъ торжественнаго пріема «Дѣдушки русскаго флота» назначено было 11-е августа. Ботикъ, поставленный въ Петербургѣ на гальотъ, былъ, въ сопровожденіи невскаго флота, перевезенъ къ Котлину и поставленъ за военною гаванью. Въ 11-мъ часу утра, государь прибылъ на генералъ-адмиральскій корабль «Гангутъ» и «пожаловалъ всѣхъ флагмановъ новыми тафтяными шлюпочными флагами, которые тотчасъ всѣ адмиралы и подняли на своихъ шлюпкахъ ***).

Отъ корабля «Гангутъ, стоявшаго противъ среднихъ воротъ купеческой гавани, девять флагмановъ отправились къ ботику, на своихъ шлюпкахъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди генералъ-адмиралъ, за нимъ въ рядъ два адмирала (Петръ Михайловъ и Крюйсъ), за ними три вице-адмирала (князь Меншиковъ, Сиверсъ и Гордонъ) и за ними три контръ-адмирала (Сандерсъ, Наумъ Синявинъ и лордъ Дуфусъ) ****).

По прибытіи въ гальоту и принятіи ботика отъ капитанъ-командора Синявина, какъ отъ боцмана, флагманы спустили ботикъ на воду, поставили мачту и, поднявъ на ней штандартъ, пошли къ флоту.

Государь, предоставивъ первое мѣсто генералъ-адмиралу, самъ принялъ должность квартирмейстера и правилъ рулемъ. Въ гребцы сѣли вице-адмиралы: Сиверсъ и Гордонъ, и контръ-адмиралы: Наумъ Синявинъ и Сандерсъ; князь Меншиковъ, пра-

*) Оригинальн. письма и повелѣнія Петра I, хранящіяся въ Ковчегѣ адмир. совѣт., стр. 69.

**) Журналъ мичмана (впослѣдствіи адмирала) Нагаева, веденный на кораблѣ «Нептунъ».

***) Журналъ мичмана Нагаева.

****) Глав. морс. арх. «Сборникъ инструкцій».

вя должность лоцмана, измѣрялъ лотомъ глубину моря, а оберъ-цейхмейстеръ Отто, исправляя обязанность канонира, отвѣчалъ изъ пушекъ ботика на салюты кораблей.

Ботикъ буксировали всѣ флагманскія шлюпки, прекрасная погода благопріятствовала торжественному шествію. Императрица, вся царская фамилія и приглашенныя особы смотрѣли на церемонію съ крѣпости.

На флотѣ «Дѣдушку» приняли согласно вышеприведенному церемоніалу и когда онъ, въ 12-мъ, часу обойдя всю линію кораблей, возвращался назадъ, то при проходѣ его на каждомъ кораблѣ били походъ, играли на трубахъ и люди стояли по вантамъ. Когда онъ вошелъ въ военную гавань, гдѣ находился Невскій флотъ, тогда снова раздался салютъ со всѣхъ кораблей, гавани, крѣпостей и судовъ Невскаго флота.

Торжество заключилось обѣдомъ, приготовленнымъ на военной гавани въ палаткахъ изъ корабельныхъ парусовъ.

Кромѣ императорской фамиліи, иностранныхъ пословъ и знатныхъ особъ, къ столу приглашены были всѣ флагманы и капитаны морскіе и «другій генералитетъ», «причемъ застольная изъ пушекъ стрѣльба произведена была съ корабля Екатерина (на которомъ имѣлъ флагъ адмиралъ Петръ Михайловъ) и съ военной гавани многая» *).

Ботикъ, на томъ же гальотѣ, въ сопровожденіи Невскаго флота, отправился въ Петербургъ, и при отходѣ съ гавани салютовали ему 31 выстрѣломъ.

Въ Петербургѣ онъ простоялъ на гальотѣ до 30 августа, то-есть, до дня, въ который праздновалось заключеніе мира со шведами, и долженъ былъ начаться громадный маскарадъ, продолжавшійся цѣлую недѣлю. Въ этотъ день, государь приказалъ поставить свой ботикъ на покой, въ Петропавловскую крѣпость. Въ 4-мъ часу по полудни, собрались «всѣ знатныя персоны» на Троицкую пристань въ маскарадномъ платьѣ. Лица, участвовавшія въ маскарадѣ, обойдя пирамиду «четырехъ фрегатовъ», воздвигнутую на Троицкой площади, сѣли на гребныя суда и, вслѣдъ за ботикомъ, отправились къ Невской пристани Петропавловской крѣпости. Шведскія плѣнныя суда были выведены

*) «Повседневныя записки» комендантской канцеляріи.

къ этому дню на Неву и поставлены противъ Троицкой площади. Когда ботикъ подошелъ къ крѣпости, то съ него палили изъ пушекъ, а когда поставили его на мѣсто, въ «государевомъ больверкѣ», то крѣпость и въ честь его отсалютовала 21-мъ выстрѣломъ *). При установкѣ ботика, присутствовалъ самъ государь. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ «зажиганы были во всѣхъ домахъ по окнамъ свѣчи».

Несмотря на такіе торжественные проводы «Ботика», помѣщеніе его въ крѣпости было не очень удобно. Онъ стоялъ въ открытомъ казематѣ, и только 11-го февраля (1724 г.), его прикрыли брезентомъ (крашенною парусиною) и самый казематъ защитили отъ дождя и снѣга старыми парусами **).

Въ день 30 августа 1724 года, по указу его величества, ботикъ въ 6-мъ часу утра взяли изъ крѣпости для отвода къ Невскому монастырю.

«Въ 31-й день, его величество и прочіе всѣ знатныя персоны были въ Невскомъ же монастырѣ. Того жъ числа, по полудни въ 6 часу, какъ его величество прибылъ на ботикѣ изъ Невскаго монастыря въ С.-Петербургъ, и какъ поровнялся противъ города, и тогда съ онаго ботика, а потомъ, мало обождавъ, палили изо всѣхъ парусныхъ судовъ изъ пушекъ; а потомъ отдали честь съ города ботику изъ 21 пушки. На городу того-жъ числа поднятъ былъ штандартъ. Его величество на упомянутомъ ботикѣ своею высокою особою изволилъ ѣхать до самой Невской пристани и потомъ изволилъ сѣсть въ верейку, и поѣхалъ въ домъ князя Меншикова, куда и прочія знатныя персоны слѣдовали; и были въ домѣ князя Меншикова на ассамблеѣ; и упомянутой ботикъ обратно ввезенъ въ гарнизонъ (въ крѣпость), и поставленъ въ прежнее мѣсто».

Черезъ день послѣ этого торжества (2 сентября), послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ повелѣно «ботикъ въ 30-мъ числѣ (августа), для торжествованія выводить повсегодно на воду и имѣть при Александро-Невскомъ монастырѣ ***)».

Однакожъ, съ кончиною великаго государя, и настоящій указъ, въ числѣ многихъ другихъ, оставался неисполненнымъ до цар-

*) Доп. къ дѣян., т. XIV, стр. 166 изд. 1794 г. и «Повседневныя записки».
**) Журн. адмирал. коллегіи.
***) Повседневная записка.

ствованія императрицы Елисаветы Петровны. Не ранѣе 1744 года, вспомнили старый ботикъ и тогда торжественно вывели его къ Невскому монастырю, слѣдующимъ порядкомъ:

«По полуночи въ 4-мъ часу, наряжена галера, именуемая Днѣпръ, съ опредѣленными служителями, и при ней съ однимъ венеціанскимъ ботомъ и съ шестью шлюпками, снявшись съ якоря, пройдя въ верхъ по Невѣ рѣкѣ, мостъ прощедъ, къ С.-Петербургской крѣпости, легла противъ невскихъ воротъ на якорѣ».

«Прежде прибытія той галеры, ботикъ изъ крѣпости вынесенъ былъ и поставленъ на опредѣленной отъ адмиралтейства безпалубной ботъ и оный ботикъ надлежащимъ такелажемъ оснащенъ».

«Къ той же крѣпости прибылъ съ яхтеннымъ и буернымъ Невскимъ флотомъ господинъ интендантъ князь Несвитскій, и противъ оной же крѣпости легли на якорь».

«А въ 8 часовъ, принявъ приказъ отъ господина генералъ-лейтенанта и оберъ-коменданта и кавалера Игнатьева, чтобъ вышеописанный ботикъ, взявъ на буксиръ галерою, слѣдовать къ Александро-Невскому монастырю вверхъ по Невѣ рѣкѣ, почему тотъ ботикъ отъ пристани къ галерѣ былъ буксированъ двумя 12-весельными шлюпками; и какъ со онымъ отъ пристани отвалили, то, въ тотъ самый моментъ, поднять на кормѣ онаго ботика флагъ бѣлой съ синимъ Андреевскимъ крестомъ, (на носу) гюйсъ и (на мачтѣ) вымпелъ, и того часа съ галеры учиненъ былъ салютъ изъ 13 пушекъ; и когда съ галеры оной ботикъ принятъ былъ на буксиръ и выступили въ походъ съ битіемъ въ барабанъ и съ играніемъ музыки, на трубахъ и литаврахъ, то, въ самой тотъ часъ, изъ Петербургской крѣпости учиненъ салютъ изъ 21 пушки, и потомъ слѣдовала Адмиралтейская крѣпость; и съ ботика онымъ отвѣтствовано изъ 3-хъ пушекъ. Послѣ того, салютовалъ Охтенной и Буерной флотъ изъ всѣхъ пушекъ, сколько на ономъ находилось, которому отвѣтствовано съ ботика изъ 3-хъ же пушекъ».

«По полудни того-жъ числа въ 1 часу, прибыли противъ монастыря Александро-Невскаго, и тогда учиненъ былъ салютъ съ ботика изъ 3-хъ, да съ галеры изъ 12 пушекъ, на что изъ монастыря отвѣтствовали равнымъ числомъ, и противъ онаго мо-

настыря легли на якорь, и галера убрана была флагами и вымпелами».

«По окончаніи молебна, изъ монастыря палили изъ пушекъ, а потомъ изъ галеры выпалено изъ 13 пушекъ».

«Въ 5 часу, принявъ приказъ отъ вышепомянутаго господина генералъ-лейтенанта и оберъ-коменданта и кавалера Игнатьева, чтобъ съ ботикомъ слѣдовать обратно къ С.-Петербургской крѣпости, и поднявъ якорь, пошли отъ того монастыря, и тогда учиненъ салютъ изъ 21, а на то отвѣтствовано съ ботика изъ трехъ, съ галеры изъ 12 пушекъ; при томъ же, въ монастырѣ продолжался и колокольный звонъ, а галера съ барабаннымъ боемъ и съ играніемъ на трубахъ и литаврахъ слѣдовала. Помянутой яхтенной и буерной флотъ за противнымъ вѣтромъ не дошелъ до монастыря, стоялъ на якорѣ выше лѣтняго его императорскаго величества дому, на Невѣ рѣкѣ, и когда галера съ ботикомъ поворотилась противъ его, то съ онаго флота учиненъ былъ салютъ изъ всѣхъ пушекъ, которому съ ботика отвѣтствовали изъ 3 пушекъ».

«Въ 6 часу прибыли къ С.-Петербургской крѣпости и отъ галеры отданъ былъ буксиръ, а ботикъ принятъ для буксированія къ пристани двумя 12-весельными шлюпками, тогда съ галеры выстрѣлено изъ тринадцати пушекъ, и не доходя пристани съ ботика учиненъ былъ салютъ крѣпости изъ 3-хъ, а ему отвѣтствовано съ той крѣпости изъ 21 пушки, а потомъ изъ адмиралтейства, и оной ботикъ къ пристани приведенъ благополучно, которой, въ тотъ же часъ, господиномъ генералъ-лейтенантомъ и принятъ, и поставленъ въ его надлежащее мѣсто въ той крѣпости» *).

Подобная церемонія повторилась и въ слѣдующемъ 1745 году.

«30 числа августа, пополудни въ 6 часу наряженная галера, именуемая Жаръ, подъ командою капитана Кашкина, взявъ изъ Петропавловской крѣпости ботикъ и поставя оный на безпалубный ботъ, которой покрытъ былъ по воду краснымъ сукномъ, буксировала вверхъ по Невѣ рѣкѣ, а предъ нею шли двѣ 12-тивесельныя шлюпки со служителми съ нарядным мундиромъ и на нихъ по два трубача».

---

*) Повседневная записка.

«За ними слѣдовали: въ церемоніи корабль св. Варвары, стоящія при дворѣ ея императорскаго величества яхты, всѣхъ флагмановъ и коллегіи адмиралтейской членовъ и морскихъ капитановъ шлюпки, а партикулярной верфи всѣ гребныя суда, сколько оныхъ тогда набралось».

«Для ботика на 2-хъ шлюпкахъ и на галерѣ играли на трубахъ и литаврахъ и били въ барабанъ походъ, тожъ чинили на кораблѣ и яхтахъ. Въ 11 часу передъ полуднемъ, прибыли къ Невскому монастырю и противъ берега онаго, какъ корабль такъ и яхты, стали на якорь, а ботикъ поставили сначала къ пристани, поднявъ тогда на мачтѣ вымпелъ, а на кормѣ и на носу ординарные флаги, при чемъ и всѣ шлюпки находились».

«Въ 12 часу, на кораблѣ при выстрѣлѣ изъ пушки поднятъ былъ молитвенной флагъ, по окончаніи литургіи и молебнаго пѣнія, какъ архіерей с.-петербургской съ надлежащимъ своимъ клиромъ и по облаченіи вышелъ и покропилъ оный ботикъ святою водою, тогда въ Невскомъ монастырѣ выпалено изъ 11-ти, а потомъ съ корабля изъ 21 пушекъ, съ яхтъ по 11 пушекъ».

«По полудни во 2 часу, по сигналу поднятъ былъ на кораблѣ съ гротъ-стенгъ-саленга флагъ перваго адмирала, изъ монастыря производилась изъ пушекъ пальба; первой разъ изъ 31, три раза по 21, два раза по 15 пушекъ, а потомъ и съ корабля, по сигналу-жъ, выпалено изъ всѣхъ пушекъ, также съ яхтъ и галеры. Въ 3-мъ часу, подняли съ гротъ-стенгъ-саленга флагъ красной, палили изъ монастыря изъ 31 пушки. Въ 4-мъ часу, какъ изъ Невскаго канала вышедъ ботикъ и за нимъ около 20-ти шлюпокъ въ Неву поверстался противъ корабля, кричали съ корабля 7 разъ ура. Съ робите, на которомъ ея императорское величество изволила сидѣть, отвѣтствовали одинъ разъ, потомъ съ корабля отвѣтствовали вторично 3 разъ «виватъ». Потомъ стали палить изъ пушекъ, когда выпалили изъ пушки, то подняли на ботикѣ штандартъ, тогда чинилась съ корабля пальба, съ яхтъ и галеры чинили тожъ. Съ ботика палили изъ 3-хъ пушекъ. Галера пошла съ ботикомъ въ Петербургъ, а потомъ разцвѣтили корабль и яхты флагами и играми на трубахъ, били въ литавры. Въ 5 часу, спустили съ корабля и яхтъ флаги. Въ 6 часу корабль снявшись съ якоря, слѣдовалъ отъ Невскаго

монастыря внизъ по Невѣ буксиромъ. Въ 9-мъ часу, корабль, не дошедъ литейнаго двора, легъ на якорь».

«Бывшему-жъ на галерѣ Жарѣ командующему капитану Кашкину, въ указѣ изъ коллегіи, между прочимъ предписано: какъ вышеписанной ботикъ изъ Невскаго монастыря приблизится къ С.-Петербургской крѣпости, тогда съ оной крѣпости салютовать напередъ изъ 35 пушекъ, да съ Адмиралтейской крѣпости изъ 31 пушки, выждавъ прежде въ С.-Петербургской крѣпости до пяти выстрѣловъ; напротивъ же того, съ ботика изъ 3 пушекъ, и поставить его въ надлежащее мѣсто».

Въ 1746 и 1750 годахъ также приготовлялись къ торжественному выводу ботика, но оно не состоялось.

При празднованіи столѣтія Петербурга, 16 мая 1803 года, «Дѣдушка Русскаго флота» находился на палубѣ стоявшаго на Невѣ 110-пушечнаго корабля Гавріилъ, гдѣ почетными стражами были четыре столѣтніе моряка Петровскаго времени.

Въ послѣдній разъ ботикъ выводился въ царствованіе императора Николая Павловича, 3 іюля 1836 года. Это торжество, по характеру своему, было единственнымъ повтореніемъ Петровскаго; въ обоихъ случаяхъ знаменитый дѣдъ торжественнымъ образомъ являлся передъ своимъ потомствомъ.

Для принятія ботика, іюня 28-го въ 9 часовъ утра, капитанъ надъ главнымъ гребнымъ портомъ отправился на катерѣ подъ своимъ флагомъ, отъ главнаго адмиралтейства къ Петропавловской крѣпости. За нимъ слѣдовалъ адмиралтействъ-совѣтъ на катерѣ подъ адмиралтейскимъ флагомъ, которому крѣпость салютовала 15-ю выстрѣлами, на что съ катера отвѣчали равнымъ числомъ. Прибывъ въ крѣпость, адмиралтействъ-совѣтъ принялъ ботикъ отъ крѣпостного коменданта и, первый о пріемѣ, а второй о сдачѣ, донесли государю императору.

Когда ботикъ спущенъ былъ на воду нижними чинами гвардейскаго экипажа, имѣвшими знаки военнаго ордена, капитанъ надъ портомъ взялъ его на буксиръ своего катера и повелъ внизъ по Невѣ; катеръ же съ адмиралтействъ-совѣтомъ слѣдовалъ за ботикомъ. Когда послѣдній отошолъ отъ берега, крѣпость отсалютовала ему 31 выстрѣломъ.

Противъ новаго адмиралтейства ботикъ взятъ на буксиръ пароходомъ Охта, на которомъ, по прибытіи адмиралтействъ-со-

вѣта, и поднятъ былъ адмиралтейскій флагъ. Пароходъ Охта повелъ ботикъ въ Кронштадтъ и по приближеніи его Кронштадтская крѣпость встрѣтила ботикъ салютомъ 31-мъ выстрѣломъ.

Здѣсь ботикъ поставленъ былъ въ военной гавани, и къ нему для дежурства наряженъ былъ штабъ-офицеръ, на часы же поставлены два унтеръ-офицера гвардейскаго экипажа.

2 іюля, около 6 часовъ вечера, ботикъ былъ выведенъ изъ военной гавани въ среднюю и поставленъ на стоявшій тутъ военный пароходъ Геркулесъ, на который тогда же перенесли и адмиралтейскій флагъ. На шханцахъ этого парохода, для помѣщенія ботика, было устроено особое возвышеніе, наравнѣ съ ютомъ, такъ, чтобы ботикъ былъ хорошо видимъ съ кораблей, когда повезутъ его мимо флота. Возвышеніе это покрыли алымъ сукномъ, со свѣсами до палубы парохода.

На время церемоніи къ ботику, кромѣ караула отъ гвардейскаго экипажа, состоявшаго изъ оберъ-офицера, двухъ унтеръ-офицеровъ и 14 рядовыхъ, поставленъ былъ почетный караулъ роты дворцовыхъ гренадеръ, изъ одного штабъ-офицера, одного оберъ-офицера, трехъ унтеръ-офицеровъ, двухъ музыкантовъ и 14 рядовыхъ. Отъ каждаго флотскаго экипажа «въ видѣ депутатовъ» велѣно было прислать на пароходъ Геркулесъ заслуженныхъ квартирмейстеровъ и матросовъ, а также изъ каждой (морской) артиллерійской бригады по одному нижнему чину.

У самаго ботика поставлены шесть часовыхъ: у кормы—два дворцовыхъ гренадера, по бокамъ противъ средины,—два унтеръ-офицера гвардейскаго экипажа и у носу—два гардемарина.

На бакѣ ботика разложенъ былъ штандартъ, сохранившійся отъ временъ Петра Великаго.

Въ назначенный для церемоніи день, 3 іюля, погода стояла прекрасная, небо было ясно и дулъ тихій западный вѣтеръ. Множество желающихъ видѣть такое рѣдкое торжество прибыли изъ Петербурга и Петергофа на частныхъ пароходахъ. На рейдѣ, подъ начальствомъ адмирала Кроуна, стоялъ весь балтійскій флотъ за исключеніемъ эскадры, находившейся на пути изъ Архангельска. Среднюю линію составляли 26 кораблей; въ параллель корабельной, стояла къ югу линія фрегатовъ, а къ сѣверу мелкихъ судовъ. Кромѣ того, на рейдѣ были: 3 корвета, 5 пароходовъ участвовавшіе въ церемоніи, и одинъ брандвахтенный

фрегатъ, державшійся во все время подъ парусами. Такимъ образомъ, всего на рейдѣ при шествіи ботика находилось 72 военныхъ судна.

Поутру 3-го іюля, пароходъ Геркулесъ стоялъ на маломъ кронштадтскомъ рейдѣ, подъ адмиралтейскимъ флагомъ. Въ полдень двинулись изъ Петергофа военные пароходы. Передовой изъ нихъ, Ижора, подъ флагомъ генералъ-адмирала, приближаясь къ Кронштадту въ половинѣ 1-го часа по полудни, салютовалъ ботику 31 выстрѣломъ, подойдя же къ Геркулесу, всѣ пароходы вмѣстѣ съ нимъ шли на большой рейдъ.

Геркулесъ съ ботикомъ открывалъ шествіе, за нимъ слѣдовалъ пароходъ Ижора, далѣе пароходы Александрія, Нева и Охта. Всѣ почести отдаваемы были ботику, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ большому рейду. Сухопутныя войска, поставленныя на бастіонахъ средней и купеческой гаваней, при проходѣ ботика дѣлали на караулъ, били походъ и кричали ура! Потомъ салютовалъ ему, 31 выстрѣломъ, флагманскій корабль, а послѣ того, въ часъ по полудни, когда пароходъ Ижора приблизился къ линіи кораблей, крѣпость и адмиралъ салютовали поднятому на Ижорѣ флагу генералъ-адмирала 21 выстрѣломъ, на что отвѣчали имъ съ парохода 11 выстрѣлами. Вскорѣ за тѣмъ на всемъ флотѣ послали людей по реямъ, и Геркулесъ, сопровождаемый прочими пароходами, пошелъ вдоль корабельной линіи, по сѣверную ея сторону. При прохожденіи ботика, на каждомъ кораблѣ, караулъ отдавалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ и люди, стоявшіе на реяхъ, кричали пять разъ ура!

Геркулесъ, обойдя всю корабельную линію и возвращаясь по другой ея сторонѣ, въ половинѣ 3 часа по полудни, всталъ на якорь противъ адмиральскаго корабля по сѣверную его сторону. Тогда на ботикѣ подняли штандартъ и со всего флота, крѣпости и отдѣльныхъ фортовъ на рейдѣ произведенъ былъ салютъ изъ всѣхъ орудій.

По окончаніи общаго салюта, пароходъ Геркулесъ отвѣчалъ, вмѣсто ботика, 7-ю выстрѣлами, и тогда же по сигналу генералъ-адмирала, люди сошли съ реевъ и марсовъ, и всѣ суда разцвѣтились флагами. Послѣ того государь императоръ, находившійся со всею августѣйшею фамиліею во все время церемоніи на пароходѣ Ижора, въ 3 часа по полудни, отправился на паро-

ходъ Геркулесъ, имѣя на катерѣ своемъ флагъ генералъ-адмирала. За императоромъ слѣдовали морскія начальствующія лица на катерахъ, подъ флагами, присвоенными ихъ званію. По отданіи на Геркулесѣ чести ботику, его величество и всѣ бывшія съ нимъ особы возвратились на пароходъ Ижора и, въ $3^1/_2$ часа по полудни, Геркулесъ, сопровождаемый прочими пароходами, пошелъ съ рейда. На судахъ, мимо которыхъ проходилъ ботикъ, караулы отдавали честь и били походъ. Государь императоръ, проводивъ Геркулесъ до малаго рейда, возвратился въ Петергофъ.

Послѣ этого, ботикъ тѣмъ же порядкомъ отведенъ былъ въ С.-Петербургъ и, на другой день, сданъ адмиралтействъ-совѣтомъ въ Петропавловскую крѣпость.

Такъ окончилось послѣднее торжество ботика и съ тѣхъ поръ онъ, въ устроенномъ для него каменномъ павильонѣ, опять мирно стоитъ близъ могилы основателя русскаго флота.

Въ будущемъ 1872 году, Москвѣ предстоитъ вновь увидѣть его въ такой обстановкѣ, которая наглядно покажетъ, что духъ Петра жилъ и живетъ до сихъ поръ въ русскомъ флотѣ, и что моряки наши и послѣ Петра продолжали во время мира и войны трудиться по его примѣру.

Разнообразные предметы будущей политехнической выставки представятъ образцы того, что выработано наукою и искусствомъ по всѣмъ отраслямъ морского дѣла, а о военныхъ заслугахъ нашихъ моряковъ, совершенныхъ по кончинѣ царственнаго адмирала, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ славныя имена Чесьмы, Наварина, Синопа и, особенно, незабвеннаго Севастополя, обезсмертившаго своихъ героевъ-защитниковъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимали моряки.

Морской отдѣлъ выставки представляетъ всестороннее развитіе геніальной мысли царя, возбужденной старымъ ботикомъ, а потому, какъ бы ни были любопытны и полезны выставленные въ «отдѣлѣ» предметы, самымъ драгоцѣннымъ изъ нихъ, конечно, будетъ старый ботикъ Петра Великаго, маститый «Дѣдушка» русскаго флота.

Ѳ. Ѳ. Веселаго

ѲАДДЕЙ ВЕНЕДИКТОВИЧЪ БУЛГАРИНЪ.

1789—1859.

I.

Біографическій очеркъ, составленный Н. И. Гречемъ.

I.

Замѣчено и какъ бы принято въ литературѣ, что бранятъ писателя, когда онъ находится въ живыхъ, пока онъ дѣйствуетъ на своихъ современниковъ, на соперниковъ, на враговъ. По смерти же выставляютъ обыкновенно хорошія его стороны, забываютъ слабости, прощаютъ его ошибки, промахи, даже дѣла непохвальныя. Замѣчательно, что Булгарину выпала противоположная участь: при жизни, одни его хвалили, другіе терпѣли, третьи ненавидѣли, многіе спорили, бранились съ нимъ, но безусловно его не поносили, развѣ въ ненапечатанныхъ эпиграммахъ. Видно, боялись его колкаго, неумолимаго пера. Но по смерти сдѣлался онъ предметомъ общей злобы и осмѣянія. Люди, которые не годились бы къ нему въ дворники, ругаютъ и поносятъ его самымъ безпощаднымъ, безсовѣстнымъ образомъ. Въ некрологѣ календаря на 1860 годъ напечатанъ былъ о Булгаринѣ отнюдь не хвалебный, но довольно безпристрастный отзывъ: эта статья подверглась насмѣшкамъ и брани. Что̀ могло-бъ быть виною этого явленія? Повторяю: мертваго льва уже не боялись собаченки. Исполню долгъ чести и правды, составивъ описаніе его жизни, дѣлъ и характера. Волею и неволею былъ я въ продолженіе долгаго времени въ тѣсныхъ съ нимъ сношеніяхъ: буду говорить о немъ сущую правду, не скрою темныхъ сторонъ его жизни и характера, его слабостей и не-

достатковъ, но въ то же время отдамъ справедливость тому, что было въ немъ хорошаго, и опровергну клеветы, взведенныя на него завистью, злобою и мстительностью. Буду принужденъ коснуться и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, и постараюсь исполнить возложенную на меня обязанность со всевозможнымъ безпристрастіемъ и пощадою. Буду говорить и о себѣ сколь можно равнодушнѣе и правдивѣе. Впрочемъ обстоятельства, въ которыя я долженъ входить, извѣстны всѣмъ, и говоря о нихъ явно, я не нарушаю никакой тайны.

II.

Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ (Thaddeus Bulharyn) родился 24 іюня 1789 г. въ Виленской или Минской губерніи. Отецъ его, рьяный республиканецъ, извѣстный въ округѣ своемъ подъ именемъ шальнаго (szałny) Булгарина, въ пылу польской революціи (1794 г.) убилъ (не въ сраженіи) русскаго генерала Воронова, и былъ сосланъ на жительство въ Сибирь. Жена его, сколько могу судить по преданіямъ, женщина добрая и почтенная, отправилась съ сыномъ своимъ Ѳаддеемъ въ Петербургъ, и успѣла помѣстить его въ Сухопутный (что нынѣ первый) кадетскій корпусъ, который былъ уже не тѣмъ, что подъ начальствомъ графа Ангальта, но сохранялъ еще остатки и преданія прежняго своего достоинства. Мужъ ея, Бенедиктъ, возвращенъ былъ на родину императоромъ Павломъ, и вскорѣ умеръ. Вдова его вышла замужъ за какого-то Менджинскаго, и имѣла съ нимъ сына и дочь. Сынъ служилъ въ русской арміи, честно и храбро, былъ израненъ, жилъ потомъ въ отставкѣ и умеръ въ тридцатыхъ годахъ. Дочь, Антонина Степановна, была въ молодости красавицею. Мать, имѣя процесъ въ сенатѣ, привезла ее съ собою въ Петербургъ. Здѣсь влюбился въ нее сенатскій секретарь Александръ Михайловичъ Искрицкій, и женился на ней. Онъ имѣлъ сыновей Демьяна, Александра и Михаила, о которыхъ пойдетъ рѣчь впослѣдствіи.

Ѳаддей, нареченный симъ именемъ при крещеніи, въ честь Костюшки, учился въ корпусѣ очень хорошо, и смолоду оказывалъ большія способности. По экзамену слѣдовало бы ему выйти въ артиллерію или въ генеральный штабъ, но цесаревичъ Константинъ Павловичъ, по особому благоволенію къ полякамъ,

которые потомъ заплатили за это благоволеніе по-польски, взялъ его въ свой уланскій полкъ, который, послѣ того, сдѣланъ былъ гвардейскимъ.

III.

Булгаринъ былъ принятъ во многихъ хорошихъ домахъ Петербурга, особенно въ польскихъ, и, какъ вся тогдашняя молодежь, велъ жизнь разгульную и буйную. Съ полкомъ своимъ онъ былъ въ походахъ 1805, 1806 и 1807 годовъ, и хотя въ послѣдствіи разсказывалъ мнѣ о своихъ геройскихъ подвигахъ, но, по словамъ тогдашнихъ его сослуживцевъ, между прочимъ генерала Іоселіана, храбрость не была въ числѣ его добродѣтелей: частенько, когда наклевывалось сраженіе, онъ старался быть дежурнымъ по конюшнѣ. Однако онъ былъ сильно раненъ въ животъ при Фридландѣ, и лежалъ нѣсколько недѣль въ венигсбергскомъ лазаретѣ. Тамъ свидѣлся онъ со многими поляками, служившими въ арміи Наполеона: они приглашали его перейти къ французамъ. Булгаринъ отвѣчалъ имъ: «Теперь было бы безчестно сдѣлать это. Дайте срокъ: заключатъ миръ; 1-го сентября подамъ въ отставку и прикачу къ коханымъ». По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, наскучила ему единообразная гарнизонная служба. Онъ отправлялъ ее нерадиво и своевольно. Однажды, съ дежурства по эскадрону въ Стрѣльнѣ, онъ махнулъ, безъ спросу, въ Петербургъ, чтобъ потѣшиться въ публичномъ маскарадѣ; заѣхалъ къ одному товарищу, адъютанту цесаревича, жившему въ Мраморномъ дворцѣ, нарядился амуромъ въ трико, накинувъ на себя форменную шинель, надѣлъ уланскую шапку, и спускался по задней лѣстницѣ. Вдругъ увидѣлъ предъ собою цесаревича.

— «Булгаринъ?»

«Точно такъ, ваше высочество».

— «Ты, помнится, сегодня дежуришь, да что ты закрываешься?» вскричалъ великій князь, сбросилъ съ него шинель, и увидѣлъ амура съ крылышками и колчаномъ. «Хорошъ! милъ! Ступай за мною».

Сошли съ крыльца. Цесаревичъ посадилъ его къ себѣ въ карету, и привезъ на балъ къ княгинѣ Четвертинской, взялъ за руку и ввелъ въ залу, наполненную бо-мондомъ.

«Полюбуйтесь!» сказалъ онъ хозяйкѣ и гостямъ: «вотъ де-

журный по карауламъ въ Стрѣльнѣ. Вонъ, м.....! Сію минуту отправляйся къ полковому командиру подъ арестъ!» Амуръ, пристыженный, одураченный, удалился при общемъ хохотѣ.

Дѣло кончилось арестомъ, но послѣдствія его не прекращались. Цесаревичъ при всякомъ случаѣ напоминалъ шалуну его дерзость, и взыскивалъ съ него болѣе чѣмъ съ другихъ. Измученный и службою и этимъ преслѣдованіемъ, Булгаринъ написалъ на своего начальника сатиру, начинавшуюся стихами:

Трепещетъ Стрѣльна вся, повсюду ужасъ, страхъ.
Неужели землетрясенье?
Нѣтъ! нѣтъ! великій князь ведетъ насъ на ученье.

Къ поэзіи присоединились еще нѣсколько прозаическихъ немарсовскихъ подвиговъ, и корнета Булгарина перевели въ какой-то армейскій драгунскій полкъ (находившійся въ войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи), выдержавъ его, помнится, три мѣсяца въ кронштадтской крѣпости. Просидѣвъ нѣсколько времени въ казематѣ, онъ былъ выпущенъ добрымъ комендантомъ Клугеномъ, и прожилъ время, остававшееся до освобожденія, на квартирѣ у какого-то пьянаго мѣщанина Голяшкина, ухаживалъ за дочками его, и выучился у батюшки разнымъ неблагопристойнымъ, разбойничьимъ пѣснямъ, которыя въ послѣдствіи распѣвалъ кстати и некстати.

Въ Финляндіи служилъ онъ до окончанія войны, и потомъ стоялъ съ своимъ полкомъ въ Ревелѣ. Во время этой войны удалось ему сдѣлать доброе дѣло. Извѣстно, что самыми рьяными и злыми врагами русскихъ были въ то время финскіе пасторы: они истребляли наши отряды, перехватывали переписку, отбивали обозы и оружіе, словомъ, дѣйствовали какъ партизаны. Особенно одинъ сельскій пасторъ отличился проворствомъ и удальствомъ: схватилъ нѣсколько русскихъ офицеровъ, и выдалъ шведамъ, укрывавшимся въ его домѣ. Начальникъ дѣйствовавшаго въ этой странѣ русскаго отряда послалъ въ домъ пастора отрядъ драгунъ, подъ командою офицера, и этотъ офицеръ былъ Булгаринъ. Онъ сдѣлалъ быстрый набѣгъ на село, и окружилъ церковный домъ. Жена пастора укрыла мужа. Булгаринъ, замѣтивъ гдѣ спрятался несчастный, объявилъ, что возьметъ его силою. Жена и дѣти бросились къ ногамъ его и умоляли о пощадѣ. Булгаринъ сжалился, представился будто

не видитъ искомаго, оставилъ домъ и село, и явился къ начальнику съ донесеніемъ: не нашелъ! Командиръ побранилъ его за оплошность, но, можетъ быть, самъ былъ радъ, что освободился отъ необходимости казнить человѣка, который полагалъ, что дѣйствуетъ по закону и по долгу. Это происшествіе сдѣлалось извѣстнымъ въ Финляндіи и въ Швеціи. По заключеніи мира, явилась въ Стокгольмѣ гравюра съ изображеніемъ этого случая и съ надписью: «Великодушіе русскаго офицера». Въ бытность Булгарина въ Швеціи (въ 1838 г.) пригласилъ его къ обѣду одинъ почтенный и богатый человѣкъ. Гостей было множество. Булгаринъ, сѣвши за столъ, увидѣлъ предъ собою гравированную картину. Всѣ пили съ восторгомъ за его здоровье.

Этотъ анекдотъ слышалъ я отъ Булгарина и отъ нѣкоторыхъ финляндцевъ.

IV.

Въ Ревелѣ Булгаринъ привелъ въ исполненіе свой давнишній замыселъ. Вышедши въ отставку (а можетъ быть, состоя еще на службѣ), онъ выѣхалъ оттуда съ однимъ французомъ, графомъ де-Кенсона (Quinsonnat), посѣтилъ свою мать на пути, прибылъ въ Варшаву, и вступилъ въ одинъ сформированный французами уланскій полкъ рядовымъ, какъ мнѣ сказывалъ съ негодованіемъ двоюродный братъ его, графъ Тиманъ, служившій Россіи честно и усердно въ гусарахъ до генеральскаго чина, и ненавидѣвшій польскую ойчизну. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы Булгаринъ бѣжалъ или передался непріятелю. Россія была тогда съ Франціею въ дружбѣ и въ союзѣ. Булгаринъ былъ полякъ (un mauvais sujet mixte), слѣдственно переходъ его не былъ ни бѣгствомъ, ни измѣною. Объ этомъ скажу нѣсколько словъ ниже. Но благородные товарищи Булгарина, подобные графу Тиману, не могли простить ему этой эскапады, и отзывались о его поступкѣ откровенно. Изъ Варшавы былъ онъ отправленъ къ полку въ Испанію, но о жизни и о службѣ его тамъ я ничего не знаю. Въ 1812 году находился онъ въ корпусѣ маршала Удино, дѣйствовавшаго въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи противъ графа Витгенштейна.

Онъ разсказывалъ, что однажды напросился участвовать въ размѣнѣ плѣнныхъ, былъ онъ въ русскомъ авангардѣ, видѣлъ нѣкоторыхъ старыхъ товарищей, но не былъ ими узнанъ, и не

старался о томъ; только послалъ поклоны нѣсколькимъ знакомцамъ съ русскимъ вахмистромъ, провожавшимъ французскихъ парламентеровъ. Но дѣйствительно-ли это было такъ, не могу сказать. Булгаринъ, какъ и всѣмъ извѣстно, былъ большой сочинитель. Короткимъ друзьямъ своимъ изъ либераловъ повѣрялъ онъ за тайну, что на переправѣ Наполеона чрезъ Березину при Студянкѣ (деревнѣ, будто бы принадлежавшей его матери), онъ былъ однимъ изъ тѣхъ польскихъ уланъ, которые по рыхлому льду провели лошадь, несшую полузамерзшаго императора французовъ.

Въ 1813 году онъ участвовалъ въ сраженіи при Бауценѣ. Это достовѣрно. На одномъ вечерѣ, не помню у кого именно, Булгаринъ бесѣдовалъ объ этой битвѣ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, который въ ней былъ дѣйствующимъ лицемъ съ русской стороны, адъютантомъ князя Репнина. Булгаринъ описалъ это сраженіе въ статьѣ своей: «Знакомство съ Наполеономъ», напечатанной въ собраніи его сочиненій. Въ послѣдствіи былъ онъ въ сраженіи при Кульмѣ, въ эскадронѣ польскихъ уланъ, которой пробился сквозь корпусъ прусскаго генерала Клейста. Въ кампанію 1814 года, во Франціи, былъ онъ взятъ въ плѣнъ прусскимъ партизаномъ Коломбомъ и отправленъ въ Пруссію. Тогда случилось съ нимъ происшествіе, о которомъ онъ не любилъ говорить. Служившій тогда въ одномъ изъ кирасирскихъ полковъ гвардіи, товарищъ Булгарина по кадетскому корпусу, полковникъ Петръ Ивановичъ Кошкуль, ѣдучи впереди своего эскадрона (на пути во Францію, близъ береговъ Рейна) встрѣтивъ нѣсколькихъ французскихъ плѣнныхъ, которыхъ везли въ Пруссію на телѣжкахъ, не обратилъ вниманія на это зрѣлище, повторявшееся довольно часто. Когда фура проѣхала шаговъ на сто, одинъ вахмистръ подскакалъ къ Кошкулю и сказалъ ему:

«Ваше высокоблагородіе! одинъ плѣнный французъ приказалъ вамъ поклониться».

— «Какой французъ? гдѣ?»

«Вонъ, тамъ на возу, ваше высокоблагородіе».

— «Да какъ ты его понялъ?»

«Онъ говоритъ по-русски, какъ вы и я».

Кошкуль пришпорилъ коня, и подскакалъ къ указанному возу.

— «Кто говоритъ здѣсь по-русски?»

Одинъ уланскій офицеръ соскочилъ съ возу, и закрывъ лице руками, сказалъ:

— «Мнѣ совѣстно смотрѣть на тебя, Кошкуль! Я Булгаринъ».

— «Булгаринъ!» воскликнулъ честный Кошкуль въ изумленіи: «это ты? Какъ тебѣ не стыдно говорить со мною, п.....!»

— «Теперь не до морали!» возразилъ Булгаринъ: «я въ крайности; ѣсть нечего. Дай мнѣ взаймы, заплачу, какъ честный человѣкъ».

Кошкуль бросилъ ему нѣсколько червонцевъ, и ускакалъ. Жестоко, но справедливо.

Самъ Булгаринъ сначала разсказывалъ объ этомъ случаѣ, но потомъ утверждалъ, что это неправда, что Кошкуль, на старости лѣтъ, не помнилъ, какъ были дѣла, и выдумывалъ небылицы. Нѣтъ, Кошкуль былъ человѣкъ благородный и правдивый, и очень хорошо помнилъ, что говоритъ.

Заслужилъ-ли Булгаринъ такую встрѣчу со стороны своего школьнаго товарища и бывшаго сослуживца? Заслужилъ и не заслужилъ, съ которой стороны взглянешь на дѣло. Заслужилъ по суду совѣсти и по общему закону чести: онъ былъ русскимъ подданнымъ и дворяниномъ, воспитанъ въ казенномъ заведеніи на счетъ правительства, носилъ гвардейскій мундиръ, и перешелъ подъ знамена непріятельскія. Съ другой стороны онъ былъ полякъ, и въ этомъ заключается все его оправданіе. У поляковъ своя логика, своя математика..... Наносить всевозможный вредъ своему врагу, нападать на него всѣми средствами, пользоваться всѣми возможными случайностями, чтобъ надоѣсть ему, оскорблять его правдой и неправдой, и утѣшаться мыслію, что цѣль оправдываетъ средства..... Булгаринъ оправдывается тѣмъ, что онъ передался французамъ въ то время (1810), когда, какъ выше сказано, Франція была съ Россіею въ дружбѣ и въ союзѣ; но что мѣшало ему, при началѣ войны 1812 года, не перейти обратно въ русскую службу, а удалиться куда нибудь и остаться нейтральнымъ? Это совѣтовалъ ему не только законъ чести, но

и голосъ благоразумія. Отъ этой измѣны покрылъ онъ себя безславіемъ, и не могъ добиться уваженія ни у которой партіи.

Плѣнныхъ привели или, какъ говорятъ, пригнали въ Россію.

V.

Вдругъ прекратилась война взятіемъ Парижа и низложеніемъ Наполеона: плѣнныхъ размѣняли, и полякамъ объявили безусловную амнистію. Булгаринъ, съ другими освобожденными поляками, явился въ Варшавѣ къ цесаревичу. Константинъ Павловичъ принялъ его ласково, и указавъ на прежнихъ товарищей его—Жандра, Албрехта и пр. въ звѣздахъ и лентахъ, сказалъ:

— «И ты былъ бы теперь генераломъ, если-бъ остался у меня».

Булгаринъ отвѣчалъ: «Ваше Высочество я служилъ моему отечеству».

— «Хорошо! хорошо!» возразилъ великій князь: «теперь послужи мнѣ!»

Онъ предлагалъ воротившемуся патріоту любое комендантское мѣсто въ Царствѣ Польскомъ, но Булгаринъ отказался, объявивъ, что долженъ ѣхать къ матери, и привести въ порядокъ разстроенное свое имѣніе.

Онъ дѣйствительно любилъ и уважалъ свою мать, и когда, бывало, хотѣлъ подкрѣпить какую нибудь колоссальную ложь, то клялся, при ея жизни, сѣдинами матери, а по смерти, ея тѣнью. Онъ свидѣлся съ нею, но имѣнія не нашелъ, потому, вѣроятно, что его и не бывало. Между тѣмъ возобновилъ онъ знакомство съ своими родственниками. Дядя его, Павелъ Булгаринъ, бывшій литовскимъ подконюшимъ (этотъ чинъ былъ въ большомъ уваженіи въ Польшѣ), полюбивъ Ѳаддея за живой характеръ, за умъ и находчивость, поручилъ ему вести процессъ его съ родственникомъ графомъ Тышкевичемъ и Парчевскимъ, или собственно два процесса: одинъ съ Парчевскимъ противъ Тышкевича, другой съ Тышкевичемъ противъ Парчевскаго. Дѣло шло объ осьми тысячахъ душъ. Булгарину за ходатайство обѣщано было пять процентовъ, т.-е. четыреста душъ. Процессъ производился въ Сенатѣ, и новый ходатай отправился въ С.-Петербургъ. Здѣсь принятъ онъ былъ въ домѣ зятя своего Искрицкаго, и не знаю, какъ попалъ во французскій кругъ у генера-

ловъ Базена, Сенновера и пр., читалъ имъ свои сочиненія, которыя кто-то переводилъ для него на французскій языкъ.

Въ началѣ февраля 1820 года явился у меня въ кабинетѣ человѣкъ лѣтъ тридцати, тучный, широкоплечій, толстоносый, губанъ, порядочно одѣтый, и заговорилъ со мною по-французски: «Excusez, monsieur, si je vous dérange» ..

Замѣтивъ съ перваго слова, что ему трудно говорить по-французски, я прервалъ его рѣчь вопросомъ:

— «Говорите ли вы по-русски?»

— «Говорю-съ. Я полякъ».

— «Итакъ, къ чему толковать по-французски? Скажите мнѣ, пожалуйте, что вамъ угодно?»

Тогда объявилъ онъ мнѣ, что пришелъ по просьбѣ одного французскаго литератора г. Де-Сенъ-Мора, человѣка необыкновенно умнаго, ученаго и благороднаго, который намѣренъ читать лекціи о французской литературѣ.

— «Да какой онъ партіи?» спросилъ я: «кажется отъявленный роялистъ?»

— «Точно, самый ревностный приверженецъ законной династіи».

— «Какъ же онъ можетъ быть умнымъ человѣкомъ?» сказалъ я. «Умный легитимистъ въ нынѣшнее время не поѣдетъ изъ Франціи, чтобъ искать хлѣба за границею. Видно, онъ олухъ и не знаетъ что дѣлать, или такъ уменъ, что видитъ близкое паденіе своей партіи. Вообще въ нынѣшней Франціи умъ, знанія, дарованія на лѣвой сторонѣ».

Мой собесѣдникъ захохоталъ весело.

— «Такъ вотъ вы какой! А я думалъ, что вы ревнитель бурбоновъ и монархическаго начала».

Мы разговорились и познакомились. Это былъ Ѳаддей Булгаринъ.

Я былъ въ то время отъявленнымъ либераломъ, напитавшись этого духа въ краткое время пребыванія моего во Франціи (въ 1817 г.). Да и кто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей былъ на сторонѣ реакціи? Всѣ тянули пѣсню конституціонную, въ которой запѣвалою былъ императоръ Александръ Павловичъ. Оппозиція Аракчееву, Голицыну и всѣмъ этимъ темнымъ властямъ была тогда въ модѣ, была дѣломъ извѣстнымъ, славою и знаме-

немъ тогдашняго юнаго поколѣнія. Самымъ либеральнымъ журналомъ была «Сѣверная Почта», выходившая подъ вѣдѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева. Семеновская исторія еще не навлекала мрачныхъ тучъ на горизонтѣ свѣтлыхъ идей и мечтаній. Революціи греческая, а потомъ испанская и италіянская, встрѣчали въ Россіи, какъ и вездѣ, ревностныхъ друзей и поборниковъ. Булгаринъ, какъ щирый полякъ, не могъ не раздѣлять этого движенія умовъ. Въ моемъ домѣ онъ узналъ Бестужевыхъ, Рылѣева, Грибоѣдова, Батенкова, Тургеневыхъ и пр.—цвѣтъ умной молодежи! Нѣсколько разъ долженъ я напоминать, что Булгаринъ былъ въ то время отнюдь не тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался въ послѣдствіи: былъ малый умный, любезный, веселый, гостепріимный, способный къ дружбѣ, и искавшій дружбы людей порядочныхъ. Между тѣмъ, по національной природѣ своей, онъ не пренебрегалъ знакомствомъ и милостью людей знатныхъ и особенно сильныхъ. Умѣлъ сойтись и съ гнуснымъ Магницкимъ, и съ сумасброднымъ Руничемъ, и съ глупымъ Кавелинымъ; познакомился съ лицами, окружавшими Аракчеева, пролезъ и къ нему самому. До 1823 года онъ литературою занимался мало, посвящая все свое время, всю свою дѣятельность веденію своего процесса. И мнѣ кажется, что занятія этимъ процесомъ, сопряженныя съ уловками и продѣлками, которыя не всегда оправдываются законами чести и долга, имѣли вредное вліяніе на развитіе его понятій и характера. Для достиженія своей цѣли онъ употреблялъ всѣ возможныя средства: съ утра до вечера таскался по сенаторскимъ и оберъ-прокурорскимъ переднимъ, навѣщалъ секретарей и стряпчихъ, кормилъ и подкупалъ ихъ, привозилъ игрушки и лакомства ихъ дѣтямъ, подарки женамъ и любовницамъ. Польская натура нашла въ этихъ маневрахъ обильную пищу своей низкопоклонности, лести, хвастовству и хлѣбосольству съ опредѣленною цѣлью. Эти подвиги, оправдываемые свойствомъ его занятій, произвели въ его умѣ смѣшанную теорію правилъ войны, сутяжничества и литературы. Потерявъ возможность продолжать съ успѣхомъ военную службу, онъ пошелъ въ стряпчіе; видя что можно пріобрѣсть литературою извѣстность, а съ нею и состояніе, онъ наконецъ взялся за нее, руководствуясь на каждомъ изъ сихъ поприщъ правилами—достигнуть цѣли жизни, т. е. удовлетворенія тщесла-

вію и любостяжанію. Эта теорія не мѣшала ему притомъ быть человѣкомъ не злымъ, добрымъ, сострадательнымъ, благотворительнымъ, и, въ минуту порыва, готовымъ на пожертвованіе. Онъ почиталъ и уважалъ добрыя стороны въ людяхъ, даже тѣ, которыхъ самъ не имѣлъ. Такимъ образомъ постигъ онъ всю благость, все величіе души Грибоѣдова, подружился съ нимъ, былъ ему искренно вѣренъ до конца жизни, но не знаю, осталась ли бы эта дружба въ своей силѣ, если бы Грибоѣдовъ вздумалъ издавать журналъ, и тѣмъ сталъ угрожать «Пчелѣ», то есть увеличенію числа ея подпищиковъ. Признаюсь, если бы я зналъ, каковъ Булгаринъ дѣйствительно, то есть какимъ онъ сдѣлался въ старости, я ни за что не вошелъ бы съ нимъ въ союзъ. Но эти порывы мнѣ казались простыми вспышками вѣтрянаго самолюбія. Я не видѣлъ, что въ этомъ скрывалась только исключительная жадность къ деньгамъ, имѣвшая цѣлію нестолько накопленіе богатства, сколько удовлетвореніе тщеславію. Фридрихъ II сказалъ однажды о полякахъ: «нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ полякъ, чтобъ добыть сто червонцевъ, которые онъ потомъ выброситъ за окно». Къ тому должно еще прибавить, что человѣкъ можетъ исправиться отъ тѣхъ привычекъ и слабостей, которыя привились къ нему отъ ложнаго воспитанія, отъ дурныхъ обществъ и примѣровъ, и т. п., но врожденныя свойства его, и хорошія и дурныя, съ годами крѣпнутъ и возрастаютъ. Такъ было и съ Булгаринымъ: въ молодости онъ былъ любезенъ, остеръ, добродушенъ, обходителенъ; эти качества исчезали въ немъ съ каждымъ годомъ, и съ каждымъ годомъ увеличивалось въ немъ чувство зависти, жадности и своекорыстія, заглушая добрыя его свойства.

Я приписываю странности и причуды Булгарина его воспитанію, обстановкѣ и послѣдовавшимъ обстоятельствамъ его жизни; но въ самой основѣ его характера было что-то невольно дикое и звѣрское. Иногда, вдругъ, ни съ чего или по самому ничтожному поводу онъ впадалъ въ какое-то изступленіе, сердился, бранился, обижалъ встрѣчнаго и поперечнаго, доходилъ до бѣшенства. Когда бывало такое изступленіе овладѣетъ имъ, онъ пуститъ себѣ кровь, ослабнетъ, и потомъ войдетъ въ нормальное состояніе. Во время такихъ припадковъ, онъ дѣйствительно казался сумасшедшимъ и бѣшенымъ, и было бы несправедливо винить

его за то: это были припадки болѣзни крови, уступавшіе механическимъ средствамъ, т. е. кровопусканію. Когда я убѣдился въ выраженіи недружелюбія, зависти и злобы въ Булгаринѣ, надобно было бы расторгнуть нашу связь, но отъ нея зависѣло благосостояніе моего семейства. Я сносилъ съ терпѣніемъ всѣ его причуды, подозрѣнія и оскорбленія, но нерѣдко выходилъ изъ терпѣнія: такъ, въ 1853 году не могъ не возстать противъ него всенародно въ слѣдствіе его жалкаго и подлаго идолопоклонства Контскимъ. Потомъ поступилъ онъ со мною безчестно, и открылъ всю глубину своей души. Между тѣмъ онъ впалъ въ болѣзнь, и я не могъ ничего сдѣлать.

Въ то время, какъ я познакомился съ Булгаринымъ, онъ не довѣрялъ еще своему искусству владѣть русскимъ языкомъ въ литературномъ отношеніи, писалъ дѣловыя бумаги при помощи подьячихъ, и очень искусно, что видно изъ выиграннаго имъ процесса своего дяди.

VI.

Между тѣмъ хотѣлось ему заработать что нибудь литературною работою. Онъ вздумалъ издать «Оды Горація» съ комментаріями Ежевскаго и другихъ критиковъ, но самъ онъ зналъ полатыни очень плохо, просто сказать, зналъ этотъ языкъ, какъ какая-нибудь полька, посѣщающая католическую церковь. Ему помогъ одинъ мой родственникъ, и книжка вышла изрядная. Ежевскій и нѣкоторые другіе латинисты жаловались на заимствованіе ихъ замѣчаній, но Булгаринъ оправдался тѣмъ, что упомянулъ объ этихъ заимствованіяхъ въ своемъ предисловіи. Въ то время втерся онъ къ Магницкому и Руничу, и старался, при ихъ помощи, ввести эту книгу въ училища, но обѣщанія ихъ ограничились словами. Книга не раскупалась, и Булгаринъ рѣшился пожертвовать ее въ пользу училищъ.

Въ намѣреніи упрочить свое существованіе литературными трудами, онъ обратился къ русской и славянской исторіи. Набравъ нѣсколько историческихъ матеріяловъ, сталъ онъ издавать «Сѣверный Архивъ» (1826), печаталъ въ немъ статьи интересныя, но впадалъ въ страшные промахи, особенно по недостаточному знанію иностранныхъ языковъ, коверкалъ имена собственныя, смѣшивалъ событія, и еслибы издавалъ теперь, то не избѣжалъ-бы обличеній и насмѣшекъ, но въ тѣ блаженныя времена, когда

печатный каждый листъ казался намъ святымъ, и не то сходило съ рукъ.

Желая придать сухому журналу болѣе интереса для читающей публики, Булгаринъ вздумалъ издавать при немъ особые листки, подъ заглавіемъ «Волшебный фонарь», и тутъ попалъ въ свою колею. Небольшія, вообще сатирическія картины нравовъ и историческіе очерки, понравились публикѣ, и поощрили его усердіе. Занявшись легкою литературою, онъ оставилъ ученую, для которой не имѣлъ ни основательныхъ познаній, ни особеннаго дарованія. Я помогалъ ему усердно, особенно сглаживая слогъ, который отзывался полонизмами и галлицизмами. Въ 1824 году разразилась надо мною катастрофа Госнера. Канкринъ хотѣлъ предъ тѣмъ взять меня на службу въ Министерство Финансовъ, но узнавъ, что я преданъ суду, отложилъ это до моего оправданія. Тогда затѣяли мы съ Булгаринымъ изданіе «Сѣверной Пчелы», не прекращая ни «Сына Отечества», ни «Архива». Позволеніе министра просвѣщенія получили мы безъ труда. Булгаринъ былъ знакомъ съ бывшею потомъ женою Шишкова Лобаршевскою, и чрезъ нее втерся къ старику. Онъ даже называлъ и считалъ себя ея родственникомъ, доколѣ Шишковъ былъ министромъ. При начатіи «Сѣверной Пчелы» (въ январѣ 1825 г.) я уже вытрезвился отъ либеральныхъ идей волею и неволею, и удерживалъ сарматскіе порывы Булгарина. За это ему доставалось отъ либераловъ. Рылѣевъ, раздраженный вѣрноподданическими выходками газеты, сказалъ однажды Булгарину:

— «Когда случится революція, мы тебѣ на «Сѣверной Пчелѣ» голову отрубимъ».

Особенно образумила меня Семеновская исторія, доказавъ мнѣ, что можно попасть въ бѣду безъ всякой вины. Булгаринъ, до испытанія силъ своихъ въ мелкой литературѣ, вздумалъ заниматься преимущественно русскою исторіею, и выбралъ для этого періодъ самозванцевъ, при которомъ могъ пользоваться польскими источниками. Героинею его была Марина Мнишекъ.

Въ маѣ 1823 года происходило публичное чтеніе Общества соревнователей просвѣщенія и благотворительности. По болѣзни президента, Ѳ. Н. Глинки, предсѣдательствовалъ я, какъ вице-президентъ. Читаны были отрывки изъ біографіи фонъ-Визина — кн. Вяземскаго, стихи Василія Ив. Туманскаго и т. п., и,

между прочимъ, отрывки изъ «Біографіи Марины Мнишекъ» Булгарина. Статья была слабая, плохо написанная: онъ не читалъ ее, а мямлилъ, и паденіе ея было совершенное. Это разсердило Булгарина, и отвадило на нѣсколько лѣтъ отъ русской исторіи, которую онъ было считалъ игрушкою.

VII.

При успѣхѣ своихъ повѣстей и мелкихъ статеекъ, задумалъ онъ своего «Ивана Ивановича Выжигина», писалъ его долго, рачительно, и имѣлъ въ немъ большой успѣхъ. Года въ два разошлось до семи тысячъ экземпляровъ. Романъ этотъ нынѣ забытъ, и находится въ пренебреженіи, котораго не заслужилъ. Должно вспомнить, что онъ былъ, по времени, первымъ русскимъ романомъ, и что имъ началась обличительная наша литература. Многіе черты и характеры схвачены въ немъ удачно и умно. Видя успѣхъ «Ивана Выжигина», книгопродавецъ Алексѣй Заикинъ заказалъ Булгарину «Петра Выжигина», который былъ несравненно слабѣе, и не принесъ выгоды. Алексѣй Заикинъ умеръ въ холеру 1831 года, не дождавшись окончанія изданія романа.

«Дмитрій Самозванецъ», по мнѣ, еще слабѣе, особенно тѣмъ, что авторъ берется изображать чувства любви и нѣжности. Онъ зналъ любовь и зналъ на практикѣ, но не ту, которую описываютъ въ романахъ.

Въ 1836 году затѣялъ онъ большую спекуляцію, сочиненіе книги: «Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи». Сотрудникомъ ему былъ профессоръ Н. А. Ивановъ (сперва бывшій въ Дерптѣ, а потомъ въ Казани). Трагикомическая судьба этого изданія описана мною въ статьѣ объ энциклопедическомъ лексиконѣ.

Послѣднимъ большимъ предпріятіемъ Булгарина были его «Воспоминанія» или «Записки». Въ нихъ много забавнаго, интереснаго, но — правду ли онъ писалъ? Не всегда. Я не думаю, чтобъ онъ лгалъ умышленно, но онъ украшалъ событія, и безпрерывно разсказывая ихъ устно, самъ привыкалъ вѣрить, что они случались точно такъ, какъ онъ разсказываетъ. Многое, напримѣръ, что онъ говоритъ обо мнѣ, случилось не такъ какъ онъ пишетъ. Иное прибавлялъ онъ съ разсчетомъ и какъ гово-

рятъ нынѣ съ заднею мыслію. Такъ я спросилъ у него однажды, на что онъ въ одномъ изъ томовъ записокъ приплелъ исторію о подвигахъ Наполеона I въ Байоннѣ въ 1808 году: они вовсе не идутъ къ дѣлу. Онъ признался мнѣ, что внесъ этотъ эпизодъ, чтобы сказать о прибытіи въ Байонну графа А. И. Чернышева куріеромъ отъ императора Александра Павловича, и угодить тѣмъ графу, котораго просилъ о переводѣ свояка его, полковника Руднева, въ гвардейскій генеральный штабъ!

Все штуки, все продѣлки, все интриги! А у него былъ такой самородный талантъ, что онъ могъ бы обойтись и безъ этихъ средствъ! Онъ писалъ съ большою легкостью, что называется съ плеча, но легкомысліе его было еще больше. Никогда, бывало, не справится съ источникомъ или дѣйствительностью какого либо случая, а пишетъ какъ въ голову прійдетъ. Такимъ образомъ онъ бросился однажды на нѣмцевъ за то, что они употребляютъ слово luxurios, слово неблагопристойное. Совсѣмъ нѣтъ, по-нѣмецки оно значитъ просто роскошный, и происходитъ отнюдь не отъ французскаго luxure. Въ другой разъ онъ вздумалъ утверждать, что нѣмецкій писатель Геллертъ жилъ девять лѣтъ въ Россіи, всегда любилъ ее, и воспоминалъ о ней съ удовольствіемъ. Геллертъ же не выѣзжалъ изъ Лейпцига. Булгаринъ вѣроятно смѣшалъ его съ Гердеромъ. Говорю о промахахъ, которые проскользнули въ печати, а сколько исключено и исправлено было въ рукописяхъ! Онъ зналъ русскій языкъ хорошо, но былъ очень слабъ въ грамматикѣ, и, напримѣръ, никакъ не могъ различить падежей мѣстоименія: ея и ее, всегда писалъ: онъ любитъ ея. И латыни доставалось подъ перомъ его, хотя онъ очень любилъ латинскія цитаты. Такъ, вмѣсто: sine qua non, онъ писалъ: si non qua non, и любилъ вставлять латинскія слова для объясненія русскихъ терминовъ, какъ-то снимокъ (fac-simile) и т. п.

Не могу исчислить всѣхъ его изданій *): Экономъ и пр., которыя онъ предпринималъ съ экономическимъ разсчетомъ.

Между тѣмъ, скажу прямо: онъ не заслуживалъ той брани, тѣхъ клеветъ, которыми его осыпали при жизни и осыпаютъ по смерти. Главное тому причиною было, что онъ ни съ кѣмъ

*) За этимъ словомъ въ рукописи оставлено мѣста почти на строку и на полѣ рукою Н. И. Греча выставленъ знакъ вопроса. Ред.

не умѣлъ ужиться, былъ очень подозрителенъ и щекотливъ, и при первомъ словѣ, при первомъ намекѣ, бросался на того, кто казался ему противникомъ, со всею силою злобы и мщенія. Такъ, напримѣръ, произошла его вражда съ Н. А. Полевымъ, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Полевой началъ свой «Телеграфъ» въ одно время съ «Пчелою». Ужъ этого было бы довольно, но онъ дерзнулъ упомянуть въ своемъ объявленіи, что странно отвергать переводы въ журналахъ, а Булгаринъ именно говорилъ объ этомъ въ одной изъ своихъ программъ. Вотъ и загорѣлась война. Признаюсь теперь, по истеченіи пятидесяти (?) лѣтъ, что я могъ бы въ то время остановить Булгарина, но меня забавляла эта брань, къ тому же я былъ товарищемъ Булгарина, и считалъ обязанностью помогать ему въ оборонѣ; да и высокомѣрный и заносчивый Полевой самъ подавалъ къ тому поводъ. Въ 1827 году сошлись мы съ Полевымъ на обѣдѣ у П. П. Свиньина, объяснились, и съ тѣхъ поръ оставались друзьями, но съ Булгаринымъ не обходилось безъ вспышекъ.

VIII.

Всего болѣе повредилъ Булгарину разрывъ его съ благородною партіею нашей литературы: Карамзина, Жуковскаго, Пушкина. Первый поводъ къ тому подалъ Воейковъ своими переносами, сплетнями, клеветами. Въ его біографіи сказано о томъ подробно.

Между тѣмъ все могло обойтись безъ явной войны, и дѣйствительно нѣсколько лѣтъ продолжалась перепалка, но большею частью холостыми зарядами. Въ статьѣ объ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» говорилъ я о спорѣ, поднятомъ Булгаринымъ по поводу объявленія его о числѣ подписчиковъ на «Инвалида» и на «Сына Отечества». Съ тѣхъ поръ господствовала на полѣ бранномъ тишина, но война разразилась вновь въ 1829, и поводомъ къ ней было увольненіе отъ «Пчелы» одного сотрудника. Должно замѣтить, что мы съ Булгаринымъ имѣли по «Пчелѣ» разныхъ сотрудниковъ. Мои, по переводамъ и выпискамъ изъ иностранныхъ газетъ, работали лѣтъ по десяти и болѣе. Со всѣми разстался я дружелюбно, и остался въ добрыхъ съ ними

сношеніяхъ *). Булгаринъ бралъ и отставлялъ, привлекалъ и выгонялъ своихъ сотрудниковъ безпрерывно, и обыкновенно оканчивалъ дѣло съ ними громкимъ разрывомъ, сопровождавшимся непримиримою враждою. Онъ трактовалъ ихъ, какъ польскій магнатъ трактуетъ служащихъ ему шляхтичей: то пируетъ, кутитъ, кахается съ ними, то—обижаетъ ихъ словесно и письменно, какъ наемниковъ, питающихся отъ крохъ его трапезы. Въ числѣ этихъ несчастныхъ илотовъ былъ Орестъ Михайловичъ Сомовъ, учившійся въ Харьковскомъ Университетѣ. Онъ зналъ французскій и итальянскій языки, и очень хорошо писалъ порусски; переводилъ умно и толково, и рачительно исполнялъ всю мелкую работу по газетѣ. Нрава былъ онъ добраго и кроткаго, человѣкъ честный и благородный, но совершенно недостаточный. По сотрудничеству въ «Пчелѣ» получалъ онъ по четыре тысячи рублей асс. въ годъ за составленіе фельетоновъ, смѣси, объявленій о книгахъ, съ короткимъ обсужденіемъ ихъ и т. д. Онъ работалъ у насъ года два. Вдругъ, въ концѣ 1829 года, Булгаринъ за что-то прогнѣвался на него и завопилъ:

— «Вонъ Сомыча! вонъ его!» и дѣйствительно объявилъ ему отставку.

Лишенный такимъ образомъ средствъ къ существованію — Сомовъ предложилъ свои услуги барону Дельвигу, который задумалъ издавать «Литературную Газету», но по лѣности и безпечности своей и по непривычкѣ къ мелочамъ редакціи, охотно принялъ его предложеніе. Вотъ Булгаринъ и струсилъ, видя, что на него поднимается невзгода. Встрѣтясь съ Сомовымъ, въ декабрѣ 1829 г., на Невскомъ проспектѣ, спрашиваетъ:

— «Правда ли, Сомычъ, что ты присталъ къ Дельвигу?»

«Правда!»

— «И вы будете меня ругать?»

«Держись!»

Это слово, какъ искра, взорвало подкопъ въ сердцѣ и въ головѣ Ѳаддея. Воротившись домой, онъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ статью на объявленіе о «Литературной Газетѣ», сталъ бранить и унижать ее до выхода перваго ну-

*) Моими сотрудниками были: Н. И. Юханцовъ (нынѣ д. ст. сов. по министерству финансовъ), И. Я. фонъ Фокъ (то же), Е. К. Рашетъ (тайн. сов.), П. И. Безакъ (нынѣ генер.-маіоръ), А. Н. Очкинъ (ст. сов.). Н. Г.

мера. Но этого было для него недовольно. Узнавъ, что Пушкинъ намѣренъ помогать Дельвигу своимъ содѣйствіемъ, онъ еще болѣе испугался, и не дожидаясь перваго выстрѣла съ непріятельской баттареи, самъ началъ атаку, не противъ Пушкина-писателя, а противъ Пушкина-человѣка. Въ фельетонѣ № 30 Сѣв. Пчелы (1830), выставивъ будто бы изъ англійскихъ журналовъ двухъ французскихъ писателей, говоритъ объ одномъ: «онъ природный французъ, служащій усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины, у котораго сердце холодное и нѣмое, существо какъ устрица, а голова родъ побрякушки, наполненной гремучими риѳмами, гдѣ не зародилась ни одна идея, который, подобно изступленнымъ въ баснѣ Пильпая, бросающимъ камни въ небеса, бросаетъ риѳмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобы позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ». Въ то время Пушкинъ дѣйствительно старался о полученіи званія каммеръ-юнкера, единственно для того, чтобъ возить свою красавицу-жену ко двору и въ большой свѣтъ. Слова фельетона задѣли его за живое, но напрасно онъ сердился: этихъ намековъ никто не думалъ примѣнять къ нему: никто, кромѣ особъ, приближенныхъ къ нему, не зналъ о его домогательствѣ, и я самъ, еслибъ мнѣ растолковали, что въ этой каррикатурѣ Булгаринъ хотѣлъ изобразить Пушкина, никакъ не согласился бы на помѣщеніе ее въ «Пчелѣ». Бѣдный Пушкинъ! Онъ не догадывался, что Булгаринъ, какъ зловѣщій воронъ, прокаркнулъ ему о бѣдственной судьбѣ, которая ожидала его на паркетѣ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ погибъ вслѣдствіе досады придворныхъ дураковъ на то, что среди ихъ явился человѣкъ умный и геніяльный. Какого-нибудь Баркова или Пельчинскаго терпѣли равнодушно. Посдинокъ Пушкина произошелъ отъ интригъ нѣкоторыхъ сверстниковъ его по двору *). Булгаринъ, видя, что пер-

*) Въ послѣдствіи узналъ я, что подкидныя письма, причинившія поединокъ, писаны были княземъ Ив. Сер. Гагариным, съ намѣреніемъ подразнить и помучить Пушкина. Несчастный исходъ дѣла поразилъ князя до того, что онъ разстроился въ умѣ, уѣхалъ въ чужіе края, принялъ католическую вѣру и поступилъ въ орденъ іезуитовъ. Въ пребываніе мое въ Парижѣ (1845—47) былъ онъ послушникомъ монастыря въ Монружѣ, и исправлялъ самыя унизи-

вый выстрѣлъ его не отозвался въ обществѣ, зарядилъ свое ружье вторично.

Однажды, кажется у А. Н. Оленина, Уваровъ, не любившій Пушкина, гордаго и не низкопоклоннаго, сказалъ о немъ: «что онъ хвалится своимъ происхожденіемъ отъ негра Аннибала, котораго продали въ Кронштадтѣ (Петру Великому) за бутылку рома»! Булгаринъ, услышавъ это, не преминулъ воспользоваться случаемъ, и повторилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» этотъ отзывъ *).

Эта оскорбительная выходка, не вызванная Пушкинымъ, озлобила его на Булгарина, и возбудила негодованіе во всѣхъ литераторахъ, любившихъ первостепеннаго нашего поэта. Она и была причиною той ненависти, той злобы, которую питали и питаютъ къ Булгарину бо́льшая часть нашихъ писателей.

На меня Пушкинъ дулся не долго. Онъ вскорѣ убѣдился въ моей неприкосновенности къ штукамъ Булгарина, и какъ казалось, старался сблизиться со мною. Мы разъ какъ-то встрѣтились въ книжномъ магазинѣ Белизара (нынѣ Дюфура). Онъ поклонился мнѣ неловко и принужденно; я подошелъ къ нему, и сказалъ улыбаясь:

«Ну на что это походитъ, что мы дуемся другъ на друга? Точно Б..... Федоровъ съ Орестомъ Сомовымъ».

Онъ расхохотался и сказалъ: «Очень хорошо»! (любимая его поговорка, когда онъ былъ доволенъ чѣмъ-нибудь). Мы подали другъ другу руку, и миръ былъ востановленъ.

Въ концѣ 1831 года, вознамѣрившись издавать «Современникъ», онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и предлагалъ мнѣ участіе въ новомъ журналѣ.

Я отвѣчалъ, что принялъ бы его предложеніе съ величайшимъ удовольствіемъ, такъ не знаю, какъ освободиться отъ моего польскаго ....

Пушкинъ самъ сознался, что это невозможно, и прибавилъ смѣючись: «Да нельзя ли какъ-нибудь убить его»?

тельныя работы, потомъ въ іезуитскомъ домѣ (la rue des Postes) училъ грамотѣ нищихъ мальчишекъ. Въ послѣдствіи, кажется, повышенъ былъ въ чинѣ.
Прим. Н. И. Греча.

*) Симъ объясняются стихи Пушкина: Моя родословная (см. Пушкина 469) буквы В. Ф. значитъ: Видокъ Фиглярinъ, какъ называетъ Пушкинъ Булгарина. Н. Г.

У меня стало бы довольно досуга на это занятіе, но Булгаринъ преогорчилъ бы жизнь мою, если бы увидѣлъ, что журналъ Пушкина, при моемъ содѣйствіи, идетъ не худо, а «Пчелу» я не могъ оставить безъ совершеннаго себѣ разоренія.

IX.

Я не могу писать сплошь о похожденіяхъ и дѣйствіяхъ Булгарина, потому что они состоятъ изъ отдѣльныхъ явленій и подвиговъ. Разскажу нѣкоторые, лишь замѣчательные эпизоды. Въ числѣ ихъ важна исторія нашего ареста—30 января 1830 года.

Въ декабрѣ 1829 г. вышелъ «Юрій Милославскій», М. Н. Загоскина, и произвелъ самое выгодное впечатлѣніе въ нашей публикѣ. Его читали вездѣ, и въ гостиныхъ и въ мастерскихъ, въ кругахъ простолюдиновъ, и при высочайшемъ дворѣ, и не удивительно: это былъ первый, по времени, истинно русскій романъ, не безошибочный, не совершенный, наполненный анахронисмами и несообразностями, историческими и грамматическими промахами, но оригинальный, написанный съ какимъ-то милымъ простодушіемъ, точно разсказъ доброй бабушки о былыхъ временахъ. Всѣ восхищались «Юріемъ», прощая его недостатки: досадовалъ и сердился на него одинъ—Булгаринъ, отпечатывавшій послѣдніе листы своего «Дмитрія Самозванца». Досада внушена ему была не авторскимъ самолюбіемъ, боявшимся превосходства своего соперника въ литературѣ, а боязнію за коммерческій успѣхъ своего новаго произведенія. Вотъ онъ и началъ нападать на Загоскина и его сочиненія. Самую жестокую статью (въ №№ 7 и 9 «Сѣв. Пчелы» 1830) написалъ, по усильной просьбѣ Булгарина, нашъ сотрудникъ А. Н. Очкинъ. Грамматическіе и историческіе промахи замѣтилъ я, многогрѣшный. Дѣло обошлось бы безъ шуму, если бы не вступился за Загоскина Воейковъ: онъ нещадно обругалъ и Булгарина и всѣхъ его сотрудниковъ, обвинивъ ихъ въ несправедливости и зависти.

Государь, которому понравился «Юрій Милославскій» до того, что онъ приблизилъ Загоскина къ своей особѣ, вознегодовалъ на эту перебранку, и велѣлъ Бенкендорфу объявить воюющимъ сторонамъ, чтобъ онѣ прекратили бой. Бенкендорфъ передалъ приказаніе М. Я. фонъ-Фоку, а этотъ нѣжный, добрый человѣкъ смягчилъ выраженіе неудовольствія государева, объ-

явивъ Булгарину, что въ этихъ перебранкахъ не должно звать противниковъ по имени. «Слушаю-съ», отвѣчалъ Булгаринъ, сѣлъ и написалъ (напечатанную въ № 13 «Пчелы», 30 января) жаркую отповѣдь Воейкову, не назвавъ Загоскина. Въ этотъ день пріѣхалъ я домой къ обѣду около четырехъ часовъ. Мнѣ подаютъ конвертъ съ офиціальною надписью: «Его высокородію Н. И. Гречу отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа». Въ немъ нашелъ я офиціяльное приглашеніе, за нумеромъ, немедленно явиться къ шефу жандармовъ. Недоумѣвая, о чемъ идетъ дѣло, я отправился къ Бенкендорфу. Онъ встрѣтилъ меня съ важною офиціяльною миною, и отдавая пакетъ на имя С.-Петербургскаго коменданта Башуцкаго, сказалъ:

— «Я говорилъ вамъ неоднократно, чтобъ вы прекратили ваши перебранки. Теперь терпите. Извольте ѣхать съ этою бумагою къ коменданту».

— «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, сказалъ я: когда вы мнѣ говорили?»

— «Не я самъ, а Максимъ Яковлевичъ отъ меня, именемъ государя».

— «Да не мнѣ лично».

— «Все равно, Булгарину или вамъ. Вы должны были бы его удерживать».

— «Позвольте», сказалъ я, «попросить васъ—пошлите адъютанта или кого нибудь другаго ко мнѣ въ домъ съ объявленіемъ, что я остался обѣдать у васъ. Обо мнѣ будутъ безпокоиться. Домашніе мои Богъ знаетъ что подумаютъ, когда я не ворочусь».

— «Извольте», отвѣчалъ добрый Бенкендорфъ: «это будетъ исполнено; но вы теперь же извольте ѣхать».

Я повиновался, поѣхалъ въ зимній дворецъ, явился къ коменданту, подалъ ему пакетъ. Башуцкій, привыкшій къ посланіямъ сего рода, не сказавъ мнѣ ни слова, сѣлъ за столъ, и началъ писать приказаніе о посаженіи меня на гауптвахту. Въ это самое время вошелъ Воейковъ. Я не видалъ его давно, и ужаснулся, взглянувъ на него теперь. Онъ вошелъ, сгорбясь и прихрамывая (онъ упалъ за нѣсколько мѣсяцевъ съ дрожекъ и крѣпко ушибся), исхудалый, блѣдный, съ широкимъ чернымъ пластыремъ, покрывавшимъ носъ и часть щеки. Башуцкій, кон-

чивъ бумагу, сказалъ мнѣ: «извольте итти съ плацъ-адъютантомъ, на дворцовую гауптвахту».

— «Ваше высокопревосходительство», сказалъ я ему: «Я здоровъ и могу просидѣть въ какомъ угодно мѣстѣ. Потрудитесь, пожалуйте, посадить на дворцовую гауптвахту, сухую и теплую, г. Воейкова: вы видите, онъ слабъ и боленъ! Холодъ и сквозной вѣтеръ могутъ повредить ему».

— «Не безпокойтесь», отвѣчалъ комендантъ: «я и г. Воейкова посажу въ теплое мѣсто».

Воейковъ, изумленный моимъ предложеніемъ, бросился ко мнѣ на шею съ восклицаніемъ: «Ah, mon généreux ami, je vous reconnais à cette générosité!»

Я съ трудомъ удержалъ его отъ великодушнаго облобызанія меня, и пошелъ, по корридорамъ дворца, подъ присмотромъ плацъ-адъютанта. Не знаю, что обратило на себя мое вниманіе; я остановился и посмотрѣлъ въ сторону. Офицеръ, полагая, можетъ быть, что препровождаемый въ тюрьму государственный преступникъ высматриваетъ, какъ бы улизнуть, сказалъ мнѣ, впрочемъ, очень учтиво: «Не извольте останавливаться и смотрѣть по сторонамъ: вы нашъ!» Пришли на гауптвахту. Въ тотъ день былъ въ ней караулъ отъ преображенскаго полка, лишь только воротившагося изъ турецкаго похода, и караульнымъ офицеромъ былъ штабсъ-капитанъ князь Несвицкій, съ которымъ видался я въ англійскомъ клубѣ. Прочитавъ бумагу, закричалъ онъ придворному лакею, накрывавшему на столъ: «Еще приборъ!» и пригласилъ меня сѣсть. Тутъ же нашелъ я Александра Христіановича Граве и еще нѣсколько знакомыхъ офицеровъ. Сѣли за придворный столъ, очень хорошій, и усладились виномъ съ царскаго погреба. Въ пріятномъ обществѣ, выслушавшемъ со смѣхомъ исторію и поводъ моего заключенія, не видалъ я, какъ прошло время до вечера. Мнѣ дали въ распоряженіе вѣстоваго: я написалъ домой о моей катастрофѣ, и просилъ прислать мнѣ подушку и книгъ—именно Les mémoires d'un homme d'État. Пришелъ братъ мой, бывшій тогда капитаномъ финляндскаго полка, и не могъ скрыть огорченія, что находитъ меня подъ арестомъ. Я успокоилъ его изложеніемъ всего дѣла: видно, онъ думалъ, что со мною сдѣлалось Богъ знаетъ что. Въ девять часовъ прибылъ дежурный по карауламъ пол-

ковникъ Константинъ Антоновичъ Шлиппенбахъ, и увидѣвъ меня арестантомъ, расхохотался, и въ ту же минуту вошелъ флигель-адъютантъ съ объявленіемъ: «Государь позволяетъ вамъ ѣхать домой». Признаюсь, мнѣ лѣнь была ѣхать: я было уже расположился провесть ночь на диванѣ съ моею подушкою, читая мою книгу. Воротясь домой, гдѣ меня ожидали съ нетерпѣніемъ и страхомъ, я, входя въ комнату, запѣлъ арію изъ нѣмецкой оперы die Schwestern von Prag:

Wer niemals in der Wache war,
Kennt dies Vergnügen nicht.

На другой день пригласилъ меня къ себѣ Бенкендорфъ, обошелся со мною очень учтиво, обнялъ меня, и старался утѣшить и успокоить во вчерашней невзгодѣ. Я говорилъ съ нимъ, улыбаясь, и увѣрялъ, что ни мало не сѣтую на государя, потому что не заслужилъ его немилости.

«Неужели можно мнѣ сердиться на архитектора, когда съ его строенія упадетъ камень на голову! Мало ли чего бываетъ въ свѣтѣ!»

Этотъ оборотъ ему понравился, и онъ хвалилъ меня потомъ предъ другими за это равнодушіе, прибавляя: c'est que c'est un homme d'esprit!

Такъ дѣло съ моей стороны прекратилось. Въ послѣдствіи я узналъ, что А. А. Закревскій, у котораго я былъ на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, услыхавъ о моемъ арестѣ, одѣлся, чтобъ ѣхать къ государю, и просить о моемъ освобожденіи, но остался, узнавъ, что я уже выпущенъ. И В. А. Жуковскій просилъ или сбирался просить о томъ государя.

Воейкова комендантъ отправилъ въ старое адмиралтейство. Булгаринъ въ тотъ день обѣдалъ у И. В. Прокофьева въ большой компаніи. Лишь только онъ принялся за свѣжую икру, ему подали посланіе Бенкендорфа. Онъ взялъ конвертъ, понюхалъ, и сказалъ шутя сидѣвшему подлѣ него городскому главѣ Н. И. Кусову: «Не крѣпостью-ли пахнетъ? Я поѣду къ генералу, но ты, Николай Ивановичъ, береги мою икру. Ворочусь сейчасъ». Бенкендорфа не было дома, и Булгарину отдали бумагу къ коменданту. Башуцкій легъ отдохнуть послѣ обѣда, и Булгаринъ дожидался его, голодный, до семи часовъ. Тогда отправили и его въ теплое мѣстечко. Жена его, узнавъ, что мужъ

ея сидитъ въ адмиралтействѣ, отправилась въ старое, и спросила у входа: «гдѣ сидитъ подъ арестомъ сочинитель, что книжки пишетъ?» Ей сказали: «здѣсь, сударыня, извольте войти!» Она входитъ въ комнату и попадаетъ въ объятія — Воейкова.

— «Какими судьбами Богъ принесъ васъ сюда, Елена Ивановна?»

— «Ахъ, это не тотъ!» отвѣчаетъ она со злобою: «это .. .. Воейковъ. Мнѣ надо Булгарина».

— «Вѣрно онъ отправленъ въ новое адмиралтейство», сказали ей. Она отправилась туда, и очутилась въ нѣжныхъ объятіяхъ чувствительнаго Ѳаддея.

Это происшествіе очень огорчило Булгарина; ему стыдно было, что другіе за него поплатились, и онъ выразилъ свое огорченіе Бенкендорфу, называлъ себя обиженнымъ, обезчещеннымъ, говорилъ объ отчаяніи жены и проч. Недѣли чрезъ три вышелъ Дмитрій Самозванецъ, и авторъ его получилъ въ подарокъ отъ государя богатый бриліантовый перстень. Въ память нашего ареста онъ подписалъ подъ портретомъ государя: 30 января 1830, и никогда не прощалъ этого оскорбленія.

X.

Булгарина обвиняли во взяткахъ за статьи, но онъ не бралъ денегъ, а довольствовался небольшою частичкою выхваляемаго товара или дружескимъ обѣдомъ въ превознесенной новой гостиницѣ, вовсе не считая этого предосудительнымъ; бралъ вознагражденіе, какъ берутъ плату за объявленія, печатаемыя въ газетахъ. И я бралъ взятки своего рода: печатая статьи о новопріѣзжихъ знаменитыхъ артистахъ; я приглашалъ ихъ къ себѣ на вечера, и они тѣшили своими талантами меня, мою семью, моихъ пріятелей. Когда, въ 1845 году, въ Боннѣ, на празднествѣ, при открытіи памятника Бетговену, я вошелъ, въ гостиницу Um goldnen Stern, въ общую столовую, бросились ко мнѣ Листъ, Серве, Сивори, Дулькенъ, Блазъ съ женою и еще нѣкоторые другіе артисты, бывавшіе въ Петербургѣ, и потомъ пили за мое здоровье. Это изумило Жюль-Жанена, сидѣвшаго за столомъ подлѣ меня.

— «Какъ они превозносятъ русскаго журналиста!» сказалъ онъ: «намъ не добиться этой чести!»

— «Точно такъ, возразилъ Блазъ: въ Парижѣ мы подчиваемъ журналиста, а въ Петербургѣ журналисты насъ угощали».

Еще оскорбительнѣе и несправедливѣе было обвиненіе Булгарина въ шпіонствѣ. Опишу всѣ случаи и обстоятельства, подавшія поводъ къ этому гнусному обвиненію. Я былъ знакомъ съ директоромъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ (что нынѣ III отдѣленіе канцеляріи государя) Максимомъ Яковлевичемъ фонъ-Фокомъ съ 1812 года, и пользовался его дружбою и благосклонностью. Онъ былъ человѣкъ умный, благородный, нѣжный душею, образованный, въ службѣ честный и справедливый. Ему обязаны государь и Россія многими благими мыслями и дѣлами (съ 1825 по 1831 годъ, въ которомъ онъ умеръ 27-го августа, въ день покоренія Варшавы). Бенкендорфъ былъ одолженъ ему своею репутаціею ума и знанія дѣла. Въ послѣдніе годы царствованія Александра, впалъ онъ въ немилость, по наговорамъ и кознямъ Магницкаго и другихъ негодяевъ, старавшихся посредствомъ его столкнуть графа Кочубея. Онъ не былъ удаленъ отъ службы, но всѣ дѣла по секретной части производились у Аракчеева и у военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича. Эта секретная часть, занимаясь пустяками и ничтожными доносами, не понимала ни духа, ни желанія публики, и дала совершиться пагубному взрыву 14 декабря 1825 года.

На другой день послѣ Петербургской вспышки, написалъ я записку о причинахъ этого возмущенія, и, между прочимъ, сказалъ, что тому способствовало удаленіе многихъ способныхъ людей, и въ томъ числѣ М. Я. фонъ-Фока. Я подалъ эту бумагу новому военному генералъ-губернатору П. В. Кутузову для поднесенія государю; но такъ какъ въ то время, для секретныхъ дѣлъ составлено было III отдѣленіе канцеляріи его императорскаго величества, то онъ препроводилъ туда и эту бумагу. Такимъ образомъ она попалась въ руки фонъ-Фоку, который узналъ изъ нея мою искреннюю дружбу и уваженіе къ нему, бывшему тогда въ немилости и всѣми оставленному. Это сблизило насъ еще болѣе, и доставило мнѣ случай дѣлать, при посредствѣ фонъ-Фока, много добра и еще болѣе предупреждать зла. Булгаринъ побаивался его, помня за собою многіе грѣшки,

впрочемъ неважные и происходившіе отъ дерзости, смѣшанной съ трусостью.

Когда, въ іюнѣ 1826, обнародовано было «Донесеніе слѣдственной коммиссіи», и оказалось, кто именно и за что обвиненъ, слѣдственно нельзя было опасаться никакихъ по этому дѣлу обвиненій, я, между разговорами, сказалъ Булгарину:

— «Теперь это дѣло прошлое. Помнишь-ли ты разговоръ нашъ 14 декабря, когда мы сходили съ крыльца, чтобъ ѣхать въ сенатъ за манифестомъ? Ты сказалъ мнѣ: «Еслибъ я зналъ, что ты умѣешь хранить тайну, то сообщилъ бы тебѣ секретъ». Я отвѣчалъ: «Не хочу знать твоихъ глупыхъ секретовъ».

— «Ну, ну, не сердись! Скажу тебѣ, что Александръ Бестужевъ бѣжитъ въ эту ночь».

На это я возразилъ: «Такъ вотъ твой секретъ! Что тутъ дивнаго? Бестужевъ адъютантъ герцога Виртембергскаго, конечно, нагрубилъ или сдѣлалъ какую либо непріятность великому князю (такъ мы называли тогда Николая Павловича), и теперь струсилъ. Скажи, пожалуйста, кто тебѣ тогда открылъ это?» Булгаринъ отвѣчалъ смутившись: «Это мнѣ сказала Танта*)», и прервалъ разговоръ.

На другой день, 25 іюня, пришелъ онъ ко мнѣ поутру, и нашедши нѣсколько чужихъ, повелъ меня въ другую комнату, и сказалъ дрожащимъ голосомъ съ умилительнымъ видомъ: «любезный Гречъ! Понимаю, что ты, какъ вѣрноподданный государя, обязанъ доносить ему обо всемъ, что можетъ быть ему полезно. Но мнѣ, какъ старому другу, сдѣлай одолженіе, если ты, по долгу присяги, донесъ объ нашемъ разговорѣ фонъ-Фоку, признайся откровенно, чтобъ я могъ принять мои мѣры».

Я не зналъ, смѣяться-ли мнѣ или сердиться этому глупому навѣту, и отвѣчалъ:

— «Если ты думаешь, что я подлецъ, то я хочу, чтобъ ты, по крайней мѣрѣ, не думалъ того же о фонъ-Фокѣ. Требую, чтобъ ты непремѣнно сегодня же поѣхалъ со мною къ нему, и узналъ, что это за человѣкъ».

*) Тетка жены Булгарина, извѣстная въ свѣтѣ и въ литературѣ подъ названіемъ Танты, какъ говоритъ Измайловъ о дворовой собакѣ: предобрая, преалая! Имя ея не разъ встрѣчалось въ эпиграммахъ на Булгарина, напримѣръ:

Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей
Не боится когтей Танты. Н. Г.

Мы дѣйствительно отправились на дачу къ Фоку, и я представилъ ему Булгарина съ слѣдующими словами:

— «Вотъ Булгаринъ, о которомъ я доносилъ вамъ, что онъ участвуетъ въ заговорѣ Рылѣева и Бестужева». М. Я. фонъ-Фокъ принялъ насъ дружески. Булгаринъ разсыпался въ любезностяхъ и остротахъ, и понравился, какъ хозяину, такъ и всему его семейству; водворился у него въ домѣ и посѣщалъ его ежедневно, но не доносилъ, а выспрашивалъ и выглядывалъ, не грозитъ-ли какая либо бѣда ему или «Пчелѣ». Онъ былъ представленъ фонъ-Фокомъ и Бенкендорфу, кланялся, льстилъ и хвалилъ по-польски, но никогда не былъ употребляемъ по секретнымъ дѣламъ, и только развѣ жаловался на обиды, которыя претерпѣвалъ отъ Воейкова, Краевскаго и другихъ журналистовъ.

Онъ до крайности боялся жандармеріи, и завидя издали лошадь съ синимъ чапракомъ, хватался за шляпу и кланялся. Бенкендорфу понадобился польскій секретарь. Ѳаддей рекомендовалъ ему друга своего, Леонарда Викентьевича Ордынскаго, человѣка честнаго. Булгаринъ полагалъ, что будетъ чрезъ Ордынскаго еще лучше узнавать, не готовится-ли какая напасть на «Пчелу», но ошибся въ своемъ разсчетѣ. Ордынскій, утвердясь на своемъ мѣстѣ, поднялъ носъ предъ своимъ патрономъ, и на вопросъ Булгарина: «неужели ты не будешь сообщать мнѣ, если кто нибудь станетъ мнѣ угрожать изъ графскаго кабинета?» отвѣчалъ съ благородною гордостью человѣка, не имѣющаго нужды въ спрашивающемъ: «Ничего тебѣ не скажу, ибо не хочу осрамить твоей рекомендаціи, и ни въ какомъ случаѣ не нарушу моихъ обязанностей ни для кого».

Булгаринъ опѣшилъ, испугался неожиданной честности своего бывшаго друга и кліента, и даже сталъ его бояться. Ордынскій не только не прекращалъ съ нимъ дружбы, но и сблизился съ нимъ еще болѣе, водворился у него въ домѣ, и сталъ хозяйничать и командовать какъ у себя. Булгаринъ не смѣлъ пикнуть и предоставилъ ему дѣлать что угодно. До какихъ предѣловъ простиралась эта уступчивость, по совѣсти сказать не могу. Она прекратилась только смертью Ордынскаго въ маѣ 1852 года. Булгаринъ почтилъ память его въ «Сѣверной Пчелѣ» великолѣпнымъ некрологомъ. Онъ имѣлъ всю причину оплакивать Ордынскаго, который удерживалъ его отъ многихъ необ-

думанныхъ и даже неблагородныхъ поступковъ. Еслибъ Ордынскій былъ въ живыхъ до 1856 года, не послѣдовало бы тѣхъ непростительныхъ подвиговъ противъ меня, которыми Булгаринъ посрамилъ свою память.

Люди, не знающіе дѣла, обвиняютъ Булгарина въ томъ, будто онъ донесъ на роднаго племянника своего, подпоручика генеральнаго штаба Демьяна Александровича Искрицкаго въ томъ, что онъ былъ у Рылѣева въ собраніи мятежниковъ 13 декабря. Это сущая ложь. Искрицкій приходилъ ко мнѣ 14 дек. часовъ въ 12 утра; потомъ остановился подъ окнами моей квартиры въ домѣ Бремме, на углу Исакіевской площади и Новоисакіевской улицы, и простоялъ часовъ до четырехъ, т.-е. до сумерекъ. На третій день приходитъ ко мнѣ Булгаринъ, и разсказываетъ, что Искрицкій объявилъ ему, что наканунѣ мятежа онъ былъ у Рылѣева, видѣлъ нѣкоторыхъ офицеровъ и другихъ, но въ разговорахъ и сужденіяхъ ихъ не участвовалъ. Булгаринъ прибавилъ, что это объявленіе его сконфузило, потому что у него, можетъ быть, спросятъ, знаетъ-ли онъ о присутствіи Искрицкаго у Рылѣева: что дѣлать въ этомъ случаѣ? Я отвѣчалъ: «Если спросятъ, то отвѣчай правду, а пока не спрашиваютъ, молчи». Въ это время Булгаринъ былъ въ страшной тревогѣ, и всячески старался допроситься, что происходитъ въ слѣдственной коммиссіи, кто и что отвѣчаетъ, и т. п. Между тѣмъ братъ Демьяна, Александръ Искрицкій, бывшій тогда юнкеромъ въ Артиллерійскомъ училищѣ, пришелъ къ Булгарину въ небытность его дома, и попросилъ его жену отдать ему книгу его, назвавши ее Lenchen, какъ называли ее до свадьбы, бывшей за четыре мѣсяца предъ тѣмъ. Вдругъ выскочила Танта изъ другой комнаты и закричала: «Мой племянницъ нѣтъ есть Lenchen. Онъ есть Frau Capitänin von Boulgarin».

Искрицкій отвѣчалъ улыбаясь:

— «Она все та же наша liebes Lenchen», и ушелъ съ книгою.

Когда Булгаринъ воротился домой, Танта вскинулась на него: «Къ чему же вы женились на Lenchen, когда ваши племянники трактуютъ ее, какъ дѣвку? Сейчасъ приходилъ вашъ племянникъ Александръ, и разругалъ ее наповалъ!»

Булгаринъ вспылалъ, сѣлъ за письменный столъ и настро-

чилъ къ Демьяну ужаснѣйшее письмо, назвавъ отца его взяточникомъ, а мать (свою сестру) непотребною женщиной, спрашивалъ, какъ братъ его, Александръ, дерзнулъ разругать благородную женщину, и грозилъ приколотить всѣхъ ихъ.

Вскорѣ затѣмъ Демьянъ явился къ Булгарину, у котораго сидѣлъ тогда въ гостяхъ Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ, и держа въ рукахъ письмо, спросилъ: «Кто это написалъ?»

Булгаринъ, поблѣднѣвши, отвѣчалъ: «я!»

— «Такъ вотъ тебѣ, подлецъ!» возразилъ племянникъ, ударивъ его въ щеку. Булгаринъ отвѣчалъ тѣмъ же. Княжевичъ поспѣшилъ уйти. Въ ожесточенной дракѣ они приколотили другъ друга. Лицо Булгарина покрылось синяками; онъ сорвалъ съ Искрицкаго эполеты и аксельбантъ, и оба они слетѣли съ лѣстницы. На другой день явился ко мнѣ Булгаринъ въ синихъ очкахъ, которыя носилъ послѣ всякаго подобнаго побоища, и объявилъ: «Бѣда мнѣ. Я побилъ вчера подлеца Демьяна и теперь вижу, что я погибъ. Онъ донесетъ, что я зналъ о присутствіи его въ собраніи у Рылѣева».

Я старался успокоить его, но онъ былъ неутѣшенъ. Чрезъ нѣсколько дней встрѣтился съ нимъ Андрей Андреевичъ Ивановскій, чиновникъ канцеляріи слѣдственной коммисіи, и сказалъ ему: «Бѣдный Искрицкій! его возьмутъ завтра. Доискались, что онъ былъ наканунѣ 14 числа въ совѣтѣ у Рылѣева».

Булгаринъ обмеръ и воротясь домой, написалъ Демьяну Александровичу, что имѣетъ сообщить ему о важномъ дѣлѣ, и просилъ его прійти. Демьянъ, думая, что случилось что нибудь съ его отцемъ или матерью, прибѣжалъ немедленно. Булгаринъ, указывая ему на стаканъ съ водою, сказалъ: «Смотри, Демьянъ, осьмой стаканъ холодной воды пью, и не могу утолить огня, который жжетъ меня. Тебя возьмутъ завтра».

Демьянъ Александровичъ отвѣчалъ: «Покорнѣйше васъ благодарю за доносъ».

— «Нѣтъ», возразилъ Булгаринъ, бросившись на колѣни и сложивъ пальцы на крестъ: «клянусь тебѣ сѣдинами моей матери, я не доносилъ на тебя».

— «Такъ почему же вы это знаете?»

— «Узналъ случайно», сказалъ Ѳаддей, «но отъ кого, сказать не смѣю. Повѣрь мнѣ, клянусь».

— «Дудки!» промолвилъ Искрицкій и пошелъ домой. На другой день явился въ чертежную топографическаго депо адъютантъ Кутузова, полковникъ Маназей, и спросилъ у бывшихъ тамъ офицеровъ: «Кто изъ васъ господинъ Искрицкій»?

— «Я», отвѣчалъ Демьянъ Александровичъ: «что вамъ угодно?»

— «Пожалуйте со мною».

— «Куда? въ крѣпость?»

— «Точно такъ».

— «Иду.— Прощайте, господа», сказалъ онъ товарищамъ: «это штуки Булгарина».

Чрезъ нѣсколько недѣль пріѣхалъ въ Петербургъ Александръ Михайловичъ Искрицкій. Булгаринъ просилъ меня пойти къ нему и объяснить дѣло. Искрицкій, который всегда былъ очень хорошъ со мною, встрѣтилъ меня съ огорченіемъ, но учтиво и когда я заговорилъ о Булгаринѣ, прервалъ меня словами: «Ради Бога Н. И., не говорите объ этомъ ц....., котораго я одѣвалъ, обувалъ, кормилъ, когда онъ возвратился изъ плѣна, нагой, босой и голодный. Не вѣрю никакимъ доказательствамъ».— «Итакъ, отложимъ это дѣло до освобожденія Демьяна Александровича: онъ приговоренъ къ шестимѣсячному аресту въ крѣпости: это время пройдетъ скоро, и тогда я докажу вамъ истину моихъ словъ». Въ продолженіе ареста, посылалъ я къ отцу французскія книги для чтенія Демьяну, и онъ обходился со мною дружески. Наконецъ, осенью 1826 года, приходитъ ко мнѣ Булгаринъ и говоритъ: «Демьянъ выпущенъ и уже дома. Сдѣлай милость, поди туда, и уладь наше дѣло». Я пошелъ съ удовольствіемъ. Демьянъ лежалъ на канапе въ гостиной. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ и бросился меня обнимать, благодаря за неоставленіе его въ крѣпости. И отецъ, и мать благодарили меня со слезами за мое участіе. Когда улеглись первые порывы, я сказалъ молодому человѣку: «Демьянъ Александровичъ! Теперь ваша обязанность примирить вашихъ родныхъ, объяснивъ какъ было дѣло. Вѣдь не Булгаринъ донесъ на васъ». Демьянъ покраснѣлъ и смутился.

— «Помилуйте, Николай Ивановичъ, сказалъ отецъ его: что вы насъ смущаете, говорите о человѣкѣ, котораго мы всѣ нена-

видимъ и презираемъ. Сынъ мой всталъ изъ могилы полумертвый, а вы напоминаете ему о п....., который его сгубилъ было».

— «Александръ Михайловичъ!» возразилъ я: «я думалъ, что принесу вамъ удовольствіе, помиривъ Булгарина съ его роднею, а если вамъ это не угодно, дѣлайте какъ хотите. Я не имѣю въ этомъ никакого голоса». Поговоривъ еще нѣсколько минутъ, я отправился къ Булгарину, и объявилъ ему о моемъ неуспѣхѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Демьяна перевели тѣмъ же чиномъ въ оренбургскій гарнизонъ, и когда открылась война съ Персіею, послали на Кавказъ. Онъ служилъ очень усердно и сражался храбро (при графѣ П. П. Сухтеленѣ) противъ непріятеля, и при заступничествѣ этого благороднаго человѣка, конечно выбрался бы изъ крайняго положенія, но не дожилъ до того: и умеръ отъ болѣзни въ селеніи Царскіе Колодцы. Въ послѣдствіи узналъ я отъ Сухтелена, что онъ до конца своей жизни называлъ Булгарина виновникомъ его несчастія. Это было не хорошо. На него показали въ слѣдственной коммисіи графъ Коновницынъ, а Булгаринъ никогда не думалъ доносить. Эта клевета чернила Булгарина при жизни, чернитъ и по смерти. Долгомъ поставляю протестовать противъ такой несправедливости. Все произошло отъ трусости (lachetè) Булгарина, смѣшанной съ дерзостью и необузданностью нрава. Всему источникомъ была гнусная, злая баба Танта, которую самъ Булгаринъ ненавидѣлъ въ душѣ своей.

Я сказалъ выше, что смерть Ордынскаго отняла у Булгарина послѣднюю нравственную опору: онъ пересталъ бояться строгости Ордынскаго, и предался влеченію всѣхъ страстей своихъ.....

Н. И. Гречъ.

Отъ Редакціи. Біографическій очеркъ Ѳ. В. Булгарина, — составленный Н. И. Гречемъ, напечатанъ нами съ рукописи, перебѣленной съ подлинника подъ непосредственнымъ наблюденіемъ автора. Копія выправлена во многихъ мѣстахъ рукою Николая Ивановича; — напечатана она нами безъ конца, такъ какъ далѣе идетъ изложеніе весьма неинтересныхъ денежныхъ расчетовъ Греча съ Булгаринымъ по „Сѣверной Пчелѣ“; кромѣ того въ самомъ изложеніи мы кое-гдѣ повыкинули рѣзкія голословныя выходки какъ противъ Булгарина, такъ и

противъ поляковъ,—на что довольно щедръ составитель біографіи. Вообще къ рѣзкости сужденій Н. И. Греча о личномъ характерѣ Булгарина, и объ общественной и литературной его дѣятельности надо относиться весьма осторожно. Дѣло въ томъ, что статья написана въ періодъ полнѣйшаго уже разлада Греча съ Булгинымъ, въ послѣдніе годы жизни Ѳ. В., а частью даже послѣ его смерти... Что Гречъ не всегда такъ думалъ о своемъ многолѣтнемъ сотоварищѣ и о его дарованіяхъ, это доказываетъ онъ самъ въ другой, подлинной его руки біографіи того же Булгарина.

Въ видахъ полнѣйшаго безпристрастія для сужденія о Ѳ. В. Булгаринѣ,—печатаемъ другую его біографію, составленную г. Гречемъ около 1833 г. А чтобы уяснить тѣ исключительныя обстоятельства, среди которыхъ труднились русскіе литераторы и издатели 1830-хъ, 1840-хъ, и начала 1850-хъ годовъ,—приводимъ два документа: отношенія цензурнаго комитета къ Булгарину. Бумаги эти снимаютъ съ него укоръ, который не разъ былъ дѣланъ въ позднѣйшихъ монографіяхъ о его будто бы тѣсныхъ связяхъ съ разными оффиціальными учрежденіями, проще сказать съ тайной полиціей, зорко слѣдившей за направленіемъ русской печати. **Ред.**

II.

Извѣстіе Н. И. Греча о жизни и сочиненіяхъ Ѳ. В. Булгарина *).

Письмо къ г. Ферри де-Пиньи.

Вы требуете отъ меня біографической статьи о другѣ и товарищѣ моемъ Булгаринѣ. Вещь нѣсколько затруднительная! Хотя въ продолженіе осьми лѣтъ, будучи почти ежедневно вмѣстѣ, я могъ узнать многое, но не долженъ высказывать всего. Иное покажется теперь нелюбопытнымъ для публики, другое было бы неумѣста въ біографіи живого человѣка; кое-что показалось бы пристрастнымъ подъ перомъ друга, а можетъ быть и слишкомъ строгимъ. Во многихъ случаяхъ его жизни надлежало бы представлять нѣкоторыя лица въ не-

---

*) Ферри де-Пиньи прислалъ изъ Парижа къ Ѳ. Булгарину небольшую біографическую статейку о немъ на французскомъ языкѣ, съ тѣмъ чтобы онъ дополнилъ ее своими замѣтками. Н. И. Гречъ взялъ на себя эти дополненія и изложилъ въ довольно пространномъ письмѣ на русскомъ языкѣ. Какъ корректура французской статьи, такъ и русскій оригиналъ письма г. Греча—находятся у насъ. Мы приводимъ только письмо Н. И. Греча къ Ферри де-Пиньи Сколько намъ извѣстно, оно никогда не было напечатано. **Ред.**

благопріятныхъ цвѣтахъ. Но я обѣщалъ, и постараюсь сдержать слово какъ можно въ семъ краткомъ очеркѣ.

Ѳ. Булгаринъ происходитъ отъ благородной литовской фамиліи, пользовавшейся при прежнемъ порядкѣ вещей большимъ уваженіемъ въ своей провинціи, какъ то свидѣтельствуютъ сеймовые акты. Многіе изъ сей фамиліи были послами на сеймѣ и поступали всегда честно и благородно. О великодушномъ подвигѣ одного изъ нихъ говоритъ съ великою похвалою поэтъ и историкъ Нѣмцевичъ, въ жизни Рейтана, сеймоваго маршала. Голубыя ленты не переводились въ фамиліи Булгариныхъ, которая и нынѣ въ Литвѣ пользуется уваженіемъ, и соединена узами родства съ лучшими фамиліями. Мать его, урожденная Бучинская, происходитъ по прямой линіи отъ Бучинскаго, бывшаго другомъ и канцлеромъ Дмитрія, перваго самозванца. Не скучайте фамильными подробностями: всѣ единоземцы моего товарища чрезвычайно любятъ хронологію своихъ фамилій, и я, зная это, дѣлаю сіе въ угодность ему.

Отецъ Булгарина, во время послѣдняго возстанія знаменитаго Костюшки въ Польшѣ, съ которымъ онъ былъ въ связяхъ, былъ гражданско-военнымъ коммисаромъ отъ высшаго правительства въ Новогродскомъ воеводствѣ, что соотвѣтствуетъ званію французскаго représentant du peuple.

Мать Ѳ. Булгарина, оставивъ свое имѣніе на произволъ военныхъ обстоятельствъ, жила въ то время въ Несвижѣ съ дѣтьми. Генералъ графъ Ферзенъ, побѣдившій и плѣнившій впослѣдствіи Костюшку, стоялъ тогда съ корпусомъ въ семъ городѣ, и обходился весьма ласково и нѣжно съ устрашенными обывателями. Бывая въ домѣ матери Булгарина, Ферзенъ полюбилъ ея сына, рѣзваго, румянаго и веселаго мальчика и часто бралъ его къ себѣ на квартиру. Булгарину тогда было около 6-ти лѣтъ отъ роду. Однажды Ферзенъ показалъ ему небольшой турецкій кинжалъ и попугая, и спросилъ: что онъ хочетъ взять въ подарокъ? Булгаринъ взялъ кинжалъ, и пока Ферзенъ принималъ гостей въ залѣ, маленькій шалунъ успѣлъ перерубить всѣ мебели въ его кабинетѣ, перебилъ стекла, изломалъ клѣтку и чуть не убилъ попугая, который бросался на мальчика во время ломки клѣтки. Ферзенъ смѣялся, и велѣлъ отнять у мальчика кинжалъ; но онъ, ставъ въ уголъ и закрывшись стуломъ, защищался до послѣдней крайности. Это понравилось Ферзену, который обѣщалъ родителямъ имѣть о немъ попеченіе на будущее время. Объ этомъ обстоятельствѣ упоминается потому, что оно имѣло сильное вліяніе на всю жизнь Булгарина, en le fixant en Russie depuis son enfance.

Послѣ окончанія войны, Ферзенъ былъ сдѣланъ директоромъ су-

хопутнаго кадетскаго корпуса (нынѣ 1-й кадетскій) и чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ въ Петербургѣ своего маленькаго проказника, который находился при своей матери, пріѣхавшей въ столицу по дѣламъ. Булгаринъ принятъ въ корпусъ въ 1799 году.

Здѣсь Булгаринъ совершенно забылъ свой природный языкъ. По смерти графа Ферзена всякое покровительство для него кончилось, и онъ попалъ въ огромную толпу кадетъ, которыхъ поощряли, но не принуждали учиться ничему, кромѣ математики, къ которой Булгаринъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности. Но будучи отличнымъ ученикомъ въ прочихъ наукахъ, особенно въ языкахъ и русской словесности, Булгаринъ обратилъ на себя вниманіе одного почтеннаго человѣка, корпуснаго офицера и учителя русскаго языка Лантинга. Сей взялъ на себя трудъ споспѣшествовать образованію Булгарина, велѣлъ ему ходить къ себѣ на квартиру и въ свободное время училъ языкамъ, заставлялъ читать, переводить, и поправлялъ сочиненія юноши. Булгаринъ въ предисловіи къ своимъ мелкимъ сочиненіямъ изъявляетъ благодарность свою сему первому своему благодѣтелю. Булгаринъ съ весьма юныхъ лѣтъ началъ сочинять, и нѣкоторые его корпусные товарищи понынѣ помнятъ наизустъ его стихи, особенно сатирическіе. Чрезвычайная пылкость характера и раздражительность были причиною многихъ дѣтскихъ ссоръ и шалостей. Но товарищи любили его, потому что онъ всегда сознавался въ своей винѣ и погрѣшалъ головою, а не сердцемъ. Всѣ офицеры вспоминаютъ объ немъ понынѣ хорошо.

Настала ужасная борьба Россіи съ Наполеономъ въ 1805 году. Армія требовала офицеровъ, и изъ корпусовъ должно было выпускать по успѣхамъ въ наукахъ, не взирая на лѣта. Булгаринъ назначенъ былъ въ гвардію, но его высочеству цесаревичу угодно было выбрать его, въ числѣ пяти человѣкъ, въ уланскій полкъ своего имяни. Булгарину было тогда около 17-ти лѣтъ отъ роду; онъ всю жизнь сожалѣетъ о раннемъ вступленіи въ свѣтъ, гдѣ онъ не нашелъ ни наставника, ни путеводителя для руководствованія и укрощенія пылкаго его характера, часто вовлекавшаго его въ непріятности. Страсть къ чтенію и школа несчастій довершили образованіе Булгарина. Въ то время награжденія орденами были весьма рѣдки. Булгаринъ за храбрость подъ Фридландомъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 класса, будучи корнетомъ. Тогда даже ротмистры и маіоры не получали болѣе. Цѣлый уланской полкъ помнитъ, какъ молодой корнетъ отнялъ лошадь у француза, когда у него убили его собственную пистолетнымъ выстрѣломъ въ тѣсной сѣчѣ, какъ онъ прискакалъ въ эскадронъ безъ шапки, съ казацкою пикою, оставаясь послѣднимъ въ ре-

тирадѣ, и какъ былъ въ охотникахъ. Булгарину суждено было не слѣзать съ коня въ военное время.

Возвратясь въ Петербургъ, онъ тотчасъ пошелъ въ походъ въ Финляндію и доходилъ съ корпусомъ графа Каменскаго, въ авангардѣ, до самаго Торнео, находясь во всѣхъ сраженіяхъ. Въ зимнюю кампанію, когда въ 25-ть градусовъ морозу надлежало ночевать на снѣгу, онъ чуть не лишился зрѣнія и слабость глазъ осталась навѣки ему воспоминаніемъ сей кампаніи.

Возвратясь снова въ Петербургъ, онъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ долженъ былъ оставить уланскій полкъ, и вышелъ въ армію, а потомъ принужденъ былъ оставить вовсе службу. Полкъ, въ которомъ онъ тогда находился, стоялъ въ Венденѣ. Булгаринъ пріѣхалъ въ Ригу не сдѣлавъ никакого плана для своей жизни. Отца его уже не было на свѣтѣ, имѣніе матери было въ разстройствѣ отъ несправедливаго процесса. Что дѣлать! У Булгарина въ карманѣ было только 8 червонцевъ, и съ симъ-то запасомъ онъ рѣшился ѣхать за границу. Товарищи Булгарина, не зная предпріимчивости его характера, думали, что онъ шутитъ, но онъ на другой день нашелъ попутчика и отправился въ Варшаву. Вообще, отличительная черта характера Булгарина—есть рѣшительность и быстрое исполненіе предпринятаго намѣренія. Сказано и сдѣлано—у него одно и тоже. Трудности остаются назади. Въ Варшавѣ Булгаринъ, познакомившись съ старыми офицерами французской службы и плѣнясь ихъ разсказами, вздумалъ попробовать счастья подъ знаменами Наполеона. Вмѣстѣ съ своими соотчичами онъ отправился въ Испанію, служилъ въ нѣсколькихъ полкахъ и кончилъ въ шеволежерахъ, бывъ почти во всѣхъ генеральныхъ сраженіяхъ, не считая малыхъ дѣлъ до 1814 года, 2 февраля, въ которомъ взятъ въ плѣнъ прусскимъ партизаномъ Коломбомъ и сперва посланъ въ Голландію, а оттуда въ Померанію, въ городъ Старгардъ. Объ этой эпохѣ жизни Булгарина мнѣ не многое извѣстно, хотя онъ называетъ этотъ періодъ своимъ университетскимъ курсомъ опытности. Знаю только, что онъ возвратился въ Польшу капитаномъ, бывъ послѣ своего плѣна снова во Франціи, и въ 1816 году пріѣхалъ въ Петербургъ. Зиму 1819 года онъ провелъ въ Вильнѣ, гдѣ сталъ печатать въ журналахъ свои стихи и прозу на польскомъ языкѣ, и снискалъ одобреніе многихъ отличныхъ литераторовъ. Возвратясь снова въ Петербургъ, онъ сперва чуждался русской литературы и знакомства съ литераторами, но наконецъ, познакомившись со мною, сталъ писать по-русски, и сначала съ 1820 г. помѣщалъ статьи въ издаваемомъ мною журналѣ „Сынъ Отечества“ и въ журналѣ „Соревнователь Просвѣщенія“; потомъ съ 1822 года началъ

самъ издавать журналъ „Сѣверный Архивъ“, въ 1823 прибавилъ къ нему „Литературные Листки“, а съ 1825-го соединился со мною и началъ вмѣстѣ со мною издавать „Сѣверную Пчелу“, „Сынъ Отечества“ и „Сѣверный Архивъ“. Такимъ образомъ кончилась его странническая жизнь и Булгаринъ, пройдя съ оружіемъ въ рукахъ отъ Торнео до Гвадалквивира, наконецъ промѣнялъ саблю на перо и, какъ онъ говоритъ, учредилъ главную свою квартиру въ Петербургѣ.

Первая юмористическая статья Булгарина, которая открыла настоящій его талантъ и надѣлала шуму въ нашей литературѣ, есть Модная лавка. За симъ слѣдовало множество другихъ, которыя отлично принимаются публикою. Но прежде нежели буду говорить о литературномъ достоинствѣ моего товарища, я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о его нравственномъ характерѣ, который воинственнымъ видомъ (par l'aspect guerrier) отличаетъ его отъ другихъ литераторовъ *).

Необыкновенная пылкость и раздражительность, способность ко всѣмъ возможнымъ впечатлѣніямъ составляютъ основу его нрава — основу общую всѣмъ умамъ творческимъ и наблюдательнымъ. И въ умственномъ отношеніи онъ легко принимаетъ впечатлѣнія и хорошо ихъ удерживаетъ, но только подъ извѣстною формою. Онъ безъ труда выучился разнымъ языкамъ, почти не справляясь съ грамматикою и лексикономъ: въ предисловіи къ своимъ сочиненіямъ, онъ называетъ меня своимъ учителемъ въ русскомъ языкѣ, который онъ было-забылъ въ своихъ заграничныхъ походахъ; но я не помню, чтобъ далъ ему хотя одинъ урокъ. Замѣтивъ въ его статьѣ какой-нибудь оборотъ, несвойственный языку, бывало скажешь ему о томъ, но непремѣнно съ доказательствомъ и примѣромъ: и онъ уже впередъ не впадетъ въ подобную ошибку, да и изъ одного простого правила извлечетъ множество аналогическихъ примѣненій. Б. умѣетъ чувствовать и взаимно отплачивать дружбу, но онъ такой же другъ, какъ другіе бываютъ любовниками: ревнивъ до крайности. Къ счастію вспышки его вскорѣ потухаютъ **). Съ такимъ ученикомъ нашему брату нетрудно прослыть хорошимъ учителемъ. Духъ наблюдательный есть также одно изъ отличительныхъ его качествъ: онъ скоро и легко усматриваетъ въ людяхъ и въ происшествіяхъ смѣшное и необыкновенное, и безъ труда умѣетъ передать оное: отъ этого сатирическія его статьи богаты рѣзкими мѣстными чертами. Нѣтъ сом-

*) До этого мѣста печатаемъ съ рукописи, правленной рукой Н. И. Греча, далѣе до конца все—подлинной его руки. Ред.

**) Послѣднія строки со словъ «Б. умѣетъ»... въ подлинникѣ зачеркнуты чернилами. Ред.

нѣнія, что еслибъ онъ получилъ образованіе совершенно ученое, то могъ бы сдѣлаться знаменитымъ ученымъ, но врядъ ли тогда былъ бы искуснымъ и занимательнымъ писателемъ: кабинетные труды нерѣдко изглаживаютъ (émoussent) остроту, которая пріобрѣтается и усугубляется въ свѣтѣ и въ суетахъ военной жизни. Повѣрите-ли, что къ сей пылкости присоединяетъ онъ рѣдкое трудолюбіе, неутомимую дѣятельность и настойчивость въ работѣ?

Изъ сочиненій его болѣе всего нравятся нашей публикѣ статьи о русскихъ нравахъ: характеры, слабости, смѣшныя стороны нашихъ свѣтскихъ людей и дамъ, нашихъ баръ, нашихъ приказныхъ, Булгаринъ схватилъ и изобразилъ съ великою живостію и натурою. Ваши читатели не будутъ имѣть того удовольствія, которое имѣли русскіе: многія черты нашихъ нравовъ покажутся имъ слишкомъ рѣзкими, многіе характеры exagérés; но это именно отъ того, что они списаны съ натуры. Вашъ Jouі нравится намъ потому, что французскіе нравы намъ извѣстны: мы знакомы съ вашею литературою, съ вашимъ театромъ; мы видимъ французовъ у насъ въ Россіи, сами бывали во Франціи. Но характеры, нравы и обычаи русскихъ вашимъ соотчичамъ совершенно чужды. Ваши homme de lois совсѣмъ не то, что наши крючки. Солдаты французскій и русскій равны, можетъ быть, воинскими доблестями; но образъ выраженія сихъ доблестей, побудительныя къ тому причины и т. п. совершенно иные. Модники ваши суть оригиналы, и распространеніемъ подражанія Франціи обогащаютъ свое отечество: наши модники суть жалкія копіи, и разоряя себя, способствуютъ ослабленію отечественной промышленности*). Поэтому совѣтовалъ бы я французскимъ читателямъ смотрѣть на картины Булгарина не какъ на сатиры, ибо во Франціи онъ ими никого не уличитъ и не исправитъ, а какъ на историческіе и этнографическіе рисунки, какъ на замѣчанія путешественника о чуждомъ народѣ. Послѣ всего этого повѣрите-ли еще, что у насъ нѣкоторые критики укоряли его печатно въ заимствованіи у Жуи! Непостижимо, до какихъ нелѣпостей можетъ дойти подстрекаемая завистью посредственность, когда она берется судить объ истинномъ дарованіи.

Повѣсти Булгарина занимательны, свѣжи и хорошо разсказаны. Философскія его статьи остроумны. Историческія сказанія, характеры и т. п. имѣютъ много истины, живости и интереса. Впрочемъ о немъ не должно судить по всѣмъ его нынѣшнимъ отрывкамъ. Нѣкоторыя писалъ онъ, по несчастной обязанности срочнаго автора, къ извѣстной минутѣ, на извѣстное число строкъ въ журнальномъ листѣ. Но

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «способствуютъ разоренію государства».

Ред.

теперь занимается онъ сочиненіемъ русскаго Жильблаза и еще одного большаго романа изъ русской исторіи: я увѣренъ, что сіи два сочиненія дадутъ ему въ русской и общей европейской литературѣ то мѣсто, котораго онъ заслуживаетъ своимъ умомъ, познаніями и талантомъ.

Имѣю честь пребыть и проч., Николай Гречъ.

III.

Цензура и Булгаринъ.

1848—1851 гг.

I.

Санктпетербургскій цензурный комитетъ. С.-Петербургъ. 11 іюля 1848 года, № 44. По высочайшему повелѣнію. Г. надворному совѣтнику Ѳаддею Булгарину. Въ іюньской книжкѣ журнала „Библіотека для чтенія“ напечатана ваша статья подъ заглавіемъ: „Воспоминанія Ѳаддея Булгарина,“ въ которой собраны, между прочимъ, разныя подробности о покойномъ графѣ Сперанскомъ.

Не останавливаясь на многихъ, вкравшихся въ эту статью историческихъ невѣрностяхъ и ошибкахъ, государь императоръ изволилъ сдѣлать на упомянутую статью слѣдующія замѣчанія:

1) Авторъ говоритъ, что императоръ Александръ поручалъ Сперанскому обработку всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и плановъ высшаго государственнаго управленія, передавалъ ему всѣ поступившіе по этому предмету проэкты, и наконецъ поручилъ ему составленіе плана государственнаго образованія. Независимо отъ перваго вопроса: откуда взяты авторомъ свѣдѣнія, столь положительно выраженныя, здѣсь рождается и другой: можетъ ли частный человѣкъ распредѣлять, за эпоху столь еще къ намъ близкую, и такимъ диктаторскимъ тономъ, славу государственныхъ подвиговъ между монархомъ и его подданнымъ?

2) Въ статьѣ выведено, что Сперанскій въ 1812 году палъ жертвою вражды и зависти, которыя успѣли очернить его и представить человѣкомъ вреднымъ и опаснымъ. Сочинитель прибавляетъ даже: „не смѣю называть главныхъ виновниковъ несчастья Сперанскаго, хотя они всѣ уже въ могилѣ—тамъ, гдѣ и жертва ихъ злобы. Но могила не все прикрыла. Добрыя и злыя дѣла остаются и громко возопіютъ въ потомствѣ!“—Далѣе слѣдуютъ подробности объ удаленіи Сперанскаго въ Нижній-Новгородъ и Пермь, описаніе его ощущеній и проч.

По мнѣнію его величества, вся эта выходка совершенно неумѣст-

на въ печати. Представляя все событіе несчастіемъ незаслуженнымъ и плодомъ однихъ происковъ, она какъ бы накидываетъ, передъ публикою, тѣнь на характеръ императора Александра, а съ другой стороны прямо намекаетъ на мнимую извѣстность автору самихъ виновниковъ удаленія Сперанскаго и вообще всѣхъ подробностей такого дѣла, которое правительствомъ до нынѣ всегда оставляемо было подъ покровомъ тайны и слишкомъ, какъ уже упомянуто выше, близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало, безъ особаго призванія и, вѣроятно, и безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрова.

3) Говоря о представленномъ Сперанскимъ въ 1810 году финансовомъ планѣ, авторъ пишетъ, что этотъ планъ: „принесъ величайшую пользу и приноситъ ее до сихъ поръ, предварительнымъ разсматриваніемъ смѣтъ и послѣдовательною повѣркою издержекъ въ государственномъ контролѣ, который былъ страшенъ при покойномъ баронѣ Б. Б. Кампенгаузенѣ, человѣкѣ съ необыкновеннымъ умомъ, дѣятельностію, безпристрастіемъ и правдивостію.“—Такую характеристику прежняго, выставленную какъ бы въ противуположность и въ укоръ послѣдующему и настоящему, равно какъ и самое мнѣніе, столь рѣзко произносимое о пользѣ мѣръ государственныхъ, государь императоръ изволилъ также признать совершенно неприличными.

4) Въ означенной статьѣ приводится указъ 1816 года, которымъ Сперанскій опредѣленъ былъ снова въ службу, въ должность пензенскаго гражданскаго губернатора, но приводится не подлинными словами, а будто бы въ видѣ извлеченія его содержанія, которое, между тѣмъ, представлено совершенно превратно. Такъ въ указѣ сказано, что не оказалось „убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ“ на Сперанскаго, тогда какъ въ статьѣ напечатано, что, по произведенному слѣдствію (сихъ словъ совсѣмъ нѣтъ въ указѣ) „обвиненія оказались неосновательными“. Такое искаженіе словъ и смысла высочайшаго указа, въ свое время гласно обнародованнаго, а теперь приводимаго, какъ историческій цитатъ, въ иномъ совсѣмъ видѣ, представляется, какъ его императорское величество изволилъ выразить, столько же дерзкимъ, сколько и предосудительнымъ.

Наконецъ 5) Приводя частный разговоръ свой съ Сперанскимъ о постигнувшемъ его въ 1812 году несчастіи, авторъ влагаетъ въ уста покойнаго графа слѣдующія слова: „Еслибъ я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ не-

премѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца". Государь императоръ изволилъ при этомъ изложеніи замѣтить, что если слова сіи и были точно сказаны, въ минуту откровенной и не совсѣмъ, можетъ быть, осторожной бесѣды, то, вѣрно уже, не для оглашенія ихъ передъ современною публикою; а посему нельзя допускать, чтобы память государственнаго человѣка, такъ сказать вчера еще оставившаго поприще, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи, и самый образъ дѣйствія правительства, были поносимы приписываніемъ первому подобныхъ мнѣній.

Въ слѣдствіе всѣхъ сихъ замѣчаній его императорское величество высочайше повелѣть изволилъ: сдѣлать автору приведенной статьи строгій за нее выговоръ.

О сей монаршей волѣ г. министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ мнѣ въ предложеніи отъ 7 іюля за № 951 для надлежащаго исполненія.

Въ слѣдствіе сего, по высочайшему повелѣнію объявляю вамъ строгій выговоръ за вышеупомянутую вашу статью.

Предсѣдатель М. Мусинъ-Пушкинъ.

Секретарь І. Семеновъ.

II.

Попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, канцелярія. Столъ. Въ С.-Петербургѣ. 9 января 1851 года. № 146. Редактору „Сѣверной Пчелы" коллежскому совѣтнику Булгарину.

Въ № 2 „Сѣверной Пчелы" 3-го сего января помѣщена вами статья въ величайшей степени неприличная, заключающая въ себѣ тайный смыслъ, который однако-жъ съ перваго взгляда легко можно разгадать. Вы, во 1-хъ) выставляя, въ лицѣ вашего московскаго корреспондента, вредное будто-бы вліяніе новаго тарифа на отечественную промышленность, обнаруживаете свое неудовольствіе почти безъ всякой утайки, давая чувствовать, что отъ послѣдствій этого тарифа, „для многихъ бѣдныхъ праздники могутъ быть печальными"; во 2-хъ) чрезъ упоминовеніе о подаяніи, присланномъ „бѣдному русскому семейству, занимающемуся шитьемъ перчатокъ", еще яснѣе выражаете свои мысли, какъ бы давая чувствовать, что частные люди вынуждены уже приходить на помощь тѣмъ, которыхъ разорило или разстроило правительство; наконецъ, въ 3-хъ) усиливаете еще все это извѣщеніемъ, что хотя вполнѣ раздѣляете разсужденія своего корреспондента насчетъ закавказской торговли, но не можете ихъ напечатать въ „Сѣверной Пчелѣ", безъ объясненія свойства сего препятствія, чѣмъ, для знакомыхъ у насъ съ подобными литературными

оборотами, прямо намекаете, что этихъ разсужденій не пропустила бы цензура: слѣдственно, что они обращены также въ порицаніе тарифа, съ чѣмъ и вы согласны.

„Сѣверная Пчела“ находится въ рукахъ огромной массы читателей всѣхъ сословій и всякихъ понятій, и упомянутая статья, при самомъ ея помѣщеніи, понята была многими, именно въ вышеизложенномъ предосудительномъ и дерзкомъ смыслѣ, возбуждающемъ публику противъ закона, едва только изданнаго и прикасающагося, болѣе или менѣе, къ интересамъ всѣхъ ея слоевъ.

Такъ какъ подобныя выходки совершенно нетерпимы въ нашей журналистикѣ, то я, во исполненіе послѣдовавшаго нынѣ высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго мнѣ г. министромъ народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 8 сего января, за № 26, объявляю вамъ: крайнее неудовольствіе высшаго правительства и дѣлаю вамъ строжайшій выговоръ, который распространенъ и на цензора Крылова, не вникнувшаго въ истинное значеніе статьи или пропустившаго оную вопреки сему значенію.

Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа

М. Мусинъ-Пушкинъ.

Примѣчаніе. Оба отношенія М. Мусина-Пушкина къ Ѳ. В. Булгарину напечатаны съ имѣющихся у насъ подлинниковъ. Ред.

УМЪ ХОРОШО, А ДВА ЛУЧШЕ.

1846.

Въ 1846 году, къ которому относится, какъ можно полагать, нижепомѣщаемая статья, наиболѣе крупными представителями различныхъ направленій въ нашей журналистикѣ были три періодическія изданія: «Отечественныя Записки», «Москвитянинъ» и «Сѣверная Пчела». Авторъ, принадлежа къ партіи «Отечественныхъ Записокъ», во главѣ которой стоялъ Бѣлинскій, находился во враждебныхъ отношеніяхъ какъ къ «Сѣверной Пчелѣ», такъ и къ «Москвитянину». Въ статьѣ: «Умъ хорошо, а два лучше» иронія устремлена на литературныхъ противниковъ «Отечественныхъ Записокъ», на издателей и сотрудниковъ «Москвитянина» и «Сѣверной Пчелы».

Литературная и общественная дѣятельность редактора «Сѣверной Пчелы», Булгарина, давно уже была предметомъ ожесточенныхъ нападокъ нашей журналистики. Съ легкой руки Пушкина, на Булгарина посыпались эпиграммы и полемическія статьи. Болѣе или менѣе остроумные камни, бросаемые въ Булгарина, задѣвали и Греча, какъ друга и постояннаго сотрудника Булгарина. При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ и заслугахъ Греча по изученію языка и собранію матеріаловъ для исторіи русской словесности, при его умѣ и добромъ сердцѣ, Гречъ не избѣжалъ самыхъ рѣзкихъ нападеній, и преимущественно потому, что на него смотрѣли какъ на двойника Булгарина. Ихъ взаимныя отношенія черезчуръ отзывались сентиментальностью, а заискивающія восхваленія Булгаринымъ своего друга до того наивны, что такъ и просятся подъ перо сатирика. Самъ Ѳ. В. Булгаринъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ и сближеніи съ Н. И. Гречемъ:

«Я познакомился съ Н. И. Гречемъ 5 февраля 1820 года. Постороннее дѣло привело меня въ его кабинетъ. Мы сами до сихъ поръ не знаемъ и не постигаемъ, какъ это случилось, что при первомъ свиданіи мы такъ пришлись другъ другу по плечу и по сердцу, что просидѣли нѣсколько часовъ, въ жару разговора стали говорить другъ другу ты, и разстались искренними друзьями! Въ первое наше свиданіе мы, такъ сказать, проэкзаменовали другъ друга въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашихъ понятіяхъ о различныхъ предметахъ, и результатъ этой взаимной исповѣди былъ тотъ, что мы обнялись и сдѣлались неразлучными. Во всякомъ случаѣ одинъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ для другаго. Оба пылкіе и горячіе, мы можемъ сердиться другъ на друга, но не любить другъ друга мы не можемъ. Всю честь этой едвали не безпримѣрной дружбы между литераторами и журналистами приписываю я Н. И. Гречу. Ему труднѣе было справиться съ умомъ, который въ теченіе десяти лѣтъ

сряду жилъ въ пороховомъ дымѣ, нежели мнѣ съ литераторомъ, ратоборствовавшимъ только на бумажномъ поприщѣ [1]).»

Булгаринъ посвятилъ Гречу своего «Димитрія Самозванца»; Гречъ въ знакъ благодарности посвятилъ Булгарину «Поѣздку въ Германію» (романъ въ письмахъ). Гречъ издалъ «Русскую грамматику»; Булгаринъ пишетъ къ ней предисловіе, и полагая, что обязанность истиннаго друга состоитъ въ томъ, чтобы говорить правду, поясняетъ, что другъ его въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ слѣдилъ за успѣхами русскаго языка, наблюдалъ духъ его, извлекая отвсюду правила, въ самыхъ ошибкахъ почерпая наставленія, и т. д. [2]).

Понадобилось приложить біографію Греча къ изданію его сочиненій, и услужливый Булгаринъ принялъ на себя роль жизнеописателя своего друга. «Когда издатель твоихъ сочиненій—обращается Булгаринъ къ Гречу—приложитъ къ нимъ твой портретъ, то должно приложить и біографію».—«Помилуй, статочное ли это дѣло—сказалъ Гречъ—могу ли я самъ писать свою біографію».—«Не ты долженъ писать, а напишу я, другъ твой и товарищъ въ теченіе восемнадцатилѣтней литературной жизни.»—«Но что скажутъ люди о біографіи, написанной *другомъ*»?—«Неужели же ты хочешь, чтобъ біографіи наши писали *враги*? Довольно лжей и клеветъ разсѣяно объ насъ по свѣту: пусть же хоть разъ появится правда. Почти во всѣхъ иностранныхъ энциклопедическихъ и біографическихъ лексиконахъ напечатаны наши біографіи неполныя или искаженныя, а московскіе наши пріятели не устыдились даже напечатать на насъ за границею самый гнусный пасквиль, поручивъ редакцію полуграмотному израильтянину. Это самое возлагаетъ на меня обязанность высказать истину». Гречъ махнулъ рукою и сказалъ: «дѣлай что хочешь; пиши, печатай, все позволяю—тебѣ въ угоду» [3]).

Въ статьѣ, впервые печатаемой нами, упоминается, между прочимъ, о заграничномъ путешествіи Греча и о весьма остроумной критикѣ на книгу Греча, помѣщенной Шевыревымъ въ «Москвитянинѣ». Гречъ объѣздилъ Германію, часть Швейцаріи и Италіи. «У г. Греча—говоритъ Шевыревъ—есть свой взглядъ на Италію. Трудно опредѣлить и назвать его, а мы бы назвали этотъ взглядъ *полицейскимъ*—и нельзя иначе. Г. Гречъ, можно сказать, путешествовалъ въ Италіи по части *порядка, чистоты и опрятности*. Вотъ первыя слова его объ Италіи, когда онъ въ нее въѣхалъ: «исчезаетъ нѣмецкая опрятность, и начинается итальянская нечистота; умывальники стоятъ не на столикахъ, а на какихъ-то высокихъ таганахъ; каждую посудину должно перемыть и перетереть, чтобъ не съѣсть или не выпить чего-нибудь лишняго... Сходя съ крыльца готовился я найти на улицахъ Рима то же, что и въ Неаполѣ: нечистоту, безпорядокъ, шумъ, смрадъ, убожество и нищенство. Ничуть не бывало. Улицы не очень широкія, но прямыя, опрятныя, обстроенныя благообразными домами» и т. п. [4]).

Преслѣдуя смѣшныя стороны въ путевыхъ замѣткахъ Греча, Шевыревъ

---

[1]) «Къ портрету Николая Ивановича Греча». Ѳаддея Булгарина. 1838. Стр. 18—20.

[2]) Пространная Русская Грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. Т. I. Изд. 2-е. 1830 стр. III—XII.

[3]) «Къ портрету Н. И. Греча» стр. 1—3.

[4]) «Москвитянинъ», 1843. Часть V. Критика: Обозрѣніе словесности русской за 1842 годъ, стр. 435—447.

въ свою очередь не былъ пощаженъ иронiею его противника. Въ той же статьѣ есть нападки и на Шевырева и на нераздѣльнаго съ нимъ по журналистикѣ г. Погодина. Но въ основѣ враждебныхъ отношенiй сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» къ сотрудникамъ «Москвитянина» лежала мысль болѣе серьезная, нежели въ обыкновенной журнальной перебранкѣ. Вражда вытекала изъ противоположности во взглядѣ на умственную и общественную жизнь русскаго народа.

Представители двухъ враждебныхъ направленiй, рѣзко обозначившихся въ литературѣ того времени, извѣстны подъ именемъ западниковъ и славянофиловъ. Авторъ статьи: «Умъ хорошо, а два лучше», по своимъ понятiямъ и сочувствiямъ, принадлежалъ къ западникамъ, и слѣдовательно былъ, въ большей или меньшей степени, врагомъ славянофиловъ. Но ратуя противъ нихъ, онъ убѣжденъ былъ въ чистотѣ ихъ стремленiй и неподкупности дѣйствiй и если возставалъ противъ нихъ, то только потому, что дѣятельность ихъ, по его понятiю, вела къ послѣдствiямъ и выводамъ, совершенно противоположнымъ съ тѣми, которыхъ ожидали и желали лучшiе представители славянофильства. Онъ признаетъ за ними честность и независимость убѣжденiй, но ставитъ имъ въ вину то, что они возможное смѣшиваютъ съ дѣйствительнымъ, а неуспѣхъ ихъ въ литературѣ объясняетъ тѣмъ, что въ средѣ ихъ не было публицистовъ, и притомъ люди даровитые хранили упорное молчанiе, а бездарность неутомимо подвизалась на журнальномъ поприщѣ. Авторъ печатаемой нами шутки нападаетъ на «Москвитянинъ» за высказываемое этимъ журналомъ нерасположенiе къ западной Европѣ.

Выходки противъ Шевырева относятся преимущественно къ его «Исторiи русской словесности», съ намеками на его попытку ввести въ русскiй языкъ итальянское стихосложенiе. Трудъ Шевырева, занимающiй почетное мѣсто въ исторiи науки, вышелъ подъ названiемъ: «Исторiя русской словесности преимущественно древней». По литературнымъ понятiямъ того времени не допускалось самаго существованiя древней русской литературы, и первый опытъ ея исторiи, вышедшiй за нѣсколько лѣтъ до книги Шевырева и принадлежащiй Максимовичу, рецензенты называли исторiею небывалой словесности. Тогдашняя критика, руководимая авторитетомъ Гегеля, къ которому питала слѣпое довѣрiе, допускала литературу только у народа, каждое дѣйствiе котораго вызывается на свѣтъ идеею и исполнено внутренняго значенiя, и т. п. Исторiю древней русской словесности Шевыревъ излагалъ на публичныхъ чтенiяхъ; но какъ изустное изложенiе быстро улетучивается, то онъ рѣшился написать свои лекцiи и издать ихъ въ свѣтъ. Онѣ изданы въ 1846 году и впослѣдствiи вышли вторымъ изданiемъ.

Шевыревъ подробно и горячо доказывалъ полную возможность ввести итальянскую октаву въ русское стихосложенiе*). По его мнѣнiю пятистопный ямбическiй стихъ, преобразованный въ одиннадцатисложный итальянскiй, согласно съ правилами русскаго народнаго стихосложенiя, можетъ у насъ образовать октаву. Для устраненiя препятствiй онъ совѣтуетъ не стѣсняться трудностью въ подборѣ риѳмъ. Онъ говоритъ: «неясное произношенiе на концѣ словъ вредитъ гармонiи нашего языка: извлечемъ изъ сего недостатка по крайней мѣрѣ пользу для риѳмаря. Итакъ: утѣшенье и наслажденья; надо

*) «О возможности ввести итальянскую октаву въ русское стихосложенiе», смотр. «Телескопъ». 1831. Часть 3-я, №№ 11 и 12.

и отрада; мало и стала, да риемуются смѣло. Нѣкоторые литераторы нападаютъ еще на риемы изъ составныхъ словъ съ частицами, какъ напр.: хочу я и ночуя, Юлія и могу ли я; но я укажу имъ въ примѣръ Данта, который переноситъ половину слова въ другой стихъ», и т. п. Для образца Шевыревъ приводитъ нѣсколько строфъ изъ седьмой пѣсни «Освобожденнаго Іерусалима», переведенныхъ октавами:

Межъ тѣмъ Эрминія между кустами
Въ дремучій лѣсъ конемъ занесена;
Рука дрожитъ, чуть шевеля браздами—
И ни жива, и ни мертва она.
Лихой бѣгунъ безвѣстными путями
Все далѣ въ лѣсъ, гдѣ чаще глубина,
Пока совсѣмъ умчался отъ погони.
И тщетно бы за нимъ скакали кони...

Редакторъ «Москвитянина» во время своего заграничнаго путешествія велъ дорожный дневникъ, который впослѣдствіи напечаталъ. Желая сохранить слѣды живого впечатлѣнія, авторъ, по его собственнымъ словамъ, оставилъ на поживу рецензентамъ разныя мелочи и частности, лично до него относящіяся, въ родѣ слѣдующихъ: «Въ Подебрадѣ обѣдали и очень плохо... Я иззябъ ходя вездѣ въ лѣтнемъ сюртукѣ, и между тѣмъ какъ Пуркыня, столь же легко одѣтый, не чувствовалъ ни малѣйшей стужи, у меня зубы едва попадали другъ на друга... Такой сюртукъ принесъ мнѣ, что чудо: фасонъ на всю жизнь; застегивается вплоть до подбородка; длиненъ по каблукъ; кармановъ съ дюжину: куда ни сунешь рукой незначай, вездѣ найдешь квартеру; надѣвается на другой сюртукъ. А стоитъ на ватѣ рублей 80; жилетку принесъ—съ длинную куртку или старый камзолъ... Задобривъ своего хозяина похвалами и обѣщаніемъ прославить его въ будущемъ описаніи моего путешествія, я спросилъ его, по совѣсти, сколько надо давать вообще прислужникамъ на водку, чтобъ было ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много? По полгульдену дворнику, горничной и кельнеру, т.-е. по 30 коп. или круглымъ счетомъ по рублю на всѣхъ», и т. д.*).

Авторъ не даромъ сулилъ богатую поживу своимъ рецензентамъ. Явилась тогда же пародія на дорожный дневникъ; шутка была названа путевыми записками Вѣдрина—литератора, объѣхавшаго съ большою пользою многія страны, и издающаго свои путевыя записки отчасти для пользы и удовольствія читателей, отчасти для покрытія издержекъ, неминуемыхъ при путешествіяхъ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ записокъ Вѣдрина:

«Клопы не дали спать всю ночь. Скверное насѣкомое! Говорятъ, на Дербеновкѣ грузинъ продаетъ кавказскій порошокъ, уничтожающій клоповъ, да страшно дорого—рубль серебромъ фунтъ, а тамъ выдохнется, перестанетъ дѣйствовать. Но все къ лучшему. Вскочилъ въ 5, умылся и въ Рогожскую искать товарища. Долго толкался. Что за лихой народъ извощики! Борода, кушакъ... Размечтался и вспомнилъ Кеппена брошюру о курганахъ. Товарищъ попался, купецъ изъ Нижняго, съ брюшкомъ, говоритъ на *о*. Потолковали, сладили, черезъ часъ ѣдемъ. Домой за чемоданомъ—даль страшная, хотѣлъ взять извощика—очень стали дороги, 25 коп. серебромъ, меньше ни одинъ

*) «Годъ въ чужихъ краяхъ» (1839). Дорожный дневникъ М. Погодина. 1844, ч. I, стр. 96—97, 90 и др.

взять не хотѣлъ... Товарищъ мой человѣкъ тихой, занимаетъ три четверти повозки, платитъ половину... Ѣхали на вольныхъ. Постоялый дворъ съ рѣзными украшеньями. У воротъ хозяинъ съ рыжей бородой, на лицѣ написано корыстолюбіе; не пойду... Остался въ повозкѣ—наблюдать нравы. Нищіе помѣшали досмотрѣть. Отвратительная привычка у нищихъ просить у проѣзжаго: проѣзжему мелкія деньги нужны—не крупныхъ же дать. Надоѣли—притворился сонным, помѣшали и тутъ: нищихъ разбудилъ, требуя на водку—еще скверный обычай! что у нихъ за служеніе мамону. Далъ три коп. серебромъ, что составляетъ на ассигнаціи десять съ половиной. Жалѣлъ. Пошелъ дождь—промочилъ до костей. До второй станціи ничего особеннаго. Купецъ вылезалъ изъ повозки, такъ не надолго. Чѣмъ свѣтъ разбудилъ товарищъ и предложилъ выпить чаю; я не отказался: я люблю пить чай съ кѣмъ-нибудь» и т. д. въ такомъ же родѣ *).

Авторъ «Записокъ Ведрина» не забылъ предмета своей пародіи и въ юмористическомъ очеркѣ: «Умъ хорошо, а два лучше».

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ написанъ этотъ очеркъ. И авторъ, и тотъ, кому посвящена статья, и тѣ, противъ которыхъ она направлена, сошли уже въ могилу за исключеніемъ М. П. Погодина, пощаженнаго временемъ на пользу и славу русской науки и литературы. Мы увѣрены, что почтенный ветеранъ не помянетъ насъ лихомъ за легкую шутку давно минувшаго времени, имѣющую интересъ единственно въ смыслѣ эпизода изъ журнальныхъ усобицъ, происходившихъ въ нашей литературѣ. М. И. С.

Умъ хорошо, а два лучше, въ особенности лучше для изданія журнала. Наиболѣе читаемые и уважаемые журналы издавались всегда у насъ парою литераторовъ: „Сѣверная Пчела“, „Маякъ“, „Москвитянинъ“. Г. Сенковскій зналъ это, и за неимѣніемъ alter ego онъ самъ раздвоился какъ Гофмановъ Медардусъ, и издавалъ „Библіотеку для Чтенія“ съ барономъ Брамбеусомъ; время славы и величія этого журнала было временемъ товарищества съ Брамбеусомъ. „Маякъ“ явнымъ образомъ сталъ тускнуть съ тѣхъ поръ, какъ издается однимъ г. Бурачкомъ; даже признаки бѣшенства, прорывавшіеся въ литературныхъ обзорахъ „Маяка“, мнѣ кажется, происходятъ отъ одиночества. Но на верху литературной славы теперь, какъ и прежде, два журнальные брака: Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ—въ Петербургѣ, Степанъ Петровичъ Шевыревъ и Михаилъ Петровичъ Погодинъ—въ Москвѣ. Московская чета, впрочемъ, не такъ еще извѣстна, какъ наши добрые, любимые Филемонъ и Бавкида журналистики, а потому параллельное разсматриваніе той и другой пары, не лишено занимательности. Плутархъ любитъ сравнивать одинъ на одинъ великихъ людей: мы, во всемъ опередившіе древній міръ, можемъ ихъ сравни-

*) «Отечественныя Записки». 1843. Т. XXXI. Смѣсь: «Путевыя записки г. Ведрина» (отъ ведро—погода) стр. 58—60.

вать попарно. Конечно, наши пары, при всемъ авторскомъ пристрастіи къ предмету, не совсѣмъ плутарховскіе герои. Одинъ изъ четырехъ уважаемыхъ нами литераторовъ можетъ имѣть на это притязаніе и даже неотъемлемое право, это — Ѳаддей Венедиктовичъ. Въ его жизни есть что-то античное; онъ, какъ Сократъ, знакомъ не только съ нравственною философіей, но и съ мечемъ; не только съ однимъ, но и съ двумя; но это выходитъ изъ круга нашей параллели.

Начнемъ съ главнаго. Четыре героя, составляющіе двѣ пары, — люди вселенской извѣстности: г. Булгаринъ переводится г. Меццофанти; г. Гёте упоминаетъ о г. Шевыревѣ; г. Шеллингъ спрашиваетъ о философскихъ статьяхъ г. Погодина; г. Гречъ усердно кланяется г. Гизо. Но въ ихъ отношеніяхъ къ Европѣ найдутъ оттѣнки, которые необходимо уловить.

Гречъ и Погодинъ обтекаютъ часто разныя страны; Булгаринъ и Шевыревъ обтекли ихъ и успокоились. Гречъ, по прекрасному выраженію „Москвитянина“, разсматриваетъ Европу въ полицейскомъ отношеніи, обращая всего болѣе вниманія на чистоту и порядокъ. Погодинъ ее же разсматриваетъ съ экономической точки зрѣнія — въ отношеніи дешевизны и дороговизны предметовъ, нужныхъ путешественнику. Булгаринъ любитъ вспоминать (точно маршалъ Сультъ), что онъ былъ въ Испаніи, а Шевыревъ никогда не забываетъ, что онъ былъ въ Италіи.

Европу всѣ четверо не любятъ, но каждый по своему. Въ этихъ точкахъ пересѣченія легко измѣрить всю необъятную противоположность ихъ. Самыя средства, которыми они хотятъ отвратить добрыхъ людей отъ Запада, разны. Такъ г. Гречъ останавливаетъ васъ, обращая вниманіе на слабое полицейское управленіе, на нечистоту улицъ. Г. Погодинъ стремится застращать дороговизной и издержками. Г. Шевыревъ съ ужасомъ указываетъ на развратъ мышленія, на порокъ логики, овладѣвшей Европою. Г. Булгаринъ своимъ собственнымъ примѣромъ — патріотизмомъ „Сѣверной Пчелы“ заставляетъ любить и предпочитать Петербургъ всему міру. Притомъ каждый изъ нихъ милуетъ на Западѣ какую-нибудь страну. Степанъ Петровичъ любитъ Италію, помощую октавы; Ѳаддей Венедиктовичъ и Николай Ивановичъ — нравственно-семейную Германію; Михаилъ Петровичъ — западныхъ славянъ, потому что считаетъ ихъ восточными.

Также, какъ Европу, они не любятъ и современную науку, и не только не любятъ, но и не знаютъ ее, — да и зачѣмъ же знать то, чего не любимъ?... Гречъ и Погодинъ не бранятъ науку, потому что они считаютъ себя выше ея; они на нее смотрятъ, какъ мы смотримъ

на азбуку — нѣсколько съ улыбкой, и въ этой улыбкѣ видно гордое сознаніе: „мы-де знаемъ что тамъ написано — насъ не проведешь". Они развили въ себѣ высшіе интересы, передъ которыми интересы науки—ребячество. Гречъ иногда даже защищаетъ науку: отдавать справедливость врагамъ — свидѣтельство сердца, полнаго благородствомъ, откровенностію и прямодушіемъ, — качества, отличавшія всегда греческую исторію и исторію Н. И. Греча. Степанъ Петровичъ не таковъ: онъ хорошаго слова о западной наукѣ не скажетъ; у него есть своя, словенская, наука, не писанная, не существующая, а словенская; въ ея-то пользу онъ готовъ выдать за общество фальшивыхъ монетчиковъ или зажигателей всѣхъ послѣдователей презрѣнной и писанной науки. Гнѣвъ Шевырева какой-то католическій: онъ обучился ему въ Италіи. Ѳаддей Венедиктовичъ, это — петербургскій Сковорода, невскій Коцебу; его наука—практическая мораль; о теоріи, системѣ, методѣ не надобно и спрашивать; онъ рѣдко говоритъ о наукѣ; она слишкомъ безлична, чтобъ сердить его, а когда и ругнетъ ее, то наскоро, имѣя въ виду нравственную цѣль.

Гречъ и Шевыревъ—филологи и грамматики. Шевыревъ—первый профессоръ элоквенціи послѣ Тредьяковскаго; онъ читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи о русской словесности преимущественно того времени, когда ничего не писали, и его лекціи были какой-то дѣтской пѣснью, пѣтой чистымъ soprano, напоминающимъ папскіе дискканты въ Римѣ. Гречъ публично же читалъ въ Петербургѣ поэзію грамматики, и тронулъ всѣхъ, доказывая, какъ счастливъ долженъ быть тотъ народъ, который такъ хорошо, какъ мы, спрягаетъ глаголы. Погодинъ и Булгаринъ — историки, но съ разныхъ концовъ: одинъ идетъ отъ происхожденія Руси до X вѣка; другой—отъ нашего благополучнаго времени до 1810 года и даже до аустерлицкой битвы. Погодинъ впрочемъ не только не участвовалъ въ Рюриковскую эпоху, но и издавалъ больше общинно-историческіе труды, а Ѳаддей Венедиктовичъ участвовалъ самъ въ важнѣйшихъ событіяхъ нашего вѣка; онъ сперва сдѣлалъ современную исторію, а потомъ началъ писать объ ней.

Главная цѣль трудовъ знаменитыхъ литераторовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, знакомить міръ съ Россіей. Если имъ и не удается, то намѣреніе похвально. Съ этою цѣлію Гречъ издалъ формулярные списки всѣхъ авторовъ русскихъ; Булгаринъ составилъ книгу о Россіи, которую врядъ-ли читалъ и самъ Гречъ; Погодинъ пріобрѣлъ извѣстность своими неизданными трудами; Шевыревъ возстановляетъ Русь, которой не было и—слава Богу—никогда не будетъ.

Союзъ г. Погодина съ г. Шевыревымъ—matrimonium secretum, союзъ г. Булгарина съ г. Гречемъ—открытый конкубинатъ. Нѣтъ ни одного

человѣка въ Москвѣ, который бы умѣлъ врознь понять Минина и Пожарскаго — такъ, какъ нѣтъ ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы умѣлъ понять врознь Греча и Булгарина, хотя бы одинъ жилъ для удовольствія и нравственныхъ наблюденій въ Парижѣ, а другой—для нравственныхъ наблюденій и для удовольствія въ Дерптѣ. Г. Шевыревъ какъ-то было-охладѣлъ къ брачному ложу, т.-е. къ „Москвитянину“: сейчасъ начали выходить уроды, двойни; новая программа утѣшила всѣхъ: Степанъ Петровичъ оттого не занимался, что увлекся своимъ краснорѣчіемъ и сталъ записывать свои слова (собою восхищаться запрещаетъ Тассо); теперь онъ опять готовъ исполнять брачно-литературныя обязанности. Гречъ и Булгаринъ издаютъ съ примѣрнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ „Сѣверную Пчелу“ для того только, чтобъ въ ней высказывать тѣ сильныя убѣжденія, которыя легли краеугольнымъ камнемъ ихъ нравственно-сатирическимъ существованіямъ. Степанъ и Михаилъ Петровичи съ еще болѣе примѣрнымъ упорствомъ и безкорыстіемъ издаютъ „Москвитянинъ“, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что читатели подписываются на другіе журналы: въ этомъ „Москвитянинѣ“, такъ же какъ и во всемъ прочемъ, похожъ на „Маяка“, какъ на родного брата. Что дѣлать? Любовь къ истинѣ и ненависть къ „Отечественнымъ Запискамъ“ — страсть сихъ четырехъ сердецъ и сего одного; „Маяка“. Страсть къ истинѣ доводитъ ихъ до неблагоразумія.

Я всякій разъ со слезами читаю, какъ иногда Ѳаддей Венедиктовичъ, другъ Платона, другъ Аристотеля, другъ Греча, но еще болѣе другъ правды, всенародно коритъ Николая Ивановича. Онъ забываетъ тутъ узы, связующія его съ Гречемъ, дѣлается страшенъ, дѣлается отрывистъ: „и ты, братецъ,—говоритъ—стыдно, братецъ, что ты мальчикъ что-ли? не видалъ, что-ли? не слыхалъ, что-ли?“... и пойдетъ. Николай Ивановичъ дѣйствительно иногда заслуживаетъ порицанія—прерадикальный образъ мыслей, т.-е. либералъ: то зачѣмъ Бонапарте сдѣлался Наполеономъ, то зачѣмъ во Франціи пишутъ объ Алжирской войнѣ, то зачѣмъ не заведутъ тамъ цензуры, то зачѣмъ во Франціи нѣтъ тѣлесныхъ наказаній: такъ, кажется, и сдѣлалъ бы революцію во всей Европѣ. А главное — Наполеонъ. Ѳаддей Венедиктовичъ за Наполеона всегда горой: онъ считаетъ Наполеона своимъ товарищемъ по службѣ, и нигдѣ не выдаетъ—черта прекрасная! Искренность Ѳаддея Венедиктовича развѣ только можетъ быть побѣждена правдивостью г. Погодина: Погодинъ до того откровененъ, что напечаталъ такую исповѣдь о себѣ самомъ, подъ вымышленнымъ заглавіемъ „путевыхъ записокъ“, что исповѣди Руссо и Кардана ничего не значатъ въ сравненіи съ его исповѣдью: все разсказалъ, и

какъ платье покупалъ на бульварѣ, и какъ... и все это безъ всякой нужды, по одному благородному побужденію сердца. Гречъ скрытенъ: какъ можно! онъ въ сердцѣ доноситъ до поры до времени и зло и добро, и не станетъ такъ болтать. Вообще у гг. Булгарина и Погодина осталась бездна дѣтскаго, наивнаго. Люблю я радушное привѣтствіе Ѳаддея Венедиктовича пирожнику, открывающему лавочку, портному, начинающему шить платье,—точно онъ въ первый разъ кушаетъ пирожокъ. Люблю ребячій взглядъ Михаила Петровича на Еврону — взглядъ милаго ребенка: какъ онъ хорошъ у пятидесятилѣтняго старика! Имъ всегда отличались авторъ „Марѳы посадницы“ и авторъ „Дмитрія Самозванца“.

Посвящаю Виссаріону Григорьевичу
Бѣлинскому,
другу четы московской
и
петербургской четы не врагу,

Ш.

ВОЗМУЩЕНІЕ СТАРАГО ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКА.

1820.

Исторія такъ-называемаго «бунта Семеновскаго полка» 1820 г. въ настоящее время довольно разъяснена многими обнародованными документами и разсказами современниковъ. Къ числу послѣднихъ,—единственно какъ историческій матеріалъ,—присоединяемъ еще одно сказаніе — сообщенное намъ, при посредствѣ П. А. Ефремова, въ рукописномъ сборникѣ, извѣстнымъ ученымъ, нынѣ уже покойникомъ—А. Н. Аѳанасьевымъ.

Разсказъ изложенъ пристрастно и очевидная цѣль его — оправдать преступленіе Семеновцевъ противъ дисциплины и порядка военной службы; но такъ какъ многія подробности и самое изложеніе свидѣтельствуютъ, что авторъ былъ современникомъ событія и писалъ подъ свѣжимъ, живымъ впечатлѣніемъ происшествія, то все это придаетъ особый интересъ разсказу.

Къ сожалѣнію, мы находимся вынужденными значительно сократить его, выпустивъ въ разныхъ мѣстахъ до 67 строкъ. Это пропуски не касаются, однако, фактической стороны разсказа, въ нихъ заключаются лишь сужденія автора о дисциплинѣ, объ отношеніи власти къ войску и т. п.,— сужденія, конечно, весьма интересныя, потому что они знакомятъ со взглядами людей 1820-хъ годовъ,— но мы ихъ не можемъ напечатать. Ред.

. . . . . .

. . . . . .

Васильчиковъ, въ которомъ природа соединила ограниченный умъ и большое терпѣнье, слабый характеръ и сильное желаніе возвыситься, недостатокъ и неразборчивость способовъ, съ помощію пронырства неизвѣстнаго, грубаго голоса лести, но еще болѣе по духу времени,— Васильчиковъ былъ назначенъ въ начальники гвардіи*). Чтобъ удержать себя на семъ мѣстѣ, ему надлежало исполнить

---

*) Всѣ эти отзывы во многомъ отношеніи пристрастны; мы имѣемъ документы, которые рисуютъ Васильчикова въ другомъ свѣтѣ. Бумаги эти будутъ напечатаны на страницахъ «Русской Старины». Ред.

то, чего отъ него ожидали, т.-е. довести гвардію до мнимаго совершенства. Для сего ему необходимо было безпрекословное повиновеніе. Но такъ какъ гвардейскими полками начальствовали люди, изъ которыхъ нѣкоторые чинами и годами были ему равные, многіе умомъ его превосходящіе, то онъ рѣшился всѣхъ ихъ удалить, а начальство поручить своимъ тварямъ, въ чемъ и успѣлъ. Тутъ онъ не расчелъ одного, что люди, которыми онъ легко могъ управлять, не могли управлять другими.

Семеновскій полкъ достался Шварцу и противъ него взбунтовался — если можно только назвать бунтомъ справедливыя и законныя требованія людей, притѣсненныхъ безразсуднымъ начальникомъ. Шварца нельзя впрочемъ строго судить, нельзя предположить, чтобъ человѣкъ въ здравомъ умѣ могъ быть столько жестокъ, несправедливъ и низокъ.

Генералъ-маіоръ Потемкинъ, отлично служившій въ прошедшую войну, любимый солдатами, уважаемый офицерами, былъ душою и командиромъ полка. Васильчиковъ удалилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что полкъ распущенъ. Шварцъ, начальникъ армейскаго полка, въ которомъ оставилъ по себѣ незабвенную память (полкъ назвали его именемъ), незадолго предъ симъ произведенный въ лейбъ-гренадеры, ученикъ Желтухина, ... , по выбору Васильчикова, назначенъ былъ преемникомъ Потемкина. Шварцу не для чего было стараться не походить на Потемкина. Онъ, по собственному убѣжденію, сталъ поступать совершенно противнымъ образомъ: ученья предъ прежнимъ утроены были, не соображаясь даже съ силою людей, и множество больныхъ было слѣдствіемъ сего перваго распоряженія; но полкъ видимо началъ маршировать лучше и Шварца хвалили старшіе, извиняли младшіе! Онъ пересталъ пускать солдатъ на работу, говоря, что они, выправленные на ученьи, поработавъ, теряютъ солдатскую стойку. Онъ не боялся причину сію говорить громко. Ее приняли какъ утонченіе военнаго искусства; однакожъ доходы солдата уменьшались, а расходы ежедневно прибавлялись, потому что чистоплотный полковникъ требовалъ необыкновенной чистоты и опрятности, и въ два мѣсяца 1-я рота употребила свои артельныя деньги, на говядину опредѣленныя, на щетки и мѣлъ. Изнуреніе и бѣдность произвели всеобщее неудовольствіе, только страхъ заграждалъ уста. Шварцъ, неистощимый въ притѣсненьяхъ, кажется, взялся быть мѣриломъ терпѣнья русскаго солдата. Онъ приказалъ, чтобъ всякій день роты по очереди присылали къ нему по 10-ти дежурныхъ, что было названо десятками. Ихъ училъ онъ для развлеченья отъ дневныхъ трудовъ въ залѣ и они были мучениками

его бѣшенаго сумасбродства. Ихъ раздѣвали до-нага, заставляли неподвижно стоять по цѣлымъ часамъ, ноги связывали въ лубки, кололи ножами и вилками, рвали усы, плевали въ глаза,—однимъ словомъ, дѣлали все то, что выдумывалъ полковникъ, который въ это время лежалъ навзничь на полу и стучалъ ногами и руками въ землю, и презрѣнные съ ненавистью дѣлили чувства побѣдителей Кульма и Бородина!

Наконецъ верхъ безразсудства повѣнчалъ жестокости. Гренадерскія роты были составлены изъ людей, отличныхъ заслугами и покрытыхъ ранами. Они имѣли предъ прочими ротами особыя права и получали двойное жалованье. Изъ природы вещей проистекающее разнообразіе въ сихъ ротахъ не понравилось, и красивыхъ людей сталъ переводить, безъ всякихъ другихъ заслугъ, въ гренадерскія роты,—заслуженныхъ и старыхъ гренадеръ, безъ всякой вины, перемѣщать въ другія, и тѣмъ лишалъ ихъ не только денежныхъ выгодъ, но и заслуженныхъ почестей, столь драгоцѣнныхъ солдату, ибо онѣ — цѣна крови!

Явная несправедливость подѣйствовала сильно, и совокупясь съ съ вышеозначенными причинами, довела ненависть до высочайшей степени. Презрѣнья не скрывали, роптали громко и явно косились.

Офицеры, столь же недовольные Шварцомъ за его грубое и невѣжественное обращеніе съ ними, не только не старались остановить солдатъ, но еще внутренно радовались сему движенію. Хотя изъ осторожности никто изъ нихъ не принималъ дѣятельнаго участія, но чувства каждаго, вырываясь невольно, болѣе и болѣе воспламеняли угнетенныхъ страдальцевъ. Всѣ кипѣли и волновались. По привычкѣ къ тишинѣ, новость неповиновенья и темная надежда на инспекторскій смотръ еще удерживали рѣшительный шагъ. Одинъ Шварцъ, занятый ученьями и смотрами, ничего не зналъ и не подозрѣвалъ. Наконецъ давно всѣми и съ нетерпѣніемъ ожидаемый инспекторскій смотръ приспѣлъ. Корпусный командиръ зналъ объ нѣкоторыхъ неудовольствіяхъ солдатъ на Шварца, но тоже зналъ, что Шварцъ любимецъ великаго князя Михаила Павловича. Никогда не умѣя соображать двухъ мыслей, Васильчиковъ не сталъ задумываться и искать способа согласить двѣ противуположныя выгоды. Онъ хотѣлъ, подобно Александру, разсѣчь гордіевъ узелъ, и вмѣсто того, чтобы быть человѣкомъ и генераломъ, онъ выбралъ роль придворнаго, дабы сохранить формы, которыя однѣ свято наблюдались. Васильчиковъ выѣхалъ предъ фронтъ и громко возвѣстилъ, „что буде кто осмѣлится произнесть жалобу на начальника, тотъ будетъ прогнанъ сквозь строй“. Тогда, отдѣливъ офицеровъ отъ солдатъ, началъ спрашивать

о претензіяхъ. Всѣ, пораженные не столько страхомъ, сколько удивленіемъ, молчали. Смотръ кончился и солдаты съ кипящею яростью и негодованіемъ разошлись по казармамъ.

Шварцъ получилъ благодарность за опрятность и устройство и за хорошее обхожденіе съ подчиненными, и Васильчиковъ, довольный насмѣшкою здравому смыслу, поѣхалъ къ нему завтракать.

Ободренный Шварцъ продолжалъ свои угнетенья, которыя тѣмъ тягостнѣе становились, чѣмъ способы ихъ выносить уменьшались. Несчастные солдаты, потерявъ послѣднюю надежду, истощивъ все терпѣнье и думая еще, что потому только допускаютъ ихъ мучить, что не знаютъ до какой степени страданья они доведены, рѣшились довести до свѣдѣнія начальства всѣ безконечные варварскіе поступки Шварца, но хотѣли испытать, не образумится ли онъ самъ: столь боялись самой тѣни ослушанья! Всѣ роты взаимно обѣщались клятвою не отставать другъ отъ друга ни въ какомъ случаѣ. Возложили на государеву роту, такъ-названную главу полка, обязанность подать первымъ голосъ и принесть первую жалобу,— и рота сію честь приняла съ радостью и дѣйствовать рѣшилась.

Послѣ переклички, на которой рота не могла говорить, потому что въ строю солдатъ обязанъ молчать, рота собралась въ казармахъ и послала просить къ себѣ своего капитана Кошмарева. Капитанъ пріѣзжаетъ немедленно и рота единогласно проситъ его ѣхать къ полковнику Шварцу и объяснить ему, что они угнетены ученьями, разорены непозволеніемъ работать на волѣ и непомѣрнымъ требованіемъ чистоты и щегольства. На вопросъ капитана: „Чѣмъ они особенно угнетены?“ отвѣчаютъ: „десятками, и что полковникъ имъ особенную сдѣлаетъ милость, если ихъ отмѣнитъ!“

Капитанъ обѣщалъ все исполнить по ихъ просьбѣ, приказалъ ротѣ разойтись, и она разошлась.

Кошмаревъ тотчасъ ѣдетъ къ Шварцу, излагаетъ ему происшествіе какъ было, и проситъ его войти въ положеніе солдатъ, которыхъ просьба кажется ему справедливою, и представляетъ, что упрямство въ семъ случаѣ можетъ имѣть вредныя послѣдствія.

Шварцъ отвѣчаетъ ему строгимъ выговоромъ, укоряетъ въ слабости и увѣряетъ, что онъ завтра все кончитъ.

Кошмаревъ уѣхалъ, но Шварцъ, не взирая на свою наружную бодрость, покоенъ не былъ, на себя не надѣялся и боялся одинъ показаться солдатамъ, которыхъ ненависть онъ зналъ. Робость съ жестокостью часто одна другую рождаетъ.

. . . . . .

Могъ или не могъ корпусный командиръ разобрать сіе дѣло, при-

шла ли ему мысль усомниться въ истинѣ . . . . . разсужденья, но онъ постарался заглушить ее,—или вовсе не пришла,—неизвѣстно! Но слѣдствіемъ сего было то, что онъ, положась на ихъ свидѣтельство, рѣшился роту наказать. Какими причинами онъ тутъ руководствовался—мудрено рѣшить, потому что дворъ и ничтожество всегда его дѣлили между собою!

Опасаясь употребить явную строгость, онъ прибѣгнулъ къ коварству. Приказавъ спрятать баталіонъ Павловскихъ гренадеръ съ заряженными ружьями въ экзерциргаузѣ, послалъ повелѣніе въ Семеновскій полкъ, чтобы пригласили капитана Кошмарева съ ротою, но безъ офицеровъ и въ полуформѣ въ экзерциргаузъ для справки объ аммуниціи. Кошмаревъ роту повелъ. При входѣ въ манежъ, Васильчиковъ ихъ спросилъ:

— „Вы недовольны Шварцемъ?“

— Точно такъ, ваше превос.! былъ единодушный отвѣтъ роты.

Тутъ Васильчиковъ изъявилъ имъ свое негодованіе и, окруживъ гренадерами, повторилъ вопросъ, угрожая крѣпостью.

Они повторили отвѣтъ, хотя чрезвычайно удивились вооруженію. Ихъ повели въ крѣпость въ 10 час. утра.

Между тѣмъ полкъ отгадывалъ участь роты, ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ безпокойства. Солдаты ходили по казармамъ, собирались и разсуждали.

Офицеровъ никого не было. Долговременное отсутствіе ихъ встревожило, сомнѣнья усилились, родился ропотъ, слышны были нареканья, напоминали другъ другу данную клятву; до нихъ доходили глухія вѣсти, которыя умножали безпорядокъ и утверждали въ истинѣ предположеній. Они почувствовали бѣду товарищей и движимые обыкновеннымъ толпѣ великодушіемъ, рѣшились пожертвовать собою, или всѣмъ погибнуть, или облегчить ихъ участь!

Между тѣмъ наступила ночь. Дежурные офицеры, пріѣхавъ, возстановили порядокъ, развели роты по отдѣленіямъ и все, казалось, умолкло.

Наружная тишина царствовала, но покоя не было. Всѣ молчали, но никто не спалъ, никто не двигался, но всѣ готовы были. Вдругъ въ полночь 1-я рота выходитъ изъ своего отдѣленья и идетъ къ прочимъ, напоминаетъ опасность товарищей, данныя клятвы. Въ одно время всѣ роты на ногахъ. Напрасно дежурные офицеры останавливаютъ, грозятъ, просятъ,—все тщетно! Весь полкъ пестройными, но единодушными толпами выбѣгаетъ на площадь и собирается предъ госпиталемъ. Тутъ, удивленные и обрадованные неизвѣстною дотолѣ

имъ свободою, они предаются вполнѣ своему восхищенію: другъ друга поздравляютъ, цѣлуютъ!

Но заблужденіе продолжалось недолго. Вскорѣ вспомнили они цѣль своего сборища и стали заниматься способами освободить своихъ товарищей, или въ противномъ случаѣ раздѣлить ихъ участь, наказать Шварца и не показаться бунтовщиками. Они сначала рѣшились не идти въ назначенный на завтрашній день караулъ, ежели не отдадутъ имъ государевой роты, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ пристроиться не къ чему—головы нѣтъ! Къ тому же они почитали государя обиженнымъ, котораго роту безъ него посадили въ крѣпость!

Сею дипломатическою тонкостію, вѣроятно, надѣялись они заслужить милость царя. По сей причинѣ не взяли они и ружей . . . . .

Легко, впрочемъ, быть можетъ, что они въ душѣ были увѣрены, что царь не обвинитъ ихъ, потому что они правы; они же государя, который лично давно ими командовалъ, любили, думали, что его обманываютъ и ни единаго оскорбительнаго слова противъ его лица во все время волненья сказано не было. Потомъ прехладнокровно отрядили 130 человѣкъ убить Шварца, но его не нашли. Онъ, какъ будто желая оправдать всеобщее къ себѣ презрѣніе, спрятался въ навозъ. Въ домѣ ничего не тронули, кромѣ семеновскаго мундира, отъ котораго оторвали воротникъ, говоря, что Шварцъ недостоинъ носить его. Мальчикъ, у него воспитанный и котораго почитали его сыномъ, попался имъ; они бросили его въ воду, но одинъ унтеръ-офицеръ его вытащилъ, говоря, что онъ невиненъ.

— Выростетъ, да въ отца будетъ, тогда еще успѣемъ сладить!

Никакого буйства и излишества не было, хотя нѣкоторые и были пьяны. Хотѣли-было освободить арестантовъ, но преображенскаго полка офицеръ, который стоялъ въ караулѣ, попросилъ ихъ отойти и они не покушались болѣе.

Всѣ сіи несообразности и противорѣчія ихъ поступковъ объясняются, когда вникнешь въ ихъ положеніе. Они думали справедливо, что ихъ притѣсняютъ противъ воли и безъ вѣдома государя, и не взяли ружей. Они чувствовали свою справедливость и думали, что имъ отдадутъ оную—и ошиблись! Они видѣли, что Шварцъ достоинъ наказанья и хотѣли его наказать, никакъ не разбирая, имѣютъ ли на то право.

Мщеніе въ семъ случаѣ раздраженной толпы превосходило природную доброту человѣка, которая оказалась на мальчикѣ. Впрочемъ, въ поступкахъ ихъ оказались тѣ-же чувства и мысли, которыя замѣчаются во всякомъ необразованномъ, естественномъ человѣкѣ. Дѣй-

ствія привычекъ и мнѣній, принятыхъ безъ разсужденья, ими управляли. Такъ они бросились освободить арестантовъ по какому-то сочувствію, но вспомнивъ слово: преступникъ, оставили ихъ въ покоѣ; оторвали воротникъ отъ мундира по внушенному уваженію къ лоскуткамъ. Впрочемъ, какъ требовать сообразности и разсудка отъ тѣхъ людей, которые въ первый разъ въ жизни только догадались, что они мыслить и разсуждать могутъ? Однако-же со всѣмъ основательнымъ страхомъ не показаться бунтовщиками, они главной цѣли—спасенія товарищей—изъ виду не теряли.

Въ семъ волненіи проходитъ ночь.

Полковникъ Ватковскій извѣщаетъ великаго князя. Полковой адъютантъ Васильчикова—Бибиковъ и прочіе офицеры, ничего не зная, готовились въ караулъ, но пріѣхавъ въ казармы, съ тѣмъ, чтобы взять свои отдѣленья, очень удивились, найдя полкъ неодѣтымъ и въ сборѣ. Они узнали причину, немногіе были опечалены. Солдаты обходились со всегдашнимъ почтеніемъ и вообще дисциплина неслишкомъ была нарушена.

Генералы, удивленные, встревоженные, но еще болѣе испуганные, вскорѣ собираются. Они опасались гнѣва императора и всякій спѣшилъ употребить свое краснорѣчіе, которое однако-же успѣха не имѣло, потому что справедливые и рѣзки отвѣты солдатъ вскорѣ заставили замолчать людей, привыкшихъ говорить предъ молчаливымъ строемъ.

Первый пріѣхавшій, Закревскій, сказалъ имъ, „что ему стыдно смотрѣть на нихъ!“

— А намъ, отвѣчалъ впередъ выступившій старый гренадеръ, на которомъ было 15 ранъ, ни на кого смотрѣть не стыдно!

Милорадовичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхали за нимъ. Перваго слушали съ почтеніемъ, но жаловались на притѣсненья, говоря, что при немъ сего не было; второму отвѣчали прежнимъ молчаньемъ... Наконецъ Васильчиковъ, который, подъ предлогомъ болѣзни, присылалъ только повелѣнія, видя тщету оныхъ, рѣшился выѣхать самъ. Его встрѣтили не радостные клики; неизвѣстно почему, не взирая на его строгій видъ и привлекательную наружность, къ нему солдаты никакого почтенья не имѣли. Пріѣхавъ верхомъ, онъ спросилъ причину неудовольствія и почему не хотятъ строиться?

— Мы не можемъ служить съ полковникомъ Шварцемъ, отвѣчалъ полкъ въ одинъ голосъ, а не строимся потому, что нѣтъ у насъ главной государевой роты.

— „Шварца я уже отрѣшилъ, а назначилъ къ вамъ генералъ-маіора Бистрома“—и весь полкъ поднялъ радостный крикъ.

— Я вашъ командиръ, ребята, закричалъ Бистромъ, довольны ли вы?

— Довольны, довольны! Мы рады служить съ вашимъ превосходительствомъ! Вы своихъ на работу пускаете!

— Ну, пойдемте-жъ теперь въ караулъ!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, въ караулъ идти не можемъ, государевой роты нѣтъ,—гдѣ она?

— Въ крѣпости, сказалъ Васильчиковъ, и ея отпустить нельзя.

— А намъ безъ нея въ караулъ идти нельзя, возразилъ полкъ; ведите и насъ туда же, мы также виноваты!

Удивительно было видѣть сей полкъ прежде блестящій, однообразный, одному движенію покорный, а теперь превращенный въ шумную, нестройную толпу; но еще болѣе удивленья было достойно единомысліе, одушевляющее эту нестройную толпу людей, единомысліе, которымъ она горѣла только въ часы битвы, предводимая любимымъ начальникомъ. Тогда почитали ихъ героями, теперь—бунтовщиками! Тогда они забывали себя для пользы общей,—теперь хотятъ напомнить о своихъ страданіяхъ! Благодарность тяжела, мщеніе легко!

Между тѣмъ Васильчиковъ послалъ повелѣніе егерскому полку занять семеновскія казармы, гдѣ находились ружья; приказалъ вывесть всѣ прочіе пѣхотные полки. Оба полка кирасирскіе, гвардейская артиллерія и два загородные полка были приготовлены. Всѣ генералы вмѣстѣ и по одиночкѣ уговаривали семеновцевъ повиноваться, идти въ караулъ,—они всякому отвѣчали съ почтеніемъ и покорностью, но пребыли тверды въ своемъ намѣреніи. Потемкину сказали:

— Ваше превосходительство! не просите, мы васъ любимъ, и намъ больно будетъ не послушаться, но дѣлать нечего: товарищи погибаютъ!

Великій князь ничего отъ нихъ добиться не могъ—молчали.

Желая солдатъ попугать, распустили подъ рукою слухи, что на нихъ идетъ конница и готовы 6 пушекъ. „Мы подъ Бородинымъ и не 6 видѣли“, возразили они. Послѣ сего съ радостію приняли вызовъ идти въ крѣпость. Хотѣли полкъ вести рядами, но они не пошли, говоря: „мы подъ арестъ идемъ, какъ ни идти—лишь бы тамъ быть“.

Такъ спѣшили пользоваться минутнымъ облегченіемъ безполезнаго и тягостнаго бремени. Офицеры пошли съ ними. Въ крѣпости, сойдясь съ государевою ротою, они сказали: „вы вчерась за насъ заступались, а мы нынѣче—за васъ!“

Въ городѣ волненіе и тревога не переставали. Полки ходили безпрестанно; пушки везли, снаряды готовили, адъютанты скакали, народъ толпился, въ домахъ было недоумѣніе, не знали, что придумать

и что предпринять, опасаясь бунта, и даже мудрено, какъ страхъ мнимой опасности не произвелъ настоящей.

Васильчиковъ не разсчелъ, что ежели Семеновскій полкъ бунтуетъ отъ того только, что онъ недоволенъ Шварцемъ, то два взвода достаточно для усмиренія безоружной толпы; ежели онъ предполагалъ другія причины, то сіи сѣмена неудовольствія существовали уже во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ, и принятыя мѣры могли обратиться во вредъ, потому что всѣ угнетенные и негодующіе были собраны вмѣстѣ, и одна искра могла воспламенить всеобщій пожаръ бунта. Но на бунтъ ничего вложнаго не было, чего Васильчикову нельзя было не знать, если знать только онъ что-нибудь могъ, или хотѣлъ. Вѣроятно, что Васильчиковъ всѣми этими приготовленіями желалъ въ глазахъ государевыхъ волненія Семеновцевъ показать бунтомъ и придать мнимою опасностію важность дѣлу, которое само по себѣ ничего не значило и до сей даже точки были доведены солдаты только его неосмотрительностію.

Посему видно, что неудовольствіе государя и сопряженная съ нимъ потеря мѣста, его болѣе ужасали, нежели клятва несчастныхъ и справедливое негодованіе Россіи.

Еслибъ онъ зналъ расположеніе умовъ, какъ счетъ пуговицамъ, то легко бы могъ предвидѣть послѣдствія своей строгости неумѣстной.

Узнавши обстоятельнѣе о первомъ движеніи, онъ бы увидѣлъ въ немъ не частное неудовольствіе одной роты, но справедливое неудовольствіе всего полка, равно угнетеннаго выбраннымъ имъ самимъ начальникомъ. Еслибъ онъ тогда же назначилъ инспекторскій смотръ, вмѣсто того, чтобъ сажать солдатъ въ крѣпость, а на смотру принялъ бы дѣльныя жалобы и, уваживъ справедливость оныхъ, отрѣшилъ бы Шварца, такъ какъ онъ чрезъ нѣсколько часовъ и сдѣлалъ, то смѣло можно ручаться, что полкъ никогда бы не дошелъ до крайности неповиновенія, но еще благословилъ бы его справедливость, а посторонніе похвалили бы его благоразуміе. Онъ неповиновеніе власти принялъ за бунтъ, не разсмотрѣвши не только что законна-ли она, но даже благоразумна-ли и есть-ли способы исполнить ея предписанья? Ежели солдатъ не долженъ разсуждать, и такъ какъ нѣтъ возможности повиноваться безразсудству, то не всякое неповиновеніе достойно наказанія. Васильчикову показалось гораздо легче за свою вину казнить другихъ.

Ежели бунтомъ назвать неповиновеніе законамъ, то первый бунтовщикъ — Шварцъ, потому что онъ поступалъ противъ законовъ; но нарушенье законовъ солдатами было природнымъ слѣдствіемъ поступковъ Шварца. Еслибъ вздумалось Шварцу приказать разграбить дворецъ, вѣроятно, что и самые страстные охотники дисциплины скажутъ,

что полкъ имѣлъ право не слушаться его и представить его повелѣнье на видъ высшему начальству, не для того, что дворецъ тутъ замѣшанъ, но потому, что поступокъ сей противузаконный, а высшее начальство не терпитъ нарушенья законовъ. Тутъ случай подобный. Шварцъ училъ въ непозволительное время, не соблюдалъ праздниковъ, билъ солдатъ за ученье, и за всякія бездѣлицы наказывалъ строжайшимъ образомъ, чѣмъ преступилъ законы не только здраваго смысла и человѣколюбія, но и законы военнаго устава, гдѣ подобные поступки именно запрещаются. Слѣдовательно полкъ, упираясь на существующій уставъ и предполагая, что и высшее начальство сего терпѣть не можетъ, рѣшился принесть прописанную выше жалобу на нарушителей законовъ; а тотъ не бунтуетъ тѣмъ, что выставляетъ беззаконные поступки бунтовщика.

Пусть одинъ здравый смыслъ разберетъ и рѣшитъ, кого тутъ обвинять надобно? Солдатъ-ли, которые, не въ состояніи будучи болѣе сносить всѣ несправедливыя истязанія начальника, пришли сказать прямо, законнымъ порядкомъ, — потому что рота во всякое время можетъ говорить съ своимъ капитаномъ, — или тѣхъ, которые дали имъ начальника неспособнаго управлять ими? Всякій бунтъ предполагаетъ насиліе. Они угрозъ не употребляли, ружья оставили въ казармахъ и добровольно пошли въ крѣпость. Сей поступокъ могъ повредить ихъ дѣлу, но вины имъ не придалъ. По всему кажется, что все сіе можно было кончить, не упоминая слова б у н т ъ, и никому не показавъ, что бунтовать можно.

На другой день Васильчиковъ, изъ предосторожности, положилъ — полкъ раздѣлить на части и разослать по разнымъ городамъ. Для сего снова всѣ генералы съѣхались въ крѣпость уговаривать солдатъ раздѣлиться. Они долго не соглашались, наконецъ просьбы и увѣренія Милорадовича подѣйствовали. Еще полагаясь на высшее правосудіе, они покорились судьбѣ своей. 2-й баталіонъ рѣшили отослать въ Кексгольмъ, 3-й моремъ въ Свеаборгъ, а 1-й, для производства надъ нимъ военнаго суда, оставить въ крѣпости.

Принявъ сіи мѣры, Васильчиковъ успокоилъ жителей, но самъ покоенъ не былъ. Онъ чувствовалъ себя виновнымъ, по крайней мѣрѣ въ неблагоразуміи и зналъ, что Милорадовичъ не преминетъ довести до свѣдѣнія императора все происшествіе въ истинномъ его видѣ. Первое потому, что графъ, всегдашній защитникъ невинныхъ, особенно воиновъ, свидѣтелей и сподвижниковъ его славы и потому еще, что Милорадовичъ личный соперникъ Васильчикову, который своими происками успѣлъ заступить его мѣсто въ начальствѣ гвардіи.

Васильчиковъ зналъ, что графъ писалъ уже къ императору и рѣ-

шился попробовать пожертвовать всѣми, чтобъ оправдать только себя. Странно показаться можетъ, что въ президенты суда выбранъ человѣкъ, который никогда не отличался глубокими свѣдѣніями и еще болѣе справедливостію.

Но вотъ причины. Полагаясь на деспотическій и сумасбродный нравъ судьи, Васильчиковъ думалъ, что никто скорѣе Л* не обвинитъ младшихъ въ дѣлѣ со старшими, а справедливость могла бы тутъ помѣшать. Второе, хотѣлось угодить государю, выбравъ человѣка имъ любимаго и потѣшить сей надежной довѣренностію самаго Л*, котораго онъ боялся. Послѣ сего послалъ онъ съ адъютантомъ своимъ, ротмистромъ Чаадаевымъ, государю полное донесеніе всего случившагося. Въ сей любопытной бумагѣ онъ, обвинивъ всѣхъ — Шварца въ неумѣніи командовать, солдатъ въ нехотѣніи повиноваться и офицеровъ, какъ неоказавшихъ должной твердости, въ подобныхъ обстоятельствахъ—кончилъ наказать всѣхъ строжайшимъ образомъ. Въ ожиданіи отвѣта, довольный увѣренностью— пострадать не одинъ, заперся дома и никому не показывался подъ предлогомъ болѣзни.

3-й баталіонъ, отправленный сухимъ путемъ въ Кексгольмъ, дошелъ довольно хорошо, потерпѣвъ только отъ наставшей погоды и сильнаго морозу, ибо имъ не дали времени взять ничего теплаго. 2-й, отправленный моремъ въ Свеаборгъ, былъ гораздо несчастнѣе. Ихъ въ Кронштадтѣ не приняли, потому что повелѣнье было тотчасъ отправить баталіонъ въ путь; но какъ мореплаванье уже кончилось и готовыхъ судовъ не было, многіе перемерли отъ простуды, другіе отъ духоты, нѣкоторые отъ недостатка пособій. Наконецъ ужасные три дня кончились; солдатъ посадили на поспѣвшіе три фрегата и отправили въ Свеаборгъ. Поднявшаяся буря раздѣлила корабли и отбросила одинъ въ Ревель, а о другомъ долго не знали, гдѣ онъ. Причина, заставившая Васильчикова поступить столь жестокимъ образомъ съ людьми, которыхъ онъ, если не въ бумагѣ къ императору, то въ душѣ еще болѣе признавалъ невинными, было одно желаніе оправдать себя, показавъ государю ихъ бунтовщиками, которыхъ опасно въ городѣ держать. Не могъ онъ сказать, что поступаетъ такимъ образомъ для примѣра, потому что, по словамъ сей же бумаги, примѣръ ослушанья Семеновскаго полка имѣлъ болѣе хорошее, чѣмъ дурное вліяніе на прочія войска. Если онъ не достигъ цѣли, то по крайней мѣрѣ нельзя сказать, чтобъ его остановилъ выборъ средствъ.

Въ столицѣ между тѣмъ унынie и ропотъ былъ всеобщій. Гвардейскіе полки грозили вступиться за товарищей. Находили подброшенныя прокламаціи. Люди, одни тронутые бѣдственнымъ положеніемъ

солдатъ, другіе по одному желанію перемѣны, поджигали неудовольствіе. Жители опасались возмущенія. Полки переведены были (?) ночныхъ разъѣздовъ: многихъ хватали по улицамъ и воинскимъ судомъ угрожали. Полиція скакала съ обыкновенною дѣятельностію и разгоняла толпы народныя. Семеновскія казармы опустѣли и затихли; однѣ жены и дѣти, которыя останавливали толпы прохожихъ со слезами и спрашивали, не знаютъ-ли чего объ участи мужей и отцевъ, разсказывали жестокости Шварца и подробности происшествія, какъ будто утѣшались извѣстностію въ наказаніи несправедливости. Крѣпость, въ которой томились несчастные остатки прекраснѣйшаго полка, наводила мрачный ужасъ и содроганье за узниковъ; страшились всего, что можетъ выдумать мщеніе и сокрыть мракъ.

Родственники отправленныхъ офицеровъ, не имѣя объ нихъ никакого извѣстія и почитая ихъ погибшими, въ извинительной горести обвиняли Васильчикова. Милорадовичъ вездѣ говорилъ, что въ ногахъ у государя будетъ просить его выслушать, доказывалъ всѣмъ извѣстную невинность семеновцевъ и поджигалъ общее справедливое негодованіе на корпуснаго командира.

Все общество раздѣлилось. Бо́льшая часть поддерживала Милорадовича; меньшая—защищала Васильчикова; нѣкоторые заступались даже за Шварца, котораго уже на третій день отыскали.

. . . . . .

Положеніе всѣхъ было нерѣшительное и затруднительное. Никто не зналъ мнѣнія государя и всѣ ожидали его съ равнымъ нетерпѣніемъ, потому что уже всякій объявилъ свое. Неизвѣстность, присутствіе шпіоновъ раздражали ожиданіе въ обществѣ. Л* дѣятельно продолжалъ судъ и, сверхъ чаянія, оправдывалъ семеновцевъ, потому что онъ, справедливо презрѣнный въ мысляхъ общества многими жестокостями и нѣкоторыми убійствами, воспользовался симъ случаемъ примириться съ общимъ мнѣніемъ. Его намѣреніе жениться на знатной и богатой дѣвушкѣ сего требовало. Васильчиковъ былъ, или сказывался больнымъ.

Вдругъ указъ императора рѣшилъ неизвѣстность, прекратилъ споры и судъ, наложилъ молчаніе на мнѣнія и удивилъ всѣхъ скоростію и неожиданностію приговора. Симъ указомъ повелѣно: всѣхъ нижнихъ чиновъ въ полки раскасировать, офицеровъ перевесть обыкновеннымъ порядкомъ въ армейскіе полки, а 1-й баталіонъ и Шварца предать военному суду *).

*) См. письмо императора Александра I-го отъ 5 ноября 1820 г. къ Аракчееву о «бунтѣ Семеновскаго полка», «Русская Старина» т. I, изд. первое, стр. 63—65; изд. второе стр. 480—482. Вотъ письма императора Александра I-го,

Указъ немедленно былъ разосланъ по баталіонамъ Семеновскаго полка. Какъ громомъ пораженные, слушали семеновцы его чтеніе; нѣкоторое время самимъ себѣ не вѣрили, — наконецъ, послѣ продолжительнаго окаменѣлаго молчанія, зарыдали, облились слезами, обнимали другъ друга, прощались на вѣки, какъ-будто шли на вѣрную смерть и съ негодованіемъ укора показывали на многочисленныя свои раны, какъ-будто желая сказать: того ли мы за нихъ ожидали?... И люди, которые смыкались тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ убійственнѣе былъ огонь, отъ одного слова противъ воли разсѣялись по землѣ.

Офицеры тотчасъ получили повелѣнья развести порученные имъ отряды по назначеннымъ полкамъ. Какъ будто желая усугубить мученья солдатъ, провели ихъ въ виду Петербурга, но зайти не позволили. Въ самомъ городѣ ихъ жены и дѣти, которыхъ выслали, представляли зрѣлище не менѣе горестное, но болѣе плачевное: въ стужу, въ сырость ихъ спѣшили гнать толпами; полунагія женщины съ груд-

---

при которыхъ былъ отправленъ извѣстный приказъ его по арміи о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку:

I. Господину московскому военному генералъ-губернатору, генералу отъ кавалеріи князю Голицыну. Вы легко можете судить съ какимъ прискорбіемъ принялъ я извѣстіе о неслыханномъ никогда въ россійской арміи произшествіи, случившемся лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку. Изъ прилагаемаго при семъ въ копіи отданнаго мною по арміи приказа и повелѣнія командующему гвардейскимъ корпусомъ, усмотрите вы какія мѣры посему взяты мною. Препровождаю сіе для свѣденія вашего, и соображенія въ нужныхъ случаяхъ вашихъ по оному отзывовъ. «Александръ».

II. Командующему гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютанту Васильчикову. Съ душевнымъ прискорбіемъ получилъ я рапортъ вашъ отъ 19-го октября о неслыханномъ и постыдномъ произшествіи случившемся Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку. Изъ прилагаемой при семъ копіи съ отданнаго мною по арміи приказа усмотрите вы сужденіе мое о семъ приключеніи и сдѣланное на счетъ полка сего мое распоряженіе. Сердечно больно было мнѣ разстатся съ прежними моими сослуживцами, но сего требовала честь россійской арміи, россійскаго мундира. Полки оную составляющіе должны внушать справедливо полную довѣренность; кольми паче носящіе имя россійской гвардіи. Нынѣшній составъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, послѣ случившагося въ оном своевольства, потерялъ таковую довѣренность, и посему не могъ уже болѣе существовать въ нынѣшнемъ его положеніи. Честь имени сего полка, по всей справедливости, слѣдуетъ сохранить; на укомплектованіе коего достаточно отличныхъ воиновъ въ Россійской арміи.

При объявленіи прилагаемаго приказа повелѣваю вамъ внушить всему гвардейскому корпусу важность преступленія нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, и наказанія имъ понесеннаго, которое да послужитъ примѣромъ прочимъ къ удержанію ихъ навсегда въ должномъ порядкѣ. «Александръ».

Письма эти въ копіяхъ сообщены намъ П. А. Ефремовымъ.

Ред.

ными младенцами и дѣти воплемъ и рыданіемъ оглашали воздухъ. Напрасно просили нѣсколько часовъ сроку, чтобы забрать свои пожитки, напрасно больные и слабые молили о помощи. Само небо казалось отъ нихъ отступилось . . . . . .

Нѣкоторые офицеры бывшаго Семеновскаго полка явились точно достойными своего званія. Одинъ изъ нихъ, подпоручикъ М... по многократномъ представленіи, что у людей нѣтъ сапоговъ и получивъ въ отвѣтъ, что его дѣло вести, а не представленія дѣлать, употребилъ свои 2,000 руб. и пошилъ сапоги имъ. Въ извиненіе многихъ и къ оправданію нѣкоторыхъ должно сказать, что сдѣлали бы тоже, но не имѣли способовъ.

Участь сихъ несчастныхъ рѣшилась, но оставались юнкера. Не знали къ какому классу ихъ причислить. Въ приказѣ сказано: нижнихъ чиновъ перевесть въ разные полки, также и офицеровъ, по обыкновеннымъ переводамъ, т.-е. съ повышеніемъ. Такъ какъ юнкера дворяне, то ихъ на дѣлѣ никогда не смѣшивали съ нижними чинами, тѣмъ болѣе, что они, прослужа годъ въ гвардіи подпрапорщикомъ, имѣли право выходить въ армію офицерами. Васильчиковъ сдѣлалъ объ этомъ запросъ, но получилъ выговоръ за то, что осмѣлился разсуждать и повелѣніе поступать по словамъ закона. Юнкеровъ перевели тѣми же чинами, вскорѣ однакожъ почувствовали ошибку и безполезную несправедливость и отдали имъ чины.

Сей случай, самъ по себѣ ничтожный, ясно доказываетъ, сколь мало Васильчикова уважали. Легко быть можетъ, что тутъ дѣйствовала досада, произведенная исторіею.

Васильчиковъ, распорядившись съ Семеновскимъ полкомъ, какъ выше сказано, читалъ указъ во всѣхъ прочихъ гвардейскихъ полкахъ. . . . . Офицерамъ говорилъ рѣчь, въ которой желалъ доказать вредныя слѣдствія свободомыслія и кончилъ угрозою, что со всѣми будетъ то же, что и съ Семеновцами. . . . . .

Собравши всѣхъ генераловъ и обратясь къ Розену и Потемкину, которые болѣе прочихъ противъ него возставали, приказалъ имъ теперь молчать, потому что самъ государь съ нимъ былъ одного мнѣнія. Сильнѣе аргумента онъ употребить не могъ, и дѣйствительнѣе никакъ. Всѣмъ полкамъ дѣлалъ инспекторскіе смотры, на которыхъ принималъ уже жалобы солдатъ, а командирамъ совѣтовалъ быть поосторожнѣе.

Солдаты тотчасъ почувствовали перемѣну обращенія и начали узнавать права свои, которыя одними были отняты, а другими забыты. Случилось, что обыкновенно при семъ случается: одни начали

требовать, а другіе не хотѣли уступить; одни свергали иго, другіе не умѣли его упрочить. Желанія порядка новаго съ привычкой къ старому боролись. Самовластіе узрѣло соперника въ безначаліи, волненіе было сильное. Умы возгарались, кипѣли мщеніемъ, негодовали на несправедливое требованіе, разсуждали о безполезности многаго и грозили показать себя людьми, отмстивъ правителямъ. Трудно было предположить, чѣмъ все это могло окончиться; часъ отъ часу броженье умножалось. Вдругъ объявленъ походъ. Походъ порадовалъ многихъ, опечалилъ нѣкоторыхъ, польстилъ надеждою всѣмъ и произвелъ желаемое дѣйствіе, обративъ умъ къ другому предмету.

Никто еще не зналъ, куда идутъ. Правительство, зная пристрастіе войска къ походамъ заграничнымъ, распускало слухъ, что пойдутъ въ Италію. Тогдашнія ея политическія дѣла были благовиднымъ сему предлогомъ. Вскорѣ однакожъ замѣтили хитрость и увидѣли настоящую цѣль сего движенія—цѣль, чтобы чѣмъ-нибудь занять войско. Открытіе сего намѣренія умножило недовѣрчивость къ правительству и произвело новые безпорядки. Солдаты съ радостію хотѣли идти заграницу, потому что тамъ прибавляли жалованье, пища была лучше и, чувствуя въ нихъ нужду, съ ними обходились человѣколюбивѣе; а въ теперешнемъ походѣ видя одну перемѣну мѣста, а совсѣмъ не своего положенія, принужденные оставить семейства, нѣкоторыя заведенія и къ тому же не видя никакой пользы отъ трудовъ своихъ, роптали, и говорили: „мы идемъ бить невидимку“! Офицерское положеніе было и того хуже. Удаляясь отъ пособія столицы, они разорялись излишними расходами или покупая дорогими цѣнами вещи, нужныя для похода, и за безцѣнокъ отдавали свои экипажи, мебель и пр. И за всѣ сіи безпокойства не предвидя ничего, кромѣ скуки, досадовали и невсегда были скромны! Еще болѣе умножало ихъ негодованіе то, что всѣмъ симъ обязаны они жертвовать прихоти одного человѣка, котораго они не уважали и давно любить перестали.

Всѣ сіи причины, соединясь, заставили скорѣе вывесть гвардію, нежели думали, и безъ нихъ вѣроятно бы ее только что пугали походомъ.

На дорогѣ ихъ встрѣтилъ Государь, возвращавшійся изъ Лайбаха; осмотрѣлъ всѣ полки и хотя они далеко были отъ порядка, но онъ хвалилъ все и казался всѣмъ доволенъ. Вскорѣ отнялъ дивизіи у Розена и Потемкина; Васильчикова и Желтухина, который формировалъ новый Семеновскій полкъ, наградилъ.

Теперь 60 тыс. отборнаго войска разсыпали по всей Польшѣ,

безпрестанно заняты и ничего не дѣлаютъ, угнетены безполезными трудами и лишены надежды видѣть когда-нибудь сему конецъ.

Вотъ положеніе солдатъ! Офицеры можетъ быть еще несчастнѣе: всякій изъ нихъ получилъ образованіе и готовился употребить оное въ свою пользу, и теперь лишены всякаго упражненія, удалены отъ людей разсуждающихъ, раздѣлены межъ собою, обречены составлять часть будущей машины и отданы на жертву скуки и разврата.

. . . . . .

. . . . . .

Полтора года продолжалось изгнаніе гвардіи. Наконецъ послѣ смотра подъ Бѣшенковичами, гдѣ былъ данъ великолѣпный обѣдъ отъ офицеровъ царю, они были возвращены.

По приходѣ въ С.-Петербургъ, впалъ въ немилость Левашовъ. Васильчиковъ, получившій ленту, былъ отставленъ отъ начальства гвардіею и впалъ въ первое ничтожество, изъ котораго ему, для покоя младшихъ и для чести старшихъ, никогда бы выходитъ не слѣдовало.

На его мѣсто поступилъ У в а р о в ъ, извѣстный своею глупостію; но послѣ Васильчикова и онъ показался хорошъ . . . . . .

Сообщ. А. Н. Аѳанасьевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И. И. СВІЯЗЕВА.

1824 — 1826.

I.

Въ квартирѣ моей, какъ ближайшей къ заставѣ при въѣздѣ изъ Екатеринбурга въ Пермь, назначено было переодѣванье императора Александра I-го, на возвратномъ его пути съ Урала въ С.-Петербургъ, въ сентябрѣ 1824 года. За нѣсколько часовъ до прибытія государя пріѣхалъ его камердинеръ, съ прислугой, и приготовилъ все необходимое: вынули изъ чемодановъ платье, перечистили его, перемѣнили ленточки у орденовъ *) и навѣсили къ окнамъ зеленыя занавѣски. Уже стемнѣло, когда прибылъ государь, вмѣстѣ съ барономъ Дибичемъ, встрѣченный мною на крыльцѣ. Его величество спросилъ: „у кого я въ домѣ?“ и получивъ отвѣтъ, изволилъ войдти въ комнаты. Баронъ Дибичъ остался со мной въ передней, распрашивая меня о городѣ, о губернаторѣ и разныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ. Переодѣвшись, государь ходилъ по комнатѣ, разсматривалъ кой-какіе эстампы на стѣнахъ и, немного отдернувъ занавѣску у окна, смотрѣлъ на толпу, окружавшую домъ; потомъ позвалъ хозяйку, милостиво благодарилъ за чистоту и порядокъ, распрашивалъ объ ея происхожденіи и удостоилъ вручить ей брилліянтовый перстень. Поблагодаривъ и меня, государь отправился въ каѳедральный соборъ, а оттуда въ приготовленный для его величества казенный домъ, занимаемый берг-ъинспекторомъ.

На другой день были представлены его величеству чиновники города. Насъ горныхъ было до 10-ти человѣкъ. Баронъ Дибичъ спросилъ берг-ъ-инспектора, помнитъ-ли онъ фамиліи всѣхъ насъ? — „Кажется“, отвѣчалъ растерявшійся старикъ, хотя въ обыкновенное время онъ зналъ имена нашихъ женъ и дѣтей. По совѣту Дибича онъ на-

*) Съ какою радостію раздѣлила моя прислуга старыя ленточки!... И. С.

чалъ вынимать изъ боковаго кармана списокъ, но ему мѣшала шляпа надѣть очки и онъ не зналъ куда съ ней дѣваться. Баронъ взялъ ее, ходилъ съ ней за бергъ-инспекторомъ и подалъ ему, когда старикъ окончилъ обходъ, не кивнувъ даже головой за вѣжливость барона.

Государь у нѣкоторыхъ чиновниковъ спрашивалъ о службѣ, и подходя ко мнѣ, когда бергъ-инспекторъ не успѣлъ еще произнести моей фамиліи, сказалъ: „Я вчера съ вами познакомился".—У губернскихъ чиновниковъ не обошлось безъ курьезовъ: одинъ, и еще военный, отвѣчалъ на вопросъ государя: давно-ли онъ въ службѣ?—Давно-съ. Другой на такой же вопросъ сказалъ—доволенъ, у третьяго спросилъ государь: какъ ваша фамилія? „Слава Богу здорова, ваше величество", отвѣчалъ тотъ.

При выходѣ изъ дворца государь, остановясь на крыльцѣ, увидалъ гвардейскаго солдата и назвавъ его по фамиліи, спросилъ—зачѣмъ онъ здѣсь?—„Въ отпуску, ваше императорское величество!" Государь приказалъ Дибичу дать служивому на дорогу.

Не помню въ тотъ-ли, или на слѣдующій день, какая-то помѣщица, удаленная въ Пермь за жестокое, какъ говорили, обращеніе со своими крѣпостными, просила о чемъ-то государя при выходѣ его изъ дворца. Его величество сказалъ, что сдѣлать этого не можетъ.

— „Государь! Вы все можете сдѣлать".

„Не могу—законы не дозволяютъ".

— „Законы во власти царей".

„Нѣтъ, сударыня, законы выше царей!..."

Освѣдомясь, что государь намѣренъ осмотрѣть Мотовилихинскій мѣдиплавильный заводъ, лежащій въ 4-хъ верстахъ отъ Перми, бергъ-инспекторъ отправился туда со мной. Я предварилъ его, что если государь спроситъ—почему на каменной плавильной фабрикѣ деревянная крыша, то доложите, что она временная, такъ-какъ фабрика еще не окончена. И дѣйствительно—предположеніе мое оправдалось. Внимательно осматривая печи и плавку мѣди, государь дошолъ до прибора, въ которомъ очищается мѣдь отъ чугуна. При словѣ чугунъ государь сдѣлалъ замѣчаніе.—„А вы сказали, что здѣсь мѣдиплавильная фабрика!"—Бергъ-инспекторъ замялся; я поспѣшилъ доложить государю, что въ этой печи очищается мѣдь отъ желѣза, содержащагося въ ея рудѣ. Послѣ того государю угодно было спросить проектъ фабрики, который былъ у меня въ рукахъ. Его величество изволилъ отозваться о немъ въ весьма лестныхъ для меня выраженіяхъ.—По выходѣ изъ фабрики государь разсматривалъ заготовленныя для плавки руды. Мы стояли безъ шляпъ.—„Господа, прошу накрыться"—сказалъ государь. Мы поклонились. Его величество еще

повторилъ тоже — мы опять поклонились.—„Такъ вы вынуждаете меня снять шляпу“, сказалъ государь, намѣреваясь то исполнить. Мы открылись.

Затѣмъ изволилъ государь пойдти въ заводскій госпиталь и здѣсь, обойдя всѣхъ больныхъ, вошелъ въ аптеку, гдѣ было поставлено пробное кушанье для больныхъ. Какъ время было около полудня, то государь съ аппетитомъ изволилъ покушать супу и говядины, и держа послѣдній ея кусокъ на вилкѣ, обратился къ лейбъ-медику Вилье, съ нимъ пріѣхавшему сказавъ: „Это лекарство лучше вашихъ ипекакуанъ, ребарбаровъ и всей вашей аптеки“,—указывая на банки въ шкафахъ. Послѣ того спросилъ онъ берггъ-инспектора: „Всегда-ли больнымъ даютъ такое кушанье?“ — Грѣшно-бъ было обижать больныхъ, отвѣчалъ старикъ.—„Да и здоровыхъ-то не должно“, произнесъ его величество. Изъ этихъ словъ мы заключили о вѣроятности жалобъ на горное начальство.

II.

Въ началѣ 1825 года былъ вызываемъ черезъ газеты архитекторъ на службу въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, съ жалованьемъ по 4,000 въ годъ, съ квартирою и другими угодьями. Хотя жалованье 2,000 руб., которое я тогда получалъ въ горной службѣ, при всей дешевизнѣ въ Перми жизненныхъ потребностей и равномъ значеніи тогдашняго ассигнаціоннаго рубля съ нынѣшнимъ серебрянымъ, не казалось скуднымъ по сравненію съ окладами другихъ, за всѣмъ тѣмъ, безъ постороннихъ работъ, я крайне затруднялся въ своемъ содержаніи, несмотря на скромный образъ своей жизни. И потому я воспользовался сказаннымъ вызовомъ и просилъ графа Аракчеева, частнымъ письмомъ, „удостоить меня чести служить подъ лестнымъ его начальствомъ“. Вскорѣ получено было предписаніе отъ министра финансовъ Канкрина горному правленію о немедленной меня отправкѣ въ военныя поселенія; тотчасъ сдѣлано было распоряженіе о выдачѣ мнѣ прогоновъ, по чину моему, на 2 лошади. Я просилъ на три, такъ-какъ по моему званію у меня долженъ быть необходимый для службы запасъ книгъ и инструментовъ. Пока маститые члены правленія совѣщались о противозаконномъ моемъ требованіи, изъ Петербурга прибыли два горные ревизора и посовѣтовали, удовлетворивъ мое требованіе, отправить меня поскорѣе. По подорожной на тройку, съ магическимъ именемъ Аракчеева, я покатился какъ по маслу, безъ обыкновенныхъ отговорокъ на станціяхъ, что лошади въ разгонѣ. Въ предписаніи не сказано было куда я долженъ явиться, и я направился прямо въ лѣтнюю резиденцію графа — Грузино.

Здѣсь мнѣ отвели одну изъ крестьянскихъ связей *), со входомъ, съ улицы — въ видѣ балкона, въ сѣни или корридоръ во всю ширину дома и съ выходомъ во дворъ. Изъ сѣней направо дверь вела въ комнату безукоризненной чистоты, со стѣнами, обшитыми въ рустикъ и окрашенными розовой краской. Налѣво отъ дверей нѣчто подобное русской печи, съ чугунными дверцами въ щитѣ. Я сказалъ хозяйкѣ, что боюсь запылить ея чистѣйшую комнату своими дорожными вещами. Мнѣ показали другую половину, состоящую изъ чистой, но нероскошной избы, съ русскою печью — свѣжо-отбѣленною. Сами хозяева жили лѣтомъ въ каменной избѣ, построенной во дворѣ и, признаюсь, неслишкомъ-то опрятной, а домъ стоялъ пустой — для показу гостямъ. Я отдалъ хозяйкѣ свою подорожную. Вскорѣ послѣ того влетѣлъ ко мнѣ адъютантъ Шумскій (считавшійся тогда сыномъ графа) и спросилъ меня — по какому случаю я пріѣхалъ въ Грузино — графъ не помнитъ? Я объяснилъ. — „Ожидайте, когда васъ графъ потребуетъ", сказалъ Шумскій при уходѣ.

На другой день, въ воскресенье передъ обѣдней, я осмотрѣлъ ближайшую къ квартирѣ моей часть Грузина. Особенно врѣзался въ мою память портикъ, Іоническаго ордена, открытый со сторонъ, весь чугунный. Посерединѣ храмика — статуя Андрея Первозваннаго, съ словами, въ надписи на фризѣ, будто бы имъ здѣсь произнесенными: „Да будетъ благословенна страна сія отнынѣ и до вѣка".

Зазвонили къ обѣднѣ; я пошелъ въ церковь, весьма хорошей архитектуры, съ колокольней, у которой весь верхній этажъ чугунный. Прямо противъ входа въ церковь дворецъ графа, съ неизбѣжною надписью во фризѣ: „Безъ лести преданъ". Все готово было къ службѣ, входная дверь отворена. Вотъ графъ вышелъ изъ дворца, дьяконъ вошолъ на амвонъ и провозгласилъ: „благослови владыко", лишь-только графъ вступилъ въ церковь. Проходя мимо меня, онъ взглянулъ на новое лицо, всталъ у лѣваго пилона, сдѣлалъ земной поклонъ, оглянулся на меня; опять поклонъ и опять оглянулся; наконецъ послѣ третьяго поклона подошолъ ко мнѣ и спросилъ: „а ты Свіязевъ?" На утвердительный мой отвѣтъ сказалъ: „молись, молись!" Я не зналъ что и подумать; мнѣ невольно припомнились причуды Суворова!...

Послѣ обѣдни я остался въ церкви для осмотра. Подойдя къ лѣвой боковой стѣнѣ, я увидалъ вверху ея бронзовый медальонъ императора Павла I-го; подъ нимъ изъ бронзовыхъ литеръ, расположенныхъ полукругомъ, надпись: „и прахъ мой у ногъ твоихъ". Опустивъ

*) Связью въ военныхъ поселеніяхъ назывался домъ, раздѣленный на двѣ равныя половины для двухъ поселянъ-хозяевъ. И. С.

глаза по указанію надписи я увидѣлъ надгробную плиту, на которой начертано: „Здѣсь погребено тѣло новгородскаго дворянина Алексѣя Андреевича Аракчеева". Вѣроятно здѣсь похороненъ отецъ графа, подумалъ я, но его имя было Андрей! Чтожъ это такое? Не рѣшивъ самъ вопроса, я рѣшился спросить у причетника:

— Кто тутъ похороненъ?

— „Тутъ нѣтъ никого, а графъ для себя приготовилъ могилку!"

На концѣ плиты къ алтарю помѣщена изваянная Мартосомъ фигура ангела, держащаго въ рукѣ неугасимую лампаду.

Послѣ обѣда, часу въ седьмомъ, вбѣжала къ намъ испуганная хозяйка съ извѣстіемъ, что графъ показываетъ гостямъ домы своихъ крестьянъ, и начала намъ помогать прибирать разбросанныя дорожныя вещи. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ къ намъ графъ съ двумя какими-то генералами, и обращаясь къ нимъ сказалъ:

— „А вотъ рекомендую вамъ господина архитектора, который пріѣхалъ изъ Сибири у меня служить, да—у меня служить!" Потомъ спросилъ у меня—почему мы не заняли чистой комнаты? На отвѣтъ мой онъ сказалъ:

— „А я думалъ, что хозяинъ не захотѣлъ".

Показавъ гостямъ чистую комнату, графъ вышелъ съ ними на крыльцо и обратясь къ моей женѣ, сказалъ:

— „Вы, сударыня, не были у обѣдни, а мужъ вашъ такъ былъ; не грѣшно Богу молиться, право не грѣшно!"

Жена оправдывалась усталостію отъ дороги и проч.

— „А вотъ отдохните у меня, гуляйте вездѣ" сказалъ графъ и уѣхалъ.

Воспользовавшись этимъ дозволеніемъ, мы отправились на прогулку, и только подошли-было ко дворцу, какъ выбѣжалъ верзило-лакей и сказалъ, что здѣсь запрещено гулять. Безъ всякихъ объясненій мы пошли въ сторону. Излишнимъ считаю описывать роскошь и великолѣпіе сада, строгій во всемъ порядокъ и неимовѣрную чистоту. Многое уже истребилось изъ памяти, но я живо припоминаю: 2 башни съ пушками, по сторонамъ пристани на берегу Волхова, цѣлый островъ розъ, изящно отдѣланный гротъ, устроенный для ялика, на которомъ переѣхалъ черезъ Волховъ императоръ Александръ I-й, какъ гласила надпись, съ означеніемъ года, мѣсяца и числа.

Во вторникъ по утру графъ потребовалъ меня къ себѣ. Въ пріемной, на плетеномъ диванчикѣ, сидѣла и вязала чулокъ знаменитая Настасья Ѳедоровна, вскорѣ погибшая такою трагическою смертію. Она извинилась передо мною, что, не зная о дозволеніи графа, сочла насъ чужими и выслала лакея. Потомъ указала мнѣ дверь въ

кабинетъ графа. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Распросивъ меня о моемъ воспитаніи и службѣ, обратилъ вниманіе на бумаги, бывшія у меня въ рукѣ.

„А это что такое?“

— Мои аттестаты, ваше сіятельство.

„Намъ ихъ не надо: мы узнаемъ тебя на самомъ дѣлѣ. Теперь отдыхай и приходи сегодня обѣдать“.

Въ назначенный часъ мы отправились на яликѣ, черезъ прудъ, въ павильонъ Мелессино — благодѣтеля графа. За столомъ были Шумской и нѣсколько молодыхъ офицеровъ. Графъ распрашивалъ меня объ Уралѣ, о кражѣ золота и т. п. Съ офицерами шутилъ добродушно. Одинъ изъ нихъ спорилъ съ нимъ безцеремонно. Обращаясь къ нему, графъ, между прочимъ, говорилъ:

— „У васъ въ корпусахъ нынѣче все вѣжливости, да нѣжности, все вы, да васъ; а въ наше время, бывало, отдуютъ въ субботу правато и виноватаго и тогда отпустятъ домой. За то и учились хорошо и годились на всякій родъ службы, а вы куда годитесь?“

Во все продолженіе обѣда казачокъ стоялъ за графомъ и отгонялъ отъ него мухъ опахаломъ....

Я прожилъ въ Грузинѣ 10-ть дней, и хотя не скучалъ, встрѣчая на прогулкахъ новые предметы и лица, за всѣмъ тѣмъ я желалъ скорѣе освободиться отъ бездѣлья, тѣмъ болѣе, что у меня вышелъ уже запасъ курительнаго табаку, а продажа его и вина запрещена была въ Грузинѣ подъ смертною казнію. Наконецъ графъ откомандировалъ меня въ полкъ короля прусскаго, подъ начальство генерала А. Х. Эйлера. Зная, вѣроятно, о благорасположеніи графа, меня приняли всѣ благосклонно. Мнѣ отвели для квартиры цѣлую деревянную связь *), для 2-хъ поселянъ, только-что оконченную и дали мнѣ деньщика. На меня возложено было окончаніе 2-хъ каменныхъ домовъ, по образцу которыхъ предполагалось построить домы для цѣлой роты австрійскаго полка. Для поселенныхъ солдатъ назначался бельэтажъ, съ каминами и голландскими печами, а для поселянъ-хозяевъ — нижній, съ русскими печами. Мнѣ говорили, что проектъ на эти домы былъ составленъ по указанію самого государя императора. Вмѣстѣ съ порученіемъ я получилъ форму донесеній и форматъ бумаги. Такой ужъ былъ порядокъ во всемъ....

Въ одно утро пріѣхалъ осмотрѣть отдѣлываемый мною домъ какой-то

*) Такъ-какъ связь моя ничѣмъ не отличалась отъ домовъ поселянъ, то нерѣдко, въ ночное время, будили меня легкимъ стукомъ въ окно. Я отсылалъ къ сосѣду, который секретно продавалъ запрещенный въ поселеніяхъ товаръ — вино. И. С.

генералъ — въ армейскомъ мундирѣ, высокой, довольно сухой, съ скромнымъ и добродушнымъ лицомъ. Когда онъ уѣзжалъ, я спросилъ сопровождавшихъ его офицеровъ объ его имени. Мнѣ отвѣчали Шварцъ! — „Какъ, это Шварцъ, бывшій командиръ Семеновскаго полка?“ Мнѣ подтвердили. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ!...

Когда отдѣлка дома приходила уже къ концу, вдругъ сдѣлалась какая-то тревога: начали убирать, очищать, подметать, укладывать, все приводить въ порядокъ. Спрашиваю — не самого-ли царя ожидаютъ? Мнѣ отвѣчаютъ: графъ будетъ!... Всѣ ожидаютъ, все на вытяжкѣ, хотя на работѣ и дозволено быть не въ полной формѣ? Наконецъ графъ пріѣхалъ, внимательно осмотрѣлъ весь домъ; только замѣтилъ мнѣ, что въ оштукатуренной печкѣ одинъ изъ угловъ кривъ; я отвѣчалъ, что прямъ.

— „А я говорю кривъ“, повторилъ онъ.

Подали отвѣсную доску—уголъ оказался вѣренъ.

— „Виноватъ — извини“, и затѣмъ, сказавъ нѣсколько лестныхъ словъ, уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ того отдано было въ печатныхъ приказахъ повелѣніе, что я назначаюсь производителемъ работъ по постройкѣ каменныхъ домовъ для роты императора австрійскаго полка, на трактовой дорогѣ, между Новгородомъ и станціею Подберезье, въ 6-ти верстахъ отъ моей квартиры.

Для постройки, на первый разъ, 6-ти домовъ мнѣ отрядили батальонъ солдатъ, большею частію изъ Ярославской губерніи, въ увѣренности, что всякій ярославецъ непремѣнно каменьщикъ. На дѣлѣ оказалось не то: изъ батальона выискался одинъ, кой-что разумѣвшій въ каменьщичьемъ дѣлѣ. Въ такой крайности я долженъ былъ отыскать старыя записки, веденныя мной съ первыхъ дней моей практики, такъ какъ въ мое время въ Академіи Художествъ не преподавалось строительнаго искусства. Припомнивъ по запискамъ подробности, предоставляемыя обыкновенно десятникамъ, я выучилъ избраннаго мной кондуктора разбивкѣ строенія, приготовленію известковаго раствора, подливкѣ кирпича и т. п. Сначала подливали у меня до 80 кирпичей въ день, а потомъ дошли и до 200.

По окончаніи домовъ въ фузелерной ротѣ, меня перевели въ Подберезье и отвели крестьянскую квартиру—на трактовой дорогѣ; очень комфортабельное житье для человѣка, никогда небывавшаго въ походахъ.... Но и въ такой квартирѣ съ деньгами можно-бъ быть довольнымъ, а я нѣсколько уже мѣсяцовъ не получалъ никакого жалованья. О производствѣ его я просилъ рапортомъ генерала Эйлера.

Это было въ то время, когда графъ не занимался дѣлами, пораженный смертію Настасьи Ѳедоровны.

Въ „Русской Старинѣ“ уже было напечатано подлинное дѣло объ убійствѣ Настасьи; но я полагаю, что не безъинтересно упомянуть здѣсь о слухахъ, доходившихъ до меня въ поселеніяхъ. Н. Ѳ. была женщина весьма аккуратная, любившая чистоту и порядокъ и, вслѣдствіе того, чрезвычайно взыскательная. Этими, именно, качествами она и заслужила благорасположеніе графа. Народъ понималъ это иначе, считая ее колдуньею, которая сверхъ-естественною силою все узнаетъ наперед и предостерегаетъ графа. Въ одно время горничная ея какъ-то подсмотрѣла, что къ ней прилетѣлъ змѣй и что-то ей шепталъ. Н. Ѳ., съ своей стороны, замѣтила любопытство горничной и хотѣла ей вытянуть языкъ, чтобы лишить ее возможности разсказать о видѣнномъ. Дѣвушка вырвалась, убѣжала и повѣдала обо всемъ брату, служившему на кухнѣ. Братъ, въ порывѣ гнѣва, сталъ точить ножъ. Когда его спросили о причинѣ, онъ отвѣчалъ: „я зарѣжу Настасью“. Товарищи только засмѣялись. Однакожъ въ слѣдующую ночь сестра провела его въ спальню Н. Ѳ.— и онъ исполнилъ, что̀ сказалъ!... Начались аресты и преслѣдованія. Говорили, будто̀ въ Новгородѣ не только всѣ тюрьмы, но и обывательскія бани были переполнены арестованными; говорили, что графъ писалъ государю въ Таганрогъ, стоя въ гробницѣ, и отправилъ письмо съ Шумскимъ...

Когда все поуспокоилось, генералъ Эйлеръ препроводилъ мой рапортъ о жалованьѣ къ начальнику штаба военныхъ поселеній Клейнмихелю. Послѣ долгаго ожиданія я получилъ повѣстку явиться въ Новгородъ, гдѣ былъ построенъ, для пріѣзда графа, небольшой дворецъ, нижній этажъ котораго занималъ Клейнмихель. Онъ потребовалъ меня въ свой кабинетъ и долго уговаривалъ меня согласиться на 2,000 руб. жалованья, такъ какъ другіе архитекторы, давно служащіе въ поселеніяхъ, будутъ обижены, если мнѣ вдругъ дадутъ 4,000 руб.— „Мнѣ не было извѣстно, какое получаютъ жалованье другіе архитекторы, я зналъ только о заявленномъ въ газетахъ жалованьѣ“,— отвѣчалъ я. — „Ну что намъ до газетъ“, возразилъ генералъ. — „Напротивъ, онѣ служатъ основаніемъ моей просьбы.“ —Недобившись отъ меня никакой уступки въ тотъ вечеръ, Клейнмихель приказалъ мнѣ явиться завтра. На другой день онъ повелъ меня въ бель-этажъ — къ графу. Графъ взглянулъ только на насъ, когда мы вошли въ кабинетъ и продолжалъ перебирать бумаги на письменномъ столѣ. Онъ обросъ бородой, вѣроятно изъ опасенія бритвы; подойдя ко мнѣ, Аракчеевъ взялъ меня подъ руку и сталъ ходить со мной по кабинету, начавъ разговоръ такъ: „Александръ Христофоровичъ (Эйлеръ) такъ дово-

ленъ тобой, такъ много говорилъ о тебѣ хорошаго, а ты не хочешь у насъ служить!" Я доложилъ ему, что особенною честію считаю служить подъ начальствомъ его сіятельства, но я существую однимъ только жалованьемъ и не дозволяю себѣ никакихъ незаконныхъ къ нему дополненій.

— „Все это хорошо, но вдругъ мы не можемъ тебѣ дать полнаго жалованья, а ты послужи у насъ, и вотъ тебѣ сегодня чинъ, завтра крестъ и выведемъ тебя въ люди!"...

Послѣ нѣкоторыхъ моихъ объясненій, графъ наконецъ сказалъ: „Ну хорошо, мы сдѣлаемъ вотъ какъ: дадимъ тебѣ 2,400 явно, а 1,600 инкогнито, и будемъ знать это: ты, да я, да Петръ Андреевичъ!

Клейнмихель стоялъ на вытяжку, когда мы ходили. Въ моемъ затруднительномъ положеніи, я нашелся только сказать: „получая такимъ образомъ жалованье, я все буду думать, что не заслуживаю получать его обыкновеннымъ порядкомъ".

— „Э, братецъ, возразилъ графъ, оставь ты свою вольтеровщину и будь истиннымъ христіаниномъ. Ну, какая тебѣ надобность въ томъ — какъ-бы ты ни получалъ жалованье, лишь бы получалъ, по примѣру одного царя, который наложилъ подати на грязныя мѣста. Сынъ его — вотъ такой же молокососъ (онъ указалъ на Шумскаго, который что-то писалъ)—сказалъ ему, что это будетъ грязный налогъ. Царь промолчалъ, но собравши золото, взялъ его въ горсть, поднесъ къ носу сына и спросилъ — пахнетъ-ли грязью? А тебѣ, продолжалъ графъ, что за стыдъ получать жалованье, какъ я сказалъ. Развѣ ты мнѣ не вѣришь? Я старикъ, мнѣ 58 лѣтъ, а у тебя еще молоко матери на губахъ не высохло. Ну, давай же руку" — и взялъ.

Отъ графа пошелъ я къ старшему адъютанту Эйлера, Я. П. Красовскому. Это былъ человѣкъ умный, образованный, добрый и ко мнѣ расположенный. Я разсказалъ ему о всѣхъ переговорахъ и просилъ совѣта его—какъ бы мнѣ выпутаться изъ неестественнаго для меня положенія на службѣ по военнымъ поселеніямъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ твердо стоять на своемъ и не довѣряться обѣщаніямъ по бывшимъ примѣрамъ.

Возвратясь въ Подберезье я написалъ начальнику штаба письмо, въ которомъ изложилъ, что только надежда на бо́льшее обезпеченіе своего существованія склонила меня оставить горную службу, и потому я не предвижу ничего для себя лучшаго, если по какимъ-либо обстоятельствамъ долженъ буду довольствоваться однимъ только явнымъ жалованьемъ. Въ концѣ прибавилъ я, что хотя обѣщанія его сіятельства графа для меня священны, но будущее одному Богу извѣстно, намекая тѣмъ на сомнительность

секретнаго жалованья. Но этимъ словамъ придали другой какой-то смыслъ, такъ какъ въ то время носились уже темные слухи о какомъ-то тайномъ обществѣ.

Быть можетъ по этому поводу я, какъ человѣкъ подозрительный, былъ уволенъ изъ поселеній предписаніемъ такого содержанія:

„Графъ Аракчеевъ весьма удивляется (такъ начинается предписаніе), что господинъ молодой мальчикъ Свіязевъ не уважилъ того, что графъ призывалъ его лично къ себѣ и объявилъ рѣшительную свою волю въ разсужденіи назначенія ему жалованья, на что онъ былъ согласенъ*) и послѣ того осмѣлился вторично (?) перемѣнить свои мысли и писать къ начальнику штаба возвращаемое при семъ къ нему письмо, что доказываетъ его молодость и неосновательность, вслѣдствіе чего увольняетъ его изъ корпуса военныхъ поселеній и прикажетъ сдѣлать расчетъ въ его жалованьи". Графъ Аракчеевъ.

№ 3,176. Новгородъ. 25 ноября 1825 года.

Полагаю, что эту грамотку писалъ Шумской подъ диктовку самого графа. Но чѣмъ она была безграмотнѣе, тѣмъ худшихъ послѣдствій долженъ былъ я ожидать для себя, зная, что графъ шутить не любитъ, что̀ подтверждали и посѣщавшіе меня офицеры. „Еслибъ графъ и вы, говорили они, были въ Петербургѣ, онъ сказалъ бы вамъ: „или оставайся въ поселеніяхъ, или ступай за рѣчку". Извѣстно, что домъ графа былъ на лѣвомъ берегу Невы, а крѣпость на правой.

Для развлеченія пошелъ я на почтовую станцію справиться не проѣхалъ ли мой знакомый въ Петербургъ, но вмѣсто того узнаю о кончинѣ Александра Благословеннаго. Съ осторожностію сообщилъ я эту горестную вѣсть женѣ: она въ слезы, а я, признаюсь въ эгоизмѣ, подумалъ: не спасетъ ли благодушный государь и смертію своею одного изъ своихъ подданныхъ?... Думалъ-ли графъ, читая мои пророческія слова въ письмѣ „будущее одному Богу извѣстно" что его скоро оставитъ государь и другъ, и что со смертію его онъ не можетъ уже выполнить даннаго мнѣ обѣщанія на счетъ секретнаго жалованья, и чиновъ, и крестовъ?

Въ немногіе дни царствованія Константина Павловича графъ оставался въ Новгородѣ, но когда узналъ о вступленіи на престолъ Николая Павловича — выбрилъ бороду и, забывъ свою горесть, тотчасъ поскакалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Клейнмихелемъ. Ничего не зная, что̀ дѣлается въ Петербургѣ, и я отправился туда 19-го декабря на долгихъ—по малому остатку денегъ. Проѣхавъ верстъ 30, мы остано-

*) Т.-е. не вырвалъ изъ его руки своей. И. С.

вились ночевать; намъ отвели особую комнату. Когда мы пили чай, къ намъ приходитъ хозяйка и какъ-то грустно и трусливо говоритъ:

„Что это вы вздумали ѣхать въ Петербургъ“?

— А чтожъ такое?

„Да тамъ не совсѣмъ-то ладно“ — и начала разсказывать о событіяхъ на площади 14-го декабря.

Жена въ слезы, услыхавъ о друзьяхъ нашихъ Бестужевыхъ, а я ходилъ по комнатѣ и смѣялся, считая все это вздоромъ.

— Да отъ когожъ ты узнала объ этомъ, хозяюшка?

„Да отъ извощиковъ, батюшка, которые какъ-то прорвались чрезъ Волковскую заставу“.

На другое утро, на слѣдующей станціи, мы остановились пить чай. Отъ меня потребовали уже видъ. Тутъ-же остановился чиновникъ, ѣхавшій изъ Петербурга, и сообщилъ мнѣ по секрету о нѣкоторыхъ подробностяхъ событія. Признаюсь, послѣ того, мы продолжали путь не безъ страха. Каждый завидѣнный вдали возъ съ сѣномъ я принималъ за толпу бунтовщиковъ и немедленно вооружался. Къ удивленію, мы въѣхали въ Петербургъ безъ всякаго опроса на заставѣ. На улицахъ вездѣ царствовала тишина и спокойствіе. На Исакіевской площади я не замѣтилъ ни малѣйшаго признака бывшихъ событій, но толковъ объ нихъ было еще много. Между моими знакомыми я находилъ людей, большею частію несочувствующихъ декабристамъ. Нѣкоторые просто называли ихъ глупцами. Я сказалъ на это, что я зналъ немногихъ изъ нихъ, но тѣ, которыхъ я зналъ, были люди весьма образованные и умные.

— „А скажите, пожалуйста, возражали мнѣ — какой умный бросается въ воду, не отыскавъ броду?“...

Но мнѣ было не до того съ однимъ рублемъ въ карманѣ. Я отправился въ штабъ военныхъ поселеній (гдѣ нынѣ главное казначейство). Клейнмихель принялъ меня въ кабинетѣ. На вопросъ его я отвѣчалъ, что пришелъ просить его превосходительство о расчетѣ въ слѣдующемъ мнѣ жалованьѣ.

„А развѣ вы не хотите у насъ служить?“

— Я получилъ уже предписаніе отъ графа объ увольненіи меня изъ корпуса военныхъ поселеній.

„Но это предписаніе можно измѣнить, если вы остаетесь у насъ на службѣ“.

— Послѣ того что случилось — я считаю его неизмѣнимымъ.

„Послѣ того съ вами нечего и говорить“, сказалъ надменно Клейнмихель.

Мнѣ показалось это оскорбительнымъ: я обернулся и вышелъ изъ кабинета, порядочно хлопнувъ дверью.

Вскорѣ предложили мнѣ опять вступить въ горную службу съ увеличеніемъ содержанія. Дѣло по моему опредѣленію зависѣло отъ И. А. Кованько, стараго моего знакомаго, бывшаго начальникомъ отдѣленія въ горномъ департаментѣ. Я представляю ему выданный мнѣ изъ военныхъ поселеній аттестатъ.

„Эзопъ Эзоповичъ (такъ онъ обращался къ лицамъ, коротко ему знакомымъ), да тебя нельзя принять ни въ какую службу!“

— Вы шутите, И. А.: развѣ въ аттестатѣ написано, что я замѣшанъ въ декабрскихъ происшествіяхъ?

„Хуже, Эзопъ Эзоповичъ, хуже — ты служилъ у Аракчеева въ поселеніяхъ, а Канкринъ, его созданіе, ни за что не приметъ тебя въ нашу службу!“

— Помилуйте, И. А., развѣ я кабальный Аракчеева?

„Вотъ и угадалъ! Теперь поди-же въ сенатскую лавку и спроси тамъ указъ такого-то года“...

Указъ говорилъ, что служащій въ поселеніяхъ можетъ выдти въ отставку только по болѣзни, а если выздоровѣетъ и пожелаетъ вступить въ службу, то исключительно въ поселеніяхъ!... Теперь я понялъ, что Аракчеевъ и Клейнмихель хорошо знали, что я вынужденнымъ найдусь просить у нихъ, какъ милости, оставить меня на службѣ въ поселеніяхъ. Нѣтъ, я лучше пойду въ десятники къ какому-нибудь подрядчику, а не унижусь до этого! Однако-жъ, надобно было на что-нибудь рѣшиться. Ничего не придумавъ, я рѣшился написать въ Новгородъ Я. П. Красовскому, что „въ аттестатѣ, которымъ меня удостоилъ почтеннѣйшій генералъ (Эйлеръ), сказано, что я служилъ въ военныхъ поселеніяхъ и по этому меня не принимаютъ ни въ какую коронную службу. Бога ради снимите съ меня это позорное пятно!“...

По присланному свидѣтельству, въ которомъ сказано было, что я находился въ военныхъ поселеніяхъ только для испытанія моихъ способностей и, по собственному желанію, уволенъ, я былъ опять принятъ въ горную службу.

Въ это время пріѣзжалъ ко мнѣ нѣсколько разъ полковникъ, служащій въ штабѣ военныхъ поселеній, посовѣтоваться со мной насчетъ мѣста для постройки въ Перми отдѣленія для кантонистовъ. Разговаривая съ полковникомъ о своихъ дѣлахъ, я проговорился, что намѣренъ подать прошеніе государю императору, если мнѣ не выдадутъ жалованья изъ 4,000 руб. Не знаю, передано ли это было кому слѣдуетъ, или случилось само собою, но вскорѣ меня пригласили въ

штабъ. Войдя въ пріемную, Клейнмихель прямо обратился ко мнѣ лисой:

„Что это васъ не видать?“.

Я сослался на праздники и на то, что пріискивалъ себѣ мѣсто.

„Все же, однакожъ, надо было показаться: вѣдь не отъ хлѣба ходятъ, ко хлѣбу. Позвать ко мнѣ генерала Воронова!“ — приказалъ онъ курьеру. Черезъ минуту генералъ Вороновъ предсталъ, съ руками по швамъ.

„Сдѣлайте расчетъ съ г. Свіязевымъ“.

Признаюсь, я не мало былъ удивленъ тѣмъ, что генералъ продиктовалъ мнѣ, что изъ 4,000 руб. слѣдуетъ мнѣ получить за 4 мѣсяца столько-то рублей!...

Такимъ образомъ кончились всѣ мои исключительныя сношенія съ военными поселеніями, гдѣ я видѣлъ страшный сонъ на яву, отъ котораго проснулся только по милости Божіей, но проснулся съ потерею осьми мѣсяцовъ дѣйствительной службы...

И. И. Свіязевъ.

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ,

Стихотворенія его съ предисловіемъ и примѣчаніями П. А. Ефремова.

I.

Въ собраніи сочиненій К. Ѳ. Рылѣева, помѣщенныхъ въ „Русск. Стар." изд. 1871 г., т. III, стр. 64—113, между прочими, напечатана ода „Гражданское мужество" (стр. 98—101). Подлинной рукописи этой оды тогда у меня не было, а имѣвшіеся подъ руками списки были довольно плохи, такъ что текстъ оды я взялъ съ печатнаго экземпляра, о чемъ и оговорился тогда-же; но и въ печатномъ текстѣ были явныя ошибки, которыхъ невозможно было не замѣтить съ перваго взгляда, какъ, напримѣръ, риѳму „Бренновъ" и „Цицероновъ" и друг.

Нынѣ Е. И. Якушкинъ обязательно сообщилъ мнѣ подлинную рукопись Рылѣева, съ которой привожу вполнѣ исправный текстъ, причемъ разрядкой отмѣчаю варьянты противъ прежнихъ изданій этого замѣчательнаго стихотворенія.

Гражданское мужество.

Ода.

Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело покойно, стройный станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечемъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ль, о мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,

Не ты-ли геній древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ,
О доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Опорой твердою законовъ.

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

Ты, ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Которой славны на судѣ
И Панинъ нашъ и Долгорукой:
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспоривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
И вопль и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ,
И былъ столпомъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ.
Онъ достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи:
Такъ будетъ вождь, сквозь мракъ временъ,
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ

Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ —
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Увы! Аттилъ, Наполеоновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много-ль было Цицероновъ?...

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ-ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

О, такъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, покоенъ, невредимъ.
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу.

Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,

И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, ревetъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый.

II.

Въ „Русской Старинѣ“, изд. 1871 г., т. III, стр. 91—93 помѣщена мною дума Рылѣева: „Державинъ“,—но также по печатному изданію 1825 г. Въ настоящее время мнѣ сообщена подлинная рукопись этой „Думы“, окончательно приготовленная для печати, т.-е. съ подписью имени поэта, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, отдавая свои стихи въ печать. Въ этой рукописи уже не варьянты, а совсѣмъ другое, почти вовсе несходное съ напечатаннымъ стихотвореніе. Карандашныя отмѣтки, сдѣланныя постороннею рукой, кажется, указываютъ на то, что въ первоначальной редакціи эта „Дума“ не подошла подъ тогдашнія цензурныя условія и авторъ долженъ былъ совсѣмъ ее передѣлать. Такъ какъ недавно перепечатанный текстъ подъ руками у читателей, то, не дѣлая частныхъ сличеній, я ограничусь только указаніемъ: въ немъ сохранились изъ помѣщаемаго ниже текста 6 строфъ и притомъ съ большими измѣненіями, а 6 строфъ вовсе не вошли въ печатный текстъ и замѣнены тамъ 8-ю строфами, неимѣющими ничего общаго съ настоящей рукописью.

Державинъ.

Дума.

(Посвящается Н. И. Гнѣдичу).

Съ деревьевъ падалъ желтый листъ,
Не слышно птицъ *) въ лѣсу угрюмомъ,
Въ поляхъ осеннихъ вѣтровъ свистъ,
И плещетъ Волховъ въ берегъ съ шумомъ.
Надъ Хутынскимъ монастыремъ
Примѣтно солнце догорало
И на главахъ златымъ лучемъ
Изъ тучъ прокравшись трепетало...

Какой-то думой омраченъ
Младой пѣвецъ бродилъ въ оградѣ,
Но вдругъ остановился онъ—
И заблисталъ огонь во взглядѣ,

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «Смолкъ соловей».

«Что вижу я?—онъ возопилъ—
Предъ мной Державина могила!
Тебя-ли рокъ, о бардъ, сразилъ?
Тебя-ли смерть не пощадила»?—

И засіяли, какъ росой,
Слезами юноши рѣсницы,
И онъ, съ удвоенной тоской,
Сѣлъ у подножія гробницы.
И долго, мблча, онъ сидѣлъ.
И мрачною тревожимъ думой,
Пѣвецъ задумчивый глядѣлъ
На грустный памятникъ угрюмо...

«Но что,—вѣщалъ онъ наконецъ,—
Что я напрасно здѣсь тоскую;
Не умеръ пламенный пѣвецъ:
Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ,
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.

О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Не въ силахъ отказать и рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ!
Не умеръ ты, хотя здѣсь прахъ...
И въ звукахъ лиры сладкогласной,
И гражданъ въ пламенныхъ сердцахъ
Ты оживляешься всечасно!..

О, такъ! Нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:
Святая правда—долгъ его;
Предметъ—полезнымъ быть для свѣта;
Избранникъ и посолъ Творца—
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, великій санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.

Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Ярмо гражданъ его тревожитъ;
Какъ вольный славянинъ душой,
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ-бъ ни былъ онъ—
Наперекоръ судьбѣ и року;
Повсюду честь—ему законъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.

Гремѣть грозою противъ зла.
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ тропомъ.
Ему невѣдомъ низкій страхъ,
На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ—
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ свободнымъ зажигаетъ *).

Ему-ли ожидать стыда
Въ судѣ грядущихъ поколѣній?
Не осквернитъ онъ никогда
Порочной мыслію твореній.
Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы.
Не станетъ портить онъ сердецъ
И развращать народа нравы.

Поклонникъ пламенный добра—
Ничѣмъ себя не опорочитъ,
И освященнаго пера
Въ нечестьи буйномъ не омочитъ.
Надъ нимъ и рокъ не властелинъ!
Онъ истину достойно цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ тайныхъ думахъ не измѣнитъ!

Таковъ нашъ бардъ Державинъ былъ;
Повсюду чести неизмѣнный,
Царямъ-ли правду говорилъ
Иль поражалъ порокъ надменный»!
Пѣвецъ умолкъ—и тихо всталъ...
Въ немъ сердце билось—и въ волненьи
Вздохнувъ онъ, отходя, сказалъ,
Въ какомъ-то дивномъ **) изступленьи:

«О, пусть не буду въ гимнахъ я
Разнообразенъ, дивенъ, громокъ!
Лишь только-бъ молвилъ про меня
Мой образованный потомокъ:
Парилъ онъ мыслію въ вѣкахъ,
Сѣдую вызывая древность,
И воспалялъ въ младыхъ сердцахъ
Къ общественному благу ревность»!

*) Вмѣсто: воспаляетъ. Въ этой и предыдущей строфахъ помѣщены съ измѣненіями стихи, которые мы уже привели по черновому наброску въ III-мъ томѣ «Русской Старины» 1871 г., стр. 95—96.

**) Вмѣсто: «Какъ-будто въ дивномъ».

III.

Въ обширной по составу и въ изобилующей необыкновенно рѣдкими книгами (напр. печатный экземпляръ „Путешествія“ Радищева) библіотекѣ Вас. Матв. Л—го хранится, между прочимъ, печатный экземпляръ перваго изданія „Войнаровскаго“, съ современными вписками и поправками стиховъ. Уважаемый владѣлецъ этой книги далъ мнѣ списать эти вписки и поправки, которыя и привожу по тексту, напечатанному въ III-мъ томѣ „Русской Старины“, стр. 485—512. Вмѣсто напечатаннаго тамъ слѣдуетъ читать:

На стр. 502, строка 16 сверху:

Такъ мы, свои разрушивъ цѣпи,
На гласъ свободы и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ полей.

На стр. 503, строка 24:

Одно мгновенье все рѣшило,
Одно мгновенье погубило
На вѣкъ страны моей родной
Надежду, счастье и покой.

На стр. 504, строка 11 снизу:

Но знаю то, что затая
Любовь, родство и гласъ природы,
Его сразилъ-бы первый я,
Когда-бъ онъ сталъ врагомъ свободы!

IV.

Слѣдующее ненапечатанное произведеніе Рылѣева написано тотчасъ послѣ смерти его двухлѣтняго сына Александра, около 1824—1825 гг.

Земли минутный поселенецъ,
Земли минутная краса,
Зачѣмъ такъ рано, мой младенецъ,
Ты улетѣлъ на небеса?
Зачѣмъ въ юдоли сей мятежной,
О ангелъ чистой красоты,
Среди печали безнадежной
Отца и мать покинулъ ты?

Стихотвореніе это списано мною съ подлинной рукописи, принадлежащей Н. И. Пущину.

V.

Предсмертное стихотвореніе К. Ѳ. Рылѣева.

Въ № 19 „Библіографическихъ Записокъ“ 1861 г. напечатано, по доставленному мной списку, предсмертное стихотвореніе К. Ѳ. Рылѣева,

которое онъ сообщилъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ соузнику своему кн. Е. П. Оболенскому († 1865 г.), написавъ на кленовыхъ листьяхъ. Князь впослѣдствіи по памяти записалъ это стихотвореніе, но, какъ теперь оказывается, не вполнѣ точно. Нынѣ дочь К. Ѳ. Рылѣева, почтенная Настасья Кондратьевна, въ числѣ прочихъ сочиненій покойнаго своего отца, сообщила намъ всѣ имѣющіяся въ семействѣ бумаги. Пользуясь благосклоннымъ разрѣшеніемъ, помѣщаю въ „Русской Старинѣ“ упомянутое стихотвореніе, списанное мною съ подлиннаго автографа. Оно набросано на двухъ письмахъ жены Кондратія Ѳедоровича, Натальи Михайловны, писанныхъ ею 24 мая и 4 іюня 1826 г. къ нему въ крѣпость и возвращенныхъ ей оттуда послѣ кончины мужа.

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.

Ты правъ: Христосъ — Спаситель нашъ одинъ,
И миръ, и истина, и благо наше;
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ: онъ жребій свой вознесъ;
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.

Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истинѣ верховной,
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный *).
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая,
И, благовѣствуя, мой другъ, речетъ о ней
Сама намъ Истина святая:
«И плоть и кровь преграды вамъ поставитъ,
«Васъ будутъ гнать и предавать,
«Осмѣивать и дерзостно безславить,
«Торжественно васъ будутъ убивать...
«Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить **) —

*) Далѣе было написано и зачеркнуто:

Все въ жертву Истинѣ — и плоть и кровь
Мы умертвить должны въ душѣ смиренной.
Плотскимъ умамъ ужасенъ подвигъ сей...

**) Пять послѣднихъ стиховъ въ рукописи зачеркнуты. Имъ предшествовалъ еще одинъ стихъ, не вполнѣ мною разобранный:

«Васъ встрѣтитъ ..... міръ, и брань объявитъ вамъ».

Послѣ словъ: «не долженъ васъ тревожить»—набросокъ стихотворенія съ

«И страшны-ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
«Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ!
«Счастливъ *), кого Отецъ мой изберетъ,
«Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ,
«Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
«Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ».

Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу **),
И какъ орелъ на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный.

Сообщилъ П. А. Ефремовъ.

4-й страницы письма отъ 26 мая 1826 г. переходитъ на 4-ю страницу письма отъ 4 іюня.

*) Вмѣсто зачеркнутаго «блаженъ».

**) Было написано: «Я обращаюся къ сему глаголу», а четыре заключительные стиха первоначально читались такъ:

Душою простъ и сердцемъ правъ
Въ часъ смерти онъ, подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

XIII *).

Сергѣй Матвѣевичъ Кузминъ.

С. М. Кузминъ (или Козминъ, какъ иногда писали), былъ съ Г. Н. Тепловымъ и И. П. Елагинымъ назначенъ Екатериною II, вскорѣ по восшествіи ея на престолъ, состоящимъ при ней для принятія челобитенъ. Всѣ трое оставались долго въ этой должности и были первыми въ фалангѣ Екатерининскихъ такъ-называемыхъ статсъ-секретарей, которыми были впослѣдствіи: Стрекаловъ, Корицкій, Безбородко, Масловъ, Храповицкій, Поповъ, Державинъ, Трощинскій, Соймоновъ, Турчаниновъ, Терскій, Грибовскій.

Я не знаю ни времени рожденія, ни первоначальной карьеры С. М. Кузмина. Кажется, онъ началъ ее въ военной службѣ. Лицо его становится извѣстнымъ только со времени поступленія его ко двору. Онъ сдѣлался вскорѣ весьма приближеннымъ къ императрицѣ лицомъ и не только былъ дѣльцомъ, но въ 1765 г., для ея развлеченія, переводилъ разныя французскія небольшія сочиненія (Зап. Порош., стр. 438) и всегда ѣздилъ съ ней въ каретѣ, вмѣстѣ съ графомъ Г. Г. Орловымъ и тогдашнею любимою фрейлиною, Анною Васильевной Паниною, (Ibid., стр. 521). Въ 1767 году С. М. Козминъ, будучи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Аннинской ленты, состоялъ въ кабинетѣ и при собственныхъ ея величества дѣлахъ, у принятія челобитенъ, и былъ членомъ таможенной канцеляріи (Адр. Кал. 1767, стр. 11). Въ концѣ февраля 1774 года Потемкинъ черезъ С. М. Кузмина подалъ императрицѣ знаменитое письмо свое отъ 27 числа, которымъ просилъ ее о назначеніи своемъ въ генералъ-адъютанты (Русск. Арх., 1867, стр. 1018), чѣмъ начался „случай будущаго свѣтлѣйшаго“. С. М. Кузминъ сопровождалъ императрицу

*) См. «Рус. Старину» 1870 г. т. I изд. первое, стр. 463; изд. второе, стр. 541; т. II, стр. 74 и 194; 1871 г. т. III, стр. 205.

въ ея поѣздкахъ изъ Петербурга въ 1762, 1767 и 1775 годахъ, какъ это видно изъ современной корреспонденціи ея и другихъ лицъ. Въ 1777 году, марта 13, С. М. Кузминъ, состоя въ чинѣ тайнаго совѣтника, получилъ Александровскую ленту (Ист. Собр. списк. кав. четырехъ имп. рос. орд., стр. 227).

С. М. Кузминъ занимался науками и литературою. Въ 1767 году онъ вступилъ въ кружокъ, предпринявшій въ Москвѣ, подъ редакціей Хераскова, изданіе „Переводовъ изъ Энциклопедіи" и взялъ на себя переводъ статей по юриспруденціи (Соврем., 1857, № 7. Смѣсь, стр. 74). Въ томъ же году, сопровождая императрицу во время плаванія ея по Волгѣ, онъ участвовалъ въ переводѣ, сдѣланномъ ею и свитою ея Мармонтелева „Велисарія" и перевелъ третью главу его (Дворъ и замѣч. люди въ Рос., Вейдем., ч. I, стр. 67, прим.).

Мнѣ неизвѣстно время кончины С. М. Кузмина. Но въ 1788 году его уже не было въ живыхъ. 21 сентября 1788 г. императрица разбирала оставшіяся послѣ него бумаги и сказала Храповицкому, что С. М. Кузминъ „не могъ хорошо писать". Не знаю также, былъ ли С. М. Кузминъ женатъ и оставилъ ли онъ потомство.

Изъ трудовъ С. М. Кузмина изданъ отдѣльно: «Опытъ военнаго искусства», соч. графа Тюрпина, пер. съ фр. 2 части, съ планами. М. 1758—1759. (Соп. № 7,808, гдѣ показанъ одинъ только 1758 годъ и обозначено, что книга эта рѣдка; Плав., № 160; Смирд., № 4,216; у обоихъ показано два года, 1758 и 1759).

XIV.

Павелъ Ивановичъ фонъ-Визинъ.

П. И. фонъ-Визинъ былъ второй братъ знаменитаго комика и родился около 1745 года. Они учились вмѣстѣ въ московскомъ университетѣ (Ист. имп. моск. унив., стр. 95). П. И. фонъ-Визинъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ уже сталъ заниматься литературой, участвуя въ издававшихся Херасковымъ московскихъ журналахъ, гдѣ помѣщалъ прозу и стихи (Слов. Евг., ч. I, стр. 83 и Ист. имп. моск. ун., стр. 93), и въ журналѣ, предпринятомъ въ 1762 году университетскимъ профессоромъ Рейхелемъ, подъ заглавіемъ „Собраніе лучшихъ сочиненій" (Ibid., стр. 94). Потомъ служилъ онъ въ нижнихъ чинахъ въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку (Соч. фонъ-Визина, изд. П. А. Ефремова, стр. 362, прим.). Въ 1770 г. онъ былъ страстно влюбленъ въ какую-то Замятину, но несмотря на то, долженъ былъ отправиться въ Архипелагъ и Морею (Соч. фонъ-Визина, изд. Ефр., стр. 399), куда вѣроятно былъ посланъ курьеромъ. Возвращаясь оттуда въ Россію въ концѣ 1771 года, П. И. фонъ-Визинъ такъ расшибся на пути изъ Ливорно въ Дрезденъ, что чуть не умеръ и долго лежалъ больной въ этомъ городѣ на попеченіи нашего посланника князя

Андрея Михайловича Бѣлосельскаго (Ibid.). Въ 1772 году П. И. фонъ-Визинъ былъ въ числѣ гвардейскихъ офицеровъ, сопровождавшихъ графа Г. Г. Орлова въ качествѣ кавалеровъ посольства, отправленнаго въ Фокшаны для переговоровъ о мирѣ съ Турціей (Ibid. стр. 302). При введеніи въ 1782 году въ Москвѣ Екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ, П. И. фонъ-Визинъ былъ опредѣленъ предсѣдателемъ палаты уголовнаго суда (Ист. имп. моск. ун., стр. 252), гдѣ совѣтникомъ былъ тогда извѣстный мистикъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ (Зап. Лопух. ч. I, кн. 1), вскорѣ занявшій его мѣсто (Ibid.). Въ 1784 году 6 іюля П. И. фонъ-Визинъ, имѣя чинъ бригадира, опредѣленъ былъ въ директоры московскаго университета на мѣсто М. В. Приклонскаго, и 12 февраля 1786 года былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники (Ист. имп. моск. ун., стр. 252). Онъ занималъ это мѣсто до конца 1789 года (Слов. Евг., ч. I, стр. 83). Племянникъ его, Михаилъ Александровичъ фонъ-Визинъ (декабристъ) говоритъ, что когда при московскомъ главнокомандующемъ, князѣ А. А. Прозоровскомъ, производилось слѣдствіе надъ Новиковымъ и прочими мартинистами, имѣвшими прежде, какъ извѣстно, сильныя связи съ университетомъ, а слѣдовательно и съ бывшимъ его директоромъ, произведенъ былъ въ числѣ прочихъ и у П. И. фонъ-Визина обыскъ, передъ которымъ онъ едва успѣлъ истребить хранившуюся у него рукопись сочиненнаго еще въ 1773 году братомъ его, славнымъ нашимъ комикомъ, проекта конституціи (Зап. фонъ-Визина, стр. 49, прим.). Впослѣдствіи П. И. фонъ-Визинъ былъ пожалованъ (вѣроятно императоромъ Павломъ) въ сенаторы и умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ въ 1803 году (Слов. Евг. ч. I, стр. 82).

П. И. фонъ-Визинъ былъ женатъ: 1) На Маріѣ Петровнѣ Лопухиной, двоюродной сестрѣ извѣстнаго мистика Ивана Владиміровича Лопухина, о которомъ говорено выше (Рос. род. книга кн. П. Долгор., ч. II, стр. 60) и 2) на Маріѣ Васильевнѣ Толстой (род. 7 іюня 1757; ум. 13 ноября 1798. Ibid., стр. 127). Сынъ его отъ второго брака, весьма памятный Москвѣ покойный Сергѣй Павловичъ фонъ-Визинъ, бывшій одиннадцать трехлѣтій сряду клинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, женатъ былъ на Варварѣ Александровнѣ Давыдовой, сынъ ихъ—Иванъ Сергѣевичъ нынѣ московскій губернаторъ.

Отдѣльно изданныя произведенія П. И. фонъ-Визина суть слѣдующія:

1) Нравоучительныя сказки, соч. Мармонтеля, пер. съ фр., 3 части; М. 1764 (Соп. № 10,314, показано только двѣ части; у Пл. нѣтъ; Смирд., № 9,648). Изданіе 2-е, 3 части; М. 1787—1788 (Сопик., № 10,315, показанъ только 1788 годъ; Пкав., № 4,886; Смирд. № 9,648. Новиковъ въ 1772 году приписывалъ этотъ переводъ С. Г. Домашневу, см. матеріалы изд. Ефр., стр. 35; но показаніе это невѣрно).

2) Сила родства, Гишпанская повѣсть, соч. госпожи Гомецъ. Пер. съ фр., М. 1764 (Соп., № 10,242; Плав., № 4,834; Смирд., № 9,347).

3) Другъ дѣвицъ, пер. съ фр.; М. 1765 (Соп., № 3,484; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 1,483).

XV.

Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ.

П. С. Потемкинъ былъ младшій изъ трехъ сыновей секундъ-маіора Сергѣя Дмитріевича Потемкина отъ брака его съ княжною Анною Михайловной Кропоткиной (Рос. род. книга, кн. II. Долгор., ч. II, стр. 170) и родился въ 1743 году (Губерн. служебн., стр. 116). Онъ приходился внучатнымъ братомъ знаменитому князю Таврическому. Есть извѣстіе, что онъ учился въ московскомъ университетѣ въ первые годы его существованія (Слов. дост. людей Б.-Кам., 1836, ч. IV, стр. 193). По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что онъ началъ литературное свое поприще въ журналахъ, которые издавалъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Москвѣ Херасковъ, сотрудниками котораго были тогдашніе питомцы университета и сверстники по лѣтамъ П. С. Потемкина: братья фонъ-Визины, братья Карины, Домашневъ, Булгаковъ и др. (Ист. имп. моск. унив.). Впослѣдствіи, именно въ 1772 году, былъ онъ избранъ въ члены Вольнаго Россійскаго Собранія при московскомъ университетѣ (Ист. имп. моск. ун., стр. 202). Службу свою началъ П. С. Потемкинъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку (Сл. д. люд. Б.-Кам., ч. IV, стр. 193) и довольно рано уже былъ на виду. Въ первую турецкую войну видимъ его гвардіи капитанъ-поручикомъ и камеръ-юнкеромъ, получившимъ Георгіевскій крестъ 4-й степени 22 сентября 1770 года (Списк. Георг. кав. 4 ст. подъ № 39). Въ 1774 году былъ онъ произведенъ изъ бригадировъ въ генералъ-маіоры, отозванъ изъ дѣйствующей арміи и назначенъ 11 іюня начальникомъ двухъ секретныхъ слѣдственныхъ коммиссій, оренбургской и казанской, дѣйствовавшихъ по дѣлу о Пугачевскомъ бунтѣ и впослѣдствіи переведенныхъ въ Москву (Сл. дост. люд., Б.-Кам., 1836, ч. IV, стр. 193; см. также статью академика Я. К. Грота въ „Русской Старинѣ“ 1870, т. II-й, стр. 397—414). Тутъ познакомился съ Державинымъ, бывшимъ въ командировкѣ по тому же дѣлу и поступившимъ подъ его начальство (Зап. Держ., стран. 76). П. С. Потемкинъ оборонялъ Казань во время Пугачевской осады (Соч. Держ., издан. Грота, т. III, стран. 316, пр. и Русск. Стар., 1870, т. II, стр. 403), и былъ потомъ въ числѣ судей надъ Пугачевымъ (Соч. Пушк., изд. Исак., ч. VI, стр. 243), поимку котораго приписывалъ себѣ гораздо больше чѣмъ Суворову (Русск. Стар., 1870, т. II, стр. 410). При торжествѣ мира съ Турціею, который праздновался въ

Москвѣ, въ іюлѣ 1775 года, И. С. Потемкину была пожалована шпага съ алмазами (Русск. Арх., 1863, изд. 2, стр. 462). Съ этого времени по службѣ сталъ онъ дѣлаться подручникомъ своего могущественнаго родственника и посвятилъ дѣятельность свою подчиненнымъ сему послѣднему южнымъ окраинамъ Россіи отъ Астрахани до тогдашнихъ предѣловъ нашихъ на Кавказѣ включительно. Въ 1777 году П. С. Потемкинъ получилъ Анненскую ленту, а 28 іюня 1778 Александровскую и камергерскій ключъ (Ист. собр. списк. кав. четырехъ имп. росс. орд., стр. 317 и 227). Въ октябрѣ 1781 года онъ управлялъ дворянскими выборами въ Твери, вмѣсто тамошняго губернатора Тимоѳея Ивановича Тутолмина, почему-то недопущенному къ тому, какъ бы то слѣдовало при отсутствіи генералъ-губернатора графа Я. А. Брюса (Русск. Стар., 1870, изданіе первое, т. I, стр. 300). Онъ приводилъ въ 1783 году къ присягѣ покорившихся тогда Россіи крымцевъ и убѣдилъ царя Карталинскаго и Кахетинскаго Ираклія принять русское подданство (Сл. д. люд. Б.-К., 1836, ч. IV, стр. 193), за что получилъ 28 іюня 1783 года Владимірскую ленту, въ чинѣ генералъ-поручика (Списки дост. люд. русск., Караб., стр. 91). Съ 1784 года онъ былъ намѣстникомъ Саратовскимъ, а съ 1785 вмѣстѣ съ тѣмъ и кавказскимъ, и приводилъ въ покорность разныя племена горцевъ (Сл. дост. люд. Б.-Кам. ч. IV, стр. 194 и Русск. Арх., 1865, изд. 2, стр. 829 и Губерн. Служебн., стр. 58 и 77). Лѣтомъ 1786 г. П. С. Потемкинъ помрачилъ свое имя коварнымъ и жестокимъ поступкомъ. Двое изъ братьевъ Али-Мегмета-Хана, хищника персидскаго престола, бѣжали отъ его преслѣдованій; первый успѣлъ укрыться въ Астрахани, а второй приближался моремъ къ Кизлярскому берегу; П. С. Потемкинъ отказывалъ принять его подъ предлогомъ, что Россія въ мирѣ съ Персіей. Но изгнанникъ, преслѣдуемый по пятамъ непріятельскими кораблями, рѣшился съ отчаянія войти въ Кизлярскій портъ. Комендантъ Кизляра послалъ ему на встрѣчу лодки, наполненныя солдатами, которыхъ бѣглецы радостно привѣтствовали. Но только-что солдаты взошли на корабль, какъ бросились на персіянъ, перерѣзали, передушили и перетопили ихъ всѣхъ и разграбили несмѣтныя сокровища, увезенныя на этомъ кораблѣ принцемъ, который и самъ погибъ въ волнахъ. Награбленныя богатства остались въ рукахъ грабителей. П. С. Потемкинъ покрылъ виновныхъ, какъ участникъ въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ (Mém. sécrets sur la Russie, par Masson, 1802, т. III, p. 8). Въ 1788 году одна лишь Кавказская губернія осталась подчиненною П. С. Потемкину (Сл. дост. люд. Б.-Кам., ч. IV, стр. 194), что продолжалось до 1792 г. (Губернск. Служебн., стр. 58 и 77). Впрочемъ онъ тогда же при-

нялъ вмѣстѣ съ тѣмъ участіе въ возгорѣвшейся тогда второй турецкой войнѣ, подъ предводительствомъ князя Таврическаго. Во время ея онъ получилъ, 26-го ноября 1789 года, Георгіевскій крестъ 3 степени (спис. Георг. Кав. 3 ст., подъ № 52). На знаменитомъ штурмѣ Измаила, 11 декабря 1790 года П. С. Потемкинъ командовалъ правымъ флангомъ и заслужилъ похвалы Суворова (Сл. дост. люд. Б.-Кам., ч. IV, стр. 194), а 25 марта 1791 г. получилъ Георгіевскую звѣзду 2 степени (Спис. Георг. Кав. 2 ст., подъ № 24). Послѣ смерти князя Таврическаго, во время коей П. С. Потемкинъ находился въ Яссахъ (Русск. Стар., 1870, т. II, стр. 414), онъ хотѣлъ-было перейти въ австрійскую службу, но успѣвъ снискать расположеніе новаго любимца, П. А. Зубова, не исполнилъ этого намѣренія, принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1794 года въ Польшѣ подъ начальствомъ Суворова и за отличіе получилъ чинъ генералъ-аншефа (Слов. дост. люд. Б.-Кам., 1836, ч. IV, стр. 195), а 1 января 1795 — графское достоинство (Рос. род. книга, кн. II. Долг., ч. II, стр. 170). П. С. Потемкинъ скончался скоропостижно, въ Москвѣ, 29 марта 1796 года, и смерть его приписывали посѣщенію, будто сдѣланному ему страшнымъ Шешковскимъ (Слов. дост. люд. Б.-Кам.) и вызванному будтобы внезапнымъ желаніемъ изслѣдовать дѣло о поступкѣ его въ 1786 году въ Кизлярѣ, съ персіянами, дѣло,—которое почти десять лѣтъ оставалось безгласнымъ, несмотря на общую его извѣстность, но теперь нашли нужнымъ поднять оное въ виду того, что Россія, воюя съ Персіей, приняла на себя защиту правъ принцева брата, Сали-Хана, спасшагося въ Астрахани и жившаго въ Россіи забытымъ, пока онъ не сдѣлался нуженъ, какъ предлогъ для войны съ Персіей (Mém. sécrets sur la Russie, par Masson, т. III, p. 11). Но извѣстіе о визитѣ Шешковскаго къ П. С. Потемкину въ концѣ марта 1796 года совершенно ложно, уже по слѣдующему соображенію: Шешковскій не существовалъ уже на свѣтѣ въ іюлѣ 1794 года, то-есть слишкомъ за полтора года до смерти П. С. Потемкина (Русск. Арх., 1866, стр. 263). Впрочемъ Потемкинъ умеръ дѣйствительно въ то время, когда его отдавали подъ судъ за Кизлярское дѣло и говорили, что онъ отравился (Русск. Старина 1870, т. II, стр. 400). П. С. Потемкинъ былъ женатъ на Прасковьѣ Андреевнѣ Закревской (род. 1763, ум. 1816) и имѣлъ двухъ сыновей: 1) графа Григорія Павловича, убитаго подъ Бородинымъ и неимѣвшаго дѣтей, и 2) графа Сергѣя Павловича (род. 25 декабря 1787, ум. 25 февраля 1858), извѣстнаго любителя искусствъ и литературы, которою и самъ занимался, и женатаго на княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Трубецкой (нынѣ г-жа Подчасская), отъ которой не имѣлъ дѣтей. Родъ графовъ По-

темкиныхъ пресѣкся (Рос. род. книга кн. П. Долгорукова, ч. II, стр. 170, и Моск. Вѣд., 1858, № 29, Лит. Отд., стр. 126).

Изъ сочиненій П. С. Потемкина остались неизданными: „Исторія о Пугачевѣ“ и „Описаніе Кавказскихъ народовъ“ (Сл. дост. люд. Б.-Кам., ч. IV, стр. 196 и Русск. Арх., 1866, стр. 1605).

Отдѣльно изданныя произведенія П. С. Потемкина суть слѣдующія:

1) «Разсужденіе, удостоенное награжденія отъ академіи Дижонской, въ 1750 году, на вопросъ, предложенный сею академіею, что возстановленіе наукъ и художествъ способствовало-ли къ исправленію нравовъ». Соч. Ж. Ж. Руссо, пер. съ фр., М., 1768 (Соп., № 9,142, указанъ 1767 годъ; у Плав. нѣтъ; Смир., № 6,417. Второе изданіе, М., 1787; Соп., № 9,643; Плав., № 3,134; Смирд., № 6,417).

2) «Новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ, жителей одного небольшаго городка у подошвы Альпійскихъ горъ, собр. и изд. Ж. Ж. Руссо». Пер. съ фр., часть первая; М., 1769, (Соп., 6,870; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

3) «Разсужденія о началѣ и основаніи неравенства между людьми» соч. Ж. Ж. Руссо; пер. съ фр.; М., 1770 (Соп., № 9,595; у Плав., нѣтъ; Смирд., № 2,191. Изданіе второе, М., 1782, Соп., № 9,596; Плав. № 2,490; Смирд., № 2,191).

4) «Разсужденіе Ж. Ж. Руссо на вопросъ: какая добродѣтель есть самонужнѣйшая героямъ, и которые суть тѣ герои, кто оной добродѣтели не имѣли»? Пер. съ фр., М., 1770 (Соп., № 9,553; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 1,391).

5) «Поэма на побѣды, одержанныя Россійскою арміею надъ турецкими войсками». СПб. 1770 (Соп., № 8,705; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

6) «Эпистола на взятіе Бендеръ», 1770 (У Соп. Плав. и Смирд., нѣтъ. Митр. Евг., ч. II, стр. 137).

7) «Эпистола графу Григорію Григорьевичу Орлову» (вѣроятно, 1771 года), (Соп., № 3,757; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

8) Россы въ Архипелагѣ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ». СПб., 1772 (Соп., № 3,441; у Пл. нѣтъ; Смирд., № 7,587; Драм. Слов., стр. 119. У Плав, показана подъ № 5,506, съ указаніемъ 1788 года; это должно быть оттискъ изъ «Россійскаго Ѳеатра»). Сумароковъ находилъ эту пьесу очень плохою; см. Лѣт. Русск. Лит. и древн., 1861, т. III, стр. 65.

9) «Торжество дружбы», драма въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. М., 1773 (Соп., № 3,460; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 7,610; Драм. Слов., стр. 141. У Плав. показана подъ № 5,527 съ указаніемъ 1787 года; это то же долженъ быть оттискъ «изъ Россійскаго Ѳеатра»).

10) «Магометъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Вольтера». Пер. съ фр. СПб., 1798 (Соп. № 2,615, показанъ 1797 годъ; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 6,923. Изданіе второе, СПб., 1801; у Соп. нѣтъ; Плав., 6,172; Смирд., № 6,923. Оба изданія напечатаны уже послѣ смерти переводчика; но переводъ игрался на сценѣ еще при его жизни).

М. Н. Лонгиновъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

ПИСЬМА КЪ ПЕТРУ I ОТЪ МАТЕРИ И СЕСТРЫ.

I.

Отъ царевны Натальи Алексѣевны.

Благочестивѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексіевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель, княженій же и странъ повелитель и обладатель, любезнѣйшій мой брате и дражайшій единокровниче многолѣтно здравствуя, въ Господѣ Бозѣ присно радуйся.

Неточію пѣснопѣсненными словесы умнословныя души въ любовь твоего царскаго пресвѣтлаго величества братскую убѣждаемся, яже вожделѣнно поется: крѣпка любовь: вода многа не можетъ угасити любве, и рѣки не потопятъ ея, но паче естественною, единокровною, единоутробною братскою любовію носимся къ тебѣ Государю брату, царю богомудру, самодержцу богоизбранну, попечителю и сохраннику нашему.

И сице не тѣлесными очесы въ присутствіи твоемъ съ нами, то умными, аможе обрѣтаешися въ созерцаніе тя Государя прежеланно тщимся и въ слѣдъ любве твоея царскія и братскія течемъ. Да насладимся видяще тя здрава. Да возвеселимся съ рождшею насъ благочестивѣйшею государынею нашею царицею, пресладкою матерію великою княгинею Натальею Кирилловною и со всѣми сродными въ домѣ нашемъ царскомъ смотрящема въ благохваленіи Бога, и нетокмо уже созерцавше, но и яко нынѣ слышаще, гдѣ путешествуеши еще благоразумне и душеспасенне и во всякомъ благополученіи въ соболѣзнованіи по тебѣ и отраду пріемлемъ.

Тѣмъ же въ правости самодержавства твоего, и благочестивыя православныя вѣры расширенія и назиранія боговрученнаго тебѣ царствія непрестанно всетворца нашего Бога молимъ: да подастъ тебѣ государю царю всякое преспѣяніе въ добропохвальную добродѣтель, и въ пользу

всѣхъ православныхъ христіанъ на всей вселенней обрѣтающихся, здравіемъ же многолѣтнымъ и спасеніемъ здѣ одарствовалъ тя, и присносущныя славы и всерадостнаго блаженства да сподобитъ со всѣми нами.

Желающе же тя православнаго царя, и любезнѣйшаго моего брата бодреннѣ неусыпными очесы въ скорости, яко левъ готовъ на лося, созерцати, книгопѣснопѣсненнѣ глаголю: Брате мой красенъ избрану отъ темъ, весь сладость, весь вожделѣніе, его же любовію, пріятствомъ, милостію уязвлени есмы сродническо и божеско. Сего ради предражайшій нашъ царю и любезнѣйшій мой брате, въ утѣшеніе родительницы нашея госпожи царицы Натальи Кирилловны, и супружницы твоея царицы и великія княгини Евдокіи Ѳеодоровны и первороднаго и возлюбленнаго сына твоего государя царевича и великаго князя Алексѣя Петровича, гряди и незакосни, яви намъ лице твое, и радостни будемъ, славяще преначальную святую троицу, въ единствѣ божества, и чествующе богоматерь, владычицу дѣву Марію со всѣми святыми всегда аминь.

Въ пресладчайшемъ Іисусѣ Христѣ спасителѣ нашемъ изрядствъ и увеселительной твоей любви вездѣ желающая поклоняюся.

Изъ царствующаго града Москвы 7201 лѣта августа 3 дня.

II.

Отъ царицы Натальи Кирилловны.

Богоизбранный повелитель и православный монархъ, благочестивѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ, царствъ же и княженій и земель обладатель, предражайшее мое чадо, и прелюбезнѣйшій сыне, сыне мой здравствуй многолѣтно, пребывай спасенно, радуйся блаженно въ Господѣ Бозѣ непрестанно.

Великая госпожа, благочестивая царица всероссійская и мать твоя великая княгиня Наталія Кирилловна, благословеніе мое тебѣ царю и сыну моему, и во усердіи молитвы въ произвожденіе благоугожденія владыки нашего всещедраго Бога посылаю.

Истинная суть премудрыхъ словеса глаголющая сице: ничтоже сладчайше человѣческому роду естествомъ дадеся, якоже своя коемуждо чада. Въ пріискренности бо философа Ѳеокрита глаголы имствуются: сыны егда зримъ, новый міръ зримъ.

Тѣмъ же удобь отъ лица сыновня родителемъ утѣшеніемъ пріемлется, ибо николи же родитель безъ любве родительскія, юже врожденну имѣетъ къ сыну, на онаго поглядаетъ.

Всегда любовь родительская въ зрѣніи сыны своя первенствуетъ.

Изобрази убо сіе философъ, тако вѣщаяй: всякъ художникъ любитъ дѣло свое. И болѣе любитъ нежели любится отъ дѣла.

И моя убо материя утроба, врожденнѣ въ любовь твою сыновскую, благочестиваго царя, преизлихарѣется, по премногу въ памяти и въ сердце моемъ естественнѣ, никогда же забвеннѣ предражайшій сыне, прелюбезнѣйшее мое чадо содержишися.

Се моя радость, да егда во здравіи очесами моими зрю тя свѣта моего; се моя утѣха, егда благошествуеши въ евангельскомъ пути; се мое пріобрѣтеніе, егда всякимъ изрядствомъ одарствуешися и прославляешися царь премудръ на землѣ предъ Богомъ и всѣми людьми.

Но и всему царству твоему надежда еси крѣпкая въ мужественномъ и искусномъ ратоборствѣ, въ защищеніе отъ всѣхъ враговъ иностранскихъ отечества своего и во умноженіе славы Божія расширеніемъ православныя вѣры.

Сего ради всѣмъ веселіе въ твоемъ царскомъ съ нами пребываніи, скорбь же и унылство во отсутствіи и разлученіѣ твоемъ, во удалышествѣ же несозерцанія любезнаго и царюющаго господа наипаче мгла печалей застѣняетъ, не токмо родительская, но и подначальствуемыхъ людей сердца.

Ибо егда бытіе твое благонадежное отъ насъ нынѣ удалися въ путь, безмѣрное желаніе влечется тя любезнаго зрѣти: и сладостнѣ цѣловати и во обществѣ всякія пребывати свободы, бурныхъ размышленій кромѣ.

Тѣмъ же твое царское къ намъ немедленное пришествіе имать много къ веселію винъ усердіемъ бо нашимъ вожделѣннымъ тучу всякихъ смущеній приходъ твой отдалитъ, любезнаго веселія ведромъ покрываетъ. Вся люди твоя и сигклитъ твой царскій здѣ украсишп въ благозаконіи царствуя, мене же матерь любленіемъ да одариши.

Сего усердно получити желающе всевиновника творца и правителя всего дѣлозданія своего Господа Бога о благоденствіи твоемъ въ долгій вѣкъ молимъ и пришествія твоего царскаго присно ожидаемъ.

Въ сіе же о вспомоществованіи и пресвятую дѣву богородицу Марію и вся святыя просимъ молитвами: Здравствуй свѣте мой, царю и сыне сладчайшій. Аминь *).

III.

Отъ царевны Натальи Алексѣевны.

Благожеланнѣйшій и много странъ царствующій благоразумный повелитель, велпкій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣе-

*) Года не означено, да кажется и письмо не окончено, оно пришлось на концѣ листочка. И. Д. В.

вичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, во Господѣ Бозѣ здравствуя въ настоящее сіе мѣсто и во многоденствѣ долгайше радуяся.

Всякое утѣшеніе, благополучнѣ тебѣ православному монарху царствующему извѣстно обѣщавать можемъ. И въ любви твоей государской врожденнѣ по кровѣ содержимся неусыпными очесы съ ретивостію сердца.

Самъ бо Господь вышній, иже твою царскую милость помазанца своего восхотѣ имѣти, царство твое управитъ. И понеже царская власть отъ Бога есть, сего ради Божія на сепъ бѣ воля, да всероссійскаго царства обладательнымъ вездѣ самодержавствомъ ты, государь, правиши. Его же тебѣ прелюбезному владыкѣ царю спомоществованіе, дабы благополучное царствованіе съ пораженіемъ враговъ, со умноженіемъ побѣдъ и съ приращеніемъ божественныя своея хвалы долголѣтнѣ пребывало.

Тѣмъ же неточію мы вѣщаемъ, но и вси православныи людіе, не токмо во храмѣхъ Господнихъ, но повсюду въ сердечныхъ своихъ жертвенникахъ, ради во спасеніе здравія твоего царскаго глаголютъ Господу Богу славу, и благожелательно любообщій гласъ возносятъ: да живетъ царь. Притомъ созерцати тя любезнѣйшаго государя царя непрестанно тщимся. Господь же превышній пробавитъ къ тебѣ свою милость, продолжитъ царствовати лѣта и облагодатитъ седмодуходареваньми и наслѣдія во имперійскомъ небеси съ богоизбранными гражданы и богопѣвцы неизглагольно радостными твоему благовѣрію подастъ. Аминь, аминь.

Благочестивѣйшій обладатель, многоцарственный православный повелитель, великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, благоденственный и спасенный рачія во Господѣ.

Благополучнаго твоего царскаго пришествія, яко жаждущіе елени на источники водъ ожидаемъ прежеланнѣ. Ибо братская твоя любовь въ пріятство милости и мира твоего тещи понуждаетъ. Желаемъ бо: дабы во здравіи тя созерцати и пріяти утѣху совершенну, зане по любомудрыхъ, самая любовь братская едину въ своемъ родномъ братѣ кровь любитъ. И добръ Салюстій философъ написа: кто любезнѣйшій, яко братъ. Прекрасно же братскую любовь единъ нѣкто возглагола: сіе истинное братство, иже ни единымъ случаемъ пресѣкается, еже неточію разлучится, но ниже мѣстъ отстоянія, или временъ оставити могутъ. А яко много можетъ братская любовь, изобрази едина жена благообразная Аферниѕь, которая на вопрошеніе царя Дарія, кого бы паче пострадати изволила, мужа ли или воз-

любленная чада, или брата; отвѣща: Иная рече чада, иный мужъ, аще Богъ восхощетъ, могутъ быти, иного же брата, родителемъ умершимъ, надѣятися немощно; ибо братъ брату и сестрѣ всячески угождати тщится, по глаголанію Ксенофонта: рече бо: иже о братѣ или о сестрѣ печется, о себѣ самомъ печется, всегда взаимно добро братское, что единому сладко, то и другому не горько, равно бѣ утѣшеніе взаимнаго единодушія предъ Богомъ и человѣки у единокровныхъ братіяхъ и сестрахъ, что по написанію историка, Анисфенсъ философъ сказа: братія и сестры единодушныя всякія стѣны крѣпчайшія суть. И сами убо сего искусихомъ, яко въ согласіи нашемъ братстемъ николи же смущати злоключеніе можаше. Богу же поспѣшествующу и въ предваряющая многая лѣта любезное твое государское пріятство имать пребывати, точію даждь Господи Боже оглядати тя вскорѣ предѣльно усердствуемъ. Миръ, миръ отъ Господа тебѣ государю царю буди во всемъ.

Пресвѣтлому величеству тебѣ небесныхъ и земныхъ благополученій всеусердно желающая.

Изъ Москвы 7202 лѣта Сентемврія дня.

Примѣчаніе: Настоящія три письма къ Петру Великому до сего времени нигдѣ не были напечатаны. Для изданія въ „Русской Старинѣ“ они списаны, съ соблюденіемъ орѳографіи, съ старыхъ копій или черновыхъ проектовъ, сохранившихся въ тетрадкѣ писанной почеркомъ первыхъ годовъ XVIII столѣтія. Были ли сіи письма отправлены къ Петру Великому за подписью Натальи Кирилловны или Натальи Алексѣевны, или остались въ проектахъ неодобренныя ими, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній. Но очевидно, что проекты сіи были писаны какимъ-либо ритороmъ съ патріаршаго двора, обучавшимся въ кіевскихъ школахъ; складъ писемъ, съ одной стороны, явно обличаетъ писателя потершагося въ кіевской школѣ, а съ другой стороны изъ писемъ же видно, что они писаны не безъ вліянія патріарха. Такимъ образомъ эта послѣдняя сторона писемъ указываетъ на стараніе патріарха имѣть вліяніе на Петра чрезъ посредство его матери и любимой сестры. Изъ исторіи не видно успѣховъ патріаршаго вліянія, но для исторіи не безъинтересны и неудавшіяся попытки, какъ памятники и указатели времени, какъ свидѣтели борьбы. Мы до сего времени знаемъ нѣсколько подробностей о шутовскихъ патріархахъ Петра, но еще мало знакомы съ дѣятельностію, собственно придворнаго, настоящаго московскаго патріарха современнаго Петру. А, конечно, онъ не сложа руки посматривалъ на молодого государя и его компанію.

И. Д. Бѣляевъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ.

записанные со словъ именитыхъ людей,

П. Ѳ. КАРАБАНОВЫМЪ.

I.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

1.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ одинъ дворянинъ, осужденный за убійство на смертную казнь, подкупаетъ духовника царскаго исходатайствовать себѣ прощеніе. Правосудный государь отказалъ въ просьбѣ ходатаю, который разсвирѣпѣвъ, по нечестивому дерзновенію, отлучилъ порфироноснаго сына своего отъ пріобщенія св. тайнъ. Монархъ, благоговѣя къ религіи и уважая перваго ея святителя, просилъ Никона войти въ разсмотрѣніе сего дѣла; но патріархъ отрекся исполнить волю государя и тѣмъ нанесъ ему крайнее огорченіе. Князь Юрій Ал. Долгорукій, предвидя какія слѣдствія для отечества можетъ имѣть сей поступокъ, поѣхалъ къ духовнику и угрожая ссылкой, принудилъ его не только разрѣшить государя, но и просить у него прощенія въ безразсудной дерзости. Царь взялъ себѣ другого духовника. Никонъ проклиналъ Долгорукаго, но по счастію князь не страшился проклятія, злобою произносимаго.

2.

Извѣстный умомъ бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, отъ Петра I пожалованный графскимъ достоинствомъ, находился у родителя его, благодѣтельнаго царя Алексѣя Михайловича, въ отмѣнной милости, болѣе потому, что супруга его царю понравилась; по строгимъ правиламъ того времени, безъ согласія мужа сіе послѣдовать не могло. Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ двухъ сыновъ: старшій, Платонъ Ивановичъ почитался рожденнымъ отъ царя, который любя и утѣшаясь имъ, называлъ: мой сынъ Пушкинъ. Петръ I по свычкѣ имѣлъ большую привязанность, даже и заочно называя его братомъ. При императрицѣ Аннѣ, гоненіемъ Бирона молодой Пушкинъ безвинно лишенъ имѣнія, наказанъ кнутомъ съ урѣзаніемъ языка и сосланъ въ Сибирь. Жена съ малолѣтными дѣтьми за нимъ послѣдовала, а по кончинѣ его, пріѣхавъ оттуда, просила канцлера Бестужева-Рюмина исходатайствовать возвращеніе отписаннаго въ казну знатнаго ихъ имѣнія, по сиротству дѣтей, на воспитаніе. Канцлеръ сказалъ, что онъ сомнѣвается, чтобъ императрица Елисавета Петровна на все безъ изъятія согласилась, прибавя: „Вы сдѣлай-

те-де записку лучшимъ деревнямъ". Въ поданной запискѣ означены: подмосковная волость „Раменская" близъ коломенской дороги; подмосковное село „Образцово" по троицкой дорогѣ и село „Горелово" подъ Можайскомъ, вообще болѣе 3 т. душъ. Чтожъ послѣдовало? Вмѣсто покровительства несчастнымъ, канцлеръ убѣдилъ императрицу все сіе пожаловать ему въ собственность!

Екатеринѣ II предоставлено было судьбою, по восшествіи, подписать первый указъ, чтобъ оставшее въ казнѣ Пушкиныхъ описное имѣніе возвратить имъ сполна.

3.

Царевна Софія, рожденная отъ перваго брака царя Алексѣя Михайловича, была равнолѣтняя второй его супругѣ, царицѣ Натаніи Кирилловнѣ, а по дошедшимъ преданіямъ на счетъ царицына ..... поведенія съ самаго дня ея супружества, царевна, знавшая всѣ подробности, въ столкновеніяхъ съ нею рѣзко останавливала ее. Рожденнаго же отъ нея Петра Софія не любила и называла его сыномъ Тихона Никитича Стрѣшнева, котораго впослѣдствіи Петръ не только уважалъ, но которому онъ даже поручалъ сокровенныя дѣла (Стрѣшнева онъ именовалъ „отцемъ", и, когда бывалъ въ веселомъ расположеніи духа, давалъ ему сіе названіе и въ письмахъ. Бантышъ-Каменскій, Словарь 1836 г. V, стр. 106).

4.

Отецъ любимца Петра I, думнаго дьяка Автенома Ивановича Иванова, былъ духовникъ и такой же любимецъ царя Алексѣя Михайловича; находясь священникомъ при такъ-называемой Красной церкви Григорія Неокесарійскаго, что на Полянкѣ за Москвою-рѣкою, и бывъ истиннымъ рачителемъ благолѣпія, много содѣйствовалъ къ украшенію церкви; а чтобъ еще болѣе прославить оную, при брачномъ торжествѣ благодѣтеля и царя съ Натальей Кирилловной Нарышкиной упросилъ чтобы, изъ милости къ нему, рожденный отъ нихъ младенецъ имъ окрещенъ былъ въ его церкви. Коль скоро царица сдѣлалась беременною, духовникъ, съ позволенія царя, заказалъ сдѣлать отличную купель изъ лучшей мѣди, ярко вызолоченную, съ приличными готическими украшеніями. Царица, приближаясь къ родамъ, отъѣхала съ супругомъ своимъ на краткое пребываніе въ любимое имъ село „Коломенское", но тамъ, прежде срочнаго времени, неожиданно разрѣшилась царевичемъ, крайне слабымъ и въ слѣдующую ночь наскоро окрещеннымъ;—это былъ Петръ Великій. Царь, встрѣтясь съ духовникомъ, вспомнилъ о купели и услышавъ, что и ему Богъ даровалъ внука (Николая Автономовича), сказалъ: „я самъ

окрещу его въ твоей церкви и въ новой купели". Сіе исполнилось и купель, въ память великаго назначенія, сохранялась въ нарочно-сдѣланной для того стѣнной впадинѣ; а употреблялась для крещенія многочисленнаго, по времени, потомства сего старца и другихъ благородныхъ младенцевъ. Въ 1812 г. французы, почитая ее изъ серебра скованною, нѣсколько повредили и вмѣстѣ уронили колоколъ, отъ паденія развалившійся. Вновь опредѣленный молодой священникъ, приступая къ перелитію колокола, разсудилъ за благо туда же включить и сей памятникъ, столько времени сберегаемый.

II.

Царствованіе Петра I.

5.

Когда Петръ I, возвратясь въ 1698 г. изъ-за границы, наказывалъ стрѣльцовъ, то приказалъ развѣшать ихъ по всѣмъ зубцамъ Кремлевской стѣны для всенароднаго зрѣнія. А въ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ содержалась подъ карауломъ его сестра, повѣшано было за рѣшеткою въ окошкахъ ея келіи нѣсколько стрѣльцовъ съ челобитными на ея имя.

6.

Деньщикъ Петра I, бывшій генералъ-аншефъ Михаилъ Аѳанасьевичъ Матюшкинъ, стоя за санями, замѣтивъ, что государь, противъ обыкновенія, ѣдетъ къ Дѣвичьему монастырю, гдѣ содержалась подъ стражею сестра его, царевна Софія, ужаснулся опасаясь послѣдствій. Петръ сорвалъ печать отъ дверей кельи и войдя, съ дубиною въ рукахъ сказалъ, что онъ, отправляясь въ дальній походъ, пожелалъ съ нею проститься.

Софія, сидя за гребнемъ, не перемѣнила ни вида, ни положенія— но сказала, что это излишне и что единому праведному суду Божію рѣшить общее ихъ дѣло.

Петръ, выходя, со слезами сказалъ Матюшкину: „жаль! сколько умна, столько и зла, а могла бы мнѣ быть правою рукою".

(Отъ сына его графа Дмитрія Михайловича Матюшкина).

7.

По разбитіи шведовъ подъ Полтавою, за бѣжавшимъ непріятелемъ отряженная погоня настигла его у Переволочны. Все было взято въ плѣнъ, окромѣ Карла XII, съ малой свитою ушедшаго на противоположный берегъ рѣки; оставалось только переправиться за оную. Въ пущую тревогу является ген.-маіоръ князь Григорій Семеновичъ Волконскій, украшенный бѣлою перевязью черезъ плечо, съ

царскимъ указомъ остановить погоню, и въ мигъ уѣзжаетъ. Между тѣмъ начавшаяся пересылка, какъ и чрезъ кого объявлено повелѣніе, сдѣлала остановку и дала Карлу время избавиться отъ плѣна. Впослѣдствіи открылось, что это сдѣлано было съ намѣреніемъ, и что царю побѣгъ королевскій, такъ сказать, развязывалъ руки.

8.

Петръ I, съ ближайшими пріѣхавъ на вечеринку къ шурину своему Александру Ѳедоровичу Лопухину, приказалъ ворота запереть на крюкъ, чтобъ постороннихъ никого не было. Дружеское общество принялось разсѣкать кнутами деревянные крѣпкіе лубки (надобно знать, что прежніе бояре всегда были окружены живущими въ домахъ ихъ небогатыми дворянами, подъ именемъ „знакомцевъ“). Къ несчастію таковой знакомецъ Акинфіевъ, не вѣдая ничего, возвращаясь домой вошелъ во дворъ. Петръ, увидя его въ окошко, закричалъ: „чужой—въ мощи его!“ Сіе значило, что каждый присутствующій долженъ былъ опрометью броситься на него какъ собака, и въ доказательство принести или клокъ его волосъ или вырванный кусокъ его мяса.

Случившійся тутъ ключникъ, предвидя, что Акинфіевъ долженъ издохнуть, подхватилъ его и спряталъ въ ящикъ подъ бочками и кадками. Едва успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ ворвалась толпа сверху, отыскивая сего несчастнаго... Въ царскомъ совѣтѣ положено было вмѣсто лубковъ разсѣкать кнутами его тѣло.

9.

Екатерина I, по смерти пастора Глюка, не имѣвши пристанища, рѣшилась выйти замужъ за шведскаго солдата. Въ сіе время городъ былъ осажденъ русскими и во время вѣнчанія бомба упала на крыльцо церкви... Городъ взятъ приступомъ и она, взятая въ плѣнъ, была . . . . . у фельдмаршала Шереметева; потомъ находилась въ томъ же званіи у Меншикова. Петръ I, ночуя у него, (увидалъ) Екатерину. Государь не обратилъ на нее особеннаго вниманія. Чрезъ нѣкоторое время вторично ночевалъ и опять (ее увидѣлъ). При семъ свиданіи она бросается къ ногамъ его и проситъ взять съ собою, съ тѣмъ, что она съ великою радостію будетъ за нимъ вездѣ слѣдовать и пещись о его здравіи.

Въ солдатскомъ мундирѣ она повсюду за нимъ слѣдовала и вскорѣ оказалась беременною.

10.

Графиня Марья Андреевна Румянцева, рожденная графиня Матвѣева, до замужства своего была любовницей Петра I. Случи-

лось какъ-то, что Петръ, будучи совсѣмъ не ревнивъ (онъ ни къ одной женщинѣ не имѣлъ привязанности кромѣ Екатерины, которая сдѣлалась ему необходимою и которой онъ всегда былъ невѣренъ, какъ и она ему)—приревновалъ Марью Андреевну къ другому; сіе случилось въ Екатерингофѣ. Онъ отвелъ ее на чердакъ и собственноручно высѣкъ, а потомъ выдалъ за бѣднаго мелкаго дворянина, любимца своего Александра Ивановича Румянцева, противъ воли ея родителей. Сіе случилось около 1718 года. Сынъ ея, знаменитый Румянцевъ-Задунайскій, рожденный въ январѣ 1725 года, былъ послѣднимъ крестникомъ Петра I.

11.

Петръ I, въ Москвѣ производя слѣдствіе по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, находился въ ужасномъ изступленіи; онъ подозрѣвалъ всѣхъ въ соучастіи. Всѣ тогда находились въ великомъ страхѣ; многихъ брали безъ разбора въ тайную канцелярію для допросовъ и пытокъ: даже на улицѣ разговаривающихъ внезапно хватали и сажали подъ стражу. Наконецъ ужасъ распространился до того, что во всѣхъ домахъ ворота и желѣзные запоры у оконъ накрѣпко запирались.

(Отъ князя Александра Ивановича Кольцова-Масальскаго, родившагося при Петрѣ I и слышавшаго отъ родителя своего).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Указъ императрицы Елисаветы о высылкѣ ко двору мартышки.

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Чрезвычайному и Полномочному Послу Графу Александру Гавриловичу Головкину *). Божіей поспѣшествующей милостію Мы Елисаветъ Первая Імператрица и Самодержица Всероссійская и проч. и проч. и проч.

Высокоблагоурожденный Намъ любезновѣрный! Здѣсь увѣдомленось чрезъ одного шкипера голландскаго, К-л-а-с-ъ К-е-м-п-т-е-с-ъ іменуемаго, что есть в'Амстердамѣ у нѣкоего купца въ домѣ (котораго имяни не знаемъ) мартышка, сирѣчь обезьяна, цвѣтомъ зеленая. и толь малая, что совсѣмъ входитъ въ індѣйскій орѣхъ; и тако желательно есть, чтобъ оную для куріозности ее бы ко Двору Нашему достать; тако имѣете вы, по полученіи сего беззамедленія в'Амстердамъ къ Секретарю Ольдекопу отписать, і ему коммисію поручить сію мартышку освѣдомлясь тамъ у кого находится і стѣмъ орѣхомъ

*) Предшествовавшая этой депешѣ, депеша № 15 трактуетъ о возможности не начинать военныхъ дѣйствій противъ Фридриха II-го, а послѣдующая, № 17-й — о тѣсномъ союзѣ съ дворомъ французскимъ. Ред.

їндѣйскимъ, в'которомъ (sic) она входитъ, купить и сюда отправить какимъ образомъ удобнѣе будетъ, чтоб она сбережена і в'цѣлости сюда привезена была; помянутый шкиперъ Класъ Кемпесъ і нынѣ отсюда моремъ в'Амстердамъ отъѣзжаетъ и можетъ быть, что онъ для показанія дома того купца, у котораго сія мартышка находится к'Секретарю Ольдекопу самъ явится, то онъ Ольдекопъ черезъ того шкипера онуюб сторговалъ и деньги отъ себя на здѣшній счетъ заплатилъ и об отправленіи оной сюда стараніе приложилъ; а иного ежели тотъ шкиперъ къ нему Ольдекопу не явится и безъ того можетъ онъ самъ в'Амстердамѣ до той мартышки доискаться и дабы продавецъ не задорожалъ в'цѣнѣ, для того чрезъ третьи руки, якобы для своей партикулярной забавы, а отнюдь не для посылки сюда ко Двору Нашему сторговалъ и купилъ. Пребываемъ вамъ впротчемъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

По Именному Ея Императорскаго Величества Указу: Подписали: Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ и Графъ Михайла Воронцовъ.

Примѣчаніе. Мартышка была куплена и отправлена къ Всевысочайшему Двору (неупомянуто съ индѣйскимъ орѣхомъ или нѣтъ) съ нарочнымъ курьеромъ гвардіи сержантомъ Валуевымъ. **Ред.**

Стихи для начертанія на гробницѣ Суворова.

На стр. 415, т. IV, „Русск. Стар.“ помѣщена по списку не вполнѣ исправному, эпитафія Суворову; мы забыли оговорить, что это курьезное „надгробіе“ есть плодъ фантазіи бывшаго впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова. Вирши напечатаны и въ собраніи его сочиненій (т. XIV, стр. 160—164), съ примѣчаніями. Считаемъ не безъинтереснымъ для большинства читателей „Русск. Стар.“ напомнить своеобразную эпитафію въ связи съ примѣчаніями автора *).

Остановись прохожій!
Здѣсь человѣкъ лежитъ на смертныхъ не похожій;
На крылосѣ, въ глуши, съ дьячкомъ онъ басомъ пѣлъ *(а)*.
И славою какъ Петръ или Александръ гремѣлъ.
Ушатомъ на себя холодную лилъ воду *(б)*,
И пламень храбрости вселялъ въ сердца народу.
Не въ латахъ, на коняхъ, какъ греческій герой *(в)*,
Не со щитомъ златымъ, украшеннымъ всѣхъ паче *(г)*,
Съ нагайкою въ рукахъ и на казацкой клячѣ,
Въ едино лѣто взялъ полдюжины онъ Трой *(д)*.
Не въ броню облеченъ, не на холму высокомъ,
Онъ брань кровавую спокойнымъ мѣрилъ окомъ,

*) Это же стихотвореніе напечатано и въ заграничномъ изданіи записокъ А. С. Шишкова. (Прага, т. I-мъ, стр. 64—66). Записки эти, къ сожалѣнію, въ публикѣ почти вовсе не извѣстны, такъ какъ, Богъ вѣдаетъ почему, запрещены въ продажѣ. **Ред.**

Въ рубахѣ, въ шишакѣ, предъ войсками верхомъ *(е)*,
Какъ молнія сверкалъ и поражалъ какъ громъ.
Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летаютъ птицы *(ж)*.
Жилъ въ хижинахъ простыхъ, — и покорялъ столицы *(з)*.
Вставалъ по пѣтухамъ *(и)*, — сражался на штыкахъ *(к)*.
Чужой народъ его носилъ на головахъ *(л)*.
Одною пищею съ солдатами питался *(м)*.
Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался *(н)*.
Былъ двухъ имперій вождь *(о)*; Европу удивлялъ;
Сажалъ царей на тронъ, — и на соломѣ спалъ *(п)*.

Примѣчанія: *а)* Суворовъ сосланъ былъ въ село свое Кончанское, Новгородской губерніи въ Боровицкомъ уѣздѣ. „Тамъ“ — говоритъ о немъ историкъ его Фуксъ, — „часто побѣдоносная рука его звономъ колокола призывала жителей въ священный храмъ, гдѣ старецъ сей, исполненный вѣры, пѣлъ вмѣстѣ съ церковными служителями хвалы Божеству“. Когда позвали его повелѣвать австрійскими и нашими войсками, онъ сказалъ: — „Я пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть барсомъ“. *б)* Онъ имѣлъ привычку, для укрѣпленія членовъ своихъ, часто обливаться холодною водою. *в)* Ахиллесъ. *г)* См. у Гомера, въ Иліадѣ, описаніе Ахиллесова щита, коней и колесницы. *д)* Онъ не щеголялъ красивостью коня своего; садился на простую казацкую лошадь и на ней разъѣзжалъ передъ полками. *е)* Онъ не могъ сносить лѣтнихъ жаровъ и, по сей причинѣ, часто среди самаго пылкаго сраженія, видали его скачущаго верхомъ въ одной рубахѣ; но никогда не скидавалъ онъ съ головы своей шлема или шишака, въ которомъ даже дома и при женщинахъ хаживалъ. *ж)* Извѣстенъ славный переходъ его чрезъ Альпійскія горы. *з)* Варшаву, Медіоланъ, Туринъ и проч. Онъ не любилъ великолѣпія и пышности; жилъ всегда въ простыхъ покояхъ, безъ зеркалъ и безъ всякихъ украшеній. *и)* Суворовъ, когда надлежало идти въ походъ, никогда въ приказахъ своихъ не назначалъ часа, въ который выступать, но всегда приказывалъ быть готовыми по первымъ пѣтухамъ, для того выучился пѣть по-пѣтушьи, и когда время наставало идти, то выходилъ онъ самъ и крикивалъ кокореку! Голосъ его немедленно разносился повсюду, и войско тотчасъ поднималось и выступало въ походъ. Казалось онъ нарочно придумывалъ сіи странности, дабы посредствомъ ихъ избавляться иногда отъ такихъ объясненій, которыя были для него или непріятны или затруднительны. Онъ не опасался затмить ими славу свою; ибо могъ сказать о себѣ подобное тому, что въ Метастазіевой оперѣ говоритъ о себѣ Ахиллесъ, проведшій отроческія лѣта свои въ женскомъ одѣяніи, на островѣ Хиросѣ:

.....gli ozi di Sciro
Scusera questa spada, e forse tanto

Occupero la fama
Co'novelli trofei.
Che parlar non potrá dé falli miei.

то-есть: „праздность дней моихъ на Хиросѣ оправдаю я симъ моимъ мечемъ и, можетъ быть, новыми побѣдами моими столько озабочу славу, что не успѣетъ она говорить о моихъ проступкахъ“. Въ присылаемыхъ донесеніяхъ, Суворовъ не описывалъ побѣдъ своихъ пространными объясненіями. По взятіи турецкой крѣпости Туртукая, онъ написалъ къ императрицѣ:

Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ, и я тамъ.

к) Извѣстно, что Суворовъ бѣлое оружіе, то-есть штыки, въ рукахъ русскихъ солдатъ, почиталъ всегда средствомъ превосходнѣйшимъ къ побѣжденію непріятеля чѣмъ ядра и пули. Пословица его была: „пуля дура, штыкъ молодецъ“.

л) Въ Италіи, когда онъ въѣзжалъ въ какой городъ, народъ выбѣгалъ на встрѣчу къ нему, отпрягалъ лошадей у его кареты и везъ его на себѣ. Однажды случилось, что въ самое то время, когда онъ приближался къ освобожденному имъ отъ французовъ городу, нагналъ его посланный изъ Петербурга съ письмами къ нему офицеръ. Онъ посадилъ его въ свою карету, и когда народъ выбѣжалъ и повезъ его на себѣ, то онъ спросилъ у офицера: случалось ли ему ѣзжать на людяхъ?—Офицеръ отвѣчалъ:—„Случалось, ваше сіятельство, когда мы въ ребячествѣ игрывали бывало шахордою“ (т.-е. въ чехарду).

м) Онъ часто ѣдалъ съ ними кашу. *н)* Баварскій король причислялъ его въ родственники (Шишковъ здѣсь очевидно ошибается: при пожалованіи Суворову ордена Аннунціаты, т.-е. Благовѣщенія, сардинскій король въ рескриптѣ своемъ величалъ его mon cousin, потому что орденъ этотъ, переходящій старшему въ родъ, давалъ право на этотъ титулъ. Баварскихъ же королей до 1806 г. не было.

о) Россійскій генералиссимусъ и австрійскій фельдмаршалъ, имѣвшій два почетныхъ прозванія: Рымникскій и Италійскій.

п) Онъ не любилъ мягкихъ перинъ и пуховиковъ, сѣно и солома служили ему вмѣсто оныхъ.

Донесеніе Суворова о взятіи Туртукая.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ эпитафіи Суворову Шишковъ повторяетъ весьма распространенный, многократно напечатанный и между тѣмъ совершенно невѣрный анекдотъ о донесеніи Суворова о взятіи Туртукая. По этому поводу приводимъ замѣтку нашего сотрудника А. Н. Петрова. **Ред.**

Знаменитый поискъ генерала Суворова на Туртукай, произведенный въ ночь съ 9 на 10 мая 1773 года, подалъ поводъ къ разнымъ вымысламъ, переданнымъ современниками и сохранившимся по настоящее время въ разныхъ историческихъ описаніяхъ, относящихся къ эпохѣ 1773 года. Утверждали, что Суворовъ предпринялъ этотъ поискъ вопреки приказанію не переходить на правый берегъ Дуная, и за такое неисполненіе приказанія фельдмаршала графа Румянцева былъ, будто-бы, отданъ подъ военный судъ, но что императрица Екатерина замѣтила на это, что—„побѣдителя не судятъ".

Во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды. Суворовъ состоялъ въ командѣ гр. Салтыкова, который, получая неоднократныя предписанія отъ гр. Румянцева сдѣлать поискъ на правый берегъ Дуная въ верхнихъ его частяхъ, для отвлеченія вниманія непріятеля отъ главныхъ дѣйствій на Нижнемъ Дунаѣ, поручилъ генералу Суворову произвести нападеніе на Туртукай. Трудность этого нападенія и недостатокъ средствъ къ переправѣ, при блистательномъ исполненіи предпріятія, доставили Суворову громкую извѣстность и никакому преслѣдованію онъ не подвергался.

Напротивъ того, въ письмѣ къ гр. Салтыкову отъ 13 мая, Суворовъ пишетъ изъ Туртукая:

„Не оставте батюшка, ваше сіятельство моихъ любезныхъ товарищей, да и меня, ради Бога не забудьте. Кажется, что и въ правду заслужилъ Георгіевскій второй классъ; сколько я къ себѣ ни холоденъ, да и самому мнѣ то кажется. Грудь и поломанный бокъ у меня болятъ, голова будто какъ пораспухла. Простите мнѣ что я съѣжжу въ Бухарестъ, на день-другой, попариться въ банѣ".

Не менѣе подверглось разнымъ толкамъ и донесеніе Суворова о взятіи Туртукая. У многихъ писателей донесеніе это изложено стихами:

Слава Богу, слава намъ
Туртукай взятъ и я тамъ.

Нѣкоторые вмѣсто словъ „и я тамъ" пишутъ „Суворовъ тамъ". Но понимая что въ томъ и другомъ случаѣ является смѣшной плеоназмъ, потому что если Суворовъ взялъ Туртукай, то конечно, онъ былъ т а м ъ—иные объясняютъ, что слова „я тамъ" неправильно написаны и что они относятся къ мѣстечку „Ятамъ", которое было взято вмѣстѣ съ Туртукаемъ. Никакого такого мѣстечка около Туртукая не было, и по этой простой причинѣ никто его никогда не бралъ.

Суворовъ донесъ гр. Салтыкову о взятіи Туртукая слѣдующимъ письмомъ, писаннымъ карандашемъ, на клочкѣ бумажки, вытащенной, вѣроятно, изъ-за обшлага сюртука. Приводимъ его здѣсь со всею точностью:

*

„Ваше сиятелство! Мы побѣдили Слава Богу слава вамъ
А. Суворовъ."

Вотъ кстати и другое письмо Суворова къ гр. Салтыкову, по случаю полученнаго имъ увѣдомленія о побѣдѣ, одержанной генералъ-поручикомъ Каменскимъ на Нижнемъ Дунаѣ. Письмо это также писано карандашемъ:

„Поздравляя батюшка ваше сиятелство съ выигрешемъ его пр: Каменского У насъ все благополучно скоро буду имѣть щастие увидитца
Александръ Суворовъ."

Сообщ. А. Н. Петровъ.

Институтъ слѣпыхъ въ Петербургѣ въ 1823—1824 гг.

Въ бумагахъ бывшаго попечителя санктпетербургскаго учебнаго округа, Дмитрія Павловича Рунича, сохранилось нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній объ институтѣ слѣпыхъ въ 1823 и 1824 годахъ и о тѣхъ мѣрахъ воспитанія и призрѣнія, которыя признавали человѣколюбивыми нѣкоторые изъ подвижниковъ человѣколюбиваго общества въ С.-Петербургѣ.

Вотъ какъ, въ письмѣ къ Руничу, отъ 20 декабря 1823 года, бывшій тогда директоръ института Мартынъ Пилецкій объясняетъ способъ пополненія института и занятія находящихся въ немъ:

„Слѣпые берутся въ институтъ гдѣ только найдутся таковые; а также, съ разрѣшенія комитета гг. министровъ, и изъ богадѣльни. Молодые, обучающіеся чтенію (по осязанію), музыкѣ и пѣнію церковному, именуются воспитанниками; а престарѣлые, занимающіеся рукодѣльемъ, и именно плетеніемъ матовъ и сѣтокъ, называются призрѣнниками. Число первыхъ и послѣднихъ неограничено; но количество всѣхъ ихъ вмѣстѣ можетъ простираться только до 30-ти и 32-хъ человѣкъ".

„Въ февралѣ 1820 года было отъ института въ совѣтъ и. ч. о.*) представленіе, объ истребованіи и доставленіи чрезъ губернаторовъ свѣдѣній: о лишенныхъ зрѣнія, нуждающихся въ пропитаніи, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ выписывать нѣкоторыхъ, способнѣйшихъ къ воспитанію въ институтъ".

Слѣдующее письмо Пилецкаго къ Руничу, отъ 27 апрѣля 1824 года и приложенная при немъ копія съ представленія правленію института, 24 того же апрѣля за № 43, въ совѣтъ императорскаго человѣколюбиваго общества, трактуютъ о наказаніяхъ къ исправленію непокорныхъ слѣпыхъ.

*) Т.-е. императорскаго человѣколюбиваго общества.

„Честь имѣю препроводить къ в—му прев—ву, пишетъ Пиленкій, копію съ представленія въ совѣтъ и. ч. о., въ коемъ показывается необходимая нужда отклонить отъ слѣпыхъ поселившуюся въ нихъ мысль, что никто ихъ тѣлесно наказать не смѣетъ; каковая мысль весьма вредна, особенно для такого слѣпаго, который въ сей увѣренности выходитъ изъ повиновенія. Хотя такіе упрямые слѣпые немногочисленны, но ихъ и вовсе бы не было, еслибы они знали, что они могутъ подвергнуться и тѣлесному наказанію."

„P. S. 4 слѣпыхъ выбываютъ изъ института въ богадѣльню; а 14 представляются изъ воен. вѣд. къ помѣщенію въ оный; но молодыхъ между ними весьма мало".

Копія съ представленія 24 апрѣля 1824 года № 43. Директоръ императорскаго института слѣпыхъ и помощникъ его неоднократно находились въ затрудненіи касательно средствъ къ укрощенію такихъ слѣпыхъ, кои не покоряются начальству и возмущаются противъ своихъ обязанностей и порядка. Наказаніе хлѣбомъ и водою дѣйствуетъ на однихъ только такихъ, на коихъ имѣетъ сколько-нибудь вліяніе увѣщанія. Но между ними бываютъ иногда такіе, которые, по ожесточенію своему, не исправляются симъ средствомъ: напротивъ, будучи увѣрены, что никто ихъ тѣлесно наказывать не смѣетъ и гордясь сею увѣренностію, они весьма дерзко обращаются, предаются своеволію и требуютъ перемѣщенія ихъ въ богадѣльню, куда наконецъ начальство принуждено ихъ отправить; ибо до тѣхъ поръ оказываютъ непокорность, пока не достигнутъ своего намѣренія выдти вовсе изъ института, пользовавшись въ оном благодѣтельнѣйшимъ, можно сказать, отеческимъ призрѣніемъ и образованіемъ. Уже нѣсколько таковыхъ было обращено въ богадѣльню, изъ числа воспитанниковъ и призрѣнниковъ. Но призрѣнниковъ нѣтъ и надобности держать въ институтѣ, особенно если сами они быть въ оном не желаютъ. Что же касается до воспитанниковъ, для которыхъ преимущественно учреждено сіе заведеніе, то таковому ихъ своеволію удовлетворять вредно, не только для нихъ самихъ, но и для института, потому что на воспитаніе ихъ болѣе обращается попеченія и иждивенія; для ихъ нравственнаго и учебнаго образованія, для обученія ихъ закону Божію, читать и печатать, пѣть въ церкви и играть на разныхъ инструментахъ. Воспитанникъ, пріобрѣвшій таковое образованіе, долженъ быть полезнымъ для другихъ, вновь поступающихъ въ институтъ слѣпцовъ, содѣйствуя имъ въ сихъ упражненіяхъ, и не долженъ смѣть дурнымъ своимъ поведеніемъ заставить начальство исключить его изъ института и дать ему убѣжище въ богадѣльнѣ. Отъ сего всегда будетъ также разстроиваться пѣніе въ

церкви институтской и хоръ музыкальный, для составленія которыхъ нанимаются учителя и употребляются значительныя издержки. Между слѣпыми и нынѣ есть въ институтѣ такіе, которые по упрямству уклоняются отъ пѣнія въ церкви, отъ катихизиса и прочихъ упражненій, затрудняютъ тѣмъ другихъ прилежныхъ своихъ товарищей и требуютъ непремѣнно помѣщенія своего въ богадѣльню (надѣясь тамъ быть свободными отъ занятія). Строжайшихъ мѣръ, къ укрощенію таковыхъ, правленіе института не имѣетъ, а употреблять тѣлесное наказаніе, безъ разрѣшенія начальства, затрудняется. Въ семъ затрудненіи правленіе обращается въ совѣтъ императорскаго человѣколюбиваго общества, испрашивая наставленія: какимъ образомъ поступать въ подобныхъ случаяхъ? Когда же слѣпые, въ институтѣ находящіеся, удостовѣрятся въ томъ, что они могутъ и тѣлесно быть наказываемы, тогда можно ожидать отъ нихъ совершенной тишины, благонравія и безпрекословной подчиненности. Впрочемъ, правленіе съ своей стороны желаетъ, чтобы таковое наказаніе, каждый разъ, что будетъ требовать онаго необходимая нужда, не иначе могло быть исполняемо, какъ по предварительному представленію причинъ, къ тому побуждающихъ, отъ директора института члену совѣта и. ч. о., въ ближайшее вѣдѣніе котораго ввѣренъ совѣтомъ институтъ слѣпыхъ, и по полученіи отъ него на то разрѣшенія. На таковое представленіе о семъ въ совѣтъ и. ч. о., г. главноуправляющій институтомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Павловичъ Руничъ изволилъ изъявить директору свое согласіе.

Цѣна на людей въ 1853 году.

Въ „Донскихъ Войсковыхъ вѣдомостяхъ“ 1853 г., 7 октября № 39, на стр. 296 напечатаны въ пунктѣ 2, подъ рубрикою „о продажѣ имѣній“, слѣдующія объявленія:

„Отъ Черкасскаго Окружнаго Суднаго Начальства объявляется, что въ присутствіи онаго будетъ продаватся съ публичнаго торга, 12 октября сего 1853 года, съ узаконенною чрезъ три дня переторжкою, крестьянская дѣвка изъ дворянъ казачей жены Пелагіи Пименовой, Прасковья Игнатова, примѣтъ слѣдующихъ: росту 2 ар. 2 вер., лице чистое, глаза сѣрые, носъ продолговатый, 49 лѣтъ,—оцѣненная въ 41 руб. сереб., за неплатежъ казачей женѣ Маріѣ Леоновой денегъ. Желающіе купить приглашаются въ Начальство, гдѣ по явкѣ могутъ разсматривать бумаги, до продажи относящіяся.—3.

„Отъ Перваго Донскаго Окружнаго Суднаго Начальства объявляется, что въ присутствіи онаго будетъ продаваться съ публичнаго торга 27 октября 1853 года, съ узаконенною переторжкою, пара во-

ловъ и конь, принадлежащіе Багаевской станицы уряднику Василью Елкину, оцѣненныхъ въ 60 руб. сереб., за неплатежъ имъ есаульской женѣ Аннѣ Елкиной 60 руб. сереб. Желающіе купить должны явиться въ Начальство, къ назначенному сроку.—1".

Сообщ. А. З.

Примѣчаніе. Второе изъ этихъ объявленій приведено нами для сравненія цѣны на животныхъ съ цѣнностью женщины. Ред..

Поправки и дополненія. Въ т. IV «Русской Старины», стр. 389, строка 19 сверху, напеч.: Тамбовской губ., чит.: Саратовской губ.; 393, строка 18, напеч.: графа Ивана Карловича, чит.: графа Ивана Карповича; стр. 401, строка 4 снизу, напеч.: кн. Тюфяковъ, чит.: кн. Тюфякинъ; стр. 407, строка 12 снизу, напеч.: письменъ, чит.: племенъ...

На стр. 420 (т. IV) напечатаны эпиграммы Д. В. Давыдова. Вторая изъ нихъ по другому, нѣсколько однако отличному отъ нашего, списку помѣщена въ собраніи сочиненій поэта-партизана. См. его сочиненія, изд. Смирдина, 1850 г., стр. 71, подъ заглавіемъ: «Логика пьянаго». Первый стихъ у Давыдова читается такъ:

«Подъ вечеркомъ Хруновъ изъ кабачка Совы»...

«Пьеса эта—пишетъ къ намъ М. Н. Лонгиновъ—взята изъ сказки: «L'ivrogne logicien», соч. Pons de Verdun (род. 1749, ум. 1844). Вотъ она:

Sur le midi sortant de la taverne,
Certain ivrogne allait je ne sais où;
Mon homme tombe, et soudain on le berne;
Bien qu'il jouât à se casser le cou.
Quelqu'un pourtant lui dit: l'ami Grégoire,
Puisque le vin vous fait ainsi broncher
A chaque pas,—vous avez tort de boire.
— Non, mon ami, mais j'ai tort de marcher.

На стр. 419 и 420, (т. IV) напечатано Fames Dixon, читай: James Dixon...

На стр. 419, стр. 11 сверху, (т. IV), напечатано: «къ замѣткѣ о родѣ перваго русскаго эмигранта»... читай: «къ замѣткѣ о родѣ одного изъ первыхъ русскихъ эмигрантовъ»...

Подписка на сооруженіе памятника А. С. Пушкину. Получено изъ г. Слонима отъ А. В. Дурново — три рубля. Съ прежде поступившими всего — 99 руб.

столбцъ 277-мъ, годъ смерти сына автора «Записокъ» указанъ 1633-й; слѣдуетъ поправить на 1621-й. 2) Трудно согласиться съ почтеннымъ издателемъ, будто Жолкевскій старался о соединеніи Польши съ Россіею, при чемъ издатель ссылается на 108-ую страницу. Но изъ этой страницы, какъ и изъ предыдущихъ, явствуетъ что Жолкевскій не прочь былъ отъ присоединенія Россіи къ Польшѣ и заботился исключительно объ интересахъ польскихъ, не смотря на указываемое издателемъ русское происхожденіе Жолкевскаго, которое въ немъ, Жолкевскомъ, было заглушено польскимъ воспитаніемъ; по всей вѣроятности, Жолкевскій о своемъ русскомъ происхожденіи и не зналъ. А что имъ построена церковь, рядомъ съ кастеломъ, то это, конечно, въ интересахъ православнаго населенія Жолквы, и еще потому, что Жолкевскій былъ не фанатикъ. Вѣдь были же въ началѣ XVI вѣка случаи (положимъ, рѣдкіе), когда чистокровные Поляки строили церкви для своихъ православныхъ крестьянъ.

Вообще же о самомъ изданіи мы должны сказать, что это трудъ чрезвычайно полезный, исполненный съ любовью, весьма тщательный и вполнѣ необходимый не только для лицъ, спеціально занимающихся исторіею, но и для каждаго любителя родной старины.

Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ шестой. Спб. Тип. Ак. Н. 1871, б. 8°, 6 неи. и 518 стр. Цѣна 3 р. Томъ осьмой. Спб. Тип. Вт. Отд. 1871, б. 8°, 4 неи. XXVIII и 612 стр. Цѣна 3 р.

Русское Историческое Общество, еще такъ недавно возникшее, довольно быстро двигается впередъ по пути обнародованія памятниковъ новѣйшей отечественной исторіи: въ послѣднее время почти сразу вышли два тома: шестой и осьмой. Такая энергическая дѣятельность, зависящая, главнымъ образомъ, отъ того, что Общество состоитъ не изъ однихъ только членовъ платящихъ, но и работающихъ, оказываетъ благодѣтельное вліяніе на тѣ обстоятельства, среди которыхъ поставлены частные періодическіе органы, посвященные новѣйшей русской исторіи: Русское историческое общество шире и шире раздвигаетъ поле для изслѣдованій въ области запретной близкой къ намъ старины. Необходимо замѣтить слѣдующее: 1) при отсутствіи на страницахъ «Сборника» изслѣдованій, желательно, чтобы редакція этого почтеннаго изданія помѣщала, въ видѣ предисловія, обстоятельную и подробную статью, на основаніи помѣщенныхъ въ томѣ матеріаловъ, изъ которой статьи читатель видѣлъ бы, почему тотъ или другой документъ выбранъ и помѣщенъ, т. е. опредѣленіе достоинства и важности помѣщеннаго документа для русской исторической науки. 2) Желательно почаще видѣть внизу страницы, подъ текстомъ, необходимѣйшія и насущнѣйшія примѣчанія и объясненія. 3) Указатель, для удобства занятій, долженъ быть непремѣнно описательный; отъ этого выходъ тома хотя и затянется на мѣсяцъ или два, но въ претензіи никто не будетъ.

Въ VI томѣ помѣщена переписка имп. Александра I съ Чичаговымъ; бумаги Панина о Пугачевскомъ бунтѣ; государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II; бумаги Репнина (о турецкихъ дѣлахъ); записка Чарторыйскаго; донесенія секретаря посольства Пецольда. Осьмой томъ заключаетъ окончаніе матеріаловъ для исторіи Екатерининской Коммиссіи, начало которыхъ было помѣщено въ IV томѣ.

Юбилей Михаила Александровича Максимовича (1821 — 1871) Кіевъ, Унив. тип. 1871, 12°, 2 неи. и 74 стр.

Три дня въ прошломъ сентябрѣ (6, 12, 18) въ Кіевѣ были отданы празднику въ честь Михаила Александровича Максимовича: чествовалась его пятидесятилѣтняя ученая и литературная дѣятельность, посвященная естествоиспытанію, филологіи, исторіи, собиранію и изданію малороссійскихъ народныхъ думъ. Не смотря на такое разнообразіе, М. А. Максимовичъ, благодаря единству основнаго стремленія и талантливости, явился одинаково полезнымъ и достойнымъ ученымъ во всѣхъ частяхъ своей дѣятельности: имя его и ссылки на его труды постоянно слышитъ учащееся поколѣніе. Одинъ изъ застольныхъ ораторовъ весьма удачно назвалъ М-а А-ча начинателемъ: чуткій къ настоятельнымъ потребностямъ времени и науки и притомъ отзывчивый, М. А-чъ немедленно давалъ самымъ дѣломъ первоначальный отвѣтъ на эти потребности: не этою ли, весьма рѣдкою, способностью слѣдуетъ объяснить то примѣчательное обстоятельство, что многимъ весьма важнымъ и почтеннымъ трудамъ М. А. Максимовича суждено было, къ прискорбію почитателей автора, останавливаться на первомъ выпускѣ?

Въ концѣ брошюрки помѣщено нѣсколько писемъ къ М. А. Максимовичу отъ тѣхъ лицъ, которымъ почему-либо не привелось принять участіе въ юбилеѣ; между ними, особенно интересно письмо М. П. Погодина. Можно пожалѣть, что этой брошюрки нѣтъ въ продажѣ, и можно пожелать, чтобы то лицо, которое впервые указало на приближающійся юбилей, взяло на себя переизданіе этой брошюрки, съ обстоятельнымъ и подробнымъ изложеніемъ дѣятельности почтеннаго М. А. Максимовича.

О ПОДПИСКѢ
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г., третій годъ изданія.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктпетербургѣ** и **Москвѣ**, — **восемь рублей** за весь годъ, т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ** «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30)**; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.**

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому**: въ **С.-Петербургѣ, въ редакцію «Русской Старины»**.

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ **Болотова, Тарасова, Лагарпа, М. А. Бестужева**, и архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова**, кн. **Щербатова**, кн. **Куракиныхъ**, гр. **Стакельбергов**ъ, свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина**, — записки: гр. **Г. П. Чернышова**, адмир. **Колзакова**, зап. **И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго** (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго**, кн. **Барклай-де-Толли**, кн. **А. А. Шаховскаго**, партиз. **Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); генерала **Фелькнера**, ак. живп. **А. В. Ступина** (1776 — 1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича**; автобіографія академика **Витберга**; секретно вскрытыя письма изъ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); **Н. В. Берга**: воспомин. о Гоголѣ; записки **Н. В. Веригина** и др. Письма **Волынскаго** и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ—**А. Г. Пупарева**; письма гр. **Бестужева-Рюмина**, гр. **Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II**; письма императоровъ: **Павла I, Александра I**, цесар. **Константина**; императр. **Елизаветы Алексѣевны; Куланбина**; гр. **Аракчеева**, кн. **Васильчикова**, гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова**, мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**, письма графа **Толя** (1831 г.); 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховитъ**; неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Рылѣева, Пушкина**, неизданные отрывки изъ Мертвыхъ Душъ **Н. В. Гоголя**; статьи **В. Н. Каразина**; сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. К. Щебальскаго**; статьи: профес. **И. Д. Бѣляева, И. Е. Забѣлина, Н. С. Тихонравова, Г. Н. Геннади**, кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова**, проф. **Брикнера, Н. П. Дурова, А. Н. Неустроева**. Сообщ. **П. А. Муханова**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, Н. И. Панова, Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ѳ. Крузе**, гр. **Э. К. Чапскаго**, кн. **Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича**, бар. **Ѳ. А. Бюллера, Ѳ. М. Бороздина, Н. Д.** и **Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ** и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя **Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, **генералиссимуса** кн. **Александра Васильевича Суворова.**

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ второй. **ДЕКАБРЬ.** **1871 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Д. К. Тарасова. Главы VII — XI. 1821 — 1824. Сообщ. **А. Д. Тарасовъ**. 597

II. Переписка И. В. Васильчикова съ кн. П. М. Волконскимъ подъ видомъ возмущенія Семеновскаго полка 1820 — 1821 гг. Сообщ. кн. **П. Д. Волконскій**. 646

III. Скобелевъ и Пушкинъ, эпизодъ 1822 — 1824 гг. Сообщ. **А. Н. Петровъ** 667

IV. Николай Алексѣевичъ Полевой. Воспоминанія барона **Ѳ. А. Вюлера** 674

V. Русскіе писатели XVIII в: кн. Д. П. Горчаковъ. Сообщ. **М. Н. Лонгиновъ** 681

VI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Указъ Петра Великаго о безчестныхъ словахъ 1700 г. Сообщ. **И. П. Корниловъ**. (683). 2. Историческ. разсказы и анекдоты, собранные **П. Ѳ. Карабановымъ** (685). 3. Объ уничтоженіи подворья тараканова 1730 г. (684). 4. Письмо Ф. Ф. Вигеля о И. П. Введенскомъ. 1849 г. Сообщ. **И. П. Липранди**. (696). 4. Стихотвореніе Лермонтова: «Споръ» въ переводѣ А. Дюма. Сообщ. князь **А. А. Суворовъ-Рымникскій** (697).

VII. О подпискѣ на сооруженіе памятника А. С. Пушкину. (699).

VIII. Библіограф. листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).

Объявленія. При этой книгѣ разсылаются иногород. подписч. объявл. отъ книжн. магаз. М. О. Вольфа.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738-1794 гг. **томъ второй**, ч. XIV, письма 145—150: Бытъ русскаго дворянства въ XVIII-мъ столѣтіи. 1771 г.

При этой книгѣ приложены: 1) систематическое оглавленіе IV-го тома «РУССКОЙ СТАРИНЫ»; 2) подробное оглавленіе II-го тома «Записокъ Болотова»; 3) алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1871 г.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Принимается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. **1872 г.** Цѣна безъ доставки **7** руб.; съ доставкой въ Петербургѣ и Москвѣ и съ пересылкой въ прочіе города—**восемь** руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1871.

XII-я книга «Русской Старины» вышла 1-го декабря.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Томъ I. Спб. Тип. А. Траншеля. 1872, 8°, 4 неи., III, IV, 246 и 480 стр. Цѣна за всѣ три тома 5 р., а по выходѣ 2-го, 6 р.

Серьезное и добросовѣстное отношеніе профессора къ наукѣ несомнѣнно расширяетъ рамки преподаванія предметовъ въ университетѣ: нельзя, впродолженіе двухъ, трехъ даже и всѣхъ четырехъ курсовъ, прочесть предметъ по извѣстной каѳедрѣ во всемъ его объемѣ. Обыкновенно берется извѣстная эпоха, періодъ или, вообще, часть и разработывается подробно и всесторонне. Слѣдов., студенту, оканчивающему университетскій курсъ, изъ лекцій будетъ извѣстна, хотя и подробно, только часть предмета, пополнить который можно компендіемъ, т. е. такою книгой, въ которой были бы изложены въ надлежащей полнотѣ результаты извѣстной науки, съ подробнымъ указаніемъ и оцѣнкою источниковъ и пособій. Подобные компендіи, помимо ихъ громадной полезности для слушателей и читателей, будутъ замѣчательнымъ вкладомъ и въ науку и кромѣ того, дадутъ возможность профессорамъ входить въ частности и подробности предмета.

На такое соображеніе насъ навела только что вышедшая, въ высшей степени важная книга петербургскаго профессора русской исторіи К. Н. Бестужева-Рюмина. «Цѣль этой книги, говоритъ авторъ, — представить результаты, добытые русскою историческою наукою въ полтораста лѣтъ ея развитія, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ кругъ источниковъ, доступныхъ въ настоящее время ученой дѣятельности». Первый томъ «Русской Исторіи», доведенной до начала XV-го столѣтія (за исключеніемъ Литвы въ XIV-мъ вѣкѣ и въ началѣ XV-го; съ этого начнется второй томъ), состоитъ изъ семи главъ, которымъ предшествуетъ весьма замѣчательное и пространное (около 250 страницъ) введеніе, излагающее понятіе объ исторіи, исторической критикѣ, источникахъ и научной обработкѣ исторіи. Библіографическія и критическія примѣчанія разсыпаны рукою щедрою и добросовѣстною. Изложеніе не догматическое, а критическое: отсюда видно, и самъ почтенный авторъ свидѣтельствуетъ, что онъ старался дать читателю поболѣе матеріаловъ и указаній для образованія собственнаго сужденія и приговора.

Конечно, русскіе историки и русскіе образованные люди, неравнодушные къ успѣхамъ въ области отечественной исторіи, не пройдутъ мимо этой книги. Быть можетъ, и Академія Наукъ, (когда-то Россійская), обыкновенно сажающая въ свои кресла валыхъ и недароватыхъ иноземцевъ и посадившая недавно, по какой-то непонятной для насъ милости, дворянина россійскаго человѣка,—обратитъ свое вниманіе на книгу К. Н. Бестужева-Рюмина, на это замѣчательное явленіе въ русской исторической литературѣ и наукѣ.

Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ (862—1852). Сочиненіе П. Полевого. Спб. 1872. Тип. А. Н. Траншеля, бол. 8°, XV и 675 стр. Цѣна 4 р.

Книга эта, по своей цѣли, не имѣетъ ничего общаго съ учебникомъ или учебнымъ пособіемъ: она предназначается «не для изученія, а для чтенія, для того, чтобы сдѣлать исторію отечественной литературы доступною всей массѣ образованнаго большинства». Въ книгѣ Петра Никол. Полевого, среди текста, помѣщено 68 гравюръ, прекрасно исполненныхъ Л. А. Серяковымъ, «для наглядности ознакомленія читателя съ тѣми лицами, произведеніями и эпохами, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ»; между гравюрами встрѣчаются и снимки съ древнихъ рукописей, и портреты авторовъ, и виды мѣстностей, замѣчательныхъ въ историко-литературномъ отношеніи, и проч. По мысли и выполненію, у г. Полевого въ Россіи нѣтъ предшественниковъ; только иноземная литература, на что указываетъ и г. Полевой, представляетъ два такихъ образца: Чэмберса—Энциклопедія Англійской литературы и Курца — Исторія Нѣмецкой литературы. При этомъ книга Чэмберса, по своей внѣшности—уступаетъ роскошному изданію г. Полевого.

Книга г. Полевого состоитъ изъ 42 главъ, раздѣленныхъ на 8 періодовъ: I—отъ начала письменности до татарщины; II—до временъ Грознаго; III—до половины XVII-го вѣка; IV—до эпохи преобразованій; V — эпоха преобразованій; VI—вѣкъ Екатерины; VII—отъ Карамзина до Пушкина; VIII—отъ Пушкина до смерти Гоголя 1852 г. Къ концу книги приложенъ указатель именъ и заглавій, и кромѣ того—хронологическій; послѣдній, впрочемъ, мало удовлетворителенъ. Въ книгѣ г. Полевого помѣщены портреты слѣдующихъ лицъ: Іоанна Грознаго, Петра Могилы, Никона, Симеона Полоцкаго, Димитрія Ростовскаго, Петра I, Ѳеофана Прокоповича, Кантемира, Татищева, Тредіаковскаго, Ломоносова, И. И. Шувалова, Сумарокова, Екатерины II, Дашковой, Фонъ-Визина, Державина, Хераскова, Богдановича, Хемницера, Новикова, Карамзина, Дмитріева, Озерова, Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Н. Полевого, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго, Кольцова и Мусина-Пушкина, открывшаго рукопись Слова о Полку Игоревѣ.

См. продолж. на слѣд. страницѣ обертки.

ВОСПОМИНАНІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ,

записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова.

1792 — 1866.

VII *).

Для смотру гвардейскаго корпуса, расположеннаго осенью 1821 г. въ витебской губерніи, государь предпринялъ путешествіе въ м. Бешенковичи, принадлежащее графу Хребтовичу. Здѣсь назначено было собраніе всему гвардейскому корпусу. Государь 12 сентября 1821 года выѣхалъ изъ Царскаго **), и 16-го сентября прибылъ на ночлегъ въ Бешенковичи. Погода несовсѣмъ благопріятствовала путешествію, — а притомъ государь былъ недоволенъ въ дорогѣ новою коляскою, сдѣланною впрочемъ со всѣми удобностями для путешествій. Она была тряска и не такъ покойна, какъ прежняя его коляска. Къ несчастію, въ одну темную ночь, несмотря на освѣщеніе факелами, кучеръ Илья Ивановъ Байковъ, не могши разсмотрѣть дороги, наѣхалъ колесомъ въ рытвину и сдѣлалъ такой толчокъ, что государь, дремавшій въ то время въ закрытой коляскѣ, подскочилъ такъ сильно вверхъ, что получилъ довольно сильный ушибъ въ голову съ небольшою царапиною въ кожѣ, несмотря на то, что на немъ была фуражка.

---

*) См. «Русскую Старину», т. IV, стр. 223—261.

**) Императоръ, и зимою, жилъ въ Царскомъ-Селѣ на половину, такъ что одну недѣлю въ Петербургѣ, а другую проводилъ въ Царскомъ, куда и министры призывались съ докладами; а потому и зимою въ Царскомъ-Селѣ при государѣ всегда находился я. Уединенная жизнь въ Царскомъ доставляла мнѣ возможность заниматься чтеніемъ, для чего императоръ разрѣшилъ мнѣ брать книги изъ библіотеки Лицея, купленной имъ у Петра Ивановича Лагарпа.

Д. Т.

Государь дѣлалъ смотръ всему корпусу и большіе маневры, и повидимому остался всѣмъ доволенъ. Въ заключеніе гвардейскій корпусъ давалъ богатѣйшій обѣдъ его величеству въ полѣ послѣ маневровъ. Для этого устроена была великолѣпнѣйшая галерея на берегу Двины и украшена изящнѣйшимъ образомъ всѣхъ родовъ оружіями. Столы накрыты были на 1,200 кувертовъ, и притомъ такъ, что всѣ гости обращены были лицомъ къ государю, сидѣвшему въ центрѣ за особымъ столомъ, со всѣми своими тремя августѣйшими братьями, командующимъ корпусомъ и генералъ-адъютантами. Надъ главою государя возвышалось лучистое сіяніе, съ неподражаемымъ искуствомъ устроенное изъ штыковъ, сабель и другихъ оружій. При произнесеніи тоста за здоровье государя императора, по данному сигналу, сдѣланъ весьма удачно залпъ изъ всѣхъ бывшихъ на маневрахъ орудій и ружей. Залпъ этотъ неописанно былъ торжественъ и до такой степени громокъ, что, казалось, застонала земля и потрясласъ. Залпъ этотъ повторился при произнесеніи государемъ тоста за здоровье гвардейскаго корпуса, — но уже не такъ удачно какъ первый.

По всему казалось, что государь остался гвардейскимъ корпусомъ доволенъ, и всѣ надѣялись, что разрѣшено будетъ возвращеніе гвардіи въ столицу; — несмотря однакоже на все это, весь корпусъ оставленъ былъ зимовать въ Витебской и Виленской губерніи.

25-го сентября государь возвратился въ Царское-Село.

Съ открытіемъ весны (1822 г.) назначено было высочайшее путешествіе въ Вильно, для смотра гвардейскаго корпуса. Мая 15-го дня, въ 7 часовъ утра, государь выѣхалъ изъ Царскаго, а 20-го мая прибылъ на ночлегъ въ Вильну, гдѣ весь корпусъ былъ давно собранъ, подъ командою уже генералъ-адъютанта Уварова, поступившаго на мѣсто генералъ-адъютанта Васильчикова. Бригадными командирами были тогда великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ.

На смотръ гвардейскаго корпуса прибылъ изъ Варшавы и цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Парадъ былъ блистательный, а равно и маневры происходили очень удачно. Государь остался очень доволенъ войсками.

Изъ Бѣлостока, распростясь съ цесаревичемъ, государь

возвратился въ Вильну, гдѣ ночевавъ 28-го мая, отправился въ обратный путь чрезъ Динабургъ и Псковъ въ Царское-Село, куда и прибылъ на ночлегъ 3-го іюня.

Въ Динабургѣ баронетъ Виллiе получилъ повелѣніе осмотрѣть тамошній военный госпиталь, который при подробномъ осмотрѣ найденъ былъ имъ въ неисправномъ положеніи, особенно по части медицинской. Главный докторъ, французъ (не припомню его имени), не зналъ своего дѣла. Изъ ординаторовъ въ палатахъ штабъ-лекаря Гайтанникова найдены неправильныя ординаціи, доказывающія незнаніе ни химическихъ, ни фармацевтическихъ правилъ. По докладу о семъ его величеству, г. Гайтанниковъ былъ разжалованъ въ лекаря и отправленъ въ Петербургъ въ военный госпиталь, для слушанія лекцій въ академическихъ клиникахъ *).

Нельзя не упомянуть, при путешествіяхъ по бѣлорусскому тракту, о селѣ Романшинѣ, которое, въ 10-ти верстахъ отъ гор. Луги, въ сторонѣ отъ большой дороги, расположено на довольно пріятномъ мѣстѣ, и принадлежало тогда маркизу де-Траверсе, бывшему морскому министру. Маркизъ постоянно тамъ жилъ съ своею дочерью — фрейлиною. Онъ всегда встрѣчалъ императора въ полномъ мундирѣ и андреевской лентѣ, — и государь, во всѣхъ путешествіяхъ, почти ни разу не миновалъ Романшины, отправляясь и возвращаясь изъ путешествій по бѣлорусскому тракту. Государю село Романшино нравилось, какъ по мѣстоположенію своему, на коемъ съ особеннымъ искусствомъ раскинутъ садъ и паркъ, при скромномъ деревянномъ домѣ, въ коемъ, несмотря на наружную его скромность, сосредоточены всевозможныя удобства жизни, по особливому радушію и добротѣ маститаго маркиза. При домѣ, въ особенномъ флигелѣ, устроены были квартиры, со всѣми удобствами, для всѣхъ особъ, составляющихъ свиту его величества. Однажды, когда я, по обязанности, имѣлъ счастіе въ Романшинѣ быть у государя въ кабинетѣ, его величество спросилъ меня, доволенъ ли я ночлегомъ и на утвердительный отвѣтъ мой, отозвался съ видомъ удовлетворенія: «Домъ хозяина я ни съ чѣмъ не могу сравнить, какъ съ отличнымъ искусствомъ и расчетливостію

*) Г. Гайтанниковъ, въ званіи лекаря, слишкомъ годъ слушалъ лекціи въ академическихъ клиникахъ; послѣ ему возвращено штабъ-лекарское званіе, съ назначеніемъ старшимъ врачемъ артиллерійской бригады въ арміи. Д. Ф.

устроеннымъ линейнымъ кораблемъ. Здѣсь ничего не забыто для удобства, или — какъ говорятъ англичане — для комфорта».

VIII.

Въ концѣ іюля объявлено высочайшее повелѣніе о приготовленіяхъ къ путешествію. Подобныя повелѣнія всегда объявлялись секретно, и до самого выѣзда изъ Царскаго Села почти никогда необъявлялось, куда государь намѣренъ ѣхать.

Въ первыхъ числахъ августа, съ довольно большою свитою, государь отправился въ Варшаву прямо по бѣлорусскому тракту.

Въ Варшавѣ государь пробылъ 8 дней. Большая часть этого времени употреблена была на смотръ войскъ русскихъ и польскихъ, на маневры и разныя частныя ученья различныхъ частей войскъ.

Изъ Варшавы путешествіе продолжалось чрезъ Трошау, Брюнъ, Ольмюцъ до Вѣны. Здѣсь воспріялъ свое начало конгрессъ Веронскій; въ продолженіе 3-хъ недѣль происходили дипломатическія конференціи.

Я воспользовался случаемъ осмотрѣть загородные императорскіе дворцы въ Лаксенбургѣ и Шенбрюнѣ, съ ихъ обширными парками и звѣринцами. Въ Шенбрюнѣ въ то время жилъ сынъ Наполеона*), съ матерью — герцогинею Пармскою, котораго я видѣлъ прогуливающимся въ паркѣ съ своимъ гувернеромъ. Онъ былъ лѣтъ 12-ти мальчикъ, благовидной наружности; въ чертахъ его отражалась нѣчто напоминающее о его знаменитомъ отцѣ. Онъ былъ свѣжъ и довольно живъ, и притомъ прочнаго тѣлосложенія, которое отклоняло всякую мысль о столь преждевременной его кончинѣ.....

Во время пребыванія государя, въ Зальцбургѣ показывалась за деньги великанша-дѣвица изъ Богеміи, 22-хъ лѣтъ, огромнѣйшаго росту и размѣровъ и необыкновенной силы. Она была весьма хорошо и пропорціонально сложена и имѣла довольно пріятныя черты лица. Государю угодно было видѣть ее. Во дворецъ ее привезли въ каретѣ съ ея роднымъ братомъ, которой

*) Герцогъ Рейхштадтскій (Duc de Reichstadt) коварною политикою Австріи, сколько было извѣстно, принесенъ въ жертву дипломатическимъ расчетамъ. Онъ умеръ лѣтъ 18-ти отъ физическаго истощенія, пріобрѣтеннаго распутною жизнію, при любовной связи съ знаменитою танцоркою Фанни-Эйслеръ бывшею впослѣдствіи на нашей сценѣ. Д. Т.

былъ лѣтъ около 30-ти, а росту ниже былъ средняго,—тогда какъ младшая сестра его была 2 арш. 15 вершковъ.

Императоръ принялъ ее милостиво, и предложилъ ей, если она пожелаетъ пріѣхать въ Россію, то онъ ей найдетъ хорошаго жениха изъ своей гвардіи. Послѣ того государь приказалъ кн. Волконскому подарить ей 50 червонцевъ. Получивъ ихъ, великанша, въ присутствіи его величества, сказала, что она очень довольна и этимъ,—но отъ такого императора, каковъ Александръ, она желала бы имѣть такой подарокъ, который она намѣрена сохранить во всю свою жизнь. Государь приказалъ князю тотчасъ подать какую-нибудь изъ бриллiантовыхъ вещей. На этотъ разъ изъ вещей не было ни одной дешевле 3,000 р. асс.; такимъ образомъ, сверхъ 50-ти червонцевъ, эта великанша получила отъ императора фермуаръ слишкомъ въ 3,000 р. асс. Князь Волконскій очень былъ недоволенъ этою вынужденною щедростію для простой богемки.

Послѣ свиданія съ баварскимъ королемъ въ Тегернзее, государь 28-го сентября прибылъ на ночлегъ въ гор. Раттенбергъ, въ Тиролѣ. Жители этого города встрѣтили императора съ восторгомъ и разными ихъ восклицаніями. Когда государь вошелъ въ назначенный ему домъ, всѣ граждане, составивъ военный отрядъ, съ знаменами и ружьями проходили парадно мимо этого дома. Государь вышелъ на балконъ и благодарилъ жителей. Послѣ того, члены магистрата испросили позволеніе представиться императору съ начальникомъ города и цеховымъ. Наконецъ представлялись значительныя дамы и дѣвицы лучшихъ фамилій въ національныхъ костюмахъ. Нѣсколько дѣвицъ, при представленіи государю, составили хоръ и пропѣли нѣсколько тирольскихъ своихъ пѣсенъ.

Во время пребыванія государя въ Инсбрукѣ была открыта гимназія для стрѣльбы въ цѣль. Для состязанія туда собрались всѣ наилучшіе стрѣлки изъ всего Тироля. На сей конецъ отъ правительства назначены были различные и значительные призы, которые выдавались въ награду тѣмъ изъ стрѣлковъ, которые могли выполнить всѣ условія, въ программѣ изложенныя. Государь самъ стрѣлялъ въ цѣль и получилъ призъ.

Я имѣлъ случай познакомиться съ главнымъ докторомъ города, который показалъ мнѣ городской госпиталь и особенное от-

дѣленіе, гдѣ содержатся кретины или идіоты (cretins). Меня крайне удивило то, что рѣдкая изъ женщинъ Инсбрука не имѣла, въ большей или меньшей степени, зобъ, который у нѣкоторыхъ былъ необыкновенной величины. На вопросъ мой о причинѣ этого патологическаго явленія, которое очевидно было эндемическое, докторъ не далъ мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Во время пребыванія государя окрестныя горы Инсбрука ночью были иллюминованы смоляными бочками.

Изъ Инсбрука государь выѣхалъ по тракту на Бриксенъ. 2-го октября государь прибылъ на ночлегъ въ гор. Ботценъ. Нигдѣ по Тиролю, развѣ кромѣ Раттенберга, народонаселеніе не встрѣчало императора съ такимъ восторгомъ, какъ въ Ботценѣ. Крики и восклицанія не имѣли конца;—государь неоднократно долженъ былъ выходить на балконъ, чтобы благодарить и умѣрить восторгъ жителей, кои наполняли всю площадь.

4-го октября государь прибылъ въ Верону, гдѣ для его величества было приготовлено помѣщеніе на главномъ проспектѣ въ великолѣпномъ замкѣ маркиза ди-Каносса, расположенномъ на самомъ берегу рѣки Адижа. Въ самомъ замкѣ, вмѣстѣ съ государемъ, помѣщались: князь Волконскій съ семействомъ, князь Меншиковъ съ канцеляріею начальника главнаго штаба его величества и съ чиновниками, ее составляющими, и походная церковь.

Къ прибытію нашего императора, на этотъ знаменитый конгрессъ съѣхались министры всѣхъ державъ съ своими дипломатическими чиновниками; императоръ австрійскій и король прусскій также находились уже въ Веронѣ. На другой же день былъ смотръ австрійскимъ войскамъ и парадный разводъ, на коихъ присутствовалъ нашъ императоръ съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ.

Изъ достопримѣчательностей Вероны вниманіе государя обратили на себя арена или амфитеатръ, остатокъ римскаго зодчества. Императору было любопытно знать, сколько можетъ помѣститься народу въ этой аренѣ. На этотъ конецъ, по повелѣнію императора австрійскаго, назначена была каруселъ и безденежная лоттерея, коей билеты раздавались даромъ, для привлеченія зрителей. Всего собралось 64,000 человѣкъ, которые размѣщены были по уступамъ довольно просторно, такъ что могло бы помѣститься еще до 6,000 человѣкъ. Слѣдовательно

внутренность арены можетъ вмѣщать до 70,000 чел., кромѣ дѣйствующихъ на сценѣ.

Во все время конгресса, въ Веронѣ, по распоряженію австрійскаго императора, была итальянская опера, труппа коей была составлена изъ лучшихъ пѣвцовъ Италіи. Изъ нихъ замѣчательнѣйшіе были: Велюти, знаменитѣйшій того времени пѣвецъ во всей Италіи—голосъ его высокое сопрано,—онъ изъ капеллы папы....; по немъ Гравелли, Галли—баритоны; пѣвицы: Този, Моренъ. Во время конгресса была въ Веронѣ извѣстная Россіи г-жа Каталани; но она ни разу не пѣла публично, а очень часто пѣвала въ квартирѣ князя П. М. Волконскаго, гдѣ не рѣдко слушалъ ее и государь императоръ. Въ то-же время въ Веронѣ былъ и знаменитый композиторъ Россини, который неоднократно, въ присутствіи монарховъ, самъ управлялъ оркестромъ. Всѣ чиновники, принадлежащіе къ свитѣ россійскаго императора, имѣли ложи и кресла на оперу даромъ.

Въ Веронѣ въ это время была замѣчательная конская скачка, какой мнѣ болѣе нигдѣ не случалось видѣть. Ипподромъ былъ устроенъ въ видѣ галереи, по которой было пущено до 12-ти лошадей ломбардской породы безъ всадниковъ, изукрашенныхъ разными фантастическими знаками, прикрѣпленными къ сбруѣ конской рыцарскихъ временъ, но такъ что на этой сбруѣ, особенно около круппа и заднихъ ногъ лошадей, были придѣланы въ большомъ количествѣ желѣзныя колючки, которыя тѣмъ болѣе кололи лошадь, чѣмъ она болѣе силилась бѣжать быстрѣе. Эта скачка была очень забавна и смѣшна для зрителей,—но вовсе не занимательна. Скакавшія лошади были мелкой породы и самаго простого складу. На этой скачкѣ присутствовали всѣ вѣнчанныя особы.

Въ Веронѣ насъ застигла, въ концѣ ноября, такая зима, что морозъ доходилъ до 10° по Р. Насъ, русскихъ, упрекали за то, что будто мы завезли съ собою въ Италію свою зиму. Не менѣе того однако-жъ итальянская зима вынудила насъ принять противъ нея русскія мѣры. Мы надѣли свои шубы и принялись топить въ комнатахъ камины, что впрочемъ мало защищало отъ холода, особенно потому, что въ Веронѣ топливо продается на вѣсъ.

Въ Веронѣ, между благотворительными заведеніями, есть го-

родской госпиталь, гдѣ призрѣваются больные жители города и окрестныхъ селеній.

Между разными болѣзнями, самая значительная намъ представилась Pellagra, которую мы видѣли здѣсь во всѣхъ степеняхъ и видахъ, какъ удостовѣрилъ сопровождавшій насъ по госпиталю медикъ. Это есть эндемическая болѣзнь, постоянно почти существующая на берегахъ рѣки По. Она состоитъ изъ слѣдующихъ объективныхъ признаковъ: видъ больного блѣдный, очень близкій къ цынготному; общее разслабленіе и неохота къ движенію, равнодушіе ко всему окружающему; начальный видъ болѣзни обнаруживается сыпью по всему тѣлу, а особенно на конечностяхъ и груди, имѣющею видъ петехій. Въ дальнѣйшемъ развитіи болѣзни, на мѣстахъ, покрытыхъ сыпью, начинается слущиваніе (derquammatici), которое на конечностяхъ почти неоканчивается до крайняго истощенія организма. Болѣзнь эта трудно излечивается. Болѣе надежнымъ средствомъ признается перемѣна мѣста жительства. Такихъ больныхъ въ госпиталѣ было до 20-ти.

Мы осматривали этотъ госпиталь съ баронетомъ Вилліе, который о положеніи онаго довелъ до свѣдѣнія государя императора и представилъ его величеству разность, какая существуетъ между подобными заведеніями въ Россіи и Австріи. По этому случаю баронетъ Вилліе поручилъ мнѣ составить подробное описаніе положенія веронскаго госпиталя, которое онъ послалъ къ лейбъ-медику Рюлю и просилъ его довести о томъ до свѣдѣнія императрицы Маріи Ѳедоровны. Описаніе это мною составлено было въ видѣ картины, довольно удачно, такъ что баронетъ Вилліе показывалъ оное нѣкоторымъ нашимъ дипломатамъ *).

Въ день выѣзда морозъ былъ до 8° по Р., а къ вечеру усилился до 16°, съ страшною вьюгою. Доѣхавши до Падуи вечеромъ, мы едва отогрѣлись своимъ русскимъ чаемъ. По причинѣ сильной вьюги и мороза, его величеству для ночлега назначенъ былъ загородный дворецъ, теплый и устроенный съ роскошью

*) Князь А. М. Горчаковъ, старшій тогда секретарь посольства, впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ, прочитавъ мое описаніе, отозвался: «Что онъ почелъ бы себя очень счастливымъ, если бы могъ такъ владѣть русскимъ языкомъ и такимъ даромъ изложенія.».. Очень жаль, что я не сохранилъ для себя эту замѣчательную статью. Д. Т.

и со всевозможными удобствами и хозяйственными принадлежностями. Во дворцѣ этомъ всегда останавливался и любилъ проводить время Наполеонъ, во время своихъ завоеваній въ этомъ краю. Я пріѣхалъ въ этотъ дворецъ за полночь, съ большимъ затрудненіемъ и не безъ опасности отъ вьюги и итальянскаго мороза. Писаря и экипажные служители до того перезябли, что нѣкоторые поморозили пальцы на рукахъ и ногахъ.

На другой день утро было прекрасное; солнце взошло во всемъ блескѣ, горизонтъ былъ совершенно чистъ и моровъ понизился почти до точки замерзанія. Государь изволилъ встать въ 7-мъ часу и отправился пѣшкомъ гулять въ паркъ, превосходно раскинутый вокругъ дворца на очаровательномъ мѣстоположеніи. Слышно было, что будто бы Наполеонъ назначалъ это мѣсто для своей резиденціи весною и лѣтомъ.

Въ Венецію мы прибыли 4-го декабря; на другой день, 5-го декабря, было великолѣпное представленіе всѣхъ властей и сословій нашему императору и большой обѣденный столъ у императора австрійскаго, а вечеромъ большой спектакль на театрѣ Фениче. Дана была опера Il matrimonio secreto, на коей дебютировалъ въ первый разъ, знаменитый впослѣдствіи, столь извѣстный петербургской публикѣ баритонъ Тамбурини. Театръ Фениче есть наибольшій во всей Италіи, кромѣ миланскаго и неаполитанскаго, и устроенъ такъ, что стѣна его за сценою можетъ быть открыта въ большой каналъ, что, какъ меня увѣряли, и дѣлается во время венеціанскаго празднества, называемаго Regata; тогда сцена представляется на водѣ. Всѣ царствующія особы присутствовали въ театрѣ съ своими свитами. Весь залъ и даже сцена освѣщены были толстыми восковыми свѣчами, что, впрочемъ, производило непріятную копоть, недѣлая надлежащаго блеска.

6-го декабря нашъ императоръ слушалъ литургію въ греческомъ монастырѣ, на коей велѣно было находиться всей россійской свитѣ. Настоятель обители, епископъ греческій и все монашество встрѣтили императора при входѣ въ монастырь со всѣмъ церковнымъ великолѣпіемъ. Послѣ обѣдни, государь съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ осматривалъ всѣ достопримѣчательности Венеціи, коими она чрез-

вычайно богата; ибо въ ней почти все доселѣ уцѣлѣло, со временъ дожей.

Во время посѣщенія академіи художествъ императорами случилось быть и мнѣ. Въ ней самое знаменитое художественное произведеніе составляетъ огромная картина Тиціана, представляющая Вознесеніе Божіей Матери на небо. Императоръ нашъ долго разсматривалъ эту картину и потомъ, обратясь къ императору австрійскому, сказалъ:

«Вы имѣете единственную и превосходную во всемъ мірѣ картину».

Она и дѣйствительно такова. Въ то время ей было уже около 500 лѣтъ; но колоритъ ея такъ яровъ и свѣжъ, что она кажется только-что оконченнымъ произведеніемъ художника. Что-же касается до самаго сочиненія картины и выраженія всѣхъ лицъ, то все это съ перваго взгляда поражаетъ зрителя... Вообще венеціанская академія есть одна изъ богатѣйшихъ въ Европѣ всякаго рода художественными произведеніями.

8-го декабря, на площади св. Марка была великолѣпная иллюминація, посредствомъ люстръ, повѣшенныхъ на стѣнахъ, окружающихъ площадь зданій въ три яруса, въ коихъ горѣли большія восковыя свѣчи; купола-же всѣ св. Марка, башня и кровли дворцовъ иллюминованы были разноцвѣтными фонарями. Площадь эта была превращена въ огромнѣйшій великолѣпный залъ, гдѣ венеціане давали балъ монархамъ Европы. Дѣйствительно, они всѣ здѣсь прохаживались съ многочисленною публикою.

Мы оставили этотъ единственный въ своемъ родѣ городъ, и тѣмъ же путемъ, т.-е. моремъ, на императорскихъ гондолахъ, прибыли въ Местро, гдѣ оставались наши экипажи. Уложившись въ нихъ снова по дорожному, императоръ нашъ, распростясь съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ, отправился чрезъ Тревизу, Бассано, на тирольскую дорогу, по коей мы ѣхали въ Верону. Въ Брикенѣ, 12-го декабря, государь слушалъ обѣдню. Это былъ день его рожденія. Къ этому дню приготовлена была въ Брикенѣ заблаговременно походная церковь, направленная туда прямо изъ Вероны, а равно и духовникъ его величества съ пѣвчими. Государь, послѣ литургіи, принималъ поздравленія и былъ особенно благосклоненъ.

14-го декабря, рано по утру, я получилъ чрезъ князя Волкон-

сказо высочайшее повелѣніе, слѣдовать за его величествомъ въ Баварію, въ гор. Миттенвальдъ. Государю угодно было взять съ собою въ это короткое путешествіе: князя Волконскаго, генерала Константина Бенкендорфа, дожидавшаго прибытія государя въ Инсбрукѣ, меня, на мѣсто своего лейбъ-медика, и камердинера Онисимова. Прочіе свитскіе всѣ оставались въ Инсбрукѣ.

Въ Миттенвальдъ мы пріѣхали къ обѣду, въ часу 4-мъ по полудни. Государь остановился въ деревянномъ 2-хъ-этажномъ домѣ, насупротивъ коего былъ каменный 2-хъ-этажный, самый лучшій въ городѣ домъ, который занималъ герцогъ виртембергскій съ своимъ семействомъ. По прибытіи, государь тотчасъ послалъ къ нему генерала Бенкендорфа извѣстить о своемъ прибытіи; вскорѣ затѣмъ, герцогъ самъ въ полномъ мундирѣ прибылъ въ квартиру государя, чтобы представиться его величеству. Герцогъ пробылъ у государя съ полчаса и потомъ они оба пошли въ домъ, занимаемый герцогомъ и его фамиліею. Государь и князь Волконскій обѣдали у герцога, а мнѣ генералъ Бенкендорфъ приказалъ принести обѣдъ съ кухни герцога въ квартиру государя, въ коей мнѣ была отведена комната рядомъ съ комнатою князя Волконскаго, которая могла помѣщать математически не болѣе одного человѣка. Замѣтить слѣдуетъ, что я совсѣмъ не зналъ, зачѣмъ государь изволилъ прибыть въ этотъ Миттенвальдъ. На другой день, князь Волконскій объявилъ мнѣ, чтобъ къ столу я приходилъ въ домъ герцога въ мундирѣ. Выполненіе этого приглашенія поставляло меня въ немалое затрудненіе; ибо я могъ объясняться хорошо только съ княземъ Петромъ Михайловичемъ и генераломъ Бенкендорфомъ; всѣ же свитскіе герцога, нѣмцы и говорили только исключительно на своемъ языкѣ. Я къ обѣду пришелъ нарочно пораньше, чтобъ поосмотрѣться напередъ и замѣтить новыя лица. Въ залѣ пріемномъ я нашелъ генерала Бенкендорфа, двухъ адъютантовъ герцога и чиновника его, и тутъ же дожидался чего-то камердинеръ государя Онисимовъ.

Раскланявшись со всѣми, я обратился къ г. Бенкендорфу, какъ къ знакомому, съ коимъ у насъ раскрылась матерія къ приличному разговору. Но императоръ потребовалъ моего собесѣдника и я остался съ послѣднимъ знакомымъ, камердинеромъ Онисимовымъ. Говоря съ нимъ, я замѣтилъ, что премилая и

очень красивая дѣвочка, лѣтъ 14-ти, часто отворяетъ понемногу дверь въ пріемный залъ и заглянувъ на насъ, тотчасъ затворяетъ оную съ особенною улыбкою. Она привлекла на себя особенное мое вниманіе, такъ что я спросилъ Онисимова:

— Чья эта милая дѣвица, вѣрно дочь хозяина дома?

— Какъ! Развѣ вы не знаете, сказалъ онъ: — это невѣста нашего великаго князя Михаила Павловича, которую государь пріѣхалъ сюда видѣть и познакомиться съ нею и ея отцомъ.

Такъ точно и было. Государь, предназначивъ эту принцессу въ невѣсты своему брату, изволилъ окончательно о томъ постановить, по соглашеніи съ ея родителемъ. Въ 1824 году, эту самую, казавшуюся мнѣ ребенкомъ, принцессу, въ Зимнемъ дворцѣ, я имѣлъ счастіе нерѣдко видать у императора, къ коему всегда представляла ее императрица Елисавета Алексѣевна, развернувшеюся въ полномъ блескѣ красоты и образованности...

Въ мѣстечкѣ Пильзенъ, въ Богеміи, государя ожидала его сестра Марія Павловна со всѣмъ ея семействомъ, т.-е. съ своимъ супругомъ и обѣими прелестными ея дочерьми. Въ Пильзенъ государь прибылъ 21-го декабря вечеромъ и остановился въ домѣ, занимаемомъ ея высочествомъ. Нельзя было безъ чувства умиленія видѣть, до какой степени государь любилъ сестру свою и дѣтей ея. Старшей дочери Маріи Павловны въ то время было не болѣе 14, а меньшой лѣтъ 12-ти. Впослѣдствіи обѣ дочери Маріи Павловны сдѣлались женами прусскихъ принцевъ, родныхъ братьевъ нашей императрицы Александры Ѳедоровны.

20-го января (1823 г.) государь прибылъ на ночлегъ въ свое Царское-Село, а свитѣ повелѣно было отправиться прямо въ Петербургъ. Итакъ, окончилось благополучно послѣднее заграничное на конгрессъ путешествіе его величества.

IX.

Въ началѣ августа (1823 г.), послѣ маневровъ гвардейскаго корпуса, при дворѣ стало извѣстно, что государь скоро отправится въ путешествіе по Россіи и, можетъ быть, въ Царство Польское.

16-го августа, въ 8 часовъ утра, государь выѣхалъ изъ Царскаго въ Павловское, чтобъ проститься съ своею авгу-

стѣйшею матерью и братьями,—а свитѣ, въ томъ числѣ и мнѣ, приказано было ѣхать прямо въ Ижору и дожидаться тамъ возвращенія его величества изъ Павловска. Государь не замедлилъ прибыть въ Ижору и направилъ свое путешествіе въ Новую Ладогу, гдѣ и былъ первый ночлегъ. 17-го августа ночлегъ былъ въ гор. Тихвинѣ, гдѣ государь на другой день по утру былъ въ женскомъ монастырѣ, находящемся въ самомъ городѣ. Въ этой древней обители на всемъ видны порядокъ, устройство и опрятность. Настоятельница обители, почтенной наружности и замѣтной образованности, приняла его величество при духовномъ причтѣ, съ подобающимъ приличіемъ, при вратахъ обители. Государь, приложась ко св. кресту и принявъ благословеніе отъ священника *), шествовалъ въ церковь, гдѣ о его здравіи совершено было краткое молебствіе и приложась къ св. иконамъ, принялъ поднесенную настоятельницею икону Тихвинскія Божія Матери.

Изъ Тихвина чрезъ Мологу и Рыбинскъ государь путешествовалъ въ Ярославль, куда и прибылъ на ночлегъ 20-го августа. Нельзя умолчать объ отличномъ устройствѣ дороги по Ярославской губерніи. Бывшій въ то время начальникомъ губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Безобразовъ довелъ дорогу до такой степени совершенства, что ее можно почесть за бульваръ для прогулки. По этому распоряженію нельзя было не замѣтить, что г. Безобразовъ былъ тонкій дипломатъ и мастеръ своего дѣла. Онъ хорошо зналъ, какую имѣетъ важность во всякомъ дѣлѣ первое впечатлѣніе..... И успѣлъ въ расчетѣ. Государь остался вполнѣ довольнымъ, какъ Ярославскою губерніею, такъ и начальникомъ ея.

23-го августа, послѣ обѣденнаго стола, государь выѣхалъ изъ Ярославля по тракту въ Москву, и имѣлъ ночлегъ въ гор. Ростовѣ. По пріѣздѣ, вскорѣ, пѣшкомъ императоръ одинъ изволилъ отправиться въ Дмитріевскій монастырь. Во вратахъ обители былъ встрѣченъ настоятелемъ монастыря, архимандритомъ Иннокентіемъ съ братіею, съ подобающею церемоніею. Вошедъ въ обитель, государь приказалъ затворить ворота и не впускать

*) Императоръ имѣлъ обыкновеніе всегда цѣловать руку у священниковъ, какъ прикладываясь къ св. кресту, такъ и принимая отъ нихъ благословеніе и крайне бывалъ недоволенъ, когда священникъ удалялъ руку свою, изъ уваженія къ высокому сану его величества. Д. Т.

нимого. Часа полтора его величество оставался въ обители. Молился при гробницѣ Димитрія Ростовскаго чудотворца, посѣтилъ въ кельѣ преподобнаго отца Амфилогія *) и настоятеля Иннокентія; у перваго государь пробылъ долго, и былъ особенно доволенъ бесѣдою этого старца.

Во время посѣщенія настоятеля обители, сей послѣдній имѣлъ случай объяснить его величеству о своей болѣзни въ ногѣ, коею онъ страдаетъ уже нѣсколько лѣтъ и что всѣ до того употребляемыя врачебныя средства не принесли ему пользы. Государь, возвратясь въ квартиру, тотчасъ приказалъ лейбъ-медику Виллiе осмотрѣть архимандрита Иннокентія и подать ему необходимый совѣтъ и врачебное пособіе; баронетъ Виллiе взялъ съ собою и меня. Больному назначены были приличныя врачебныя средства, и нѣкоторыя изъ нихъ даны были изъ собственной его величества дорожной аптеки. Пользующему его медику поручено тщательно наблюдать за больнымъ и о его положеніи ежемѣсячно доносить баронету Виллiе.

24-го августа государь прибылъ ввечеру въ Москву и остановился въ кремлевскомъ дворцѣ. Его величество пробылъ въ Москвѣ цѣлую недѣлю. Замѣтить должно, что въ это путешествіе въ свитѣ государя находился графъ Аракчеевъ, а начальникомъ главнаго штаба, на мѣстѣ князя Волконскаго, былъ баронъ Дибичъ. Во все время пребыванія въ Москвѣ, государь занимался смотромъ собранныхъ подъ Москвою войскъ и маневрами на петровскомъ полѣ, посѣщеніемъ всѣхъ главныхъ заведеній — военнаго госпиталя и городскихъ больницъ. Также былъ на балу въ благородномъ собраніи и посѣтилъ нѣкоторыхъ вельможъ московскихъ, — и московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына.

Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ, по выѣздѣ изъ Москвы, въ Орлѣ, его величество дѣлалъ смотръ всѣмъ собраннымъ войскамъ

*) Отецъ Амфилогій, замѣчательная личность между монашествующими, 80-ти лѣтній старецъ, лишенный употребленія ногъ. Изъ кельи возили его въ телѣжкѣ въ церковь къ гробу св. Димитрія, при гробницѣ и св. мощахъ коего онъ находился постоянно слишкомъ 20 лѣтъ. Мужъ строгихъ правилъ и святости. Онъ одинъ въ обители раздавалъ нуждающимся пособія и милостыню. Всѣ важныя приношенія обители отдавались ему для раздачи бѣднымъ. Изъ кельи онъ отправлялся всегда съ мѣшкомъ денегъ въ рукахъ, и на пути въ церковь дѣлалъ подаянія стоящимъ по сторонамъ нищимъ. Д. Т.

и большіе маневры въ окрестностяхъ гор. Орла; въ день окончанія оныхъ былъ данъ войсками императору обѣдъ, который былъ устроенъ въ палаткѣ, украшенной съ замѣчательнымъ искусствомъ армату-рою. На этотъ обѣдъ приглашены были всѣ особы свиты его величества, гражданскіе начальники и дворянство. Государь также осматривалъ всѣ богоугодныя заведенія и военно-временные го-спитали, коими остался совершенно доволенъ. Въ то время въ Орлѣ губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Солнцевъ, замѣчательный своею опытностію и распорядитель-ностію, а губернія Орловская принадлежала къ тѣмъ 5-ти гу-берніямъ, которыя были ввѣрены особенному управленію генера-лъ-адъютанта Балашева.

7-го сентября, въ 7 часовъ утра государь выѣхалъ изъ Орла по тракту въ гор. Брянскъ, гдѣ имѣлъ ночлегъ, а 8-го сентября осматривалъ издревле устроенное тамъ (со временъ Петра Ве-ликаго) артиллерійское заведеніе, для дѣланія лафетовъ и всѣхъ прочихъ деревянныхъ принадлежностей артиллеріи.

9-го сентября, рано по утру, государь выѣхалъ изъ Брянска и прибылъ на ночлегъ Могилевской губерніи на военныя поселенія въ Заселье, гдѣ предварительно полковникомъ флигель-адъю-тантомъ Клейнмихелемъ все было приготовлено къ принятію его величества и для представленія военнаго поселенія, гдѣ были водворены два пѣхотныхъ полка.

Для поселенія выбрано неудачно мѣсто, которое, не касаясь стратегической цѣли, было чрезвычайно дико. Грунтъ земли большею частію песчаный, требующій усиленной обработки и удобренія, чтобъ сдѣлать его плодороднымъ. Но повсюду здѣсь видна твердость воли графа Аракчеева—основателя военныхъ поселеній. Въ короткое время здѣсь воздвигнуты огромныя зда-нія, въ коихъ помѣщаются штабы полковъ, лазареты и дома для полковыхъ и батальонныхъ командировъ. На воздвигнутыхъ зданіяхъ и на поляхъ видѣнъ отпечатокъ: «Improbus labor omnia vincit».

17-го сентября, на обширномъ полѣ, близъ Бреста-Литовскаго, произведенъ былъ его величествомъ общій смотръ или парадъ всѣмъ собраннымъ войскамъ. День былъ ясный и тихій. Всѣ войска были въ отличнѣйшемъ положеніи, какъ русскія, такъ и польскія. Цесаревичъ былъ въ восторгѣ, который онъ не могъ

скрывать, что онъ представленіемъ ввѣренныхъ ему войскъ вполнѣ удовлетворилъ ожиданіямъ своего августѣйшаго брата. 18-го сентября, императоръ занимался частными осмотрами нѣкоторыхъ частей войскъ и разныхъ заведеній въ городѣ, и въ особенности военнаго госпиталя. На 19-е сентября назначены были большіе маневры обѣимъ арміямъ, которые начались въ 6 часовъ утра и продолжались до 6-ти часовъ пополудни. Всѣ эволюціи пѣхоты и кавалеріи, а равно и артиллеріи производимы были съ возможною быстротою и въ отличномъ порядкѣ. Императоръ былъ вполнѣ доволенъ маневрами и многократно благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ цесаревича, за отличное состояніе командуемыхъ имъ войскъ.

Къ крайнему прискорбію всѣхъ, во время маневровъ случилось весьма непріятное происшествіе. Во время проѣзда императора по фронту польской кавалеріи, его величество изволилъ потребовать къ себѣ полковника, для отданія ему какого-то приказанія. Полковникъ подъѣхалъ къ императору съ правой стороны и выслушалъ приказаніе; но когда поворотилъ лошадь свою вправо, то сія послѣдняя лягнула и подковою задней ноги ударила въ правое берцо (cros) императора. Несмотря на довольно сильный ударъ по такому чувствительному мѣсту, государь не показалъ наружно ни малѣйшаго чувства сильной боли и оставался верхомъ до самаго окончанія маневровъ, нимало не измѣняя своего положенія.

Когда же его величество возвратился съ маневровъ въ квартиру, то тотчасъ потребовалъ баронета Виллiе, который нашелъ правое берцо распухшимъ, такъ что надобно было разрѣзать сапогъ, чтобъ его снять и осмотрѣть ногу. Довольно сильный ушибъ былъ на средней части берца, сбоку берцовой кости и представлялъ синеватую, довольно замѣтную припухлость безъ поврежденія покрововъ. Тотчасъ приложена была холодная примочка изъ гулардовой воды. Императоръ, снова одѣвшись по походному, немедленно вышелъ къ обѣденному столу, къ коему приглашено было слишкомъ 200 человѣкъ генераловъ и штабъ-офицеровъ обѣихъ армій.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ чрезвычайно былъ встревоженъ этимъ приключеніемъ и уже отдалъ приказаніе—строжайше изслѣдовать это обстоятельство, которое, по его мнѣнію,

тѣмъ болѣе заключало въ себѣ важности, что виновникъ онаго былъ полковникъ польской арміи. Но государь, узнавъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ оставить это происшествіе безъ всякаго изслѣдованія, и чтобъ этотъ полковникъ польской кавалеріи отнюдь не былъ признаваемъ виновнымъ въ этомъ происшествіи.

20-го сентября, рано по утру, императоръ выѣхалъ изъ Бреста въ Волынскую губернію и прибылъ на ночлегъ въ гор. Ковель. Во всю дорогу государь ногу держалъ горизонтально съ приложенною примочкою, которую удобно можно было перемѣнять и на дорогѣ. 21 сентября ночлегъ былъ въ гор. Острогѣ; боль въ ногѣ начала уменьшаться и государь провелъ ночь спокойно.

Здѣсь государь получилъ донесеніе, что командующій 2-ю арміею графъ Витгенштейнъ, при паденіи съ лошади, вывихнулъ руку въ плечѣ. Его величество повелѣлъ лейбъ-медику Вилліе немедленно отправиться въ м. Тульчинъ для поданія ему помощи, а больную ногу императора повелѣно осмотрѣть и лечить мнѣ. Изъ гор. Проскурова, гдѣ былъ ночлегъ 22-го сентября, баронетъ Вилліе отдѣлился отъ свиты его величества и поѣхалъ прямо къ графу Витгенштейну. 23-го сентября поутру я явился въ квартиру императора для осмотра его ушибенной ноги, но его величество чрезъ своего камердинера Онисимова приказалъ объявить мнѣ: «что онъ спалъ очень хорошо, ногѣ его лучше и что прикладываемая примочка дѣлаетъ свое дѣло успѣшно». Вскорѣ затѣмъ выѣхалъ въ Подольскую губернію, а мнѣ повелѣно было осмотрѣть въ Проскуровѣ полковой лазаретъ, что я и выполнилъ, по выѣздѣ императора.

Чрезъ Каменецъ-Подольскъ государь прибылъ въ Хотинъ. Государь отобѣдалъ одинъ, и поспѣшилъ отправиться на австрійскую границу въ м. Черновицы, гдѣ ожидалъ его величество императоръ австрійскій. Государь пробылъ въ Черновицахъ 25 и 26 сентября. Съ императоромъ въ Черновицы отправился одинъ начальникъ штаба, баронъ Дибичъ;—всѣ же прочія особы свиты его величества оставались въ Хотинѣ до возвращенія государя.

26-го сентября, послѣ завтрака, съ М. М. Брискорномъ и А. Г. Вилламовымъ я отправился для осмотра окрестностей Хотина. За шлагбаумомъ города мы увидѣли небольшіе холмы, располо-

женные въ нѣкоторомъ порядкѣ и немного возвышающіеся надъ горизонтомъ земли. Подойдя къ нимъ, мы узнали, что это землянки, въ коихъ живутъ крѣпостные гарнизонные солдаты женатые, и составляютъ такъ-называемую Арсенальную Слободу.

Увлеченные любопытствомъ, мы вошли въ одну изъ этихъ землянокъ, которая наиболѣе обращала наше вниманіе. Мы сошли узкимъ проходомъ въ это подземелье, въ которое проникалъ очень слабый свѣтъ, которой впрочемъ далъ намъ возможность разсмотрѣть расположеніе этого жилища. Направо мы увидѣли хлѣвъ, въ коемъ была одна корова и одна свинья; встрѣтившая насъ хозяйка занималась кормленіемъ этихъ ея животныхъ. Она была женщина лѣтъ 40, опрятно одѣта, привѣтлива и довольно расторопна; она предложила намъ войти налѣво въ ея комнату, чисто содержанную, выкрашенную бѣлою краскою и освѣщаемую однимъ небольшимъ окномъ, устроеннымъ вверху близъ потолка. Вся мебель состояла изъ стола и двухъ скамеекъ; двое ея ребятишекъ испугались нашего присутствія и начали плакать: мать скоро ихъ успокоила и предложила намъ присѣсть, спросивъ, не угодно-ли намъ молока? Поблагодаривъ ее за предложеніе, мы распрашивали ее о разныхъ предметахъ, до ея жизни относящихся, и она вполнѣ удовлетворяла наши всѣ вопросы. Мужъ ея, гарнизонный унтеръ-офицеръ, въ то время былъ на службѣ въ крѣпости. Между прочимъ мы спросили, чего стоитъ ея домъ?—«По крайней мѣрѣ червонецъ, отвѣчала она, и то это потому, что мужъ ея, большею частію, самъ занимался постройкою онаго». Шутя мы спросили, не продастъ ли она его намъ? «Если вамъ угодно, извольте», отвѣчала она улыбаясь. Мы тотчасъ дали ей червонецъ и сказали: «Съ этого времени домъ принадлежитъ намъ; а она съ мужемъ и дѣтьми можетъ въ немъ жить и управлять имъ, впредь до нашего востребованія». Но домъ долженъ быть записанъ, гдѣ слѣдуетъ, на наше имя, для чего мы ей оставили записку о нашихъ именахъ. Она учтиво поклонилась и благодарила насъ, сказавъ, что она все это передастъ своему мужу, который выполнитъ это въ точности. Такимъ образомъ мы доселѣ считаемся хозяевами дома въ гор. Хотинѣ.....

26-го сентября, поздно вечеромъ государь возвратился изъ черновицъ благополучно и совершенно здоровымъ, такъ что не

призналъ нужнымъ показывать мнѣ свою ушибенную ногу, на боль въ коей болѣе не жаловался.

27-го сентября, рано по утру, государь выѣхалъ по тракту въ Бессарабію, по правому берегу Днѣстра, изъ коей переправился чрезъ Днѣстръ въ Могилевъ, гдѣ и имѣлъ ночлегъ въ домѣ негоціанта еврея, самаго богатаго въ Могилевѣ. Замѣчательно, что этотъ домъ совсѣмъ не похожъ на домъ еврейскій. Онъ изящной архитектуры, внутри расположенъ со всѣми удобностями въ роскошномъ видѣ; внутренная отдѣлка и мебель лучшаго вкуса. А всего замѣчательнѣе то, что всѣ члены этого еврейскаго семейства чрезвычайно красивой наружности, особенно женщины, совершенныя красавицы. Онѣ представлялись императору въ богатыхъ своихъ нарядахъ и всѣ въ жемчугахъ и брилліантахъ, и, какъ замѣтно, имѣли нѣкоторую степень образованія. Въ домѣ вездѣ отличный порядокъ и примѣрная опрятность и чистота.

Я очень былъ доволенъ, что выѣхалъ изъ Бессарабіи безъ приключенія. Путешествіе въ этой странѣ въ большихъ экипажахъ сопряжено съ большою опасностію. При дикости тамошнихъ лошадей, извощики закладываютъ ихъ въ экипажи безъ хомутовъ, и безъ шлей, а накидываютъ только на шею лошади родъ широкой плетеной петли, похожей нѣсколько на шору, но безъ шлеи. При такой упряжи, извощики гонятъ лошадей во весь карьеръ, совсѣмъ не разбирая ни горъ, ни лощинъ. Были случаи, гдѣ при такой ѣздѣ я не надѣялся собрать костей своихъ; но, благодаря Провидѣнію, ни я и никто изъ свиты императорской не потерпѣлъ никакого непріятнаго и опаснаго приключенія. Въ Могилевѣ всѣ эти опасенія прекратились, ибо здѣсь снова началась упряжь русская.

28-го сентября, государь выѣхалъ изъ Могилева въ 10-мъ часу утра, и поздно вечеромъ прибылъ на ночлегъ въ мѣстечко Тульчинъ. А я пріѣхалъ 29-го сентября рано поутру, и немедленно отыскалъ своего баронета Вилліе, въ богатой квартирѣ, которую ему приготовилъ генералъ-штабъ-докторъ Хановъ.

Баронетъ Вилліе, повидимому, радъ былъ моему пріѣзду. Я ему подробно донесъ о положеніи ушибенной ноги императора; о чемъ онъ уже успѣлъ самъ удостовѣриться, при представленіи своемъ его величеству.

Графъ Витгенштейнъ, вывихнувшій руку, къ коему баронетъ Вилліе былъ посланъ государемъ съ дороги, совершенно поправился и занимался вполнѣ командованіемъ арміею.

Къ моему пріѣзду въ Тульчинъ у Вилліе очень много накопилось дѣлъ, какъ по арміи, такъ и привезенныхъ курьеромъ изъ Петербурга. Я тотчасъ занялся ими, и для скорѣйшаго выполненія выпросилъ у генералъ-штабъ-доктора Ханова писца и пригласилъ въ помощь себѣ его секретаря, доктора Вольфа. Мнѣ пріятно было познакомиться съ этимъ молодымъ и образованнымъ врачемъ, одареннымъ, какъ мнѣ казалось, лучшими качествами, но, три года спустя, оказавшимся въ числѣ важныхъ государственныхъ преступниковъ, съ коими онъ и раздѣлилъ всю строгость правосудія *).

Цѣль прибытія императора въ Тульчинъ состояла въ подробномъ осмотрѣ всей 2-й арміи. Для сего его величество предположилъ 6 дней. Смотръ войскъ производился по корпусамъ; но въ маневрахъ, продолжавшихся три дня, участвовала вся армія, въ полномъ ея составѣ. Всѣ эти три дня государь провелъ въ полѣ, и ночлегъ имѣлъ на бивуакахъ, которые устроены были съ удивительнымъ искусствомъ и съ военными украшеніями. Для обѣда государя со свитою, всѣми генералами, штабъ и оберъ-офицерами, были устроены, среди поля, соломенные великолѣпные павильоны или шатры, предъ которыми, въ видѣ полукруга, въ виду его величества, были расположены вой-

*) Докторъ Вольфъ, бывъ въ короткихъ отношеніяхъ съ полковникомъ Пестелемъ, старшимъ адъютантомъ гр. Витгенштейна, былъ вовлеченъ имъ въ заговоръ противъ правительства. По открытіи заговора 14 декабря 1825 года, вслѣдствіе бунта въ С.-Петербургѣ, рѣшеніемъ верховнаго суда былъ приговоренъ въ каторжную работу навсегда. Работая въ ссылкѣ наравнѣ съ своими соучастниками, докторъ Вольфъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ихъ врачемъ и пріобрѣлъ общую ихъ довѣренность и уваженіе. Послѣ 15-ти лѣтъ каторжной жизни, онъ, вмѣстѣ съ прочими, былъ освобожденъ, и ему позволено было поселиться въ слободѣ въ 20 верстахъ отъ Иркутска, какъ ссыльному поселянину безъ всякихъ правъ. Несмотря на свое положеніе, онъ постоянно занимался медициною, пользовалъ всегда больныхъ. При содѣйствіи своихъ товарищей, онъ составилъ себѣ очень хорошую библіотеку, которую пополнилъ новѣйшими сочиненіями, и наконецъ, пріобрѣлъ такую довѣренность, что постоянно практиковалъ въ Иркутскѣ въ лучшихъ домахъ. Онъ померъ въ 1849 году и оплаканъ всѣми жителями Иркутска. Несчастіе произвело въ немъ разительную перемѣну; онъ сдѣлался очень религіознымъ, кроткимъ, человѣколюбивымъ и примѣрно добродѣтельнымъ. Д. Т.

ска и артиллерія. При провозглашеніи графомъ Витгенштейномъ тоста его величеству, всѣ войска, съ артиллеріею, производили батальный огонь, при оглушающихъ крикахъ ура.

Вообще государь былъ доволенъ войсками и маневрами, и неоднократно изъявлялъ свое удовольствіе, въ присутствіи всѣхъ, графу Витгенштейну и генералъ-лейтенанту Киселеву, бывшему тогда начальникомъ штаба 2-й арміи. Несмотря даже на то, что сей послѣдній, не задолго до прибытія императора, убилъ на дуэли бригаднаго генерала, — онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты къ его величеству.

Вслѣдствіе этого смотра, послѣдовали награды военнымъ и военно-медицинскимъ чинамъ. Изъ числа послѣднихъ генералъ-штабъ-докторъ Хановъ получилъ 2,000 десятинъ земли въ Бессарабіи, а секретарь его, докторъ Вольфъ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Нельзя не отдать полной справедливости распорядительности г. Ханова и заботливости о больныхъ военныхъ врачей; вездѣ и во всякое время тульчинскій госпиталь и всѣ полковые лазареты при осмотрѣ находимы были въ наилучшемъ порядкѣ и устройствѣ по части медицинской и хозяйственной.

Хотя государь императоръ, при осмотрѣ 2-й арміи, вообще былъ состояніемъ ея вполнѣ доволенъ, но при осмотрѣ отдѣльно 16-й дивизіи, коею командовалъ тогда генералъ Михаилъ Орловъ *), и въ составъ которой вошли солдаты и нѣкоторые офицеры бывшаго во Франціи обсерваціоннаго корпуса графа М. С. Воронцова,— остался оною недовольнымъ, какъ по части фронтовой, такъ особенно по части дисциплины и неблагопріятнаго направленія духа, посѣяннаго въ этой дивизіи, вѣроятно офицерами, изъ коихъ впослѣдствіи оказались нѣкоторые причастными къ заговору, обнаруженному 14 декабря 1825 года, по случаю возмущенія въ С.-Петербургѣ.

Въ Новомиргородѣ (въ Херсонской губерніи) съ баронетомъ Вилліе случилось важное приключеніе, которое для меня было замѣчательною эпохою въ жизни моей, и имѣло нѣкоторое влія-

*) Этотъ генералъ Орловъ, родной братъ генералъ-адъютанта графа А. Ѳ. Орлова, бывшаго предсѣдателя государственнаго совѣта. Онъ принадлежалъ къ обществу декабристовъ, но оставилъ оное благовременно. Очень образованный и большой знатокъ технической химіи. Д. Т.

ніе на мое служебное поприще. Приключеніе это случилось слѣдующимъ образомъ:

8-го октября, въ 4-мъ часу по полудни, баронетъ Вилліе и я поѣхали въ колескѣ въ 4 лошади осмотрѣть полковой лазаретъ, устроенный на краю города. Лошади, испуганныя скачущимъ къ намъ въ разрѣзъ уланами, вдругъ насъ понесли въ сторону отъ дороги, бросились къ буераку, въ которой мы оба и опрокинулись вмѣстѣ съ коляскою. Слѣдствіемъ этого несчастнаго паденія было:

1) баронетъ Вилліе, при стремительномъ паденіи изъ коляски, всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ упалъ на подогнувшуюся подъ него лѣвую ногу; вслѣдствіе этого произошелъ переломъ малой берцовой кости въ верхней ея трети, разрывъ и растянутіе связокъ колѣннаго состава и, по всему вѣроятію, разрывъ или поврежденіе бедреннаго нерва. Поврежденія эти произвели ужасныя послѣдствія и страданія. При чемъ онъ ушибъ еще и правый бокъ и давно страждущую свою печень.

2) Я получилъ сильный ударъ въ голову, съ потерею на нѣкоторое время чувствъ, и сорвалъ кожу съ лѣваго локтя.

Пришедъ въ себя, я всталъ и увидѣлъ, въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи, распростертаго баронета Вилліе, съ подогнутою лѣвою ногою, которою онъ совсѣмъ не могъ владѣть и въ коей онъ чувствовалъ невыносимую раздирающую боль. Призвавъ на помощь слѣдовавшаго за нами дивизіоннаго доктора Протопопова, я тщательно осмотрѣлъ всѣ поврежденія на мѣстѣ, и съ помощію бывшихъ тутъ людей мы внесли его въ ближайшій домъ, стоящій за городомъ отдѣльно и принадлежащій штабъ-лекарю поселеннаго кавалерійскаго полка Затлеру; расположивъ больного на диванѣ, сдѣлалъ я надлежащую перевязку и приложилъ прохлаждающую примочку Шмукера. При этомъ сдѣлано ему кровопусканіе изъ руки болѣе 2-хъ фунтовъ.

О такомъ несчастномъ происшествіи я поспѣшилъ доложить графу Аракчееву, который немедленно довелъ о томъ до свѣдѣнія государя императора. Графу Аракчееву я объяснилъ всю важность поврежденій и то опасное положеніе, въ коемъ баронетъ Вилліе дѣйствительно находился. Его величество принялъ большое участіе въ положеніи больного, и, призвавъ меня, спросилъ: «Можно ли перевезти больного изъ Новомир-

города въ другое мѣсто, и скоро ли онъ можетъ поправиться?» Я доложилъ на это его величеству: «Больного непремѣнно слѣдуетъ оставить въ Новомиргородѣ и даже нельзя его перенести въ другой домъ, а на счетъ его поправленія, въ настоящее время, ничего положительнаго сказать нельзя, это будетъ зависѣть отъ хода поврежденій и послѣдствій отъ оныхъ, которыя, безъ сомнѣнія, должны быть очень важны для жизни больного».

Къ вечеру, въ часу 8-мъ, оказались судороги въ поврежденной ногѣ съ ужаснѣйшими болями, отъ коихъ баронетъ Виллѣе терялъ сознаніе и кричалъ, несмотря на всю твердость его шотландской натуры. Въ теченіе ночи къ этимъ страданіямъ присоединились конвульсіи во всей нервной системѣ, именно tetanus и trismus. Я немедленно выпустилъ ему еще полтора фунта крови. Между тѣмъ, въ то же время представилъ донесеніе графу Аракчееву о положеніи больного.

9-го октября, рано по утру, графъ Аракчеевъ мое донесеніе доложилъ государю. Его величество, прочитавъ его, отозвался: — «Положеніе больного опасно; я почти не имѣю надежды на его выздоровленіе — жаль, очень жаль мнѣ этого стараго моего сослуживца. Я думаю, что если кто можетъ ему помочь въ такомъ опасномъ положеніи, то это только одинъ Тарасовъ, который близко знаетъ его натуру и характеръ, и какъ благоразумный медикъ, можетъ употребить всевозможныя средства къ его выздоровленію, если только оно еще возможно. Оставить Тарасова при больномъ, и снабдить его достаточною суммою для проживанія здѣсь».

Вслѣдствіе таковой высочайшей воли, я получилъ отъ графа Аракчеева повелѣніе, остаться въ Новомиргородѣ при баронетѣ Виллѣе, для его пользованія, и чтобъ дважды въ недѣлю доносилъ его величеству о положеніи больного по эстафетѣ, надписывая на донесеніи: его императорскому величеству въ собственныя руки.

Отъ барона Дибича при предписаніи я получилъ 10 т. руб. асс. на содержаніе и разныя издержки, на время нашего пребыванія въ Новомиргородѣ.

9-го октября, его величество, выѣзжая изъ Новомиргорода въ Вознесенскъ для осмотра поселенныхъ войскъ, посѣтилъ больного Виллѣе, чтобъ съ нимъ проститься, ибо онъ не надѣялся на его

выздоровленіе. Присутствіемъ государя Вилліе былъ чрезвычайно тронутъ, особенно отеческимъ вниманіемъ къ его опасному положенію. Государь, какъ истинный христіанинъ, въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, преподалъ больному утѣшеніе и надежду на выздоровленіе. Съ государемъ были: графъ Аракчеевъ, баронъ Дибичъ, графъ Виттъ и всѣ генералы, бывшіе при его величествѣ. Прощаясь съ Вилліе, государь прослезился; по выходѣ изъ дому, отозвавъ меня въ сторону, сказалъ: «Я никому лучше непридумалъ поручить леченіе Вилліе, какъ тебѣ, и я увѣренъ, что если еще есть возможность спасти этого человѣка, то она исключительно заключается въ твоемъ врачебномъ знаніи, твоей преданности къ больному и совершенномъ знаніи его привычекъ и характера. Прощай! да поможетъ тебѣ Богъ; доноси мнѣ о больномъ, какъ тебѣ приказано». При этой, столь трогательной сценѣ, я не могъ удержаться отъ слезъ. Поклонясь его величеству, я поцѣловалъ руку государя, сказавъ: «Слушаю, ваше величество, и сдѣлаю все, что могу, чтобъ спасти больного и оправдать довѣріе вашего величества».

Послѣ этого графъ Аракчеевъ и сопровождавшіе государя съ большимъ участіемъ простились со мною.....

По отъѣздѣ государя, припадки у больного чрезвычайно усилились; боль въ ногѣ и судороги въ прочемъ тѣлѣ были невыносимы. Я терялъ всякую надежду на успѣхъ моего леченія; впрочемъ нимало не ослабѣвалъ въ моей дѣятельности. Первый бюллетень, отправленный мною съ фельдъегеремъ, вслѣдъ за государемъ, былъ очень неутѣшителенъ. Государь получилъ его въ Вознесенскѣ 11-го октября, и прочитавъ, сказалъ: «Мы должны, кажется, лишиться нашего Вилліе». Выѣзжая изъ Вознесенска, его величество повелѣлъ генералъ-адъютанту Чернышеву (впослѣдствіи свѣтлѣйшему князю) отправиться въ Новомиргородъ для посѣщенія больного. Вилліе былъ нѣсколько успокоенъ посѣщеніемъ генерала Чернышева.

До 14-го октября страданія больного нимало не уступали; горячка была съ бредомъ, боль и судороги продолжались почти въ одинаковой степени. Пульсъ доходилъ до 140 въ минуту, сна вовсе не было, нетерпѣніе и тревожное положеніе больного были невыносимы. Это поставило меня въ необходимость показать своему больному, что я имѣю высочайшее порученіе распоряжаться

леченіемъ его по моему усмотрѣнію, а потому прошу его выполнять все то, что я признаю полезнымъ и нужнымъ для его выздоровленія. Такой рѣшительный отзывъ мой имѣлъ благопріятное вліяніе на больного. Онъ безусловно сталъ мнѣ послушенъ и соглашался на всѣ мои распоряженія и назначенія.

Къ потерпѣвшему наибольшее насиліе колѣну, которое чрезвычайно было опухло и напряжено и невыносимо болѣзненно, три раза были приставлены пьявки въ большомъ количествѣ. Отвлеченіе мѣстное крови видимо облегчало боли и ослабляло спазмы и конвульсіи, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Больной всякій разъ былъ спокойнѣе послѣ пьявокъ.

Отъ ужасныхъ страданій, обильныхъ кровопусканій, жестокости горячки, а особенно отъ страданія моральнаго, неизбѣжнаго для всякаго придворнаго лица, отлученнаго отъ сношенія съ дворомъ, Виллія находился въ крайнемъ почти изнуреніи. Зная хорошо его честолюбивую сторону, я съ видимымъ успѣхомъ къ ободренію его употреблялъ представленіе ему того вниманія, участія и милостей, каковыя ему оказываются его императорскимъ величествомъ. Дѣйствительно, это для него было животворнымъ бальзамомъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ самое опасное время болѣзни Виллія, я счелъ необходимымъ написать, между прочими, его родному племяннику съ тѣмъ, чтобъ онъ поспѣшилъ пріѣхать къ больному дядѣ, котораго положеніе крайне опасно и сомнительно. Это я сдѣлалъ въ особенности для того, чтобъ, въ случаѣ смерти Виллія, не поставить себя въ непріятное положеніе еще и съ той стороны, что не предварилъ его ближайшаго и единственнаго родственника у насъ въ Россіи*). Сдѣлавъ это, я намекнулъ больному: «Хорошо, если бы къ намъ пріѣхалъ вашъ племянникъ?» — «Зачѣмъ его сюда, отвѣчалъ онъ, у него есть свое дѣло въ Петербургѣ, здѣсь ему дѣлать нечего...»

Здоровье моего больного начало постепенно улучшаться; всѣ припадки общіе миновались, кромѣ большой слабости.

Въ одинъ день, кажется въ воскресенье, вдругъ мнѣ доклады-

*) Баронетъ Виллія—шотландецъ и на подданство Россіи не присягалъ. Онъ несоглашался на это даже по сдѣланномъ ему лично предложеніи отъ императора, изъявившаго желаніе даже сдѣлать его россійскимъ дворяниномъ.

Д. Т.

ваютъ, что изъ Петербурга пріѣхалъ докторъ Вилліе—племянникъ больного. Я обрадовался его прибытію, несмотря на то, что оно нестолько уже было нужно, какъ прежде. Я поспѣшилъ предварить больного о пріѣздѣ его родственника. Баронетъ Вилліе сказалъ:

— «Развѣ онъ пріѣхалъ?»

— Пріѣхалъ сегодня рано, сказалъ я, на курьерскихъ и совершенно благополучно.

Больной мой, помолчавъ немного и по размышленіи, обратилъ на меня слезящій свой взоръ и съ чувствомъ внутренняго сознанія сказалъ:

— «Теперь я совершенно убѣжденъ, что вы, любезный Дмитрій Климентовичъ, есть мой истинный благодѣтель, и вашихъ попеченій обо мнѣ и самоотверженія я никогда не забуду,— и если я останусь въ живыхъ, то этимъ я обязанъ единственно вашему обо мнѣ старанію и неусыпности. Вы истинный и ближайшій мой родной!»

При этомъ баронетъ Вилліе прослезился, и оправясь нѣсколько отъ сильнаго чувства, просилъ меня позвать къ нему племянника. По входѣ къ нему сего послѣдняго, онъ обошелся съ нимъ ласково и видимо былъ радъ его пріѣзду. Я вышелъ отъ больного, чтобъ оставить ихъ однихъ для родственной бесѣды.

Изъ данныхъ мнѣ барономъ Дибичемъ, по повелѣнію императора, денегъ, я издержалъ на разные домашніе расходы до 400 р. асс. и когда баронетъ Вилліе довольно поправился въ силахъ, я доложилъ ему, что я получилъ на содержаніе его во время болѣзни деньги, изъ коихъ нѣсколько я издержалъ, а остальныя у меня,—и что онъ прикажетъ съ ними дѣлать?

Онъ приказалъ подать деньги ему, что я исполнилъ, вручивъ ему 9,600 р. асс. Взявъ отъ меня, онъ положилъ деньги подъ подушку, на коей онъ лежалъ. Спустя полчаса, Вилліе позвалъ меня, и взявъ меня за руку, сталъ настоятельно мнѣ предлагать 1,000 р. асс., говоря: «прошу васъ это принять, вы терпите недостатокъ, и это вамъ годится». Поблагодаривъ его и сказавъ, что я нужды не терплю, я рѣшительно отказался отъ такого предложенія, которое мнѣ чрезвычайно не понравилось и произвело на меня непріятное какое-то впечатлѣніе. На другой день поутру, когда я къ нему вошелъ въ первый разъ,—онъ снова

атаковалъ меня своимъ настойчивымъ убѣжденіемъ—принять отъ него предлагаемую сумму. Когда я, отказавшись снова, хотѣлъ идти отъ него, онъ, взявъ меня за руку, положилъ деньги ко мнѣ за сюртукъ, сказавъ, что онъ непремѣнно желаетъ, чтобъ я взялъ эти деньги. Оставалось бы еще вынуть деньги и отдать съ негодованіемъ; но я отъ этого удержался,—и деньги 1,000 р. остались при мнѣ. Это полученіе отъ Виллié денегъ нисколько меня не радовало, но сопровождалось какимъ-то особенно непріятнымъ чувствомъ *).

Наконецъ я донесъ его величеству о выздоровленіи Виллié, и что онъ скоро будетъ въ состояніи предпринять обратный путь въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ того, къ намъ присланъ отъ барона Дибича фельдъегерь, для сопровожденія насъ изъ Новомиргорода и для заготовленія для насъ лошадей и ночлеговъ.

30 ноября, въ 6 часовъ вечера, прибыли мы въ Петербургъ благополучно. На послѣднемъ ночлегѣ, въ гор. Лугѣ, у генерала Берхмана, баронетъ Виллié имѣлъ довольно времени для отдыха отъ трудностей путешествія; а потому, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ былъ довольно крѣпокъ, хотя самъ, безъ посторонней помощи, никакъ не могъ ходить, особенно по лѣстницѣ. Съ помощію людей его и племянника, я его ввелъ въ квартиру его, бывшую тогда въ зимнемъ дворцѣ, на салтыковскомъ подъѣздѣ. Онъ чрезвычайно былъ доволенъ своимъ благополучнымъ возвращеніемъ. Я, по приказанію его, безъ всякой перемѣны дорожнаго платья, немедленно отправился въ почивальню императора, чтобъ лично донести его величеству о благополучномъ прибытіи моего больного. По приходѣ въ почивальню, я просилъ дежурнаго камердинера доложить его величеству обо мнѣ. Императоръ изволилъ приказать мнѣ чрезъ него, чтобъ я шелъ къ Виллié, къ коему онъ самъ вслѣдъ за мною будетъ. По возвращеніи моемъ къ Виллié, у коего я уже нашелъ дежурнаго генералъ-адъютанта, князя Меншикова, я тотчасъ предварилъ его о желаніи императора немедленно видѣть его; и не прошло 10-ти минутъ, какъ

*) Такое чувство впослѣдствіи оправдалось самымъ обиднымъ для меня образомъ. По прибытіи въ Петербургъ, чрезъ нѣкоторое время баронетъ Виллié сказалъ своему секретарю академіи, г. Костогорову, что онъ за леченіе свое заплатилъ мнѣ 1,000 р. Г. Костогоровъ этотъ фактъ сдѣлалъ вскорѣ извѣстнымъ между всѣми знакомыми баронета Виллié. Д. Т.

его величество вошелъ въ кабинетъ баронета Вилліе въ сюртукѣ и фуражкѣ.

Посѣщеніе императоромъ баронета Вилліе, на выздоровленіе коего его величество не имѣлъ надежды, представляло самую трогательную и умилительную сцену. Вилліе, въ дорожномъ сюртукѣ, съ двумя костылями, сидѣлъ на своемъ диванѣ; при входѣ императора, я помогъ ему приподняться на ноги. Вотъ были первыя слова его величества:

— «Здравствуй, Яковъ Васильевичъ! Очень радъ, что вижу тебя въ такомъ положеніи. Я почти никакой не имѣлъ надежды на твое выздоровленіе. Слава Богу, что Онъ спасъ тебя!»

Потомъ, обратясь ко мнѣ, государь сказалъ:

— «Благодарю тебя, г. Тарасовъ, Яковъ Васильевичъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ единственно твоему искусству и особенному о немъ твоему попеченію—очень благодаренъ тебѣ».

Баронетъ Вилліе прослезился отъ избытка чувствъ и хотѣлъ было, въ чувствѣ благодарности, поцѣловать руку императора, но государь не допустилъ его, самъ поцѣловалъ его въ лобъ. Пробывъ минутъ пять у Вилліе, государь возвратился въ свои комнаты.

На другой день, въ 7 часовъ утра, я являлся къ графу Аракчееву и донесъ ему о благополучномъ возвращеніи Вилліе. Графъ, принявъ меня благосклонно въ своемъ кабинетѣ, сказалъ извѣстнымъ своимъ тономъ:

— «Спасибо, спасибо г. Тарасовъ, что вылечилъ Вилліе, въ жизни котораго мы всѣ отчаявались;—государь очень доволенъ тобою, — пожалуйста, когда случится, не откажись полечить и меня».

12 декабря, въ день рожденія императора, графъ Аракчеевъ, въ 8 часовъ утра, прямо отъ доклада государю, зашелъ къ баронету Вилліе. Это было при мнѣ въ то время, когда я Вилліе докладывалъ разныя бумаги.

— «Ну, здравствуй, Яковъ Васильевичъ!—сказалъ графъ: его величество изволилъ спрашивать о твоемъ здоровьѣ и повелѣлъ мнѣ объявить тебѣ, что онъ жалуетъ тебя въ тайные совѣтники», и вынувъ изъ портфеля своего подписанный государемъ указъ, прочитавъ его громогласно, тутъ же контрасигнировалъ его и подалъ баронету Вилліе. Потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— «А тебѣ, г. Тарасовъ, его величество жалуетъ Владимірскій крестъ—вотъ и указъ на оный», который онъ также контрасигновалъ.

Такимъ образомъ, и больной и врачъ были награждены въ одно время. Баронетъ Вилліе очень былъ обрадованъ такою наградою; но я болѣе его радъ былъ своей наградѣ.

Баронетъ Вилліе, хотя съ трудомъ, могъ ходить, приступая на больную ногу, но неиначе какъ съ помощію костылей. Но его моральная сторона чрезвычайно возвысилась такимъ неожиданнымъ успѣхомъ выздоровленія, послѣ ужасныхъ страданій и столь важнаго поврежденія.

Со мною онъ былъ очень хорошъ и благосклоненъ, но, при всемъ томъ, знавъ изгибы его сердца, я по временамъ замѣчалъ, что такія отношенія его ко мнѣ несовсѣмъ искренни, и, весьма вѣроятно, это происходило оттого, что государь, посѣтивъ его по возвращеніи, въ присутствіи бывшихъ тогда, изволилъ сказать:

«Что ты, Яковъ Васильевичъ, остался живъ, то этимъ ты обязанъ исключительно г. Тарасову».

X.

Послѣ церковной церемоніи и парада войскъ гвардіи, 6-го января, въ день Богоявленія, 1824 г. государь, по обыкновенію, изволилъ уѣхать въ Царское, гдѣ онъ наичаще работалъ съ своими министрами и графомъ Аракчеевымъ. 12-го января, прогуливаясь въ саду и оставшись чѣмъ-то особенно недовольнымъ, почувствовалъ сильные признаки лихорадки, съ жестокою головною болью, вскорѣ послѣдовала тошнота со рвотою. Его величество, почувствовавъ себя столь сильно пораженнымъ болѣзнію, поспѣшилъ въ тотъ же день возвратиться въ Зимній дворецъ, куда прибылъ ночью въ возкѣ.

Баронетъ Вилліе немедленно былъ позванъ къ государю; съ большимъ трудомъ взошедъ въ кабинетъ государю по высокой лѣстницѣ, сколько могъ, изслѣдовалъ свойство болѣзни и прописалъ лекарство. Императоръ провелъ ночь очень безпокойно.

13-го января, въ 7 часовъ утра, только-что я успѣлъ войти въ канцелярію, Вилліе тотчасъ меня потребовалъ къ себѣ, и съ большимъ участіемъ и тревогою разсказалъ мнѣ о болѣзни им-

ператора. Въ 8 часовъ я повелъ его вверхъ въ почивальню государя. По приходѣ, онъ, спрося предварительно дежурнаго камердинера, какъ его величество провелъ ночь, просилъ доложить о немъ, и тотчасъ получилъ позволеніе войти въ кабинетъ къ государю, а мнѣ приказалъ дожидаться въ дежурной комнатѣ. Спустя минутъ 10, камердинеръ вышелъ и сказалъ: «пожалуйте къ государю». Вошедъ, я увидѣлъ государя лежащимъ на канапе въ форменной шинели, застегнутой спереди на всѣ пуговицы, въ большомъ жару, съ сухостію во рту и въ сильномъ безпокойствѣ. Баронетъ Виллié съ своими костылями сидѣлъ подлѣ его величества на стулѣ. Тихо приблизившись къ дивану, на коемъ лежалъ государь, я сталъ позади Виллié, сдѣлавъ почтительный поклонъ монарху.—«Здорово Тарасовъ, сказалъ императоръ, взглянувъ на меня томными своими глазами.—Посмотри, Яковъ Васильевичъ, мою лѣвую ногу, сказалъ государь, въ ней я чувствую какое-то непріятное жженіе и боль; да вотъ, пусть это сдѣлаетъ Тарасовъ, и вы оба посмотрите!

По снятіи съ ноги туфли и чулка, она представилась припухшею почти до колѣна и покрытою рожистымъ сильнымъ воспаленіемъ. Теперь было очевидно, съ чѣмъ предлежало врачу здѣсь имѣть дѣло. Мѣстами, особенно на срединѣ голени, цвѣтъ рожи былъ темнокрасный.—Баронетъ Виллié видимо былъ встревоженъ положеніемъ императора, страдавшаго горячкою съ рожистымъ воспаленіемъ на лѣвой ногѣ. Когда Виллié поднялся съ мѣста, государь ему изволилъ приказать: «Тарасова оставь при мнѣ, а самъ будешь приходить ко мнѣ когда понадобится; онъ будетъ, что нужно, передавать тебѣ о моемъ положеніи и ходѣ болѣзни».

Его величеству назначены были приличныя его положенію врачебныя средства, а на всю ногу я поспѣшилъ приготовить довольно сложную повязку съ ароматными травами, которую сдѣлать было довольно затруднительно; ибо императоръ любилъ чрезвычайную аккуратность около его во всемъ, даже въ самыхъ мелочныхъ вещахъ.

По приказанію его величества, я оставался неотходно при немъ днемъ и ночью. Горячка усиливалась постепенно; больной съ 13-го на 14-е января провелъ ночь весьма безпокойно, сна вовсе не было, жаръ былъ палящій съ бредомъ; въ ногѣ больной

ощущалъ чувство жженія и стрѣлянья; сухость во рту съ сильною жаждою. Чрезъ каждые два часа ночью я входилъ въ кабинетъ, чтобы вѣрнѣе наблюдать за положеніемъ больного, ходомъ болѣзни и чтобъ давать въ назначенные часы лекарство. Рожа на ногѣ постепенно усиливалась, краснота становилась гуще и припухлость голени распространилась даже выше колѣна.

Всѣ замѣчаемые мною припадки, явленія и перемѣны съ императоромъ я, со всѣми подробностями, вносилъ въ особую клиническую исторію, которая доселѣ хранится между моими бумагами *).

14-го января (1824 г.), осмотрѣвъ больного во всей подробности и сосчитавши вѣрно пульсъ, который доходилъ до 115-ти ударовъ въ минуту, въ 7 часовъ по утру, я поспѣшилъ къ баронету Вилліе, чтобъ передать ему все, что мною замѣчено въ теченіи ночи въ положеніи больного. Выслушавъ меня внимательно, Вилліе погрузился въ глубокую думу; особенно онъ опасался за ногу императора, пораженную сильнымъ рожистымъ воспаленіемъ, потому болѣе, что эта самая нога перенесла уже въ разныя времена два значительные ушиба.

Баронета Вилліе я повелъ вверхъ къ больному императору, положеніе коего онъ нашелъ совершенно сходнымъ съ моимъ ему объясненіемъ. Я перемѣнилъ повязку съ ароматными травами на ногѣ больного; прочія врачебныя средства оставлены тѣже. При всемъ нашемъ настояніи, императоръ несогласился снять свою форменную шинель, чтобъ остаться въ постели подъ одѣяломъ, что въ его положеніи дѣйствительно было необходимо.

Въ этотъ день объявленъ первый бюллетень о болѣзни императора, который произвелъ грустное впечатлѣніе на публику столицы. Находясь неотлучно при больномъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ удовлетворять вопросамъ всѣхъ пріѣзжающихъ во дворецъ, для освѣдомленія о болѣзни императора. Это было для меня самымъ труднымъ обстоятельствомъ; ибо всякой требовалъ моего личнаго объясненія, а иной желалъ знать всѣ подробности болѣзненнаго положенія императора. Составленіе бюллетеней о состояніи государя лежало на моей отвѣтственности; но предварительно я всегда ихъ показывалъ баронету Вилліе.

*) Въ этотъ день я получилъ приказаніе писать бюллетени о положеніи государя, которые тогда печатались ежедневно для публики. Д. Т.

Днемъ припадки горячки нѣсколько ослабѣвали, но къ ночи снова усиливались. Рожистое воспаленіе на ногѣ постепенно усиливалось, и на срединѣ берца оказалось нѣсколько маленькихъ пузырьковъ (flictenae), которыя имѣли неблагопріятный видъ и необѣщали хорошаго исхода. По сей причинѣ составъ ароматныхъ травъ для покрыванія рожистаго воспаленія былъ усиленъ. Для бо́льшей удобности, я придумалъ сдѣлать на больную ногу императора повязку съ травами въ видѣ штиблета, которая была приноровлена весьма удачно, легко и скоро накладывалась и, къ удовольствію моему, очень понравилась больному; ибо при перемѣнѣ ея нимало не безпокоила больного и очень ловко обхватывала ногу и укрѣплялась лентами.

Подлѣ почивальни императора для меня назначена особая комната, въ коей я могъ расположиться со всѣми удобствами моими занятіями, и при удобномъ случаѣ заснуть, что впрочемъ, особенно въ первые дни болѣзни, приходилось очень рѣдко.

Жестокость припадковъ горячки продолжалась до 7-го дня болѣзни. 19 января въ ночи у императора сдѣлалась испарина по всему тѣлу, и онъ часа три сряду заснулъ совершенно покойнымъ сномъ, такъ что, когда я по утру рано вошелъ къ нему, онъ сказалъ: «вотъ сегодня и я спалъ, и чувствую, что головѣ моей легче и она яснѣе; посмотри мой пульсъ, есть-ли въ немъ перемѣна?»

Изслѣдовавши внимательно пульсъ и все положеніе больного въ подробности, я, къ величайшему удовольствію, нашелъ императора нѣсколько въ лучшемъ положеніи, и въ этомъ смыслѣ отвѣчалъ на вопросъ его.—«А посмотри теперь мою ногу, сказалъ государь, я въ ней чувствую тягость, но боли меньше». При осмотрѣ ноги я замѣтилъ, что рожистое воспаленіе стало ограничиваться отъ краевъ и сосредоточиваться на срединѣ берца, а изъ пустулъ нѣкоторыя начали темнѣть и отдѣлять жидкую матерію—явленіе неблагопріятное. О положеніи ноги я доложилъ государю вѣрно; но о неблагопріятномъ ея положеніи умолчалъ.

Когда я объяснилъ все это баронету Вилліе, онъ крайне встревожился и сказалъ: «Боже сохрани, если это перейдетъ въ антоновъ огонь!» Опасеніе его было справедливо; ибо рожа сосредоточилась на срединѣ берца (crista tibiae), въ томъ самомъ

мѣстѣ, гдѣ нога въ послѣдній разъ была ушибена копытомъ лошади на маневрахъ при Брестѣ-Литовскомъ.

Въ продолженіи послѣдующихъ дней, отъ 20-го января, общее положеніе императора постепенно становилось лучше; но въ ногѣ не было перемѣны къ лучшему, кромѣ того, что рожистое воспаленіе мало по малу уменьшалось въ окружности, на срединѣ же берца темный цвѣтъ оставался безъ всякой перемѣны и изъ пустулъ сочилась жидкая сукровица. Къ этому мѣсту, кромѣ ароматныхъ травъ, ничего не прикладывалось.

26-го января, поутру въ 8-мъ часу, вмѣстѣ со мною у императора былъ и баронетъ Виллiе, который желалъ удостовѣриться особенно о положеніи ноги. Общее положеніе больного было удовлетворительно, даже показался аппетитъ, особенно государь съ удовольствіемъ кушалъ уху изъ ершей. При сниманіи съ ноги штиблета изъ ароматныхъ травъ, я замѣтилъ, что онъ отъ засохшей матеріи присохъ къ ногѣ. Нужно было употребить осторожное усиліе и снаровку, чтобъ отдѣлить его безъ боли для больного. Вдругъ, къ общему нашему удивленію, я усмотрѣлъ, что присохшее мѣсто покрововъ отдѣляется вмѣстѣ съ штиблетомъ, величиною въ два дюйма длины и въ полтора дюйма ширины. Отдѣленіе это произошло безъ значительной боли. По отдѣленіи этого обширнаго гангренознаго струпа, состоящаго изъ омертвѣлыхъ общихъ покрововъ и клѣтчатки, представилась намъ обширная язва, коей дно было покрыто доброкачественнымъ гноемъ. По осторожномъ и крайне аккуратномъ снятіи гноя оказалось, что язва простиралась до самой надкостной плевы, которая, благодареніе Богу, была невредима, покрывая большую берцовую кость (crista ossis tibiae). Удостовѣрясь о семъ, баронетъ Виллiе, бывшій до сего въ лихорадочномъ положеніи отъ страха за ногу императора, перекрестился самымъ христіанскимъ образомъ, и сказалъ:

— Ну, слава Богу!..

Императоръ, замѣтивъ это, спросилъ его о причинѣ такого восхищенія.

— Я очень радъ, государь, что ваше здоровье поправляется, отвѣчалъ Виллiе, скрывъ отъ его величества настоящую причину своего восторга.—Виллiе трепеталъ за надкостную плеву, потому что съ отдѣленіемъ ея неминуемо должно бы послѣдовать омертвѣніе или костоѣда большой берцовой кости, — а

исходъ такого пораженія кости могъ бы быть самый неблагопріятный, или, по крайней мѣрѣ, продолжительный....

Съ отдѣленіемъ гангренознаго струпа припухлость ноги начала быстро уменьшаться, слупленіе кожицы послѣ рожи скоро окончилось и самая язва постепенно очищалась, и дно ея, т. е. надкостная плева стала покрываться новою организаціею (granulatio). Язва перевязывалась простою мазью изъ спермацета и вся нога попрежнему покрывалась штиблетомъ изъ ароматныхъ травъ. Общее здоровье императора примѣтно улучшалось, такъ что по ночамъ я уже не имѣлъ надобности входить къ его величеству, для наблюденія за ходомъ его болѣзни *).

Перевязка ноги дѣлалась два раза въ сутки, по утру въ 7 часовъ и вечеромъ въ 11. Для большей опрятности и удобства для больного, я придумалъ особенный способъ перевязки, по которому она производилась очень скоро и безъ всякой боли для больного. Императоръ былъ очень доволенъ моимъ хирургическимъ искусствомъ, и часто по наложеніи бандажа говорилъ: «и видно, что дѣло мастера боится, — но есть дѣла, коихъ и самъ мастеръ страшится!»

Всякой вечеръ посѣщали его величество: императрица Елизавета Алексѣевна съ невѣстою тогда, а нынѣ супругою великаго князя Михаила Павловича, а иногда и съ герцогинею виртембергскою, — великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи; а вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна ежедневно бывала у императора въ 12-мъ часу утра.

Изъ министровъ бывали у его величества графъ Аракчеевъ и князь Голицынъ; первый всегда бывалъ по вечерамъ въ 7 часовъ, и оставался иногда часа по два, а послѣдній имѣлъ позволеніе являться по утрамъ въ 10-мъ часу и всегда на короткое время.

Великій князь, а потомъ благополучно царствовавшій государь Николай Павловичъ, неоднократно вечеромъ сиживалъ по часу и болѣе въ моей комнатѣ, дожидаясь выхода отъ императора графа Аракчеева, и всегда очень милостиво бесѣдовалъ со мною о разныхъ предметахъ, а особенно о медицинѣ. Изъ

*) Ровно 26 дней я безотходно пробылъ во дворцѣ при больномъ императорѣ; въ первые дни даже не имѣлъ почти времени передѣваться, и спалъ сидя въ креслахъ. Д. Т.

этихъ незабвенныхъ бесѣдъ я съ особеннымъ удовольствіемъ одну приведу здѣсь.

— «Ты, Тарасовъ, думаешь, что я не знаю медицины? сказалъ мнѣ его высочество. Напротивъ я ее зналъ еще въ моемъ ребячествѣ, и вотъ тебѣ доказательство. Когда маменька и мы съ братомъ Михаиломъ жили въ Гатчинѣ, то я какъ-то испортилъ желудокъ и докторъ Рюль крайне надоѣдалъ мнѣ своимъ несноснымъ ревенемъ и недаваніемъ мнѣ ѣсть, сколько хотѣлось. У меня возродилась мысль отмстить ему. Однажды, въ 12-мъ часу ночи, когда всѣ уже спали, я написалъ рецептъ, разумѣется, самый нелѣпый, котораго теперь неупомню, и подговорилъ дежурнаго лакея тотчасъ отнести въ придворную аптеку, взявъ съ него честное слово, отнюдь не выдавать меня въ этой продѣлкѣ. Рецептъ я написалъ, сколько могъ, подъ руку И. Ѳ. Рюля и подписалъ его фамилію, точно такъ, какъ онъ подписывается на рецептахъ. Аптекарь, получивъ рецептъ и усмотрѣвъ въ немъ неправильности, тотчасъ обратился къ доктору Рюлю, давно уже спавшему, разбудилъ его и показалъ рецептъ. Докторъ Рюль тотчасъ замѣтилъ, что этотъ рецептъ фальшивый; не отвѣчая аптекарю, оставилъ рецептъ у себя. На другой день поутру докторъ Рюль немедленно сдѣлалъ розыканіе во дворцѣ, и лакей, носившій по моему порученію въ аптеку рецептъ, сознался, что онъ былъ посланъ мною въ аптеку съ рецептомъ. Роковой этотъ рецептъ былъ представленъ маменькѣ докторомъ Рюлемъ, и когда мы съ братомъ пришли поутру къ ней цѣловать ручку, то я былъ уличенъ въ этомъ проступкѣ и наказанъ арестомъ. Съ того времени я исправился, и по сіе время постоянно уважаю добраго И. Ѳ. Рюля».

Потомъ еще продолжался разговоръ о лекарствахъ, о леченіи въ госпиталяхъ, особенно въ лазаретѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, который состоялъ тогда въ бригадѣ его высочества. Наконецъ Николай Павловичъ, взявъ кусокъ бумаги, написалъ рецептъ и подалъ мнѣ, сказавъ:—«вотъ тебѣ доказательство, что я и нынѣ знаю медицину». Этотъ рецептъ, какъ важный памятникъ, и нынѣ сохраняется въ моемъ портфелѣ вмѣстѣ съ важными моими документами. Онъ подписанъ: «Pour M-r Rhul лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабъ-лекарь Николаевскій».

1-го февраля здоровье императора до того поправилось, что его

величество приказалъ приготовить для себя вольтеровскія кресла, въ коихъ по нѣскольку часовъ началъ сидѣть. Большая язва на ногѣ быстро шла къ заживленію,—но ниже оной, ближе къ мыщелкамъ, оставались двѣ поверхностныя язвинки, въ коихъ не было наклонности къ заживленію; впрочемъ онѣ ни мало не безпокоили его величество. Ароматный штиблетъ на ногѣ императора замѣненъ былъ Pulvere ad Erysipulas; а потому я измѣнилъ повязку такъ, чтобъ порошокъ, коимъ обсыпалась вся голень, могъ держаться на ногѣ постоянно не ссыпаясь. Такая повязка государю очень нравилась.

7-го февраля я получилъ позволеніе его величества ночевать у себя въ квартирѣ, и являться во двороцъ по утру въ 7, а вечеромъ въ 9 часовъ, для перемѣны повязки на ногѣ.

Въ одинъ вечеръ, когда на перевязкѣ былъ и баронетъ Виллі. государь сказалъ ему по-англійски:

— «Тарасовъ твой очень хорошій медикъ, я имъ очень доволенъ; надобно его наградить за попеченіе обо мнѣ во время моей болѣзни;—а притомъ я хотѣлъ бы его назначить къ брату Михаилу, у котораго теперь нѣтъ доктора».

Я вышелъ изъ кабинета его величества, а Виллі остался у государя.

На другой день послѣдовало высочайшее повелѣніе, о пожалованіи меня въ чинъ надворнаго совѣтника и о выдачѣ мнѣ шести тысячъ р. ассигнаціями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ повелѣно состоять при его высочествѣ Михаилѣ Павловичѣ. Это повелѣніе было мнѣ дано словесно императоромъ, но письменнаго предписанія о томъ я ни отъ кого не получалъ;—между тѣмъ всякое утро я долженъ былъ являться къ его высочеству.

17-го февраля назначено было бракосочетаніе великаго князя Михаила Павловича съ Еленою Павловною. Императоръ, несмотря на свое значительное поправленіе въ здоровьи, ходить еще не могъ, а въ кабинетѣ у себя передвигался въ вольтерскихъ креслахъ. По сей причинѣ въ смежной съ кабинетомъ государя статсъ-секретарской комнатѣ поставлена была походная церковь, въ которой и было совершено бракосочетаніе ихъ императорскихъ высочествъ. Во время совершенія бракосочетанія императоръ былъ одѣтъ въ сюртукѣ и сидѣлъ въ вольтерскихъ креслахъ въ две-

ряхъ кабинета за занавѣсомъ. Его величество былъ посаженымъ отцомъ при бракосочетаніи августѣйшаго своего брата.

Я продолжалъ занимать мѣсто при Михаилѣ Павловичѣ и послѣ его бракосочетанія; однакожъ, спустя нѣсколько дней послѣ, высочайше повелѣно назначить докторомъ къ его высочеству Вилліе 2-го, родного племянника лейбъ-медика, состоявшаго тогда старшимъ докторомъ гвардейской кавалеріи. Затѣмъ я остался при государѣ и по прежнему правителемъ канцеляріи главнаго по арміи медицинскаго инспектора. Баронетъ Вилліе не допустилъ меня быть утвержденнымъ при великомъ князѣ для двухъ цѣлей: 1) чтобъ доставить мѣсто своему родному племяннику и 2) удержать меня при себѣ для канцеляріи и для нахожденія при государѣ, при коемъ неотлучное нахожденіе врача сдѣлалось необходимымъ, по причинѣ страданія его ноги, требующей ежедневной перевязки и врачебнаго наблюденія;—ибо на больной ногѣ оставался постоянный небольшой отекъ (Oedema).

Такимъ образомъ, по утрамъ и вечерамъ я всегда являлся въ почивальню государя, а днемъ занимался дѣлами въ канцеляріи баронета Вилліе.

22-го февраля императоръ въ первый разъ по выздоровленіи выѣхалъ прогуляться въ саняхъ. Народъ отовсюду стремился, чтобъ увидѣть монарха, выздоровѣвшаго послѣ тяжкой и опасной болѣзни, и кричалъ ура! Его величество осмотрѣлъ цѣпной мостъ на Фонтанкѣ у Лѣтняго сада, который только-что былъ оконченъ, и приказалъ его открыть для проѣзду. Возвратясь во дворецъ, былъ очень доволенъ своею прогулкою и тотчасъ потребовалъ, чтобъ я осмотрѣлъ и перевязалъ его ногу, которая была въ удовлетворительномъ положеніи, кромѣ небольшой припухлости около мыщелковъ. Обратясь съ обычною его благосклонностію ко мнѣ, сказалъ:

— «Какъ пріятна была для меня прогулка на открытомъ воздухѣ, послѣ столь продолжительнаго моего заключенія въ комнатахъ! Я видѣлъ новый мостъ (висячій) цѣпной, который отдѣланъ искусно и даже съ изяществомъ;—только золоченыя украшенія дѣлаютъ его похожимъ на ложе новобрачныхъ».

Очень замѣчательно было прибытіе, за нѣсколько дней до свадьбы великаго князя, въ Петербургъ, изъ Варшавы цесаревича Константина Павловича, о которомъ, какъ было замѣтно,

императоръ не зналъ предварительно; ибо онъ, получивъ отъ вдовствующей императрицы извѣстіе объ опасной болѣзни государя, поспѣшилъ пріѣхать; а между тѣмъ онъ желалъ быть и при бракосочетаніи Михаила Павловича. Свиданіе ихъ, при коемъ я находился, происходило слѣдующимъ образомъ:

По утру въ 7 часовъ императоръ приказалъ мнѣ приготовить поспѣшнѣе перевязку для ноги, чтобъ можно было наложить ее въ малой уборной его комнатѣ. Во время перемѣны перевязки, государь въ одной сорочкѣ сидѣлъ на диванѣ. Двери комнаты были затворены. Дежурный камердинеръ, Онисимовъ (его государь всегда звалъ Геогоровичъ) вдругъ входитъ въ уборную и докладываетъ: «его высочество цесаревичъ!» Императоръ, или не разслышавъ, что онъ сказалъ, или принявъ это за неожиданное имъ извѣстіе, приказалъ Онисимову повторить сказанное. Онъ повторилъ тѣ же самыя слова.

— «Полно такъ ли?» сказалъ государь.

— «Такъ точно, ваше величество, отвѣчалъ Онисимовъ.

Въ это время перевязка ноги была только-что окончена. Государь сказалъ: «Проси».

Какъ только камердинеръ отворилъ двери, цесаревичъ, въ полной формѣ своей, вбѣжавъ поспѣшно, упалъ на колѣни у дивана, и залившись слезами, цѣловалъ государя въ губы, глаза и грудь и, наконецъ, склонясь къ ногамъ императора, лежавшимъ на диванѣ, сталъ цѣловать больную ногу его величества. Эта сцена столь была трогательна, что и я не могъ удержаться отъ слезъ, и поспѣшилъ выдти изъ комнаты, оставивъ обоихъ августѣйшихъ братьевъ во взаимныхъ объятіяхъ и слезахъ.

Причина такой сцены впослѣдствіи объяснилась. До цесаревича въ Варшаву дошли слухи, что императоръ находится въ самомъ опасномъ положеніи и что болѣзнь его приняла такой оборотъ, что врачи не надѣются на его выздоровленіе.

По выходѣ отъ императора, цесаревичъ, проходя мимо меня, спросилъ:

— «Ты Тарасовъ?

— Точно такъ, ваше императорское высочество, отвѣчалъ я.

— «Спасибо братъ, спасибо за стараніе объ отцѣ нашемъ; дастъ Богъ, онъ скоро совсѣмъ поправится», сказалъ мнѣ цесаревичъ.

Замѣтить слѣдуетъ, что всѣ трое братья, въ фамильныхъ отношеніяхъ, всегда называли императора батюшкою; мнѣ въ особенности случалось часто это слышать отъ Николая Павловича и Михаила Павловича.

Общее здоровье государя совершенно возстановилось, такъ что его величество на масляницѣ присутствовалъ на придворномъ маскарадѣ, ежедневно почти выѣзжалъ верхомъ на разводъ и посѣщалъ разныя общественныя заведенія. На ногѣ, однакожъ, оставались, внизу голени, двѣ маленькія язвинки, и вся голень, особенно къ вечеру, немного припухала. Для уменьшенія этой припухлости, вмѣсто разныхъ предлагаемыхъ чулковъ съ шнуровкою, я выдумалъ такую повязку, которая равномѣрно и очень крѣпко покрывала всю голень и тѣмъ препятствовала увеличиваться отёку. Его величество чрезвычайно былъ доволенъ этою повязкою и многократно благодарилъ меня за изобрѣтеніе оной.

Государь всегда называлъ меня, какъ при встрѣчахъ, такъ и при разныхъ его повелѣніяхъ, не иначе какъ Дмитріемъ Клементьевичемъ.—Во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ, его величество далъ мнѣ позволеніе пользоваться книгами для чтенія изъ библіотеки императорскаго лицея. При такомъ соизволеніи его величество упомянулъ, что эта библіотека принадлежала Петру Ивановичу Лагарпу *), у котораго она куплена государемъ для лицея. Такая милость была для меня очень полезна; ибо въ Царскомъ-Селѣ у меня очень много оставалось свободнаго врѣмени.

Императоръ чрезвычайно любилъ Царское-Село; и нигдѣ не случалось мнѣ замѣчать такого въ немъ благорасположенія, большаго самодовольства, возвышенныхъ и благоговѣйныхъ чувствъ, какъ во время пребыванія его величества въ его Царскомъ Селѣ. Государь обыкновенно говаривалъ: «мое Царское Село».

Однажды, поутру, въ 7 часовъ (это было въ маѣ), я, по требованію его величества, вхожу въ его почивальню. Государь,

*) П. И. Лагарпъ, полковникъ швейцарской службы, былъ въ свое время однимъ изъ извѣстныхъ въ Европѣ ученыхъ людей. Екатерина II вызвала его для воспитанія Александра I, который своего наставника очень помнилъ и много уважалъ. Въ 1813 году, во время войны съ Наполеономъ, императоръ, при свиданіи съ Лагарпомъ, пожаловалъ ему орденъ св. Андрея. Эта столь важная награда дана ему въ особенности за то, что онъ испросилъ у Швейцаріи позволеніе провести наши войска чрезъ Швейцарію во Францію. Д. Т.

окончивши свое умыванье и вытираніе всего тѣла льдомъ, стоялъ предъ трюмо и застегивалъ на шеѣ свою сорочку. Утро было восхитительно и солнце въ полномъ блескѣ сквозь большихъ липъ бросало свои лучи въ почивальню его величества. Едва я успѣлъ войти, государь меня привѣтствовалъ съ неописанно пріятнымъ и милостивымъ видомъ: «здравствуйте, Дмитрій Клементьевичъ; что новаго и каково утро?» — «Новое мнѣ неизвѣстно, все здѣсь благополучно; а утро сегодня очень хорошо и пріятно», отвѣчалъ я его величеству.—Взглянувъ чрезъ окно въ садъ, государь продолжалъ съ особеннымъ чувствомъ благоговѣнія: «утро прекрасное; какое благотворное солнце! какое благодатное небо! Богъ даровалъ мнѣ это мѣсто для моего успокоенія и наслажденія Его богатыми милостями и дарами природы!» Потомъ, углубясь въ самого себя, государь продолжалъ: «здѣсь я удаленъ отъ шуму столицы, неизбѣжнаго этикета фамильнаго, и здѣсь я успѣваю сдѣлать въ одинъ день столько, сколько мнѣ не удается сдѣлать въ городѣ во всю недѣлю».

Въ Царскомъ-Селѣ государь постоянно наблюдалъ весною и лѣтомъ слѣдующій порядокъ: въ 7-мъ часу утра кушалъ чай, всегда зеленый, съ густыми сливками и съ поджаренными гренками изъ бѣлаго хлѣба; потомъ, сдѣлавъ свой начальный туалетъ, требовалъ меня для осмотра и перевязки его ноги; послѣ того, одѣвшись окончательно, выходилъ въ садъ чрезъ собственный выходъ въ свою аллею, изъ коей постоянно направлялся къ плотинѣ большого озера, гдѣ обыкновенно ожидали его: главный садовникъ Ляминъ и все птичье общество *), обитавшее на птичьемъ дворѣ, близъ этой плотины. Къ приходу его величества птичники обыкновенно приготовляли въ корзинахъ разный для птицъ кормъ. Почуявъ издали приближеніе государя, всѣ птицы привѣтствовали его на разныхъ своихъ голосахъ. Подойдя къ корзинамъ, его величество надѣвалъ особенно приготовленную для него перчатку и начиналъ имъ самъ раздавать кормъ. Послѣ сего давалъ садовнику Лямину разныя свои повелѣнія, относящіяся до сада и парка, и отправлялся на дальнѣйшую прогулку. Въ 10 часовъ возвращался съ прогулки, и иногда кушалъ фрукты, особенно землянику, которую онъ предпо-

*) Это общество составляли лебеди, коихъ при немъ содержалось всѣхъ въ саду до сотни, а также нѣсколько гусей и утокъ. Д. Т.

читалъ всѣмъ прочимъ фруктамъ. Къ этому времени и. Ляминъ обыкновенно приносилъ большія корзины съ различными фруктами изъ обширныхъ царскосельскихъ оранжерей. Фрукты эти, по собственному его величества назначенію, разсылались разнымъ придворнымъ особамъ и семействамъ генералъ-адъютантовъ, кои занимали домики китайской деревни.

Послѣ того государь, переодѣвшись, принималъ разныхъ министровъ, по назначенію пріѣзжавшихъ съ докладами изъ Петербурга, и начальника главнаго своего штаба. Окончивъ свои занятія, въ 3-мъ часу отправлялся въ Павловское къ вдовствующей императрицѣ, августѣйшей своей матери, цѣловать ея ручку, и возвратясь оттуда, въ 4 часа обѣдалъ. Послѣ обѣда государь прогуливался или въ экипажѣ, или верхомъ. Въ 9-мъ часу вечера кушалъ чай, послѣ коего занимался работою въ своемъ маленькомъ кабинетѣ; въ 11 часовъ кушалъ,—иногда простоквашу, иногда черносливъ, приготовляемый для него безъ наружной кожицы. Часто случалось, что его величество, откушавши самъ, приказывалъ камердинеру своему, простоквашу или черносливъ отсылать на ужинъ мнѣ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться въ постель государю, я обязанъ былъ войти, по требованію его, въ почивальню, осмотрѣть и перевязать его ногу. Послѣ чего его величество, перекрестясь, ложился въ постель и тотчасъ засыпалъ *),—всегда на лѣвомъ боку. Государь всегда засыпалъ тотчасъ и самымъ крѣпкимъ сномъ, такъ что шумъ и крикъ дежурнаго камердинера и лакеевъ, прибиравшихъ обыкновенно въ почивальнѣ его платье, бѣлье и разныя вещи, нимало не препятствовали сну его, что̀ для меня, въ первый разъ, казалось чрезвычайно необыкновеннымъ и неучтивымъ со стороны его прислуги. Но его камердинеръ Завитаевъ тогда же увѣрилъ меня, что какъ только государь ляжетъ въ постель и онъ его укроетъ одѣяломъ, то хоть стрѣляй изъ пушки—онъ не услышитъ **).

Въ Царскомъ-Селѣ однажды случилось со мною замѣчатель-

*) Императоръ былъ очень религіозенъ и истинный христіанинъ. Вечернія и утреннія свои молитвы совершалъ на колѣняхъ и продолжительно, отъ чего у него на верху берца у обѣихъ ногъ образовалось очень обширное омозолестеніе общихъ покрововъ, которое у него оставалось до его кончины.

Д. Т.

**) Императоръ въ резиденціяхъ и въ путешествіи всегда почивалъ на походной кровати — на матрацѣ, набитомъ соломою, съ ложбиною на срединѣ,

ное происшествіе. Баронетъ Вилліе однажды мнѣ сказалъ, что въ паркѣ, близъ каскадовъ, у пирамиды, похоронены собачки, любимыя императрицею Екатериною II, и что надъ одною изъ нихъ на мраморѣ изсѣчена эпитафія, чрезвычайно любопытная по своему смыслу. Часовъ въ 7 пополудни я, взявъ карандашъ и бумагу, отправился на мѣсто, чтобъ, прочитавъ, списать эту эпитафію. Отыскавъ эту дѣйствительно очень интересную эпитафію, я расположился списать ее, прилегши на самомъ камнѣ. Продолжая списывать, вдругъ я увидѣлъ подлѣ меня большую англійскую собаку, которая меня обнюхивала и ласкалась. Я продолжалъ свое дѣло; вдругъ слышу поспѣшные шаги проходящаго, который, приблизясь изъ-за пирамиды ко мнѣ, вскричалъ: «Что вы тутъ дѣлаете?» Я поспѣшилъ встать, и кого же увидѣлъ передъ собою?... государя императора. Поклонясь почтительно и извинясь прилично, я объяснилъ кратко его величеству причину моего любопытства. Государь, прежде встревоженный, успокоясь, сказалъ: «Знаешь-ли, мнѣ показалось, что это кто-либо изъ офицеровъ подгулявшихъ вздумалъ расположиться въ моемъ саду отдохнуть!?» Потомъ, милостиво позволивъ мнѣ докончить начатое дѣло, продолжалъ свою прогулку. Кличка этой собачки была Андерсонъ. Надгробная ея хранится доселѣ у меня между бумагами. Эпитафія эта на французскомъ языкѣ и сочинена, какъ видно, самымъ тонкимъ придворнымъ дипломатомъ временъ Екатерины.

XI.

Императоръ Александръ, не имѣя дѣтей своихъ, очень любилъ и имѣлъ привязанность къ дочери М. А. Нарышкиной, Софіи, которая какъ своею наружностію, такъ особенно своими нравственными качествами вполнѣ заслуживала его любовь.

Во время конгресса, въ Веронѣ (въ 1822 г.), между прочими русскими вельможами, проживала графиня Шувалова съ двумя своими сыновьями, коихъ она воспитывала за границею. Въ Веронѣ я былъ ея докторомъ, и потому почти ежедневно посѣщалъ ее и познакомился съ обоими ея сыновьями. Государь къ

а въ головахъ всегда была сафьяная подушка, набитая сѣномъ. Въ ноги всегда клался сафьяный валикъ, а подъ правую руку другой валикъ, поменьше, — и всегда спалъ на одномъ лѣвомъ боку, не измѣняя этого положенія во всю ночь. Д. Т.

ней особенно былъ внимателенъ и нерѣдко ее посѣщалъ. Графиня представила его величеству сыновей своихъ, уже окончившихъ свое воспитаніе, и просила высочайшаго имъ покровительства и назначенія на службу. Младшаго изъ нихъ государь назначилъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ, а старшаго *), имѣвшаго высшее образованіе и очень солиднаго, въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предназначилъ его женихомъ Софіи Нарышкиной. М. А. Нарышкина тогда была съ дочерью въ Швейцаріи; а въ 1824 году возвратилась съ нею въ Россію для совершенія свадьбы. Но, къ крайнему сожалѣнію, здоровье Софіи, давно страдавшей грудными припадками (tuberculosis), представляло немаловажныя опасенія на счетъ послѣдствій ея страданій. Положеніе здоровья Софіи производило большое сочувствіе во всѣхъ, кто только ее зналъ. Она красотою тѣлесною и нравственною дѣйствительно уподоблялась ангелу **).

Несмотря на усиливающіяся грудныя страданія и представляемыя о томъ наблюденія лейбъ-медиковъ Ремана и Миллера, мать Софіи всевозможно спѣшила совершить ея бракосочетаніе съ графомъ Шуваловымъ. Въ это время (весною 1824 г.) Нарышкина съ дочерью жила на своей дачѣ, на 7-й верстѣ петергофской дороги. Императоръ зналъ въ точности о положеніи здоровья Софіи, и нерѣдко изволилъ посѣщать ее. Бракъ былъ отложенъ до выздоровленія Софіи, вопреки настояніямъ ея матери.

Болѣзнь Софіи очень озабочивала императора; каждое утро и вечеръ фельдъегерь привозилъ бюллетени о ней его величеству.

Въ іюнѣ, государь, по выступленіи гвардейскаго корпуса въ лагерь, переѣхалъ изъ Царскаго въ Красное Село. Въ день, назначенный для ученья всей гвардейской артиллеріи, въ 9-мъ часу утра, съ дачи Нарышкина фельдъегерь привезъ роковую вѣсть о кончинѣ Софіи Нарышкиной и подалъ ее князю Волконскому. Весь генералитетъ гвардіи собрался во дворецъ и ожидалъ выхода императора, чтобъ сопровождать его на воен-

*) Графъ Шуваловъ, по смерти Софіи Нарышкиной, женился на вдовѣ графинѣ Зубовой, поступилъ въ придворную службу и достигъ званія оберъ-гофмаршала двора. Д. Т.

**) Она была, какъ извѣстно, дочь императора отъ Маріи Антоновны Нарышкиной. Онъ ее любилъ столь нѣжно, что она составляла утѣшеніе въ его жизни. Д. Т.

ное поле. На это время и баронетъ Вилліе былъ также въ Красномъ Селѣ. Въ преддверіи кабинета его величества въ это время были: я, ожидавшій приказанія войти къ государю для осмотра и перевязки его ноги, баронетъ Вилліе и князь Волконскій. Послѣдній, подошедъ къ Вилліе, объявилъ ему на ухо о плачевной новости, и просилъ, чтобъ онъ объявилъ о томъ государю. Вилліе, долго не соглашаясь на то, наконецъ принялъ на себя это печальное порученіе. Между тѣмъ меня позвали къ императору. Я вошелъ и всячески спѣшилъ осмотрѣть и перевязать ногу государя, ибо онъ и самъ спѣшилъ одѣваться. За мною вскорѣ вошли князь Волконскій и Вилліе. Вилліе подошелъ ближе къ императору, и, взглянувъ на ногу его, сказалъ по-французски: «онъ доволенъ положеніемъ ноги; дѣло идетъ хорошо». Князь же стоялъ подлѣ двери и молчалъ. Государь, какъ-бы встревоженный, спросилъ его: «какія новости?» Князь молчалъ, сохраняя свой печальный видъ. Вилліе принялъ на себя отвѣчать его величеству; государь, обратясь къ Вилліе, повторилъ вопросъ по-англійски. Вилліе отвѣчалъ: «все кончено: она болѣе не существуетъ!» Въ этотъ моментъ я только-что окончилъ перевязку ноги. Императоръ, не сказавъ на это ни слова, возвелъ глаза свои вверхъ и залился самыми горячими слезами, такъ что вся сорочка на груди его была ими смочена. Князь Волконскій и Вилліе вскорѣ вышли, а за ними и я оставилъ кабинетъ его величества. Слѣдовало полагать, что артиллерійское ученье будетъ отказано; но спустя четверть часа, императоръ выходитъ въ пріемную, обращается къ нѣкоторымъ изъ генераловъ и потомъ садится на ожидавшую его верховую лошадь.

При выходѣ императора въ пріемный залъ, я внимательно наблюдалъ лицо его, на которомъ, къ величайшему моему удивленію, я не могъ замѣтить ни малѣйшей черты, обличающей внутреннее положеніе растерзанной такою важною потерею великой души его. Онъ обычно былъ ко всѣмъ привѣтливъ, нѣкоторымъ дѣлалъ вопросы, пояснялъ отвѣты и до того сохранилъ присутствіе духа, что, кромѣ насъ троихъ, бывшихъ въ кабинетѣ его, никто не могъ знать о его внутреннемъ состояніи души.

По окончаніи ученья, государь, возвратясь во дворецъ и переодѣвшись наскоро, сѣлъ въ коляску запряженную четвернею по

загородному и поскакалъ во весь карьеръ на дачу Нарышкиной. Въ 5-мъ часу государь возвратился только парою въ коляскѣ, а другая пара лошадей пала на дорогѣ отъ непомѣрно быстрой ѣзды. Въ этотъ день его величество не требовалъ обѣда; вечеромъ переѣхалъ въ Царское-Село, а на другой день отправился въ село Грузино къ графу Аракчееву. Мнѣ повелѣно было сопровождать его величество на мѣсто баронета Виллié.

Въ этомъ путешествіи, въ которое предположено было осмотрѣть всѣ новгородскія военныя поселенія, при государѣ мѣсто начальника главнаго штаба занималъ баронъ Дибичъ,—а князь Волконскій, по причинѣ болѣзни, былъ уволенъ за границу.

Не имѣя доселѣ понятія о селѣ Грузинѣ — столицѣ столь замѣчательнаго государственнаго человѣка, я съ особеннымъ любопытствомъ отправился въ путь въ одной коляскѣ съ барономъ Дибичемъ; ибо государь въ Грузино ѣхалъ въ коляскѣ одинъ.

Графъ Аракчеевъ, бывъ предваренъ о прибытіи императора по телеграфу изъ Чудова, ожидалъ его величество на своей пристани, на берегу Волхова; государь переправился съ графомъ Аракчеевымъ на катерѣ, а коляски переправлены были на паромѣ.

Государь, по обыкновенію, занялъ свой кабинетъ въ главномъ домѣ, для барона Дибича назначенъ отдѣльный домикъ, а мнѣ дано помѣщеніе въ другомъ домикѣ, другую половину коего занималъ докторъ графа, Даллеръ.

Для императора графъ Аракчеевъ въ нижнемъ этажѣ главнаго своего дома устроилъ постоянный кабинетъ, въ коемъ его величество находилъ все, что для него необходимо, т.-е. кабинетъ этотъ былъ точно такой, какой кабинетъ у императора въ Царскомъ-Селѣ; даже самыя мелочныя потребности были тѣ же самыя, какъ въ собственномъ кабинетѣ государя. Поэтому его величество всегда особенно былъ доволенъ своимъ помѣщеніемъ въ селѣ Грузинѣ.

По прибытіи государь занимался съ графомъ, а мнѣ не приказано было являться въ тотъ вечеръ къ его величеству.

Занявъ назначенное мнѣ помѣщеніе, состоящее изъ двухъ комнатъ, небольшихъ, но чрезвычайно удобныхъ, я нашелъ въ

немъ до самой малости все, что для меня нужно,—даже трубку и табакъ. Необыкновенная предупредительность.

Зная чрезвычайную аккуратность хозяина, я всталъ поутру очень рано и поспѣшилъ одѣться, чтобъ явиться въ кабинетъ къ его величеству. Это было шесть съ половиною часовъ утра. Только-что я успѣлъ окончить совсѣмъ свой туалетъ, — вдругъ вижу вошедшаго ко мнѣ графа Алексѣя Андреевича, который очень благосклонно спросилъ меня, какъ я провелъ ночь и доволенъ-ли моимъ скромнымъ помѣщеніемъ? Я вѣжливо отблагодарилъ заботливаго хозяина. Вслѣдъ за графомъ принесъ мнѣ буфетчикъ приборъ съ чаемъ и кофе.

— Вотъ вамъ и нашъ деревенскій завтракъ, сказалъ графъ, — милости просимъ кушать нашего хлѣба и соли, чѣмъ Богъ послалъ въ моемъ уединенномъ пріютѣ.

Графъ присѣлъ, пока я пилъ чай.

— А развѣ трубку вы не будете курить, спросилъ онъ.

Я отказался, сказавъ, что я долженъ спѣшить въ кабинетъ къ государю, гдѣ меня скоро спросятъ.

— Нѣтъ, вы должны явиться туда ровно въ восемь часовъ,— графъ замѣтилъ благосклонно, — а теперь пойдемте со мною, я вамъ покажу свое хозяйство. Я за нимъ послѣдовалъ.

Графъ началъ съ своей церкви, которая составляла великолѣпный храмъ, выстроенный на лучшемъ возвышенномъ мѣстоположеніи. Въ церкви, которая заранѣе была отперта и отворена, онъ показалъ мнѣ всю богатую церковную утварь и ризницу, и наконецъ, близъ праваго клироса памятникъ всѣмъ офицерамъ графа Аракчеева полка, павшимъ на полѣ сраженія; а подлѣ лѣваго клироса приготовленную имъ для себя могилу, закрытую мраморною плитою, на коей уже изсѣчена и самая надпись, кромѣ дня кончины. Надъ могилою устроенъ парящимъ бронзовый, густо вызолоченный, Ангелъ, держащій икону Божіей Матери, въ золотой ризѣ; — на задней сторонѣ этой иконы по золотой доскѣ вырѣзано подробное описаніе всѣхъ походовъ, въ коихъ участвовалъ лично графъ Аракчеевъ. Предъ этою иконою денно-ночно теплится лампада.

По выходѣ изъ церкви, графъ показалъ мнѣ древній крестъ, водруженный подлѣ алтаря церкви и чугунную колоннаду съ портикомъ, великолѣпно отдѣланные по повелѣнію императора; въ

срединѣ колоннады, на пьедесталѣ, стоитъ статуя апостола Андрея Первозваннаго, со крестомъ — произведеніе высокаго художества.

Указавъ мнѣ на зданіе сельской больницы, графъ просилъ меня осмотрѣть оную особенно, съ его медикомъ, коему имъ дано уже о томъ приказаніе.

Потомъ графъ повелъ меня въ свои оранжереи, въ коихъ у него устроенъ маленькій кабинетъ, для занятія государственными дѣлами. Показывая его, онъ мнѣ указалъ на огромную кипу пакетовъ большого размѣра, присовокупивъ, что всѣ эти пакеты надписаны собственною рукою императора; въ нихъ онъ получалъ всѣ важныя дѣла и хранитъ ихъ свято, какъ памятникъ монаршаго довѣрія. Наконецъ, графъ показалъ мнѣ скотный и птичій свои дворы, и проведши въ садъ, показалъ гротъ князя Меншикова, гдѣ поставленъ бюстъ этого знаменитаго вельможи Петра Великаго, на пьедесталѣ коего лежитъ книга,—жизнеописаніе этого сановника. Обширный садъ въ Грузинѣ содержится въ такомъ же порядкѣ и чистотѣ, какъ садъ Царскаго-Села,—и это все поддерживается одними дворовыми людьми, для коихъ весь садъ раздѣленъ на участки, и каждый изъ дворовыхъ людей отвѣчаетъ за свой участокъ.

Вынувъ часы, на коихъ было 7 часовъ и 50 минутъ, графъ мнѣ сказалъ:

— Теперь извольте идти къ императору, въ 8 часовъ ровно его величество васъ потребуетъ.

Только-что я успѣлъ взойти въ большую залу предъ кабинетомъ, императоръ, позвонивъ, потребовалъ меня. Вошедши въ кабинетъ, я замѣтилъ, что при наружномъ довольствѣ у государя кроется глубокая грусть въ сердцѣ, источникъ и причина коей понятны изъ предшедшаго.

— Quomode vales? съ благосклонною улыбкою спросилъ меня императоръ.

Отвѣтивъ — bene valeo Avtocrator, я спросилъ его величество: какъ онъ провелъ ночь и что чувствуетъ въ ногѣ?

— Ночь провелъ у добраго хозяина хорошо, а ногу мою прошу посмотрѣть внимательно, сказалъ мнѣ въ отвѣтъ императоръ.

Раскрывъ повязку, я замѣтилъ въ ногѣ перемѣну не такъ благопріятную. Опухоль была примѣтнѣе и болѣе красна, чѣмъ прежде.

Приписавъ эту перемѣну въ ногѣ путешествію изъ Царскаго до Грузина, и посыпавъ ногу всасывающимъ порошкомъ, я успокоилъ государя, доложивъ притомъ, что его величеству необходимо сдѣлать прогулку пѣшкомъ.

— «Каково ночевалъ ты и обозрѣлъ ли хозяйство здѣшняго хозяина? спросилъ меня государь.

Отвѣтивъ утвердительно, я прибавилъ, что порядокъ въ домѣ и устройство хозяйства поставляютъ здѣшняго помѣщика на степень самаго опытнаго и благоразумнаго хозяина.

— «Да, оно такъ и есть! сказалъ государь, у него надобно многому учиться».

Пробывъ въ Грузинѣ двое сутокъ, императоръ съ графомъ Аракчеевымъ отправился для обозрѣнія военныхъ поселеній,—и прибылъ вечеромъ въ штабъ полка графа Аракчеева.

Штабъ полка расположенъ на берегу Волхова, на прекрасномъ мѣстѣ, состоитъ изъ многихъ каменныхъ корпусовъ и представляетъ цѣлый великолѣпный городъ. Нельзя не удивляться могуществу воли человѣческой при видѣ воздвигнутыхъ подобныхъ городовъ во всѣхъ поселенныхъ полкахъ, въ особенности на такихъ мѣстахъ, гдѣ были, за три года предъ тѣмъ, совершенно дикія и почти необитаемыя мѣста! Каждая рота полка составляетъ превосходную колонію;—всѣ дома выстроены на величественномъ берегу Волхова въ одну линію по одному, очень красивому фасаду. Передъ домами устроены бульвары,—дома и эти бульвары содержатся въ отличномъ порядкѣ. Въ каждомъ домѣ помѣщаются двѣ семьи хозяевъ, обращенныхъ въ поселенцы изъ мужиковъ, и каждый хозяинъ обязанъ содержать по нѣсколько постояльцевъ фронтовыхъ солдатъ, которые помѣщаются отдѣльно—въ мезонинахъ домовъ, и обязаны работать вмѣстѣ съ хозяевами.

Все это прекрасно видѣть по наружности, которая военною дисциплиною поддерживается въ математическомъ порядкѣ, но крайне неестественно:—что производитъ скрытный ропотъ въ новообращенныхъ поселенцахъ.

Государь повелѣлъ мнѣ осмотрѣть подробно полковой госпиталь въ штабѣ графа Аракчеева полка, который я нашелъ въ отличномъ положеніи, какъ по хозяйственной, такъ и медицинской части. Устройство и снабженіе госпиталя показываютъ, что

тутъ все употреблено съ роскошью. При больныхъ отличная мебель и посуда, тонкое бѣлье и прекрасно устроенные ватерклозеты. При личномъ донесеніи о семъ государю, его величество отозвался, что «здѣсь иначе и быть не можетъ».

Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколькихъ своихъ товарищей-врачей, которые мнѣ жаловались на суровость и трудность службы,—и увѣряли меня, что положеніе и бытъ военныхъ поселянъ ужасно стѣснительны и едва выносимы.

На берегахъ Волхова государь осмотрѣлъ полки: графа Аракчеева, короля прусскаго, императора австрійскаго и наслѣднаго принца прусскаго. Устройство, порядокъ и дисциплина вездѣ одинаковы. Потомъ, черезъ Новгородъ, государь отправился для осмотра Старорусскихъ военныхъ поселеній, гдѣ расположены для поселенія карабинерные полки. Здѣсь позже началось введеніе военныхъ поселеній и встрѣтило въ коренныхъ жителяхъ нѣкоторое сопротивленіе, требовавшее усиленныхъ мѣръ, потому особенно, что между коренными жителями много старообрядцевъ, для коихъ новый порядокъ, и особливо бритіе бородъ представлялись пришествіемъ антихриста.

Изъ Старорусскихъ военныхъ поселеній государь возвращался по бѣлорусскому тракту, чрезъ Романшину, гдѣ былъ ночлегъ. Маркизъ де-Траверсе принялъ императора обычнымъ своимъ порядкомъ. Замѣтно было, что императоръ послѣ осмотра поселеній желалъ здѣсь отдохнуть отъ трудовъ и разсѣять свою грусть. Для этого его величество пробылъ въ Романшинѣ цѣлыя сутки, гулялъ въ саду и ѣздилъ въ экипажѣ по окрестностямъ.

Послѣ двухнедѣльнаго путешествія, которое совершилось вполнѣ благополучно, императоръ, простясь съ графомъ Аракчеевымъ въ Медвѣдѣ, возвратился въ Царское.

Сообщ. А. Д. Тарасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРХИВЪ
СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ВОЛКОНСКАГО,
нынѣ принадлежащій внуку его кн. П. Д. Волконскому.

Письма генералъ-адъютанта (впослѣдствіи князя) И. В. Васильчикова къ кн. П. М. Волконскому.
1820 — 1821.

Кн. Петръ Михайловичъ Волконскій (р. 1776 † 1852) состоялъ при императорѣ Александрѣ I ген.-адъютантомъ, ген. отъ инфантеріи, нач. главн. штаба, членомъ госуд. совѣта, а впослѣдствіи, при императорѣ Николаѣ, былъ фельдмаршаломъ и министромъ импер. двора и удѣловъ. Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, впослѣдствіи графъ и князь, род. также въ 1776 г., умеръ въ 1847 г. Это былъ одинъ изъ извѣстныхъ генераловъ въ 1812 г. и потомъ долго командовалъ гвардейскимъ корпусомъ. Въ царств. Николая I Васильчиковъ съ 1838 г. по самую кончину предсѣдательствовалъ въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ. Подлинники его писемъ къ князю Волконскому писаны на французскомъ языкѣ. Печатаемъ ихъ въ возможно близкомъ переводѣ; при этомъ опускаемъ изъявленія чувствъ въ концѣ писемъ да нѣкоторыя частности, неимѣющія общеисторическаго интереса. Сообщеніемъ настоящихъ бумагъ, равно какъ нѣкоторыхъ другихъ документовъ изъ архива свѣтлѣйшаго князя П. М. Волконскаго, мы обязаны просвѣщенному сочувствію къ нашему изданію—внука князя П. М.—кн. П. Д. Волконскому. Переводъ принадлежитъ М. К. Жерве.

На стр. 533—548 «Русской Старины» т. IV-го помѣщенъ одинъ изъ современныхъ событію разсказовъ о возмущеніи семеновскаго полка. Давая ему мѣсто въ нашемъ изданіи,—единственно лишь въ видахъ всесторонняго разслѣдованія дѣла, давно перешедшаго въ область историческихъ фактовъ—мы тогда-же оговорились—что «разсказъ написанъ пристрастно и очевидная цѣль его оправдать преступленіе семеновцевъ». Въ особенности рѣзки и несправедливы отзывы неизвѣстнаго автора (говорятъ, что то былъ Рылѣевъ) о Васильчиковѣ и друг. лицахъ, о чемъ мы своевременно отмѣтили (стр. 533) и обѣщали представить документы, рисующіе Васильчикова въ другомъ свѣтѣ. Документы—предъ читателями: это рядъ интимныхъ писемъ начальника гвардейскаго корпуса, писанныхъ въ самый разгаръ семеновской исторіи къ кн. Волконскому, другими словами къ государю, такъ какъ очевидно каждое письмо

Илларіона Васильевича было читано или содержаніе его докладывалось императору Александру Павловичу. Въ этихъ важныхъ историческихъ документахъ ярко очерчивается мягкій характеръ Васильчикова, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей царствованія императора Александра I. По прочтеніи писемъ дѣлается очевиднымъ, что разсказъ — приписываемый Рылѣеву — во многомъ отношеніи основанъ на слухахъ, а главное вытекалъ изъ сильнѣйшаго и несправедливаго предубѣжденія противъ Васильчикова; каковое предубѣжденіе однако, какъ видно изъ свидѣтельства самого Илларіона Васильевича, раздѣляла съ авторомъ весьма значительная часть петербургскаго общества (см. ниже во многихъ мѣстахъ писемъ и особенно письмо XII). Скажемъ болѣе, если разсказъ дѣйствительно принадлежитъ извѣстному пылкому агитатору, то дѣлается понятнымъ и его тонъ, характеръ изложенія и желаніе воспользоваться совершившимися фактами для возбужденія умовъ. Разсказъ является какъ бы прокламаціей, которая въ свое время ходила по рукамъ и читалась при тогдашнемъ настроеніи умовъ, съ любопытствомъ и полною вѣрою.

Послѣ описываемыхъ событій прошло болѣе полувѣка—и мы теперь, стоя внѣ всякихъ пристрастія и увлеченій,—имѣя единственную цѣль разслѣдованіе исторической истины,— и можемъ, и должны—выслушивать свидѣтельства разныхъ сторонъ, нерѣдко вполнѣ другъ другу враждебныхъ; по крайней мѣрѣ такова задача «Русской Старины» и ей наше изданіе служитъ и будетъ служить неуклонно. **Ред.**

I.

26-го августа 1820 года.

Я получилъ ваше письмо, мой дорогой другъ, и вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе о дурномъ направленіи духа нашего вѣка, и объ осторожности, вполнѣ необходимой при трудномъ положеніи, въ которомъ находятся правительства: вѣрьте однако, что мы далеки отъ опасенія чего-либо въ настоящую минуту; нельзя относиться къ нѣкоторымъ рѣчамъ легкомысленной молодежи, какъ къ симптомамъ дурного настроенія умовъ: говорятъ, говорили и будутъ говорить; дѣло состоитъ въ томъ, чтобы открыть вредныхъ людей и, если таковые найдутся, отдалить ихъ безъ всякаго шума; главнымъ же образомъ остерегаться увеличенія или уменьшенія строгости: то и другое можетъ быть объяснено, какъ признаки боязни, между тѣмъ какъ всего менѣе слѣдуетъ обнаруживать малѣйшее безпокойство. Могу вамъ поручиться за совершеннѣйшее спокойствіе въ настоящее время. Каждый день стрѣляютъ въ цѣль. Я назначаю на завтра смотръ застрѣльщикамъ измайловскаго и егерскаго полковъ; сегодня утромъ я осмотрѣлъ полки 1-й дивизіи; они прекрасно прошли тихимъ шагомъ, особенно 1-я бригада. Я опрашивалъ всѣ роты и не было ни малѣйшей жалобы. Вы мнѣ пишете о двухъ офицерахъ гренадерскаго полка: они были арестованы полковникомъ Стюрлеромъ, а не мною; то была ошибка въ рапортѣ моей канцеляріи. Но вы увидите также изъ рапорта коменданта, что я арестовалъ обоихъ графовъ Лиевена и Бибикова, адъютанта семеновскаго полка; двухъ первыхъ

за произведенный ими шумъ съ полицейскимъ офицеромъ въ католической церкви, а Бибикова—за то, что онъ осмѣлился настойчиво требовать отъ инженернаго департамента объ устройствѣ школы для полковыхъ барабанщиковъ, между тѣмъ какъ даже начальникамъ полковъ приказано всѣ просьбы подавать не иначе, какъ чрезъ мой штабъ; впрочемъ, такъ какъ Бибиковъ хорошій малый, то взысканіе послужитъ ему въ пользу: оно укажетъ ему его мѣсто.

31-го сего мѣсяца, мой другъ, я ѣду въ Тверь, гдѣ разсчитываю остаться нѣсколько недѣль; я осмотрю мимоѣздомъ егерскій полкъ, и также моихъ улановъ, которые въ отчаяніи, что ихъ офицеры не получили благодарности; я вамъ говорилъ объ этомъ въ одномъ изъ моихъ писемъ, но вы мнѣ ничего на это не отвѣчали.

Прощайте, мой другъ. Повторяю еще разъ, будьте спокойны, я на сторожѣ и ручаюсь, что ничего серьезнаго у насъ въ настоящую минуту произойти не можетъ. Преданный другъ вашъ Л. Васильчиковъ.

II.

3-го сентября 1820 года.

. . . . . Надѣюсь, что я покончилъ съ одной исторіей въ измайловскомъ полку, происшедшей по глупости генерала Мартынова, въ сущности добраго малаго, но очень глупаго. Великій князь, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ офицеровъ дурно маршируютъ, приказалъ генералу Мартынову заставить ихъ учиться и послѣдній, дѣйствительно, довольно грубо приказалъ имъ маршировать на плацу, въ присутствіи солдатъ, что, конечно, офицеровъ оскорбило до такой степени, что они рѣшились подать въ отставку. Будучи увѣдомленъ объ этомъ, я поручилъ нѣсколькимъ лицамъ ихъ предупредить, что такой поступокъ будетъ дурно принятъ и пусть подумаютъ о томъ, что они дѣлаютъ. Сегодня утромъ я призвалъ къ себѣ тѣхъ изъ офицеровъ, которые, по наведеннымъ мною справкамъ, имѣютъ наибо́льшее вліяніе на другихъ, и говорилъ имъ съ твердостью, доказывая, что если бы даже они имѣли основательныя причины къ неудовольствію, то, во всякомъ случаѣ, образъ дѣйствій ихъ совершенно неприличенъ, и увѣрялъ, что это кончится для нихъ дурно. Мнѣ кажется, что я подѣйствовалъ на нихъ; но если, несмотря на это, просьбы объ отставкѣ поданы, я ихъ удержу въ моей канцеляріи до возвращенія его императорскаго величества, и мы увидимъ, что надо будетъ дѣлать. Впрочемъ, мой другъ, все спокойно; даже эта исторія не произошла бы, если бы дѣйствія Мартынова были не очень грубы; нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо необходимо быть осмотрительнымъ въ выборѣ начальниковъ полковъ; возможно ли требовать, чтобы глупецъ, безъ воспи-

танія, въ состояніи былъ начальствовать офицерами; особенно же въ полкахъ, которыми командуютъ великіе князья, порядочные люди необходимы, иначе невозможно избѣгнуть исторій, которыя въ сущности ничего не значатъ, но все-таки было бы лучше, еслибъ онѣ не повторялись. . . . . Л. Васильчиковъ.

(Отмѣтка кн. Волконскаго: «отвѣчалъ 11 сентября 1820 г.»).

III.

5-го сентября 1820 года.

Исторія, происшедшая въ измайловскомъ полку, о которой я, мой другъ, сообщалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ—окончена; генералъ Мартыновъ поступилъ разумно: узнавъ, что я объявилъ офицерамъ въ разговорѣ, о которомъ я вамъ сообщилъ, что они будутъ строго наказаны, если осмѣлятся всѣ подать въ отставку,—Мартыновъ передалъ имъ чрезъ своего адъютанта, что, не желая дѣлать ихъ несчастными, онъ самъ рѣшился выдти изъ полка. Дѣйствіе, которое произвели эти слова, доказываетъ прекрасное настроеніе войска: адъютантъ возвратился къ генералу со слезами, говоря, что всѣ офицеры умоляютъ генерала не дѣлать этого, такъ какъ они чувствуютъ, что имъ было-бъ невозможно оставаться на службѣ, иначе какъ подъ его начальствомъ, и наконецъ просили позволенія къ нему явиться. Мартыновъ призвалъ офицеровъ и далъ имъ почувствовать всю неблагопристойность ихъ поведенія въ отношеніи къ нему; они согласились съ нимъ и обѣщали удвоить усердіе къ службѣ, прося, если онъ признаетъ это нужнымъ, поступать съ ними вдвое строже. Вотъ совершенно оконченная исторія, которая ясно доказываетъ, насколько духъ нашего народа и нашей арміи превосходитъ духъ всей Европы; порадуемся, мой другъ, тому, что мы родились русскими, и да сохранитъ насъ небо надолго такими какъ мы есть. . . . . Л. Васильчиковъ.

(Отмѣтка кн. Волконскаго: «получ. 16, отвѣч. 18 октября 1820 г.»).

IV.

8-го октября 1820 года.

Я получилъ ваше письмо отъ 11-го сентября, дорогой другъ, въ Твери, и вотъ почему опоздалъ отвѣтомъ; мнѣніе ваше, относительно исторіи измайловскаго полка, требуетъ разсмотрѣнія. Я держусь правила, что когда молодые люди намѣреваются дѣлать глупости, нужно начать съ того, что объяснить имъ дѣло, а потомъ уже прихлопнуть, если они не поддаются на увѣщанія. Вы говорите, „что не слѣдуетъ обращать вниманіе на такихъ людей, которые рѣшаются осуждать поведеніе своихъ начальниковъ“; но гдѣ-же найти людей, которыхъ можно было бы вести по звуку барабана, не давъ имъ вре-

мени поразмыслить о томъ, что́ ихъ заставляютъ дѣлать? Повѣрьте мнѣ, не будемъ заходить слишкомъ далеко съ нашими правилами строгости; единственное средство хорошо служить нашему монарху—требовать только разумнаго, и тогда уже наказывать безъ всякаго милосердія тѣхъ, которые разсуждаютъ; но если начальники позволяютъ себѣ обращаться съ офицерами, какъ съ деньщиками, не щадя ихъ самолюбія, то очень просто, что они оскорбляются; это я непрестанно повторяю нашимъ полковымъ командирамъ; всѣ меня понимаютъ, за исключеніемъ тѣхъ, дальновидность которыхъ въ военномъ отношеніи ограничивается вытягиваніемъ носковъ солдатъ. Что касается до сравненія, которое вы проводите между нашимъ взглядомъ на дѣло со взглядомъ нынѣшнихъ молодыхъ людей, то причину такого явленія надо искать въ различіи времени: не многіе изъ насъ читали тогда газеты, никто не говорилъ о политикѣ, служили утромъ и веселились вечеромъ; теперь же Петербургъ сдѣлался монастыремъ, который вполнѣ подходитъ къ людямъ нашего возраста, но—въ высшей степени скученъ для молодежи. Что вы хотите, чтобы молодые люди дѣлали цѣлый день? очень просто, что они ищутъ въ томъ, что происходитъ вокругъ ихъ, матеріалъ для занятій; вслѣдствіе этого и возникаютъ разсужденія о политикѣ, идеи о конституціи, которыя ни къ селу ни къ городу, и разборы того, что отъ нихъ требуется. Вѣрьте, мой другъ, хорошій выборъ полковыхъ командировъ, разумная строгость и развлеченія для офицеровъ, надолго обезпечатъ то спокойствіе, которымъ мы пользуемся въ настоящее время.

Служба идетъ у насъ своимъ чередомъ; всѣ полки заняты и все погружено въ замѣчательную тишину. Бенкендорфъ послалъ вамъ отвѣтъ относительно тѣхъ замѣтокъ, которыя вы мнѣ прислали; вѣрьте, что я ничего не пропущу предосудительнаго, но прежде, нежели повѣрить донесеніямъ полиціи, я люблю убѣдиться въ истинѣ. . . . . .

. . . Васильчиковъ.

(Отмѣтка кн. Волконскаго: «получ. 19, отвѣч. 22 октября 1820 г.»).

V.

Петербургъ, 15-го октября 1820 года.

Весьма вѣроятно, что маленькая исторія, происшедшая между Бенкендорфомъ и Пирше́мъ, могла дойти до васъ другими путями, поэтому я вамъ и сообщу ее со всѣми подробностями. Во время моего отсутствія, Бенкендорфъ имѣлъ разговоръ съ полковникомъ Пирше́мъ по поводу офицеровъ его полка; онъ сказалъ ему, что всѣмъ начальникамъ необходимо знать общества, посѣщаемыя офицерами, и если ему нужна его помощь, то онъ ее предлагаетъ: стоитъ-

ему, Пирну, прислать списокъ тѣхъ офицеровъ (если бы нашлись таковые), за которыми онъ найдетъ нужнымъ наблюдать. Пиринъ же утверждаетъ, что онъ понялъ такъ, что Бенкендорфъ требовалъ отъ него записку въ формѣ рапорта и потому отправилъ Бенкендорфу письмо, въ которомъ высказалъ ему, что во время правленія монарха подобнаго нашему, личностей, подобныхъ Quiroga и Pipé, существовать не могутъ и что онъ отвѣчаетъ за направленіе своихъ офицеровъ. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія вести съ нимъ переписку, что не понимаетъ, почему тотъ говоритъ въ своемъ письмѣ про Quiroga, такъ какъ въ разговорѣ между ними вопросъ былъ только о томъ какъ предохранить молодежь отъ вредныхъ обществъ. Нѣсколько дней спустя, Бенкендорфъ узнавъ, что въ городѣ говорятъ о его перепискѣ, послалъ за Пиршемъ и изъявилъ свое неудовольствіе за его нескромность; послѣдній поклялся, что онъ, кромѣ великаго князя, въ присутствіи Бибикова, никому письмо его не показывалъ, и когда Бенкендорфъ замѣтилъ, что онъ очень худо поступилъ, Пиршъ возразилъ, что не зналъ, какія его обязанности въ такомъ случаѣ относительно главнаго штаба. На это Бенкендорфъ съ твердостью отвѣчалъ, что если онъ ихъ не знаетъ, то онъ ему ихъ укажетъ: начальникъ штаба приказываетъ, а Пиршъ долженъ повиноваться; съ этими словами они разстались.

Узнавъ по моемъ пріѣздѣ объ этой исторіи, я послалъ за Пиршемъ, и далъ ему почувствовать неприличіе его поведенія; онъ признался, что въ отчаяніи о томъ, что написалъ; онъ чувствуетъ, что не хорошо понялъ, что Бенкендорфъ требовалъ отъ него, и что ему слѣдовало безъ всякой переписки придти самому и объясниться съ нимъ; что генералъ Бенкендорфъ дурно понялъ его отвѣтъ на упрекъ въ томъ, что имъ, Пиршемъ, было показано письмо Бенкендорфа великому князю; что онъ сказалъ ему, что тоже имѣетъ обязанности по отношенію къ его императорскому высочеству, такъ же какъ и къ начальнику штаба; что онъ въ отчаяніи отъ всего случившагося и отчаяніе его было бы еще больше, если бы я сталъ приписывать все это другимъ побужденіямъ, кромѣ недоразумѣнія. Я отвѣтилъ, что если бы считалъ возможнымъ приписывать это столкновеніе чему-либо другому, кромѣ непохвальной неосторожности, я и двухъ минутъ не остался бы съ нимъ служить; но, въ виду занимаемаго имъ поста, я въ правѣ требовать отъ него болѣе обдуманности въ поведеніи, и что я надѣюсь не быть болѣе вынужденнымъ еще разъ это повторять.

Я твердо убѣжденъ, что все это произошло отъ недоразумѣнія и отъ самолюбія писаннаго; но что мнѣ не нравится — это глас-

ность случая, и потому безъ всякаго шума я постарался узнать, что дало къ тому поводъ. Что касается до дѣла офицеровъ конно-егерскаго полка, то я самъ разбиралъ его; не стоитъ даже говорить объ этомъ, и эти свиньи нашумѣли только для того, чтобы имъ заплатили больше денегъ: офицеры гуляли по улицѣ; двое изъ этихъ негодяевъ, полупьяные, стали забавляться тѣмъ, что проходили между офицерами, толкая ихъ; офицеры не нашли это забавнымъ и побили ихъ. Я все-таки сдѣлалъ строгій выговоръ г. Потапову за то, что онъ скрылъ это отъ меня; офицерамъ также былъ сдѣланъ строгій выговоръ; но такъ какъ все было кончено, поколоченнымъ — заплачено и тѣ остались довольны, то я не нашелъ нужнымъ начинать дѣло снова. Генералъ Потаповъ подалъ поводъ къ непріятной исторіи въ полку: на одномъ ученьи, онъ забылся до такой степени, что наговорилъ грубостей офицерамъ; послѣдніе справедливо оскорбились и жаловались мнѣ. Потаповъ почувствовалъ свою вину и говорилъ съ ними въ этомъ смыслѣ; къ моему проѣзду чрезъ Новгородъ, совершеннѣйшее спокойствіе было возстановлено. По такимъ-то именно случаямъ и можно судить о духѣ общества офицеровъ и я могу васъ увѣрить, что онъ превосходенъ; я буду ждать вашего отвѣта, дорогой другъ, чтобы исполнить приказаніе, которое получилъ объ арестованіи офицеровъ этого полка; они, по моему мнѣнію, виноваты только въ томъ, что поколотили пьяницъ. Все у насъ совершенно спокойно, служба идетъ своимъ чередомъ, полки занимаются много. . . . . Л. Васильчиковъ.

(Отмѣтка кн. Волконскаго: «получ. 25 октября, отвѣч. 30 октября 1820 г.»)

VI.

Я не писалъ вамъ съ послѣднимъ курьеромъ, дорогой другъ, потому что не имѣлъ времени, будучи принужденъ писать прямо къ государю. Бываютъ обстоятельства въ жизни, которыя самый осторожный человѣкъ не можетъ предвидѣть: все что произошло у насъ *) замѣчательно только по тому дѣйствію, которое это обстоятельство имѣетъ на настроеніе умовъ; ложные слухи, сплетни слѣдуютъ одна за другой; новости, болѣе или менѣе странныя, переходятъ изъ залъ въ переднія и, естественно, распространяются по городу; словомъ, это такое положеніе дѣлъ, которое не должно продолжаться и одно только возвращеніе государя можетъ утишить господствующее волненіе. Войска спокойны; служба идетъ по прежнему; не всѣ солдаты и особливо офицеры негодуютъ; они жалѣютъ своихъ товарищей; сожалѣютъ о нихъ и

*) Т. е. возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи семеновскаго полка. См. объ этомъ событіи въ «Русской Старинѣ» т. IV стр. 533—548.

надѣется на милосердіе государя; но важнѣе всего то, чтобы ничего не рѣшать до возвращенія его величества; тѣмъ легче отложить рѣшеніе этого дѣла, такъ какъ судъ еще не конченъ. Весьма естественно, что государь захочетъ узнать дѣло во всѣхъ подробностяхъ прежде, нежели его рѣшить.

Вамъ вѣроятно извѣстно, что бо́льшая часть города клонится къ снисхожденію относительно семеновскаго полка; что до меня, то я полагаю и твердо убѣжденъ, что духъ полка слишкомъ дуренъ, чтобы оставить его въ Петербургѣ; раскассировать его было бы мѣрою, которая произведетъ слишкомъ много шуму и представитъ дѣло болѣе серьезнымъ, нежели каково оно есть; походъ же въ Грузію примирилъ-бы дисциплину съ милосердіемъ. Впрочемъ, возвращеніе государя, котораго всѣ ждутъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, дастъ возможность взвѣсить необходимыя мѣры и хорошенько обсудить то, что произошло . . . . . Л. Васильчиковъ.

VII.

Спб., 5-го ноября 1820 г.

Въ полкахъ все спокойно, мой другъ; бумага, которую полиція открыла, не произвела никакого дѣйствія и не проникла въ казармы, такъ какъ еще надо доказать, дѣйствительно ли фельдфебель имѣлъ ее въ рукахъ, или это плутовство писаря, подкупленнаго полиціею; все объяснится по дознанію, которое производится. Болтовня и сплетни продолжаются въ городѣ, но я уже вамъ говорилъ, что только возвращеніе государя можетъ ихъ прекратить. Вы увидите изъ моего донесенія, что второй баталіонъ не весь еще прибылъ въ Свеаборгъ; два судна были отброшены къ Ревелю; я рѣшился солдатъ размѣстить въ этомъ городѣ, въ виду рановременно наступившей зимы, которая не позволяетъ теперь перевезти ихъ въ Свеаборгъ; я принялъ необходимыя мѣры для ихъ помѣщенія, равно какъ и о прокормленіи, и послалъ туда Шепинга, чтобы все устроить съ властями. Третій баталіонъ совершенно спокоенъ въ Кексгольмѣ, также какъ и первый—въ здѣшней крѣпости; число больныхъ увеличивается, но мы приняли всевозможныя мѣры какъ относительно госпиталя, который тамъ устроенъ, такъ и объ очищеніи воздуха въ казематахъ. Военный судъ продолжаетъ работы и не можетъ быть закрытъ раньше трехъ недѣль, а это и есть время, около котораго мы надѣемся дождаться пріѣзда его императорскаго величества, и только тогда представится возможность рѣшить дѣло семеновскаго полка.

Я только при настоящемъ случаѣ ближе узналъ Закревскаго, и долгомъ считаю отдать ему полнѣйшую справедливость, какъ

его образу мыслей, такъ и дѣятельности, которыя онъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ; вы, конечно, понимаете, мой другъ, что это не рекомендательное письмо; но, зная вашу дружбу къ Закревскому, я очень радъ, что этотъ человѣкъ вполнѣ ея достоинъ.

Оканчиваю изъявленіемъ самаго искренняго пожеланія, чтобы дѣла конгресса скорѣе кончились и чтобы государь скорѣе къ намъ возвратился—это желаніе всего города. . . . . Л. Васильчиковъ.

(Отмѣтка кн. Волконскаго: «получ. 14, отвѣч. 20 ноября 1820 г.»).

VIII.

Князь П. М. Волконскій — И. В. Васильчикову.

Несмотря на всѣ ваши увѣренія, дорогой другъ, относительно спокойствія, которое господствуетъ у васъ въ полкахъ, я все-таки не могу скрыть отъ васъ, что болтовня офицеровъ не должна быть терпима, и я несогласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что ихъ можно заставить молчать съ помощью военнаго суда; напротивъ легко можетъ случиться, что преданные военному суду — они будутъ признаны невиновными; судъ оправдаетъ ихъ и эти господа, вмѣсто наказанія, воспользуются этимъ и, можетъ быть, станутъ насмѣхаться надъ судомъ; между тѣмъ, какъ имѣя свѣдѣнія о словахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и убѣдившись въ истинѣ, вы призовете ихъ къ себѣ съ цѣлью сдѣлать имъ внушеніе, побранить ихъ и заставить ихъ понять всю неблагопристойность и вредъ ихъ разсужденій; вмѣстѣ съ тѣмъ, вы запишете имена ихъ и пришлете ко мнѣ, чтобы я могъ тотчасъ же ихъ уволить; я полагаю, что это произведетъ болѣе дѣйствія и уменьшитъ число негодяевъ и говоруновъ. Передъ полученіемъ вашего письма я уже писалъ графу Милорадовичу съ курьеромъ, о соблюденіи тайны во всемъ, что касается секретныхъ дѣлъ полиціи и о бдительности, которую необходимо соблюдать, чтобъ они не проникали въ публику.

Я очень удивленъ, что вы ни слова не пишете относительно ареста унтеръ-офицера гвардіи егерскаго полка (Степана Гущевозова), который заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость за разговоры, веденные имъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, музыкантомъ преображенскаго полка, о происшествіи въ семеновскомъ полку и о томъ, что если не возвратятъ арестованныхъ баталіоновъ, то „они докажутъ, что революція Испаніи ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что они сдѣлаютъ.“ Его величество поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что вотъ еще большее доказательство иностраннаго подстрекательства или вліянія болтовни офицеровъ въ присутствіи солдатъ, потому что откуда же вы хотите, чтобы солдаты знали о томъ, что происходитъ въ Испаніи или въ Неаполѣ? Его величество удивляется такимъ

что вы ничего не сообщаете о томъ, что дѣлаетъ вашъ адъютантъ, который давно уже посланъ въ Шлиссельбургъ съ порученіемъ произвести слѣдствіе относительно нѣкоторыхъ арестованныхъ лицъ?

Примѣчаніе. Письмо безъ подписи, черновое, набросано карандашемъ, на французскомъ языкѣ, рукою кн. Волконскаго. Ред.

IX.

Васильчиковъ — кн. Волконскому.

С.-Петербургъ, 9-го ноября 1820 г.

Спокойствіе продолжаетъ господствовать у насъ, дорогой другъ; холода препятствуютъ намъ производить ученья, но служба идетъ своимъ чередомъ.

Я узналъ нѣсколько дней тому назадъ, что между офицерами гвардіи возникъ вопросъ о подачѣ государю адреса, о помилованіи офицеровъ семеновскаго полка; я обратилъ на это вниманіе и узналъ, что мысль объ адресѣ впервые пришла поручику гвардейскаго гренадерскаго полка князю Мещерскому; что онъ по этому поводу обращался къ полковнику кавалергардскаго полка Шереметеву, но тотъ отвѣчалъ ему такъ, что Мещерскій потерялъ всякую надежду на принятіе предложенія въ этомъ полку. Мещерскій не сознается, что обращался еще къ другимъ, но я навѣрное знаю, что говорили объ этомъ въ конно-гвардейскомъ и преображенскомъ полкахъ. Первый отказался участвовать въ этомъ дѣлѣ, и меня увѣряютъ, что преображенскій полкъ сдѣлалъ тоже самое; я не потеряю этого дѣла изъ виду, но, какъ кажется, все это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Князь Мещерскій служилъ въ семеновскомъ полку; это весьма восторженный молодой человѣкъ, и я полагаю, что прогулка въ Грузію послужила бы ему въ пользу.

Полковникъ Шеликовъ не авторъ стиховъ, вами мнѣ присланныхъ; мнѣ кажется, что полиція ошиблась, указавъ на него; графъ Кочубей постарается дознаться до истины.

Я собралъ свѣдѣнія на счетъ Сологуба, офицера оренбургскаго уланскаго полка; этотъ бѣднякъ, недовольный своимъ существованіемъ здѣсь, поѣхалъ въ Кронштадтъ повидаться съ однимъ изъ своихъ благодѣтелей, Инбергомъ, пожилымъ человѣкомъ, который имѣетъ сына въ отставкѣ, и съ которымъ Сологубъ подружился; онъ ни съ кѣмъ болѣе въ Кронштадтѣ не знакомъ и никого болѣе не посѣщаетъ; онъ все еще тамъ по болѣзни; командиръ прислалъ мнѣ свидѣтельство, которое подтверждаетъ его положеніе.

Подпоручикъ Манчаровъ, московскаго полка, офицеръ весьма лѣнивый и человѣкъ некорошій, судя по тому, что говоритъ Фридрихсъ; онъ имѣлъ съ нимъ маленькую исторію изъ-за квартиры, которую полковникъ приказалъ уступить ротному командиру; такъ какъ объясненіе было довольно горячо какъ съ той, такъ и съ другой стороны,

то Маничаромъ подалъ въ отставку; я не счелъ нужнымъ просить его остаться и буду ждать по этому поводу приказанія его императорскаго величества.

Только-что получилъ, дорогой другъ, ваше письмо отъ 24-го ноября; я далекъ отъ того, чтобы терпѣть болтовню офицеровъ, но нужно также имѣть весьма точныя свѣдѣнія о томъ, что говорится, чтобы дѣйствовать, а этихъ-то средствъ намъ и недостаетъ; говорятъ многое, но еслибы добраться до источника, то никто не захочетъ признаться въ томъ, что онъ слышалъ. Бо́льшая часть собранныхъ свѣдѣній окажутся невѣрными и предпринимаемыя въ этомъ случаѣ мѣры скомпрементируютъ васъ въ глазахъ вашей арміи, не приведя ни къ какому результату. Потому-то учрежденіе хорошо организованной тайной полиціи при гвардейскомъ корпусѣ есть, по моему мнѣнію, вещь необходимая. Я не считаю нужнымъ высказывать вамъ, какъ подобная мѣра мнѣ противна; но теперь таковы обстоятельства, что надо заставить молчать свои предубѣжденія и удвоить бдительность надзора. Пока мнѣ еще не удалось окончить проектъ насчетъ этого, но я вамъ непремѣнно его пришлю съ первымъ курьеромъ.

Я еще ничего не сказалъ вамъ объ арестованіи полиціею унтеръ-офицера гвардейскаго егерскаго полка, такъ какъ я зналъ, что донесеніе послано было графомъ Милорадовичемъ къ его императорскому величеству; я ждалъ конца полицейскаго изслѣдованія, чтобы знать, чему придерживаться. Какъ видно, онъ былъ пьянъ и самъ не можетъ припомнить своихъ словъ; если онъ дѣйствительно говорилъ такъ, какъ изложено въ донесеніи, то это еще не было бы доказательствомъ иностраннаго подстрекательства, но скорѣе результатъ неосторожности нашихъ офицеровъ и нашихъ русскихъ газетъ, которыя читаются въ передникъ. Не думайте однако, дорогой другъ, что я отрицаю иностранное подстрекательство, напротивъ считаю его весьма вѣроятнымъ, и охотно бы отдалъ половину моего существованія, чтобы захватить въ руки нить дѣла; но пока еще никто не можетъ привести вѣрнаго доказательства относительно всего этого. Что касается до моего адъютанта, посланнаго въ Шлиссельбургъ, то онъ былъ тамъ только какъ депутатъ, а полиція производила слѣдствіе, и она захватила нѣсколько личностей; по поводу этого дѣла извѣстіе о слѣдствіи я получилъ отъ графа Милорадовича и, по его официальной бумагѣ, составилъ донесеніе, которое вы должны были получить; я не счелъ нужнымъ иначе вмѣшиваться въ слѣдствіе, какъ послать туда депутата, нисколько не желая показать видъ, будто препятствую изслѣдованію полиціи.

Я посылаю вамъ бумагу относительно устраненія Грeча отъ мѣ-

ста; мнѣ кажется, что мы очень хорошо можемъ обойтись безъ этой личности, которая пока еще не сдѣлала никакого зла, но которая могла бы его сдѣлать*); школы продолжаются подъ непосредственнымъ надзоромъ начальниковъ полка и подъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія. Прощайте, дорогой другъ, будьте здоровы и да возвратитъ васъ скорѣе небо. Преданный вашъ другъ Л. Васильчиковъ.

(Отмѣтка руки кн. Волконскаго: «получено 24, отвѣчалъ 28 декабря 1820 г.)»

X.

С.-Петербургъ, 11-го ноября 1820 г.

У насъ, мой другъ, все покойно, солдаты осторожнѣе въ разговорахъ въ городѣ, и служба исполняется со всевозможною исправностью. Нельзя того же сказать относительно офицеровъ: они много болтаютъ; заставить ихъ молчать посредствомъ строгаго наказанія—мѣра, которая, по всей вѣроятности, не удастся при нынѣшнихъ обстоятельствахъ; напротивъ, она возбудила бы неудовольствіе противъ произвола и привела бы къ дурному результату. Мнѣ кажется, единственный образъ дѣйствій, котораго можно бы было придерживаться, состоитъ въ томъ, чтобы записывать имена тѣхъ, которые говорятъ противъ правительства; хорошенько удостовѣряться въ правдѣ доносовъ полиціи, затѣмъ уже предавать ихъ военному суду, и строго наказывать; къ подобнымъ открытымъ дѣйствіямъ не могли бы придраться злые языки и это напугало бы крикуновъ.

Я не могу и не долженъ скрывать отъ васъ, что графъ Милорадовичъ, человѣкъ вполнѣ преданный добру, но его нескромность пагубна; всѣ мѣры, которыя полиція предпринимаетъ, извѣстны всему городу и объ этомъ говорятъ на улицахъ, а это вѣрное средство предостеречь злоумышленниковъ и ничего не открыть; я ему нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ, и надо надѣяться, что онъ будетъ осторожнѣе. Оба корабля, которыя стояли на Ревельскомъ рейдѣ (какъ я вамъ уже упоминалъ), не сочли нужнымъ ждать приказаній, которыя мы сейчасъ же отправили, а воспользовались попутнымъ вѣтромъ, чтобы поднять паруса и отправиться въ Свеаборгъ; но мы еще не получали извѣщенія о ихъ приходѣ. Солдаты семеновскаго полка продолжаютъ вести себя хорошо—и они вездѣ покойны.

Вся публика съ нетерпѣніемъ ждетъ курьера, который, какъ полагаютъ, долженъ привезти рѣшеніе государя относительно семеновскаго полка; добрые и преданные его императорскому величеству люди надѣются, что онъ ничего не рѣшитъ до своего возвращенія, потому что они увѣрены также, какъ и я, что примѣненіе строгой мѣры не могло бы осуществиться въ его отсутствіе безъ серьезныхъ

*) Николай Ив. Гречъ былъ инспекторомъ школъ гвард. полковъ.

затрудненій. Прощайте, дорогой другъ, да поможетъ небо государю возвратиться скорѣе, чѣмъ вы обнадеживаете насъ; всеобщее спокойствіе было бы слѣдствіемъ его возвращенія. Преданный вамъ другъ Л. Васильчиковъ.

XI.

Спб., 3 декабря 1820 г.

Милостивый государь, князь Петръ Михайловичъ! Повелѣніе вашего сіятельства отъ 7-го ноября, за № 2,026, я получилъ и рѣшился отвѣчать вамъ письмомъ для того, что не почитаю удобнымъ приступить вдругъ къ исполненію онаго. Воспретить нижнимъ чинамъ иногда поподчивать приходящихъ къ нимъ родственниковъ или земляковъ, было бы лишить ихъ, по несчастью, лучшаго удовольствія безъ большой нужды, тогда какъ они могутъ сіе дѣлать въ казармахъ въ виду фельдфебеля и дежурныхъ, кои, безъ сомнѣнія, не допустятъ ихъ до шума, непристойностей или безпорядковъ. Таковое внезапное воспрещеніе, особенно при недавно минувшемъ происшествіи, можетъ имъ вселить невыгодное для начальства подозрѣніе. При семъ нужнымъ считаю присовокупить, что пьянство между воинскими нижними чинами всегда существовало и въ послѣднее время нисколько не увеличилось, если не уменьшилось противу прежняго. Уничтоженіе продажи вина въ казармахъ, или ограниченная въ нихъ выдача онаго не удержитъ отъ пьянства тѣхъ, кои хотятъ напиться; трудно усмотрѣть, чтобы они не могли купить вина посредствомъ живущихъ въ полкахъ офицерскихъ людей, или чрезъ постороннихъ. Доказательство тому изволите усмотрѣть даже въ тѣхъ запискахъ, которыя отъ васъ ко мнѣ препровождены при вышеозначенномъ предписаніи: изъ оныхъ въ двухъ сказано, что одинъ рядовой графа Аракчеева полка напился въ преображенскихъ, а другой въ московскихъ казармахъ; въ обоихъ сихъ полкахъ вино покупается токмо по мѣрѣ истинной надобности, и то въ самомъ маломъ количествѣ.

Впрочемъ, уничтоженіе продажи вина въ казармахъ со временемъ необходимо. О перемѣнѣ положенія насчетъ сего предмета я займусь особенно, и обдумавъ оное, какъ должно, буду имѣть честь представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства. Между тѣмъ временемъ словесно прикажу господамъ полковымъ и другимъ частнымъ начальникамъ о исполненіи предписаннаго въ помянутомъ повелѣніи за № 2,026, и притомъ самъ наблюдать буду за исполненіемъ онаго.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Ларіонъ Васильчиковъ.

С.-Петербургъ, № 3,553. Декабря 3-го дня 1820 г. Его сіятельству князю П. М. Волконскому.

Примѣчаніе. Письмо на русскомъ языкѣ; подпись кн. Васильчикова. Отмѣтка кн. Волконскаго: «получено 14, партикулярно отвѣчалъ 15 декабря 1820 г.». Ред.

XII.

Я имѣю сообщить вамъ, мой дорогой другъ, только хорошія новости; повидимому, спокойствіе окончательно водворяется; сплетни уменьшаются и войска исполняютъ свои обязанности какъ нельзя лучше; все это должно быть приписано вліянію приказа государя *). Я до сихъ поръ воздерживался сообщать вамъ причины, которыя заставляли меня желать, чтобы рѣшеніе его императорскаго величества было-бы отложено до времени его возврата; но такъ какъ вы этого желаете, то я ихъ скажу. Энергическія мѣры, вызванныя важностью обстоятельствъ, навлекли на меня осужденіе всѣхъ тѣхъ, которые не знаютъ ни солдатъ, ни дисциплины; къ этимъ лицамъ присоединились мои личные враги и измѣнившіе мнѣ друзья, которые нашли минуту эту благопріятной для обнаруженія своихъ замысловъ, и искали случая повредить мнѣ; на моей сторонѣ въ первые дни были только одни старики и нѣсколько благомыслящихъ лицъ. Военные, которые по своимъ чинамъ и занимаемымъ ими мѣстамъ могли-бы имѣть вліяніе на общественное мнѣніе, забыли, что въ подобную этой минуту на нихъ лежитъ обязанность (по крайней мѣрѣ въ обществѣ) поддерживать власть, поставленную правительствомъ; они же, напротивъ того, поддались своимъ собственнымъ разсчетамъ и громко провозгласили себя защитниками (семеновскаго) полка; такое поведеніе повліяло на мнѣніе казармъ, женщины подняли крики противъ тиранства и нашлись военные, которые, подражая женщинамъ, какъ эхо отвѣчали на подобныя вопли. Это малообдуманное поведеніе сдѣлало мое положеніе весьма щекотливымъ; на всѣ пронски я отвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ; убѣжденный въ чистотѣ моей совѣсти, я не обращалъ никакого вниманія на низкія интриги, замышляемыя противъ меня. Однако сплетни и крики все увеличивались, дошло даже до того, что распространился слухъ о томъ, будто во время инспекторскаго смотра, въ августѣ мѣсяцѣ, я запретилъ солдатамъ подавать жалобы **). Возгласы нѣкоторыхъ гвардейскихъ генераловъ, имѣвшіе цѣлью поддержать ложное мнѣніе такъ-называемой публики, подслушанные полиціей разговоры солдатъ, болтовня офицеровъ, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ своихъ начальниковъ, были, мой дорогой другъ, болѣе чѣмъ достаточными причинами заставить меня желать скорѣйшаго возврата его императорскаго величества, пріѣздъ котораго—какъ я полагаю, не былъ

*) См. «Русск. Стар.», т. I, изд. первое, стр. 63; изд. второе, стр. 482. Ред.

**) Объ этомъ слухѣ, см. въ разсказѣ К. Ѳ. Рылѣева о бунтѣ семеновскаго полка. «Русск. Стар.», 1871 г., т. IV, стр. 535—536. Ред.

столь отдаленъ. Эти рѣчи, клонившіяся къ оправданію семеновскаго полка—всякую строгую мѣру относительно его обращали въ жестокость. Самое прощеніе—въ ихъ глазахъ—было бы только справедливостью. Таково было положеніе дѣлъ, когда пришелъ приказъ государя. Дѣйствіе его было волшебное: большая часть болтуновъ умолкли и чрезъ нѣсколько дней спокойствіе было возстановлено. Теперь говорятъ, что если бы я дѣйствовалъ вяло, то меня могли бы обвинить въ преступной слабости. Согласитесь, что послѣ всего этого нужно не имѣть здраваго смысла, чтобы полагаться на наше общественное мнѣніе.

Ежедневно чувствую я, дорогой другъ, необходимость учрежденія при моемъ генеральномъ штабѣ хорошо организованной тайной полиціи; я съ первымъ курьеромъ сообщу вамъ мои предположенія относительно этого, а пока долженъ сказать вамъ, что не имѣю ни копѣйки для подобныхъ расходовъ и что я уже затратилъ около 3,000 руб. своихъ собственныхъ денегъ для полученія себѣ необходимыхъ свѣдѣній; прошу выдать мнѣ 5,000 р. до окончанія моихъ проектовъ и устройства всего дѣла надлежащимъ образомъ, соотвѣтственно обстоятельствамъ. Кавалергарды спокойны; неудовольствіе, о которомъ мнѣ говорили, произошло вслѣдствіе экономическаго устройства обмундированія; я говорилъ объ этомъ генералу Депрерадовичу, который все уладилъ. Прощайте, мой другъ, сохраните мнѣ вашу дружбу и вѣрьте въ преданность друга Л. Васильчикова.

Помѣта руки кн. Волконскаго: «Получено 14, отвѣчалъ 15 декабря 1820 г. Высочайше повелѣно отпустить пять тысячъ рублей «на извѣстное употребленіе» генералъ-адъютанту Васильчикову, о чемъ писано къ Гурьеву 15 декабря».

Ред.

XIII.

17-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Только что получилъ, дорогой другъ, ваше письмо отъ 3-го декабря, и очень жалѣю, что его императорское величество отказалъ въ производствѣ подпрапорщиковъ, на томъ основаніи, что офицеры ничего не потеряли съ переводомъ въ армію; мнѣ кажется, что было бы справедливо предоставить имъ такое же преимущество. Я не могу также согласиться съ мнѣніемъ, что останавливать производство въ полку — было бы средствомъ прекратить болтовню; напротивъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, этимъ толки лишь увеличатся, такъ какъ наказаніе пало бы не только на виновнаго, но и на невиннаго, что, конечно, произвело бы дурное дѣйствіе; сверхъ того, всѣ болтали и еще болтаютъ, и я не хотѣлъ бы брать на свою совѣсть завѣреніе, будто между кавалергардами болѣе безпокойныхъ

людей, чѣмъ гдѣ-либо; эта вещь слишкомъ щекотливая, чтобы не требовать наивеличайшей осмотрительности; невѣрное указаніе повлекло бы несоотвѣтствующія мѣры, и произволъ, во время броженія умовъ, можетъ имѣть прискорбныя послѣдствія. Итакъ, я прошу, какъ необходимую мѣру, дозволить производство въ кавалергардскомъ полку. Что касается до указаній, которыхъ вы у меня спрашиваете, то я могу только отмѣтить три личности, которыя имѣютъ репутацію болтуновъ: полковникъ Шереметевъ, капитанъ кавалергардскаго полка Пестель, и полковникъ московскаго полка Корсаковъ, послѣдній въ особенности человѣкъ безпокойный. Такъ какъ трудно найти вѣрныя доказательства того, что они говорили, то, по моему мнѣнію, необходимо сыскать предлогъ къ ихъ удаленію; иначе переводомъ ихъ безъ вины въ армію придадимъ имъ видъ новыхъ жертвъ самовластія, дадимъ поводъ къ новымъ выходкамъ противъ произвола и злоупотребленій шпіонства. Вамъ нужно знать, что лишь только получено извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Уварова, слухи о прощеніи семеновскаго полка возобновились; утверждали, что государь послалъ генерала, чтобы собрать о дѣлѣ болѣе точныя свѣдѣнія и что переформированіе семеновскаго полка отложено: эти слухи, поддерживаемые мнѣніемъ даже нѣсколькихъ генераловъ, были раздѣляемы солдатами, и вотъ почему вы увидите въ донесеніяхъ полиціи, что между послѣдними рѣчь идетъ о томъ, чтобы на первомъ парадѣ, по возвращеніи государя, просить прощеніе полку; все это утишится, какъ только новый полкъ будетъ сформированъ и когда ясно увидятъ, что воротить прошлаго нельзя; я не теряю изъ виду всѣхъ этихъ толковъ и постараюсь воспрепятствовать ихъ распространенію.

Посылаю вамъ, мой дорогой другъ, проектъ учрежденія военной полиціи; вы найдете сумму немного великой, но вы очень хорошо знаете, чтобы заставить хорошо служить этихъ мерзавцевъ, необходимо имъ хорошо платить; тяжело быть вынужденнымъ прибѣгать къ такой мѣрѣ, но при настоящихъ обстоятельствахъ необходимо заставить умолкнуть всѣ свои предубѣжденія. Главное условіе, которое отъ меня требуетъ человѣкъ, который берется вести эту часть,—есть непроницаемая тайна; онъ согласился только для меня взяться за это; эту личность я знаю уже пять лѣтъ: его честность испытана, онъ образованъ, уменъ, скроменъ, преданъ государю и не принадлежитъ ни къ какому обществу; однимъ словомъ, это Грибовскій, библіотекарь гвардейскаго генеральнаго штаба и правитель канцеляріи комитета раненыхъ; со времени исторіи семеновскаго полка я поручилъ ему на время управленіе этой частью, и могу только похвалить его за дѣятельность и готовность, съ которою онъ занимается. Если его имне-

раторское величество утвердитъ предлагаемый мною планъ, то я попрошу васъ никому не говорить объ этомъ и самыя деньги вручить такимъ образомъ, чтобы не далъ ни малѣйшаго подозрѣнія на счетъ существованія этой полиціи.

Что касается до указанія, которое препроводилъ къ вамъ Кочубей о томъ, что говорятъ жены солдатъ (семеновскаго) полка, Закревскій и я всѣми силами старались что-либо заключить изъ этого, но всѣ наши усилія были тщетны. Поведеніе Левашева относительно меня со времени этой исторіи такъ смѣшно, что мнѣ невозможно и мѣшаться въ дѣло суда, и вотъ почему мы рѣшили, что Закревскій поговоритъ съ нимъ о помянутомъ сообщеніи; я не желаю подавать и вида вліянія на судъ, который стараются направить противъ меня; я полагаю, что у Левашева довольно ума, чтобы почувствовать необходимость вывести начисто это дѣло. Прощайте, дорогой другъ, да поможетъ небо государю во всѣхъ его предпріятіяхъ и да возвратитъ его къ намъ какъ можно скорѣе, это единственное желаніе моего сердца. Еще разъ прощайте, сохраните мнѣ вашу дружбу и будьте увѣрены въ преданности друга Л. Васильчикова.

(Помѣта кн. Волконскаго: «Получено 2 января, отвѣчалъ 6 января 1821 г.»).

Ред.

XIV.

Кн. Волконскій — Васильчикову.

Лайбахъ, 6 января 1821 г.

Я получилъ ваше письмо, дорогой другъ, отъ 17-го декабря, въ которомъ вы меня просите не останавливать производство въ полку кавалергардовъ; я довелъ эту просьбу до свѣдѣнія его величества; государь согласился исполнить ее; я только что отдалъ приказанія генералу Закревскому, внести о производствѣ въ дневной приказъ. Что касается до трехъ личностей, которыя вы мнѣ называете и которыя болѣе всѣхъ болтаютъ, то его величество думаетъ, что вы должны были бы призвать ихъ къ себѣ, чтобы сдѣлать имъ внушеніе; но если имѣете вѣрныя доказательства, то, безъ всякаго колебанія, можно ихъ перевести въ армію, тѣмъ болѣе, что у насъ есть письмо полковника Корсакова, написанное въ весьма дурномъ смыслѣ. Я буду ждать по этому поводу вашего отвѣта, чтобы перевести ихъ въ армію. Отсылаю вамъ, дорогой другъ, проектъ, утвержденный его величествомъ. Деньги, которыя вы спрашивали, отпущены министерствомъ финансовъ „на извѣстное употребленіе“; онѣ будутъ вамъ вручены Закревскимъ безъ всякой формальной бумаги. Закревскій самъ не знаетъ на какой предметъ эти деньги предназначены. Государь утверждаетъ выборъ личности, которую вы мнѣ

назвали и предоставляетъ это на ваше благоусмотрѣніе. Замѣчу съ моей стороны выбранной особѣ, что такъ какъ опредѣленное ему нынѣ содержаніе довольно значительно, состояніе же его посредственное, то нужно, чтобы онъ былъ настолько предусмотрителенъ, не перемѣнялъ-бы образа жизни, дабы не подать повода къ подозрѣнію, вслѣдствіе внезапной перемѣны его состоянія. Объясните мнѣ, пожалуйста, по какому поводу Левашевъ перемѣнилъ свое поведеніе съ вами со времени исторіи семеновскаго полка, и въ чемъ это проявляется?

Сообщаю вамъ, по приказанію его величества, двѣ записки: одна отъ военнаго правленія по повода цирюльника гренадерскаго принца прусскаго полка, который жалуется на фельдфебеля и на ротнаго командира. Государь повелѣваетъ вамъ собрать вѣрныя свѣдѣнія насчетъ этого дѣла и сообщить ихъ мнѣ. Его величество замѣчаетъ, что нѣкоторые солдаты являются съ жалобами прямо въ комендантское правленіе и приказываетъ вамъ освѣдомиться, между прочимъ, нѣтъ ли въ комендантскомъ правленіи какого-либо писаря, который ихъ къ этому подстрекаетъ? Вторая записка — о мертвой женщинѣ, найденной въ казармѣ преображенскаго полка. Его величество повторяетъ вамъ наистрожайшее приказаніе, чтобы не дозволять публичнымъ дѣвкамъ входить въ казармы и если дежурные офицеры, унтеръ-офицеры и фельдфебеля строго будутъ исполнять свои обязанности, никогда такого рода женщины въ казармы непроникнуть. Я былъ въ продолженіи двухъ лѣтъ адъютантомъ . . . . . , . , . *) императора Павла, и могу поручиться, что не было примѣра такого происшествія. Солдаты, конечно, бѣгали за дѣвками, но это происходило внѣ казармъ. Все вѣрьте мнѣ, зависитъ отъ стараній начальниковъ полковъ, батальоновъ и капитановъ, чтобы ходъ внутренной службы былъ соблюдаемъ съ наивеличайшею точностью.

Примѣчаніе. Писано карандашемъ, письмо черновое. Ред.

XV.

Васильчиковъ — кн. Волконскому.

24-го декабря 1820 г.

Разговоры въ казармахъ начинаютъ по немногу утихать, дорогой другъ, и я нисколько не сомнѣваюсь, что стихнутъ совершенно, лишь только начнется формированіе новаго полка. Военный судъ скоро окончитъ свою работу и я нахожу нужнымъ заранѣе сговориться насчетъ наказаній, которыя придется приводить въ исполненіе. Желательно, чтобы были выпущены какъ можно скорѣе изъ крѣпости личности признанныя за менѣе виновныхъ, и оставить тамъ только

*) Неразборчиво. Ред.

тѣхъ, которые будутъ присуждены къ тѣлеснымъ наказаніямъ; эта мѣра тѣмъ болѣе необходима, что содержаніе въ крѣпости даетъ пищу болтовнѣ въ народѣ и среди солдатъ; конечно, лучше чтобы объ этомъ не было болѣе и толковъ.

Время инспекторскихъ смотровъ скоро настанетъ; полагаю, было-бы благоразумнѣе отложить ихъ до болѣе спокойнаго времени; надо опасаться, что солдаты будутъ подавать необдуманныя жалобы, а при настоящихъ обстоятельствахъ онѣ могли-бы увеличить затрудненія и произвести вредное дѣйствіе; я думаю, что, отложивъ смотры до февраля или марта мѣсяца, мы бы выиграли время, дѣло семеновскаго полка было бы окончательно рѣшено и броженіе умовъ успокоилось бы. Это просто мѣра осторожности, которую я намѣреваюсь принять и которую нахожу необходимой, чтобы не поставить себя понапрасну въ весьма трудное положеніе; вы мнѣ скажете по этому предмету ваше мнѣніе.

До полученія отъ васъ записки, я обратилъ вниманіе на разговоры унтеръ-офицера Гончарова, преображенскаго полка, о которыхъ было мнѣ донесено полиціею. Изъ всѣхъ претензій, о которыхъ упоминалъ унтеръ-офицеръ, одна только справедлива—это деньги, которыя имъ слѣдуютъ за артельныхъ лошадей и за телѣжки; съ тѣхъ поръ какъ я командую гвардейскимъ корпусомъ, переписка насчетъ этого не прекращалась и теперь только оказывается, что въ 1812-мъ году деньги для покрытія этого расхода были назначены, но не дошли до лейбъ-гвардіи; вы увидите изъ бумагъ, которыя я вамъ посылаю, что военный министръ приказываетъ мнѣ не говорить объ этомъ требованіи; я думалъ, напротивъ того, что долженъ настаивать на необходимости удовлетворить этой жалобѣ, потому что было бы величайшей несправедливостью лишать солдата законной собственности.

Фраки, о которыхъ въ своемъ письмѣ говоритъ Молчановъ, никогда никому не были позволены и терпимы; но возможно, что эти господа (семеновскіе офицеры?) носили ихъ самовольно. Завтра всѣ они оставляютъ городъ.

Я васъ убѣдительно прошу, мой другъ, испросить у его императорскаго величества производство въ кавалергардскомъ полку; я скорѣе чѣмъ кто-либо могу судить о дѣйствіи подобной мѣры и могу поручиться вамъ, что непроизводство въ этомъ полку—сдѣлало бы болѣе зла, чѣмъ добра. Я всегда возвращаюсь къ тому же принципу, что для того, чтобы наказаніе произвело хорошее дѣйствіе, нужно чтобы оно было основано не на предположеніи и слухѣ, а на дѣйствительныхъ доказательствахъ виновности; если-же таковыхъ нѣтъ, то понятно, что наказаніе заставитъ кричать; вотъ почему я васъ прошу взять въ сооб-

раженіе то, что я вамъ говорилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ относительно Шереметева, Пестеля и Корсакова.

Мои генералы крикуны понижаютъ голосъ; они начинаютъ сознавать неблагопристойность своего первоначальнаго поведенія, невозможность оправдать роту его величества (семеновскаго полка), это они заявляютъ и въ салонныхъ разговорахъ; остается желать, чтобы ихъ послѣдующее поведеніе загладило неблагопріятное дѣйствіе ихъ неосторожныхъ разговоровъ.

Панкратьевъ проситъ шестимѣсячный отпускъ; я думаю что можно согласиться, такъ какъ подъ начальствомъ его находится только одинъ полкъ изъ всей его бригады; его дѣла требуютъ личнаго присмотра. Прощайте, дорогой другъ, будьте здоровы и да возвратитъ васъ небо скорѣе, преданный другъ вашъ Л. Васильчиковъ.

(Помѣта кн. Волконскаго: «получилъ 10, отвѣч. 12 генв. 1821 г.»).

XVI.

Кн. Волконскій—Васильчикову.

Лайбахъ, 12 генв. 1821 г.

Въ отвѣтъ на ваше письмо, дорогой другъ, отъ 24 декабря, я прошу васъ уговориться съ генераломъ Закревскимъ насчетъ различныхъ вопросовъ, которые онъ мнѣ предлагаетъ относительно военнаго суда и о наказаніяхъ, которыя должны послѣдовать, но только послѣ конфирмація его величества.

Касательно инспекторскихъ смотровъ я не вижу препятствій къ тому, чтобъ они производились нѣсколько позже; тѣмъ болѣе, что мы уже находимся въ половинѣ января и я думаю, что солдаты, которые станутъ подавать неосновательныя жалобы, должны быть наказаны и тѣмъ строже, чѣмъ жалобы незначительнѣе и несправедливѣе: нельзя позволять солдатамъ подавать ложные доносы и много болтать. Строгость, но строгость справедливая—никогда не устрашала нашего солдата, напротивъ я часто слышалъ, какъ они хвалили за это своихъ начальниковъ.

Посылаю съ этимъ же курьеромъ приказъ его величества министру финансовъ уплатить вамъ сумму на содержаніе полковыхъ лошадей. Увѣдомляю, что его величество произвелъ всѣхъ юнкеровъ; государь не хотѣлъ дать имъ офицерскаго чина въ то время, когда они оставляли полкъ, единственно по той причинѣ, чтобы не обидѣть тѣхъ, которые хорошо служатъ въ другихъ полкахъ гвардіи и которые, тѣмъ не менѣе, остаются еще продолжать службу подпрапорщиками.

Приказъ о производствѣ офицеровъ кавалергардскаго полка уже отданъ, и я говорилъ уже объ этомъ въ послѣднемъ письмѣ. Государь

разрѣшилъ отпускъ Панкратьеву на четыре мѣсяца съ цѣлью не нарушить правила, а если дѣла его не могутъ быть окончены въ продолженіи этихъ четырехъ мѣсяцевъ, тогда можно будетъ дать отсрочку на два мѣсяца, что составитъ шесть, которые онъ и проситъ; такимъ образомъ не будетъ нарушенъ порядокъ, который нужно соблюдать.

Генералъ Закревскій сообщитъ вамъ свѣдѣніе, посланное мною относительно унтеръ-офицера семеновскаго полка, который заключенъ въ Шлиссельбургской крѣпости за извѣстные разговоры; онъ сознался, что былъ въ крѣпости у солдатъ 1-го баталіона, переодѣтымъ въ мундиръ фурштадской команды и что онъ посланъ былъ капитаномъ Муравьевымъ, доставившимъ ему и эту форму. Надо произвести по сему предмету строжайшее дознаніе и сообщить мнѣ подробности о томъ, какъ это случилось и какимъ образомъ караулъ могъ пропускать къ арестантамъ постороннія лица.

Его величество поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы слѣдили за болѣе частымъ чтеніемъ во всѣхъ полкахъ воинскаго артикула Петра Великаго, особенно статей о дисциплинѣ, о недопущеніи сходокъ съ цѣлью подавать жалобы, и чтобы все это какъ можно лучше было объясняемо солдатамъ полковыми аудиторами.

Государь находитъ также, что всѣ генералы вообще мало посѣщаютъ солдатскія казармы внѣ времени отправленія службы; его величество желалъ бы, чтобы по вашему примѣру и другіе ходили въ казармы одни, никого не предупреждая и въ различные часы; наблюдали бы что дѣлаютъ солдаты, какъ они ѣдятъ, не недостаетъ ли имъ чего-нибудь, и почаще разговаривали бы съ ними внѣ строевой службы; слушали бы ихъ жалобы, и по возможности удовлетворяли бы ихъ просьбамъ, стараясь пріобрѣсти этимъ ихъ привязанность и уваженіе, которое тѣ должны имѣть къ своимъ начальникамъ за родительское о нихъ попеченіе.

Примѣч. Письмо черновое, набросано карандашемъ. Ред.

Сообщ. кн. П. Д. Волконскій.

СКОБЕЛЕВЪ и ПУШКИНЪ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія—правительство императора Александра I, напуганное тѣми стремленіями къ свободѣ, которыя послѣ 1815 года въ разныхъ формахъ проявились во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ, стало опасаться вліянія этого духа на русское общество; оно усилило цензуру и съ особенною недовѣрчивостью взирало на малѣйшее столкновеніе начальниковъ съ подчиненными въ полкахъ гвардіи и арміи. До какихъ размѣровъ дошло недовѣріе властей къ русскому обществу вообще и къ гвардіи въ особенности послѣ, такъ-называемаго, «бунта семеновскаго полка», видно изъ разсказа объ этомъ событіи, напечатаннаго на стр. 533—548, т. IV «Русской Старины» и изъ переписки И. В. Васильчикова съ кн. Волконскимъ

Въ настоящей замѣткѣ, сообщенной А. Н. Петровымъ, мы останавливаемся на новомъ и весьма характеристическомъ эпизодѣ изъ того же времени.

Ред.

Семеновская исторія, вызванная излишнею строгостью командира семеновскаго полка, объяснялась въ правительственныхъ сферахъ 1820-хъ годовъ не иначе, какъ въ политическомъ смыслѣ, и понималось какъ начало проявленія безпорядковъ въ войскахъ гвардіи. Заступникомъ за благонадежность войскъ, и особенно гвардіи, явился, состоявшій въ званіи военнаго генералъ-полиціймейстера, генералъ-маіоръ Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Вотъ его рапортъ къ главнокомандовавшему 1-ю арміею, отъ 3-го октября 1822 года:

„Находясь въ званіи военнаго генералъ-полиціймейстера близъ года, я не ограничивался однимъ наблюденіемъ порядка въ отношеніи къ гарнизонной службѣ, обязанности по коей, составляя прямой долгъ каждаго изъ служащихъ, если и находилъ я временно не отвѣчающими существующимъ постановленіямъ, напротивъ чего не имѣлъ также и резону причесть ихъ къ намѣренію въ пользу какой-либо вредной цѣли.

„А посему и кругъ дѣйствія моего направленъ былъ къ предмету, далеко полезнѣйшему, который тѣмъ болѣе казался мнѣ важнымъ, что и ваше превосходительство, по прибытіи моемъ къ должности, были того самаго мнѣнія, которое составляло душевную тягость всѣхъ, безъ изъятія, уважающихъ вѣру, любящихъ царя и желающихъ родной странѣ счастливаго бытія.

„Нелѣпые разсказы, плодъ подлой праздности, за долго еще предъ вступленіемъ моимъ въ настоящее званіе познакомили меня съ возникающими, будто бы, и укореняющимися преступными и чести чуждыми—въ людяхъ имяни сего недостойныхъ—намѣреніями.

„Разговоръ—вещь не трудная; на тысячу добродѣтельныхъ смертныхъ достаточно одного исчадія ада, чтобъ разсѣять опасность и повергнуть въ грустное уныніе добрыхъ сыновъ церкви и отечества.

„Такой точно видъ образовало собою вздорное происшествіе, лейбъ-гвардіи въ семеновскомъ полку случившееся. Страхъ при столь новомъ и народу русскому несвойственномъ событіи не былъ секретомъ, а толки о семъ, въ превратномъ смыслѣ, усилились, дали оному повсемѣстный потокъ.

„Послѣдствія обнаружили истину, но не истребили до конца опасенія, поддержанныя сколько буйствомъ людей, ни на что негодныхъ и въ единомъ безпорядкѣ благо свое видящихъ, а не менѣе и нечестивыми журналами, вносящими дерзкую и чуждую намъ клятвопреступную возможность къ пренію ничтожнаго подданнаго съ высочайшею властію избраннаго помазанника Всесильнаго Бога!

„Къ сему-то единственно предмету обратилъ я—подъ бременемъ слабаго здоровья—увядающія способности мои. Долговременная служба дала мнѣ средство пріобрѣсть обширный кругъ знакомства и упрочить дружескія связи, по мѣрѣ и ходу возвышенія моего съ людьми, различнымъ классамъ принадлежащими; 11-ти-лѣтняя въ казармахъ жизнь предоставила сильныя права къ возбужденію пріязни въ прежнихъ товарищахъ; и сверхъ сего, не стыжусь сказать, что всѣ средства, въ какой бы крайности ваше превосходительство представить ихъ ни пожелали, всѣ пути, въ какой бы низости вы ихъ ни вообразили, всѣ виды, костюмы и самая даже ненавистная форма пьянаго въ трактирахъ и кабакахъ, во время разъѣздовъ моихъ, была повсемѣстнымъ моимъ удѣломъ. И въ награду столь и самому мнѣ странныхъ подвиговъ, я пріобрѣлъ полное и торжественное право утвердительно говорить: что во всей, рѣшительно, гвардіи и арміи — съ весьма малымъ и при томъ частнымъ исключеніемъ—прямая добродѣтель — въ самомъ благороднѣйшемъ направленіи и ясна какъ солнце! Путь къ чести твердъ, надеженъ, непоколебимъ, и смерть въ

доказательство пламенной любви къ монарху — самый блестящій шагъ вѣрноподданнымъ обожаемаго царя.

„Въ удостовѣреніе сей несомнительной истины, при первомъ открывшемся случаѣ, который-бы руководилъ къ преступной цѣли сто человѣкъ, одною мыслію направленныхъ, я подвергаю, и даже прошу трубить себѣ голову, какъ первому изъ нихъ злодѣю.

„Отнюдь не помышляя защищать себя просимымъ увольненіемъ отъ службы, для сей (смѣло говорю) несбыточной отвѣтственности, я всегда и всюду опредѣляю себя въ жертву столь примѣрнаго наказанія.

„А посему, соглашаясь съ общимъ мнѣніемъ, что полиція, собственно для арміи, вовсе не надобна, и что она была-бы явнымъ оскорбленіемъ честолюбію ревнующихъ къ пользамъ службы воиновъ, слѣпое повиновеніе — единственнымъ спутникомъ имѣющихъ, въ доказательство любви къ монарху, какъ сказалъ я выше, на вѣрную смерть готовыхъ, нахожу, что столь твердую въ основаніяхъ своихъ вѣру, ничтожное, богомерзское и, такъ сказать, французско-кучерское воспитаніе получившіе и себѣ собственно вредные шалуны, поколебать исполинскихъ силъ не имѣютъ; тварь сія болѣе жалка, нежели опасна и, по военной службѣ, за поступками подобныхъ имѣется строгій надзоръ, а къ истребленію, въ случаѣ дурного успѣха въ исправленіи, какъ и вашему превосходительству извѣстно, пріемлются должныя мѣры.

„Что-жъ касается до людей, имѣющихъ въ распоряженіи своемъ государственный интересъ, какъ-то по провіантской и комиссаріатской частямъ, на которыхъ я равномѣрно обращалъ наблюдательный взоръ и изъ коихъ бо́льшая часть исполняютъ дѣла службы подъ руководствомъ подлой корысти, то въ обезпеченіе сей значущей отрасли государственнаго достоянія полиція, полагаю, необходима.

„Въ основаніе изложеній сей записки принята сущая истина, о коей, по званію монаршею довѣренностію облеченнаго чиновника, а вмѣстѣ и вѣрнаго его императорскому величеству слуги, и не имѣлъ смѣлости умолчать.

„Военный генералъ-полицмейстеръ 1-й арміи генералъ-маіоръ Скобелевъ“.

Славному ветерану пришлось сильно поплатиться за свое кудреватое, но честное и сильное слово, попавшее въ разрѣзъ съ господствовавшимъ мнѣніемъ. Онъ впалъ въ немилость, лишился занимаемаго имъ поста, что отозвалось на его здоровьѣ, а главное нанесло сильный нравственный ударъ..... Приведемъ другое его письмо отъ 17 января 1824 г., изъ Москвы, какъ кажется, къ главнокомандо-

вавшему 1-й арміи. Поводомъ къ письму послужило ходившее въ то время въ рукописи стихотвореніе, приписываемое Пушкину: „Мысль о свободѣ".

„Утомясь угрызеніями грозно преслѣдующей меня совѣсти — пишетъ Скобелевъ — и оплакавъ шагъ, сдѣланный мною по необузданному побужденію слѣпой вѣры къ предмету, повергшему меня въ долю наизлополучнѣйшую, я постепенно привыкаю къ имяни человѣка, чрезъ праздность ничтожнаго. Не имѣя правъ смотрѣть вамъ въ глаза съ тою благородною свободою, каковая нѣкогда была лестною вывѣскою души моей, безъ сомнѣнія не буду я искать случая присутствіемъ своимъ навлечь вамъ тягость; но какъ минутная погрѣшность, въ основаніе коей вошли причины неопытности моей, чрезъ мѣру важныя, не сильны были умертвить во мнѣ постоянныхъ порывовъ къ истинному добру, и несчастіе не потушило пламеннаго желанія быть полезнымъ благодѣтелю царю, то и рѣшился я положить вашему превосходительству: не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядныя дарованія свои употребилъ въ явное зло, запретить издавать развратныя стихотворенія? Не соблазнъ они для людей, къ воспитанію коихъ пріобщено спасительное попеченіе; но въ настоящее время, по всей вѣроятности, большая часть родителей о томъ даже и не помышляетъ! Всѣ, какъ къ Божьему гнѣву, спѣшатъ учить языкамъ, числомъ коихъ свершается курсъ наукъ питомцевъ пагубной моды. Образуя собою зданіе превосходнѣйшей архитектуры, безъ прочнаго фундамента, съ жадностію впиваютъ въ себя ядъ, нечестіемъ составленный, и вредя впослѣдствіи (по крайности собственно для нихъ) очевидно несомнительно. Я не имѣю у себя стиховъ сказаннаго вертопраха (Пушкина), которые повсюду ходятъ подъ именемъ: Мысль о свободѣ. Но, судя по возраженіямъ, ко мнѣ дошедшимъ (также повсюду читающимся), они должны быть весьма дерзки; послѣдніе осмѣливаюсь представить".

Стихотвореніе — „Мысль о свободѣ" — разошлось въ значительномъ количествѣ списковъ. Вотъ его начало:

Мысль о свободѣ.

Взойдетъ ли наконецъ, друзья,
Среди небесъ роднаго края
Давно желанная заря —
Заря свободы золотая? и т. д. всего 41 строка.

Воспѣвъ геройское освобожденіе швейцарцевъ, разбившихъ огромныя полчища Карла Смѣлаго при Маргартенѣ, тотъ-же поетъ въ другомъ стихотвореніи, также въ то время распространенномъ въ рукописи

выражаетъ своему молодому другу пылкую любовь „къ возвышенной свободѣ".

Посланіе къ другу.

Что значатъ эти увѣщанья?
Мой другъ, что значитъ голосъ твой?
Онъ возбудилъ въ груди младой
Нѣмой порывъ негодованья.
Ты мыслишь, что разлуки годы
Во мнѣ убили прежній духъ?
Что въ сердцѣ молодомъ потухъ
Сей жаръ возвышенной свободы?—

Нѣтъ, другъ мой! я всегда питалъ
Сіи прекрасныя желанья,
И сей огонь неугасалъ
Ни въ наслажденьи, ни въ страданьи,
И гордый духъ мой презиралъ
Слѣпую власть очарованья.
Во мнѣ святыя чувства живы:
Тѣ чувства къ родинѣ, любви;
И часто въ пламенной груди
Кипятъ отважные порывы.
Твой другъ гордится чувствомъ симъ.
Въ странѣ. . . . . .
Къ толпѣ льстецовъ, къ рабамъ слѣпымъ
Бросаетъ гордый взглядъ презрѣнья.
Я не склонялъ главы младой
Передъ вельможею надменнымъ,
Не полъ презрительной стезей
Къ рабамъ—рабами окруженнымъ;
Мой другъ! я молодъ, но видалъ,
Какъ льстецъ, эмблема униженья,
Съ восторгомъ рабскаго забвенья,
Любимцевъ . . . . . слѣдъ лобзалъ,—
И гордый духъ мой замиралъ
Въ порывахъ гнѣвнаго волненья!

Въ отвѣтъ на эти стихотворенія были написаны „Возраженія", также ходившія въ рукописи по рукамъ. Одно изъ нихъ „Мысль россіянина о свободѣ"—есть произведеніе Николая Цыбульскаго. Другое, подъ названіемъ „Мысль русскаго солдата о свободѣ"—неизвѣстнаго автора.

Первое изъ „возраженій" состоитъ изъ двухъ-сотъ стиховъ, второе изъ ста тридцати. Приводимъ изъ того и другого нѣсколько строкъ:

I.

Мысль Россіянина о свободѣ.

(Возраженіе).

Не ты-ль во цвѣтѣ раннихъ лѣтъ
Презрѣвъ обычай нашъ и нравы,
Клятвопреступный далъ обѣтъ,
Изгнать желанье прочной славы?
Не ты-ль свободу громко звалъ,
Прельстясь игрою заблужденій?
Куда завелъ тебя твой Геній?
На чемъ ты счастье основалъ!
Себя-ль ты хочешь имъ ласкать?
Уронъ его невозвратимой!
Сей вольности неукротимой,
На то-ль рѣшился-бъ ты искать—
Чтобъ ею гордо забавляться,
Среди бунтующихъ страстей?
И въ торжествѣ другимъ являться,
Какъ ненаказанный злодѣй?
На что сей вольности желать,
И быть врагомъ законной власти;—
На то-ль,—чтобъ вѣчно трепетать
И ожидать одной напасти? и т. д.

II.

Мысль Русскаго солдата о свободѣ.

(Возраженіе).

Демократія—безумный, что за бредъ?
Какихъ желаешь ты родному краю бѣдъ?
Къ покою нашему вездѣ начальство есть,
И каждый каждому являетъ должну честь.
Чинъ чина почитаетъ,
И благо свое въ томъ, солдатъ и гражданинъ смекаетъ.
Какое-жъ въ вольности добро?
Кто смѣетъ увѣрять,
Чтобъ въ безначаліи ребро
Не могъ я потерять,
Иль черепъ своротить
Не смѣлъ самъ у другого?
Кто-бъ вздумалъ утвердить,
Что званія простого
Бурлакъ и трубочистъ,—
Министръ и копіистъ,
Равны въ толпѣ народной,
Гдѣ могутъ всѣ кричать,
Гдѣ разумъ каждаго свободный
Законы можетъ предлагать;

Гдѣ регистраторъ нашъ пьянчужка,
Полуфранцузъ гдѣ куралеситъ
И на вѣсахъ своихъ все вѣситъ.
Нѣтъ, нѣтъ; дурная тутъ игрушка и т. д.

И. Н. Скобелевъ не находилъ сообщенныхъ имъ по начальству „возраженій“ достаточно сильными, а потому въ томъ же рапортѣ къ главнокомандовавшему 1-й арміи сдѣлалъ отъ себя слѣдующее предложеніе:

„Если-бъ сочинитель вредныхъ пасквилей (Пушкинъ) немедленно, въ награду, лишился нѣсколькихъ клочковъ шкуры — было бы лучше. На что снисхожденіе къ человѣку, надъ коимъ общій гласъ благомыслящихъ гражданъ дѣлаетъ строгій приговоръ? Одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы; но сколько же напротивъ водворится вреда — неумѣстною къ негодямъ нѣжностью! Можно смѣло ручаться, что многіе изъ порядочныхъ людей безъ соболѣзнованія рѣшились бы удавить дѣтей равномѣрно развратныхъ, слѣдовательно большой еще перевѣсъ на сторонѣ благочестія, — надобно только зло умерщвлять въ началѣ рожденія его.

„Простите смѣлости; это мысль бо́льшей части людей и моя вмѣстѣ.. Генералъ-маіоръ Иванъ Скобелевъ“.

Сообщ. А. Н. Петровъ.

Примѣчаніе. Необходимо оговорить, что грубость и жестокость — какія является въ Скобелевѣ приведенный документъ — вовсе не были присущи характеру этого типическаго представителя своего времени. Въ немъ складывались дурныя и необыкновенно хорошія черты — самымъ оригинальнымъ образомъ. Скобелевъ, рекомендующій содрать «нѣсколько клочковъ шкуры» съ Пушкина, — вовсе не тотъ, какимъ знаетъ его петербургское общество на посту коменданта Петропавловской крѣпости. Здѣсь могла-бъ вполнѣ проявиться жестокость этого человѣка, если бы она не была въ немъ дѣломъ, вызываемымъ лишь требованіями долга службы и дисциплины, какъ онъ ихъ понималъ... Напротивъ, Скобелевъ проявилъ замѣчательную человѣчность въ обращеніи съ узниками, и доселѣ ходитъ много разсказовъ о его самоотверженномъ за нихъ заступничествѣ; одинъ изъ таковыхъ разсказовъ — напечатанъ и въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г. т. I стр. 603 (пер. изд.) и 539 (втор изд.). Ред.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПОЛЕВОЙ.

(Изъ записокъ барона Ѳ. А. Бюлера).

Въ 1838 году я былъ воспитанникомъ не задолго до того открытаго училища Правовѣдѣнія. Лѣтомъ мнѣ удалось воспользоваться вакаціями для сопровожденія отца моего за границу. Въ продолженіи этой поѣздки я велъ дневникъ, который, по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ, ходилъ по рукамъ моихъ товарищей и нѣкоторыхъ изъ нашихъ воспитателей. Одинъ изъ нихъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ русскаго языка въ низшихъ классахъ училища, Ардаліонъ Васильевичъ Ивановъ, состоявшій какъ-то въ родствѣ съ Н. А. Полевымъ, вздумалъ показать ему мою рукопись и, если не ошибаюсь, это уже было зимою, въ началѣ 1839 года, я былъ въ высшей степени пріятно пораженъ, найдя выдержку изъ моего дневника напечатанною въ „Сынѣ Отечества“, который выходилъ тогда ежемѣсячно, въ видѣ толстой книжки, подъ редакціей Н. А. Полевого. Статья моя была озаглавлена „Воспоминанія объ Лондонѣ“ и я былъ чрезвычайно польщенъ оказанною мнѣ честью, хотя трудъ мой помѣщенъ былъ въ отдѣлѣ „Смѣси“ и безъ моего имени; однакожъ съ оговоркою, въ примѣчаніи, что это произведеніе воспитанника одного изъ столичныхъ казенныхъ заведеній. Я поспѣшилъ поблагодарить добраго А. В. Иванова и попросилъ его доставить мнѣ возможность лично познакомиться съ Н. А. Полевымъ, для того чтобы поблагодарить его за вниманіе и поощреніе, оказанныя моимъ литературнымъ опытамъ.

Полевой жилъ тогда очень далеко, гдѣ-то на канавѣ, около Покрова и проводилъ цѣлые дни за своимъ письменнымъ столомъ, въ свѣтло-зеленомъ камлотовомъ, поношенномъ халатѣ, подпоясанный шерстянымъ шарфомъ, какіе въ то время нашивали въ дорогѣ, на шеѣ. Лицо его уже тогда было желтоватое, исхудалое, въ морщинахъ. Гравированный портретъ его, въ вышедшемъ тогда же (въ 1839 г.) I томѣ „Сто Русскихъ Литераторовъ“, довольно похожъ, за исключе-

нѣмъ волосъ, которые я у него никогда не видалъ завитыми, — какъ на портретѣ, а чаще всклокоченными, нѣсколько растрепанными. Онъ пользовался тогда заслуженною популярностью, какъ журналистъ и драматургъ. Многія пьесы его, какъ напр. „Ломоносовъ", „Параша Сибирячка", „Купецъ Иголкинъ" и пр. имѣли огромный успѣхъ на сценѣ. За каждое изъ этихъ драматическихъ произведеній онъ получалъ бриллiантовые перстни отъ покойнаго государя. Онъ продавалъ ихъ и вообще всегда нуждался. Жить ему здѣсь было труднѣе, чѣмъ въ Москвѣ. На немъ сильно тяготѣла катастрофа „Телеграфа". Это былъ человѣкъ — нравственно пришибенный; въ немъ были порванныя струны и придавленные порывы; онъ уже работалъ безъ увлеченія, но равномѣрно, какъ маятникъ; усидчиво, какъ труженикъ, озабоченный поддержаніемъ многочисленнаго семейства; но, все-таки, въ произведеніяхъ его проявлялись талантъ и огромная начитанность, притомъ они отличались замѣчательною чистотою слога, даже краснорѣчіемъ. Съ перваго раза Полевой поразилъ меня ясностью взгляда своего на обсуживаемые предметы и обширностью своихъ познаній. Бесѣда его была увлекательна и поучительна. Часто, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, онъ обращался къ своей библіотекѣ, т.-е. къ книгамъ непереплетеннымъ, а едва державшимся въ грязныхъ оберткахъ и разбросанныхъ въ его довольно обширномъ кабинетѣ гдѣ попало, иныя на полкахъ, устроенныхъ вдоль стѣнъ изъ простыхъ, неокрашенныхъ досокъ, другія на стульяхъ, на полу, на столахъ и т. д. Читая мнѣ однажды цитату изъ французской книги, онъ сказалъ: „Не удивляйтесь моему дурному произношенію; я одинъ выучился читать по-французски и говорить на этомъ языкѣ не умѣю!" Дѣйствительно, выговоръ былъ ужасный; Полевой произносилъ каждую букву т.-е. читалъ по-французски, какъ читаютъ по-латыни. Въ отношеніи англійскаго языка, метода была таже. Онъ зналъ наизусть всего Шекспира и его трагедіи были однимъ изъ любимыхъ предметовъ разговора Николая Алексѣевича. Изданный имъ переводъ Гамлета безспорно лучше всѣхъ другихъ; повторяю, это былъ тогда человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже отжившій, въ иныхъ — даже чуть не мертвецъ; словомъ, онъ тогда дошелъ до той черты, когда согбенный испытаніями старецъ становится интереснѣе для постороннихъ, чѣмъ для самого себя. Но Полевой никогда не былъ равнодушенъ къ молодому поколѣнію и къ желанію принести пользу родинѣ и ближнему.

Въ 1843 году меня особенно сблизило съ нимъ то, что онъ задумалъ издать иллюстрированную „Исторію Суворова" и поговаривалъ даже о намѣреніи написать современемъ подробную его исторію въ 10-ти томахъ. Мой отецъ, баронъ Андрей Яковлевичъ Бюлеръ, дѣй-

ствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, въ молодости своей служилъ при великомъ полководцѣ, въ качествѣ дипломатическаго чиновника; онъ любилъ вспоминать малѣйшія подробности, относившіяся до этой эпохи, и имѣлъ портретъ героя, рисованный пастельными красками извѣстнымъ живописцемъ курфирста саксонскаго, Фридрихомъ Шмитомъ *), по которому, съ позволенія отца моего, Н. И. Уткинъ нѣкогда исполнилъ свою извѣстную гравюру.

По желанію Николая Алексѣевича, отецъ мой назначилъ ему свиданіе и тутъ-то я увидѣлъ его, въ первый разъ, въ черномъ фракѣ съ Анненскимъ крестомъ въ петлицѣ. Посѣщенія его возобновлялись, отецъ мой разсказывалъ ему обо многомъ, чего былъ очевидцемъ и часто препоручалъ мнѣ отвозить Полевому разные неизданные исторические матеріалы, касавшіеся Суворова. Портретомъ его онъ также ссудилъ Полевого, по его просьбѣ. Копія съ него (увы, весьма плохая, почти лубочная) приложена къ вышедшей въ слѣдующемъ 1844 году „Исторіи Суворова".

Помѣщаемыя вслѣдъ за симъ два письма Н. А. Полевого, одно ко мнѣ, другое къ отцу моему, сохранившіяся у меня въ подлинникѣ, касаются именно тогдашнихъ моихъ къ нему отношеній:

1.

„Милостивый государь, Ѳедоръ Андреевичъ! Не знаю какъ благодарить васъ за всѣ одолженія ваши. Покорно прошу передать почтенному родителю вашему слабое изъявленіе чувствъ моихъ въ прилагаемомъ у сего письмѣ. Въ среду я въ вашихъ распоряженіяхъ, и явлюсь по назначенію вашему. Портретъ сохраню, какъ драгоцѣнность, и подтвержу художнику, чтобы онъ скорѣе доставилъ его обратно ко мнѣ, для передачи вамъ.

„Вѣрьте совершенному почтенію и проч. Н. Полевой".

27 февраля 1843 г. С.-Петербургъ.

2.

„Ваше высокопрев — ство милостивый государь! Спѣшу принесть мою душевную, глубокую благодарность за всѣ благосклонныя одолженія, коими ваше высокопревосходительство изволили почтить меня, и милостивое вниманіе, оказываемое вами къ малому труду моему, недостойному великаго человѣка, памяти коего посвященъ онъ. Страницы 3-го выпуска моего сочиненія будутъ украшены именемъ вашимъ, бесѣдою вашею съ безсмертнымъ героемъ Измаила и Сенъ-

*) Исторію этого портрета, весьма любопытную, какъ единственнаго, для котораго позировалъ Суворовъ, когда-нибудь разскажу отдѣльно. Ѳ. В.

Готарда. Усердіе мое да замѣнитъ въ сужденіи вашемъ недостатки дарованія и краснорѣчія.

„Возобновляя изъявленія чувствъ и проч. Николай Полевой".

Февраля 27 дня 1843 г. С.-Петербургъ.

Полевой зналъ, что со времени моей поѣздки за границу, когда вошло въ моду собирать автографы, я собиралъ ихъ гдѣ только къ тому представлялся случай, и вотъ онъ привезъ цѣлую кипу писемъ, которыя получалъ въ разное время отъ своихъ литературныхъ собратій и иныхъ извѣстныхъ лицъ, и подарилъ ихъ мнѣ въ выраженіе признательности за тѣ одолженія мои, на которыя намекалъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 27 февраля. Тутъ были автографы: Булгарина, Греча, Глинки, Дегая, Іакинфа Бичурина, адмирала барона Врангеля, князя П. А. Вяземскаго, И. И. Дмитріева и друг. Нѣкоторые изъ нихъ Полевой тутъ же прочелъ, обращая мое вниманіе на то, какъ въ нихъ отразился характеръ лицъ, писавшихъ эти письма.

Съ 1844 года я уже почти не жилъ въ Петербургѣ и помню только, что въ послѣднюю свою бесѣду со мною, Полевой былъ особенно откровененъ, разсказавъ подробно, какъ, по сдѣланному на него доносу, онъ привезенъ былъ сюда изъ Москвы, въ сопровожденіи жандарма... Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, на похоронахъ Полевого, въ церкви Николы Морского, при стеченіи множества сановниковъ и литераторовъ, Булгаринъ хотѣлъ-было ухватиться за ручку гроба, одинъ изъ присутствовавшихъ, чуть-ли ни П. А. Каратыгинъ, оттолкнулъ его, сказавъ: „Ужъ ты его довольно поносилъ при жизни!"

Привожу изъ моего собранія автографовъ—три письма къ Н. А. Полевому, а именно: Греча, Булгарина и о. Іакинфа, а также письмо Н. В. Гоголя къ С. Т. Аксакову—послѣднее подарено мнѣ въ 1839 г. Ив. С. Аксаковымъ.

I.

Спб. 11 мая, 1824 г.

„Любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ! . . . . . Я совершенно согласенъ съ вами, что не худо было бы перепечатать первую тетрадь корректурныхъ листовъ. Только пришлите введеніе. Согласясь въ основаніяхъ, я передѣлаю свое начало и очень скоро. Вы правы, что должно пустить сіи книги въ публику. Только присылайте начало.

„При семъ препровождаю мои отвѣты на глагольные ваши вопросы: я оставилъ у себя съ нихъ копію. Не ограждаюсь извиненіями въ

томъ, что не совсѣмъ съ вами согласенъ; у насъ въ виду не соперничество, и не комплименты, а самое дѣло.

„Если увидите князя Одоевскаго, то поклонитесь ему и скажите, что я его статью на князя Шаликова получилъ, и напечатаю, если цензура пропуститъ, но вѣроятно, она не прейдетъ адовыхъ вратъ.

„Желательно бы мнѣ было крайне увидѣться съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ. Постарайтесь сдѣлать это. Мы въ дни недѣли нарабогали бы кучу. Если случится вамъ пріѣхать, то остановитесь прямо у меня. Жена и дѣти мои будутъ жить на дачѣ, а намъ въ десяти покояхъ раздолье. Тутъ-то поработаемъ и поспоримъ. Вы будете имѣть и особый входъ, и особыя комнаты. Не откажите!

„Прощайте, до свиданія письменнаго или, лучше, личнаго. Вашъ Н. Гречъ.

„Нельзя ли доставить замѣчаній, особенно И. И. Давыдова....“

II.

Спб. 19 февраля, 1828 г.

„Милостивый государь, Николай Алексѣевичъ, сегодня вечеромъ получилъ я № 2 „Телеграфа“ на 1828 годъ и при немъ вырѣзки изъ другой книжки, гдѣ находится рецензія моихъ сочиненій. Хотя вы погладили меня какъ мачиха, то-есть противъ шерсти, но благородный тонъ критики и хладнокровіе, съ которымъ вы царапнули меня, внушаетъ мнѣ полное къ вамъ уваженіе. Вы ошиблись въ главномъ, полагая что я начитался Жуи и Аддиссона. Клянусь вамъ честью и всѣмъ святымъ, что до сихъ поръ не имѣлъ духу прочесть этихъ господъ какъ слѣдуетъ, а если это придетъ мнѣ въ голову, то справляюсь по заглавіямъ, не было ли о томъ писано, и пробѣгаю статью, чтобъ не встрѣтиться въ мысляхъ и изложеніи,—чтобъ добрые люди не подумали что я подражаю. Это такъ вѣрно, какъ то, что вы первый журналистъ московскій. Даже вы говорите, что я не готовилъ себя въ литераторы. Кто же готовилъ себя въ Россіи? Тѣ, которые протухли на университетскихъ скамьяхъ—именно никуда негодятся, и жаль что вамъ неизвѣстно, что я слушалъ лекціи въ Гетингенѣ, въ Вильнѣ и въ Страсбургѣ. Но это вовсе не нужно даже, чтобъ быть наблюдателемъ нравовъ, и въ этомъ случаѣ даже скорописанье не вредно. Вы не можете опредѣлить: кто я таковъ въ литературѣ? бель-летристъ и только.

Вотъ спорные пункты, которые я кончу—симъ письмомъ, ибо спорить въ журналахъ не буду. Я сознаюсь, не надѣялся отъ васъ и этого и ваши опроки удивили меня и заставляютъ вѣрить словамъ общихъ нашихъ друзей, Мицкевича и Малевскаго, на вашъ счетъ. Вѣрите, что

самое жестокое сужденіе на мой счетъ никогда не разсердитъ меня, если въ немъ видна добросовѣстность. Смѣшно требовать похвалъ, и столько же смѣшно требовать, чтобы всѣ смотрѣли одними глазами на предметы. Хотя въ главныхъ пунктахъ кажется мнѣ вы и не такъ растолковали мое Ichheit *)—но дѣло въ томъ, что вы обошлись со мною какъ слѣдуетъ человѣку съ человѣкомъ, литератору съ литераторомъ, и я доволенъ, еслибъ даже нашелъ сужденія во сто разъ строже. Вы знаете меня нѣсколько, т.-е. знаете наружность души моей, которая слишкомъ пламенна и не умѣетъ скрывать своихъ порывовъ. Это конечно порокъ, но все-таки почище притворства. Я вамъ высказалъ мое мнѣніе: пусть это послужитъ вмѣсто дружеской антикритики и останется между нами.

Если на васъ найдетъ грусть, совѣтую взять въ руки Корсара Олина. Это chef d'oeuvre безсмыслицы. Я въ моей критикѣ называю слогъ его сердитымъ пѣтухомъ на ходуляхъ. Бѣдная наша словесность! совершенный упадокъ всего. Еслибъ не писалъ Пушкинъ—бѣда! Что книга—то хлопоты. Ругать всѣхъ—нельзя, да и публикѣ наскучитъ; хвалить грѣхъ—можешь, можешь только чтобъ закрыть пустоту и книги и журнальнаго мѣста.

Три тонина моихъ сочиненій выйдутъ на святой—и простите самолюбію—съ портретомъ. Думая оставить литературное поприще и удалиться на покой, я рѣшился на это. Браните! Въ предисловіи я хлеснулъ моихъ безмозглыхъ критиковъ, но въ Ичелѣ оговорюсь, что это до васъ не касается, а въ предисловіи именъ нѣтъ, ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ смыслѣ.

Какъ идетъ ваше литературное депо? Если это входитъ въ планъ вашъ, напишите, я вамъ пришлю своихъ книгъ и надѣюсь, что это не помѣшаетъ сказать вамъ что угодно. Клянусь честью, что какъ бы ни разбранили, только бы въ благородномъ тонѣ—не разгнѣваюсь.

Будьте справедливы. У васъ однажды было напечатано, что мои воспоминанія объ Испаніи выписаны изъ какой-то французской книги. Я купилъ эту книгу, прочелъ со вниманіемъ два раза, сличалъ и не нашелъ ни слова. Я только числа выписалъ изъ печатной книги, и то не изъ той, которую вы указали. Все оригинальное—увѣряю васъ честью стараго воина. Не ошибитесь опять. Грѣхъ.

Поцѣлуйте отъ меня добраго Мицкевича. Валленродъ его чудо—уже отпечатанъ и картинки весьма недурны, а по композиціи даже и хороши.

---

*) Самобытность, индивидуальность.

Простите и вѣрьте, что я не такъ дуренъ, какъ вамъ меня обрисовали.

Съ искреннимъ почтеніемъ и проч. Ѳ. Булгаринъ."

III.

19 марта 1831 г.

„Милостивый государь Николай Алексѣевичъ! Мнѣ помнится, что вы намекали о прекращеніи споровъ, возникшихъ между мною и г. Клапротомъ относительно исторіи народовъ въ Средней Азіи. Г. Клапротъ вскорѣ послѣ того самъ подалъ мнѣ случай къ тому. Въ прошломъ году онъ издалъ опроверженіе на исторію монгольскаго народа, помѣщенную въ моихъ запискахъ о Монголіи. Въ семъ опроверженіи онъ раскрылъ и систему французской восточной школы о народахъ Средней Азіи. Какъ сія система въ самомъ основаніи своемъ есть вздорная, то и не потребовалось многаго труда для ея опроверженія. Я написалъ объясненіе на его опроверженіе и посылаю на ваше разсмотрѣніе. По строгомъ выправленіи помѣстите сію статью въ вашемъ журналѣ; и сверхъ сего не можно-ль постараться, чтобы она переведена была и на другіе языки. Прошлую зиму едва не всю я страдалъ отъ простуды, почему нынѣшнимъ лѣтомъ располагаюсь провести около двухъ мѣсяцевъ на горячихъ водахъ; а это еще болѣе года задержитъ меня въ Кяхтѣ, и съ вами увидѣться надѣюсь не ранѣе августа въ слѣдующемъ году. Впрочемъ я здѣсь не безъ дѣла. Обучаю дѣтей китайскому языку, передѣлалъ китайскую грамматику, написалъ разговоры на китайскомъ языкѣ для дѣтей и привожу къ окончанію переводъ монгольскаго словаря съ китайскаго на русскій. Монгольскую грамматику для себя составилъ еще въ прошломъ году — выборомъ правилъ изъ нѣсколькихъ грамматикъ, и нынѣшнимъ лѣтомъ думаю заняться симъ языкомъ. Духовная миссія, отправившаяся въ Пекинъ 30 августа въ прошломъ году, 18 ноября благополучно прибыла въ свое мѣсто и принята очень хорошо. Дальнѣйшихъ извѣстій не имѣемъ. Я ожидаю вашего мнѣнія о посланныхъ къ вамъ статьяхъ относительно черепословія. Если онѣ годны для вашего журнала, то сочинитель обѣщаетъ отправить къ вамъ еще нѣсколько главъ. Монахъ Іакинфъ."

Примѣч. Извѣстный ксинологъ и настоятель россійской миссіи въ Пекинѣ, издалъ нѣсколько сочиненій о монгольскихъ племенахъ, между прочимъ: «Историческое обозрѣніе Ойратовъ», С.-Петербургъ, 1834 г. и перевелъ съ китайскаго «Описаніе Тибета, Чжуньгаріи и Восточнаго Туркестана», С.-Петербургъ, 1828 и 1829. Іакинфъ Бичуринъ умеръ въ исходѣ 1840-хъ годовъ, проведя послѣдніе годы своей жизни въ Александроневской Лаврѣ.

Баронъ Ѳ. Б.

IV.

Письмо Н. В. Гоголя къ С. Т. Аксакову.

Вы не виноваты. Это моя нещастная судьба всему виною. Я теперь самъ не ѣду. Морозы повертнули меня въ совершенное уныніе. Я уже успѣлъ отморозить себѣ ухо несмотря на всѣ закутыванья. Я не знаю какъ и что дѣлать. Какъ это все странно вышло! Но мнѣ никогда ни въ чемъ удачи. Признаюсь въ вашей запискѣ мнѣ больше всего жаль что вы обманулись въ вашихъ надеждахъ что опредѣленіе не состоялось жаль потому что эта неудача вамъ непріятна.—Будьте здоровы обнимаю васъ нѣсколько разъ. Если удастся завтра буду у васъ. Весь вашъ Гоголь.

Примѣчаніе. Адресъ на оборотѣ этого же письма, сложеннаго вчетверо: «Сергѣю Тимофѣевичу Аксакову». Во всемъ письмѣ нѣтъ ни одной запятой. Въ настоящемъ спискѣ удержана орѳографія подлинника, подареннаго мнѣ, въ 1839-мъ году, моимъ училищнымъ товарищемъ И. С. Аксаковымъ.

Сообщ. баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВѢКА.

XVI*).

Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ.

Князь Д. П. Горчаковъ родился 1 января 1758 года (Рос. родосл. книга, кн. II. Долг., ч. I, стр. 63, подъ № 43; считаю это указаніе болѣе вѣрнымъ, чѣмъ приведенное митр. Евгеніемъ и Гречемъ, будто временемъ его рожденія былъ 1762 годъ). Онъ получилъ домашнее воспитаніе, а въ службѣ не пошелъ далѣе чина коллежскаго совѣтника (Слов. митр. Евг., ч. I, стр. 153). Владѣя несомнѣннымъ даромъ стихотворца и одаренный литературными стремленіями, князь Д. П. Горчаковъ не былъ однако никогда записнымъ литераторомъ и писалъ какъ-бы урывками. Бо́льшая часть его произведеній осталась неизданною, отчасти потому, что у него было не мало неудобнаго къ печати, отчасти потому, что въ его стихахъ было много прямыхъ и косвенныхъ личностей, а еще болѣе по собственной его небрежности. Изъ стихотвореній его „неудобныхъ для печати“, особенно былъ извѣстенъ въ свое время одинъ его „Noël“, гдѣ выведенъ, между прочимъ, былъ фонъ-Визинъ. Стихи князя Д. П. Горчакова печатались

*) См. «Русскую Старину т. I изд. первое, стр. 463; изд. второе стр. 541; т. II стр. 74 и 194; т. III стр. 205; т. IV стр 571.

нерѣдко уже послѣ его смерти (См., напр., альманахъ Б. М. Ѳедорова, „Памятн. Отечеств. Музъ", 1827). Изъ нихъ многіе, въ свое время, обращались въ журналистикѣ и въ бесѣдахъ, въ видѣ пословицъ, какъ впослѣдствіи стихи Грибоѣдова. Въ началѣ текущаго столѣтія князь Д. П. Горчаковъ славился въ Москвѣ, какъ одинъ изъ главныхъ вольтеріанцевъ, вмѣстѣ съ Ѳ. Г. Каринымъ и Н. Ѳ. Карцовымъ (Дневн. студ., 1805—1806 годовъ., стр. 70 и 98). Но вскорѣ видимъ его уже въ Петербургѣ, въ обществѣ благочестивыхъ литераторовъ, которые группировались около Державина и Шишкова (Дневн. чиновн., соч. Жихар., въ „Отеч. Зап.", 1855 г.). Какъ сторонникъ ихъ, попалъ онъ 10 августа 1807 года въ члены россійской академіи (Имян. спис. дѣйств. и поч. чл. имп. рос. акад., стр. 13, подъ № 112), а въ 1811 году въ члены Шишковской „Бесѣды Любителей Русскаго Слова", при ея основаніи (Соврем., 1856, № 5, смѣсь, стр. 8). Замѣчательно, что всѣ отдѣльно вышедшія произведенія князя Д. П. Горчакова были напечатаны въ минувшемъ вѣкѣ, а въ эпоху, когда онъ пользовался наибо́льшимъ почетомъ, то-есть уже послѣ кончины Екатерины II, въ книжныхъ каталогахъ имя его уже не встрѣчается. Такъ и игранная въ 1801 году на сценѣ комедія его въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, „Безпечный", не была напечатана (Слов. митр. Евг., ч. I, стр. 154, и опытъ кратк. ист. русск. лит., Греча, стр. 334). Князь Д. П. Горчаковъ скончался 29 ноября 1824 г. (Рос. род. книга кн. П. Долг., ч. I, стр. 63, подъ № 43). Онъ былъ женатъ на Натальѣ Ѳедоровнѣ Боборыкиной и оставилъ отъ брака съ нею двухъ дочерей и трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій—князь Петръ Дмитріевичъ (род. 1789, ум. въ мартѣ 1868) былъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, а второй—князь Михаилъ Дмитріевичъ (род. 1790, ум. 18 мая 1861) былъ намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ (Ibid., стр. 63 и 64).

Отдѣльно изданы слѣдующія произведенія князя Д. П. Горчакова:

1) «Калифъ на часъ», опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М., 1786 (Соп. № 7,431; Плав., № 6,026, показ., что напеч. въ Спб., 1788 года; Смирд., № 7,677). Музыка Пашкевича (Историч. очеркъ русской оперы, Маркова, стр. 34).

2) «Щастливая тоня», опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М., 1786 (Соп., № 7,512; Плав., № 6,107; Смирд., № 7,749), Музыка Стабингера (Истор. очеркъ русск. оперы, стр. 35).

3) «Баба-яга», опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Калуга, 1788. (Соп., № 7,396; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 7,642). Музыка Стабингера. (Ист. очер. русск. оперы, стр. 35).

4) «Пламиръ и Ранда», россійская повѣсть. М., 1796 (Соп., № 8,263; Плав. № 4,605; Смирд., № 8,428).

М. Н. Лонгиновъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Указъ Петра I о безчестныхъ словахъ.

Копія этого указа и рѣшенія попалась мнѣ между Желтухинскими бумагами, весьма интересными, нынѣ разбираемыми и приготовляемыми для изданія ихъ въ «Русской Старинѣ». Сообщаемый мною документъ рисуетъ нравы петровскаго общества и, рядомъ примѣровъ, доказываетъ всю пустоту и отчасти смѣхотворность тогдашнихъ «безчестныхъ словъ». Что кляузничество подобнаго рода было особенно развито въ то время, видно изъ указа и удвоенія весьма большихъ штрафовъ. **М. К.**

1700-го года, мая въ 11-й день, Великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ. По сему вышеписанному челобитью Сенофанту Алымову на Григорья Батурина въ безчестьѣ, что онъ, Григорей, говорилъ ему, что онъ смотритъ на него звѣрообразно, — отказать; да и впредь буде кто на кого въ такижъ или въ иныхъ къ тому принятыхъ не дѣльныхъ итѣхъ (sic; т. е. истѣхъ, искахъ) учнутъ великому государю бить челомъ въ приказѣхъ судьямъ отказать и челобитья не принимать и никого не допрашивать. А Ксенофонту Алымову за такое ево не дѣльное челобитье доправить петдесятъ рублевъ; а взявъ съ него тѣ денги, раздать изъ разряду на милостыню въ богадѣльни нищимъ, чтобъ впредъ инымъ въ такихъ не дѣльныхъ итехъ (sic; см. выше), бить челомъ было неповадно. И сей его великаго государя указъ въ разрядѣ закрѣпилъ думной дьякъ Протасей Никифоровъ.

А нынѣ въ Судномъ Московскомъ Приказѣ бить челомъ великому государю многіе челобитчики стали на отвѣтчиковъ въ разныхъ бесчестіяхъ своихъ, что называли исцовъ они, отвѣтчики, на словахъ:

1) вольно тебѣ лаять; 2) называлъ щенкомъ турецкимъ; 3) исъподъ печки-де тебя вытащили; 4) не Воротынской-де ты,—пехаешь; 5) ребенкомъ; 6) щенчишкомъ боярскимъ; 7) снартышкой (мартышкой?) и мартинышкомъ: 8) черти тебѣ сказываютъ; 9) трусомъ; 10) отецъ-

де твой лаптемъ шти хлебалъ, и отецъ твой лапотникъ, и сушилъ сыромятную кожу и яловичные сапоги; 11) подговорщикомъ; 12) злодѣемъ; 13) подскорбою; 14) поди такой-де въ допросъ, что́ напои, то очищу; 15) вчерась-было меня на площади удавилъ; 16) разоренье-де мнѣ отъ тебя; 17) мучилъ ты меня; 18) преѣзжаешь ты на чужую землю насильно; 19) грабителемъ.

И того-жъ 1700 году, мая въ 24 день, великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, сей выписки слушавъ, указалъ и бояре приговорили: челобитчикамъ всякихъ чиновъ людемъ, которые бить челомъ ему, великому государю, на отвѣтчиковъ въ разныхъ бесчестіяхъ своихъ, что называли ихъ истцовъ они, отвѣтчики, на словахъ, противъ всѣхъ вышеписанныхъ статей, въ тѣхъ ихъ бесчестіяхъ — отказать, и взявъ у нихъ сказки за руками съ подкрѣпленіемъ и доправить на нихъ съ тѣхъ исцовъ великаго государя, пошлинныя деньги вдвое, за то, что они, истцы, били челомъ на нихъ отвѣтчиковъ, приличая тѣ слова къ бесчестію приметками своими, и чтобъ въ такихъ словахъ онымъ, подобнымъ тому, впредь бить челомъ великому государю имъ челобитчикамъ было неповадно.

Сообщ. И. П. Корниловъ.

Распоряженіе о выводѣ таракановъ.

Благородный господинъ интендантъ *). Письмо ваше получено, въ которомъ пишете, что у заднихъ воротъ (Кремлевскаго дворца) осмотрѣли таракановъ: того ради извольте ѣхать сей день къ его сіятельству графу Андрею Ивановичу Остерману: то его сіятельство покажетъ вамъ секретъ, чѣмъ таракановъ выводить. Вашъ всегдашній слуга Семенъ Салтыковъ.

Въ Москвѣ, мая въ 16 день 1730 года.

Сообщ. Г. В. Есиповъ.

*) Письмо къ П. И. Мошкову.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ,

записанные со словъ именитыхъ людей,

П. Ѳ. КАРАБАНОВЫМЪ *).

12.

Царицы Евдокіи Ѳедоровны родной братъ, Александръ Ѳедоровичъ Лопухинъ**), по неосторожности ссудилъ племянника своего, царевича Алексѣя Петровича, 3 т. рублей; единственно за это онъ и жена его, дочь боярина Матвѣя Алексѣевича Головина, Евдокія Матвѣевна, наказаны кнутомъ и сосланы въ ссылку, гдѣ и померли, оставя малолѣтныхъ дѣтей, которыя потомъ воспитывались у дѣда ихъ, Головина († 30 января 1725 г.). Сей Головинъ, по волѣ царской, въ поруганіе долженъ былъ во всѣхъ славленьяхъ и святочныхъ игрищахъ представлять казанскаго архіерея. По несчастію, онъ опоздалъ пріѣхать въ Петербургъ къ назначенному сроку. Въ наказаніе за сіе Петръ приказалъ посадить его голымъ г..... на ледъ; онъ занемогъ горячкой и умеръ на седьмой день.

13.

Петръ I, предположивъ торжественно короновать супругу свою Екатерину***), приказалъ, сообразно иностраннымъ обычаямъ, составить церемоніалъ, ибо, по воспріятію императорскаго титула, сей случай былъ новый. Опредѣлено, по совершеніи муропомазанія, изъ Кремля сдѣлать переѣздъ въ Головинскій дворецъ, и государь, по этикету, назначилъ въ кучера придворную особу бригадирскаго чина****). Екатерина, услышавъ сіе, бросилась къ нему и сказала, что безъ своего Терентьича ни съ кѣмъ и никуда не поѣдетъ.

— Ты врешь, Катенька, Терентьичъ твой не имѣетъ никакого чина, отвѣчалъ Петръ.

— Воля твоя, я боюсь, лучше откажи коронацію, со слезами продолжала она.

Петръ, сколько ни противился, наконецъ рѣшился пожаловать Терентьича изъ ничего въ полковники. Съ тѣхъ поръ, по табели о рангахъ, императорскіе кучера должны быть полковники.

---

*) См. «Русск. Стар.», т. IV, стр. 583—587.

**) Не родной, а двоюродный — Александръ Петровичъ, † 29 декабря 1728 г.

***) Манифестъ о коронованіи Екатерины I — 15 ноября 1723 г. Ред.

****) Коронація совершена — 26 мая 1724 г.

14.

На Мясницкой улицѣ, гдѣ нынѣ домъ Барышникова, жилъ дьякъ Анисимъ Щукинъ, котораго Петръ I удостоивалъ довѣренности. Женясь на богатой и достойной невѣстѣ, онъ возгордился предъ родственниками, а къ отцу, бывшему въ крайней бѣдности, началъ оказывать презрѣніе, и въ день сошествія св. Духа, развеличавшись, приказалъ слугамъ своимъ согнать его со двора. Бѣдный старикъ въ рубищѣ, идя по Мясницкой, разсуждалъ въ слезахъ о причиненной сыномъ обидѣ и не замѣтилъ государя, ѣхавшаго въ одноколкѣ. Петръ, остановя его, узналъ всѣ подробности, и приказалъ ему стать (какъ говаривали) на запяткахъ. По пріѣздѣ въ домъ Щукина, поставилъ старика за дверью въ сѣняхъ, а самъ, войдя въ горницу, полюбопытствовалъ распросить хозяина, посѣщеніемъ обрадованнаго, о его родственникахъ; когда же Щукинъ объявилъ, что никого изъ нихъ не запомнитъ и что отецъ давно умеръ, то царь, выведя старика, обличилъ непокорнаго сына; въ наказаніе повелѣлъ ему на мѣстѣ обветшалой иностранной кирки выстроить своимъ иждивеніемъ церковь (что нынѣ Никола Мясницкой) во имя сошествія св. Духа, въ тотъ день празднуемаго и при этомъ сказалъ:

— Сошествіемъ св. Духа будешь направленъ на путь истинный.

(Отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора Ивана Ивановича Козлова, неподалеку жившаго. Внукъ же сего дьяка, Сергѣй Ѳедоровичъ Щукинъ, разсказывалъ сіе происшествіе пристрастно, въ оправданіе дѣда).

15.

Дьяку Анисиму Щукину Петръ I, по случаю отъѣзда, поручилъ смотрѣніе за рощею, близъ Москвы находившейся. Князь Меншиковъ потребовалъ изъ оной нѣкоторое количество отличныхъ деревъ; сначала Щукинъ сопротивлялся; наконецъ, когда тотъ всю отвѣтственность взялъ на себя, допустилъ его къ исполненію требованія. Петръ по возвращеніи тотчасъ увидѣлъ нарушеніе порядка, и, разсердясь на Щукина, согналъ его съ глазъ, съ запрещеніемъ являться къ нему. Сіе наказаніе такъ сильно подѣйствовало, что по прошествіи двухъ недѣль Щукинъ палъ въ жестокую болѣзнь; ни ежедневное присутствіе государя, ни помощь лейбъ-медика Блюментроста не могли спасти его отъ смерти. Петръ, присутствуя на погребеніи, сказалъ:

— Жаль Анисима!

(Отъ внука его Сергѣя Ѳедоровича Щукина.)

16.

Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ хранятся на хорахъ, свезенные по повелѣнію Петра I изъ всей Россіи, разные образа. Тамъ же находится огромная халдейская пещь, въ коей ежегодно предъ Рождествомъ Христовымъ въ Новѣгородѣ съ величайшею церемоніею праздновалось пещное дѣйствіе. Пещь ярко освѣщалась внутри, туда становились малые пѣвчіе въ видѣ трехъ отроковъ и пѣли установленныя кантаты. Петръ I запретилъ не только въ Новѣгородѣ, но и въ Москвѣ отправлять сіе торжество.

17.

Одинъ монахъ у архіерея, подавая водку Петру I, споткнулся и его облилъ, но не потерялъ разсудка и сказалъ:

— „На кого капля, а на тебя, государь, изліяся вся благодать".

18.

До табели о рангахъ, титулъ тайнаго совѣтника означалъ человѣка близкаго къ государю, а не третію степень отличія; есть тому многіе примѣры: военачальникамъ, министрамъ и посланникамъ всегда приписывался оный; и незначущіе люди, бывшіе при Петрѣ I, такъ были именованы: камердинеръ его Петръ Вульфъ, жидовскаго происхожденія, бывъ гвардіи офицеромъ, пожалованъ въ тайные совѣтники, а потомъ въ камергеры, что̀ доказывается патентомъ за государевой рукою ему даннымъ и хранящимся у его потомства.

19.

Петръ I спросилъ у шута Балакирева о народной молвѣ на счетъ новой столицы С.-Петербурга.

— Царь, государь! отвѣчалъ Балакиревъ, народъ говоритъ: съ одной стороны море, съ другой — горе, съ третьей мохъ, а съ четвертой — охъ!

Петръ, распалясь гнѣвомъ, закричалъ: „ложись"! и нѣсколько разъ ударилъ его дубиною, приговаривая сказанныя имъ слова.

(Отъ Василія Николаевича Зубова, слышавшаго отъ матери своей, бывшей камеръ-юнферы императрицы Елисаветы).

20.

Государь Петръ I, когда заводилъ роту потѣшныхъ, принялъ въ нее недоросля Петра Карабанова, сына заслуженнаго стольника, Ѳедора Михайлова, и полюбя его, очень долго не отлучалъ отъ себя. Въ путешествіи при великомъ посольствѣ въ иностранныя госу-

дарства потѣшный находился при Петрѣ ѣздовымъ; до самаго возвращенія въ отечество почти не сходилъ съ лошади; потомъ служилъ съ честію въ офицерскихъ чинахъ лейбъ-гвардіи въ преображенскомъ полку, носилъ раны и находился въ плѣну у шведовъ; онъ умеръ въ глубокой старости подполковникомъ. Однажды Петръ, въ молодыхъ лѣтахъ, примѣривая на главу свою разныя короны и держа одну, сказалъ:

— Шапка! шапка! досталъ бы тебя и въ терновникѣ.

— У тебя, надежа-государь, шапокъ-то много, а мнѣ ни одной не пожалуешь? отвѣчалъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Добро, подхватилъ царь, я дамъ тебѣ старенькую, — и пожаловалъ ему дорожную шапку. Сія царская милость хранилась всегда за ключикомъ. Когда старикъ, разсказывая о походахъ государевыхъ, приходилъ въ восторгъ, то при слушателяхъ вынималъ оную изъ ящика и лобызалъ со слезами.

Петръ, желая сблизить россіянъ съ германцами, поощрялъ офицеровъ своихъ жениться на иностранкахъ; и, увидя, на пути въ Мекленбургію, благородную дѣвицу Маргариту баронессу фонъ-Цедеркрейцъ, сталъ сватать гвардіи офицера Василія Ѳедоровича Карабанова, который отговаривался, что не имѣетъ на то благословенія отъ престарѣлаго отца своего; наконецъ, принужденъ былъ повиноваться власти государевой; за неимѣніемъ русскаго священника, обрядъ совершенъ лютеранскимъ пасторомъ; царь присутствовалъ на свадьбѣ, былъ веселъ, и пожаловалъ молодымъ сто руб., приказавъ извѣстить себя о первородномъ младенцѣ, у котораго намѣренъ быть воспріемникомъ отъ купели. Сіе дѣйствительно исполнилось, уже по возвращеніи въ Россію; новорожденный сынъ, именемъ Ѳедоръ, окрещенъ былъ государемъ, но вскорѣ умеръ.

Два родные брата, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка офицеры, Василій и Петръ Ѳедоровичи Карабановы (послѣдній былъ царскимъ потѣшнымъ) служили съ отличіемъ противъ шведовъ; старшій изъ нихъ, на одномъ сраженіи, взятъ въ плѣнъ, гдѣ, томясь въ тяжкой неволѣ, нашелъ средство увѣдомить брата о своемъ злоключеніи, который, съ горчайшими слезами, бросается къ ногамъ государя и проситъ милости, чтобъ позволено было замѣнить собою плѣнъ и неволю братнину: „что-де безъ него молодая жена и малолѣтныя дѣти остаются безъ покрова“. Петръ обнялъ его, похвалилъ примѣрный поступокъ и приказалъ предложить о томъ шведскому правительству, прибавя: „ежели-де не будетъ согласія, ни двухъ ни трехъ не пожалѣю“.—Петръ Ѳедоровичъ, по желанію своему, имѣлъ удовольствіе собою выручить брата, а самъ еще болѣе сносилъ го-

лодъ и холодъ, даже употребленъ былъ въ работу; въ семъ состояніи выучился шить сапоги, которыми снабжалъ и другихъ своихъ сотоварищей. Нейштадтскій миръ (1721 г.) открылъ ему путь къ возвращенію въ родительскій домъ, въ объятія отца, жены и родныхъ своихъ, ибо дѣтей у него не было.

Къ чести сего нынѣ угасшаго поколѣнія отъ древняго рода Карабановыхъ упомянуть можно, что помянутые два брата, получа въ наслѣдство послѣ отца ихъ весьма значущее государями жалованное имѣніе въ Вязьмѣ и на Воронежѣ, слободу „Карабановку", владѣли онымъ безъ раздѣла; а потомъ и два сына Василія Ѳедоровича—Яковъ и Петръ, дожившіе до глубокой старости, по примѣру сему, никогда не хотѣли дѣлиться, жили въ рѣдкомъ согласіи, и померли бездѣтными.

III.

Царствованіе императора Петра II.

21.

Лефортъ, любимецъ Петра I, въ церемоніальныхъ представленіяхъ замѣнявшій собою лицо государя, нетерпѣвшаго никакой пышности, имѣлъ въ нѣмецкой слободѣ, на Яузѣ, нарочно для того замкомъ построенный и пожалованный дворецъ, который, по смерти его, поступилъ въ казну и до днесь называется его именемъ. Молодой, умный, по привязанности къ русскимъ, много обѣщавшій, императоръ Петръ II, по вступленіи на престолъ, переѣхалъ въ Москву на житье и имѣлъ пребываніе въ семъ дворцѣ. Обширныя къ нему ворота, съ площади, украшены были приличными аллегорическими изображеніями, а на верху поставленъ былъ превеликій двуглавый орелъ, съ тяжелою короною. По желанію народа (?), молодой государь вознамѣрился вступить въ бракъ съ княжною Екатериною Алексѣевною, дочерью князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго. Въ назначенный для торжественнаго обрученія день, за невѣстою и ея родными отправлены, по волѣ императора, богатые придворные экипажи. Лишь только въ восемь лошадей, запряженная съ шорами на глазахъ, карета съ невѣстой на дворъ въ ворота проѣхала, вслѣдъ за ней огромный орелъ съ короною, съ великимъ трескомъ обрушился, такъ что послѣдующіе экипажи принуждены были на нѣкоторое время остановиться. Многочисленная чернь приняла сей случай за дурное предзнаменованіе и единогласно закричала, что свадьбѣ не быть... что вскорѣ и послѣдовало.

IV.

Царствованіе Анны Ивановны.

22.

Главнокомандующій Москвы, генералъ-аншефъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, незабвенный заслугами и достоинствами, рожденъ отъ князя Никиты Ѳедоровича и княгини Агриппины Петровны Бестужевой-Рюминой, воспитывался при родныхъ дядяхъ своихъ, Алексѣѣ и Михаилѣ Петровичахъ, слугахъ Петра I, съ довѣренностью имъ употребляемыхъ въ посольствахъ. При императрицѣ Аннѣ Михаилъ Петровичъ находился посланникомъ въ Курляндіи, имѣя при себѣ помянутаго племянника, князя Волконскаго, бывшаго камеръ-юнкеромъ. Происками Бирона, любимца императрицы, претерпѣлъ гоненіе со всѣмъ родомъ своимъ: его сослали въ новгородскія деревни, а оттуда перевезли въ бѣлозерское имѣніе. Въ семъ изгнаніи, живучи въ крестьянской избѣ, не сожалѣлъ онъ, по преклонности лѣтъ, о своемъ несчастіи, но тяготился участью молодого племянника. Утромъ, сидя у окна, услышалъ колокольчикъ; то былъ курьеръ отъ двора съ извѣстіемъ, что императрица, снисходя на просьбу нѣкоторыхъ особъ, предстательствующихъ за молодаго Волконскаго, пожаловала его простить и, въ знакъ милости, вмѣсто камеръ-юнкерства, приказала написать его въ кадеты новоучреждаемаго ею кадетскаго корпуса.

Провидѣніе и въ самомъ несчастіи открыло князю Михаилу Никитичу путь къ почестямъ и славѣ. Отецъ его, рожденный отъ извѣстнаго князя Ѳедора Львовича, по неволѣ опредѣленъ былъ въ шуты къ императрицѣ, терпѣлъ посмѣяніе, а нерѣдко и побои; его румянили, сажей выводили усы, принуждали клохтать курицей-насѣдкой и пѣть пѣтухомъ.

23.

Въ строгое царствованіе Анны Ивановны, преображенскаго полка секретарь, Иванъ Михайловичъ Булгаковъ, отецъ константинопольскаго посланника, Якова Ивановича, на святкахъ поссорился съ приверженцемъ герцога Бирона, полковникомъ Альбрехтомъ, пророкнимъ ему смерть; подпалъ жесточайшему гнѣву и, дѣйствительно, осужденъ былъ на смерть. Января 10-го дня, къ устроенному на Невѣ эшафоту выведены были въ строй гвардейскіе полки; наканунѣ такой былъ морозъ, что птицы на лету умирали, а въ то утро оттепель, такъ что войско было по колѣно въ водѣ поставлено; сіе неожиданное происшествіе смягчило сердце императрицы и преклонило гнѣвъ на милость; вмѣсто казни повелѣно: наказать его тѣлесно.

(Отъ дочери его Мавры Ивановны Приклонской).

24.

Императрица Анна любила за обѣдомъ пить бокалами иностранныя вина. Однажды за столомъ съ Бирономъ и посломъ княземъ Куракинымъ, только-что возвратившимся изъ-за границы, императрица, выкушавъ бокалъ вина и подавая оный князю Куракину, спросила:

— Вамъ почти всѣ европейскія вины извѣстны — каково это?

Куракинъ, по неосторожности, обтеръ бокалъ салфеткой. Государыня, покраснѣвши отъ гнѣва, сказала:

— Ты мной брезгаешь! я тебя выучу, съ какимъ подобострастіемъ должно взирать на мою особу. Гей, Андрея Ивановича! (графъ Ушаковъ, управлявшій тайною канцеляріею, жестокій исполнитель ея велѣній). Бирон, щадя Куракина, сказалъ:

— Помилуй государыня! онъ сіе сдѣлалъ неумышленно, а слѣдуя иностраннымъ обычаямъ.

Куракинъ всегда былъ склоненъ къ пьянству, но послѣ сего происшествія началъ являться у двора пьяный, въ правду или умышленно, желая уклониться отъ службы, потому что отставокъ не было, и такъ наскучилъ, что Анна велѣла ему дать абшидъ *).

V.

Царствованіе императрицы Елисаветы.

25.

Извѣстно, что дѣйствительная статская совѣтница Марѳа Филипповна Бахтѣева (Бехтѣева?) и Ольга Петровна Супонева были дочери императрицы Елисаветы. Первая была подведена государынѣ, когда она пѣшкомъ ходила въ Троицкую Лавру на богомолье, и съ тѣхъ поръ воспитывалась у двора; выдана замужъ съ знатнымъ награжденіемъ; всѣ находили замѣчательное сходство съ императрицею. Вторая была инимая дочь бѣднѣйшаго углицкаго дворянина Григорова, находившагося при строеніи Царскаго-Села, который, бывши дотолѣ неизвѣстнымъ и ничѣмъ не распоряжавши, вывезъ изъ Петербурга большой денежный капиталъ и много движимаго имущества.

26.

Императрица Елисавета Петровна была крайне малодушна; случалось, что на назначенный у двора куртагъ или спектакль со-

*) Кн. Андрей Борисовичъ Куракинъ р. 2 іюля 1697 года, ум. 2 октября 1749 г. Съ 1722 по 1723 гг. былъ посланникомъ въ Парижѣ, а въ царствованіе императрицы Анны — оберъ-шталмейстеромъ и св. Андрея кавалеромъ.

бравшаяся публика ожидала ея выхода, а она, будучи первою щеголихою, нѣсколько часовъ сидѣла за туалетомъ, примѣривала разныя платья и терялась въ выборѣ оныхъ, отчего долго не выходила, наконецъ, съ досады, всѣхъ высылала съ отказомъ.

Чтобы наскоро нагрѣть комнату, которая казалась ей неимовѣрно холодною, она приказывала созывать гвардейскихъ караульныхъ офицеровъ и прочихъ дежурныхъ придворныхъ чиновниковъ.

Содержала при себѣ разныхъ породъ кошекъ, посылала эстафеты въ Сибирь за тамошними животными и т. п.*).

Гвардіи офицеры: князь Николай Васильевичъ Репнинъ, графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ**) и Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ отпущены были волонтерами во французскую армію. Когда же получено извѣстіе, что король прусскій разбилъ оную наголову подъ Росбахомъ, то императрица Елисавета тотчасъ приказала отправить эстафетъ съ тѣмъ, что „русскимъ офицерамъ непристойно находиться въ арміи, которая столь постыдно разбита непріятелемъ".

27.

Отъ излишняго страха, императрица Елисавета перемѣняла опочивальни и приказывала въ тѣхъ же комнатахъ съ нею ночевать людямъ, разумѣется, изъ низкаго званія, но облеченнымъ ея довѣренностью. Такъ одинъ изъ ея камердинеровъ ложился близъ самой ея кровати, и когда она ночью чувствовала потребность встать и, переходя черезъ него, пробуждала его, онъ, прикасаясь къ ней рукою, называлъ ее „лебедь бѣлая",—въ память чего и дано ему прозваніе Лебедевъ.

28.

Елисавета узнавши, что возвращавшіяся изъ чужихъ краевъ придворныя особы въ постные дни тайно употребляли мясо, чрезмѣрно разсердилась и приказала изготовить указъ, допускавшій крѣпостныхъ людей дѣлать о семъ доносы на своихъ господъ и получать за то свободу. Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ***) имѣвшій во всякое время свободный доступъ чрезъ внутреннія комнаты, но ста-

*) Одинъ изъ именныхъ указовъ императрицы Елисаветы Петровны о высылкѣ ко двору котовъ см. въ «Русской Старинѣ», т. III, стр. 642. Именное же высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ-за границы мартышки напечатано въ «Русской Старинѣ», т. IV, стр. 587. Ред.

**) Гр. Яковъ Александровичъ Брюсъ (род. 1729 г. ум. 30 ноября 1791 г., женатъ былъ на графинѣ Прасковьѣ Ал. Румянцевой.

***) Тайный совѣтникъ и возведенный Елисаветой въ баронское достоинство 25 апрѣля 1742 г., умеръ 21 ноября 1752 г. на 63-мъ году отъ рожденія.

рости своей рѣдко являлся къ императрицѣ; но услыша о семъ, надѣлъ свою надвязную шапку и отправился во дворецъ.

— Помилуй, матушка! сказалъ онъ, ставши на колѣна: — за что ты подписала нашу погибель? Крѣпостные люди лживыми доносами произведутъ такое зло, котораго послѣдствія будутъ ужасны.

Убѣжденіе его сильно подѣйствовало, ибо подписанный указъ въ глазахъ его былъ разорванъ.

29.

1742 года, по лишеніи достоинствъ сосланнаго въ Сибирь графа Михаила Гавриловича Головкина, изъ описного имѣнія его, 1744 года, село „Жердево" и село „Проскурино"—всего 828 душъ, пожалованы коллежскому совѣтнику Василью Неронову. 1749 года село Архангельское, пожаловано метер-де-гардеробу Василью Чулкову *).

1775 года, въ іюнѣ мѣсяцѣ, куплено село Егорьевское за 5,500 руб.; крестьянъ было 81 душа мужскаго и 107 душъ женскаго пола; около 75 руб. мужская душа.

30.

Наслѣдники графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго въ числѣ многихъ драгоцѣнностей, продали Дмитрію Алексѣевичу Лухманову костыль, принадлежавшій ихъ дядѣ графу Алексѣю Григорьевичу, подаренный императрицей Елисаветой; на рукояткѣ, сдѣланной изъ оникса, она съ удивительнымъ сходствомъ представлена въ видѣ сирены, съ открытой грудью, имѣя на главѣ корону изъ брилліантовъ. Сія рѣдкость за дорогую цѣну была продана Василію Петровичу Салтыкову.

(Преданіе графа Алексѣя Павловича Мусина-Пушкина).

31.

Когда Екатерина, бывъ избранной невѣстой великому князю, Петру Ѳедоровичу, ѣхала въ Россію, для встрѣчи ея отъ двора посланъ въ Ригу генералъ-маіоръ Юрій Юрьевичъ фонъ-Броунъ, впослѣдствіи тамъ находившійся генералъ-губернаторомъ. Принцесса, по прибытіи въ городъ, отъ усталости, скоро прошла въ назначенныя для нея комнаты, не удостоя вниманія присланнаго генерала, которому, по возвышеннымъ его чувствамъ, показалось сіе оскорбительнымъ; вскорѣ выслала она пригласить его въ 6 часовъ утра для

*) Василій Ивановичъ Чулковъ, бывшій истопникъ императрицы Елисаветы Петровны, впослѣдствіи генералъ-аншефъ, кавалеръ св. Александра Невскаго, ум. 1775 г.

свиданія. Въ назначенное время Броунъ является къ принцессѣ, которая, обласкавъ его, продолжала, что, рожденная въ малой нѣмецкой княжествѣ, судьбою назначена жить и умереть въ великой имперіи; встрѣтясь на границѣ съ первымъ россійскимъ чиновникомъ, со всею откровенностью проситъ (подавая перо и бумагу) безпристрастно описать ей: умы, характеры, достоинства, пороки и связи всѣхъ извѣстныхъ особъ, составляющихъ дворъ императрицы Елисаветы, обѣщая хранить въ тайнѣ; что симъ средствомъ можетъ пріобрѣсть ея довѣренность и дружбу, а ложнымъ показаніемъ презрѣніе.

Сіе предложеніе исполнено въ точности. Принцесса, по пріѣздѣ въ Петербургъ, всѣхъ удивила внимательнымъ обхожденіемъ и вскорѣ успѣла привлечь къ себѣ всеобщую любовь. Броунъ дѣйствительно былъ ея другомъ, имѣлъ позволеніе не спрашиваясь пріѣзжать въ Петербургъ и во всякое время ходить къ ней по малой лѣстницѣ; говорилъ правду и наводилъ страхъ на ея фаворитовъ, не исключая самого князя Потемкина.

(Сей анекдотъ переданъ покойнымъ княземъ Михаилемъ Никитичемъ Волконскимъ, московскимъ градоначальникомъ, изустно слышавшимъ отъ помянутаго графа Броуна).

32.

Княгиня Марья Дмитріевна*), супруга князя Сергѣя Ѳедоровича Волконскаго **), находившагося въ арміи противъ пруссаковъ, видитъ во снѣ, что какой-то голосъ повелѣваетъ, написавши небольшую икону, съ одной стороны Живоноснаго Источника, а съ другой—Николая Чудотворца, послать къ мужу. Она, избравъ для того серебряную досточку, приказала написать и чрезъ фельдмаршала Апраксина доставила къ князю, весьма тѣмъ обрадованному; въ тотъ же день другой курьеръ привозитъ повелѣніе, идти для поиска надъ непріятелемъ; князь, призвавъ Бога на помощь, возложилъ на себя полученное; — въ кавалерійскомъ дѣлѣ съ непріятелемъ чувствуетъ ружейный выстрѣлъ въ самую икону на груди, избавившую его отъ смерти. Сынъ его, князь Николай Сергѣевичъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 30 марта 1753 г. ум. 3 февраля 1821 г., имѣлъ оную по наслѣдству, съ видимымъ знакомъ со стороны Живоноснаго Источника.

33.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій, любимецъ Елисаветы, почитался въ числѣ первѣйшихъ

*) Рожденная Чаадаева. 1757 г.

**) Кн. Сергій Ѳедоровичъ Волконскій генералъ-аншефъ, ум. 10 марта 1784 г.

лжецовъ. Остроумный сынъ его, Николай Ивановичъ (ум. 1798 г.), шутя говорилъ, что отецъ его на исповѣди отвѣчалъ: „и на тѣхъ лгахъ, иже азъ не знахъ".

34.

Княгиня Дашкова, предъ замужествомъ, въ 1758 г. на святкахъ ѣхала съ г-жею Приклонской *) и опустя стекло кареты, спросила у проходящаго о его имени; услышавъ, что онъ Кондратій, смѣялась, что при дворѣ не найдешь ни одного чиновника сего имени. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, во время вѣнчанія, когда священникъ наименовалъ жениха Кондратіемъ (имя молитвенное), была приведена въ замѣшательство и не вдругъ отвѣчала при ихъ обрученіи. (февр. 1759 г.)

(Отъ дочери Настасьи Михайловны Щербининой).

35.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Петръ Панкратьевичъ Сумароковъ, спросилъ у сына, извѣстнаго стихотворца, Александра Петровича:

— Что полновѣснѣе умъ или глупость?

— Глупость, отвѣчалъ сей:—васъ возятъ шесть скотовъ, а меня одна пара.

36.

Фельдмаршалъ графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ **) былъ ограниченъ въ географическихъ познаніяхъ; въ доказательство сему приводится слѣдующій случай: до назначенія его главнокомандующимъ россійской арміи противъ короля прусскаго, составленъ былъ (1760 г.) изъ опытныхъ чиновниковъ военный совѣтъ во дворцѣ. Для фельдмаршала мѣста, о которыхъ слѣдовало разсуждать, на ландкартахъ означены были карандашными замѣтками. Въ продолженіе разговора Бутурлинъ выходитъ, а острый графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ перевертываетъ карту.

Полководецъ, по возвращеніи, не находя крестиковъ началъ указывать въ море, тогда Чернышевъ ***), съ насмѣшкой, отведя его руку, сказалъ:

— Тутъ утонешь.

---

*) Мавра Ивановна Приклонская, рожденная Булгакова, сестра посланника въ Константинополѣ. Ея мужъ—Вас. А. Приклонскій; ихъ дочь—Елисавета Васильевна вступила въ 1791 г. въ бракъ съ кн. Серг. Иван. Голицынымъ.

**) Род. 18 іюня 1694 г. ум. 31 августа 1767 г.

***) Род. 18 марта 1722 г. ум. 29 августа 1784 г.

VI.

Царствованіе Петра III.

37.

Фельдмаршалъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой *), желая найти жениха для родной племянницы, княжны Аграфены Ивановны Трубецкой же (ум. 1794 г.), жившей у него въ домѣ, замѣтилъ въ формулярномъ спискѣ кадетскаго корпуса, что за княземъ Петромъ Волконскимъ **) много крестьянъ; назначивъ смотръ для кадетскаго ученія, приказываетъ своему адъютанту стать подлѣ Волконскаго, и обозрѣвая по рядамъ, поровнявшись, спросилъ: кто онъ?.. Вспомня какое-то небывалое знакомство съ его отцемъ привезъ въ домъ, давъ почувствовать, что по лѣтамъ онъ можетъ быть офицеромъ, обѣщалъ протекцію и предложилъ племянницу въ невѣсты. Кадетъ проситъ позволенія увѣдомить двоюроднаго брата, армейскаго капитана, князя Сергѣя Ѳедоровича Волконскаго (ум. 1784 г.), которому онъ былъ препорученъ отъ отца при смерти и что безъ его согласія рѣшиться не можетъ ***).

Фельдмаршалъ съ похвалою вмѣнилъ въ обязанность ждать отвѣта отъ армейскаго капитана. Примѣръ повиновенія къ старшему и уваженія родственной связи ****).

(Отъ князя Николая Сергѣевича Волконскаго).

38.

Князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ *****), угощая Петра III въ своемъ домѣ, мастерски изрѣзалъ гуся, который бывъ приподнятъ на вилкѣ, весь развалился на части. Многіе тутъ примолвили: „сколько-де онъ ни радъ посѣщенію вашего величества, а гуся, по случаю постнаго дня, ѣсть не станетъ“, (тогда почти всѣ постились). Императоръ то же повторилъ; князь отвѣчалъ, что „послушаніе паче поста и молитвы“ и началъ ѣсть; сія покорность была пріятна государю, тотчасъ возложившему на него анненскій орденъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Род. 1700 ум. 1768 г. Записки его см. въ «Русской Старинѣ» т. I изд. первое стр. 8, изд. второе стр. 33.

**) Кн. Петръ Михайловичъ Волконскій впослѣдствіи д. т. с. 1800 г.

***) Родство между этими двумя Волконскими было болѣе отдаленное.

****) Князь Петръ Михайловичъ дѣйствительно женился на княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Трубецкой.

*****) 1762 г. дѣйств. тайн. сов., шталмейстеръ и св. Александра Невскаго кавалеръ, ум. 1782; женатъ былъ на гр. Прасковьѣ Павловнѣ Ягужинской, умершей 1775 г.

Донос Ф. Ф. Вигеля на И. И. Веденскаго.

28 апрѣля 1849 г.

Не увидитесь ли вы съ почтеннѣйшимъ Иваномъ Петровичемъ Липранди, единственнымъ человѣкомъ, который съ желаніемъ истребленія зла, соединяетъ тонкій умъ къ тому способствующій. Не скажите ли ему хоть отъ меня, что нечаянный случай далъ мнѣ по заочности узнать объ одномъ Веденскомъ, поповичѣ, говорятъ съ чрезвычайнымъ умомъ и съ изумительными правилами безнравственности и безбожія, и ce qui s'en suit. Онъ задушевный другъ Петрушевскаго (sic), но такъ благоразуменъ, что не принадлежитъ ни къ какому обществу. Привлечь его къ отвѣтственности, была бы совершенная несправедливость. Но онъ преподаетъ науки въ павловскомъ и другихъ кадетскихъ корпусахъ; не жалко ли будетъ оставить такую отраву среди возрастающаго юношества? и какъ про это не знаетъ ген. Ростовцовъ? Мы съ вами не доносчики и не наше бы дѣло, если-бъ мы не были знакомы съ Ив. Петров. Что то совѣстно не указать на то, среди благонамѣренныхъ видовъ добраго знакомаго.

Примѣчаніе. Собственноручный извѣтъ Вигеля написанъ къ Н. С. Алексѣеву для передачи И. П. Липранди во время слѣдствія, производившагося по дѣлу Вас. Мих. Петрашевскаго. Г. Липранди весьма обязательно передалъ намъ этотъ документъ. Покойный Ириархъ Ивановичъ Веденскій справедливо считался лучшимъ преподавателемъ словесности. Я. И. Ростовцевъ такъ высоко цѣнилъ Веденскаго, что сдѣлалъ его главнымъ наставникомъ и наблюдателемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ по каѳедрѣ русскаго языка и словесности. Въ литературѣ Веденскій извѣстенъ превосходными переводами съ англійскаго романовъ Диккенса, Теккерея и друг. Ред.

«Споръ» стихотвореніе Лермонтова, въ переводѣ А. Дюма.

Ниже помѣщаемый переводъ стихотворенія Лермонтова „Споръ“ написанъ покойнымъ французскимъ романистомъ А. Дюма, во время пребыванія въ Тифлисѣ въ концѣ 1858 года. Подлинникъ этого перевода сохранился въ бумагахъ владимірскаго помѣщика Николая Викторовича Шимановскаго и обязательно сообщенъ намъ княземъ А. А. Суворовымъ-Рымникскимъ. Стихотвореніе посвящено А. П. Ермолову, при которомъ г. Шимановскій въ одно время съ княземъ А. А. Суворовымъ служилъ на Кавказѣ. Ред.

«Mon Général. Voulez vous permettre à un poète français, qui entend depuis deux mois tous les échos du Caucase répéter votre nom, de vous envoyer des vers de Lermontoff, traduis par lui, où se trouve votre glorieux nom. Depuis que le canon de Borodino a fait connaître à la France le nom de Yermoloff, j'ai toujours eu le plus grand respect et la plus profonde admiration pour ce nom.

Causerie entre deux montagnes.

Un matin Chat-Abrouz s'éveilla dans la brume.
Il était d'humeur sombre, ayant fort mal dormi;
Il apostropha donc d'un ton plein d'amertume
Le mont Kassbek, son vieil ami:
«Ah, dit-il, quelle faute as-tu comise, frère!
De te soumettre à l'homme et d'accepter sa loi.
Quand dans ta liberté tu pouvais au contraire
Vivre loin de lui, comme moi.
Il fera pâturer ses bœufs dans tes vallées,
Tressaillir tes échos aux accens de son cor,
Et dans tes profondeurs par la sonde ébranlées
Il descendra chercher de l'or;
Il batira ses tours sur la plus haute cime,
S'ouvrira dans tes rocs un chemin inconnu,
Et foulera ton front, où dans son vol sublime
L'aigle seul était parvenu.
Prends garde! tout se peut dans le siècle où nous sommes!
Tu te trouveras pris un jour en travaillant;
J'ai déjà vu venir tant de chevaux et d'hommes
Par la route de l'Orient!»
«L'Orient, dit Kassbek, en secouant la tête,
D'un fantôme tu veux m'épouvanter vraiment,
De lui je ne crains rien: sur sa couche muette
L'homme y dort trop profondement.
La Perse, dont la main jadis donnait des chaines
Sous des berceaux de fleurs dans un air attiédi,
En écoutant couler l'onde de ses fontaines,
Chante les vers de Saadi.
Bysance en qui longtemps Rome veut encore,
Oubliant les exploits par Constantin revés,
Aujourd'hui sur les flots transparans du Bosphore
Berce ses sultans énevrés.
Immobile, muette, au bord du Nil assise,
L'Egypte du regard suivant son flot bénit,
Comme le Sphinx, qui veille au tombeau de Cambyse,
Semble être changée en granit.
L'arabe voyageur dans sa course inconstante,
Sans tourner vers Grenade un regard envieux
A l'étoile du soir en dépliant sa tente,
Dit les chants fait de ses aïeux.
Jérusalem pleurant sur son saint mausolée
Voit veuve des Chrétiens, vaincus par Soliman,
Décroiter chaque jour sur sa plaine brulée
L'ombre du pouvoir musulman.
Tout ce que voit mon oeil, si loin qu'il puisse atteindre,
Désireux du repos, au sommeil souriant,
Se couche pour toujours, je n'ai donc rien à craindre
Du paralytique Orient.»

«D'avance mon ami ne chante pas victoire,
D'une moqueuse voix répondit le vieillard,
Ne vois tu pas grandir comme une ligne noire
Au nord... là-bas... dans le brouillard?»
Le Kassbek se tourna vers l'horizon pelaire,
Il y vit s'agiter, sous son regard perçant,
D'hommes et de chevaux, comme une fourmilière
Avec un bruit toujours croissant.
Du Danube à l'Oural, ce n'était que poussière
S'élevant, sous les pas des rouges cavaliers,
Que bataillons suivant le courant des rivières
Froissemens de fers et d'aciers.
Les drapeaux précédaient la cohorte géante,
Puis venaient les tambours aux roulemens confus,
Puis les canons de bronze à la gueule béante
Galoppant sur leurs lourds affûts.
Puis s'avançait enfin au milieu des fumées
Des sabres reflétants le rayon augural,
Des fusils réluisans, des mèches allumées
Yermoloff le vieux général.
Et tous ces fiers guerriers qu'en chemin rien n'arrête
Pareils au tourbillon nuageux et bruyant
Que pousse devant lui le vent de la tempête,
Marchaient du Nord à l'Orient.
Kassbek épouvanté de la vision sombre,
Le matin aussitôt que le soleil eut lui
Se mit à les compter voulant savoir leur nombre,
Mais autant eut valu pour lui.
Essayer de compter les atômes de poudre
Que chasse le simoum au desert nubien,
Ou quand ils sont banni de l'aile de la foudre
Des flots du vieux lac Kaspien.
Alors il murmura: que le ciel me protège!
Jeta sur le Caucase un regard attristé,
Et tirant sur ses yeux son bachelick de neige
S'endormit pour l'éternité.

Lermontoff.

Dumas.
Tiflis, 1858—1859.

О подпискѣ на сооруженіе памятника А. С. Пушкину. Мы получили отъ лица, скрывшаго свою фамилію подъ пятью ***** 1,500 экземпляровъ брошюры: стихотвореніе „Памятнику А. С. Пушкина“,— при слѣдующемъ письмѣ:

«Милостивые государи, господа редакторы «Русской Старины». Въ достопочтеннѣйшемъ вашемъ журналѣ (т. III, стр. 648 — 650) помѣщена статья, присланная отъ высочайше утвержденнаго для сооруженія памятника Пушкину комитета, образовавшагося изъ 7-ми бывшихъ воспитанниковъ царскосель-

конгрессъ, 1823 г., т. IV, 600—604. Встрѣча отъ жителей г. Ратенберга, т. IV, 601. Путешествіе по Италіи, т. IV, 604—608. Отношенія къ в. кн. Маріѣ Павловнѣ, т. IV, 608. Путешествіе по Россіи 1823 г., 1824 г. IV, 608—620. Поѣздка въ Черновицы, 613. Пребываніе въ Тульчинѣ для осмотра арміи, т. IV, 615—617. Участіе къ бар. Вилліе, т. IV, 618—620, 624. Болѣзнь, 1824 г. т. IV, 625—632. Выздоровленіе, т. IV, 633. Отношенія къ цесаревичу Константину Павловичу, т. IV, 634. Препровожденіе времени въ Царскомъ Селѣ, т. IV, 636—637. Религіозность, т. IV, 637. Привязанность къ Софіи Нарышкиной, т. IV, 638—639. Горесть о ея смерти, т. IV, 640—641. Самообладаніе, т. IV, 640. Поѣздка къ Аракчееву въ Грузино, т. IV, 641. Осмотръ военныхъ поселеній, т. IV, 644—645. Пребываніе у маркиза де-Траверсе, т. IV, 645. Уп. т. III, 43, 55, 62, 64, 273, 275, 280, 462, 464, 638, 786; т. IV, 67, 223, 319, 389, 399, 449, 491, 497, 520, 521, 553, 646, 647, 679.

Александръ Николаевичъ, императоръ, т. III, 22—26, 465.

Алексѣевъ, Семенъ, дворовый Аракчеева, участвовавшій въ заговорѣ на убійство Шумской, 1825 т. IV, 271, 272, 273, 280, 281, 288.

Алексѣй, протоіерей, т. III, 248.

Алексѣй Михайловичъ, царь. Указъ его о нѣмцахъ 1661 г., т. III, 393. Его справедливость и религіозность, т. IV, 583. Отношенія къ И. А. Мусину-Пушкину и его семьѣ, т. IV, 583. Уп. т. III, 83, т. IV, 584.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра I, † 1718 г., т. III, 466; т. IV, 448, 449, 579, 587, 685.

Алибей, лазутчикъ, т. III, 11.

Али-Мегметъ-Ханъ, персидскій шахъ 1786, т. IV, 575.

д'Алмейда д'Ойенгаузенъ, португал. графъ, т. III, 460.

Алымовъ, Ксенофонтъ. Резолюція по дѣлу его съ Батуринымъ, 1700 г., т. IV, 683.

Альбрехтъ, генер. 1815 г., т. IV, 490.

Альбрехтъ, полковн., приверженецъ Бирона, т. IV, 690.

Алѣевцевъ, Вас. Яковл., правит. канцеляріи бѣлорусск. губернатора 1777 г. Довѣренность, какою онъ пользовался у губернатора, т. IV, 5. Власть его, т. IV, 22—24, 30, 31. Образъ жизни, т. IV, 99. Способъ исправленія его подчиненныхъ, т. IV, 100—102. Смерть его, т. IV, 103.

Алябьевъ, композиторъ, т. III, 422.

Ам-Векъ-Гасабовъ. Сообщ. указъ царя Алексѣя Михайловича о нѣмцахъ 1661 г., т. III, 393.

Амбразанповъ, маіоръ 1793 г., т. IV. 312.

Амвросій, митропол. новгород. и с.-петербургскій, т. IV, 125.

Амфилогій, монахъ. Замѣтка о немъ Д. К. Тарасова, т. IV, 610.

Анахорскій, коммисаръ, т. III, 631.

Ангальтъ, гр., директоръ 1-го кадет. корпуса, т. IV, 484.

Ангальтъ-Дессаускій, наслѣдный принцъ 1727 г., т. III, 468.

Ангри, пѣвица, т. III, 447, 456.

Андреева, Варвара, мѣщанка, т. IV, 285.

Аникіевъ, Ив., кухмистеръ, участвовавшій въ заговорѣ на убійство Шумской, т. IV, 263, 270—273, 280—282.

Анкарстремъ, швед. офиц., убившій Густава III, 1792 г., т. III, 691.

Анна Іоанновна, императрица. Разсказы изъ ея царствованія, т. IV, 684; 689—691. Уп. т. III, 416, 461, 466—470, 539; т. IV, 60, 62, 584.

Анна Леопольдовна, герцогиня Брауншвейгъ-Люнебургская, р. 1718 † 1746 г. Приказаніе ея арестовать Бирона, т. III. 537—538. Избраніе ея правительницей. т. III, 543. Учрежденіе ею коммиссіи для изслѣдованія преступленій Бирона и замѣненіе приговора къ смертной казни вѣчнымъ заточеніемъ, т. III, 544. Низверженіе, т. III, 546.

Анна Павловна, велик. кн., т. III, 636.

Анна Петровна, цесаревна, дочь Петра I, въ супруж. герцогиня Гольштейнъ-Готторпская, р. 1708 † 1728 г., т. III, 274.

Анна Ѳедоровна, вел. княг. первая

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ

ВЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“

1871 года.

А.

Аббондіо, Джіузеппа, кварт. хозяйка въ Миланѣ, т. III, 430.

Абрагамсонъ, докторъ 1820 г., т. IV, 250.

Адашевъ, Алексѣй, окольничій и любимецъ Іоанна Грознаго, т. III, 70.

Адлербергъ, гр. Марія Вас., рожд. Нелидова, † 1870 г., ст.-дама 1856 г., т. III, 460.

Адлербергъ, Юлія Ѳед., рожд. Багговутъ, р. 1760 † 1839 г., статсъ-дама 1824 г., т. III, 277, 458.

Азанчевская, Екат. Мих., въ замуж. Спечинская; фрейлина 1787 г., † 1792 г., т. IV, 396.

Аминфіевъ, ген.-маіоръ 1828 г., т. III, 61, 62.

Аминфіевъ, дворянинъ, т. IV, 585.

Аксаковъ, Ив. Серг., т. IV, 677, 681.

Аксаковъ, Сергѣй Тимоф., писатель. Письмо къ нему Н. В. Гоголя, т. IV, 681. Уп. т. III, 71; т. IV, 677.

Александра Павловна, вел. княг. Путешествіе ея въ Вѣну, т. III, 272. Уп. т. III, 694.

Александра Ѳедоровна, императрица. Рескрипты ея Л. О. Винтингаузенъ и ея дочери 1845 и 1847 гг., т. III, 391–392. Ея сочувствіе къ развитію вокальной музыки, т. III, 433–436, 448. Уп. т. III, 458; т. IV, 608.

Александръ Павловичъ, императоръ. Представленныя ему записки В. Н. Каразина 1820 г., т. III, 16–38, 366. Мнѣніе его объ Аракчеевѣ въ 1799 г., т. III, 241—242. Отношенія къ В. Н. Каразину, т. III, 327. Число двѣнадцать, какъ роковое въ его жизни, т. III, 532—534. Возведеніе Армфельдта въ графское достоинство 1812 г., т. III, 621. Распоряженіе о снабженіи полковъ соломой для постелей 1799 г., т. III, 634. Разсказы Давыдова, т. III, 790–792. Записка, данная гр. П. А. Шувалову при отправленіи его во Францію 1820 г., т. IV, 81—89. Письмо къ франц. королю 1820 г., т. IV, 89–90. Посѣщеніе Угорской Руси 1821 г., т. IV, 92–95, 259–261. Путешествіе по Россіи и поѣздка на конгрессъ 1820 г., т. IV, 243—261. Рѣчь по случаю закрытія сейма въ Варшавѣ 1820 г., т. IV, 253. Рескрипты къ Аракчееву и архимандр. Фотію по поводу убійства Шумской, т. IV, 265—267. Резолюція по дѣлу Сладковскаго 1801 г., т. IV, 414. Проектъ указа объ одеждѣ духовныхъ лицъ, т. IV, 434–444. Резолюція по дѣлу о возмущеніи семеновскаго полка, т. IV, 544. Письма по тому же дѣлу къ кн. Голицыну и Васильчикову, т. IV, 545. Пребываніе въ Перми 1824 г., т. IV, 549—551. Поѣздка въ Бешенковичи для осмотра гвард. корпуса, 1821 г., т. IV, 597—598. Путешествіе для той же цѣли въ Вильну, т. IV, 598—600. Поѣздка на Веронскій

*) Настоящій указатель относится къ двумъ томамъ «Р. С.» 1871 г., что же касается до тома приложенія, то указатель къ нему войдетъ въ общій указатель ко всѣмъ томамъ записокъ Болотова. Ред.

Архаровъ, Н. П., ген.-аншефъ, москов. оберъ-полицмейстеръ 1775 г., т. IV, 62.

Астафьевъ, Д. В. оберъ-провіантмейстеръ, т. III, 249, 250.

Аугспергъ, гр., виноторговецъ, т. IV, 319—321, 326.

Ахшарумовъ, совѣтникъ намѣстнич. правленія 1780 г., т. IV, 130.

Аѳанасьевъ, А. Н., писатель, † 1871 г. Сообщ. о возмущеніи стараго л.-гв. семеновскаго полка, т. IV, 533—548. Упом. т. III, 732.

Б.

Бавыкинъ, дворянинъ 1777 г., т. III, 660—661.

Багратіонъ, кн. Петръ Ив., ген. отъ инфант., шефъ л.-гв. егерскаго полка, р. 1765 † 1812 г., т. III, 55, 212; т. IV, 402.

Базенъ, французъ. генер., 1816 г., т. IV, 491.

Байковъ, Илья Ив., кучеръ импер. Александра I-го, 1821 г., т. IV, 597.

Байронъ, поэтъ, т. III, 113.

Баклановъ, Никол. Яков., подполков. 1853 г., т. III, 15.

Баклановъ, Як. Петр., ген.-лейт., р. 1809 г. Его записки, т. III, 1—16; т. IV, 154—161. Рожденіе его, воспитаніе и обученіе грамотѣ, 1—2. Женитьба, 2. Поступленіе въ полкъ и отправленіе съ депешами къ в. кн. Михаилу Павловичу, 2—3. Участіе въ битвахъ подъ Шумлой и Силистріей, 3—4. Переправа вплавь черезъ р. Камчикъ, 4. Командировка на правый флангъ кавказской линіи, 4. Побѣда надъ горцами и полученіе Владиміра 4-ой степени, 5—8. Назначеніе командиромъ и потомъ начальникомъ кавалеріи лѣваго фланга, 1845—1853 гг., 8. Битва между р. Мичукомъ и крѣп. Курипскомъ, занятіе заваловъ и полученіе Георгія 4-й степени, 9—10. Намѣреніе Шамиля погубить Баклапова, 11—12. Назначеніе походн. атаман. донск. казаковъ и избраніе окружн. генераломъ втор. воен. округа, 1857—1861 гг., 14. Командировка въ Вильну къ Муравьеву, 1863 г., 154. Командировка въ августов. губ. для усмиренія мятежа и разговоръ съ Муравьевымъ, 154—155. **Усмиреніе мятежниковъ**, 155 — 159. Интрига и объясненіе съ Муравьевымъ, 159—161. Ходатайство о Ростишевскомъ, 160 - 161.

Балакиревъ, шутъ. Наказаніе его Петромъ Великимъ за смѣлую остроту, т. IV, 687.

Балашовъ, Александ. Дмитр., членъ госуд. сов. и мин. полиціи, † 1837 г., т. III, 791; т. IV, 248, 303.

Балкъ, Матр. Ив., въ замуж. Салтыкова, фрейлина императрицы Елизаветы. † 1813 г., т. IV, 64.

Балкъ, Петр. Ѳед., ген.-лейт., дѣйств. камерг., р. 1712 † 1762 г., т. III, 469—470.

Балабуха, Антоній. чолнскій игуменъ, т. III, 157, 410, 411.

Вальи, Жанъ-Сольвенъ, демократъ, т. III, 19.

Ванниковъ, маіоръ, † 1852 г., т. III, 10.

Бантышъ-Каменская, Елиз. Дмитр. Сообщ. письма Карамзина и Пушкина къ Д. Н. Бантышу-Каменскому, т. III, 526—528.

Бантышъ-Каменскій, Дмитр. Никол., р. 1778 † 1850 г. Біографическая замѣтка о немъ и письма къ нему Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина, т. III, 525—528.

Бантышъ-Каменскій, Никол. Дмитр. Сообщ. письма Карамзина и Пушкина къ Д. Н. Бантышу-Каменскому, т. III, 526—528.

Бантышъ-Каменскій, Никол. Никол., управл. москов. архивомъ мин. иностр. дѣлъ, † 1814 г., т. III, 525.

Баранова, актриса 1789 г., т. III, 727.

Баранова-фонъ, гр. Юлія Ѳед., рожд. Адлербергъ, † 1864 года, гофмейстерина 1855—1860 гг., т. III, 458.

Барановъ, сенаторъ 1827 г., т. III, 223; т. IV, 268.

Баратынскій, сенаторъ 1828 г., т. IV. 290.

Баратынскій, Евг. Абрамов., поэтъ. т. III, 98.

Барклай-де-Толли, кн. Елена Иван., рожд. Смиттенъ, † 1828 г, статсъ-дама 1814 г., т. III, 277.

Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богд.,

ген.-фельдмарш., р. 1761 † 1818 г., т. III, 277, 282; т. IV, 303.

Варвовъ, стихотворецъ, т. IV, 500.

Вартеневъ, Петръ Ив., издат. «Русскаго Архива», т. III, 117.

Варышниковъ, домовладѣлецъ, т. IV, 685.

Варышниковъ, Н. П. Замѣтка его: «Кохъ — дипломатъ русскаго двора», т. IV, 171—173.

Варятинская, кн. Екат. Өед., фрейлина Екатерины II, т. IV, 395.

Варятинская, кн. Марья Вас., рожд. кн. Хованская, фрейлина Екатерины II, т. III, 278.

Варятинскій, кн. А. И., начальникъ лѣваго фланга на Кавказѣ въ 1851 г., т. III, 9—14.

Варятинскій, кн. ген.-маіоръ. Участіе его въ усмиреніи польскаго мятежа 1863 г., т. IV, 155—156.

Варятинскій, кн. Ив. Серг., ген.-пор., р. 1738 † 1811 г., т. III, 144.

Варятинскій, кн. Өед. Серг., оберъ-гофмаршалъ, р. 1742 † 1814 г., т. III, 278, 681; т. IV, 67.

Батенковъ, Г. С. декабристъ, т. IV, 492.

Батуринъ, Григ. Резолюція по дѣлу его съ Алымовымъ, 1700 г., т. IV, 683.

Ватюшкова, Александра Николаевна, т. III, 225.

Ватюшкова, Варвара Никол., въ замужествѣ Соколова, т. III, 220, 225.

Ватюшковъ, Конст. Никол., поэтъ, р. 1788 † 1854 г. Его письма къ Н. И. Гнѣдичу 1809 г., т. III, 208—236.

Вахметевъ, Алексѣй Никол., ген. отъ инфант., членъ государств. сов., р. 1774 † 1841 г., т. IV, 400.

Вахметевъ, Ив. Ив., ген.-поруч. и сенаторъ 1753 г., т. III, 560.

Вахметевъ, П. И., директоръ пѣвческой капеллы, т. IV, 39.

Вахтинъ, Ив. Ив., слободскоукраинскій губернат. Письмо къ нему В. Н. Каразина объ устройствѣ поселянъ, 1810 года, т. III, 335—336, 701.

Вахтинъ, Петръ Аѳанас., маіоръ 1772 года, т. III, 419.

Вахтуринъ, Конст. Александ., т. III, 367, 368.

Вахтѣева (Бехтѣева?), Марѳа Филип., дочь импер. Елизаветы, т. IV, 691.

Башуцкій, с.-петерб. коменд. 1830 г., т. IV, 503, 504, 505.

Ведряга, Николай, ветеранъ 1812 г., т. IV, 68.

Ведряга, Як. Никол. Стихотвореніе, написанное Рылѣевымъ на его рожденіе 1821 г., т. IV, 80.

Везакъ, П. И., ген.-маіоръ, т. IV, 499.

Безбородко, гр. Александ. Анд., (впослѣдствіи князь), оберъ-гофмейстеръ и статсъ-секрет. Екатерины II, р. 1747 † 1799 г., т. III, 47; т. IV, 308, 571.

Безбородко, Анд. Яковл., малорос. генеральн. судья, т. III, 47.

Безбородко, Евдокія Мих., рожд. Забѣлло, статсъ-дама 1797 г., т. III, 47.

Безвѣстный, отстав. солдатъ. Разсказъ его о Брюсѣ, т. IV, 167—170.

Безобразова, Марья Иродіон., помѣщица, т. III, 418.

Безобразовъ, дѣйств. ст. сов., ярослав губернат. 1823 г., т. IV, 609.

Безобразовъ, помѣщ., т. III, 418.

Безобразовъ, С. Д. Сообщ. замѣтку Крамера объ А. П. Веселовскомъ, т. IV. 447 449.

Бекетовъ, Николай, надв. сов. 1825 г., т. III, 520.

Белизаръ, книгопродавецъ, т. IV, 501.

Беллингъ, прус. полков. 1762 г., т. III, 290, 306, 308.

Бемъ, Софія Анд., фрейлина Екатерины II, т. IV, 386.

Беницкій, Александ. Петр., писатель. † 1809 г., т. III, 214, 217—219, 221, 222, 226, 232, 236.

Бенкендорфъ, гр. Александ. Христоф., ген. отъ кав., р. 1783 † 1844 г. Письма его къ П. В. Кукольнику, т. III, 793—794. Уп. т. III, 458; т IV, 502, 503, 505, 506, 507, 509, 651.

Бенкендорфъ, гр. Елиз. Анд., рожд. Захаржевская, вдова Бибикова, † 1858 г., статсъ-дама 1839 г., т. III, 458.

Бенкендорфъ, Конст. Христоф., ген.-лейт., ген.-адъют., † 1828 г., т. IV, 607.

Бенкендорфъ, Христоф. Ив., ген. отъ инфант., р. 1749 † 1823 г., т. III, 281.

Бергъ, гр. Леопольдина Франц., рожд. гр. Чикошъ, ст.-дама 1867 г., т. III, 460.

Бери, окулистъ, т. IV, 255.

Берлинскій, придворн. пѣвчій 1820 г., т. IV, 256.

Беррійскій, герц. Карлъ-Фердинандъ де Бурбонъ, р. 1778 г., заколотъ Лувелемъ въ 1820 г., т. IV, 81.

Верхгольцъ. Ссылки на его дневникъ, т. IV, 470, 471.

Верхманъ, ген. 1823 г., т. IV, 623.

Вестужева, Елена Александ., сестра декабристовъ, т. IV, 461.

Вестужевъ, Александръ Александр., (псевд. Марлинскій), писатель, декабристъ, р. 1797 г., уб. на Кавказѣ 1837 г. Посланіе къ нему Рылѣева, т. III, 486. Составленное имъ жизнеописаніе Войнаровскаго, т. III, 487—488, 520. Упом. т. III, 70, 94, 113; т. IV, 461, 508.

Вестужевъ, Александ. Ѳедосьев., стат. совѣтн., отецъ декабристовъ, р. 1762 † 1810 г., т. IV, 460.

Вестужевъ, Мих. Александр. декабристъ, р. 1800 † 1871 г. Некрологъ его, т. IV, 460—461.

Вестужевъ, Никол. Александр., декабристъ, р. 1791 † 1855 г. Отношенія его къ брату Михаилу, т. IV, 460, 461.

Вестужевы, братья-декабристы, т. IV, 492, 559.

Вестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петровичъ, каб.-министръ, потомъ государств. канцлеръ, р. 1693 † 1766 г. Арестъ его 1740 г., т. III, 542. Поступокъ его въ отношеніи наслѣдниковъ гр. П. И. Мусина-Пушкина, т. IV, 583—584. Упом. т. III, 686, т. IV, 588, 689.

Вестужевъ-Рюминъ, гр. Анд. Алексѣевичъ, ген.-поруч. † 1768 г., т IV, 60.

Вестужевъ-Рюминъ, гр. Мих. Петр., посланникъ въ Курляндіи, ссылка его по проискамъ Бирона, отношенія его къ племяннику—кн. Мих. Никит. Волконскому, т. IV, 689—690.

Веттахеръ, россійск. резидентъ, т. III, 488.

Ветховенъ, композиторъ, т. III, 451, 455.

Вецкій, Ив. Ив., камергеръ. Лесть и хитрость его, т. III, 679.

Бибикова, Аграф. Александр., въ замужествѣ Рибопьеръ, р. 1755 † 1812 г., фрейлина 1774 г., т. IV, 388.

Бибикова, Анаст. Степ., рожд. кн. Козловская, т. IV, 388.

Бибикова, Варв. Никит., рожд. Шишкова, т. III, 274, 276.

Бибиковъ, адъютантъ Семеновскаго полка 1820 г., т. IV, 539, 647—648.

Бибиковъ, Александ. Иванов., ген.-аншефъ, р. 1729 † 1774 г. Причина немилости къ нему императрицы Екатерины, т. III, 783—784. Сонъ, видѣнный имъ передъ смертью, т. III, 784. Упом. т. III. 274; т. IV, 388.

Бибиковъ, Вас. Ильичъ, дѣйств. камергеръ, директоръ театровъ 1781 г., т. III, 680.

Бибиковъ, Дмитр. Гавр., ген.-адъют. Разсказы его объ А. И. Бибиковѣ и о депутатѣ Костромской губерніи, т. III, 783—785.

Бибиковъ, Илья Александ., инженеръ ген.-поруч., р. 1698 † 1784 г. Поправка опечатки, т. III, 457. Упом. т. III, 274, 276.

Бибиковъ, Пав. Гавр., ген.-маіоръ, † 1812 г., т. III, 202, 458.

Биронъ, герцогиня Бенигна-Готлиба, рожд. Тротта-фонъ-Трейденъ, р. 1703 † 1783 г. Арестъ ея мужа, т. III, 539—542.

Биронъ, Густавъ, братъ регента, командиръ измайловскаго полка. Арестъ его, 1740 г., т. III, 542.

Биронъ, Екатерина Ив. (Гедвига-Елисавета), въ замуж. бар. Черкасова, р. 1727 † 1796 г. Побѣгъ ея изъ отцовскаго дома 1749 г., т. III, 547—548. Милость къ ней импер. Елизаветы и принятіе ею православія, т. III, 549. Упом. т. III, 461, 542.

Биронъ, Іоганнъ-Эрнестъ, гер. Курляндскій, потомъ регентъ и правитель Россіи, р. 1690 † 1772 г. Арестъ его, т. III, 537—542. Радость народа при извѣстіи о его низверженіи, т. III, 543. Судъ надъ нимъ и ссылка въ Пелымъ, т. III, 544—545. Болѣзнь, т. III, 545—546. Милость къ нему императр. Елизаветы при восшествіи ея на престолъ, т. III, 546. Указъ объ

отправленіи его въ Ярославль, т. III, 546 — 547. Вторичная болѣзнь и новое вниманіе императрицы, т. III, 547. Отношенія къ дочери и бѣгство послѣдней, т. III, 547 — 548. Негодованіе при извѣстіи о переходѣ дочери въ православіе, т. III, 549. Дѣло съ поручикомъ Дурново, т. III, 549—560. Возвращеніе свободы Петромъ III, т. III, 561. Отреченіе отъ правъ на Курляндію т. III, 561. Возстановленіе въ этихъ правахъ и возвращеніе въ Курляндію, т. III, 561. Наказаніе и ссылка гр. П. И. Мусина-Пушкина, гр. Бестужевыхъ — Рюминыхъ и Булгакова, т IV. 583, 689 — 690. Упом. т. III, 470.

Биронъ, Карлъ, московск. ген.-губернаторъ. Арестъ его 1740 г., т. III, 543.

Биронъ, Карлъ, сынъ регента, р. 1728 † 1801 г., т. III, 542.

Биронъ, Петръ, герцогъ курляндскій, р. 1724 † 1800 г. его Отреченіе отъ Курляндіи въ пользу Россіи 1795 г., т. III, 312. Упом. т. III, 542, 561.

Бирюковъ, цензоръ 1825 г., т. III, 523.

Бисмаркъ, рижскій ген.-губернаторъ. Арестъ его 1740 г., т. III, 543.

Бисмаркъ, Людвигъ, ген.-аншефъ, † 1750 г., т. III, 461.

Бистромъ, Карлъ Ив., ген.-адъют. 1828 г., т. III, 61—63, т. IV, 539, 540.

Витяговскій, клевретъ Бориса Годунова, т. III, 394.

Блазъ, артистъ 1845 г., т. IV, 506.

Бланкенгагель, инж.-ген.-маіоръ, первый по времени свекло-сахарный заводчикъ въ Россіи, т. III, 328.

Блудова, гр. Антон. Дмитр., кам.-фрейл. 1863 г., т. III, 465.

Блюментростъ, лейбъ-медикъ при Петрѣ Великомъ, т. IV, 686.

Воборыкинъ, Петръ Вас., офиц. конной гвард., т. IV, 385.

Воборыкинъ, Петръ Ив., ген.-лейт. 1800 г. Характеристическіе эпизоды изъ его жизни, т. IV, 334—337. Упом. т. IV, 338, 340.

Бобринская, гр. Лидія Алексѣев., рожд. кн. Горчакова, † 1826 г., т. IV, 401.

Бобринскій, гр. Василій Алексѣев., р. 1804 г., т. IV. 401.

Бобрищева-Пушкина, жена ярославскаго воеводы 1749 г. Покровительство ея Гедвигѣ-Елизаветѣ Бирон т. III, 584.

Бобрищева-Пушкина, Марья Мих. Переведенныя ею письма Екатерины II къ гр. О. М. Стакельбергу, т. III, 311.

Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й, Павелъ Серг., † 1865 г. Его стихотвореніе, т. III. 534—536.

Бобровъ, поэтъ, т. III, 227, 230.

Богаевская, Ирина Логинов. Разсказъ ея о Павлѣ I, т. IV, 300—301.

Богаевскій, Ив. Ив., об.-секретарь сената при Павлѣ I, т. IV, 300.

Богдановичъ, М. И., авторъ «Исторіи царств. Александра I и Россіи въ его время», т. IV, 262. Сообщ. замѣтку о томъ, какую случай ность представляло число двѣнадцать въ жизни императ. Александра I, т. III, 532—534.

Богдановъ, Николай, артил. подполков. 1797 г., т. III, 628.

Боговутъ, ген., т. IV, 39.

Богуславскій, Михаилъ, могилев. протоіерей 1793 г., т. IV, 308.

Болговская, тверская помѣщ. 1820 г., т. IV, 244—245.

Болотовъ, ярослав. частный приставъ 1826 г., т. IV, 418.

Болотовъ, Анд. Тимоф. Ссылки на его записки, т. III, 115 — 117, 120, 136, 284. 289, 531, 663.

Болотовъ, Влад. Алексѣев. Письмо его въ редакцію о правѣ изданія записокъ А. Т. Болотова, т. III, 116.

Болотовъ, Мих. Павл., т. III, 115, 116.

Болтинъ, Ив. Никит., директ. Васильковской таможни въ 1776 г., потомъ ген.-маіоръ и членъ воен. коллегіи, писатель. р. 1734 † 1780 г., т. III, 594, 600, 602.

Борейко, Вонифатій, архимандритъ Рыльскаго Николаевскаго монастыря, т. III, 578.

Борейша, правитель канцел. герц. Алекс. Виртембергскаго 1823 г., т. IV, 372.

Борноволоковъ, воевода въ Кинешмѣ. т. III, 128.

Боуръ, ген., т. III, 687.

Бояркій, Ив., крестьянинъ, т. IV, 293—294.

Браницкая, гр. Алекс. Вас., рожд. Энгельгардтъ, р. 1754 † 1838 г., обергофмейстерина 1824 г., т. III, 41, 57, 59, 315, 458, 462; т. IV, 400.

Браницкая, гр. Екат. Ксавер., въ 1-мъ замуж. кн. Сангушко, во 2-мъ—гр. Потоцкая; фрейлина 1793 г., т. IV, 400.

Браницкій, гр. Ксаверій Петр., (Францискъ-Ксаверій), польскій корон. гетманъ, потомъ ген. отъ инфант. русской службы, † 1819 г. Расположеніе къ нему Екатерины II, т. III, 315. Упом. т. III, 60, 474—477; т. IV, 400.

Братановскій, от. Гедеонъ, ризничій, т. III, 254.

Братановскій, Ириней, вологодскій епископъ, т. III, 254.

Брауншвейгскій, герцогъ Фридрихъ-Карлъ-Вильгельмъ, р. 1735 † 1806 г., т. III, 622.

Браунъ-фонъ, гр. Юрій Юрьев., рижскій ген.-губернаторъ. Отношенія къ нему вел. кн. и потомъ императрицы Екатерины II Алексѣевны, т. IV, 693—694 Упом. т. III, 43.

Бринкъ-фонъ, ген.-маіоръ 1780 г., т. IV, 121—124; 126—131, 134.

Бринкъ-фонъ, генеральша, т. IV. 121—124, 126—131.

Брискорнъ, М. М., т. IV, 613.

Броницъ, Марья Антон., статсъ-дама 1829 г., т. III, 281.

Брюловъ, Карлъ Павл., художникъ. Его наружность, т. IV, 42. Характеръ, т. IV, 48—50. Произведенія, т. IV, 57—58. Уп. т. III, 438—442, 446; т. IV, 45, 47.

Брюсъ, гр. Екат. Яков., фрейлина Екатерина II, т. IV, 395.

Брюсъ, гр. Праск. Александр., рожд. гр. Румянцева, р. 1729 † 1786 г., статсъ-дама 1773 г., т. III, 39; т. IV, 395, 692.

Брюсъ, гр. Як. Александ., ген.-аншефъ, главноком. въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, † 1791 г., т. III, 39; т. IV, 395, 575, 692.

Брюсъ, гр. Як. Вилим., ген.-фельдм. р. 1660 † 1735 г. Народное преданіе о его чародѣйствѣ, т. IV, 167—170.

Брюховецкій, гетманъ Малороссіи, т. III, 83.

Булгаковъ, писатель, т. IV, 594.

Булгаковъ, гв. капит.-поруч. 1753 г. Порученіе ему надзора за сосланнымъ Бирономъ, т. III, 550, 555, 559.

Булгаковъ, Ив. Мих., секретарь преображ. полка. Происки Бирона въ отношеніи его, т. IV, 690.

Булгаковъ, Як. Ив. посланникъ въ Константинополѣ, т. IV, 690.

Булгарина, рожд. Бучинская, во 2-мъ замуж. Менджинская, т. IV, 484, 515.

Булгарина, Елена Ив., т. IV, 506.

Булгаринъ, Бенедиктъ, гражданско-военный коммисаръ въ Новогродскомъ воеводствѣ, т. IV, 484.

Булгаринъ, Павелъ. литов. подконюшій. т, IV, 490.

Булгаринъ, Ѳад. Венед., писатель р. 1789 † 1859 г. Письма къ нему К. Ѳ. Рылѣева, т. III, 65—70. Біографическіе очерки его, составленные Гречемъ, т. IV. 483—520. Отношенія къ нему цензурнаго комитета, 1848—1851 гг., т. IV, 520—523. Сатирическая статья на него, т. IV, 678—680. Уп. т. III, 245; т. IV, 53, 677.

Булгарины, Б. Ѳ. и В. Ѳ. Сообщ. литературн. архивъ своего отца, т, III. 64—70.

Булычевъ, сек.-маіоръ, царевококш. городничій. Указъ ему отъ сената о сожженіи книги «Вадимъ» 1793 г., т. IV, 1—92.

Вурдуковъ, Ѳед. Филип., смотритель уѣздн. училища въ г. Ѳеодосіи, т. III, 2.

Буровъ, ассесоръ могилев. палаты 1795 г., т. IV, 321, 225.

Бутурлина, Елиз. Мих., рожд. Комбурлей, статсъ-дама 1853 г., т. III, 459—460.

Бутурлина, гр. Елиз. Петр., въ замуж. Дивова, фрейлина Екатерины II. т. IV, 387.

Бутурлина, гр. Марья Ром., рожд гр. Воронцова, р. 1738 г. т. IV, 387.

Бутурлинъ, гр. Александ. Борис. ген.-фельдмарш., р. 1694 † 1767 г. Неудовольствіе его противъ австрійск. главнокомандующихъ въ Семилѣтнюю войну. т. III, 297, 560. Необразован. его, т. IV, 695.

Вукурлинъ, гр. Петръ-Іоан Александ. тайн. сов., р. 1734 † 1787 г., т. IV, 63, 387.

Вухольцъ, полковн., шлиссельбургскій комендантъ 1722 г. Высочайшій указъ ему о надзорѣ за ботикомъ, т. IV, 469.

Вучинскій, канцлеръ Дмитрія-самозванца, т. IV, 515.

Вуальскій, прозекторъ с.-петерб. мед. хирург. акад. 1816 г., т. IV, 236.

Выховецъ, секретарь могилев. директора экономіи 1793 г., т. IV, 314—319.

Вычковъ, Абрамъ Вас., штабъ-лекарь 1780 г., т. IV, 123, 124, 128.

Вѣликосвій, Висаріонъ Григ., писатель. Посвященная ему статья: «Умъ хорошо, а два лучше», 1846 г., т. IV, 524—532.

Вѣлокопытовъ, дѣйствит. ст.-совѣтн., витеб. губернат. 1798 г., т. IV, 332.

Вѣлосельская, кн. Евд. Мих., въ замуж. Салтыкова, р. 1748 † 1824 г., фрейлина 1776 г., т. IV, 388—389.

Вѣлосельская, кн. Елиз. Мих., въ замуж. бар. Черкасова, р. 1742 г., фрейлина при Екатеринѣ II, т. IV, 383.

Вѣлосельская, кн. Нат. Григ., рожд. гр. Чернышева, р. 1711 † 1760 г., т. IV. 383, 388.

Вѣлосельская, кн. Нат. Мих., въ замуж. бар. Строгонова, р. 1743 † 1819 г., фрейлина при Екатеринѣ II, т. IV, 383.

Вѣлосельская-Вѣлозерская, кн. Анна Григ., рожд. Козицкая, р. 1767 † 1846 г., статсъ-дама 1832 г., т. III, 282.

Вѣлосельская-Вѣлозерская, кн. Н. Д., рожд. Скобелева, т. IV, 171.

Вѣлосельскій, кн. Андр. Мих., камергеръ, посланникъ въ Дрезденѣ † 1779 г., т. IV, 573.

Вѣлосельскій, кн. Мих. Анд., вице-адмиралъ, р. 1702 † 1755 г., т. IV, 383, 388.

Вѣлосельскій-Вѣлозерскій, кн. Александръ Мих., оберъ-шенкъ, дѣйств. тайн. сов., † 1809 г., т III, 282.

Вѣлоусовичъ, Лука, архимандритъ печерскаго монастыря, т. III, 411.

Вѣляевъ, И. Д. Сообщ. письма царицы Натальи Кирилловны и вел. кн. Натальи Алексѣевны къ Петру Великому, 1693—1694 гг., т. IV, 578—582.

Вюлеръ, бар. Андр. Яковл., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ. Письмо къ нему Н. А. Полевого, 1843 г., т. IV, 676—677.

Вюлеръ, бар. Ѳед. Анд., гофмейстеръ. Упом. о статьѣ его о портретахъ Бирона, т. III, 561. Воспоминанія о Н. А. Полевомъ, т. IV, 674—681.

Вюттъ-де, государств. секрет. въ Лондонѣ 1762 г., т. III, 295, 305.

В.

Вадковскій, полковн. 1820 г., т. IV, 539.

Вадковскій, Ѳед. Ѳед., дѣйств. тайн. сов., р. 1756 † 1806 г., т. IV, 391.

Валуева, Екат. Петр., р. 1774 † 1848 года, кам.-фрейл. 1826 г., т. III, 464.

Валуевъ, сержантъ при императрицѣ Елизаветѣ, т. IV, 588.

Вальяевичъ, Зосима, архимандр. кіево-печерскаго монастыря, 1776 г., т. III, 148, 599, 603.

Варламовъ, композиторъ, т. III, 423.

Варшавская кн. Елиз. Алексѣев., гр. Пасквичъ-Эриванская, рожд. Грибоѣдова, † 1856 г., статсъ-дама 1829 года, т. III, 281.

Варшавскій, кн. Ив. Ѳед., гр. Пасквичъ-Эриванскій, ген.-фельдмарш., намѣстникъ Царства Польскаго въ 1832 г., т. III, 281.

Вареоломѣй, монастырскій ключникъ, т. III, 127.

Васильевъ, келейный, т. III, 154, 156, 159.

Васильчикова, Анна Кирил., рожд. гр. Разумовская, т. III, 278.

Васильчикова, Екат. Ивлар., рожд. Овцына, † 1832 г., т. III, 279.

Васильчикова, кн. Тат. Вас., рожд. Пашкова, статсъ-дама 1837 г., т. III, 458; т. IV, 399.

Васильчиковъ, Александ. Семен., камергеръ, любимецъ Екатерины II, т. III, 278, 678; т. IV, 386.

Васильчиковъ, Вас. Алексѣев., бригадиръ, т. III, 279.

Васильчиковъ, Вас. Семен., дѣйств. камергеръ, † 1808 г., т. III, 278; т. IV, 385.

Васильчиковъ, Дмитрій Вас., оберъ-

етермейстеръ, р. 1778 г. Разсказъ его объ императорѣ Павлѣ, т. III, 785—786.

Васильчиковъ, кн. Иларіонъ Вас., ген. отъ кавалеріи, р. 1776 † 1847 года. Характеристика его, т. IV, 533 — 534. Дѣйствія его во время возмущенія въ Семеновскомъ полку, т. IV, 535 — 548. Переписка его по поводу этого возмущенія съ кн. П. М. Волконскимъ, т. IV, 646—666. Упом. т. III, 458, 791; т. IV, 246, 399, 598.

Васильчиковъ, Никол. Вас., ген.-маіоръ, р. 1781 † 1839 г., т. III, 791.

Вахмейстеръ. Дѣло объ имѣніяхъ его, т. III, 682.

Вахтлеръ, лекарь, сосланный съ Бирономъ 1740 г., т. III, 545.

Вахтмейстеръ, графъ, членъ совѣта и швед. регенства 1792 г., т. III, 697.

Введенскій, Іоаннъ, священникъ, т. IV, 211.

Веберъ, композиторъ, т. III, 451, 455.

Ведель-фонъ, бар. Анастасія Богд., рожд. Пассекъ, т. IV, 67.

Ведель, бар. Анна Ирод., фрейлина императр. Екатерины II, т. IV, 67.

Ведель-фонъ, бар. Ирод. Кондрат., ген.-маіоръ, † 1754 г., т. IV, 67.

Ведель, бар. Марія Ирод., въ замуж. гр. Панина, фрейлина Екатерины II, т. IV, 67.

Веденскій, Иринархъ Ивановичъ, преподаватель русской словесности въ военно-учеб. зав. Доносъ на него Ф. Ф. Вигеля, т. IV, стр. 697.

Вейдель, управл. имѣніемъ, т. IV, 143.

Веймарнъ, Павла Вас., рожд. Зиновьева, т. IV, 404.

Веймарнъ, Өед. Александр., камеръ-юнкеръ, т. IV, 404.

Велюти, пѣвецъ 1823 г., т. IV, 603.

Вельтманъ, рожд. Вейдель, т. IV, 407.

Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ, литераторъ, р. 1800 † 1870 г. Характеристическія и біографическія свѣдѣнія о немъ, т. IV, 405—410. Перечень его сочиненій, т. IV, 410.

Вельтманъ, Елена Ив., рожд. Кубе, писательница, т. IV, 407—408.

Веневитиновъ, М. А. Сообщ. стихотвореніе Рылѣева: «На рожденіе Я. Н. Бедряги», т. IV, 80.

Веревкинъ, директоръ экономіи въ Могилевѣ 1780 г., т. IV, 121.

Веревкинъ, флотск. капит.-лейтенантъ 1780 г., т. IV, 121.

Веревкинъ, Степ. Ив., маіоръ 1784 г., т. IV, 187.

Веригинъ, Никол. Виктор., т. IV, 247.

Веригинъ, Ѳедотъ Мих., ген.-маіоръ и членъ воен. коллегіи, т. III, 279.

Вержбицкій, Николай. Повелѣніе импер. Николая I о вознагражденіи его, 1838 г., т. III, 792—793.

Вернеръ, прус. ген.-поруч. 1762 г., т. III, 286, 290, 295.

Веротовскій, композиторъ, т. III, 422.

Веселаго, Ѳ. Ѳ. Статья его: «Дѣдушка русскаго флота», 1688 — 1872 гг., т. IV, 463 — 482.

Веселовская, N. N. Абрам., въ замуж. Джекъ, (Jeak), т. IV, 420—440.

Веселовская, Екат. Абрам., въ замуж. Крамеръ, т. IV, 419, 449.

Веселовская, Маріанна, рожд. Фабри, т. IV, 419, 449.

Веселовская, Марія Абрам., въ замуж. Класонъ, т. IV, 420—440.

Веселовская, Марія Никол., рожд. Аршеневская, т. IV, 419.

Веселовская, Рената (Renée) Абрам., въ замуж. Симпкинсонъ, т. IV, 419.

Веселовскій, Абр. Павл., русскій резидентъ въ Вѣнѣ 1715—1719 гг., эмигрантъ, р. 1685 † 1782 г. Родословная его, т. IV, 419—420. Замѣтка о немъ Крамера, т. IV, 447—449. Поправка, 595.

Веселовскій, Исаакъ Павл., тайн. сов., гофмейстеръ при импер. Елизаветѣ, † 1754 г., т. IV, 419, 449.

Веселовскій, Павелъ, т. IV, 419.

Веселовскій, Өед. Павл., тайн. сов., посланникъ въ Англіи, потомъ директоръ кадет. корпусовъ, т. IV, 419, 449.

Вигель, Ф. Ф., дѣйст. тайн. сов., управл. департ. духовн. дѣлъ иностр. исповѣданій р. 1786 † 1856 г. Доносъ его на И. И. Веденскаго; т. IV, 697.

Виговскій, малорос. гетманъ, т. III, 83.

Вилентьевъ, л.-гв. капит. - поручикъ.

Порученіе ему надзора за Биронемъ въ Пелыми, т. III, 544—545. Сопровожденіе Бирона въ Ярославль, т. III, 547. Упом. т. III, 549.

Викторъ, епископъ переяслав. 1790 г., т. III, 483.

Вилламовъ, А. Г. 1823 г., т. IV, 613.

Вилламовъ, Григ. Ив., статсъ-секрет. императр. Маріи Өедоровны, т. III, 387.

Вилліе, баронетъ Як. Вас., президентъ с.-петербургской медико-хирургической акад. 1818—1824 гг. Путешествіе его съ государемъ по Россіи и за границу, т. IV, 240—261; 599—607. Жесткость его въ обращеніи съ подчиненными, т. IV, 247. Полученіе имъ ушиба при паденіи и болѣзнь его, т. IV, 617—623. Участіе къ нему государя, т. IV, 617—620, 624. Выздоровленіе, т. IV, 623. Пожалованіе въ тайные совѣтники, т. IV, 624. Упом., т. IV, 224, 240—243, 624—629, 632, 633, 638, 640, 641.

Вилліе, медикъ 1824 г., т. IV, 622—633.

Вильде, Г. Л., баталіон. команд. 1799 г., т. III, 241.

Вильманъ, кам.-фрейлина при императр. Аннѣ, т. III, 461.

Виртембергская, принцесса Антуанета-Фредерика, т. IV, 371.

Виртембергская, прин. Марія, рожд. кн. Чарторижская, р. 1765 † 1854 г., т. III, 324.

Виртембергскій, наслѣдн. принцъ, т. III, 465.

Виртембергскій, герцогъ Александръ. Назначеніе его бѣлорусскимъ военнымъ губерн. 1810 г., т. IV, 347. Уп. т. IV, 366.

Виртембергъ-Штутгардскій, принцъ Людвигъ 1784 г., т. III, 324.

Вистингтаузенъ, Луиза Өедоровна, начальница Патріотическаго Института, † 1847 г. Біографическій очеркъ ея, т. III, 385—391.

Витгенштейнъ, кн. Антонина Станислав., рожд. Сиарская, р. 1779 † 1855 г., статсъ-дама 1820 г., т. III, 277.

Витгенштейнъ, кн. Петръ Христіановичъ, фельдмаршалъ, р. 1768 † 1843 г. Болѣзнь его и участіе къ нему государя, 1823 г., т. IV, 613. Упом. т. III, 277; т. IV, 303, 487, 616, 617.

Витгъ, начальн. Новороссійскаго воен. поселенія 1820 г., т. IV, 249, 266, 620.

Вицъ, Пав. Ив., докторъ, 1770 г., т. III, 159.

Вичиковскій, музыкантъ, т. III, 60.

Віардо, пѣвица, т. III, 447, 455.

Віельгорскій, гр. Мих. Юрьев., оберъ-шенкъ, р. 1787 г., т. III, 426, 436, 447; т. IV, 55.

Віельгорскій, гр. Юрій Мих., тайн. сов., гофмаршалъ и сенаторъ, р. 1758 † 1808 г., т. IV, 397.

Владимірскій, А. П., полков. докторъ 1815 г., т. IV, 232.

Владиславлевъ, жандарм. штабъ-оф., издат. альманаховъ, т. III, 368.

Власова, Евд. Ив., рожд. Богданова, т. IV, 66.

Власовъ, Петръ Вас., л.-гв. капит., р. 1726 † 1799 г., т. IV, 66.

Возжинскій, камеръ-юнкеръ. Указъ императр. Елизаветы о подаркѣ ему 1743 г., т. III, 641—642.

Воейковъ, Александ. Өед., писатель, р. 1773 † 1839 г. Ссора его съ Булгаринымъ и арестъ его, т. IV, 498, 502, 503, 506, 509. Уп. т. III, 68, 69.

Воейковъ, Өед. Матв., ген.-аншефъ, кіевскій и новороссійскій ген.-губернаторъ, р. 1703 † 1778 г., т. III, 149.

Войвоца, домовлад., т. III, 245.

Войнаровскій, Андрей. Очеркъ его жизни, соч. Бестужева и поэма Рылѣева, т. III, 487—524.

Волковъ, Дмитр. Вас., тайный секретарь Петра III, † 1785 г. Переведенныя имъ письма Петра къ Фридриху II 1762 г., т. III, 285, 286, 308. Біографическая замѣтка о немъ, т. III, 289. Составленіе имъ манифеста о вольности дворянства, т. III, 674—675. Упом. т. III, 663.

Волконская, кн. Агриппина Петр., рожд. Бестужева—Рюмина, т. IV, 689.

Волконская, кн. Александ. Никол., рожд. кн. Репнина, р. 1757 † 1834 г., статсъ-дама 1808 г., т. III, 276, 282.

Волконская, кн. Анна Мих., фрейлина при Екатеринѣ II, т. IV, 384.

Волконская, кн. Варв. Мих., р. 1778 † 1866 г., кам.-фрейл. 1841 г., т. III, 465.

*

Волконская, кн. Екат. Алексѣев., рожд. Мельгунова, † 1858 г., статсъ-дама 1848 г., т. III, 459.

Волконская, кн. Елиз. Алексѣев., рожд. Макарова, † 1792 г., т. III, 58, 274.

Волконская, кн. Елиз. Петр., рожд. кн. Макулова, т. III, 465.

Волконская, кн. Марія Дмитріев. рожд. Чаадаева, т. IV, 694.

Волконская, кн. Софья Григ., рожд. кн. Волконская, статсъ-дама 1832 г., т. III, 282.

Волконскій, кн. Алексѣй Никит., ген.-маіоръ, † 1781 г., т. IV, 60.

Волконскій, кн. Григ. Семен., ген.-маіоръ 1709 г., т. IV, 585.

Волконскій, кн. Григ. Семен., членъ государств. сов., оренбургскій воен. ген.-губернат., р. 1742 † 1824 г., т. III, 276, 282.

Волконскій, кн. Дмит. Петр., ген.-лейт., т. III, 459.

Волконскій, кн. Мих. Никит., ген.-аншефъ, московскій главнокомандующій, р. 1713 † 1789 г. Его юность, т. IV, 689—690. Разсказъ его объ отношеніяхъ импер. Екатерины II къ Броуну, т. IV, 693—694. Упом. т. III, 274, 285.

Волконскій, кн. Мих. Петр., бригадиръ, т. III, 465.

Волконскій, кн. Мих. Серг., р. 1745 † 1812 г., т. IV, 66.

Волконскій, кн. Никита Ѳед., т. IV, 689.

Волконскій, кн. Никол. Серг., ген. отъ инфант., р. 1853 † 1821 г. Разсказъ его о женитьбѣ отца, т. IV, 696. Упом. т. IV, 694.

Волконскій, кн. Петръ Дм. Сообщ. переписку Васильчикова съ кн. П. М. Волконскимъ по поводу бунта въ Семеновскомъ полку, т. IV, 646 — 666.

Волконскій, кн. Петръ Мих., дѣйств. тайн. сов. 1800 г., IV, 695—696.

Волконскій, кн. Петръ Мих., фельдмарш., мин. двора, р. 1776 † 1852 г. Путешествіе его съ государемъ въ 1820 и 1823 гг., т. IV, 244, 247, 256, 259, 601, 602, 603, 607. Переписка его съ кн. И. В. Васильчиковымъ по поводу бунта въ Семеновскомъ полку, т. IV, 646—666. Уп. т. III, 282, 434, 443, 465; т. IV, 94.

Волконскій, кн. Серг. Ѳед., ген.-аншефъ, † 1784 г., т. IV, 694, 696.

Волконскій, кн. Ѳед. Львовичъ, т. IV, 690.

Волчковъ, секрет. иностран. коллегіи, т. IV, 138.

Вольтеръ, франц. писат. Отзывы его о В. И. Поліянскомъ, т. IV, 135 — 136. Уп. т. III, 121, 11, 212, т. IV, 94, 577.

Вольфъ, докторъ, декабристъ, † 1849 г. Замѣтка о немъ Тарасова, т. IV, 616. Упом. т. IV, 617.

Вольховскій, Аѳанасій, могилев. епископъ 1793 г. Его невѣжество, т. IV, 307 — 308. Причина возведенія его въ санъ епископа, т. IV, 308.

Воробьева, пѣвица, т. III, 367, 449; т. IV, 42, 43.

Воронихъ, вице-губернат. въ Могилевѣ 1777 г., т. IV, 12, 29, 109.

Воронцовъ, генер., убитый Бенед. Булгаринымъ въ 1794 г., т. IV, 484.

Воронцовъ, генер. 1815 г., т. IV, 561.

Воронцовъ, Василій, прапорщ., т. III, 44.

Воронцова, гр. Анна Карл., рожд. Скавронская, р. 1723 г., об.-гофмейст. 1760 г., т. IV, 61.

Воронцова, гр. Анна Мих., въ замуж. бар. Строгонова, р. 1743 † 1769 г., фрейлина, т. IV, 61.

Воронцова, кн. Елиз. Ксавер., рожд. гр. Браницкая, статсъ-дама 1838 г., т. III, 458.

Воронцова, гр. Елиз. Ром., въ замуж. Поліянская, р. 1739 † 1792 г., кам.-фрейлина 1762 г., т. III, 461 — 462, 674; т. IV, 63.

Воронцова, гр. Марія Ив., рожд. Сумина, † 1748 г., т. III, 461.

Воронцова, гр. Марія Роман., въ замуж. гр. Бутурлина, р. 1738 г., фрейлина 1750 г., т. III, 461; т. IV, 63.

Воронцовъ, гр. Александ. Роман., государств. канцлеръ, р. 1741 † 1805 г. Ревизія его въ Могилевѣ въ 1785 г., т. IV, 189—190. Уп. т. IV, 212.

Воронцовъ, гр. Мих. Иларі., государств. канцлеръ, р. 1714 † 1767 г. Подписанный имъ трактатъ между Пруссіей

и Россіей 1762 г., т. III, 296—299. Инструкція, данная ему Петромъ III для того, чтобы привлечь Англію на сторону Пруссіи, т. III, 305. Упом. т. IV, 61, 588.

Воронцовъ, кн. Мих. Сем., ген.-адъют. р. 1781 г. Препровожденная имъ Александру I записка В. Н. Каразина, 1820 г., т. III, 366. Упом. т. III, 2, 8, 61, 458; т. IV, 617.

Воронцовъ, гр. Ром. Иларіон., ген.-аншефъ, р. 1707 † 1783 г. О кошелькѣ, присланномъ ему въ подарокъ Екатериною II въ 1783 г., т. III, 682—683. Упом. т. III, 461.

Воронцовъ, гр. Сем. Роман., ген. отъ инфант., р. 1744 † 1832 г., т. IV, 384.

Воропановъ, могил. городничій 1784 г., т. IV, 179, 305.

Воропановъ, Никол. Ѳад., ген.-адъют. и команд. л.-гв. финляндскаго полка 1828 г., т. III, 62.

Воскресенскій, полков. докторъ 1814 г., т. IV, 227.

Врангель, бар. адмиралъ, т. IV, 677.

Вронзенъ, англ. посолъ при петерб. дворѣ 1762 г., т. III, 295.

Всеволодскій, офиц. гвардіи 1792 г., т. III, 691, 694.

Всеволожскій, Всеволодъ Алексѣев., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ при Екатеринѣ II, т. III, 677.

Всеволожскій, Серг. Алексѣев., ген.-поруч., дѣйств. камер., т. IV, 384.

Вульфъ, Петръ, камердинеръ Петра I. Пожалованіе его въ тайные совѣтники, т. IV, 687.

Высоковская, т. III, 56.

Высоцкая, Палагея Александ., рожд. Потемкина, т. IV, 394.

Высоцкій, Никол. Петр., ген.-маіоръ и фл.-адъютантъ, р. 1751 † 1827 г., т. IV, 394.

Выходцевъ, рыльскій купецъ, т. IV, 20.

Вышеславцевъ, Козьма, пѣвчій, т. III, 254, 262, 263.

Вышковскій, т. IV, 402.

Вяземская, кн. Елена Никит., рожд. кн. Трубецкая, т. IV, 397.

Вяземская, кн. Праск. Александр., въ замуж. гр. Зубова; † 1820 г., фрейлина 1789 г., т. IV, 397.

Вяземскій, кн. Александ. Алексѣев., дѣйств. тайн. сов. и ген.-прокуроръ, р. 1727 † 1793 г. Письмо къ нему Екатерины II, 1791 г., т. III, 695. Дѣло его въ отношеніи императрицы, т. III, 679—689. Покровительство Петру Богд. Пассеку, т. IV, 208. Упом. т. III, 481; т. IV, 109, 116, 134, 135.

Вяземскій, кн. Петр. Анд. писатель, р. 1792 г., т. III, 98, 234, 394; т. IV, 495, 677.

Вяземскій, Ив. Кузьм., уѣздный комиссаръ 1777 г., т. IV, 4, 6—10, 13, 14, 19—21, 31—34.

Вяземскій, Сергѣй Кузьмичъ, ген.-адъют. гр. З. Г. Чернышева 1777 г., т. IV, 4, 25—27, 98, 117, 136.

Г.

Гагарина, кн., рожд. бар. Шафирова, т. III, 472.

Гагарина, рожд. Глазнапъ, т. III, 202.

Гагарина, кн. NN Алексѣев., фрейлина при в. кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ, † 1746 г., т. III, 472, т. IV; 60.

Гагарина, кн. Анна Алексѣев., въ замуж. гр. Матюшкина, фрейлина 1746 г., т. III, 472; т. IV, 60.

Гагарина, кн. Анна Петр., рожд. кн. Лопухина, р. 1777 † 1805 г., кавалерств. дама 1796 г., т. III, 272—273.

Гагарина, гр. Праск. Павл., рожд. Ягужинская, † 1775 г., т. IV, 696.

Гагарина, кн. Соф. Павл., въ замуж. кн. Оболенская, р. 1785 г., фрейлина императр. Маріи Ѳедоровны, т. IV, 493.

Гагаринъ, кн., кам.-юнкеръ 1806 г., т. IV, 202.

Гагаринъ, кн. Алексѣй Матв., т, III, 472.

Гагаринъ, кн. Ив. Алексѣев., штальмейст. двора в. кн. Екатерины Павловны, р. 1771 † 1832 г., т. III, 216, 223.

Гагаринъ, кн. Иванъ Серг., бывшій однимъ изъ виновниковъ послѣдней дуэли Пушкина, т. IV, 509.

Гагаринъ, кн. Матв. Алексѣев., ген.-маіоръ, р. 1725 † 1793 г., т. III, 472.

Гагаринъ, кн. Пав. Гавр., ген.-адъют., р. 1777 † 1850 г., т. III, 272—273.

Гагаринъ, кн. Пав. Серг., ген.-поруч., московск. об.-комендантъ, р. 1747 † 1789 года, т. IV, 403.

Гагаринъ, кн. Серг. Вас., дѣйствит. тайн. сов. и шталмейстеръ, † 1782 г., т. IV, 696.

Гайтанниковъ, штабъ-лекарь 1823 г., т. IV, 599.

Галли, пѣвецъ 1823 г., т. IV, 603.

Гамалѣя, правит. канцеляріи въ Могилевѣ 1778 г., т. IV, 98.

Гамильтонъ, Марія, кам.-фрейлина и любимица Екатерины I, казнена въ 1719 году, т. III, 465—466.

Гаммель, докторъ 1820 г., т. IV, 255.

Гардони, пѣвецъ, т. III, 447, 456.

Гартингъ, генералъ. Осада имъ Бранлова въ 1809 г., т. III, 203.

Гартманъ, профес. акушерства 1820 г., т. IV, 255.

Гауденъ, лордъ, (lord Howden) т. IV, 402.

Гегель, писатель — философъ, т. IV, 526.

Гедеоновъ, Мих. Александ., директоръ с.-петербург. театровъ, т. III, 367, 368, 445.

Гедеонъ, епископъ Смоленскій. Отвѣтъ его Прокоповичу, т. III, 654.

Гейницкій, генер. 1807 г., т. III, 58.

Гейнефетеръ, пѣвица, т. III, 434—435.

Гейскеръ, парикмахеръ, т. IV, 123.

Геллертъ, нѣмец. писатель, т. IV, 497.

Гельбигъ, писатель. О статьѣ его о С. И. Шешковскомъ, т. III, 647. Ссылки на его сочиненія, т. III, 597, 642. Замѣтка его о Сальдернѣ, т. III, 297.

Гендрикова, гр. Варв. Ив., въ замуж. Челищева, фрейлина, † 1817 г., т. IV, 64.

Гендрикова, гр. Екат. Ив., въ замуж. гр. Апраксина, фрейлина Екатерины II, † 1814 г., т. IV, 64.

Гендрикова, гр. Елиз. Ив., въ замуж. Измайлова, фрейлина императрицы Елизаветы, † 1804 г., т. IV, 63.

Гендрикова, гр. Елиз. Серг., рожд. Бутурлина, † 1784 г., т. IV, 63, 64.

Гендриковъ, гр. Ив. Семенов., ген.-аншефъ, р. 1719 † 1778 г., т. IV, 63, 64.

Геннадій, іеромонахъ 1820 г., т. IV, 256, 269.

Георгій Вахтанговичъ, грузинс. царевичъ, ген.-аншефъ, т. III, 280.

Герасимовъ, губерн. стряпчій въ Могилевѣ 1784 г., т. IV, 180, 181.

Герасимовъ, могилев. губерн. прокуроръ 1795 г., т. IV, 323.

Гердеръ, нѣмец. писатель, т. IV, 497.

Гете, поэтъ, т. III, 455.

Гиво, историкъ, т. IV, 529.

Гильфердингъ, А. Ѳ. Сообщ. о пѣсняхъ былинъ въ петербургской губ., т. IV, 451—459.

Главуновъ, книгопродавецъ, т. III, 727, 728, 732.

Глинка, В. С. Сообщ. распоряженіе Павла I объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и о замѣненіи ихъ другими, 1797 г., т. III, 531—532.

Глинка, Григ. Никол., городничій въ Острогожскѣ, т. III, 66, 245.

Глинка, Евгенія Андр., т. IV, 46,

Глинка, Марья Петр., рожд. Иванова, т. III, 433; т. IV, 40, 52.

Глинка, Мих. Ив., композиторъ, р. 1804 † 1857 г. Первоначальный планъ его оперы «Руслан и Людмила», т. III, 367—384. О запискахъ его, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» 1870 г., и воспоминанія о немъ Ѳ. М. Толстого, т. III, 421—454. Воспоминанія о немъ П. А. Степанова, т. IV, 39—58.

Глинка, Серг. Никол., издатель «Русскаго Вѣстника». Найденное въ его бумагахъ распоряженіе императ. Павла объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ, т. III, 531—532. Ссылка на записки его: «Мое цензорство», т. III, 726. Ук. т. III, 229, 230, 246.

Глинка, Ѳед. Никол., писатель. Его замѣтки о К. Ѳ. Рылѣевѣ, т. III, 244—246. Упом.: т. III, 66, 95, 334. т. IV, 495, 677.

Глушницкій, т. III, 222.

Глѣбова-Стрѣшнева, Елиз. Петр., рожд. Стрѣшнева, р. 1751 † 1837 г., статсъ-дама 1826 г., т. III, 278.

Глѣбовъ, Ѳед. Ив., ген.-аншефъ, р. 1734 † 1799 г., т. III, 278.

Гизовъ, пасторъ, т. III, 466; т. IV, 59, 586.

Гнѣдичъ, Никол. Ив., писатель. Письма къ нему К. Н. Батюшкова, 1808 — 1809 гг., т. III, 208 — 236. Упом.: т. III, 67 — 69, 211.

Гоггеръ, бар. Александра Вас., въ замуж. Сенявина, т. IV, 394.

Гоггеръ, бар. Вас. Данил., дѣйств. ст. сов., голланд. посланникъ, т. IV, 394.

Гоггеръ, бар. Елиз. Вас., въ замуж. бар. Мейендорфъ, т. IV, 394.

Гоголь, Никол. Вас., писатель. Письмо его къ С. Т. Аксакову, т. IV, 681. Упом. т. III, 120, 446, 455; т. IV, 677.

Годуновъ, Борисъ, царь, т. III, 394.

Голенищева-Кутузова, Анна Мих., въ замуж. Хитрово, р. 1782 † 1846 г., т. III, 202, 203.

Голенищева-Кутузова, Дарья Мих., въ замужествѣ Опочинина, р. 1788 † 1854 года, т. III, 53, 54.

Голенищева-Кутузова, Евд. Ильин., рожд. Бибикова, р. 1743 † 1807 г., статсъ-дама 1806 г., т. III, 274—275, 276.

Голенищева-Кутузова, Екат. Мих., въ перв. замужествѣ Кудашева, а во вт.— Сарачинская, р. 1787 † 1826 г., т. III, 53, 54, 60, 202.

Голенищева-Кутузова-Смоленская, кн. Екат. Ильин., рожд. Бибикова, р. 1754 † 1824 г., статсъ-дама 1812 г., т. III, 276—277.

Голенищевъ-Кутузовъ, Ив. Логиновъ, адмиралъ, р. 1729 † 1802 г., т. III, 275.

Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Пав. Вас., ген. отъ кавалеріи, р. 1772 † 1843 г., т. III, 463.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Иллар., фельдмарш., р. 1745 † 1813 г. Письма его къ женѣ 1800—1809 гг., т. III, 49—60; 201—204. Упом. т. III, 276, 465; т. IV, 303.

Голиковъ, Ив. Ив., писатель, т. III, 114, 328.

Голицына, кн. Анна Георгіев., дочь Грузинскаго царевича Георгія Вахтангѣевича, т. III, 279—280; т. IV, 399.

Голицына, кн. Варв. Борис., р. 1757 † 1784 г., фрейлина 1782 г., т. IV, 394.

Голицына, кн. Варв. Ив., рожд. Шипова, вдова кн. Волконская, т. IV, 393.

Голицына, кн. Варв. Никол., въ замуж. гр. Головина; р. 1766 † 1821 г., кавалерств.-дама 1816 г., т. IV, 395.

Голицына, кн. Дарія Алексѣев., рожд. кн. Гагарина, т. III, 472.

Голицына, кн. Елиз. Алексѣев., въ замуж. гр. Остерманъ-Толстая; р. 1779 † 1835 г., фрейлина 1793 г., т. IV, 399.

Голицына, кн. Марія Адамов., рожд. Олсуфьева, † 1821 г., т. III, 41.

Голицына, кн. Марія Алексѣев., фрейлина Екатерины II, т. IV, 399.

Голицына, кн. Нат. Александ., рожд. кн. Долгорукая, р. 1729 † 1773 г., т. IV, 394.

Голицына, кн. Нат. Петр. (la princesse Moustache), рожд. гр. Чернышева, р. 1741 † 1837 г., статсъ-дама 1806 г., т. III, 275, 280. Авторитетъ, какимъ она пользовалась въ Петербургѣ, т. III, 426, 428—429.

Голицына, кн. Праск. Ив., рожд. Шувалова, р. 1734 † 1802 г., т. IV, 395.

Голицына, кн. Соф. Алексѣев., въ замуж. гр. де-Сенъ-Прй; р. 1777 † 1814 г., фрейлина 1793 г., т. IV, 399.

Голицына, кн. Тат. Вас., рожд. кн. Васильчикова, р. 1781 † 1841 г., статсъ-дама 1826 г., т. III, 279, 458.

Голицынъ, кн. Донесеніе его Петру III объ отъѣздѣ изъ Лондона англ. посла къ петерб. двору 1762 г., т. III, 295.

Голицынъ, кн. Александ. Мих., ген.-фельдмарш., р. 1718 † 1783 г., т. III, 472, 686.

Голицынъ, кн. Александ. Никол., мин. народн. просвѣщ., р. 1773 † 1844 г., т. IV, 237, 313, 630.

Голицынъ, кн. Алексѣй Андр., тайн. сов., шталмейстеръ, и сенаторъ, р. 1767 † 1800 г., т. IV, 398.

Голицынъ, кн. Алексѣй Борис., ген.-маіоръ, т. III, 279; т. IV, 399.

Голицынъ, кн. Бор. Вас., т. III, 681.

Голицынъ, кн. Борисъ Серг., шталмейстеръ, р. 1715 † 1761 г., т. IV, 394.

Голицынъ, кн. Влад. Бор., бригадиръ, р. 1791 г., т. III, 275, 280.

Голицынъ, кн. Влад. Дмитр., полковн. и флиг.-адъют., р. 1815 г., т. III, 275.

Голицынъ, кн. Дмитр. Влад., ген. отъ кавал., москов. ген.-губерн., р. 1771 † 1844 г. Письмо къ нему императ. Александра I по поводу возмущенія въ семеновскомъ полку, т. IV, 545. Посѣщеніе его императоромъ, т. IV, 570. Упом. т. III, 279, 426, 460, 491.

Голицынъ, кн. Мих. Андр., тайн. сов. и дѣйств. камергеръ, † 1812 г., т. IV, 395.

Голицынъ, кн. Мих. Мих., (старшій), фельдмаршалъ, членъ верховнаго тайн. сов., р. 1674 † 1730 г., т. IV, 398.

Голицынъ, кн. Никол. Алексѣевичъ, шталмейстеръ и сенат., р. 1751 † 1809 г., т. III, 41.

Голицынъ, кн. Никол. Мих., об.-гофмарш., р. 1727 † 1786 г., т. III, 681.

Голицынъ, кн. Никол. Өед., ген.-поруч., р. 1728 † 1780 г., т. IV, 395.

Голицынъ, кн. Петр. Мих., шталмейст., р. 1702 † 1760 г., т. III, 473.

Голицынъ, кн. Петр. Мих., ген.-поруч., р. 1738 † 1775 г. т. III, 274.

Голицынъ, кн., Серг. Өед., ген. отъ инфант., членъ государств. сов., р. 1748 † 1810 г. Его отношенія къ Ив. Анд. Крылову, т. III, 163. Уп. т. IV, 114, 389.

Голицынъ, кн. Серг., т. III, 426, 428.

Голицынъ, кн. Серг. Ив., т. IV, 694.

Голицынъ, кн. Өед. Никол., тайн. сов., р. 1751 † 1827 г., т. IV, 393.

Головина, гр. Варв. Никол., рожд. кн. Голицына, р. 1766 † 1821 г., т. III, 48.

Головина, Екат. Алексѣев., рожд. кн. Голицына, т. III, 278.

Головина, Екат. Вас., р. 1736 † 1763 г., фрейлина 1756 г., т. IV, 63.

Головина, Праск. Тимоѳ., рожд. Чирикова, р. 1717 † 1779 г., т. IV, 63.

Головинъ, графъ, 1705 г., т. III, 487.

Головинъ, Вас. Вас., р. 1696 † 1781 г., т. IV, 63.

Головинъ, Ив. Мих., адмиралъ † 1738 г., т. IV, 470.

Головинъ, Ив. Серг., коллеж. сов., т. III, 276.

Головинъ, Макв. Алексѣев., боярин, † 1725 г. Назначеніе его по распоряженію Петра I, т. IV, 685.

Головинъ, гр. Никол. Никол., дѣйств. тайн. сов., об.-шенкъ, † 1820 г., т. IV, 395.

Головина, гр. Екат. Александ., рожд. гр. Шуваловa, р. 1733 † 1821 г., статсъ-дама 1801 г., т. III, 273.

Головкина, (Мигуша), гр. Елиз. Гавр., † 1818 г., т. III, 274.

Головницынъ, гр. Александ. Гавр., дѣйствит. тайн. сов., посланникъ въ Голландіи. Указъ ему императр. Елизаветы о высылкѣ ко двору маренныхъ, т. IV, 587—588.

Головкинъ, гр. Алексѣй Гаврил., камергеръ, † 1822 г., т. III, 274.

Головкинъ, гр. Гавр. Ив., канцлеръ, р. 1660 † 1734 г., т. III, 274.

Головкинъ, гр. Гавр. Ив., дѣйств. тайн. сов., † 1787 г., т. III, 273—274.

Головкинъ, гр. Мих. Гавр., вице-канцлеръ, † 1755 г., т. III, 274, 468; т. IV, 692—693.

Головкинъ, гр. Юрій Александ., оберъ-камергеръ, членъ государ. сов., р. 1749 † 1846 г., т. III, 274; т. IV, 391.

Голубевъ, Н. И. Сообщ. замѣтку о шуто-трагедіи Крылова «Подщипа», т. III, 586.

Голубцовъ, Илья, разсыльный, т. III, 642.

Гольтцъ, бар., прус. камергеръ и адъют. Фридриха II, 1762 г., т. III, 293—294, 296, 300, 307, 308.

Гольштинскій, принцъ Георгъ, дядя Петра III. Отреченіе его въ пользу Бирона отъ правъ на Курляндію, т. III, 561. Упом. т. III, 299.

Голынскій, домовладѣлецъ, т. IV, 320.

Голынскій, Ив., бѣлорус. помѣщикъ 1778 г., т. IV, 105.

Голѣневскій, Иванъ, авторъ стихотворенія: «Плачъ по блаженной и вѣчно достойной памяти императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ», т. III, 591—592.

Голяшкинъ, кронштад. мѣщанинъ, т. IV, 486.

Гомецъ, писательница, т. IV, 574.

Гончаровъ, унт.-офиц. преобр. полка 1820 г., т. IV, 664.

Горбковъ, полков. команд. 1817 г., т. III, 1.

Горголи, И. С., ген., членъ сов. путей сообщенія, т. III, 35.

Гордонъ, вице-адмиралъ 1723 г., т. IV, 473.

Горкановъ, Ѳед., слесарь, участвов. въ заговорѣ на убійство Шумской, т. IV, 271, 272, 273, 283.

Гортъ, гр., прус. полков. 1762 г., т. III, 286, 290, 295.

Горчакова, кн. Агафоклея Никол., рожд. Бахметева, ст.-дама 1856 г., т. III, 460.

Горчакова, кн. Нат. Ѳед., рожд. Боборыкина, т. IV, 682.

Горчаковъ, кн. Александ. Мих., мин. иностр. дѣлъ, р. 1797 г., т. IV, 604.

Горчаковъ, кн. Алексѣй Ив., прокуроръ въ Рогачевѣ 1777 г., р. 1737 † 1805 г. Знакомство съ нимъ Добрынина, т. IV, 6, 7—9, 15—18.

Горчаковъ, кн. Алексѣй Ив., ген. отъ инфант., воен. мин, р. 1769 † 1817 г., т. IV, 303, 401.

Горчаковъ, кн. Влад. Петр. Отношенія его къ А. Ѳ. Вельтману, т. IV, 407—408.

Горчаковъ, кн. Дм. Петр., коллеж. сов., писатель, р. 1758 † 1824 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ, т. IV, 681—682.

Горчаковъ, кн. Мих. Дмитр., ген. отъ артил., ген.-адъют., намѣстникъ Царства Польскаго, р. 1790 † 1861 г., т. IV 682.

Горчаковъ, кн. Петръ Дмитр., ген. отъ инфант., ген.-губерн. Западн. Сибири, р. 1789 † 1868 г., т. IV, 682.

Горынинъ, хлѣбникъ Аракчеева, т. IV, 273, 283, 284.

Госнеръ, издат. богословскихъ книгъ 1824 г., т. IV, 495.

Гофманъ, нѣмец. писатель, т. IV, 528.

Граве, Александ. Христіан., офиц. преображ. полка 1830 г., т. IV, 504.

Гравелли, пѣвецъ 1823 г., т. IV, 603.

Гревенсъ, Абр. Ильичъ, т. III, 209, 212.

Гревенсъ, Анна Никол., рожд. Батюшкова, т. III, 209.

Грессеръ, содержатель нотнаго магазина, т. III, 438.

Гретбачъ, граверъ, т. III, 115.

Гречъ, Евг. Иван. Сообщ. біографическій очеркъ Булгарина, составленный Н. И. Гречемъ, т. IV, 483—513.

Гречъ, Никол. Ив., писатель. Составленные имъ біографическіе очерки Булгарина, т. IV, 484—520. Письмо его къ Н. А. Полевому 1824 г., т. IV, 677—678. Упом. т. III, 68, 70, 206; т. IV, 420, 442, 443, 527—532, 657, 681, 682.

Грибовскій, ст.-секрет. Екатерины II, т. IV, 571.

Грибовскій, библіотекарь гвард. генеральн. штаба 1820 г. Отзывъ о немъ И. В. Васильчикова, т. IV, 661.

Грибоѣдова, Александ. Серг., рожд. кн. Одоевская, т. III, 281.

Грибоѣдовъ, Александр. Серг., писатель, т. III, 427; т. IV, 492, 493.

Грибоѣдовъ, Алексѣй Ѳед., коллеж. сов., т. III, 281.

Григорій, от., схимникъ. Жизнь его въ Молчанской пустыни, т. III, 659—661.

Григоровичъ, Иннокентій, архимандритъ Сѣвскаго монастыря, т. III, 126.

Григоровъ, угличскій дворянинъ, т. IV, 691.

Григорьевъ, Ив., крестьянинъ, т. IV, 285.

Гриневъ, полковн. 1770 г., т. III, 269—270.

Гротъ, Як. Карл., академикъ. Списокъ «Подщипы» съ принадлежащей ему рукописи, т. III, 163—164. Сообщ. о подпискѣ на сооруженіе памятника А. С. Пушкину, т. III, 648—650. Упом. т. IV, 92, 574.

Гудовичъ, Андр. Вас., ген.-аншефъ, приближенный Петра III, р. 1731 † 1808 г. Біографическая замѣтка о немъ, т. III, 286—287. Упом. т. III, 461.

Гудовичъ, гр. Ив. Вас., ген.-фельдмарш., р. 1741 † 1821 г., т. III, 275.

Гудовичъ, гр. Праск. Кирил., рожд. Разумовская, † 1808 г., статсъ-дама 1806 г., т. III, 275.

Гумбольдтъ, Александръ, естествоиспытатель, т. III, 722.

Гурьева, гр. Праск. Никол., рожд. гр. Салтыкова, † 1830 г., статсъ-дама 1826 г., т. III, 279, 457.

Гурьевъ, гр. Дмитр. Александр., мин. финансовъ, р. 1751 † 1825 г., т. III, 279, 457; т. IV, 303, 660.

Гусевъ, купеч. сынъ. Заимствованная изъ его бумагъ «Эпитафія Суворову», т. IV, 415—416.

Гусевъ, Ив. Яковл., крестьянинъ, пѣвецъ былинъ, т. IV, 451—459.

Густавъ III, король шведскій, р. 1746 † 1792 г. Отношенія къ нему Екатерины II, т. III, 605—627. Заговоръ противъ него дворянства, 1792 г., т. III, 691. Упом. т. III, 693.

Густавъ IV, король шведскій, р. 1778 † 1837 г. Пріѣздъ его въ Петербургъ въ качествѣ жениха вел. кн. Александры Павловны, т. III, 694. Упом. т. III, 621, 692.

Гутаковская, гр. Марія Станисл., рожд. Соболевская, р. 1766 † 1843 г., статсъ-дама 1830 г., т. III, 282.

Гущеводовъ, Степ., унт.-офиц. 1820 г., т. IV, 654.

Гюльденстольпе, швед. графъ 1793 г., т. III, 699.

Д.

Д . . ., Петръ Львовичъ, тайн. сов, и гофмейстеръ, т. III, 788—789. Упом. т. IV, 595.

Давыдовъ, Вас. Денис. Сообщ. свои памятныя замѣтки, т. III, 782—792.

Давыдовъ, Денисъ. Разсказы его объ императ. Павлѣ, т. III, 789, 790.

Давыдовъ, Степ., крестьянинъ, т. IV, 285.

Дадьянъ-Мингрельская, кн. Екат. Александ., рожд. кн. Чавчавадзе, статсъ-дама, 1856 г., т. III, 460.

Дадьянъ-Мингрельскій, кн. Давыд. Леонов., ген.-маіоръ, т. III, 460.

Даллеръ, докторъ 1824 г., т. IV, 641.

Даль, В. И. Разсказъ его о донской конной артиллеріи, т. IV, 445—447.

Дамке, музыкальн. критикъ, т. IV, 55.

Данилка, сторожъ, т. IV, 24, 29, 30.

Дараганъ, Вѣра Григ., рожд. Разумовская, т. IV, 65.

Дараганъ, Ефимъ Фед., полковн., т. IV, 65.

Дараганъ, Софья Ефим., въ замуж. кн. Хованская, † 1818 г., т. IV, 65.

Даргомыжскій, Александ. Серг., композиторъ, т. III, 455; т. IV, 55, 58.

Даунъ, австр. главнокоманд. 1762 г., т. III, 290, 296.

Дашкова, кн. Екат. Ром., рожд. гр. Воронцова, р. 1743 † 1810 г. Отзывы ея о С. Г. Домашневѣ, т. III, 206, 207. Разсказъ ея о напечатаніи «Вадима», т. III, 727—731. Упом. т. IV, 203—204, 694.

Дашковъ, статсъ-секрет. 1828 г., т. III, 61.

Двинскій, Мих. Яковл., витеб. купецъ, т. IV, 363.

Девьеръ, гр., рожд. кн. Меншикова, т. III, 467.

Девьеръ, гр. N N Мануиловна, гофъфрейл. въ царств. Петра I, т. III, 466—467.

Девьеръ, гр. Мануилъ, генер.-лейтен., с.-петерб. ген.-полицмейст. 1725 г., т. III, 466—467.

Дегай, статсъ-секретарь, т. IV, 677.

Дежагардъ, Августъ Осип., штабсъ-капит. 1808 г., т. III, 208, 220.

Дежафонъ, начальница общ. благород. дѣв. Смольн. институт, † 1797 г., т. III, 629.

Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновъ, поэтъ, р. 1798 † 1831 г., т. III, 98, 113; т. IV, 499, 500.

Демидовъ, т. IV, 127, 134.

Демидовъ, Прокофій. Награды, полученныя имъ отъ Екатерины II, т. III, 633.

Депрерадовичъ, Никол. Ив., генералъ 1820 г., т. IV, 660.

Дергунъ, Сергѣй Сидоров., земскій судья 1774 г., т. III, 588, 589.

Державинъ, Гавр. Роман., писатель, т. III, 51, 113, 163, 220, 225, 334, 442; т. IV, 195, 198, 201, 571, 574, 682.

Де-Сенъ-Моръ, француз. литераторъ 1820 г., т. IV, 491.

Джекъ, (Jeak), англ. джентльменъ, т. IV, 420, 449.

Дзеньковскій, полковн. 1652 года, т. III, 83.

Дибичъ-Забалканская, граф. Анна

(Женни) Егор., рожд. бар. фонъ-Торнау, р. 1798 † 1830 г., статсъ-дама 1829 г., т. III, 281—282.

Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив., ген.-фельдмарш., р. 1785 † 1831 г. Пребываніе его съ государемъ въ Перми 1824 г., т. IV, 549, 550. Путешествіе по Россіи въ свитѣ государя, т. IV, 610, 613, 619, 620. Упом. т. III, 62, 282; т. IV, 622, 623, 641.

Дивова, Александр. Гавріл., р. 1772 † 1827, кам.-фрейл. 1826 г., т. III, 464.

Дивова, Марья Абр., рожд. Евреинова, т. III, 464.

Дивовъ, Адріанъ Ив., тайн. сов. и сенаторъ, † 1814 г., т. IV, 387.

Дивовъ, Гавр. Никиф., ст. сов., т. III, 464.

Дивсонъ, James, англ. писатель, т. IV, 419, 595.

Дивсонъ, Марія-Луиза, рожд. Симпкинсонъ, т. IV, 420—440.

Дмитрій, царевичъ, сынъ Іоанна Грознаго, т. III, 394.

Дмитревскій, писатель, т. III, 65.

Дмитревскій, актеръ, т. IV, 376

Дмитріевъ, Ив. Ив., баснописецъ, членъ государств. сов. 1810 г., † 1837 г., т. III, 98, 211, 224; т. IV, 303, 677.

Дмитріевъ, Мих. Александ., писатель. Выписка изъ его «Мелочей», т. IV, 302. Упом. т. III, 98.

Дмитріева-Мамонова, Анаст. Матв., фрейлина Екатерины II, р. 1759 † 1803 г., т. IV, 396.

Дмитріева-Мамонова, Анна Ив., рож. Бобарыкина, р. 1723 † 1792 года, т. IV, 396.

Дмитріева-Мамонова, Марія Александровна, т. IV, 396.

Дмитріева-Мамонова, Праск. Матв., фрейлина Екатерины II, р. 1750 † 1823 г., т. IV, 396.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александ Матв., любимецъ Екатерины II, р. 1758 † 1803 г., т. III, 678, 687; т. IV, 386, 396.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Матв. Александр. ген.-маіоръ, р. 1789 г., т. IV, 396.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Матв. Васил., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1724 † 1810 г., т. IV, 396.

Дмитровичъ, кіевскій купецъ, т. III, 593, 600.

Добротворовій, т. IV, 248.

Добрынинъ, Гавр. Иван., р. 1752 † 1824 г. Записки его, т. III, 119—160; 247—271; 395—420; 562—604; 651—672. Предувѣдомленіе, 121. Періодъ отъ рожденія составителя записокъ до смерти его отца, 122—123. Переселеніе къ дѣду въ Сѣвскъ, 123. Родогожскій дѣдъ, 124—126. Судъ надъ монахомъ, 126—127. «Слово и дѣло», 128. Столбовскій монастырь, 129—130. Поступленіе въ контору гр. П. Г. Чернышева, 131—132. Переходъ къ сѣвскому архіерею, 133—135. Архимандритъ Карпинскій, 135—136. Объѣздъ по епархіи, 136—139. Архіерей Кирилла Фліоринскій, 140—148. Жизнь въ Кіевѣ, 148—151. Опредѣленіе письмоводителемъ въ «ставленческую» контору и обученіе латинскому языку и ариѳметикѣ, 151—153. Раскольники въ Рыльскѣ, 153—154. Именины архіерея и послѣдствія пира, 154—159. Поѣздка въ Кромы и Орелъ, 159—160. Пребываніе въ Орлѣ, 247—251. Пожаръ въ конторѣ, 249. Завистники и расправа преосвященнаго, 250—253. Болѣзнь и выздоровленіе, 255. Смерть черниговскаго архіерея, 256. Назначеніе Добрынина келейнымъ и новыя обязанности, 257—261. Помѣшательство архіерея, 262—263. Сватовство, 263—264. Размолвка и примиреніе съ преосвященнымъ, 265—267. Пребываніе въ гостяхъ у камергера Сафонова, 267—269. Диспутъ архіерея съ Гриневымъ, 269—270. Разсужденіе объ историческомъ изложеніи, 270—272. Рѣчи, произнесенныя архіерею въ новый 1771 годъ, 395—396. Тайныя бесѣды и доносы, 396—404. Судъ надъ архіереемъ, 405—407. Посѣщеніе Площанской богородицкой пустыни и разсказъ объ инокѣ Іоасафѣ, 407—409. Поѣздка въ Трубчевскъ, 409—411. Поѣздка въ Брянскъ и Карачевъ, 411—420. Въ гостяхъ у помѣщиковъ, 412—418. Пребываніе въ Карачевѣ, 562—564. Въ гостяхъ у помѣщиковъ Соколова, Касагова и Сафонова, 565—577. Смерть родогожскаго дѣда, 577—578. Стихи, сочинённые архіереемъ на

*

сѣвскаго воеводу, 578—580. Смерть попомаря, 581. Учрежденіе комиссіи для разсмотрѣнія поступковъ архіерея, 581—583. Поѣздка къ Сафонову и пребываніе въ Глуховѣ, 583—588. Рѣчь епископа Анатолія Мелеса, 588—589. Обрученіе составителя записокъ, 590—591. Поѣздка въ Орелъ, 591—592. Путешествіе Добрынина въ Польшу, 593—603. Возвращеніе домой и чтеніе книгъ, 603—604. Ссора архіерея съ трубчевскимъ воеводою, 651 — 654. Арестъ Добрынина по приказанію архіерея, 654—657. Смерть его невѣсты и отъѣздъ въ Молчанскую пустынь, 658. Пребываніе въ пустыни и знакомство съ схимникомъ от. Григоріемъ, 659—661. Поѣздка въ Дубовичи и возвращеніе въ Сѣвскъ, 661—662. Свиданіе съ матерью, 662—663. Отъѣздъ изъ Сѣвска, 663—664. Проекты о будущемъ житьѣ, 665—666. Стародубскій протопопъ и его сынъ, 666 — 668. Цѣдула, 668 — 669. Архимандритъ Елецкаго монастыря, 669—670. Наказаніе попадьи, 671. Отъѣздъ изъ Чернигова, 672.

Т. IV, 1—38; 97—153; 177—222; 305—378. Въѣздъ въ Бѣлоруссію, 1. Бѣлорусскія почтовыя дороги, 1—2. Городъ Рогачевъ, 2—3. Знакомство съ директоромъ таможни, 3—7. Кн. А. И. Горчаковъ, 6—7. Цолнеръ Хамкинъ, 7—8. Уѣздный комиссаръ Вязмитиновъ, 8. Обѣдъ у кн. Горчакова, 8—9. Опредѣленіе на службу, 9—10. Поѣздка въ Могилевъ, 11—13. Принесеніе присяги, 14. Устройство на квартирѣ и бездѣйствіе, 14—15. Стихотворство и гнѣвъ рогачев. воеводы, 15—16. Примиреніе, 17 — 18. Первый чинъ, 19. Поѣздка въ Сѣвскъ, 19 — 20. Покупка санокъ, 20. Возвращеніе въ Рогачевъ, 21. Слухи объ открытіи намѣстничества, 21. Хлопоты о службѣ, 21—22. Поѣздка въ Могилевъ, 22. Правитель канцеляріи В. Я. Алѣевцевъ, 22—24. Взятки, 23—25. Производство въ губернскіе секретари, 27—29. Сторожъ Данилка, 29 - 30. Сборы въ Могилевъ, 32. Задержка, 33. Философствованіе, 35—37. Приключеніе съ уткой, 37—38. Пріѣздъ въ Могилевъ, 97—98. Могилевское общество передъ открытіемъ намѣстничества, 98—99. Масонская ложа Алѣевцева, 100—102. Открытіе намѣстничества въ Бѣлоруссіи, 103—104. Открытіе новыхъ присутственныхъ мѣстъ въ уѣздахъ, 105—107. Помѣщикъ Голынскій, 105. Новые порядки, 107—108. Перемѣна губернатора, 108 — 109. В. И. Полянскій, 108—110. Германскій императоръ Іосифъ II въ Могилевѣ, 110—118. Пріѣздъ въ Могилевъ императрицы Екатерины II, 113. Закладка церкви св. Іосифа, 115. Пожалованіе дворянъ чинами, 116. Выѣздъ императрицы изъ Могилева, 117. Пребываніе ея у Зорича, 118. Воспоминаніе о Зоричѣ, какъ основателѣ шляхетскаго кадетскаго корпуса, 118—120. Супруги фонъ-Бринкъ, 121—124, 126—131. Поѣздка къ матери, 124—126. Исторія Полянскаго, 121—124, 126—136. Генералъ-губернаторъ Пассекъ, 137—141. Кладоискатель, 141—147. Покупка земли и постройка дома, 147. Поѣздка въ Яковлевичи, 147—149. Благоволеніе генералъ-губернатора, 149. Дѣло откупщика Чирьева, 177 — 183. Могилевскій Тацитъ, 183. Продѣлка Шишневскаго и Лудевина, 184—185. Дѣло Шишневскаго о пропускѣ безпошлинно товаровъ, 185—186. Потеря дома, 187. Смерть гр. З. Г. Чернышева, 188. Поѣздка въ Москву, 188. Ревизія въ Могилевѣ, 189—190. Поѣздка императрицы Екатерины II въ Тавриду, 191. Рѣчь по этому случаю архіепископа Коницкаго, 191. Подарки императрицы, 193. Довѣренность отъ Салтыковой по полученію наслѣдства, 194. Поѣздка въ Москву, 195. Бригадиръ Полтевъ, 196—198. Предчувствія, 199—200. Пребываніе въ Тамбовской деревнѣ, 201—202. Городъ Суздаль, 202—203. Возвращеніе въ Могилевъ, 204. Свиданіе съ преосвящ. Ѳліоринскимъ, 204—207. Новая командировка, 207. Повышеніе по службѣ, 207. Хлопоты о продажѣ казеннаго лѣса, подареннаго Пассеку Потемкинымъ, 208 — 220. Городъ Таганрогъ, 212—213. Посѣщеніе преосвященнаго Мачульскаго, 214—217. Возвращеніе въ Могилевъ, 220. Неудовольствіе губернатора, 221. Покупка дома, 305—307. Апостольское достоинство, 307. Епископъ Вен-

ховскій, 307—308. Обращеніе уніатовъ, 307—313. Способъ обогащенія земскихъ стряпчихъ, 314. Грѣхи, 314—317. Плутовская сдѣлка, 315—316. Мщеніе подъ видомъ долга службы, 317—318. Водочная суматоха, 319—326. Карикатура на Фридриха Великаго прусскаго и Іосифа II германскаго, 320. Подражаніе Фридриху, 326. Кончина Екатерины II, 326. Назначеніе земскимъ комиссаромъ въ Витебскъ, 327. Вступленіе въ новую должность, 329. Витебскіе губернаторы, 330, 341—343. Удаленіе отъ должности, 332. Болѣзнь, 332. Реляція, 333. Поѣздка въ Могилевъ, 338—339. Назначеніе совѣтникомъ, 340. Бѣлорусскіе военные губернаторы, 343—344. Преграда къ чину ст. сов., 345. Служба при герц. А. Виртембергскомъ, 1810—1823 гг., 346. Полученіе ордена, 348. Трактатъ о злоупотребленіяхъ витебской квартирной комиссіи, 348. Нашествіе французовъ въ 1812 г., 349—364. Изгнаніе французовъ, 364—365. Перемѣна губернатора, 366. Назначеніе прокуроромъ, 366. Болѣзнь и старость, 367. Благоволеніе герцога Виртембергскаго, 367—368. Приключеніе отъ бури, 369. Утрата благосклонности герцога, 369. Дружба съ Шубинымъ, 370. Вниманіе принцессы, 371. Награжденіе орденомъ, 371. Заключеніе, 372.

Приложенія: а) о рукописяхъ записокъ Добрынина, т. IV, 372; б) Послужной списокъ Добрынина, т. IV, 377.

Долгорукая, кн. Анна Петр., въ 1-мъ замуж. гр. Бестужева-Рюмина, во 2-мъ—гр. Витгенштейнъ, р. 1742 † 1789 г., т. IV, 60.

Долгорукая, кн. Анна Серг., начальн. Смольнаго монастыря и кам.-фрейлина 1764 г., р. 1719 † 1778 г., т. III, 45, 462.

Долгорукая, кн. Варв. Александр., рожд. гр. Бутурлина, т. III, 47; т. IV, 401.

Долгорукая, кн. Варв. Юрьев., въ замуж. кн. Горчакова, р. 1774 † 1828 г., фрейлина 1793 г., кавалерств. дама 1809 г., т. III, 47; т. IV, 400—401.

Долгорукая, кн. Екат. Александр., рожд. гр. Бутурлина, † 1811 г., дѣйств. ст.-дама 1797 г., т. III, 46—47, 275; т. IV, 400, 401.

Долгорукая, кн. Екат. Алексѣев., невѣста Петра II, потомъ гр. Брюсъ, р. 1712 † 1745 г., т. IV, 689.

Долгорукая, кн. Екат. Дмитр., рожд. кн. Голицына, р. 1801 г., ст.-дама 1861 г., т. III, 460.

Долгорукая, кн. Екат. Ѳед., рожд. кн. Барятинская, р. 1769 † 1849 г., статсъ-дама 1826 г., т. III, 278, 457.

Долгорукая, кн. Елена Вас., рожд. кн. Хилкова, † 1763 г., т. III, 42.

Долгорукая, кн. Ирина Петр., рожд. кн. Голицына, р. 1700 † 1751 г., т. III, 462.

Долгорукая, кн. Нат. Борис., рожд. гр. Шереметева, р. 1714 † 1771 г., т. III, 88.

Долгорукая-Крымская, кн. Анаст. Вас., рожд. Волынская, † 1805 г., т. III, 44.

Долгорукой, кн. Алексѣй Григор., дѣйств. тайн. сов., членъ верховн. тайн. совѣта, † 1734 г., т. IV, 689.

Долгорукой, кн. Вас. Вас., дѣйств. тайн. сов., р. 1752 † 1812 г., т. III, 278, 457.

Долгорукой, кн. Вас. Влад., ген.—поручикъ, р. 1738 † 1782 г., т. III, 47; т. IV, 401.

Долгорукой, кн. Вас. Юрьев., ген.-адъют., р. 1776 † 1810 г., т. III, 47.

Долгорукой, кн. Влад. Петр., ген.-поруч., рижскій губернаторъ, † 1761 г., т. III, 42.

Долгорукой, кн. Ив. Мих., писатель, р. 1764 † 1823 г., т. III, 218.

Долгорукой, кн. Мих. Петр., ген.-лейтен., † 1808 г., т. III, 208.

Долгорукой, кн. Никол. Вас., оберъ-шенкъ, р. 1789 г., т. III, 278, 460.

Долгорукой, кн. Серг. Петр., дѣйств. ст. сов., т. III, 462.

Долгорукой, кн. Юрій Влад., ген.-аншефъ, москов. воен. губернат., р. 1740 † 1830 г., т. III, 47; т. IV, 400, 401.

Долгорукой, кн. Юрій-Софроній Алексѣев., боярин, † 1682 г., т. IV, 583.

Долгорукой, кн. Як. Ѳед., ген.-плениипотенціаръ—кригсъ-комиссаръ и сена-

торъ, р. 1639 † 1720 г. Спасеніе его изъ плѣна въ 1711 году, т. III, 80.

Долгорукой-Крымскій, кн. Вас. Мих., ген.-аншефъ, р. 1722 г. † 1782 г., т. III, 44.

Дольнеръ, землемѣръ, т. IV, 192.

Домашнева, Анна Дмитр., камеръ-фрау императр. Елизаветы, т. III, 205.

Домашнева, Варв. Ив., рожд. кн. Оболенская, р. 1765 † 1828 г., т. III, 207.

Домашнева, Варв. Серг., въ замуж. Сухотина, т. III, 207.

Домашневъ, Герас. Яков., коллежс. совѣт. 1760 г., т. III, 205.

Домашневъ, Серг. Герас., писатель, р. 1746 † 1796 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ и. его сочиненія, т. III, 205—207. Упом. т. III, 65; т. IV, 573, 574.

Домашневъ, Як., писецъ, а потомъ подъячій, т. III, 205.

Дубельтъ, ген.-маіоръ. Участіе его въ усмиреніи польскаго мятежа въ 1863 г., т. IV, 155—156.

Дубровицкая, кн., въ замужествѣ кн. Курбская, т. III, 70.

Дубянская, Варв. Мих., въ замуж. Зиновьева, р. 1763 † 1803 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 391.

Дубянская, Нат. Ѳед., т. IV, 391.

Дубянскій, Мих. Ѳед., унтеръ-егермейстеръ бригадирскаго ранга, т. IV, 391.

Дубянскій, Ѳед. Яковл., протопресвитеръ, духовникъ вел. кн. Екатерины Алексѣевны, т. III, 145; т. IV, 391.

Дунъ, генер., корпусн. команд. 1820 г., т. IV, 246.

Дулова, княгиня, т. III, 636.

Дульменъ, артистъ 1845 г., т. IV, 506.

Дурново, л.-гв. поручикъ. Порученіе, данное ему—сопровождать Бирона въ ссылку, т. III, 544—545. Переѣздъ его съ регентомъ въ Ярославль, т. III, 547. Ссоры его съ Бирономъ и дѣло съ нимъ въ сенатѣ, т. III, 549—561.

Дурновъ, т. IV, 449.

Дуровъ, Никол. Павл., т. III, 242.

Дуфусъ, лордъ, контръ-адмиралъ, 1723 года, т. IV, 473.

Дюма, Александръ, франц. писатель, Переведенные имъ стихи Лермонтова, т. IV, 697.

Дюфуръ, книгопродавецъ, т. IV, 501.

Дядьковскій, студентъ мед.-хирург. акад. въ Москвѣ 1815 г., т. IV, 230.

Е.

Евгеній, кіевск. митрополитъ, т. III, 207; т. IV, 681, 682.

Евдокія Ѳедоровна, (въ иночествѣ Елена), царица, первая жена Петра Великаго, р. 1669 † 1731 г., т. IV, 579, 684.

Ега, (da Ega), гр., португ. послан. въ Мадритѣ, т. III, 460.

Егеръ, профес. медицины въ Вѣнѣ 1820 г., т. IV, 255.

Егоровъ, т. III, 230.

Ежевскій, критикъ 1820-хъ гг., т. IV, 494.

Езиовъ, полковн. 1853 г., т. III, 15.

Екатерина I, императрица. Покровительство ея дочерямъ пастора Глюка, т. IV, 59. Первое знакомство ея съ Петромъ Великимъ, т. IV, 586. Распоряженія Петра о ея коронованіи, т. IV, 685. Упом. т. III, 465—466; т. IV, 587.

Екатерина II, императрица. Отношенія ея къ графинѣ Брюсъ, т. III, 39. Законъ о личныхъ правахъ, т. III, 125. Первыя распоряженія по восшествіи на престолъ, т. III, 309. Нарушеніе трактата съ Пруссіей и причина заключенія дружественнаго союза съ Фридрихомъ Великимъ, т. III, 309. Письма и инструкціи къ гр. Отто М. Стакельбергу о польскихъ и шведскихъ дѣлахъ, 1773—1793 гг., т. III, 310—325; 474 — 484; 605 — 627; 689—699. Отношенія къ гр. Е. Р. Воронцовой, т. III, 461. Дружеское расположеніе къ А. С. Протасовой, т. III, 462—463. Возстановленіе Бирона въ его правахъ на Курляндію, т. III, 561. Раздѣленіе имперіи на намѣстничества, т. III, 663. Восшествіе на престолъ, т. III, 675. Характеръ, т. III, 675 — 676. Приближенные, т. III, 676 — 681. Самовластіе, т, III, 681 — 684. Славолюбіе, и другія черты характера, т. III, 685 — 687. Отвѣтъ гр. Брюсу на представленіе его о запрещеніи трагедіи «Со-

рена и Замиръ», т. III, 726. Запрещеніе трагедіи Княжнина «Вадимъ Новгородскій», т. III, 727, 729—731. Указъ о сожженіи «Вадима», 1793 г., т. IV, 91—92. Покровительство князьямъ Четвертинскимъ, т. III, 791. Учрежденіе намѣстничества, т. IV, 3, 21. Пребываніе въ Могилевѣ 1780 г., т. IV, 113. Закладка церкви св. Іосифа и пожалованіе чинами могилевскихъ дворянъ, т. IV, 115, 116. Выѣздъ изъ Могилева, т. IV, 117. Посѣщеніе Зорича, т. IV, 118. Поѣздка въ Тавриду 1787 г., т. IV, 191 — 192. Пребываніе у гр. А. И. Чернышевой, т. IV, 192. Присутствіе при открытіи памятника Петру Великому, т. IV, 295 — 299. Уничтоженіе уніи, т. IV, 307. Черта великодушія, т. IV 394. Кончина, т. IV, 327. Отношенія къ С. М. Кузьмину, т. IV, 571. Возвращеніе Мусинымъ — Пушкинымъ имѣнія, т. IV, 584. Первый въѣздъ въ Россію и способъ ознакомленія съ приближенными императрицы Елизаветы, т. IV, 693—694. Упом. т. III, 31, 36, 40, 41, 43, 62, 83, 114, 140, 275, 278, 282, 287, 297, 326, 332, 415, 464, 469, 537, 597, 598, 707; т. IV, 60—67, 71, 103, 106, 134, 171, 172, 200, 308, 314, 323, 339, 379—403.

Екатерина Михайловна, великая княгиня, г. III, 217. Упом. т. III, 279, 281.

Екатерина Павловна, великая княгиня. Назначеніе ею пенсіи Н. И. Гнѣдичу, т. III, 217. Упом. т. III, 281.

Елагинъ, Ив. Перфил., писатель р. 1725 † 1796 г., т. III, 679; т. IV, 571.

Елена Павловна, великая княгиня. Бракосочетаніе ея съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ, т. IV, 632 — 633.

Елизавета Алексѣевна, императрица. Отношенія ея къ К. П. Валуевой, т. III, 464. Упом. т. III, 43, 274, 467, 635; т. IV, 399, 608, 630.

Елизавета Петровна, императрица. Пожалованіе ею слободы М. И. Сафонову, т. III, 266. Присутствіе на свадьбѣ гр. Г. И. Головкина, т. III, 273. Религіозность, т. III, 412. Покровительство гр. Воронцовымъ, т. III, 461. Указы: а) о пусканіи ей крови, 1744 г., т. III, 530; б) о разговаривающихъ въ церквахъ, 1749 г., т. III, 590—591; в) о сборѣ денегъ на подарокъ камеръ-юнкеру Возжинскому, 1743 г., т. III, 641—642; г) о высылкѣ ко двору котовъ, 1745 г., т. III, 642—643. Восшествіе на престолъ и милости въ отношеніи Бирона, т. III, 546 — 547. Покровительство дочери Бирона, т. III, 548 — 549. Письмо Бирона съ жалобой на Дурново, т. III, 550—555. Разсказъ о гостепріимствѣ государыни, т. IV, 382. Возобновленіе указа Петра Великаго объ ежегодномъ выведеніи ботика на воду, т. IV, 476. Указъ о высылкѣ ко двору мартышки, т. IV, 587. Разсказы изъ ея царствованія, т. IV, 691—695. Упом. т. III, 114, 205, 292, 297, 412, 469—473, 538, 567, 597, 580, 707; т. IV, 59—95, 583, 687.

Елкина, Анна, жена есаула, т. IV, 595.

Елкинъ, Вас., урядникъ 1853 г., т. IV, 595.

Ельчаниновъ, писатель, т. III, 65.

Ергольская, т. III, 57.

Ергольской, т. III, 50, 51.

Ермоловъ, Александръ Петр., генер.-поруч., р. 1754 † 1836 г., любимецъ Екатерины II, т. III, 476; т. IV, 143.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген. отъ инф., т. III, 790; т. IV, 258, 697.

Ершикина, Елиз. Мих., рожд. Леонтьева, р. 1727 † 1800 г., дѣйств. ст.-дама 1797 г., т. III, 46.

Ершикина, Марія Вас., рожд. Эварлакова, т. III, 46.

Ершининъ, Петръ Дмитр., ген.-аншефъ, р. 1724 † 1805 г., т. III, 46.

Ерофей, архимандритъ Елецкаго монастыря 1777 г., т. III, 669.

Есиповъ, Г. В. Сообщ. распоряженіе о тараканахъ 1730 г., т. IV, 684.

Ефимовская, гр. Анна Анд., въ замуж. гр. Минихъ, р. 1751 † 1824 г., фрейлина 1759 г., т. IV, 382.

Ефимовская, гр. Екат. Анд., р. 1754 † 1780 г., фрейлина 1759 г., т. IV, 382.

Ефимовская, гр. Елиз. Осипов., въ замуж. гр. Чернышева, р. 1784 † 1755 г., фрейлина императр. Елизаветы, т. IV, 60 — 61.

Ефимовская, гр. Марія Павл., рожд.

гр. Ягужинская, р. 1732 † 1755 г., т. IV, 382.

Ефимовскій, гр. Андр. Мих., ген.-аншефъ, † 1767 г., т. IV, 382.

Ефимовъ, Никита, крестьянинъ, т. IV, 285.

Ефраимъ, еврей, берлин. банкиръ 1791 г., т. III, 617.

Ефремовъ, Петръ Александровичъ. Сообщ. письма К. Н. Батюшкова къ Н. И. Гнѣдичу, т. III, 208 — 236. Слышанное имъ преданіе объ уничтоженіи портрета Шумской, т. III, 244. Примѣчанія и замѣтки объ изданіяхъ Вяземскаго, т. III, 521, 523 — 524. Сообщ. Трагедію «Вадимъ Новгородскій», т. III, 725—781. Письмо Радищева объ открытіи памятника Петру Великому, т. IV, 295 — 299. Афишу о концертѣ 1812 — 1825 гг., т. IV, 301 — 302. Письма императ. Александра I по дѣлу о возмущеніи въ Семеновскомъ полку, т. IV, 545. Стихотворенія Рылѣева, т. IV, 562—570 и примѣч. къ нимъ. Упом. т. III, 65; т. IV, 572.

Ж.

Жандръ, адъютантъ при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ 1815 г., т. IV, 490.

Жегулинъ, С. С., витеб. губернаторъ 1797 г. Его притворство, какъ средство получить пенсію, т. IV, 329—331. Упом. т. IV, 104, 328.

Жедрасъ-де, инж.-генер. Устроенная имъ въ Таганрогѣ фортеція, т. IV, 212.

Жедрасъ-де, жена инж.-генерала, т. IV, 212.

Желтухинъ, т. IV, 534, 547.

Желѣзнова, Вѣра Вас., рожд. Зиновьева, т. IV, 404.

Желѣзновъ, Никол. Ив., тайн. совѣтн. т. IV, 404.

Жеребцова, Александ. Петр., рожд. кн. Лопухина, въ 2-мъ замуж. гр. Ржевуская, т. III, 459.

Жеребцовъ, Александ. Алекс., тайн. сов., т. III, 459.

Жеребцовъ, Дмитр. Серг., дѣйств. ст. совѣт., новгород. гражд. губернаторъ 1825 г. Участіе его въ изслѣдованіи дѣла объ убійствѣ Шумской, т. IV, 262, 264, 267—270, 277 — 280, 293. Судъ надъ нимъ за чрезмѣрную жестокость въ отношеніи подсудимыхъ, т. IV, 286—293. Взысканіе съ него по дѣлу крестьянина Подгорнаго, т. IV, 293 — 294.

Жировъ, полков. командъ. 1834 г., т. III, 4, 8.

Жихаревъ, писатель, т. III, 220, 226; т. IV, 682.

Жуи, писатель, т. IV, 519, 678.

Жуковскій, Вас. Анд., поэтъ, р. 1783 † 1852 г., т. III, 98, 232, 367; т. IV, 498, 505.

Жуковъ, Иллар. Сем., уѣздн. судья въ Тамбовѣ 1787 г., т. IV, 201.

Жюль-Жаненъ, француз. журналистъ 1845 г., т. IV, 506.

З.

Заблоцкій, А. П. Сообщ. замѣтку: «Цѣна на людей въ 1858 г.», т. IV, 594—597.

Заборовскій, Рафаилъ, кіевск. митрополитъ, т. III, 269.

Забѣла, Тихонъ, брянскій игуменъ 1770 г., т. III, 157.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., дѣйств. тайн. сов., р. 1738 † 1812 г., т. IV, 390.

Завитаевъ, камердинеръ императора Александра Павловича, т. IV, 637.

Загоскинъ, М. Н., писатель. Объ успѣхѣ его романа «Юрій Милославскій» и о ссорѣ его съ Булгаринымъ 1829 г., т. IV, 502—503. Упом. т. III, 334; т. IV, 407.

Загряжская, Нат. Кирил., рожд. гр. Разумовская, т. III, 278.

Загряжскій, Артемій Григ., ген.-лейт., казанскій губернат. 1743 г., т. III, 641, 642.

Загряжскій, Борисъ Алексѣев., ген.-маіоръ 1772 г., т. IV, 381.

Загряжскій, Никол. Александр., обшенкъ, † 1821 г., т. IV, 67.

Заикинъ, Алексѣй, книгопродавецъ, † 1831 г., т. IV, 496.

Заіончекъ, кн. Александра Яковлевна, рожд. Пернетъ, † 1845 г., статсъ-дама 1826 г., т. III, 280.

Заіончекъ, кн. Іосифъ, ген. отъ инфант., намѣст. царства польскаго, † 1826 г., т. III, 280.

Запревская, Анна Григ., рожд. Разумовская, т. III, 46; т. IV, 62.

Запревская, Марія Иван., рожд. кн. Одоевская, † 1784 г., т. IV, 390.

Запревская, Праск. Анд., въ замуж. Потемкина, р. 1764 † 1816 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 390.

Запревская, Софья Осип., въ замуж. гр. Апраксина, фрейлина императр. Елизаветы, т. IV, 62.

Запревскій, Анд. Осип., дѣйств. ст. сов., р. 1742 † 1804 г., т. IV, 65, 390.

Запревскій, гр. Арсеній Андр., ген. отъ инфантеріи, ген.-адъютантъ, москов. воен. ген.-губернаторъ, р. 1783 г., т. IV, 505, 539, 653, 654, 662, 665, 666.

Запревскій, Осипъ Лукьяновъ, малор. генеральн. обозный, т. III, 46; т. IV, 62.

Замбони, учитель. итал. яз., т. III, 423.

Замойская, гр. Софья Адам., рожд. кн. Чарторижская, р. 1778 † 1837 г., статсъ-дама 1826 г., т. III, 260.

Замойскій, гр. Станисл. Александр., президентъ сената царст. польскаго, р. 1775 † 1856 г., т. III, 260.

Замятина, т. IV, 572.

Зарудный, Ив. Петров., живописецъ 1722 г. Порученіе ему украсить картинами тумбу для постановки ботика, т. IV, 486.

Засъ, ген.-маіоръ, начальн. кубанской линіи 1836 г., т. III, 5.

Засъ, Анна Павл., въ замуж. Остервальдъ, р. 1745 г., фрейлина при Екатеринѣ II, т. IV, 382—383.

Засъ-фонъ, Павелъ, бригадиръ рус. службы, р. 1703 г., т. IV, 383.

Затлеръ, штабъ-лекарь 1828 г., т. IV, 618.

Захаровъ, т. III, 230, 235.

Захаровъ, могилев. вице-губернаторъ 1797 г., т. IV, 327.

Захаръ, дьячокъ, т. III, 404.

Зборовскій, витеб. помѣщикъ 1812 г., т. IV, 357.

Звѣревъ, консистор. секрет., т. III, 131, 251.

Звягинъ, Петръ Савичъ, об.-провіантмейстеръ, директоръ Рогачевской таможни, 1777 г., т. III, 665; т. IV, 3—5, 8, 16.

Зея-Вермудецъ, дипломатъ, т. III, 19.

Зелекевскій, Ѳеофанъ, іеромонахъ, т. III, 598.

Зильбергаршитъ, с.-пет. полицмейст. 1800 г., т. IV, 412.

Зиновьева, рожд. Юшкова, т. III, 41.

Зиновьева, Аделаида Генрих., рожд. бар. Жомини, т. IV, 404.

Зиновьева, Аделаида Степан., т. IV, 404.

Зиновьева, Вѣра Ив., рожд. Ельчанинова, т. IV, 404.

Зиновьева, Евдокія Наумов., рожд. Сенявина, т. III, 41.

Зиновьева, Екат. Анд., въ замуж. Всеволожская, р. 1751 † 1836 г., фрейлина при Екатеринѣ II, т. IV, 384.

Зиновьева, Екат. Никол., фрейлина Екатерины II, т. IV, 384.

Зиновьева, Екат. Петр., рожд. Розанова, т. IV, 391.

Зиновьева, Іустина Ѳед., рожд. Брейткопфъ, т. IV, 391.

Зиновьева, Марія Петр., рожд. кн. Трубецкая, т. IV, 404.

Зиновьева, Марія Степ., т. IV, 404.

Зиновьева, Ольга Степ., т. IV, 404.

Зиновьева, Праск. Александр., рожд. Сверчкова, вдова Гверреро, т. IV, 404.

Зиновьева, Софія Александр., рожд. Веймарнъ, т. IV, 404.

Зиновьева, Юлія Никол., рожд. Батюшкова, т. IV, 404.

Зиновьевъ, т. III, 41.

Зиновьевъ, А. З. Письмо его къ М. П. Погодину объ А. Ѳ. Вельтманѣ, т. IV, 408—409.

Зиновьевъ, Александ. Дмитр., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Александр. Степ., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Анд. Вас., ротмистръ, т. IV, 404.

Зиновьевъ, Анд. Никол., полковн., т. IV, 384.

Зиновьевъ, Вас. Вас., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Вас. Дмитр., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Вас. Никол., тайн. сов. и дѣйств. камергеръ, т. IV, 384, 391, 404.

Зиновьевъ, Дмитр. Вас., ротмистръ, т. IV, 404.

Зиновьевъ, Дмитр. Дмитр., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Ив. Вас., † 1816 г., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Никол. Вас., ген.-адъют., ген. отъ инфан., состоящій при в. кн. наслѣдникѣ, р. 1801 г., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Никол. Иван., ген.-маіоръ, с.-петерб. оберъ-комендантъ, т. III, 41.

Зиновьевъ, Никол. Павл., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Пав. Вас., дѣйств. стат. сов., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Пав. Степ., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Петръ Вас., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Петръ Павл., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Степ. Вас., коллеж. сов., т. IV, 404,

Зиновьевъ, Степ. Степ., т. IV, 404.

Зиновьевъ, Степ. Степ., тайн. совѣтн. дѣйств. каммерг., полномочн. мин. при испанскомъ дворѣ, т. IV, 383.

Зиновьевъ, Степ. Степ., ген.-маіоръ и презид. въ магистратѣ, т. IV, 383.

Злотницкій, т. III, 56.

Зоричъ, Сем. Гавр., ген.-лейт. Принятіе имъ у себя императрицы въ 1780 г., т. IV, 118. Воспоминаніе о немъ, какъ основателѣ кадетскаго корпуса въ Шкловѣ, т. IV, 118—120. Упом. т. III, 42, 316, 678.

Зотова, гр. Елена Алексѣев., рожд. кн. Куракина, т. III, 458.

Зотовъ, гр. Никол. Никол., дѣйств. ст. сов, т. III, 457.

Зубова, гр. Елиз. Вас., рожд. Воронова, р. 1742 † 1813 г., ст.-дама 1795 г., т. III, 40, 44.

Зубовъ, гр. Александ. Никол., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1727 † 1795 г., т. III, 44; т. IV, 171.

Зубовъ, гр. Валер. Александ., ген.-лейт. въ 1800 г., потомъ ген. отъ инфант., р. 1771 † 1804 г. Указъ о возвращеніи ему отобраннаго въ казну имѣнія, 1800 г., т. III, 640.

Зубовъ, Вас. Никол. Разсказъ его о наказаніи Петромъ Велик. шута Балакирева за его смѣлую остроту, т. IV, 697.

Зубовъ, гр. Дмитр. Александр., ген.-маіоръ, † 1835 г., т. IV, 397.

Зубовъ, Ив., художникъ 1722 г. Гравированный имъ рисунокъ подножія ботика, т. IV, 467.

Зубовъ, гр. Никол. Александ., об.-шталмейстеръ, р. 1763 † 1805 г., т. IV, 398.

Зубовъ, кн. Плат. Александ., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1767 † 1822 г. Именной указъ о возвращеніи ему отобран. въ казну имѣнія 1800 г., т. III 640. Ода, вышитая для него воспитанницами Смольнаго монастыря 1790 г., т. IV, 229. Упом. т. III, 44, 729; т. IV, 397, 398, 576.

Зубрицкій, стародубскій протоіерей 1777 г., т. III, 666—667, 669.

Зубъ, мѣщанинъ, т. IV, 25.

Зыковъ, Д. П., офиц. Преображ. полка 1818 г., т. IV, 239.

Зюдерманландскій, герцогъ Карлъ, регентъ, а потомъ король Швеціи (Карлъ XIII), р. 1758 † 1818 г., т. III, 621, 692, 694, 695.

И.

Иванова, Татьяна, комнатн. дѣвушка, участв. въ заговорѣ на убійство Шуйской, т. IV, 264, 270, 271, 274, 275, 281, 285, 286.

Иванова, Ѳедосья, комн. дѣвушка, участв. въ загов. на убійство Шуйской, т. IV, 264, 270, 271 274, 275, 280, 285, 286.

Ивановскій, Анд. Анд., чиновникъ въ канцеляріи слѣдствен. комиссіи по дѣлу декабристовъ 1826 г., т. IV, 511.

Ивановъ, фельдшеръ 1826 г., т. IV, 271.

Ивановъ, Автономъ Ив., думный дьякъ, любимецъ Петра I, т. IV, 584.

Ивановъ, Ардаліонъ Вас., воспитатель въ училищѣ Правовѣденія 1838 г., т. IV. 674.

Ивановъ, Никол. Автономов., крестникъ царя Алексѣя Михайловича, т. IV. 584.

Ивановъ, Н. А., профессоръ дерптскаго и потомъ казанск. университ., 1836 г., т. IV, 496.

Иванъ Антоновичъ, императоръ. Арестъ его, т. III, 546. Упом. т. III, 537, 539.

Игнатова, Прасковья, крестьянка.

Объявленіе о продажѣ ея въ 1853 г., т. IV, 594.

Игнатьевъ, ген.-лейт., с.-петербург. об.-комендантъ 1744 г., т. IV, 476, 477.

Измайлова, Екат. Дмитр., въ замуж. кн. Куракина, р. 1761 † 1843 г., т. IV, 63.

Измайлова, Марія Алексѣев., въ замуж. Мясоѣдова, р. 1763 † 1812 г., фрейлина 1797 г., т. IV, 403.

Измайлова, Марія Вас., рожд. кн. Гагарина, т. IV, 403.

Измайлова, Над. Вас., рожд. Энгельгардтъ, т. IV, 63.

Измайловъ, издат. «Цвѣтника», т. III, 217, 218, 222, 226; т. IV, 503.

Измайловъ, Алексѣй Мих., отстав. гвард. капитанъ, т. IV, 403.

Измайловъ, Дмитр. Львов., полковн., р. 1737 † 1779 г., т. IV, 63.

Измайловъ, Мих. Львов., приближенный Петра III, т. III, 461.

Измайловъ, Мих. Мих., дѣйств. тайн. сов., москов. главнокомандующій, р. 1722 † 1800 г., т. IV, 62.

Измайловъ, Пав. Алексѣев., т. IV, 63, 390.

Измайловъ, Петръ Ив., дѣйств. тайн. сов., р. 1724 † 1807 г., т. IV, 61.

Извѣзднковъ, присутствующ. въ Царскосельской дворцовой конторѣ. Именной указъ, объявленный ему ген.-прок. въ письмѣ, 1797 г., т. III, 629.

Иліодоръ, монахъ. Судъ надъ нимъ въ Сѣвскомъ монастырѣ, т. III, 126–127. Упом. т. III, 133.

Иловайскій, Д. историкъ. О статьѣ его «Екатерина Романовна Дашкова», т. III, 732. Упом. т. III, 729.

Иловайскій, ген.-лейт., атаманъ донскихъ казаковъ 1824 г., т. IV, 95—96.

Ильинскій, (Илинскій), гр. Августъ Ив., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1760 † 1844 г. Ревизія его въ Витебской губ. 1800 г., т. IV, 332, 333, 337, 338.

Имберхъ, т. IV, 665.

Иннокентій, архимандритъ ростовск. Дмитріевскаго монастыря 1823 г. Вниманіе къ нему импер. Александра I, т. IV, 609–610.

Ираида, игуменья. Пожертвованный ею въ Николаевскій Ордынскій монастырь образъ, т. III, 563.

Ираклій, царь Карталинскій и Кахетинскій 1783 г., т. IV, 575.

Ириархъ, консисторск. судья, 1770 г., т. III, 250.

Исаія, архимандритъ кіевскаго Верхомихайловскаго монастыря 1775 г., т. III, 593, 598.

Исаковъ, берейторъ при государѣ 1820 г., т. IV, 245.

Искрицкая, Антон. Степ., рожд. Менджинская, т. IV, 484.

Искрицкій, Александр. Александ., юнкеръ 1825 г., т. IV, 484, 510, 511.

Искрицкій, Александ. Мих., сенатскій секретарь, т. IV, 484, 490, 512, 513.

Искрицкій, Демьянъ Александ., подпоруч. генеральн. штаба 1825 г. Отношенія его къ Ѳ. В. Булгарину, т. IV, 510—513. Упом. т. IV, 484.

Искрицкій, Мих. Александр., т. IV, 484.

Италійская, кн. Варвара Ив., гр. Суворова-Рымникская, рожд. кн. Прозоровская, р. 1753 † 1806 г., статсъ-дама 1801 г., т. III, 273; т. IV, 398.

Италійская, кн. Нат. Александровна, гр. Суворова-Рымникская, въ замуж. гр. Зубова; р. 1775 † 1844 г., фрейлина 1791 г., кавалерств. дама 1831 г., т. IV, 398.

Италійскій, кн. Александръ Васильев., графъ Суворовъ-Рымникскій, генералиссимусъ, р. 1727 † 1800 г. Эпитафія ему, сочин. А. С. Шишковымъ, т. IV, 415—416; 588—590. Донесеніе его о взятіи Туртукая 1773 г., т. IV, 591—592. Упом. т. III, 273; т. IV, 71, 79, 398, 574, 576, 676.

I.

Іакинфъ, (Бачуринъ), настоятель россійской миссіи въ Пекинѣ. Письмо его къ Н. А. Полевому, 1831 г., т. IV, 680. Упом. т. IV, 677.

Іевеѳовичъ, Корнилій, протоіер. 1774 г. Разсказы его о Г. Н. Тепловѣ, т. III, 594–597. Упом. III, 588.

Іоаннъ, от., схимникъ, т. III, 659.

Іоаннъ III Васильевичъ, вел. кн., т. III, 31.

Іоаннъ IV, Грозный, царь, т. III, 31, 66, 70, 122, 329; т. IV, 71, 79.

Іоасафъ, инокъ, Характеристическій очеркъ его, т. III, 408—409.

Іосселіани, генералъ 1807 г., т. IV, 485.

Іосифъ II, императоръ германскій. Пребываніе его въ Могилевѣ въ 1780 г., т. IV, 110—118. Его наружность, т. IV, 111. Письмо его объ уничтоженіи монастырей, т. IV, 112—113. Заложеніе имъ церкви во имя св. Екатерины, т. IV, 115. Карикатура на него въ 1788 г., т. IV, 320.

Іохимъ, живописецъ, т. IV, 46.

К.

К....., Александра Вас., т. III, 438—441.

Кавелинъ, Дм., ректоръ Спб. универ. 1822 г., т. IV, 492.

Казаковъ, (Качаловъ?), клевретъ Бориса Годунова, т. III, 394.

Казинскій, Дмитр. Степ., дѣйств. ст. сов., казанскій гражд. губернат. Распоряженіе, данное ему в. кн. Александромъ Павловичемъ 1799 г., т. III, 634—635.

Казинци, Францъ, мадьярскій писатель. Записка его о посѣщеніи Александромъ I Угорской Руси, т. IV, 92—95.

Кайдановъ, учен. секретарь конференціи 1815 г., т. IV, 233, 235.

Каменская, гр. Анна Павл., рожд. кн. Щербатова, р. 1749 † 1826 г., ст.-дама 1797 г., т. III, 45—46.

Каменскій, гр. Мих. Ѳедот., генер.-фельдмарш., род. 1738 † 1809 г., т. III, 46, 57.

Каменскій, гр. Никол. Мих., ген. отъ инфант., главнокоманд. дунайской арміею, р. 1776 † 1811 г. Побѣда его на Нижнемъ Дунаѣ, т. IV, 592. Упом. т. IV, 517.

Каменскій-Жиловъ, губернск. секр. 1778 г., т. IV, 27—28.

Кампенгаузенъ, бар. Валтасаръ Валтасар., тайн. сов., членъ госуд. сов. и государств. контролеръ, р. 1772 † 1829 г. Отзывъ о немъ Булгарина, т. IV, 521.

Канаръ, писатель, т. III, 22—26.

Канкринъ, гр. Егоръ Франц., ген. отъ инфант., мин. финансовъ съ 1823—1844 гг., † 1845 г., т. IV, 258, 495, 551, 560.

Кантакузенъ, Сербинъ, (Сергій), Волошскій господарь, т. III, 469.

Кантемиръ, кн. Антіохъ Дмитр., сатирикъ, р. 1709 † 1744 г., т. III, 65.

Кантемиръ, кн. Дмитр., т. III, 138.

Кантемиръ, кн. Дмитр. Антіоховъ, молдав. господарь, потомъ тайн. совѣтн. и сенаторъ русской службы, р. 1673 † 1723 г., т. III, 468.

Кантемиръ, кн. Екат. (Смарагда) Дмит., кам.-фрейл. импер. Елизаветы, т. III, 461.

Кантемиръ, кн. Кассандра Серг., рожд. Кантакузенъ, 1687 † 1713 г., т. III, 469.

Кантемиръ, кн. Марія Дмитр., фрейлина императ. Анны, р. 1700 † 1754 г., т. III, 468—469.

Кантемиръ, кн. Серг. Дмитр., т. III, 138.

Кантемиръ, кн. Тимоѳ. Дмитр., т. III, 138.

Капнистъ, Вас. Вас., стат. совѣтн., писатель, р. 1756 † 1823 г., т. III, 216, 218, 220, 225.

Каподистрія, гр. Ив. Антон., росс. статсъ-секретарь, потомъ президентъ Греціи, р. 1776 † 1831 г. Представленная имъ Александру I записка В. Н. Каразина 1820 г., т. III, 366. Свѣдѣнія изъ его біографіи, т. IV, 258. Упом. т. III, 19—21.

Карабанова, Маргарита, рожд. бар. фонъ-Цедеркрейцъ, т. IV, 688.

Карабановъ, Вас. Ѳед., гвардіи офиц. Женитьба его на иностранкѣ по волѣ Петра Великаго, т. IV, 688.

Карабановъ, Пав. Ѳед., состав. списка гофмейстеринъ, статсъ-дамъ и фрейлинъ русскаго двора въ XVIII и XIX ст., т. III, 39—48; 272—282; 457—478; т. IV, 59—67; 379—405. Историческіе разсказы и анекдоты, записанные имъ, т. IV, 583—587; 684—696.

Карабановъ, Петръ Вас., помѣщикъ, т. IV, 686.

Карабановъ, Петръ Ѳед., подполков. Отношенія къ нему Петра Великаго, т. IV, 687—688. Преданность его брату Василію, т. IV, 688.

Карабановъ, Як. Вас., помѣщикъ, т. IV, 688.

Карабанова, Ѳед. Вас., крестникъ Петра Великаго, т. IV, 688.

Карабанова, Ѳед. Мих., спальникъ при Петрѣ Великомъ, т. IV, 687.

Каразина, Александ. Вас., т. III, 328.

Каразина, Пелагея Вас., т. III, 328.

Каразинъ, Вас. Назаров., р. 1773 † 1842 года. Записка, представленная имъ императ. Александру I, 1820 г., т. III, 16—38. Очеркъ его жизни, т. III, 326—328. Разсужденіе объ ученыхъ обществахъ и періодич. сочиненіяхъ въ Россіи, читанное имъ въ собраніи с.-петерб. общества любителей словесности 1820 г., т. III, 330—335. Письмо къ И. И. Бахтину объ устройствѣ поселянъ 1810 г., т. III, 335—366. Записка Александру I отъ имени гр. Воронцова 1820 г., т. III, 366. Письмо къ кн. Ад. Чарторижскому о Сербахъ, 1804 г., т. III, 700—718. Замѣтка по поводу проекта объ освобожденіи Сербовъ, т. III, 718—719. Записка о метеорологіи, 1810 г., т. III, 719—722. Первое писаніе его къ имп. Александру I-му, 1801 г., т. IV, 68—79.

Каразинъ, Назаръ Александр., полковникъ, т. III, 326.

Каразинъ, Никол. Вас., т. III, 328.

Каразинъ, Филадельфъ Вас. Сообщ. бумаги В. Н. Каразина: записку, представленную имъ императ. Александру I 1820 г., т. III, 16—38. Разсужденіе объ ученыхъ обществахъ и періодич. сочиненіяхъ въ Россіи, т. III, 330—335. Письмо къ И. И. Бахтину объ устройствѣ поселянъ 1810 г., т. III, 335—366. Записку, препровожденную Александру I отъ имени гр. М. С. Воронцова и кн. А. С. Меншикова 1820 г., т. III, 366. Письмо къ кн. Ад. Чарторижскому, 1804 г., т. III, 700—718. Замѣтку о Сербахъ, т. III, 718—719. Записку о метеорологіи, т. III, 719—722. Первое писаніе В. Н. Каразина къ Александру I-му, т. IV, 68—79.

Каразинъ, Никол. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г. Мнѣніе его о сочиненіяхъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго и письмо его къ Д. Н. Бантышу-Каменскому, т. III, 526. Уп. т. III, 66, 215, 230, 233, 237, 334; т. IV, 68, 498.

Карасевъ, Алексѣй А. Сообщ. о В. Д. Сухоруковѣ, т. III, 236—249. О есаулѣ Евлампіѣ Кательниковѣ, т. IV, 95—96.

Каратыгинъ, Петръ Анд., артистъ и писатель. Его стихотв. «Посланіе къ галламъ по случаю восшествія на тронъ Наполеона III» 1852 г., т. IV, 304. Упом. т. IV, 677.

Кардань, медикъ и ученый XVI столѣтія, т. IV, 531.

Каринъ, Ѳ. Г., т. IV, 682.

Карины, братья—писатели, т. IV, 574.

Карлъ XII, король шведскій. Бѣгство его послѣ полтавской битвы, т. IV, 585—586. Упом. т. III, 487, 488.

Карлъ-Леопольдъ, ландграфъ Гессенъ-Кассельскій. Укрытіе имъ А. П. Веселовскаго въ 1720 г., т. IV, 449.

Карнѣевъ, т. III, 31.

Карнѣевъ, полковн. 1825 г., т. IV, 276.

Каршинскій, Іакинфъ, рыльскій архимандритъ, 1770 г., т. III, 121, 141, 144—146, 149, 157, 158, 252, 267.

Карцовъ, Н. Ѳ., т. IV, 682.

Карштенъ-Брантъ, голландецъ, столяръ, 1688 г., т. IV, 465.

Карръ, Алексѣй Филип., дѣйств. ст. сов., т. III, 473.

Карръ, Екат. Алексѣев., въ замуж. кн. Голицына, р. 1724 † 1804 г., фрейлина императр. Елизаветы, т. III, 473.

Касаговъ, Анд. Ив., гв. капит. † 1772 г. Характеристическій очеркъ его и образъ жизни, т. III, 564—573. Упом., т. III, 582, 585.

Касперовъ, Ив. Петр., комендантъ въ Таганрогѣ 1788 г., т. IV, 213.

Кастріото-Скандербекъ, композиторъ, т. IV, 46, 55, 56.

Каталани, пѣвица, 1823 г., т. IV, 603.

Кательниковъ, Евлампій, есаулъ, основ. секты духоносцевъ на Дону, † 1854 г., т. IV, 95—96.

Катенинъ, Пав. Анд., писатель, род. 1792 г., т. III, 219, 226.

Катерина, служанка, т. III, 545.

Каулъ, Анд. Самойл., табачный фабрикантъ, т. III, 529.

Качановскій, Мих. Трофим., ректоръ москов. университета, р. 1775 † 1842 г., т. III, 223; т. IV, 167.

Каменинъ, Петръ Гаврил., капитанъ 1745 г., вице-адмиралъ 1763 г., т. IV, 477, 479.

Каптагликовскій, Ѳед. Степ., т. IV, 39.

Квасниковскій, Ив. Андр., подполк., совѣт. могилев. гражд. палаты 1781 г., т. IV, 137, 177, 178.

Квашнина-Самарина, Анаст. Петр., рожд. гр. Салтыкова, р. 1731 † 1830 г., т. IV, 403.

Квашнина-Самарина, Анна Петр., фрейлина Екатерины II, т. IV, 402.

Квашнина-Самарина, Елиз. Петров., въ замуж. гр. Чернышева; р. 1773 † 1828 г., фрейлина 1795 г., кавалерств. дама 1813 г., т. IV, 403.

Квашнинъ-Самаринъ, Петръ Ѳедор., дѣйств. тайн. сов., т. IV, 403.

Кебеке, полков. докторъ 1781 г., т. IV, 129.

Кейтъ, англійск. посолъ въ Россіи. Его свидѣтельство о тайной канцеляріи, т. III, 288.

Кемптесъ, Класъ, голланд. шкиперъ, т. IV, 587, 588.

Кеневичъ, Владисл. Ѳеоф. Сообщ. шутотрагедію Крылова «Подщипа», т. III, 161—200.

Кенигсмаркъ, графиня, любимица короля Станислава-Августа Понятовскаго, т. III, 488.

Кенсона-де, (Quinsonnat), француз. графъ, т. IV, 487.

Кеппенъ, писатель, т. III, 65.

Кернеръ, профес. медицины въ Вѣнѣ 1820 г., т. IV, 255.

Кетлеръ, ген.-маіоръ, директоръ кадет. корп. въ Шкловѣ, т. IV, 119.

Кирпичевъ, начальн. донской конной артиллеріи 1829 г., т. IV, 445—447.

Киселевскій, кассиръ Рогачевской таможни 1777 г., т. IV, 5, 6.

Киселевъ, гр. Пав. Дмитр., ген. отъ инфант., ген.-адъют., мин. государств. имуществъ 1837 г., т. IV, 617.

Киселевъ, П. С., т. III, 115—117.

Класонъ, зять русскаго эмигранта Веселовскаго, т. IV, 420, 449.

Клейнмихель, гр. Клеоп. Петр., рожд. Переверзева, вдова Ильинская, † 1865 г., статсъ-дама 1851 г., т. III, 459.

Клейнмихель, гр. Петръ Анд., главноуправляющ. путями сообщеній. Средство, употребленное имъ для уничтоженія въ Аракчеевѣ воспоминаній о Настасьѣ Шумской, т. III, 244. Участіе его въ изслѣдованіи дѣла объ убійствѣ Шумской, т. IV, 266—270, 277, 279, 287. Упом. т. III, 459; т. IV, 556,—561, 611.

Клейстъ, прус. генер. 1813 г., т. IV, 488.

Климентъ XIV, папа. Изданная имъ въ 1773 г. була «Dominus et redemptor noster», т. III, 320.

Климовъ, малороссіянинъ, т. IV, 418.

Клугенъ, кронштадтск. комендантъ, т. IV. 486.

Клушинъ, А., издат. «Петербургскаго Меркурія», т. III, 732.

Ключаревъ, Ѳед. Петр., дѣйствит. ст. сов., почтъ-директоръ въ Москвѣ, т. IV, 195.

Кноблаухъ, прус. ген. 1762 г., т. III, 299.

Княжевичъ, Владиславъ Максимов., т. IV, 511.

Княжнинъ, Александ. Яковл., ген.-лейт., р. 1771 † 1829 г., т. III, 727.

Княжнинъ, Бор. Як., сержантъ 1793 г., т. III, 727, 728.

Княжнинъ, Як. Борис., писатель, р. 1742 † 1791 г. Трагедія его «Вадимъ Новгородскій», т. III, 725—781. Указъ сената о сожженіи его трагедіи, 1793 г., т. IV, 91—92.

Кобенцель, гр. Людвигъ, австрійск. послан. въ Россіи 1780 г., р. 1753 † 1809 г., т. III, 607.

Кобле, отставн. генер. 1820 г., т. IV, 249.

Кобле, въ замуж. марк. Паулучи, т. IV, 249.

Ковалькво, И. А., начальн. отдѣленія въ горномъ департаментѣ 1825 г., т. IV, 560.

Ковельскій, Як. Павл., коллеж. сов. 1774 г., т. III, 588, 589.

Ковницкая, Екат. Ив., рожд. Мясникова, т. III, 282.

Ковицкій, Григор. Вас., стател. сов., статсъ-секретарь Екатерины II, т. III, 282, 571.

Ковловская, кн. Александ. Влад., рожд. кн. Долгорукая, т. IV, 401.

Ковловскій, Мих. Сем., тайн. сов., т. III, 468.

Ковлова, Устинія Вас., рожд. Зиновьева, т. IV, 404.

Ковловъ, Александ. Павл., ген.-лейт., т. IV, 404.

Ковловъ, Ив. Ѳед., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ. Разсказъ его о Петрѣ Великомъ и дьякѣ Щукинѣ, т. IV, 685—686.

Ковловъ, Пав. Ѳед., дѣйств. ст. сов., 1800 г., т. IV, 403.

Ковминъ, Александ. Ив., адъютантъ герц. А. Виртембергскаго, 1815 г., т. IV, 369.

Ководавлевъ, Осипъ Петр., совѣтн. академіи наукъ 1793 г., впослѣдствіи мин. внутрен. дѣлъ, р. 1754 † 1819 г., т. III, 728; т. IV, 492.

Коновцевъ, отстав. маіоръ 1753 г., т. III, 554.

Коношкина, Елена Леонт., въ перв. замуж. Апраксина, а во втор.—гр. Ушакова, т. III, 280.

Коношкинъ, Сергѣй Александр., ген.-адъют., с.-петербург. об.-полицмейстеръ съ 1830 г., р. 1785 г., т. IV, 39.

Колбасовъ, ассесоръ казен. палаты въ Могилевѣ 1784 г., т. IV, 179, 180.

Колмаковъ, Ив. Еким., подъинспекторъ педагогическаго института, т. IV, 51.

Коломбъ, прусск.-партизанъ 1814 г., т. IV, 488, 517.

Кольцовъ-Масальскій, кн. Александ. Ив., р. 1725 † 1812 г. Разсказъ его объ ужасѣ, наведенномъ на Москву Петромъ Великимъ во время слѣдствія по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, т. IV, 587.

Колычовъ, Степ. Алексѣев., т. III, 467.

Колюбакинъ, воевода въ Трубчевскѣ 1776 г. Ссора его съ архіереемъ Ѳіоринскимъ, т. III, 651—653.

Комаржевскій, ген. 1782 г., т. III, 324.

Комаровъ, штабъ-офиц. путей сообщ. 1847 г., т. IV, 54.

Кондоросетъ, писатель, т. III, 26.

Кондратьевъ, Терентій, кучеръ, т. IV, 285.

Конисскій, Георгій, могилев. архіерей, р. 1717 † 1795 г. Перечень главнѣйшихъ фактовъ изъ его жизни, т. IV, 99—100. Подаренный ему императрицей Екатериною II бриллиант. крестъ, т. IV, 116. Упом. т. IV, 114, 115, 120, 129.

Коновницынъ, гр. Петр., прапорщикъ, декабристъ, † 1830 г., т. IV, 513.

Кононова, Наталья, крестьянка, т. IV, 271.

Константинова, Дарья, дворовая женщина, участв. въ заговорѣ на убійство Шумской, т. IV, 264, 265, 269, 271, 272, 274, 276, 277, 280, 281, 285, 286.

Константиновъ, Матвѣй, садовникъ Аракчеева, участв. въ заговорѣ на убійство Шумской, т. IV, 272, 273, 283.

Константиновъ, Вас., брянскій протоіерей 1770 г., т. III, 157.

Константинъ Павловичъ, цесаревичъ. Отношенія его къ Ѳ. В. Булгарину, т. IV, 484—486, 490. Присутствіе на смотрѣ гвард. корпуса въ Вильнѣ 1823 г., т. IV, 598. Привязанность къ императ. Александру Павловичу, т. IV, 633—634. Упом. т. IV, 251, 558, 612.

Контеніе, братья-музыканты, 1858 г., т. IV, 494.

Конъяръ, Екатерина М., пѣвица, т. IV, 55—56.

Кореневъ, гвард. сержантъ. Указъ къ нему о доставленіи ботика изъ Москвы въ Петербургъ 1722 г., т. IV, 466—467.

Кореневъ, купецъ, т. IV, 413.

Корицкій, т. IV, 571, опечатка, см. Козицкій.

Корнельевъ, Петръ, секрет. 1760 г., т. III, 206.

Корниловичъ, Александръ, издатель «Русской Старины» въ 1825 г., декабристъ. Составленное имъ «Жизнеописаніе Мазепы», т. III, 520. Упом. т. III, 237.

Корниловъ, Ив. Петр. Сообщ. о запискахъ Добрынина, т. IV, 372. Указъ

Петра Великаго о безчестныхъ словахъ, т. IV, 683—684.

Коробовъ, Ив., отставн. губерн. секр. 1771 г., т. III, 405.

Короливичъ, могилев. купецъ 1784 г., т. IV, 185.

Корсаковъ, полковн. москов. полка 1820 г., т. IV, 661, 662, 665.

Корсаковъ, виленскій губернат. см. Римскій-Корсаковъ, Александ. Мих.

Корфъ, бар. корпусн. команд. 1820 г., т. IV, 247.

Коссовъ, полотскій земскій комиссаръ 1800 г., т. IV, 338, 359.

Костогоровъ, Мих. Дмитр., секретарь при бар. Виллие по мед.-хир. академіи 1819 г., т. IV, 240, 241, 243, 623.

Костровъ, Ермилъ, писатель, т. III, 217, 221.

Костюшко, Ѳаддей, предводитель польскихъ войскъ 1794 г., т. IV, 484, 515.

Котляревскій, ген.-поруч. 1786 г., т. III, 478.

Котлубицкій, флиг.-адъют. 1799 г., т. III, 242.

Коховскій, Вас. Вас., полковникъ 1778 г., потомъ губернаторъ въ Кременчугѣ 1788 г., т. III, 317, 319; т. IV, 22—27, 29, 31, 32, 210.

Коховскій, Мих. Вас., могилев. губерн. 1778 г. Ссоры его съ гр. Чернышевымъ, т. IV, 108. Упом. т. III, 665; т IV, 30, 100.

Кохъ, дипломатъ русскаго двора при Екатеринѣ II. Замѣтка о немъ, т. IV, 171—172.

Коцебу, писатель, т. IV, 530.

Кочегарова, Анна, дворовая женщ. Судъ надъ ней за участіе къ убійцамъ Шумской, т. IV, 278—279.

Кочубей, кн. Викт. Павл., государств. канцлеръ, р. 1768 † 1834 г. Представленная имъ императ. Александру I записка В. Н. Каразина 1820 г., т. III, 16—38. Мнѣніе его объ ученыхъ обществахъ въ Россіи, т. III, 333. Упом. т. III, 278, 425; т. IV, 507, 655, 662.

Кочубей, кн. Марья Вас., рожд. Васильчикова, † 1844 г.; статсъ-дама 1826 г., т. III, 278—279; т. IV, 67, 386.

Кошелева, Евд. Ирод., въ замуж. Римская-Корсакова, гофъ-фрейл. при Екатеринѣ I, т. III, 466.

Кошелева, Е. Ѳед., рожд. Каптелинская, т. IV, 40.

Кошелева, Маргарита Ив., рожд. Гавкъ, т. III, 466; т. IV, 59.

Кошелева, Маргарита Ирод., въ зам. кн. Волконская, † 1790 г., т. IV, 60.

Кошелева, Марія Ив., въ замуж. Высоцкая, р. 1761 † 1820 г., фрейлина 1781 г., т. IV, 393—394.

Кошелева, Марія Иродіон., фрейлина при императр. Елизаветѣ, р. 1725 † 1782 г., т. IV, 59.

Кошелева, Нат. Вас., рожд. Арсеньева, т. IV, 393.

Кошелевъ, Ив. Ирод., тайн. сов., воронежскій губернаторъ, т. IV, 393.

Кошелевъ, Ирод. Мих., ген.-поруч. и штальмейст., † 1760 г., т. III, 466; т. IV, 59.

Кошкулъ, Петръ Ив., гвард. полковн. 1814 г. Поступокъ его въ отношеніи Булгарина, т. IV, 488—489.

Кошкаревъ, капит., ротный командиръ 1820 г., т. IV, 534—535.

Краевскій, Анд. Александ., журналистъ, т. IV, 509.

Краевскій, Іосифъ, смоленскій шляхтичъ, начальникъ города Родогожа. Его жестокость, т. III, 124.

Кралевскій, Алексѣй, городничій въ Могилевѣ 1784 г., т. IV, 180, 181.

Крамеръ, женев. гражданинъ. Записка его объ А. П. Веселовскомъ, т. IV, 447—449.

Крамеръ, Анна Ив., р. 1694 † 1770 г. кам.-юнгфера 1719 г., затѣмъ гофмейстерина при в. кн. Натальѣ Алексѣевнѣ, т. III, 466.

Крамеръ, Филибертъ, женев. гражданинъ, т. IV, 419, 449.

Красовскій, Александ. Ив., цензоръ 1823 г. Объ его цензорствѣ, т. IV, 420—443.

Красовскій, Я. П., адъют. 1825 г., т. IV, 557, 560.

Кременецкій, Гавріилъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, † 1783 г. Отзывъ о

немъ Добрынина, т. III, 402. Уп. т. III, 121, 266, 593, 599.

Креницынъ, А. Н. Принадлежащій ему списокъ «Трумфа», т. III, 163.

Кричевскій, докторъ 1775 г., т. III, 598.

Кроунъ, Романъ Вас., адмиралъ русскаго флота, † 1841 г., т. IV, 480.

Круазетъ, танцовщица, 1835 г., т. III, 445.

Крыловъ, цензоръ 1851 г., т. IV, 523.

Крыловъ, Ив. Анд., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г. Его шуто-трагедія «Подщипа» или «Трумфъ», т. III, 161—200. Упом. т. III, 219, 220, 223, 225, 230, 235, 536, 732.

Крюйсъ, Корнелій Ив., адмиралъ русскаго флота, р. 1657 † 1727 г., т. IV, 482, 473.

Крюковъ, адъютантъ бѣлорусск. ген.-губернатора 1783 г., т. IV, 147.

Ктиторевъ, полковн. 1852 г., т. III, 9.

Кубанецъ, Александръ, слуга, т. III, 545, 553, 556—557, 560.

Кудашевъ, кн. Никол. Данилов., ген.-маіоръ, † 1813 г., т. III, 204.

Кудиновна, сельская учительница, т. III, 1.

Кузминъ, Серг. Матв., тайн. совѣт. и писатель, 1777 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ, т. IV, 571—572.

Куклинскій, еврей, т. IV, 369.

Кукольникъ, Несторъ Вас., литераторъ. Письма къ нему гр. Бенкендорфа 1842 г., т. III, 793—794. Упом. т. III, 367—369; т. IV, 42, 47.

Кулинъ, издатель «Виленскаго Сборника», т. III, 120.

Кунцевичъ, чиновникъ 1812 г., т. IV, 350.

Кунцевичъ, Іосафатъ, полоцкій епископъ, проповѣдникъ уніи, уб. 1629 г., т. IV, 309.

Куракина, кн. Агрип. Александ., фрейлина императр. Екатерины II, р. 1734 † 1791 г., т. IV, 64.

Куракина, кн. Александ. Ив., рожд. Панина, р. 1711 † 1786 г., т. III, 43; т. IV, 64.

Куракина, кн. Нат. Ив., рожд. Головина, р. 1767 † 1831 г., статсъ-дама 1826 г., т. III, 278.

Куракинъ, кн. Александ. Борис., ген.-аншефъ, об.-шталмейст., р. 1697 † 1749 г., т. III, 43; т. IV, 64.

Куракинъ, кн. Александ. Борис., вице-канцлеръ, р. 1752 † 1818 г. Циркуляръ его объ улучшеніи русскаго слога 1796 г., т. III, 531. Уп. т. IV, 303.

Куракинъ, кн. Алексѣй Борис., ген.-прокуроръ, р. 1759 † 1829 г. Приказаніе ему Павла I о пожалованіи бар. Николаи 1500 душъ, т. III, 628. Именные указы, объявленные имъ въ письмахъ: 1) присутствующему въ Царскосельской дворцовой конт. Изъѣздникову, т. III, 629; 2) губернаторамъ, т. III, 629, 631—632; 3) сенату, 630; 4) с.-петерб. гражд. губернатору, т. III, 630, 631; 5) с.-петерб. губерн. прокурору, т. III, 640. Уп. т. III, 178.

Куракинъ, кн. Анд. Борис., об.-шталмейстеръ, р. 1697 † 1749 г., т. IV, 690—691.

Куракинъ, кн. Степ. Борис., дѣйств. тайн. сов., т. IV, 63.

Курбскій, кн. Анд. Мих., предводит. войскъ и писатель, р. 1529 г., т. III, 70.

Кусаковъ, помѣщикъ, т. IV, 19.

Кусовъ, Никол. Ив., городской голова 1830 г., т. IV, 505.

Кустодіевъ, К., протоіерей. Сообщ. о посѣщеніи Александромъ I Угорской Руси въ 1821 г., т. IV, 92—95.

Кутайсовъ, гр. Ив. Павл., оберъ-шталмейстеръ, † 1834 г., т. III, 241, 789; т. IV, 300.

Кутузовъ, гр. Аркадій Павл., т. IV, 46.

Кутузовъ, гр. Павелъ Вас., ген. отъ кавал., ген.-адъют., с.-петерб. воен. ген.-губернаторъ 1825 г., т. IV, 507, 512.

Кушелевъ, гр. Григ. Григ., вице-президентъ адмиралт.-коллегіи, † 1833 г. Докладъ его о продажѣ лѣса въ Вятской и др. губ. 1799 г., т. III, 636—637.

Кушелевъ, Ив. Ив., дѣйств. тайн. совѣт., т. IV, 392.

Кюхельбекеръ, Мих. Вильгельмовичъ. Сообщен. имъ списокъ «Войнаровскаго», т. III, 521.

Л.

Лаблашъ, французскій пѣвецъ, т. III, 450.

Лаваль, графиня, помѣщица 1830 г., т. IV, 419.

Лагарпъ, Жанъ-Франсуа, франц. писатель, р. 1739 † 1803 г., т. III, 230.

Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь, воспитат. в. кн. Александра и Константина Павловичей, р. 1754 † 1838 г., т. III, 22—26; т. IV, 597, 635.

Ладыженскій, Анд. Юрьев., коллеж. ассесоръ, т. IV, 379.

Ладыженскій (впослѣдств. кн. Ромодановскій-Ладыженскій), Никол. Ив., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, т. IV, 66.

Лажечниковъ, писатель, т. III, 334.

Лазаревскій, Василій Матв., т. IV, 568.

Ламанскій, И., т. III, 541.

Ламбины, П. П. и Б. П., составители «Русской историч. библіографіи», т. IV, 450.

Ламбъ, вице-президъ. воен. коллегіи 1799 г., т. III, 635.

Ланская, Варв. Дмитр., въ замуж. Мацнева, р. 1759 или 1757 † 1817 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 391.

Ланская, Евд. Дмитр., въ замуж. Чернышева, р. 1757 † 1816 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 392.

Ланская, Елиз. Дмитр., въ замуж. Кушелева, † 1822 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 392.

Ланской, Александ. Дмитр., ген.-поруч., фаворитъ Екатерины II, р. 1758 † 1784 г., т. III, 322, 678; т. IV, 118, 391, 392, 393.

Ланской, Дмитр. Артемьев., армейскій капит., т. IV, 391, 392.

Ланской, Степ. Серг., гофъ-маршалъ, т. III, 210.

Лантингъ, корпусн. офиц., учит. русскаго языка 1803 г., т. IV, 516.

Ласси-де, казанскій воен. губернат. Именной указъ, объявленный ему с.-петерб. воен. губернаторомъ 1799 г., т. III, 635.

Ласунскій, Мих. Ефимов., заговорщикъ 1762 г. Ссылка его, т. IV, 380.

Лаудонъ, графъ, австр. главнокоманд. во время семилѣтней войны, т. III, 296.

Лафонтенъ, франц. баснописецъ, т. III, 124, 211.

Лебедевъ, камердинеръ императр. Елизаветы, т. IV, 692.

Лебедевъ, А., художникъ, т. III, 115.

Лебошицъ, докторъ 1815 г., т. IV, 367, 368.

Леванда, проповѣдникъ въ кіево-печерской лаврѣ 1775 г., т. III, 600.

Левашова, гр. Евд. Вас., рожд. Пашкова, статсъ-дама 1848 г., т. III, 459.

Левашова, Марія Вас., рожд. Зиновьева, т. IV, 404.

Левашовъ, Александ. Александ., полковн., т. IV, 404.

Левашовъ, Артамонъ, подполковникъ 1753 г., т. III, 554.

Левашовъ, гр Вас. Вас., р. 1783 † 1848 г., ген. отъ кавал., ген.-адъют., предсѣдат. государств. сов. и комитета министровъ, т. III, 459; т. IV, 543, 544.

Левашовъ, гр. Никол. Вас., флиг.-адъют., 1821 г., т. IV, 548, 662, 663.

Левашовъ, Пав. Артем., совѣтн. посольства въ Константинополѣ, т. IV, 140.

Левенгауптъ, графъ 1791 г., т. III, 621.

Левицкій, сотникъ донского войска 1827 г., т. IV, 418.

Левицкій, Ив., священникъ, т. III, 269.

Левицкій, Мануилъ, путивльскій игуменъ, т. III, 157, 268, 270, 584—586, 590.

Левшина, Александ. Петр., въ замуж. кн. Черкасская, р. 1757 † 1782 г., фрейлина 1778 г., т. IV, 389—390.

Левшина, Тат. Ив., рожд. кн. Кольцова-Мосальская, т. IV, 389.

Левшинъ, Петръ Ив., премьеръ-маіоръ, т. IV, 389.

Леносекъ, профес. физіологіи въ Вѣнѣ 1820 г., т. IV, 255.

Леонова, Марія, казачка, т. IV, 594.

Леоновъ, оперн. артистъ, т. III, 455.

Леонтьева, Марья Вас., рожд. Эвалакова, т. III, 46.

Леонтьева, Марья Павл., рожд. Шипова, статсъ-дама 1867 г., т. III, 460.

Леонтьева, Праск. Ив., фрейлина Екатерины II, † 1831 г., т. IV, 389.

Леонтьевъ, Мих. Ив., ген.-аншефъ, кіевскій ген.-губернат., т. III, 46.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., поэтъ, р. 1815 † 1841 г. Стихи его, переведенные А. Дюма, т. IV, 696—698. Упом. т. III, 65; т. IV, 39.

Лесажъ, франц. писатель, т. III, 604.

Леоновскій, т. III, 218.

Лестокъ, гр. Іоганъ-Германъ, л.-медикъ императр. Елизаветы, т. III, 471, 530.

Лешернъ, витеб. гражд. губернаторъ 1812 г., т. IV, 365, 366.

Лещинскій, Станиславъ, король польскій, т. III, 487.

Лефортъ, Францъ Яковл., адмиралъ, любимецъ Петра Великаго, т. IV, 689.

Ливенъ, 1806 г., т. III, 56.

Ливенъ, кн. Дарья Христоф., рожд. Бенкендорфъ, † 1857 г., статсъ-дама 1828 г., т. III, 43, 281.

Ливенъ, кн. Карлъ Анд., ген. отъ инфант., членъ госуд. сов., потомъ (1828—1833 гг.) мин. народн. просвѣщ., † 1844 г., т. IV, 303.

Ливенъ, бар. Отто-Генрихъ, ген.-маіоръ, р. 1726 † 1781 г., т. IV, 43.

Ливенъ, кн. Христоф. Анд., ген. отъ инфант., членъ государств. сов., † 1838 г., т. III, 281.

Ливенъ, кн. Шарлота Карл., рожд. бар. фонъ-Поссе, воспитательн. дѣтей Павла I, р. 1743 † 1828 г., ст.-дама 1794 г., т. III, 43—44.

Ливены, графы. Объ арестованіи ихъ въ 1820 г., т. IV, 647.

Лиліенфельдъ-фонъ, бар., камергеръ 1741 г., т. III, 471.

Лиліенфельдъ-фонъ, гольштинскій совѣтн. посольства, т. III, 44.

Линаръ, гр., польско-саксонскій мин. 1741 г., т. III, 470.

Линевъ, рядовой, т. III, 553, 557.

Липгартъ, Анна Вас., рожд. Зиновьева, т. IV, 404.

Липгартъ, Готгардъ Карлов., т. IV, 404.

Лисаневичъ, с.-петерб. оберъ-полиціймейст. 1798 г., т. III, 633.

Лисовскій, Ираклій, епископъ полоцкій 1786 г., т. III, 478.

Листъ, артистъ. 1845 г., т. IV, 506.

Лихаревъ, Ив. Мих., капит. 1777 г., т. III, 662.

Лихачевъ, Петръ Александ., помѣщикъ, т. III, 40.

Лихніовскій, гр., владѣт. мызы близъ Троппау 1820 г., т. IV, 254.

Лобановъ, писатель, т. III, 98.

Лобановъ, Леонидъ Мих. т. III, 163.

Лобановъ, Мих. Евстаф., академикъ, т. III, 163—164.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Александ. Яков., т. III, 114.

Лобановъ, кн. Алексѣй Борисовичъ. Сообщ. О портретѣ Петра Вел., т. III, 114; Біограф. списки статсъ-дамъ и фрейл. т. III, 39, 272, 457; т. IV, 59, 379.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Дмитр. Ив., ген. отъ инфант., мин. юстиціи, р. 1758 † 1838 г. Циркуляръ его объ уничтоженіи стульевъ (ор. пытка) 1826 г., т. IV, 418.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Як. Ив., членъ госуд. сов. 1816 г., † 1831 г., т. IV, 303.

Ловецкій, студентъ мед. хирург. акад. въ Москвѣ 1814 г., т. IV, 230.

Ловичъ, кн., супруга Цесаревича Константина Павловича, т. III, 281.

Логиновъ, откупщикъ, т. III, 683.

Ломакинъ, Гавр. Еким., учитель пѣнія, т. IV, 42—44.

Ломоносовъ, Мих. Вас., академикъ, р. 1711 † 1765 г., т. III, 332, 334; т. IV, 15.

Лонгиновъ, М. Н. Сообщ. біографическія свѣдѣнія: а) о С. Г. Домашневѣ, т. III, 205—207; б) о С. М. Кузьминѣ, т. IV, 571—572; в) о П. И. Фонъ-Визинѣ, т. IV, 572—574; г) о гр. П. С. Потемкинѣ, т. IV, 574—577; и д) о кн. Д. П. Горчаковѣ, т. IV, 681—682. Замѣтка его о Сальдернѣ, т. III, 297. Упом. т. III, 732; т. IV, 595.

Лонгиновъ, Н. Письмо его къ Л. Ѳ. Вистингаузенъ 1846 г., т. III, 392.

Лопата, витеб. гражданинъ 1812 г., т. IV, 357.

Лопухина, Анаст. Степ., въ замуж. гр. Головина, р. 1725 † 1799 г., фрейлина 1742 г., т. III, 470.

*

Лопухина, Анна Вас., рожд. Панина, фрейлина 1766 г., т. III, 275.

Лопухина, кн. Анна Петр., въ замуж. кн. Гагарина, р. 1777 † 1805 г., т. III, 463.

Лопухина, Евдокія Матв., рожд. Головина. Наказаніе и ссылка ея, 1719 г., т. IV, 685.

Лопухина, кн. Екат. Никол., рожд. Шетнева, р. 1763 † 1839 г., ст.-дама 1798 г., т. III, 48.

Лопухина, Нат. Ѳед., рожд. Балкъ, р. 1699 † 1763 г., т. III, 470.

Лопухина, кн. Праск. Ив., рожд. Левшина, т. III, 272.

Лопухинъ, Александръ Петр., двоюродн. братъ царицы Евдокіи Ѳедоровны, † 1728 г. Наказаніе и ссылка его, т. IV, 684—685.

Лопухинъ, Александр. Ѳед., шуринъ Петра Великаго, т. IV, 586.

Лопухинъ, Ив. Влад., совѣтн. палаты уголов. суда 1782 г., т. IV, 573.

Лопухинъ, кн. Петръ Вас., ген.-прокуроръ и дѣйств. тайн. сов. въ 1798 г., потомъ предсѣдат. государств. совѣта и комитета министровъ, р. 1753 † 1827 г. Именные указы, объявленные имъ: а) казанскому военному ген.-губернатору, т. III, 633; б) казанск. гражд. губернатору, т. III, 634, 637—638, 639, 640. Упом. т. III, 48, 272; т. IV, 303.

Лопухинъ, Степ. Вас., ген.-поручикъ, т. III, 470.

Лопухинъ, Степ. Степ., дѣйств. камергеръ, р. 1732 † 1784 г., т. IV, 880.

Лошаковъ, ген.-маіоръ, шефъ галицкаго полка 1807 г., т. III, 59.

Лувель, заколовшій герцога Карла Беррійскаго въ 1820 г., т. IV, 81.

Лузановъ, Ив. Карпов., священ. кіевской епархіи 1777 г., т. III, 666; т. IV, 20.

Лужинъ, откупщикъ. Способъ, употребленный имъ для полученія капитанскаго чина, т. III, 688.

Лужинъ, В. И., писатель, т. III, 65.

Лужницкій, Аристархъ, издат., т. III, 222.

Лукомскій, витеб. помѣщикъ. Разграбленіе его дома французами въ 1812 г., т. IV, 354.

Лукасъ, маіоръ, † 1787 г., т. IV, 192.

Лукасъ, жена маіора, т. IV, 192.

Лукьяновъ, Степ., дьяконъ, т. III, 147.

Лупаловъ, Тимофей, поваръ, участв. въ заговорѣ на убійство Шуйской, т. IV, 273, 280, 283.

Лухмановъ, Дмитр. Алексѣев., т. IV, 693.

Луценкинъ, чиновникъ. Его отношенія къ Добрынину, т. III, 662—665, 667, 668, 670—672; т. IV, 3, 4, 7,—13, 22, 23, 97, 98, 108, 128, 129, 136—140, 148, 184—190.

Луценкинъ, Петръ Алексѣев., подполк. 1777 г., т. IV, 12, 212.

Львова, кн. Екат. Влад., камер.-фрейл. 1865 г., т. III, 465.

Львова, Марья Ѳед., въ замуж. Ростовская, т. III, 442.

Львовъ, Алексѣй Ѳед., директ. придворн. пѣвческой капеллы, т. III, 442, 449, 455, 456.

Львовъ, родогожскій воевода, т. III, 122.

Лѣвенокъ, секретарь новгород. земск. суда 1825 г., т. IV, 278.

Любавскій, секрет. магистрата 1863 г., т. IV, 158.

Любимскій, совѣтн. губерн. правленія 1863 г., т. IV, 158.

Любомирская, кн. Роза, рожд. Ходкевичъ, † 1792 г., т. III, 458.

Любомирскій, кн. Александр., ген.-маіоръ франц. службы, † 1807 г., т. III, 456.

Лялинъ, новгор. земскій исправникъ 1825 г. Преданіе его суду по подозрѣнію въ участіи въ убійцамъ Шуйскихъ, т. IV, 264, 269, 275—278.

Ляминъ, придворн. садовникъ 1824 г., т. IV, 636, 637.

Лящевецкій, Кириллъ, черниг. архіерей. О смерти его 1770 г., т. III, 256.

М.

Магницкій, Мих. Леонт., попечитель казанск. университета, ст.-секр. департ. законовъ 1810—1812 гг., т. III, 31; т. IV, 303, 492, 494, 507.

Маевскій, Ник. Серг. Сообщ. копіи съ письма Александра I къ гр. Аракчееву

по поводу убійства Шумской, т. IV, 265—266; 266—267.

Мазепій, Варлаамъ, архимандритъ Столбовскаго монастыря, т. III, 129, 138.

Мазепа, Иванъ, гетманъ малороссійскій. Пожертвованный имъ въ путивльскій монастырь молитвенникъ, т. III, 268. Построенная имъ въ Батуринѣ церковь, т. III, 144, 601. Отношенія его къ Войнаровскому, т. III, 487—488. Упом. т. III, 84, 418, 517, 520, 521, 524.

Мазуринъ, т. III, 541.

Майковъ, Вас. Ив., писатель, т. III, 65.

Майковъ, А. Н. Сообщ. двѣ эпиграммы на кн. П. И. Шаликова, т. IV, 420.

Макаровъ, М. Найденная въ его бумагахъ копія съ указа царя Алексѣя Михайловича о нѣмцахъ 1661 г., т. III, 398.

Макаровъ, Петр. Степ., офиц. 1809 г., т. III, 214.

Маккъ, австр. военноначальникъ, т. III, 54.

Маковецкій, коллеж. совѣтн. 1784 г., т. IV, 179, 220, 221.

Макрушинъ, Як. Ив., коллеж. секр., т. III, 131, 133.

Максимовичъ, издат. альманаха «Денница», 1830 г., т. III, 73; т. IV, 526.

Максимовъ, Н. Я. Сообщ. указы императр. Елизаветы о пусканіи ей крови и о разговаривающихъ въ церквахъ, т. III, 530—531.

Максимовъ, Петръ, подъячій, т. III, 160.

Малаховъ, кучеръ, т. IV, 351.

Малевскій, т. IV, 678.

Маловъ, Алексѣй Ив., протоіерей 1839 года, т. IV, 41.

Малышевъ, ростов. купецъ, т. IV, 413.

Малышевъ, Семенъ, служка, т. III, 128.

Малышъ, Ив., дворецкій Аракчеева, участв. въ загов. на убійство Шумской, т. IV, 273, 274, 280, 282, 288, 289.

Малѣевъ, воевода въ Рогачевѣ 1777 г., т. IV, 14—17, 23, 32, 34, 35, 149.

Манвей, полковн., адъютантъ П. В. Кутузова 1825 г., т. IV, 512.

Манкчаровъ, подпоруч. [illegible] полка 1820 г., т. IV, 655, 656.

Мансуровъ, И. А., сенаторъ 1828 г. Мнѣніе его о виновности Жеребцова по дѣлу суда надъ убійствомъ Шумской, т. IV, 290—291.

Манштейнъ, подполковн., адъютантъ фельдмаршала Миниха 1740 г. Арестованіе имъ герцога Бирона, т. III, 507—543. Упом. т. III, 471.

Маньковскій, витеб. губернат. 1813 г. Отзывъ о немъ Добрынина, т. IV, 366.

Марія Александровна, вел. кн., дочь импер. Александра I, т. III, 685.

Марія-Антуанетта, франц. королева, т. III, 48.

Марія-Луиза, принцесса австр., потомъ королева французская, т. III, 164.

Марія Николаевна, великая княгиня, т. III, 435, 458.

Марія Павловна, великая княгиня, т. IV, 254, 255, 608.

Марія-Терезія, императрица германская. Заключенный ею съ Фридрихомъ II прусскимъ Тешенскій договоръ 1779 г., т. III, 613. Упом. т. III, 283; т. IV, 111.

Марія Ѳедоровна, императрица. Посѣщеніе ею Патріотическаго института, 1827 г., т. III, 387. Упом. т. III, 44, 277, 463, 464; т. IV, 391, 403, 604, 660.

Маркевичъ, Никол. Андр., историкъ Малороссіи, т. III, 368.

Марковъ, авторъ «историч. очерка русской оперы», т. IV, 682.

Марковъ, (Морковъ), Аркадій Иван., впослѣдствіи графъ, посланникъ въ Парижѣ, потомъ членъ иностран. коллегіи, р. 1747 †1824 г., т. III, 612; т. IV, 171, 306.

Марковъ, Вас. Влас., докторъ 1818 г., т. IV, 287—288.

Марковитель, авторъ «Нравоучительныхъ сказокъ», т. III, 207.

Марокоти, учитель итал. языка, т. III, 423.

Мартенсъ, сенаторъ 1828 г., т. IV, 290.

Мартини, полков. докторъ 1820 г., т. IV, 247, 248.

Мартосъ, ваятель, т. IV, 563.

Мартыновъ, директ. департам. народ. просвѣщ., т. III, 213, 219; т. IV, 288.

Маршаковъ, генералъ, командиръ измайл. полка, 1820 г., т. IV, 648—649.

Масловъ, сенаторъ 1787 г., т. IV, 194, 195, 199, 571.

Масловъ, Ив., капит. † 1790 г., т. IV, 285.

Масловъ, Як. Анд., ген. 1775 г., т. III, 600.

Матвѣевъ, Артам. Серг., бояринъ † 1682 года, т. III, 86.

Матюшкина, гр. Анна Алексѣев., рожд. кн. Гагарина, т. III, 472, 686; т IV, 397.

Матюшкина, гр. Софія Дмитр., въ замуж. гр. Віельгорская; р. 1755 † 1796 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 397.

Матюшкинъ, гр. Дмитр. Мих., тайн. сов. и дѣйств. камергеръ, т. IV, 397, 585.

Матюшкинъ, Мих. Аѳан., ген.-аншефъ, деньщикъ Петра I, т. IV, 585.

Мациевъ, Никол. Мих., стат. совѣтн., т. IV, 392.

Мачульскій, Ѳеоктистъ, архимандритъ Золотоверховскаго монастыря, потомъ бѣлгородскій архіерей, 1788 г., т. III, 149; т. IV, 214—217.

Мегюль, композиторъ, т. III, 422.

Межовъ, В. И. Заявленіе его о составленіи библіографическаго указателя, т. IV, 449—451.

Мейендорфъ, бар. Александ. Казим., тайн. сов., р. 1798 г., т. IV, 394.

Мекленбургскій, герцогъ, т. III, 279, 281.

Мелесъ, Анатолій, епископъ. Назначеніе коммиссіи для изслѣдованія его поступковъ, т. III, 587. Рѣчь, говоренная имъ возвратившимся изъ Архепелага 1772 года, т. III, 588—589. Смерть его 1775 г., т. III, 591. Упом. т. III, 121, 584, 586.

Мелиссино, Ив., совѣтн. при канцеляріи директора москов. университета, т. III, 206.

Мельхиседекъ, игуменъ, намѣстникъ катедральнаго софійскаго монаст. 1775 г., т. III, 599.

Мельгунова, Нат. Ив., рожд. Салтыкова, т. III, 459.

Мельгуновъ, Алексѣй Петр., дѣйств. тайн. сов., ярослав. и волог., ген.-губернаторъ, т. III, 459.

Менгденъ—фонъ, бар. Аврора, въ замуж. гр. Лестокъ, фрейлина при Аннѣ Леопольдовнѣ и императр. Елизаветѣ, т. III, 471.

Менгденъ,—фонъ, бар. Анна-Доротея, въ супруж. фонъ-Минихъ, фрейлина императр. Анны, т. III, 470.

Менгденъ—фонъ, бар. Юліана, фрейлина при импер. Аннѣ и потомъ любимица Анны Леопольдовны, т. III, 470, 537.

Менгденъ—фонъ, бар. Якобина, фрейлина императр. Анны, т. III, 470.

Мендельсонъ, композиторъ, т. III, 455.

Менджинскій, т. IV, 484.

Меншикова, кн. Алекс. Александр., въ замуж. бар. Биронъ, р. 1712 † 1736 г., фрейлина 1731 г., т. III, 468.

Меншикова, кн. Дарья Мих., рожд. Арсеньева, † 1728 г., т. III, 468.

Меншикова, кн. Екат. Александр., въ замуж. Зиновьева, р. 1748 † 1781 г., фрейлина 1765 г., т. IV, 383.

Меншикова, кн. Елиз. Петр., рожд. кн. Голицына, р. 1721 † 1764 г., т. IV, 383.

Меншикова, кн. Марья Александ., невѣста Петра II, † 1729 г., т. III, 468.

Меншиковъ, кн. Александ. Александр., ген.-аншефъ, москов. главнокоманд., р. 1714 † 1764 г., т. IV, 383.

Меншиковъ, кн. Александ. Данил., генералиссимусъ, † 1729 г. Заговоръ противъ него 1726 г. и наказаніе имъ гр. Девьера, т. III, 467. Ссылка его, т. III, 468. Участіе въ торжественной встрѣчѣ ботика 1723 г., т. IV, 472—475. Упом. т. III, 487; т. IV, 643, 686.

Меншиковъ, кн. Александ. Серг., адмиралъ, ген.-адъют., р. 1787 г. Препровожденная имъ императ. Александру I записка В. Н. Каразина, т. III, 366. Разсказъ его о гостепріимствѣ императр. Елизаветы, т. III, 782—783. Путешествіе его въ свитѣ государя 1820 г., т. IV, 246, 256, 259. Поѣздка съ императ. Александромъ I на Веронскій конгрессъ, т. IV, 602. Упом. т. IV, 623.

Мерзляковъ, профессоръ, т. III, 216; т. IV, 167.

Меццофанти, кардиналъ и лингвистъ, т. IV, 529.

Мещерская, кн. Анна Павл., рожд. Сытина, † 1765 г., кам.-юнгфера вел. кн. Екатерины Алексѣевны, т. IV, 384—385.

Мещерская, кн. Елиз. Семен., въ замуж. Сенявина, р. 1752 † 1843 г., фрейлина 1768 г., т. IV, 383—384.

Мещерскій, кн., поруч. гвард. гренад. полка 1820 г., т. IV, 655.

Мещерскій, кн., ген.-маіоръ, тобольскій комендантъ 1797 г., т. III, 629.

Мещерскій, кн. Сем. Борис., полковн., т. IV, 384.

Миллеръ, учитель музыки, т. III, 426.

Миллеръ, академикъ и исторіографъ 1737-хъ гг., т. III, 488, 521—524.

Миллеръ, лейбъ-медикъ 1824 г., т. IV, 639.

Миллеръ-Закомельскій, бар. Егоръ Ив., ген.-лейт., ген.-адъют. при императорѣ Александрѣ I, т. III, 790.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., с.-петерб. воен. губернат. † 1825 г. О столѣтнемъ юбилеѣ дня его рожденія, т. III, 794; т. IV, 459. Поправка опечатки, т. IV, 96. Привязанность къ нему солдатъ, т. IV, 539, 542, 544. Упом. т. IV, 507, 654, 656, 657.

Мильчевскій, ст. сов., штабъ-докторъ 1818 г., т. IV, 238—240, 243.

Минаевъ, дворовый, т. IV, 285.

Мининъ, Козьма, нижегородскій гражданинъ, т. IV, 531.

Минихъ, гр. Антонъ Серг., гв. ротмистръ, † 1800 г., т. IV, 381.

Минихъ, гр. Бурхардъ-Христоферъ, ген.-фельдмаршалъ, р. 1683 † 1767 г. Приказаніе, данное имъ Манштейну—арестовать Бирона, т. III, 537—540. Донесеніе его принц. Аннѣ Леопольдовнѣ объ арестѣ Бирона и распоряженія объ арестѣ Карла Бирона и ген. Бисмарка, т. III, 543. Начертанный имъ планъ дома въ Пелыми, выстроенный для помѣщенія Бирона, т. III, 544. Празднованіе свадьбы его сына, 1739 г., т. III, 470. Упом. т. III, 307, 416, 461.

Минихъ, гр. Іоаннъ-Эрнестъ, оберъ-гофмейстеръ, дѣйств. тайн. сов., р. 1708 г., сынъ фельдмаршала. Бракъ его съ А. Д. фонъ-Менгденъ 1739 г., т. III, 470. Разговоръ его съ принц. Анной Леопольдовной, т. III, 542. Упом. т. III, 537.

Минихъ, гр. Христоф. Серг., дѣйств. тайн. сов., т. IV, 382.

Минихъ, Өек., крестьян., т. III, 244.

Мисаиловскій, Самуилъ, членъ синода 1776 г. Предостереженіе, сдѣланное имъ отъ синода сѣвскому архіерею, т. III, 653—655.

Михаилъ Павловичъ, великій князь. Бракосочетаніе его, т. IV, 632—633. Отношенія къ императ. Александру Павловичу, т. IV, 635. Упом. т. III, 2; т. IV, 535, 539, 598, 606, 630, 631.

Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, р. 1596 † 1645 г., т. IV, 464.

Михайловъ, маіоръ фельдъегерск. корпуса 1820 г., т. IV, 243.

Михайловъ, Анд., канцелярист, 1765 г., т. III, 134.

Михалевъ, сек.-маіоръ 1781 г., т. III, 323.

Михельсонъ, И. И., бѣлорус. ген.-губернаторъ 1809 г. Характеристика его, т. IV, 343—344. Упом. т. IV, 2.

Мицкевичъ, Адамъ, польскій поэтъ, т. IV, 678, 679.

Мнишекъ, гр. Мих., литовск. коронный маршалъ, впослѣд. дѣйств. тайн. сов., т. III, 45.

Мнишекъ, гр. Урсула, рожд. гр. Замойская, р. 1760 † 1806 (или 1816 г.), ст.-дама 1797 г., т. III, 45.

Могилянскій, Арсеній, кіевскій митрополитъ, т. III, 148.

Моллеръ, Ѳед. Вас., адмиралъ 1822 г. Поступокъ его въ отношеніи М. А. Бестужева и Торсона, т. IV, 460. Упом. т. IV, 43.

Молчановъ, т. IV, 665.

Мольеръ, франц. писатель, т. III, 212.

Монтескьо, франц. писатель, т. III, 604.

Монюшко, композиторъ, т. IV, 55.

Мордвинова, Елиз. Семен., въ 1-мъ замуж. Рогозинская, во 2-мъ — Перская, † 1842 г.; фрейлина 1781 г., т. IV, 393.

Мордвинова, Нат. Ив., р. 1736 † 1795 г., т. IV, 393.

Мордвиновъ, Александ. Сем., тайн. сов., т. IV, 393.

Мордвиновъ, гр. Никол. Сем., адмиралъ, р. 1754 † 1845 г., т. III, 100; т. IV, 393.

Мордвиновъ, Сем. Ив., адмиралъ † 1777 г., т. IV, 393.

Морея, взятіе 1828 г., т. IV, 603.

Мортье, франц. маршалъ, т. III, 55.

Москвитиновъ, перон. повѣренный 1777 т. III, 664.

Моцартъ, композиторъ, т. III, 451.

Мошковъ, Д. М., интендантъ. Распоряженіе данное ему о тараканахъ, 1799 г., т. IV, 684.

Муравьева, Екат. Өед., т. III, 209, 223, 235, 647.

Муравьевъ, капит. 1820 г., т. IV, 666.

Муравьевъ, Александ. Мих., декабристъ, т. III, 209, 647.

Муравьевъ, Мих. Никол., от. декаб. т. III, 647.

Муравьевъ, Ипполит. Мих., декабристъ, т. III, 209.

Муравьевъ, Мих. Никит., писатель, товарищъ мин. народн. просвѣщенія, р. 1757 † 1807 г., т. III, 209, 223, 232, 233.

Муравьевъ, Мих. Никол. (графъ), генералъ-губернаторъ. Его отношенія къ Я. П. Бакланову и распоряженія по усмиренію польскаго мятежа въ 1863 г., т. IV, 154—161.

Муравьевъ, Никита Мих., декабристъ, т. III, 209, 647,

Муравьевъ, Никол. Наз., т. III, 232.

Муравьевъ, Никол. Никол., генер.-адъют., намѣстникъ Кавказа, 1854 г., т, III, 8.

Муравьевъ, Никол. Никол., ген.-маіоръ, основатель корпуса колонновожатыхъ, 1816 г., т. IV, 408, 409.

Муравьевъ, Серг. Никол., т. IV, 45, 46.

Муравьевъ-Апостолъ, Серг. Ив., декабристъ, т. IV, 249.

Мусина-Пушкина, гр. Анаст. Валент., въ замуж. кн. Щербатова, р. 1774 † 1841 г., кавалерств.-дама 1816 г., т. IV, 397.

Мусина-Пушкина, гр. Праск. Вас., рожд. кн. Долгорукая, р. 1754 † 1826 г., ст.-дама 1796 г., т. III, 44; т. IV, 397.

Мусинъ-Пушкинъ, помѣщикъ, т. IV, 171.

Мусинъ-Пушкинъ, предсѣдат. подвород. уголов. палаты 1825 г. Преданіе его суду по подозрѣнію въ участіи къ убійцамъ Шумской, т. IV, 265, 269, 275—278.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Алексѣй Ивн. Переданное имъ преданіе о костилѣ гр. А. Г. Разумовскаго, т. IV, 693.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Валент. Платон., фельдмаршалъ, р. 1735 † 1804 г., т. III, 44; т. IV, 397.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Ив. Алексѣев., боярин и дѣйств. тайн. сов. † 1729 г. Отношенія къ нему царя Алексѣя Михайловича и Петра Великаго, т. IV, 583.

Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никол., попечитель с.-петербург. учебн. округа 1850 г. Его циркуляръ о книгѣ Устрялова 1850 г., т. III, 393 — 394. Распоряженія его по цензурѣ, т. IV, 520—528.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Платонъ Ив, сенаторъ и президентъ коммерц. коллегіи при Аннѣ Іоанновнѣ. Отношенія къ нему царя Алексѣя Михайловича и Петра Великаго и ссылка его Бирономъ, т. IV, 583.

Муханова, Варв. Дмитр., рожд. Тургенева, р. 1774 † 1845 г., статсъ-дама 1831 г., т. III, 232.

Мухановъ, Александ. Ильичъ, дѣйств. ст. сов., казанск. гражд. губернаторъ. Рескриптъ на его имя, 1799 г., т. III, 635. Ук. т. III, 637.

Мухановъ, Петръ Александ., декабр., † 1854 г. Отставка его о напечатаніи «Войнаровскаго», т. III, 521.

Муханова, Серг. Ильичъ, оберъ-шталмейст., р. 1762 † 1842 г., т. III, 232.

Мышецкій, Семенъ, свіяжскій воевода 1742 г., т. III, 642.

Мясоѣдова, Никол. Ефимов., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1750 † 1825 г., т. IV, 403.

Мятлева, Праск. Ив., рожд. гр. Салтыкова, р. 1772 г., статсъ-дама 1848 г., т. III, 459.

Мятлевъ, Петръ Вас., тайн. сов. и дѣйств. камерг., р. 1756 г., т. III, 459.

Н.

Нагаевъ, мичманъ 1723 г., впослѣд. адмиралъ. Выписки изъ его журнала, т. IV, 473.

Нагатинскій, ген.-аудиторъ-лейт. 1778 г., т. IV, 98.

Назарій, пономарь, т. III, 581.

Наполеонъ I, т. III, 21, 54, 55, 58, 101, 201; т. IV, 488, 497, 531, 600, 605, 635.

Нарбутъ, историкъ. Его мнѣніе о происхожденіи Гедемина, т. IV, 162—166.

Нарышкина, Александ. Влад., рожд. Нарбекова, р. 1713 † 1752 г., т. IV, 382.

Нарышкина, Анна Львовна, въ замуж. кн. Понинская, фрейлина Екатерины II, т. IV, 395.

Нарышкина, Анна Никит., рожд. Румянцева, р. 1730 † 1820 г., гофмейстерина 1796 г., т. IV, 61.

Нарышкина, Екат. Ив., въ замуж. гр. Разумовская, р. 1729 † 1771 г., ст.-дама въ 1846 г., т. III, 473.

Нарышкина, Екат. Львовна, въ замуж. гр. Головкина, † 1820 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 391.

Нарышкина, Екат. Петр., въ замуж. кн. Хованская, р. 1757 † 1795 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 393.

Нарышкина, Екат. Серг., р. 1739 † 1767 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 383.

Нарышкина, Елена Александр., рожд. гр. Апраксина, гофмейст. 1762 г., † 1767 г. т. IV, 62.

Нарышкина, Марина Осип., рожд. Закревская, р. 1741 † 1800 г., ст.-дама 1797 г., т. III, 46; т. IV, 388, 391, 395.

Нарышкина, Марія Александ., въ замуж. Измайлова, р. 1730 † 1780 г., фрейлина вел. кн. Екатерины Алексѣевны, т. IV, 62.

Нарышкина, Марія Алексѣев., рожд. Сенявина, р. 1762 † 1822 г., статсъ-дама 1808 г., т. III, 276.

Нарышкина, Марія Антон., рожд. кн. Святополкъ-Четвертинская, р. 1779 † 1854 г. Отношенія къ ней императ. Александра Павловича, т. III, 792; т. IV, 638, 639, 641.

Нарышкина, Нат. Львовна, въ замуж. гр. Соллогубъ, фрейлина 1775 г., † 1819 г., т. IV, 388.

Нарышкина, Праск. Вас., рожд. кн. Репнина, † 1793 г., т. IV, 392.

Нарышкина, Софія Дмитр., † 1824 г. Привязанность къ ней императ. Александра Павловича, т. IV, 638—641.

Нарышкинъ, Александ. Александр., об.-шенкъ, сенаторъ и дѣйств. камергеръ, р. 1726 † 1795 г., т. IV, 61.

Нарышкинъ, Александ. Львов., тайн. сов., р. 1694 † 1745 г., т. IV, 62.

Нарышкинъ, Александр. Львов., об.-камергеръ, р. 1760 † 1826 г., т. III, 276.

Нарышкинъ, Алексѣй Вас., тайн. сов. и сенаторъ, р. 1742 † 1800 г. Ревизія его въ Могилевѣ 1785 г., т. IV, 169.

Нарышкинъ, Дмитрій Львов., об.-егермейстеръ, р. 1764 † 1838 г., т. IV, 402.

Нарышкинъ, Левъ Александ., оберъ-штальмейст., любимецъ Петра III, р. 1733 † 1799 г., т. III, 46, 673; т. IV, 114, 118, 388, 391, 395.

Нарышкинъ, Петръ Петр., гвард. маіоръ, р. 1726 † 1782 г., т. IV, 61, 392.

Нарышкинъ, Серг. Мих., ген.-маіоръ, р. 1706 † 1756 г., т. IV, 383.

Нассау-Зигенъ, принцъ Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ, вице-адмиралъ 1789 г., р. 1745 † 1805 г., т. III, 482, 612.

Наталья Алексѣевна, вел. кн., 1-я супруга Павла I, † 1776 г., т. IV, 385, 388—389.

Наталья Алексѣевна, вел. кн., сестра Петра I, † 1728 г. Письма ея къ брату, т. IV, 578—582. Упом. т. III, 466, 473.

Наталія Кирилловна, царица, вторая жена царя Алексѣя Михайловича и мать Петра Великаго, р. 1651 † 1694 г. Письмо ея къ сыну, т. IV, 579—580. Отношенія къ ней царевны Софьи Алексѣевны, т. IV, 584.

Натуаро, живописецъ, т. III, 114.

Натье, живописецъ, написавшій портретъ Петра Великаго въ 1717 г., т. III, 114.

Наумъсъ, Анна-Христина-Каролина, фрейлина 1772 г., т. IV, 385.

Наумъсъ, Карлъ, главн. начальн. ин-

тендантовой части росс. флота 1771 г., т. IV, 385.

Невежинъ, маіоръ, 1799 г., т. III, 636.

Нейдгардтъ, генер. 1821 г., т. IV, 258.

Некрасовъ, Ив., купецъ 1814 г., т. IV, 285.

Нелидова, Екат. Ив., р. 1756 † 1837 г., кам.-фрейлина 1797 г., т. III, 279, 463.

Нероновъ, Вас., коллеж. сов. 1744 г., т. IV, 492.

Несвицкій, кн., штабъ-капит. преображенскаго полка 1830 г., т. IV, 504.

Нессельроде, гр. Карлъ Вас., (Карлъ-Робертъ). государств. канцлеръ, р. 1780 г., т. III, 657, 483.

Нессельроде, гр. Максимиліанъ Юлій-Вильгельмъ-Карлъ, р. 1724 † 1810 г., тайн. сов., посланникъ въ Лисабонѣ, т. III, 483.

Нессельроде, гр. Марья Дмитр., рожд. гр. Гурьева, † 1849, статсъ-дама 1836 г., т. III, 457.

Неустроевъ, Александ. Никол. Сообщ. объ убійствѣ А. Ѳ. Шумской, т. III, 242—244. Подлинное дѣло объ этомъ убійствѣ, т. IV, 262—294.

Нефедьевъ, полковн., управл. заводами кн. Потемкина-Таврическаго въ Бѣлоруссіи 1778 г., т. IV, 106.

Никитинъ, Николай, волостной голова 1825 г., т. IV, 293—294.

Никитенкій, А. И. Его статья: «Кто такой былъ Гедиминъ?», т. IV, 162—166.

Никифоровъ, Протасій, думный дьякъ 1700 г., т. IV, 633.

Николаевъ, Никол., кондитеръ Аракчеева, т. IV, 272, 273, 274, 280, 282.

Николай, аббатъ, т. III, 31.

Николай, бар., полковн., команд. кабардинскаго пѣхотн. полка 1853 г., т. III, 14.

Николай, бар. Анд. Львов. (Людвигъ-Генрихъ), тайн. сов., секрет. вел. кн. Павла Петровича, р. 1737 † 1820 г. Приказаніе о пожалованіи ему 1500 душъ въ 1796 г., т. III, 628.

Николай Павловичъ, императоръ. Разсказъ его о своей дѣтской шалости, т. IV, 631. Отношенія его къ император. Александру Павловичу, т. IV, 635. О письмѣ къ нему В. Н. Каразина, 1826 г., т. III, 330. Черта къ характеристикѣ его—эпизодъ изъ кампаніи 1828 года, т. III. 61—63. Приказаніе объ арестѣ Булгарина, Греча и Воейкова, 1830 года, т. IV, 502—506. Пожалованіе Булгарину перстня, т. IV, 506. Повелѣніе о подвигѣ Верхбицкаго, 1838 г., т. III, 792—793. Отзывъ о А. Ѳ. Вистингаузенъ, т. III, 388. Замѣчанія на «Воспоминанія» Булгарина, 1848 года, т. IV, 520—522. Неудовольствіе противъ Булгарина, 1851 г., т. IV, 523. Упом. т. III, 43, 46, 278, 282, 464, 635; т. IV. 254, 255, 479, 508, 558, 598, 630.

Николевъ, писатель. Трагедія его «Сорена и Замиръ», т. III, 725.

Николенковъ, Дмитрій, инвалидъ 1815 года, т. IV, 295.

Никонъ, москов. патріархъ 1652 г., т. IV, 583.

Никредимъ, урядникъ 1836 г., т. III, 6.

Никовы, т. III, 218, 225, 233, 236.

Новиковъ, Ник. Ив., журналистъ †1816 года, т. III, 65, 207; т. IV, 573.

Новицкая, Ульяна Вас., рожд. Зиновьева, † 1828 г., т. IV, 404.

Новицкій, Александ. Никол., т. IV, 404.

Новосильцевъ, Влад. Дмитр., флиг.-адъютантъ, р. 1801 г.—уб. на дуэли въ 1825 г., т. IV, 397.

Новосильцевъ, Дмитр. Александ., бригадиръ, т. IV, 397.

Новосильцевъ, Никол. Никол., дѣйст. тайн. совѣтн., попечитель виленскаго университета, † 1838 г., т. IV, 74, 253, 303.

Нордштеммъ, Александ. Петр. Сообщ. варіанты къ шуто-трагедіи Крылова «Подщипа», т. III, 643—646.

Норкевичъ, могилев. шляхтичъ 1781 г., т. IV, 141—147.

Нѣмцевичъ, поэтъ и историкъ, т. IV, 515.

О.

Оболенскій, кн. Ив. Петр., подполк., т. III, 207.

Обольяниновъ, Петръ Хрисанфов., ген.-лейт., ген.-прокур., 1800 г. Письмо его къ могилевскому губернатору, т. IV, 337—

338. Упом. т. III, 638, 639, 790; т. IV, 334, 336.

Обрѣсковъ, русскій резидентъ въ Константинополѣ, т. IV, 140.

Обрѣсковъ, сенаторъ, 1786 г., т. IV, 194, 195.

Овцынъ, Иллар. Яков., ген.-поруч., † 1775 г., т. III, 279.

Овчинниковъ, орловскій гражданинъ, т. III, 247—248, 405.

Огинскій, кн., владѣт. мѣстечка Микулинъ 1784 г., т. IV, 187.

Огинскій, Мих. — Казиміръ., вел. гетманъ литовскій, р. 1731 † 1801 г., т. III, 317, 319.

Одоевская, кн. Марія Алексѣев., рожд. княж. Лыкова, р. 1672 † 1752 г., т. III, 471.

Одоевская, кн. Марія Ив., въ замуж. Закревская, фрейлина Екатерины II, † 1784 г., т. IV, 65 — 66.

Одоевская, кн. Праск. Ив., рожд. гр. Толстая, р. 1710 † 1758 г., т. IV, 65.

Одоевская, кн. Софья Вас., въ замуж. бар. фонъ-Лиліенфельдъ, ст.-фрейлина 1740 г., т. III, 471,

Одоевскій, кн. Вас. Юрьев., т. III, 471.

Одоевскій, кн. Влад. Ѳед., сенаторъ и писатель, т. IV, 55, 678.

Одоевскій, кн. Ив. Вас., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, р. 1710 † 1758 г., т. III, 471, 560; т. IV, 65, 694,

Одоевскій, кн. Никол. Ив., † 1798 г., т. IV, 694.

Озерова, Марія Семен., фрейлина Екатерины II, † 1786 г., т. IV, 386.

Озеровъ, состоявш. при вел. кн. Константинѣ Павловичѣ, т. III, 202.

Окелли, франц. мин. 1791 г., т. III, 614.

Оконишниковъ, Петр. Вас., отстав. капит. Доставленный имъ списокъ «Подщипы», т. III, 163.

Омулова, Анна Алексѣев., † 1861 г., кам.-фрейлина 1856 г., т. III, 465.

Оленинъ, Алексѣй Никол., президентъ академіи художествъ, † 1842 г., т. III, 209, 210, 212, 223, 229, 230; т. IV, 501.

Олинъ, т. IV, 679.

Ольга Николаевна, великая княгиня, т. III, 435, 465.

Ольденопъ, секретарь въ Голландіи. Порученіе ему отъ импер. Елизаветы — выслать ко двору мартышку, т. IV, 587—588.

Ольденбургскій, принцъ, т. III, 217.

Ольшевскій, директоръ экономіи въ Могилевѣ 1793 г., т. IV, 315, 317, 318.

Омеръ-Вріонъ, турец. генералъ 1828 г., т. III, 61, 62.

Онисимовъ, камердинеръ императора Александра I, 1823 г., т. IV, 607, 608 613, 634.

Оноско, могилев. гражданинъ, т. IV, 111.

Онуфрій, монахъ, т. III, 130, 131.

Опочинина, Вѣра Ив. Разсказъ ея о Брюсѣ, т. IV, 170.

Опочининъ, Ѳед. Конст. Сообщ. письма прадѣда своего кн. М. И. Голенищева—Кутузова къ женѣ 1800—1809 гг., т. III, 49—60; 201 — 204.

Опочининъ, Ѳед. Петр., об.-гофмейстеръ, † 1852 г., т. III, 54, 55, 60.

Ордынскій, Леонардъ Викент., секретарь при гр. А. Х. Бенкендорфѣ, † 1852 г. Отношенія его къ Ѳ. В. Булгарину, т. IV, 509, 513.

Орлай, Ив. Сем., придворн. медикъ, 1820 г., т. IV, 240, 250, 251.

Орлеанскій, герцогъ, т. III, 114.

Орликъ, генеральн. писарь, любимецъ Мазепы, т. III, 488.

Орловскій, Герасимъ, поручикъ 1775 г., т. III, 592.

Орлова, Гликерія Ив.. рожд. Зиновьева, мать фаворитовъ, т. III, 41.

Орлова, гр. Екат. Влад., въ замуж. Новосильцева, р. 1770 † 1849 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 397.

Орлова, кн. Екат. (Іуліянія) Никол., рожд. Зиновьева, р. 1758 † 1781 г., ст.-дама 1777 г., т. III, 40—41; т. IV, 404.

Орлова, Елиз. Ив., рожд. Штакельбергъ, фрейлина Екатерины II, т. IV, 397.

Орлова, гр. Ольга Александ., (впослѣд. княгиня), рожд. Жеребцова, статсъ-дама 1847 г., т. III, 458 — 459.

Орлова, гр. Соф. Влад., въ замуж. гр.

*

Панина; р. 1774 † 1844 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 397.

Орлова-Чесменская, гр. Анна Алексѣев., р. 1785 † 1848 г., кам.-фрейлина 1817 г., т. III, 464; т. IV, 399.

Орлова-Чесменская, гр. Евд. Никол., рожд. Лопухина, р. 1762 † 1786 г., т. III, 464.

Орловъ, гр. Алексѣй Өед., ген. отъ кавал., ген.-адъют., предсѣд. госуд. совѣта, † 1861 г., т. III, 459; т. IV, 617.

Орловъ, гр. Влад. Григ., ген.-поруч. и директ., академіи наукъ, р. 1743 † 1831 г., т. III, 206; т. IV, 382, 397.

Орловъ, кн. Григ. Григ., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1734 † 1783 г. Характеристика его, т. III, 676—678. Упом. т. III, 40, 41; т. IV, 65, 404, 571, 573, 577.

Орловъ, гр. Григ. Влад., † 1826 г., т. IV, 401, 402.

Орловъ, Григ. Никит., об.-гофмаршалъ, † 1803, г., т. III, 681.

Орловъ, Ив. Мих., деньщикъ Петра I, т. III, 465—466.

Орловъ, Мих. Өед., ген.-маіоръ, † 1842 г. Замѣтка о немъ Тарасова, т. IV, 617. Упом. т. III, 438, 439, 442.

Орловъ, Өед. Григ. Отношенія его къ Шванвичу, т. IV, 387.

Орловъ-Чесменскій, гр. Алексѣй Григ., ген.-аншефъ, р. 1735 † 1807 г. Отношенія его къ Шванвичу, т. IV, 387. Упом. т. III, 464, 677, 789; т. IV, 379—380.

Орловы, фавориты, т. III, 41; т. IV, 379, 380.

Осиповъ, Давидъ, оловянишный мастеръ, 1745 г., т. III, 531.

Остервальдъ, Тимофей, тайн. совѣтн. и сенаторъ, т. IV, 383.

Остерманъ, гр. Анна Вас., рожд. Толстая, р. 1732 † 1809 г., статсъ-дама 1801 г., т. III, 274.

Остерманъ, гр. Өед. Анд., дѣйст. тайн. сов., р. 1723 † 1804 г., т. III, 274.

Остерманъ-Толстой, гр. Александ. Ив., ген. отъ инфант., ген.-адъют., т. IV, 399.

Остолоповъ, оберъ-секрет. синода 1771 года, т. III, 397, 399.

Отрепьевъ, Григорій, самозванецъ, т. III, 418.

Отто, оберъ-цехмейстеръ, 1723 г., т. IV, 474.

Очкинъ, Аникій Никол., стат. сов., т. IV, 499, 502.

II.

Павелъ Петровичъ, императоръ. Вступленіе его на престолъ, т. IV, 327. Нерасположеніе къ П. Б. Пассеку, т. IV, 221. Производство А. В. Гудовича въ ген.-аншефы, 1796 г., т. III, 287. Отношенія къ А. П. Гагариной, т. III, 272—273. Исключеніе Аракчеева изъ службы, 1799 г., т. III, 241—242. Указы и распоряженія 1796—1800 гг., т. III, 83; 531—532; 628—640: о прикрѣпленіи къ землѣ малороссіянъ, 83; объ улучшеніи русскаго языка, 531—532; о пожалованіи бар. Николаи 1500 душъ, 628; по дѣлу о полковникѣ Богдановѣ, 628; объ управленіи Царскосельскою волостью, 629; о продажѣ сѣна, 629; объ увольненіи отъ службы Толстого, 629; о назначеніи Пальменбахъ начальницею Смольнаго института, 629; о распространеніи военной повинности на дѣтей духовныхъ лицъ, 630; о наборахъ въ Гатчинскомъ и Павловскомъ вѣдомствахъ, 630; о прошеніи Секерина, 630; о дворянскихъ выборахъ, 631; о сборахъ съ публичныхъ представленій въ пользу Воспитательнаго дома, 631; объ объявленіи высочайшаго благоволенія стат. сов. Руничу, 632; о торгующихъ иностранцахъ, 633; о запрещеніи ѣздить въ дрожкахъ и цугами и о неношеніи лицами, не служащими въ войскѣ—шинелей съ разноцвѣтными воротниками, 633—634; о непринимании въ вспомогательный банкъ залоговъ на заводы и имѣнія, 634; о неношеніи тупеевъ, 635; о доставленіи начальниками губерній двухнедѣльныхъ рапортовъ, 637; о неношеніи мундировъ отставными, 637, 629; о ростовщикахъ, 639; о донесеніи отъ губернаторовъ о несчастныхъ случаяхъ, происшедшихъ въ ихъ губерніяхъ, 640; о возвращеніи Зубовымъ ихъ имѣнія, отобраннаго въ казну, 640; объ уничтоженіи мѣщанскихъ и цѣховыхъ собраній, 640.

Разсказы изъ царствованія императ. Павла: а) Д. В. Васильчикова, т. III, 785—786; б) Поливанова, т. III, 686—689; в) Давыдова, т. III, 789—790; г) Ѳедорова, т. IV, 300—301; и д) Осси, т. IV, 414—415. Упом. т. III, 41—49, 54, 62, 274—279, 327, 462—464, 621; т. IV, 65, 116, 153, 172, 308, 380, 381, 385 386, 388, 391, 411, 663.

Павловъ, Никол. Филип., т. III, 438.

Паглиновскій, Дмитр. Моисеев., стат. совѣтн. 1810 г., т. IV, 347.

Паленъ-фонъ-деръ, гр. Іуліана Ив., рожд. бар. фонъ-Шепингъ, р. 1753 † 1814 г., статсъ-дама 1799 г., т. III, 272.

Паленъ-фонъ-деръ, гр. Петръ Алексѣев., (Петръ-Людвигъ), с.-петерб. воен. губерн., р. 1745 † 1824 г. Приказаніе ему отъ Екатерины II — слѣдовать за шведскимъ королемъ на воды 1791 г., т. III, 610. Именной указъ, объявленный имъ казанскому воен. губернат., 1799 г., т. III, 635. Объясненіе его по дѣлу Сладковскаго, т. IV, 412. Упом. т. III, 50, 272, 621, 623, 638; т. IV, 80, 411—414.

Палибина, рожд. кн. Кастріото-Скандербекъ, IV, 55.

Палладій, монахъ, т. III, 135—139.

Палладій, игуменъ Новопечерскаго монастыря 1772 г. Характеристика его, т. III, 411. Уп. т. III, 416, 418—420, 563—569, 573.

Пальменбахъ. Указъ о назначеніи ее начальницей Смольнаго монастыря въ 1797 году, т. III, 629—630.

Пальчиковъ, Алексан. Вас. Сообщ. докладъ, Филиппа Пальчикова Петру Великому о починкѣ ботика, т. IV, 465—466.

Пальчиковъ, Филиппъ, корабельн. подмастерье. Докладъ его Петру Великому по исправленію ботика, 1722 г., т. IV, 465—466.

Палѣй, монахъ, т. III, 255.

Панаевъ, Влад. Ив., писатель, т. III, 334.

Панина, Анна Вас., въ замуж. Лопухина, фрейлина при Екатеринѣ II, т. IV, 379—380, 571.

Панина, гр. Марія Родіон., рожд. Ведель, фрейлина, т. III, 469.

Панина, Над. Андр., рожд. Ладыженская, т. IV, 379—380.

Панинъ, Вас. Алексѣев., коллеж. совѣтн., т. IV, 379.

Панинъ, гр. Никита Ив., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и воспит. в. кн. Павла Петровича, р. 1718 † 1783 г., т. III, 686; т. IV, 65.

Панинъ, гр. Никита Петр., дѣйствит. тайн. сов., вице-президъ. коллегіи иностр. дѣлъ, р. 1771 † 1837 г., т. IV, 397.

Панинъ, гр. Петръ Ив., ген.-аншефъ, р. 1721 † 1789 г., т. III, 48, 469; т. IV, 67.

Панкратьевъ, полков. команд. 1820 г., т. IV, 665, 666.

Парминская, герцогиня Марія-Луиза, жена Наполеона I, т. IV, 600.

Парфеній, хутынскій архимандр., т. III, 255.

Парчевскій, 1816 г., т. IV, 490.

Пасквичъ-Эриванскій, гр. Ив. Ѳед. см. Варшавскій, кн. Ив. Ѳед.

Пассекъ, Вадимъ, писатель, т. III, 648

Пассекъ, Варв. Петр., р. 1765 † 1787 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 391.

Пассекъ, Нат. Исаевна, рожд. бар. Шафирова, т. IV, 391.

Пассекъ, Петръ Богдан. Назначеніе его могилевскимъ губернат. 1778 г., т. IV, 108. Его нерадѣніе по службѣ, т. IV, 109. Производство его въ сенаторы, т. IV, 121. Назначеніе бѣлорусскимъ ген-губернаторомъ 1782 г., т. IV, 137. Вступленіе въ новую должность, т. IV, 138. Его образъ жизни, т. IV, 139—140. Дѣло его съ откупщикомъ Чирьевымъ, т. IV, 178—183. Покровительство Шипневскому, т. IV, 184—186. Преданность его имп. Екатеринѣ II, т. IV, 200. Покровительство, оказываемое ему фельдмаршал. Потемкинымъ, т. IV, 208. Хлопоты его о продажѣ казеннаго лѣса, полученнаго отъ фельдмаршала въ подарокъ, т. IV, 208—220. Нерасположеніе къ нему Павла I, т. IV, 221. Предложеніе могилев. намѣстническому правленію по водочному дѣлу 1795 г., т. IV, 323—327. Упом. т. III, 478; т. IV, 103—104, 110, 114, 147—149, 177, 195—196, 207, 308.

Пассекъ, Татьяна Петр., т. III, 648.

Пассекъ, Ѳед. Богд., помѣщикъ 1788 г., т. IV, 148—149.

Паста, пѣвица, т. IV, 47, 255.

Паулуччи, марк., воен. губернат. въ Остзейскихъ губерніяхъ, т. IV, 250.

Пахомій, архимандритъ Сѣвскаго монастыря, 1760 г., т. III, 128.

Пашкевичъ, композиторъ, т. IV, 682.

Пашкова, Екат. Александ., рожд. гр. Толстая, р. 1768 † 1835 г., статсъ-дама 1828 г., т. III, 281, 458, 459.

Пашковъ, Вас. Александ., оберъ-егермейст., р. 1764 † 1834 г., т. III, 281, 458, 459.

Пейкеръ, цензоръ, 1852—1855 гг., т. III, 529.

Пейсаръ, танцовщица, т. III, 445.

Пекарскій, П. П., академикъ, соч. его «Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи», т. III, 537.

Пельчинскій, стихотворецъ, т. IV, 500.

Перелыжинъ, Ив., регистраторъ, т. III, 206.

Перовскій, Алексѣй Алексѣев. (псевдонимъ «Антоній Погорѣльскій), дѣйств. ст. сов., попеч. Харьковскаго университета, т. III, 439; т. IV, 488.

Перскій, Никол. Аѳанас., коллеж. совѣтн., т. IV, 393.

Пестель, Ив. Борис., ген.-губернат. Сибири, членъ госуд. сов. 1816 г., т. IV, 303.

Пестель, П. И. адъют. гр. Виттенштейна, декабристъ, т. IV, 116, 661, 665.

Пестовъ, совѣтн. могил. казен. палаты 1784 г., т. IV, 178.

Петинъ, Ив. Александ., поруч. л.-гв. егерскаго полка 1808 г., т. III, 208, 233.

Петрова, Марья, крестьянка, т. IV, 286.

Петрово-Соловово, Александ. Петр., дѣйств. тайн. сов. и камергеръ, р. 1736 † 1805 г., т. IV, 61.

Петровъ, студентъ с.-петерб. мед-хирург. акад. 1815 г., т. IV, 231, 232.

Петровъ, профес. мед.-хирург. акад. 1815 г. Способъ его преподаванія, т. IV, 234.

Петровъ, А. Н. Сообщ. замѣтку о донесеніи Суворова о взятіи Туртукая, 1778 г. т. IV, 591—592. Замѣтку «Скобелевъ и Пушкинъ», т. IV, 667—673.

Петровъ, В., писатель, т. III, 65.

Петровъ, Осипъ Аѳан., оперн. пѣвецъ, т. III, 440, 447, 455; т. IV, 42, 43.

Петръ, наслѣд. принцъ Курляндскій 1739 г., т. IV, 470.

Петръ I Великій, императоръ. Возмущеніе противъ него царевны Софіи Алексѣевны, т. III, 303. Пребываніе въ г. Острогожскѣ, 1696 г., т. III, 84. Указъ о безчестныхъ словахъ 1700 г., т. IV, 683—684. Ссылка Войнаровскаго въ Якутскъ, 1716 г., т. III, 488. Отношенія къ А. П. Веселовскому, т. IV, 419—420, 448—449. Наказаніе Маріи Гамильтонъ, т. III, 465. Записка о находкѣ имъ ботика—«дѣдушки русскаго флота», т. IV, 464—465. Резолюціи на докладъ Пальчикова о починкѣ ботика, т. IV, 465—466. Указы о доставленіи ботика изъ Москвы въ Петербургъ 1722 г., т. IV, 468—469. Указъ о штрафованіи петербург. жителей, неявившихся съ своими судами для встрѣчи ботика 1723 г., т. IV, 470. Устройство торжества по случаю прибытія ботика, т. IV, 470—475. Указъ о наблюденіи за ботикомъ, т. IV, 471. Письма къ императору отъ матери и сестры Натальи Алексѣевны, т. IV, 578—582. Отношенія его къ Мусинымъ-Пушкинымъ, т. IV, 583. Отношенія къ сестрѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, т. IV, 585. Жестокость, т. IV, 586, 685. Первое знакомство съ Екатериною, т. IV, 586. Наказаніе гр. М. А. Матвѣевой, т. IV, 586—587. Ужасъ, наведенный имъ на Москву слѣдствіемъ по дѣлу царевича Алексѣя, т. IV, 587. Отношенія къ Шукину, т. IV, 685—686. Распоряженія о коронованіи Екатерины I, т. IV, 685. Запрещеніе «пещного дѣйствія», т. IV, 686. Пожалованіе камердинера Вульфа въ тайные совѣтники, т. IV, 687. Наказаніе Балакирева, т. IV, 687. Отношенія къ Петру Ѳ. Карабанову, т. IV, 687—688. Упом. т. III, 83, 88, 144, 227, 521, 523, 665; т. IV, 73, 169, 170, 480, 482, 501, 611, 643, 666.

Петръ II, императоръ. Предзнаменованіе въ день обрученія его съ княж. Е. А. Долгорукою, т. IV, 689.

Петръ III, императоръ. Восшествіе его на престолъ и отношенія къ Л. А. Нарышкину, т. III, 673. Образъ жизни, т. III, 674—675. Отношенія къ Е. Р. Воронцовой, т. III, 461. Дарованіе свободы Бирону, т. III, 571. Переписка съ Фридрихомъ Великимъ, 1762 г., т. III, 283—309. Разсказы изъ его царствованія, т. IV, 695—696. Упом. т. III, 496, 537, 597, 663; т. IV, 60, 61, 63, 67, 693.

Пецольдъ, саксонскій резидентъ. Ссылка на его записки, т. III, 546.

Пиндулинъ, докторъ 1820 г., т. IV, 246.

Пилецкій, Мартынъ, директоръ института слѣпыхъ, 1823 г. Письма и представленіе его Д. П. Руничу по дѣламъ института, т. IV 592—594.

Пименова, Пелагея, казачка, т. IV, 594.

Пиршъ, полков. команд. 1820 г. Столкновеніе его съ Бенкендорфомъ, т. IV, 650—651.

Писаревъ, Александ. Александ., издатель «Калужскихъ Вечеровъ», т. III, 227, 230, 235.

Пиотровская, Ж. К. Переводъ письма Екатерины II къ гр. Сталь-бергу, т. III, 608—620. Состав. алф. указ. «Р. С.» 1871 г.

Плавильщиковъ, надат. и книгопрод., т. III, 207, 727.

Платеръ, графъ, 1785 г., т. III, 475.

Платонъ, москов. митрополитъ, т. IV, 205.

Племянникова, Екат. Григ., рожд. гр. Чернышова, т. III, 156.

Плетневъ, Петръ Александр., писатель, т. III, 98.

Плещъ, Сем. Карпов., рогачевскій комендантъ 1778 г., т. IV, 33—35.

Плещеева, Нат. Ѳедот., рожд. Вергина, † 1855 г., статсъ-дама 1826 г., т. III, 279, 463.

Плещеевъ, Александ. Алексѣев., камергеръ, т. IV, 399.

Плещеевъ, Серг. Ив., дѣйств. тайн. сов., т. III, 279.

Погодинъ, Михаилъ Петр., академикъ. Сообщ. объ А. Ѳ. Вельтманѣ, т. IV, 405—410. Сатирическая статья на него 1846 г., т. IV, 528—532. Упом. т. III, 700.

Подгорскій, Семенъ, крестьянинъ, т. IV, 293—294.

Пожарскій, кн. Дмитр. Мих., боярин, т. IV, 531.

Познанскій, могилев. приставъ 1795 г., т. IV, 321.

Покоевъ, секретарь воен. губернатора 1800 года, т. IV, 411.

Полевой, Никол. Алексѣев., издатель «Телеграфа». Вражда его съ Булгаринымъ 1825 г., т. IV, 498. Воспоминанія о немъ бар. Ѳ. А. Брюлера, т. IV, 674—681.

Полежаевъ, поэтъ, т. III, 72, 246.

Поливановъ, Ив. Петр., квартирмейст. преображенскаго полка. Разсказы его объ императ. Павлѣ, т. III, 786—789.

Половцова, Марѳа, жена штабсъ-капитана. Судъ надъ ней за участіе къ убійцамъ Шумской, т. IV, 278—279.

Половцовъ, т. III, 213, 220, 226, 253.

Полтавцевъ, прокур. могилев. губерн. магистрата 1781 г., т. IV, 141—147.

Полтевъ, Серг. Анд., бригадиръ 1787 года, т. IV, 195—198.

Полторацкій, Серг. Дмитр., т. III, 729.

Полуектова, т. IV, 300.

Поляковъ, подполков., полков. команд. 1853 г., т. III, 8.

Поляковъ, субалт.-офиц. 1836 г., т. III, 6—8.

Полянская, Анна Александ., въ замуж. бар. Гоггеръ; р. 1766 г., фрейлина 1781 г., т. III, 462; т. IV, 394.

Полянская, Евд. Андр., р. 1744 † 1781 года, фрейлина 1764 г., т. IV, 381—382.

Полянская, Екат. Андр., фрейлина Екатерины II, т. IV, 392.

Полянская, Елиз. Ром., рожд. гр. Воронцова, т. IV, 387, 394.

Полянскій, Александр. Ив., стат. сов., † 1818 г., т. III, 462; т. IV, 394.

Полянскій, Анд. Ив., адмиралъ, т. IV, 381.

Полянскій, Вас. Ипатьевичъ, совѣт. могилев. и потомъ казанскаго намѣстническаго правленія 1778 г. Поѣздка его въ уѣзды Бѣлоруссіи для открытія новыхъ присутств. мѣстъ, т. IV, 105—106. Дружба съ могилев. губернаторомъ, т. IV, 108—109. Самовластіе его, т. IV, 109—110.

Приключенія съ нимъ, т. IV, 121—124, 126—131, 134—135. Его жизнь по отставкѣ, т. IV, 133. Отзывы о немъ Вольтера, т. IV, 135—136.

Поликовскій, Н. Г., писатель, т. III, 120.

Поликинскій, князь, т. IV, 395.

Понятовскій, Станис. Августъ, король польскій, т. III, 475.

Поповъ, полков. команд. 1825 г., т. III, 2.

Поповъ, статъ-секр. при Екатеринѣ II, т. IV, 571.

Потапова, Екат. Вас., т. IV, 373.

Потаповъ, генералъ 1820 г., т. IV, 652.

Потемкина, Анна Мих., рожд. кн. Кропоткина, т. IV, 574.

Потемкина, Дарья Вас., рожд. Кондырева, вдова Скуратова, р. 1704 † 1780 года, ст.-дама 1776 г., т. III, 39—40.

Потемкина, гр. Елиз. Петр., рожд. кн. Трубецкая, во 2-мъ замуж. Подчасская, т. IV, 576.

Потемкина, гр. Праск. Андр., рожд. Закревская, р. 1763 † 1816 г., т. IV, 576.

Потемкина, Тат. Вас., рожд. Энгельгардтъ, т. III, 459.

Потемкинъ, ген.-маіоръ 1820 г., т. IV, 534, 540, 546, 547.

Потемкинъ, Александ. Вас., подполк., р. 1673 † 1746 г., т. III, 39, 40.

Потемкинъ, Ив., рядовой 1743 г., т. III, 642.

Потемкинъ, гр. Григ. Павл., † 1812 г., т. IV, 576.

Потемкинъ, Мих. Серг., ген.-поруч. и дѣйств. камергеръ, † 1791 г., т. III, 459; т. IV, 392.

Потемкинъ, гр. Пав. Серг., ген.-аншефъ, кавказ. ген.-губернат., писатель, р. 1743 † 1796 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ, т. IV, 574—577. Упом. т. IV, 390.

Потемкинъ, Серг. Дмитр., сек.-маіоръ, т. IV, 574.

Потемкинъ, гр. Серг. Павл., литераторъ, р. 1787 † 1858 г., т. IV, 576.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Александ., ген.-фельдмарш., р. 1738 † 1791 года. Отношенія его къ матери, т. III, 40. Отзывъ о немъ кн. М. М. Щербатова, т. III, 678, 681. Устроенные имъ въ Бѣлоруссіи заводы, т. IV, 106. Ссора его съ гр. З. Г. Чернышевымъ, т. IV, 116—117. Покровительство его П. Б. Пассеку, т. IV, 208, 219. Упом. т. III, 479, 480, 572, 625; т. IV, 67, 118, 137, 389, 390, 392, 394, 396, 571, 574, 576.

Потоцкая, гр. Викторія Феликс., въ 1-мъ замуж. гр. Шуазёль-Гуффье, во 2-мъ—Бахметева; р. 1780 † 1827 г., фрейлина 1793 г., т. IV, 400.

Потоцкая, гр. Іозефина-Аналія Георгіев., рожд. Мнишекъ, р. 1752 † 1798 г. ст.-дама 1792 г., т. III, 42; т. IV, 400.

Потоцкій, гр. польскій корон. хоружій 1780 г., т. III, 322.

Потоцкій, гр. владѣтель Умани 1820 г., т. IV, 250.

Потоцкій, гр. Станиславъ Станисл., об.-церемоніймейстеръ, † 1831 г., т. IV, 400.

Потоцкій, гр. Феликсъ Францов. (Феликсъ-Станиславъ), воевода чернигов.-русскій, потомъ россійскій ген. отъ инфантеріи, † 1805 г., т. III, 42; т. IV, 400.

Почева, Антоній, архимандритъ Гамалѣевскаго монастыря, т. III, 581.

Прасковья Ѳедоровна, царица, жена царя Ивана Алексѣевича, р. 1664 † 1723 г., т. III, 465.

Прилюконская, Елиз. Вас., въ замуж. кн. Голицына, т. IV, 694.

Прилюконская, Мавра Ив., рожд. Булгакова. Разсказъ ея о наказаніи отца ея, т. IV, 690. Упом. т. IV, 694.

Прилюконскій, В. А., т. IV, 694.

Прилюконскій, М. В., директ. москов. университета 1784 г., т. IV, 573.

Прозена, Андр. Дмитр., секретарь москов. гражд. палаты 1787 г., т. IV, 199.

Проворовская, кн. Анна Мих., рожд. кн. Волконская, р. 1747 † 1824 г., статъ-дама 1801 г., т. III, 274, 464.

Проворовскій, кн. Александ. Алексѣев., фельдмарш., главноком. Молдавскою арміей, р. 1732 † 1809 г., т. III, 56, 58, 60, 203, 204, 274, 332; т. IV, 573.

Проворовскій, кн. Ив. Анд., ген.-аншефъ, † 1786 г., т. III, 273.

Протопоповъ, Осифъ, новгород. архіерей. Покровительство его Г. Н. Теплову, т. III, 594—595. Упом. т. III, 597, 654.

Протофьевъ, И. В., т. IV, 505.

Протасьевъ, офиц. 1809 г., т. III, 214, 220.

Протасова, Александра Ив., рожд. Протасова, т. IV, 398, 399.

Протасова, Александ. Петр., въ замуж. кн. Голицына; р. 1774 † 1842 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 398.

Протасова, Аннеся Никит., рожд. Орлова, р. 1721 † 1775 г., т. III, 462.

Протасова, гр. Анна Александ., т. III, 463.

Протасова, Анна Петр., въ замуж. гр. Толстая, фрейлина Екатерины II, т. III, 463; т. IV, 399.

Протасова, Анна Степ., впосл. графиня, р. 1745 † 1826 г., кам.-фрейлина 1785 г., т. III, 462—463; т. IV, 381, 384, 398.

Протасова, Варв. Алек., т. III, 40.

Протасова, гр. Варв. Петр., фрейлина, т. III, 463.

Протасова, Вѣра Петр., въ замуж. Васильчикова, † 1814 г., камер. дама 1814 года, т. III, 463; т. IV, 399.

Протасова, Екат. Петр., въ замуж. гр. Ростопчина, р. 1775 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 398.

Протасова, Елиз. Степ., † 1840 года, фрейлина Екатерины II, т. III, 463; т. IV, 384.

Протасова, гр. Нат. Дм., рожд. кн. Голицына, р. 1805 г., гофмейст. 1865 г., т. III, 460.

Протасовъ, полковн. 1709 г., т. III, 487.

Протасовъ, Александ. Степ., бригадиръ, т. III, 463.

Протасовъ, гр. Никол. Александ., об.-прокур. синода, † 1855 г., т. III, 460.

Протасовъ, Петръ Степ., ген.-прокуроръ и сенаторъ, т. III, 463; т. IV, 398, 399.

Протасовъ, гр. Степ. Александ., юнкеръ, † 1809 г., т. III, 463.

Протасовъ, Степ. Ѳед., дѣйств. ст. сов., т. III, 462.

Протопоповъ, дивизіон. докторъ 1823 года, т. IV, 618.

Протопоповъ, Илья, кантонистъ, участ. въ заговорѣ на убійство Шумской, т. IV, 264, 272, 273, 274, 275, 288.

Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ, т. IV, 574.

Пузыревскій, И. А. Сообщ. письма гр. Бенкендорфа къ Н. В. Кукольнику, т. III, 793—794.

Пушалова, Варв. Петр., т. IV, 303.

Пушаловъ, т. IV, 303.

Пущаревъ, А. Г. Сообщ.: распоряженіе Павла I объ улучшеніи русскаго языка, 1796 г., т. III, 531. Указы и распоряженія Павла 1796 — 1800 гг., т. III, 628 — 640. Указы императрицы Елизаветы, т. III, 641 — 642. Сенатскій указъ о сожженіи траг. Княжнина «Вадимъ», 1793 г., т. IV, 91—92. Разсказъ по подлинному дѣлу объ убійствѣ Шумской, т. IV, 262—294.

Пущта, Ив., деревенскій казначей, участв. въ загов. на убійство Шумской, т. IV, 273, 280.

Пустошкинъ, сѣвскій воевода 1770 г., т. III, 266, 576, 578, 656.

Пустошкинъ, Ив. Осіев., новгор. помѣщ., т. III, 156.

Путимцовъ, секрет. при белорус. ген.-губернаторѣ 1787 г., т. IV, 194, 204.

Путимцовъ, совѣт. витебскаго суда 1797 г., т. IV, 104.

Пушкинъ, Алекс. Серг., р. 1799 † 1837 года. Мнѣніе его о «Думахъ» Рылѣева, т. III, 94. Письма къ нему Рылѣева, т. III, 113, 521, 523—524. Письма его къ Д. Н. Бантышу—Каменскому, т. III, 526—528. Отрывокъ изъ его «Новгородской повѣсти Вадимъ», т. III, 726. Ссора его съ Булгаринымъ т. IV, 498, 500—502. Приписываемыя ему стихотворенія «Мысль о свободѣ» и «Посланіе другу»; жалоба на него Скобелева, т. IV, 670 — 673. О сооруженіи ему памятника, т. III, 648—650; т. IV, 173—176; 698—700. Упом. т. III, 72, 95, 98, 237, 244, 367—369; т. IV, 524, 595, 679.

Пушкинъ, Алексѣй Мих., тайн. сов., воронеж. губернат. при Елизаветѣ Петровнѣ, т. III, 469.

Пущинъ 1-й, Павелъ Петр., назан. воен. губернат. до 1801 г., т. III, 635.

Пчелинъ, царевококшайск. градск. голова 1798 г., т. III, 632.

Р.

Радзивиллъ, кн. Антоній-Генрихъ, намѣстникъ вел. герцогства Познанскаго, р. 1775 † 1833 г., т. III, 47.

Радзивиллъ, кн. Елена, рожд. Пршездецкая, † 1821 г., стат.-дама 1797 г., т. III, 47.

Радзивиллъ, кн. Михаилъ, виленск. воевода, р. 1744 † 1831 г., т. III, 47.

Радзивиллъ, кн. Христина, фрейлина Екатерины II, т. IV, 402.

Радищевъ, Александр. Никол., писатель, р. 1749 † 1802 г. Письмо его объ открытіи памятника Петру Великому 1782 года, т. IV, 295—299. Упом. т. III, 94, 212, 647.

Радищевъ, Никол. Александ., т. III, 212, 214, 219, 394.

Раевская, Екат. Никол., рожд. Самойлова, т. III, 573.

Раевскій, гв. капит.-поруч., т. IV, 381.

Разинъ, Стенька, т. IV, 465.

Разумовская, гр. Анна Кирил., въ замуж. Васильчикова, фрейлина Екатерины II, т. IV, 385.

Разумовская, Евд. Даніл., въ замуж. гр. Бестужева-Рюмина, фрейлина импер. Елизаветы, т. IV, 60.

Разумовская, гр. Екат. Ив., рожд. Нарышкина, р. 1729 † 1771 г., статсъ-дама 1746 г., т. III, 275; т. IV, 67, 379, 385.

Разумовская, гр. Елиз. Кирил., въ замуж. гр. Апраксина, фрейлина при Екатеринѣ II, т. IV, 379, 384.

Разумовская, гр. Нат. Кирил., въ замуж. Загряжская, р. 1747 † 1837 г., кавалерств.-дама 1799 г., т. IV, 67, 379, 385.

Разумовскій, гр., мин. народн. просв. 1815 г., т. IV, 233.

Разумовскій, гр. Алексѣй Григ., фельдмаршалъ. Преданіе о костылѣ, подаренномъ ему императрицею Елизаветой, т. IV, 693. Упом. т. III, 46, 114, 144; т. IV, 60.

Разумовскій, Даніла Григ., т. IV, 60.

Разумовскій, гр. Кирилла Григ., малорос. гетманъ. Отношенія его къ Г. Н. Теплову, т. III, 594, 596. Упом. т. III, 46, 267, 275; т. IV, 60, 67, 379, 385. 693.

Раймонди, контрапунктистъ, т. III, 434.

Раль, баронъ, т. III, 383.

Растопчина, гр. Евд. Петр., рожд. Сушкова, поэтесса. Ея стихотвореніе «Къ Дону», т. III, 238.

Растопчинъ, гр. Ѳед. Вас., ген. отъ инфант., членъ государств. сов. и москов. главнокомандующій въ 1812 г., р. 1765 † 1826 г., т. IV, 303, 398.

Рачинскій, капельмейстеръ, т. III, 267.

Рашетъ, Е. К., тайн. сов., т. IV, 499.

Рейхель, профес. москов. универс., 1762 г., т. IV, 572.

Рейхштадскій, герцогъ Наполеонъ, сынъ Наполеона I. Замѣтка о немъ Д. К. Тарасова, т. IV, 600.

Романъ, лейбъ-медикъ 1824 г., т. IV, 639.

Ренне-фонъ, Елена, рожд. фонъ-Бахманъ, во 2-мъ замуж. фонъ-Таубе, р. 1748 † 182.. г., т. III, 45.

Ренне-фонъ, Карлъ-Августъ Ив., ген.-поруч., † 1786 г., т. III, 44, 45.

Ренне-фонъ, Марія Анд., рожд. фонъ Лилиенфельдъ, р. 1752 † 1810 г., гофмейстерина двора в. кн. Анны Ѳедоровны, 1796 г., т. III, 44—45.

Ренне-фонъ, Марія-Каролина, въ замуж. Хрептовичъ, т. III, 45.

Ренне-фонъ, Оттонъ-Іоганнъ, полковникъ, т. III, 45.

Репнина, кн. Марія Ив., рожд. гр. Головина, р. 1707 † 1770 г., т. IV, 61.

Репнина, кн. Нат. Александ., рожд. кн. Куракина, р. 1737 † 1798 г., статсъ-дама 1794 г., т. III, 43, 276; т. IV, 393.

Репнина, кн. Праск. Вас., въ замуж. Нарышкина, фрейлина, † 1793 г., т. IV, 61.

Репнина, кн. Праск. Никол., въ замуж. кн. Голицына, † 1784 г., фрейлина 1761 г., т. IV, 393.

Репнинъ, кн. 1813 г., т. IV, 488.

Репнинъ, кн. Вас. Аникит., ген.-фельдцейхмейст. 1748 г., т. IV, 61.

Репнинъ, кн. Никол. Вас., ген.-фельд-

Ржевскій, Никол. Юрьев., воевода, † 1778 г., т. IV, 5.

Ржевуская, гр. Розалія Александ., рожд. кн. Любомірская, † 1864 г., статсъ-дама 1845 г., т. III, 458; т. IV, 59.

Ржевускій, гр. Ад. Адам., ген.-лейт. и ген.-адъют., т. III, 459.

Ржевускій, гр. Венцеславъ, воевода Подольскій и Краковскій, † 1779 г., т. III, 458.

Рибопьеръ, гр. Александ. Ив., дѣйств. тайн. сов., оберъ-камергеръ, т. III, 459.

Рибопьеръ, гр. Екат. Мих., рожд. Потемкина, статсъ-дама 1854 г., т. III, 459.

Рибопьеръ, Ив., бригадиръ, убитъ при взятіи Измаила 1790 г., т. IV, 388.

Ривароль, графъ, писатель, т. III, 19.

Риго, Гіацинтъ, живописецъ, р. 1659 † 1743 г., т. III, 114.

Римскій-Корсаковъ, Александ. Мих., ген.-губернат. въ Бѣлоруссіи 1802 г., и потомъ въ Вильнѣ. Характеристика его, т. IV, 343. Упом. т. III, 204; т. IV, 335.

Римскій-Корсаковъ, Вас. Анд. 1728 г., т. III, 466.

Римскій-Корсаковъ, Ив. Никол., ген.-маіоръ 1807 г., т. IV, 343.

Рихтеръ, докторъ 1819 г., т. IV, 241—243.

Рогозинская, Анна Дмитр., рожд. Ланская, т. IV, 393.

Рогозинскій, Дмитрій, бригадиръ 1798 г., т. IV, 393.

Родіонова, Василиса, крестьянка, т. IV, 271.

Родіонова, Прасковія, крестьянка, т. IV, 272, 289.

Родіоновъ, полков. командиръ 1837 г., т. III, 8.

Родофиникинъ, дипломат. чиновн., т. III, 60.

Розенбергъ, 1800 г., т. III, 51.

Розенъ, баронъ Андрей Евген., декабристъ. Сообщ. стихотвореніе П. С. Бобрищева-Пушкина, т, III, 534—536.

Розенъ, Григорій Влад., ген.-адъют., команд. Преображ. полка 1818 г., т. IV, 238, 241, 242, 546, 547.

Розлачъ, секретарь воен. губернатора 1800 г., т. IV, 411—414.

Романовъ, Никита Ив., двоюрод. братъ царя Михаила Ѳедоровича, т. IV, 464, 467.

Романъ, слуга, т. IV, 359.

Рославлевъ, Никол. Ив., ген.-поруч., † 1785 г. Ссылка его за участіе въ заговорѣ противъ Екатерины II, т. IV, 380.

Россини, композиторъ, 1823 г., т. III, 422, 423; т IV. 603.

Ростишевскій, президентъ гор. Сувалокъ 1863 г., т. IV, 158, 160, 161.

Рубини, итальян. пѣвецъ, т. III, 455.

Рубинштейнъ, композиторъ, т. IV, 55.

Руднковскій, Григ. Ив., секрет. синода 1771 г., т. III, 397.

Руднковскій, Иринархъ Ив., членъ консисторіи, т. III, 142, 151, 396—398, 400, 401.

Рудневъ, полковникъ, т. IV, 497.

Румянцева, гр. Марья Анд., рожд. Матвѣева, р. 1698 † 1788 г. Отношенія къ ней Петра Великаго, т. IV, 586—587. Упом. т. III, 39.

Румянцевъ, гр. Александ. Ив., ген.-аншефъ, т. III, 39; т. IV, 587.

Румянцевъ, гр. Никол. Петр., мин. иностран. дѣлъ и предсѣд. государств. совѣта, р. 1754 † 1826 г., т. III, 629; т. IV, 303.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., фельдмаршалъ. Донесеніе его Петру III о приготовленіи датчанъ къ войнѣ 1762 г., т. III, 306. Пребываніе его съ Екатериною II въ Могилевѣ, т. IV, 114. Упом. т. III, 293, 299, 314, 326; т. IV, 71, 587, 591.

Руничъ, Дмитр. Павл., попечитель петербург. учебнаго округа. Найденныя въ его бумагахъ свѣдѣнія объ институтѣ слѣпыхъ, 1823 и 1824 гг., т. IV, 592—594.

Рунничъ, Пав. Степ., владимирскій губернат. 1798 г., потомъ сенаторъ, р. 1747 † 1825 г., т. III, 632, 663; т. IV, 492, 494.

Руссо, Жанъ-Жакъ, француз. писатель, т. IV, 313, 314, 517, 531, 577.

Рыллo, епископъ Хелмскій, 1780 г. т. III, 320.

Рылѣева, Анаст. Кондрат., дочь поэта. Сообщила бумаги своего отца, т. IV, 569.

Рылѣева, Нат. Мих., супруга поэта, т. IV, 569.

Рылѣевъ, Александ. Кондр., т. IV, 568.

Рылѣевъ, Кондр. Ѳед., писатель, декабристъ. Письма его къ Ѳ. В. Булгарину, т. III, 65—70. «Думы» его, т. III, 71—93. «Посланія», т. III, 93—100. Эпиграмма на австр. импер. Франца I, т. III, 101. Отрывки и поэмы, т. III, 101—112. Письмо къ А. С. Пушкину, т. III, 113. Замѣтка о немъ Ѳ. Н. Глинки, т. III, 244—246. Поэма его «Войнаровскій», т. III, 487—524; т. IV, 568. Замѣтка объ этой поэмѣ, т. III, 647—648. Посланіе къ А. А. Бестужеву, т. III, 486. Стихотвореніе «На рожденіе Я. Н. Бедряги», т. IV, 80. Ода «Гражданское мужество», т. IV, 562—565. Дума «Державинъ», т. IV, 565—567. Стихотвореніе на смерть сына, т. IV, 568. Предсмертное стихотвореніе, 569—570. Приписываемый ему разсказъ о бунтѣ семеновскаго полка, т. IV, 533—548, 646, 647, 667. Упом. т. IV, 492, 495, 509, 511.

Рюль, И. Ѳ., лейбъ-медикъ 1823 г., т. IV, 604, 631.

С.

Саблукова, Агафія Яковл., фрейлина при императр. Елизаветѣ, † 1769 г., т. III, 473.

Саблуковъ, Александ. Ульянов., колеж. сов. 1746 г., т. III, 473.

Савинкъ, останковск. купецъ 1820 г., т. IV, 244, 245.

Савельевъ, Никифоръ, дворовый Аракчеева, т. IV, 272.

Савенко, студ. мед.-хирург. акад. 1816 г., т. IV, 236.

Садорскій, Вас., учит. латинск. яз. 1771 г., т. III, 395—404.

Сакоонскій, принцъ Карлъ. Отношенія къ нему Петра III 1762 г., т. III, 289—290.

Сакс-де, гр. Морицъ, т. III, 488.

Солдатенковъ, К. Т., т. III, 541.

Сали-Ханъ, персид. принцъ 1786 г., т. IV, 576.

Салосъ, ген., начальн. Украинскаго военнаго поселенія, 1820 г., т. IV, 248.

Салтыкова, кн. Аност. Петр., рожд. гр. Толстая, т. III, 280.

Салтыкова, Анна Алексѣев., фрейлина 1730 г., † 1775 г., т. III, 467.

Салтыкова, Анна Вас., въ замуж. кн. Гагарина, р. 1729 † 1799 г., фрейлина 1741 г., т. III, 472.

Салтыкова, гр. Анна Ив., въ замуж. гр. Орлова, р. 1777 † 1824 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 402.

Салтыкова, гр. Анна Серг., рожд. кн. Гагарина, р. 1743 † 1800 г., т. III, 279.

Салтыкова, гр. Дарья Петр., рожд. гр. Чернышева, р. 1739 † 1802 г., статсъ-дама 1793 г., т. III, 42, 459; т. IV, 402.

Салтыкова, Екат. Вас., въ замуж. Измайлова, р. 1732 † 1774 г., фрейлина, т. IV, 61.

Салтыкова, кн. Екат. Вас., рожд. кн. Долгорукая, р. 1791 † 1862 г., статсъ-дама 1835 г., т. III, 278, 457.

Салтыкова, гр. Екат. Ив., † 1815 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 402.

Салтыкова, Марія Алексѣев., рожд. кн. Голицына, р. 1701 † 1752 г., ст.-дама 1741 г., т. III, 472.

Салтыкова, Марія Мих., въ замуж. Пушкина, фрейлина импер. Анны, р. 1710 † 1785 г., т. III, 469.

Салтыкова, Марія Серг., рожд. Волкова, во 2-мъ замуж. Пассекъ, т. IV, 138, 139, 178—183, 186, 193, 194, 200, 201, 208, 220, 221.

Салтыкова, кн. Нат. Влад., рожд. кн. Долгорукая, р. 1737 † 1812 г., дѣйств. статсъ-дама 1793 г., т. III, 42.

Салтыкова, гр. Праск. Ив., фрейлина, Екатерины II, т. IV, 400.

Салтыкова, гр. Праск. Юрьев., рожд. кн. Трубецкая, статсъ-дама 1731 г. † 1767 г., т. III, 41.

Салтыкова, Софья Алексѣев., въ замуж. Татищева, фрейлина 1730 г., т. III, 468.

Салтыковъ, Александ. Мих., т. IV, 138.

Салтыковъ, Алексѣй Петр., т. III, 467.

Салтыковъ, Вас. Петр., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, † 1807 г., т. IV, 299, 693.

Салтыковъ, Вас. Ѳед., ген.-аншефъ, р. 1675 † 1755 г., т. III, 472.

Салтыковъ, Ив. Алексѣев., ген.-аншефъ, † 1773 г., т. III, 467.

Салтыковъ, гр. Ив. Петр., ген.-фельд-

Салтыковъ, гр. Никол. Вас., ген.-фельдмарш., р. 1730 † 1805 г. Письма къ нему Суворова послѣ взятія Туртукая и по поводу побѣды, одержанной Каменскимъ на Нижнемъ Дунаѣ, 1773 г., т. IV, 591—592. Упом. т. III, 42, 459, 727, 728; т. IV, 402.

Салтыковъ, гр. Никол. Вас., л.-гв. поруч., т. III, 279.

Салтыковъ, кн. Никол. Ив., ген.-фельдмарш., р. 1736 † 1816 г. т. III, 42, 280, 324.

Салтыковъ, гр. Пет. Сем., ген.-фельдмарш., р. 1700 † 1772 г. Неудовольствіе его противъ австрійск. главнокомандующихъ въ Семилѣтнюю войну, т. III, 41, 297.

Салтыковъ, Семенъ. Распоряженіе его о тараканахъ 1730 г., т. IV, 684.

Салтыковъ, Серг. Вас., ген.-поруч., посланникъ въ Гамбургѣ и въ Парижѣ, т. IV, 64.

Салтыковъ, кн. Серг. Никол., шталмейстеръ, тайн. сов., р. 1777 † 1828 г., т. III, 457.

Сальдернъ, императ. повѣренный 1762 г., потомъ посолъ въ Варшавѣ. Замѣтка о немъ М. Н. Лонгинова, т. III, 297. Упом. т. III, 292.

Самарина, Анна Петр., т. III, 214, 222, 224, 225, 230, 233.

Самаринъ, В. Ѳ., т. III, 116.

Самойлова, Марья Александр., рожд. кн. Потемкина, т. III, 572.

Самойловъ, гр. Александ. Никол., ген.-прокур. и государств. казначей † 1812 г., т. III, 573, 727, 729, 730, 732; т. IV, 91, 394.

Самойловъ, Вас. Вас., драмат. артистъ, т. III, 445.

Самойловъ, Матвѣй, канцелярист. 1776 г., т. III, 655.

Самойловъ, Никол. Борис., тайн. совѣт. и сенаторъ, 1772 г., т. III, 572.

Самойловъ, Осипъ, шлиссельбургск. мѣщанинъ 1810 г., т. IV, 285.

Самуйловичъ, профес. кіевской академіи 1775 г., т. III, 600.

Сандерсъ, контръ-адмиралъ. Участіе его въ торжеств. встрѣчѣ ботика 1723 г., т. IV, 473.

Сапожниковъ, танцовщикъ, т. III, 59.

Сапѣга, кн., литов. ген.-фельдцейхмейстеръ 1786 г., т. III, 477.

Сафонова, рожд. гр. Гендрикова, т. III, 266.

Сафоновъ, Евтихій Ив., отстав. сек.-маіоръ 1772 г. Его образъ жизни въ деревнѣ, т. III, 137, 138, 573—577.

Сафоновъ, Ив. Евтихіев., гвард. офицеръ 1772 г., т. III, 574—577, 583—586.

Сафоновъ, Мих. Ив., дѣйствит. камергеръ 1770 г. Его гостепріимство въ отношеніи сѣвскаго архіерея, т. III, 266—268. Отзывъ его объ архіереѣ, т. III, 270.

Сахаровъ, писатель, т. III, 65.

Сахаровъ, камердинеръ Екатерины II, т. III, 682.

Сварацкій, докторъ, 1812 г., т. IV, 354, 360.

Свинынинъ, Пав. Петр., литераторъ и издат. «Отечественныхъ Записокъ», т. IV, 498.

Свіязевъ, И. И., академикъ-архитекторъ. Его воспоминанія объ императ. Александрѣ Павловичѣ и объ Аракчеевѣ, т. IV, 549—561.

Свѣчинъ, Петр. Егор., т. III, 209.

Севинье, франц. писательница, т. III, 224.

Секеринъ, губерн. секретарь. Резолюція императ. Павла на его прошеніе, 1797 г., т. III, 630—631.

Селивановскій, С., содержат. типографіи въ Москвѣ 1825 г., т. III, 519.

Семенова, Аксинія, комнатн. дѣвушка Шумской, т. IV, 263, 271, 274, 276, 283, 284.

Семенова, К. С., драматич. актриса, т. III, 211, 216, 217, 218, 220, 222, 230.

Семенова, Прасковія, крестьянка, участв. въ загов. на убійство Шумской, т. IV, 271.

Семеновъ, прокуроръ малорос. коллегіи 1774 г., т. III, 589, 590.

Семеновъ, Степанъ, крестьянинъ, т. IV, 286.

Сенковскій, Ос. Ив. (баронъ Брамбеусъ). Письма его къ П. Р. Фурману, т. III, 528—529. Упом. т. IV, 528.

Сенневеръ, француз. ген. 1816 г., т. IV, 491.

Сенъ-При-де, гр. Карлъ Франц., перъ Франціи и росс. дѣйств. ст. сов., т. IV, 399.

Сенявина, Екат. Алексѣев., въ замуж. гр. Воронцова, фрейлина Екатерины II, т. IV, 384.

Сенявина, Марія Алексѣев., фрейлина Екатерины II, т. IV, 393.

Сенявинъ, капит. измайловск. полка 1775 г., т. IV, 385.

Сенявинъ, Алексѣй Наумовичъ, адмиралъ, т. III, 276; т. IV, 384.

Сенявинъ, Ив. Григ., т. IV, 394.

Сенявинъ, Ив. Іоакимов., капитанъ-командоръ 1723 г. Поѣздка его съ Петромъ Великимъ за ботикомъ въ Шлиссельбургъ, т. IV, 470. Объявленный имъ указъ Петра о наблюденіи за ботикомъ, т. IV, 471.

Сенявинъ, Наумъ, контръ-адмиралъ 1723 г., т. IV, 473.

Серве, артистъ 1845 г., т. IV, 506.

Сестренцевичъ, католич. митрополитъ, писатель, т. III, 57.

Сиверсъ, новгород. полицмейстеръ 1825 года, т. IV, 276.

Сиверсъ, вице-адмиралъ. Участіе его въ торжественной встрѣчѣ ботика, 1723 г., т. IV, 473.

Сивори, артистъ 1845 г., т. IV, 506.

Сигизмундъ II, король польскій, т. III, 70.

Сидорскій, учит. семинаріи, т. III, 265.

Симоновичъ, витеб. гражданинъ, 1812 г., т. IV, 352.

Симпкинсонъ, англ. пасторъ, т. IV, 419, 449.

Синицынъ, дворовый Аракчеева, т. IV, 271.

Скавронская, гр. Анна Карл., т. III, 471.

Скавронская, гр. Екат. Вас., рожд. Энгельгардтъ, р. 1761 † 1829 г., гофмейст. 1824 г., т. III, 41, 43; т. IV, 402.

Скавронская, гр. Екат. Карл., т. III, 472.

Скавронская, гр. Екат. Павл., въ 1-мъ замуж. кн. Багратіонъ, во 2-мъ- Гауденъ, фрейлина Екатерины II, ум. въ 1850-хъ годахъ, т. IV, 402.

Скавронскій, гр. Пав. Мартин., тайн. сов., т. IV, 402.

Скворцова, гофъ-фрейлина при императр. Елизаветѣ, т. III, 472.

Скобелевъ, Ив. Никит., ген.-маіоръ, р. 1778 † 1849 г. Заступничество его за благонадежность войскъ, 1822 г., т. IV, 667—669. Письмо его съ жалобою на Пушкина, какъ автора зловредныхъ стихотвореній, т. IV, 670.

Скобелевы, владѣтели села Чернышина, т. IV, 171.

Сковорода, малорос. писатель, т. IV, 530.

Скопинъ, уряднякъ 1853 г., т. III, 13 - 14.

Скоропадская, жена гетмана, т. III, 402.

Скоропадскій, гетманъ. Основанный имъ Гамалѣевскій монастырь, т. III, 266. Портретъ его, находящійся въ упомянутомъ монастырѣ, т. III, 402.

Скуратовъ, помѣщикъ, т. III, 39.

Сладковскій, коллеж. ассесоръ. Дѣло его съ Розначемъ 1800—1801 г., т. IV, 411—414.

Словскій, авторъ «Разсказовъ о быломъ», т. IV, 292—293.

Смирдинъ, Александр. Ѳед., книгопродавецъ, т. III, 207.

Смиттенъ, эстлянд. дворянинъ, т. III, 277.

Смогоржевскій, уніатс. митрополитъ 1780 г., т. III, 320, 478.

Соболевская, гр. Изабелла Ив., рожд. Грабовская, статсъ-дама 1829 г., т. III, 281.

Соболевскій, гр. Игнатій, ст.-секретарь Царства Польскаго и варшав. мин. полиціи 1820 г., т. IV, 253.

Созіонка, крестьянинъ, убившій гр. М. Ѳ. Каменскаго, т. III, 46.

Соймоновъ, статсъ-секрет. при Екатеринѣ II, т. IV, 571.

Соколова, помѣщица, т. III, 567—570, 573.

Соколовъ, Ив. Осип., артил. капитанъ 1772 г., т. III, 563—573.

Соколовъ, Осипъ, карачевск. священникъ, т. III, 158, 159.

Соллогубъ. офиц. оренбург. уланск. полка 1820 г., т. IV, 655.

Соллогубъ, гр. В. А. Выписка изъ письма его къ Ѳ. М. Толстому 1870 г., т. III, 255—256. Упом. т. III, 447, 448, 450.

Соллогубъ, гр. Ив. Ант., ген.-маіоръ, 1780 г., т. IV, 388.

Соловьевъ, Серг. Мих., историкъ. Его мнѣніе о происхожденіи Гедимина, т. IV, 162—166.

Сомовъ, Орестъ Мих., литераторъ, 1829 года. Ссора его съ Булгаринымъ, т. IV, 499—500. Упом. т. IV, 501.

Сопиковъ, библіографъ, т. III, 207.

Сосновскій, Т. А. Сообщ. подлинныя бумаги Рылѣева, т. III, 64—113; 485—524.

Софроновъ, Никифоръ, рядовой 1800 года, т. III, 638.

Софья Алексѣевна, царевна-правительница, р. 1657 † 1704 г. Отношенія ея къ мачихѣ—царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и къ брату—царю Петру I Алексѣевичу, т. IV, 584.

Софья, служанка, т. III, 545.

Соцкій, Вас., дворовый Аракчеева, т. IV, 271, 272.

Сперанскій, гр. Мих. Мих., государст. секретарь, † 1839 г. Замѣчанія о немъ Булгарина, т. IV, 520—522. Упом. т. IV, 74, 303.

Спечинскій, Ѳед. Никит., гв. офицеръ 1789 г., т. IV, 396.

Спиридовъ, адъют. гр. П. А. Строгонова, т. III, 213.

Спиридовъ, Мат. Григ., дѣйст. тайн. сов. и дѣйств. камергеръ, т. IV, 388.

Срамченко, рядовой 1826 г., т. IV, 418.

Стабингеръ, композиторъ, т. IV, 682.

Стакельбергъ, Екат. Ив., въ замуж. гр. Тизенгаузенъ, фрейлина при Екатеринѣ II, а въ 1799 г.—кавалер. дама, т. IV, 384.

Стакельбергъ, Елиз. Ив., въ замуж. гр. Орлова, р. 1741 † 1817 г., фрейлина 1765 г., т. IV, 382, 384.

Стакельбергъ, гр. Отто Густавов., т. III, 474.

Стакельбергъ, гр. Оттонъ-Зосимъ, подполков. 1789 г., † 1814 г., т. III, 482.

Стакельбергъ, гр. Оттонъ-Магнусъ, русскій послан. при варшав., мадрит. и стокгольм. дворахъ, род. 1736 † 1800 г. Письма къ нему Екатерины II о польскихъ и шведскихъ дѣлахъ 1773—1793 гг., т. III, 310—325; 474—484; 605—627; 689—699.

Стакельбергъ, гр. Отто Оттов., гв. полковн. и фл.-адъют. Сообщ. письма Екатерины II къ гр. О. М. Стакельбергу 1773—1793 гг., т. III, 310—325; 474—484; 605—627; 689—699.

Стакельбергъ, гр. Эрнестъ Густав., ген.-адъют., русск. посолъ въ Парижѣ, р. 1813 † 1869 г., т. III, 310, 474.

Старженская, граф. Габріэла, рожд. Старженская, † 1866 г., т. III, 460.

Старженскій, гр. Мих. Ксавер., т. III, 460.

Старинкевичъ, правитель канцеляріи герц. Алекс. Виртембергскаго 1810 г., т. IV, 347, 348, 359, 369.

Старинкевичъ, от. Александръ, протоіерей въ Шкловѣ, т. IV, 119.

Стасовъ, Влад. Вас., писатель. Статья его: Первоначальный планъ оперы «Русланъ и Людмила», т. III, 367—384. Уп. т. III, 459.

Статковскій, артил. полковн. 1828 г., т. III, 62.

Стахорскій, стряпчій могилев. земскаго суда 1797 г., т. III, 631.

Стединкъ, шведскій посолъ въ Петербургѣ 1791 г., т, III, 612, 624, 627.

Стемлеръ, столяръ, т. IV, 112.

Степанова, пѣвица, т. III, 455.

Степановъ, Андронъ, дворовый. Расправа съ нимъ, 1818 г., т. IV, 416—418.

Степановъ, Илья, слуга, т. III, 545.

Степановъ, Кузьма, дворовый Аракчеева, т. IV, 272.

Степановъ, Николай Александ. карикатуристъ, т. IV, 45, 53.

Степановъ, Никол. Петровичъ Сообщ. письмо Александра I къ архимандр. Фотію по поводу убійства Шумской, т. IV, 267,

Степановъ, Петр. Александр., ген.-лейт. и комендантъ въ Царскомъ Селѣ. Статья его: «Воспоминанія о М. И. Глинкѣ», т. IV, 39 — 58. Упом. т. III, 369.

Степанъ, поваръ, т. III, 146.

Стефанъ, путивльск. священникъ, т. III, 262, 263.

Стороженко, Алексѣй Петр., малор. писат., отыскавшій рукопись записокъ Добрынина, т. III, 120; т. IV, 372.

Стоюнинъ, Влад. Яков. Сообщ. письма Сенковскаго къ Фурману, т. III, 528—529. Ссылка на статью его: «Еще о Княжнинѣ и его трагедіи Вадимъ», т. III, 726.

Стрекаловъ, статсъ-секрет. при Екатеринѣ II, т. IV, 571.

Строгонова, гр., помѣщица 1820-хъ гг., т. III, 426.

Строгонова, бар. Софія Александр., рожд. кн. Урусова, т. IV, 383.

Строгонова, гр. Соф. Влад., рожд. кн. Голицына, р. 1774 † 1845 г., т. III, 210, 275, 426.

Строгонова, гр. Юлія Петр., рожд. гр. д'Алмейда д'Ойенгаузенъ, вдова гр. да Ега, р. 1783 † 1864, статсъ-дама 1862 г., т. III, 460.

Строгоновъ, гр. Александ. Серг., обкамергеръ, президентъ акад. художествъ, р. 1734 † 1811 г., т. IV, 67.

Строгоновъ, бар. Александ. Серг., директоръ императорскихъ библіотекъ, р. 1771 † 1815 г., т. III, 209; т. IV, 389.

Строгоновъ, гр. Григ. Александ., об.-камерг., членъ госуд. совѣта, р. 1769 г., т. III, 460; т. IV, 395.

Строгоновъ, гр. Пав. Александ., ген.-лейт. и ген.-адъют. р. 1774 † 1817 г., т. III, 210; т. IV, 67.

Строгоновъ, бар. Серг. Никол., бригадиръ, р., 1738 † 1777 г., т. IV, 383.

Строевъ, предсѣд. новгород. гражд. палаты 1826 г., т. IV, 289.

Стройновскій, графъ, т. IV, 76.

Стромиловъ, дворецкій, зарѣзавшійся отъ жестокостей Шумской, т. IV, 273, 274, 281, 282, 284.

Стрѣшнева, Нат. Петр., рожд. Яковлева, т. III, 278.

Стрѣшневъ, Петръ Ив., ген.-аншефъ, † 1771 г., т. III, 278.

Стрѣшневъ, Тихонъ Никит., боярин и сенаторъ, р. 1649 † 1719 г. Отношенія къ нему Петра Великаго, т. IV, 584.

Стунѣева, рожд. Иванова, т. IV, 40, 42, 43.

Стунѣевъ, т. IV, 40, 42.

Стюрмеръ, полковн. 1820 г., т. IV, 647.

Суворовъ-Рымникскій, кн. Александ. Аркад., членъ Госуд. Совѣта. Разсказъ его объ императорѣ Николаѣ, т. III, 61—63. Сообщ. стихотвореніе Дюма: «Causerie entre deux montagnes», т. IV, 697 — 698.

Суворовъ, гр. Александ. Вас. см. Италійскій, кн. А. В.

Судейкинъ, канцел. секрет. 1777 г. т. IV, 16—18, 23, 149.

Сулоцадзевъ. Отрывокъ изъ записокъ его: объ убійствѣ Н. Ѳ. Шумской 1825 г., т. III, 242—244.

Сумарокова, Марія Павл., т. III, 164.

Сумароковъ, Александ. Петр., писатель, р. 1718 † 1777 г., т. III, 268, 604; т. IV, 121, 153, 234, 695.

Сумароковъ, Пав. Ив., литераторъ, витебскій губернат. 1807 г. Характеристика его, т. IV, 342—343. Упом. т. IV, 347, 354, 368.

Сумароковъ, Петръ Панкрат., дѣйств. тайн. сов., т. IV, 695.

Сумкинъ, Вас., мѣщанинъ, т. IV, 278, 279.

Супонева, Ольга Петр., дочь императр. Елизаветы, т. IV, 691.

Сурмина, жена совѣтника, т. IV, 132.

Сурминъ, Петръ Ильичъ, совѣтн. камерной экспедиціи 1778 г., т. IV, 29—30, 130—132, 135.

Сухоруковъ, Вас. Дмитр., донской писатель. Свѣдѣнія о немъ и его стихотвореніе «Отвѣтъ Дона» граф. Растопчиной, т. III, 236—240.

Сухотинъ, Мих. Ѳед., т. III, 207.

Сухтеленъ, гр. Пав. Петр., ген.-лейт., ген.-адъют., р. 1784 † 1838 г., т. IV, 513.

Сушина, витеб. вице-губернат. 1812 г., т. IV, 366.

Счетнавъ, секретарь бѣлорус. ген.-губернат. 1787 г., т. IV, 194, 195, 198.

Сѣверинъ, тайн. сов., витеб. губернат. 1799 г. Характеристика его, т. IV, 332, 336. Письмо къ нему П. Х. Обольянинова, т. IV, 337—338. Отставка его, т. IV, 341.

Сѣровъ, Александ. Никол., композиторъ, т. III, 452.

Сѣченовъ, Дмитрій, новогород. митрополит., т. III, 140, 262, 409.

Т.

Талызинъ, ген., команд. преображенскаго полка, т. III, 786.

Тамбурини, пѣвецъ, т. III, 447, 455, 456; т. IV, 605.

Тарантъ-де, принц. Луиза Эммануил., герцогиня де-ла **Тремуль**, † 1814 г., статсъ-дама 1797 г., т. III, 47—48.

Тарасовъ, Александ. Дмитр. Сообщ. записки отца своего Д. К. Тарасова, т. IV, 223—261; 597—645.

Тарасовъ, Дмитр. Клементьев., почетн. лейбъ-хирургъ, р. 1792 † 1866 г. Записки его, т. IV, 223—261; 597—645. Предисловіе, 223. Воспитаніе дома и поступленіе въ семинарію, 225. Первыя впечатлѣнія въ школѣ, 225. Порученіе преподаванія въ младшихъ классахъ, 226. Покровительство архіепископа Ѳеоктиста, 226. Сватовство, 226. Назначеніе учителемъ семинаріи, 227. Война съ Франціей, 227. Рѣшеніе—учиться медицинѣ, 227. Прощаніе съ родиной, 227—228. Дружба съ Марковымъ, 228—229, 234. Тоска по родинѣ, 229. Пребываніе въ Зарайскѣ и пріѣздъ въ Москву, 229. Знакомство съ студентами мед.-хирург. академіи и намѣреніе учиться медицинѣ въ Москвѣ, 230. Разговоръ о религіи и рѣшеніе поступить въ петербургскую академію, 230. Пріѣздъ въ Петербургъ, 231. Просьба о поступленіи въ академію въ число казенныхъ воспитанниковъ, 231. Отказъ, 231. Неожиданное покровительство и поступленіе въ академію, 232—233. Первая лекція профессора Петрова, 234. Переходъ на 2-й курсъ, 235. Занятія анатоміей, 235—236. Назначеніе ординаторомъ въ клинику и выпускъ изъ академіи, 236—238. Назначеніе баталіоннымъ врачемъ и жизнь при полку, 238—240. Поступленіе въ канцелярію Виллié, 240—242. Первое путешествіе въ свитѣ государя, 243. Полученіе подарка отъ пацієнтовъ, 243. Выѣздъ изъ Петербурга, 244. Пораженіе громомъ помѣщицы Болговской, 224. Маневры въ Твери, 245. Паденіе съ лошади и выговоръ отъ Виллié, 245. Докторъ Пикулинъ, 246. Свиданіе съ отцомъ, 247. Докторъ Мартини, 247. Пребываніе въ Курскѣ и Украйнѣ, 248—249. Сватовство Виллié, 249—250. Пребываніе въ Варшавѣ, 251. Варшавскій сеймъ, 252—253. Рѣчь государя по случаю закрытія сейма, 253. Троппау, Лайбахъ и Вѣна, 254—256. Извѣстіе о безпорядкахъ въ семеновскомъ полку, 255. Смуты въ Италіи, 253. Болѣзнь гр. Чернышева, 256—257. Графъ Каподистрія, 257—258. Приготовленія къ итальянской войнѣ, 258. Пребываніе въ Угорской Руси, 259—261. Венгерцы, 260—261. Возвращеніе въ Петербургъ, 261. Поѣздка съ государемъ въ Бешенковичи, 597—598. Осмотръ государемъ гвардейскаго корпуса, 597—598. Обѣдъ отъ корпуса, 598. Путешествіе въ Вильно, 598—600. Село Романшино и его владѣтель—марк. де-Траверсе, 599. Путешествіе государя на Вероискій конгрессъ, 600—608. Сынъ Наполеона I, 600. Пребываніе въ Инсбрукѣ, 601—602. Пребываніе въ Веронѣ, 602—604. Дворецъ Наполеона въ Падуѣ, 604—605. Театръ Фениче въ Венеціи, 605. Путешествіе съ государемъ по Россіи, 606. Отецъ Амфилогій, 610. Пребываніе въ Орлѣ, 611. Осмотръ военныхъ поселеній, 611. Парадъ близъ Брестъ-Литовска, 611. Маневры, 612. Ушибъ государя, 612. Арсенальная слобода, 613—614. Опасность путешествія въ Бессарабіи, 615. Осмотръ арміи въ Тульчинѣ, 616—617. Несчастное происшествіе и болѣзнь бар. Виллié, 617. Вниманіе государя къ баронету, 618—620. Предложеніе вознагражденія отъ Виллié, 622—623. Выздоровленіе Виллié и благодарность отъ государя, 623—625. Награды, 624—625. Болѣзнь императора, 625—

632. Награжденіе, 632. Бракосочетаніе вел. кн. Михаила Павловича, 632—633. Выздоровленіе государя, 633. Свиданіе его съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, 634. День императора въ Царскомъ Селѣ, 636—637. Софія Нарышкина и привязанность къ ней Александра I, 638—639. Смерть Софіи и горесть императора. Поѣздка въ Грузино, 641. Императорскій кабинетъ въ домѣ Аракчеева, 641. Село Грузино, 642—643. Штабъ полка гр. Аракчеева, 644. Полковой госпиталь, 644—645. Пребываніе въ Романшинѣ, 645.

Тарбѣевъ, ген.-маіоръ, витеб. губернат. 1800 г. Характеристика его, т. IV, 341. Уп. т. IV, 343.

Тарквини, пѣвица, т. III, 204.

Татариновъ, Мих., смотрит. новгородскаго острога 1825 г., т. IV, 278.

Татищева, Анна Алексѣев., въ замуж. Панина, фрейлина императрицъ Анны и потомъ Елизаветы, † 1764 г., т. III, 469.

Татищевъ, губерн. прокуроръ. Циркуляръ на его имя кн. А. Б. Куракина 1796 г., т. III, 531.

Татищевъ, Алексѣй Венед., ген.-поруч., т. III, 468.

Татищевъ, Алексѣй Дан., ген.-аншефъ, ген.-полицмейст. въ Петербургѣ, † 1760 г., т. III, 469.

Татищевъ, Никол. Алексѣев., ген. отъ инфант., р. 1736 † 1825 г., т. III, 468.

Таубе, бар., членъ совѣта шведс. регентства 1792 г., т. III, 697.

Таубе-фонъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, Ландратъ, т. III, 45.

Телегинъ, придворн. пѣвчій, т. III, 427.

Теплова, Серафима, писательница, т. III, 73, 246.

Тепловъ, Григ. Никол., писатель, р. 1720 или 1725 † 1779 г. Разсказы его изъ его юности, т. III, 594—596. Краткій біографическій очеркъ его, т. III, 597—598. Упом. т. IV, 571.

Теплышинъ, профинціальн. секрет., т. IV, 24, 28.

Терентьичъ, кучеръ Екатерины I. Пожалованіе его въ полковники 1724 г., т. IV, 685.

Терлиховъ, Алексѣй Петр., кандид. москов. унив., содержат. пансіона 1816 г., т. IV, 408.

Терлиховъ, Ив. Петр., кандидатъ москов. университета, содержат. пансіона 1816 г., т. IV, 408.

Терскій, статсъ-секрет. при Екатеринѣ II, т. IV, 571.

Тизенгаузенъ, полоцкій полицмейст. 1815 г., т. IV, 367, 368.

Тизенгаузенъ, гр. Еват. Өед., камфрейл. 1852 г., т. III, 434, 465.

Тизенгаузенъ, гр. Елиз. Мих., рожд. Голенищева-Кутузова, р. 1783 † 1839 г., во 2-мъ замужествѣ Хитрово, т. III, 54—56, 434.

Тизенгаузенъ, гр. Ив. Андр., об.-гофмейстеръ, † 1815 г., т. III, 55.

Тизенгаузенъ, гр. Өед. Ив., флиг.-адъют., † 1805 г., т. III, 51, 55.

Тимаевъ, графъ, гусаръ русской службы, т. IV, 487.

Тиммерманъ, Францъ, учитель Петра Великаго, т. IV, 464, 465.

Тимофеевъ, канцелярист., т. IV, 285.

Тимоѳей, москов. митрополитъ 1762 г., т. III, 129.

Тихонравовъ, К. Н. Сообщ. повелѣніе императ. Николая о подвигѣ Вержбицкаго 1838 г., т. III, 792.

Тихонъ, воронежск. епископъ, т. III, 269.

Тоаи, пѣвица 1823 г., т. IV, 603.

Толстая, Анисья NN, гофъ-фрейлина при Екатеринѣ I и Аннѣ Іоанновнѣ, т. III, 466.

Толстая, Дар. Никит., (Никол.?), рожд. Змѣева, р. 1743 † 1791 г., т. III, 274.

Толстая, гр. Евд. Львов., рожд. Измайлова, р. 1711 † 1794 г., т. III, 281.

Толстая, гр. Марія Алексѣев., рожд. кн. Голицына, р. 1772 † 1826 г., статсъ-дама 1826 г., т. III, 42, 279—280.

Толстой, композиторъ, т. III, 449.

Толстой, тобольскій губернат., дѣйств. ст. сов. Указъ объ увольненіи его отъ службы 1797 г., т. III, 629.

Толстой, гр., сенаторъ 1828 г., т. IV, 290.

Толстой, гр. Александ. Петр., кон.-гв. маіоръ, р. 1719 † 1792 г., т. III, 281.

Толстой, Вас. Вор., ст. сов., р. 1706 † 1790 г., т. III, 274.

Толстой, гр. Варѳоломей Вас., камергеръ, † 1838 г. т. IV, 399.

Толстой, гр. Петръ Александ. ген. отъ инфант., р. 1770 † 1844 г., т, III, 42, 279; т. IV, 303.

Толстой, гр. Петръ Андр., дѣйств. тайн. сов., членъ верховн. сов. и президентъ ком.-коллегіи, р. 1645 † 1729 г., т. IV, 448.

Томашевскій, адъют. бѣлорусск. ген.-губернатора 1783 г., т. IV, 148.

Томашевскій, гимназистъ, 1812 г., т. IV, 362.

Томичъ, Влад. Антонов., т. IV. 404.

Томичъ, Евд. Вас., рожд. Зиновьева, т. IV, 404.

Тормасовъ, Петръ Петр., витеб. губернаторъ 1815 г., т. IV, 366.

Торсонъ, морской офиц. 1822 г. Поступокъ съ нимъ адмирала Моллера, т. IV, 460.

Траверсе-де, марк. И. И. (Іоаннъ-Францъ), морской министръ, р. 1754 † 1830 года. Пребываніе у него императ. Александра I. т. IV, 599, 645.

Требартенскій, Савва, монастырскій казначей. Судъ его надъ чернецомъ, т. III, 126—127.

Тредьяковскій, Вас. Кирил., стихотворецъ, т. III, 216, 228, 606; т. IV, 520.

Трейденъ, въ замуж. Бисмаркъ, камфрейлина при императрицѣ Аннѣ, т. III, 461.

Третьяковъ, т. III, 540.

Трипольскій, Ив. Григ., ректоръ семинаріи въ Воронежѣ, † 1807 г., т. III, 265, 395, 396, 405; т. IV; 216—217.

Троицкій, авторъ «Исторіи гор. Ярославля», т. III, 537.

Трощинскій, Дмитр. Прокоф., членъ государ. сов. 1814—1817 гг., † 1829 г., т. IV, 80, 303.

Трощинскій, статсъ-секрет. Екатерины II, т. IV, 571.

Трубецкая, кн. Аграф. Ив., въ замуж. кн. Волконская, † 1794 г., т. IV, 695—696.

Трубецкая, кн. Анна Серг., въ замуж. гр. Строгонова; р. 1765 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 395.

Трубецкая, кн. Екат. Петр., въ замуж. гр. Строгонова, р. 1744 † 1815 г., фрейлина Екатерины II, т. IV, 67.

Трубецкая, кн. Екат. Серг., въ замуж. гр. Самойлова; р. 1763 † 1830 г., фрейлина 1782 г., т. IV, 394.

Трубецкая, кн. Елена Вас., рожд. кн. Несвицкая, † 1831 г., т. IV, 394, 395.

Трубецкая, кн. Нат. Вас., рожд. кн. Хованская, т. IV, 67.

Трубецкой, князь, выстроившій Чолнскій Спасскій Трубчевскій монастырь въ XVI столѣт., т. III, 410.

Трубецкой, кн. Никита Юрьев., ген.-прокуроръ и ген.-фельдмарш., род. 1700 † 1768 г. Вражда его къ герц. Бирону, т. III, 547. Ук. т. III, 273; т. IV, 695—696.

Трубецкой, кн. Петръ Никит., дѣйст. тайн. совѣт. и сенаторъ, р. 1724 года, т. IV, 67.

Трубецкой, кн. Серг. Алексѣев., полковникъ, т. IV, 394, 395.

Тулубьевъ, Александ. Дмитр., поруч. л.-гв. семенов. полка. Расправа съ его дворовымъ человѣкомъ, 1818 г., т. IV, 416—418.

Туманскій, Вас. Иван., поэтъ. Его стихотв. «Паденіе листьевъ», т. IV, 441—442. Упом. т. IV, 495.

Турбинъ, Серг. Ив., т. III, 646.

Тургенева, Анна Ѳед., рожд. Ушакова, т. III, 282.

Тургеневъ, адъютантъ при герцогѣ Алекс. Виртембергскомъ 1810 г., т. IV, 347, 369.

Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, т. III, 366.

Тургеневъ, Николай Ивановичъ, декабристъ, т. III, 366.

Тургеневы, братья, т. IV, 492.

Турчаниновъ, статсъ-секрет. Екатерины II, т. IV, 571.

Турчаниновъ, Анд. Петр., полковн. 1808 г., т. III, 209, 210.

Туръ-Таксисъ, кн., уполномоченный императ. Леопольда II, т. III, 614.

*

Тутолминъ, олонецкій и арханг. губернат. 1786 г., т. IV, 190.

Тутолминъ, Тимоф. Ив., тверск. губернат. 1781 г., а въ 1795 г. ген.-губернаторъ тверской, минскій, волынскій, подольскій и брацлавскій, т. IV, 575.

Тучковъ, П. А., ген.-маіоръ, т. III, 241; т. IV, 409.

Тышкевичъ, графъ, 1816 г., т. IV, 490.

Тюрпинъ, гр., писатель, т. IV, 572.

Тютчевъ, полковн., растрѣлянный по приказанію Миниха, т. III, 416.

Тютчевъ, Ив. Никиф., дѣйств. ст. сов. 1772 г., т. III, 416.

Тютчевъ, Никол. Анд., маіоръ, 1772 г., т. III, 416.

Тютчевъ, Ѳад. Петр., помѣщ. 1772 г. Его образъ жизни и гостепріимство, т. III, 412—416.

Тюфякинъ, кн. Петръ Ив., р. 1769 † 1845 г., т. IV, 401, 595.

Тяленковъ, управляющій, т. III, 52.

У.

Уварова, Е. А., предсѣдательница патріотическаго общества, т. III, 387.

Уваровъ, сенаторъ 1828 г., т. IV, 290.

Уваровъ, гр. Серг. Сем., мин. народн. просвѣщ. 1833—1848 гг., т. III, 114; т. IV, 501.

Уваровъ, Ѳед. Петр., ген. отъ кавал., ген.-адъют., р. 1769 † 1824 г., т. III, 51; т. IV, 548, 598, 661.

Угрюмова, авантюристка, участвовавшая въ заговорѣ противъ короля Станислава Понятовскаго, т. III, 475, 477.

Удино, французъ. маршалъ 1812 г., т. IV, 487.

Ульяновъ, Яковъ, слуга, т. IV, 51—53.

Улыбышевъ, авторъ біографіи Моцарта, т. III, 451, 452, 454.

Урусова, кн. Соф. Вас., рожд. Зиновьева, т. IV, 404.

Урусовъ, кн. Александ. Степанов., т. IV, 404.

Устряловъ, Никол. Герас., историкъ, † 1870 г. Сообщенная имъ переписка Петра III съ Фридрихомъ Великимъ 1762 г., т. III, 283—309. Портретъ Петра I, выбранный имъ для V тома «Исторіи царствованія Петра I», т. III, 115.

Утинъ, Н. И., граверъ 1843 г., т. IV, 676.

Ухватовъ, Петръ, сельскій казначей у Аракчеева, т. IV, 272, 273, 274, 281, 283.

Ушакова, гр. Екат. Анд., въ замуж. гр. Чернышева, р. 1715 † 1779 г., фрейлина 1730 г., т. III, 467.

Ушакова, гр. Елена Леонт., рожд. Кокошкина, вдова Апраксина, т. III, 467.

Ушакова, Марія Ив., т. IV, 148.

Ушаковъ, т. III, 202.

Ушаковъ, гр. Анд. Ив., ген.-аншефъ, начальникъ тайн. канцеляріи, † 1747 г., т. III, 467, 280; т. IV, 690.

Ф.

Фабри, Адгемонъ, епископъ женевскій XII вѣка, т. IV, 449.

Фабриціанъ, генеральша, помѣщица 1787 г., т. IV, 192.

Фальконетъ, художникъ. Изваянная имъ статуя Петра Великаго 1782 г., т. IV, 295.

Федоровъ, Борисъ, литераторъ, т. IV, 501.

Фелькъ, баронъ, гусарск. поруч. 1780 г., т. IV, 121, 124, 127—131.

Фельднеръ, Влад. Ив., ген.-лейт. † 1871 г. Некрологъ его, т. III, 536.

Фердинандъ, принцъ прусскій, т. III, 302.

Ферзенъ, гр. Ив. Евстаф., ген. отъ инфант., директ. Сухопутнаго кадет. корпуса, † 1800 г. Покровительство его Ѳ. В. Булгарину, т. IV, 515—516.

Фернандецъ, донъ Педро-Ноласко, испанецъ, т. IV, 54.

Ферреро, опери. артистъ. Его письмо къ Ѳ. М. Толстому 1871 г., т. III, 456. Упом. т. III, 450.

Ферри де-Пиньи, франц. журналистъ. Письмо къ нему Н. И. Греча о жизни и сочиненіяхъ Ѳ. В. Булгарина, т. IV, 514—520.

Фетто, маіоръ русск. службы 1762 г., т. III, 306.

Финкельмонъ, гр., австр. посланникъ, т. III, 425.

Фивельмонъ, графиня, жена посланника, т. III, 434.

Филаретъ, (Дроздовъ), москов. митрополитъ, т. IV, 229.

Филимоновъ, кузнецъ Аракчеева, т. IV, 272.

Флери, Елиз. Ив., рожден. Глинка, т. IV, 55.

Фліоринскій, Кирилла, архіерей сѣвской епархіи. Назначеніе его архіереемъ 1768 г., т. III, 140. Біографическія свѣдѣнія о немъ, т. III, 140. Его ученость и характеръ, т. III, 141. Мнѣніе его о своей учености, т. III, 143. Поѣздка въ Кіевъ, т. III, 144—151. Поднесеніе греками императала и отвѣтъ архіерея, т. III, 145. Неуваженіе къ нему протопопа Дубянскаго, т. III, 145—146. Посѣщеніе кіевск. монастырей, т. III, 148. Упрямство, т. III, 149—150. Поступки во время священнодѣйствія, т. III, 150, 252. Учрежденіе ставленческой конторы, т. III, 151. Обученіе пѣвчихъ латыни и ариѳметикѣ, т. III, 252. Значеніе кубика на урокахъ ариѳметики, т. III, 153. Объѣздъ по епархіи, т. III, 153—154. Проповѣди противъ старовѣровъ въ Рыльскѣ, т. III, 153—154. Празднованіе именинъ, т. III, 154—159. Поѣздка въ Кромы и уничтоженіе изображенія св. Пятницы, т. III, 159—160. Встрѣча, устроенная орловскими жителями, т. III, 160. Пиры, т. III, 247. Проповѣди и слухи, распространенные на счетъ архіерея орловскимъ купцомъ, т. III, 247—248. Странности преосвященнаго, т. III, 259—261; 655. Слухи о его помѣшательствѣ, т. III, 262. Лунатизмъ, т. III, 262—264. Поступокъ въ домѣ камерг. Сафонова, т. III, 267. Поѣздка въ Молчанскую пустынь, т. III, 268. Споръ съ Гриневымъ, т. III, 269—270. Мнѣніе Сафонова объ архіереѣ, т. III, 270. Доносъ на него въ синодъ, т. III, 404. Своевольная расправа съ доносчикомъ, т. III, 404. Запросъ отъ синода и унынie, т. III, 404—405. Задабриваніе членовъ синода, т. III, 405—406. Возвращеніе къ прежнему образу жизни, т. III, 406—407. Поѣздка въ Площанскую пустынь, т. III, 407—409. Пребываніе въ Трубчевскѣ, Брянскѣ и Карачевѣ, т. III, 409—420. Наказаніе иподьякона, т. III, 410—411. Посѣщеніе монастырей и снятіе украшеній съ образа св. Николая, т. III, 562—563. Исправленіе Касагова, т. III, 564. Въ гостяхъ у помѣщика Сафонова, т. III, 573—576. Стихотворство, т. III, 578—580. Коммисія для изслѣдованія поступковъ архіерея, т. III, 581. Встрѣча членовъ коммисіи, т. III, 582. Производство Добрынина въ канцеляристы, т. III, 583. Пребываніе у Сафонова, т. III, 584—586. Отношенія къ Анат. Мелесу, т. III, 587. Поѣздка въ Глуховъ, Кромы и Орелъ, т. III, 588—591. Отзывъ объ Анатоліи Мелесѣ, т. III, 591. Болѣзнь, т. III, 592. Обозрѣніе епархіи, т. III, 651. Столкновеніе съ трубчев. воеводою, т. III, 651—653. Переписка съ преосвященнымъ Миславскимъ, т. III, 653—654. Отставка, т. IV, 125. Пребываніе въ Могилевѣ, т. IV, 204—207. Смерть 1794 г., т. IV, 207.

Фліоринскій, Петръ, студентъ, т. III, 395.

Фокенеръ, дипломатическ. агентъ англ. кабинета 1791 г., т. III, 623.

Фокъ-фонъ, И. Я., дѣйств. стат. совѣт., т. IV, 499.

Фокъ-фонъ, Максимъ Яковл., директоръ канцел. мин. внутр. дѣлъ, † 1831 г. Отзывы о немъ Н. И. Греча, т. IV, 502—503, 507, 508, 509.

Фомина, Елена, дворовая женщ., участвов. въ загов. на убійство Шумской, т. IV, 264, 274, 285, 286.

Фонъ-Визина, Варв. Александ., рожд. Давыдова, т. IV, 573.

Фонъ-Визина, Марія Вас., рожд. Толстая, р. 1757 † 1798 г., т. IV, 573.

Фонъ-Визина, Марья Петр., рожд. Лопухина, т. IV, 573.

Фонъ-Визинъ, Ден. Ив., писатель, р. 1744 † 1792 г., т. III, 65, 205; т. IV, 314, 495, 681.

Фонъ-Визинъ, Ив. Серг., московскій губернаторъ, т. IV, 573.

Фонъ-Визинъ, Мих. Александр., декабристъ, т. IV, 573.

Фонъ-Визинъ, Пав. Ив., дѣйств. тайн. сов., директ. москов. университ. 1784 г.,

писатель, р. ок. 1745 † 1803 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ, т. IV, 572—573. Упом. т. III, 207.

Фонъ-Визинъ, Серг. Павл., клинскій уѣздн. предводит. дворянства, т. IV, 573.

Фонъ-Визины, братья — писатели, т. IV, 574.

Фонъ-де-ла, Софья Ив., р. 1717 † 1797 г., ст.-дама 1796 г., т. III, 45.

Фотій, новгород. архимандритъ. Письмо къ нему императ. Александра I по поводу убійства Шумской 1825 г., т. IV, 267. Упом. т. III, 243; т. IV, 262, 268, 444—445.

Франкова, пѣвица, т. III, 204.

Францъ I, австр. императоръ. Эпиграмма на него Рылѣева т. III, 101. Упом. т. III, 52, 55, 164.

Фредериксъ, бар. Дмитрій Петр. убитъ на Кавказѣ, т. III, 459.

Фредериксъ, бар. Цецилія Вас., рожд. гр. Гуровская, † 1851 г., статсъ-дама 1847 г., т. III, 459.

Фридрихъ II, король прусскій. Его переписка съ императоромъ Петромъ III, 1762 г., т. III, 283—309. Заключеніе имъ Тешенскаго договора 1779 г., т. III, 613. Карикатура на него 1778 г., т. IV, 320. Мнѣніе его о полякахъ, т. IV, 493. Упом. т. IV, 104, 112, 113.

Фурманъ, Петръ Роман., писатель, † 1856 г. Письма къ нему О. И. Сенковскаго, т. III, 528—529.

Фурсовъ, орлов. купецъ 1788 г., т. IV, 209, 211, 213, 218—220.

X.

Хабаровъ, торопецкій купецъ, т. VI, 102.

Хаминкъ, Егоръ Ив., провинціальн. секретарь 1777 г., т. IV, 7, 150—153.

Хаминкъ, Ив. Семен., долнеръ Рогачевской таможни, 1777 г., т. IV, 4—8, 15, 149—153.

Хановъ, генералъ-штабъ-докторъ 1823 г. Пожалованіе ему 2000 десят., т. IV, 617. Упом. т, IV, 615, 616.

Хапыковъ, В. В., т. III, 728.

Хвостова, Екат. Александр., рожд. Сушкова, р. 1812 † 1868 г., составительница записокъ, т. IV, 39.

Херасковъ, Мих. Матв., писатель, р. 1733 † 1807 г., т. III, 205, 218; т. IV, 572, 574.

Хитрова, Александ. Никол., жена дѣйствит. статс. совѣтн., т. IV, 386.

Хитрова, Анна Алексѣев., фрейлина императрицъ Елизаветы и Екатерины II, † 1795 г., т. IV, 64—65.

Хитрова, Елиз. Мих., рожд. Голенищева—Кутузова, вдова гр. Тизенгаузенъ, т. III, 484.

Хитрова, Е. Н., рожд. кн. Вяземская, т. III, 425.

Хитровъ, 1808 г., т. IV, 201. 203.

Хитровъ, Алексѣй Андр., ген.-лейтенантъ, т. IV, 64.

Хитровъ, Елисей Алексѣев., карачев. воевода, т, III, 420.

Хитровъ, Никол. Захар., государств. контролеръ, т. III, 58.

Хитровъ, Өед. Александр., заговорщикъ 1762 г., Ссылка его, т. IV, 380.

Хмыровъ, Мих. Дмитр. Его замѣтки къ свѣдѣніямъ о С. Г. Домашневѣ. т. III, 205, 206.

Хованская, кн. Е. А., т. IV, 39, 40.

Хованская, кн. Марія Вас., въ замуж. кн. Барятинская, фрейлина Екатерины II, т. IV, 67.

Хованская, кн. Марья Серг., въ замуж. Воговутъ, т. IV, 39.

Хованская, кн. Софья Серг., въ замуж. Кокошкина, т. IV, 39.

Хованскій, кн. Вас. Алексѣев. т. IV, 393.

Хованскій, кн. Вас. Петр., шталмейст. и дѣйств. камергеръ, р. 1694 † 1746 г., т. IV, 67.

Хованскій, кн. Петръ Вас., дѣйств. камергеръ, т. IV, 65.

Хованскій, кн. Юрій Серг., т. IV, 39.

Хомутова, Елиз. Ив., помѣщица, т. IV, 263.

Хомяковъ, Алексѣй Степан., писатель, т. III, 438, 439, 442.

Хоппе, Веньяминъ, лаборантъ монетн. двора 1818 г., т. IV, 416 — 418.

Хорватова, Анна Александ., рожд. Зубова, т. IV, 401.

Хорватова, Екат. Осип., въ замуж. кн. Тюфякина, фрейлина 1795 г., † 1802 года, т. IV, 401.

Хорватовъ, Осипъ Ив., генер.-лейт., екатеринославскій губернаторъ 1794 г., т. IV, 401.

Храповицкій, А. В., ст.-секрет. Екатерины II. Ссылки на его записки, т. III, 469, 725; т. IV, 171. Уп. т. IV, 571, 572.

Храповицкій, с.-петерб. ген.-губернаторъ, т. III, 389.

Хрептовичъ, 1806 г., т. III, 57.

Хрептовичъ, графъ, тайн. совѣт., т. III, 45.

Хрептовичъ, гр., владѣтель мѣстечка Бешенковичи, 1821 г., т. IV, 597.

Хрущовы, ученики пансіона Терликовыхъ 1816 г., т. IV, 408.

Ц.

Целирицкій, надворн. совѣт., полков. врачъ 1818 г., т. IV, 238, 239.

Циммерманъ, докторъ 1785 г., т. III, 464.

Цыбульскій, Николай, авторъ стих. «Мысль россіянина о свободѣ», т. IV, 671—672.

Цѣликовскій, могилев. стряпчій 1795 года, т. IV, 178, 320, 321, 327, 328.

Ч.

Чаадаевъ, т. III, 438.

Чаадаевъ, ротмистръ 1820 г., т. IV, 543.

Чаплицъ, маіоръ 1789 г., т. IV, 218, 219, 220.

Чапскій, гр. Эмерикъ Карлов. Сообщ. письма Екатерины II къ гр. О. М. Стакельбергу 1773—1793 гг., т. III, 310—325; 474—484; 605—627; 689—699.

Чарторижскій, кн. Адамъ-Казиміръ, польскій посолъ въ Петербургѣ, р. 1733 † 1823 г., т. III, 20, 320, 325.

Чарторижскій, кн. Адамъ Адамов., приближенный Александра I. Письмо къ нему В. Н. Каразина о Сербахъ, т. III, 700—718. Упом. т. III, 324.

Чебышовъ, оберъ-прокуроръ синода 1772 г., т. III, 406, 407.

Чевкинъ, губернат. Каменецъ-Подольска, т. III, 202.

Челищевъ, Алексѣй Богдан., тайн. сов. и сенаторъ, род. 1744 † 1806 г., т. IV, 64.

Черемисиновъ, могилевскій губернаторъ 1793 г. Его недалекость, т. IV, 307, 308, 312—313. Уп., т. IV, 121, 323.

Чернышовъ, бар. Александр. Иванов., дѣйств. тайн. сов., президентъ медицинской коллегіи, т. III, 542.

Чернышовъ, бар. Ив. Антон., каб.-министръ, † 1752 г., т. IV, 692.

Чернышовъ, бар. Ив. Ив., ген.-кригсъкомм., вице-адмиралъ, р. 1732 † 1811 г., т. IV, 383.

Черкасская, кн. Варв. Алексѣев., камфрейлина импер. Елизаветы, т. III, 461.

Черкасская, кн. Дарія Александ., т. IV, 396.

Черкасскій, кн. Алексѣй Мих., государств. канц. и кабинетъ-министръ, род. 1680 † 1742 г. Вражда его къ герц. Бирону, т. III, 547.

Черновъ, убившій на дуэли В. Д. Новосильцева въ 1825 г., т. IV, 397.

Чернышова, гр. Анна Александров., рожд. Исленьева, т. IV, 391, 399.

Чернышова, гр. Анна Ив., въ замуж. Плещеева, фрейлина Екатерины II, † 1817 года, т. IV, 399.

Чернышева, гр. Анна Ирод., рожд., Ведель, р. 1744 † 1830 г., Принятіе ею у себя императр. Екатерины, т. IV, 191. Отрывокъ изъ письма ея въ москов. благород. собраніе по поводу вылитія статуи Екатерины II, 1810 г., т. IV, 193. Упом. т. IV, 195.

Чернышева, гр. Екат. Анд., рожд. гр. Ушакова, р. 1715 † 1779 г., т. III, 42, 122, 275, 280.

Чернышева, гр. Екат. Ив., въ замуж. Вадковская, фрейлина Екатерины II, т. IV, 391.

Чернышева, кн. Елиз. Никол., рожд.

гр. Зотова, статсъ-дама 1837 г., т. III, 457—458.

Чернышевъ, кн. Александ. Ив., воен. министръ, р. 1786 г., т. III, 236, 237, 322, 457; т. IV, 256—257, 497, 620.

Чернышевъ, гр. Зах. Григ., ген.-пор., бѣлорусскій ген.-губерн., р. 1722 † 1784 г. Біографическая замѣтка о немъ, т. III, 287. Устройство имъ почтъ и почтовыхъ дорогъ въ Бѣлоруссіи, т. IV, 1—2, 11. Назначеніе его намѣстникомъ бѣлорусскаго края, т. IV, 103. Его горячность, т. IV, 108. Ссоры его къ кн. Потемкинымъ, т. IV, 116—117. Назначеніе его московскимъ главнокомандующимъ 1781 г., т. IV, 137. Сожалѣніе о немъ его подчиненныхъ, т. IV, 137. Смерть его и сожалѣніе о немъ москов. жителей, т. IV, 188. Уп. т. III, 290, 299, 309, 665, 674; т. IV, 98, 114, 135, 199, 382, 695.

Чернышевъ, гр. Ив. Григ., ген.-фельдмарш. по флоту, р. 1726 † 1797 г., т. III, 680; т. IV, 61, 195, 399

Чернышевъ, Ив. Львов., ген.-маіоръ, р. 1736 † 1793 г., т. III, 322, 323; т. IV, 392.

Чернышевъ, гр. Петр. Григ., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1712 † 1773 г., т. III, 42, 122, 124, 131, 133, 139, 275, 280, 467.

Чернышевъ, Өед. Серг., авторъ сказки «Царь Русскій и Царь Нѣмецкій», т. III, 444.

Четвертинская, княгиня, т. IV, 485.

Четвертинская, кн. Жанета Ант., въ замуж. Вышковская, † 1854 г., фрейлина Екатерины II, т. III, 792; т. IV, 402.

Четвертинская, кн. Марья Ант., въ замужествѣ Нарышкина, † 1854 г., фрейлина Екатерины II, т. III, 791—792; т. IV, 402.

Четвертинскій, кн. Антоній-Станиславъ, каштелянъ перемышлинскій, т. IV, 492.

Четвертинскій, кн. Борисъ Антон., оберъ-штальмейстеръ, † 1865 г. Разсказъ о немъ Давыдова, т. III, 791—792.

Чечерикъ, Никол. Ив., т. III, 686.

Чирьевъ, Петръ Никифор., откупщикъ 1784 г. Дѣло его съ г.-губ. Пассекомъ, т. IV, 177—183. Уп., т. IV, 115.

Чистяковъ, М. В. Сообщ. народное преданіе о Брюсѣ, т. IV, 167—170.

Чихачевъ, П. Я., помѣщикъ 1791 г., т. III, 727, 728.

Чихачевъ, полицмейст. 1825 г., т. III, 243.

Чичеринъ, с.-петерб. об.-полицмейстеръ, т. IV, 127, 135.

Чоглокова, Вѣра Никол., въ замуж. гр. Минихъ, р. 1752 г., фрейлина 1764 г., т. IV, 380, 381.

Чоглокова, Екат. Никол., въ замуж. Рославлева, фрейлина при Екатеринѣ II, р. 1746 † 1794 г., т. IV, 380, 381.

Чоглокова, Елиз. Никол., въ замуж. Раевская, р. 1746 † 1771 г., фрейл. 1764 г., т. IV, 380—381.

Чоглокова, Марія Симон., рожд. гр. Гендрикова, р. 1723 † 1754 г., об.-гофмейстерина 1746 г., т. IV, 380, 381.

Чоглокова, Софія Никол., въ замуж. Загряжская, р. 1750 † 1775 г., т. IV, 381.

Чоглоковъ, Никол. Наумов., дѣйств. каммергеръ, т. IV, 380, 381.

Чугаевичъ, Дмитр., Роман., стряпчій могилев. земскаго суда, † 1788 г. Его отношенія къ Г. И. Добрынину, т. IV, 138—139, 141—143, 183—186, 207.

Чудовскій, бѣлорусскій помѣщикъ 1793 года, т. IV, 319.

Чулковъ, Вас. Ив., метръ-де-гардеробъ, впослѣд. ген.-аншефъ, † 1775 г., т. IV, 693.

III.

Шаликовъ, кн. Петръ Ив., литераторъ, р. 1768 † 1852 г. Эпиграммы на него Д. В. Давыдова, т. IV, 420. Упом. т. IV, 445, 678.

Шамиль, имамъ кавказскій, т. IV, 10—14.

Шатобріанъ, франц. писатель, т. III, 19, 20.

Шатовъ. Письмо его въ редакцію о мѣстѣ для памятника Пушкину, т. IV, 173—176.

Шафирова, бар. Анна Исаевна въ замуж. Власова, фрейлина 1756 г., † 1783 году, т. IV, 66.

Шафирова, Евд. Андр., рожд. Измайлова, т. IV, 61, 66.

Шафирова, бар. Екат. Исаевна, въ замуж. кн. Волконская, фрейлина Екатерины II, † 1795 г., т. IV, 66.

Шафирова, бар. Марія Исаевна, въ замуж. Ладыженская, фрейлина 1756 г., р. 1739 † 1799 г., т. IV, 66.

Шафирова, бар. Марѳа Исаевна, въ замуж. Петрово-Соловово, фрейлина 1756 года, т. IV, 61.

Шафировъ, бар. Исаія Петр., ст. сов., т. IV, 61, 66.

Шафировъ, бар. Петръ Павл., вице-канцлеръ, т. IV, 61, 66, 447.

Шаховская, кн. Дарія Алексѣев., рожд. гр. Мусина-Пушкина, статсъ-дама 1854 г., т. III, 460.

Шаховской, кн. Александ. Александр., комикъ, р. 1777 † 1846 г., т. III, 220, 226, 230, 236, 367.

Шаховской, кн. Ив. Леонт., ген. отъ инфант., членъ госуд. совѣта, р. 1777 г., т. III 39, 460.

Шаховской, кн. Як. Петр., дѣйств. тайн. сов., ген.-прокуроръ, р. 1705 † 1777 г., т. III, 537, 638.

Шванвичъ, сообщникъ Пугачева, т. IV, 387.

Шванвичъ, Василій, кронштадтскій комендантъ. Отношенія его къ Орловымъ, т. III, 677; т. IV, 387.

Шванвичъ, Назарета Вас., игуменья тверского Рождественскаго монастыря, т. IV, 386.

Шварцъ, команд. семеновскаго полка 1820 г. Его реформы въ полку и жестокость въ отношеніи солдатъ, т. IV, 534—535. Возмущеніе противъ него полка и дѣйствія его во время возмущенія, т. IV, 535—544. Упом. т. III, 17; т. IV, 555.

Шверинъ, гр., повѣренный короля прусскаго 1762 г., т. III, 291, 295, 298.

Шевыревъ, Степ. Петр., литераторъ 1846 г. Выписки изъ критической статьи его на «Поѣздку въ Германію» Греча, т. IV, 525. Сатирическая статья на него, т. IV. 527—532. Упом., т. IV, 526—527.

Шелиховъ, полковн. 1820 г., т. IV, 655.

Шеллингъ, писатель, т. IV, 529.

Шемаевъ, оперн. пѣвецъ, т. III, 455.

Шембенъ, епископъ Плоцкій 1786 г., т. III, 477.

Шепелева, Мавра Егоров., въ замуж. гр. Шувалова, р. 1708 † 1759 г., т. III, 471.

Шепелева, Дарья Ив., рожд. Глѣбъ т. IV, 59.

Шепелевъ, Дмитр. Анд., об.-гофмаршалъ 1749 г., † 1759 г., т. III, 531; т. IV, 59.

Шепелевъ, Петръ Амміев., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1737 † 1828 г., т. IV, 390.

Шепингъ 1820 г., т. IV. 653.

Шепингъ-фонъ, бар. Іоганнъ-Эрнестъ, приверженецъ Карла Саксонскаго, т. III, 272.

Шереметева, гр. Анна Петр., фрейлина императрицъ Елизаветы и Екатерины II; р. 1744 † 1768 г., т. IV, 65.

Шереметева, гр. Варв. Алексѣев., рожд. кн. Черкасская, р. 1711 † 1767 г., ст.-дама 1743 г., т. IV, 65.

Шереметева, Марѳа Вас., въ замуж. Балкъ, р. 1724 † 1792 г., фрейлина 1742 г., т. III, 469.

Шереметевъ, полковн. кавалерг. полка 1820 г., т. IV. 655, 661, 665.

Шереметевъ, гр. Бор. Петр., фельдмаршалъ, р. 1652 † 1719 г., т. III, 84, 88.

Шереметевъ, гр. Петръ Борис., ген.-аншефъ и об.-камергеръ, р. 1713 † 1788 г., т. III. 687; т. IV, 65.

Шестакова, Людм. Ив., рожд. Глинка, т. IV, 46, 56.

Шетнева, рожд. Матюшкина, т. III, 48.

Шетневъ, Никол. Лаврент., ген.-поручикъ, т. III, 48.

Шешковскій, Степ. Ив., тайн. сов. и политич. сыщикъ, р. 1720 † 1794 г., т. III, 647; т. IV, 576.

Шимановскій, Никол. Викт., владимирскій помѣщикъ, т. IV, 696.

Шишкова, Елиз. Ник., рожд. Батюшкова, т. III, 211.

Шишковъ, Пав. Алексѣев. т. III, 211,

Шишковскій, надворн. совѣт. 1784 г., т. IV, 178, 184—188.

Шишовъ, отстав. сержантъ 1763 г., т. III, 554.

Ширинскій-Шихматовъ, кн., Плат. Александр. † 1853 г., мин. народн. просвѣщенія. Его распоряженіе о преподаваніи Русской Исторіи 1850 г., т. III, 393—394.

Ширяевъ, Алексѣй Вас., рыльскій мѣщанинъ, т. III, 255.

Ширяевъ, Валер. Ѳед., капит., т. III, 367, 368.

Ширяевъ, книгопродавецъ 1835 г., т. III, 528.

Шихматовъ, писатель, т. III, 233, 235.

Шишкинъ, дѣйств. стат. сов., витеб. губернаторъ 1807 г. Характеристика его, т. IV, 341—342. Упом. т. IV, 343.

Шишкова, рожд. Лобаршевская, т. IV, 495.

Шишковъ, Александ. Семен., адмиралъ, государствен. секретарь, р. 1754 г. † 1841 г. Сочиненная имъ «Эпитафія Суворову», т. IV, 588—590. Упом. т. III, 221, 227 230; т. IV, 68, 79, 80, 495, 682.

Шкурина, Анна Григ., т. IV, 386, 389.

Шкурина, Марія Вас., (во инок. Павла), р. 1755 † 1824 г., фрейлина 1769 г., т. IV, 386—387.

Шкурина, Нат. Вас., фрейлина Екатерины II, т. IV, 386, 389.

Шкуринъ, Вас. Григ., дѣйств. камерг., бывшій гардеробмейстеръ при в. кн. Екатеринѣ II, т. IV, 386, 389.

Шлемовичъ, Давидъ, еврей, т. IV, 330.

Шлиппенбахъ, Констан. Антон., полковн. 1830 г., т. IV, 505.

Шмитъ, Фридрихъ, саксонск. живописецъ, нарисовавшій портретъ Суворова, т. IV, 676.

Шмунеръ, докторъ, т. IV, 618.

Шпрингъ-Портенъ, т. III, 58, 203.

Шпыневъ, канцел. секретарь, 1777 г., т. IV, 15, 16, 18, 149.

Шрамковъ, полков. командр. 1845 г., т. III, 8.

Штакельберги, см. Стакельберги.

Штединкъ, 1807 г., т. III, 56.

Штейнбокъ, графъ, т. III, 540.

Штелинъ, академикъ, т. III, 65, 114.

Шторхъ, писатель, т. III, 25.

Штубенъ, адъютантъ короля прусскаго 1762 г., т. III, 287, 288.

Шуазёль-Гуффье, гр. Антонъ-Людвигъ-Октавъ, перъ Франціи, р. 1773 † 1840 г., т. IV, 400.

Шуазель-Гуффье, графиня, рожд. Тизенгаузенъ, т. IV, 400.

Шубинскій, С. И. Статья его: «Арестъ и ссылка Бирона», т. III, 537 — 561.

Шубинъ, полковн., состоявшій при герц. Александрѣ Виртембергскомъ 1818 г., т. IV, 370, 371.

Шувалова, ст.-дама при императр. Елизаветѣ Петровнѣ, т. III, 548.

Шувалова, гр. Анна Анд., въ замуж. кн. Дитрихштейнъ; р. 1775 г., фрейлина Екатерины I, австрійская dame de palais 1797 г., т. III, 399—400.

Шувалова, гр. Екат. Ив., рожд. Костюрина, † 1790 г., т. III, 273.

Шувалова, гр. Екат. Петр., рожд. гр. Салтыкова, р. 1743 † 1816 г., статсъ-дама 1792 г., т. III, 41—42; т. IV, 395, 400.

Шувалова, гр. Праск. Анд., въ замуж. кн. Голицына; р. 1767 † 1828 г., фрейлина 1784 г., т. IV, 394 — 395.

Шувалова, гр. Софья Григ., рожд. кн. Щербатова, во 2-мъ замуж. гр. де-Шуазкуръ-Бдеорни, т. IV, 636, 639.

Шувалова, гр. Ѳекла Игнат., рожд. Валентиновичъ, вдова гр. Зубова, т. IV, 639.

Шуваловъ, гр. Александ. Ив., ген.-фельдмарш., р. 1710 † 1771 г., т. III, 273, 558; т. IV, 64.

Шуваловъ, гр. Андрей Павловичъ. Сообщ. инструкцію, данную гр. Пав. А. Шувалову императ. Александромъ I въ 1820 г., т. IV, 81—89. Письмо импер. Александра къ франц. королю 1820 г., т. IV, 89—90.

Шуваловъ, гр. Анд. Петр., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1743 † 1789 г., т. III, 41; т. IV, 395, 400, 639.

Шуваловъ, гр. Пав. Анд., ген.-лейт. р. 1777 † 1823 г. Инструкція, данная ему императ. Александромъ I при отправленіи его во Францію 1820 г., т. IV, 81—89.

Шуваловъ, гр. Петр. Ив., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1711 † 1762 г., т. III, 570; т. IV, 64.

Шулепниковъ, адъютантъ при герц. Алекс. Виртембергскомъ въ 1815 г., т. IV, 367—369.

Шумская, (Минкина), Анаст. Өед., домоправительница гр. А. А. Аракчеева. Убійство ея и дѣло по поводу убійства, т. III, 242—244; т. IV, 262—294. Упом. т. IV, 553, 556.

Шумскій, флиг.-адъютантъ, т. III, 242; т. IV, 552, 554, 556, 557, 558.

Шушеринъ, актеръ 1789 г., т. III, 727.

Щ.

Щебальскій, П. К., историкъ. Сочин. его: «Политическая система Петра III», т. III, 299, 578. Выписки изъ статьи его: «Екатерина II, какъ писательница», т. IV, 171.

Щепотьевъ, т. IV, 449.

Щербатова, кн. Дарія Өед. въ замуж. гр. Дмитріева-Мамонова; р. 1762 † 1801 г., фрейлина 1787 г., т. IV, 395—396.

Щербатова, кн. Ирина Мих., въ замуж. Спиридова, р. 1757 † 1827 г., фрейлина 1774 г., т. IV, 387—388.

Щербатова, кн. Марія Александ., рожд. кн. Черкасская, т. IV, 395.

Щербатова, кн. Марія Өед., рожд. кн. Голицына, † 1769 г., т. III, 46.

Щербатова, кн. Нат. Ив., рожд. кн. Щербатова, т. IV, 387.

Щербатовъ, кн. Ив. Андр., дѣйствит. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1696 † 1761 г., т. III, 560.

Щербатовъ, кн. Мих. Мих., историографъ, род. 1733 † 1790 г. Замѣтка его о гор. Родогожѣ, т. III, 122. Записки его «о повреждении нравовъ въ Россіи», т. III, 673—688. Упом., т. IV, 387.

Щербатовъ, кн. Пав. Никол., подполк., р. 1722 † 1781 г., т. III, 46.

Щербатовъ, кн. Пав. Петр., дѣйств. тайн. сов. и камергеръ, р. 1762 † 1831 г., т. IV, 397.

Щербатовъ, кн. Өед. Өед., ген.-поруч., т. IV, 395.

Щербатскій, Тимофей, москов. митрополитъ, т. III, 269.

Щербинина, Анаст. Мих., рожд. кн. Дашкова, т. IV, 695.

Щукинъ, Описимъ, дьякъ. Отношенія къ нему Петра Великаго, т. IV, 685—686.

Щукинъ, Серг. Өед. Разсказъ его о дѣдѣ своемъ — дьякѣ Описимѣ Щукинѣ, т. IV, 686.

Щулепникова, Нат. Вас., рожд. Зиновьева, т. IV, 404.

Щулепниковъ, Никол. Роман. Сообщ. копію съ формулярнаго списка Добрынина, т. IV, 377—378.

Щулепниковъ, Пав. Серг., полковникъ, т. IV, 404.

Э.

Эйлеръ, Александ. Христофор., генер. 1824 г., т. IV, 554, 555, 556, 560.

Эйслеръ, Фанни, танцовщица, т. IV, 600.

Эйхлеръ, генер.-маіоръ 1824 г., т. III, 243.

Экартъ, кавалеръ, т. III, 626.

Эльмптъ, гр. Ив. Карл., ген.-аншефъ, р. 1725 † 1802 г., т. IV, 393.

Эльмптъ, бар. Софія Ив., въ замуж. Турчанинова, фрейлина 1781 г., т. IV, 393.

Эминъ, Н. Ѳ., писатель, т. III, 728.

Эмма, франц. актриса, т. III, 426.

Энгельгардтъ, предсѣдат. палаты въ Могилевѣ 1784 г., т. IV, 186.

Энгельгардтъ, Александра Вас., фрейлина Екатерины II, т. IV, 388.

Энгельгардтъ, Варв. Вас., въ замуж. кн. Голицына, р. 1757 † 1815 г., фрейлина 1771 г., кавалерств. дама 1801 г., т. IV 389.

Энгельгардтъ, Вас. Анд., подполковн., т. IV, 389, 390, 392.

Энгельгардтъ, Екат. Вас., фрейлина Екатерины II, т. IV, 388.

Энгельгардтъ, Марѳа Александ., рожд. Потемкина, т. IV, 389, 390, 392.

Энгельгардтъ, Надеж. Вас., въ 1-мъ замуж. Измайлова, во 2-мъ—Шепелева, р. 1759 † 1834 г., фрейлина 1777 г., т. IV, 390.

Энгельгардтъ, Николай Богд. Назначеніе его могилев. вице-губернаторомъ

въ 1778 г., т. IV, 109. Производство его въ губернаторы 1780 г., т. IV, 121. Упом. т. IV, 127, 130, 141, 147, 179, 187, 340.

Энгельгардтъ, Тат. Вас., въ 1-мъ замуж. Потемкина, во 2-мъ кн. Юсупова, р. 1767 † 1841 г., фрейлина 1781 г., т. IV, 392.

Энгольмъ, ст. сов., инспекторъ с.-петербург. мед.-хирург. академіи 1815 г., т. IV, 231.

Эмма, витеб. помѣщикъ. Разграбленіе французами его имѣнія 1812 г., т. IV, 351, 353, 356.

Эссенъ, ген.-лейт., рижск. воен. губернаторъ 1812 г., т. III, 58.

Эссенъ, гр, Петръ Кирил., ген. отъ инфант., с.-петерб. ген.-губернаторъ, т. III, 389.

Ю.

Юдинъ, рядовой, т. IV, 14.

Юсуповъ, кн. Борисъ Григ., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1696 † 1759 г., т. III, 560.

Юсуповъ, кн. Никол. Борис., дѣйств. тайн. сов., р. 1751 † 1831 г., т. IV, 392,

Юханцовъ, Н. И., дѣйств. стат. совѣт., т. IV, 499.

Я.

Яблоновскій, гр., помѣщикъ 1806 г., т. IV, 285.

Ягужинскій, 1720 г., т. IV, 449.

Якоби, Валерій Иван., академикъ и профессоръ живописи. О картинѣ его «Арестъ Бирона» и перечень его другихъ произведеній, т. III, 540—541, 561.

Яковлева, П. К. Сообщ. біографическій очеркъ начальницы Патріотич. Институт. Л. Ѳ. Вистингаузенъ, т. III, 385—391.

Яковлевъ, т. III, 219.

Яковлевъ, канцелярист Земянскаго уѣзднаго суда, т. III, 630.

Яковлевъ, Матвѣй, дворовый Аракчеева, т. IV, 272.

Яковлевъ, Мих. Лукьян., дѣйств. ст. сов., начальникъ типографіи II отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, 1834 г., т. IV, 42.

Яковлевъ, Петръ Петр., ген.-маіоръ, любимецъ, Петра I, т. III, 278.

Якубовскій, Тих., сѣвскій архіерей. Біографическая замѣтка и отзывъ о немъ А. Т. Болотова, т. III, 135—136. Объѣздъ его по епархіи, т. III, 136—139. Упом. т. III, 121, 133, 141; т. IV, 202.

Якушкинъ, Е. И. Сообщ. оду Рылѣева «Гражданское мужество», т. IV, 562—565.

Яненко, Як. Ѳед., художникъ, т. IV, 45, 48—50.

Яновскій, профес. въ с.-петерб. мед.-хирург. академіи 1815 г., т. IV, 235.

Яншинъ, помѣщикъ, т. IV, 143.

Ѳ.

Ѳадѣевъ, подрядчикъ, т. III, 684.

Ѳедоровъ, Б. М., писатель. Трагедія его: «Смерть Кесарева», т. III, 334. Сообщ. оду, вышитую воспитанницами Смольнаго монастыря для Платона Зубова, т. IV, 299. Разсказъ о Павлѣ I, т. IV, 300—301. Упом. т. IV, 682.

Ѳедоръ Іоанновичъ, царь, т. III, 394.

Ѳеофилактъ, рязан. архіерей, 1814 г. Покровительство его Д. К. Тарасову, т. IV, 226—228.

Ѳеофилъ, черниг. архіерей 1773 г., т. III, 581.

ОГЛАВЛЕНІЕ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1871 ГОДА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ІЮЛЬ. АВГУСТЪ. СЕНТЯБРЬ. ОКТЯБРЬ. НОЯБРЬ. ДЕКАБРЬ.

стр.

I. Кто такой былъ Гедиминъ? † 1345 г. Статья **А. И. Никитскаго** 162

II. Дѣдушка Русскаго флота 1688—1872 гг. Статья **Ѳ. Ѳ. Веселаго** 463

III. Истинное повѣствованіе или жизнь **Гавріила Ивановича Добрынина**, имъ самимъ писанная. Часть вторая и третья. 1777—1823 гг. Сообщ. А. П. Стороженко и Л. Н. Антроповъ. 1, 97, 177 и 305

IV. Воспоминанія моей жизни. Записки почетнаго лейбъ-хирурга **Дмитрія Клементьевича Тарасова**. Главы I—XI. 1792—1824 гг. Сообщ. А. Д. Тарасовъ . . . . . 223 и 597

V. Воспоминанія академика архитектора, д. с. с. **Ивана Ивановича Свиязева**. 1824—1826 гг.: императоръ Александръ I и графъ Аракчеевъ 548

VI. Моя боевая жизнь. Записки войска донскаго генералъ-лейтенанта **Якова Петрова Бакланова**, писанные собственною рукою: служба при Мих. Ник. Муравьевѣ во время польскаго мятежа. 1863—1864 154

VII. Воспоминанія о М. И. Глинкѣ. 1825—1855 гг. **П. А. Степанова** 39

*

стр.

VIII. Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ. 1789—1859 гг.:
I. Біографическій очеркъ, составленный **Н. И. Гречемъ**. Очеркъ первый. 1860 г. Сообщ. Ев. И. Гречъ;
II. Очеркъ второй. 1833 г. III. Цензура и Булгаринъ. 1848—1851 гг. . . . . 483, 514 и **520**

XI. Умъ хорошо, а два—лучше. 1846 г. Статья **А. И. Ге...на**, посвящена В. Г. Бѣлинскому. Сообщ. М. И. С..... . . . . **524**

X. Указы, письма, донесенія, разсказы, замѣтки:
I. Историческіе разсказы и анекдоты изъ русской исторіи, записанные со словъ именитыхъ людей **П. Ѳ. Карабановымъ**. 1672—1762 гг. . . . . 583 и **685**
II. Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Біографическіе списки **П. Ѳ. Карабанова**. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій . . . . . 59 и **379**
III. Царствованіе Петра Великаго:
1. Письма къ Петру I-му отъ его матери и сестры 1693—1694 г. Сообщ. И. Д. Бѣляевъ. 578
2. Указъ о безчестныхъ словахъ 1700 г. Сообщ. И. П. Корниловъ 683
3. Народное преданіе о Брюсѣ, разсказъ **М. В. Чистякова**. 167
4. Замѣтки о родѣ Авраама Веселовскаго. Сообщ. Крамеръ, С. Д. Безобразовъ и кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій . . . . . 447, 419 и 595
IV. Царствованіе императрицы Анны Ивановны:
Распоряженіе о выводѣ во дворцѣ таракановъ. 1730 г. Сообщ. Г. В. Есиповъ 684
V. Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны:
Высочайшій указъ о высылкѣ ко двору мартышки. Сообщ. Т* 587
VI. Царствованіе императрицы Екатерины II:
1. А. В. Суворовъ: донесеніе его о взятіи крѣпости Туртукая. 1773 г. Сообщ. А. Н. Петровъ 590
2. Кохъ, дипломатъ русскаго двора въ XVIII столѣтіи. Сообщ. Н. П. Барышниковъ 171
3. Письмо Радищева объ открытіи памятника Петру Великому. Сообщ. П. А. Ефремовъ 295
4. Сенатскій указъ о публичномъ сожженіи книги: «Вадимъ Новгородскій, трагедія Я. Б. Княжнина». 1793 г. Сообщ. А. Г. Пупаревъ. 91
5. Ода Платону Зубову, вышитая на атласѣ воспитанницами общества благородныхъ дѣвицъ (Смольнаго монастыря). 1790 г. Сообщ. Б. М. Федоровъ. . . 299

стр.

VII. Царствованіе императора Павла:
1. Встрѣча съ императоромъ Павломъ. Сообщ. Б. М. Федоровъ. 300
2. Адвокатъ въ царствованіе императора Павла. Сообщ. А. Г. Пупаревъ. 411
3. Разсказы изъ царствованія императора Павла. Сообщ. Оси... 414
VIII. Князь Александръ Васильевичъ Суворовъ:
1. Донесеніе его о взятіи крѣпости Туртукая (см. выше).
2. Эпитафія Суворову 1800 г. соч. А. С. Шишкова. Сообщ. А. Г. Пупаревъ и Ю. В. Т. . . . . 415 и 588
IX. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ:
О юбилеѣ дня рожденія гр. Милорадовича . . 96 и 459
X. Царствованіе императора Александра Павловича:
1. Первое письмо В. Н. Каразина къ императору Александру Павловичу 22 марта 1801 г. Сообщ. Ф. В. Каразинъ. 68
2. Инструкція императора Александра I-го гр. П. А. Шувалову, при отправкѣ его съ порученіемъ во Францію. 1820 г. Сообщ. гр. А. П. Шуваловъ . . 81
3. Переписка Иларіона Васильевича Васильчикова съ княземъ П. М. Волконскимъ. 1820—1821 гг. Сообщ. кн. П. Д. Волконскій. 646
4. Возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи семеновскаго полка 1820 г. Разсказъ К. Ѳ. Рылѣева. Сообщ. А. Н. Аѳанасьевъ и П. А. Ефремовъ . . . . . 419 и 533
5. Императоръ Александръ I-й въ Угорской Руси. 1821 г. Сообщ. протоіерей К. Кустодіевъ 92
6. Афиша о концертѣ, данномъ высшими сановниками. Шутка 1812—1824 гг. Сообщ. П. А. Ефремовъ . 301
7. Расправа съ дворовымъ человѣкомъ 1818 г. Сообщ. А. Г. Пупаревъ 416
8. Подвижничество цензора Красовскаго въ русской поэзіи. 1819—1823 гг. 440
9. Исправленіе нравственности слѣпыхъ въ Петербургѣ 1823 г. 593
10. Есаулъ Кательниковъ: его отреченіе отъ раскола 1824 г. Сообщ. А. А. Карасевъ 95
11. Убійство любовницы графа Аракчеева — Настасьи Ѳедоровой Шумской. 1825 г. Разсказъ А. Г. Пупарева по подлинному дѣлу, сообщенному А. Н. Неустроевымъ 262
12. Проектъ указа объ одеждѣ лицъ духовныхъ и посланіе къ поповнамъ вслѣдствіе сего указа. 1825 г. Сообщ. А. Н. Неустроевъ 443
X. Царствованіе императора Николая Павловича:
1. Донская артиллерія. 1829 г. Разсказъ В. И. Даля. 445
2. Цѣна на людей 1853 г. Сообщ. А. П. З. 594

стр.

XI. Матеріалы для исторіи русской литературы:

I. Русскіе писатели XVIII-го вѣка:

1) Сергѣй Матвѣевичъ Кузминъ, 2) Павелъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ, 3) графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ. 4) князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ. Статьи М. Н. Лонгинова . . 571, 572, 574 и 681

5. Я. В. Княжнинъ: указъ о сожженіи его трагедіи: «Вадимъ Новгородскій» 1793 г. (см. выше).

4. А. Н. Радищевъ: Письмо его объ открытіи памятника Петру Великому 1780 г. Сообщ. П. А. Ефремовъ (см. выше).

II. Русскіе писатели XIX-го вѣка:

I. Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ:

1. Стихотворенія: а) на рожденіе Я. Н. Бедряги. 1821 г. б) Гражданское мужество; в) Державинъ; г) Цензурные пропуски въ поэмѣ: «Войнаровскій»; д) На смерть сына 1824 г.; е) Предсмертное посланіе къ соузнику въ Петропавловской крѣпости кн. Е. П. Оболенскому, іюнь 1826 г. Сообщ. М. А. Веневитиновъ, В. М. Лазаревскій, Н. И. Пущинъ и Н. К. Пущина (рожд. Рылѣева). Предисловіе и примѣчанія П. А. Ефремова. . . . . 80, 419, 562, 565 и 568

2. Возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи семеновскаго полка 1820 г. Разсказъ К. Ѳ. Рылѣева (см. выше).

II. Денисъ Васильевичъ Давыдовъ:

Эпиграммы: 1) на князя П. И. Шаликова и 2) «Крючковъ изъ кабачка Совы». Сообщ. Л. Н. Майковъ и М. Н. Лонгиновъ. . . . . 440 и 595

III. Николай Алексѣевичъ Полевой:

а) Воспоминаніе о немъ; б) Письма къ нему Греча, Булгарина и о. Іоакинфа Бичурина. 1826—1828 гг. Сообщ. баронъ Ѳ. А. Бюлеръ 674

IV. Николай Васильевичъ Гоголь:

Письмо его къ С. Т. Аксакову. Сообщ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ 681

V. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:

1. Скобелевъ и Пушкинъ: письма Скобелева и стихи приписываемые Пушкину. 1822 — 1824 г. Сообщ. А. Н. Петровъ 667

2. Подписка на сооруженіе памятника Пушкину 595 и 699

VI. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ:

Стихотвореніе его: «Споръ» въ переводѣ А. Дюма (отца) 1858—1859 гг. Посвящено А. П. Ермолову. Сообщ. князь А. А. Суворовъ-Римникскій . . 693

VII. Иванъ Никитичъ Скобелевъ:

Письма Скобелева и стихи Пушкина (см. выше).

стр.

VIII. Филиппъ Филипповичъ Вигель:

Доносъ его на Иринарха Ивановича Веденскаго. 28 апрѣля 1849 г. Сообщ. И. П. Липранди. . . . 697

IX. Петръ Андреевичъ Каратыгинъ:

Посланіе къ Галламъ. 1852 г. 304

X. Александръ Ѳомичъ Вельтманъ:

Біографическій очеркъ М. П. Погодина. . . . . 405.

XI. Михаилъ Александровичъ Бестужевъ:

Некрологъ. † 22 іюня 1871 г. 460

XII. Матеріалы для народной русской словесности:

Пѣвецъ былинъ въ Петербургской губерніи. Сообщ. А. Ѳ. Гильфердингъ 451

XIII. Смѣсь:

О составленіи библіографическаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ съ начала ихъ появленія. Заявленіе В. И. Межова 449

XIV. Алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ» 1871 г. Составленъ Ж. К. Піотровской, подъ наблюденіемъ Е. П. Карновича.

XV. Библіографическій листокъ новыхъ книгъ:

1) Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій, составилъ А. Ѳ. Гильфердингъ. Спб. 1871 г. въ 8-ю д. л. 18 и CXXIX стр., (На оберткѣ VII книги «Русс. Стар.» 1871 г.).

2) Исторія русской словесности. Составилъ И. Порфирьевъ. Часть I. Древній періодъ: Устная и книжная словесность до Петра В. Казань 1870 г., 8 д. л. (тамъ же).

3) Очерки общественнаго движенія въ царствованіе Александра I-го. Соч. А. Н. Пыпина. Спб. 1871 г. въ 8 д. л. (тамъ же).

4) Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Часть I. Составилъ В. И. Водововозъ, и книга для учителей, его же. Спб. 1871 г. въ 8 д. л. (тамъ же).

5) О первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго братства. Посвящается Кіевской Духовной Академіи. 28 сентября 1869 г. Кіевъ 1869 г. (тамъ же).

6) Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи. Составилъ А. И. Хаменко. Черниговъ. 1870 г. (тамъ же).

7) Бесѣды въ обществѣ любителей россійской словесности при императорскомъ московскомъ университетѣ. Вып. 3-й. М. 1871 г. (тамъ же).

8) О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода. 988—1738 гг. Изъ опытовъ изслѣдованія въ исторіи русскаго права, свящ. М. Горчакова. Спб. 1871 г. (на оберткѣ VIII-й кн. «Рус Стар.» 1871 г.).

9) Военно-статистическій сборникъ. Выпускъ IV: Россія. Составленъ офицерами генеральнаго штаба подъ общею редакціею Н. Н. Обручева. Спб. 1871 г. (тамъ же).

10) Сочиненія С. В. Ешевскаго. Изданіе К. Солдатенкова. 3 т. М. 1870—1871 гг. на оберткѣ VIII-й кн. «Русск. Стар.», 1871 г.

11) О томъ какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну отъ польской неволи. Соч. И. Слѣпушкина. Кіевъ (тамъ же).

12) Воспоминаніе объ И. П. Котляревскомъ (изъ записокъ старожила). Полтава (тамъ же).

13) Нѣсколько словъ о первоначальной русской лѣтописи. Соч. им. М. А. Оболенскаго. М. 1870 г. (на оберткѣ IX-й кн. «Русс. Стар.» 1871 г.).

14) Кіевопечерскій Патерикъ, по древнимъ рукописямъ, въ переложеніи на современный русскій языкъ, Маріи Виторовой. Кіевъ. 1870 г. (тамъ же).

15) Памятники новой русской исторіи. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, изданный В. Кашпиревымъ т. I. Спб. 1871 г. (тамъ же).

16) Catalogue de la collection des medailles et monnaies polonaises du comte Emeric Hutten-Czapski. Vol. Спб. 1871 г. въ 4-ю д. (тамъ же).

17) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ, 4 книги, 1870 г. (на оберткѣ X-й кн. «Русск. Стар.» 1871 г.).

18) Записки гетмана Жолкевскаго о московской войнѣ. Издалъ Павелъ Александровичъ Мухановъ. Второе изданіе. Спб. тип. Э. Праца. 1871 г. въ 8 д. л. (на оберткѣ XI-й кн. «Русск. Стар. 1871» г.).

19) Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ шестой. Спб. тип. Ак. Н. 1871 г., б. д. Томъ осьмой. Спб. тип. вт. отд. 1871 г., б. 8 д. (тамъ же).

20) Юбилей Михаила Александровича Максимовича (1821—1871 гг.). Кіевъ, Унив. тип. 1871 г., 12 д. л. (тамъ же).

21) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Томъ I. Спб. тип. А. Траншеля. 1872, 8 д. на оберткѣ XII-й кн. «Русск. Стар.» 1871 г.).

22) Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. 862—1852 гг. Соч. П. Полеваго. Гравюры исполнены Л. А. Сѣряковымъ. Спб. 1872 г. 8 д. л (на оберткѣ XII-й книги «Русской Старины» 1871 г.).

23) Лѣтопись по Ипатскому списку. Изданіе Археографической комиссіи. Спб. 1871 г. б. д. л. (тамъ же).

24) Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку. Фотолитографическій снимокъ—изд. Археографической комиссіи, по предложенію ея предсѣдателя П. А. Муханова. Спб. въ 4 д. 1871 г. (тамъ же).

25) Лѣтопись занятій Археографической комиссіи за четыре года. Выпускъ пятый. Спб. б. 8 д. 1871 г. (тамъ же).

26) Приходскій священникъ А. В. Гумилевскій. Біограф. очеркъ состав. Соколовъ. Изд. А. Соколова. Спб. 1871 г. въ листъ съ портретомъ (тамъ же).

Приложенія къ четвертому тому «Русской Старины»:

I. Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ. 1738—1794 гг. **Томъ второй**, части: XI, XII, XIII и XIV. 1765—1771 гг. стр. 577—1120; съ приложеніемъ въ текстѣ двухъ виньетокъ.

Это вторая половина второго тома «Записокъ Болотова» должна быть выдѣлена изъ книгъ (7-й по 12-ю, 1871 г.), къ которымъ она

приложена и переплетена въ одну книгу съ первою половиною (прилож. къ 1-й по 6-ю кн. 1871 г.). Въ концѣ второго тома «Записокъ Болотова», какъ и при первомъ—помѣщено подробное, особое оглавленіе книги.

II. Рисунокъ: „Дѣдушка русскаго флота“, ботикъ Петра Великаго (прилож. къ стр. 463—482).

III. Меморіалъ корабельнаго подмастерья Пальчикова съ собственноручными резолюціями Петра Великаго: хромолитографическій снимокъ (прилож. къ стр. 465—466).

Примѣчаніе для переплетчика. Всѣ двѣнадцать книгъ «Русской Старины» каждаго года должны быть переплетаемы въ три книги: въ первую—шесть первыхъ мѣсяцевъ; во вторую — шесть остальныхъ, а въ третью — изо всѣхъ двѣнадцати—приложеніе т. е. «Записки Болотова»; приложеніе 1871 г. составляетъ второй томъ этихъ записокъ съ особымъ оглавленіемъ. Алфавитный указатель ко всѣмъ Запискамъ Болотова будетъ помѣщенъ при ихъ концѣ.

Внѣшность книги (шрифтъ, печать и бумага) вполнѣ безукоризненная: изданіе изящное, исполненное съ большимъ вкусомъ и даже роскошью; довольно сказать, что, какъ мы слышали, оно обошлось издателю г. Пастухову болѣе 10 т. руб.

Книга г. Полевого полезна не только для массы русскаго образованнаго общества, но также и для библіотекъ и учебныхъ заведеній; вмѣстѣ съ этимъ, она можетъ служить прекраснымъ подаркомъ, лучшею наградою для прилежныхъ и способныхъ учениковъ и учениць, разумѣется, высшихъ классовъ. За границей, подобныя книги выдерживаютъ десятки изданій.

Отдавъ полную справедливость достоинствамъ «Исторіи рус. литер.», мы не можемъ скрыть и недостатковъ. Эти послѣднія состоятъ въ неполнотѣ и неудовлетворительности нѣкоторыхъ отдѣловъ книги: именно тѣ изъ нихъ, которые составлены по статьямъ плохимъ оказались и въ трудѣ г. Полевого плохими; притомъ есть и существенные пропуски — напр. о Радищевѣ, Мартинскомъ (Бестужевѣ) и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ дѣятеляхъ въ исторіи родной словесности читатель не найдетъ у г. Полевого ни единаго слова. Во всякомъ случаѣ русское общество будетъ благодарно и г. Полевому и лицу давшему ему средства на изданіе — за ихъ цѣнный подарокъ.

Лѣтопись по Ипатскому списку. Изданіе Археографической коммиссіи. Спб. 1871. Печ. В. Головина. 8°. стр. 4 неи. IX. 616, 38, 28, 12 и 1 неи. Ц. 3 р.

Почему избранъ Ипатскій списокъ въ основу, а Хлѣбниковскій и Погодинскій — для варіантовъ — въ предисловіи точно не объяснено. Почему изданіе Тимковскаго, это прекраснѣйшее хотя, въ тоже время, и сѣрѣйшее изданіе «повѣсти временныхъ лѣтъ», не принято даже и для соображеній, предисловіе также умалчиваетъ. Отчасти вслѣдствіе этого вкрались нѣкоторыя ошибки и неточности, напр: Восланимъ вм. Слонимъ; о (омега съ двоеточіемъ — от) вм. от, оступиста вм. отступиста; двойные предлоги не различены; нѣкоторыя титла не раскрыты; въ указателѣ встрѣчаются неточности, да и вообще указатель составленъ — не вполнѣ удовлетворительно, есть достаточно опечатокъ, и пр. Впрочемъ, всѣ эти погрѣшности выкупаются фотолитографическимъ снимкомъ повѣсти временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку: это — отдѣльная книга, стоющая 4 р. Мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ запастись этимъ въ высшей степени замѣчательнымъ изданіемъ, тѣмъ болѣе, что отпечатано весьма малое число экземпляровъ. Самая книга — фотолитографическій снимокъ Нестора — обязана появленіемъ въ свѣтъ энергіи уважаемаго предсѣдателя Археограф. Коммиссіи П. А. Муханову: изданіе и предпринято, и выполнено по его мысли, и выполнено прекрасно.

Изданіе этого древнѣйшаго памятника отечественной исторіи исполнено въ картографическомъ заведеніи Топографическаго отдѣла Главнаго Штаба; «такимъ образомъ,—какъ справедливо замѣчено въ предисловіи: занимающимся историческими и филологическими изслѣдованіями предоставлена возможность имѣть въ своихъ рукахъ какъ бы подлинную рукопись». Снимокъ оттиснутъ въ два столбца, на 195 стран. и съ поразительною отчетливостью и чистотою воспроизводитъ древній списокъ лѣтописи. Вообще появленіе этого снимка составляетъ въ Россіи эпоху въ изданіяхъ историческихъ памятниковъ; оно не можетъ не повліять, въ самомъ хорошемъ смыслѣ, — на весь характеръ этихъ изданій, не можетъ не усилить тщательности и осторожности при ихъ печатаніи; наконецъ воспроизведеніе фотографіей древнѣйшихъ рукописей — весьма расширитъ средства палеографическихъ, филологическихъ и иныхъ изысканій.

Одновременно съ Ипатскимъ спискомъ, Коммиссія издала 5-й выпускъ «Лѣтописи» своихъ занятій, обнимающій четыре года (1866 — 1870). Слѣдуетъ пожалѣть, что Коммиссія рѣшилась, между прочимъ, помѣстить опись историческихъ документовъ Несвижскаго архива — по столь неисправному списку, въ которомъ книги названы отдѣлами, а страницы — книгами; вслѣдствіе этого является, напр., 438-я, 546-я книга и т. д., между тѣмъ какъ въ отчетѣ Н. И. Костомарова, тутъ же напечатанномъ, говорится, что такихъ книгъ въ Несвижскомъ архивѣ всего-на-все около 100 (вѣрнѣе — около 70). Впрочемъ есть и другіе промахи, порожденные дурнымъ спискомъ.

Александръ Васильевичъ Гумилевскій. Спб. Тип. Эттингера, 1871, б. 8°, XXVIII, и 358 столбц. Ц. 1 р. 50 к.

Подробный біографическій очеркъ, съ приложеніемъ: портрета, факсимиле, списка сочиненій и пѣсень. Составилъ С—овъ. Изданіе Александра Соколова. Безъ предварительной цензуры.

Увлекательно, горячо написанная біографія о. А. В. Гумилевскаго, извѣстнаго не только всему Петербургу, но и большинству образованнаго и читающаго русскаго общества. Чтеніе этой прекрасной книги назидательно для каждаго, а для нашего духовенства — просто обязательно. Покойный Гумилевскій, своею общественно-церковною дѣятельностью, явилъ высокій образецъ не только для пастырей («подвигомъ добрымъ подвизатися»), но и для учащагося юношества.

О ПОДПИСКѢ
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г., третій годъ изданія.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ **Санктпетербургѣ** и **Москвѣ**, — **восемь рублей** за весь годъ, т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ** «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова** (**Невскій проспектъ, 30**); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, **д. Алексѣева**.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно въ** Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и д. Трута, кв. № 12.**

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому**: въ **С.-Петербургѣ, въ редакцію «Русской Старины»**.

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, Тарасова, Лагарпа, **М. А. Бестужева**, и архивовъ кн. Голенищева-Кутузова, кн. Щербатова, **кн. Куракиныхъ**, гр. **Стакельбергова**, свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго**, Шишкова, Бахтина, — записки: гр. **Г. П. Чернышова**, адмир. Колзакова, зап. **И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго** (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго**, кн. Барклай-де-Толли, кн. **А. А. Шаховскаго**, партиз. **Дениса Давыдова**, **И. Н. Скобелева**, **В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); генерала **Фелькнера**, ак. жив. **А. В. Ступина** (1776 — 1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича**; автобіографія академика **Витберга**; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго**; **С. Н. Глинки**; **К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); **Н. В. Берга**: воспомин. о Гоголѣ; записки **Н. В. Веригина** и др. Письма **Волынскаго** и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ—**А. Г. Пупарева**; письма гр. **Бестужева-Рюмина**, гр. **Паниныхъ**, **Сальдерна**, **Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II**; письма императоровъ: **Павла I**, **Александра I**, цесар. **Константина**; императр. **Елизаветы Алексѣевны**; **Кулибина**; гр. Аракчеева, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова**, мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховитинова**; неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова**, **К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова**, **Жуковскаго**, **Туманскаго**, **Языкова**, **Рылѣева**, **Пушкина**, неизданные отрывки изъ Мертвыхъ Душъ **Н. В. Гоголя**; статьи **В. Н. Каразина**; сообщенія акад. **А. Ѳ. Бычкова**, **Я. К. Грота**, **М. П. Погодина**, **П. К. Щебальскаго**; статьи: профес. **И. Д. Бѣляева**, **Н. С. Тихонравова**. **Г. Н. Геннади**, кн. **Голицыныхъ**, **Е. П. Карновича**, **М. Н. Лонгинова**, проф. **Брикнера**, **Н. П. Дурова**, Сообщ. **А. М. Княжевича**. **П. А. Муханова**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго**, **А. П. Заблоцкаго**, **Н. И. Панова**, **Н. Н. Селифонтова**, **Ѳ. К. Опочинина**, **Д. И. Скобелева**, **И. П. Корнилова**, **К. П. Колзакова**, **Н. Ѳ. Крузе**, гр. **З. К. Чапскаго**, кн. Гагарина, **В. А. Краснокутскаго**, **А. В. Фрейганга**, **А. Н. Петрова**, **М. И. Богдановича**, бар. **Ѳ. А. Бюлера**, **М. Ѳ. Бороздина**, **Н. Д.** и **Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ** и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя **Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, **генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.**

Отвѣтств. изд.-ред. **В. Семевскій.**

Wm JUN 11 '45
MAY 5 '56 H
DEC 10 '57 H
DEC 9 '60 H